

НЕГЛАСНЫЕ ВОЙНЫ

*История специальных служб
1919-1945*

в трех томах

И. И. Ландер

НЕГЛАСНЫЕ ВОЙНЫ

*История специальных служб
1919-1945*

в двух книгах:

Книга первая
Условный мир

Книга вторая
Война
(в двух томах)

"Друк"
Одесса, 2007

И. И. Ландер

НЕГЛАСНЫЕ ВОЙНЫ

*История специальных служб
1919-1945*

Книга вторая
Война
том первый

"Друк"
Одесса, 2007

УДК

ББК

Научный редактор — И. Н. Шкляев, Одесский национальный университет

Художник — А. В. Резников, Одесса

И.И. Ландер. Негласные войны. История специальных служб 1919-1945

Комплексная история спецслужб мира в межвоенный период и в годы Второй Мировой войны. Исследуется эволюция разведывательных, контрразведывательных и криптоаналитических органов различных государств мира, описываются их структуры, персоналии, проводимые операции. Изобилует эксклюзивным материалом, в частности, по спецслужбам Франции, Швейцарии, Швеции, Польши, Чехословакии, Китая, Японии, Канады, Румынии, Голландии, Португалии, Ватикана, латиноамериканских республик. Много места уделено отечественным оперативным органам. Книга написана с использованием многочисленных источников, в том числе архивных материалов. Большинство сведений никогда не обнародовалось на русском языке, часть из них не появлялась и в открытой печати за рубежом. Может служить полноценным пособием энциклопедического уровня по истории спецслужб и в то же время представляет интерес для широкого читателя, интересующегося историей 20-го века.

Илл. 504, карт 14, библиография 640 назв.

ISBN
ISBN

© Ландер И.И.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ВТОРАЯ. ВОЙНА

Часть 1. Британские острова	7
1. Внешние операции	8
2. Внутренние операции	58
3. “20-й комитет”	78
Часть 2. Оккупированная Европа	95
ПОЛЬША	96
“НИЖНИЕ ЗЕМЛИ”	117
1. Фиаско в Голландии	117
2. Неизвестная Бельгия	135
СКАНДИНАВСКИЙ ПЛАЦДАРМ	142
ФРАНЦИЯ	156
1. Странная война	156
2. Поражение	159
3. “Свободная Франция”	180
4. Соперничество	188
5. Союзники	196
6. Освобождение	204
ЧЕХИЯ И СЛОВАКИЯ	210
БАЛКАНЫ	228
“КРАСНЫЙ ОРКЕСТР”	245
Часть 3. Агрессоры в Европе	273
ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК	274
1. Структура	274
2. Радиоразведка	303
3. Проникновение	310
4. Удар с Востока	319
5. Финал	333
ИТАЛИЯ	338
1. Младший партнер	338
2. Смена коалиции	350
3. Союзники	356
САТЕЛЛИТЫ И СОЮЗНИКИ	365
1. Болгария	365
2. Румыния	380
3. Венгрия	390
4. Финляндия	398

Часть 4. Нейтральные государства	407
ШВЕЙЦАРСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ	408
1. Разведывательный оазис	408
2. “Красная тройка”	431
ШВЕЦИЯ	446
1. Структура	446
2. “Der Geheimschreiber”	451
3. Операции	453
ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ	469
1. Испания	469
2. Португалия	477
3. Гибралтар	486
ВАТИКАН	491
СВОБОДНОЕ ИРЛАНДСКОЕ ГОСУДАРСТВО	504
Часть 5. СССР	523
1. Начало	524
2. Контрразведка 1942 – 1943	537
3. Контрразведка 1943 – 1945	558
4. Военная разведка	588
5. Внешняя и зафронтовая разведка 1942 – 1945	599
6. Сепаратистские движения	611
7. Союзники	623
Примечания	637

ЧАСТЬ 1

БРИТАНСКИЕ ОСТРОВА

1. ВНЕШНИЕ ОПЕРАЦИИ

Британская империя вступила в новую войну, как и в прежнюю, несколько неожиданно для немцев. После вторжения в Польшу Гитлер вплоть до последнего момента надеялся, что лондонский кабинет “умиротворителей” во главе с Нельсоном Чемберленом ограничится громогласными заявлениями и дипломатическими демаршами. В самом деле, 1 сентября 1939 года, когда вермахт уже вклинился вглубь польской территории, британский МИД всего лишь предъявил Берлину ноту протеста, и только 3 сентября англичане решились на ультиматум. Объявленное после этого состояние войны также не побудило Чемберлена приступить к наступательным действиям против агрессора, и даже в речи от 20 января 1940 года один из видных “мюнхенцев”, министр иностранных дел Галифакс заявил: “Единственная причина, почему мир не может быть заключен завтра, состоит в том, что германское правительство до сих пор еще не проявило готовности возместить ущерб, нанесенный соседним странам, а также не доказало всему миру, что любое его обязательство стоит больше, чем бумага, на которой оно написано”¹. Но немцы уже и сами не желали возврата к миру с Британией, о чем можно было догадаться еще в самый в день объявления войны 3 сентября 1939 года, когда германский флот потопил мирное судно “Атения” с ничего не подозревавшими несчастными пассажирами. В эти критические дни британский премьер переживал личную трагедию крушения созданной им “мюнхенской” системы, и эта малая беда в значительной степени заслонила для него большую беду всего народа. Даже в речи по поводу начала войны в Европе он не преминул посетовать: “Все, ради чего я работал, все, на что я надеялся, все, во что верил на протяжении своей политической деятельности, лежит в руинах”². Однако ни англичан, ни тем более остальной мир не интересовали его рефлексии, значительно более важными были явные надежды премьера на какое-то политическое решение вопроса. Чемберлен рассчитывал спасти положение с помощью новых уступок агрессору, своего рода “второго Мюнхена”, что и послужило основной причиной бездействия отправленного в Европу британского экспедиционного корпуса. Момент удара в незащищенную спину рейха был безвозвратно упущен, и это роковое промедление стало одной из причин, приведших к разрастанию первоначально локальной войны в мировую и гибели в ней десятков миллионов жертв. После падения Польши вермахт остановился и никуда не двигался, бездействовали и англо-французские войска. Гитлеру требовалась пауза для наращивания сил, и он получил ее в виде так называемой “странной”, “фальшивой” или “сидячей” войны, длившейся до мая 1940 года. Военные специалисты Великобритании и Франции рекомендовали провести практически беспроблемную крупномасштабную десантную операцию на севере Германии, для чего требовалось использовать порты Норвегии. Абсолютное превосходство союзных флотов на море позволяло высадить значительные соединения экспедиционных войск, способных быстро дойти до Берлина по не прикрытой какими-либо значительными силами вермахта территории. Однако правительства обоих государств проигнорировали этот план кампании.

Британская военная доктрина в тот период полагала возможным достичь победы над Германией без проведения широких операций наземных войск. Высшее военное руководство страны рассчитывало, что для сокрушения противника будет достаточно морской блокады, стратегических воздушных бомбардировок и широкомасштабных диверсий и саботажа. Даже в мае 1940 года начальник имперского генерального штаба докладывал Военному кабинету: “Германия все еще может быть побеждена экономическим давлением, комбинацией ударов с воздуха на объекты экономики в Германии и на моральный дух немцев, и организацией широких восстаний на завоеванных ей территориях”³. Не касаясь первых двух элементов, следует отметить, что обеспечить третий из них британские спецслужбы оказались явно не в состоянии. Разобщенные диверсионные подразделения СИС и военной разведки не координировали свои усилия и вообще не знали, как подступиться к данной проблеме. Собственно, правительство и не ставило перед ними задачу развертывания беспощадной тайной войны, поэтому такая весьма дорогостоящая деятельность, как подрывные и диверсионные операции финансировалась весьма скудно. Отдача была соответствующей.

Несмотря на это, в подсекции оперативной техники секции “Д” СИС в этот период разработали две важные технические новинки, заложившие материальную основу, как минимум, половины будущих диверсионных операций. Ее специалисты усовершенствовали разработанные в разное время немцами и поляками примитивные и громоздкие конструкции взрывателей замедленного действия и смогли создать весьма рациональные и компактные образцы. Кроме того, в лабораториях секции была разработана удобная и мощная пластичная взрывчатка, значительно расширившая спектр возможного применения самодельных взрывных устройств. Не остались в стороне от технического прогресса в столь специфичной области и военные. В техническом подразделении МИ(Р) были созданы компактные ручные магнитные мины, в дальнейшем широко применявшиеся английскими диверсантами. МИ(Р) также проводила разведку в ряде регионов мира. Ее офицеры отправлялись в Лагос (капитан Родд, июнь 1940 года), на Азорские острова (июнь 1940 года, рекогносцировка), в Бельгийское Конго (июль 1940 года, миссия № 19), в Абиссинию (миссия № 101), в Ливию (миссия № 102), в Южную Америку (миссия № 103, инспекция британской диаспоры в регионе), в Австрию (миссия № 104), на Канарские острова (миссия № 105), в Аден (миссия № 106) и в Кению (миссия № 107).

Обе родственные структуры попытались установить контакты с коллегами за рубежом, для чего направили своих представителей в Париж и в столицы тогда еще независимых Прибалтийских государств, однако значимых результатов не достигли. Офицера связи секции “Д” с 5-м бюро майора Л. А. Л. Хамфри французы просто игнорировали и в июне 1940 года даже не включили в эвакуационные списки, вследствие чего он едва успел покинуть Париж перед самым вступлением в него германских войск. Представители секции в различные периоды времени работали в Швеции, Норвегии, Нидерландах и Испании, но без каких-либо заметных результатов. Заметно лучше диверсанты СИС показали себя на Балканах, где секция “Д” создала три точки: в Белграде (Джулиус Ханау, он же “Цезарь”, настоящая фамилия Хэннон), в Стамбуле (подполковник С. У. Бэйли) и в Греции (Артур Гудвилл). Последний также часто действовал в Каире, где летом 1940 года британцы создали региональную командную структуру по Ближнему и Среднему Востоку. Такое решение являлось более чем оправданным, поскольку в рассматриваемый период все ожидали вступления Италии в войну на стороне Германии и соответственно готовились к перехвату ее коммуникаций на Средиземном море. С целью организации работы точки секции “Д” в Каире заместитель Гранда майор Дж. Ф. Тэйлор одним из последних прямых рейсов доставил в Египет специальное снаряжение для проведения диверсий. Осенью 1940 года Гудвилл покинул пост представителя секции “Д” в Каире передал его Джорджу Поллоку. Подготовка диверсантов СИС к действиям в Скандинавии и на Дунае описана в соответствующих главах, здесь же рассматривается только ее организационная структура. Правда, она неоднократно пересматривалась, и приводить в данной книге всю динамику просто нет никакой возможности. В частности, в один из периодов 1940 года она выглядела следующим образом:

- административное подразделение;
- подразделение планирования с подсекцией планов саботажа;
- обеспечивающее подразделение с подсекциями связи, технической, пропаганды и кадров;

- исполнительное подразделение с подсекциями по Швеции (D/G), Норвегии (D/J), Венгрии, Балканам и Среднему Востоку (D/H), Абиссинии и пропаганды по Среднему Востоку (D/K) и почтовой цензуры (D/L).

Секция “D” развернула сеть собственных заграничных, не пересекавшихся с системой ПКО и “Z”. Таким образом, разведка обзавелась собственными силовыми подразделениями специального назначения, что до крайности расстроило военных. Армия пожелала не отстать от СИС, поскольку полагала специальные операции делом, которое гражданские непременно провалят. Так возникла идея создания независимого армейского диверсионного подразделения, которая привела к созданию частей “коммандос”, однако к спецслужбам они имели весьма косвенное отношение. Название “коммандос” в англо-бурской войне 1899—1902 годов носили создававшиеся по избирательным округам Трансвааля и Оранжевой республики партизанские отряды буров. Их боевая репутация была настолько высока, что бывшие враги стали теперь именовать так свои собственные элитные части. “Коммандос” подчинялись директору объединенных операций Алану Борну, позднее его сменил Роджер Кейс, в 1941 году передавший дела лорду Луису Маунтбэттену. Эти так называемые “ударные роты” под непосредственным руководством будущего исполнительного директора СОВ Колина Габбинса предназначались для амфибийных действий по принципу “ударить и уйти” и первоначально состояли всего из 21 офицера и 268 солдат. Подготовка бойцов проводилась в школе иррегулярной войны, при этом какое-либо централизованное обучение до 1942 года отсутствовало, каждый отряд “коммандос” тренировал себя сам.

Из рядов “коммандос” вышла еще одна служба специальных операций, идея создания которой принадлежала шотландскому гвардейцу, затем офицеру 8-го отряда “коммандос” Дэвиду Стирлингу, в дальнейшем получившему прозвище “майор-призрак”. Вместе с австралийцем Джеком Льюисом он замыслил создать небольшие подразделения специального назначения из особым образом подготовленных бойцов для выполнения наиболее острых акций в тылу противника. Чтобы убедить начальство в плодотворности этой идеи, Стирлинг незамеченным прокрался мимо охраны главнокомандующего войсками Среднего Востока, но попал к его заместителю генералу Ритчи. Тот поверил майору и добился для него разрешения создать первый отряд, исключительно для дезинформации немцев названный Специальной авиационной бригадой. В британских войсках группа именовалась отрядом “А” и впервые была введена в дело 17 ноября 1942 года в тылу войск Роммеля. Дебют оказался крайне неудачен, из-за непродуманного планирования диверсанты ввязались в бой с немцами и из 66 человек потеряли 44. Это стало серьезным уроком на будущее, и из небольшого отряда впоследствии выросла существующая и поныне Специальная авиационная служба (САС). Флот обзавелся аналогичной Специальной лодочной службой (СБС). Однако все перечисленные подразделения не вели оперативной работы, а являлись чисто боевыми структурами.

Стратегическая агентурная разведка в рассматриваемый период осуществлялась силами МИ-6. Как уже отмечалось, в непосредственно предшествовавший войне период СИС значительно больше внимания уделяла коммунистической угрозе, нежели агрессивно развивающемуся нацизму. Если в первой половине 1930-х годов это предпочтение еще могло быть оправдано, то после 1938 года, когда ситуация в Европе стала ясна даже не слишком проникательным журналистам, такой подход к проблеме был крайне легкомысленным. Как следствие, правительство получало от МИ-6 информацию весьма низкого качества, в период с 1936 по 1939 годы даже парламентский Комитет по иностранным делам использовал ее данные всего дважды. Все это имело вполне логическое объяснение. Главным источником застоя в работе британской разведки являлся ее руководитель, адмирал Синклер, ориентировавший всех подчиненных в соответственном духе. Почти сразу же после начала войны, 4 ноября 1939 года “Си” умер, и это послужило для правительства удобным поводом попытаться реформировать МИ-6. Сразу же встал вопрос о преемнике адмирала.

Еще в 1919 году главы трех военных ведомств договорились о ротационном принципе заполнения ключевого поста начальника разведки представителями армии, авиации и флота. Поскольку с 1909 года СИС возглавляли моряки, естественным шагом стало бы назначение на эту должность сухопутного или авиационного офицера, однако в условиях войны правительству было уже не до ведомственных амбиций. Чемберлен предложил кандидатуру опять-таки моряка, недавно принявшего пост руководителя морской разведки Джона Годфри, но реализовать свою идею не смог. На пост главы СИС был назначен человек, которого сам Синклер назвал министру иностранных дел лорду Галифаксу в качестве своего желаемого

Стюарт Мензис

преемника — начальник военной секции МИ-6 полковник Стюарт Грэхем Мензис, в последние месяцы исполнявший обязанности заместителя начальника разведки.

Это был заслуженный офицер, в дальнейшем генерал-майор, кавалерист Первой мировой войны, кавалер орденов Бани II степени, “За отличную службу” и “Военного креста”. Существовал и дополнительный специфический фактор, выделявший Мензиса из среды прочих военных. В английском обществе его с немалыми основаниями считали внебрачным сыном короля Эдуарда VII, что косвенно подтверждалось тесными связями разведчика с королевским двором. Мензис был весьма коммуникабельным и светским человеком, ярко выраженным кабинетным работником и прирожденным интриганом, знатоком виски и любителем верховой езды. Внешняя светскость и уступчивость полковника были

обманчивы, современники сравнивали его с “гранитом в мягкой упаковке”⁴. Начальник разведки не любил повседневной работы и не вникал в детали, предоставляя инициативу подчиненным. При вступлении в должность он заявил сотрудникам: “Не надейтесь, что я буду читать все, что попадает ко мне на стол”⁵. Своей главной задачей Мензис считал укрепление позиций СИС, которая и в самом деле нуждалась в срочной поддержке, прежде всего финансовой, и выдвинул условием своего назначения увеличение бюджета разведки до 700 тысяч фунтов. Оно было принято, и полковник приступил к работе. В январе 1940 года он назначил своим заместителем Валентина Вивиана (DC/SS), а помощниками Клода Дэнси (AC/SS) и Джеймса Маршалла-Корнуолла. Это кадровое решение нового руководителя МИ-6 было весьма неудачным и в дальнейшем создало ему массу проблем. Весьма конфликтный по характеру Дэнси претендовал на освободившийся после смерти Синклера пост, и это заранее предопределило возникновение в руководстве разведки скверного психологического климата. В довершение проблем обязанности заместителя и помощника “Си” не были четко разграничены и служили предметом бесконечных споров и административных войн за влияние в службе и за ее пределами. В ведении Дэнси оказались все операции в Западной Европе и его любимой Швейцарии, без какого-либо изъятия в части контрразведки. В то же время курировавший контрразведывательную (V) секцию Вивиан полагал все проводимые против спецслужб противника оперативные мероприятия своей епархией, что не могло не привести к регулярным столкновениям. Офицеры оперативных секций “G” видели в Вивиане всего лишь не слишком удачливого контрразведчика и предпочитали по всем вопросам обращаться к Дэнси. Фактически заместитель директора СИС оказался отстраненным от планирования и контроля за деятельностью разведки, а из-за жесткого и подавляющего характера соперника Вивиан старался избегать встреч с конфликтным и агрессивным коллегой. В отношении квалификации обоих полковников существуют различные, подчас полярно противоположные мнения. Безусловно, в пользу Дэнси говорили его 22-летний стаж в разведке и предшествовавшая работа в МИ-5. Некоторые даже считали его единственным профессионалом в СИС. Однако другие отмечали узость общего и оперативного кругозора помощника начальника разведки, его устаревшие взгляды на агентурную работу, пренебрежение контрразведкой и обеспечивающими направлениями деятельности. Например, Джеймс Лэнгли, возглавлявший в МИ-6 подразделение по выводу агентов с территории противника, вспоминал, как после его отчета о работе и взаимодействии с МИ-9 Дэнси чеканно произнес: “Просто слушай меня и не задавай дурацких вопросов. Типы вроде тебя причиняют мне массу неприятностей в Бельгии и Франции... Работа моя и моих агентов заключается в сборе информации о намерениях и деятельности немцев, а не в том, чтобы нянчиться с людьми, которым, судя по всему, не по силам самостоятельно вернуться обратно”⁶. Полковнику было не занимать силы духа, но под его управлением британские разведчики потерпели больше провалов, чем под чьим-либо другим. Зато не слишком удачливый администратор Вивиан для многих был образцом человека высокой квалификации и одним из наиболее успешных руководителей и организаторов агентурных операций. Роль заместителя руководителя МИ-6 в военной перестройке ее структуры весьма велика, и возможно, что лишь благодаря ему служба не оказалась поглощенной конкурентами и сохранила самостоятельность. У Мензиса не хватало твердости характера или желания для того,

чтобы принудить строптивых офицеров принять его кадровое решение, как должное. Кроме того, его поглощенность вопросами ПШКШ/ШКПС была столь велика, что почти не оставила времени на проблемы собственно СИС. Вероятно, отчасти по этой причине, а отчасти от нежелания продолжать играть роль арбитра в конфликтах между двумя подчиненными, Мензис отчасти устранился от них. Все это, безусловно, не облегчало работу центрального аппарата разведки, но поскольку по состоянию на осень 1939 года он насчитывал менее трех десятков человек, являлось пока терпимым.

Несмотря на конфликты в высшем руководстве СИС, работать требовалось и оперативным, и неоперативным секциям, в деятельности которых имелось немало ограничений. Добывающим подразделениям запрещалось заниматься оценкой полученных сведений, в особенности это касалось политической разведки. Каждая секция имела в своем составе подсекции, обозначавшиеся буквами алфавита, причем в большинстве секций подсекции с одинаковыми обозначениями выполняли сходные функции. Региональные оперативные секции “G”, которых к началу войны насчитывалось восемь, руководили резидентурами и контролировали их оперативную деятельность. При этом всегда неукоснительно соблюдалось известное правило “третьей страны”, то есть резидент никогда, ни при каких условиях не работал против страны своего пребывания. Стремительное продвижение вермахта вскоре сделало существование трех из восьми оперативных секций бессмысленным в прежнем виде, поэтому было принято решение отозвать сохранившихся резидентов в Британию и в качестве “третьей страны” использовать собственную территорию. Это повлекло некоторые изменения в количестве и статусе секций “G” и соответствующую корректировку их обозначений. В штате разведки появились секции “A1” (Германия), “A2” (Нидерланды и Дания), “A3” (Бельгия), “A4” (Франция и Польша — действия через оперативные возможности эмигрантских спецслужб этих государств), “A5a” (Франция, Гибралтар и Танжер). Из прежнего списка секций “G” сохранились “G2” (Дальний Восток, Северная и Южная Америка), “G4” (Аден, Ирак, Иран и Западная Африка), “G5” (Испания и Португалия), “G7” (Египет, Мальта, Палестина и Турция) и “G8” (Швеция, Финляндия и СССР). В конце 1940 и начале 1941 года задачи секций “G4” и “G7” были возложены на ближневосточный центр СИС, а работу “G2” разделили между собой БСК в Нью-Йорке и разведорган при главнокомандующем в Дели (позднее в Канди). Таким образом, из географических секций в СИС остались только секции “A” и две из секций “G”, работа которых была серьезно нарушена военными действиями. Это заставило руководство разведки вновь предпринять реорганизацию своих оперативных подразделений. Вместо прежних секций “A” и “G” были созданы секции “P” (от слова “Production” в значении производства разведывательной информации). Их областями ответственности являлись:

- “P1” — Франция;
 - “P1a” — Французская Северная Африка;
 - “P1b” — оккупированная и свободная зоны Франции;
 - “P1c” — связи с комитетом “Свободная Франция”;
- “P2” — Иберийский полуостров;
- “P3” — Швейцария;
- “P4” — Италия;
- “P5” — Польша и агентурные сети польской разведки во Франции;
- “P6” — Германия и работа с агентом “A-54”;
- “P7” — Бельгия;
- “P8” — Нидерланды;
- “P9” — Скандинавия;
- “P13” — Прибалтийские государства;
- “P15”, она же западноевропейская секция МИ-9;
- “P19” — фотографическая в интересах агентурной разведки. (Ее следует отличать от подсекции аэрофоторазведки, в 1940 году переданной из МИ-6 в ВВС).

Сферы ответственности не перечисленных секций “P” в открытых источниках не публиковались. Имеются основания полагать, что они просто не создавались.

Следует признать, что ни одно из подразделений разведки не могло быть признано адекватным создавшимся условиям, за исключением, возможно, цензурного. Первоначально наиболее слабой из всех ее секций была V (внешней контрразведки). В самом начале войны в ней работало три офицера и секретарь, а после падения Франции — всего лишь шесть

человек, ориентированных практически исключительно против Германии. Ее небольшая подсекция “А” теоретически призвана была бороться с коммунистическими разведывательными службами, но в результате создания IX секции она полностью прекратила свою работу. В дальнейшем наиболее успешные операции СИС военного периода были проведены именно внешней контрразведкой, однако это произошло много позднее. К этому времени контрразведчики СИС получили в свое распоряжение такой бесценный инструмент, как дешифровки радиোগрам германских спецслужб, и наряду с МИ-5 активно участвовали в оперативных играх с противником. Осенью 1942 года в V секции работали уже 24 офицера, из них половина в центре, а половина — в резидентурах за рубежом. Увлечение МИ-6 внешней контрразведкой было столь велико, что вызвало даже нарекания со стороны разведорганов армии и ВМС, полагавших, что оно осуществляется в ущерб деятельности по сбору разведывательной информации. В 1944 году штат центрального аппарата V секции состоял из 60 офицеров, примерно столько же работали в различных заграничных. Организационная структура этого подразделения также значительно усложнилась. В 1941 году она состояла из пяти географических подсекций, два года спустя к ним добавились еще четыре функциональных: двойных агентов и дезинформации, линий связи противника, советского шпионажа и коммунизма и безопасности (имелась в виду собственная безопасность СИС). На пике своего развития в конце 1944 года структура V секции вновь несколько изменилась:

- подсекция Va (Дальний Восток, Тихий океан, Северная Америка, Южная Америка, связь с Индийской политической разведкой);
- подсекция Vb (Франция, Корсика, Андорра, Бельгия, Нидерланды и Люксембург);
- подсекция Vc (документация, Лондонский центр сбора донесений, некоммунистические подрывные движения);
- подсекция Vd (Иберийский полуостров);
- подсекция Ve (Венгрия, Румыния, Италия, Балканы, Ближний и Средний Восток, СССР);
- подсекция Vf (Германия, Польша, Чехословакия, Скандинавия, Исландия, Гренландия);
- подсекция Vh (цензура — разведывательная информация, поступающая от секции “Н”);
- подсекция Vi (картотека V секции);
- подсекция Vx (агенты-двойники);
- подсекция SP/SD (безопасность, работа по поручениям DD/SP — заместителя директора МИ-6, курирующего вопросы собственной безопасности⁷).

Однако в первой половине войны до такого развития внешней контрразведке было еще очень далеко, пока же она страдала серьезными пороками, ничем не отличаясь от остальных подразделений СИС, да и от всех прочих спецслужб Великобритании. Их требовалось срочно исправлять, особенно перед лицом стремительно нарастающей перспективы возможного военного поражения. Период “странной войны” закончился, и под напором вермахта вместе с Западной Европой пал кабинет Чемберлена. Новым премьер-министром стал Уинстон Леонард Спенсер Черчилль, имевший свое, вполне определенное мнение о том, какими должны быть секретные службы. Его романтическое увлечение тайными операциями было для разведки одновременно и благом, и злом, ибо нередко фантазии главы кабинета уводили ее в сторону от реальности и направляли все силы на плохо продуманное направление. Однако в мае 1940 года премьер решительно настроился выяснить, как в действительности обстоят дела в национальных спецслужбах. Это намерение удачно воплотилось в реализацию предложений начальника имперского генерального штаба, который в преддверии возможного вторжения немцев предложил создать единый Исполнительный орган национальной обороны. 9 мая 1940 года, еще до получения официальной аудиенции у короля на формирование правительства, Черчилль согласился с предложением военных. В рамках новой структуры премьер-министр 28 мая сформировал Исполнительный орган национальной обороны (безопасности), фактически комиссию, в задачи которой входило срочно разобраться с положением внутри спецслужб. Его возглавил лорд Суинтон, заместителем руководителя стал Джозеф Болл. В состав “Комитета Суинтона”, как именовался в обиходе Исполнительный орган безопасности, вошли два секретаря, исполняющий обязанности директора Службы безопасности полковник Харкер, полковник Вивиан из МИ-6, полковник Рейнольдс из военного министерства, а также руководители некоторых других

ведомств. Душой комиссии являлся многолетний куратор всех ветвей разведки и контрразведки, министр без портфеля и секретарь Военного кабинета Морис Хэнки. Строго говоря, на состояние дел в разведке он обратил внимание еще в декабре 1939 года, но почти сразу же был отвлечен контрразведывательными проблемами. Хэнки занимался вопросами МИ-5 с марта 1940 года, однако из планировавшейся серии докладов по Службе безопасности он успел сделать только один о результатах проверки СИС, ПШКШ, а также диверсионных подразделений. Черчилль срочно приказал ему оставить в покое разведку и сосредоточиться на МИ-5. Совершенно секретный меморандум лорда-президента Совета от 19 июля 1940 года № WP(40)271 гласил:

“2. В дополнение к председательству в Исполнительном органе национальной обороны (безопасности) лорд Суинтон уполномочен осуществлять исполнительный контроль над МИ-5 и таким образом над контрразведывательной деятельностью в Великобритании.

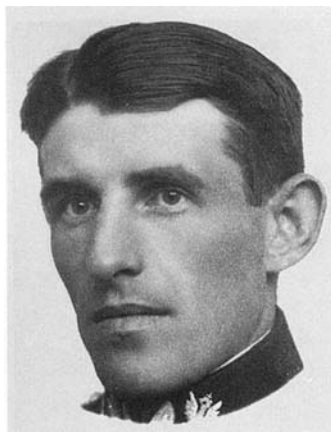
Лорд Суинтон

3. Премьер-министр решил также, что лорд Суинтон, кроме того, должен осуществлять оперативный контроль над МИ-6 в отношении всех действий МИ-6 в Великобритании и Ирландии. МИ-6 будет также продолжать предоставлять в распоряжение лорда Суинтона всю информацию, которая может иметь отношение к деятельности “пятой колонны” в Великобритании и Ирландии”⁸. Результаты такого решения подробно описываются в соответствующей главе.

Возможно, самым важным из решений комиссии стало введение СИС, МИ-5 и Министерства экономической войны в Объединенный комитет по разведке, в котором ранее на правах полноправных членов принимали участие лишь разведорганы видов вооруженных сил.

Тем временем лето 1940 года принесло МИ-6 еще более тяжкие испытания. Разгром англо-французских частей закончился капитуляцией Франции и эвакуацией остатков разбитых британских экспедиционных войск, чудом ускользнувших в районе Дюнкерка, но полностью утративших штатное тяжелое вооружение. Одним из следствий этого стремительного отступления явилась потеря разведкой всей ее европейской инфраструктуры. Еще ранее лишившаяся агентурного аппарата в Австрии, Чехословакии, а затем и Польше МИ-6 сумела теперь сохранить резидентуры только в нейтральных Швеции, Швейцарии, Испании и Португалии. Даже сама эта потеря являлась свидетельством некомпетентности разведки, не сумевшей вскрыть стратегические планы Германии, адекватно оценить оборонительные возможности Франции вообще и “линии Мажино” в частности. СИС своевременно не перевела резидентуры и их источников на работу с нелегальных позиций в условиях войны и нацистской оккупации. Разведка не имела никаких планов восстановления утраченного агентурного аппарата, воссоздания сетей, не отработывала пути и методы заброски новых сотрудников на оккупированную территорию. Едва ли не важнейшие в оперативной работе вопросы связи и финансирования не решались вообще никак. Даже уцелевшие и не порвавшие контактов с разведкой агенты не имели радиопередатчиков, отсутствовали специально выделенные транспортные самолеты для высадки парашютистов, практически не было судов для пересечения Ла-Манша и Па-де-Кале, за исключением единственного траулера “Н51”. Разведка располагала также одним самолетом “Локхид 12А”, однако он предназначался исключительно для аэрофотосъемки. Будущий исполнительный директор СОВЕ Габбинс вспоминал об этом периоде: “Контакты между Британией и оккупированными странами отсутствовали; об обстановке в них не было известно ничего, за исключением случайных отчетов от тех немногих, кому все еще время от времени удавалось вырваться оттуда”⁹. Британцы вынуждены были обратиться за помощью к спецслужбам захваченных немцами государств, чьи правительства в изгнании обосновались в Лондоне.

Более других помогли им поляки. Столица Великобритании была вторым пунктом их эвакуации после Парижа, и за истекшие полгода деятельности II отдел генерального штаба Войска польского, теперь носивший VI номер, не только сохранил, но и приумножил свою оставшуюся на родине агентурную сеть. Руководил разведкой полковник Стефан Майер,

Стефан Майер

Станислав Гано

Генрик Цихон

затем полковник Станислав Гано, а заместителем у них обоих был буквально легендарный разведчик майор Генрик Цихон, в предвоенные годы доставлявший немцам немалые неприятности. Фактически польская агентура, имевшая собственную радиосвязь, долгое время оставалась единственной реальной сетью на континенте, от которой получала информацию МИ-6. Это особое положение предопределило и особый характер отношений VI отдела с СИС. Только польским разведчикам разрешалось использовать собственные шифры и радиопередатчики, в обмен на что они обязались снабжать британского союзника всей добываемой информацией, кроме касающейся исключительно внутривнутриполитических проблем Польши. Польская разведка имела множество агентов по всей Европе и уже к декабрю 1939 года создала полноценные резидентуры с радиосвязью в Будапеште (№ 1), Бухаресте (№ 2) и Каунасе (№ 3). После вхождения Литвы в состав СССР последняя из перечисленных точек была переведена в Стокгольм.

Значительно худшие отношения складывались у МИ-6 с эмигрировавшими в Великобританию голландскими разведчиками. Отношения двух стран омрачил описанный в соответствующей главе прискорбный инцидент в Венло, использованный Берлином в качестве одного из предлогов нападения на страну. Прибывшая в Лондон королева Вильгельмина 19 июля 1940 года решила организовать новую секретную службу, свободную от недостатков ее предшественников. Руководство ей она поручила своему доверенному лицу, бывшему комиссару полиции в Гааге суперинтенданту Франсуа ван 'т Санту, который занимал привилегированное положение при дворе благодаря ранее замятому им крайне неприятному для королевской семьи инциденту. Он также принимал активное участие в эвакуации королевы, а позднее работал ее личным секретарем. Вновь организованная структура получила название Центральной разведывательной службы (ЦИД) и заменила контрразведку (БНВ и ГИД), а также политическую разведку (ПИД).

В итоге долгих согласований в августе 1940 года ЦИД совместно с СИС направила в Голландию своего агента лейтенанта Лодо ван Хаммеля. После благополучного приземления с парашютом через некоторое время он был арестован и казнен вместе с еще тремя участниками голландского движения Сопротивления, что надолго отбило у ЦИД стремление работать с ненадежными британскими коллегами. Состоявшаяся через некоторое время новая попытка стоила жизни еще четырем голландцам, и это привело к тому, что созданная МИ-6 голландская секция фактически бездействовала из-за нежелания другой стороны сотрудничать. Одним из камней преткновения явился вопрос об использовании британских шифров и каналов радиосвязи. Будущее показало, что в своих опасениях ЦИД была абсолютно права. Впечатляющий крах англо-голландской агентурной сети в знаменитой контрразведывательной операции немцев "Нордполь" явился результатом именно провалов в обеспечении безопасности связи и компрометации шифров. Но шла война, и конфронтацию все же следовало прекращать. 14 августа 1941 года ван 'т Санта переместили с занимаемой должности, заменив более управляемым доктором Р. П. Дж. Дерксема, а 5 февраля 1942 года — полковником М. Р. де Брюйном. Отвечавший за связи с голландцами офицер СИС также сменился, причем дважды. На смену не сработавшемуся с партнерами Юэну Рабайянти прибыл Чарльз Сеймур, позднее замененный Джоном Кордо. 1 июля 1942 года ван 'т Сант вновь занял пост начальника ЦИД, но после этого служба просуществовала недолго и 28 ноября того же года

Юэн Рабайнти

уступила место Разведывательному бюро (БИ) под руководством капитана армейского резерва (впоследствии майора) Х. Брокмана. На этом чехарда с начальниками разведки не закончилась. В июле 1943 года из-за сильного сердечного приступа Брокману пришлось подать в отставку, и его место занял майор армии Голландской Восточной Индии Й. Сомер.

С 8 февраля 1940 по середину июня 1941 года правительство Нидерландов располагало параллельной секретной службой для осуществления специальных операций — Диверсионным бюро во главе с Дийксхорном, распущенной ввиду крайней неэффективности. По инициативе министра ВМС вице-адмирала Фурстнера 20 декабря 1941 года вместо него была сформирована подчиненная флоту диверсионная служба с оптимистическим названием Бюро по подготовке к возвращению (БВТ). Его руководителем являлся уже упоминавшийся полковник де Брюйн, который с 5 февраля по 1 июля

одновременно возглавлял и разведку ЦИД. Он оказался более лоялен к англичанам, однако старался сотрудничать исключительно с СОЕ. БВТ не стало последней структурой в нескончаемом ряду реорганизаций голландских спецслужб. 1 июля 1942 года его расформировали и заменили Военным бюро приготовлений к возвращению (БМВТ, иногда использовалась сокращенная аббревиатура МВТ), теперь подчинявшимся не флоту, а армии. Во главе новой службы специальных операций остался де Брюйн. Однако в конце 1943 года МВТ также распустили, а с середины марта 1944 года его место заняло Бюро по специальным операциям (ББО) во главе с давним партнером британской разведки генерал-майором Дж. ван Ооршотом, заместителем которого стал Кас де Грааф, а с осени 1944 года — Й. Клийм. Параллельно с этими структурами действовала также неформальная и никому, кроме военного министра, не подчинявшаяся группа под руководством Эрика Хазельхоф Роельфзема.

Памятуя о печальном предвоенном опыте и провале в Венло, голландцы предпочитали сотрудничать не с МИ-6, а с СОЕ, где для этой цели 20 декабря 1940 года была создана секция “N”. В литературе она часто и не вполне верно обозначается “LC” (от слов “Low Countries”, или “Нижние земли”). В действительности термином “LC” кодировался координатор операций по “нижним землям” капитан 3-го ранга П. Джонс, приступивший к работе на этом посту лишь с конца 1943 года. Его появлению предшествовала подлинная чехарда с региональными руководителями в центральном аппарате СОЕ. Сначала регионом ведал будущий исполнительный директор службы Чарльз Хэмбро, в конце 1941 года занявший пост заместителя руководителя СОЕ и передавший свои функции Гарри Спорборгу. Ввиду меньшей работоспособности и необходимости сконцентрироваться на скандинавских проблемах новый региональный директор вынужден был создать промежуточный пост координатора операций во Франции и “Нижних землях” “D/R”, на который был первоначально назначен Дэвид Кесуик (не путать с его братом Джоном, работавшим на Дальнем Востоке!). После его перевода в ноябре 1942 года на должность политического советника в алжирскую точку СОЕ (“6-е межведомственное подразделение связи” или “Мэссингэм”) новым “D/R” стал Роберт Брук. Он добился разрешения сконцентрироваться на Франции. Иерархическая структура СОЕ сильно зависела от личностей конкретных людей, занимавших в нем регио-

Дэвид Кесуик

нальные посты. Поэтому когда в 1942 году Спорборг перешел на должность политического заместителя исполнительного директора службы, и руководство операциями в Северо-Восточной Европе принял на себя Колин Маквин Габбинс, отвечавший также за оперативную работу и подготовку агентуры, он также не смог в полной мере руководить регионом. В результате в служебной лестнице СОЕ появился директор по Северо-Западной Европе (“AD/E”), руководивший операциями во Франции, “Нижних землях” и Скандинавии, которым стал прибывший из Алжира в марте 1943 года Е. Моклер-Ферримэн. Ему подчинялся “D/R” Брук, которому было приказано сосредоточиться на Франции. “Нижние земли” вновь остались без куратора, и тогда появился пост “LC”, контролировавшего работу секций “T” (Бельгия и Люксембург) и “N” (Нидерланды).

Руководителем “N” первоначально являлся бывший дипломат Р. В. Лэминг, однако этот кадровый выбор оказался явно неудачным. Он конфликтовал в ван ’т Сантом еще со времени одного из судебных процессов в Роттердаме в 1924 году, поэтому о нормальном сотрудничестве этих двух руководителей не могло быть и речи. Покровительство королевы Вильгельмины Ван ’т Санту предопределяло нежелание всего эмигрантского кабинета считаться с секцией “N”. Сотрудничество не удавалось наладить даже после ослабления влияния руководителя ЦИД в середине 1941 года. Лэминг попытался объяснить руководителю “Внутренних сил” Нидерландов принцу Бернхарду, что не верит в профессионализм и порядочность ван ’т Санта и никогда бы не доверил ему жизни своих друзей, однако тот не пожелал поддерживать беседу на эту тему. С течением времени ряд провалов групп Сопротивления по вине ЦИД привели к временному отстранению ее начальника от должности, но не от влияния на королеву. Такое положение дел исключило поддержку СОВЕ весьма влиятельными в Голландии аристократами. К этому времени позиции Лэминга также серьезно пошатнулись. Первым шагом к его отстранению от должности стал провал весной 1941 года операции “Сербониум” по использованию капитанов торговых судов для обеспечения специальных акций. Затем 30 июня в ходе операции “Родиум I” два агента были направлены в Нидерланды на судне, которое истребители люфтваффе заметили в море в процессе перекрашивания его названия. Траулер пришлось вернуть в Ярмут, операция сорвалась. Голландские офицеры-эмигранты отказывались помогать Лэмингу и подбирать агентов для обучения в СОВЕ. Все это привело к тому, что 19 декабря 1941 года он был вынужден передать руководство секцией “N” Чарльзу Сесилу Близарду (“Блант”). В течение еще трех месяцев Лэминг оставался в секции на роли консультанта, а затем был откомандирован по месту прежней службы в Форин офис. Руководивший “N” по 24 февраля 1943 года Близард сразу же добился перевода из “Патриотической школы королевы Виктории” (РВПС) на должность своего заместителя Сеймура Бингэма, который с апреля 1943 года стал его преемником. 26 февраля 1944 года Бингэма тоже отстранили от голландских дел и заменили Р. Добсоном, последним руководителем секции “N”.

Отношения с французскими спецслужбами подробнее рассматриваются в главе, посвященной Франции. Здесь же следует отметить, что с 1940 года они осуществлялись по двум параллельным направлениям: с организациями, признававшими верховную власть комитета “Свободная Франция” и его руководителя генерала де Голля, и со спецслужбами правительства Виши. Вначале МИ-6 пыталась возобновить давние партнерские отношения со 2-м бюро генерального штаба и Службой разведки (СР), однако официальные контакты с коллаборационистским режимом могли лишь дискредитировать Лондон и вряд ли дали бы ощутимые положительные результаты. Тогда в британской столице решили ограничиться осторожным взаимодействием на уровне руководителей секретных служб. Такой шаг повлек за собой массу побочных последствий и послужил предметом раздора как внутри британского разведывательного сообщества, так и с эмигрантским комитетом “Свободная Франция”, в конечном итоге выигравшим эту схватку. Она была непростой. Помощь со стороны СИС и СОВЕ напрямую зависела от отношения британского правительства к де Голлю, которого Лондон на протяжении длительного времени упорно не признавал главой французского правительства в изгнании. Однако к 1942 году центральное место в этом разведывательном партнерстве все же перешло к деголлевскому “Центральному бюро разведки и действия” (БСРА) во главе с полковником Пасси (псевдоним Андре Дежаврена). Их взаимодействие часто омрачалось политическими разногласиями, но имели место и более частные эпизоды, отнюдь не улучшившие отношения между британскими и французскими разведчиками. Наиболее шумным был случай с командующим военно-морскими силами де Голля адмиралом Эмилем Мюзелье, 1 января 1941 года арестованным Особым отделом Скотланд-Ярда по личному распоряжению Черчилля. Поводом для этого послужило заявление бывшего воздушного атташе Франции в Лондоне генерала Розоя, который ненавидел адмирала всеми фибрами души. Следователи предъявили Мюзелье обвинения в том, что он, во-первых, был подкуплен для совершения актов саботажа в ВМС, во-вторых, якобы разгласил информацию о предстоящем рейде на Дакар, послужившую причиной его скандального провала, а в третьих, готовился тайно передать правительству Виши уникальную французскую подводную лодку “Сюркуф”. Де Голль недолюбливал Мюзелье, хотя в свое время вынужден был назначить его на ответственный пост, поскольку отчаянно нуждался в

альтернативе влиятельному и склонному к Виши адмиралу Дарлану. Однако неприязнь не помешала генералу вступить за своего попавшего в беду подчиненного. Дело являлось принципиальным, и он заявил: “Ничем нельзя оправдать оскорбительный арест французского вице-адмирала”¹⁰. Генерал затребовал все материалы обвинения, чтобы лично убедиться в их подлинности, и отметил в копиях писем, якобы написанных командующим флотом, абсолютно немыслимые для выпускника высшего учебного заведения стилистические и орфографические несуразности. Француза интенсивно допрашивали до 8 января, пока де Голль не уведомил офицера связи генерала Эдуарда Спиркса о том, что если адмирала не освободят, он вне зависимости от последствий немедленно разрывает все отношения с Британией и отбывает со своими сторонниками в Алжир или на другую французскую территорию. Тем временем и Особый отдел пришел к заключению о сфабрикованном характере улик против Мюзелье, и 10 января арестованного с извинениями выпустили на свободу. Черчилль лично попросил у него прощения. Де Голль решил разобраться в этой грязной истории до конца. Вскоре выяснилось, что обвинение инспирировали руководитель Службы безопасности (СС) “Свободной Франции” майор Меффер и его подчиненный сержант Коллин, которых за это отправили в тюрьму отбывать наказание. Глава “Свободной Франции” и начальник его секретной службы Деваврен сильно подозревали, что в действительности “дело Мюзелье” спровоцировала британская разведка, возможно, в стоворе со спецслужбами Виши. Подозрение подогревалось неспособностью Меффера вразумительно объяснить, зачем, собственно, ему понадобилось устраивать эту провокацию. Заявление майора о том, что он просто и беспричинно хотел “испортить жизнь Мюзелье”, посеяло дополнительные сомнения. Еще более многозначительным выглядит тот факт, что и Меффер, и Коллин после отбытия наказания были немедленно и без проблем приняты на британскую службу. Тем не менее, никакие улики против СИС в этом деле до настоящего времени не обнаружены.

Прискорбные случаи происходили неоднократно. 9 января 1943 года в помещении БСРА был обнаружен повешенный, предположительно Поль Манозль, которого Пасси подозревал в работе на германскую разведку. Судя по всему, погибший не выдержал форсированных допросов, что вызвало весьма острую реакцию местной полиции. Однако в этом случае британская секретная служба оказалась целиком на стороне своих французских коллег и помогла быстро замять дело. Еще один досадный эпизод произошел после ареста офицерами БСРА на британской территории своего соотечественника, агента МИ-5, и помещения его во французский лагерь. Он оттуда сумел сбежать и отправился прямо в Лондон, где обратился в суд. Затем де Голль снова обиделся на Службу безопасности, обвинившую в работе на советскую разведку Жака Сустеля¹¹, занимавшего тогда должность его офицера связи. В общем, англо-французские отношения были богаты скандалами вокруг разведывательных служб, судя по всему, происходившими главным образом ввиду восприятия официальной Британией де Голля не как представителя великой нации, а как обычного генерала в изгнании. Тот с его обостренным чувством собственного достоинства не мог с этим примириться, и отголоски конфликтов военных лет сказывались на взаимоотношениях двух стран вплоть до 1960-х годов.

Чехословацкая разведка прибыла в Лондон не с пустыми руками и готовой к активной работе, однако 14 сентября 1940 года едва весь ее центральный аппарат (так называемая Особая военная группа) не погиб в полном составе. 2-й отдел располагался в нескольких небольших домиках, там же хранился архив и проживали офицеры со своими семьями. В ходе одного из воздушных налетов на британскую столицу здания были сильно повреждены бомбами и осколками зенитных снарядов, но никто из сотрудников полковника Моравца не пострадал. СИС помогла им перебраться в новый дом, откуда и осуществлялась все руководство оперативной работой чехословацкой агентуры в Европе и Азии.

Главным козырем 2-го отдела был знаменитый агент А-54 (Пауль Тюммель). Эвакуация с континента послужила причиной передачи его на связь сотрудникам чешского движения Сопротивления (УВОД), однако это расширило круг ознакомленных с источником, и в 1942 году его расшифровала немецкая контрразведка. Примитивная маскировка Тюммеля под псевдонимами “доктор Хольм” и “доктор Штейнберг” была быстро раскрыта, и после нескольких драматических арестов и последующих освобождений в конечном итоге он был помещен в концлагерь и в апреле 1945 года казнен. Обстоятельства провала А-54 подробнее описываются в главе, посвященной Чехословакии.

Разведывательное бюро ФД/Е норвежского генерального штаба в Лондоне возглавлял капитан 1-го ранга Финн Нагель (иногда встречающиеся сведения о том, что его главой был Тор Бойе, не соответствуют действительности). Позднее, после образования главного командования норвежскими вооруженными силами (ФО), разведку отнесли к обязанностям возглавлявшегося Альфредом Рошером Лундом бюро ФО II, хотя в течение некоторого времени оба оперативных органа действовали параллельно. Вскоре Нагель стал заместителем Лунда, и путаница с разведывательными структурами норвежцев усугубилась. 9 апреля 1942 года ФД/Е разделилось на пять секций и приняло на себя ответственность за отбор и подготовку агентуры, организацию прикрытия в Великобритании и информирование о контрразведывательных мероприятиях немцев. С 1944 года бюро отвечало за контакты с ОСС. ФО II с этого же времени занималось организацией курьерской службы между Норвегией и Швецией, совместной с СОЕ и СИС вербовкой агентуры, подбором кандидатов из числа норвежцев для зачисления в британские спецслужбы, поддержанием контактов с агентами, содействием в организации радиосвязи и распределением снабжения, а также обработкой и рассылкой разведывательной информации. В 1942 году его штат насчитывал 38 человек, а через год вырос до 83, из которых 53 были норвежцами, а 30 — англичанами. Кроме того, в составе ФО имелось полусамостоятельное бюро ФО IV, отвечавшее за диверсионные операции, в частности, за связь с СОЕ и “Военной организацией” (“Милорг”) движения Сопротивления во главе с Йоханом Рогнесом. Его основная роль заключалась в налаживании регулярного канала переброски агентов и снаряжения на рыболовных судах. Перевозки в Скандинавию стали настолько регулярным и обыденным делом, что этот канал стали называть “Шетландским автобусом” (операция “Шетландский автобус”). Она началась в октябре 1940 года, когда СИС, МИ-5 и СОЕ совместно учредили свою “станцию” на Шетландских островах, первоначально состоявшую из одного офицера, но позднее несколько расширившуюся. В ее функции входила проверка прибывающих норвежских беженцев, допрос тех из них, кто претендовал на роль агентов союзнических спецслужб, подбор кандидатов на вербовку и снабжение направлявшихся к берегам Скандинавии судов. Руководителем операции являлся майор Л. Митчелл, его заместителем — лейтенант Дж. Ховард из МИ-6. Первый рейс “Шетландского автобуса”, доставившего агента в район Бергена, состоялся 22 декабря. Вначале этот канал обслуживали четыре траулера, позднее число судов неуклонно увеличивалось. Во второй половине войны линию обслуживали уже не только рыболовецкие суда, но также торпедные катера и подводные лодки, общим числом до 12. Количество рейсов возросло с 14 в 1940 — 1941 годах до 75 в 1944 — 1945. За период деятельности “Шетландского автобуса” по этому каналу были доставлены на место 319 агентов и 308 тонн различных грузов, эвакуированы 72 агента и 352 беженца. Операции прекращались с наступлением полярного лета и возобновлялись с его окончанием. Норвежское направление стало одним из наиболее результативных в деятельности МИ-6 и МИ-5 во Второй мировой войне.

Последними из эмигрантов, прибывших с собственной секретной службой, были бельгийцы, поэтапно организовывавшие свой эмигрантский кабинет. Первоначально в Лондоне появились лишь два министра — здравоохранения (М. Жаспар) и колоний (М. Влеесхауэр), а основной состав правительства находился пока либо в других государствах, либо на родине, вместе с добровольно объявившим себя узником королем Леопольдом III. Позднее, однако, кабинет министров оказался в Великобритании в полном составе. Бельгийцы располагали двумя спецслужбами. “Сюртэ л’Этат”, или Служба государственной безопасности (СЭ) имела в своем составе секции “действия”, промышленного саботажа, политической войны и связей с СИС, возглавлял ее барон Фернан Лепаж. 2-й секцией генерального штаба Свободной бельгийской армии, впоследствии ставшей его 2-м директоратом, руководили полковник Дьепенрикс и полковник Триест. Обе эти структуры взаимодействовали с британскими коллегами, однако у каждой из них имелись свои предпочтения и неприязни. Отмечалась также их немалая ревность друг к другу.

Военные разведчики изначально взяли курс на сотрудничество с СОЕ и значительно меньше работали с МИ-6. Их отношения с СИС складывались сложно, однако не из-за каких-либо политических или иных пристрастий, а по причине недоверия к профессионализму этой службы. Дьепенрикс был крайне разочарован первым же опытом проведенной совместно с англичанами операции. Выброска агента секции “Д” МИ-6 была произведена столь неточно, что он приземлился не в Дании, а в Германии, причем внутри охраняемой

территории лагеря для военнопленных! После образования ответственной за операции в Бельгии и Люксембурге секции “Т” СОЕ во главе с бывшим, как и многие другие в СОЕ, работником параллельной сети СИС “Z” Эриком Дадсоном 2-я секция выдвинула в качестве условия взаимодействия с ней полный отказ от работы с “Сюртэ”.

Лепаж, напротив, поддерживал самые сердечные взаимоотношения с руководителями СИС и МИ-5, зато не доверял СОЕ, которое полагал временной и непрофессиональной организацией. “Сюртэ” требовало полностью информировать ее обо всех операциях англичан на территории Бельгии или с участием бельгийских подданных, вплоть до деталей и роли отдельных агентов. Само по себе подобное требование доказывало полное непонимание Лепажем сути нелегальных операций, однако он непреложно придерживался его. Разгадка такой линии бельгийской секретной службы была весьма проста: вплоть до 1943 года эмигрантское правительство не верило, что антигитлеровская коалиция сможет одержать победу в Европе и поэтому страховалось от излишней конфронтации с рейхом, резервируя для себя возможности к отступлению. Кроме того, Лепаж знал о проблемах взаимоотношений между СОЕ и СИС, и Габбинсу пришлось убеждать его, что Исполнительный орган специальных операций не конкурирует с политической разведкой, а выполняет совершенно иные задачи. Начальник “Сюртэ” совершенно не доверял “D/R” Дэвиду Кесуику и преемнику Дадсона на посту руководителя секции “Т” Клоду Найту, настаивавшим на требовании заброски агентов в Бельгию без консультаций с ее правительством в эмиграции. Кроме прочего, лондонские бельгийцы понимали, что в случае возвращения на родину им придется встретиться с возникшей там оппозицией, и опасались попадания поставленного англичанами вооружения в руки политически неприемлемых для них групп. Обстановку усугубляли и постоянные конфликты между секциями СОЕ. Секция “Т” получила самостоятельность лишь 19 декабря 1940 года, а до того операциями на территории Бельгии ведала французская секция “F”. Даже после разделения обоих подразделений в обязанности “F” входил надзор за бельгийскими проблемами на протяжении еще почти года. Комплекс неполноценности руководства секции “Т” в отношении своей сферы операций возникал также из-за ограниченного, по его мнению, финансирования. По состоянию на 27 августа 1942 года они получили на оперативные нужды сумму в бельгийских франках, эквивалентную 41907 фунтам, 4 шиллингам и 4 пенсам, тогда как на работу во Франции было выделено 156554 фунта, 16 шиллингов и 1 пенс. Однако с

Клод Найт

учетом того, что Франция превосходит Бельгию по размерам почти в 18 раз, для подобной реакции особых оснований не было. Для сравнения, на операции в 1,4 раза большей Голландии по состоянию на ту же дату секция “N” СОЕ получила всего 25530 фунтов, 5 шиллингов и 4 пенса¹². Первый начальник секции “Т” Дадсон постоянно конфликтовал с секцией безопасности и осенью 1941 года подал в отставку, чтобы избежать принудительного увольнения. Все это не могло не вызывать в организации внутренние конфликты, которые руководители “Сюртэ” прекрасно видели и по этой причине еще меньше доверяли британским коллегам. Лепаж продолжал сотрудничество с МИ-5 и МИ-6, поддерживавшей связь с действовавшей на бельгийской территории группой “Кларенса”. Однако ему волею неволей приходилось взаимодействовать и с СОЕ, поскольку все остальные сети находились на связи с этой организацией.

История бельгийского движения Сопротивления известна достаточно подробно, однако роль британской разведки в ней освещена крайне мало. Обычно историки либо вообще умалчивают о ней, либо, не вдаваясь в подробности, сообщают, что СОЕ встретился в Бельгии с большими проблемами в организации работы. Вероятно, причинами этого являются крайне неприглядные взаимоотношения между специальными службами обоих государств и тяжелые потери, понесенные СОЕ и связанными с ним местными группами в результате контрразведывательной работы немцев. Практически они были ничуть не меньшими, чем в Нидерландах, но в большинстве источников об этом нет ни слова. Из 190 заброшенных в страну агентов¹³ погибли 53¹⁴, без вести пропали 3 и подверглись аресту 84. Тем не менее, в исторических исследованиях масштаб секретных операций в Бельгии обычно замалчивается, утверждается лишь, что главную роль в них играли местные группы Сопротивления, а СОЕ только координировал их действия из Лондона.

Все перечисленные причины привели к разрыву отношений “Сюртэ” с СОЕ почти на год. 12 апреля 1942 года Габбинс доложил исполнительному директору о том, что пришла пора определиться в характере взаимоотношений с бельгийцами. В мае вникший в ситуацию Хэмбро проинформировал Форин офис о своей неуверенности в возможности организации в Бельгии вообще какого-либо движения Сопротивления. В качестве примера он привел внезапный отзыв “Сюртэ” девяти кандидатов на заброску перед самым окончанием их подготовке в учебном центре СОЕ. В организации циркулировали слухи, обвинявшие барона Лепаж в отдаче указания о переправке в Бельгию фотографий и описаний агентов Исполнительного органа специальных операций в качестве индульгенции перед немцами за сопротивление им. Следует отметить, что после войны они были опровергнуты. Отношения между спецслужбами портились все больше. 30 мая в докладной записке на имя министра экономической войны лорда Сельборна Габбинс сообщал, что руководитель “Сюртэ” Фернан Лепаж:

- “(а) Не соглашается на любую активность в Бельгии, не контролируруемую им.
- (b) Не желает осуществлять акты саботажа, по крайней мере, с риском для жизни.
- (c) Не одобряет проведения полувоенных операций либо требует проведения их в контакте с [подпольными] армейскими группами.
- (d) Не обдумывает военные акции в Бельгии, ни британские, ни осуществляемые самими бельгийцами.
- (e) Не желает нанесения повреждений бельгийским промышленным объектам, даже в военное время”¹⁵.

Кроме того, Габбинс обратил внимание министра на заявления заместителя Лепаж, называвшего работников СОЕ убийцами. Далее он указывал, что арестованные в нейтральной Испании бельгийцы быстро выходят на свободу благодаря государственным поставкам туда конголезского хлопка, однако эти связи не используются для облегчения положения агентов СОЕ, находящихся в испанских тюрьмах месяцами. Жалоба Габбинса премьер-министру графу Пьерло не возымела должного результата. Глава кабинета в эмиграции в ответ заявил, что правительство его величества Леопольда III нуждается в руководителе секретной службы, и этим человеком должен быть именно Лепаж. 10 июля 1942 года Габбинс и Сельборн совместно принесли формальную жалобу на действия якобы союзного Лепаж, результат которой оказался неожиданным. В середине августа министр иностранных дел П. Спаак объявил о разрыве отношений с СОЕ в области проведения секретных операций. Работавший всего лишь с начала лета начальник 2-й секции генштаба Анри Бернар проигнорировал данное указание и в конце октября был за это уволен. Одной из мотивировок являлась его излишне пробританская позиция. 5 августа 1942 года состоялась робкая попытка разрешения возникшего конфликта. Стороны подписали “Порядок действий” СОЕ в Бельгии, но этот не устраивавший никого документ так и не был воплощен в жизнь.

Как всегда, разногласия в верхах больше всего ударили по работникам низовых звеньев. Прекращение руководства операциями на территории Бельгии оставило без поддержки уже заброшенных агентов и подпольные группы. Естественно, что “Сюртэ” не могло своими силами обеспечивать их ни транспортом, ни оружием, ни связью, ни документами, ни денежными средствами, и провалы участились. Тогда 29 октября министр экономической войны лорд Сельборн и исполнительный директор СОЕ Чарльз Хэмбро обратились к начальнику имперского генерального штаба Алану Бруку и заявили, что не могут оставить без руководства подпольные группы. Генерал обратился в комитет начальников штабов и Форин офис с соответствующим представлением, наконец, возымевшим силу. Основой возобновления сотрудничества стала согласованная 26 ноября 1942 года формула лорда Сельборна и нового министра обороны и юстиции бельгийского правительства Дельфоссе, согласно которой “Сюртэ” организовала в своем составе подсекцию боевых операций, работающую с секцией “Т” СОЕ и 2-й секцией бельгийского генштаба. В обязанности Исполнительного органа специальных операций вошло обеспечение совместных забросок транспортом и связью. Соглашение выглядело явной уступкой со стороны англичан и стало возможным лишь из-за буквально отчаянного положения Британской империи в конце 1942 года, не позволявшего ей лишиться ни одного, даже самого сомнительного союзника. Впоследствии обнаружилось, что СОЕ и не собирался докладывать бельгийцам обо всех своих операциях на их территории. Ранее это было невозможно, поскольку весь радиообмен миссий организации

осуществлялся по каналам МИ-6, которую не без оснований подозревали в информировании бельгийцев о деятельности своего соперника. Однако после передачи каналов связи СОЕ на его собственный радиоцентр и введения своих шифров эта опасность миновала.

В 1943 году сотрудничество “Сюртэ” с СОЕ начало активно возобновляться, в частности, для агентурных операций бельгийцы стали выделять старших офицеров. Судя по всему, подлинной причиной этого являлись не переговоры, а изменение общей обстановки на фронтах войны. Поражения Германии под Сталинградом и у Эль-Аламейна, вступление в войну Соединенных Штатов Америки, последовавший ряд побед Красной Армии на Востоке показали, что государства антигитлеровской коалиции выйдут из войны победителями. В этих условиях следовало приобрести политический капитал на послевоенный период, и “Сюртэ” начало проявлять активность, однако было поздно. К этому времени организации Сопротивления в Бельгии уже пронизывала агентура абвера, СД и гестапо, вскоре немцы арестовали и командующего “Секретной армией” Жюля Бастена. Тем не менее, СОЕ все же сумел провести несколько удачных операций на территории страны, в основном по подготовке вторжения в Европу союзных экспедиционных войск. Наибольший вклад в развитие межсоюзнического сотрудничества в области разведки и специальных операций внес видный деятель бельгийского Сопротивления судья М. Ганшоф ван дер Меерш. В июле 1943 года он был вынужден эвакуироваться из оккупированной страны и принял совместное предложение премьер-министра Пьерло и министра обороны и юстиции Дельфлоссе войти в правительство для надзора за деятельностью “Сюртэ”. Он же отвечал за координацию всех операций в Бельгии. Для обеспечения легитимности такого решения ван дер Меершу присвоили звание генерал-лейтенанта. Согласно послевоенному признанию бывшего исполнительного директора СОЕ Габбинса, без него и без офицера связи “Сюртэ” с секцией “Т” майора Идеса Флоора взаимодействие было бы невозможным. Однако, судя по всему, в значительной степени этому способствовала также замена в 1944 году Ф. Лепажжа на посту начальника “Сюртэ” В. Угэ, бывшим руководителем разведывательной сети “Зеро”. К этому времени это ведомство было уже серьезно реорганизовано, а структура его центрального аппарата выглядела теперь следующим образом:

- Секция “Действие” (начальник лейтенант Флор) — связь с СОЕ и со всеми оперирующими в Бельгии группами, в том числе военными;
- Секция промышленного саботажа (начальник капитан Гильери) — диверсии на всех объектах, за исключением военных, за которые отвечала военная разведка;
- Секция политической войны (начальник капитан Аронштайн, затем лейтенант де Лидекерк) — ведение подрывной пропаганды и связь с ПВЕ;
- Секция СИС (начальник капитан Никодем) — ведение агентурной разведки и связь с МИ-6.

Бельгийская военная разведка, именовавшаяся 2-м направлением генерального штаба, возглавлялась теперь полковником Жаном Мариссалем, политически умеренным и весьма здравомыслящим офицером.

Для руководства и военного командования было совершенно очевидно, что сотрудничество со спецслужбами эмигрантских правительств в Лондоне, являвшееся краеугольным камнем деятельности секретных служб Великобритании в Европе, ни в малейшей степени не было заслугой МИ-6. Проанализировав причины фиаско СИС, председатель Объединенного комитета по разведке (ОКР) Виктор Кавендиш-Бентинк в июне 1940 года предложил расформировать ее ввиду бессмысленности сохранения в прежнем виде. Даже любитель тайных операций Уинстон Черчилль в ноябре того же года всерьез рассматривал перспективы роспуска МИ-6 и замены ее подчиненной генеральному штабу межведомственной разведывательной структурой. Однако вину за просчеты в оценке обороноспособности Франции нельзя было возлагать на одну лишь МИ-6, поскольку и сам ОКР проявил себя далеко не лучшим образом. Объединенный комитет по разведке как межведомственный координирующий орган отвечал за нее в не меньшей, если не в большей степени, и сработал не лучше. В последующий период СИС, страхуясь от излишнего оптимизма, вполне осознанно и намеренно впала в другую крайность и пугала руководство страны докладами о якобы предстоящем в самое ближайшее время вторжении немцев. На основании информации СИС и соответствующего заключения ОКР на Британских островах начала проводиться большая и дорогостоящая работа по формированию групп внутреннего сопротивления для ведения

партизанской борьбы и подпольной деятельности в период оккупации. Они именовались “вспомогательными подразделениями” (АУ) и комплектовались офицерами разведки и контрразведки со знанием особенностей местной ситуации и связями в регионе, а также отчасти военнотрудовыми территориальных войск. Сотни групп АУ формировались по широко известному в практике подполья принципу “пятерок”, их члены проходили подготовку по тактике партизанской войны, обращению с взрывчатыми веществами и организации агентурно-оперативной работы на захваченной противником территории. В Южной и Восточной Англии, а с августа 1940 года и в Шотландии закладывались тайники с оружием, медикаментами и боеприпасами, оборудовались подземные базы и убежища. На подобную деятельность ушли немалые суммы из скудного бюджета разведки, и, вероятнее всего, именно из-за этого обстоятельства правительство никак не могло решиться упразднить систему “вспомогательных подразделений” даже после явного исчезновения угрозы высадки немцев. АУ были распущены лишь 30 ноября 1944 года, уже после вторжения союзных войск в Европу. Непроверенная информация ОКР обошлась Британии в самом буквальном смысле весьма дорого и продемонстрировала, что эта организация не в состоянии обеспечить руководство ведением тайной войны на должном уровне.

МИ-6 попыталась активизировать работу своей резидентуры в Испании, очень выгодном с оперативной точки зрения регионе, однако и здесь ее ожидало фиаско, хотя в данном случае в этом был повинен отнюдь не противник. Удар последовал со стороны посла Британии в Мадриде Сэмюэля Хора, бывшего министра авиации, сторонника Франко и активного в недавнем прошлом “мюнхенца”. Посол категорически запретил любую тайную деятельность в стране своей аккредитации, причем его влияние было настолько велико, что британским разведчикам пришлось оставить все мысли о любых операциях на испанской территории. Иберийская подсекция разведки, отвечавшая за работу резидентур в Мадриде, Лиссабоне, Гибралтаре и Танжере, фактически потеряла свою самую важную “станцию” и вынуждена была перенести штаб-квартиру в тоже далеко не второстепенный, но значительно менее удобный Лиссабон. Закрытая в начале 1920-х годов по финансовым соображениям резидентура СИС была вновь организована в столице Португалии лишь в сентябре 1939 года и пока не обзавелась надежной агентурой, несмотря на все усилия ее руководителя Остина Уолша. Хор даже воспротивился намерению британской авиации разбомбить немецкий пост слежения за проходящими через Гибралтарский пролив кораблями и судами в Альхесирасе, ввиду чего командованию ВВС для его уничтожения пришлось пренебречь запретом. Посол несколько не доверял МИ-6 и назначил военно-морского атташе ответственным в посольстве за то, чтобы резидент СИС Гамильтон-Стокс не вел оперативную работу и соблюдал должные меры безопасности. Может показаться, что действия Хора были продиктованы органическим неприятием методов тайной деятельности, однако это далеко не так. Он просто столь специфическим и неаппетитным способом заботился о сохранении дипломатического спокойствия в Испании, и когда МИ-6 не стала ломать копыта в соперничестве с ним за влияние, посол сделался самым горячим сторонником ее поддержки во всех областях — кроме операций в стране, где он был аккредитован.

Репутация СИС в правительстве и военных кругах упала до критической отметки. Однако просто ликвидировать ее было неразумно, поэтому Военный кабинет Великобритании установил новую линию в организацию внешней разведки и специальных операций. В преддверии войны адмирал Синклер спешно рассредоточил свои подразделения в небольших городках Блечли-Парк и Олсоп-Парк в окрестностях столицы. Правительственную школу кодов и шифров (ПШКШ) перевели в располагавшийся примерно в 45 милях от Лондона Блечли-Парк, по названию которого она в дальнейшем обычно и именовалась в обиходе, встречалось также и сокращенное обозначение БП. Поместье было куплено Синклером за 7500 фунтов, которые он ради ускорения сделки заплатил из собственного кармана. Эти расходы подлежали компенсации, однако адмирал вскоре умер, и, судя по всему, сумма так и осталась невозвращенной. Ранее ПШКШ подчинялась СИС до некоторой степени условно, но теперь ее жестко замкнули на разведку, что сразу же подняло рейтинг последней и фактически спасло ее как самостоятельную структуру. Руководитель МИ-6 ввел в штат должность своего личного представителя при ПШКШ и назначил на нее капитана 1-го ранга Эдуарда Дж. Хастингса.

Зимой 1939 — 1940 годов была создана новая секретная Служба спасения и побегов (E&E), с декабря 1941 года обозначавшаяся МИ-9 и занимавшаяся спасением и доставкой

на Британские острова сбитых над Европой летчиков, беженцев из оккупированных стран и военнопленных. Наименование было унаследовано ей от прежней секции Директората военной разведки, ведавшей работой с вражескими военнопленными. Однако сама идея подобной организации зародилась значительно раньше, еще в 1926 году, когда французский генерал, командир корпуса в Вердене П. Дюпон предложил заранее готовить военнотружущих к возможному захвату их противником в плен, обучать соответствующему поведению в этой обстановке и тренировать для проведения актов саботажа. Такая концепция весьма заинтересовала германского генерала фон Браухича, прочитавшего в 1937 году цикл лекций на эту тему. Немцы не развили идею, зато узнавшие о ней англичане Д. Холланд и А. Роллинсон подхватили инициативу и добились ее воплощения в жизнь. МИ-9 проделала на протяжении войны не слишком престижную, но огромную по объему и значению работу. Она постепенно оборудовала по всей захваченной немцами территории тайные линии транспортировки людей, наладила снабжение их одеждой, продовольствием, медикаментами, поддельными документами, проверяла безопасность перемещения и таким образом помогла сотням людей. Идея организации такой работы возникла у Дэнси после того, как Мензис додумался, что даже попавший в плен простой солдат может стать источником ценной информации, если сумеет наладить с ним связь. Особенно актуально это было в условиях развала агентурного аппарата. В отличие от советских военнопленных, англичане находились под официальной защитой Международного Красного Креста, что давало им право отправлять домой письма. Для связи была разработана целая система. Чтобы отличить письма с информацией от обычных, на их конвертах дата полностью записывалась арабскими цифрами, в отличие от принятой в Англии нумерации месяцев римскими цифрами, а фамилия адресата подчеркивалась. При получении такого письма оно передавалось по его истинному назначению и затем декодировалось. Англичанами была разработана система простых и легко запоминающихся ключей под названием "НК" (буквы латинские). Чтобы определить их, число букв во втором и третьем словах после вводного обращения "Дорогой..." перемножалось, итог составлял ключ. Писать такие послания было сложно, зато они не настораживали противника и беспрепятственно проходили на родину. МИ-9 открыла собственный учебный центр в Мэтлоке и школу в Хайгейте, где готовила специалистов своего профиля и обучала многих военнотружущих методам сбора и передачи разведывательной информации. Для ускорения прохождения сообщений служба открыла свои бюро в Гибралтаре, Мадриде, Лиссабоне, Берне, Стокгольме и Каире. Несколько позднее E&E стала заниматься главным образом эвакуацией и спасением, и в этом качестве оказалась одной из наиболее гуманных организаций в жестоком мире разведки и контрразведки, а ее руководитель Норман Крокетт заслужил уважение и благодарность десятков тысяч спасенных людей.

В Великобритании разведка всегда являлась бюрократическим учреждением и была весьма уязвима для интриг в коридорах власти. Кроме того, СИС никогда не превосходила по влиянию разведорганы видов вооруженных сил, поэтому Мензису приходилось действовать с учетом позиции их директоров, выступавших по отношению к нему в качестве старших партнеров и периодически пытавшихся поглотить разведку или же полностью подчинить ее своему влиянию. Очередной раунд этого процесса начался в начале 1942 года, когда руководители разведорганов военного министерства, Адмиралтейства и министерства авиации в ультимативной форме потребовали от Мензиса резко улучшить систему управления МИ-6 и реорганизовать ее в соответствии с условиями войны. В результате была полностью пересмотрена система организации высшего эшелона разведки, во главе которого стоял руководитель, или "С/SS". Армейцы, моряки и авиаторы добились введения в штате СИС трех должностей заместителей ее директора (DD/Army, DD/Navу и DD/Air) с полным доступом к операциям и информации в своих сферах. Форин офис не последовал их примеру, поскольку и без того являлся по отношению МИ-6 вышестоящим министерством. Дипломаты предпочли ввести в штат разведки "личного помощника" (РА/CSS) с совершенно иными задачами. В первую очередь, этот офицер, Патрик Рейли, которого в 1943 году сменил Роберт Сесил, должен был помочь разведчикам составлять информационные документы в форме, приемлемой для восприятия в Форин офис и иных правительственных учреждениях. Как ни странно, до 1942 года никто даже не пытался объяснить трем последовательно сменявшим друг друга руководителям СИС, что их отчеты не соответствуют принятым в правительстве стандартам. Это достаточно наглядно иллюстрирует практически

полное отсутствие интереса к информационным материалам разведки, что, впрочем, и не удивительно, если принять во внимание британскую доктрину их обработки в ведомствах — получателях таких материалов.

Как и следовало ожидать, ни один из разведорганов видов вооруженных сил так и не добился требуемой отдачи от своих офицеров связи с МИ-6, ставших заместителями ее директора. Это объясняется вполне объективным фактором, а именно отсутствием четкой постановки задачи, без которой всегда и во всех сферах обречены на провал все попытки что-либо улучшить. DD/Army, DD/Navу и DD/Air не находили для себя достойного объема работы и буквально слонялись по коридорам или сидели в своих кабинетах без дела, что, безусловно, не могло быть терпимым. При этом все более разгоравшееся противостояние между Дэнси и Вивианом привело к тому, что им стало некогда заниматься повседневным руководством работой подчиненных подразделений, и эту задачу поневоле взял на себя сам Мензис. Он фактически напрямую замкнул на себя начальников оперативных, “циркуляционных” и вспомогательных секций и групп, а поскольку к 1943 году таковых в СИС насчитывалось уже почти три десятка, то эффективно руководить ими он тоже не мог, особенно принимая во внимание занятость вопросами ПШКШ/ШКПС. Мензис попытался решить проблему с использованием имеющихся сил и средств и загрузил своих “военных” заместителей задачами, весьма далекими от их первоначального предназначения. DD/Navу полковник береговой службы ВМС Джон Кордо стал курировать операции в так называемой “Северной зоне”, включавшей Нидерланды и Скандинавию. DD/Army бригадный генерал Беддингтон курировал операции на Дальнем Востоке, а DD/Air коммодор авиации Пэйн ведал Западным полушарием. На этом фоне Мензис наконец-то смог развести Дэнси и Вивиана, поручив каждому из них по географическому региону. Первому досталась, как и следовало ожидать, Западная Европа и Швейцария, а второму — Африка и Средний Восток, с сохранением общего руководства контрразведкой. Такое использование “военных” заместителей являлось полной профанацией идеи назначения старших офицеров связи с разведкой и вызвало особенное негодование у директора НИД адмирала Годфри. Однако никаких последствий оно за собой не повлекло, Мензис не намеревался менять свое решение, хотя с точки зрения контактов с тремя разведорганами вооруженных сил назвать его удачным было сложно. Да и эффективность управления МИ-6 от этого не особенно выросла. DD/Army, DD/Navу и DD/Air абсолютно не знали своих новых задач, поэтому их руководство секциями во многом явилось простой формальностью. Дополнительным усугубляющим неразбериху фактором стало подчинение структур СИС на Дальнем и Ближнем Востоке главнокомандующим войсками на соответствующих ТВД, и заместители директора по этим направлениям ведали только некоторыми административными вопросами и подготовкой кадров для них. В результате руководителю МИ-6 стали теперь подчиняться оперативный совет и секретариат разведки. В первый из них входили DD/Army, DD/Navу и DD/Air, а также заместитель директора СИС по самой СИС (DD/SIS), к ним примыкали, но не входили в совет DC/SS Вивиан и AC/SS Дэнси. Секретариат являлся, пожалуй, самым важным с административной точки зрения органом и состоял из “личного помощника” (PA/SS), “старшего личного помощника” (CPA/SS) и “главного офицера штаба” (PCO/CSS). Функции первого из них уже описывались, PCO/CSS Кристофер Арнольд-Форстер в случае отсутствия “C/SS” на месте принимал на себя осуществление связей с внешними организациями, за исключением министерств видов вооруженных сил и министерства экономической войны, а CPA/SS отвечал за организацию работы секретариата в целом, за решение организационных проблем службы и за урегулирование конфликтов внутри нее. Новая система управления оказалась существенно лучше прежней, но все еще была весьма далека от совершенства. Осенью 1943 года из-за низкой эффективности работы и отвлечения заместителей директора на второстепенные задачи оперативный совет был распущен и заменен системой “контролеров”, руководивших добывающими секциями “P” по своим зонам ответственности:

- Западная зона — Франция, Бельгия и Иберия (секции “P1”, “P2”, “P72”, “P15”);
- Северная зона — Нидерланды и Скандинавия (секции “P8”, “P9”);
- Восточная зона (секции “P3”, “P6”);
- Восточная Европа (секции “P5”, “P13”).

Ввиду выхода Италии из коалиции с Германией, она не была включена ни в одну из зон. Западное полушарие являлось сферой ответственности БСК, а инфраструктура МИ-6 на

Ближнем и Дальнем Востоке подчинялась соответствующим командованиям на ТВД, поэтому в новую оперативную схему все эти регионы также не вошли. Помимо четырех перечисленных региональных “контролеров”, в МИ-6 существовало и два функциональных. Первый из них отвечал за особые связи по рассылке информации, полученной по каналу “Ультра”, а второй руководил специальной связью разведки (VIII секция), включавшей радиоцентр, подсекцию кодов и шифров, Службу радиобезопасности РСС, правительственные каналы связи и соответствующие подразделения по разработке и созданию средств специальной связи.

Вновь была пересмотрена система заместителей и помощников руководителя разведки. DD/Army, DD/Navу и DD/Air продолжали действовать, но уже вне рамок какого-то особого органа внутри разведки. Им были подчинены соответствующие секции по заведованиям, и эти старшие офицеры наконец-то занялись именно тем делом, ради которого были направлены в МИ-6. Заместитель директора по СИС DD/SIS стал обозначаться DD/Admin и отвечал за работу VII секции и всех вспомогательных и обеспечивающих подразделений. Вивиан получил совершенно новый для СИС пост вице-руководителя (VC/SS), а его вечный соперник Дэнси пока что оставался по-прежнему помощником (AC/SS). К этому времени крайне озабоченное плохими отношениями между МИ-6 и СОЕ британское руководство решило предпринять нестандартный шаг. В качестве “ударной силы” координации был выбран известный военачальник в высоком чине полного генерала, значительно превосходившем по уровню руководителей соперничавших спецслужб, генерал-майоров Мензиса и Габбинса. Им являлся Джеймс Хэндисайд Маршалл-Корнуолл, который специально для решения данной сложной задачи был выведен в отставку и направлен в СОЕ для изучения ситуации в нем изнутри. После шести месяцев этой деятельности он в плановом порядке перешел в СИС с точно такой же задачей. Там он получил должность помощника руководителя (AC/SS), при этом должность DD/SS была ликвидирована, Вивиан ушел на также совершенно новый пост заместителя директора по вопросам контрразведки и безопасности (DD/SP), а его прежняя должность вице-руководителя досталась Дэнси. Вивиану подчинялись теперь секции V, VI и бывшая секция безопасности, отныне ставшая инспекцией по безопасности I/S. Вопреки позднему утверждению Филби, IX секция появилась в МИ-6 не в 1943 году, а в феврале 1944 года и тоже вошла в сферу ответственности Вивиана. Все перечисленные структурные и кадровые изменения существенно улучшили систему администрирования МИ-6. В результате к моменту окончания войны ее организационная структура хотя и заметно усложнилась, но оказалась намного более приспособленной к потребностям обеспечения руководства государства и командования вооруженных сил информацией. Оставая в стороне ШКПС, аппарат разведки весной 1945 года выглядел следующим образом: на высшем иерархическом уровне находился секретариат в составе CPA/CSS, PA/CSS, CPO/CSS, вице-руководителя (VC/SS) и помощника руководителя (AC/SS). Следующий уровень составляли заместитель директора и приравненные к ним офицеры:

- заместитель директора по BBC (DD/Air) с подчиненной ему II секцией;
- заместитель директора по ВМС (DD/Navу) с подчиненной ему III секцией;
- заместитель директора по армии (DD/Army) с подчиненной ему IV секцией;
- заместитель директора по административным вопросам (DD/Admin) с подчиненными ему VII секцией и Центральной картотекой;
- заместитель директора по контрразведке и безопасности (DD/SP) с подчиненными ему V, VI, XI секциями и инспекцией по безопасности;
- “контролер” Западной зоны (C/WA) с подчиненными ему секциями “P1”, “P2”, “P12” и “P15”;
- “контролер” Северной зоны (C/NA) с подчиненными ему секциями “P8” и “P9”;
- “контролер” Восточной зоны (C/EA) с подчиненными ему секциями “P3” и “P6”;
- “контролер” Восточной Европы (C/EE) с подчиненной ему секцией “P13” (секция “P5” ввиду освобождения Франции и Польши была расформирована);
- “контролер” особых связей (C/SL);
- “контролер” специальной связи (C/SC) с подчиненной ему VIII секцией.

Напрямую на высший эшелон руководства МИ-6 замыкались еще шесть подразделений:

- секция I (политическая);
- секция “N” (использование полученных от цензурных органов информации в интересах разведки);
- секция “N” (по вскрытию иностранной дипломатической почты);

- секция “О” (специальный транспорт, включая операцию “Шетландский автобус”);
- секция документации;
- техническая секция (оперативная техника).

Следует признать, что Секретная разведывательная служба Великобритании за период войны проделала большой путь и существенно усовершенствовала свою систему управления. Трудно сказать, насколько это способствовало улучшению выполнения ей уставных задач, однако твердо можно быть уверенным в том, что без подобных преобразований МИ-6 терпела бы одно фиаско за другим и в итоге, вероятно, просто была бы расформирована. Невзирая на все промахи и ошибки, Стюарт Мензис показал себя человеком, способным отстаивать интересы своего ведомства перед вышестоящими руководителями. Зато в попытках сохранить за собой диверсионное направление деятельности он потерпел провал, впрочем, как и руководители двух других причастных к этому органов.

Возвращаясь к рассмотрению диверсионных и подрывных действий, в военное время составляющих существенную часть работы секретной службы, следует подчеркнуть, что ни одна из имевшихся структур не могла похвастаться комплексным подходом к проблеме, сформулированной руководителем Центра промышленной разведки, а позднее личным советником премьер-министра Черчилля по разведке Десмондом Муртоном. МИ(Р) провела большую работу по созданию печатного руководства по ведению партизанской войны для населения оккупированных стран и перевела его на многие языки. Документ был, несомненно, полезным и важным, но не учитывал одной детали: европейцы отнюдь не горели желанием создавать партизанские формирования и развешивать иррегулярную войну в тылу немцев. Диверсионная секция МИ-6 совершила весьма немного успешных акций, правда, они были достаточно важны. Перед самым падением Амстердама подчиненные майора Лоуренса Гранда провели операцию по спасению бриллиантов на сумму 1,25 миллиона фунтов стерлингов. Секция “Д” также имела непосредственное отношение к эвакуации де Голля, и этим ее оперативные достижения ограничились¹⁶. Правда, Мензис имел на этот счет совершенно противоположное мнение и пытался убедить правительство позволить ему руководить всеми операциями по саботажу, диверсиям и подрывной пропаганде, для чего несколько министерств должны были создать специальные секции и передать их в оперативное подчинение секции “Д” СИС. Военные придерживались принципиально иной точки зрения. Они не желали перепоручать боевую работу гражданскому ведомству и справедливо указывали, что работа МИ(Р) оказалась значительно более продуктивной, чем секции “Д”. Однако вскоре армия и флот изменили свое мнение. Летом 1940 года пала Франция, и Великобритания осталась с Германией фактически один на один. В этой связи основное направление деятельности ее спецслужб подверглось принципиальному пересмотру. Если раньше в Лондоне предпочитали идти по пути создания межведомственных координационных советов, то уже 25 мая Комитет начальников штабов определил, что “организация широкомасштабного восстания на захваченных Германией территориях должна стать главной целью британской стратегии. Для этого понадобится специальная организация, и в преддверии этого ее следует срочно создать”¹⁷. Координацию выполнения столь важной задачи Военным кабинетом, генеральным штабом и секретными службами правительство возложило на секретаря Комитета имперской обороны и Военного кабинета лорда Хэнки. Новый участок деятельности требовал полной отдачи сил и времени, поэтому его освободили от проверки МИ-5 и МИ-6. Министр экономической войны Хью Дальтон писал: “Все, что нам необходимо — это новая организация для того, чтобы координировать, вдохновлять, руководить и помогать народам оккупированных стран, которые сами должны быть ее непосредственными участниками. Нам нужна абсолютная секретность, желание работать с представителями разных народов, полная политическая надежность”¹⁸.

С последним делом обстояло сложнее всего. Ситуация в оккупированной Европе сложилась таким образом, что основные слои населения страдали от оккупации далеко не в такой мере, чтобы бросить устоявшийся жизненный уклад и заняться подпольной или партизанской деятельностью. Они небезосновательно полагали, что это поставит под угрозу не только их собственные жизни, но и жизни близких им людей и просто окружающих мирных граждан, поскольку немцы вполне отчетливо продемонстрировали, что в вопросах обеспечения безопасности своего тыла они не допустят даже малейших послаблений. Поэтому, как обескураженно обнаружили англичане, в ряды движения Сопротивления готовы были влиться в основном левые и радикальные элементы, большинству из которых было нечего

терять. Поддержка коммунистов, которые благодаря этому неизбежно укрепили бы свое положение в послевоенной Европе, не входила в планы руководства Британской империи, однако до победы в войне было еще очень далеко и приходилось опираться на любые силы, способные помочь в борьбе против Германии.

Упомянутый Хью Дальтон получил назначение на пост министра экономической войны в результате политических комбинаций. Сформированный после падения правительства Чемберлена Военный кабинет являлся коалиционным, и вошедшие в него лейбористы особенно ревностно относились к специальным службам, к которым они со времен “письма Зиновьева” питали вполне оправданное подозрение и неприязнь. Партия потребовала назначить своего члена главой как минимум одной секретной службы, и выбор пал на Дальтона, который на посту министра должен был руководить созданным 16 июля 1940 года в обстановке глубочайшей секретности Исполнительным органом специальных операций (СОЕ). Его название невозможно было встретить ни в одном открытом документе, и большинство членов правительства также оставались в неведении относительно возникновения в Британии новой секретной службы. Во внешнем мире для прикрытия ее следовало все же как-то обозначить, и сотрудники СОЕ, чаще всего выступая от имени официального министерства экономической войны, иногда использовали названия несуществующих коммерческих фирм, а периодически именовали свое ведомство “Комнатой 055”¹⁹, Межведомственным исследовательским бюро (ИСРБ) или Научно-техническим комитетом. Зафиксированы случаи, когда, к ужасу интендантов, расписку в получении с военных складов взрывчатки, оружия или парашютов выдавала какая-нибудь страховая компания, торговая или юридическая фирма. Часто применялись вообще не вполне внятные аббревиатуры, косвенно намекающие на принадлежность к тем или иным ветвям армейской, морской или авиационной разведки: MO1(SP), NID(Q), AI10. Здесь следует отметить, что во все времена англичане питали прямо-таки культовую приверженность к использованию и постоянной перемене условных обозначений различных структур своих спецслужб. Кроме того, как уже отмечалось, в рассматриваемый период большинство из них не имело официального статуса. Поэтому условно эти ведомства обозначались как подразделения военной разведки (МИ), независимо от фактической подчиненности. Часть структур разведывательного сообщества Британии действительно являлась секциями Директората военной разведки, тогда как остальные не имели к ней никакого отношения и лишь камуфлировались под них для введения в заблуждение всего мира и собственных сограждан.

Уже цитировавшийся совершенно секретный меморандум лорда-президента Совета от 17 июля 1940 года № WP(40)271 сообщал:

“4. Премьер-министр далее решил после консультаций с причастными министрами, что с этого момента должна быть учреждена новая организация для координации всех подрывных и диверсионных действий против врага за границей...

а) организация создается для координации всех подрывных и диверсионных действий против врага за границей. Эта организация будет известна как Исполнительный орган специальных операций.

б) Исполнительный орган специальных операций будет находиться под руководством председателя мистера Дальтона, министра экономической войны.

с) Мистер Дальтон будет получать содействие от сэра Роберта Ванситтарта²⁰.

<...>

і) Все операции по саботажу, секретной подрывной пропаганде, побуждению гражданского неповиновения в оккупированных областях, провоцированию волнений, забастовок и т. п. в Германии и оккупированных областях до осуществления любым ведомством подлежат передаче мистеру Дальтону на утверждение.

ј) Мистер Дальтон будет координировать планирование операций по нелегальной войне и указывать, какая из организаций должна осуществлять их. Он будет ответственен за получение согласия министра иностранных дел или другого заинтересованного министра на любые операции, которые могут затронуть их интересы”²¹.

Совершенно очевидно, что министр не мог самостоятельно вникнуть в детали операций. Для руководства повседневной деятельностью СОЕ следовало создать аппарат во главе с исполнительным директором, которым в августе 1940 года стал Фрэнк Нельсон (кодовое обозначение “CD”). Этот 56-летний бывший торговец в Индии, на протяжении семи лет заседавший в парламенте и занимавший консульский пост, в свое время близко соприкоснулся с миром секретных служб, что привело его на должность резидента сети “Z” в Базеле.

Изначально планировалось включить в состав СОЕ МИ(Р), секцию “Д” и бюро ЭХ, однако уже на первом этапе организации новой службы события развернулись иначе. “Электра Хауз” и “Д” действительно вошли в СОЕ целиком, зато военные пожелали сохранить в своем распоряжении некоторых специалистов по диверсионной войне, и МИ(Р) оказалась разорванной надвое. В результате в Исполнительном органе специальных операций вначале сформировали три основных параллельных подразделения, получившие обозначение СО (“специальные операции”). ЭХ и “Д” составили СО-1 (подрывная пропаганда) и СО-2 (активные операции), а СО-3 во главе с ван Катсеном занималось планированием. Последнее просуществовало до сентября 1940 года и ввиду своей крайней слабости было включено в состав СО-2 в качестве отдела разведки и планирования. Ни для одного из руководителей прежних британских органов диверсионной войны и подрывной пропаганды места в СОЕ не нашлось. В сентябре 1940 года после неудачной попытки назначить Гранда заместителем Нельсона он был уволен со службы, Холланд сам перешел в регулярные саперные войска, а Кэмпбелла Стюарта вежливо уволили. Руководителем СО-1 назначили Рекса Липера, СО-2 возглавлял лично Фрэнк Нельсон.

Взаимодействие СО-1 с СО-2 практически отсутствовало, фактически они представляли собой две параллельные организации и работали скорее порознь, чем вместе. Более того, за СО-1 разгорелась межведомственная борьба. На руководство службой подрывной пропаганды заявил претензии министр информации Дафф Купер, в результате чего ее изъяли из ведения министерства экономической войны. После этого она получила название Исполнительного органа политической войны (ПВЕ) и осталась межведомственной, а основное руководство ее операциями возложили на министерство иностранных дел. В составе ПВЕ, по-прежнему руководимого Рексом Липером, имелись весьма узко специализированные секции, например, подрывной пропаганды против экипажей подводных лодок. Радиовещание и листовки были не единственным оружием психологической войны, для целенаправленного распространения слухов ПВЕ использовал собственных агентов. Они направлялись в Европу по каналам СОЕ, поскольку сотрудникам МИ-6 категорически запрещалось вступать с ними в любые контакты. Это не было случайным эпизодом. На протяжении всей войны разведка занимала враждебную позицию по отношению к новым структурам спецслужб, доходившую периодами до неприкрытой конфронтации. Строго говоря, даже согласие начальника СИС на создание СОЕ было получено исключительно по причине того, что он неверно понял суть представленных ему документов и решил, что секция “Д” останется в его административном подчинении. Мензис не мог простить изъятия из своей сферы влияния всех диверсионных и подрывных операций, но намного сильнее тревожило его отстранение МИ-6 от работы с европейским движением Сопротивления. Руководитель СИС считал, что дилетантов из СОЕ нельзя допускать к столь тонкому делу, определяющему послевоенное устройство Европы, справиться с которым в состоянии лишь его ведомство. Однако все протесты оставались безрезультатными, что лишь усиливало враждебность Мензиса к более удачливым коллегам.

Тем временем постепенно сформировались задачи Исполнительного органа специальных операций, скорректированные после провала первоначального замысла сосредоточить в нем не только диверсионные и партизанские, но и пропагандистские операции. Осенью 1940 года были установлены приоритетные линии и направления, разбитые на три группы по степени важности:

I приоритет. Моральный дух итальянцев, железнодорожное сообщение между Италией и Швейцарией, коммуникации противника и снабжение его войск во Франции, Бельгии и Голландии, коммуникации Румынии с Германией и Италией, коммуникации противника на Среднем Востоке и нефть, подготовка к разрушению коммуникаций противника в Болгарии и Югославии, подготовка к разрушению коммуникаций противника в Испании и Португалии, подготовка к взаимодействию с собственными силами на атлантических островах, в Танжере, на Балеарских островах, в Испанском Марокко и на юге Испании.

II приоритет. Подготовка к взаимодействию с собственными силами в Тунисе, на юге Италии, на Сардинии и Сицилии.

III приоритет. Подготовка к взаимодействию с собственными силами на юге Норвегии, в Бретани, Шербуре и Бордо, а также в Голландии и Бельгии.

Политическая сторона работы СОЕ строго регламентировалась. На оккупированных территориях он имел право решать любые боевые задачи, согласовывая с министерством

иностранных дел лишь общую политическую линию. В “свободной зоне” Франции следовало учитывать интересы МИД, согласовывая с ним операции только в самых общих чертах. Нейтральные государства объявлялись сферой интересов МИД, у которого следовало получить разрешение на каждую отдельную операцию. Неоккупированные союзные страны не входили в сферу интересов СОЕ, там можно было лишь взаимодействовать с коллегами с санкций правительств этих государств. В Латинской Америке действовать следовало так же, как в нейтральных странах. На момент образования Исполнительный орган специальных операций принял на связь всю агентуру своих предшественников и располагал 3 агентами в США, 3 — в Венгрии, 12 — в Югославии, 7 — в Румынии, 7 — в Греции, 6 — в Турции и некоторым количеством сомнительных связей на Среднем Востоке²².

Структура СОЕ постепенно сбалансировалась. После реформирования СО-1 в ПВЕ фактически весь Исполнительный орган специальных операций представлял собой СО-2, ранее состоявший из Разведывательной секции, Оперативной секции и “Военного крыла”. В связи с этим отпала необходимость в промежуточном подразделении, и этот уровень управления был ликвидирован. Во главе новой организации стоял исполнительный директор, которому подчинялся совет, своего рода коллегия ведомства. Каждый из членов совета имел свое кодовое обозначение и руководил соответствующими подразделениями:

- AD/A, он же заместитель исполнительного директора (Ч. Хэмбро):
 - секция связи в области пропаганды (“DQ”);
 - директорат “S”:
 - скандинавская секция;
 - бельгийская секция;
 - голландская секция;
 - директорат “X”:
 - германская секция (“X”);
 - иберийская секция (“H”);
 - западно-африканская секция (“W”);
 - североафриканская секция;
- D/Fin (капитан Дж. Венер):
 - финансовая секция;
- AD/Z (подполковник Ф. Дэвис):
 - директорат разведки и планирования (“L”):
 - секция разведки и планирования;
 - секция безопасности;
 - секция связи с армией;
 - секция связи с ВМС;
 - секция связи с ВВС;
 - французская секция (“F”);
 - американская секция (“U”);
 - секция связи с СИС (“D/T”);
 - секция оборудования и снабжения (“E”);
- M (бригадир К. Габбинс):
 - польская секция;
 - чехословацкая секция;
 - оперативная секция;
 - учебная секция.

Как видно из перечня, не все секции имели кодовые обозначения. В дальнейшем функции подразделений менялись, в связи с чем они разделялись, переименовывались, ликвидировались и создавались новые. Например, операции во Франции, в принципе, относились к компетенции секции “F”, однако непосредственно связанными с движением “Свободная Франция” акциями занималась “RF”, а французами в Алжире ведала секция “AMF”. Весьма развиты были секции “T” (Бельгия и Люксембург) и “H” (Голландия). Польская секция отличалась от других тем, что подчинялась не только СОЕ, но и 4-му отделу штаба действовавшей в стране повстанческой Национальной армии (Армия Крайова, АК). Кроме региональных, в центральном аппарате имелись и подразделения, ведавшие финансами, связью, разведкой и безопасностью, а также связью с Британской миссией по координации безопасности (БСК), которая руководила всеми операциями секретных служб в Западном полуша-

рии, независимо от их подчиненности. Все территориально-оперативные секции проводили агентурные операции. К 1942 году общая штатная численность организации составила 3226 человек, из которых в Великобритании работали 2153, на Ближнем Востоке – 608, в Северной и Южной Америке – 100, на Дальнем Востоке и в Индии – 203, в остальных регионах – 162²³. Приведенные величины относятся лишь к штатным сотрудникам и не учитывают институт сотрудников-совместителей.

С течением времени концепция использования СОЕ изменялась, а вслед за этим соответствующим образом корректировалась его структура. В июне 1944 года во главе организации стоял исполнительный директор (CD), которым к этому времени стал бригадир Колин Габбинс, одновременно являвшийся главой совета. Ему подчинялся вице-директор (V/CD), заместители и помощники, а также главы директоратов, руководившие соответствующими направлениями:

– D/CD (заместитель директора СОЕ по организационно-штабным вопросам П. Мюррэй):

- организационная секция “A/G”;
- секция связи с видами вооруженных сил “D/SD”;
- AD (операции и миссии на Дальнем Востоке, полковник Дж. Тэйлор):
 - миссии в Юго-Восточной Азии (“ВВ”);
 - миссии в Австралии;
 - миссии в США (“U”);
 - миссии в СССР (“DP”);
 - миссии в Африке (“W”);
- AN/H (средиземноморские операции, полковник Д. Кесуик):
 - секция западного Средиземноморья (“AMX”);
 - итальянская секция (“J”);
 - балканская секция (“D/HT”);
 - секция Центральной Европы (“MP”);
- A/CD (директорат безопасности, разведки и пропаганды, помощник директора СОЕ А. Бойл):
 - секция разведки (“L”);
 - секция безопасности (“AD/P”);
 - секция пропаганды (“DQ”);
- D/Sigs (директорат связи, полковник Ф. Николз):
 - секция политики;
 - секция исследований;
 - секция технического обеспечения;
 - центр связи;
 - секция безопасности связи, кодов и шифров;
- AD/E (лондонская группа, бригадир Е. Е. Моклер-Ферримэн):
 - секция “X” (Германия);
 - директорат DR:
 - французская секция
 - секция “Нижних земель” (Бельгия и Нидерланды);
 - директорат DS (Скандинавия);
- D/Fin (финансы и администрация, капитан Дж. Веннер):
 - секция финансов;
 - секция имущества;
- AD/Z (снабжение, подполковник Ф. Дэвис):
 - секция исследований;
 - секция производства;
 - секция поставок;
 - секция транспорта.

За пределами Лондона основными региональными центрами СОЕ являлись точки в Каире и на Дальнем Востоке.

СОЕ имел собственные учебные центры, носившие кодовое обозначение STC с добавлением порядкового номера, в которых курсанты проходили стандартный четырехнедельный курс обучения

Колин Габбинс

и на протяжении двух дополнительных недель, если это требовалось, получали парашютно-десантную подготовку. Отбор в организацию иногда происходил с помощью публикации газетных объявлений о найме в некую фирму людей, владеющих каким-либо европейским или иным языком, преимущественно французским. Затем в ходе собеседования сотрудники кадровой службы СОЕ “втемную” отбирали перспективных кандидатов, с которыми позднее проводились более откровенные беседы.

Островное положение Британии для заброски агентуры в Европу предопределяло лишь морской или воздушный способ. Вначале для транспортировки людей и грузов выделялись любые произвольные плавсредства, которые мог в данный момент выделить флот, их экипажи зачастую не были знакомы с методикой скрытной высадки. Но весной 1943 года Адмиралтейство создало ДДОД(И) — иррегулярное подразделение для поддержки тайных операций, траулеры и экипажи которого вскоре перешли к СОЕ. Аналогичной, однако намного более скромной по размерам “Прибрежной патрульной флотилией” в составе уже упоминавшегося траулера “Н51” и двух торпедных катеров обзавелась и МИ-6. На норвежском направлении проблема решалась значительно проще. После оккупации страны в Британию ушли на своих судах многие норвежские рыбаки, которых не требовалось учить языку, условиям плавания в местных водах и методам маскировки при встрече с патрульными кораблями кригсмарине. С переброской агентов во Францию дело обстояло сложнее, здесь деятельность СОЕ пересекалась с интересами МИ-6 и МИ-9. Обе эти службы были заинтересованы в скрытности, а вот результатами диверсионного рейда, как правило, становились развалины объектов и трупы немецких солдат. СД или вермахт перебрасывали туда свои силы и зачастую прямо к ним в руки высаживались ничего не подозревающие агенты разведки. Серьезная проблема координации так и не нашла окончательного решения до момента освобождения французского побережья от немецкой оккупации.

Переброска людей и грузов по воздуху осуществлялась исключительно силами ВВС, своей авиации СОЕ не имел. Применялись как парашютный, так и посадочный способы доставки. Первый вариант позволял использовать бомбардировщики с большой дальностью полета, однако далеко не каждый из агентов был способен совершать прыжки, тем более в ночное время. Легче проходила доставка грузов, для которой специалисты технической секции разработали применявшийся с сентября с 1940 года специальный контейнер типа “С” грузоподъемностью 100 кг, длиной 175 см и диаметром 35 см. Поляки-эмигранты усовершенствовали его и создали конструкцию типа “Н”. Она имела те же внешние размеры, но для удобства переноски мелких предметов разделялась на пять снабженных ручками одинаковых барабанов, поднять которые было значительно легче. Легкие и транспортные самолеты могли садиться на специально выбранные и подготовленные площадки, однако по радиусу действия они значительно уступали бомбардировщикам. Это лимитировалось запасами топлива, необходимыми для возврата на свой аэродром. Британцы обратились к советским союзникам с просьбой разрешить им выполнять в интересах разведки челночные перелеты с посадкой на территории СССР, что значительно увеличило бы возможности авиации, но Москва категорически запретила это. Исключение было сделано лишь в 1944 году для снабжения по воздуху восставших в Варшаве поляков, однако и тогда разрешение касалось исключительно американских самолетов.

Одним из важнейших видов обеспечения операций являлась связь. Развитая система пеленгации у немцев уже зимой 1942 — 1943 годов не позволяла операторам агентурных передатчиков выходить в эфир дольше, чем на пять минут. До 1 июня 1942 года весь радиобмен СОЕ осуществлялся через центр связи МИ-6, что позволяло разведке быть полностью в курсе проводимых специальных операций и давало Мензису важный рычаг воздействия на конкурента. Ничего особенно угрожающего по этой причине не произошло, но СОЕ, как любая секретная служба, желал иметь полную уверенность в конфиденциальности своей переписки. Кроме того, межведомственная передача радиogramм на 1 — 2 часа замедляла их вручение адресату, и иногда эта задержка сказывалась весьма негативно. С лета 1942 года СОЕ создал два собственных радиоузла с аппаратурой мощностью по 250 ватт и резервной станцией в 1,5 киловатта. Первоначально агенты получали технически весьма несовершенный приемопередатчик, использовавшийся и МИ-6. Позднее, когда система связи СОЕ полностью отделилась от разведки, их стали снабжать новой радиостанцией весом всего в 1,5 килограмма (без учета батарей). Со второй половины войны британцы смогли наладить надежную схему радиосвязи и укомплектовать ее передовой по тому времени техникой.

С течением времени в СОЕ были разработаны довольно совершенные системы обеспечения безопасности операторов агентурных передатчиков. Одним из методов являлось несение радиовахты во время сеанса связи в городах тремя, четырьмя и даже пятью радистами, использовавшими одну и ту же частоту и готовыми передавать одну и ту же радиограмму. Начиная сеанс один из них. В случае появления в окрестностях радиоквартиры машин с пеленгаторами оператора предупреждали об опасности, он замолкал, а его прослушивавший эфир коллега возобновлял передачу с того же места, на котором она прервалась. При необходимости процедура повторялась еще и еще с новыми операторами. Другим и весьма надежным методом обеспечения безопасности была установка передатчика в пустой квартире и соединение его с ключом по неиспользуемому и достаточно протяженному телефонному кабелю. Конечно, самым распространенным методом обеспечения безопасности было выставление наблюдателей и разработка простых сигналов тревоги. Случались и курьезы. Например, один из агентов-радистов оказался столь увлекающейся натурой, что несколько раз игнорировал предупреждения, продолжал вести передачу и едва избежал ареста. Тогда резидент посадил одного из наблюдателей на крыше дома, из которого велась передача, через форточку провел от него веревку к запястью радиста и распорядился в случае тревоги просто отдергивать руку энтузиаста от ключа. Со временем британцы выработали немало мер, существенно повысивших безопасность агентурной радиосвязи.

С шифрами было сложнее. Первоначально агентов СОЕ снабжали полученными от МИ-6 примитивными шифрами двойной замены, составленными на основе широко известных стихотворений. Руководство разведки высокомерно полагало всех сотрудников примитивными существами, не способными запомнить какой-либо связный текст, за исключением хрестоматийного. Как не переставал указывать руководитель отделения агентурных шифров СОЕ Лео Маркс, эти стихотворения не хуже были известны и немцам, достаточно легко раскрывавшим простые английские шифры. Собственно, даже обстоятельства его первого появления в стенах этой организации свидетельствовали о ненадежности защиты ее переписки с агентами. Маркс являлся своеобразной, самобытной личностью и первый шифр, найденный им среди книг в отцовском магазине, он самостоятельно раскрыл в восьмилетнем возрасте. Из-за талантливого, но сложного характера после окончания школы криптоаналитиков его не взяли на работу в ПШКИШ и направили в СОЕ, где на первом собеседовании ему поручили расшифровать закрытый текст. Рядовые девушки-криптографы обычно тратили на это не более получаса, и экзаменаторы, которым Маркс вручил открытый текст лишь по истечении семи часов, были весьма разочарованы его способностями. Однако тут же выяснилось, что перед началом испытания ему забыли дать ключ к шифру, и молодой человек вскрыл его самостоятельно, не пользуясь никакими документами! Руководителей шифровальной группы потрясла внезапно выявившаяся столь невысокой стойкостью своих шифрсистем, но не меньшее удивление это вызвало и у новичка, едва поверившего, что забрасываемых в тыл противника людей снабжают такими шифрами. Поэтому всю свою деятельность он посвятил укреплению безопасности радиообмена центра с агентами. Маркс нажил немало врагов и недоброжелателей, однако вскоре, несмотря на это, в неполные 22 года занял в СОЕ пост руководителя агентурных шифров секции криптографии и стал одним из признанных мастеров шифровального дела Великобритании. Для начала в надежде хоть как-то поправить положение, он стал сам сочинять простые и легко запоминающиеся стихи, естественно, неизвестные германским криптоаналитикам. Беда заключалась в том, что пойманный агент под пытками неизбежно выдавал ключ к своему шифру, и безопасность переписки по-прежнему не соблюдалась. Не оправдала себя и архаичная система двойной замены «Плейфейр», из-за слабой стойкости запрещенная к применению с 1942 года. Не большую гарантию давали и система «безобидного письма», при которой в качестве ключа использовались первые буквы заранее произвольно выбранных слов, поскольку перед следователями абвера, гестапо и СД сохранить их в секрете было практически невозможно. Вопрос следовало решать иначе. Летом 1942 года Маркс изобрел систему шифрования, практически гарантировавшую шифры от компрометации противником. Агентам выдавались ключи, отпечатанные на квадратных 50-сантиметровых кусках шелка в виде набора случайных фраз. После однократного использования они отрезали полоску с буквами и уничтожали ее, поэтому даже захваченный с остатком ключа сотрудник СОЕ при всем желании не мог восстановить ключи, использовавшиеся им в предыдущих сеансах связи. Он разработал систему перестановочных ключей (WOK) и буквенных одноразовых блокнотов (LOP), которые, в отличие от цифровых, поз-

воляли сократить продолжительность радиосеанса. Дело в том, что в азбуке Морзе цифры передаются комбинациями из шести точек и тире, а буквы имеют от одного знака до четырех, поэтому продолжительность нахождения агента в эфире при передаче им буквенных сообщений приблизительно вдвое меньше, чем при шифровании того же текста цифрами. Маркс не ограничивался шифровальными вопросами, а активно пытался средствами криптографии осуществлять наступательные контрразведывательные операции.

Агенты направлялись в Европу не десятками, а сотнями. Судя по всему, в центральный аппарат СОЕ не удалось внедриться ни одному агенту стран “оси”, зато провалы полевой агентуры происходили довольно часто. Это не было удивительным, если учесть ее количество и сжатые сроки на подготовку. Однако сознательных предательств не случилось, не в пример МИ-6, в группе парашютистов которой однажды оказался активный член Британского союза фашистов. Сразу же после приземления он попытался выдать своих коллег, но те каким-то чудом сумели разгадать его намерения и после короткой импровизированной судебной процедуры казнили предателя. В пользу продуманного подбора кадров для “Исполнительного органа специальных операций” говорит и тот факт, что, в отличие от разведки, на службу в нем допускались лица с двойным гражданством и иностранные подданные. В числе сотрудников СОЕ было несколько американцев, испанцев, немцев, австрийцев, количество же французов и итальянцев исчислялось сотнями. И при всем этом не наблюдалось ни одного случая перехода на сторону противника, хотя общий штат службы насчитывал много тысяч человек.

При создании СОЕ Черчилль назвал новую организацию “министерством неджентльменских методов войны” и напутствовал ее фразой: “Теперь разожгите в Европе пожар!”²⁴. В СИС с большой ревностью и скептицизмом наблюдали за соперниками и полагали, что единственное, что могут сжечь эти дилетанты – это прикрытие ее агентов. Тем не менее, СОЕ был ориентирован именно на боевые операции, вначале проводившиеся с большим трудом. До перелома в ходе войны большинство европейцев лишь с большей или меньшей долей симпатии наблюдали за движением Сопротивления, не выражая никакого желания примкнуть к нему. Исключение составляла только Польша, где оккупационная политика Германии была намного жестче, чем на Западе, и вызывала соответствующую реакцию населения. Многие упрекают СОЕ в непрофессионализме и дилетантстве, но ничего иного и нельзя было ожидать от столь спешно сформированной организации, у которой в течение войны сменились три исполнительных директора. В апреле 1942 года из-за ухудшившегося состояния здоровья Нельсон передал дела своему заместителю, в недавнем прошлом видному банкиру Чарльзу Хэмбро, а с сентября 1943 по январь 1946 года во главе организации находился профессиональный военный, бригадир, а впоследствии генерал-майор Колин Габбинс. Сменился и министр экономической войны, этот пост занял лорд Сельборн. Новый министр стал крайне удобной в политическом отношении фигурой, поскольку, с одной стороны, являлся консерватором, которого невозможно было заподозрить в намерении поддерживать революционные и национально-освободительные движения, а с другой – он никогда не был тесно связан со своей партией и никак не мог считаться оголтелым реакционером. Все эти кадровые перестановки явились отражением происходившей вокруг СОЕ межведомственной борьбы, в которой организация едва не утратила самостоятельность, а также изменения общей военно-политической обстановки. В течение первого периода существования СОЕ был значительно более вовлечен в боевые операции, чем армия, и до середины 1942 года не подвергался особым нападкам, если не считать перманентного стремления МИ-6 поглотить его. Однако дальновидный Черчилль уже тогда думал о послевоенном устройстве Европы и роли Великобритании в ней. Он потребовал продемонстрировать всему миру, что вклад его страны в движение Сопротивления не ограничивается пропагандистскими радиопередачами и разбрасыванием листовок с самолетов, и это отразилось как на общей концепции работы, так и на структуре всей организации и судьбе ее руководителей.

После летних реформ 1942 года историю СОЕ можно разделить на четыре этапа. Вначале проводимая лордом Сельборном политика умиротворения конкурентов привела к определенному ограничению сферы деятельности организации, но при этом повысился ее авторитет, а также четче обозначились направления работы. В сентябре 1943 года развернувшиеся события и совершенно особый статус возглавлявшегося генерал-майором У. А. М. Стэуеллом Каирского центра (“Специальные операции – Средиземноморье, или СОМ) спровоцировали британское командование на Среднем Востоке начать атаку на СОЕ

в целом. Подробности этого называемого “кризиса Комитета обороны Среднего Востока” описываются в соответствующей главе. Военные и дипломаты договорились отстранить его от самостоятельных действий в регионе, что на фоне провалов в Нидерландах и претензий командования бомбардировочной авиации к неудовлетворительным результатам оценки итогов действий королевских ВВС по объектам в Германии было чревато самыми серьезными для СОЕ последствиями. Это было скверно не только само по себе, но неизбежно отразилось бы на общей позиции организации и вскоре низвело бы ее до уровня структурного подразделения военного министерства или министерства иностранных дел. СОЕ спасло благожелательное отношение Черчилля, а также то, что к концу 1943 года, когда в правительственных кругах принималось решение о его дальнейшей судьбе, уже шла активная подготовка к операции “Оверлорд”. Вторжение в Европу требовало поддержки со стороны местного Сопротивления, а в случае ликвидации СОЕ осуществить это было бы крайне трудно. В ходе третьей фазы своей истории (январь — сентябрь 1944 года) СОЕ продемонстрировал хороший уровень работы, доказал, что по праву может считаться “четвертым видом вооруженных сил” и окончательно ушел от пропагандистских операций, передав их ПВЕ. Численность организации в июне 1943 года достигла 7 тысяч человек, в сентябре — 11 тысяч, а в пиковый месяц, февраль 1944 года — 12 тысяч. С этого времени подразделение Северо-Западной Европы СОЕ во главе с бригадиром Е. Е. Моклер-Ферримэнном стало именоваться Штаб-квартирой специальных сил и было передано в подчинение Верховного штаба союзнических экспедиционных сил (СХАЕФ), не изменив при этом ни своего штата, ни расположения на лондонской Бейкер-Стрит. Последний, четвертый этап деятельности характеризовался спокойной и планомерной работой СОЕ как в Европе, так и на Дальнем Востоке, с одновременным сворачиванием ее по мере освобождения оккупированных территорий. На протяжении двух последних периодов деятельности Исполнительного органа специальных операций существенно возросла успешность его миссий. В частности, с 1943 по 1945 годы во Францию было успешно заброшено 5332 агента, в Бельгию — 258 агентов, в Нидерланды — 294 агента, в Норвегию — 599 агентов, в Данию — 408 агентов²⁵.

Вся деятельность СОЕ проходила под личным и неусыпным наблюдением премьер-министра, принимавшего непосредственное участие в управлении своим детищем. Однако степень самостоятельности этой спецслужбы в проведении специальных операций никогда не была полной. Все действия в зоне ответственности военно-морского флота предпринимались СОЕ лишь после получения одобрения Адмиралтейства. Диверсии и акты саботажа в отношении наиболее значимых объектов осуществлялись по решению Военного кабинета или командования, доводивших эти задания до исполнительного директора СОЕ через министра экономической войны. Уже упоминавшееся противоречие между целями Британской империи в войне и радикальным характером основной массы участников движения Сопротивления после 1943 года тревожило правительство все сильнее. После нападения Германии на СССР в 1941 году Черчилль публично заявил, что “если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин”²⁶, однако через два года ситуация коренным образом изменилась. Планы немцев по проведению операции “Зеелеве” — высадки войск на Британских островах — были похоронены навсегда, развитие событий на всех театрах военных действий продемонстрировало их очевидно неблагоприятный для Германии ход. В этих условиях правительству следовало думать уже не только о путях достижения победы над врагом, но и о послевоенном устройстве мира, а многое указывало на то, что победоносные советские войска неизбежно принесут в Европу коммунистическое влияние. Черчиллю пришлось считаться с провалом плана высадки на Балканах, которое он пытался осуществить, чтобы ударом в северном направлении отрезать этот регион от наступающей Красной Армии, однако скорректировать ситуацию в собственной стране и тем более в спецслужбах было вполне в его силах. Ближе к концу войны премьер-министр распорядился ужесточить контроль за коммунистами и уволить их из кадров секретных служб. 13 апреля 1944 года в письме к постоянному заместителю министра иностранных дел Кадогану он пояснял: “Мы чистим все наши секретные учреждения от коммунистов, поскольку знаем, что они не питают преданности к нам или нашему делу и всегда будут выдавать наши секреты Сталину”²⁷. Надо сказать, что такое решение имело под собой немалые основания.

Прокоммунистически настроенный выпускник Кембриджского университета лейтенант Ормонд Лейтон Юрен служил в венгерской секции СОЕ во временном звании капи-

тана и располагал информацией о деталях специальных операций, методах их проведения, условиях связи и финансирования, а также политике, проводимой в весьма интересовавшем СССР регионе Балкан, отчасти в Чехословакии и Польше. В апреле 1943 года Юрен по собственной инициативе связался с членом ЦК и основателем коммунистической партии Великобритании, бывшим комиссаром XI (английской) интербригады Дугласом Спрингхоллом и передал ему имевшиеся у него материалы. Как ни странно, он совершенно не задумался о возможности текущего наблюдения Службы безопасности за столь видным членом компартии, и их контакт был зафиксирован. Опасность для Юрена заключалась в том, что с ноября 1942 года наблюдение было уже не дежурным, а вполне целенаправленным. Причиной этого стал весьма настороживший контрразведку визит коммуниста в дом служащей министерства авиации Оливы Шихан. Сотрудники Особого отдела допросили женщину и выяснили, что Спрингхолл сумел убедить ее передавать ему содержание секретных документов министерства, мотивируя это нежеланием британского правительства предоставлять союзнику жизненно важную для ведения войны информацию. Дело Шихан слушалось в закрытом судебном заседании, на котором она отделалась весьма мягким приговором. К трем месяцам тюремного заключения за шпионаж не приговаривали никогда, но в данном случае это явилось вознаграждением за обещание дать официальные показания против Спрингхолла. Совершенно ясно, что в подобной ситуации встреча офицера СОЕ с замешанным в сборе секретной информации коммунистом не могла остаться без последствий. Утром 17 июня 1943 года его арестовали, в результате чего Юрен не смог вечером того же дня провести с ним заранее намеченную, седьмую по счету встречу. Одновременно из МИ-5 и МИ-6 уволили двух сотрудников, оказавшихся коммунистами.

Обвинение Спрингхолла в шпионаже, в отличие от сбора секретной информации, осталось недоказанным, он отрицал все категорически, но получил семь лет тюремного заключения. И следователям, и суду было совершенно ясно, что в обоих случаях цель подсудимых явно состояла в дальнейшей передаче информации советской разведке, однако эту часть обвинения подтвердить не смог никто. Вопреки рекомендациям Форин офис, дела Спрингхолла и Юрена слушались в открытом заседании. Результат не замедлил сказаться. Советское посольство принесло официальный протест на необоснованные обвинения, а компартия демонстративно исключила Спрингхолла из своих рядов. Практически сразу же была уволена и его жена, сотрудница газеты "Дейли Уоркер". Юрена арестовали 24 сентября, а уже 21 октября он предстал перед военным судом. Бывший офицер СОЕ также отрицал шпионаж и признал лишь нелегальные встречи и передачу секретной информации. Он утверждал, что совершил это лишь с целью "показать Спрингхоллу, что я полностью верю ему, и что он может полностью доверять мне как искреннему приверженцу коммунизма"²⁸. Юрен также был приговорен к семилетнему тюремному заключению.

СОЕ являлся структурой военного времени, поскольку проведение специальных операций в мирных условиях нарушает принципы международного права и теоретически не допускается. В связи с этим после окончания боевых действий в Европе необходимо было решить дальнейшую судьбу как самой организации, так и тысяч ее сотрудников. С этой целью в июне 1945 года правительство сформировало комитет в составе председателя ОКР Кавендиш-Бентинка, представителей начальников генеральных штабов трех видов вооруженных сил, казначейства, а также руководителей МИ-6 Мензиса и СОЕ Габбинса. Принять решение было довольно трудно. Здравый смысл и экономические соображения диктовали требование просто распустить Исполнительный орган специальных операций, но неясные политические перспективы удерживали от такого шага. Кавендиш-Бентинк рекомендовал: "СОЕ должен стать частью СИС, и одновременно необходимо приложить все возможные усилия в интересах эффективности и экономии в объединении деятельности СИС и СОЕ"²⁹. Однако сказать это было легче, чем сделать. Прежде всего, СОЕ многократно превосходил разведку как по численности, так и по бюджетному финансированию, поэтому перспектива его присоединения к СИС выглядела довольно странно и напоминала ситуацию принятия полком в свой состав дивизии. Поэтому даже при условии принципиального согласия на такое решение диверсионные и партизанские подразделения следовало радикально сократить. Позиция Габбинса была иной. Он не мыслил общественной жизни в послевоенный период без специальных операций и полагал, что они должны превалировать над классической разведкой. Генерал предлагал включить группу офицеров-специалистов по подрывным операциям в каждую из контрольных комиссий с перспективой разворачивания боевой де-

тельности немедленно после получения команды. Однако это было уже слишком даже для начала холодной войны, когда британцы совершенно не исключали итоговарианта возврата разоруженным дивизиям вермахта их вооружения и нанесения совместного с западными союзниками удара по Красной Армии. Поэтому, не отрицая возможности и необходимости проведения специальных операций против СССР, СОЕ был все же значительно сокращен и включен в СИС в очень урезанном виде. Юридически это произошло 15 января 1946 года, однако некоторые его “станции”, в особенности на Дальнем Востоке, продолжали параллельное с резидентурами СИС существование вплоть до 1947 года. На Средиземном море ИСЛА тоже был заменен Объединенной организацией по исследованию и планированию (КРПО) с точками в Аммане, Багдаде, Басре, Бейруте, Дамаске, Порт-Саиде и Тегеране. Возглавил ее ветеран британской Индийской армии Джон Тич.

В этот период Габбинс проводил основное время не на службе, а в клубе специальных сил в Кенсингтоне, который представлял из себя не просто место встреч и времяпровождения, а являлся точкой, где можно было быстро набрать и мобилизовать офицеров и солдат со специальной подготовкой для проведения иррегулярных операций и диверсий. В дальнейшем именно в этом клубе набирались бойцы для контрпартизанских действий в Палестине и Малайе, где им зачастую приходилось противостоять местным бойцам, подготовленным и вооруженным самим же СОЕ.

Еще одним органом подрывных операций военного времени являлся ПВЕ. Ввиду окончания боевых действий в Европе и отсутствия там противника он также подлежал роспуску, о чем его сотрудники и были уведомлены в мае 1945 года. На период расформирования организацию перевели под министерский контроль Форин офис, а Габбинс в прощальном письме последнему исполнительному директору Исполнительного органа политической войны Роберту Брюсу Локкарту выразил убежденность в необходимости продолжать ведение “черной пропаганды” на Европу и Дальний Восток. Однако в Лондоне все яснее осознавали, что настоящий противник Великобритании вовсе не повержен, и в борьбе с ним пропагандистские методы могут оказаться наиболее полезными. Поэтому в итоге подлинного расформирования ПВЕ не произошло, просто его подразделения после соответственного сокращения включили в Департамент политической разведки (ПИД) министерства иностранных дел, временным руководителем которого был генерал-майор Кеннет Стронг.

Возвращаясь к МИ-6, следует отметить, что дело Спрингхолла послужило толчком для ее реорганизации и переориентации направленности. На протяжении всей войны V (контрразведывательная) секция СИС совершенно не занималась союзниками, уделяя все внимание странам “оси”, теперь же ситуация принципиально изменялась. В августе 1943 года заместитель руководителя СИС Валентин Вивиан составил секретный меморандум, в котором писал: “Противоречия между Великобританией и Советским Союзом столь же велики, как и между Великобританией и нацистской Германией... Советская Россия является нашим другом только до тех пор, пока она может извлекать выгоду из этой дружбы. Она не доверяет нам и будет обращать все усилия на шпионскую деятельность против нас даже в годы дружбы. Когда она получит от этой дружбы все, что возможно, она безжалостно активизирует все свои секретные службы против идеалов, за которые борется Британия... Таким образом, на этом пути нашим злейшим врагом может оказаться тайная агрессия Советской России... Но мы не должны допустить такую ошибку — мы не можем доверять русским так же, как мы доверяем, к примеру, чехам или американцам, или давать им информацию, способную предать важные или уязвимые источники, или позволить офицерам советской разведки на местах изучать нашу разведку где-либо”³⁰. Собственно, подобный подход не являлся чем-либо новым, поскольку многие сотрудники британской разведки воспринимали Вторую мировую войну как досадный и опасный перерыв в работе против СССР и коммунизма. Однако дело Спрингфилда стало своеобразным катализатором давно вызревавших действий правительства и руководства спецслужб. В законопослушной Великобритании никакие действия секретных служб невозможны без соответствующих инструкций правительства, в особенности консервативного. На основании указания Черчилля Мензис организовал IX секцию, специально предназначенную для ведения наступательной контрразведки против коммунистических стран. Строго говоря, такое подразделение планировалось создать еще в 1939 году, но советско-германский конфликт на время сделал эту проблему неактуальной. Теперь V секция переориен-

тировалась на второстепенные страны, а реформированной IX (бывшей диверсионной, или “D”, а затем шифровальной) секции поручались сбор и анализ информации о шпионских и подрывных действиях Советского Союза и других стран с коммунистическими режимами во всех регионах мира, не входящих в состав Британской империи.

Подобный подход был характерен не только для МИ-6, антикоммунистическими настроениями отличался и СОЕ, в особенности после дела Юрена. Габбинс владел русским языком и хорошо знал Россию еще с 1919 года, когда высаживался в Архангельске в составе экспедиционных сил под командованием генерала Айронсайда, а в межвоенный период после краткого периода службы в Ирландии руководил советской секцией военной разведки. Во второй половине войны СССР уже воспринимался в СОЕ как новый враг, и исполнительный директор организации дал указание насаждать в Центральной Европе агентурные сети мирного времени.

Здесь следует вновь вернуться к начальному периоду войны и вспомнить об административных проблемах, с которыми столкнулась МИ-6. Настоящим якорем спасения для разведки стало включение в ее состав Правительственной школы кодов и шифров (ПШКШ), после чего все достижения криптографов автоматически записывались в актив разведки и поднимали ее статус и престиж. Перед самой войной ПШКШ вместе с коллегами из Польши и Франции включилась в межсоюзническую операцию по вскрытию немецкой переписки, закрытой с помощью электромеханических шифраторов “Энигма”. Эта работа держалась в столь строгом секрете, что первые сведения о ней появились лишь в 1967 году. Операция “Ультра”, как ее называли англичане, после атомной бомбы была самым охраняемым секретом Второй мировой войны, недаром ее название представляло собой первую часть словосочетания “ultra secret” — “сверхсекрет”. Понятна тайна, окружавшая программу во время войны, поскольку одним из основных постулатов криптоанализа является сохранение в секрете от противника факта компрометации его шифров. Однако в послевоенное время, казалось бы, этот триумф интеллекта британских математиков заслуживал обнародования, поскольку оказал на ход войны куда более важное влияние, чем, например, многократно прославленное потопление линкора “Бисмарк”. Но этого не произошло, и “Ультра” сохранялась в тайне на протяжении 22 лет. Одна из причин столь долгого молчания заключалась в том, что в ходе войны и после победы англичане захватили сотни исправных “Энигм”, которые во второй половине 1940-х годов с большой выгодой продавали своим союзникам и нейтральным странам. Естественно, что заявить при этом о возможности быстрого подбора ключей к закрытым ими текстам было невысказано. Кроме того, операция “Ультра” держалась в строжайшей тайне от СССР. Политический резонанс от признания факта сокрытия от союзника в войне подобного источника неизбежно нанес бы огромный политический урон Лондону, и это послужило дополнительной причиной не рассекречивать сведения об операции. Даже в самой британской разведке ПШКШ обозначалась как “Станция X” или “разведка специального назначения”, что отчасти прикрывало характер выполняемых ей работ. Важность получаемой информации позволяла увеличивать штаты, и к июню 1943 года в Блечли-Парке уже работали 5052 человека, а секция ВМС, например, за период с 1939 по 1943 годы выросла с 24 до 1000 сотрудников. Для сравнения, весной 1942 года ПШКШ насчитывала в целом около 1500 служащих, которые уже тогда перехватывали каждый месяц приблизительно 25 тысяч радиogramм вермахта и люфтваффе, а также 14 тысяч сообщений кригсмарине.³¹

Начало войны не застало криптографов врасплох. В Блечли-Парке об “Энигме” уже знали, имели созданную поляками ее реконструкцию и описание, а также их общие соображения и первые наработки относительно методов отыскания ключей. Однако пока оставалось неизвестным, что к концу 1939 года немцы использовали около 50 различных, более или менее отличных друг от друга вариантов “Энигмы”, и открытие этого факта преподнесло англичанам весьма неприятный сюрприз. Электромеханическими шифраторами для закрытия переписки пользовались вермахт, люфтваффе, кригсмарине, спецслужбы и железнодорожное ведомство, и в каждом случае имелись свои организационные и технические особенности.

Британцы привлекли в ПШКШ мощные силы криптографов и математиков, но среди них отсутствовали поляки, поделившиеся секретом своего “циклометра”, поскольку никто из них не работал в программе “Ультра”. Согласно установленным правилам безопасности, ни один человек, хоть сутки находившийся на оккупированной территории, не мог получить допуска в Блечли-Парк, а поляки с 1940 по ноябрь 1942 года размещались на территории,

фактически контролируемой немцами, и то, что им долгое время удавалось скрываться, ситуацию не меняло. После ввода вермахта в южную часть Франции часть криптографов во главе с майором Лангером была захвачена абвером, однако большинство поляков, среди которых были двое ведущих специалистов по проблеме “Энигмы”, ускользнули от ареста. Ежи Розичкий, третий из них, 9 января 1941 года погиб на торпедированном судне по пути из Алжира во Францию. Реевский, Зигальский и некоторые другие через Испанию и Португалию добрались до Англии и разместились там в Боксмуре близ Лондона, где образовали отдел криптоанализа батальона связи польского генерального штаба в изгнании и изредка выполняли отдельные поручения ПШКШ. Мариан Реевский вернулся после войны на родину и умер в 1980 году в возрасте 74 лет, Хенрик Зигальский остался жить в Англии и ушел из жизни двумя годами раньше своего коллеги.

Честь систематического прочтения шифров “Энигмы” во время Второй мировой войны принадлежит британцам. Наибольший вклад в операцию внесли А. Нокс, С. Александер, Ч. Баббедж, Р. Твинн, Г. Уэлчман, Фр. Эдкок, Д. Маккарти, Э. Уилсон и, конечно же, гений математики Алан Тьюринг, по мнению многих, основоположник компьютерной науки. Тьюринг воспользовался идеей Реевского и на базе польского “циклометра” значительно развил и усовершенствовал идею машинной дешифровки. В конце 1939 — начале 1940 года вместе с Гордоном Уэлчманом он создал новое, полностью механизированное устройство для отыскания ключей к “Энигме” под тем же ироничным названием “Бомба”, которое употреблял, однако, на французском языке. “Бомбы Тьюринга” в обстановке особой секретности производились на заводе “Британской компании машинных табуляторов” в Лейхтворте по контракту, обозначавшемуся шифром “CANTAB”. Дальнейшая научная карьера их создателя,

Алан Тьюринг

одного из лучших в мире специалистов по математической логике Алана Мэтисона Тьюринга, прозванного коллегами “Проф”, была блестящей, но недолгой. Наряду с криптоанализом, он с декабря 1942 года занимался организацией шифрованной голосовой радиосвязи премьер-министра Великобритании с президентом США. Многие исследователи истории математики и кибернетики полагают, что именно разработка Тьюринга имеет право считаться первым программируемым компьютером. В дальнейшем ученый много работал над проблемами механического интеллекта и имел все основания считаться баловнем судьбы. К несчастью, в 1952 году жизнь Тьюринга трагически изменилась. За гомосексуальную связь с 19-летним юношей он попал в тюрьму и вышел оттуда морально сломленным и лишенным допуска к любым видам секретных работ, следовательно, ко всем делам его жизни, а в 1954 году покончил с собой, приняв цианид.

Математическая суть британского дешифратора стала теперь иной, и именно для отличия от прежней конструкции его часто именовали “Бомбой Тьюринга”. Поляки анализировали условные группы германских радиogramм и искали в них повторяющиеся буквы, англичане же сделали ставку на так называемые “геометрические закономерности” перестановки символов, что принципиально повысило возможности устройства и увеличило его быстродействие примерно в 15 раз. Окончательно доведенный к августу 1940 года дешифратор состоял из трех горизонтальных рядов барабанов, соответствовавших трем установкам роторов вскрываемой “Энигмы”. Каждый барабан имел 104 проволочные щеточки-контакта, и при вращении первого, самого быстрого барабана на переключение каждого из них приходилось по 10 миллисекунд. Скрэмблеры устройства работали параллельно с разрывом в две буквы, образуя таким образом экономящую время каскадную схему дешифровки. Одновременно с установками роторов дешифраторы определяли комбинацию шнуров на штепсельной панели “Энигмы”, что являлось весьма сложной задачей, нередко уводившей криптографов на ложные пути.

Ряд специалистов придерживается несколько шокирующего для широкой публики мнения: они утверждают, что в действительности шифры “Энигмы” так никогда и не были вскрыты в полном смысле этого слова. Действительно, прочтение некоторых, пусть даже многих сообщений еще не является доказательством того, что все закрытые шифратором тексты могут быть гарантированно прочтены. Полный анализ истории операции “Ультра”

невозможен и по настоящее время, несмотря на огромный объем рассекреченного материала, но ее участник Гордон Уэлчман, а вслед за ним и известный историк разведки Найджел Уэст настаивают на том, что вскрывались лишь те сообщения, при шифровании которых немецкие операторы допускали нарушения утвержденной процедуры секретности и тем самым давали своим противникам ключи для их дешифровки³². В самом деле, каждая “бомба” перебирала полмиллиона возможных комбинаций в течение нескольких часов, а криптографическая стойкость шифров “Энигмы” была значительно выше, и если бы не промахи и ошибки германских шифровальщиков, количество прочтенных документов могло бы быть просто мизерным. В качестве примера приводится морской шифр “Ойстер”, не поддавшийся долгим и упорным попыткам англичан вплоть до конца войны и даже позднее. Причиной этого была особая внимательность использовавших его операторов-подводников и удачные формулировки исходных текстов. Уэст не без оснований утверждает, что подлинным секретом “Ультры” были те нарушения процедуры шифрования, которые допускались немцами и использовались ПШКШ/ШКПС в своих целях, поскольку если бы информация об этом просочилась к противнику, то ужесточенные меры секретности, судя по всему, сделали бы “бомбы” значительно менее эффективным оружием. Сами того не зная, немецкие операторы “Энигм” зачастую невольно способствовали противнику. Армейские шифровальщики были не слишком опытными и к тому же набирались из солдат с менее развитым по сравнению с кадровыми военными чувством ответственности. Они часто ошибались, иногда по ошибке преждевременно закрывали сообщение новыми, еще не введенными в действие ключами, и тогда его приходилось повторять, используя уже раскрытые ключи, тем самым позволяя открыть переписку следующего дня. Часто операторы ленились устанавливать произвольную комбинацию на штепсельной панели, а использовали стандартные соединения по горизонтали или по диагонали, радуя своих противников. Особенно этим грешил персонал люфтваффе, и не случайно первые прочтения германских шифров в 1939 году относились именно к переписке военно-воздушных сил.

На флоте дело обстояло иначе. К работе с “Энигмами” допускались исключительно офицеры, поэтому подобных промахов здесь не случалось. Сама процедура шифрования на флоте также в корне отличалась от общепринятой и обеспечивала крайне высокую степень секретности. Прежде всего, это касалось самой уязвимой части сообщения, а именно — условной группы, содержащей индикаторы установок машины. Моряки также предваряли сообщение двумя трехбуквенными сочетаниями, представлявшими собой “группу индикатора процедуры” и “группу индикатора шифра”, однако при этом добавляли к началу первой и в конец второй из них по одной произвольной букве. Таким образом преамбула превращалась из шестибуквенной в восьмибуквенную, а затем одна ее часть помещалась под другой, и образовавшиеся вертикальные пары букв записывались в строку в виде так называемых “биграмм”. На этом процедура защиты не заканчивалась. Полученные четыре пары букв перешифровывались по действовавшей на день передачи сообщения кодовой таблице, и лишь после этого радиграмма уходила в эфир. С перепиской подводных лодок дело обстояло еще сложнее. В кригсмарине применялась в этом случае особая процедура под названием “Стихворт”, вводившаяся в действие по специальному кодовому сигналу. При его получении шифровальщик вскрывал заранее полученный запечатанный конверт с ключевым словом, на основании букв которого изменял первоначально заданное в списке ключей на текущий день взаимное расположение роторов, их установки и шнуровые соединения на штепсельной панели. Все эти меры предосторожности позволили морским шифрам продержаться дольше. Британцы начали раскрывать их на два года позднее армейских, а подводные лодки, применявшие машины с четырьмя роторами, безнаказанно использовали их до 1943 года. Первая же по-настоящему важная информация о стратегических планах немецкого командования была добыта из дешифрованного в январе 1941 года сообщения о намерениях Германии в Греции и на острове Крит.

Помещения ПШКШ в Блечли-Парке становились тесны для все разраставшегося штата, и на территории прекрасного старинного поместья повсеместно стали расти бараки и временки, но все равно места для сотрудников было мало: их численность от 120 человек в 1939 году дошла до 7 тысяч в 1944 (иногда ошибочно сообщается о 10 тысячах). Не следует полагать, что все они являлись криптографами. Работа службы включала в себя полный цикл операций, включавших перехват радиogramм, дешифровку, раскодирование дешифрованного текста, перевод на английский язык, составление информационных документов

и их рассылку, для чего было создано особое Подразделение специальных связей (СЛЮ). Немало людей занималось охраной Блечли-Парка и обеспечением его безопасности в контрразведывательном отношении. В качестве прикрытия для криптографической службы использовалось обозначение “Штаб-квартира правительственной связи” (ШКПС), сразу после войны ставшее ее официальным названием. Однако при реорганизации службы в 1942 году еще не утвержденное наименование ШКПС практически полностью вытеснило прежнее ПШКШ. Директором ПШКШ/ШКПС официально являлся начальник разведки, то есть Стюарт Мензис, а с 1 марта 1944 года он именовался ее генеральным директором.

Эдуард Трейвис

Британские дешифровальщики были разделены на две неравные по численности группы, большая из которых занималась военными, то есть сиюминутными, а меньшая — стратегическими задачами. Учитывая важность радиоразведки вооруженных сил противника для ведения войны, руководивший этим направлением Эдуард Трейвис возглавил ШКПС в целом. С февраля 1942 по март 1943 года он числился заместителем директора по вооруженным силам, но стал фактически руководить службой, сменив в этом качестве Деннистона. Никогда не учившийся в колледже и с 18 лет служивший на флоте, в основном в управлении связи, Трейвис возглавил команду видных ученых и, что примечательно, неплохо справлялся с этой нелегкой задачей вплоть до своего ухода в 1952 году. Прежний фактический руководитель ПШКШ капитан 2-го ранга Элистер Деннистон оставил свой пост и в ранге заместителя директора по граж-

данским делам сконцентрировался на руководстве автономной и особо секретной секцией, переведенной из Блечли-Парка в Лондон. Ее помещения размещались на Беркли-Стрит под вывеской “Магазин шляп Пегги Картер”. Подчиненное Деннистону подразделение отвечало за вскрытие дипломатической и разведывательной переписки. Строго говоря, наименование новой должности бывшего фактического руководителя ПШКШ не слишком изменилось, он, как был, так и остался заместителем директора, однако круг обязанностей этого старейшего британского радиоразведчика существенно сузился. Но его пост был не столь низким или второстепенным, как это может показаться на первый взгляд, поскольку позволял ему руководить стратегическим направлением работы ШКПС, представляющим интерес для министерства экономической войны, контрразведки и Форин офис, в первую очередь в вопросах послевоенного устройства мира.

Чтобы прочесть любую корреспонденцию, вначале ее требуется перехватить. Это обстоятельство обусловило необходимость создания широкой сети станций радиоперехвата, которые к 1944 году располагались в Каире, Мальте, Найроби, Момбасе, Дели, Коломбо и Брисбейне. Не следует полагать, что ШКПС полностью ориентировалась на вскрытие исключительно немецких шифров и кодов. Англичане во время войны читали или пытались читать переписку Германии, Италии, Японии, Франции (Виши), Швеции, Испании, Португалии, Советского Союза, Китая, Венгрии, Болгарии, Румынии и некоторых других государств. Обращает на себя внимание тот факт, что почти все перечисленные страны либо находились в состоянии войны с Великобританией, либо были ориентированными на страны “оси” нейтралами, а вот Китай и СССР являлись союзниками по антигитлеровской коалиции, читать переписку которых вроде бы не полагалось. Однако Лондон — это не межвоенный Вашингтон. Там никогда не связывали себя подобными условностями, тем более, что и Москва в этом отношении была далеко не безгрешна. В дальнейшем термин “Ультра” использовался не только для обозначения дешифровки германской переписки, закрытой с помощью “Энигмы”, но и для всех дешифрованных особо важных источников информации, независимо от их национальной принадлежности и способа шифрования. Информация второстепенной важности обозначалась кодовым словом “Перл”, а добытые с помощью анализа перехвата сведения носили гриф “Тамб”.

Со вскрытием итальянских шифров произошел курьез. Итальянцы с начала 1941 года закрывали свою переписку с помощью примитивного шифратора фирмы “Хагелин”, ключи к которому ПШКШ подобрала уже в июне того же года. Но таких машин было крайне мало, зато использовавшиеся книжные шифры неожиданно оказались весьма стойкими, с

начала войны их так и не сумели раскрыть. Однако сами итальянцы не были уверены в их надежности и между июнем и ноябрем 1940 года заменили их на новые и более, как они полагали, стойкие. По иронии судьбы, именно эти шифры поддались усилиям противника.

Криптографическая деятельность секретной службы весьма отличается от обычной криптографии. Разведка не может ждать, пока ученые отыщут ключи к зашифрованным текстам, она мобилизует свои силы на облегчение и ускорение этой работы. В случае с “Энигмой” выкрасть шифр было невозможно в принципе, поэтому англичане попытались добыть установки ключей на определенный период. Эта идея возникла у разведки флота после случайного захвата криптографических документов и роторов “Энигмы” абортажной командой на немецком вооруженном траулере “Кребс”. Несколько ранее, 12 февраля 1940 года на потопленной тральщиком “Клинер” подводной лодке U-33 англичане захватили первые роторы к “Энигме”. Командир лодки приказал членам экипажа разбросать в море разобранные части шифровальной машины, чтобы они не достались противнику, однако три ротора обнаружались в кармане брюк забывшего избавиться от них матроса. После такого частичного успеха Адмиралтейство уже специально запланировало аналогичную операцию и направило эскадренные миноносцы на захват одного из германских траулеров, несших в Северной Атлантике метеорологическую службу в интересах кригсмарине. Эти суда оснащались шифровальным оборудованием, о чем англичане знали из перехваченных и явно закрытых с помощью “Энигмы”, но не дешифрованных сообщений о погоде. Лишь 7 мая 1941 года эсминец “Сомали” сумел настичь вооруженный траулер “Мюнхен”, радист-шифровальщик которого успел выбросить за борт шифратор, однако в панике забыл уничтожить документацию с установками ключей. Через два дня британцы добились нового успеха. С захваченной в Гренландском море подводной лодки U-110 до ее потопления они успели снять четырехроторную “Энигму” и инструкции по ее использованию. Операция была столь секретной, что содержалась в тайне 17 лет, до 1958 года. Еще один захват произошел 25 июня 1940 года, когда на вооруженном траулере “Лауенберг” были добыты и шифратор, и инструкции по его использованию, и таблица ключей. Такие удачные действия стали возможными потому, что на британских кораблях находились специально выделенные офицеры разведки, прекрасно знавшие, что именно им следует искать в радиорубках судов противника. Например, “Мюнхен” обыскивал капитан 1-го ранга Хейнс, специалист по радиоперехватам и шифрам. Особенная важность придавалась сохранению в тайне факта захвата, поэтому траулеры не стали вести в порт, а утопили в море, подводная же лодка из-за повреждений также не дошла до берега и затонула.

Морские шифры Германии отличались продуманностью и разнообразием, и исход сражений подводной войны в Атлантике и на Средиземном море во многом зависел от криптографов. Весьма помог англичанам захват на тонущей подводной лодке 13 декабря 1942 года экземпляра шифра “Тритон” с таблицей ключей и документами по его использованию. За этот успех заплатили жизнями двое моряков из абортажной партии, не успевших выбраться из отсека и утонувших вместе с лодкой. Шифр “Тритон” использовался подводными лодками в Атлантике и других регионах, за исключением непосредственно входивших в группу “Норд”, а также находившихся на Средиземном море и применявших шифр “Медуза”. Надводные корабли в Балтийском и Северном морях, в прилегающих к оккупированным территориям водах и несущие службу по охране водных районов в Норвегии и Франции использовали шифр “Гидра”, в Средиземном и Черном морях — “Зюйд”, в других случаях — “Эгир”. Одним из редко применявшихся шифров был “Нептун”, его применяли только тяжелые корабли флота при выполнении особых заданий, а надводные рейдеры использовали “Специальный шифр 100”. Существовали и еще более специализированные шифры. “Фрейя” принадлежала главному командованию кригсмарине (ОКМ), с помощью “Бертон” поддерживалась связь Берлина с военно-морским атташе в Токио, “Тетис” использовали учебные подводные лодки, “Тибет” — суда снабжения, а “Слейпнер” — корабли, проводившие на Балтике учебные стрельбы торпедами. Это лишь неполный список шифров флота, а ведь были еще и вермахт, и люфтваффе, и абвер, и иные ведомства, и все перехваченные радиogramмы нужно было прочесть и обработать. Представление об общем объеме вскрытой ПШКШ/ШКПС переписки дают величины ежедневной дешифровки в 1943 году: 2 тысячи итальянских документов и от 30 до 90 тысяч немецких.

С помощью “Энигмы” закрывалась переписка вермахта на уровне до армий включительно, а для наиболее важных сообщений использовались машины и шифры, которые

англичане именовали “рыбой”. Эта группа особых шифров Гитлера и верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), применявшихся для связи со штабами групп армий, в некоторых случаях — отдельных армий, но не ниже. Шифровальные машины были устроены по одному принципу, однако имели совершенно разные идеологию и конструкцию. Первый тип шифраторов (серийные модели T-52-B, T-52-C, T-52-D и T-52-E, машина T-52-A являлась экспериментальной) производился фирмой “Сименс и Гальске”, второй (SZ-40 и SZ-42) — фирмой “Стандарт Электрик Лоренц”. Машины Лоренца представляли собой отдельное устройство, присоединявшееся к стандартному телепринтеру, а машины Сименса были интегрированы в устройства связи (за исключением модели Z). Дешифровальщики Блечли-Парка сконцентрировались на машине “Лоренца”, которую они именовали “Тунец”, использовавшейся ОКВ и впервые зафиксированной в середине 1941 года в переписке Берлина с Афинами и Веной. Всего “рыб” было 22 типа, считая модификации как самих машин, так и шифровальных систем. Военно-воздушным силам принадлежал “Осетр” (“Сименс и Гальске”), существовали также “Сельдь”, “Макрель” и другие. В ПШКШ занялись “Тунцом”, поскольку переписка верховного главнокомандования вермахта была наименее открыта в перехватах “Энигмы”. Первоначально британцы совершенно не имели представления о типе и характере применяемой немцами системы. В отличие от ситуации с “Энигмой”, дешифровальщики ПШКШ до самого конца войны не располагали шифратором “рыбы” или его копией, что делает их достижения намного более впечатляющими с научной точки зрения.

Система шифрования “рыбы” представляла собой изменение стандартного международного 32-символьного телеграфного кода Бодо, записывавшегося на перфорированной бумажной ленте с пятью дорожками. Каждый знак изображается там пятью символами, представляющими собой расположенные в определенном порядке перфорированные отверстия или отсутствие таковых. Первые попытки шифрования телеграфных сообщений были предприняты еще в 1918 году сотрудником компании АТТ Жильбером Вернамом, изобретение которого практически использовалось американцами с 1919 года. Оно заключалось в добавлении к символам Бодо некоторых комбинаций, делавших их недоступными для противника. Трудность в данном случае заключалась в том, что для прочтения сообщений операторы передающей и принимающей установок должны были использовать одинаковые одноразовые рулоны с перфорацией, что в условиях военного времени осуществить было практически невозможно. Преодолеть это затруднение немцам помогла шифровальная машина “Лоренца”, при одинаковой установке генерировавшая одинаковые псевдослучайные ключи. Полученные сигналы передавались в эфир и представляли собой не знаки азбуки Морзе, а комбинации сигналов двоичного кода иного рода в виде точек и крестов, иногда записывавшихся как “0” и “1”. Алфавит “рыб”, включая служебные знаки, состоял из 32 символов, каждый из которых определялся комбинацией из пяти первичных знаков. Шифраторы Лоренца имели 12 роторов, установки которых менялись хотя и не ежедневно, но через достаточно короткие промежутки времени, а в конце войны иногда и после каждого сообщения. Роторы делились на три вида, которые в ПШКШ/ШКПС обозначались буквами греческого алфавита “кси” и “пси”, и буквы шифровались одновременно установкой обоих типов роторов. Пять роторов “кси” (№№ 1 — 5) имели 41, 31, 29, 26 и 23 установки, пять роторов “пси” (№№ 8 — 12) — 43, 47, 51, 53 и 57 установок. Средние, роторы № 6 и № 7 имели соответственно 61 и 37 положений и управляли поворотами роторов “пси”. Британцы долго не могли вскрыть новые шифры, хотя довольно быстро поняли, что они относятся не к шифрам перестановки или замены, а к шифрам добавления. Успех, как всегда, был достигнут благодаря ошибкам шифровальщиков. Сообщению предшествовала 12-буквенная условная группа, обозначающая установки роторов машины, и однажды англичане перехватили два приблизительно 4000-буквенных сообщения с одинаковой преамбулой HQIVREXEZMUG. Это произошло, по всей видимости, из-за ошибки оператора при передаче первого сообщения, и оно было передано вновь с той же самой условной группой. Подобная операция категорически запрещалась инструкциями, однако человеческий фактор возобладал над бумагой, и приказ был нарушен. Это не продвинуло бы англичан вперед ни на шаг, но немецкий шифровальщик допустил еще одну ошибку: он несколько сократил передачу и сокращенно записал выражение “Номер сообщения” как “SPRUCHNR” вместо “SHPRUCHNUMMER”³³. Сравнение этих двух текстов продвинуло криптографов вперед, хотя пока ненамного. Благодаря значительной длине перехваченных радиোগрамм (еще одна ошибка немцев), британцы сумели исследовать зашифрованные тексты на повторяемость

элементов и по ним установили принципиальное устройство “рыбного” шифратора, но к прочтению текстов по-прежнему не приблизились нисколько. Лишь к началу 1942 года они были готовы непосредственно приступить к вскрытию “Тунца”, однако тут немцы вновь сменили систему ключей, опять отбросив назад своих противников.

Все упомянутые действия осуществлялись в ШКПС вручную, поскольку электромеханическая техника не в состоянии была преодолеть германский шифр. Но вновь вмешались ошибки операторов “рыбы”. Имея повторяющиеся или весьма близкие преамбулы, зная, что пробелы между словами немцы разделяют цифрой “9” и используя устойчивые словосочетания типа “OBERKOMMANDO9WERNMASCHT”, криптографы постепенно начали читать вначале отрывки, а затем и полные тексты таких небрежно зашифрованных радиogramм. Эта стадия прочтения “Тунца” продлилась до 1943 года, после чего в ШКПС накопилось достаточно материала, чтобы использовать методы математической статистики для создания дешифровальной машины под названием “Колоссус”. Она представляла собой первое в истории программируемое устройство, аналог ЭВМ ближайшего будущего. Британцы считают “Колоссус” первым в мире компьютером, опередившим на два года американский ЭНИАК, а его малую известность в мире объясняют лишь засекреченностью устройства. В 1944 году был создан существенно модернизированный “Колоссус” MkII, выпущенный в количестве 10 единиц. Американцы тоже создали “Машину 5202” для вскрытия “рыб”, но по своему техническому совершенству она не шла ни в какое сравнение с разработками их союзников.

ПШКШ/ШКПС первой из британским ведомств установила полномасштабное взаимодействие с американцами, однако путь к этому был нелегким и долгим. После описанного ранее периода одностороннего получения от США криптографической техники в Блечли-Парке поняли, что отношения в этой области приблизились к точке замерзания. Ситуацию следовало исправлять. Уже упоминалось о подписании в октябре 1942 года “соглашения Холдена – Трейвиса” в области криптоанализа военно-морской переписки Германии и Японии. Существенное расширение сотрудничества произошло после подписания в мае 1943 года, возможно, самого секретного за всю войну соглашения, известного под названием БРУСА (Britain – USA). Этот договор на высшем уровне заложил основы сотрудничества армии США и ПШКШ/ШКПС в области вскрытия переписки сухопутных войск, ВВС и спецслужб стран “оси”, установил общую процедуру получения и рассылки информации и правила обработки материалов. В октябре 1943 года на основании БРУСА были изданы общие таблицы ключевых слов, установлены степени секретности данных. Теперь британским “Ультра”, “Перл” и “Тамб” соответствовали американские “Декстер”, “Коррал” и “Рэбид”, вскоре измененные на “Зимотик”, “Суэлл” и “Сидар”. Низшая степень секретности через некоторое время стала обозначаться единым для всех кодовым словом “Пинап”. Меморандум “Безопасность Ультра Декстер разведки” гласил: “Если врагу станет известно о существовании этого источника, он будет утерян навсегда, что жизненно важным образом отразится на всех фронтах”³⁴. Поэтому соглашение БРУСА охранялось в наивысшей степени и осталось недоступным для противника секретом, хотя позднее в круг его участников вошли также Канада и Австралия.

Детальная оценка роли операции “Ультра” в войне не входит в наши задачи. Следует отметить, что она оказала огромное влияние на ход боевых действий, но все же не являлась средством, “приблизившим победу на два года”, как полагают некоторые исследователи. Информацию противника мало прочесть, нужно еще иметь материальные возможности реализовать ее. Сведения о концентрации подводных лодок в конкретном регионе имеют существенное значение лишь тогда, когда туда можно направить дополнительные противолодочные силы или направить конвой в обход, в противном случае командованию остается лишь бессильно наблюдать за итогами успешных действий известных ему сил противника. Кроме того, следует принять во внимание и другие факторы.

Прежде всего, далеко не вся оперативная переписка немцев велась по радио, и поэтому перехват ее значительной части был просто невозможен. Германские службы связи постоянно пытались использовать телеграф и прокладывали провода, где только могли. Это косвенным образом свидетельствует о том, что в Третьей рейхе вовсе не были абсолютно уверены в стойкости шифров “Энигмы”, как полагают многие историки. Судя по всему, демонстративное прочтение ее шифров германским криптоаналитиком Георгом Шредером в 1930 году все же заставило соответствующих специалистов задуматься. Исследователи

проекта “Ультра” отмечали, что немцы нередко передавали по этому каналу дезинформацию, что свидетельствует о понимании ими потенциальных возможностей криптографов противника. Далее, хотя ПШКШ/ШКПС уверенно читал переписку люфтваффе, с вермахтом дело обстояло сложнее. Шифры абвера поддавались прочтению, но это относилось лишь к переписке с резидентурами в нейтральных странах и с абверштелле на германской или оккупированной территории. Комитет по дезинформации успешно использовал перехваченные по этому каналу данные, однако радиообмен с агентурой осуществлялся по книжным шифрам или блокнотам разовых ключей и поэтому оставался недоступным. Это же относится к переписке гестапо и СД, дальновидно не пользовавшихся “Энигмами”. Англичане испытывали значительные сложности в перехвате немецких радиogramм в определенных географических районах, в частности, на Восточном фронте и в высоких широтах. Одним из факторов, наиболее сильно помешавших реализации материалов программы “Ультра” на начальном этапе деятельности, явилась ее высокая степень секретности. Легендируя источник сведений, МИ-6 направляла полученные по этому каналу материалы в правительственные круги в форме информации от некоего агента “Бонифация”, якобы внедренного в высшие властные структуры рейха. Однако у глав министерств и ведомств Британии давно уже устоялось крайне низкое мнение о достоверности и качестве информационных документов разведки, и они не видели причин доверять “Бонифацию” более, чем кому-либо другому. Мензис просто приходил в отчаяние при виде игнорирования столь важной и своевременной информации ее потребителями и решил переговорить на эту тему с осведомленным о программе “Ультра” Черчиллем. Тот отнесся к проблеме вполне серьезно и под большим секретом проинформировал ведущих членов кабинета о том, кто такой “Бонифаций”, после чего использование данных ПШКШ резко улучшилось.

Пожалуй, наиболее наглядно возможности операции “Ультра” проявились в войне на море. Как известно, из-за весьма высокой стойкости шифров подводного флота англичане начали относительно регулярно вскрывать их лишь в 1943 году. Это немедленно отразилось на потерях немцев. За 4 месяца 1939 года союзники потопили 9 германских лодок, в 1940 году — 22, в 1941 году — 35, в 1942 — 85, в 1943 — 237, в 1944 — 241, за 4 месяца 1945 года — 152. Безусловно, к этим результатам привела не одна “Ультра”, огромную роль сыграли и радиолокация, и активное строительство авианосцев, и совершенствование системы конвоев, и воздушные удары по пунктам берегового базирования, но роль криптографии здесь неоспорима.

ПШКШ активно работала по советским кодам и шифрам, всплеск интереса к которым вызвали два заключенных в августе 1939 года советско-германских договора. С февраля 1940 года радиоразведку территории СССР к западу от Каспийского моря вел пост в Сарафанде (Палестина), район Владивостока относился к зоне ответственности “Дальневосточного объединенного бюро” (ФЕКБ) в Гонконге, а всем остальным ведала армейская точка в Абботабаде (Индия). Однако с момента вступления Советского Союза в войну на стороне антигитлеровской коалиции подобные действия в отношении союзника являлись бы грубым нарушением духа и буквы подписанных на этот счет документов. Официально британская разведка прокомментировала это следующим образом: “Вся работа по русским кодам и шифрам была прекращена с 22 июня 1941 года, дня нападения Германии на СССР, за исключением удовлетворения потребностей в ежедневном получении метеосводок с Восточного фронта, для чего русский метеорологический шифр вновь вскрывался с октября 1942 года”³⁵. В действительности дело обстояло несколько иначе. Фактически англичане просто уменьшили интенсивность перехватов советского радиообмена, которыми теперь занимались две станции во Флауэрдауне и две — в Чидде, а вскрытие сообщений они поручили группе польских криптоаналитиков в Стэнморе. Таким образом достигалась внешняя лояльность Лондона по отношению к Москве и создавалось прикрытие на случай утечки информации к союзнику. Действительным сокращением работ на этом направлении явилось полное переориентирование поста перехвата в Сарафанде на итальянские и германские станции в бассейне Средиземного моря. Считается, что поляки полностью или частично вскрыли “Общий командирский код № 5” (ОКК-5), “Авиационный код-39” (АК-39), “Черноморский код” и один из кодов НКВД, а также несколько шифров. По мере назревания послевоенного геополитического противостояния двух систем к процессу вновь осторожно подключились британцы. Помощник руководителя МИ-6 Роберт Сесил вспоминал, в частности, о “перехваченных и дешифрованных СИС инструкциях Кремля партизанским группам и

Генерал-майоры Джон Синклер (справа) и Марк Кларк

движению Сопротивления под контролем коммунистов”³⁶ в период после роспуска Коминтерна в 1943 году.

В течение всего периода Второй мировой войны политическая разведка Великобритании постоянно находилась под угрозой если не ликвидации, то существенного урезания полномочий, от которого ее спасали лишь достижения радиоразведки. Как уже отмечалось, именно ПШКШ/ШКПС стала “якорем спасения” для МИ-6, поскольку только монопольное обладание и распоряжение получаемой из перехватов уникальной информацией позволяло Мензису устоять под натиском военных конкурентов. Это не вполне нормальное положение объяснялось особенностями личности Черчилля, неплохо знакомого с работой секретных служб и зачастую полагававшего себя большим специалистом в этой сфере, чем опытные профессионалы. В частности, из-за недоверия к выводам информационно-аналитических подразделений разведки в 1941 — 1943 годах премьер-министр требовал предоставления ему “сырых” текстов перехватов и, как правило, отказывался принимать к сведению комментарии ОКР

по этому поводу. Результаты далеко не всегда оказывались приемлемыми: подчас премьер принимал весьма легкомысленные решения исключительно по причине собственной неверной оценки или трактовки предоставленных ему дешифровок. Военное министерство и Адмиралтейство пытались снять возникшую проблему путем передачи ПШКШ/ШКПС в прямое подчинение Объединенного комитета по разведке, самым активным сторонником чего являлся начальник военной разведки генерал Джон Арчибальд Синклер.

До тех пор, пока руководитель МИ-6 обеспечивал Черчилля текстами перехватов, его позиция в коридорах власти была прочна, и никто не мог оторвать дешифровальный орган от СИС. Все переменялось после очередных выборов в парламент. 26 июля 1945 года неожиданно для многих британцев и для подавляющего большинства населения планеты Черчилль утратил пост премьер-министра и был вынужден передать его лидеру лейбористов Клементу Эттли. Такое принципиальное изменение расстановки сил в спецслужбах позволило противникам Мензиса объединенными усилиями изменить статус и организацию радиоразведывательной и дешифровальной работы. В ШКПС произошел своего рода “дворцовый переворот”, почти полностью лишивший МИ-6 значительной части ее прежней власти над радиоразведкой. В мае 1945 года был создан комитет по пересмотру организационной структуры и операций МИ-6, в который от разведки вошли занявший место Деннистона капитан 1-го ранга Эдуард Хастингс и сотрудник ШКПС Эрик Джоунс, давний противник методов работы разведки с текстами дешифровок. Это совпало по времени с созданием министерства обороны Великобритании, скорректировавшим задачи Объединенного комитета по разведке. Отныне ими являлись:

1. Высшее руководство относящимися к обороне страны операциями по разведке и обеспечению безопасности и постоянный надзор за их проведением.
2. Сбор и анализ секретной и несекретной разведывательной информации и составление на ее основе отчетов для Комитета начальников штабов.
3. Постоянный надзор за организацией британской разведки для обеспечения ее эффективности, экономичности и соответствия изменяющимся требованиям.
4. Координация общей политики заморских Объединенных комитетов по разведке, находящихся под руководством как Великобритании, так и стран Содружества.

Новая организационная структура положила конец исключительному положению руководителя политической разведки в разведывательном сообществе страны, отныне он являлся отнюдь не главой, а лишь одним из членов ОКР. Еще худшим для Мензиса было назначение на пост заместителя руководителя СИС его давнего противника генерала Стюарта, причем с перспективой замены. Поэтому следует констатировать, что к концу Второй мировой войны британская политическая разведка, несмотря на блестящую работу прямо подчиненной ей криптоаналитической службы, существенно утратила свои позиции.

ПШКШ/ШКПС обладала монополией на ведение дешифровальной работы, но не радиоразведки. В самом тесном контакте с ней действовала разведка Адмиралтейства (НИД), с 1939 года возглавлявшаяся бывшим командиром линейного крейсера “Рипалс” адмиралом Джоном Годфри. Морской разведке не положено было иметь свою агентуру или криптоаналитиков, поэтому три важнейших компонента комплекса обеспечения флота информацией о противнике относились в Великобритании к трем различным ведомствам. НИД непосредственно руководил Оперативным разведывательным центром (ОИЦ), вопросы дешифрования входили в компетенцию ПШКШ, следовательно, СИС, а сориентированные на морское направление агентурные сети в основном принадлежали СОЕ, имевшему сильные позиции в стратегически важной в войне на море Норвегии. Адмирал Годфри был весьма активным человеком и втайне мечтал о лаврах своего предшественника Реджинальда Холла, который в годы Первой мировой войны бесспорно лидировал в разведывательном сообществе Британии, а в сентябре 1939 года явился к Годфри и предложил использовать свои знания и опыт. Вероятно, именно поэтому руководитель НИД выдвинул идею использовать морскую разведку для организации диверсий, в том числе имевших к флоту весьма отдаленное отношение. В число таких проектов входило пресечение поставок шведской железной руды в Германию, блокирование судоходства на Дунае и уничтожение объектов на румынских нефтепромыслах в Плоешти. Годфри даже успел получить разрешение на перечисленные операции, однако образование СОЕ положило конец далеко идущим замыслам адмирала. Сменивший его позднее вице-адмирал Эдмунд Г. Х. Рашбрук уже не занимался поисками новых сфер приложения активности морской разведки, а основательно и добротнo разрабатывал заложенные предшественником основы.

В течение первого года войны Оперативный разведывательный центр влачил довольно жалкое существование. Без первичной информации никакая аналитическая работа немислима, а в описываемый период ОИЦ практически был лишен источников, позволяющих делать выводы о перемещениях вражеских надводных кораблей и подводных лодок. ПШКШ еще не вскрывала шифры противника, в плачевном состоянии находилась авиационная разведка, агентурный аппарат только предстояло создать, и разведчики, а с ними и флот, блуждали впотьмах. В начале 1940 года лучшим источником информации о германском флоте являлся агент МИ-6, торговавший чулками на черном рынке, друживший с некоторыми почтовыми чиновниками и потому способный устанавливать адреса отдельных кораблей, на которые доставлялись письма. Первоначальные успехи были достигнуты с помощью станций радиоперехвата “У”. Даже не дешифрованные сообщения несли в себе немало информации, в частности это касалось идентификации единиц флота. На любом крупном корабле или подводной лодке обязательно имелся постоянный опытный радист с устоявшимся почерком, по которому его работу можно было опознать и тем самым определить позицию корабля. Информация стала поступать по крупницам от немногочисленных военнопленных, с которыми англичане работали вполне профессионально, от налаживавшейся системы корабельных наблюдателей, от растущего агентурного аппарата СОЕ и отчасти МИ-6. Но, конечно, без вскрытия шифров “Энигмы” ОИЦ никак не смог бы достичь такого уровня работы, при котором он в середине войны почти безошибочно определял примерную позицию каждого немецкого и итальянского надводного корабля и большинства подводных лодок. Центр стал одним из основных британских органов ведения войны. Забота о его безопасности была столь сильна, что в занимаемые им помещения не имел права войти даже первый лорд Адмиралтейства (не путать с первым морским лордом — командующим флотом метрополии). ОИЦ закончил войну весьма эффективно. Последняя атака германской подводной лодки была зафиксирована 7 мая 1945 года, после чего все они стали на прикол. Однако активно циркулировали слухи о бегстве Гитлера и его ближайших сподвижников в Аргентину на субмарине, и тогда за выяснение этого вопроса взялся руководитель ОИЦ Норман Деннинг.

После недолгой работы с пленными офицерами штаба кригсмарине он предоставил список всех имевшихся у Германии в ходе войны 1170 подводных лодок, начинавшийся с U-1 и заканчивавшийся U-4712. Против каждой из них были указаны координаты места потопления либо место нахождения после поражения Германии, и стало ясно, что исчезнувших лодок, на которых можно было бы скрыться, просто нет.

В отличие от командования сухопутными войсками и авиацией, Адмиралтейство непосредственно руководило всей войной на море, поэтому морская разведка по сравнению с армейской (ДМИ) и авиационной (АИ) была намного более боевым подразделением. На пике своей численности в 1943 — 1944 годах НИД насчитывал примерно две тысячи человек штатного состава, распределенных по 20 отделам. Разведка Адмиралтейства была одним из инициаторов захвата Исландии, являвшейся в тот период частью территории оккупированной нацистами Дании. Операция прошла 10 мая 1940 года быстро и бескровно, при этом был схвачен не успевший уничтожить секретные документы и шифры германский консул, а также несколько находившихся на острове резервных экипажей германских подводных лодок. Зимой 1939/1940 годов организационная структура морской разведки была пересмотрена. Многочисленные функциональные и оперативные секции были сгруппированы под началом трех помощников (ADNI) и одного заместителя (DDNI) директора разведки. При этом под началом последнего оказались подразделения, отвечавшие за связь с СИС, за безопасность, за техническую разведку, а также географические секции. Несколько позднее, в мае 1940 года четыре управления были реорганизованы в аппараты двух заместителей директора по внутренним и внешним вопросам, соответственно обозначившихся DDNI(H) и DDNI(F).

Важной задачей НИД являлся контроль за безопасностью собственной связи, возложенный на 10-й объединенный (разведка и связь) отдел. Наиболее примечательное событие в его деятельности произошло 4 апреля 1940 года, когда после морского боя на норвежский берег выбросился эсминец “Харди”. На борт корабля поднялись немцы и, хотя не было установлено, захватили ли они секретную документацию по связи и шифрам, сотрудники 10-го отдела сочли риск неоправданно высоким. Вся радиосвязь на флоте срочно прекратилась до замены документов на более надежные, и на некоторый период времени это почти парализовало морские операции.

13 мая 1940 года адмирал Годфри предложил внести существенное дополнение в список задач морской разведки и возложить на нее обязанность не просто поставлять информацию, но также прогнозировать на ее основе намерения противника. Объединенный комитет по разведке согласился с этим, и вскоре был создан Объединенный штаб разведки, в составе которого несколько позже возникла секция ближайших планов противника. Морская разведка Великобритании за период Второй мировой войны оказала существенную помощь флоту, однако все ее действия лежат за пределами рассматриваемой темы и скорее должны рассматриваться в истории морских операций.

Директорат военной разведки (ДМИ) являлся еще одним членом разведывательного сообщества Великобритании, обеспечивавшим потребности сухопутных войск, прежде всего в части оценки военного потенциала Германии и ее союзников. К сожалению, эта работа оказалась для ДМИ и его руководителя генерал-майора Ф. Дэвидсона крайне сложной. В период “странной войны” над экспедиционным корпусом британской армии постоянно нависала угроза внезапного наступления мобильных частей немецких войск, поэтому руководство имперского генерального штаба сориентировало свою разведку на определение наличия у вермахта бронетанковой техники и темпов ее текущего производства. С этой главной задачей ДМИ не справился и дезориентировал собственное командование в оценке общего количества танков и распределения их по типам. После эвакуации британских войск из Дюнкерка положение еще более ухудшилось. По информации разведки, за период с мая по сентябрь 1940 года промышленность рейха произвела около 2000 танков, тогда как в действительности немцы за целый год выпустили их всего 1458 единиц! Лишь значительно позднее, с развитием более совершенных методов подсчета боевого потенциала, расчетные цифры стали приближаться к истинным. Этому способствовали произведенные в ДМИ очередные структурные изменения. В 1940 году была образована секция МИ-9, работавшая с важнейшим источником информации — немецкими военнопленными. В мае были сформированы еще три новых подразделения: занимавшаяся исключительно Германией секция

МИ-10, секция военной безопасности и полевой цензуры МИ-11 и осуществлявшая связь с гражданской цензурой МИ-12.

Постепенно структурные изменения приобрели более масштабный характер. В декабре 1940 года возникла Секция будущих планов противника (ФОЕС), просуществовавшая до марта 1941 года, а затем преобразованная в секцию планирования стран "оси" (АПС), выделенная из ДМИ и включенная в состав Объединенного комитета по разведке. После нападения рейха на Советский Союз к компетенции секции МИ-3 была отнесена теперь вся Европа (кроме Германии), СССР, страны Скандинавии, США и остальные американские государства, а также Ближний, Средний и Дальний Восток. МИ-2 отвечала за работу во всех остальных регионах мира. Изучением обстановки в Третьем рейхе и на оккупированных им территориях занималась секция МИ-14. В декабре секция по работе с военнопленными получила обозначение МИ-19, а ее прежний номер МИ-9 использовался теперь Службой спасения и побегов. После этого реорганизации прекратились до марта 1943 года, когда две секции, занимавшиеся координацией разведывательной деятельности и связью с ОКР, объединились в МИ-17. В свою очередь, в ее составе была образована подсекция по рассылке отчетов службы радиоразведки в заинтересованных подразделениях военного министерства. В связи с расширением масштабов стратегических бомбардировок в июле 1943 года бывшую подсекцию МИ-14 по противовоздушной обороне Германии выделили в качестве межсоюзнической и межведомственной секции МИ-15. В 1945 году обязанности по научно-технической разведке приняла на себя новая секция МИ-16.

Возникли и новые должности заместителей директора военной разведки. ДДМИ(ПВ) руководил секцией МИ-19 и (в значительной степени условно) — МИ-9. В марте 1942 года для координации действий ДМИ и СИС была введена должность ДДМИ(Ф). Еще один заместитель с весны 1943 года занимался руководством МИ-8, связью с ПШКШ/ШКПС и представлял военную разведку в Совете по радиоразведке. В 1944 году число заместителей директора ДМИ увеличилось еще на трех человек. ДДМИ(П) ведал планированием работы и руководил секцией МИ-17, ДДМИ(Г) возглавлял германское направление, включавшее секции МИ-14 и МИ-15, третий заместитель возглавлял все цензурные подразделения. С 1945 года ДДМИ(И) руководил МИ-2, МИ-3, МИ-10, МИ-14, МИ-15 и МИ-РС.

В 1943 году в составе МИ-14 образовалась крайне важная совместная англо-американская подсекция МИ-РС по изучению захваченных германских документов, которая к 1945 году приобрела особую значимость. Как известно, по мере приближения конца войны противоречия в лагере союзников стали постепенно обостряться, и сбор информации о Советском Союзе оказался весьма важным направлением. Однако британская разведка не располагала оперативными позициями в СССР и весьма мало знала о нем до тех пор, пока не получила в свое распоряжение трофейные немецкие документы. Особенно результативным оказался захват архивов разведывательного отдела сухопутных войск Германии "Иностранные армии Востока". Эти документы легли в основу послевоенной деятельности спецслужб бывших союзников, предоставив им массу информации по государственному устройству, экономике, вооруженным силам и секретным службам Советского Союза, его социальным проблемам, национальным движениям. Британцы получили в свое распоряжение образцы подлинных советских документов, боевые уставы и наставления, шифровальные книги и многое другое, имевшее первостепенное значение в ведении разведки против СССР. Материалов было так много, что секцию МИ-10 целиком специализировали по советской тематике.

К весне 1941 года в Британии наметилась явная тенденция к созданию объединенных разведывательных структур, среди которых важнейшими стали Межведомственный топографический департамент (ИСТД), Комитет по стратегической дезинформации (W) и Y-совет, являвшийся опять-таки подразделением ОКР, ответственным за организацию радиоперехвата переписки противника. С декабря 1943 года он был преобразован в Совет по радиоразведке (СИГИНТ), и с этого момента обозначение "Y" применялось исключительно к деятельности по пеленгации радиоустановок, перехвату сообщений, и вскрытию простых тактических кодов. Вся радиоразведка более высокого уровня стала обозначаться СИГИНТ. Между спецслужбами существовало четкое разграничение сфер, в которых они вели радиоразведку. ВМС отвечали за чтение и обработку всех сигналов действительных или потенциальных противников, относящихся к флоту и морской авиации, ВВС делали то же в отношении происходящего в воздухе, за исключением радиосигналов над водной поверхнос-

тью, армия перехватывала и обрабатывала радиообмен войск и военных организаций, РСС с помощью МИ-5 и МИ-6 занималось нелегальным радиообменом в Соединенном королевстве и нейтральных государствах, а Форин офис ведал дипломатическим и коммерческим радиообменом. Посты перехвата различных ведомств были разбросаны по всей территории Великобритании:

- Служба радиобезопасности (РСС), первоначально обозначавшаяся МИ-8(с) – Сэндридж, Уаймондхэм, Бриджуотер, Форфар, Турсо, Гилнахирк, Сент-Элт;
- Служба правительственной почты (ГПО) – Сэндридж, Купар, Брора;
- ВВС – базы Монтроуз, Чидл, Чиксендс Прайори, Уэддингтон;
- Адмиралтейство – Айртон Мур, Лифилд;
- армия – Форт Бриджвудс, Флауэрдаун, Боманор, Шэфтсбюри, Ротамстед;
- СИС – Онслоп Парк, Нокхолт, Уэддон Холл, Уинди Ридж, Нэш;
- СОЕ – Тэм Парк (СТС-52), Грэндон Андервуд (СТС-53А), Паундон Хаус (СТС-53В), Сигнал Хилл (СТС-53С), Белхэвен Хаус (СТС-53Д), Фоули Корт (СТС-54).

Кроме того, Бюро стратегических служб (ОСС) США также располагало на территории Великобритании двумя постами перехвата в Сигнал Хаус (“Чарли”) и Лэйд Плэйдс (“Виктор”)³⁷. Следует отметить, что точки СОЕ и ОСС осуществляли перехват лишь эпизодически, поскольку в основном занимались поддержанием связи с агентами. В ходе войны дислокация и ведомственная принадлежность станций радиоразведки неоднократно изменялись. Например, в 1943 году их структура выглядела следующим образом (в скобках указано количество приемников на каждом посту):

- Адмиралтейство – Скарборо (72), Флауэрдаун (40), Чиксендс (16), Купар (15), Шетландские острова (2);
- армия – Боманор (140), Харпенден (23), Кеддлстон Холл (36), подвижные посты (6);
- ВВС – Чиксендс (105), Чидл (75), Кингсдаун (15), Уэддингтон (24), Тин (19), Уик (14);
- МИД – Брора (14), Купар (13), Дэнмарк Хилл (23), Сэндридж (54), Уитчарч (40), Нокхолт (35);
- ГПО – Сент-Олбэнс (8), береговые станции (9)³⁸.

Немаловажную роль в системе оперативных органов Великобритании играла цензура, формально к таковым не относившаяся. Этот институт традиционно использовался весьма широко и служил инструментом как обеспечения безопасности, так и сбора информации о противнике путем контроля почтовых и телеграфных отправок в/из нейтральных государств. Военное цензурное ведомство (МС) собирало и накапливало данные на отдельных лиц и организации и передавало их в картотеку МИ-5. Ее размещавшийся в лондонской тюрьме Уормвуд-Скрэбс центральный аппарат (МС-1) руководил работой ряда цензурских постов и лондонскими отделами МС-3 (обработка, анализ и рассылка корреспонденции), МС-4 (телеграфная цензура), МС-5 (почтовая цензура). Объем операций последнего подразделения был весьма велик. По состоянию на начало 1940 года в нем трудились 2109 сотрудников, за первые четыре месяца войны обработавших 4 миллиона почтовых отправок³⁹. Помимо Лондона, весьма важное значение имел пост МС-5 в Ливерпуле, осуществлявший операции по перлюстрации корреспонденции со всеми подцензурными странами и действовавший в контакте с лабораторией проверок и кодов местного университета. В ней проводились все технические исследования писем и прочих отправок на предмет обнаружения симпатических чернил, микроточек и тайных пометок. Первоначально уделявшая больше внимания вопросам безопасности МС вскоре изменила основное направление своей деятельности и в большей степени сосредоточилась на сборе разведывательной информации, в основном по нейтральным государствам.

Британские специальные службы были не одиноки в своих операциях против стран “оси”, важным элементом их деятельности было взаимодействие с союзниками. Ранее описывались взаимоотношения со спецслужбами обосновавшихся в Лондоне эмигрантских правительств. Естественными союзниками англичан стали американцы, в особенности это относилось к их морской разведке ОНИ. Ее будущий руководитель до 1941 года служил военно-морским атташе Соединенных Штатов в Лондоне, поэтому в Вашингтон он уехал с

готовым планом координации операций. В 1942 году в британской столице появилась военно-морская миссия США, одной из задач которой являлся обмен разведывательной информацией по перемещениям надводных кораблей и подводных лодок стран “оси”.

В этом же году в Лондон прибыли первые представители американского Бюро стратегических служб (ОСС), первоначально совершенно справедливо воспринимавшиеся англичанами как еще ничего не умеющие младшие партнеры. Тем не менее, они были полны энтузиазма и желания включиться в оперативную работу на оккупированных Германией территориях, о чем позднее в иронических тонах вспоминал Малькольм Маггеридж: “Ах, эти первые представители ОСС в Лондоне! Как хорошо я помню их, прибывших, подобно юным барышням в цветах, прямо после окончания школы, поголовно свежих и невинных, чтобы начать работу в нашем старом вонючем разведывательном борделе. Всех их слишком быстро оболестили и развратили, и они стали неотличимыми от закаленных профессионалов, пробывших в игре четверть столетия или дольше”⁴⁰. Первая задача американцев заключалась в том, чтобы суметь войти в британское общество и быть принятыми в нем, что оказалось весьма непросто. Они прекрасно осознавали, что от декларированных намерений до их практического воплощения пролегает долгий путь, который особенно сложно пройти в консервативной среде, зачастую даже внешне дающей понять чужакам, что они здесь лишние. Поэтому на должности старших офицеров миссии ОСС в Лондоне были назначены выходцы из наиболее уважаемых кругов США, что особенно ярко проявилось в личности ее руководителя Эста Брюса — известного в Соединенных Штатах мультимиллионера, члена советов директоров свыше 20 корпораций, сына сенатора и бывшего дипломата в Риме. В довершение всего он был женат на дочери Эндрю Меллона, считавшейся самой богатой женщиной мира. Перед магией таких денег не могли устоять даже самые рафинированные снобы, поэтому расчет оказался точен. Социальный фактор сыграл немалую роль в начальном периоде сотрудничества ОСС с СОВЕ и отчасти СИС.

Искушенные в политике британцы весьма осторожно отнеслись к намерениям американцев создать агентурные сети на континенте, небезосновательно усмотрев в этом опасность утратить влияние на проходящие в Европе политические процессы. По этой причине первоначально СИС допустила союзников лишь к вопросам наступательной контрразведки, то есть внедрения в структуры германских спецслужб, однако интересы ОСС простирались много дальше. Его руководитель генерал Донован постоянно требовал от начальника секции специальной разведки (СИ) своей лондонской миссии Уильяма Мэддокса всемерно развивать агентурный аппарат на континенте, но тот обоснованно опасался испортить только начавшие устанавливаться отношения с МИ-6. Укреплению сотрудничества парадоксальным образом способствовало вмешательство директора ФБР Гувера, перехватившего контакты разведчиков с МИ-5 и полностью отстранивших их от этого направления. Он направил в британскую Службу безопасности двух своих представителей, которые оказались весьма удовлетворены контактами и предоставили в Вашингтон самый благоприятный доклад, после чего в посольстве США появилась должность атташе по правовым вопросам. Разведчики всегда очень остро воспринимали прямое и грубое вмешательство контрразведки в свои внешние контакты, и в результате соперничавшая с МИ-5 СИС стала относиться к американцам значительно лучше. Намечившееся расположение, однако, не распространялось на руководителя контрразведывательной секции миссии ОСС Нормана Холмса Пирсона, которого воспринимали как чужака, почти соперника. Яростным противником каких-либо контактов с американцами был Дэнси, буквально саботировавший сближение МИ-6 с секцией специальной разведки (СИ) ОСС.

Значительно успешнее обстояли дела у секции специальных операций (СО), руководство которой учло печальный опыт коллег из СИ и даже не пыталось общаться с британскими разведчиками. В этом случае американцы развивали взаимодействие с СОВЕ, для которого сам факт конфронтации кого-либо с СИС уже сам по себе являлся прекрасной рекомендацией. В январе 1943 года между двумя службами было заключено соглашение о сотрудничестве в поддержке антинацистского подполья в Европе, хотя британцы не слишком надеялись на непрофессиональных союзников: в штатах секции СО отсутствовали военные. Бывший банкир Хэмбро из-за политических разногласий с министром экономической войны лордом Сельборном ушел с поста исполнительного директора СОВЕ. Его сменил генерал Габбинс, и Донован был вынужден поступить аналогично, направив в Лондон для руководства секцией СО полковника Джозефа Хаскелла. Лишь после этого американцам было позволено непо-

средственно участвовать в тайных операциях в Европе и забросить туда своего первого агента, которым стал 30-летний капитан морской пехоты Питер Ортиц.

После высадки британских и американских войск в Европе в июне 1944 года ОСС получило от Верховного штаба союзнических экспедиционных сил (СХАЕФ) задание осуществить агентурное проникновение в Третий рейх. С этой целью в секции СИ был разработан план “Фауст”, названный так из-за стремления этого персонажа трагедии Гете к поиску знания. После одобрения плана 20 августа ответственность за его исполнение была возложена на лондонскую и бернскую резидентуры ОСС. В Лондоне наиболее перспективным направлением было признано использование профсоюзных контактов, ввиду чего руководителем этой части операции “Фауст” назначили начальника профсоюзного отделения секции СИ Артура Годдберга, ранее получившего известность своим участием в процессах по решению трудовых споров. После непродолжительного поиска путей решения задачи подчиненный Годдберга лейтенант Джозеф Гоулд установил контакт с лидером группы германских беженцев-коммунистов, сыном председателя отделения антифашистского комитета “Свободная Германия” в Великобритании Юргеном Кучински и попросил его подобрать нескольких перспективных агентов для заброски в рейх. Вскоре разведчику были представлены бывшие деятели рабочего движения Пауль Линднер, Антон Рух, Курт Грубер и Адольф Буххольц. Все они некоторое время вели подпольную работу в Германии, а в середине 1930-х годов эмигрировали в Чехословакию. Оттуда в числе 8 тысяч беженцев их вывезли в Польшу, а после ее разгрома всем четверым посчастливилось попасть в Великобританию. Кандидаты в агенты произвели на Гоулда благоприятное впечатление, и вскоре Кучински для обеспечения конспиративности встреч с ними направил к лейтенанту еще одного эмигранта Карла Кастро. Тот помог подобрать дополнительных людей, в результате чего к перечисленным четверым добавились Вернер Фишер, Вальтер Струве и Эмиль Конхаузер. Все они слишком давно не были на родине, и для освежения знаний о Германии всех на несколько недель под соответствующими легендами внедрили в лагеря военнопленных. К весне 1945 года в рамках операции “Фауст” были подготовлены к заброске пять миссий: “Тул”, “Хаммер”, “Маллет”, “Чизел” и “Пикэкс” (не путать с одноименной операцией по заброске советских агентов в Европу через Великобританию), позднее была организована еще одна миссия “Базсоу”. В марте 1945 года руководство ОСС усомнилось в надежности своих агентов, поскольку направивший их комитет “Свободная Германия” уже приобрел очевидную просоветскую и прокоммунистическую направленность. Но потребность в получении стратегической военной информации из германского тыла оказалась сильнее политических соображений, и миссии по программе “Фауст” все же были отправлены.

Представляет интерес их техническое оснащение. Разведчикам выдавались ультракоротковолновые приемопередатчики “Джоан-Элинон” (J/E), разработанные принятыми на службу в ОСС учеными из компании “РСА Лэбораториз” капитаном 3-го ранга Стивеном Симпсоном и доктором де Уиттом Р. Годдардом. Внешне радиотелефоны с телескопической выдвижной антенной очень походили на современные носимые УКВ-станции, имели в длину 15 сантиметров и весили около 1200 граммов. Ограниченные возможности связи только в пределах прямой видимости предопределяли единственный способ связи — с барражирующим самолетом. О месте и времени сеанса агентов планировалось извещать в передачах Би-Би-Си. Связь осуществлялась голосом, сигнал не кодировался, однако германские радио-контрразведчики не знали о существовании специальной УКВ-аппаратуры и не прослушивали этот диапазон, поэтому риск перехвата был признан приемлемо низким.

Наибольший успех принесла миссия “Хаммер”. 2 февраля 1945 года ее агенты Линднер и Рух приземлились с парашютами около Берлина и должны были собирать военную стратегическую информацию. В ходе первого сеанса связи 26 марта они передали на прилетевший самолет данные о передвижении некоторых частей вермахта, а затем вышли на контакты с местными антинацистскими группировками. 8 апреля парашютисты получили сигнал о втором сеансе связи, однако провести его не смогли. Несколько позднее они оказались в районе боевых действий и приняли участие в бою за захват моста у Баумшюленбрюке на стороне Красной Армии. Агенты раскрыли себя перед командиром советской части капитаном Мартовым, им не слишком поверили и до выяснения вопроса отправили на два месяца в лагерь военнопленных под Лейпцигом, хотя позднее с извинениями освободили. Остальным группам повезло меньше. Относительно неплохо обстояли дела у Струве и Конхаузера (миссия “Пикэкс”), успевших 4 апреля провести сеанс связи и сообщить данные о

некоторых воинских перевозках. Грубер (миссия “Чизел”) погиб при приземлении, Фишера (миссия “Базоу”) советские солдаты приняли за врага и убили, Буххольц (миссия “Маллет”) немедленно по приземлении был схвачен “СМЕРШ” и некоторое время провел в заключении. Фактически операция не принесла заметных результатов, однако настоящих успехов в заброске агентуры в рейх не добилась ни одна из разведывательных служб антигитлеровской коалиции. Но усилия ОСС в этом направлении ознаменовались еще одним, совершенно неожиданным для их организаторов результатом, о котором американцы узнали лишь много лет спустя. Юрген Кучински являлся агентом советской военной разведки, и обращение к нему Гоулда помогло ГРУ ГШ КА контролировать действия ОСС на этом направлении с начала и почти до конца. Кастро также работал на ГРУ, что избавило Кучински от необходимости проявлять немотивированный интерес к практическим деталям операции и способствовало его безопасности.

Юрген Кучински

Неудача ОСС во внедрении агентуры в рейх в некоторой степени компенсировалась успехами в области специальных акций. Лондонской резидентуре Бюро стратегических служб удалось расширить масштаб своего участия в них и включиться в описанные далее широкомасштабные операции “Сассекс” (в сотрудничестве с МИ-6) и “Джедбург” (в сотрудничестве с СОЕ). Кроме того, американцы вступили в прямые контакты с руководителями разведывательных служб эмигрантских правительств Польши, Чехословакии, Голландии, Бельгии и Норвегии. Контакты с БСРА весьма затруднялись упорным отказом США признать де Голля и его комитет правительством в изгнании, а также широко известным почти враждебным отношением Вашингтона к генералу. Сложные взаимоотношения ОСС с французскими спецслужбами описываются в соответствующей главе.

Весьма продуктивным и глубоким было сотрудничество британских спецслужб с ОСС в сфере внешней контрразведки. Его общая организация описывается в главе о Соединенных Штатах, здесь же следует упомянуть, что в Лондоне находился главный центр взаимодействия контрразведки ОСС (“Икс-2”) с МИ-5 и особенно V секцией МИ-6. Отсюда же действовала и система Особой контрразведки, призванная обеспечивать безопасность особых источников при рассылке контрразведывательной информации в целях обеспечения полевой безопасности.

Структура “Икс-2”/Лондон первоначально была организована по региональному принципу:

- Западноевропейская секция:
 - Французское подразделение (включая Бельгию и Голландию);
 - Германское подразделение;
 - Швейцарское подразделение;
- Иберийская секция:
 - Испанское подразделение;
 - Португальское подразделение;
 - Итальянское подразделение;
 - Североафриканское подразделение (с 1943 года);
- Скандинавская секция;
 - Средневосточная секция (с начала 1944 года);
 - Секция отчетов (с мая 1944 года).

Этот аппарат совместно с англичанами активно готовился к контрразведывательному обеспечению вторжения в Европу. МИ-6 и “Икс-2”/Лондон сводили воедино на одном листе стандартного формата краткие данные на каждого известного им агента спецслужб противника и на каждого подозреваемого в сотрудничестве с ними. Принятая система сокращений и условных обозначений позволяла вместить в небольшой по объему документ значительный объем информации и облегчала ее восприятие. Там же располагались перекрестные ссылки на другие аналогичные карточки. По мере сбора дополнительной информации они дополнялись приложениями на отдельных листах, а при накоплении большого объема приложений пересоставлялись и перепечатывались заново. Учет велся отдельно по различным категориям, и для удобства пользования справочными материалами карточки на сотрудников абвера и СД, а также на связанных с этими организациями лиц печатались на розовой бумаге, на коллаборационистов — на темно-желтой, на всех остальных — на белой.

В апреле 1944 года в Великобритании состоялись максимально приближенные к реальности трехдневные учения полевой контрразведки США в содружестве с СИ и СО. В их ходе выявились слабые места в организации связи и взаимодействия оперативных органов и были установлены необходимые стандартные процедуры. Исправление обнаруженных упущений закончилось в мае, после чего союзники организовали неофициальный “Военный кабинет” контрразведки — совместное делопроизводство британских и американских спецслужб по Западной Европе. Его сотрудники вели карты с отметками в местах выявления германских агентов и разведывательных центров, включая коллаборационистские спецслужбы. Таким образом создавалась и пополнялась база данных для полевых разведывательных и контрразведывательных органов. “Военный кабинет” не руководил агентами, хотя получал отчеты и сводки о результатах их деятельности, и не занимался германскими спецслужбами вне зоны деятельности штаба, в частности, в Австрии. В нем проходили инструктаж специалисты по допросам военнопленных, там же накапливалась и затем распространялась информация о технике и тактике германских диверсантов. Доминирующую роль в кабинете играло ОСС, поскольку оно было более заинтересовано в организации совместных операций СО, СИ и “Икс-2” в части руководства агентами, обмена информацией и допросов некоторых категорий лиц. В подчинении начальника штаба союзного верховного главнокомандующего предусматривалось создать Секцию оценок и рассылки (ЕДС) с задачами сопоставления, анализа, печатания и рассылки материалов по полуоткрытым контрразведывательным данным (коллаборационисты, полиция, политические организации и прочее), а также выпуск секретных справочников для “Икс-2” и МИ-6 и карточек на розовых листах. Кроме англичан, “Икс-2”/Лондон поддерживала внешние связи в первую очередь с органами эмигрантских правительств, в первую очередь Норвегии, Нидерландов, Бельгии, Польши, Чехословакии и Югославии, а позднее — и “Свободной Франции”. В результате проведенной в марте 1945 года очередной реорганизации объединенный “Военный кабинет” контрразведки Верховного штаба союзнических экспедиционных сил расширился и перешел в подчинение его Контрразведывательного сектора (КИБ). При этом он приобрел новые функции, а уровень его секретности был несколько понижен. К работе “Военного кабинета” допустили спецслужбы “Свободной Франции”, хотя и без особенного удовольствия, а лишь потому, что их представители были прикомандированы к СХАЕФ.

Иной была реорганизация полевых и штабных контрразведывательных органов. Вместо территориального принципа их построения был применен объектовый — по различным германским разведывательным и контрразведывательным службам. Подразделения “Икс-2” и МИ-6 получили допуск к двойниковым операциям и полную возможность работать с картотеками британской контрразведки. Одновременно из сферы ответственности “Военного кабинета” была изъята работа с розовыми карточками, порученная теперь женскому персоналу картотеки. Вскоре специализация органов внешней контрразведки углубилась, и их сотрудники теперь занимались не просто абвером и СД, а их конкретными структурными подразделениями. В результате каждый реферат, каждый отдел и группа стали областью работы отдельного офицера, что резко повысило результативность работы контрразведки.

Взаимодействие секретных служб Британии с советскими коллегами с самого начала носило двойственный характер. С одной стороны, оба государства являлись союзниками по антигитлеровской коалиции, с другой же — давними и непримиримыми соперниками как во внешней политике, так и в отношениях разведок. В 1942 году один из руководителей СИС второго уровня (фамилия не установлена из-за неразборчивости подписи, им мог быть как Вивиан, так и Дэнси) утверждал: “Фактические противоречия между Британией и Советским Союзом так же велики, как между Британией и Германией”⁴¹. Следует отметить, однако, что дальнейший текст документа свидетельствовал скорее не об агрессивных намерениях Англии по отношению к СССР, а об опасении нелояльных действий Москвы. Но соответствующий тон пронизывал всю историю недолгого разведывательного партнерства обеих стран и никак не мог стать основой нормального и полноценного сотрудничества.

Начало ему было положено 12 июля 1941 года, после подписания соглашения между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против нацистской Германии. В Лондон прибыла советская военная миссия во главе с начальником военной разведки Ф. И. Голиковым, вскоре, однако, отбывшим обратно. Одним из аспектов военного сотрудничества являлось разведывательное взаимодействие, предложение о котором поступило в

МИД СССР от посла Британии в Москве Стаффорда Криппса. В рамках реализации достигнутых договоренностей в сентябре 1941 года в Лондон прибыл представитель советской разведки И. А. Чичаев (“Джон”), официально занявший должность советника посла Советского Союза при эмигрантских правительствах А. Е. Богомолова. В самом конце войны более полугодом он исполнял обязанности поверенного в делах СССР. В функции Чичаева также входило взаимодействие с СОЕ и контакты с находившимися в Лондоне главами специальных служб Чехословакии, Бельгии, Югославии, Норвегии, Польши и Франции. В системе кодовых обозначений СОЕ ему было присвоено кодовое обозначение ДПР/1, входившее в общий ряд кодовых обозначений штатных сотрудников Исполнительного органа специальных операций. Штат секции связи состоял из трех оперативных и трех технических сотрудников. В НКГБ представительство имело статус резидентуры, однако могло быть отнесено к таковым с некоторыми коррективами. Собственно, оно и являлось настоящей заграничной

И. А. Чичаев

точкой, поскольку в первую очередь было предназначено для заброски в немецкий тыл диверсантов и агентов для специальных операций и для восстановления утраченной связи с нелегалами и агентурой во Франции и Германии. В течение войны оперативные работники группами по 2 — 4 человека морем или по воздуху прибывали из СССР на Британские острова, где проходили основательную дополнительную подготовку на базах СОЕ и МИ-6. Всего в Европу через Ла-Манш и Па-де-Кале отправились 29 (по другим данным, 20) советских разведчиков. Предварительно они обучались прыжкам с парашютом на английской технике, изучали немецкие карты и получали полную соответствующую экипировку от документов до одежды и сигарет. Британцы весьма серьезно относились к такому сотрудничеству и выделили для координации действий с коллегами из СССР группу под руководством полковника Гейскелла. В Москву на аналогичный пост прибыл известный в прошлом агент СИС полковник Джордж Хилл, теперь работавший на СОЕ и вскоре получивший звание бригадного генерала.

Разведчики не являлись бы таковыми, если бы не пытались разрабатывать находившихся на их территории советских агентов, благо длительные сроки подготовки позволяли это сделать. Некоторые разработки переходили в осторожный зондаж в отношении перспектив вербовки, как минимум в одном случае достигшей успеха. В начале 1942 года англичане завербовали “Гофмана”, руководителя группы австрийцев, проходивших подготовку для последующей заброски на территорию своей страны. Он сообщил им информацию, которой располагал, а также раскрыл коды и шифры группы для связи с Центром. По оперативным каналам это стало известно советской разведке, и вся группа, и раньше вызывавшая сомнения в своей надежности, была немедленно отозвана обратно. “Гофман” и его коллеги просили британцев об убежище, но не получили его, поскольку Лондон не желал портить отношения с союзником по столь ничтожному поводу. Вдобавок агент исчерпал свои разведывательные возможности и явно был расшифрован, поэтому интереса больше не представлял. Австрийцев отправили на советском судне во Владивосток, однако в мае 1943 года во время промежуточной стоянки в Сан-Франциско они сумели сбежать и нелегально проникли в Канаду. В Ванкувере они сдались властям и также пытались получить там убежище, но не смогли добиться его. Неудавшихся перебежчиков под конвоем вернули во Владивосток на другом советском судне, судили и приговорили к лишению свободы.

Сотрудничество СОЕ с НКГБ/НКВД в области подрывных операций фактически закончилось, не начавшись. Благие пожелания остались на бумаге из-за слишком большой разницы геополитических интересов двух стран, сходящихся лишь в вопросе борьбы с общим врагом. Реальное взаимодействие проявилось лишь в забросках немногочисленных агентурных групп и обмене специальной техникой и снаряжением. В декабре 1942 года Чарльз Хэмбро сформулировал условия заброски советских агентов:

- они без ограничений могли направляться во все государства, борющиеся с рейхом или его союзниками;

- для заброски обязательно требовалось принципиальное согласие правительств этих государств (эмигрантских);
- во Францию, как правило, агенты направлялись по согласованию с движением “Свободная Франция”, однако могли допускаться исключения;
- заброска по преимуществу не должна была производиться на территории нейтральных государств.

Операция по заброске советских агентов в Европу через Великобританию имела кодовое обозначение “Пикэкс”. В ее рамках в течение 1942 года во Францию убыли четыре советских агента, в Голландию – два, в том числе один с чужим снаряжением, в Бельгию – два, один из которых разбился при приземлении, а другой позднее перебрался в Голландию, в Австрию – четыре попытавшихся бежать. Еще двое не добрались туда из-за гибели самолета. В 1943 году девять агентов были заброшены в Германию (в том числе двое в Австрию и четверо через Францию) и один – на север Италии. Последние заброски произошли в 1944 году: один агент – в Австрию, три – в Германию и три – во Францию. На Востоке не происходило ничего похожего, что являлось предметом постоянных претензий со стороны британцев. За весь период войны лишь один сотрудник СОЕ, капитан Рональд Сет попал в Эстонию через СССР. Ранее СОЕ планировал совместные с НКВД/НКГБ операции на Среднем и Дальнем Востоке, в Персии и в Китае, но они не были осуществлены. В Лондоне, однако, высоко оценили инициативу Москвы по передаче СОЕ важного индийского двойника абвера Бхагат Рама. СССР, в свою очередь, также имел претензии к союзникам. В 1943 году англичане отказали в заброске группы связников в Югославию к маршалу Тито под предлогом нецелесообразности, тогда как в апреле того же года направили туда собственных агентов. В 1944 году в Румынию прибыл офицер СОЕ де Частелен, о чем в нарушение существовавших договоренностей НКГБ уведомлен не был. Происходили и другие аналогичные неувязки. Фактически к концу 1944 года операция “Пикэкс” прекратилась, хотя стороны еще несколько раз возвращались к обсуждению ее перспектив для дальнейших совместных действий. Осенью 1945 года Чичаев и Хилл покинули свои посты и возвратились домой. Эфемерное сотрудничество постепенно перешло в соперничество, а затем и в жесткое противостояние.

Взаимодействие обоих союзных государств в области разведки никоим образом не распространялось на информацию, полученную по каналу “Ультра”. В течение первого периода войны англичане опасались, что Советский Союз падет под натиском Германии, после чего все его секреты станут доступными немцам, не исключалось также и возможное предательство. В такой обстановке они не решились пойти на передачу сведений о вскрытии шифров “Энигмы”, хотя периодически пытались сообщить советским союзникам некоторые особенно важные для них подробности. Но эти благие намерения обернулись крупными проблемами. Дело в том, что до реализации любой оперативной информации ее достоверность следует тщательно оценить, а для этого прежде всего необходимо знать ее источник. В качестве прикрытия англичане решили повторить трюк с якобы внедренным в высшие эшелоны нацистского руководства агентом “Бонифацем”, в существовании которого убедили своих министров и генералов. Однако, в отличие от членов британского правительства, советское руководство поручило аналитикам разведки провести изучение и оценку материалов. Они достаточно быстро определили, что данные не могут исходить от единственного агента, и предупредили о возможности дезинформации, причем не обязательно сознательной британской. По мнению разведки, существовала вероятность того, что СИС стала жертвой оперативной игры немцев и сама добросовестно заблуждалась на этот счет. Вследствие этого к поступающим по каналу “Бонифация” данным в СССР относились с недоверием и практически не использовали. Информация передавалась советской стороне нерегулярно и в малых объемах, на что имелось несколько причин. Помимо недоверия к коммунистическому союзнику, перехват сильно затрудняли уже упоминавшиеся технические проблемы. Кроме того, объем дешифрованной переписки немцев был столь велик, что на обработку имеющих значение для СССР материалов ресурсов ПШКШ/ШКПС просто не хватало. А с конца 1944 года, когда британское правительство уже было всерьез обеспокоено коммунистической угрозой, о посвящении временного союзника в столь секретную программу не могло быть и речи. Однако союзники не догадывались, что с определенного момента для СССР уже не составляли тайну ни сам факт существования “Ультры”, ни содержание многочисленных перехватов. Оно регулярно попадало в лондонские резидентуры НКГБ и РУ КА, а оттуда – в Москву, где Сталин давно уже снисходительно смотрел на попытки Черчилля убедить его в существовании “Бонифация”.

2. ВНУТРЕННИЕ ОПЕРАЦИИ

Как и в предыдущие десятилетия, по эффективности британская контрразведка значительно опережала разведку. Несмотря на это, ее работа абсолютно не устраивала правительство, долгое время собиравшееся реорганизовать Службу безопасности для повышения уровня ее работы. Задуманную реорганизацию тормозил бессменный с 1909 года директор МИ-5 Вернон Келл, знаменитый “К”. С этим искушенным в интригах человеком сделать что-либо было непросто, и Черчилль никак не мог добиться не косметической, а серьезной перестройки контрразведки. Из книги в книгу кочует версия о том, что премьер коалиционного кабинета получил желанный повод отправить Келла в отставку в результате прискорбной гибели осенью 1940 года хранившейся в тюрьме “Уормвуд-Скрэбс” картотеки МИ-5. Однако в действительности этот пожар от сброшенных с германского самолета бомб произошел спустя пять месяцев после увольнения начальника контрразведки. Первому лицу в империи вовсе не требовались предлоги, чтобы снять с должности руководителя Службы безопасности, позволившему в военное время, по ошибочному убеждению Черчилля, хозяйничать в стране немецким шпионам и диверсантам.

Действительность была намного интереснее циркулировавших слухов. Премьер-министр сориентировал работу ранее описанного “Комитета Суинтона” в несколько ином направлении, распорядился прекратить изучение обстановки в разведке и сосредоточиться на проблемах Службы безопасности как более насущных для Британии. Выводы оказались удручающими. 25 мая 1940 года Черчилль вызвал Келла и приказал тому написать прошение об отставке и представить аналогичный документ от заместителя директора МИ-5 Эрика Холт-Уилсона, работавшего в контрразведке с 1917 года. Одновременно на место “К” временно назначили начальника отдела “В” А. Харкера, который теперь стал одновременно исполнять обязанности обоих высших руководителей службы. Соответственное перемещение произошло и в руководстве этого основного оперативного контрразведывательного отдела, его до 1947 года возглавил Гай Лиддел. Новая ситуация в корне отличалась от длительного периода прежней широкой автономии МИ-5, возможной лишь при ее прежнем руководителе, властном и искушенном в аппаратных играх Келле. Харкер желал просто честно выполнять свою работу и отказался становиться пешкой в политических играх, поэтому верховное руководство над МИ-5 перешло к “Комитету Суинтона”. Как видим, произошедший в октябре 1940 года пожар и уничтожение картотеки контрразведки не имели к снятию Келла ни малейшего отношения.

Суинтон применил совершенно новый для Британии, но вполне оправдавший себя метод анализа эффективности работы Службы безопасности. Он не надеялся на собственное суждение, а пригласил эксперта по организации производственного процесса, чтобы разобраться в работе каждого отдела и каждой секции, вплоть до ее технического персонала. В итоге буквально титанического труда вся система контрразведки и обеспечения государственной безопасности подверглась принципиальной реорганизации. Масштабность этой реформы еще более впечатляет, если учесть, что она была предпринята в самый разгар войны, когда Британия в одиночку сражалась со своими противниками.

Самыми слабыми звеньями МИ-5 оказались непродуманная система найма новых сотрудников, а также отсутствие какого-либо внешнего контроля за ее деятельностью. “Комитет Суинтона” распорядился назначить на должность заместителя начальника каждого структурного подразделения свежих людей со стороны, чтобы они помогли избавиться от застойных явлений на своих участках. Была ликвидирована абсолютная процессуальная зависимость Службы безопасности от полиции, зачастую не позволявшая оперативно реагировать на обстановку. Теперь в отделе “В” МИ-5 появилось небольшое полицейское подразделение, позволившее контрразведке своими силами проводить аресты подозреваемых, их допросы и перекрестные допросы, готовить обвинительные заключения. Первоначально полисменов было всего шестеро, затем их численность увеличилась. Для сравнения, в возглавлявшемся Альбертом Каннингом Особом отделе Скотланд-Ярда в 1939 году насчитывалось 156 детективов и административных работников, а через год — уже 800.

Альберт Каннинг

В результате проведенной реорганизации организационная структура Службы безопасности подверглась существенным изменениям. В апреле 1941 года секция “В” была разделена на три секции “В”, “Е” и “F”, хотя фактически этот процесс завершился только через четыре месяца. Одновременно их статус был повышен до отделов. С апреля руководитель Службы безопасности именовался генеральным директором, поэтому главы отделов “А” и “В”, а также общий руководитель отделов “С” и “D” стали называться директорами. Однако, кроме трех перечисленных, более в МИ-5 директоров не было. Отделы “Е” и “F” возглавлялись заместителем генерального директора. По состоянию на июль 1941 года структура Службы безопасности выглядела следующим образом:

- “А” — административно-учетный отдел (директор подполковник Батлер):
 - секция административной службы и мужского персонала;
 - секция счетов и финансов;
 - секция женского персонала;
 - секция регионального контроля;
 - секция оперативного учета и организации (с центральной картотекой);
- “В” — отдел шпионажа (директор капитан Лидделл):
 - секция шпионажа (“B1”, Д. Уайт);
 - секция двойных агентов (“B2”, майор М. Найт);
 - секция связи (“B3”, майор М. Фрост);
 - секция шпионажа в Великобритании (“B4”, майор Уайт);
- “С” — отдел проверок и допусков (директор бригадир Аллен):
 - секция координации проверок допусков (“C1”, капитан Стронг);
 - секция проверки военного персонала, занятого в военных учреждениях (“C2”, капитан);
 - секция проверки персонала гражданских учреждений (“C3”, майор Сэмс);
- “D” — отдел безопасности и контроля за передвижениями (директор бригадир Аллен):
 - секция безопасности и защиты на фабриках, в фирмах и учреждениях; связь с министерством снабжения (“D1”, майор Брок);
 - секция военно-морской безопасности и безопасности судоходства; связь с Адмиралтейством (“D2”, капитан Беннетт);
 - секция связей и безопасности в министерстве авиации и министерстве авиационной промышленности (“D3”, капитан Арчер);
 - секция контроля безопасности в морских портах и аэропортах; перемещение через границу (“D4”, подполковник Адам);
 - секция представительства МИ-5 при секции безопасности генерального штаба; администрация секций безопасности портов (“D5”, подполковник Пирсон);
- “Е” — отдел контроля за иностранцами (заместитель директора Тэрнер):
 - секция граждан Западной Европы, моряков и специальных задач (“E1”, майор Янгер);
 - секция граждан Прибалтики, центрально-европейских государств и Балкан (“E2”, майор Элли);
 - секция администрации и разведки в лагерях (“E3”, майор Рентон);
 - секция разрешений (“E4”, полковник Райдер);
 - секция немцев и австрийцев (“E5”, Деннистон);
 - секция итальянцев и швейцарцев (“E6”, Уиикс);
- “F” — отдел подрывной деятельности:
 - секция внутренней безопасности в вооруженных силах и правительственных учреждениях, имеющих к ним отношение (“F1”, подполковник Александер);
 - секция коммунизма и левых движений (“F2”, Р. Холлис);
 - секция правых и националистических движений (“A3”, А. Снит);
 - секция фашистских, пацифистских и новых революционных и политико-общественных движений (“A4”, Фулфорд).

На протяжении войны структура Службы безопасности изменялась незначительно. Наибольшим изменениям подвергся отдел “В”, в котором возникло множество новых секций и подсекций: анализа противника, противодействия саботажу, контроля за радиообменом противника (“W”), контроля за почтой противника, наружного наблюдения, региональных

офицеров по связям в области безопасности (РСЛО), военных подрывных действий, прессы, слухов, финансовой разведки, а также региональные подсекции, занимавшиеся исключительно руководством работой двойных агентов в соответствующих странах. Кроме того, по мере появления новых структур по руководству войной МИ-5 формировала специализированные подразделения для работы с ними, например, секцию по контрразведывательному обслуживанию Верховного штаба союзнических экспедиционных сил (СХАЕФ). Более значительно изменилась структура отделов “D” и “E”. Секции отдела “D” ведали теперь безопасностью предприятий, выполняющих заказы для военного министерства (“D1”), Адмиралтейства (“D2”) и министерств авиации и авиационной промышленности (“D3”), контролем безопасности в портах и аэропортах (“D4”), военным персоналом, административными вопросами и инспекцией портов (“D5”), а также закрытыми районами страны (“D6”). Отдел “E” по-прежнему имел шесть секций, но распределение их ответственности стало иным:

- “E1” – французы, бельгийцы, норвежцы, датчане, граждане США и моряки торгового флота;
- “E2” – финны, поляки, венгры, граждане балканских и прибалтийских государств;
- “E3” – шведы и швейцарцы;
- “E4” – выдача разрешений на проживание;
- “E5” – немцы и австрийцы; администрация лагерей и разведка в них;
- “E6” – итальянцы.

Возвращаясь к 1939 году и теме картотеки, следует отметить, что в течение первых трех месяцев войны она оказалась наиболее слабым звеном в организации работы МИ-5. Центральный аппарат Службы безопасности переехал в помещения тюрьмы “Уормвуд-Скрэбс”, что оказалось весьма неудачным решением. Помимо того, что новые здания абсолютно не были приспособлены для надобностей контрразведки, значительный урон понесла секретность. Отмечены случаи, когда кондукторы в лондонских автобусах объявляли: “Остановка — тюрьма. Служба безопасности”. Картотека не справлялась с лавиной поступающих от оперативных подразделений запросов и буквально захлебывалась в них, еженедельное число запросов на проверку достигало 8200. Одни и те же дела одновременно требовались работникам различных секций, папки оседали в подразделениях, что лишало остальных доступа к ним. Основная причина такого плачевного положения заключалась, безусловно, в нехватке не помещений, а персонала, но ограниченность бюджетного финансирования не позволяла увеличить штат. Кроме того, сохранность картотеки уже несколько лет вызвала опасения ответственных за нее сотрудников МИ-5, настаивавших перед Келлом на необходимости дублирования данных. Для этого требовались дополнительно затратить приблизительно 4 тысячи фунтов, которых у контрразведки просто не было, хотя перед началом войны досе помемногу все же начали копировать. После гибели оригиналов в пожаре 1940 года выяснилось, что из-за неправильного экспонирования негативы были абсолютно непригодны к использованию. Последствия этого и в самом деле оказались губительными. Любая контрразведывательная служба в своей деятельности главным образом опирается на агентурный аппарат и информационно-справочную картотеку, и теперь второе основное звено Службы безопасности оказалось полностью и безвозвратно утраченным.

В ноябре 1940 года у МИ-5 наконец появился новый директор. По предложению Мензиса им стал Дэвид Петри, с 1924 по 1931 год возглавлявший Индийскую политическую разведку. Он устраивал руководителя СИС своей дружбой с начальником его внешней контрразведки Валентином Вивианом, и таким ходом опытный аппаратчик сразу же снял все возможные в будущем проблемы взаимодействия МИ-6 с МИ-5. Одновременно Харкер был уже вполне официально назначен заместителем директора. После успешной реорганизации и прихода нового руководства Черчилль решил, что пришло время ограничить права “Комитета Суинтона”, его глава в июне 1942 года был откомандирован в Африку и заменен министром информации Даффом Купером. “Исполнительный орган безопасности” исполнил свою важную роль и дальнейшем никогда уже не обладал прежним полным контролем над контрразведкой.

Особого упоминания заслуживают вопросы радиоконтрразведки. Как известно, к началу войны Великобритания располагала Службой радиобезопасности (РСС), обслуживавшей МИ-5, но находившейся на бюджете военного ведомства. Кроме того, в эфире несли постоянную радиовахту десятки добровольных помощников-радиолобителей, готовых перехваты-

вать сигналы вражеских передатчиков. От них поступало множество сообщений, но все они, за одним исключением, оказывались ложными, поскольку запеленгованные станции являлись британскими, а единственным зафиксированным радиолобителями вражеским передатчиком стала и без того хорошо известная контрразведке рация “Сноу”. Однако эта акция имела другое большое значение: добровольные помощники засекали сигналы абверовского ретранслятора, располагавшегося на крейсеровавшем в Северном море германском судне “Тезеус”. Прослушивание его радиообмена дало возможность перехватить сообщения агентов германской разведки из Норвегии, направленные потом для обработки в криптоаналитические подразделения. Одновременно с добровольными помощниками сигналы с “Тезеуса” зафиксировали и операторы РСС, в инициативном порядке сканировавшие эфир в поисках раций, работа которых напоминала бы гамбургскую станцию абвера, к которой поддерживал связь “Сноу”. Весной 1940 года такой подход позволил перехватывать множество впоследствии дешифрованных сообщений от германской агентуры в Нидерландах, Бельгии и Люксембурге, сообщавших своему командованию информацию об укреплениях, дорожных пробках и перемещениях воинских контингентов. После падения Франции РСС установила, что в Ла-Манше и Атлантике начали нести радиовахту еще несколько судов, подобных “Тезеусу” и поддерживающих связь с Шербуром, Брюсселем, Парижем и станциями в рейхе.

На первом этапе войны МИ-5 еще была способна изменить существовавшую структуру и взять РСС под свой контроль, однако ее директор не смог в полной мере оценить важность такого шага для Службы безопасности. Этим не преминули воспользоваться разведчики. На состоявшейся 20 марта 1940 года конференции с участием представителей РСС, МИ-5 и ПШКШ были отмечены недочеты в работе радиоконтрразведки, вызванные ее отрывом от оперативных служб и плохой работой почтового ведомства по комплектаации кадрами. Разведчики подчеркивали, что РСС логично было бы подчинить ПШКШ, поскольку в основном она перехватывает радиogramмы германских агентов, отправляемые не с территории Великобритании, а из-за рубежа, в первую очередь из нейтральных государств Европы и Африки. На конференции, однако, не было принято никаких организационных решений, за исключением формирования в криптоаналитической службе отдельной секции по дешифровке радиogramм агентов противника, закрытых с помощью ручных (книжных) шифров. По имени ответственного за эту часть деятельности сотрудника Блечли-Парка Оливера Стрэчи секция получила название ISOS, что из соображений безопасности расшифровывалось и как “Intelligence Services Oliver Strachey”, и как “Illicit Series Oliver Strachey”, и как “Intelligence Series Oliver Strachey”. Такая полумера не могла решить проблемы отсутствия должного контроля за работой РСС и ее взаимодействия с заинтересованными ведомствами. Как всегда происходит в подобных случаях, совместное руководство Службой радиобезопасности со стороны МИ-5, почтового ведомства и МИ-8 обернулось фактическим отсутствием контроля вообще. В связи с этим в ноябре 1940 года сотрудник РСС майор Е. Гилл подготовил меморандум с итогами работы радиоконтрразведывательной службы с момента начала войны, в котором привел некоторые новые факты. Он привлек внимание к важным результатам перехвата и дешифровки сообщений агентов противника в Ирландии, США, Греции и Испанском Марокко, а также в Австрии и на Балканах, и отметил, что это направление напрямую относится к вопросам внешней контрразведки, за которую отвечает МИ-6. Меморандум оказался веским аргументом и удачно подкрепил доводы начальника МИ-8, постоянно желавшего отделаться от своего отделения МИ-8(с), как по системе обозначений военного министерства называлась РСС. В середине декабря 1940 года сотрудник недавно основанной секции МИ-5 по радиogramмам “W” майор Фрост настаивал в своем рапорте на необходимости и целесообразности ее передачи в свое ведение. Его предложение рассмотрел лорд Суинтон, который в январе 1941 года пришел к совершенно противоположному выводу и предложил ввести РСС в состав СИС, отвечавшей за ведение контрразведки за пределами Британского содружества наций. Измученный административными проблемами и лишенный самостоятельности в принятии решений новый директор МИ-5 Петри не считал возможным спорить и заявил, что чем скорее МИ-6 заберет к себе РСС в полном составе, тем лучше. В результате 7 марта все вовлеченные в этот процесс руководители пришли к согласию, и к маю 1941 года РСС стала подразделением разведки, напрямую замыкавшимся на руководителя V секции Феликса Каугилла.

МИ-5 утратила один из важнейших источников информации об агентах противника, но продолжала использовать данные радиоконтрразведки в объеме, предоставляемом

Максуэлл Найт

ей МИ-6. Перехваты сообщений абвера и их дешифровка передавались в нее из ПШКШ по двум раздельным категориям. Первая из них представляла собой вскрытые сообщения агентов, зашифрованные ручными (книжными) способами, и вскрывавшиеся в секции ISOS. Зашифрованная машинным способом переписка резидентур абвера с его центральным аппаратом по имени соответствующего сотрудника имела кодовое обозначение ISK (Intelligence Service Кноп). В феврале 1941 года Нокс

Тар Робертсон (справа)

умер от рака, но в память о нем обозначение сохранялось до конца войны. Перехватывались также и сообщения собственных агентов, обозначавшиеся шифром ISBA (Intelligence Service British Agents), которые после идентификации не обрабатывались. В ходе войны было дешифровано соответственно 100 и 140 тысяч сообщений ISOS и ISK, направленных в отдел "В" Службы безопасности и использованных как для общей информации, так и для радиоигр. Оперативной контрразведывательной работой руководили такие специалисты как Гай Лиддел и Максуэлл Найт, на более низком уровне иерархии располагались создатель системы дезинформации Тар Робертсон и непосредственно ответственный за борьбу с германским шпионажем Джек Кэрри. Среди задержанных агентов противника удельный вес арестованных по данным, полученным по каналу ISOS, колебался от 25% в 1941 году до 40% в 1943 году, а с учетом косвенного использования данных — соответственно от 32,1% до 72,2%, что говорит само за себя⁴².

Специфическим наследием Первой мировой войны стала особая структура безопасности МИ-8, занимавшаяся пресечением вражеской связи с использованием почтовых голубей и укомплектованная опытными соколиными охотниками. Как уже указывалось, до весны 1941 года в нее входила и РСС. Британцы попытались внести в этот анахронизм нечто новое и использовали самолеты для выпуска собственных голубей, специально обученных приманивать чужаков к своим голубятням. Очень скоро от этой практики пришлось отказаться, поскольку выпускаемые с самолетов голуби, как правило, гибли от ударов о фюзеляж и хвостовое оперение. МИ-8 даже успела разработать особую технологию выброса птиц в сторону от самолета в бумажных пакетах, но с течением времени ввиду полной ненадобности служба была распущена, а ее название использовано для радиоконтрразведки.

Перед войной на Британских островах проживали 71600 иностранных граждан, в том числе 60 тысяч немцев и австрийцев, из которых от 15 до 20 тысяч жили в стране и раньше, а остальные бежали туда в поисках спасения от нацистского режима. Согласно Закону о регистрации иностранцев, после 1 сентября 1939 года Служба безопасности разделила их на категории "А", "В" и "С". К первой из них отнесли 7400 ненадежных в политическом отношении и подозреваемых в шпионаже лиц, 350 из которых немедленно арестовали и интернировали в специальных лагерях. Следует иметь в виду, что лишь 3100 из них действительно явно симпатизировали нацизму, а остальные 4300 были просто беженцами, имевшими несчастье вызвать у контрразведки подозрение. Более многочисленную вторую группу ограничили в перемещениях, запретив включенным в нее удаляться далее, чем на пять миль от места постоянного проживания (кроме обитателей Лондона), а также пользоваться любым видом наземного транспорта, включая велосипед. Третью категорию составили остальные иностранцы, на первых порах не подвергшиеся никаким санкциям со стороны властей. После окончания периода "странной войны" в мае 1940 года 2 тысячи немцев в прибрежных районах немедленно присоединили к интернированным ранее, а через две недели аресты начались и в категории "В". В июне репрессии настигли категорию "С", большинство отнесенных к которой сбежали от террора Гитлера, однако были заключены в лагеря в демократической стране. Возникла парадоксальная ситуация, когда в одних и тех

же бараках содержались отъявленные нацисты и бежавшие от них евреи и левые радикалы, итальянские фашисты и воевавшие против них ветераны испанской войны. Все это повлекло за собой массу прискорбных эксцессов, получивших широкий резонанс в прессе. В защиту столь жестких акций следует отметить, что они и в самом деле разрушили подавляющее большинство агентурных сетей германской разведки, лишив их всякой возможности действовать. Из категории “С” на свободе остались лишь лица старше 70 лет, но и им запрещалось свободно передвигаться по стране. Первоначально собранные в лагеря интернированные затем вывозились на остров Мэн, а оттуда в Канаду и Австралию, однако эта практика была быстро прекращена. Германская подводная лодка U-47 под командованием Гюнтера Прина потопила судно с такими пассажирами “Арандора Стар”, и ввиду крайней опасности морских переходов правительство стало размещать интернированных граждан стран “оси” в лагерях в Шотландии. В дальнейшем многие из них приняли активное участие в войне против Гитлера, и 10 тысяч немцев прошли службу в СОЕ, отрядах “коммандос” и армейских парашютно-десантных подразделениях.

Несмотря на превентивные меры, перед началом войны немцы располагали надежной информацией о вооруженных силах и инфраструктуре Великобритании. “Фабрики, шахты, аэродромы, порты, береговая оборона, военные объекты на всех Британских островах были осмотрены, сфотографированы и подшиты в папки со скрупулезным вниманием к деталям”⁴³. Начальник разведывательного отдела абвера фон Бентивеньи после войны на допросе показал, что задания по Англии военная разведка получала в основном от люфтваффе и кригсмарине. Авиаторы интересовались сведениями о потенциале британских ВВС, требовали достоверные данные о результатах бомбардировок, а также нуждались в информации об “узких местах” английской промышленности для концентрации ударов именно по ним. Морякам были нужны данные о крупных кораблях флота, составе, маршрутах и времени выхода конвоев. Бентивеньи вспоминал: “С начала войны продолжали действовать оставшиеся от агентурной сети мирного времени связи с английскими инженерами, техниками и предпринимателями авиационной промышленности. Разведывательная информация маскировалась под деловую переписку. С этой целью она наносилась тайнописью и в виде почтовой корреспонденции пересылалась сначала через Копенгаген, затем через Португалию”⁴⁴. В обязанности оснащенных рациями агентов входила передача сводок погоды и метеопрогнозов для бомбардировочной авиации.

Бентивеньи назвал парашютирование основным методом заброски агентов на Британские острова, вторым по важности методом доставки была высадка с подводных лодок и рыбацких судов, на которых они маскировались под беженцев из Голландии, Бельгии и Франции. Однако на этом маршруте практически не имелось возможности снабдить агентов радиопередатчиками, поэтому эту проблему приходилось решать отдельно. Диверсионный отдел абвера был озабочен еще и транспортировкой взрывчатки, детонаторов и другого оснащения для производства актов саботажа. Начальник разведки отметил применявшиеся контрразведкой серьезные меры безопасности, в частности, постоянное обновление видов продовольственных карточек и других документов, угнаться за которым было невероятно сложно. Он утверждал, что “перспективу проработать в Англии длительный срок имел лишь тот агент, который уже прожил там сравнительно долгое время”⁴⁵. Все это до крайней степени затрудняло агентурные операции немцев, и в течение войны несколько десятков их агентов были схвачены (1940 год — 26, 1941 год — 23, 1942 год — 29, 1944 год — 12), из которых 16 казнены в Британии, а 2 в Гибралтаре. Рассекреченные в последнее время документы позволяют пролить свет на некоторые сомнительные моменты их историй и внести ясность в картину, иногда вольно или невольно искаженную журналистами и историками.

Утром 3 сентября 1940 года британский патруль заметил на берегу пустую лодку и вскоре задержал человека, представившегося беженцем из Голландии Шарлем Альбертом ван ден Кибумом. В штабе местного батальона его обыскали, обнаружили “кольт”, бинокль и запас продуктов, после чего передали гражданским властям. Одновременно другой патруль обнаружил прибывшего вместе с ван ден Кибумом второго нарушителя границы по имени Сьорд Понс. Найденный тем же утром чемодан с радиопередатчиком и батареями к нему вызывал серьезные подозрения в искренности “беженцев”. Третий член группы Карл Генрих Майер привлек к себе внимание незнанием правил, регулирующих продажу спиртного, а четвертым, и последним, оказался вскоре задержанный Хосе Вальдберг, немец, даже не

владевший английским языком. Все четверо были подготовлены наспех и примитивно для действий в рамках операции “Лена” — относящейся к компетенции абвера части операции “Зеелеве”. Их задачей являлось установление степени подготовки вооруженных сил Великобритании к отражению высадки вермахта на ее территорию, а также выявление армейских резервов на юге страны. В итоге состоявшегося суда всех, за исключением Понса, повесили, голландец же был признан невиновным как действовавший под принуждением и освобожден, однако немедленно вновь взят под стражу и интернирован до июня 1945 года.

В ночь с 29 на 30 ноября 1940 года в охраняемой зоне на шотландском побережье патруль обнаружил мужчину и женщину в промокшей одежде, явно только что высадившихся с моря. Мужчина представился бельгийским французом Франсуа де Деекером, женщина отрекомендовалась голландкой Верой Эриксен. При обыске у задержанных изъяли “маузер”, радиостанцию, шифр и фальшивые документы, неопровержимо изобличавшие пару как вражескую агентурную группу. Расширенный поиск принес доказательства пребывания в этом же районе и других нарушителей границы. После отдельного допроса Эриксен изменила показания, заявила, что в действительности она является “вдовой из Сибири” Верой де Коттани-Шальбур, и потребовала встречи с “капитаном Кингом из военного министерства”. Им оказался офицер секции “В5(b)” МИ-5 Максвелл Найт, на связи у которого в довоенное время находилась задержанная женщина. При личной беседе с прежним руководителем она сообщила, что следует искать еще двух высадившихся германских агентов: Карла Теодора Друкке с документами на имя бельгийца Франсуа де Деекера и то ли немца, то ли шведа Вернера Генриха Ваелти, настоящего имени которого Эриксен не знала.

По происхождению Эриксен (Чалбург, Старишки) действительно была русской, мелким агентом НКВД СССР в среде эмиграции, без особых хлопот перевербованной немцами и засланной в Англию. Работа Веры значительно облегчалась тем, что она неплохо владела искусством танца, училась в Париже у знаменитой балерины Анны Павловой и не растеряла свои навыки. Ее фактический муж Друкке являлся в разведке фигурой более крупного калибра, в предвоенное время руководил нацистской группой в Бельгии и был выслан оттуда за шпионскую деятельность. В дальнейшем, продолжая работать на абвер, он зарабатывал на жизнь выступлениями в кабаре с сеансами гипноза вместе с Эриксен. Немцы знали Веру как бывшего агента НКГБ, но не имели понятия о том, что она успела недолгое время поработать еще и на МИ-5 и поэтому на Британские острова ехала без особого опасения. Двое оставшихся на свободе членов группы провалились очень скоро. При проведении контрразведывательного и полицейского розыска по сообщенным Эриксен данным был зафиксирован факт сдачи неизвестным мужчиной в камеру хранения эдинбургского вокзала подмокшего чемодана. При контрольном вскрытии предположение о принадлежности багажа одному из разыскиваемых агентов подтвердилось, внутри чемодана обнаружился радиопередатчик, за которым вскоре явился и сам Ваелти. Шпион оказал вооруженное сопротивление аресту и попытался отбиться при помощи ножа, но безуспешно, а имевшимся у него “маузером” так и не успел воспользоваться. Обыск добавил к изъятым уликам код и список британских военных аэродромов. Вскоре был задержан и Друкке. Следствие так и не смогло установить подлинную личность человека, носившего псевдоним Ваелти. Его швейцарский паспорт оказался поддельным, имя — полностью вымышленным, и лишь после войны с невысокой степенью достоверности его идентифицировали как немца Роберта Петтера. Трое мужчин были приговорены за шпионаж к смертной казни и повешены, а Веру всего лишь интернировали и после войны выслали в западную оккупационную зону Германии. Плачевный для абвера итог этой операции стал продолжением ее не менее трагического начала в Норвегии, когда по пути Эриксен, Друкке и Ваелти на аэродром их машина потерпела аварию, в которой погиб начальник морского отделения АСТ-Гамбург Ганс Диркс.

Член компартии Великобритании Джордж Уильям Армстронг (псевдоним в абвере Джордж Уильям Хоуп) сбежал с торгового судна и обосновался в США. Осенью 1940 года он обратился к германскому консулу в Бостоне доктору Герберту Шольцу с письмом, в котором предлагал свои услуги в качестве шпиона, не догадавшись, что вся поступающая в консульство корреспонденция перлюстрируется ФБР. Американцы выслали неудавшегося агента-любителя на родину, где в июле 1941 года он был повешен.

В ночь с 31 января на 1 февраля 1941 года с немецкого бомбардировщика высадился с парашютом Йозеф Якобс. При приземлении он получил сильные повреждения, лишившие его возможности самостоятельно передвигаться. Чтобы не замерзнуть в поле, выстрелами из пистолета парашютист привлек внимание двух сельскохозяйственных рабочих, сдавших его в полицию. Следуя отступной легенде, Якобс назвался Джорджем Раймером и заявил, что и в самом деле являлся агентом германской разведки, но прибыл в Англию исключительно с целью установить связь для организации в рейхе антинацистского подполья, для чего ему требовались денежные средства. Агент уверял, что еще до войны помогал эмигрировать евреям, после чего на связь с ним вышел некий доктор Бургас из “еврейского общества”, предложивший поступить на службу в разведку и перебежать к англичанам. Однако следствие установило, что Якобс еще в конце 1930-х годов работал в Гааге на нацистские спецслужбы, и 15 августа 1941 года по приговору суда он был расстрелян. Агент избежал повешения, поскольку в момент задержания был одет в германский форменный комбинезон парашютиста, а не в гражданскую одежду. Другой, более прозаической причиной такого проявления гуманизма явилась сломанная нога, не позволявшая приговоренному взойти на эшафот, поэтому его усадили на стул, привязали к нему и расстреляли.

Судетский немец Карел Рихард Рихтер, выдававший себя за бежавшего по морю голландца Фрэда Снайдера, высадился в Англии с парашютом 14 мая 1941 года. Он вызвал у шофера такси подозрение своей неспособностью внятно объяснить, куда именно ему нужно ехать, и тот сообщил о странном пассажире в полицию. Констебль задержал Рихтера под предлогом нарушения им правил комендантского часа, и после краткого допроса в участке агент выдал пистолет, деньги и неизвестно зачем оказавшийся у него подлинный чехословацкий паспорт. Немец рассказал о своем задании, и выяснилось, что он был направлен связником к агенту-двойнику МИ-5 “Тэйту” (Вольф Шмидт), по указанию контрразведки долгое время требовавшему от АСТ-Гамбург запасную радиолампу для передатчика. Кроме того, ему было поручено убийство президента Чехословацкой республики Эдуарда Бенеша. МИ-5 никак не могла решить, как поступить с Рихтером, поскольку весьма опасалась скомпрометировать “Тэйта” и сорвать собственную операцию. Рассматривался вопрос о замене вынесенного ему смертного приговора пожизненным заключением, однако агент пал жертвой быстроты в исполнении наказания. Пока контрразведчики размышляли, немца казнили, причем на эшафоте он оказал отчаянное сопротивление и почти разорвал стягивавший его запястья кожаный ремень. Из-за этого петля затянулась не на шее, а на лице, Рихтер получил перелом костей носа и смещение двух шейных позвонков, от которого в конце концов и скончался.

В сентябре 1941 года выдававший себя за беженца из Бельгии очередной германский агент Альфонс Тиммерманс пытался поступить на службу в сохранившийся в распоряжении эмигрантского правительства Бельгии торговый флот. Источники контрразведки опознали его в местном клубе как штатного переводчика в отделении гестапо в Брюсселе. В ходе обыска квартиры Тиммерманса обнаружили химикаты и принадлежности для тайнописи, передатчик и добытые им документы по ситуации в Бельгийском Конго. Агент был повешен в июле 1942 года.

Таким же образом закончил жизнь и Франциск Иоганн Винтер, при проверке оказавшийся не бельгийцем, а чистокровным немцем. В июне 1942 года он прибыл в Великобританию через Гибралтар, вызвал подозрение имевшейся у него значительной суммой денег, был разоблачен и арестован. Агент предложил свои услуги в качестве двойника, но сотрудники МИ-5 пришли к заключению, что для дезинформации противника он будет бесполезен. Это предрешило вынесение смертного приговора, исполненного в январе 1943 года.

Мелкий голландский почтовый служащий Иоганн Маринус Дронкерс у себя на родине много лет участвовал в нацистской группе, затем был зачислен в абвер, прошел курс обучения и отправился в Англию с заданием внедриться в “Радио Оранж” голландского эмигрантского правительства. Весной 1942 года патрулирующий побережье английский вооруженный траулер “Корена” заметил едва державшуюся на воде протекающую яхту с тремя людьми на борту, одним из которых был Дронкерс. Уже на борту корабля неестественная

театральность его поведения вызвала у окружающих недоумение и недоверие. Он воздевал руки к небу, падал на колени, громко и старательно пел патриотические песни, а на причале первым делом поцеловал землю Британии. Тем самым он добился строго противоположного результата и привлек к себе внимание голландского подполковника Ореста Пинто, сотрудника центра проведения допросов беженцев в “Патриотической школе королевы Виктории” (РВПС). Этот возглавлявшийся бывшим офицером Службы безопасности Ронни Хэйлером центр подчинялся Службе спасения и побегов МИ-9, курировался МИ-5 и фактически представлял собой фильтрационный лагерь с английскими, голландскими, бельгийскими и французскими следователями. Дронкерсом занимался Пинто, сотрудники которого при негласном досмотре вещей спасенного обнаружили в англо-голландском словаре скрытые пометки, оказавшиеся не слишком изощренным кодом. Согласно изложенной голландцем легенде, дома он торговал на черном рынке и попался. По законам военного времени это каралось смертной казнью, после чего ему якобы не оставалось ничего другого, кроме бегства в Роттердам. Там Дронкерс встретил некоего Ганса, добыл у него яхту, скорее заслуживавшую название большой лодки, и в компании с двумя найденными в последний момент попутчиками ушел в море, где на краю гибели их подобрал траулер “Корена”. Пинто решил дать Дронкерсу некоторое время побыть в неведении относительно найденного кода, чтобы установить его связи. Поступив на “Радио Оранж”, агент должен был зачитать на волнах Би-Би-Си составленное им самим сообщение, однако английские контрразведчики на всякий случай отключили передатчик, и в эфир оно не ушло. При криптоаналитической проверке в тексте обнаружился скрытый сигнал о благополучном прибытии. Пинто более не имел желания оттягивать развязку и пригласил своего коллегу Адриануса Вринтена, во время службы в голландской полиции прекрасно знавшего Дронкерса как активного и убежденного нациста. На допросе провалившийся агент откровенно раскрыл своих связников в Лиссабоне и Стокгольме, но это не помогло ему избежать казни. Его попутчики не были причастны к разведывательной деятельности, хотя один из них, голландский журналист по имени Иоанн Альфонсус Малдер, находился под подозрением дольше других и пробыв в тюрьме до апреля 1943 года.

Бельгиец Пьер Ричард Чарльз Нойкерманс в июле 1943 года прибыл в Британию в качестве беженца через Испанию и Лиссабон. В 1944 году СИС установила, что его контакты в Бельгии оказались не участниками движения Сопротивления, а активными коллаборационистами. Состоялся суд, и в июне 1944 года Нойкерманса казнили за шпионаж.

Весьма прозаичной и ничем не примечательной была недолгая история рабочего порта Гибралтар этнического испанца Хосе Эстела Ки, еще с 1936 года находившегося в списке возможных подрывных элементов из-за тесных контактов с одним из известных фалангистов. В феврале 1942 года контрразведчики решили на всякий случай без особых оперативных ухищрений просто арестовать подозреваемого и обыскать его жилище. Неожиданно для самих себя они обнаружили в нем материалы по деятельности порта, хранение которых подпадало под закон о государственной измене и влекло за собой применение смертной казни. Неудачливый шпион сделал попытку убежать и выпрыгнул из окна кабинета следователя, однако попал в полный полицейских внутренний двор. На допросах Ки признался, что его завербовал для работы на германскую разведку некий доктор Ганс Хаберлейн, и был повешен 7 июля 1942 года, в один день с Тиммермансом.

Англичанин с длинным именем Дункан Александр Кроалл Скотт-Форд вначале служил в ВМС, но в 1941 году, после того, как Служба безопасности установила, что он выболтал александрийской проститутке секретные сведения, а также совершил кражу на корабле, его перевели в торговый флот. Однажды в Лиссабоне, когда подгулявший моряк не смог оплатить ресторанный счет на 1800 эскудо, выпутаться из этой щекотливой ситуации ему помог человек, оказавшийся вербовщиком абвера. Карьера предателя, поставлявшего немцам информацию о движении средиземноморских конвоев, продолжалась недолго. По линии “Ультра” была перехвачена переписка резидентуры абвера в Лиссабоне с центральным аппаратом, в расшифрованном виде под кодом ISK поступившая в МИ-5 и содержащая сведения о Скотт-Форде. По прибытии в английский порт контрразведчики обыскали кубрик судна, на котором он служил, и обнаружили компрометирующие записи относительно

состава, курса и скорости конвоев. Все доказательства измены были налицо, и в ноябре 1942 года молодого человека, которому исполнился всего 21 год, расстреляли. Такова оказалась цена одного ресторанного вечера.

В ноябре 1943 года двойной агент комитета МИ-5 по дезинформации “Дрэгонфлай” потребовал от абвера средства для продолжения своей деятельности. Как только германская разведка уведомила его о направлении курьера с бриллиантовым зажимом для галстука, который следовало продать для получения требуемой суммы, об этом сразу же узнала Служба безопасности. Теперь следовало решить, как поступить с приехавшим в Британию через Лиссабон посланцем абвера, английским гражданином немецкого происхождения Освальдом фон Джобом. Его арест сразу же вызвал бы у немцев обоснованные подозрения в отношении “Дрэгонфлай”, поэтому в МИ-5 решили вначале дать ему возможность покаяться в работе на противника. Фон Джоб трижды упустил свой шанс сделать это и избежать в дальнейшем виселицы, и контрразведка продолжила его разработку со спокойной совестью. Установленное за агентом наружное наблюдение показывало, что никаких шпионских действий он не предпринимал, а зажим по-прежнему хранил у себя. Развязка наступила неожиданно. У МИ-5 не хватало ресурсов для постоянного наружного наблюдения за фон Джобом, поэтому периодически его передавали бригаде Особого отдела, работники которой, естественно, ни о каких двойных агентах не знали. В один из этих дней объект внезапно остановился на середине Пикадилли среди потока автомашин, это же вынужден был сделать и его сопровождающий, на которого тот немедленно набросился с претензиями и обвинениями. На шум подоспел полисмен, и вскоре германский агент уже находился в полицейском участке. Все старания Службы безопасности не встревожить немцев грозили пойти прахом. Кроме того, никакая оперативная информация не имела доказательную силу в суде, поэтому с существовавшим набором сомнительных улик нечего было и думать о передаче фон Джоба в руки правосудия. Однако МИ-5 повезло. При обыске в доме курьера обнаружили ключи, в полостях которых хранился порошок, при растворении превращавшийся в симпатические чернила, что было уже вполне достаточным вещественным доказательством государственной измены. Вскоре в прессе появились заметки, сообщающие о выявлении очередного германского шпиона при досмотре в аэропорту. Это легендировало историю задержания фон Джоба, давало достаточные основания приговорить его к смертной казни и не встревожило немцев. Ирония судьбы заключалась в том, что столь тщательно планируемые мероприятия по поддержке доверия абвера к “Дрэгонфлай” оказались ненужными, поскольку из-за отсутствия денежных средств агенту все равно пришлось прекратить работу, и оперативная комбинация МИ-5 прервалась. Фон Джоб был казнен в марте 1944 года.

Еще короче оказалась карьера бельгийца Йозефа Яна Ванхове, прибывшего в Англию через Швецию. Он не успел сделать практически ничего, был разоблачен, судим и казнен в июле 1944 года.

Кроме перечисленных шестнадцати человек, еще двое британских граждан испанского происхождения Луис Кордон-Куэнса и Хосе Мартин Муньос были осуждены и казнены на территории Гибралтара. Их аресты произошли соответственно в июне и июле 1943 года. Вообще же за период войны англичане арестовали за шпионаж и содержали в специализированном лагере 020 Службы безопасности 440 человек⁴⁶, из которых 50 были освобождены как невиновные, 14 из числа перечисленных казнили, 180 имели контакты с абвером, не составлявшие состава преступления, но исключавшие возможность их освобождения до окончания войны. Судьба оставшихся 196 довольно интересна. Их шпионская деятельность была неопровержимо доказана на следствии, и любой судья в Британии отправил бы их в тюрьму на длительный срок, однако не на эшафот, поскольку они не были арестованы с передатчиком, оружием, шифрматериалами, ядами, средствами взрыва или тайнописи. А такой вариант совершенно не устраивал правительство, уже в самом начале войны решившее в пропагандистских целях продемонстрировать населению, что наказание за шпионаж может быть только одно — смертная казнь. Поэтому почти две сотни установленных агентов противника просидели в лагере до конца войны и впоследствии вышли на свободу, в отличие от своих менее удачливых коллег.

Служащий посольства Португалии в Лондоне Рожейру Магальянш Пейшоту де Менезеш поставял немцам не слишком значительную информацию, к которой имел доступ. Он сообщал о заметных стороннему наблюдателю особенностях противоздушной обороны Лондона, информировал о продовольственной ситуации в стране и влиянии на нее подводной блокады, о военном потенциале Великобритании и в особенности об экспортных поставках в Турцию. Соответственно его вознаграждение составляло всего 50 фунтов в неделю, немедленно уменьшенных вдвое после того, как до немцев дошли сведения о его образе жизни. Менезеш проводил время в непрерывных пьянках и кутежах и расслабился настолько, что ленился вкладывать свои сообщения немцам в вализы с дипломатической почтой и отправлял их обычными авиаписьмами. Британские цензоры вначале даже опешили от такой неожиданности. Когда министерство иностранных дел официально проинформировало посла Португалии Арминду де Штау Монтейру, старый дипломат мгновенно уволил шпиона, тем самым лишив его дипломатического иммунитета, однако самому Менезешу об этом не сообщил, поскольку тот мог воспользоваться экстерриториальностью посольства и укрыться в нем. Когда сотрудники МИ-5 под благовидным предлогом попросили португальца прибыть к ним для беседы, он без опасений вышел из здания посольства и тут же был арестован. Суд приговорил германского агента к смертной казни, позднее по просьбе Португалии замененной на пожизненное заключение.

Все упомянутые шпионы-неудачники имели между собой немало общего. Как правило, они были беспомощны, плохо обучены, снабжены непрочной легендой и отправлены фактически на смерть. Часто эти аресты и разоблачения преподносятся как доказательство высочайшей компетентности МИ-5, однако, строго говоря, они просто свидетельствуют об из рук вон скверной работе абвера на английском направлении. В самом деле, как еще можно оценить засылку нелегала, среди вещей которого сохранился его подлинный паспорт? Как можно было отправлять агента, прекрасно известного на родине в качестве активного коллаборациониста или местного нациста? Зачем в числе прочих предметов снаряжения было взять с собой вату, зубочистки и аспирин? Эти элементарные атрибуты для тайнописи легко приобретались на месте, но при досмотре фальшивых беженцев немедленно вызвали соответствующую реакцию властей и фактически обрекали их владельца на гибель. Служба безопасности и Особый отдел Скотланд-Ярда вылавливали такую серую массу шпионов достаточно быстро и без особых хлопот, особенно с помощью спецслужб европейских правительств в изгнании, в изобилии существовавших в Лондоне. Они во многом сохранили оперативные позиции в своих странах, и проверка легенд не представляла для них серьезную проблему. Оккупированные территории не отделялись непроницаемым занавесом, и по этой причине немецкая агентура несла серьезные потери, не добившись, в сущности, никаких позитивных результатов. Однако один случай шпионажа нельзя отнести к этому ряду. Наибольшую пользу из всех источников стран «оси» на территории Великобритании принес человек, которого именовать агентом можно было лишь с большой натяжкой, и работал он прежде всего на итальянцев. Этим человеком был 24-летний шифровальщик посольства Соединенных Штатов Америки в Лондоне Тайлер Гейтвуд Кент.

Он имел три университетских образования, полученные в престижных университетах различных стран мира, владел шестью иностранными языками и происходил из дипломатической династии. В Лондон Кент прибыл после периода работы в Москве, где, судя по всему, укрепился в своих существовавших ранее антикоммунистических и антисемитских убеждениях, оставшихся не обнаруженными службой безопасности государственного департамента. Более того, ему поручили самую деликатную часть посольской работы — шифровальную, где он по должности знакомился с содержанием совершенно секретных документов, касавшихся внешней политики США и Великобритании. В сентябре 1939 года из перехваченных и дешифрованных ПШКШ материалов выяснилось, что посол Германии в Риме осведомлен о содержании переписки Черчилля и Рузвельта, доступ к которой имел крайне ограниченный круг лиц. Более того, посол даже сообщал, что источником получения такой информации являлся МИД Италии. Предпринятые МИ-5 экстренные меры проверки в числе прочего позволили установить, что помощник военного атташе Италии в Лондоне подполковник Франческо Мариньяно регулярно посещает русскую «Чайную» и встречается с ее хозяйкой, 37-летней дочерью русского адмирала Анной Волковой. Женщина проходила по оперативным учетам Службы безопасности в качестве активного члена «Правого клу-

ба” и отличалась антисемитскими и фашистскими убеждениями. Наружное наблюдение за Волковой на восьмой день установило, что по ночам она расклеивает листовки подрывного содержания, часто и подолгу бывает в одной из фотостудий и при перемещениях неумело пытается применить профессиональные приемы ухода от слежки. Разработка объекта обещала быть перспективной, и на нее выделили бригаду из 16 человек, не считая технических работников. Одновременно в контрразведку поступила информация о присутствии на собраниях Британского союза фашистов (БУФ) некоего неустановленного американца, к которому руководство союза относилось с подчеркнутым уважением. Кроме того, итальянский журналист-антифашист Луиджи Барзини сообщил, что его знакомые в МИД Италии хвастались наличием ценного источника информации. Постепенно три линии расследования сошлись воедино. По фотографиям персонала посольства, торговых миссий, фирм и просто проживавших в Лондоне американцев агент МИ-5 опознал в участнике встреч БУФ Кента. Ему же принадлежал автомобиль с номерными знаками посольства США DT32416, в который часто и с соблюдением мер предосторожности садилась Волкова. Были отслежены и другие ее подозрительные контакты, после чего стало ясно, что в данном случае дело не ограничивается любовной связью американца и русской эмигрантки. 20 мая 1940 года полиция произвела в ее квартире обыск, в ходе которого обнаружила оригиналы и копии свыше полутора тысяч секретных документов посольства США, дубликаты ключей от шифровальной комнаты и сейфа с документами, а также экспонированные негативы аналогичного содержания. Было изъято и письмо диктору английской редакции берлинского радио Уильяму Джойсу (“лорд Гав-гав”), с 18 сентября 1939 года встревожившее пропагандистские материалы антиправительственного содержания. Все это дало более, чем достаточные основания для ареста молодого американца. Посол США в Лондоне Джозеф Кеннеди по согласованию с госдепартаментом уволил его со службы, лишив тем самым дипломатического иммунитета. Теперь бывший шифровальщик стал досягаем для британской полиции и контрразведки.

Тайлер Кент

Анна Волкова

На допросах Кент не скрывал, что позволял Волковой знакомиться с секретной перепиской посольства, для чего копировал документы или сохранял предназначенные к уничтожению оригиналы. Он заявил, что совершал это из протеста против политики своего правительства, однако отрицал, что знал о связях своей приятельницы с итальянской или германской разведками. Последняя информация от Кента ушла в Рим 23 мая 1940 года, после чего этот источник иссяк. При этом радоваться было особо нечему. Кеннеди писал государственному секретарю Хеллу: “Я позвонил президенту в Вашингтон и сообщил, что наш самый секретный код раскрыт. Немцы, итальянцы и, возможно, японцы знают о наших планах и обо всем остальном, поступающем в Белый дом и государственный департамент и исходившем из них за последние 8 месяцев, в такой критический период войны”⁴⁷. Утечка секретных данных оказалась далеко не единственным причиненным Кентом ущербом. Итальянцам и немцам достались американские дипломатические шифры и коды, и их необходимо было срочно заменить, а это оказалось далеко не просто. Позднее Кеннеди вспоминал: “Перерыв, затронувший американские посольства и миссии во всем мире, продолжался от двух до шести недель, пока в посольства не прибыли из Вашингтона особые курьеры с новыми кодами”⁴⁸.

Мать Кента обратилась к Рузвельту с просьбой ходатайствовать о передаче сына в руки не британского, а американского правосудия, но президент не собирался предоставлять ему трибуну на процессе для политических заявлений, поскольку изоляционисты и без того имели в Соединенных Штатах немалое влияние. Англичане же не знали жалости к агентуре врага, и приговорили американца к семи годам каторги, а Волкову — к десяти, вдобавок лишив ее приобретенного гражданства Британии. Изоляционисты в США использовали приговор в качестве прекрасного повода для развертывания кампании в защиту якобы пострадавшего от сионистского заговора мученика. По стране проводились митинги протеста, в поддержку Кента по подписке были собраны немалые суммы денег. Однако все это никак не повлияло на правосудие, и осужденный отбывал наказание в Великобритании до декабря 1945 года, после чего был переведен в американскую тюрьму. Волкова содержалась в заключении до 1947 года и после освобождения по амнистии прожила еще долго, сменила фамилию на Руссова и скончалась в 1969 году в возрасте 67 лет.

В деле Кента следует отметить еще одно обстоятельство, крайне встевржившее в 1940 году директора ФБР. Узнав о лондонских событиях с участием шифровальщика, Гувер весьма встревожился и предположил, что тот мог еще в СССР работать на НКВД. Он направил в Москву агента Лоу Бека, убедившегося в полнейшем отсутствии в посольстве действенной системы безопасности и отразившего это в известном в разведывательных кругах Соединенных Штатов “отчете Бека”. Документ описывал возможные масштабы советского проникновения в дипломатическое представительство США, однако был неконкретным и в основном строился на предположениях. Хотя в ФБР полагали, что в период пребывания в Москве Кент был завербован НКВД на компромате и поставлял советской стороне доступную ему информацию, в том числе по кодам и шифрам, достоверность такого заключения вызывает определенные сомнения. Данная версия не имеет ни одного независимого подтверждения и потому до появления такового считаться достоверной не может.

Торпедирование 14 октября 1939 года германской подводной лодкой U-47 британского линкора “Ройал Оук” в главной базе флота Скапа-Флоу на Оркнейских островах из года в год кочевало по страницам книг и журналов в качестве образца великолепной разведывательной операции абвера. Различные авторы подробно рассказывали, что в городке Кэркуолл проживал тихий голландский часовщик Иоахим ван Шулерман, увлекавшийся рыбалкой и подолгу выходивший в море на своей небольшой лодке. Сообщали, что на самом деле им являлся глубоко законспирированный офицер германской разведки Курт фон Мюллер, который в море пересел на подводную лодку и провел ее командира капитан-лейтенанта Гюнтера Прина через боновые заграждения, прекрасно изученные им за эти годы. После этого скромный часовщик исчез, оставив в своем доме плакат с надписью “Хайль Гитлер!”. Увы, это представляет собой всего лишь один из примеров так называемых разведывательных мифов. Линкор действительно был торпедирован, однако никакого часовщика по фамилии ван Шулерман в Кэркуолле никогда не было, и никто подобный там не появлялся и оттуда не исчезал. По версии Шелленберга, этого офицера звали Альберт Эртель, а работал он под прикрытием шведского гражданина Альфреда Веринга, но такая замена имен не добавляет достоверности этой истории. Бесспорно здесь лишь то, что Гюнтер Прин, в самом начале войны потопивший печально известное пассажирское судно “Арадона Стар”, проявил себя весьма умелым командиром, но жить ему оставалось недолго. В марте 1941 года он погиб в Атлантике вместе со своей лодкой и всем ее экипажем. История характерна также и тем, что из-за нее подверглась серьезной критике МИ-5, хотя вина за беспрепятственный проход U-47 лежала исключительно на моряках. Слухи о загадочном часовщике все же имели под собой некоторую почву. Незадолго до торпедной атаки МИ-5 арестовала в Инвернесе подозрительного фотографа-итальянца, и, хотя оказалось, что он не имел ни малейшего отношения к разведке, Служба безопасности интернировала его. Каким-то образом эта искаженная до неузнаваемости история достигла публики, которая дружно и абсолютно незаслуженно стала упрекать контрразведку в провале, стоившем стране линкора и жизнью 834 моряков из его экипажа. Даже сейчас, более полувека спустя, в глазах общественности потопление “Ройал Оука” остается символом триумфа абсолютно непричастной к нему германской разведки.

За время войны немцы совершили весьма немного успешных разведывательных и подрывных операций на Британских островах. Удачные акции чаще всего следует отнести на счет сотрудничавших с абвером боевиков ИРА, организовавших взрывы электростанции в Ланка-

шире в январе 1940 года и поезда с боеприпасами в Лестершире в следующем году. Связи Ирландской республиканской армии с немцами осуществлялись главным образом через ее начальника штаба Шона Рассела и подробно описываются в соответствующей главе книги.

Подводя итоги операций германской разведки на Британских островах, можно отметить их крайне невысокую результативность. В этом отношении МИ-5 и Особый отдел Скотланд-Ярда успешно выполнили свою задачу в войне. Однако в Британии действовали и другие агентурные сети, против которых ее контрразведка оказалась в тот период совершенно бессильной. Речь идет о советской разведке, в частности, об уже упоминавшейся “кембриджской группе”.

В сентябре 1939 года Энтони Блант добровольно поступил на военную службу в соответствии с обнародованным радиостанцией Би-Би-Си набором специалистов в области иностранных языков в полевую секцию Корпуса военной полиции. Однако 26 сентября, почти сразу же после начала учебного курса, командир корпуса бригадир Шерар получил извещение из МИ-5 о нецелесообразности использования Бланта в любом из подразделений секретных служб. Причина этого не сообщалась. В описываемый период Служба безопасности не обладала правом вето на прием на работу любого лица, независимо от степени секретности должности, на которую он зачислялся, она лишь выдавала заключение, которого соответствующий руководитель волен был придерживаться или не придерживаться. В последнем случае он лично нес полную ответственность за все возможные последствия отклонения рекомендаций МИ-5. Исключения не составляла даже сама контрразведка, и иногда на службу в нее зачислялись люди, которых она сама же не рекомендовала с точки зрения безопасности. Проверку осуществлял отдел “С”, ограничивавшийся при этом исключительно просмотром оперативных учетов. Если проверяемый не числился в картотеке подозреваемых, то на этом вся работа и заканчивалась. Точно такая же процедура применялась и в отношении поступающих на работу в любую другую спецслужбу.

Отнюдь не желавший сдаваться Блант обратился к заместителю начальника военной разведки майору Мартину, и тот ответил, что претензии к нему вызваны, во-первых, его поездкой в СССР, а во-вторых, тремя опубликованными статьями с марксистским уклоном. Блант легко сумел объяснить по всем пунктам, и Мартин решил оставить его на службе, а в декабре 1939 года, уже в звании капитана, отправил его во Францию в составе полевой секции безопасности. Обрато он вернулся лишь после окончания периода “странной войны” и разгрома англо-французских войск в июне 1940 года, после чего в течение некоторого времени занимался в Дувре работой по фильтрации прибывавших из района Дюнкерка, отсеивая возможных немецких агентов.

Начавшееся укрепление МИ-5 вызвало новый набор выпускников университетов, и осенью 1940 года Блант поступил на работу в Службу безопасности, ранее предупреждавшую военных о невозможности его использования из-за коммунистических убеждений. Главную роль в зачислении сыграли личные рекомендации нескольких человек, в том числе Гая Берджесса, а также упоминавшегося ранее Виктора Ротшильда. В МИ-5 Блант попал в отдел “D”, обеспечивавший безопасность военных объектов. Его секции от “D1” до “D3” занимались военными предприятиями, “D4” контролировала лиц, пересекающих границу, “D5” ведала административными вопросами, а “D6” осуществляла координацию и связь с вооруженными силами и территориальными войсками. На своей должности Блант располагал прекрасными возможностями добывать сведения по различным вопросам безопасности, однако это не слишком интересовало тогда советскую разведку, не планировавшую в Англии никаких акций. Попытки перевестись в контрразведывательный отдел “B” успеха не принесли. Тем не менее, отныне НКВД располагал внедренным в спецслужбу источником, которого следовало квалифицированно использовать.

Сделать это было трудно. К началу 1940 года лондонская резидентура была официально закрыта по причинам, изложенным ранее. Горского (“Вадим”) в марте отозвали в Москву, где он едва не стал жертвой финальной чистки разведки, но, к счастью, уцелел. В ноябре того же года он вновь вернулся в Лондон, чтобы возродить заграничную. Наконец-то уникальные возможности “кембриджцев” были высоко оценены в Центре, и непосредственной задачей новой резидентуры стало руководство этой группой агентов. Первоначально ее штат состоял из 3 человек, и лишь к концу войны был увеличен до 12. Учитывая объем получаемых документов и материалов, этого было крайне мало, но лучше, чем ничего.

Первой задачей Горского являлось отыскание Бланта и восстановление связи с ним. Сделать это было не особенно сложно, так как оперативная обстановка благоприятствовала работе: Служба безопасности уделяла посольству СССР минимальное внимание, ее сил едва хватало на противодействие германскому шпионажу. Поэтому на протяжении всего периода войны наблюдение за советскими гражданами оставалось эпизодическим и поверхностным, чему в Центре никак не могли поверить. Блант в дальнейшем неоднократно подтверждал, что контрразведывательный контроль за союзником в войне был весьма слаб, но это лишь послужило причиной недоверия к агенту, поскольку столь близорукое поведение считалось просто невозможным.

На то имелись свои причины. Как ни парадоксально, дело шпионской группы Вулвичского арсенала заставило англичан поверить, что посольство держится в стороне от агентурных операций, и МИ-5 сосредоточила свои усилия на проникновении в Коминтерн и коммунистическую партию. Эта работа была возложена на секцию "F2". Англичане полагали, что таким путем они смогут выйти на советскую агентуру, если таковая существует, однако просчитались. Их контрразведка не знала о принятом в Москве решении разъединить политические контакты с КПВ и агентурные операции и продолжала надеяться на то, что СССР воздержится от шпионажа за союзником хотя бы во время войны. На деле все обстояло совершенно иначе, и с 1941 по 1942 годы лондонская резидентура была основным центром добывания информации не только по государствам антигитлеровской коалиции, но и по Германии. Это являлось заслугой Энтони Бланта и Джона Кэрнкросса, регулярно поставлявших дешифрованные радиоперехваты сообщений немцев по программе "Ультра". В частности, из Лондона поступил план операций вермахта на 1942 год и подробные данные по намечавшемуся наступлению немцев под Курском в 1943 году. "Кембриджцы" не просто помогали советской разведке, они видели в этой деятельности свое истинное призвание, поскольку в первую очередь ощущали себя антифашистами, и теперь у них возникло безусловное убеждение в своей полезности и нужности.

Вместе с тем, московское руководство далеко не всегда могло постичь масштаб личностей участников своей агентурной группы в Великобритании и поэтому воспринимало их отнюдь не однозначно. Даже в эпоху "великих нелегалов" столь яркие люди встречались редко. Филби, Маклин, Берджесс, Блант и Кэрнкросс слишком отличались от традиционных агентов. А группа тем временем буквально заваливала резидентуру сообщениями и документальными материалами. С 1941 по 1945 годы Кэрнкросс передал 5832 документа из Форин офис, МИ-6 и ПШКШ/ШКПС, Филби — 914, Маклин — 4593. Берджесс, 3 июня 1944 года переведенный из Би-Би-Си в министерство иностранных дел, до 1945 года добыл оттуда 4404 документа (всего за период войны 4605). Несмотря на такую результативность, его поведение постоянно шокировало руководителей агента, и в самый разгар войны дело доходило даже до серьезного обсуждения вопроса о прекращении контакта с ним. Этот романтик разведки абсолютно игнорировал ее скучную сторону, конспирация его совершенно не интересовала. Однако Берджессу постоянно сопутствовало потрясающее везение, и никто не заподозрил его ни в чем предосудительном. Более того, с августа 1944 года начальство разрешило ему брать домой для работы совершенно секретные документы, после чего риск снятия с них копий в служебном кабинете уменьшился до минимума. МИ-5 настолько доверяла ему, что некоторое время он даже работал на нее под агентурным псевдонимом "Свисс".

Резко увеличилась результативность Кэрнкросса, ставшего личным секретарем парламентского куратора спецслужб лорда Хэнки. В 1942 году резидентура сориентировала его на установление дружеского контакта с курировавшем кадровую работу в ШКПС полковником Николзом, и в августе, используя свое блестящее знание иностранных языков, он приступил к работе в должности редактора-переводчика немецкой секции. Кроме текстов дешифрованных германских перехватов, Кэрнкросс доставил своему руководителю два тома руководства по шифрам и подробное описание использовавшейся в люфтваффе "Энигмы". С лета 1943 года он перешел на работу в контрразведывательную секцию МИ-6, а в 1944 году — в политическую, в которой получил доступ к большому массиву информации по организации абвера и его операциям на Востоке. В сочетании с добытыми Берджессом материалами по германской разведывательной деятельности в Турции и Прибалтике это позволило создать целостную картину активности военной разведки рейха против СССР.

Тем временем не занимавший особенно выгодной позиции в МИ-6 Ким Филби ("Зенхен") в 1944 году сообщил своему руководителю о том, что СИС начинает готовиться к

послевоенной работе, в связи с чем усиливает свою антисоветскую и антикоммунистическую направленность. V секция постепенно оттеснялась на второстепенные позиции, а ее начальник Феликс Каугилл должен был возглавить реорганизуемую IX секцию, временно руководимую Джоном Карри. Московский Центр решил в этой ситуации попытаться провести на место начальника IX секции своего агента Филби, для чего была разработана комбинация, использовавшая традиционную ревность и некоторую неприязнь МИ-5 к разведке. Должность руководителя контрразведывательной секции предполагала теснейший контакт со Службой безопасности, и любые трения между их руководителями неизбежно помешали бы координации действий. Заместитель Мензиса полковник Вивиан недолюбливал игнорировавшего его Каугилла, поэтому с удовольствием воспринял подсказанную Филби информацию о плохих взаимоотношениях начальника секции с МИ-5. Затеянная “Зенхеном” интрига была многоходовой, следующим шагом в ней стала встреча Вивиана и ведавшего кадровой службой МИ-6 Арнольда-Фостера с руководством Службы безопасности. Представители СИС сообщили коллегам, что в силу определенных обстоятельств Каугилл вряд ли станет с полной отдачей сотрудничать с МИ-5. Естественно, контрразведчиков крайне обеспокоило это заявление, поскольку они сразу же усмотрели массу возможных проблем в координации операций. Особенную тревогу в этом отношении вызвало то, что вскрытие дипломатического багажа и перехват почты иностранных миссий на территории Великобритании относились к компетенции разведки, однако обеспечивать их должна была контрразведка. На стыке этих двух ведомств и без того хватало несогласованных действий, а любой сбой в столь деликатной миссии неизбежно вызвал бы громкий дипломатический скандал с непредсказуемыми последствиями. В итоге все произошло в соответствии с планом Москвы. Кандидатуру Каугилла единодушно отклонили, после чего единственным кандидатом на это место оставался Филби. “Зенхен” решил еще более артистично завершить эту блестящую комбинацию и внес в нее существенное добавление. Получив предложение Мензиса возглавить контрразведывательное подразделение МИ-6, Филби сам предложил, чтобы его кандидатуру одобрила Служба безопасности. Таким образом он заранее заручился добрым отношением контрразведки, значительно укрепив доверие к себе на будущее.

“Четвертый человек кембриджской группы” Блант всю войну проработал в МИ-5, снабжая резидентуру исключительно ценными сведениями. В британской контрразведке информацию классифицировали в зависимости от источников. Дешифрованные ШКПС радиogramмы абвера значились под кодовым обозначением ISOS, материалы из тайно вскрытой дипломатической почты именовались TRIPLEX, перехваченные радиопереговоры посольств Японии, Италии, Египта, Франции (Виши), Турции и Португалии — VJs. Остальные материалы, полученные от цензурного комитета и из прочих перехваченных источников, не имели специального обозначения. Ко всему этому имел доступ Блант и, соответственно, его руководители из НКГБ СССР. Однако он не только поставлял информацию, но и активно работал по расширению сети агентуры. Одним из завербованных им источников стал его бывший ученик, студент Оксфорда Лео Лонг (“Ральф”). После окончания Тринити-колледжа в 1938 году Лонг не смог найти работу на родине и уехал во Франкфурт, где преподавал в местном университете. Перед самой войной он возвратился из Германии и с началом боевых действий попытался записаться в легкую кавалерию. Но свободное владение немецким и практическое знание реалий Третьего рейха оказались более нужными для разведки, и в конце 1940 года Лонга зачислили на службу в МИ-14. В этом отделе накапливались и сопоставлялись все разведывательные данные о германской армии, в том числе информация радиоразведки. Еще в начале 1941 года “Ральф” возобновил прерванный контакт с Блантом, и лондонская резидентура получила доступ ко всей информации по немецкой армии, имевшейся в расположении британской военной разведки.

Следует упомянуть об имеющей широкое хождение на Западе, но документально не подтвержденной версии об участии в “кембриджской группе” видного британского контрразведчика, которого одно время даже объявили “пятым человеком”. Речь идет о Роджере Холлисе, работавшем в МИ-5 с 1939 года, причем до 1945 года — в структурном подразделении, занимавшемся советской агентурой. В 1953 году Холлис стал заместителем директора Службы безопасности, а в 1959 году возглавил ее, проработал на этом посту до 1965 года, затем вышел в отставку и умер в 1973 году. Через семь лет после смерти бывшего директора МИ-5 Чэпмен Пинчер публично обвинил его в работе на советскую разведку. До своего поступления на службу в контрразведку Холлис работал в представительстве Британской

табачной компании в Шанхае, где встречался с Рихардом Зорге, Агнесой Смедли и Урсолой Кучински, и Пинчер полагал, что именно там и состоялась вербовка англичанина. Заболев в Китае туберкулезом, Холлис отправился на лечение в Швейцарию по Транссибирской железной дороге и сделал остановку в Москве. По мнению сторонников обвинительной версии, в СССР он прошел специальное обучение, после которого получил задание устроиться на работу в британскую разведку. Холлис действительно попытался в 1938 году поступить в МИ-6, но получил отказ по причине слабого здоровья, тогда он обратился в МИ-5, причем, как утверждают критики, предпринимал прямо-таки отчаянные усилия для достижения своей цели. На эти факты впервые обратили внимание в 1945 году, когда попросивший политического убежища на Западе шифровальщик советского посольства в Оттаве Гузенко в числе прочих данных сообщил, что на высоком посту в британской Службе безопасности работает глубоко внедренный советский “крот”. В вину Холлису нередко ставили и практическое отсутствие результатов по выявлению и нейтрализации советской агентуры. Некоторые полагают, что именно он в 1956 году предупредил Филби о предстоящем аресте и тем самым помог ему скрыться. Все это не выходит за рамки гипотез и предположений, неоднократно опровергавшихся официальным Лондоном. В последний раз на эту тему высказалась премьер-министр Британии Маргарет Тэтчер, заявившая, что правительство не располагает никакими материалами, подтверждающими версию о предательстве Холлиса. Советская разведка, как и все секретные службы мира, не подтверждает и не опровергает причастность бывшего главы МИ-5 к своим операциям. Таким образом, вопрос остается открытым.

Однако вернемся к периоду войны. В сентябре 1941 года лондонская резидентура НКГБ СССР вышла на крайне важную информацию, ставшую вскоре самостоятельным направлением не только в ее работе, но и в деятельности всех без исключения структур как внешней, так и военной разведывательных служб. Речь идет о полученном от Кэрнкросса и 25 сентября переданном в Центр сообщении о состоявшемся 16 сентября в Лондоне заседании Уранового комитета. Этот орган, пользовавшийся правами подкомитета Военного кабинета Британии, принял решение о необходимости создания урановой бомбы. В советской разведке направление по ядерной тематике (литерное дело “Энормоз”) практически сразу же стало приоритетным в задачах резидентуры, и ее руководитель А. В. Горский поручил вести его имевшему соответствующее образование В. В. Барковскому. Тот в начале 1943 года вышел на контакт с прокоммунистически настроенным английским ученым, имя которого до сих пор не открыто и условно обозначается “К”. Этот человек работал исключительно на идейно-политической основе и категорически отказывался брать какие-либо деньги, за исключением компенсации своих прямых расходов. Первоначально англичанин собирался отдать материалы по разработке ядерного оружия британским коммунистам, однако Барковский сумел убедить его предоставить их Советскому Союзу. Разведчику пришлось нелегко, поскольку “К” не желал иметь дело с простым связником, а требовал, чтобы с ним работал человек, понимающий физический смысл рассматриваемых проблем. Барковскому не оставалось ничего другого, как взяться за учебники, и через некоторое время он уже относительно неплохо ориентировался в ядерной тематике. “К” работал активно, причем ему удавалось добывать результаты не только британских, но и американских научных исследований. Он предоставлял материалы, даже добыл оттиск ключа от сейфа с результатами раз-

В. В. Барковский

работок, но воспользоваться им не успел, поскольку соображения безопасности взяли верх над оперативными. Оттиск отправили в Центр дипломатической почтой через Нью-Йорк и Дальний Восток, и изготовленный московскими мастерами ключ прибыл слишком поздно. “К” предоставил Барковскому список ученых, занятых в ядерных исследованиях, среди которых внимание разведчика привлек беженец из Германии Клаус Фукс. Однако дальнейшую разработку его НКГБ прекратил, поскольку, как оказалось, в августе 1941 года он уже был завербован РУ и сообщил военным об оружейных разработках атомщиков даже раньше, чем Кэрнкросс. Лондонская резидентура НКГБ располагала в научных кругах

еще двумя источниками “Моор” и “Келли”, однако их ценность была существенно меньшей и определялась в основном поставляемыми материалами о разделении изотопов урана и выделении оружейного изотопа U-235.

Эта проблема являлась одной из важнейших, тем более, что среди ученых всего мира отсутствовало единое мнение о способах такого разделения. Для решения этой проблемы в составе министерства промышленности Великобритании был создан особый Комитет по военному использованию разделения урана (МАУД), позднее преобразованный в Управление научных и промышленных исследований (ДСИР) во главе с Эдуардом Эпплатоном. Наиболее секретной организационной структурой в этой области был руководимый Уэллсом Экерсом проект, в целях маскировки названный “Трубные сплавы”. Совместная англо-американская программа создания ядерного оружия (“Манхэттенский проект”) четко разграничила функции ученых и инженеров обеих стран. Британцам отводилась роль научных разработчиков, а обладающие значительно большими ресурсами американцы уделяли основное внимание технологическим проблемам. Соответственно и лондонская резидентура поставляла в Центр материалы главным образом по теоретической части программы, однако практически не располагала информацией по ее воплощению в жизнь. Несмотря на это, по тематике ядерного оружия вплоть до 1944 года она была наиболее результативной среди всех советских заграничных.

К. М. Кукин

Резидентура работала с большой нагрузкой, даже ее руководителю приходилось иметь на связи 18 агентов. Тем не менее, в 1943 году было принято решение об отзыве Горского из Лондона, его место в январе 1944 года занял К. М. Кукин (“Игорь”). Главными задачами заграничной теперь являлись сбор информации о планах союзников в отношении открытия второго фронта в Европе, установление целей и задач британского правительства в войне, его намерений в отношении послевоенного устройства Европы и планов в отношении Германии и ее возможного раздела, а также ведение научно-технической

С. Д. Кремер

разведки, особенно в области ядерного оружия и радиолокации. Резидентура практически не поддерживала рабочих контактов с возглавлявшейся И. А. Чичаевым параллельной структурой, имевшей абсолютно другие задачи.

Военная разведка располагала в Лондоне собственной резидентурой, которую возглавлял С. Д. Кремер (“Сергей”), занимавший по прикритию официальную должность помощника военного атташе. Он поддерживал контакт с упоминавшимся ранее Юргеном Кучински, братом известной советской разведчицы Урсулы Кучински (“Соня”) и лидером группы германских беженцев-коммунистов. Другой агент, уже упоминавшийся Эмиль Юлиус Клаус Фукс, тоже был беженцем из Германии, весьма одаренным физиком, занятым в программе ядерных исследований, и членом германской коммунистической партии с 1932 года. Он попал в наиболее подозрительную категорию иммигрантов “А”, но благодаря заступничеству Нильса Бора вскоре был переклассифицирован в категорию “С”. Нахождение в ней предусматривало льготный режим, отягощаемый лишь не слишком обременительной в данной обстановке необходимостью отмечаться в местном полицейском участке. Этот режим резко изменился после начала блицкрига в мае 1940 года, когда Фукса, как и всех остальных находившихся в Британии немцев и итальянцев, интернировали в лагере на острове Мэн, а затем отправили в Канаду, в пригород Квебека Шербрук. Британцы поступили весьма опрометчиво, поскольку именно там Фукс установил контакт с майором канадской артиллерии и профессором математики Королевского университета Израэлем Гальперинным (“Бэкон”), сориентировавшим интернированного ученого на установление контактов с соотечественниками-коммунистами. Естественно, об этом не знали его коллеги во главе с Бором, в декабре 1940 года добившиеся освобождения ученого, возврата его в Великобританию и восстановления на работе в Эдинбургском университете. В начале следующего года Фуксу было предо-

ставлено британское гражданство, позволившее пригласить его для работы в Бирмингемской лаборатории в рамках ядерного проекта “Тьюб эллоуз”.

После возвращения в Эдинбург Фукс занимался не только наукой. Он встретился с Юргеном Кучински и попросил связать его с представителями Советского Союза для передачи доступной ему информации по исследованиям в области создания ядерного оружия. В результате в 1941 году немецкий эмигрант впервые встретился с резидентом РУ КА Кремером. Советский разведчик не мог самостоятельно оценить важность переданной ему Фуксом научной информации и дипломатической почтой отослал документы в Москву. На этом этапе в дело вмешался субъективный фактор. Резидента “соседей” невзлюбил Берия, подозревавший, его в хранении полученных от одного из лидеров грузинской православной церкви компрометирующих материалов на себя. Над головой Кремера явственно сгустились тучи, и он почувствовал, что на фронте будет в значительно большей безопасности, чем в Лондоне. Бывший резидент навсегда покинул разведку, в дальнейшем заслужил в действующей армии звание Героя Советского Союза, но связь с Фуксом была по этой причине утеряна. В британской столице появился новый резидент военной разведки СССР Н. В. Аптекарь, не знавший

Клаус Фукс

о нем вообще ничего. Обескураженный ученый вновь обратился к Юргену Кучински, передавшему его на связь своей знаменитой сестре “Соне”. Та возобновила контакт Фукса с резидентурой, и в течение некоторого времени источник бесперебойно работал с загранточкой военных. Однако в ноябре 1943 года развитие британско-американского сотрудничества в области создания ядерного оружия позволило научному руководителю “Манхэттенского проекта” Роберту Оппенгеймеру пригласить коллегу для работы в США. Фукс согласился и 22 ноября получил въездную визу в Соединенные Штаты, после чего проинформировал о развитии событий Урсалу Кучински. Она сообщила ему условия связи в Нью-Йорке, и 28 ноября ученый отбыл из Ливерпуля в Норфолк. На новом месте он установил контакт со связником, перешел под контроль НКГБ и в оперативной переписке нью-йоркской резидентуры именовался “Рестом” и “Чарльзом”.

Урсула Кучински находилась в Великобритании вполне легально, поскольку была официально замужем за сотрудничавшим с РУ английским коммунистом Леном Бертоном. Она прибыла в страну из Швейцарии и в течение долгого времени никак не могла встретиться со связником. Это поставило ее в тяжелое положение, в основном из-за отсутствия средств к существованию. Регулярные поездки в Лондон из Оксфорда не приводили к положительному результату, представитель Центра не появлялся. В довершение всего оказалось, что место встречи было выбрано крайне неудачно, поскольку являлось районом работы уличных проституток, и гулявшая там одинокая женщина вызывала совершенно однозначную реакцию. В мае 1941 года связник, наконец, появился. Выяснилось, что в течение всего этого времени он лечился от последствий автокатастрофы. “Соня” начала операции в Британии.

За период пребывания в стране она проделала огромную работу, будучи одновременно и радистом, и результативным агентом сети военной разведки. В 1942 году Кучински (теперь уже Бертон) провела вербовку офицера королевских военно-воздушных сил, имевшего доступ к производству и разработке образцов авиационной техники, в том числе перспективных моделей: “Он снабжал нас точными данными, например, сведениями о весе, габаритах, грузоподъемности, особых характеристиках, и даже скалькированными чертежами машин, которые еще не поднимались в воздух. Припоминаю одно изобретение, небольшую конструкцию, которую он притащил мне в оригинале. Вещи такого рода были пронумерованы и хранились под замком. Исчезновение этой штуки вызвало огромный переполох”⁴⁹. Источник работал совершенно бесплатно и рассматривал свои действия не как шпионаж, а как оказание помощи союзнику в борьбе против общего врага. Благодаря этому человеку в Центр регулярно уходили описания новой авиационной техники Великобритании, в

Лен Бертон

том числе находившейся еще на стадии проектирования. Другие источники “Сони” давали информацию по радиолокационному оборудованию и способам десантирования тяжелой боевой техники, и для передачи материалов ей пришлось прямо на месте подготовить радиста-помощника, чтобы иметь возможность обработать весь поток сведений.

Юрген Кучински осенью 1944 года стал британским служащим американского Бюро по стратегии бомбовых ударов, где каждые две недели получал доступ к обновляемому и строго засекреченному “Обзору стратегии бомбовых ударов Соединенных Штатов”. Через Кучински и Эриха Хеншке из лондонской группы компартии Германии резидентура внедрила в структуры ОСС семерых агентов из числа немецких эмигрантов, проходивших диверсионное обучение для последующей заброски в Европу.

Послевоенные дешифровки 260 радиограмм лондонской резидентуры военной разведки СССР, произведенные американцами в рамках операции “Венона”, показали, что в стране действовали еще несколько агентурных сетей. Наименее значимую из них возглавлял бывший боец британского батальона одной из интербригад в Испании, коммунист Оливер С. Грин. В рассматриваемый период он почти не работал по основной специальности печатника, а сосредоточился на написании истории своего участвовавшего в Гражданской войне подразделения и одновременно руководил небольшим агентурным аппаратом. В 1941 году Грина арестовали за использование фальшивых купонов на бензин и обыскали его квартиру в поиске дополнительных вещественных доказательств мошенничества, но совершенно неожиданно обнаружили при этом бесспорные улики его шпионской деятельности: фотокамеру “Лейка”, иное специальное снаряжение, несколько секретных документов и инструкции по ведению разведывательной работы. После этого арестованного передали в распоряжение МИ-5, следователи которой добились от него признания нелегальном сборе секретной информации. Грин раскрыл сеть своих источников, в основном участников войны в Испании, и благодаря сотрудничеству с контрразведкой был освобожден от наказания за шпионаж. Этого групповода РУ судили только за использование фальшивых купонов на бензин.

Значительно более серьезную агентурную сеть возглавлял натурализовавшийся в Великобритании в мае 1932 года пианист Эрнст Д. Вейсс. Первоначально он руководил двумя агентами-коммунистами: ирландцем Фредериком Мерредитом и сотрудником министерства авиации, будущим членом палаты общин от лейбористской партии Уилфридом Верноном. После ареста обоих в августе 1937 года за нарушение законодательства о защите официальных секретов Вейсс находился в розыске, но сумел избежать расшифровки, поскольку работал с Мерредитом и Верноном под именем Вальтера Лока. В течение длительного времени агент-групповод оставался не разоблаченным и был арестован лишь после войны. Он раскрыл нескольких своих источников-иммигрантов: сотрудника компании “Телефункен”, немца Ганса Любчинского, работавшего в компании ЭМИ над развитием телевидения берлинского физика Хайнца Кальмана, бывшего биолога из Сорбоннского университета Марселя Пренана, бывшего специалиста по древним культурам Центральной Америки Жака Сустеля и Андре Лабара (“Жером”). Две последние фигуры наиболее примечательны. Сустель с 27 ноября 1943 года возглавлял Генеральную дирекцию секретных служб (ДГСС) — секретную службу де Голя, а Лабар в течение некоторого времени руководил научно-исследовательскими работами в области вооружения.

Помимо резидентур Кучински, Вейсса, сетей Грина и ранее описанной сети Дугласа Спрингхолла, в Великобритании на связи у резидента РУ Кремера имелась еще одна, весьма результативная резидентура военной разведки — “Группа Икс”. Информация о ней также имеется в материалах радиоперехватов и дешифровок, однако в данном случае сведения являются фрагментарными и отнюдь не исчерпывающими. “Группу Икс” возглавлял “Барон”, которого ранее полагали Франтишек Моравцем, но впоследствии выяснилось, что в данном случае под этим псевдонимом скрывался работавший на СССР майор Карел Седлачек, впоследствии под псевдонимом (“Томас Зельцингер”) руководивший резидентурой чехословацкой разведки в Швейцарии “Кази”. Следует напомнить, что он сумел создать в Швейцарии крайне удачные оперативные позиции и установить тесное взаимодействие с руководителем “Бюро Ха” Гансом Хаузаманном. Нельзя сказать, что вся добываемая и направляемая в Лондон резидентурой “Кази” информация полностью дублировалась в адрес Кремера, но самая существенная ее часть, несомненно, попадала в РУ. Следует подчеркнуть, что и до обнаружения текстов перехватов англичане подозревали “Томаса Зельцингера” в работе на СССР, однако смотрели на это сквозь пальцы, поскольку не менее хорошо он ра-

ботал и на СИС (агент № 22505). В Москву также попадало немало добытой из источника “Ультра” информации.

Резидентом агентурной сети РУ/ГРУ в Британии, фигурировавшим в шифровках под псевдонимом “Интеллигенция”, скорее всего, был профессор Дж. Б. С. Хэддейн. Вне зависимости от конкретной личности этого человека, “Интеллигенция” отвечал за организационную и отчасти аналитическую работу “Группы Икс”, а также периодически сам вел визуальное наблюдение за объектами заинтересованности. Примыкавшей к этой сети видной фигурой являлся Айвор Монтегю, третий сын лорда Суэйтлинга. Несмотря на аристократическое происхождение и значительное состояние, унаследованное от прадеда, одного из основателей нефтяной компании “Шелл” первого барона Суэйтлинга, он вступил в коммунистическую партию Великобритании, претендовал на руководство ей и одновременно писал киносценарии и дружил с Сергеем Эйзенштейном. Такая заметная личность мало подходила для нелегальной работы, однако Монтегю все же занимался ей и оказался в этом качестве крайне полезен советской разведке. По его линии “легальная” резидентура ГРУ в Лондоне получала существенный объем военно-технической информации. В частности, он сообщил СССР установленные англичанами технические детали применявшейся немцами системы наведения бомбардировщиков по направленному радиолучу, известной в Германии как “Кникебайн”.

Советская военная разведка в Великобритании располагала нелегальными агентурными передатчиками “Сони” (Урсула Кучински), “Музы” и “Стэнли”. Личности двух последних так и не были установлены, при этом работавшую в Великобритании “Музу” не следует смешивать с действовавшей под этим же псевдонимом в США Хелен Тенни.

Важным и перспективным агентом ГРУ в Великобритании стал тесно связанный с коммунистами физик-экспериментатор, член редакционного совета журнала “Сайентифик Уоркер” Алан Нанн Мэй. Он родился в 1911 году получил докторскую степень по физике и со временем возглавил кембриджское отделение Национального исполнительного комитета Ассоциации научных работников Великобритании. В 1935 году ученый вместе с группой выпускников Кембриджского и Оксфордского университетов приезжал в СССР, где укрепился в своих левых убеждениях, которые никогда не скрывал. В апреле 1942 года Нанн Мэю предложили работу в некоем секретном проекте без уточнения подробностей, на что он ответил согласием. Новая работа оказалась участием в создании ядерного оружия, осуществляемого в рамках в лаборатории Кавендиша в Кембридже в рамках проекта по созданию британского ядерного оружия “Тьюб Эллойз”, и Нанн Мэй находился в поле зрения советской разведки как перспективный объект для вербовки. В июле 1942 года нелегальный резидент ГРУ в Лондоне Я. П. Черняк получил задание привлечь физика к сотрудничеству. На счету опытного разведчика имелось несколько десятков удачных вербовок, поэтому подход к морально готовому к подобному разговору Нанн Мэю не составил особого труда. Черняк убедил его в том, что передача советской разведке информации о британском атомном проекте является не шпионажем, а посильным вкладом в дело борьбы с нацизмом, призванным опередить создание этого оружия в рейхе. Новый источник получил псевдоним “Алек”. До конца 1942 года резидент провел с ним несколько встреч и получил около 130 листов документации с описанием процесса получения плутония, чертежами атомного реактора, схемой установки по разделению изотопов урана и сопутствующими материалами.

Алан Нанн Мэй

Работа на советскую разведку трудно давалась Нанн Мэю в моральном отношении. Он весьма тяготился этими своими обязанностями и ощущал себя предателем, но одновременно считал, что передаваемые им данные укрепят безопасность человечества. Все это вызывало у него крайний душевный дискомфорт, и в декабре 1942 года он с облегчением дал согласие на перевод в Монреальскую лабораторию Национального научно-исследовательского совета Канады. В рассматриваемый период СССР не поддерживал дипломатических отношений с Канадой, что позволяло ученому надеяться на естественный разрыв тяготившей его связи с миром разведки. На последней встрече с Черняком Нанн Мэю показалось, что именно так и произойдет. Резидент дал ему условия связи на новом месте, но время ее восстановления не

было зафиксировано, и агент “Алек” рассчитывал, что этот момент не наступит никогда. Как почти все агенты в подобных ситуациях, он заблуждался.

Источники НКГБ и ГРУ РККА в Великобритании активно использовались в интересах информационного обеспечения операций на советско-германском фронте, но с течением времени на первый план стали выходить вопросы научно-технической и политической разведки, направленные на усиление оборонного потенциала СССР и повышение его роли в послевоенном устройстве мира. Приближение окончания войны несколько не демобилизовало советскую разведку. Более того, ее руководство понимало, что силы британской контрразведки вскоре освободятся от немецкого направления и высвободятся для более серьезной разработки лондонской агентурной сети, поэтому спешило перестроить работу в соответствии с новыми условиями.

3. “20-Й КОМИТЕТ”

Первые залпы Второй мировой войны внесли новый элемент в шпионский фарс, разыгрывавшийся “Джонни” — “Сноу” — Оуэнсом. Узнав о начале боевых действий, изобретательный агент-двойник немедленно понял, что они чреваты весьма опасными изменениями в его статусе, а также то, что теперь ему следует подстраховаться от возможных обвинений в двурушничестве и не попасть под суд, который неизбежно применит к нему законы военного времени со всеми вытекающими последствиями. Поэтому 4 сентября 1939 года он вышел в эфир якобы для укрепления доверия абвера к себе, а в действительности для проверки эффективности британской радиоконтрразведки. Передачу не засекали, что весьма успокоило Оуэнса, и тогда он позвонил в Особый отдел и попросил встречи с кем-нибудь из оперативного персонала, чтобы добровольно сдать ему передатчик. На встречу прибыл инспектор Гейген и сразу же арестовал агента, однако тот сослался на полковника Пила из разведки и потребовал вызвать представителя Службы безопасности, чтобы отдать аппаратуру им. Об этом был составлен соответствующий протокол, и по иронии судьбы Оуэнса освободили. Таким способом он получил индульгенцию на освобождение от преследования, поскольку добровольно заявил о своей тайной деятельности и сдал рацию, в результате чего мог относительно спокойно продолжать обманывать обе стороны.

Контрразведка использовала Оуэнса в оперативной игре с немцами, проводимой группой офицеров МИ-5 в рамках пересмотренной стратегии работы с двойными агентами. В оперативном плане этот контингент принципиально отличался от обычных агентов, которых требовалось выследить, поймать и передать следователям, после чего отдел “В” Службы безопасности прекращал заниматься ими. Если же контрразведка полагала целесообразным перевербовать схваченного вражеского агента и использовать его в оперативной игре, ситуация разительно менялась: на первое место выходило подбрасывание противнику грамотно составленной дезинформации. Зачастую она поднималась до превосходящего компетенцию МИ-5 стратегического уровня, поэтому дело Оуэнса послужило своего рода катализатором для создания в Британии структуры под названием “Совет по радиообмену” (“W”). Само название этого органа вводило в заблуждение. Подразумевался вовсе не абстрактный радиообмен, а радиоигры с разведками противника, в первую очередь немецкой, поэтому в Совет вошли начальник отдела “В” МИ-5 Лиддел, руководитель МИ-6 Мензис, директора морской разведки Годфри, авиационной разведки Бойл и армейской разведки Бомонт-Несбитт. Основной задачей Совета являлась выработка общей политики Великобритании в области дезинформации, поэтому конкретные практические задачи были переданы в компетенцию созданного для этой цели исполнительного органа. Его именовали “20-м комитетом”.

Происхождение этого названия представляет определенный интерес. В английском языке существует выражение “to double cross” (“удваивать крест”), что в смысловом переводе обозначает дезинформировать, запутывать, вводить в заблуждение. Поэтому для обозначения комитета по дезинформации был выбран символ “XX”, который можно было прочесть как удвоенную букву “X”, а можно и как обозначение числа “20” римскими цифрами, что и было сделано. В литературе встречаются написания “20-й комитет” и “XX-комитет”, обозначающие один и тот же комитет по дезинформации. Его председателем стал Дж. Мастерман, координатором и постоянным секретарем — Дж. Мэрриот, а членами являлись

представители всех разведывательных органов Британии, имперского генерального штаба, военного министерства, территориальных войск, Исполнительного органа национальной обороны (ХДЕ), Лондонской контрольной станции и отдела министерства авиации, ведавшего созданием ложных аэродромов. Позднее в его состав включили руководителя комбинированных операций, представителя СХАЕФ и представителя гражданских служб. Первое заседание “20-го комитета” состоялось 2 января 1941 года, последнее — 10 мая 1945 года, всего за период войны он собирался 226 раз.

Задачей этого координирующего органа являлась выработка взаимодействия между всеми представленными в нем организациями, учреждениями и службами, позволявшего выйти за узкие рамки ведомственных интересов и использовать перевербованных агентов в общих целях. Именно это, по мнению британцев, и отличало их работу с двойниками от аналогичной практики за рубежом. В предвоенное время мастерами оперативных игр считались французы, и 5 мая 1939 года представитель 2-го бюро генерального штаба Франции прочел лекцию для офицеров МИ-6 о технике использования двойных агентов. Она произвела на слушателей сильное впечатление, и в июле того же года все руководители спецслужб Британии признали важность этой задачи, ранее выполнявшейся ими лишь от случая к случаю. Теперь же представлялась удобная возможность начать систематизированную деятельность по дезинформации противника, позднее осуществлявшуюся по семи направлениям. Концепция предусматривала не разовую перевербовку агентов, а использование их в качестве инструмента для решения следующих задач:

1. Взятия под контроль всей системы германского шпионажа в Великобритании (в отличие от предыдущих изолированных оперативных игр, не выходящих за тактические рамки).
2. Отслеживания и захвата прибывающих новых агентов противника через перевербованных ранее двойников.
3. Получения информации о персонале и методах работы германских спецслужб.
4. Получения информации о кодах и шифрах противника.
5. Получения информации о сфере интересов противника из вопросов, задаваемых им своим агентам.
6. Влияния на планы противника (вплоть до их отмены) путем подбора специально подготовленных ответов на его вопросы.
7. Дезинформации противника относительно собственных планов и намерений.

Как видим, задачи были вполне масштабны, однако не предусматривали непосредственного руководства перевербованными агентами. Для этого в составе МИ-5 имела секция “В1(а)”, а “20-й комитет” лишь координировал все связанные с дезинформационной деятельностью операции. Состав секции “В1(а)”, выросшей из основанной в июле 1940 года секции “W” (радиоигры), периодически изменялся, но в общем виде она состояла из пяти офицеров — руководителей двойных агентов, офицера по радиообмену, двух офицеров по архивам и отчетам, офицера по сбору разведывательной информации и множества вспомогательных сотрудников. Постепенно англичане выработали четкие основополагающие принципы работы с двойными агентами, которые из любви к систематизации сформулировали в двенадцати пунктах. Они предусматривали:

1. Получение письменного одобрения вышестоящей инстанции (в данном случае “20-го комитета”) на любую передаваемую противнику дезинформацию.
2. Категорический запрет на создание двойников. Разрешалось использовать лишь перевербованных агентов, реально заброшенных противником.
3. Действительное совершение агентами всех действий, предписанных их германским руководством. Они обязаны были не довольствоваться рассказами и описаниями, а фактически осуществлять встречи, поездки, осмотр объектов, проверки и т. д., чтобы не вызвать недоверие своим слабым знакомством с обстановкой.
4. Требование к агентам в любом случае информировать своего руководителя из “В1(а)” обо всех возникающих ситуациях.
5. Изучение особенностей психологии каждого двойного агента.
6. Предварительное согласование с агентом всех финансовых аспектов сотрудничества, в том числе отчисление в его пользу определенного процента от полученных им от немцев денег на оперативные нужды. Для сведения, за период войны дезинформаторы добыли от абвера 85000 фунтов наличными и несколько драгоценных украшений.

7. В случае принятия решения о проведении оперативной игры решительное и быстрое ее начало, не провоцирующее у противника недоверие к агенту из-за его долгого молчания.
8. Тщательное фиксирование всех малейших нюансов дела, во избежание возникновения в дальнейшем противоречий в принятии решений и в передаваемой дезинформации.
9. Оперирование агентами по возможности независимо друг от друга, сведение их личных контактов к минимуму.
10. Насколько возможно, воздержание от действий, влекущих за собой необратимые последствия.
11. Ввиду ограниченной численности персонала контрразведки отказ от попыток вербовать возможно большее число агентов. Упор следовало делать на их качество, под которым подразумевались надежность и удачное положение.
12. Разрешение изобретать источников, действовавших под контролем двойников. Это препятствовало неконтролируемому разрастанию числа вовлеченных в дезинформационные мероприятия людей, создавало удобство в работе контрразведки и повышало секретность операций.

Однако все эти принципы выработались лишь в ходе войны, после накопления у МИ-5 достаточного опыта работы с двойниками, а в 1940 году в ее арсенале имелся один Оуэнс, на котором и оттачивалось искусство оперативной игры с абвером. Агент был весьма плохо управляем и причинял массу беспокойств, поэтому Служба безопасности предпочла заменить непредсказуемого “Сноу” своим радиооператором, обученным имитировать его почерк. Тем временем Оуэнс набрался наглости и заявил своим руководителям, что ему необходимо встретиться с офицером гамбургского абверштелле Николаусом Риттером (“доктор Рантцау”) поскольку якобы только личная встреча в Нидерландах или другой нейтральной стране сможет явиться доказательством отсутствия контроля англичан над ним. МИ-5 согласилась с аргументами и даже оплатила несколько поездок “Сноу” в Амстердам, первая из которых состоялась 28 сентября 1939 года. “Джонни” не досматривали на таможне, поскольку за его благонадежность ручалась контрразведка, и он мог совершенно спокойно вывозить из страны любые документы и даже натурные образцы. В Амстердаме Оуэнс без помех передавал Риттеру настоящую информацию, беспрепятственно вывезенную им на континент, а также корректировал “свои” радиogramмы, удаляя из них дезинформационную часть и оставляя подлинную. Риттеру же агент объяснял, что власти свободно выпускают его за рубеж благодаря крайней важности для правительства возглавляемой им фирмы. Двойник водил за нос обе могущественные секретные службы, причем делал это с размахом и явным удовольствием, наслаждаясь самим процессом игры.

МИ-5 была вполне удовлетворена этими поездками, поскольку Риттер поручил своему агенту функции связника с другими агентами внутри страны, благодаря чему их аккуратно брали под наблюдение и постепенно ликвидировали. Однако самую важную информацию, которую можно было извлечь из отчетов Оуэнса, контрразведчики пропустили в силу узкой специфики своих интересов. Риттер сообщил, что следующая его встреча с “Джонни” может состояться лишь где-нибудь посреди Ла-Манша, поскольку в результате грядущих событий в Европе вряд ли останутся нейтральные страны. Британцы не поняли столь прозрачный намек, и фактическое предупреждение о предстоящем блицкриге осталось без внимания. Тем временем немцы требовали от “Джонни” регулярно передавать сводки погоды, разжигать антианглийские настроения среди валлийцев и вербовать диверсантов из членов Национальной партии Уэльса. Под этой маркой Оуэнс представил абверу в качестве своего главного агента отставного полицейского Гвилина Уильямса, получившего в МИ-5 весьма прозрачный псевдоним “Г. У.”.

Позднее, когда на западном побережье Европы действительно не осталось неоккупированных районов, МИ-5 решила использовать “Сноу” для того, чтобы под видом его источника подставить Риттеру своего человека (псевдоним “Бисквит”). Желание было настолько сильным, что Служба безопасности разрешила провести встречу в Северном море, куда Риттер отправился на гидросамолете, а для “Сноу” выделили траулер “Барбадос”. По пути Оуэнс сильно напился и проболтался “Бисквиту”, которого вез на встречу с немцем, что британскую контрразведку он дурачит, а в действительности работает только на абвер. Тот запер пьяного двойника в каюте и немедленно приказал капитану траулера вернуть судно обратно.

Встреча не состоялась, а Оуэнса арестовали прямо на причале. При обыске у него обнаружили материалы с не прошедшими контроль МИ-5 и, естественно, подлинными сведениями, а также донесение от собственного источника “Сноу” в Службе безопасности Уильяма Рольфа. Однако и на этот раз Оуэнс, как ни странно, вновь сумел обмануть англичан. Он убедил их в том, что заподозрил слишком демонстративно и рьяно рвавшегося на роль диверсанта “Бисквита” в намерении захватить его в море и сдать гестапо. Поэтому двойник якобы решил лишь имитировать опьянение, а материалы взял с собой исключительно для прикрытия. По непонятной причине вообще-то далеко не простодушные сотрудники МИ-5 снова поверили ему! Контрразведчики ждали обещанную Риттером замену “Джонни” — некоего южноафриканца, и в июле 1940 года тот действительно прибыл на яхте вместе с двумя спутниками и сразу же был арестован. Оуэнс чувствовал, что это балансирование на краю пропасти добром не кончится, и просил отпустить его в Канаду. Однако операция продолжалась, и через рацию агента шла дезинформация о результатах бомбардировок, отвлекавшие люфтваффе на второстепенные объекты. Увы, таковыми в большинстве случаев оказывались густонаселенные кварталы городской бедноты, так что эта жестокая практика повлекла многочисленные жертвы среди населения.

Двойная игра Оуэнса влекла за собой все новые и новые жертвы. Была арестована снабжавшая его деньгами Матильда Крафт (агент абвера У-3529). Служба безопасности с ужасом обнаружила, что на немцев работал их собственный офицер Рольф, которого арестовывать было невозможно. После тщательного допроса ему позволили отравиться газом в собственной духовке, что дало возможность для успокоения немцев с почестями похоронить предателя и поместить в газете трогательный некролог. Зато агент 3725 после поимки был перевербован и значился в контрразведке как “Чарли”. Сам “Сноу” в это время сообщал немцам, что полностью поглощен подготовкой “Плана Гая Фокса” — отравления резервуаров с питьевой водой. К счастью, это было лишь элементом оперативной игры. “Г. У.” в этот период фактически бездействовал, поскольку после ареста Крафт немцы никак не могли доставить ему деньги. Период зстоя окончился с появлением на сцене новой фигуры. На связь с Оуэнсом вышел доставивший ему 4 тысячи фунтов от абвера сотрудник испанского посольства дель Позо.

Это событие дало новый толчок работе с двойными агентами и стало основой организации так называемой “испанской группы”. Дель Позо являлся служащим посольства Испании в Лондоне и обслуживал пресс-атташе Альказара де Веласко, установленного испанского разведчика, одновременно под псевдонимом “Гильермо” работавшего и на абвер. Вскоре действия МИ-5 вынудили де Веласко покинуть пределы Соединенного Королевства, и должность пресс-атташе занял Луис Кальво, много лет работавший в Лондоне корреспондентом ведущих испанских газет. Служба безопасности прекрасно понимала, что на смену одному разведчику прибыл другой, и постаралась обставить его своей агентурой. В 1941 году служащий аппарата пресс-атташе Уильям Джексон стал работать на английскую контрразведку под оперативным псевдонимом “Свит Уильям”, в декабре того же года МИ-5 завербовала Хосе Бругада Вуда (“Пепперминт”). Дель Позо под страхом ареста и смертного приговора стал агентом МИ-5 “Пайком”.

Кальво работал не слишком профессионально и к тому же не имел дипломатического прикрытия, поэтому, когда после недолгой отлучки в Мадрид он возвратился в Лондон, его арестовали прямо в аэропорту. Сбор доказательств был произведен МИ-5 весьма поверхностно. Достаточно сказать, что в качестве одной из улик контрразведчики представили флакон с таблетками, якобы компонентом для изготовления симпатических чернил. Однако это было настоящее лекарство, прописанное Кальво врачом, причем он доказал, что начал принимать его еще задолго до войны. Все остальные обвинения против испанца оказались примерно на том же уровне, хотя упорная Служба безопасности не выпускала его и держала под арестом до августа 1945 года. Немцы узнали об этом немедленно и сразу же прекратили всякие контакты с агентами, имевшими связь с испанским посольством.

Оуэнс послужил приманкой и для других агентов. В сентябре 1940 года в сельской местности двое англичан случайно обнаружили подозрительного человека, после задержания и допроса оказавшегося шведом Геста Кароли. На шпионский характер его миссии неопровержимо указывали найденные у него радиопередатчик, карты местности с пометками (что во всех нормальных разведывательных службах агентам делать категорически воспрещается)

и другие аналогичные предметы снаряжения. Как часто случается, полиция решила самостоятельно расследовать этот случай, формальным основанием для чего послужило подлинное свидетельство о регистрации иностранца за номером 729544, выданное Кароли во время его довоенного проживания в Бирмингеме. Это едва не погубило всю тщательно выстраиваемую англичанами комбинацию с выманиванием вражеских агентов на “Джонни”. Сбор информации и опрос очевидцев занял немало времени, но полиция и не спешила, поскольку хотела сделать все обстоятельно и не имела понятия об оперативных играх.

Швед и в самом деле проживал в Великобритании до войны, причем уже тогда выполнял задание абвера. Сотрудничать с германской разведкой он начал в период своей работы в газете “Гамбургер тагеблатт” в декабре 1938 года, когда представившийся лейтенантом Тиммермансом немец предложил ему заняться выяснением настроений в британском обществе и обнаружением военных приготовлений на Британских островах. После получения принципиального согласия Кароли был представлен майору Хаупту, направившему его в Бирмингем и Ковентри по новому шведскому паспорту. Прежний документ свидетельствовал о долгом пребывании его обладателя в Германии и компрометировал его. Немцы сообщили Кароли два конспиративных адреса на территории рейха для отправки сообщений и установили оплату в размере 15 фунтов в неделю. В феврале 1939 года швед получил указание вернуться в Германию. Хаупт заявил, что совершенно не удовлетворен его работой. От Кароли требовалось лично проникать на военные заводы, чтобы увидеть все своими глазами, а не полагаться на рассказы других. Агент согласился с критикой и вернулся обратно, после чего ежемесячно посылал отчеты о проделанной работе до начала войны и прекращения почтовой связи между двумя государствами. Запасного канала связи он не имел и поэтому в декабре 1939 года возвратился в Швецию.

Авантюрный характер Кароли и желание заработать не позволяли ему полностью отойти от нелегальной деятельности, и вскоре он отправил Хаупту письмо с предложением своих услуг в Финляндии. Немцев подобная перспектива совершенно не заинтересовала, но абвер достаточно хорошо знал шведа как надежного агента и пожелал забросить его в Исландию. Против этого, однако, возражал сам Кароли, и тогда было принято решение вновь направить его в Великобританию. От агента требовалось попасть в любой из английских портов, для чего он поступил на службу в торговый флот Швеции. Но германская авиация потопила его судно, направлявшееся туда с грузом железной руды из Нарвика, и невольно сорвала попытку. Сам Кароли спасся и вернулся домой. Опасности прорыва блокады не пугали его, и вскоре швед нанялся на другое судно, которое в Любеке встретил коллега Хаупта доктор Шмидт. Естественно, все эти фамилии были вымышленными, офицеры абвера крайне редко расшифровывали перед источниками свои подлинные имена. Шмидт сообщил, что в Великобритании ему нужен агент-радиотелеграфист для передачи регулярных метеосводок. Кароли прошел курс обучения и 30 августа получил рацию, код и 200 купюр по одному фунту стерлингов. Первая попытка заброски с парашютом сорвалась из-за неблагоприятных метеословий, после чего агента перебросили в Брюссель, где перед очередной попыткой его инструктировал майор Риттер. В ночь с 6 на 7 сентября самолет с Кароли на борту вновь стартовал в направлении Великобритании, и на этот раз выброска удалась. Однако при приземлении агент получил травму, позволившую крестьянам задержать его.

Такова была предыстория Кароли, на момент задержания, естественно, неизвестная. Когда он наконец-то попал в контрразведку, после приземления прошло уже недопустимо много времени. В случае перевербовки и начала оперативной игры такую задержку требовалось убедительно объяснить абверу, чтобы с самого начала не подорвать доверие немцев к двойному агенту. По этой причине допрос арестованного решили проводить в быстром темпе. Кароли не запирался и сразу рассказал, что направлялся к Оуэнсу, а также сообщил, что абвер забрасывает еще двоих агентов Ганса Райзена и Вольфа Шмидта (снова случай поразительного пренебрежения к требованиям конспирации, когда один из агентов знает подлинные имена двух других). Он согласился на двойную игру, поскольку в противном случае гарантированно закончил бы свою жизнь на виселице. Кароли не был немцем, поэтому говорить о предательстве им своей родины не приходилось, произошла просто заурядная перевербовка шведа, ранее работавшего на Германию, а теперь на Британию под оперативным псевдонимом “Саммер”. Для объяснения недельной задержки с выходом на связь была разработана легенда о полученной при приземлении травме, на основании чего после войны хитрый швед предъявил претензии к правительству Германии. Вплоть до 1975 года

он обращался с требованием назначить ему пенсию по инвалидности, возникшей вследствие полученных при приземлении с парашютом повреждений, однако результатов не добился.

Оба ожидаемых агента действительно прибыли. Первым появился Шмидт, задержанный 13 сентября 1940 года почти сразу же после высадки с самолета. Контрразведчики перед допросом специально провезли его по центру Лондона, и агент с удивлением обнаружил лживость утверждений немецкой пропаганды о том, что британская столица лежит в развалинах. Возможно, достигнутый эффект оказал определенное воздействие на полученное 13 дней спустя согласие Шмидта работать на англичан. Ему выбрали оперативный псевдоним “Тэйт” по имени комика мюзик-холла Гарри Тэйта, которого немец очень любил. Теперь можно было вновь вводить в дело Кароли. 29 сентября в Германию ушла его радиограмма с сообщением о выздоровлении и готовности приступить к работе. Второй из ожидаемых агентов, Райзен, составил компанию своим предшественникам и стал двойным агентом “Гэндером”.

Оба немца работали на МИ-5 добросовестно, чего нельзя было сказать о шведе. Кароли стал комплексовать по поводу совершенного предательства, пытался вскрыть себе вены, а перед самым новогодним праздником заявил, что действительно еще до начала войны жил в Бирмингеме и работал на германскую разведку. Это встревожило его руководителей, начались новые допросы, но 13 января 1941 года Кароли сбежал. Он едва не задушил одного из охранников, извиняясь при этом и повторяя: “Мне это еще неприятнее, чем тебе”⁵⁰, захватил мотоцикл и попытался скрыться на нем. Ввиду неисправности, его мотор быстро заглох, после чего “Саммера” задержали и возвратили в тюрьму. Там он успокоился и заявил, что готов не просто сотрудничать, а по заданию Службы безопасности может даже поехать в Швецию, чего, конечно, ему никто бы не рискнул поручить. В дальнейшем подобных неприятностей Кароли не причинял, и его дело было благополучно закончено.

“Сноу” послужил приманкой и для Уолтера Диккетса, однако в этом случае дело обстояло совершенно иначе. Поведение Оуэнса вызвало подозрение у этого отставного полицейского, и тот решил самостоятельно разобраться в ситуации. В ходе наблюдения в поле зрения Диккетса попал офицер секции “В1(а)” МИ-5 Тар Робертсон, которого он также заподозрил в шпионаже. Полиция, куда в январе 1941 года обратился бдительный англичанин, переадресовала его заявление в Службу безопасности, весьма высоко оценившую контрразведывательные способности добровольного помощника. После недолгого изучения Диккетс стал агентом МИ-5 под псевдонимом “Селери”, а “Джонни” — “Сноу” доложил своему руководителю в абвере о вербовке нового агента по имени Джек Браун. Диккетсу было суждено выполнить весьма трудную и опасную миссию. Вместе с Оуэнсом он отправился в Лиссабон, где вошел в контакт с “доктором Рантцау”, которого, кстати, руководство абвера планировало назначить на пост начальника АСТ-Лондон после захвата британской столицы. “Селери” достойно выдержал долгие и тщательные допросы и затем на три недели вместе с Риттером отбыл в Гамбург для прохождения базовой разведывательной подготовки. В Британию он вернулся с полученным от немцев снаряжением и с 10 тысячами фунтов, а также массой интересной информации об абвере.

Эта поездка имела и другие последствия. В Лондоне возвратившийся “Сноу” поверг в шок своего руководителя, заявив, что в Лиссабоне он не выдержал перекрестного допроса немцев и рассказал им все о своей двойной игре (что было неправдой). Трудно сказать, зачем Оуэнс разыграл эту очередную карту в своей фантастической авантюре. Скорее всего, он просто не мог жить без экстремальных ситуаций, к которым пристрастился, как к наркотику, однако и “20-й комитет”, и МИ-5 были полностью обескуражены дальнейшими перспективами своих оперативных игр с абвером. Вполне, казалось бы, ясные ситуации вновь стали совершенно загадочными, поскольку не исключался вариант, что “Сноу” был не двойным, а тройным агентом и с самого начала фактически работал только на немцев. В этом случае все тщательно продуманные дезинформационные мероприятия британцев, исходившие из одного источника, оказывались провалившимися, однако признаков этого не наблюдалось. Тем не менее, работу Оуэнса, а с ним и “Селери”, “Бисквита” и “Чарли” требовалось срочно сворачивать, не спугнув при этом абвер. В марте 1941 года оператор РСС передал в Гамбург радиограмму, в которой сообщалось, что “Джонни” серьезно заболел. Потерявшие терпение контрразведчики арестовали неверного двойника, и хотя ничего конкретного инкриминировать ему не могли, но на всякий случай превентивно заключили его в тюрьму, где он про-

был до 1945 года. Система двойных агентов опиралась теперь только на “Тэйта” и практически законсервированного немцами “Г. У.”. Казалось, ей приходит конец.

Однако в этот момент сработал одобренный “20-м комитетом” “план Мидас”, в рамках которому “Тэйту” следовало запросить у абвера денежные средства для продолжения деятельности. Немцы согласились с предложением и подключили к вопросу финансирования своих агентов-югославов. Первым из них был Душко Попов, принявший вербовочное предложение абвера еще летом 1940 года и немедленно после этого отправившийся к британскому офицеру паспортного контроля в Белграде, который после консультаций с Лондоном начал оперативную игру с немецкой разведкой.

Душко Попов

Попов, получивший у англичан псевдоним “Скаут”, а позднее “Трицикл”, по заданию абвера выехал в Англию через Лиссабон, причем инструкции ему должны были дать на месте в КО-Португалия. В декабре 1940 года двойник прибыл в Бристоль, где сообщил сотруднику МИ-5 Робертсону о пробританских и антинацистских настроениях абверовского вербовщика Йоханна Ебсена, судя по всему, представляющего собой интересный объект для разработки. Контрразведка помогла Попову открыть в Англии фирму-прикрытие, после чего месяц спустя он вернулся в Лиссабон и был представлен там самому начальнику КО-Португалия майору Людовски фон Карстофф (псевдоним, действительная фамилия — фон Ауэнроде). Укрепив доверие к себе, “Трицикл” отправился в Мадрид к Ебсену, где уже сам выступил в роли вербовщика. Офицер абвера теперь стал работать на британскую секретную службу под оперативным псевдонимом “Артист”, что явилось одним из крайне редких, особенно в начале войны, случаев вербовки германского кадрового разведчика. По возвращении в феврале 1941 года Попов “завербовал” еще двух источников, получивших в МИ-5 псевдонимы “Баллон” (за упитанную фигуру) и “Желатин”. Имена этих двойников официально не раскрываются, но исследователи полагают, что ими являлись отобранные контрразведкой работник оружейной фабрики Дики Мэткалф и сотрудничавшая с МИ-5 еще до начала войны родственница Мензиса австрийка Фрида Гэртнер.

Брат Душко Попова, Иво, являлся офицером абвера в Югославии и также с подачи “Трицикла” обслуживал англичан под псевдонимом “Дредноут”. Именно он разработал “план Мидас”, согласно которому некий реально существовавший и занимавшийся театральным бизнесом англичанин якобы планировал “отмыть” некоторую сумму укрытых от налогообложения наличных денег. План состоял в том, что немцы должны были перечислить 20 тысяч фунтов на указанный этим человеком счет в нью-йоркском банке, взамен чего тот якобы отдавал эту же сумму наличными на финансирование деятельности “Тэйта”, естественно, не зная о ее настоящем предназначении, равно как и об источнике перечисления. Операция состоялась и, помимо прямой финансовой выгоды, доказала отсутствие у абвера сомнений в надежности “Тэйта”. Теперь можно было наращивать активность югославской группы двойников. В марте 1941 года “Трицикл” по заданию германской разведки отправился в США для сбора информации по обстановке вокруг Перл-Харбора, однако вернулся ни с чем. Он сумел убедить немцев в том, что причиной его неудачи стали финансовые проблемы, хотя в действительности все обстояло совершенно иначе. Директор ФБР Гувер категорически запретил проводить на территории своей страны оперативную игру с использованием двойника, и в результате Попов просто два месяца отдыхал в Соединенных Штатах за счет британской разведки и вернулся в хорошем настроении. Немцы не только не утратили доверия к “Трициклу”, но и согласились на его предложение организовать подбор в германских лагерях югославов, желающих сотрудничать с абвером. Осуществлять этот план должны были “Дредноут” и “Артист”.

В соответствии с замыслом, одним из отобранных в лагерях был арестованный при попытке скрыться в Турции Е. Состарич, бывший советник находившегося в эмиграции в Лондоне короля Петра. Немцы поняли, что он готов работать на них на идеологической основе антикоммунизма, если это не затронет интересы его страны. Однако такой вариант их тогда не устроил, и Состарич отправился в лагерь, теперь же его вопрос был рассмотрен повторно. Планировалось, что в результате довольно сложной комбинации югослав сумеет вновь войти в окружение монарха и получит доступ к информации о планах Лондона в отно-

шении Балкан. Состарич должен был заявить британской контрразведке о задании немцев, после чего, по мнению абвера, МИ-5 непременно захочет начать оперативную игру. Таким образом, планировалось внедрить в Британию не двойного, а тройного агента и по характеру действий Службы безопасности определить ее методы работы и истинную ситуацию по Балканам. Неплохой замысел был изначально обречен на неудачу, поскольку кандидата на вербовку отбирали внедрившиеся в абвер агенты противника Иво Попов и Йоханн Ебсен. В Лондоне Состарич получил псевдоним “Метеор” и в самом деле вновь стал советником и личным секретарем короля Югославии. Это создало у немцев впечатление о происхождении получаемых от него сведений непосредственно из политических верхов. Другим перспективным агентом системы дезинформации был признан также освобожденный из немецкого лагеря капитан 3-го ранга югославского флота маркиз Франо де Руда (“Фрик”).

Югославская группа двойников достигла высоких результатов в системе “20-го комитета”, в частности, потому, что два ее члена являлись работавшими на территории противника офицерами германской разведки. Однако именно из-за них сеть прекратила свое существование. Первым в марте 1944 года был арестован “Дредноут” — Иво Попов. Гестапо в Лиссабоне обвинило его в спекуляции валютой, что по тем временам считалось у властей рейха одним из тягчайших преступлений и каралось наравне с государственной изменой. Попов и в самом деле проводил такие приносящие до 300% прибыли операции, а полученные деньги передавал местным партизанам. Дело в том, что он был не только германским офицером и британским агентом, но еще и работал на сербские партизанские формирования Михайловича под псевдонимом “Лала”. Незадолго до ареста “Дредноут” встретился в Мадриде с “Артистом” и “Трициклом”, и Ебсен предупредил обоих, что попал под подозрение гестапо и не намерен возвращаться в Югославию, а остается в Лиссабоне. Немцы и в самом деле разрабатывали его как вероятного предателя, вскоре арестовали в Мадриде, вывезли в рейх и в 1945 году казнили в Ораниенбурге. Попов, кроме того, был предупрежден СИС об опасности возвращения из-за своих операций с валютой, но пренебрег риском и решил вернуться, чтобы успеть уведомить партизан. МИ-6 оказалась права. Через три дня после прибытия в Белград его арестовали, однако несколько недель спустя все же выпустили, оставив под сильным подозрением. По каналу экстренной связи “Дредноут” сообщил в Лондон о произошедшем и потребовал немедленной эвакуации, но по стечению ряда обстоятельств его сообщение пришло не в секцию “В1(а)”, а в каирский центр британской разведки, где не имели понятия ни о каком “Дредноуте”. В конечном счете Попов все же добрался до освобожденного Бари, где представители СИС встретили его весьма гостеприимно, однако там он ввязался в неприятную историю. Выступавший в гостинице член делегации британского министерства информации и будущий известный парламентарий Конни Циликакус в своей речи назвал любимого Поповым Михайловича коллаборационистом и пронацистом. Темпераментный югослав не удержался и швырнул в него бутылкой, вызвав свалку и попав за хулиганство в обыкновенную полицейскую тюрьму. Срочно прибывший представитель контрразведки все же сумел освободить агента и от греха подальше через Алжир отправил в более спокойный Лондон, где Попов из-за своей предыдущей деятельности и личных симпатий навлек на себя смертельную ненависть короля Петра. Югославская группа “20-го комитета” заканчивала свое существование. Британцы пытались поддержать ее якобы произведенными арестами двух второстепенных двойников, но ничто уже не могло сохранить доверие абвера к агентам, подобранным двумя предателями. После мая 1944 года МИ-5 была вынуждена свернуть операцию.

Одним из совершенно невероятных эпизодов тайной войны является история Хуана Пухола Гарсия, больше известного под псевдонимом “Гарбо”. Псевдоним повторял имя знаменитой актрисы Греты Гарбо, поскольку в “20-м комитете” его обладатель считался “величайшим актером в мире”. А начиналось все это еще в январе 1941 года, когда молодой испанец предложил офицеру СИС свои услуги в работе против ненавидимых им со времен гражданской войны итальянцев или немцев. Из-за левых убеждений волонтера отвергли, и тогда он решил самостоятельно провести сложнейшую оперативную комбинацию, обратившись с аналогичным предложением к абверу. Замысел Пухола состоял в сборе возможно большего объема информации о германской разведке и последующей передаче ее англичанам для доказательства своей полезности. Руководство КО-Испания охотно воспользовалось услугами добровольца. В июле 1941 года его снабдили конспиративными адресами и симпа-

тическими чернилами и под псевдонимом “Арабел” направили в Англию, однако испанец туда не поехал, а поселился в Лиссабоне и приступил к систематической дезинформации своих работодателей. “Арабел” доложил о своем прибытии в Лондон и стал создавать бумажных источников, тщательно фиксируя все данные о них в специальной тетради, чтобы ничего не перепутать. Поразительно, но материалами для дезинформации ему служили атлас Великобритании, туристский путеводитель и железнодорожное расписание!

В Лиссабоне Пухол вновь обратился к британцам, сообщил им о полученном задании, назвал свой оперативный псевдоним, но опять получил высокомерный отказ. Однако позднее из перехватов ISK британские спецслужбы узнали о том, что руководство абвера высоко ценит “Арабел”, и в феврале 1942 года поручили офицеру лиссабонской “станции” СИС Томасу Харрису возобновить переговоры с заявителем. Лишь после этого в апреле испанец действительно перебрался в Лондон, где получил свой многозначительный псевдоним “Гарбо”, а его фиктивные источники “Дагоберт”, “Аларих” и “Бенедикт” стали составной частью общей британской системы дезинформации.

Первый из них якобы проживал в Ливерпуле. Осенью 1942 года там концентрировались силы вторжения на Сицилию (операция “Торч”), не заметить которые было просто невозможно, поэтому агента пришлось умертвить. “Гарбо” сообщил о его смерти в результате тяжелой болезни, а для большей убедительности в местной газете поместили соответствующий некролог. Немцев дезинформировали весьма массивно, сеть фиктивных источников насчитывала 23 человека, и не запутаться в ней стоило немалых усилий. Крупная дезинформация осуществлялась “Гарбо” в преддверии операции “Оверлорд”, когда МИ-5 пыталась убедить немцев в предстоящей высадке союзнических экспедиционных сил не в Нормандии, а в районе Кале. Для этого “Комитет по радиообмену” пошел на беспрецедентный шаг, за сутки до начала десантной операции сообщив немцам через “Гарбо” ее точную дату. Британцы руководствовались при этом тем соображением, что за столь малый срок вермахт все равно не успеет ничего предпринять, зато, убедившись в точности информации своего агента, будет ожидать прибытия основных сил десанта к Кале, воспринимая нормандскую операцию как отвлекающий удар. Как известно, так и произошло, хотя, конечно, подобное заблуждение немцев нельзя отнести на счет одного “Гарбо”. Операция “Оверлорд” обставлялась огромным количеством дезинформационных мероприятий, укреплявших весьма полезную для союзников личную убежденность Гитлера в том, что единственным районом высадки может быть лишь побережье Дуврского пролива. Последовавшие события не поколебали доверие немцев к “Арабел”, и в августе 1944 года они вручили Пухолу 10 тысяч фунтов, а позднее наградили его Железным крестом II класса.

7 апреля 1941 года двое неопытных германских агентов норвежского происхождения Хельге Моу и Тор Глад высадились с надувной лодки в районе Абердиншира в Шотландии и сдались местной полиции. Решение о заброске агентов в Великобританию принимал лично руководитель КО-Норвегия Эрнст Мюллер, а непосредственным руководителем пары являлся Карл Андерсен. Абвер готовил агентов к диверсиям, прежде всего к поджогам продовольственных складов, уничтожению линий электропередач и распространению паники. Разведывательные задачи Моу и Глада заключались в установлении дислокации аэродромов, перемещений войск и выяснения морального состояния населения. Контрразведка быстро перевербовала их и использовала в радиоигре с отделением абвера в Осло для создания у противника иллюзии подготовки к новому вторжению в Норвегию. Двойники получили оперативные псевдонимы “Матт” и “Джефф”, по именам героев ежедневной серии карикатур в газете “Сан-Франциско Кроникл”.

Связь с Гамбургом была установлена не сразу, к тому же вскоре МИ-5 зафиксировала непонятные действия Глада, пытавшегося выяснить у моряков торгового флота сведения о движении конвоев. Позже “Джеффа” заподозрили в попытках подать немцам сигнал опасности, поэтому его интернировали и заменили оперативным работником, а “Матту” пришлось стараться за двоих. Для сокрытия истинных обстоятельств он сообщил, что его напарника забрали на службу в армию и направили в Исландию, поэтому за период радиоигры абвер получил лишь несколько сообщений от якобы кратковременно возвращавшегося в Англию Глада. Норвежцы должны были продемонстрировать свою активность, и контрразведка организовала имитацию нескольких проводимых по “плану Брок” диверсий, подтвержденных публикациями в местной прессе. В ноябре 1941 года был “уничтожен”

продовольственный склад, позднее “взорвана” электростанция. При этом сознательно оставленные на месте улики пропали, поскольку пиротехник неверно рассчитал силу заряда, а подброшенный компас норвежского производства был попросту украден, поэтому местная полиция не нашла ничего из приготовленного для нее дезинформаторами. Секция “В1(а)” сохраняла историю в строжайшей тайне до тех пор, пока другое подразделение Службы безопасности не арестовало солдата местного гарнизона, которого посчитало организатором акта саботажа.

В феврале 1943 года “20-й комитет” отклонил предложение МИ-5 купить на немецкие деньги уединенный коттедж в Шотландии, чтобы превратить его в базу для диверсионных операций, однако одобрил передачу через Моу просьбы относительно доставки денег. Абвер подтвердил свое согласие, и в назначенный срок немецкий бомбардировщик сбросил контейнер с 400 фунтами стерлингов, радиопередатчиком и диверсионным снаряжением для группы, попавший в руки МИ-5. Любопытно, что все это имущество было произведено в Англии и в свое время вручалось захваченным немцами агентам СОЕ. К несчастью, на обратном пути самолет сбросил бомбы на городок Фрэзербург, где погиб 11-летний мальчик. Ситуация была особенно неприятна тем, что командование ВВС по просьбе МИ-5 убрало из района сброса истребители, и вражеский бомбардировщик беспрепятственно удался. Чтобы избежать повторения подобного, “Матт” отправил в абвер возмущенную радиограмму, в которой заявил, что бомбардировка подняла по тревоге местные войска и полицию, и он едва не замерз насмерть, не имея возможности уйти из района приема груза. Немцы извинились перед агентом за действия экипажа и заверили, что они никогда более не повторятся. И действительно, еще дважды Моу получал точно такие же отправки, но летчики ни разу не воздействовали на наземные объекты ни бомбами, ни бортовым оружием. Люфтваффе держало слово.

На счету МИ-5 и “20-го комитета” значатся несколько операций, проведенных через “Матта” и отчасти “Джеффа”: “Отмиал”, “Хаггис”, “Порридж”, “Гай Фокс” и “Пирамида”. После войны оба агента вернулись в Норвегию, где Глэда ненадолго арестовали за связь с германской разведкой, но вскоре все обвинения были с него сняты.

Особый колорит системе дезинформации придала Лилия Сергеева. Русская по происхождению, она родилась в 1915 году и приходилась племянницей генералу Е. К. Миллеру, председателю Российского общевоинского союза, похищенному во Франции в 1937 году агентами НКВД. Сергеева была очень красивой женщиной, актрисой и художницей, что в сочетании с импульсивностью ее характера создало немалые трудности для МИ-5 и “20-го комитета”. В 1943 году она обратилась в отдел паспортного контроля британского посольства в Мадриде с просьбой о предоставлении ей гражданства Великобритании. Резиденту Кеннету Бентону Сергеева заявила, что была завербована в Париже абвером и пошла на это, чтобы вырваться в Англию. Представленные женщиной секретные адреса и симпатические чернила не вызывали сомнения в том, что ее история не вымышлена. Она сообщила много информации о германской военной разведке в Париже.

Бентон решил отправить ее в распоряжение “20-го комитета” через Лиссабон, однако МИД Португалии, увидев русскую фамилию, отказал в визе возможной советской шпионке, и ей пришлось выехать в Гибралтар. Кроме того, в работе с Сергеевой имелась еще одна трудность, своевременно не оцененная англичанами: она соглашалась участвовать в двойной игре только при условии, что ей разрешат взять с собой свою собаку. Требование было окончательным и обсуждению не подлежало. Однако весьма жесткие британские карантинные правила не подлежали нарушению даже секретными службами, поэтому представитель СИС пообещал, что собака прибудет ближайшим рейсом на американском самолете, а пока она осталась в Гибралтаре на попечении местной полиции безопасности. По прибытии в Англию Сергеева, получившая оперативный псевдоним “Трэшэ”, немедленно отказалась от постоянного куратора, мотивируя это опасением сексуальных домогательств и изнасилования любым неотлучно находящемся при ней человеком. Но главным камнем преткновения стало отсутствие злополучной собаки. Весь авторитет контрразведки оказался недостаточен для того, чтобы ввезти в страну животное без соответствующих ветеринарных сертификатов, и ее хозяйка устраивала постоянные скандалы, отказавшись работать без своей любимцы. Накал страстей был несколько сбит после того, как Сергеева попала в больницу из-за острой болезни почек. Тем временем курьер доставил ей специально переоборудованный приемник, и в январе 1944 года “Трэшэ” получила сообщение из Лиссабона от своего ру-

ководителя из абвера майора Климана. Его последняя фраза гласила: “Вы очень красивы”⁵¹. Она встревожила контрразведчиков, заподозривших какой-то особый код и неискренность своего двойника, однако это оказалось просто любезностью Климана и, кроме того, абсолютной правдой. Молодая женщина была и в самом деле такой красавицей, что об этом стоило упомянуть даже в шифровке.

На некоторое время Сергеева успокоилась и работала без проблем, поскольку драгоценную собаку перевезли в Касабланку к ее сестре, но настоящие проблемы были еще впереди. Животное сбежало и исчезло навсегда. В это время операция с участием “Трэшэ” вступила в весьма ответственную фазу, поскольку касалась дезинформации относительно отсутствия крупных воинских контингентов в районе Бристоля. Использование переписки вместо радиообмена значительно замедляло передачу сообщений, и в “20-м комитете” решили, что Сергеевой следует отправиться в Лиссабон на встречу с майором Климаном и потребовать у него передатчик. Встреча с немцем сильно задержалась, “Трэшэ” прождала его выхода на контакт в течение двух недель. Когда же в конечном итоге Климан все же появился, то он отнюдь не был уверен в том, что его агент не работает под контролем. Однако в конечном итоге немец успокоился и вручил ей передатчик, драгоценный браслет и 1500 фунтов, после чего пожелал успеха и распрощался. С 14 апреля по 9 мая 1944 года все попытки установить связь были безуспешны, и лишь 10 мая состоялся первый сеанс. А 4 июня, за два дня до начала вторжения союзных экспедиционных сил в Европу, Сергеева повергла в ужас всю секцию “В1(а)” и “20-й комитет”. Она сообщила, что в Лиссабоне Климан установил для агента сигнал опасности в радиogramмах, указывающий на работу под контролем, но женщина отказалась сообщить, какой именно. Это была ее месть за пропажу собаки! РСС могла заменить “Трэшэ” оператором, имитирующим ее почерк, однако без сигнала опасности это не имело смысла. Под угрозой оказалась вся дезинформационная операция относительно плана “Оверлорд”, а также система оперативных радиоигр. После долгих угроз, просьб и увещеваний строптивая женщина все-таки сообщила свой условный знак. К счастью, он должен был применяться только в том случае, если агент работал под контролем противника, так что отсутствие его в предыдущих радиogramмах значения не имело. Тем не менее, Сергеевой все же объявили об увольнении с 14 июня 1944 года, хотя еще некоторое время оператор РСС продолжал от ее имени радиоигру с абвером. Вскоре бывший двойной агент “Трэшэ”, а теперь британская гражданка Лилия Сергеева вступила во французскую армию и вернулась в ее рядах в Париж к своим родителям. После войны она вышла замуж за того самого американского летчика, который должен был доставить в Британию ее сбежавшую собаку.

Поляки также внесли свою лепту в систему дезинформации. Первым из двойников польского происхождения стал летчик, сбитый немцами над территорией Франции в 1939 году. Он был пойман и завербован абвером, после чего через Пиренейский полуостров отправился в Великобританию для сбора и пересылки на конспиративный адрес сведений о британских военно-воздушных силах и системе противовоздушной обороны. Во время морского перехода из Лиссабона в Бристоль он рассказал о своем контакте с германской разведкой трем соотечественникам, не замедлившим сообщить об этом капитану судна. Тот связался с контрразведкой, и незадачливый летчик был мгновенно перевербован. Он получил псевдоним “Кэрлесс”, однако долго не проработал. МИ-5 сочла его малопригодным для оперативных игр и в 1942 году интернировала, хотя конспиративная переписка от имени двойника поддерживалась до января 1943 года.

Намного более колоритной личностью был другой польский летчик, активный антикоммунист Роман Гарби-Чернявский. Он являлся участником действовавшей во Франции межсоюзнической подпольной сети под названием “Интералле”, которая в дальнейшем будет описана достаточно подробно. Поляк жил в Париже по поддельным документам и в мае 1941 года установил связь с лондонским центром МИ-6 под псевдонимом “Арманд”. В ноябре 1941 года в результате предательства немцы разгромили “Интералле”, самого же Гарби-Чернявского абвер завербовал и планировал его заброску в Англию. Следует отметить, что эта операция была задумана и проведена довольно топорно, без блеска, присутствующего в дальнейшем парижским подразделениям германских спецслужб. Поляк дал обещание работать на абвер под страхом казни его соратников по “Интералле”, оставшихся заложниками в лагерях и тюрьмах, притом вместо планировавшейся имитации побега нового

агента просто выпустили на свободу, практически не позаботившись о какой-либо легенде прикрытия. Особенно странным было то, что все эти мероприятия осуществлял один из лучших специалистов абвера по наступательной контрразведке подполковник Оскар Райле, на счету которого имелось множество проведенных операций высокого класса. Однако в данном случае он оказался совершенно не на высоте задачи. В своих послевоенных мемуарах контрразведчик упоминал о сомнениях, временами охватывавших его при беседах с поляком, но он отметал их. Собственно, Райле сам убедил себя в том, во что ему хотелось поверить. Косвенное объяснение этого содержится в его словах: “Нашей службе приходилось хвататься за любую предлагаемую возможность, чтобы получать как можно больше точной информации из Великобритании”⁵².

Вербовка Гарби-Чернявского оказалась крупной ошибкой немцев. Райле следовало понять, что столь активно ненавидящий его страну человек ни под каким видом не станет шпионить в пользу поработителей своей родины, и никакие заложники изменить ситуацию не смогут. По прибытии в Лондон он немедленно сообщил обо всем произошедшем с ним руководителю польской разведки в Лондоне полковнику Станиславу Гано, но в МИ-6, где он значился как агент “Арманд”, о своих контактах с абвером пока умолчал. Однако позднее, когда польская разведка отказалась использовать Гарби-Чернявского в оперативной игре, он сообщил МИ-6 и МИ-5 остававшуюся до поры нераскрытой часть своей истории. Поляк стал двойным агентом “20-го комитета” под псевдонимом “Брутус”, причем британцы долго не могли поверить в искренность намерений немцев. Слишком очевиден был характер темпераментного поляка, чтобы не заметить абсолютную невозможность для него работать на немцев, поэтому контрразведчики опасались, что замысел абвера был намного более коварен. Они полагали, что немцы точно рассчитали предстоящую исповедь Гарби-Чернявского и запланировали использовать его как целевого агента для дезинформации англичан относительно своих методов и намерений. Поэтому в первое время через поляка до сведения абвера доводилась буквально пустяковые сведения, исключавшие опасность вскрытия немцами системы дезинформации. Однако ближайšie же перехваты по линии ISK показали, что МИ-5 весьма переоценила изопренность своего противника, и “20-й комитет” стал активно использовать имевшийся канал. Через “Брутуса” до немцев доводилась дезинформация вплоть до начала операции “Оверлорд”, но позднее работу с ним пришлось прекратить, поскольку вернувшиеся в свою страну французы предприняли тщательное расследование драматических обстоятельств провала “Интералль”, и дальнейшее использование агента было чревато расшифровкой всей системы двойников.

В мае 1942 года из дешифрованных материалов по линии ISK МИ-5 выяснила, что некий проживающий во Франции неустановленный англичанин желает стать германским агентом и осуществлять в Великобритании диверсии. Никаких установочных данных в перехвате не содержалось, известен был лишь псевдоним “Фрицхен”, резкие антиправительственные настроения этого человека, а также то, что до войны он проживал в Сандерленде, а в настоящее время содержится в лагере. К декабрю 1942 года англичане выяснили, что будущий диверсант пользуется у немцев именем Фриц Грауман и уже завершил серьезный и всесторонний курс специальной подготовки. Обозначился и ближайший объект диверсии — завод компании “Де Хэвиланд”, выпускавший скоростные бомбардировщики “Москито”. Последний факт был почерпнут из перехватов по программе “Ультра”. Диверсант должен был спрыгнуть с парашютом где-то в восточной части Англии, и на этом сведения обрывались.

Вся система ПВО в угрожаемом районе была приведена в постоянную готовность, но посадка все же прошла незамеченной. “Фриц Грауман” сдался сам и потребовал прибытия полиции, которой отдал радиопередатчик, оружие и другие предметы снаряжения. Стала известна и его личность. Это был хорошо знакомый полиции и проходивший по всем оперативным учетам Эдуард Чапмэн, известный в предвоенное время взломщик сейфов. Он изложил контрразведке обстоятельства своего дела, но Служба безопасности вначале опасалась ловушки, поскольку нельзя было исключить замысел немцев по внедрению тройного агента, в действительности сохранявшего верность абверу. Однако после тщательного расследования Чапмэна стали использовать как агента-двойника под псевдонимом “Зигзаг”.

С разрешения “20-го комитета” опытный взломщик добыл взрывчатку способом, планировавшимся для него в Париже, то есть похитил гелигнит со склада, на который проникал еще в довоенное время. 29 ноября 1943 года с помощью этой взрывчатки была организо-

вана имитация взрыва станции, снабжавшей электричеством завод “Де Хэвиленд”, о чем “Фрицхен” — “Зигзаг” сообщил в парижское абверштелле. В ответной радиограмме содержались поздравления с успехом миссии и обескураживающее предложение агенту выбираться из страны самостоятельно, поскольку обещанная для его эвакуации подводная лодка не придет. Таким образом, срывались надежды “20-го комитета” организовать потопление германской подводной лодки, прибывающей в конкретное время в конкретную точку, о чем уже была достигнута договоренность с Адмиралтейством. Приходилось менять планы.

“Зигзаг” рвался вернуться во Францию и продолжить двойную игру, его авантюристический характер требовал действий. Он даже планировал организовать покушение на Гитлера, однако МИ-5 была настроена более умеренно и реалистично. Первоначально англичане опасались отпускать Чапмэна обратно, но в феврале 1943 года было принято решение все же продолжить операцию. По документам своего друга-уголовника Филипа Энсона “Зигзаг” нанялся на совершавшее рейс в Лиссабон торговое судно “Сити оф Ланкастер”, которое прибыло в порт назначения, едва держась на плаву, поскольку по пути конвой подвергся атакам с воздуха и из-под воды. Визит в германское посольство обескуражил двойника. Его имя ничего не говорило работавшим там немцам, а пароль, теоретически открывавший ему все двери, оказался пустым звуком: парижские сотрудники абвера не проинформировали коллег в Португалии, и те, естественно, ничем не могли помочь агенту. Зато они решили извлечь из этого непонятного визита максимальную пользу и вручили “Фрицхену” две замаскированных под куски угля мины, которые должны были взорваться в паровом котле. Агенту приказали бросить их в угольный бункер “Сити оф Ланкастер” и дезертировать с судна. Поставленный в безвыходное положение Чапмэн вынужден был рассказать некоторую часть своей истории пораженному капитану. “Зигзаг” оставил в его каюте обе мины, дал капитану контактный телефон МИ-5 и остался на берегу, отрапортовал немцам о выполнении задания. Португальская резидентура абвера поспешила отчитаться перед Берлином об удачно проведенной диверсии и по радио сообщила, что агент “Фрицхен” потопил судно, на котором прибыл в Лиссабон. Получив текст перехвата этого сообщения, в “20-м комитете” решили, что авантюрист “Зигзаг” подобным образом решил укрепить доверие немцев к себе, и приготовились к крупным неприятностям. Велико было облегчение контрразведчиков, когда “Сити оф Ланкастер” все же прибыл в порт и его капитан передал полученную информацию по назначению!

В абвере Чапмэна встретили как героя и перебросили на север Европы для работы в разведшколе инструктором по методам оперативной работы. В совершенстве освоивший радиопередатчик “Зигзаг” под видом пробы аппаратуры сумел из Осло связаться с МИ-6 и передать краткое сообщение, переадресованное разведчиками в МИ-5. В июне 1944 года двойник вернулся в Англию, выпрыгнув с парашютом с бомбардировщика, и благополучно дожил до конца войны. Его фантастическая история получила некоторое освещение в средствах массовой информации, а позднее по этому сюжету были написаны книги и снят фильм. Сам же Чапмэн в дальнейшем отошел как от разведки, так и от уголовного мира, и спокойно работал на электростанции.

Система дезинформации с помощью нескольких десятков двойных агентов заслуженно считается высшим достижением британской контрразведки во Второй мировой войне. Особенно ценно в ней то, что дезинформация не ограничивалась использованием двойников, а охватывала практически все существовавшие каналы и возможности, создавая у немцев впечатление многократного перекрытия поступающей информации. Жесткий контроль всех возможных каналов утечки подлинных сведений обеспечил ее эффективность, однако достижение британцев нельзя признать исключительным и не имеющим аналогов. В ряде регионов Европы немцы добились не меньших успехов, и это их достижение было намного весомее, поскольку они действовали в оккупированных и поэтому враждебных странах. В Соединенном Королевстве контрразведка работала дома, в более легких условиях, что признал и сам председатель “20-го комитета” Дж. Мастерман. Анализируя после войны ситуацию с двойниками, он пришел к выводу: “Существенная причина, объясняющая, почему система дезинформационных мероприятий увенчалась успехом, а система германского шпионажа в Соединенном Королевстве провалилась, может быть сформулирована в простом предположении, что в военное время шпион во враждебной стране обречен на провал... Во вражеской стране его (шпиона — И. А.) дело почти безнадежно. Подозрительность повсеместна и

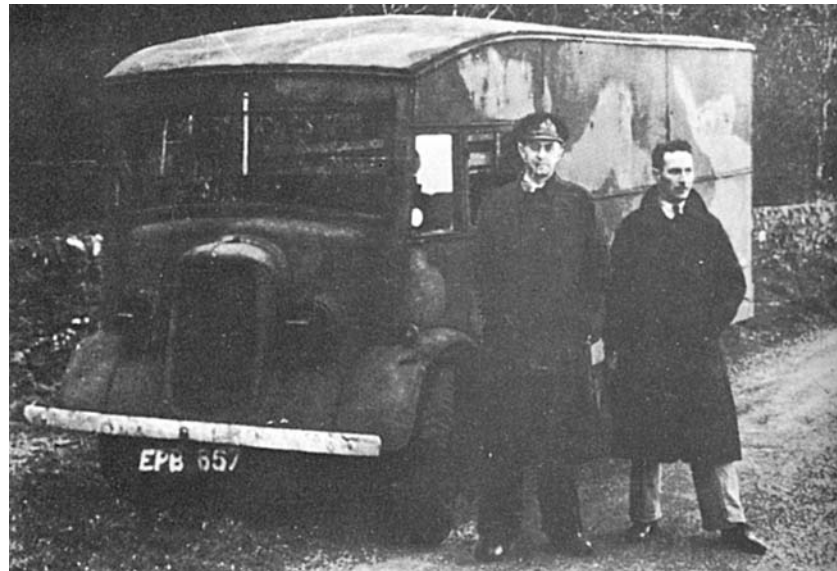
немедленно вспыхивает при малейшем проявлении интереса к военным или полуввоенным вопросам; постоянно контролируется безопасность, личные документы должны выдерживать все проверки; передача любой информации представляет почти непреодолимую трудность”⁵³. Следует отметить, что такая ситуация, по его мнению, характерна исключительно для периода боевых действий: “В мирное время шпионаж легок и результативен; контршпионаж труден и неблагодарен; в военное время шпионаж труден и обычно безрезультатен, контршпионаж сравнительно легок и приносит богатейшие плоды”⁵⁴.

Не все операции под эгидой “20-го комитета” проводились силами МИ-5 и с использованием агентов-двойников. Одна из наиболее успешных дезинформационных акций “Минсмит”, иногда именовавшаяся “Троян хорз”, была осуществлена силами морской разведки и не использовала агентурный аппарат. Ее целью являлось введение немцев в заблуждение относительно предстоящего района высадки британских войск в районе Средиземноморья весной 1943 года (операция “Хаски”). Концентрация сил десанта не могла оставаться тайной для противника, однако следовало попытаться убедить германское командование, что они будут направлены не на Сицилию, как это планировали англичане, а на Сардинию или в Грецию. Для этого было принято решение подбросить немцам комплект дезинформационных документов при обстоятельствах, исключающих любые подозрения в отношении ее происхождения. Руководителем операции “Минсмит” стал капитан-лейтенант, впоследствии капитан 3-го ранга, сотрудник НИД Ивэн Монтегю. Основополагающей концепцией операции являлось то, что тело погибшего офицера с находящимися при нем секретными документами должно было быть выловлено в море близ испанского порта Уэльва. По сведениям СИС, там работал установленный германский агент, имевший близкие контакты с испанскими властями и поэтому обладавший доступом к официальным материалам. Консультации с медиками показали, что для “Минсмита” совершенно не обязательно использовать утопленника, поскольку при вскрытии практически одинаковую с утоплением картину дает смерть от пневмонии. После этого в одной из больниц было подобрано соответствующее тело. Родственники дали согласие на это в интересах государства, но одним из их условий было неразглашение личности покойного независимо от срока давности. По этой причине имя человека, тело которого было использовано в операции “Минсмит”, оставалось неизвестным по 2001 год. Монтегю с помощниками установили, что дующий в апреле в районе Уэльвы северо-восточный ветер неминуемо прибьет тело в спасательном жилете к берегу. Медики посоветовали для сохранности предварительно поместить его в заполненный сухим льдом цилиндрический контейнер из листовой стали длиной 2 метра и диаметром 60 сантиметров с прослойкой из асбеста. Выделявшийся углекислый газ полностью вытеснил кислород, и разложение тела было надежно предотвращено.

Параллельно готовились соответствующие документы. Основным дезинформационным материалом стало письмо заместителя начальника имперского генерального штаба генерала Арчибальда Ная командующему армией в Тунисе генералу Гарольду Александру. В нем не просто приводилась информация о ложном районе высадки, но и выражалась надежда, что немцы поверят якобы проводимой в настоящее время дезинформационной операции с целью убедить их в предстоящей высадке десанта на Сицилии. Таким образом британцы решили одновременно дискредитировать все материалы о подлинном районе назначения десанта, которые могли попасть к германской разведке. Командующий объединенными операциями лорд Маунтбэттен тоже написал фиктивное письмо Александру, в котором в завуалированной форме содержался намек на предстоящее вторжение на остров Сардиния, однако главным его предназначением было обосновать нахождение у “утопнувшего” офицера столь секретного документа, как письмо Ная.

Теперь требовалось создать личность человека, тело которого предстояло опустить в море возле порта Уэльва. С учетом возраста, уровня важности перевозимых документов и распространенности фамилии, решено было сделать его капитаном морской пехоты Уильямом Мартином, которому на период войны присвоено временное звание майора. Созданный таким образом офицер был причислен к штабу морских десантных операций, что вполне оправдывало направление его в район Средиземноморья, где в качестве специалиста по десантам Мартин должен был обследовать район предстоящей высадки. Разведчики нашли похожего человека и сфотографировали его для изготовления личных документов майора. В карманы были положены письма от отца и невесты, счета за купленное кольцо и формен-

ную рубашку, использованные билеты на театральное представление и в клуб, а также напоминание из банка о превышении кредита. Для создания черт характера живого человека пропуск в помещение штаба оказался у майора Мартина просроченным, а удостоверение личности представляло собой дубликат, выписанный взамен утраченного. Тело одели в полевую форму, поскольку ни один портной не сумел бы пошить безупречно сидящий на покойном

Транспортировка тела “майора Мартина”

выходной мундир, а это обстоятельство могло вызвать у немцев подозрение. В довершение обоснования вылета Мартина самолетом у него находились гранки брошюры о действиях “коммандос”, предисловие к которой якобы должен был написать генерал Эйзенхауэр.

Подводная лодка “Сераф” вышла в море из Гринока 19 апреля 1943 года, имея на борту контейнер с телом “майора Мартина”, а 30 апреля в запланированной точке оно было спущено в спасательном жилете на воду и вскоре подобрано испанскими рыбаками. Уже на следующий день на местном кладбище состоялось захоронение покойного с воинскими почестями, а могилу передали на попечение британскому консулу. Операция тем временем продолжалась. На временном памятнике появилось фото “Мартина”, на могилу были возложены венки от семьи и невесты, а консул вступил в переписку с властями Уэльвы по поводу возврата находившихся у покойного документов. После соответствующей задержки их вернули 13 мая, причем по меньшей мере одно письмо имело неявные следы тайного вскрытия. Монтегю поместил в прессе сообщение о гибели майора морской пехоты Мартина в официальном списке погибших и вызвал этим совершенно непредвиденные последствия. Не менее десятка инстанций Адмиралтейства стали требовать более подробные данные по этому вопросу для включения в статистику и создали тем самым реальную угрозу расшифровки операции. Проблему удалось урегулировать с немалым трудом.

По косвенным признакам можно было заключить, что испанцы прочли подброшенные документы, однако вопрос о том, передали ли они их содержание немцам, оставался открытым. Тем более неизвестной была реакция противника, и выяснить это вплоть до начала операции “Хаски”, 10 июля, было невозможно. Ход боевых действий показал, что “Минсмит” достиг поставленной цели: немцы ожидали высадки не на Сицилии, а на Сардинии или в Пелопоннесе и перебазировали туда значительную часть своих сил. Впоследствии выяснилось, что предоставленные абвером документы всесторонне оценивались в штабе кригсмарине и генеральном штабе, и в ходе состоявшихся двух расследований было решено, что они не являются английской дезинформацией. Гитлер согласился с выводами моряков и военных и разрешил перевести на Корсику и Сардинию соединения торпедных катеров и минных заградителей. Лишь к 12 июля, на третьи сутки боевых действий немцы осознали, что по Сицилии наносится не отвлекающий, а основной удар, но было уже поздно.

История имела любопытное продолжение. После войны в захваченных архивах главного штаба кригсмарине были обнаружены копии дезинформационных документов из чемодана “майора Мартина”, после чего военная прокуратура начала вполне реальное следствие по делу о нарушении секретности и создании условий, при которых была разглашена военная тайна. Именно это обстоятельство и послужило причиной рассекречивания материалов операции “Минсмит”, ставшей одной из первых описанных в широкой печати дезинформационных комбинаций разведки, и не только английской.

В 2001 году после довольно длительного расследования имя человека, тело которого было похоронено под именем майора Мартина, было оглашено. Согласно заключению, им

являлся 34-летний валлиец Майкл Глиндвр (Glyndwr), совершивший самоубийство в одном из лондонских складов. Однако такая версия оставляет больше вопросов, чем снимает их, поскольку самоубийца не может умереть от пневмонии, а характер любых прижизненных повреждений, послуживших причиной смерти, легко определяется патологоанатомами на вскрытии. Судя по всему, загадка тела, использованного в операции “Минсмит”, не может считаться решенной.

Помимо широко известного в настоящее время “20-го комитета”, аналогичные структуры в существенно меньших масштабах образовывались и в других географических регионах. Их обозначения оттачивались от британского “20-го комитета” и уже не несли в себе никакого двойного смысла или игры слов. “30-й комитет” и его подразделение “31-й комитет” весьма результативно действовали в Каире, “32-й комитет” — в Багдаде, “33-й комитет” — в Никозии, “34-й комитет” — в Тегеране (практически бездействовал). Существовали еще три подразделения этой же системы, не имевшие отношения к каирской точке: “40-й комитет” в Нью-Дели, “50-й комитет” в Алжире и “60-й комитет” в Риме. Естественно, два последних органа появились в местах своей дислокации только после ввода туда британских войск. Деятельность перечисленных дезинформационных комитетов описывается в соответствующих главах книги.

* * *

5 апреля 1944 года по распоряжению британского правительства единственная сухопутная граница Соединенного Королевства была наглухо закрыта. Прекратились любые перемещения через границу с Ирландской республикой, а также все несанкционированные коммуникации с внешним миром. Несколько дней спустя аккредитованным в Лондоне посольствам, за исключением союзников Британии по антигитлеровской коалиции, было запрещено отправлять дипломатическую почту в закрытом виде. Перечисленные мероприятия преследовали цель сохранить в тайне предстоящую высадку англо-американских экспедиционных сил в Нормандии, к которой британские спецслужбы готовились весьма серьезно. Помимо уже известных нам мероприятий “20-го комитета”, весьма возросла роль почтовой и телеграфной цензуры. Разведывательное обеспечение предстоящей операции “Оверлорд” было возложено на генерал-майора Кеннета Стронга, с 1943 года возглавлявшего разведку штаба верховного главнокомандующего союзными войсками генерала Дуайта Эйзенхауэра. Ранее Стронг занимался проведением операций против ИРА, служил военным атташе в Берлине, а с 1939 года активно действовал против Германии в МИ-14. После войны генералу предстояла удачная разведывательная карьера: в 1945 году его назначили генеральным директором Департамента политической разведки Форин офис, затем он возглавил Объединенное разведывательное бюро, а с 1964 по 1966 годы являлся генеральным директором разведки министерства обороны и дожил до весьма преклонных лет, скончавшись в 1982 году.

В преддверии вторжения в Европу британцы совместно с американцами с 1943 года пытались осуществить две широкомасштабные операции, реализация которых неизменно наталкивалась на чрезвычайные проблемы. Первой из них стал план “Сассекс”, родившийся после того, как в мае 1943 года ОСС наконец удалось договориться с МИ-6 о совместной работе по подготовке операции “Оверлорд”. 25 мая было подписано соглашение о том, что в Лондоне не возражают против создания американцами направленных против Германии собственных агентурных сетей, и вскоре по указанию Мензиса Дэнси разработал план операции по заброске в северную Францию 100 английских и американских агентов для сбора военной информации. Нельзя сказать, что Дэнси обрадовалось это поручение, поскольку он являлся одним из приверженцев всемерного сохранения британской монополии на проведение разведывательных операций в Европе. Тем не менее, полковник не мог не выполнить приказ начальника и предоставил на рассмотрение программу выброски с парашютами 50 пар агентов союзников на глубину от 40 до 60 миль от Ла-Манша на участке от Бретани до бельгийской границы. Представители ОСС весьма обрадовались открывшимся перспективам, но, как вскоре оказалось, преждевременно. Взгляды Дэнси разделяли слишком многие старшие офицеры СИС, фактически саботировавшие реализацию “Сассекса” и страстно желавшие провала “младшего партнера” по коалиции. Американцы резко возражали против затяжки в выполнении согласованных решений, и вскоре отношения СИС

с миссией ОСС в Лондоне оказались заведенными в глухой тупик. Чтобы как-то выйти из него, Донован направил в британскую столицу группу разведчиков во главе с полковником Френсисом Пикенсом Миллером специально для координации работы по “Сассексу”. Но и новые люди не смогли сдвинуть проблему с мертвой точки, и тогда в ОСС по согласованию с Рузвельтом было принято весьма смелое для них решение. Донован обратился за содействием к руководителю спецслужб де Голля полковнику Пасси, что явилось первым актом косвенного признания БСРА со стороны американцев. Французы с готовностью выделили 100 своих агентов, однако сложности во взаимоотношениях разведывательных органов, ориентировавшихся на де Голля и Жиро, задержали начало подготовки к “Сассексу” до декабря 1943 года. И лишь в январе 1944 года, после Каирской конференции, в Лондоне был образован трехсторонний комитет по проведению операции, в который от СИС вошел капитан 2-го ранга Кеннет Кохен, от ОСС — полковник Миллер, а от БСРА — Жильбер Рено-Рулье (“Реми”). Первые агенты по линии “Сассекса” приземлились на французской территории лишь 9 апреля 1944 года.

Значительно менее драматичная судьба ожидала совместную операцию СОЕ и ОСС. Отголоски проблем американцев и их трений с СИС достигли СОЕ, и для его исполнительного директора Габбинса это само по себе являлось вполне достаточным поводом для установления хороших отношений с секцией СО лондонской миссии ОСС. Однако он справедливо отмечал слабую подготовку ее людей для выполнения диверсионных акций, не по-зволявшую использовать их в тылу противника без серьезного риска. К этому времени после проведенного в мае 1942 года совместного совещания СОЕ с представителями военных был разработан план операции, позднее получившей кодовое обозначение “Джедбург”. Ее замысел состоял в заброске сразу после начала вторжения в Европу 100 малых групп владеющих французским языком офицеров СОЕ к отрядам Сопротивления по всей территории Франции. Бойцы групп “Джедбург” должны были десантироваться в некотором отдалении от районов боевых действий, в местах наиболее вероятной концентрации отрядов партизан, и нести с собой оружие в количестве, достаточном для вооружения 40 человек. Их задачей являлась не просто его доставка на место, но и формирование Сопротивления, обучение партизан и координация их действий с военным командованием. Ведение разведки силами групп “Джедбург” не предусматривалось.

Американцы усмотрели в этом возможность подключиться к проведению специальных операций в Европе и предложили план, согласно которому в германский тыл следовало направлять тройки агентов в составе одного офицера СОЕ или ОСС, одного французского офицера и английского или американского радиста. Во избежание обвинений в нарушении законов ведения войны, парашютисты должны были сбрасываться в униформе своих стран со всеми знаками различия. “Джедбург” подходил для этого как нельзя лучше, и британцы быстро согласились на осуществление этой операции совместными силами. Главная трудность для ОСС состояла в отыскании 50 свободно говорящих по-французски человек, годных для участия в специальных акциях.

На практике состав групп оказался несколько иным. Из 101 тройки 13 являлись смешанными британско-американско-французскими или британско-американско-бельгийскими, в 16 французам было двое, в 1 — трое, 32 группы включали двух американцев, а 39 — двух англичан. 24 тройки из общего количества прибыли в Европу с баз в Алжире. Масштабность операции легко оценить по двум фактам: связь групп “Джедбург” осуществлялась через специально созданный американцами радиоцентр, а подготовка агентов проводилась в отдельном учебном центре. Общие потери участников групп составили 23 человека убитыми и 24 ранеными. Операция представляла собой, возможно, первый в истории опыт подобного рода, в дальнейшем использовавшийся американцами в Индокитае.

23 марта 1944 года верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе генерал Эйзенхауэр подчинил себе все операции специальных служб, производимые с целью обеспечения вторжения, для чего была создана Штаб-квартира специальных сил (СФХК). С этого момента лондонские центры СИС, СОЕ и миссия ОСС в значительной степени утратили власть над собственными подразделениями, включенными в состав штаба. Начиная с июня 1944 года, основной задачей разведывательной деятельности англичан стало обеспечение своих войск на европейском театре военных действий тактической и оперативной информацией, а также оценка результатов стратегических бомбардировок.

ЧАСТЬ 2

ОККУПИРОВАННАЯ ЕВРОПА

ПОЛЬША

Принято считать, что Вторая мировая война началась с нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года, и это действительно так, если рассматривать в качестве ее первого акта возникновение противостоявшей Третьему рейху коалиции Польши, Великобритании и Франции. Как известно, Гитлер совершенно не был готов к конфронтации с двумя великими державами, его спасло лишь их полное бездействие на сухопутном фронте. Однако к захвату Польши он подошел весьма обстоятельно, и одну из ведущих ролей в успехе blitzkrieg сыграла германская военная разведка, обеспечившая вермахт подробной и достоверной информацией об объекте нападения и успешно осуществившая ряд специальных операций.

Польшу нельзя однобоко рассматривать в качестве безвинной жертвы нацистских агрессоров ввиду достаточно агрессивного характера ее предвоенной политики. Совершенно очевидно, что экстерриториальность Данцига и проходивший через территорию Германии Данцигский коридор нарушали суверенитет рейха. Причиной их возникновения стало стремление держав-победительниц на Версальской мирной конференции сильнее ущемить побежденную страну. Было ясно, что рано или поздно набравшая силу Германия предпримет все возможное для восстановления положения, и при этом существовала вполне реальная возможность мирного обмена коридора на полосу земли в Восточной Пруссии, не пролегающую поперек германских территорий. Однако поляки со свойственной их внешней политике заносчивостью высокомерно отвергали все попытки найти хоть какое-то решение проблемы и, кроме того, создавали на своей территории нестерпимые условия существования для немецкого национального меньшинства. Любые дипломатические инициативы Берлина в этом направлении неизменно отвергались, а том числе последние, мартовские 1939 года требования Риббентропа. После их отклонения вопрос о нападении на Польшу был окончательно решен, дальнейшие переговоры лишь маскировали военные приготовления Германии к предстоящей кампании.

В 4 часа 45 минут утра 1 сентября 1939 года во исполнение плана “Вайс” польскую границу пересекли 40 дивизий вермахта, имевшие на вооружении 11 тысяч артиллерийских орудий, 2,8 тысячи танков и 2,6 тысяч самолетов. В резерве находились еще 13 дивизий. Им противостояла не до конца отмобилизованная армия из 21 пехотной, 3 резервных и 1 бронемоторной дивизий, 8 кавалерийских и 3 горнострелковых бригад, 56 батальонов национальной обороны, а также пограничных войск и частей охраны побережья. Польские войска располагали 887 легкими танками и танкетками и 771 самолетом, из которых боевыми были лишь 76 бомбардировщиков и 280 истребителей. Было совершенно ясно, что первоначальный план отойти на рубеж Вислы и держать оборону в центре с одновременным нанесением двух фланговых ударов в глубину германской территории является чистой водой утопией. Поляки рассчитывали на недвусмысленно зафиксированное обещание Франции на пятнадцатый день войны перейти в наступление на Германию главными силами, хотя по недавнему поведению Парижа в отношении Чехословакии они могли бы оценить всю иллюзорность надежд на своего мощного союзника. Должные выводы сделаны не были, а пред-

ложения СССР по организации коллективной обороны страшили польское правительство не меньше, чем угроза со стороны Берлина. Безусловно, для этого имелись немалые основания, поскольку в случае такого развития событий Польша вполне могла в 1939 или 1940 году пополнить список республик в составе Советского Союза. Выбор был сделан, и нельзя сказать, что он оказался неудачным: просто страна была обречена при любом развитии событий; менялся лишь сценарий, но не результат.

Вермахт направил концентрические удары из Силезии, Поморья, Чехии и Словакии, довольно быстро сломив героическую, однако безнадежную польскую оборону. Весьма серьезный вклад в успех кампании внес абвер, не только обеспечивший армию надежной и подробной информацией о противнике, но и блестяще осуществивший ряд специальных операций по нарушению его коммуникаций, системы управления войсками и захвату важных объектов. К сентябрю 1939 года диверсионные части военной разведки, в частности, отряд “Эббингхауз”, с 1938 года именовавшийся так по имени его командира, еще были разрознены, хотя уже действовали по единому плану в качестве “К-групп” (боевых групп). Многие из них были сформированы на польской территории на базе действовавших после окончания Первой мировой войны “Групп охраны промышленности Верхней Силезии”, позднее самораспустившихся. Основной задачей германских подразделений специального назначения являлся захват мостов, туннелей, виадуков, железнодорожных узлов и других объектов транспортной инфраструктуры.

Ночью накануне нападения около 500 переодетых в гражданскую одежду судетских немцев под видом рабочих и горняков нелегально проникли через польскую границу в районе Верхней Силезии с целью не позволить противнику разрушить при отступлении важные промышленные объекты. Разведка установила, что заложенные в них заряды должны были быть подорваны электрическим способом от магистральных линий, и для предупреждения этого диверсанты вывели из строя расположенную под Горцовом электростанцию. АСТ-Бреслау подготовило 1200 диверсантов, 400 из которых еще до подхода регулярных частей вермахта сумели захватить важный железнодорожный узел Катовице. 80 боевиков абвера из числа постоянно проживавших в Польше немецких рабочих, горняков и железнодорожников под командованием обер-лейтенанта запаса Зигфрида Граберта беспрепятственно проникли на станцию, но внезапно обстановка осложнилась. Там появились польские солдаты численностью до двух рот, однако в темноте они не обратили внимания на диверсантов в униформе железнодорожников. Понимая, что такое везение долго продолжаться не может, Граберт воспользовался отдаленной перестрелкой и на польском языке отдал полякам команду занять места в вагонах, а сам с одним из бойцов проник на локомотив и отвез солдат за пределы Катовице, дав возможность своим людям захватить этот транспортный узел.

8 сентября взвод непосредственно подчинявшихся Абт-II переодетых в польскую военную форму диверсантов влился в состав отступающих за Вислу войск противника и без единого выстрела взял под контроль мост в Демблине. Их командир унтер-офицер Кодон доложил командиру охранявшего его подразделения о прибытии группы саперов, которым поручено уничтожить объект. Предварительно перерезанный телефонный кабель не позволял проверить это утверждение. Первоначально поляки отнеслись к диверсантам с большим подозрением, но начавшаяся бомбежка деморализовала их, командир с радостью сдал свой пост и отвел солдат за реку. Однако снять заложенные заряды не позволяли потоком двигавшиеся по мосту польские солдаты вперемешку с гражданскими лицами, а вдалеке уже показались немецкие танки. Находившиеся на другом берегу реки саперы все еще могли уничтожить мост, и тогда Кодон громко объявил, что через пять минут он производит взрыв. Это подействовало, все в панике разбежались, и вскоре подошедшие танки прошли его беспрепятственно.

По мере развития наступления абвер формировал все новые “К-группы”, активно действовавшие по захвату объектов промышленности и транспортной инфраструктуры. Они предотвращали уничтожение мостов, переправ, железнодорожных узлов и перерезали магистрали, препятствуя движению транспорта. В Польше впервые был применен весьма эффективный прием по снятию регулировщиков противника и направлению его войсковых колонн в ложном направлении. В Данциге сформированная из числа местных членов СС, СА и полиции бригада под командованием генерала Эберхарда внезапно захватила большинство стратегически важных районов города и надежно парализовала возможное сопротивление.

Случались и неудачи. Например, отряд в польской униформе под командованием обер-лейтенанта Танцера, осторожно передвигавшийся лесом по направлению к Грауденцу, был

захвачен обогнавшими его германскими войсками. Командир пехотного полка принял бойцов за группу дезертиров, арестовал их и отправил в тыл. Когда же недоразумение выяснилось, и отряд снова опередил наступающие части, на глазах у диверсантов польские саперы подорвали мост, являвшийся их целью. Тем не менее, отдельные провалы не могли затмить крайне эффективную работу абвера по помощи армии, позволявшей сохранять темп наступления при достижении водных преград и иных барьерных мест.

Вопреки распространенному убеждению, германская разведка вовсе не использовала местных немцев в качестве ударных подразделений, действовавших в тылу польских войск. В предвоенный период абвер старался минимально задействовать фольксдойче в подготовке вторжения и организации агентурных сетей, руководствуясь двумя вполне здравыми соображениями. Прежде всего, немецкое национальное меньшинство в Польше подвергалось ошутимому угнетению и постоянно находилось под неусыпным контролем полиции и контрразведки, что в случае вовлечения в тайные операции создавало для этого контингента неоправданный риск. Разведывательные возможности фольксдойче были весьма ограничены из-за широко практиковавшегося запрета их доступа к целому ряду должностей. Кроме того, в предвоенное время любой провал агента немецкого происхождения неминуемо был бы использован Варшавой для ужесточения обращения со всеми немцами в Польше, что в Берлине отчетливо осознавали и не желали создавать соотечественникам дополнительные проблемы. Следует также отметить, что вопрос о войне был окончательно решен лишь за несколько месяцев до ее фактического начала, а создание за такой короткий промежуток времени разветвленной диверсионной сети и ее соответствующее оснащение является весьма проблематичной задачей. Вследствие перечисленных причин германская разведка почти не практиковала использование фольксдойче. Безусловно, определенная часть местных немцев принимала участие в разведывательных операциях и диверсионных акциях по обеспечению продвижения вермахта, но, судя по всему, таковых насчитывалось не более нескольких тысяч, тогда как всего в Польше проживало, по различным оценкам, от 750 тысяч до миллиона фольксдойче. Практически того, что принято было именовать “пятой колонной”, в стране не существовало, хотя сами поляки в сентябре 1939 года были абсолютно убеждены в обратном.

Немедленно после начала боевых действий правительство приняло меры по обезвреживанию возможных подрывных элементов по этническому признаку путем выдачи каждому местному немцу особых предписаний. В зависимости от категории, они либо призывались в армию (весьма ограниченное количество, и из их числа немало уклонилось от призыва), либо отправлялись на Восток, за пределы радиуса действия коротковолновых передатчиков небольшой мощности, либо подлежали изоляции на месте. Фактически же все, как правило, происходило совершенно иначе. Система управления страной оказалась мгновенно расстроенной, и вместо эвакуации немцев обычно стогнали значительными группами в непригодные помещения, многих оскорбляли и избивали. Среди населения молниеносно распространялись почти всегда ложные слухи о передаваемых германским самолетам световых сигналах, о завалах на дорогах, о нарушении линий проводной связи. Во всем этом обвиняли фольксдойче, и часто поляки были наэлектризованы до такой степени, что дело заканчивалось самосудом. Точное число жертв этих импровизированных судов неизвестно, но, по ряду оценок, оно достигло нескольких тысяч. Следует отметить совершенную непричастность официальных властей к такому обращению со своими гражданами немецкой национальности, являвшемуся делом рук разбушевавшейся толпы или слишком подозрительных командиров воинских частей. Отчасти это объясняется предвоенной шпиономанией, увеличивавшей до совершенно невероятных пределов и без того широкомасштабную германскую подрывную деятельность в Польше. Если в период с 1935 по 1938 годы суды страны рассмотрели 300 дел о шпионаже, то с марта по август 1939 года – уже 600, что вызывает серьезные сомнения в обоснованности предъявленных обвинений. Точных данных по рассматриваемому вопросу, вероятно, не удастся выяснить никому. Это, в частности, касается и сомнительной истории с развернувшимися 3 сентября в Быдгоще уличными боями. По сообщению поляков, немецкие диверсанты и их помощники из местного населения захватили город и терроризировали его жителей до тех пор, пока в него не вошла польская пехотная дивизия, солдаты которой расстреляли около 300 фольксдойче. Беспорядки действительно имели место, их можно было даже рассматривать в качестве попытки захвата города, но число расстрелянных явно излишне велико и наверняка включает в себя массу невиновных. Нацистская пропаганда

немедленно окрестила событие “кровавым воскресеньем Бромберга”⁵⁵ (немецкое название Быдгоща), и немцы сполна рассчитались за этот прискорбный эпизод. Когда 5 сентября части германской 4-й армии заняли город, они учинили там настоящую резню, уничтожив около пяти тысяч ни в чем не повинных местных жителей.

Несмотря на отставание от первоначально установленных сроков наступления, вермахт быстро продвигался вглубь страны. Не последнюю роль в обеспечении блицкрига сыграл абвер, обеспечивший командование исчерпывающей информацией о характеристике ТВД, вооруженных силах и экономике противника. Полученные разведкой данные позволили уничтожить громадные и тщательно засекреченные стратегические склады боеприпасов в районе Ленчицы, взорвавшиеся лишь после семнадцатой воздушной бомбардировки внешне ничем не примечательной местности. Впоследствии руководитель отдела прессы вермахта полковник фон Ведель заявил: “Мы одержали победу благодаря превосходству нашего оружия и нашей разведки”⁵⁶. Блицкриг потерял первоначально заданный темп, но лишённая французской поддержки Польша не смогла эффективно сопротивляться, и все было кончено практически в течение одного месяца. Варшава оборонялась с 8 по 27 сентября, 29 сентября пал Модлин, а 2 октября была разгромлена оборона полуострова Хель. Оперативная группа “Полесье” отражала германские атаки достаточно успешно, но в период с 2 по 4 октября тоже постепенно прекратила сопротивление из-за нехватки боеприпасов. 5 октября польская армия капитулировала, в чем существенную роль сыграл Советский Союз, разделивший страну с Третьим рейхом в соответствии с ранее заключенным соглашением. 17 сентября 1939 года послу Польши в Москве была вручена нота, основным содержанием которой являлось утверждение о практическом прекращении существования его государства, вынуждающем Красную Армию перейти границу и взять под контроль восточные польские территории для защиты проживающих там этнических украинцев и белорусов. СССР перечеркнул надежды польского правительства на использование этих земель для перегруппировки войск и организации прочной обороны против вермахта, а сил для сопротивления новому агрессору уже не оставалось. Вторжение Красной Армии прошло относительно мирно, боевые действия велись лишь на Воыни, в Полесье, Новогрудском и Виленском воеводствах. Упорно сопротивлявшийся немцам Львов сдался советским войскам без боя и встретил их как освободителей. Таким приемом Красная Армия во многом была обязана многочисленному украинскому и белорусскому населению захваченных районов, долгие годы подвергавшемуся всевозможным притеснениям. Тысячи людей приветствовали советские войска цветами, еще ничего не зная о предстоящей практике управления на вновь присоединенных к СССР территориях. Следует отметить, что начавшиеся вскоре репрессии в основном коснулись польской части населения и активистов ОУН, в отношении же остальных проводилась значительно более мягкая политика. Вторжение РККА обеспечивала разведка, деятельность которой в этой области до настоящего времени практически не рассекречена. Известно лишь, что в этом случае весьма существенную роль сыграла оперативная разведка военных округов и пограничных войск НКВД БССР и УССР.

18 сентября польское правительство изменило свои планы и вместо передислокации в восточные районы страны бежало в Румынию, где было интернировано в Черновицах. По этому же маршруту вместо ранее намеченного Бреста отправились и криптографы Бюро шифров. Первоначально они планировали обосноваться на восточной границе страны, подалее от фронта, и действовать оттуда, однако советское наступление сорвало эти планы. Сотрудники БШ выгрузились из выделенного для них литерного эшелона “Ф” и пересели на автотранспорт. По пути у них заканчивался бензин, и начальник бюро Гвидо Лангер бросал грузовики один за другим, одновременно уничтожая специальное оборудование и документацию. Польская армия продолжала героическое, но безнадежное сопротивление уже без центрального правительства. 28 сентября произошел некоторый передел оккупированных Германией и СССР территорий, за Литву Сталин отдал Гитлеру Люблинское и часть Варшавского воеводств. Он категорически воспротивился первоначальным планам фюрера сохранить небольшое польское государство на оккупированной рейхом территории, и окончательная линия раздела обозначила возникшую теперь советско-германскую границу, через которую менее чем через два года будет совершено нападение на СССР. Польша исчезла с политической карты мира, при этом около 90 тысяч ее военнослужащих сумели уйти в нейтральные государства, 240 тысяч были интернированы Советским Союзом, а 400 тысяч оказались в германских лагерях для военнопленных. Сдача армии не означала капитуляции

страны в целом. Поляки никогда не признавали господства рейха, и Польша оказалась единственным из оккупированных во Второй мировой войне государств, правительство которого ни в какой форме не сотрудничало с захватчиками. Справедливости ради следует, однако, отметить, что, собственно, и сами немцы никогда не предлагали ни одному из поляков ничего подобного, поэтому возможно, что широко известный польский патриотизм просто не подвергался испытанию.

Советская пресса с удовлетворением отметила уничтожение польской самостоятельности. По официальной теории Москвы, именно Варшава являлась виновником развязывания войны в Европе, а Германия всего лишь оборонялась. Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел СССР Молотов 31 октября 1939 года в докладе на заседании Верховного совета СССР заявил: “Правящие круги Польши немало кичились “прочностью” своего государства и “мощью” своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сначала германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. “Традиционная политика” беспринципного лавирования и игры между Германией и СССР оказалась несостоятельной и полностью обанкротилась”⁵⁷. Подобная злорадная оценка явилась следствием не затихавшей целые десятилетия политической, военной и разведывательной конфронтации между СССР и Польшей, действительно регулярно пытавшейся всеми доступными средствами убрать с политической арены своего традиционного соперника. Варшава усматривала в Советском Союзе не только геополитического, но и идеологического врага и еще в декабре 1938 года следовала концепции, кратко сформулированной в докладе начальника II отдела главного штаба Войска польского: “Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент... Главная цель — ослабление и разгром России”⁵⁸. К марту 1939 года штаб разработал план войны против СССР под названием “Восток” и лишь собирался приступить к созданию направленного против Германии аналогичного плана “Запад”. Захватывая польские земли, Советский Союз совершал акт агрессии, но лишь отчасти. В значительной же степени это явилось своего рода расчетом с давним и зачастую удачливым соперником, преследовало цель вернуть ранее отторгнутые собственные территории и в некотором, весьма ограниченном отношении действительно представляло собой освободительный поход по отношению к западным украинцам и белорусам. Безусловно, освободившись от национального угнетения в составе Польши, эти группы очень быстро ощутили тяжесть политического гнета, но это уже представляло собой другую сторону вопроса, не слишком известную внешнему миру.

Германия включила в свой состав западную часть Польши, а также часть ее центральных и северных районов общей площадью 92 тысячи квадратных километров с населением в 10 миллионов человек, в том числе 607 тысяч этнических немцев. На присоединенных землях, получивших статус гау Данциг — Западная Пруссия и гау Позен (позднее Варте-ланд) значительными темпами велась германизация, основным направлением которой являлось расселение репатриантов из Прибалтики и Украины и в меньшей степени — из рейха, проводились чистки ненадежных и подозрительных элементов. Остаток находившихся под немецким контролем бывших польских территорий был преобразован в так называемое генерал-губернаторство, в котором режим для поляков был несколько менее жестким, но органы безопасности работали столь же интенсивно. В итоге боевых действий и последующей многолетней оккупации общее число жертв польского народа достигло 6 миллионов человек, причем первыми уничтожались категории населения, способные организовать сопротивление и повести за собой нацию. Согласно директиве Гитлера, немедленно после окончания боевых действий вермахт передал полномочия по поддержанию порядка полицейским властям и в происходящие там процессы более не вмешивался. Введенные в страну айнзатцкоманды (оперативные команды) СД и гестапо нанесли удар по интеллигенции, дворянству, духовенству и, конечно, евреям. Первоначально немцы собирались истребить немало поляков руками проживавших в стране украинцев и достигли договоренности об этом с проводником ОУН Андреем Мельником. На 12 сентября планировалось инспирировать восстание в восточных районах страны, но из-за продвижения Красной Армии к согласованной демаркационной линии по реке Буг оно было отменено. Многие украинцы намеревались бежать от советского режима и предпочитали ему германский, однако по настоянию Сталина Гитлер отдал приказ, запрещавший им перемещаться через новую границу.

Абвер максимально использовал приобретение нового плацдарма на Востоке, для чего задействовал свои временные фронтовые органы. Немцы начали с проведения обысков и изъятия документации в давно установленных помещениях польских “разведпляцувок” (ячеек). Тем же занимались и команды, специально созданные пограничными отделениями абвера и АСТ-Кенигсберг, АСТ-Штеттин, АСТ-Берлин и АСТ-Бреслау. Для изъятия материалов II отдела главного штаба Войска польского АСТ-Вена направило отряд под командованием майора Хайнца Шмальшлегера, дополнительно усиленный группой из Бреслау, однако захваченные помещения разведки оказались пустыми. Через несколько дней все архивы генерального штаба, в том числе и разведывательные, были обнаружены в расположенном недалеко от Варшавы в форте Легионов. Военные вывезли оттуда шесть грузовиков с картотекой и делами контрразведки и позднее передали их гестапо, которое на базе этих данных арестовало или перевербовало несколько сотен поляков. Отдаленным следствием этого события явился арест и последующая казнь 19 августа 1940 года в Лихтенберге одного из лучших нелегалов польской разведки Виктора Катлевского (“Виктор”), внедренного в отдел морских вооружений штаба кригсмарине.

В октябре 1939 года немцы разместили на новой границе ряд постов разведки и радиоперехвата. В Варшаве было развернуто абверштелле, начальником которого стал майор Хорачек, периферийные абвернебенштелле открылись в Радоме, Цехануве, Люблине, Тересполе, Кракове и Сувалках. В ноябре сеть АНСТ и пограничных разведпунктов несколько расширилась за счет организации дополнительных постов наблюдения в Бяла-Подляске, Влодаве и Тересполе. В первых двух населенных пунктах производилась широкая вербовка агенты из числа членов ОУН с их последующей заброской через советскую границу. В бывшей польской столице Канарис провел с персоналом разведки совещание, в ходе которого были окончательно выработаны некоторые принципы использования фронтовых абверкоманд с целью улучшения их взаимодействия. Начальник абвера окончательно убедился в необходимости и целесообразности их оперативного подчинения в ходе дальнейших боевых действий армейскому командованию в лице офицеров Иц/АО.

В результате германской оккупации советская разведка почти полностью утратила оперативные позиции в Польше, и воссоздать их пришлось с немалым трудом. Лишь действовавший с 1936 года в Кракове под именем Стояна Владова нелегальный резидент РУ болгарин Никола Василев Попов (“Черный”) сохранял связь с Центром до июня 1941 года, получая информацию от сотрудников дипломатических и консульских учреждений Болгарии в Польше Димитра Икономова, Трифона Пухлева, Алексия Икономова и ряда других. Затем разведчик ушел в отряды Сопротивления, в январе 1943 года был арестован и казнен 23 июля следующего года. Получение информации из Польши в сколько-нибудь заметном объеме стало возможным лишь во второй половине 1940 года благодаря усилиям оперативных органов пограничных войск и разведывательных отделов военных округов. Сведений об этом периоде почти не имеется, известно лишь, что вербовочной базой для закордонной агентуры служили члены ОУН, а также разделенные границей родственники оставшихся на советской территории поляков. Внешняя разведка в это время активно пыталась приобрести источники в кругах правительства, созданного 30 сентября 1939 года в Париже, однако это оказалось делом весьма затруднительным. Интернированный в Румынии президент Польши Игнатий Мосцицкий назначил своим преемником пребывавшего во Франции спикера сената Владислава Рачкевича, премьер-министром и главнокомандующим Войском польским стал генерал Владислав Сикорский. Польская армия насчитывала около 84 тысяч человек личного состава и дислоцировалась во Франции и на Ближнем Востоке. После разгрома англо-французских войск в Европе в 1940 году правительство Сикорского перебралось в Лондон. С марта 1940 по июль 1941 года оно официально числило себя в состоянии войны с Советским Союзом, что вполне естественно и вряд ли может вызвать недоумение. На территории Польши стихийно разворачивалось движение Сопротивления, однако агентурных сетей разведки в стране пока не существовало. Зато польские нелегальные резидентуры, часть из которых уже описывалась ранее, действовали во многих странах Европы и Азии. Разведывательный отдел сменил номер и стал теперь VI отделом, в остальном же его функции не изменились. Характерной чертой польских загранточек являлось хорошее оснащение радиоаппаратурой для связи и весьма надежные шифры. Квалифицированная маскировка конспиративной радиосвязи под радиообмен вермахта создавала для функабвера реальные трудности не только

с пеленгацией, но даже и с установлением самого факта работы нелегальных станций. До второй половины 1941 года меры радиоконтерразведки против поляков были неэффективны, криптографы отмечали также сложность идентификации перехваченной радиограммы и отнесения ее к польскому радиообмену. Это удавалось крайне редко и лишь тогда, когда в тексте попадалось какое-либо слово или характерное для этого языка выражение. Шифры поляков оказались довольно стойкими, но в конечном счете были вскрыты. В результате функбвер сумел зафиксировать около 50 линий связи VI отдела в Лондоне, “свободной зоне” Франции, Скандинавии, Стамбуле, Каире, Тегеране, Багдаде и Иерусалиме, а в самой Польше – в Варшаве, Львове, Белостоке, Станиславе, Люблине, Кракове, Замостье, Бяла-Подляске, Ченстохове, Сандомире, Ковеле, Радоме, позднее также в Гродно и Вильнюсе. Дисциплина радиосвязи в польской разведке находилась на весьма высоком уровне, ни один из передатчиков не работал напрямую с коллегами, зачастую находившимися в одном с ним населенном пункте, а поддерживал лишь магистральную связь с лондонским центром.

Польское движение Соппротивление возникло почти сразу же после оккупации страны. На первоначальном этапе оно основывалось на энтузиазме и традиционном патриотизме отдельных граждан и целых групп и не поддерживалось никакими секретными службами. Единение польской нации в борьбе с захватчиками было поразительным, страна почти не знала примеров коллаборационистской деятельности своих граждан, за исключением организованных немцами антиукраинских и антиеврейских акций. Впрочем, не исключено, что не менее существенной причиной такого феномена являлось нежелание немцев привлекать поляков к сотрудничеству в любой форме. Богатая лесами территория генерал-губернаторства весьма благоприятствовала действиям партизанских отрядов. В стране стихийно создавались собственные подпольные организации, на начальном этапе не получавшие извне никакой помощи. Первой структурой такого рода стала стихийно возникшая 27 сентября 1939 года “Служба для победы Польши” (СЗП), командующий которой бригадный генерал Михаил Карашевич-Токаржевский (“Торвид”) немедленно начал искать пути для сотрудничества с бывшими оппозиционными политическими партиями. В результате ему удалось инициировать создание базы для образованного во Франции польского коалиционного правительства. В командовании СЗП был создан Руководящий совет из представителей социалистической, крестьянской и национальной партий. В результате переговоров руководства “Службы для победы Польши” с эмигрантским правительством в декабре 1939 года она была реорганизована в подпольную боевую организацию “Союз вооруженной борьбы” (ЗВЗ). Его задачей являлось создание центров национального Соппротивления и восстановление польской нации путем ведения вооруженной борьбы с оккупантами. Руководящий совет СЗП преобразовывался в Политический консультативный комитет (с 1944 года — Совет национального единства), в который дополнительно вошел представитель от партии труда. Командующим ЗВЗ был назначен полковник Стефан Ровецкий (“Грот”). Бывший командующий СЗП Карашевич-Токаржевский возглавил руководство союза в советской оккупационной зоне, однако при попытке пересечь новую границу между Германией и СССР он был арестован и сослан. Следует отметить, что новая организация была хотя и патриотической, но крайне реакционной, антисемитской и носила выраженные полуфашистские черты. ЗВЗ претендовал на руководство всеми польскими подпольными организациями и подчинялся находившемуся в эмиграции главнокомандующему Войском польским. В рассматриваемый период в стране существовали различные нелегальные структуры, в частности, еще более экстремистский, хотя и не столь известный “Союз Яншурчи” (ЗЯ). Необходимость создания отрядов самообороны на селе привела к организации “Крестьянской стражи” (“Хлостра”), довольно быстро переименованной в “Крестьянские батальоны” (БХ), в 1940 году в основном перешедшие в другие подпольные структуры, а частично продолжившие существование в форме “Крестьянской стражи безопасности”. После падения Франции эмигрантское правительство переместилось в Лондон, одновременно в Варшаве было создано верховное командование ЗВЗ в Польше во главе с произведенным в чин бригадного генерала Ровецким. В первый период своей деятельности подпольные группы удерживались от активных выступлений, полагая своими основными задачами накопление сил и ведение разведки. Объем диверсионной деятельности ЗВЗ был крайне незначителен, однако агентурные сети союза распространились весьма широко. Деятельность ЗВЗ направлялась лондонским эмигрантским правительством и его руководящим органом на польской территории — делегатурой во главе с Кирилом Ратайским. После его отставки в 1942 году пост главного делегата прави-

тельства перешел к Яну Пекалкевичу, в феврале следующего года арестованному гестапо и умершего в тюрьме. Его заменил Станислав Янковский, приложивший немало усилий к созданию подпольной системы гражданской администрации, то есть подпольного государства. Это совершенно уникальное нелегальное образование существовало параллельно с открытой жизнью народа, причем в подполье оказались даже такие самые обычные институты любого нормального общества, как учебные заведения, церковь, просветительские учреждения. 14 февраля 1942 года в результате объединения свыше ста различных организаций была образована Национальная армия (Армия Крайова, АК). Основным ее предшественником являлся ЗВЗ, некоторые исследователи даже полагают, что в данном случае фактически имело место простое переименование этой организации и присоединение мелких групп к ее уже сложившейся структуре.

В отличие от других европейских стран, коммунистические подпольные организации в Польше в рассматриваемый период не существовали, поскольку там отсутствовала сама компартия, распущенная Коминтерном по причине засоренности агентами полиции и контрразведки. Практически все поляки категорически отказывались иметь что-либо общее с советской разведкой, поскольку небезосновательно считали СССР точно таким же агрессором, как и Третий рейх. Более того, подпольные группы ЗВЗ активно собирали информацию о Красной Армии, органах государственного управления и объектах экономики на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии, которые рассматривали исключительно как оккупированные польские земли. Вообще польское подполье отличалось своей резкой антисоветской направленностью, в некоторых регионах дополнявшейся антиукраинской. Таким образом, организации, подобные ЗВЗ, в равной мере считали своими врагами Третий рейх, Советский Союз и ООН, а также некоторые литовские и белорусские националистические группировки. В этой обстановке их единственным союзником оставались англичане, надеяться на которых было, однако, весьма трудно. В период до разгрома англо-французских войск в Европе в 1940 году СОЕ еще не существовал, поэтому в Британии отсутствовали структуры, способные поддержать польское подполье чем-либо более существенным, чем пропагандистские радиопередачи. Зато поляки в мае — июне 1940 года попытались помочь своим неверным союзникам и затруднить германское наступление на Западе многочисленными актами саботажа. Десятки энтузиастов немедленных действий против оккупантов, не обладавшие ни специальной подготовкой, ни элементарными понятиями о конспирации,

Уилфрид Дандердейл

бросились осуществлять диверсии против войск и коммуникаций немцев. Их судьба, как правило, оказывалась трагичной, и ввиду столь тяжелых потерь генерал Сикорский категорически запретил подобную деятельность, не имевшую, к тому же, решающего военного значения и подобную мелким булавочным уколам. Значительная доля вины за отчаянно храбрые, но неподготовленные действия лежит на начальнике штаба британской военной миссии в Польше, сотруднике диверсионной службы МИ(Р) Колине Габбинсе. Он имел хорошие личные связи среди польских коллег, знавших его под псевдонимом “Габский”, и тесно сотрудничал с предвоенным подразделением II отдела “Африка”. Этот возглавлявшийся генерал-майором Рыгором Словиковским (“доктор Сковроньский”) разведорган отвечал за сбор информации по южным районам Советского Союза, офицером связи СИС с ним являлся капитан 2-го ранга Уилфрид Дандердейл.

Даже после создания СОЕ англичане долгое время были лишены возможности оказывать практическую помощь польскому подполью. Исполнительный орган специальных операций не смог организовать в стране собственные агентурные и диверсионные сети, и его польская секция под командованием Гарольда Перкинса в основном занималась лишь координацией деятельности с поляками. Только в 1943 году, после завоевания Северной Италии, значительная часть секции передислоцировалась в расположенный около Бари небольшой городок Монополи. Там руководителю передового подразделения секции Гарри Трефолду удалось принять несколько более деятельное участие в войне, но в основном оно заключалось в организации снабженческих авиационных рейдов. Практически ничего не известно о какой-либо активной самостоятельной деятельности на территории Польши СИС, равно как и ОСС США.

Трудности СОЕ объяснялись вполне объективными причинами. С 1940 по 1943 годы Польшу отделял от Британии сплошной массив оккупированных рейхом территорий с сильной противозвоздушной обороной и развитой сетью постов воздушного наблюдения. Для достижения западных районов страны стартовавший с английского аэродрома бомбардировщик типа “Уиттли” должен был провести в воздухе над вражеской территорией 14 часов, что почти не оставляло ему шансов на благополучное возвращение. При этом самолет не отапливался, и состояние агента, транспортируемого зимней ночью в точку сброса, могло стать критическим и не позволить выполнить прыжок. Полеты на предельную дальность требовали приема 6 — 7 тонн топлива, полезная нагрузка при этом ограничивалась 1 тонной груза и делала снабженческие рейсы практически бессмысленными. Современные машины СОЕ почти не выделялись. Ситуация несколько улучшилась лишь в 1943 году, после захвата союзниками аэродромов в Северной Италии, откуда начали производить регулярные полеты более новые по сравнению с “Уиттли” “Галифаксы”. Но и эти рейсы все равно были трудны и опасны, поскольку ограниченный запас топлива практически не оставлял самолету времени на маневрирование в районе точки доставки. Первый сброс парашютиста произошел 15 февраля 1941 года, всего же на протяжении войны СОЕ организовал 485 воздушных рейсов в Польшу, из них 192 были выполнены на столицу и ее ближайшие окрестности в период Варшавского восстания летом 1944 года. Авиаторы доставили около 600 тонн снабжения и сбросили 318 агентов-парашютистов (в их числе 4 англичан и 1 венгра, остальные были поляками) и 28 курьеров. Потери в ходе воздушных операций оказались весьма велики и составили 73 самолета, из которых 41 был сбит в период Варшавского восстания⁵⁹.

СОЕ спланировал в Польше всего четыре операции, две из которых были отменены:

- “Уайлдхорн” (1943 — 1945) — серия операций по доставке посадочным способом и выводу из страны руководителей польского движения Сопротивления. Во время операции “Уайлдхорн III” в июле 1944 года самолет вывез части упавшей баллистической ракеты V-2;
- “Фрестон” (1944 — 1945) — британская военная миссия при командующем АК генерале Окульском во главе с полковником Д. Т. Хадсоном. Эвакуирована из Польши перед подходом советских войск;
- “Фернхам” (1944 — 1945) — миссия поддержки группы “Фрестон” при командовании АК. Ввиду непредвиденного развития событий в Польше отменена;
- “Флэмстид” (1944 — 1945) — вторая миссия поддержки группы “Фрестон”. Дополнительная задача — установление связи с действовавшими на территории рейха польскими подпольными организациями. Ввиду непредвиденного развития событий в Польше отменена.

СОЕ мало чем мог помочь подпольной борьбе на территории Польши, зато наладил прочные связи с польскими группами в других странах и даже образовал для этого особую секцию “EU/P”. Взаимоотношения поляков с британскими спецслужбами носили особый характер, поскольку все их агенты подчинялись не СОЕ, а разведке эмигрантского правительства (VI отделу главного штаба). После создания Армии Крайовой они на месте принимали присягу по ее форме и становились бойцами этой организации. Поляки располагали собственными, неподконтрольными англичанам линиями связи и шифрами, псевдонимы агентов не раскрывались СОЕ. Их собственные шифры являлись настолько стойкими, что VI отделу разрешалось использовать их в оперативной переписке даже в период, непосредственно предшествующий высадке экспедиционных войск союзников в Европе, что не имело аналогов в отношении других стран.

В период подготовки нападения на Советский Союз генерал-губернаторство оказалось важнейшим разведывательным плацдармом Германии и в этом отношении превзошло по значению Румынию и Финляндию. На территории даже дружественных стран немцам требовалось согласовывать свои операции с их правительствами, в Польше же никакого иностранного правительства не существовало, и это позволяло абверу и СД действовать по собственному усмотрению. В марте 1941 года в Сулеювке по приказу Канариса были образованы фронтовые разведывательные органы, ориентированные исключительно на предстоящее вторжение в Советский Союз. Вначале абвер создал независимые друг от друга штабы “Валли I”, “Валли II” и “Валли III”, соответственно представлявшие его основные оперативные отделы и отвечавшие за разведку, диверсионные операции и контрразведку.

Упомянувшийся Хайнц Шмальшлегер из АСТ-Вена к этому времени стал уже подполковником и возглавил “Валли III”, задачами которого являлись обобщение и распространение опыта контрразведывательных абверкоманд, подготовка их командиров и пополнение личным составом. В составе штаба имелись командная и аналитическая группы, секции I (обработка захваченных материалов в интересах разведки) и III/F (вражеская агентура), секция регламентации повседневной жизни войсковых подразделений абвера и обучения личного состава, военно-топографическая группа, радиогруппа и транспортная служба. Не менее сложную структуру имели и два остальных штаба. Некоторые функции (радиосвязь, транспорт, обучение, обработка информации) в них выполнялись параллельно, поэтому некоторое время спустя их свели в единый разведывательный орган “Валли”, руководимый уроженцем Одессы майором, затем подполковником Германом Бауном⁶⁰. Его штаб-квартира разместилась на бывшей вилле Пилсудского. Абвер занялся формированием в Кракове “Штеглицкого полка особого назначения” численностью в 2 тысячи человек, а в Варшаве — “Украинского легиона” для последующих диверсионных операциях против СССР. Широко вербовалась агентура из числа членов ОУН. Ее легализация на вновь присоединенных территориях СССР проходила с меньшими издержками, поскольку на протяжении длительного времени там не был налажен учет населения. По этой причине советская сторона значительно ужесточила пограничный режим, и большинство агентурных групп довольно быстро ликвидировались погранвойсками УССР и БССР. Через некоторое время из опасения возникновения дипломатических осложнений с Москвой абвер вынужден был заметно сократить масштабы таких забросок, выжидая момента, когда перед началом боевых действий дипломатия не будет интересоваться уже никого.

День 22 июня 1941 года внес значительные изменения в оперативную обстановку в Польше. Советский Союз, ранее считавшийся врагом того же уровня, что и Германия, внезапно оказался в состоянии войны с рейхом, что вынудило лондонское правительство несколько пересмотреть свою позицию в отношении СССР и 30 июля заключить с ним союзный договор. Под Москвой открылся официальный радиоцентр польской разведки (“Висла”), наладивший регулярный радиообмен с разведцентром АК на оккупированной вермахтом территории (“Ада”). В СССР начали формироваться польские части, по имени командовавшего ими генерала известные как “Армия Андерса”. К 1942 году Советский Союз вооружил, обмундировал и оснастил 113 тысяч ее солдат и офицеров, однако расчеты Москвы на использование польских войск на фронте не оправдались. Андерс получил из Лондона приказ о выводе их на Ближний Восток, туда же за ними последовали и 31 тысяча членов семей солдат и офицеров его армии. Это вызвало весьма резкую реакцию Советского Союза в отношении лондонского правительства и опять ухудшило только начинавшие устанавливаться отношения, в том числе в области разведывательного сотрудничества. В Москве окончательно убедились, что польские проблемы следует решать не столько дипломатическими методами, сколько с помощью постепенно воссоздававшейся коммунистической партии. Возможность такого развития событий учитывалась, поэтому еще в декабре 1941 года группа сотрудников Коминтерна десантировалась в Польше и заблаговременно приступила к формированию новой, видоизмененной и ориентирующейся на СССР политической организации. Эта работа завершилась провозглашением 5 января 1942 года Польской рабочей партии (ППР), демонстративно выразившей полную готовность признать эмигрантское правительство и на равных взаимодействовать с подчинявшимися ему вооруженными формированиями на территории страны в деле борьбы с германскими оккупантами. Ввиду сложности момента, до осени 1943 года в программу ППР не включались требования революционных преобразований в обществе. Первый партизанский отряд военной организации партии был сформирован в мае 1942 года. Эти формирования первоначально именовались Народной гвардией (Гвардия Людова, ГЛ), а с начала 1944 года — Народной армией (Армия Людова, АЛ), их максимальная численность, достигала 60 тысяч бойцов и командиров, распределенных по 6 округам, 16 партизанским бригадам и 20 отдельным батальонам.

Несколько ранее советская разведка развернула на польской территории агентурную сеть из молодых польских офицеров под руководством главного резидента капитана М. Арцишевского (“Михал”), имевшего также собственные прочные агентурные позиции в Гдыне. Он еще с довоенных времен дружил с несколькими жителями этого города, в период оккупации работавшими на базе кригсмарине, и получал от них довольно подробную

М. Арцишевский

информацию о происходившем там. Сеть Арцишевского добыла немало важных сведений, в том числе о подготовке германского наступления на юго-восточном (с германской точки зрения) участке фронта. Часть информации разведчики получали благодаря своим контактам с ЗВЗ и АК. Однако немецкая радиоконтрразведка оказалась искусным противником, и 27 июля 1942 года после засечки пеленгов на польский передатчик в Йозефове под Варшавой гестапо захватило радиста этой сети. Постепенно вся она подверглась разгрому, в ходе которого контрразведчики сумели захватить 538 документов и шифр, а 11 мая 1943 года был расстрелян и резидент “Михал”. Разгром организации совпал по времени с прекращением деятельности официального радиоцентра польской разведки “Висла”. Нехватка информации побудила советскую сторону обратиться к ППР и ГЛ с просьбой организовать собственную разведывательную службу, и в октябре 1942

года это было выполнено. II (информационный) отдел ГЛ возглавил Зигмунт Моложец (“Антон”), его ненадолго сменил Богуслав Бучинский (“Стефан”), в январе 1943 года передавший свой пост Мариану Спихальскому (“Марек”). Оперативный аппарат Народной армии довольно быстро разросся, в областях и округах появились информационные службы, а в штабах частей и партизанских отрядов — офицеры информации. К концу года центральный аппарат II отдела насчитывал 20 офицеров и 56 “полевых” разведчиков и состоял из нескольких подразделений:

- отделение войсковой разведки (начальник Чеслав Стржелецкий, затем Ежи Фонкевич);
- хозяйственное отделение (начальник Альфред Ярошевич);
- политическое отделение (начальник Хенрик Бучинский);
- отделение общей охраны (начальник Владимир Лехович).

Помимо разведки, к оперативным органам ГЛ относился возглавляемый тем же Леховичем VI (контрразведывательный) отдел, ставший впоследствии VI отделом штаба АЛ. Его центральный аппарат имел следующую структуру:

- отделение безопасности;
- отделение контрразведки;
- отделение настроений;
- отделение особых отделов АЛ при главном штабе.

Все оперативные органы ГЛ/АЛ не только обслуживали ее собственные нужды, но и выполняли задания, поставленные советской разведкой. Для координации совместных действий на оккупированной территории в районе Катовицы — Краков — Жешув — Перемышль — Львов была организована точка РУ ГШКА, главным резидентом которой являлся инженер Гарольд Риттман, владелец краковской фирмы “Банштелле Шлезия”. При этом в Кракове действовала отдельная подчиненная ему резидентура во главе с украинцем Леонидом Денег-Леводеном, имевшим документы прикрытия на имя Павла Кобеляки. В Варшаве работал агент Станислав Кирилук (“Романовский”) с агентом-радистом Марией Жмирко, после ареста которой 20 апреля 1944 года связь точки с Центром прервалась. Там же находилась и другая пара: агент Адольф Матисевич и агент-радист Янина Закревская (“Ядвига”). Все перечисленные разведчики были также непосредственно связаны и с АЛ, а некоторые из них даже не знали, что работают не на Польшу, а на СССР. В мае 1944 года варшавские группы и резидентуры постигла крупная неудача. После провала точки на улице Хмельной, 132 германская контрразведка сумела разгромить сети АЛ и РУ в городе, арестовать 17 человек и захватить передатчик. СД попыталась организовать через него радиоигру с противником, но потерпела неудачу.

Разведка ГЛ/АЛ располагала существенно меньшими ресурсами, чем оперативные органы АК, и по сравнению с ними работала намного менее эффективно. Тем не менее, в лучшие периоды она поддерживала до четырех линий магистральной радиосвязи с РУ: две в Варшаве и по одной в Кракове и Козеницах около Деблина. В 1943 году II отдел штаба АЛ руководил восемью разведывательно-информационными пунктами на железных дорогах Варшава — Брест, Варшава — Белосток и Варшава — Люблин. В начале 1944 года ее центральный аппарат насчитывал 55 человек, а через шесть месяцев — 64, в том числе 18 офицеров⁶¹.

5 мая 1944 года по решению Центрального бюро польских коммунистов был организован Польский партизанский штаб (ПСП), руководителем которого стал Александр Завадский. Штаб состоял из 13 отделов, в числе которых были информационный, шифровальный и секретный. Ему подчинялся Польский отдельный особый батальон (ПСБС) в составе двух рот разведчиков-диверсантов. В течение мая — сентября 1944 года ПСП сформировал и направил на боевые задания 12 диверсионно-разведывательных групп и отрядов общей численностью 296 человек, в том числе 243 бойца ПСБС⁶². Все они, наряду с оперативными органами АЛ, собирали информацию как о немцах, так и об АК и других подпольных организациях, признававших власть лондонского правительства. Вообще же с лета и осени 1943 года задача борьба против АК стала для АЛ приоритетной, а ее специальные службы приступили к развертыванию разведывательных и контрразведывательных агентурных сетей для разработки и последующего уничтожения оперативного аппарата Национальной армии. В этом вопросе они взаимодействовали с советскими партизанами и разведгруппами оперативной разведки РУ ГШ КА, 4-го управления НКГБ СССР и 4-х управлений НКГБ Белоруссии, Украины и Литвы. Это же направление курировала аккредитованная при II отделе штаба АЛ объединенная миссия НКВД/НКГБ, негласно руководившая также четырьмя агентурными группами по надзору за политикой ППР и АЛ. Считается, что наибольшим успехом АЛ в вооруженной борьбе с АК стало уничтожение 18 мая 1944 года около Ольховки партизанского отряда Народной армии под командованием Чеслава Заячковского (“Рагнер”), выслеженного и перехваченного на основании агентурной информации. Следует отметить, что подразделения АК вели себя по отношению к АЛ совершенно аналогичным образом.

Национальная армия (АК) была значительно многочисленнее прокоммунистической Народной армии (АЛ) и насчитывала сотни тысяч членов списочного состава. Это вполне объяснимо, поскольку симпатии к СССР и коммунизму никогда не были сильны в польском обществе, и желавшие принять участие в подпольной борьбе редко выбирали для себя этот путь. Штаб и главное командование АК во главе с генералом Стефаном Ровецким (“Грот”) находились в Варшаве, а их вклад в разведку ограничивался только тактическими разведывательными операциями. Стратегическая разведка входила в компетенцию располагавшегося в Лондоне VI отдела главного штаба армии, включавшего в себя также подразделения, обеспечивавшие обучение и организацию перебросок агентуры. В составе штаба АК имелся ряд отделов и служб, отвечающих за проведение диверсионных операций, сбор первичной и тактической информации и обеспечение разведывательных операций VI отдела. К их числу относились бюро информации и пропаганды, бюро разведки, бюро финансов и контроля, департамент национальной обороны, часть ВК (шифровальная и курьерская служба), управление диверсий (“Кедыв”) и некоторые другие подразделения. В 1944 году личный состав АК насчитывал 380175 членов, в том числе 10756 офицеров, 7506 юнкеров (подхорунжих) и 87886 унтер-офицеров, объединенных в 6287 взводов полного состава по 50 человек и 2633 взвода неполного состава по 25 человек⁶³. Рассмотрение повседневной боевой деятельности АК не входит в задачу данной книги, поскольку она относится к партизанским операциям и не имеет прямой связи с деятельностью разведки. Следует отметить лишь некоторые ее наиболее резонансные акции: подрыв железнодорожного полотна вокруг Варшавы 7 августа 1942 года, захват у немцев в Варшаве 105 миллионов золотых (операция “Гураль”), сбор и передача англичанам в феврале 1944 года информации об испытаниях ракетного оружия в районе Близны и удавшееся покушение на бригадефюрера СС и генерал-майора полиции Ф. Кучеру 1 февраля 1944 года. Последняя акция была осуществлена группой АК “Парасоль” с участием подготовленных в Великобритании диверсантов из Отдельной гренадерской роты (СКГ). Это подразделение было сформировано в Шотландии в начале 1943 года и состояло из 4 взводов, разделенных на “французскую” (К) и немецкую (С) группы. Упомянутый “Кедыв” был создан в соответствии с приказом главного коменданта АК от 22 января 1943 года, хотя в действительности начал свою деятельность в декабре 1942 года. Первым начальником управления являлся полковник Е. Фельдорф (“Нил”), в марте 1944 года его сменил подполковник Е. Мазуркевич (“Радослав”). “Кедыв” непосредственно подчинялся главному коменданту и руководил окружными командами и диверсионными группами, первоначально организованными по принципу гарнизонных отделов, а позднее — партизанских отрядов. Управление имело собственную разведку, контрразведку и службу безопасности. Весной 1944 года в подчинение “Кедыва” был передан батальон “Метла”, предназначенный для уничтожения предателей и коллаборационистов.

С 1939 по 1942 годы разведку ЗВЗ и АК возглавлял майор Вацлав Берка (“Вацлав”, “Бродович”), с 1942 по 1943 годы — подполковник Мариан Дробик (“Дзецол”, “Витольд”), с 1943 по 1944 годы — полковник Казимир Иранек-Осмецкий (“Макарий”, “Хеллер”), а после него вплоть до роспуска АК — Богдан Зелинский (“Титус”). Центральный аппарат Бюро разведки Национальной армии имел довольно сложную структуру, включавшую:

- секретариат;
- отделение пропаганды;
- отделение военного анализа;
- отделение промышленного разведывательного анализа;
- отделение внутренней связи;
- отделение финансов и социального обеспечения;
- разведывательное отделение (кодовое обозначение “Страган”):
 - секцию “Север” — разведка в Померании и Восточной Пруссии;
 - секцию “Запад” — разведка на территории рейха;
 - секцию “Юг” — разведка на территориях между Варшавой и Веной;
 - секцию “Восток” — разведка к востоку от Варшавы.
- отделение легализации и технологии;
- контрразведывательное отделение;
- секцию 666 (связь с Испанией через Берлин и Париж).

Такая структура сохранялась недолго. В 1942 году германская контрразведка разгромила “Страган”, после чего разведывательное отделение Бюро разведки стало разделяться на три подразделения:

- секция генерал-губернаторства (кодовые обозначения “52-кк” и “Аркадиуш”);
- секция “Восток” (кодовые обозначения “ВВ-72” и “Пралня”);
- секция “Запад” (кодовое обозначение “Ломбард”).

В лондонском главном штабе существовало Особое бюро для связи с АК, в том числе с ее разведкой. Эта структура приняла на себя функцию осуществления связи с британскими спецслужбами, по ее каналам в течение войны было передано свыше 25 тысяч отчетов и материалов⁶⁴. Собираемая информация в основном касалась состава сил вермахта на Восточном фронте, воинских перевозок, перемещения кораблей кригсмарине на Балтике, военного производства и морального духа германских войск и населения. Существенным вкладом разведки АК явилось добывание сведений о ракетах V-1 и V-2. В первом случае это были сообщения от поляков, работавших на испытательном полигоне в Пенемюнде, во втором — материалы, включавшие инструкции, описания и некоторые части ракеты.

Необходимо иметь в виду, что, по взглядам лондонского правительства, далеко не совпадавшим с мировоззрением рядовых бойцов АК, от армии требовалось “стоять с винтовкой у ноги”, то есть собирать и накапливать силы для всеобщего вооруженного восстания в момент начала освобождения страны войсками стран антигитлеровской коалиции. Переход АК к партизанским операциям и диверсиям в конце 1942 года оказался во многом вынужденным и явился реакцией на выселение польского населения с Замойщины. До этого она находилась как бы в резерве и являлась вооруженной силой существовавшего в Польше подпольного государства. Официальная доктрина действий Национальной армии в 1942 году формулировалась как “малый саботаж”, а в следующем году — как “ограниченная борьба”. В 1943 — 1944 годах был введен в действие план “Бужа” (“Буря”), состоявший в нападении на тылы отступавшего вермахта и освобождении польских территорий собственными силами, до подхода частей Красной Армии. Это авантюристическое решение преследовало политические цели без учета реального соотношения сил, а его крайним выражением стало рассматривающееся далее трагическое Варшавское восстание. Важной задачей АК являлось противостояние украинским националистическим формированиям, в заметном количестве действовавшим в ряде районов генерал-губернаторства. Боевики ОУН уничтожали на Волыни целые польские села, и АК вынуждена была отвлекать для защиты населения немалые силы. Для этих и некоторых иных целей в 1943 году в ее составе был создан Корпус государственной безопасности, выполнявший также репрессивные функции в отношении собственных бойцов. Контрразведчиков АК часто настораживали излишне близкие отношения боевых подразделений с партизанскими отрядами белорусов, сражавшимися на бывших польских, а затем советских территориях, но на начальном этапе борьбы против общего врага с этим приходилось мириться. Многие в лондонском правительстве понимали, что

раздел Польши 1939 года является свершившимся фактом, и что в случае победы СССР она потеряет лишь часть своей территории, зато победа рейха будет означать полное исчезновение польского государства с политической карты мира. Однако взаимодействие с советской стороной совершенно не приветствовалось командованием АК, влияние которого зачастую перевешивало авторитет лондонцев. Ненадолго наладившиеся контакты с СССР вновь разрушились из-за обнаруженного немцами в апреле 1943 года массового захоронения в Катыни 4 тысяч польских офицеров и предания гласности факта их расстрела НКВД. Польское правительство потребовало провести тщательное расследование преступления и наказать виновных, но, естественно, добилось только встречных обвинений в сговоре с немцами. Тогда 17 апреля оно опубликовало коммюнике, из которого было ясно намерение обратиться в Международный Красный Крест. В ответ на это в ночь с 25 на 26 апреля Молотов вручил послу Тадеушу Ромеру ноту о разрыве дипломатических отношений.

К этому времени и эмигрантское правительство Польши, и командование Национальной армии понесли тяжелые потери в руководстве. В июне немцы арестовали в Варшаве генерала Ровецкого, а вскоре в Гибралтаре разбился самолет с так и не дожившим до начала активных операций на родной земле Сикорским. Премьер интенсивно готовился к освобождению своей страны и даже прошел курс парашютно-десантной подготовки, мечтая быть в первых рядах ее освободителей, однако приобретенные навыки не успели ему пригодиться. Некоторые исследователи подозревают, что гибель премьера организовала советская разведка, но убедительных доказательств такого утверждения никто из них не представил. Новым главой лондонского правительства стал Станислав Миколайчик, АК возглавил кавалерийский генерал Тадеуш Коморовский (“Бур”).

Германские органы безопасности активно работали по ликвидации агентурных сетей, подпольных организаций и партизанских отрядов на территории генерал-губернаторства и присоединенных к рейху районов Польши. Ввиду широкой оснащенности их радиоаппаратурой немцы активно использовали возможности радиоконтрразведки, которой поляки противопоставили в Варшаве довольно эффективную систему предупреждения о появлении в каком-либо из районов пеленгаторных фургонов. Судя по всему, радиовахту несли несколько прослушивавших друг друга операторов, поскольку при внезапном прекращении сеанса связи одним из них другой передатчик немедленно продолжал отправку прерванной радиограммы с того же места. Первый рейд контрразведки состоялся в сентябре 1942 года и принес весьма скромные результаты, однако уже в декабре были захвачены сразу несколько агентов-радистов и арестован руководитель радиотехнической секции командования АК. Тем не менее, деятельность остальных продолжалась, и временами в бывшей столице Польши одновременно работало до 15 нелегальных станций, постоянно менявших дислокацию и вообще уделявших значительное внимание вопросам безопасности связи. Ни один из радистов АК или разведки никогда сам не шифровал сообщения и не имел доступа к шифрам. Во многих случаях поляки использовали одностороннюю связь, то есть только принимали инструкции из Лондона и ничего не передавали, таким образом полностью исключая риск обнаружения пеленгаторами.

Стойкость любых шифров, естественно, не может являться абсолютной, и из польского радиообмена немцы черпали много сведений, хотя нередко это происходило со значительной задержкой из-за трудностей с прочтением радиограмм. Иногда криптоаналитики наткнулись на весьма ценную информацию, например в 1943 году, когда за 3 месяца до начала германского наступления в районе Орла выяснилось, что сведения о планах верховного командования вермахта (ОКВ) стали известны противнику. Абвер и гестапо немедленно начали расследование в поисках источника утечки информации, однако смогли выяснить лишь то, что он находился в ближайшем окружении Гитлера и имел доступ к информации о вскрытии немцами ряда иностранных дипломатических и военных шифров. Личность этого человека так и осталась неизвестной.

Радиоконтрразведка (функабвер) засекала множество нелегальных передатчиков, относившихся к сетям разведки VI отдела польского главного штаба в различных странах. В июне 1943 года она отслеживала 5 станций лондонского центра, поддерживавших связь с Францией (6 линий), Швейцарией (3 линии), Польшей (15 линий), Венгрией (2 линии), Турцией (2 линии), а также с Румынией, Ираком, Италией, Египтом, Ираном, Палестиной и Алжиром (по 1 линии). Часть из них были установлены и ликвидированы. Например,

в 1943 году провалились двое поляков из аппарата военного атташе Японии в Бухаресте, использовавшие его передатчик и имевшие две собственные резервные станции. С согласия ВАТ местная контрразведка обыскала помещения его бюро и обнаружила одну из раций внутри большого радиоприемника. Руководителем арестованных разведчиков оказался подчинявшийся стамбульской резидентуре VI отдела майор Землянский. Для связи “втемную” использовались румынские дипломатические курьеры, курсировавшие между Бухарестом и Стамбулом, где размещалось генеральное консульство Румынии.

В Москве хорошо понимали, что многолетняя вражда с поляками должна быть прекращена, однако было ясно и то, что существующее лондонское правительство никогда не будет ориентироваться на Советский Союз, и что в случае его прихода к власти СССР вновь будет граничить с фактически враждебным государством. Британцы и в самом деле готовились создать на территории Польши свой плацдарм для послевоенных операций против Советского Союза. В октябре 1944 года начальник польской секции СОЕ Гарольд Перкинс в меморандуме на имя исполнительного директора СОЕ отмечал: “Главная угроза миру во всем мире сейчас заключается в становящемся очевидным расхождении между целями русских и политикой западных союзников... Немногие из англичан обладают знанием из первых рук России, русского мышления и русских методов. С другой стороны, среди поляков насчитывается несколько тысяч лиц с подобной квалификацией, одновременно резко враждебных к России, но дружественных к нам. В случае войны с Россией они будут иметь для нас неоценимое значение. Они представляют собой актив, который нельзя легко сбрасывать со счетов”⁶⁵. Дело не ограничивалось теоретическими заключениями, поляков постоянно побуждали организовать именно против СССР, пусть даже в ущерб антигерманским действиям. Советская разведка неоднократно предупреждала об активной подготовке командования АК к вступлению Красной Армии на бывшую польскую территорию и постепенном снижении интенсивности ее диверсионных операций против железных дорог на западе страны, перенесенных на восток для снижения темпов наступления СССР. Первым эту тенденцию зафиксировал функабвер, отметивший участвовавшие указания лондонского центра о сокращении числа нападений на подразделения вермахта и усилении подготовки к сопротивлению Красной Армии. В Москве это тоже не осталось незамеченным. Из перехваченного радиоразведкой в 1943 году совершенно секретного приказа главного командования АК стало известно, что оно рассматривает советское наступление как новую оккупацию Польши. В приказе ставились долговременные задачи проникновения в органы образуемого для управления освобожденными районами Временного правительства, завоевания влияния, сохранения в подполье штабов, документации, радиоаппаратуры и складов оружия, теоретически подлежащих сдаче с установлением мирной жизни. В Москве были сделаны соответствующие выводы, после которых на территории СССР начала создаваться польская дивизия, переформированная затем в корпус, а позднее в армию. В Лондоне тоже понимали, что открытая конфронтация не приведет ни к чему хорошему, и согласились на создание объединенного органа власти – Национального народного совета (КРН) с участием левых группировок и АЛ. Этим завершился раскол в движении Сопротивления, однако примирение являлось лишь кажущимся. 21 июля 1944 года в Москве был образован Польский комитет национального освобождения (ПКВН), фактически будущее правительство левых сил, а еще ранее КРН издала декрет об объединении сформированной в СССР польской армии и частей АЛ в единое Войско Польское. При этом все сражавшиеся на Западе и Ближнем Востоке польские части не были включены в его состав и таким образом фактически признавались несуществующими, несмотря на многочисленные героические страницы их боевой деятельности.

Советская разведка не располагала надежными оперативными позициями на территории Польши, поэтому ведение там стратегической агентурной разведки являлось весьма проблематичной задачей. Вместо этого в середине 1944 года, когда Красная Армия вплотную подошла к Польше и Восточной Пруссии, было принято решение организовать на этих территориях ведение оперативной разведки силами разведывательных органов фронтов и Разведывательного управления (РУ) генштаба, отвечавшего за агентурную работу и диверсионную деятельность на оккупированных территориях СССР. Для координации операций в мае был создан Оперативный центр РУ во главе с подполковником В. Пелихом, позднее

дислоцировавшийся в районе Люблина. По мере освобождения западных районов Советского Союза возник новый элемент оперативной обстановки. Действовавшие ранее в тылах противника партизанские отряды общей численностью свыше 1,5 тысяч человек начали выходить в расположение своих войск. Разведывательные отделы получили задачу отбирать из их состава владеющих немецким и польским языками бойцов и укомплектовать ими опер-группы для заброски за линию фронта. Руководил процессом сотрудник РУ полковник В. А. Никольский. План едва не сорвали действия отрядов НКВД, начавших разоружать партизан уже в ближайшем тылу. Совершенно правильное по сути, это решение вызвало весьма резкую реакцию партизан, далеко не всегда осознававших, что контрразведка просто обязана произвести их фильтрацию с целью исключения проникновения вражеской агентуры, и что в тылу действующей армии не должны находиться никакие не входящие в ее состав вооруженные подразделения. В таких условиях отбор кандидатов на новую заброску за линию фронта мог стать весьма затруднительным, поэтому Никольский при поддержке начальника РУ генерал-лейтенанта Ф. Ф. Кузнецова добился для партизан разрешения сохранять оружие до прибытия в военкоматы на переформирование. К 28 июля 1944 года он отобрал 120 человек, сформировал из них 10 разведгрупп и после 1 августа с базы в Бресте направил их в тыл вермахта для ведения оперативной разведки и создания запасной агентурной сети в случае возможного отступления советских войск.

Операция имела фатальные последствия для ее участников. Заброшенные в Польшу и Восточную Пруссию разведчики не имели ни опорных пунктов, ни связи с партизанскими отрядами, и отсутствие обеспечения превратило их из охотников в дичь. Население в основном было настроено резко враждебно по отношению к ним, любая случайная встреча с местными жителями влекла за собой немедленное преследование группы и, как правило, ее уничтожение. Из 120 разведчиков вернулись менее десятка, остальные погибли или пропали без вести в лесах и болотах. Некоторые, судя по всему, были уничтожены не немцами, а отрядами АК или ОУН, в значительном количестве рейдировавшими по этим территориям. Следует отметить, что в феврале 1944 года в глубокой тайне прошли переговоры представителей абвера, СД и АК о возможных совместных действиях против коммунистического подполья и наступавших советских войск. В дальнейшем советская разведка несколько изменила тактику и установила более тесное сотрудничество с АК. Если в первой половине 1944 года РУ смогло направить в тылы вермахта около 45 диверсионно-разведывательных групп, 10 из которых постигла описанная ранее участь, то во второй половине года, после принятия решения о более полном использовании возможностей Армией Людовой, таких групп было уже не менее 66. Существенно снизились их потери, к тому же по единому с советской стороной плану действовали и 30 польских групп Народной армии.

Лондонское правительство и командование АК осознавали, что из их рук ускользает инициатива, и теряется контроль над развитием событий. Необходимо было срочно выправлять положение. Следует отметить, что во многих случаях части АК успешно сотрудничали с советским армейским командованием, однако после ухода фронта на запад в тылу неизбежно появлялись представители НКВД, ставившие польских офицеров перед сложным выбором. СССР стремился к устранению АК как боевой силы эмигрантского правительства и установлению на освобожденных территориях просоветского режима, поэтому полякам предлагалось либо вступать в сражавшиеся вместе с Красной Армией войска генерала Зигмунта Берлинга, либо подвергнуться аресту и отправке в лагерь. Армии Крайовой требовалось немедленно доказать свою значимость и вклад в победу конкретными делами, поскольку пропагандистских заявлений и дипломатических инициатив лондонского правительства было явно недостаточно. Его основной стратегической доктриной являлась установка на освобождение страны от оккупантов собственными силами. Поляки должны были определить удачный момент для начала всеобщего восстания и разгромить немцев, после чего встретить армии антигитлеровской коалиции на собственных границах 1939 года. Эта концепция привела к принятию в июле 1944 года одного из наиболее трагических решений в истории польского Сопrotивления. Командующий Армией Крайовой генерал Коморовский ("Бур") решил использовать продвижение Красной Армии к Варшаве и отвлечение значительных сил вермахта на фронт для организации восстания и освобождения столицы собственными силами. Следует отметить, что официально проинформированные 27 июля о планах АК англичане предупредили ее руководство о невозможности оказать какую-либо существенную практическую помощь, но в азарте подготовки это не было принято во внимание. Красная

Армия уже заняла отдаленное от Варшавы Вислой ее предместье Прагу, и “Бур” полагал, что все вопросы относительно помощи каким-либо образом уладятся само собой. Восстание началось 1 августа 1944 года, ранее запланированного срока. Широко распространенный среди поляков антисемитизм не позволил им установить должную координацию с еврейскими подпольными организациями, в результате чего две группировки восставших сражались с немцами независимо друг от друга и почти что сами по себе.

Выступление было обречено с самого начала, прежде всего, из-за того, что немцы заблаговременно узнали о нем из радиоперехватов подпольных передатчиков АК. Функабвер в Польше зачастую не арестовывал установленных агентов-радиостов, шифры которых подавались прочтению, а извлекал из их сообщений информацию о действиях и намерениях противника. Так произошло и летом 1944 года, когда германские войска, полиция и органы безопасности ожидали восстания в полной готовности. 25 июля радиоконтрразведка перехватила сигнал об объявлении “состояния бдительности”, означавший, что выступление произойдет в пределах 14 дней с момента его передачи. Однако 30 июля в эфире было зафиксировано извещение о его отмене из-за продвижения Красной Армии, фактически являвшееся замаскированным объявлением “состояния готовности”, то есть 48-часовым предупреждением о начале действий. Немцы не сумели раскрыть его значение, и точный момент начала Варшавского восстания все же ускользнул от их контроля. В выступлении приняли участие бойцы АК, а АЛ оказалась поставленной перед фактом и вынуждена была выступить практически без предварительной подготовки. Тем не менее, в дальнейшем взаимодействие обеих организаций было хорошим почти до самого конца 63-дневных боевых действий.

Снабженческие рейды британской и американской авиации почти не приносили результатов, в первую очередь потому, что немцы заблаговременно узнавали о них из перехваченных и дешифрованных радиogramм, которыми обменивались Лондон и восставшая Варшава. Летчики люфтваффе и зенитчики сбивали самолеты союзников не только над городом, но и по всему их маршруту, ввиду чего потери оказались неприемлемо велики. Из 16 самолетов польской эскадрильи погибли 15, не в последнюю очередь из-за того, что стремившиеся хоть чем-нибудь помочь сражающимся на земле соотечественникам пилоты пытались выполнить точные сбросы контейнеров с малых высот, в пределах досягаемости огня стрелкового оружия. Значительную сложность для транспортной авиации представляло и возвращение по опасному 1500-километровому маршруту, поскольку СССР запретил британской авиации посадку на свои аэродромы для осуществления специальных воздушных операций. Исключение было сделано лишь для 110 американских бомбардировщиков, совершавших челночные рейсы и приземлявшихся в районе Полтавы, однако их экипажи в основном практиковали неточное высотное сбрасывание, и большая часть их грузов попала в руки немцев. Относительно рейсов советской авиации существует несколько версий. Западные историки зачастую утверждают, что их практически не было вообще, советские же вначале сообщали о 5 тысячах самолето-вылетов, а затем уменьшили это количество до 2243. По некоторым данным, в период восстания, то есть с 1 августа по 2 октября, они доставили 156 минометов, 505 противотанковых ружей, 2667 автоматов и винтовок, 41780 гранат, 51840 мин, 3 миллиона патронов, 113 тонн продовольствия и 515 килограммов медикаментов⁶⁶.

Однако и плохое снабжение являлось далеко не главной причиной поражения восставших, практически полного разрушения города и гибели приблизительно 22 тысяч бойцов и 200 тысяч мирных граждан в героическом, но бесплодном восстании. Выступление было начато в расчете на отвлечение сил германской армии на сопротивление наступавшим советским войскам, что позволило бы захватить столицу с минимальными потерями. Замысел командования АК и лондонского правительства провалился. Долгие годы советские историки категорически отрицали факт сознательной приостановки наступления на правом берегу Вислы частей левого крыла 1-го Белорусского фронта, якобы натолкнувшихся на непреодолимое сопротивление вермахта, но в настоящее время преднамеренность этого все реже подвергается сомнению. Варшавское восстание было беспощадно подавлено германскими войсками и силами безопасности, причем в самом его конце командующий АК генерал Коморовский достиг договоренности с немецким командованием о прекращении сопротивления при условии, что его людей будут рассматривать как участников боевых действий, а не как бандитов. На бойцов АЛ эта договоренность не распространялась. После подписания акта о капитуляции АК немцы с почетом заключили ее командующего в крепость Кольдиц, он пережил войну и умер в эмиграции в 1966 году. Новым командующим стал генерал Леопольд Окулицкий (“Недзвядек”, “Ян Мровка”).

С приближением полного освобождения польской территории прежняя ситуация в стране претерпела значительные изменения, укрепившие позиции прокоммунистических сил. Любые дипломатические ухищрения заведомо перевешивались авторитетом побеждающей армии, находящейся на территории Польши и с каждым днем продвигающейся по ней все далее. Лондонским политикам постепенно становилось ясно, что открытое противодействие распространению советского влияния является задачей самоубийственной, поэтому ставка была сделана на продолжение подпольных форм борьбы. 16 декабря 1944 года штаб АК получил указание организовать агентурную сеть на включенной в состав СССР бывшей польской территории, сделав при этом особый упор на ведение политической разведки. В январе 1945 года ставшую одиозной в глазах советского руководства АК распустили, тем более, что ее сохранение уже не вызывалось необходимостью оказания сопротивления оккупационным войскам. Хотя АК и лондонское правительство полагали таковыми советские войска, открыто заявить об этом было совершенно немыслимо. На базе Армии Крайовой формировалась еще более законспирированная организация “Независимость” (“Не”) во главе с генералом Окулицким, задачами которой являлись ведение разведки, осуществление диверсионных операций и террористических актов, а также подготовка к вооруженному восстанию против ПКНО. Эта деятельность была быстро пресечена, а все руководство организации в марте 1945 года арестовано. Затем лондонское правительство создало в стране руководимую бывшим первым заместителем коменданта “Не” полковником Яковом Жепецким (“Ожуг”, “Презес”) Делегатуру вооруженных сил (ДСЗ), предназначенную для организации вооруженного сопротивления установлению власти левых сил, вплоть до убийств активистов из числа местного населения, саботажа, диверсий и ведения пропаганды. Не все командиры АК подчинились указу о ее роспуске и начали формировать собственные военные структуры, число которых в 1945 году исчислялось десятками. Среди них выделялись Гражданская национальная армия (ОАК), делавшая особый упор на террор против сотрудников государственной безопасности Временного правительства, довольно сильные Народные вооруженные силы (НСЗ) и особенно влиятельное в районе Ченстохова Национальное военное объединение. В феврале 1945 года подпольным организациям удалось восстановить уничтоженные ранее руководящие уездные центры, организовать мощные партизанские отряды и подразделения Помощи особой деятельности (ПАС), ставшие боевыми единицами для выполнения специальных операций. Помимо актов политического террора, на их счету значилось немало ограблений банков, государственных учреждений и предприятий. Невозможно перечислить все боевые операции этих структур, полностью дезорганизовавшие обстановку в стране и повлекшие сотни и тысячи жертв, зачастую совершенно не связанных с властями или организациями ППР. Кроме того, по Польше бродили остатки частей вермахта, СС и РОА, отряды ОУН и просто уголовные банды. В совокупности только за период с 1 сентября 1944 по 1 сентября 1945 года они произвели 12746 налетов, в том числе 7889 грабежей и 4885 актов политического террора. За период с 22 июля 1944 по 1 января 1946 года действия подполья и различного рода отрядов и банд привели к гибели 7372 человек⁶⁷.

Все это ставило перед новым польским правительством нелегкую задачу обеспечения внутренней безопасности, ранее возлагавшуюся исключительно на советские силы. Первые действия в этом направлении были предприняты после создания по рекомендации руководства СССР Особого отдела при ЦК Польской рабочей партии (ППР) во главе с Чеславом Сконецким (“Ксядз”). Первоначально он был крайне невелик и вместе с руководителем насчитывал всего 11 работников, в том числе 3 радистов: Артура Риттера-Ястржебского, Богуслава Хринкевича, Станислава Шгота, Александра Локтева, Ежи Венявского, Яна Халлера, Сильвестра Мароша, Феликса Кононовича, Франтишека Карвацкого и Казимира Яворского. С 16 мая по 20 июля 1944 года в Москве Сталин провел ряд бесед с совместной делегацией КРН, ППР и Союза польских патриотов, на которых, в частности, подчеркнул желательность организации сил безопасности, подчиненных прокоммунистическому Польскому комитету народного освобождения (ПКВН). Вскоре после этого было образовано действовавшее под плотным советским контролем Ведомство общественной безопасности (РБП), главой которого стал бывший руководитель одного из отделов ПКВН Станислав Радкевич. В июле 1944 года состоялся первый польский выпуск куйбышевских курсов НКВД, на которых с весны обучались 200 солдат из 1-й пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко. Помимо общих дисциплин, слушателям преподавались специальные дисциплины “А” и “Б”, включавшие изучение истории и методов иностранных спецслужб, вербовочную и следственную работу.

С ноября 1944 по март 1945 года на этих же курсах прошли обучение еще 100 поляков. В сентябре 1944 года в центральном аппарате РБП в Люблине работали всего 16 офицеров и унтер-офицеров, а выпускники первой куйбышевской группы направлялись в основном в интенсивно создаваемые территориальные органы — воеводские управления общественной безопасности (ВУБП). Сложные кадровые проблемы правительство пыталось решить путем спешного направления в РБП функционеров ППР и бывшей ПКП, бойцов АЛ, поляков из числа советских партизан и агентов НКГБ и «СМЕРШ» и множества командиров ГЛ и АЛ с опытом партизанской борьбы. На этой волне в органы безопасности проник ряд проходимцев, бандитов и даже бывших коллаборационистов, заметно дискредитировавших новое ведомство. От них довольно быстро избавлялись, однако остроту кадровой проблемы это не снижало. Все время рассчитывать на НКВД и НКГБ СССР было невозможно, поэтому 17 октября 1944 года РБП открыл в Люблине свою школу офицеров безопасности, куда зачислялись по четыре слушателя от каждого повета, преимущественно выходцы из рабочих и беднейших крестьян. Эту концепцию польское руководство переняло у советских коллег, многие из которых не только стали советниками РБП, но заняли руководящие должности в его структуре.

Основным отделением центрального аппарата РБП являлось оперативное (контрразведывательное), в составе которого имелся ряд более мелких структурных подразделений. На начальном этапе в него входили:

- секция арестов;
- секция наблюдения;
- секция борьбы с подпольем;
- следственная секция;
- секция цензуры;
- секция тюрем и лагерей;
- картотека;
- секция связи и оперативной техники.

Достаточно быстро центральный аппарат стал разрастаться, и для удобства управления госбезопасностью его структура постепенно усложнялась. Вскоре часть секций оперативного отделения получили статус самостоятельных единиц, были образованы новые подразделения, и концу 1944 года органы управления РБП приобрели следующий вид:

- оперативное (контрразведывательное) отделение — начальник капитан Роман Ромковский;
- отделение кадров — начальник майор Миколай Орехва (бывший кадровый сотрудник НКВД СССР);
- отделение охраны ПВКН — начальник Леон Айзен-Анджеевский;
- отделение цензуры — начальник Миколай Росснем;
- юридическое бюро — начальник Зигмунт Браур;
- отделение разведки — начальник Стефан Антосевич.
- отделение тюрем и лагерей — начальник Теодор Дуда;
- финансовое отделение — начальник Эдвард Колецкий.

Развивались территориальные органы госбезопасности. Воеводские управления были организованы вначале в Люблине, затем в Ржешуве, Белостоке, Рыввинах (для Кельцкого воеводства), а позднее и в других центрах, в том числе в Варшаве (с конца ноября). Всего по состоянию на ноябрь — декабрь 1944 года РБП располагал территориальными органами в 5 воеводствах и 55 поветах. Стандартное штатное расписание воеводского управления насчитывало 308 сотрудников, городского — 148 и поветового — 51⁶⁸, однако степень их укомплектованности была весьма невысокой. Всего по состоянию на декабрь 1944 года органы и войска государственной безопасности Польши насчитывали 2500 человек, а в мае 1945 года — уже 11 тысяч при суммарном наличии в штатном расписании 40 тысяч мест.

7 октября 1944 года Ведомству общественной безопасности административно подчинили Гражданскую милицию (МО) во главе с Франциском Йожвяком, а несколько ранее, 15 сентября — внутренние войска. Основу последних первоначально составлял Польский отдельный особый батальон (ПСБС). 30 ноября 1944 года его объединили с Отдельным батальоном охраны военнопленных и сформировали из них Бригаду внутренних войск во главе с Хенриком Торуньчиком. Новый командир представил план развития внутренних войск Польши, предусматривавший доведение их состава до трех пехотных бригад, 5 от-

дельных пехотных батальонов и моторизованного батальона общей штатной численностью до 20 тысяч человек. Хотя план не был утвержден, развитие внутренних войск являлось совершенно необходимым элементом установления правопорядка в государстве. По этой причине 6 марта 1945 года появился приказ, предусматривавший формирование Корпуса внутренней безопасности (КБВ) общей штатной численностью 32 тысячи человек. 25 мая 1945 года корпус был создан и постепенно вырос в серьезную силу, включавшую внутренние войска, 4-ю Поморскую пехотную дивизию, 1-ю и 2-ю заградительные бригады Войска польского. Взамен бригадной корпус получил полковую структуру, возглавлял его советский генерал Болеслав Кеневич. К лету 1945 года в КБВ входили дислоцированные по различным воеводствам 15 полков особого назначения, 10 отдельных батальонов охраны тюрем, лагерей военнопленных и промышленных объектов, отдельный батальон связи, центр подготовки и моторизованный батальон.⁶⁹

В конце 1944 года, после образования Временного правительства, РБП несколько изменил свое наименование. Сохранив прежнюю аббревиатуру, он стал называться Ведомством государственной безопасности. Невзирая на это изменение, в обиходе аппарат, как и ранее, именовался Управлением безопасности (УБ), а его сотрудники, соответственно, “убеками”. Однако это продлилось недолго. В начале 1945 года неконкретный правовой статус “ведомства” стал анахронизмом, и на месте РБП возникло Министерство общественной безопасности (МБП), состоявшее из девяти отделений на правах департаментов:

- I (контрразведывательное) отделение — начальник Роман Ромковский:
 - I секция (разоблачение немецкой агентуры, фольксдойче и коллаборационистов);
 - II секция (борьба с польским подпольем);
 - III секция (борьба с вражеским проникновением в структуры власти);
 - IV секция (защита экономики);
 - V секция (защита демократических партий);
 - VI секция (арестов);
 - VII секция (наблюдения);
 - VIII секция (транспортировка арестантов и ведение следствия);
- II отделение (оперативный учет шпионов, диверсантов, фольксдойче, членов АК, НСЗ и других антигосударственных элементов) — начальник Ян Снигир;
- III отделение (связь и оперативная техника) — начальник Александр Николенко;
- IV отделение (хозяйственное);
- V отделение (цензура) — начальник Ганна Вербловская;
- VI отделение (тюрьмы и лагеря) — начальник Теодор Дуда;
- VII отделение (кадры) — начальник Миколай Орехва;
- VIII отделение (охрана правительства) — начальник Владимир Захаревич;
- IX отделение (охрана военнопленных).

Вскоре список подразделений пополнился. 14 апреля возникло важнейшее Отделение по борьбе с бандитизмом во главе с Людвигом Селицким, несколько позднее — отвечавшее за внутреннюю контрразведку Отделение службы (Станислав Собчак). В аппарате МБП работали десятки советских сотрудников, старшим из которых был И. А. Серов. Кроме этого, на многих штатных должностях в Министерстве общественной безопасности, равно как и в судах, прокуратуре и армии, занимали советские граждане.

При их активном участии создавалась и польская военная контрразведка. Первоначально сформированные в СССР польские части не имели собственных органов безопасности и обслуживались в рамках системы советской военной контрразведки, хотя и с существенными изъятиями. Однако с начала 1943 года в них начали формироваться собственные контрразведывательные пляцувки, а 10 сентября 1944 года было организовано Управление информации, 30 ноября переформированное в Главное управление информации (ГЗИ) главного командования Войска польского. Руководство контрразведывательным обеспечением и политическим надзором с мая 1943 по 21 октября 1945 года осуществлял советский полковник Петр Кожушко. Работу ГЗИ характеризуют следующие показатели: в период с 1 января 1944 по 31 декабря 1945 годов ее сотрудниками задержаны 10390 человек, из них в 1944 году — 2114 и в 1945 — 8276. Из них 1141 являлись солдатами АК, 2 — солдатами НСЗ, 134 — солдатами АЛ. Были арестованы 151 солдат РОА, 25 бойцов УПА, 932 дезертира из Войска польского и 13 дезертиров из Красной Армии, 1217 польских и 36 советских граждан, находившихся в германском плену, 244 человека — за ведение враждебной пропаганды.

В Войске польском оказались арестованными 491 человек (59 офицеров, 91 унтер-офицер, 328 рядовых и 13 гражданских служащих)⁷⁰.

Советский Союз стремился максимально наладить взаимоотношения с новым польским руководством и ни в коем случае не дать повод к утверждениям о его марионеточном характере. В частности, это проявилось в организации оперативно-чекистских мероприятий на территории страны. К примеру, директива уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту комиссара ГБ 2-го ранга И. А. Серова № 5415 от 17 марта 1945 года предписывала «руководствоваться следующим:

1. Всю работу по обеспечению безопасности и общественного порядка, борьбу со шпионско-диверсионной и террористической агентурой немецких разведывательных органов и немецкого военного командования, борьбу с бандитизмом, повстанчеством и иными враждебными элементами, проводящих (так в документе — И. Л.) подрывную деятельность против Временного Польского правительства и освободительной работы Красной Армии, — проводит Временное Польское правительство через свою администрацию и органы Безопасности.

2. На Командующих фронтами и Уполномоченных НКВД СССР возложена ответственность за государственную безопасность и общественный порядок в прифронтовой полосе, глубиной от 60-ти до 100 километров от передовой линии фронта.

Существующая в этой полосе польская администрация оказывает всяческое содействие и необходимую помощь военному командованию Красной Армии и органам НКВД в деле проведения мероприятий, связанных с ведением боевых действий.

3. Впредь оперативно-чекистскую работу, в соответствии с приказом и директивой НКВД СССР проводить в следующем порядке:

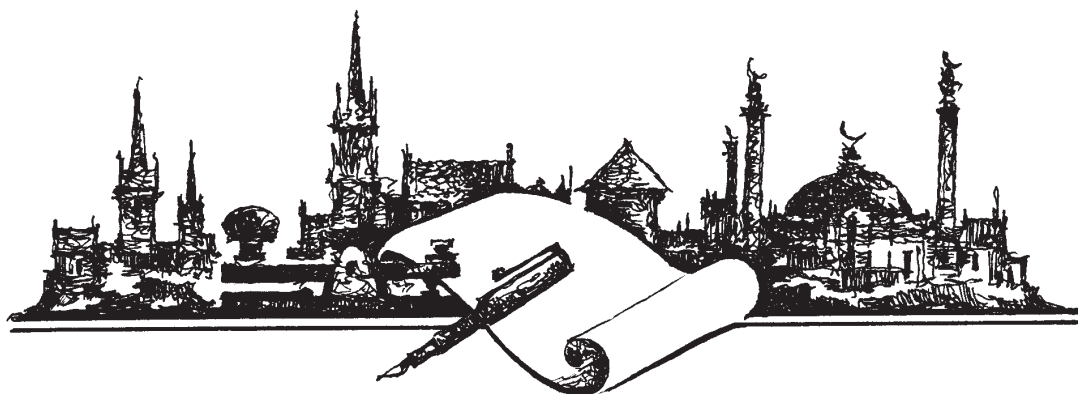
а) Аресты среди местного польского населения в прифронтовой полосе проводить после должной проверки материалов;

б) при аресте известных лиц, из числа польских граждан, информировать об этом соответствующие органы польской администрации прифронтовой полосы;

в) привлекать к проведению арестов вражеского элемента в прифронтовой полосе польскую администрацию, местные органы Министерства Внутренних Дел (общественной администрации) и Министерство Общественной Безопасности Польши⁷¹.

Естественно, без помощи советских советников, в распоряжении которых имелись структуры и части войск НКВД СССР, молодые польские органы безопасности не справились бы со своим противником.

Таковым являлось вооруженное подполье, с начала мая 1945 года проводившее акцию «З» по выполнению задач «Не» и подрывной пропаганде в рядах Войска Польского, а с июня — акцию «Б» — борьбу с органами общественной безопасности методами индивидуального и массового физического и психического террора. Пытаясь достичь гражданского мира в обществе, 28 июня 1945 года президент Болеслав Берут отправил Временное правительство в отставку и образовал Временное правительство национального единства под руководством премьер-министра Эдварда Осубко-Моравского, однако этот шаг не обеспечил стране спокойствие. В августе Делегатура вооруженных сил преобразовалась в организацию под названием «Свобода и независимость» (ВиН), с которой органам государственной безопасности Польши предстояло вести долгую и трудную борьбу.

“НИЖНИЕ ЗЕМЛИ”

1. ФИАСКО В ГОЛЛАНДИИ

В 1939 году спокойные и нейтральные Нидерланды служили основной базой британской разведки в операциях против Германии, по внешнему впечатлению, достаточно успешных. Однако кажущееся благополучие обеих ее гаагских резидентур можно было сравнить с пораженным вирусом организмом, когда еще продолжается инкубационный период, а внешних проявлений заболевания пока нет. Фактически голландская сеть СИС уже не существовала, хотя об этом еще не знали ни офицер паспортного контроля Ричард Генри Стивенс, ни резидент “Z” Сигизмунд Пэйн Бест. При этом британцы находились под ударом не только абвера, начальная стадия операции которого уже описывалась, но и Службы безопасности НСДАП (СД). Усугубило ситуацию принятое с началом войны в Лондоне решение свести воедино операции традиционных “станций” и точек глубоко законспирированной сети “Z”, что сразу же свело на нет единственное преимущество этой параллельной структуры — ее секретность.

К этому времени в результате описанной операции под руководством Протце⁷² абвер уже установил личности обоих резидентов британской разведки в Гааге и проинформировал об этом СД. Как вскоре выяснилось, Служба безопасности по указанию Гейдриха затеяла собственную игру. Будущий начальник внешнеполитической разведки Германии Шелленберг, до 1941 года еще служивший в контрразведке, спланировал операцию по проникновению в СИС и попутному выяснению ее возможных связей с предполагаемым антинацистским подпольем в рейхе. В поисках путей внедрения в МИ-6 СД сумела подставить англичанам завербованного ей доктора Франца Фишера, появившегося в Голландии под видом католика, бежавшего от репрессий нацистского режима. Легенда прикрытия значительно приукрасила его облик. На самом деле он являлся обычным уголовным преступником, еще в 1933 году во Франкфурте мошенническим путем похитившим 3 тысячи марок из центра по распределению топливных ресурсов, после чего сбежавшим вначале в Швейцарию, а затем в Париж. Там его настигла СД, негласную работу на которую под кодовым обозначением Ф.479 Фишер предпочел непривлекательной перспективе тюремного заключения. В первые годы от него требовалось лишь укреплять доверие к себе в среде эмиграции и обрастать связями, поэтому агент несколько лет находился в своего рода резерве, но все же сумел обзавестись рядом собственных источников и даже установил контакт с французской разведкой, которую использовал “втемную”. Теперь СД решила сориентировать его на крупную цель — голландскую сеть МИ-6.

При создании своей параллельной сети “Z” помощник начальника СИС Клод Дэнси лично объехал множество европейских городов и мобилизовал там своих давних знакомых. Одним из них являлся лидер осевших в Париже германских беженцев-католиков и информатор подполковника доктор Клаус Шприкер, связавший его с Фишером и поручившийся

за честность своего протеже. Сейчас трудно сказать, почему опытный разведчик Дэнси не произвел обязательную в таких случаях установку объекта вербовки, сразу же раскрывшую бы ему глаза на все франкфуртские махинации якобы религиозного беженца и исключившую возможность последующей драмы обеих гаагских резидентур. К сожалению, он не сделал этого. Более того, подполковник настолько заинтересовался возможностями Фишера по добыванию информации о люфтваффе от некоего мифического антифашиста майора Зольмса, что немедленно напрямую связал нового агента с резидентом Бестом. Тому Фишер не просто активно не понравился, но и вызвал серьезные подозрения в своей искренности, однако Дэнси поручился за немца, сославшись на то, что “доктор Шприкер хорошо знает Фишера и полагает, что он достоин доверия”⁷³. Доверие зашло настолько далеко, что резиденту пришлось взять Фишера с собой в Лондон, где этот талантливый авантюрист и агент-двойник выдержал профессиональный допрос относительно легендированной СД группы антифашистов, якобы намеревавшихся свергнуть Гитлера и взять власть в свои руки. Он сыграл свою роль, теперь следовало возвращаться и вводить в игру нового фигуранта. Англичане решили встретиться с самим Зольмсом, СД же только это и требовалось. Фальшивый майор, которым на самом деле являлся оперный певец Иоганнес Травильо, прилетел в пограничный городок Венло и настоял на личной встрече с резидентом. Чтобы убедиться в полномочиях Беста представлять британскую сторону, по требованию немца 11 октября радиостанция Би-Би-Си дважды передала в эфир условленный текст, после чего на нескольких встречах с Зольмсом были согласованы условия связи и коды. “Майор” сообщил, что является всего лишь своего рода курьером, а серьезные переговоры следует вести с неким неназванным им генералом вермахта, возглавляющим группу оппозиционеров. После этого якобы из опасений обратить на себя внимание гестапо немец срочно отбыл обратно в рейх.

Германская разведка планировала длительную и красивую комбинацию, поэтому решила заманивать британских разведчиков в ловушку постепенно. СД пока выдавала СИС легко проверяемую подлинную информацию и достигла у Стивенса и соответственно в Лондоне высокой степени доверия. Несколько успокоился даже подозрительный Бест. Судя по всему, гаагский аппарат британских спецслужб в 1939 году являл собой нечто вроде дискуссионного клуба со свободным обсуждением операций. Такой подход уже оказал свое пагубное воздействие в случае с ван Коутриком, хотя пока что об этом знали только немцы. И теперь полный эйфории от открывающейся перспективы Стивенс поделился своими надеждами с другом, военно-морским атташе Британии в Гааге капитаном 1-го ранга Б. Шелфилдом. Тот оказался более сдержанным и засомневался в этой истории, но увлекшийся Стивенс игнорировал его предупреждения, не в последнюю очередь по причине стремления войти в историю в качестве человека, организовавшего мирные переговоры. Это лишний раз подтверждает общеизвестный факт, что для офицера разведки тщеславие является одним из весьма серьезных пороков и зачастую чревато немалыми неприятностями. Вообще фигура Стивенса никак не соответствовала важности занимаемого им поста. Это был, в общем, неглупый и старательный офицер, владевший немецким, русским и французским языками, сын бывшего британского посла в Афинах. Однако в области разведки он располагал лишь опытом проведения пограничных операций на северо-восточной границе Индии, и в столь острый период сохранять его на посту руководителя важнейшей резидентуры СИС на Европейском континенте было просто неразумно. Хуже того, ему не сообщили деталей произошедшей с его предшественником истории и результатов расследований Вивиана и Сайкса относительно предательства Хупера, так что в произошедшем впоследствии катастрофическом провале винить следует отнюдь не только резидента, но и его лондонское руководство. Бест был намного более опытным офицером, ветераном Первой мировой войны. Глубокое прикрытие позволяло ему чувствовать себя в Нидерландах, как дома. Проживавший в Гааге со времени окончания войны, англичанин являлся совладельцем экспортно-импортной фирмой “Континентал Трейдинг Компани”, был женат на дочери голландского адмирала, имел доступ в самые высшие круги общества и жил широко и весело. Бест недолюбливал недостаточно профессионального Стивенса и не слишком верил во всю операцию, однако прямое указание Дэнси оказалось для него вполне убедительным, в чем впоследствии он имел много причин и времени раскаяться.

Операция продолжалась. Немцы никак не могли предъявить генерала — руководителя заговора, поскольку отчетливо понимали, что для этой цели генерал должен быть настоящим, числящимся в списках личного состава вермахта, которыми, вне сомнения, распо-

лагала СИС. Поэтому Шелленберг с разрешения Гейдриха продолжал интриговать обоих резидентов и подогрывать их интерес к происходящему. На этой стадии англичане сообщили о ведущихся переговорах генералу ван Ооршоту, начальнику военной разведывательной службы МИД. Генерал весьма дружелюбно относился к Британии, был женат на англичанке и часто удивлял своих знакомых способностью за полчаса разгадывать сложные кроссворды в лондонской газете “Таймс”. Он тоже заинтересовался заманчивой возможностью свергнуть Гитлера руками германских офицеров и организовал прикрытие в лице офицера связи, капитана разведки Дирка Клоппа. Для поддержания иллюзии нейтралитета Голландии тот выступал под именем британского капитана Коппенса, поскольку ранее жил в Канаде и в совершенстве владел английским языком. Первая встреча с “оппозиционерами” состоялась 19 октября 1939 года. Прибывшие на переговоры немцы отрекомендовались как капитан фон Зейдлиц и лейтенант Грош, в действительности же они были офицерами СД фон Салишем и Кристенсенем. Обеспокоенные их странным поведением голландские полицейские окружили кафе, в котором проходила встреча, и сильно напугали немцев, но Клопп урегулировал возникшую проблему. По этой причине контакт скомкали и договорились лишь о следующей встрече 25 октября, затем отсроченной еще на пять дней. 30 октября в Гаагу вместе с “Грошем” прибыли два новых действующих лица, представившиеся полковником Мартином и майором Шеммелем. На самом деле они соответственно являлись добровольно вызвавшимся поучаствовать в операции врачом СС, профессором и будущим заведующим психиатрическим отделением берлинской клиники “Шарите” Максом де Крини и самим Шелленбергом. Кстати, офицер по фамилии Шеммель действительно существовал, в этом отношении Шелленберг подстраховался от возможной проверки, которую СИС, однако, так и не удосужились провести. Немцы начали, как казалось англичанам, настоящее обсуждение вопросов будущего заключения мира. Основными темами являлись устранение Гитлера, прекращение войны на приемлемых для Германии условиях и возможность создания единого антикоммунистического фронта. “Шеммель” и “Мартин” заявили, что это вполне под силу разветвленной организации офицеров и генералов-антинацистов, предлагающих немедленный уход Германии со всех оккупированных территорий в обмен на возврат отобранных у нее после Первой мировой войны колоний. Британцы внимательно выслушали программу мирного урегулирования и ответили, что им необходимо доложить о ней в Лондон. Пока же для поддержания связи они предложили немцам коротковолновой радиопередатчик и коды для связи. “Шеммель” и “Мартин” с благодарностью приняли трофеи и уехали, предварительно договорившись встретиться через несколько дней.

В Лондоне намерения немцев приняли за чистую монету, и 1 ноября Чемберлен сообщил Военному кабинету о ведущихся переговорах и связанных с этим надеждах. Шелленберг тоже надеялся на продолжение контакта, он собирался в самом ближайшем времени слетать в Лондон, чтобы еще глубже проникнуть в систему британской разведки. Полученная им радиостанция была слишком слабой для поддержания связи из Дюссельдорфа, где располагался штаб операции, и немцы использовали свой, более мощный передатчик. Следующая встреча состоялась 7 ноября, но уже на следующий день в ход событий вмешался неожиданный фактор, связанный с ситуацией внутри рейха.

8 ноября 1939 года на ежегодной встрече “старой гвардии” НСДАП в мюнхенской пивной “Бюргербройкеллер” прогремел взрыв, обрушивший своды и балкон погребка. Погибло семеро нацистов и один офицер вермахта, число раненых достигло шестидесяти. Среди пострадавших не оказалось главного объекта покушения — Адольфа Гитлера, он уцелел по чистой случайности. Программа встречи была известна, и террорист, плотник по имени Иоганн Георг Эльсер рассчитал все абсолютно правильно. Его бомба с часовым механизмом была установлена в нужном месте, в одной из колонн около импровизированной трибуны. Эльсер монтировал свое взрывное устройство постепенно. В течение шести дней он появлялся в пивной тридцать раз, прячась по вечерам, чтобы ночью спокойно поработать, а утром, замаскировав следы своей деятельности, смешаться с толпой посетителей и незаметно уйти. 6 ноября плотник-террорист установил часовой взрыватель, следующей ночью выполнил окончательную проверку, запустил часы и утром уехал к швейцарской границе. В 09.20 взрывное устройство сработало. Но в этот раз Гитлеру срочно требовалось успеть в Берлин к определенному времени, и из-за нелетной погоды он отправился туда поездом, поэтому покинул зал раньше намеченного времени, в 09.07. Это в дальнейшем дало повод нацистской пропаганде утверждать, что само провидение хранит фюрера на благо германского народа.

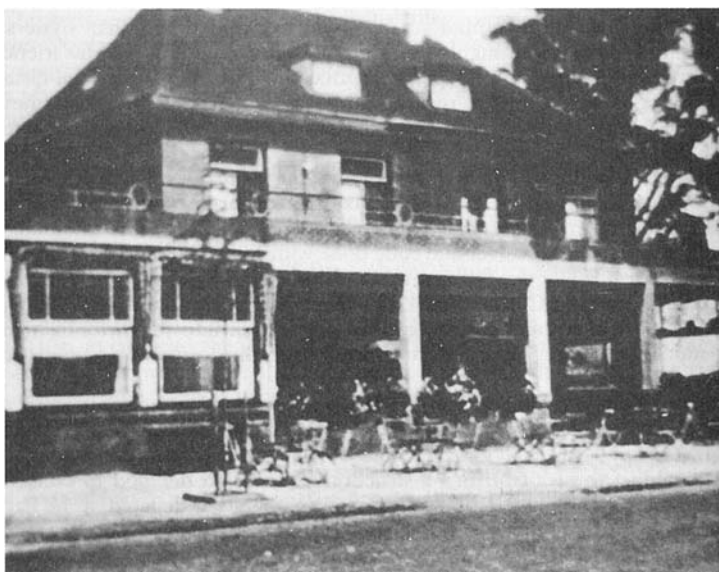
Пивная “Бюргербройкеллер” после взрыва

отменялся. Будущий начальник СД-аусланд пришел в ужас от решения начальства похитить англичан на нейтральной территории и сорвать всю операцию, однако с прямым приказом Гитлера ничего поделать было нельзя. Силовую часть акции Гейдрих поручил человеку, “начавшему Вторую мировую войну” — Альфреду Науйоку, в течение суток сформировавшему группу захвата. Все было готово.

Ничего не подозревающие Стивенс, Бест и Клопп 9 ноября отправились в приграничный городок Венло, по дороге обсуждая возможность внезапного захвата Нидерландов вермахтом. При этом Стивенс на листе бумаги для памяти записал фамилии всех своих агентов, которых в этом случае следовало срочно эвакуировать из страны, и спрятал его в карман. Впоследствии он утверждал, что успел уничтожить список, но ход событий говорит об обратном.

Кафе “Бахус”, в котором была назначена встреча, располагалось у самой границы, но англичан не насторожило это обстоятельство. Оно стало последним звеном в цепочке поразительной беззаботности, оперативной неграмотности, пренебрежения требованиями конспирации и дилетантства, приведшей к краху всей системы британской разведки на севере континентальной Европы. Очень скоро обоим резидентам стало ясно все. Через границу прорвалась машина с боевиками, отважно отстреливавшийся Клопп был смертельно ранен, и всех троих немедленно переправили на немецкую сторону. Оператор радиоцентра СИС принял сообщение: “Очень скучно поддерживать связь с тщеславными и глупыми людьми. Надеюсь, вы поймете, почему мы прекращаем наше знакомство. Привет от любимой вами немецкой оппозиции. Гестапо”⁷⁴. Следует отметить, что похищение Стивенса и Беста нельзя относить на счет СД или гестапо, где в тот период работал Шелленберг. К его осуществлению были привлечены обе упомянутые структуры, которые курировал Гейдрих, а над ним надзирал Гиммлер. Застигнутым врасплох оказался абвер, кропотливо проводивший ювелирную операцию по нейтрализации голландской агентуры, и его начальник адмирал Канарис был вне себя из-за ее срыва.

Акция, вошедшая в историю разведки как “инцидент в Венло” или “похищение в Венло”, еще не закончилась. Начались допросы. У умершего “Коппенса” обнаружили документы сотрудника разведки Нидерландов, что позволило немцам с достаточным основанием заявить о нарушении статуса

Кафе “Бахус”

Эльсер не сумел пересечь границу, поскольку вызвал подозрение у двух таможенников, только что прослушавших радиообращение фюрера с призывом усилить бдительность на постах погранперехода. На допросе он показал, что действовал в одиночку, однако Гитлер не поверил этому и изначально обвинил в организации покушения британскую разведку, поручив Гиммлеру добыть требуемые доказательства. Дальше указание пошло по нисходящей. Рейхсфюрер СС сам перезвонил Шелленбергу в Дюссельдорф и приказал ему при ближайшей встрече арестовать обоих британских резидентов и доставить на территорию рейха. Полет в Лондон, естественно,

нейтрального государства и вскоре использовать это в качестве предлога для вторжения. Напуганное голландское правительство откестилось от своего участия и попыталось объяснить действия погибшего офицера ошибкой его непосредственного начальника, немедленно изгнанного со службы. Однако это не могло ввести в заблуждение никого. Британцы подвергались интенсивным допросам, но требовавшейся немцам информации о подлинных подпольных антинацистских группах дать не могли, поскольку не знали о их существовании, да таковых в 1939 году в Третьем рейхе почти и не было. Зато Стивенс дал развернутые показания о структуре МИ-6, лишь слегка перепутав нумерацию секций. Оба англичанина раскрыли весь свой агентурный аппарат, после чего британская разведка на севере континента оглохла и ослепла, а сеть резидентур “Z” полностью прекратила свое существование. Один из руководителей СИС впоследствии заявил: “Вся наша система шпионажа в Западной Европе была сметена одним махом”⁷⁵. Отношения Британии с Нидерландами бесповоротно испортились, не лучше обстояло и дело с Францией, заподозрившей Лондон в ведении тайных сепаратных мирных переговоров. Однако последний удар Гитлер еще не нанес. Через некоторое время измученному допросами Эльсеру показали Стивенса и Беста, и несчастный человек подтвердил, что именно эти двое приказали ему заложить бомбу в мюнхенской пивной. Гитлер получил прекрасный пропагандистский повод обвинить англичан в организации террористического акта и одержал убедительную идеологическую победу. Недавно назначенный руководитель МИ-6 Стюарт Мензис мужественно принял всю ответственность за инцидент в Венло на себя и всю жизнь сожалел о нем. Кроме того, англичане решили раз и навсегда отказаться от работы с агентами-инициативниками, из-за чего упустили немало перспективных разведывательных возможностей.

Все арестованные были отправлены в концлагерь Заксенхаузен, но Эльсера позднее перевели в Дахау, где в апреле 1945 года расстреляли, а тело сожгли в крематории. Британских разведчиков освободили американские войска, причем Бест оказался совершенно разоренным, поскольку после оккупации немцы конфисковали все его имущество. После войны он жил в Девоне в крайней бедности и потребовал, чтобы МИ-6 выплатила ему компенсацию за понесенные убытки в размере 15 тысяч фунтов. В результате долгих переговоров Бест все же получил, по одним данным 6000, по другим — 2400 фунтов и умер в 1978 году в возрасте 93 лет.

Война неотвратимо приближалась к Голландии, но многие еще не сознавали этого. Гитлер вначале не планировал нападать на нее, однако позднее переменял свое мнение и, как обычно, поручил подготовку вторжения своим разведывательным службам. В Гааге абвер располагал резидентурой, руководитель которой Отто Эмиль Людвиг Бутинг в апреле 1940 года был уличен в нелегальном прослушивании некоторых местных телефонных линий, шпионаже и подрывной деятельности и выслан из страны. За два месяца до этого полиция ликвидировала оснащенную радиопередатчиком разведывательную группу абвера, собиравшую информацию о передвижении кораблей и судов. Голландцы не смогли разглядеть за этими фактами опасность вторжения вражеских армий, уже неотвратимо нависшую над их страной.

Успех германского наступления определялся в первую очередь захватом мостов через многочисленные водные преграды, без чего перед немецкими механизированными соединениями встала бы сложная задача форсирования рек и каналов. Абвер планировал использовать для этого имевшееся в его составе диверсионный батальон особого назначения “Бранденбург”, солдаты которого должны были приблизиться к охраняемым мостам максимально незаметно. Рассматривались две формы действий: маскировка и полумаскировка. Первая из них предусматривала ношение чужой униформы, что противоречило установленным законам ведения войны и ставило бойцов при поимке в крайне невыгодное положение. В этом случае они не считались солдатами действующей армии и могли быть казнены прямо на месте. Полумаскировка применялась для смягчения этой опасной ситуации и представляла из себя чужие шинели и головные уборы, надетые поверх германских мундиров. Юристы абвера заключили, что ответственность военнослужащих за ношение униформы противника возникает не ранее момента открытия огня, а до этого ее можно рассматривать как разновидность безобидного маскарада. Поэтому бойцы “Бранденбурга” до изнеможения тренировались в мгновенном сбрасывании по команде фуражки и шинели, под которой прятались пистолет-пулемет с 7 магазинами, пистолет с 3 магазинами, гранаты и боевой нож. Одновременно они должны были начинать стрельбу, пока противник не опомнился и

не успел оказать сопротивление. Было решено направить диверсантов к объектам в полумаскировке, однако по подсказке фюрера голландских нацистов Муссерта для этого приняли самое неудачное из возможных решений. Он предложил украсть образцы мундиров с военных складов, и Канарис приказал начальнику голландского сектора абвера капитану 3-го ранга Кильвену организовать эту кражу. Все закончилось наихудшим образом. Вор уехал в Бельгию, но попался и рассказал полиции о подоплеке своего задания. Как ни странно, это вызвало не тревогу, а веселое оживление и послужило модным сюжетом для анекдотов и карикатур. Однако веселье продолжалось недолго.

Утром 10 мая 1940 года диверсанты под командованием лейтенанта Хокке скрытно выдвинулись на исходные позиции для захвата одного из мостов у Маастрихта, но были обстреляны охраной. Лейтенант Хокке погиб, а мост захватить в целостности не удалось, голландцы успели взорвать его. Успешнее действовала рота, возглавляемая лейтенантом Вальтером. Группа его солдат подошла к мосту у Геннепе под видом пленных, охраняемых пограничниками. Оружия у “пленных” видно не было, но под одеждой они прятали пистолеты и гранаты, и мост был захвачен без особых проблем. Диверсанты из 1-й роты “Бранденбурга” взяли под свой контроль мосты в Берге, Ормонде, Обихте и Штайне. Некоторые переправы и мосты на бельгийско-голландской границе были захвачены подразделением специального назначения из Верхней Силезии в количестве 1000 бойцов, усиленным 200 переодетыми в голландскую форму диверсантами, набранными и обученными силами КО-Нидерланды. С неба на страну посыпались немецкие парашютисты, а в Роттердаме десантники высаживались с приводившихся гидросамолетов без опознавательных знаков. “Дорнье” такого же типа имелись на вооружении голландской авиации, и это ввело в заблуждение охрану, а тем временем солдаты по плоскостям самолетов взобрались на мосты и предотвратили их подрыв. Всего в блицкриге бойцы подразделений специального назначения захватили в целостности 42 из 61 намеченного объекта, что в дальнейшем позволило командиру “Бранденбурга” фон Хиппелю аргументированно ходатайствовать перед руководством абвера о доукомплектовании батальона до полка.

Голландское правительство пыталось организовать сопротивление вторжению, но тщетно. Сказывалась не только огромная разница в мощи вооруженных сил двух государств, но и различный менталитет двух наций. Ни один солдат Нидерландов не участвовал в боевых действиях в Европе с 1832 года, лишь в 1899 — 1902 годах голландцы в незначительном количестве воевали в Южной Африке. В 1936 году около несколько сотен добровольцев отправились в Испанию, где 430 из них погибли, но все это никак нельзя было считать боевым опытом. Нейтралитет Нидерландов полностью соответствовал основополагающему принципу британской дипломатии, согласно которому ни одна из великих держав не должна была доминировать в районе устьев Шельды, Мааса и Рейна, поэтому Лондон немедленно заявил о своей поддержке Голландии. Однако она была скорее декларативной. Вермахт сминал непрочные заслоны голландских войск, а “Бранденбург” наносил удары с тыла. В числе первых мер по организации отпора агрессии были немедленно арестованы 2340 известных нацистов, но из-за возникшей истерии по поводу тысяч немецких диверсантов аресту подверглись многие абсолютно непричастные люди, некоторых из них совершенно безвинно убили прямо на месте. Через пять дней все было кончено. 4600 человек из состава голландских вооруженных сил ушли на кораблях флота в Великобританию, туда же отправилась и королева Вильгельмина. Первоначально она вовсе не собиралась эмигрировать, а обратилась в Лондон с просьбой прислать несколько самолетов для укрепления противовоздушной обороны страны. В британской столице решили, что королева хочет получить самолет для эвакуации, но поскольку погода не позволяла совершать полеты, за ней отправили эсминец. Вильгельмина решила перейти на нем в голландский порт Флушинг, однако ситуация уже не позволяла сделать это, и корабль вместе со своей высокопоставленной пассажиркой ушел в Лондон. Так совершенно случайно сорвалась запланированная абвером операция по аресту королевы, в дальнейшем возглавившей сопротивление оккупантам. Впрочем, общую ситуацию это не изменило. Нидерланды были оккупированы рейхом.

Верховную власть в стране осуществлял рейхскомиссар Артур фон Зейсс-Инкварт, руководителем СС являлся обергруппенфюрер Ханс Альбин Раутер. СД возглавлял Ганс Нокеманн, однако после стихийно прошедшей 29 июня 1940 года демонстрации в честь дня рождения принца Бернхарда он был отстранен от должности. В дальнейшем Нокеманн

Йозеф Шрайдер

Герман Гискес

Ханс Раутер

служил на восточном фронте, был там тяжело ранен и умер в декабре 1941 года. Вторым по счету руководителем СД стал доктор Вильгельм Харстер, а осенью 1943 года его сменил Эрих Науманн, направленный в Гаагу фактически на отдых и восстановление сил после службы в айнзатцкоманде на восточном фронте. Раутер не любил его и вскоре добился отзыва из Нидерландов. Последним руководителем СД в стране являлся доктор Эберхард Шонгарт. Гражданской контрразведкой ведал начальник секции IVЕ штурмбанфюрер СС Йозеф Шрайдер, а наступательной военной контрразведкой — руководителем секции III“Ф” местного отделения абвера подполковник Герман Гискес, которому помогали обер-лейтенант (впоследствии капитан) Вурр и унтер-офицер Куп. Сферы ответственности обеих спецслужб разграничивались довольно просто: автономно работающим движением Сопротивления занимались СД, секция III“С” абвера и тайная полевая полиция вермахта ГФП, а в случае установления причастности к нему британской или иной разведки — секция III“Ф”. Гискес и Шрайдер прекрасно взаимодействовали друг с другом, у них не было никаких проблем, характерных для взаимоотношений абвера и гестапо в некоторых других регионах. Содержащееся в послевоенных мемуарах Гискеса неприязненное описание внешности и манер Шрайдера, возможно, и соответствует его впечатлению от этого человека, но оно никоим образом не отразилось на сотрудничестве абвера и СД. Скорее же всего это явилось не более, чем конъюнктурным ходом, характерным для проживавших в ФРГ бывших офицеров военной разведки и контрразведки рейха, всеми силами старавшихся дистанцироваться от структур НСДАП и СС.

На начальном этапе оккупация не вызвала у местного населения особенно резкой реакции. Гитлер считал голландцев расово полноценным народом и не проводил в стране политику геноцида, за исключением депортаций и уничтожения довольно многочисленных евреев. Экономическое ограбление страны тоже пока еще не было особенно явным. Новый премьер Зейсс-Инкварт организовал Голландскую национал-социалистическую партию (ДСНП), в которую охотно вступали многие жители, видевшие в господстве Германии историческую перспективу для своей страны. Находилось немало людей, добровольно записывавшихся в вермахт, другие доносили в полицию на своих соседей, заподозрив их в участии в подпольных группах. Судьба арестованных была вполне определенной: расстрел или концлагерь. Привыкшие к безопасной жизни в условиях демократического общества голландцы отвыкли от репрессий. Последняя смертная казнь была совершена в стране в 1861 году, а официально этот вид наказания отменили девятью годами позднее. Карательные меры оккупационной администрации деморализовали большинство населения, но не смогли окончательно искоренить силы для организации групп Сопротивления. По мере ужесточения оккупационного режима их число росло.

Голландское Сопротивление было децентрализовано и не руководилось из единого штаба. Большинство групп организовывались самостоятельно и вообще не имели связи с кем-либо, многие из них погибли, и имена их участников так и остались неизвестными. Более упорядочены были военные, которые сформировали первую организацию, установившую радиосвязь с СИС в Лондоне. Вообще же за период германской оккупации известны четыре основные ветви движения Сопротивления: “(Центральная правительственная) организация помощи скрывающимся людям” (ЛО), “(Центральная правительственная) боевая группа

(КП), “Совет Сопротивления” (РВВ) и “Орден службы” (ОД), а также несколько мелких, в основном пропагандистских структур.

ЛО занималась помощью беженцам, а также дезорганизацией централизованной системы распространения продовольствия. Ее члены печатали фальшивые купоны, похищали подлинные из типографий, складов и у явных нацистов, собирали их у сочувствующих для помощи нуждающимся и находящимся в подполье голландцам. Некоторые участники организации служили в полиции, что позволяло им предупреждать об опасности намеченных к аресту людей. КП насчитывала не менее 550 человек, но считается, что ее фактическая численность была значительно больше. Эта боевая организация занималась саботажем, а объекты для воздействия выбирал исключительно ее собственный штаб. Как правило, диверсии устраивались на железной дороге, линиях проводной связи, складах, иногда боевики КП убивали одиночных германских военнослужащих и известных коллаборационистов. Однако от этой практики вскоре пришлось отказаться, поскольку на каждый такой случай немецкие власти отвечали репрессиями против мирного населения. РВВ также проводил диверсионные акции и помогал беженцам, но координировал свои операции с разведывательной службой правительства в эмиграции и поддерживал с ним радиосвязь. ОД был более мирной организацией и в основном занимался подготовкой к освобождению страны и планированием административных и технических мероприятий в первоначальный период после избавления от оккупации. Однако ему подчинялась разведывательная организация под названием “Голландская секретная служба” (ГДН), а всего в стране насчитывалось около двадцати подобных структур.

Британская разведка остро нуждалась в агентуре на континенте, полностью потерянной в результате операции абвера и последующего похищения и допросов Стивенса и Беста, поэтому офицер связи МИ-6 Е. Рабайяти возлагал большие надежды на сотрудничество с Центральной разведывательной службой (ЦИД) голландского правительства в эмиграции. СОЕ занимался Голландией еще активнее, чем СИС, для этой цели в нем была образована специальная секция “N”. Однако англичанам фатально не везло. Упомянутые ранее провалы агентов в Голландии не только испортили отношения МИ-6 с партнерами, но, что значительно хуже, повлекли за собой крах всей разведывательной сети различных британских спецслужб в Голландии, Франции и Бельгии, а также разгром организаций Сопротивления и многочисленные человеческие жертвы. Из засланных в Нидерланды в период с мая 1940 по сентябрь 1944 годов по каналам СОЕ 157 агентов⁷⁶ были арестованы 70, погибли по различным причинам 72⁷⁷. Немцы вели радиогру с Лондоном через 14 (по некоторым данным, 17) передатчиков, отправив от 2 до 4 тысяч дезинформационных сообщений. Они контролировали 30 постоянных районов и 65 разовых точек приема людей и грузов с британских самолетов, захватив предназначавшиеся для оснащения групп Сопротивления 3000 пистолетов-пулеметов СТЭН различных модификаций, 300 ручных пулеметов “Брен”, 500 пистолетов, полмиллиона патронов, 15 тонн взрывчатки⁷⁸, радиопередатчики, еду, медикаменты, обувь, одежду и значительные суммы наличных денег. 355500 флоринов (гульденов), врученных направлявшимся “в поле” резидентам и радистам, противник получил почти полностью. И хотя 128750 гульденов из этой суммы впоследствии были компенсированы Великобританией голландским правительством, потери сильно ударили по бюджету СОЕ. Но наиболее тяжелым следствием провалов стала, естественно, гибель людей. В одном только Маутхаузене были казнены или умерли 47 захваченных в Нидерландах и Бельгии агентов СИС и СОЕ. А началось все с того, что 31 августа 1941 года контрразведка арестовала агента МИ-6 Ханса Зомера и Яна Сикинга из голландского Сопротивления. При обыске у них был обнаружен шифр к предыдущим сообщениям, позволивший прочесть их, а также раскрыть сигнал опасности, незаметно вставляемый в радиogramмы для предупреждения центра о работе агента-радиста под контролем противника.

Страна представляла собой специфический регион, географические условия которого предопределяли особенности стратегии иррегулярных действий. Густонаселенные территории, лишённые естественных убежищ, сплошь и рядом пересеченные водными преградами, практически исключали возможность действия партизан вне городской черты, поэтому британцы с самого начала планировали организацию специальных операций исключительно силами базирующихся на населенные пункты групп. В результате этого руководители СИС и СОЕ сочли, что поскольку большинству заброшенных агентов приходилось работать в одних

и тех же районах и условиях, их можно замкнуть друг на друга. В частности, все агенты голландской секции СИС пользовались одной и той же шифрсистемой, различие заключалось только в ключе, поэтому при компрометации одного из шифров под угрозу попадали все остальные. Англичане не приняли во внимание это, казалось бы, очевидное обстоятельство, поскольку надеялись на систему сигналов опасности, разделявшихся на постоянные и случайные. Постоянный сигнал предусматривал, например, замену десятой или двенадцатой буквы сообщения другой, отстоящей от нее в алфавитном порядке на определенное число знаков. Очевидно, что такой сигнал легко вскрывался противником при прочтении двух или трех радиogramм, поэтому он использовался скорее в качестве отступного варианта, который следовало выдать контрразведчикам при аресте агента и попытках использовать его в радиоигре. Реальным сигналом был так называемый случайный, устно сообщавшийся агенту перед заброской. Например, не прямой и завуалированный ответ на конкретный вопрос лондонского оператора означал, что с агентом все в порядке, а четкий и вразумительный — что он схвачен противником. Однако такая система могла работать только при условии, что сам агент желал уведомить центр о своем фактическом провале. Более действенным вариантом могла стать практикуемая всеми разведками мира засылка контролеров, прибывающих по совершенно независимому каналу без предупреждения об этом местных групп. Но в СИС не делали этого. Более того, разведчики сообщали своим людям о прибытии каждой очередной группы без исключения, чем весьма облегчили работу абверу. Аналогичным образом обстояли дела и в СОВЕ.

Проводившаяся в Нидерландах германская контрразведывательная операция именовалась в абвере “Нордполь”, а в СД — “Энгландшпиль” и стала, возможно, самой известной из всех агентурных мероприятий немецкой военной разведки. Любопытно происхождение ее названия. На момент начала операции германская радиоконтрразведка заявляла об отсутствии в стране вражеских агентов-радиистов, тогда как находившийся на связи у оберлейтенанта Вурра платный агент “Георг” (Ф-2087) утверждал, однако, что в Гааге находится радиист из Лондона с передатчиком. За вознаграждение в 500 флоринов и дополнительную премию в случае удачи он предложил организовать его захват, но Гискес не верил сообщению Вурра о перспективах его агента, поскольку более доверял радиоконтрразведчикам. Подполковник все же выделил ему десять дней на реализацию замысла “Георга”, после чего потребовал от своего помощника конкретные результаты розыска. Вурр не сдался и предоставил начальнику письменный рапорт с просьбой разрешить ему продолжить работу, на котором Гискес 12 декабря 1941 года зеленым карандашом наложил резолюцию: “Убирайтесь со своими сказками на Северный полюс. Между Голландией и Англией нет радиосвязи. Ф-2087 дается три дня на прояснение этого противоречия”⁷⁹. Буквально в последние часы отпущенного срока агент предоставил доказательства установления контакта с заброшенным из Лондона капитаном резерва голландской армии ван ден Бергом, который не выходил в эфир из-за поломки передатчика. Естественно, что засечь неработающую станцию радиоконтрразведка не могла. В знак своего триумфа Вурр дал операции название “Нордполь” (“Северный полюс”), под которым она и вошла в историю разведки как одна из наиболее известных радиоигр. Сведения о ней были открыты общественности в 1948 году, после состоявшихся по этому вопросу слушаний в голландском парламентском комитете. Практически игра началась после прибытия в Голландию одного за другим двух агентов-радиистов СИС с новыми шифрами. Первым из них был Йоханнес тер Лаак, при неудачном приземлении с парашютом разбивший свой передатчик. Второму агенту по имени Вильям ван дер Рейден повезло еще меньше, при высадке с судна он утопил свою станцию, однако шифр сохранил. К этому времени тер Лаак сумел отремонтировать рацию и ввести ее в строй, но шифров не имел. МИ-6 приказала им пока работать вместе, чем грубо нарушила систему безопасности, замкнув двух агентов на один передатчик и один шифр. 13 февраля 1942 года при обычной текущей проверке гостиницы в Вассенааре гестапо арестовало обоих разведчиков. После соответствующей обработки в абвере оба не успевших уничтожить шифр радииста согласились участвовать в радиоигре. По одним данным, ван дер Рейден сообщил немцам о двух установленных для него сигналах опасности, но сумел вставить в радиogramму третий контрольный сигнал, о котором умолчал. Лондонский оператор, приняв сообщение, понял, что агент схвачен, и не подтвердил прием. Немцы были весьма обескуражены, как они полагали, провалом радиоигры. Однако возглавлявшейся подполковником Гискесом группе

абвера III "Ф" в Голландии повезло: 6 марта германские пеленгаторы засекали агентурный передатчик с позывными UBX, на котором работал агент голландской секции СОЕ Хуберт Лауэрс ("Эбenezер"). Дом был окружен, радист попытался выскочить в окно, но вблизи дома был пойман с тремя зашифрованными текстами сообщений в кармане. Находившийся тогда в Париже Гискес был уведомлен об этом срочной телеграммой: "UBX захвачен сегодня в 08.00. Оператор и помощник арестованы. Захвачены коды и много шпионского снаряжения"⁸⁰. Получив ее, подполковник немедленно возвратился в Гаагу.

Хуберт Лауэрс

Лауэрса забросила в страну голландская секция СОЕ 11 ноября 1941 года вместе с руководителем миссии Тийсом Таконисом ("Катарр") для установления связи с группой Сопротивления, которая оказалась глубоко пронизана немецкой агентурой. Следует отметить, что оба агента были фактически обречены уже хотя бы по причине ненадлежащего изготовления документов прикрытия. В их фальшивых удостоверениях личности пара королевских львов на водяном знаке смотрела не друг на друга, как положено, а в одну сторону, да и по виду они, как впоследствии вспоминал Лауэрс, более напоминали деревянных карусельных лошадок. Агенты заметили это и запротестовали, но руководивший ими офицер отменил возражения

Тийс Таконис

как несущественные. Совершенно разных по росту и типу сложения Такониса и Лауэрса забросили в одинаковых по размеру костюмах и дали им для покрытия первых нужд серебряные монеты, уже изъятые из обращения оккупационными властями. Затем их пути разошлись, Таконис отправился в Арнем на связь с участниками Сопротивления капитаном ван ден Бергом, Теллером и Риддерхофом. Последний оказался двойником и работал на абвер за вознаграждение в сумме 2000 флоринов. К этому моменту немцы располагали уже не только отобранными у ван дер Рейдена шифрами СИС, но и шифрами СОЕ, ранее захваченными у агента Зомера. Его запеленговали и 31 августа захватили в Бильдховене около Утрехта с примерно сотней зашифрованных и открытых текстов радиogramм. Зомер отказался работать на немцев, но на фоне компрометации шифров это не имело никакого значения. Унтер-офицер абвера Е. Май раскрыл криптосистему и смог прочесть перехваченные сообщения "Эбenezера" еще до его задержания. Попытавшийся потянуть время Лауэрс заявил немцам, что будет сотрудничать с ними, если те смогут прочесть его зашифрованные телеграммы. Тогда германский офицер, улыбаясь, взял в руки шифровку и заметил ему: "Ах, я вижу, крейсер "Принц Ойген" все еще в Шиедаме!"⁸¹ В радиogramме действительно шла речь о пребывании этого корабля в указанном месте, и это сильно деморализовало радиста. После недели допросов 12 (по другим данным, 15) марта он сделал вид, что соглашается на перевербовку и участие в радиогриге. Лауэрс рассчитывал использовать сигнал опасности, но хорошо ориентировавшийся в своем деле Гискес спросил его: "И какую же ошибку вы должны сделать?"⁸² Не надеясь на удачу, радист назвал ему произвольную схему искажения текста, однако контрразведчик с улыбкой сообщил действительный сигнал. Агентурный номер Лауэрса был 1672, и он должен был в каждой 16-й букве делать ошибку, причем принципиальную, не позволявшую отнести ее на счет помех при передаче. Например, три точки следовало заменять не на две или четыре, а на тире. Случайным образом в двух из трех перехваченных радиogramмах "Эбenezера" сигнал опасности пришелся на слово "STOP". Несмотря на шок при аресте, Лауэрс заметил это совпадение и решил ввести немцев в заблуждение. Вместо замены 16-й буквы он в каждой радиogramме заменял "STOP" на "STEP", "STIP" или "STUP", причем немцы не распознали уловку и полагали, что так и требуется. Длительное отсутствие "Эбenezера" в эфире встревожило руководство секции "N", однако после получения радиogramмы в Лондоне, как ни странно, полностью успокоились. Более того, когда молодой офицер в центре обратил внимание на наличие в тексте измененного слова "STOP" вместо согласованного изменения 16-й буквы, что по всем канонам означало сигнал опасности, ему приказали не лезть не в свое дело и объяснили, что агент наверняка попросту забыл инструкции. Трудно поверить, но до конца 1943 года в СОЕ вообще, как

правило, не обращали внимания на подобные “мелочи”. Кроме того, хотя ван дер Рейден и сумел сохранить в тайне один из сигналов опасности, однако в стремлении остаться в живых он вел долгие беседы со специалистами абвера о принципах организации шифрованной связи СОЕ, в чем против собственной воли оказался им крайне полезным.

Е. Май

Поняв, что по какой-то неизвестной ему причине в Лондоне не обращают внимания на сигналы опасности, Лауэрс задался целью вставить в радиограмму английское слово “Схвачен” (“Caught”). Первоначально он собирался использовать стремление СОЕ маскировать свою конспиративную радиосвязь под работу коммерческих станций, для чего операторы вставляли в радиограммы общепринятые сокращения, в частности, сигнал об окончании передачи информации QRU (— — · — · — · · —). Это позволяло относительно легко замаскировать под него первую часть сигнала CAU (— · — · · — · · —). Существует версия о том, что Лауэрс постоянно вставлял в начале сообщения “CAU”, а в его конце “GHT”, но лондонские операторы считали это рутинными мероприятиями, предназначенными для защиты радиограмм от вскрытия противником, и при передаче принятых текстов в дешифровальную секцию попросту выбрасывали лишние, с их точки зрения, сочетания букв. Однако дело обстояло далеко не так просто. Контролеров абвера, СД и полиции (орпо) было абсолютно невозможно ввести в заблуждение столь примитивным способом, и радиограммы “Эбenezера”, как правило, не содержали таких явных знаков неповиновения. Если передача первой части слова “Caught” была относительно безопасной, то со второй его частью — GHT — риск усиливался многократно, и после долгих размышлений Лауэрс пришел к выводу о необходимости привязать к “официальному” тексту все слово целиком. Вскоре такая возможность представилась при шифровании одной из подготовленных немцами радиограмм, в которой содержалась группа CRAGS. В записи знаками азбуки Морзе она была весьма похожа на усеченное слово “Схвачен” (“CAUGH”):

C	R	A	G	S
— · —	· — ·	· —	— · —	· · ·
C	A	U	G	H
— · —	· —	· · —	— · —	· · ·

Перенос точки из конца второй буквы в начало третьей и добавление четвертой точки в последней букве вполне могли сойти за произвольный сбой при передаче. Учитывая требования повтора каждой группы дважды, переданная в октябре 1942 года начало радиограммы № 36 из 18 групп имела следующий вид (“GR3” означало: “Я ошибся”):

NR36 GR 18 34512 ETKGO NSPNO CAUGH T GR3 CAUGH T GR3 CAUGH T GR3 CRAGS LVGAP ...⁸³

На этот раз оператор центра обратил внимание на сигнал и вместо стандартной квитанции о приеме радиограммы “R” передал “RRRRR”, что означало “вполне ясно”. Это не ускользнуло от внимания осуществлявших текущий надзор за радистом полицейских из орпо. Они доложили Гискесу о попытке агента сообщить о провале и работе под контролем, после чего Лауэрса отстранили от ключа. Он ожидал многого, но только не того, что произошло: оператор в центре, как ни в чем не бывало, принял его сообщение. На самом деле он просто не обратил внимания на сигналы, однако Лауэрс решил, что его арест был замечен, и центр сам решил поиграть с немцами. Это было роковой ошибкой и началом радиоигры абвера “Нордполь”.

Однажды сотрудник радиоцентра СОЕ, не обнаружив сигналов, указывающих на безопасность агента, раздраженно передал: “Проинструктируйте нового оператора о пользовании сигналами опасности!”⁸⁴. Лауэрс совершенно не понимал происходящего и различными способами периодически пытался предупредить Лондон о своем провале. Немцы поселили его вместе с другим использовавшимся ими в радиоигре агентом Х. Йордааном (“Джефферс”), также не смирившимся со своей пассивной ролью и стремившегося предупредить Лондон о происходящем. По согласованию с ним Лауэрс вставил в массив текста разбитую на отдельные буквы фразу “РАБОТАЮ НА ДЖЕРРИ (т. е. немцев — И. Л.) С ШЕСТОГО МАРТА ДЖЕФФЕРС ТРЕТЬЕГО МАЯ”⁸⁵, однако немцы пресекли ее посылку в эфир. Вероятно, до

СОЕ дошла лишь часть радиограммы, тем не менее, нарушение процедуры шифрования в ней должно было встревожить отвечающих за безопасность сотрудников. В действительности же единственными свидетелями отчаянных попыток “Эбенезера” были только юные (до 20 лет) операторы радиоцентра СОЕ, крайне перегруженные работой и не вдававшиеся в смысл принимаемых сообщений. Все ухищрения радиста они просто опускали, а постоянное отсутствие сигналов опасности, как уже отмечалось, в первые годы войны считалось в службе нормой. Тем временем Лауэрс полагал англичан значительно более осторожными и постоянно ждал негласного прибытия контрразведывательной миссии с целью проверки сетей, но безрезультатно. Следует отметить, что все перечисленные вопиющие нарушения происходили без ведома группы агентурных шифров секции связи СОЕ, и поскольку дешифровальщики просто не знали об этом. Талантливый организатор Лео Маркс впоследствии продумал систему вставляемых в сообщения сигналов опасности и уберег СОЕ от многих затейных немцами радиоигр, однако не сумел предотвратить самую масштабную дезинформацию абвера “Нордполь”. Маркс знал, что постоянно работавшие в стрессовых ситуациях агенты сплошь и рядом неправильно использовали сложные в применении шифры двойной замены, и, в среднем, пятая часть принятых радиограмм имела более или менее серьезные ошибки. Он специально ориентировал 400 своих сотрудниц на то, что “не должно существовать такого понятия как недешифруемое сообщение”⁸⁶, и требовал от них обязательно разобраться в тексте и не подвергать агента риску повторения передачи. Для решения этой задачи дешифровальщицы зачастую делали тысячи попыток! В 1942 году он обратил внимание на безукоризненную точность составления абсолютно всех посланий из Голландии от всех агентов, причем никаких ошибок не допускали даже те, кто в ходе учебного курса показал себя далеко не самым аккуратным шифровальщиком. Их личные дела пестрели информацией о типовых ошибках в перестановке букв, в подсчете длины ключевых слов, в замене местами строк и столбцов, допущенных в спокойных условиях инструктажей. А в боевой обстановке, после ночных прыжков с парашютом, во вражеском окружении, при ограниченном времени на шифрование ошибки внезапно прекратились. Маркс задумался над этим и предположил, что, возможно, агенты шифруют свои сообщения не сами, а за них это делают захватившие их контрразведчики противника. Он направил руководству доклад с описанием своих сомнений, однако получил лишь невнятный ответ о том, что ситуация изучается. Тогда руководитель группы агентурных шифров на собственный страх и риск предпринял наступательную криптографическую акцию. Он дождался аннулирования одной из предназначенных для отправления радиограмм, и не выполнил этого, а передал текст операторам для отправки агенту. При этом Маркс сознательно запутал ее так, чтобы прочесть сообщение смог лишь весьма квалифицированный шифровальщик. Агент ни при каких условиях не смог бы расшифровать его и в нормальной ситуации неизбежно попросил бы Лондон повторить радиограмму. Немецкие же криптографы-профессионалы были в состоянии прочесть искаженную шифровку, но лишь после нескольких дней работы. Так и произошло, и Маркс доложил об этом руководителю секции связи СОЕ, в непосредственном подчинении которого работал. Случай стал предметом самого серьезного разбирательства, но не в том направлении, которого он ожидал. Самовольные действия руководителя группы агентурных шифров по отправке агенту аннулированной радиограммы являлись серьезнейшим нарушением правил безопасности, и на совещании под председательством заместителя исполнительного директора СОЕ Габбинса Марксу было сообщено, что его проступок весьма серьезен и заслуживает весьма строгого наказания, возможно, даже увольнения из организации. Относительно сути проверки ему заявили, что руководство озабочено этим вопросом и будет исследовать его. Пока же Габбинс категорически запретил обсуждать тему с руководством секции “N” и никогда и нигде не упоминать о ней. Позднее, даже спустя десятки лет после окончания войны, Маркс не мог простить себе, что не настоял на подозрениях, возникших у него в отношении агентов голландской секции, и не дошел с ними до самого премьер-министра.

С позиций сегодняшнего дня совершенно невозможно понять такую беззаботность секции “N” в отношении безопасности своих сетей. Объяснить это можно разве что отставанием подразделения от требований руководства СОЕ и стремлением срочно добиться успехов любой ценой. Как бы то ни было, истоками операции “Нордполь” являются грубые нарушения британскими спецслужбами даже не просто требований, но основополагающих принципов конспирации и излишнее доверие к своей агентуре. Кроме того, подготовленных радистов было мало, каждый из заброшенных часто обслуживал две и более группы, поэто-

му его провал влек за собой особо тяжкие последствия. Ни в СИС, ни в СОЕ не обратили внимания на то, что практически все передачи из Голландии ведутся из нескольких точек, а именно из городов, расположенных на севере страны, тогда как агенты должны были действовать в основном на юге и юго-западе. На самом деле все четырнадцать передатчиков со временем обслуживались шестью специально обученными имитировать почерк радиста операторами из полиции орпо. Сыграло свою роль отсутствие у СОЕ практики фиксации почерка собственных радистов, а когда в конце 1943 года такая система была все же введена, было уже поздно. Кроме того, Лондон не придавал значения многозначительному факту выбора агентами мест приема парашютистов и грузов в удобных для контроля районах, вопреки своим же рекомендациям. Немцы весьма основательно подходили к выбору этих мест. Бывший резидент в Турции Пауль Левекюн, сам непосредственно не участвовавший в такой работе, но хорошо знакомый с ней, впоследствии вспоминал: “Подготовка к подобным выброскам всегда была захватывающим делом. Площадки требовалось тщательно подбирать, требуемые световые сигналы — размещать в нужных местах, принимающие группы находились в готовности к приему контейнеров и любого агента, который мог быть сброшен вместе с ними. Сложность этой задачи усугублялась тем обстоятельством, что ее необходимо было осуществлять в гражданской одежде и не ставя в известность любые германские части, которые могли быть расквартированы поблизости; поскольку таковые не были подготовлены для этого вида работы, и их вмешательство, скорее всего, привело бы к катастрофе и разрыву драгоценного радиоконтакта”⁸⁷.

Все разведывательные службы Британии и эмигрантского правительства Нидерландов пребывали в наивной уверенности в том, что их люди установили контакты с группами Сопротивления, формируют вооруженные отряды, совершают диверсии и добывают разведывательную информацию. На самом деле все они задерживались сразу же после приземления, грузы захватывались, а все сообщения о диверсиях в основном являлись дезинформацией. До конца 1942 года были арестованы 37 заброшенных разведчиков из общего числа 41 (из них умерли, погибли или совершили самоубийство 33, а один бежал, но впоследствии был вновь арестован и казнен) и погибли при высадке 2⁸⁸. С начала 1943 года к работе секции “N” подключилась МИ-9, вследствие чего проходившие через Нидерланды каналы эвакуации также оказались скомпрометированными. Движение Сопротивления влачило жалкое существование, и через “Нордполь” абвер и СД вышли на британские агентурные сети и группы Сопротивления в Бельгии и Франции. Одной из проблем немцев являлась необходимость разрабатывать дезинформацию в огромных объемах, справляться с этим было трудно, и поэтому от имени перевербованных или просто арестованных руководителей групп периодически поступали в Лондон предложения в целях безопасности на некоторое время свернуть передачи по какой-либо из линий связи. Но в любой ситуации в радиоигре всегда участвовали не менее шести передатчиков.

После войны каминная полка в доме Гискеса была уставлена металлическими флягами, имевшими форму, позволяющую вкладывать их в пистолетную кобуру. Они входили в экипировку агентов СИС, и после приземления сотрудник абвера выпивал с прибывшим по глотку виски из фляги прежде, чем арестовать его. Для большинства этот глоток спиртного стал последним в жизни. Столь драматическое развитие событий породило у историков массу гипотез относительно их подлинных причин. Многие исследователи отказывались верить в то, что британская разведка могла действовать так непрофессионально, и искали скрытую подоплеку успеха абвера. Чаще всего использовались две версии, согласно первой из которых СИС и СОЕ воспользовались гибелью своей агентурной сети, чтобы на фоне этого скрытно развернуть в стране параллельный аппарат, маскируя свои усилия постоянными забросками грузов и агентов, попадающих в руки Гискеса. Вторая версия намного масштабнее. Она заключается в предположении того, что погибшие агенты и участники Сопротивления были принесены в жертву дезинформации, имевшей целью убедить немцев в предстоящем вторжении в Европу именно в Голландии. Судя по всему, обе гипотезы достаточно далеки от неприглядной истины и не подтверждаются документально, а преследуют цель реабилитировать британское разведывательное сообщество. Не исключено что это является вполне конкретной пропагандистской акцией СИС, репутация которой сильно пострадала от операции “Нордполь”.

Вести радиоигру с МИ-6 Гискесу было сложнее, чем с СОЕ, поскольку имитировать несовершенные акты саботажа и докладывать о формировании вооруженных отрядов про-

ще, чем подбирать дезинформацию. Поэтому абвер чаще сообщал о гибели агентов разведки при приземлении или в перестрелке с полицией, и сотрудники СИС полагали свою деятельность в Голландии менее успешной, чем у СОЕ. На самом же деле в одинаковом положении находились все. Например, Гискес знал не только имена всех офицеров секции "N", но и их семейное положение, проблемы, пристрастие к определенным сортам сигарет или напитков и хобби. Переписка с центральным аппаратом абвера велась по телексу и поэтому не поддавалась перехвату. Это означало, что ни ISOS, ни ISK не могли обеспечить англичан достоверной информацией о происходящем в Голландии. Тем не менее, в мае 1943 года Чарльз Сеймур, сменивший Рабайяти на посту офицера связи СИС со специальными службами Нидерландов, заподозрил, что с сетями СОЕ не все в порядке. Всегда подозрительный полковник Дэнси обменялся информацией с разведкой ВВС АИ, которая также была обеспокоена сложившейся в небе над Нидерландами ситуацией. Зимой 1942/1943 года там погибли 12 бомбардировщиков, что составляло 18% от всех самолетов-вылетов. Из-за таких непропорционально больших потерь в мае 1943 года ВВС запретили вылеты в Голландию. В августе 1943 года в Великобританию вернулся избежавший ареста агент МИ-6 Леен Пот и доложил, что практически никакие диверсии или акты саботажа там не совершались. Ему не поверили, в особенности по причине организованной абвером масштабной инсценировки. В Роттердаме около моста через Маас при большом стечении публики была взорвана и затонула якобы груженная авиационными запасными частями баржа. В действительности в трюме лежали детали сбитых английских самолетов. Такая дезинформационная акция значительно укрепила доверие Лондона к своим сетям, после чего СОЕ передал агентуре приказ об уничтожении 14 видных коллаборационистов. Среди них были президент банка Нидерландов и его заместитель, начальники организационного и пропагандистского отделов местной фашистской организации НСБ, региональный руководитель НСБ в Дренте, командир полувоенных добровольческих формирований ВА, глава Голландского трудового фронта, руководитель местных СС и другие заметные фигуры. Этого абвер допустить не мог, и по каналам радиоигры Гискес втянул британцев в бесконечные проволочки. В центр ушла информация о сильной охране объектов покушения и необходимости присылки для решения поставленной задачи команды из специально подготовленных боевиков. В абвере точно знали, что такой группы у СОЕ нет, и настаивали на ее прибытии. В результате к середине декабря тема затихла сама собой.

Однако еще до этого, 30 апреля 1942 года, Габбинс доложил Хэмбро о том, что голландские власти не знают, на какую из своих подпольных групп они могут положиться без риска попасть на агентуру противника. В качестве меры безопасности было принято решение направить в Нидерланды контрразведывательную миссию в составе К. Беукема Тое Ватера ("Кале") и С. Дрооглевер Фортуйна ("Мэнголд"). Они были арестованы при приземлении 26/27 июня 1942 года и казнены в Маутхаузене в сентябре 1944 года. Все это произошло из-за элементарной ошибки: забрасывавшиеся для проверки сетей СОЕ "Кале" и "Мэнголд", о прибытии которых центр намеренно не сообщил агентуре "в поле", вылетели в одном самолете вместе с агентами Й. Буйзером ("Шпинат"), Г. Жамброузом ("Мэрроу"), Й. Буккенсом ("Мэрроу II"), Г. ван Хемертом ("Лик А") и Р. Йонгели ("Пэрсли"). Всех их ожидали немцы, внезапно для себя захватившие на двух человек больше, чем планировали. В середине февраля 1943 года два пьяных эсэсовца из охраны проговорились на вечеринке, что немцы арестовали в Голландии десятки британских агентов и захватывают все присылаемое для них снабжение. Присутствовавший там же участник Сопротивления В. Кик зафиксировал эту информацию и по цепочке передал ее в Лондон, но до СОЕ она не дошла, поскольку одним из звеньев оказался двойник СД ван дер Ваальд. Реальное подтверждение опасений поступило от агентов СОЕ П. Дурлейна ("Спраут") и Джона Бернарда Уббинка ("Чайв"), арестованных при приземлении 29/30 ноября 1942 года и в ночь на 29 августа следующего года сумевших сбежать из тюрьмы гестапо. Побег был усложнен совершенной незадолго до этого неудачной попыткой ван ден Гиссена. Человек огромной физической силы, он голыми руками сломал решетку своей камеры и выскользнул наружу, однако был пойман на территории тюрьмы. Немцы предупредили всех участвовавших в радиоигре заключенных, что при повторении таких ситуаций данные им гарантии сохранения жизни автоматически отменяются. Были введены новые правила, согласно которым в 20.00 обитатели камер должны были снимать обувь и брюки и выкладывать их в коридоре перед своими дверями. Уббинк и Дурлейн не были знакомы друг с другом, но содержались в соседних камерах и смогли

П. Дурлейн

наладить связь через небольшое отверстие в стене. Они заметили, что после раздачи ужина, происходившей с 18.00 до 18.30, в помещении оставался всего один солдат СС, по состоянию здоровья непригодный к строевой службе. Агенты на цыпочках выбрались мимо задремавшего охранника и спрятались в туалете, где убедились, что поверхностно проведенная проверка не выявила их отсутствия. Под прикрытием дождя Уббинк и Дурлейн перелезли через стену и прошли в порванной на колючей проволоке одежде более 10 километров до известной им явочной квартиры. Однако она находилась в магазине, который ночью,

Дж. Уббинк

естественно, был закрыт. Агенты рискнули довериться настоятелю ближайшей католической церкви, который в конечном итоге связал их с Сопротивлением и помог выбраться из страны. Обоим сильно повезло, поскольку они совершенно случайно попали на одну из немногих оставшихся неизвестными немцам линий эвакуации. Уббинк и Дурлейн более пяти месяцев добирались из Голландии в Великобританию через Берн и Мадрид, но по прибытии были арестованы МИ-5. Немцы предвидели возможность их попадания домой и по контролируемым каналам заблаговременно довели до сведения СОЕ, что оба агента подозреваются в предательстве. Особенно способствовало этому то обстоятельство, что работавший с Уббинком унтерштурмфюрер Лар из СД своей информированностью о процессе обучения, структуре секции "N", системах связи и шифрования и т. д. сумел убедить агента в наличии у немцев источника в центральном аппарате СОЕ. Арестованных отпустили на свободу лишь в ноябре, после поступления дополнительных настораживающих сведений.

С этого момента операция "Нордполь" стала сбавлять обороты. Британцы вначале не могли постичь масштаб катастрофы, полагая, что речь идет о локальных проблемах, однако когда несколько недель спустя они снизили интенсивность радиообмена практически по всем линиям связи, Гискес понял, что игру пора заканчивать. 1 апреля 1944 года, в "День всех дураков" он через 10 британских агентурных передатчиков отправил в Лондон адресованное предыдущему и действующему руководителям секции "N" СОЕ сообщение, для непосвященных выглядевшее простой коммерческой радиোগраммой: "Господам Бланту, Бингэму и преемникам, Лтд. Вы пытаетесь вести дела в Голландии без нашей помощи. Полагаем, что это несколько нечестно ввиду нашего долгого и успешного сотрудничества в качестве вашего единственного агента. Но не сомневайтесь, что когда бы вы ни намеревались нанести визит на континент, вы можете быть уверены, что будете приняты с тем же вниманием и результатом, как все те, кого вы посылали к нам раньше. Всего хорошего"⁸⁹.

В Лондоне постепенно стали осознавать глубину провала. Оказалось, что лишь 25 пар диверсантов, засланных в страну голландцами независимо от основной массы агентов, не

Сеймур Бингэм

были расшифрованы еще до своей посадки в самолеты, да и из тех 50 человек не менее десятка погибли или были захвачены в плен. Локализовать провал было невозможно, но он повлек цепочку кадровых перестановок как в голландской, так и в английской разведке. Через нескольких независимых агентов СОЕ попытался выяснить, что же конкретно произошло в Нидерландах, однако успеха не добился. Руководитель секции "N" Бингэм передал дела Добсону и был отправлен в Австралию, поскольку на европейском театре военных действий его присутствие было явно нежелательно.

Р. И. Добсон

Центральная разведывательная служба эмигрантского правительства Нидерландов была распущена еще ранее, и теперь всю тяжесть ответственности за последствия произошедших провалов понес руководитель Военного бюро приготовлений к возвращению (БМВТ) де Брюйн. Указом королевы Вильгельмины создавалась новая разведывательная организация под названием Бюро разведки (БИ). В правительстве вспомнили также и о давнем партнере британцев генерале ван Ооршоте и поручили ему руководство вновь созданным курировавшем военную разведку Бюро по специальным операциям (ББО). Обе структуры немедленно переориентировались на американцев, с которыми попытались установить сотрудничество вместо англичан. Организации Сопротивления ОД, КП и РВВ создали объединенную сеть под кодовым обозначением “Дельта”, с сентября 1944 года официально вошедшую в состав голландских вооруженных сил с подчинением ее руководителя принца Бернхарда верховному главнокомандующему экспедиционными силами в Европе генералу Эйзенхауэру. Казалось подпольные и разведывательные группы постепенно восстанавливались, и в преддверии высадки союзных войск на них были возложены задачи сохранить наиболее уязвимые объекты инфраструктуры, имевшие стратегическое и общенациональное значение. Агенты-проводники парами забрасывались через линию фронта, принося с собой информацию о расположении минных полей и огневых точек германских войск.

Однако секретные службы союзников по антигитлеровской коалиции, казалось, преследовал в Нидерландах и Бельгии злой рок. К концу 1944 года немцы разгромили значительную часть сил “Дельты”, захватив, помимо прочего, 15 радистов и столько же британских разведчиков. Провала не избежала и агентура размещившейся в Лондоне голландской секции ОСС, в штате которой вначале состоял единственный офицер Ян Лэверидж.

В июле 1944 года служба разведки Верховного штаба союзных экспедиционных сил (СХАЕФ) получила в оперативное подчинение американскую группу “Мелани” из шести офицеров и десяти рядовых. Ее задачи вписывались в круг интересов оперативной разведки. Собственно, во время наступления даже в глубоком тылу противника, как правило, не следует ожидать какого-либо результата от стратегических разведывательных операций, если таковые и удастся организовать. Начиная с 15 августа 1944 года, группа “Мелани” должна была выяснять состав и дислокацию германских сил в глубине укрепленной “линии Зигфрида”, расположение штабов и командных пунктов противника любого уровня, органов экономического управления и архивных хранилищ, а также собирать информацию о руководителях рейха от высшего до низшего звеньев. В своей части задания военный министр Нидерландов предписал им производить “передачу информации, полученной от сетей голландской военной разведки, пытаться вербовать агентуру и расширять голландские сети на территорию Германии”⁹⁰. Американцы с различной степенью успеха выполняли свои задания, но не сумели справиться с обеспечением амбициозного плана командующего британскими экспедиционными силами генерала Монтгомери “Маркет Гарден” по охвату Рура с левого фланга. Первая часть операции под названием “Маркет” представляла собой масштабную воздушно-десантную операцию по захвату семи мостов через каналы и реки Маас, Ваал и Нижний Рейн. Это дало бы возможность провести вторую часть — операцию “Гарден”, в ходе которой прошедший по захваченным мостам британский бронетанковый корпус должен был овладеть значительной территорией страны в районе Арнема. Несомненным успехом голландских и бельгийских спецслужб и в некоторой степени СОЕ являлась организованная в этих двух странах забастовка, парализовавшая железнодорожное сообщение на их территориях. “Радио Оранж” из Лондона призвало железнодорожников прекратить работу, и в полночь после начала операции все поезда остановились. В Западной Европе немцы обеспечивали безопасность тыла иными методами, чем на Востоке, и забастовщики пострадали только от прекращения выплаты заработной платы. Отчасти эти убытки компенсировались им по каналам СОЕ, тайно доставлявшем из Великобритании деньги для железнодорожников. Нарушенные коммуникации значительно снизили возможности германского командования по перегруппировке сил, и тогда движение восстановили с помощью присланных из рейха гражданских специалистов, которым помогали солдаты. В качестве репрессивных мер по отношению к населению Нидерландов немцы запретили любые перевозки по внутренним водным путям и поставили на прикол все речные баржи. Это подорвало систему продовольственного снабжения страны и зимой 1944/1945 года привело к гибели от голода 16 тысяч голландцев.

Арнемская воздушно-десантная операция была самой грандиозной из проведенной союзниками за всю войну. Высадка продолжалась в течение двух дней. 17 сентября 1944 года десант перевозили 1544 транспортных самолета и 491 планер, на следующий день для этого были использованы 1360 самолетов и 1203 планера. Они доставили парашютным и посадочным способом в тыл боевых порядков немцев 34876 человек, 568 орудий, 1296 автомобилей и 5227 тонн различных грузов. С воздуха высадку обеспечивали 1113 бомбардировщиков и 1240 истребителей. Увы, она обернулась сокрушительным разгромом, главной причиной которого являлось плохое разведывательное обеспечение действий войск. В Голландии в очередной раз произошла цепочка провалов агентуры и досадных случайностей, в Лондоне была неправильно истолкована информация, полученная по каналу “Ультра” и слишком оптимистично оценены результаты воздушной разведки. Ошибочные прогнозы погоды дополнялись плохой топографической разведкой ландшафта и неправильной оценкой пропускной способности дорог. Из-за обоснованных опасений инфильтрации немецкой агентуры в местные организации Сопротивления их данные о присутствии в районе высадки масс немецких войск были сочтены дезинформацией. Все это в итоге привело к одному из крупнейших за всю войну разведывательных провалов. Легко вооруженные десантники попали прямо к боевым порядкам двух танковых дивизий СС и понесли потери в 10,5 тысяч человек убитыми и пленными. Естественно, наступление британских танкистов также захлебнулось.

С подачи известного голландского контрразведчика Ореста Пинто провал операции “Маркет Гарден” часто увязывают с предательством одного из руководителей Сопротивления Кристиана Линдемана, за свои огромные размеры прозванного “Кинг Конгом”. Пинто утверждал, что изменник передал немцам планы высадки десанта и тем самым обрек на гибель и плен тысячи солдат и офицеров союзных войск, однако последующие непредвзятые исследования американских и канадских историков, а также расследование, произведенное голландской парламентской комиссией, показали ошибочность этого мнения. Хотя “Кинг Конг” действительно работал на германскую контрразведку, выдать информацию о “Маркет Гардене” он просто не мог по причине абсолютного незнания о ней. В настоящее время полностью доказано, что ни англичане, ни американцы не ставили его или его коллег в известность о своих планах. Правда, официальная история голландского Сопротивления все же гласит, что Линдеманс предупредил немцев о готовящейся операции, однако ее авторы тут же заключают, что те ему не поверили. Хотя работа “Кинг Конга” на противника являлась достоверным фактом, и после войны он был казнен за государственную измену на основании неопровержимых улик, арнемскую трагедию относить на его счет не следует. Немцы действительно располагали одним агентурным сообщением о планируемой высадке, поступившим из Стокгольма 16 сентября, но на его основании уже ничего нельзя было успеть сделать, поэтому никакой заслуги германских спецслужб в этой победе вермахта и СС нет.

После разгрома десанта группа “Мелани” не прекратила существование и даже добилась некоторых локальных успехов. Наибольшим из ее достижений было вскрытие намерений немцев применить во время арденнского контрнаступления 1944 года подразделения, переодетые в американскую и английскую военную форму и снабженные соответствующей техникой и вооружением (операция “Гриф”). В актив американских разведчиков можно зачислить обнаружение нескольких стартовых позиций ракет V-2 и дислокации командных пунктов, в том числе поезда рейхсмаршала авиации Германа Геринга. Уже после перебазирования штаба группы в Эйндховен ее сотрудники и некоторые привлеченные голландские агенты занимались визуальной разведкой результатов стратегических бомбардировок. Естественно, “Мелани” являлась далеко не единственным разведывательным органом, обеспечивавшим потребности частей в получении информации о противнике и выполнявшим специальные задания. Как уже указывалось, созданная 23 марта 1943 года Штаб-квартира специальных сил (СФХК) приняла на себя руководство ведением разведки, диверсионными и партизанскими операциями на ТВД. Ей подчинялись Отряды специального назначения (СФДет), приданные следующим соединениям:

- 1-й СФДет — 2-й британской армии;
- 2-й СФДет — 5-й канадской армии;
- 3-й СФДет — 21-й группе армий;
- 4-й СФДет — 17-й американской армии;
- 10-й СФДет — 1-й американской армии;
- 11-й СФДет — 3-й американской армии;

- 12-й СФДет — 1-й американской группе армий;
- 13-1 СФДет — 9-й американской армии.

Кроме того, в операции “Маркет” участвовали четыре группы “Джедбург”:

- “Эдуард” (подчинена штабу воздушно-десантного корпуса);
- “Дэниел” (подчинена штабу 102-й воздушно-десантной дивизии США);
- “Кларенс” (подчинена штабу 82-й воздушно-десантной дивизии США);
- “Клод” (подчинена штабу 1-й британской воздушно-десантной дивизии).

Достигнутые ими некоторые успехи, однако, менее всего заключались в получении информации о противнике. Основными причинами этого являлись отсутствие налаженной радиосвязи со своими штабами и фактический разгром разведывательных сетей местных организаций Сопротивления. Для восстановления каналов связи с группами РВВ и КП были сброшены с парашютами семеро агентов, но места назначения смог достичь лишь Герт де Геде (“Ромми”). Четверо погибли в сбитом самолете, а еще двоих немцы захватили почти сразу после приземления. Разработанные специально для групп “Джедбург” УКВ-радиостанции немедленно отказались работать, поэтому связь смог поддерживать лишь радист “Эдуарда” Лен Уиллотт, бывший агент СОЕ в Греции, по собственной инициативе взявший в личный багаж старый коротковолновый передатчик. Ситуацию едва не спасло случайное обнаружение в Нейменгене не замеченной немцами междугородной телефонной линии. Одна из групп “Джедбург” передавала по этому каналу сообщения в штаб в Арнеме, однако вскоре информация об этом просочилась в прессу, после чего о ней узнали немцы. Группа “Кларенс” мобилизовала до 350 голландских добровольцев для строительства взлетно-посадочной полосы, но на этом ее вклад в операцию и закончился. С самого начала она понесла большие потери, поскольку была выброшена в район концентрации германских войск и в значительной степени утратила боеспособность. Два из трех транспортных самолетов, на которых летели бойцы группы “Дэниел”, были подбиты, и десантники выпрыгнули из них без груза, в том числе без передатчиков. Группа “Клод” сразу же вступила в бой и действовала как боевое подразделение по захвату моста, а разведывательные задачи выполнить не смогла. Зато важную роль в зафронтовых операциях сыграла бригада САС, состоявшая из двух британских и двух французских полков.

Все перечисленное было не более, чем частично удавшимися текущими войсковыми разведывательно-диверсионными операциями. Весьма важным направлением деятельности СОЕ являлась борьба с применением немцами с территории Нидерландов по Бельгии самолетов-снарядов V-1 и баллистических ракет V-2. Эта страница войны осталась в тени по сравнению с ударами по Лондону, однако простая статистика показывает всю серьезность проблемы. Всего из этого региона было проведено не менее 10 тысяч пусков V-1, из которых на Антверпен упали 4248. Город также подвергся ударам 1712 V-2, убивших 4229 человек, в том числе 714 военнослужащих из состава сил вторжения. Наиболее губительным было попадание 16 декабря 1944 года ракеты V-2 в переполненный кинотеатр, повлекшее гибель 296 военных и 271 гражданских лиц. Практически с той же интенсивностью ракеты падали на Льеж и Брюссель. Приходится констатировать, что в борьбе с этим оружием в Нидерландах достижения СОЕ, как и других спецслужб союзников, оказались практически нулевыми.

В целом следует признать, что если оперативная разведка в регионе была отчасти успешной, то в части стратегической разведки и наступательной контрразведки Нидерланды стали символом безоговорочной и абсолютной победы германских секретных служб над разведывательными органами Британии, Голландии и отчасти Соединенных Штатов Америки.

2. НЕИЗВЕСТНАЯ БЕЛЬГИЯ

В отличие от голландцев, бельгийцам германская оккупация была хорошо знакома. В Первую мировую войну, несмотря на мужественное сопротивление, их армия потерпела поражение, и страна на несколько лет оказалась во власти немцев. К 1940 году немало ветеранов войны еще пребывали в строю, однако силы противников были даже более неравны, чем раньше, и вермахт, обошедший с севера “линию Мажино”, потратил на захват Бельгии менее трех недель. Страна не получила статус управляемого из Берлина рейхскомиссариата, а являлась номинальным королевством. Монарх Леопольд III не смог или не пожелал эвакуироваться и сам объявил себя добровольным узником, но от престола не отрекся. Это не

позволяло легитимным путем сменить государственный строй, а нарушать конституционный порядок немцы по ряду причин не желали. В реальности верховная власть была сосредоточена в руках германского главнокомандующего генерала фон Фалькенхаузена, а президентом военной администрации Бельгии стал бригадефюрер СС Эггерт Редер. Контрразведывательное обеспечение расквартированных на территории страны частей и учреждений вермахта осуществляло АСТ-Бельгия, созданное 18 мая 1940 года в Брюсселе. До конца 1941 года его возглавлял подполковник Дишлер, затем полковник Шервес, а с апреля 1943 по март 1944 года — подполковник Шольц. Наступательная контрразведка относилась к компетенции секции III “Ф” под руководством майора Меринга и его заместителя Отто Вейна. Теоретически секция III “Ф” в Нидерландах курировала работу бельгийских коллег, но ее занятость в операции “Нордполь” была столь плотной, что бельгийские проблемы были целиком отданы на откуп местному АСТ.

В народе был силен дух свободы и презрения к “бошам”, поэтому первые группы Сопротивления начали стихийно создаваться практически сразу же после оккупации. Всего в стране зафиксировано существование двух военных организаций “Секретная армия” (АС) и “Бельгийский легион” (ЛБ), а также девяти гражданских, именованных, однако, в военном стиле:

- “Независимый фронт освобождения (ФИЛ);
- “Партизаны” (подчинялась ФИЛ);
- “Армия патриотической милиции” (подчинялась ФИЛ);
- “Национальное бельгийское движение” (МНБ);
- “Военная организация бельгийского сопротивления” (ОМБР);
- “Освободительная армия” (АА);
- “Нола” (группа саботажа);
- “Г” (группа саботажа);
- “Хоттон” (группа саботажа).

Все они, за исключением организованной СОЕ “Нолы”, возникли самостоятельно. Хотя британцы и стремились взять движение Сопротивления под свой контроль, это им не слишком удавалось из-за неконструктивной позиции эмигрантского правительства Бельгии. История взаимоотношений различных вовлеченных в этот процесс организаций описана в главе, посвященной Великобритании. Кроме оперативных соображений, на организацию подпольной работы в Бельгии существенное влияние оказали военно-географические особенности этого театра. Две трети территории страны весьма схожи с Нидерландами и представляют собой открытую густонаселенную местность, сильно пересеченную естественными и искусственными водными преградами. Это изначально предопределяло упор СОЕ на городские группы и резидентуры и исключало возможность партизанских действий по типу Югославии, Греции или некоторых районов Франции. Зато оставшаяся треть страны была занята лесистым горным массивом Арденн и вполне подходила для классических партизан. Относительная близость региона к авиабазам в Великобритании позволяла доставлять парашютистов в точки сброса значительно быстрее, чем это требовалось для достижения, например, Польши или Чехословакии. Направляемым в Бельгию агентам не приходилось лететь в течение десяти часов в неотопляемом отсеке и в полузамерзшем состоянии прыгать в ночь навстречу неизвестности, тогда как сам самолет на обратном пути неизбежно встречал наступающий рассвет и с ним — ПВО противника. Хотя в Бельгии, Нидерландах и на севере Франции располагались аэродромы ночных истребителей люфтваффе, создававших угрозу для самолетов союзников, в целом Бельгия была достаточно удобно расположена для проведения в ней разведывательных и специальных операций. Однако выполнять их должны были конкретные люди, а в начальном периоде их катастрофически не хватало.

Первый агент был направлен в страну еще до создания СОЕ секцией “D” МИ-6. Бельгийский бизнесмен Морис Симон, ранее периодически работавший на французскую СР, 18 июня 1940 года был тайно высажен на французском побережье Бискайского залива и направился на родину, якобы стремясь возвратиться к проживавшим там жене и двум детям. Агента снабдили 5 тысячами французских и 40 тысячами бельгийских франков и поставили ему задачу сбора продовольственных карточек и других оккупационных документов и изучения возможностей и перспектив распространения нелегальных пропагандистских изданий. Способы связи с Симоном не были оговорены. Агент успешно прибыл на место и устроился на работу в фирму, торговавшую посевным материалом, однако вскоре засветился и в середи-

не 1941 года был арестован. Немцы настолько высоко оценили его стремление сотрудничать с ними, что не только не подвергли никакому наказанию, но и зачислили его в штат органа тайной полевой полиции (ГФП), действовавшего во Франции и Бельгии. На этой должности Симон всегда старался предупредить потенциальных жертв о предстоящем им аресте и многих спас. В августе 1942 года агент бежал и сумел вернуться в Лондон, не выполнив задания, но доставив англичанам весьма полезные сведения о методах работы ГФП.

Одним из главных вопросов в организации специальных операций являлся подбор кандидатов в агенты для работы в оккупированной Европе. Не составляла исключения и Бельгия. В середине августа 1940 года в одном из военных лагерей в Западном Уэльсе содержались около 350 бельгийских солдат, сумевших ускользнуть от захвата в плен в Дюнкерке. Однако ввиду неконструктивной позиции эмигрантского правительства и “Сюртэ” этот вербовочный контингент оставался для британцев недостижимым в течение более полугода, и уже заканчивающая свое существование секция “D” смогла отобрать из него для организывавшегося СОЕ лишь 6 человек. Наиболее обширную вербовочную базу представляло собой местное население, но до него следовало еще добраться. Историк СОЕ М. Р. Д. Фуг следующим образом характеризует обстановку в стране: “В 1941 году Бельгия кишела потенциальными участниками Сопrotивления, не имевшими ни оружия, ни чувства конспирации, которые скапливались в кафе для организации заговоров, и потенциальными информаторами, посещавшими те же кафе в поисках слухов, которые можно было пересказать немцам и таким образом извлечь выгоду для себя”⁹¹. Зачастую выбор вербовщиков оказывался ошибочным. Именно так и произошло, например, с потерявшим руку под Дюнкерком офицером бельгийского флота Гастоном Херми (“Индепенденс”). Он получил задание вернуться на родину кружным путем через Испанию и Францию, приступить к изучению состояния коммуникаций и ожидать прибытия радиста. Агент отправился из Ливерпуля в Гибралтар, а в Испании, как впоследствии выяснилось, рассказывал всем о полученном им секретном задании. В Бельгию Херми прибыл с грузом пакетов и писем, переданных ему новыми приятелями из германского посольства в Мадриде. Стало ясно, что несостоявшийся агент предал британцев и использовал средства СОЕ исключительно для финансирования своего проезда домой. Первоначально в организации решили его устранить, но по здравом размышлении оставили эту идею и просто более не выходили с “Индепенденс” на контакт.

Как уже указывалось, первоначально агентурно-оперативная работа на территории Бельгии относилась к сфере действия французской секции “F” СОЕ, в которой эта задача была отодвинута на второй план. Поэтому 19 декабря 1940 года специально для работы в Бельгии и попутно в оккупированном немцами Люксембурге была организована секция “T”. Первым агентом новой структуры являлся Эмиль Тромме (“Цесаревич”), высадка которого оказалась крайне неудачной и наложила негативный отпечаток на весь дальнейший процесс сотрудничества спецслужб Бельгии и Великобритании. Его планировали выбросить с парашютом в районе германской границы, однако из-за ошибки штурмана в ночь с 12 на 13 мая 1941 года Тромме приземлился на территории рейха в 30 километрах от Аахена. Летчики не нажали также кнопку сброса груза, и агент оказался на земле без запасной одежды и передатчика. Немедленно по приземлении он обнаружил, что высадился внутри периметра лагеря для военнопленных, но сумел бежать и некоторое время скрывался. 4 октября 1941 года немцы арестовали его и через неполные пять месяцев казнили.

Вербовочная работа СОЕ продолжалась. В марте 1941 года из числа упоминавшихся бельгийских солдат в Западном Уэльсе отобрали еще 28 человек, но после собеседования годными к агентурной работе были признаны лишь несколько из них. Все же до конца года из 350 человек на задание отправились более 50. Практически все они погибли или были арестованы, вернулись лишь граф П. де Лидекерк (“Колье”), а позднее А. Венделен (“Мандамус”), Л. Ливлио (“Лемур”) и Ж. Панс (“Тоад”). Неудачи преследовали едва ли не всех забрасываемых в Бельгию агентов. В ночь с 6 на 7 июля 1941 года католический священник отец Журден (“Опинион”) и его радист Арман Леблик (“Муншайн”) направлялись на аэродром, и уже по дороге последний внезапно решил исповедоваться. В преимущественно протестантской Англии католического храма поблизости не оказалось, а резидент не имел права открывать свою принадлежность к церкви. Однако в итоге сделать это все же пришлось, Журден отпустил Леблику грехи, и они вылетели по назначению. В момент высадки “Опинион” сильно разбил лицо о люк самолета, а “Муншайн” повис за бортом на не сработавшем вытяжном тросике. После ряда попыток летчики смогли втянуть обратно радиста,

к этому моменту уже умершего из-за мороза и испытанного шока. В случае возврата тела на аэродром о случившемся необходимо было доложить гражданским властям, что было чревато рассекречиванием не только данной конкретной операции, но и всей организации, поэтому его выбросили в море.

Высадившийся с парашютом 12 августа 1941 года Арман Кампъон (“Перивиг”) уже через две недели был арестован и предал Гая Стинглхамбера (“Мусджид”), Альфонса Дельмейра (“Кантикл”), сержанта Дефлема (“Мул”), Л. Каанена (“Сэйбл”) и Ж. Пикара (“Лэмб”). Сам Кампъон погиб 7 сентября при случайном попадании авиабомбы в тюрьму в Брюсселе, где он содержался. Одни провалы тянули за собой другие. Арест Г. Ааренса (“Интерсекшн”) 27 марта 1942 года повлек за собой провалы В. Лемменса (“Коала”), Е. ван Лоо (“Оцелот”), Ф. Моро (“Койот”), В. Пасселека (“Инкампарэйбл”), Р. Копинна (“Мастиф”), П. Остерриета (“Платипус”) и Ж. Каррье (агент секции “DF”, захвачен в Париже). В результате провала Ж. ван Хорена (“Терьер”) 3 апреля 1942 года к немцам попали Р. Вутерс (“Монгуз”), О. ван Импе (“Арборетум”), У. Флотте (“Линкс”), В. Бернерд (“Минк”) и впоследствии бежавший М. Хоубен (“Шамуа”). В результате собственных провалов в Бельгии, кроме упомянутых, были арестованы агенты Ж. Кассар (“Хайерлинг”), Ж. Шохье (“Коньюгал”), Х. Верхаген (“Ромбоид”), Р. Серф (“Тайгер”), А. Леуро (“Лакер”) и агент НКВД СССР Я. Крюйт (“Бургунди”), а во Франции — Е. Куртен (“Маус”), Ж. Деталь (“Джипси”), Е. Вампах (“Вермийон”, первый арест), А. Шутен (“Уоркington”) и С. Клазе (“Бул”).

Достаточно драматична история Гая Стинглхамбера (“Мусджид”). СОЕ полагал его арест следствием успешной работы германских пеленгаторов, однако в действительности все обстояло иначе. Его радист Оскар ван Импе (“Арборетум”) сжег передатчик, по ошибке включив его в Брюсселе в сеть переменного тока, и резидент остался без связи. Пытаясь получить запасную рацию, о необходимости присылки которой он по запасному каналу сообщил в Лондон, Стинглхамбер провел 87 ночей в Арденнах в ожидании самолета, который так и не прилетел. Вместо этого центр замкнул на него линию связи Кампъона, что, как уже указывалось, завершилось арестом разведчика.

В самолете, доставившем Стинглхамбера в Бельгию, находилась еще одна пара агентов СОЕ: Я Маус (“Аутпост”) и его радист Андре Фонк (“Балаклава”). 12 мая 1942 года его передатчик был запеленгован, и после трехчасового поиска группе захвата удалось взять оператора прямо на ключе вместе с шифрами. Фонк связывался с Лондоном из расположенной в его родном доме кузницы. Несмотря на избиения и угрозу расстрела родителей, в течение нескольких дней радист не давал показаний. Неожиданно на его адрес поступило письмо, в котором упоминался “Леон” — кодовая подпись Фонка, причем из контекста становилось совершенно ясно, что это именно он. По марке и другим признакам контрразведчики быстро нашли и арестовали грубо нарушившего требования конспирации отправителя, которым являлся резидент “Аутпост”. Его арестовали и 8 июля казнили, но до того Маус успел выдать агентов Н. Бодсона (“Спрингбок”) и Ж. Стеркманса (“Уоллоуби”). Фонка также приговорили к смертной казни, однако вместо этого отправили в концлагерь, где ему удалось дожить до конца войны.

Подобных эпизодов в Бельгии было множество. Из заброшенных в период до конца 1942 года 58 разведчиков были арестованы 39 (из них не дожили до конца войны 25), погибли или пропали без вести 5, вернулся, не приступив к работе 1, совершил предательство по собственной инициативе 1. Из 12 заброшенных до октября 1942 года радистов погибли в зоне высадки или были арестованы 9, 1 (А. Леблик) умер в самолете, 1 из оставшихся на свободе (Ф. Вергухт) не имел передатчика и лишь 1 (Х. Верхаген) выполнил задание и благополучно возвратился обратно⁹². Самые тяжелые потери пришлось на 1942 год, в течение которого немцы захватили 32 из 36 заброшенных в страну агентов СОЕ, 14 из 16 сбросов снабжения, и со второй половины года вели с англичанами радиоигру практически через все действовавшие линии связи (8 из 8 в III квартале и 7 из 8 в IV квартале года)⁹³. Более тяжелая статистика потерь наблюдалась только в Нидерландах. К примеру, во Франции из числа 470 заброшенных секцией “F” агентов не вернулись 109, что пропорционально значительно меньше. Прискорбнее всего было то, что руководство секции “T” в подавляющем большинстве случаев не знало о провалах и в результате успешных радиоигр германской контрразведки пребывало в ложной уверенности относительно успешной работы своих резидентур и достижений групп Сопротивления.

Случались и истории совершенно иного рода. До сих пор не раскрыты подлинные имена агентов — кадровых британских офицеров под кодовыми обозначениями “Рэт”, “Гоат” и “Воул”, заброшенных в апреле 1943 года совместно секциями “F” и “T” для создания линий эвакуации из Брюсселя на юг Франции, откуда эвакуируемых предполагалось забирать самолетами “Лизандер”. Следует отметить, что понять замысел СОЕ в данном случае сложно, поскольку эти машины с аэродромов в Марокко лишь с большим трудом могли достигать планируемых точек посадки около Лиона и возвращаться обратно. Ограниченный запас горючего не позволял им совершать маневры уклонения, поэтому существовал большой риск падения в море из-за его выработки на обратном пути. Возмозжно, бессмысленность задания наложила свой отпечаток на дальнейшие действия этой миссии. Радиооператоры “Рэт” и “Гоат” высадились 14/15 апреля, их резидент “Воул” последовал за ними на следующую ночь, но его никто не встретил, что и послужило причиной первого конфликта внутри группы. “Рэт” докладывал позднее, что очень скоро у резидента произошел нервный срыв, в результате которого он неделями не выходил из своей комнаты. В последний раз его видели в середине мая, когда он покинул дом вместе с двумя другими членами группы. В июне “Гоат” был уже в Париже, где широко жил на деньги СОЕ, постоянно водил к себе случайных женщин, хвастался им, что работает на секретную службу, показывал рацию и даже устанавливал в их присутствии связь с Лондоном. Одна из подружек разведчика пришла в ужас и по секрету сообщила ему, что ее присутствовавшая в той же комнате подруга, по всей вероятности, работает на гестапо. Тогда “Гоат” с помощью девушки задушил возможного информатора и закопал ее тело. Впоследствии выяснилось, что погибшая не имела никакого отношения к оккупационным властям или их учреждениям. Как и следовало ожидать, такой образ жизни привел его к аресту 9 ноября 1943 года, в том же году он был расстрелян. “Рэт” сумел возвратиться в Великобританию в сентябре того же года. После войны англичане всерьез занялись поиском пропавшего резидента и вскоре нашли человеческие останки в колодезье того же дома, где до мая 1943 года проживала вся группа. Привезенная во Францию жена разведчика по сохранившимся приметам опознала тело своего мужа. Допрошенный “Рэт” показал, что помог “Гоату” застрелить “Воула”, в стойкости которого они сомневались.

На операциях в Бельгии весьма губительно сказывался так называемый синдром малой страны, когда вербовочная база была столь мала, что потенциальные агенты зачастую прекрасно знали друг друга. Потом они сталкивались в процессе обучения, нередко летели в зону выброски в одном самолете и, как следствие, на месте нередко контактировали между собой. Губительность такой практики с точки зрения безопасности совершенно очевидна, но человеческий фактор оказывался сильнее правил и соображений здравого смысла. Оказавшиеся на трудной и опасной нелегальной работе резиденты, агенты и радисты инстинктивно тянулись к психологической разгрузке в ходе общения, а результатом этого часто становились групповые провалы. Германская контрразведка контролировала не менее половины действовавших в каждый период линий связи СОЕ и соответствующее количество групп и организаций Сопротивления. Впрочем, немцы также не знали подлинную картину событий и зачастую оставались пленниками собственных ложных представлений. Вскоре после окончания войны В. Фликке утверждал: “За весь 1940 год в Бельгии не был захвачен ни один передатчик, хотя немцы располагали свидетельствами работы многих станций в этом регионе”⁹⁴. В действительности в 1940 году в Бельгии британских радистов просто не было, поэтому захватить их было весьма проблематично. Неясно, однако, о каких агентурных передатчиках упоминает бывший радиоконтрразведчик. Как мы уже видели, это не могли быть радиостанции СОЕ или МИ-6. Советские агенты-радисты в Бельгии не выходили в эфир до июня 1941 года (действия советской разведки в Бельгии рассматриваются в главе “Красный оркестр”). Группы Сопротивления могли выходить в эфир только эпизодически, поэтому считать их “многими станциями” оснований нет. Остается предположить, что либо Фликке желал преувеличить силы противника, либо просто германская аппаратура, как это зачастую случалось, засекала пеленги со значительными ошибками. Следует отметить, что процитированная книга содержит множество ошибок и неточностей, на часть из которых обращается внимание читателя в различных главах данной книги. Заслуживает, однако, внимания утверждение Фликке о том, что первые сведения о создании в Великобритании Исполнительного органа специальных операций и его внутренней структуре были добыты немцами именно в Бельгии. Не исключено, что это действительно так, поскольку первый

совершивший предательство агент СОЕ Гастон Херми (“Индепенденс”) окончательно перешел на сторону противника в этой стране. Германская контрразведка провела в Бельгии как минимум три масштабные радиоигры с англичанами, по аналогии с “Красным оркестром” названные “Lagerkapelle”, “Patriarchenkapelle” и “Depot Kapelle”. Первая из них в октябре 1944 года помогла выйти на действовавшие на севере Франции подпольные группы, а вторая, относящаяся к тому же периоду, выявила группы в Эйфеле, Хунсрюке и Сааре. Игра “Депю” прошла в Брюсселе в мае того же года и позволила немцам получить много информации о бельгийской “Секретной армии” (АС).

Флике совершенно прав в своих утверждениях об обнаруженных в Бельгии резидентах британской разведки, осуществлявших свою деятельность одновременно и на территории Франции, но ошибается, упоминая в этом же контексте Люксембург, куда СОЕ агентуру практически не забрасывал. Это не могли быть и американцы, поскольку интерес ОСС к “северным землям” был невелик. Офицеры связи Бюро стратегических служб с секциями “N” (Лайк Мортлок) и “T” (капитан Альфред Роджерс) были прикомандированы к ним лишь осенью 1943 года. Американцы также предпочитали поддерживать связи на уровне руководителей спецслужб этих государств, однако почти не участвовали в полевых операциях. За всю войну лишь семеро агентов ОСС попали в Нидерланды (среди них Ж. Олмстед, М. Солленбергер, Л. Уилмотт, В. Бейнон, Х. Тодд и П. Виккери), но все они либо входили в состав групп “Джедбург”, либо были прикомандированы к армейским воздушно-десантным частям. В Бельгии ни одного американского агента не было вообще.

С января 1944 года чаша весов тайной войны в Бельгии склонилась на сторону союзников. Причины этого были те же, что и во Франции и Нидерландах: Германия просто не могла более противостоять ресурсам своих противников, постепенно переламывавших ход событий в свою пользу. Кроме того, британцы неплохо финансировали свои секретные операции. По состоянию на 28 сентября 1944 года бельгийское направление СОЕ получило на эти цели сумму, эквивалентную 69766 фунтам, 6 шиллингам и 11 пенсам, тогда как голландское — 556239 фунтам и 5 шиллингам⁹⁵. Однако немецкая контрразведка была все еще эффективной: из 91 заброшенного в страну в этом году агента СОЕ 33 были арестованы, а 15 погибли при выполнении заданий или в процессе переброски. Следует отметить, что в Бельгии агенты СОЕ, попадавшие не к германским, а к бельгийским властям, имели шансы получить освобождение за выкуп. Это сохранило жизнь нескольким десяткам из них и в дальнейшем спасло от тюремного заключения за сотрудничество с оккупантами не одного чиновника полиции.

Весьма способствовало развитию наступления союзников попадание антверпенских доков в их руки в неповрежденном состоянии. Долгое время это считалось заслугой СОЕ и групп Сопrotивления, однако позднейшие исследования показали, что дела обстояли более прозаично. Доки уцелели из-за нераспорядительности самих немцев, не организовавших как следует их уничтожение. В действительности одной из наиболее удачных акций, организованных в Бельгии движением Сопrotивления при участии СОЕ, являлась забастовка железнодорожников, начавшаяся 19 сентября 1944 года после высадки десанта в операции “Маркет Гарден” и завершившаяся только после освобождения страны. Главная железнодорожная линия, соединявшая Рур с Нормандией, проходила через крупные центры саботажа Льеж, Намюр и Шарлеруа. По этой причине немцы зачастую не рисковали перевозить войска из Нидерландов во Францию таким путем и перебрасывали их через территорию Германии. В итоге это оказывалось быстрее и безопаснее. Забастовка имела и побочный эффект: для организации сообщения по Бельгии и Голландии туда прибыли сотни квалифицированных железнодорожников, что создало проблемы с перевозками внутри рейха. Активизировались подпольные группы бельгийского Сопrotивления, из которых особенно выделялась тесными контактами с англичанами “Г”. Ее возглавлял Жан Буржерес, в свое время учившийся вместе с направленным для связи с ним из Лондона А. Венделеном (“Мандамус”). Радиооператором СОЕ в организации являлся Жан Бруан (“Мажордом”), арестованный 16 июня 1942 года. После этого связь с Лондоном на некоторое время прервалась, но группа продолжала действовать автономно. Англофилия руководителя “Г” странным образом уживалась с его стремлением к независимости и простиралась настолько далеко, что иногда он именовала свою организацию “Г/ВО”, имея в виду при этом обозначить близость к военному министерству Великобритании (“War Office”). Из всех подпольных структур группа “Г” испытывала наименьшие финансовые затруднения, поскольку постоянно организовывала грабежи

банков, почтовых отделений и железнодорожных станций. Буржерес называл эти акции “экспроприациями” по примеру аналогичных действий российских социал-демократов в начале века. Следует отметить, что ограбляемые часто с радостью отдавали тысячи франков на нужды Сопrotивления. Вероятно, это происходило потому, что в процессе изъятия денег экспроприаторы сталкивались не с хозяевами предприятий, а с их наемными служащими, благосостояние которых, в принципе, от этого не страдало.

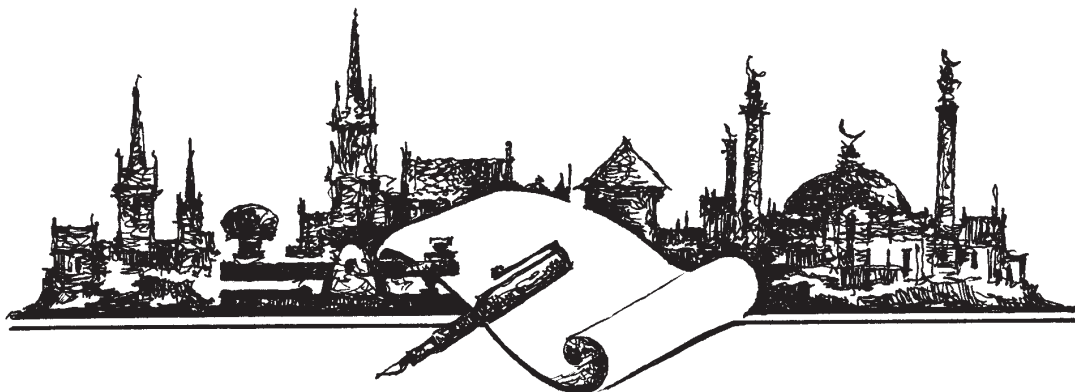
После вторжения англо-американских войск в Европу немцы начали ужесточать оккупационный режим в Бельгии. 27 июня 1944 года они вывезли в рейх короля Леопольда III и большинство членов его семьи. В июле генерал фон Фалькенхаузен передал власть рейхскомиссару Й. Грохе, а в августе высшим руководителем СС был назначен Р. Юнглаус. Все это стало уже последними потугами оккупантов, и вскоре Бельгия была освобождена. В отличие от Нидерландов, на это потребовалось немногим более недели, однако и после столь желанного события работа СОЕ в стране не прекратилась, хотя и приобрела иную направленность. Заброшенная ранее группа Р. Верстепена продолжала действовать, но теперь уже на легальных началах, а ее радисты обеспечили связь центрального правительства с провинцией. Бельгия стала передовой базой для заброски агентуры в Голландию и рейх. Для этой цели англичане доставили в аэропорт Брюсселя 50 тонн стрелкового оружия, боеприпасов и средств взрывания, но отдача от них оказалась крайне мала. Зато достижения бельгийского Сопrotивления на железнодорожных коммуникациях при приближении союзных войск стали достаточно высоки: 1027 подрывов путей, 52 уничтоженных моста, 91 взорванный локомотив, 62 спущенных с рельс поезда и 218 более мелких эпизодов⁹⁶.

СОЕ принимал участие и в послевоенном урегулировании гражданских проблем в стране. Поскольку бельгийская жандармерия практически полностью утратила доверие немцев, незадолго до оставления страны они разоружили ее. В результате реальную власть тут же подхватили вооруженные группировки, чьи намерения совершенно не совпадали с планами прибывшего из Лондона в Брюссель кабинета Пьерло. Левая группировка ФИЛ вообще отказалась сдавать оружие и собралась вооруженной силой обеспечить свое правящее положение. Естественно, на стороне Пьерло были не только симпатии Великобритании, но и ее помощь. По каналам СОЕ британцы поставили его структурам 18 тысяч пистолетов-пулеметов СТЭН, и перевес в силах получили правительственные силы правопорядка. 25 ноября 1944 года жандармы даже обстреляли из автоматического оружия участников устроенных в столице беспорядков и ранили 45 человек. После этого левое движение в Бельгии оказалось полностью подавленным.

* * *

В июле 1941 года заместитель исполнительного директора СОЕ Чарльз Хэмбро решил возложить на секцию “Т” СОЕ, наряду с бельгийским, также и люксембургское направление. Активность на нем была крайне низка. Вермахт оккупировал это государство как бы походя, и в мае 1940 года великая герцогиня Шарлотта с мужем Феликсом Бурбоном-Парма уехали вначале в Португалию, затем в Великобританию и Канаду. В 1943 году монаршая пара возвратилась в Лондон. Гитлер образовал на территории Люксембурга гау Мозельланд и назначил его гауляйтером и одновременно губернатором Густава Симона. Оккупационные власти запретили использование французского языка в качестве государственного, не разрешалось пользоваться и местным диалектом “летцебюргеш”. В 1942 году в стране произошло важное событие: Германия планировала аннексировать Люксембург и присоединить его к рейху, но эти планы были сорваны всеобщей забастовкой населения.

На территории Люксембурга находились заманчивые для СОЕ цели: работавшие на рурском угле и лотарингской руде сталелитейные заводы суммарной производительностью до 2 миллионов тонн в год (1/12 годовой продукции рейха) и большой железнодорожный виадук. Все они сильно охранялись и были недостижимыми для непосредственного воздействия, поэтому в Лондоне решили нанести удар по пунктам подвоза сырья на заводы. В Люксембурге совершенно отсутствовало местное движение Сопrotивления, и по этой причине туда не забрасывались и агенты. В течение всей войны люксембургское направление СОЕ не смогло организовать и провести ни одной боевой акции.

СКАНДИНАВСКИЙ ПЛАЦДАРМ

К Скандинавским странам относятся Исландия, Финляндия, Швеция, Дания и Норвегия, однако в данной главе рассматриваются только две последние из них, подвергшиеся германской оккупации.

За исключением шведской железной руды и норвежского никеля, Скандинавские страны не располагают ценными природными ресурсами, поэтому их стратегическое значение в первую очередь определяется их географическим положением. Использование скандинавских портов для базирования флота предоставляло весьма привлекательные возможности для обеих противоборствовавших коалиций. Кригсмарине усматривало в этом в первую очередь возможность контролировать с баз в Норвегии британское побережье, а также блокировать северные порты СССР и перерезать полярные коммуникации. Кроме того, наличие у этой страны сухопутной границы с Советским Союзом позволяло вермахту создать на севере полуострова группировку сил для операций против советского Заполярья. Англичане в первую очередь были заинтересованы в военно-морской блокаде Балтики, достигавшейся с помощью контроля над Датскими проливами.

Все скандинавы прекрасно понимали стратегическую важность территорий своих стран для ведения военных действий, но в каждой из них ситуация была специфической. Финляндия являлась верным союзником рейха и с лета 1941 года вела свою, “параллельную” войну с Советским Союзом, весьма осложнив его положение на северном участке фронта, под Ленинградом и на Балтике. Угроза оккупации нависла над Швецией, Норвегией и Данией, причем не меньше немцев в этих странах опасались англичан. Обоснованность таких опасений подтвердил захват Британией Исландии в июне 1940 года, немедленно улучшивший ее позиции в борьбе на океанских коммуникациях. Известный шведский политический деятель и предприниматель М. Валленберг выразил тревогу по поводу того, что их страна могла сыграть роль разменной монеты в борьбе за север Европы: “Шведы совершенно не уверены, что союзники помогут нам в случае вторжения немцев или бомбардировки. Швеция просто станет местом бойни подобно Польше”⁹⁷. Аналогичные настроения владели и датчанами.

Однако первоначально Гитлер вовсе не планировал совершать какие-либо агрессивные действия по отношению к этим странам, весьма тщательно соблюдавшим свой нейтралитет в начавшейся войне. Как известно, Швеция избежала германской оккупации и почти всю войну продолжала снабжать рейх своей железной рудой и шарикоподшипниками, но для Норвегии и Дании все обернулось иначе. Инициатором вторжения в них явился главнокомандующий кригсмарине гроссадмирал Эрих Редер, постоянно настаивавший на необходимости приобрести новые пункты базирования в Северной Атлантике. Определенную роль сыграл и захват английским эсминцем “Коссак” 16 февраля 1940 года германского транспорта “Альтмарк” в норвежских территориальных водах.

История вторжения в Норвегию обычно напрямую связывается с деятельностью Видкуна Квислинга, имя которого стало на Западе символом предательства собственного народа и коллаборационизма. Историки зачастую весьма преувеличивают его роль в падении

страны под натиском вермахта, на самом деле достаточно скромную. В послужном списке Квислинга значилась служба в генеральном штабе, пост военного атташе в России, работа в норвежской миссии в СССР в 1927 году. Некоторое время он был помощником известного полярного исследователя и общественного деятеля Фрицьофа Нансена, а в 1931 году стал военным министром Норвегии. Параллельно с государственной службой Квислинг создал политическую партию Народного единства. На посту министра он пробыл недолго и был смещен с него за чрезмерное нагнетание антисоветской истерии и напряженности, совершенно не оправданных в данной конкретной обстановке. Первый контакт Квислинга с немцами состоялся в 1938 году по его инициативе и не привел ни к какому результату, поскольку норвежец произвел на них впечатление плохо управляемого и поэтому бесполезного человека. Год спустя он вновь попытался донести до берлинского руководства стратегическую важность Скандинавии и на этот раз нашел поддержку в лице начальника штаба кригсмарине адмирала Шнивинда. На состоявшейся 11 декабря 1939 года встрече с Гитлером Квислинг гарантировал содействие немцам со стороны командования норвежской армии, причем, как выяснилось впоследствии, заявил это исключительно по собственной инициативе, не консультируясь ни с кем ни в Осло, ни на местах. Норвежец предложил фюреру совместно напасть на Советский Союз, однако тот не видел смысла в подобной аванюре и, более того, опасался, что вся эта история может являться провокацией, тонко задуманной англичанами для получения политической информации о позиции рейха буквально из первых уст. Все же 13 декабря он распорядился создать при штабе флота группу для изучения поступившего предложения об оккупации Норвегии, а выяснение политических аспектов ситуации отнес к компетенции Альфреда Розенберга, который выделил на эту работу 200 тысяч марок из фондов своего министерства.

Гитлер настолько скептически воспринял предложения Квислинга, что любые утверждения о каком-либо его влиянии на принятие решения о вторжении в Норвегию не имеют под собой серьезной почвы. Немцев вполне устраивала ситуация, в которой их развернутая на побережье агентурная сеть обеспечивала флот информацией о движении союзных конвоев, по некоторым оценкам, позволившая потопить транспортные суда общим водоизмещением не менее 150 тысяч тонн. В действительности решение о вторжении в Норвегию было принято из-за опасения высадки в стране англо-французских экспедиционных войск, а последним толчком для него стала добытая абвером в январе 1940 года информация о переброске французской дивизии в Англию для последующего захвата Нарвика. После этого Гитлер дал указание о разработке плана операции «Везерюбунг», который был составлен в кратчайший срок и утвержден 1 марта. Категорические возражения МИД Германии приняты во внимание не были. Разведывательное обеспечение вторжения возлагалось на абвер, а непосредственным руководителем развертывания агентурной сети в стране был капитан 3-го ранга Лидиг. Основными принципами плана являлись тесное взаимодействие всех видов вооруженных сил с привлечением возможностей «пятой колонны», достижение стратегической внезапности и проведение системы дезинформационных мероприятий.

9 апреля 1940 года военно-морской атташе Германии в Осло капитан 3-го ранга Шрайбер сообщил в Берлин весьма тревожную информацию. По его сведениям, части противоздушной и береговой обороны Норвегии получили приказ самостоятельно принимать решение об открытии огня, не дожидаясь санкции главнокомандующего. Гитлер посчитал появление такого приказа следствием утечки информации и прореагировал на это весьма остро. Он запретил любые контакты с Квислингом, отстранил Редера и Розенберга от дальнейшего планирования операции и поручил руководство ей генералу пехоты фон Фалькенхорсту. 24 апреля имперским комиссаром оккупированных норвежских областей был назначен приближенный Геринга Тербовен, в дальнейшем остро соперничавший и враждовавший с Гейдрихом. Вначале предусматривались действия исключительно против Норвегии, однако фон Фалькенхорст настоял на расширении задачи и одновременном нанесении удара также и по Дании, что позволило бы более надежно заблокировать Балтику и использовать датские аэродромы для передового базирования люфтваффе.

Оперативная обстановка в Норвегии отличалась значительным своеобразием и прежде всего характеризовалась исторической дружбой ее народа с немецким и их давними и традиционными культурными связями. Норвежцы в своей массе даже помыслить не могли о возможности неспровоцированного германского вторжения в их страну, они скорее опа-

сались активности англичан, провоцирующей немцев на ее захват. Король Норвегии Хокон VII в январе 1940 года обратился к королю Британии Георгу VI с просьбой предотвратить возможные действия, которые могли бы вовлечь его страну в войну и создать угрозу для ее суверенного существования. Поэтому абвер, разместивший в Осло свою резидентуру, действовал там в довольно благоприятной обстановке. Руководителем КО-Норвегия являлся подполковник Бертольд Бенеке, работавший первоначально под прикрытием инженера, представителя германской сталелитейной компании, а позднее — помощника торгового атташе посольства Германии. До своего назначения в Норвегию в 1937 году по линии III“Д” (дезинформационные мероприятия) он в звании капитана служил в Ганновере офицером линии III“Ф” (внедрение в иностранные разведывательные службы). Как явствует из его специализации, главной задачей резидента была работа по указанным направлениям, тогда как сама по себе Норвегия интересовала абвер в весьма малой степени. Ее территориально-милиционные вооруженные силы насчитывали всего шесть дивизий со штабами в Халлене, Осло, Кристиансанне, Бергене, Тронхейме и Харстаде. Однако с началом Второй мировой войны страна приобрела оперативное значение и как база для размещения постов наблюдения за перемещением иностранных, в основном британских судов, для чего немцы создали в ней разветвленный агентурный аппарат.

Контрразведывательная деятельность в стране являлась совместной обязанностью тайной полиции, полиции по делам иностранцев и секретной службы министерства обороны. Их офицеры не отличались особым искусством, однако все же сумели установить и с сентября 1939 года взять в разработку Бенеке и его помощника и секретаря Опитца. Одновременно норвежские специалисты по пеленгации после непродолжительной вахты в эфире засекали несколько действовавших в стране нелегальных радиоустановок. Деятельность немцев начала раздражать полицию, по согласованию с министерством иностранных дел приступившую к сбору компрометирующих материалов на германских разведчиков, чтобы в нужный момент потребовать их отъезда из страны.

Тем временем в кругу немцев назревал внутренний конфликт. Бенеке насмерть поссорился с военно-морским атташе Шрайбером. Моряк бомбардировал Берлин доносами на резидента, но руководство разведки до определенного момента игнорировало их. Противостояние двух офицеров отчасти сгладилось после прибытия в Осло в январе 1940 года специального представителя абвера подполковника Эриха Прука (“доктор Дитрих”) и его помощника в звании обер-лейтенанта. Он объявил Бенеке и Шрайберу, что отныне задачи КО-Норвегия принципиальным образом изменяются, главной задачей резидентуры становится подготовка к захвату страны. С середины марта люфтваффе начали интенсивную воздушную разведку норвежской территории с помощью четырехмоторных дальних разведчиков ФВ-200 “Кондор”. Кроме того, большое количество информации черпалось из открытых источников.

В это же время британцы тоже интенсивно занялись оперативной работой в регионе и заметно пополнили разведчиками штаты своих дипломатических учреждений. В первые полгода войны основная задача МИ-6 в Норвегии состояла в наблюдении за побережьем в интересах НИД, однако в ноябре 1939 года они внезапно и без приложения усилий получили ценную военно-техническую информацию, известную в истории разведки как “Отчет из Осло”. Военно-морскому атташе Великобритании в Осло Гектору Бойсу по обычным почтовым каналам пришло анонимное письмо с предложением предоставить материалы по новейшим научно-техническим разработкам Германии в области вооружений. Аноним не требовал ничего взамен, он желал лишь убедиться в том, что обратился по нужному адресу, и в доказательство просил изменить стандартное вступление в ближайших передачах радиостанции Би-Би-Си на фразу: “Привет, это Лондон!”⁹⁸ Атташе доложил об этом по инстанции, и вскоре после соответствующего изменения передачи извлек из своего почтового ящика небольшой пакет. Бойс, не вскрывая, переслал его в Адмиралтейство, а оттуда в том же состоянии посылка попала к ведавшему этим направлением сотруднику МИ-6 Р. В. Джоунсу. В ней находились семь машинописных листов и небольшая коробка, с запаянной стеклянной трубкой, оказавшейся чувствительным элементом взрывателя для зенитных снарядов, срабатывавшего при приближении к самолетам противника. В “Отчете из Осло” описывались несколько перспективных разработок военной техники в Третьем рейхе:

- упомянутый взрыватель для зенитных снарядов;
- запускаемые с самолетов управляемые по радио противокорабельные планирующие бомбы с реактивным двигателем;

- использование бомбардировщиков Ю-88 в качестве пикирующих;
- два новых вида самонаводящихся торпед;
- радарное оборудование и его роль в обнаружении британских бомбардировщиков в рейде на Вильгельмсхафен на расстоянии 120 километров от цели;
- взрыватели для неуправляемых реактивных снарядов.

Сообщение автора “Отчета” о проведении испытаний планирующих бомб на полигоне в Пенемюнде явилось первым добытым британской разведкой упоминанием об этом центре разработки новых видов оружия. В дальнейшем он получит широкую известность из-за проводившихся там испытаний и доводки крылатых ракет V-1 и баллистических ракет V-2. Анализ текста показал, что заявитель обладает несомненно высокой квалификацией в специальных вопросах, а проверка подтвердила работоспособность элемента взрывателя. Тем не менее, вопреки мнению Джоунса, остальные материалы в основном были оценены как ложные или дезинформационные, и дальнейшему изучению не подверглись. Анонимный автор “Отчета из Осло” никогда более не проявил себя, и его личность так и осталась неизвестной.

“Станцию” СИС в Осло возглавлял капитан 2-го ранга Дж. Б. Ньюилл, его помощником стал бывший резидент в Берлине Фрэнк Фоли. Он помогал норвежским контрразведчикам в сборе компрометирующих материалов на Бенеке и Опитца, поскольку понимал, что с их высылкой многие агентурные связи абвера оборвутся навсегда, а часть остальных потребует определенного времени на восстановление. В марте 1940 года информация о намерениях Осло достигла германского посольства, и Бенеке, которому требовалось продержаться в стране немного больше месяца, решил на нестандартный встречный ход. Перед самым объявлением его персоной нон грата он добился приема у начальника центрального паспортного управления Норвегии и попросил разрешение привезти в Осло свою жену и грудного ребенка. Резидент достиг цели, поскольку чиновник был весьма обескуражен таким поведением предполагаемого разведчика и засомневался, действительно ли тот занимается столь опасным делом, как шпионаж. В результате Бенеке получил отсрочку до 11 апреля, а поскольку вторжение намечалось провести двумя днями ранее, большего ему и не требовалось.

В ночь на 9 апреля 1940 года замаскированные под британские корабли и суда германские десантные силы направились к Осло, Кристиансанну, Бергену и Тронхейму и одновременно без сопротивления захватили Данию, премьер-министр которой Т. Стаунинг на следующий день обратился к населению с призывом: “Пусть мир и порядок царят в стране. Мы ожидаем лояльных действий со стороны гражданских лиц”⁹⁹. В Норвегии события разворачивались значительно драматичнее. Флагман предназначенного для захвата Осло десантного отряда тяжелый крейсер “Блюхер” был встречен залпами прикрывавших столицу береговых батарей. Практически сразу тяжелые снаряды поразили его центральный пост и лишили корабль управления, а несколько позднее крейсер был добит в упор береговыми торпедными батареями. При этом погибла оперативная группа, предназначавшаяся для захвата в столице королевской семьи и правительства. Это полностью дезорганизовало высадку и позволило норвежцам эвакуировать руководство в глубину страны. Военно-воздушный атташе Германии в Осло Шпиллер во главе роты парашютистов попытался исправить положение и захватить Хокона VII, но его попытка не принесла успеха, а сам разведчик был смертельно ранен. Однако в других местах немцы достигли полной внезапности и сумели захватить гарнизоны врасплох, а отсутствие централизованного управления норвежскими войсками сразу же позволило вермахту развить успех. Тем временем в портах под руководством немцев местные крановщики аккуратно и быстро выгружали на причалы танки и артиллерию, причем не было зафиксировано ни одного случая не только саботажа, но и простого уклонения их от работы. Сопротивление оказали лишь находившиеся около Нарвика броненосец береговой обороны “Норге” и миноносец “Эйдсволь”, но германские эсминцы немедленно потопили их торпедами вместе с 295 членами экипажей.

Ранним утром 13 апреля штаб генерала фон Фалькенхорста на “Юнкерсе-90” должен был передислоцироваться из Гамбурга в Осло, однако самолет в пробном полете упал сразу после взлета и разбился. В поданном через час очередном “Юнкерсе-90” оказались неисправными навигационные приборы, и переброска вновь была отложена. Еще через час не сумел взлететь перевозивший часть штаба третий самолет “Гинденбург”, у которого при разбеге подломилась нога шасси и сломалось левое крыло. Личный состав штаба вернулся в гостиницу и вылетел лишь в 13.00, но при посадке в аэропорту норвежской столицы “Фор-

небю” очередной “Юнкерс-90” врезался в скалу и разрушился. Лишь по случайности никто из офицеров штаба не погиб, зато в течение целых суток они были полностью лишены возможности управлять войсками.

Немцы всячески стремились избежать втягивания в боевые действия и пытались убедить норвежцев капитулировать. Те и сами сопротивлялись весьма вяло и нерешительно, достаточно сказать, что армия получила приказ лишь на частичную мобилизацию, а плана обороны страны не существовало до 15 апреля. Главнокомандующий генерал-лейтенант Отто Рюге старался придерживаться стратегии ведения сдерживающих боев и любыми путями избегал решительного сражения. Следуя такой линии, гарнизоны норвежских войск сдавались, хотя реальное соотношение сил позволяло без труда разгромить достаточно слабые части вермахта. Многие солдаты и офицеры уходили на север в надежде хотя бы там остановить захватчиков. 14 апреля войска союзников совершенно бессистемно начали высаживаться в различных районах страны, но очень скоро эвакуировались из Центральной Норвегии на север. Значительного размаха достигли морские бои, в которых англичане потеряли авианосец, крейсер, крейсер ПВО, 7 миноносцев и 4 подводные лодки, а французы и поляки — по эсминцу и подводной лодке. Потери немцев также были велики и составили 3 крейсера, 10 эскадренных миноносцев, 4 подводные лодки и несколько малых кораблей и транспортных судов. Однако на суше интенсивность боевых действий была намного ниже, отступившие норвежские и союзные части заняли оборону, но активных операций не предпринимали.

Бенеке попытался поспособствовать прекращению войны и в первых числах мая организовал отправку в распоряжение норвежских войск гидросамолета Международного Красного Креста с грузом инсулина, перевязочными материалами и письмами к военнослужащим. Это пропагандистское мероприятие должно было подтолкнуть короля возвратиться в Осло и призвать народ подчиниться руководимому Квислингом Административному совету — новому правительству страны. Бенеке хотел, чтобы Хокон VII вылетел обратно на этом же самолете и, возможно, добился бы успеха, если бы не патриотически настроенная норвежка, владелица магазина Хельге Ингстад, случайно подслушавшая разговор немцев об их намерениях. Она сообщила об этом руководителям Красного Креста, и те в последний момент заменили пилота и бортмеханика, являвшихся германскими агентами. В результате гидросамолет посадили норвежские истребители, а командующий армией генерал-лейтенант Рюге проигнорировал предложение немцев установить с ними контакт во избежание кровопролития, и вся затея Бенеке оказалась безрезультатной. Тем временем 3 мая норвежские войска капитулировали. Единственный оставшийся не захваченным немцами Нарвик, который обороняли около 25 тысяч союзных войск, был взят штурмом 28 мая, когда в Европе уже широко развернулся германский блицкриг. Окончательная капитуляция не успевших эвакуироваться остатков английских, французских и польских войск произошла 8 июня 1940 года.

В ходе захвата Норвегии главными задачами резидентуры СИС в Осло являлись эвакуация золотого запаса Норвежского банка и спасение королевской семьи. Обе они возлагались на Фоли, позднее прикомандированного к штабу главнокомандующего норвежской армией генерала Карла Флейшера. Задержка с захватом столицы из-за гибели крейсера “Блюхер” позволила вывезти Хокона VII из зоны непосредственной опасности в Тромсе на британском легком крейсере “Глазго”. Германское пропагандистское “Радио Осло” заявило, что король бросил свой народ и находится в Лондоне, но это было неправдой. Он оставался в стране до 10 июня и лишь в самый последний момент эвакуировался на крейсере “Девоншир”.

За несколько дней до капитуляции союзников, 23 мая агенты Бенеке осуществили весьма дерзкую операцию по захвату 18 мешков американской дипломатической почты. Они инсценировали ограбление почтового вагона, но, против ожидания резидента, это нарушение международного права не удалось списать на боевые действия. Американцы энергично запротестовали и подняли сильный шум по поводу захвата, после чего скандал перебрósился в столицу рейха и привел к сильным трениям между Гейдрихом и Канарисом. Звезда бывшего резидента закатывалась, хотя некоторое время он еще являлся помощником по разведке у возглавившего АСТ-Норвегия подполковника Прука. Абверштелле подчинялись также АНСТ в Тромсе, Бергене и Тронхейме. Канарис относился к нему весьма благосклонно, но обстоятельства оказались сильнее. В крушении карьеры Бенеке был косвенно повинен Квислинг, которого разведчик недолюбливал и считал не той фигурой, на которую

следовало опираться немцам. В начале июля 1940 года подполковник составил и отослал в Берлин весьма нелицеприятный доклад о норвежском коллаборационисте, случайно попавший к все еще находившемуся в Осло бывшему военно-морскому атташе Шрайберу. Оба немца терпеть не могли друг друга, при случае пытались любым образом скомпрометировать конкурента в глазах начальства, и Шрайбер не мог пропустить открывшуюся удачную возможность. Он потребовал от Бенеке указать источники приводимых фактов, но тот даже не счел нужным ответить. Тогда бывший атташе сам показал доклад Квислингу, немедленно определившему, что все они были вовсе не добыты оперативным путем, а почти дословно переписаны из полемической книги норвежского писателя Нурдаля Грига. Почувствовав неладное, Бенеке скупил весь тираж и лишил Шрайбера возможности предъявить руководству действительный источник компрометирующей информации, однако атташе все же сумел добыть один экземпляр книги и с удовлетворением отметил, что Бенеке переписал оттуда текст, даже не потрудившись его перефразировать. Результаты своих изысканий Шрайбер переслал командующему германскими военно-морскими силами в Норвегии адмиралу Бему, а тот переадресовал их Редеру. Далее события разворачивались стремительно, и уже 7 июля Бенеке отозвали в Берлин.

Норвежцы изначально повели себя по отношению к оккупантам довольно активно. В стране почти сразу же была организована подпольная организация Сопротивления, состоявшая из гражданской и военизированной (“Милорг”) ветвей. Первым командиром “Милорг” стал капитан Йохан Рогнес. Следует подчеркнуть, что на начальном этапе существования этой организации она не получала никакой помощи ввиду полного отсутствия у СОЕ и тем более МИ-6 инфраструктуры в Норвегии или прилегающих регионах. Хотя еще в ноябре 1939 года представитель диверсионного подразделения МИ-6 — секции “Д” подполковник Джерри Холдсворт совершил поездку по стране для изучения пригодности ее побережья в целях создания баз для скрытных перевозок малыми судами через Северное море, британцы оказались неподготовленными к реальному развитию событий. Уже после начала боевых действий они попытались создать там нелегальные сети, на которые собрались возложить следующие задачи:

- установление связи с норвежскими властями для проведения подготовки к диверсионным действиям в тылу германских войск;
- создание отдельной независимой организации под руководством подполковника Холдсворта для действий в оккупированной зоне;
- организация взаимодействия с местным населением в ожидании высадки британских экспедиционных сил в Тронхейме.

Ни одной из поставленных задач решить не удалось, и движение Сопротивления пришлось создавать с нуля. До конца лета 1940 года норвежцы не могли установить связь с Лондоном, а значительная удаленность Норвегии от Британских островов и ограниченный радиус действия самолетов не позволяли доставить туда парашютистов. Проблема стала решаться лишь с октября, по мере развития описанной ранее операции “Шетландский автобус”. До войны, за исключением органов войсковой разведки, в Норвегии не существовало разведывательной службы, и теперь это весьма негативно сказывалось на возможностях правительства в изгнании. Ее помог создать перебравшийся в Лондон Фоли, а начальником разведки был назначен Финн Нагель. Вскоре сменился командующий “Милорг”, им стал генерал-лейтенант Рюге. Норвежская секция СИС главным образом наблюдала за активностью абвера с помощью перехватов по каналам ISK и ISOS. СОЕ тоже организовал скандинавскую секцию, задачи которой были совершенно иными и состояли в руководстве национальным движением Сопротивления и саботаже в снабжении железной рудой. Первым руководителем секции стал будущий исполнительный директор СОЕ Чарльз Хэмбро, сменил его Кейт Ливерсидж. Позднее норвежскую секцию возглавил Дж. Уилсон, под руководством которого тайные операции СОЕ приобрели значительный размах и в основном касались обеспечения военно-морских действий: от разведки баз кригсмарине и передвижений единиц флота до проведения диверсий на объектах. Только в 1941 — 1942 годах Исполнительный орган специальных операций забросил в Норвегию ряд миссий: “Ларк”, “Антрум”, “Маллард”, “Рэйвен”, “Аркебуз”, “Пенгуин”, “Чиз”, “Груз”, “Энкор”, “Кроу” и “Энвил”, и это не считая регулярных рейдов на Лофотенские острова. Все агенты, за единственным исключением, были хорошо ориентированными на месте норвежцами. Однако расширение операций требовало серьезного материально-технического обеспечения, для которого

провозной способности “Шетландского автобуса” оказалось недостаточно, и в 1942 – 1943 годах в снабжении приняла активное участие авиация, дополнительно к доставленным по морю 62 тоннам грузов сбросившая 245 контейнеров. Силы Сопротивления укреплялись, в особенности группы, специализировавшиеся на отслеживании передвижений немецких боевых кораблей и транспортов в норвежских водах. Например, возглавлявшаяся Рольфом Листадтом подпольная организация “Скорпион” и к маю 1944 года располагала 15 радиопередатчиками, через месяц их число удвоилось, а в октябре достигло 86. Успешной работе сети способствовал сложный рельеф норвежской территории, препятствовавший работе пеленгаторов. Заслуживает упоминания норвежская подпольная группа “Команда Осло”, во главе с Гуннарсом Сонстебю, совершившая налет и уничтожившая табулятор с картотекой на 80 тысяч жителей страны. В результате этой акции немцы утратили контроль над рабочими ресурсами и сумели принудительно вывезти в рейх лишь 300 человек. Другой акцией “Команды Осло” стал захват почти двух тонн документов в здании, занимаемом совместно Департаментом юстиции и штабом полиции, что в дальнейшем помогло собрать доказательства совершения военных преступлений и установить активных коллаборационистов. Операция была проведена весьма своевременно, поскольку документы подлежали уничтожению со дня на день.

Немаловажную роль сыграли СОЕ и норвежское движение Сопротивления в сохранении экономического потенциала страны, в первую очередь ее инфраструктуры, от уничтожения оккупантами. Известны следующие проведенные с этой целью операции:

- “Саншайн” — защита всех объектов в важной для снабжения гидроэлектроэнергией промышленной области Верхнего Телемарка;
- “Полар беар” — защита портов;
- “Фоскотт” — защита энергетической системы;
- “Кармаркен” — защита объектов второй очередности силами “Милорг”;
- “Каттерик” — защита объектов второй очередности силами работающих на них сторонников Сопротивления;
- “Антиподес” — защита шоссейных и железнодорожных коммуникаций, ведущих в Швецию.

Советская разведка в основном действовала в северной части Норвегии. Ее агенты обычно высаживались с подводных лодок и действовали в интересах военно-морского флота и авиации. Группы поддерживали связь не с Москвой, а с радиоцентрами в Мурманске и Коле, небольшое расстояние до которых позволяло использовать маломощные передатчики, работавшие с длиной волны от 80 до 100 метров, не характерном для агентурной радиоаппаратуры и из-за этого находившиеся вне стандартного диапазона, в котором немцы производили пеленгацию. Кроме того, германские радиоконтрразведчики отмечали исключительное умение советских радистов пользоваться средствами маскировки своей конспиративной радиосвязи. Тем не менее, осенью 1943 года немцы все же сумели захватить несколько передатчиков и провели радиоигру, в результате которой получила повреждение советская подводная лодка, прибывшая для высадки группы в указанный немцами район.

Наряду с успехами движения Сопротивления, в этот период германские контрразведывательные службы сумели произвести массовые аресты его участников и значительно ослабили угрозу своему тылу. Одновременно глава марионеточного правительства Норвегии Квислинг попытался повернуть общественное сознание населения в сторону рейха, однако это ему не удалось. Немцы являлись столь явными агрессорами и захватчиками, что все довоенные точки соприкосновения обоих народов безнадежно ушли в прошлое. Антисоветская основа тоже не имела для норвежцев особой притягательности, но все же 5 тысяч граждан страны вступили в отправленный на Восточный фронт Норвежский легион. Под Красным Селом эта часть потеряла 1300 человек погибшими, после столь ощутимого урона была возвращена обратно и более на фронте не появлялась.

Разведка Соединенных Штатов подключилась к работе по Норвегии лишь осенью 1943 года, все из-за того же нежелания англичан делить с заокеанскими союзниками монополию на проведение секретных операций в Европе. После преодоления этого разногласия к находившемуся в Лондоне англо-норвежскому комитету по сотрудничеству был прикомандирован представитель американской разведки. Им являлся руководитель норвежского

отделения секции СО лондонской миссии ОСС капитан 2-го ранга Георг Анкер Ветлесен — миллионер смешанного англо-норвежского происхождения и друг короля Хокона VII. Практическое руководство повседневным проведением операций, однако, осуществлялось из Стокгольма, где этим направлением руководил начальник секции СО местной резидентуры Джордж Брюер-младший. Американцы буквально горели желанием начать действовать, судя по всему, в основном из-за стремления приобрести политическое влияние в стратегически важной Скандинавии. В Лондоне прекрасно осознавали это и под любыми предложениями оттягивали разрешение на вмешательство ОСС в норвежские дела, однако это невозможно было делать вечно. После поступления личного распоряжения Черчилля в самом конце 1943 года США были допущены к широкомасштабным снабженческим рейдам. 60 американских самолетов доставили норвежским партизанам тонны специальных грузов, а с конца 1944 года ОСС приступило к заброске агентуры. Несколько опергрупп общей численностью 30 человек получили задание прервать железнодорожное сообщение в стране, но 10 из них погибли при крушении двух самолетов. Одним из отрядов диверсантов руководил будущий директор ЦРУ, тогда майор Уильям Колби, а вся операция носила кодовое обозначение “Райп”. Действия американцев проходили в сложных условиях острой нехватки снабжения, поскольку из-за навигационной ошибки самолеты сбросили предназначавшийся для них груз на территории Швеции.

Операции спецслужб в Скандинавии и некоторых прилегающих странах в период Второй мировой войны оказались весьма тесно связаны с тематикой ядерного оружия. Все началось с сообщения известного французского физика Фредерика Жолио-Кюри, сделанного им в 1939 году министру вооружений Раулю Дотри. Ученый настаивал на необходимости вывезти из Норвегии запасы использовавшейся в ядерной физике тяжелой воды, наработанные с 1934 года на принадлежащем компании “Норск Гидро” водородном электролизном заводе в Веморке (близ Рюкена). Чтобы не насторожить противника раньше времени, он предлагал мотивировать это необходимостью проведения научных экспериментов. Министр согласился с Жолио-Кюри и урегулировал вопрос с военными, направившими для проведения этой операции лейтенанта резерва, члена правления одного из банков и сотрудника 2-го бюро генерального штаба Жака Аллье. В марте 1940 года он во главе группы, включавшей также капитана Мюллера, лейтенанта Моссе и Кноль-Дема, прибыл в Осло, намереваясь закупить у норвежцев все имеющееся у них количество этого материала. К тому времени немцы также заинтересовались тяжелой водой и тоже направили в Осло к генеральному директору компании “Норск Гидро” Акселю Ауберту представителя концерна “И. Г. Фарбен” с аналогичным предложением, однако тот не сумел вразумительно объяснить цель закупки и поэтому получил отказ.

Аллье добился согласия Ауберта на продажу наличествовавших 185 килограммов тяжелой воды и предоставления французам преимущественного права на закупку продукции завода в Веморке в дальнейшем. Он обратил особое внимание на то, что в транспортной таре не должны присутствовать даже малейшие следы кадмия или бора, поэтому французам пришлось в глубокой тайне заказывать на месте 13 канистр, сваренных со строгим соблюдением технологических мер. После покупки перед разведчиком встала серьезная проблема доставки воды во Францию, причем приходилось исходить из того, что немцы, по всей вероятности, осведомлены о его миссии. Следует отметить, что никто из группы Аллье не знал о характере секретного груза, который им было поручено доставить. Французам демонстративно взяли билеты в Амстердам, однако в действительности скрытно вместе с канистрами вылетели на самолете в Эдинбург, а оттуда доставили их в помещение своей военной миссии в Лондоне. 16 марта груз пересек Ла-Манш и был помещен в подвальное хранилище парижского “Коллеж де Франс”.

Однако после захвата Норвегии немцами угроза получения ими тяжелой воды с завода в Веморке вновь встала весьма остро. Еще летом 1940 года находившаяся под германским контролем администрация предприятия запланировала за год произвести ее в объеме 3 тысяч фунтов, а к концу 1941 года собирались увеличить эту величину до 10 тысяч. Бежавший в сентябре 1941 года в Швецию профессор Лейф Тронстад из Технологического института в Тронхейме перебрался в Британию и работал в СИС по линии научно-технической разведки. Он обратил внимание англичан на то, что после захвата в Бельгии двуокиси урана и выпуска в Норвегии тяжелой воды немцы получили в свое распоряжение два необходимых

Водородный электролизный завод в Веморке

компонента для создания атомного реактора и в перспективе — атомной бомбы. Единственный офицер МИ-6 с ученой степенью Эрик Уэлч работал именно в норвежской подсекции и после обсуждения предупреждения Тронстада с советниками IV секции пришел к выводу об исключительной стратегической важности завода в Веморке. Эксперты однозначно советовали организовать изъятие тяжелой воды до ее вывоза немцами, и в рамках этой идеи Тронстад попытался организовать прием на замерзшем озере около Веморка самолета с диверсионной группой. Однако его контакт на оккупированной территории отклонил эту идею и несколько других как нереальные. Затем специалисты предложили “отравить” продукт, добавив в емкости немного касторового масла, что должно было сделать тяжелую воду непригодной для использования, но это являлось лишь полумерой, поскольку сохраняло в неприкосновенности оборудование для ее производства и немедленно насторожило бы службу безопасности предприятия. Тем временем Уэлча перевели в группу проекта “Трубные сплавы”, название которого маскировало его истинную цель: разработку британского ядерного оружия. Возникло предложение не ломать голову над организацией диверсии, а просто разбомбить завод, но этому воспротивились норвежцы, опасавшиеся значительного числа жертв среди гражданского населения.

На этом этапе за дело взялась скандинавская секция СОВЕ, спланировавшая операцию “Фрэшмен”, которая началась 18 октября 1942 года после отмены двух стартов самолетов. Это была первая операция британских спецслужб в Норвегии, и закончилась она крайне неудачно. Группа боевиков во главе с Енсом Поулссоном, прошедших обучение в учебном центре СТС 026, 19 октября на двух планерах на буксире двух бомбардировщиков вылетела на плато Хардангер, однако из-за плохих погодных условий первый “Галифакс” разбился вместе с людьми, а второй не нашел точку сброса и попытался повернуть на обратный курс. При выполнении этого маневра обледеневший трос планера оборвался, и он вместе с бомбардировщиком совершил вынужденную посадку. Восемь бойцов погибли при приземлении, а остальные получили ранения различной степени тяжести и были захвачены немцами в плен. Пятерых из них расстреляли на месте, а еще пятеро после интенсивных допросов в гестапо с применением инъекций скополамина рассказали о цели экспедиции. Они также были убиты, а их тела утоплены в фиорде. 20 ноября в Лондон поступило сообщение о гибели группы, после которого стало ясно, что боевая операция имеет мало шансов на успех, и что следует рассчитывать только на диверсию. СОВЕ приступил к ее подготовке, а СИС занялась препятствованием использованию немцами ученых в своей ядерной программе. В рамках именно этой задачи проводилась описанная далее эвакуация Нильса Бора из Копенгагена.

Следующая попытка уничтожения завода в Веморке носила название операции “Ганнерсайд” и была намного менее масштабна. Боевая группа под командованием лейтенанта Иоахима Рунненберга состояла из 6 норвежцев-добровольцев, прошедших обучение в школах СОЕ СТС 026 и СТС 017. Диверсанты успешно высадились с парашютами на том же плато Хардангер, где погибла первая группа, но на этот раз обошлось без жертв. 17 февраля 1942 года их встретили местные участники Сопротивления, а через 10 дней хранилища и установки обогащения воды были взорваны. Группа отошла без потерь, несмотря на предпринятые немцами беспрецедентные меры по ее поиску и захвату. Они полагали, что англичане высадили отряд численностью в 800 человек, и поэтому выделили на прочесывание района 10 тысяч солдат, однако диверсанты сумели на лыжах перейти норвежско-шведскую границу и были там ненадолго интернированы, а затем возвращены в Шотландию.

На этом борьба за тяжелую воду не закончилась. 8 июля 1943 года источники “Милорга” сообщили, что к середине августа ожидается успешное окончание ремонта заводского оборудования, в связи с чем меры безопасности в Веморке были чрезвычайно ужесточены. Отправку диверсионной группы признали нецелесообразной, и тогда ВВС спланировали воздушную операцию. 16 декабря 460 тяжелых бомбардировщиков совершили рейд на Осло и Ставангер, под прикрытием которого отдельная группа самолетов атаковала Веморк. Несогласованность в действиях американских и английских экипажей привела к тому, что первые прибыли к цели на 18 минут раньше и ушли на круг, тем временем немцы успели поставить дымовую завесу и закрыть объект от наблюдения с воздуха. В результате бомбовый удар пришелся по заводу синтетического аммиака и повлек абсолютно бессмысленную гибель 22 норвежцев, зато электролизно-водородный завод остался неповрежденным. Эмигрантское правительство заявило энергичный протест. Немцев весьма тревожила напряженная обстановка вокруг объекта, поэтому к 20 февраля 1944 года они полностью закончили демонтаж оборудования и отправили запасы тяжелой воды в рейх. Агенты СОЕ выяснили это обстоятельство, но из-за слишком сильной охраны железнодорожного состава не смогли осуществить диверсию на суше, и тогда британцы взорвали и утопили паром, перевозивший вагоны. Вместе с тяжелой водой на дно отправились 26 гражданских норвежцев, и на этом история окончательно завершилась.

Роль групп специального назначения в освобождении Норвегии являлась весьма скромной. После проведения советскими войсками Петсамо-Киркенесской наступательной операции часть севера Скандинавии была освобождена, но на остальной части Норвегии к концу войны на территории страны находилось приблизительно 365 тысяч солдат и офицеров вермахта, представлявших вполне серьезную боевую силу. Разведывательные службы Британии и США пытались побудить их к капитуляции, что в конечном итоге и удалось, однако роль спецслужб в этом процессе, по всей видимости, была совершенно ничтожной. Деморализованные части вермахта сдались без сопротивления, и освобождение севера Европы обошлось без значительных жертв. Очистка же датской территории от оккупационных войск вообще прошла практически без участия разведывательных органов.

* * *

Дания была захвачена вермахтом абсолютно спокойно. Западные союзники узнали о предстоящих событиях еще 1 апреля, когда начальник центрального отдела абвера Ганс Остер сообщил об этом голландскому военному атташе в Берлине полковнику Сасу. Тот срочно проинформировал свое правительство, однако из-за ошибочности двух предыдущих предупреждений ему не поверили, и вторжение оказалось внезапным. Немцы застали Данию врасплох, что позволило провести оккупацию практически бескровно, погибли лишь 36 датчан и 20 солдат вермахта. Захват страны вновь был в немалой степени обеспечен действиями диверсантов абвера, действовавших по плану “Сансуси”. В ночь с 8 на 9 апреля 1940 года группа из пяти человек во главе с майором Клюге подошла к побережью на рыбацкой лодке и перерезала соединявший Гессер и Ньюкебинг телефонный кабель. Тогда же подразделение батальона особого назначения абвера “Бранденбург” захватило вокзал Тинглев, а проникшие на территорию страны из Шлезвиг-Гольштейна группы диверсантов взяли под контроль все

стратегические автомобильные и железнодорожные мосты. Переодетые в штатское бойцы “Бранденбурга” овладели портом и железнодорожным узлом Мидльфарт, через который проходила магистраль, соединявшая Зеландию с островами Фюнэн и Зееланд. Достижение столь впечатляющих результатов позволило тщательное планирование операций, осуществленное созданным в марте — апреле 1940 года штабом для руководства специальными операциями абвера в Норвегии. 20 апреля в Осло прибыл так называемый северный взвод “Бранденбурга”, укомплектованный говорившими по-польски уроженцами Верхней Силезии, а также немцами из Судет, Южного Тироля и Палестины, владевшими английским языком. Первые из них предназначались для операций против польских частей, остальные — против британских, при этом общая численность взвода равнялась средней общевойсковой роте.

Правительство призвало население к спокойствию и повиновению и отдало приказ армии не оказывать захватчикам сопротивления. Следует отметить, что Дания была единственным из оккупированных рейхом государств, не сформировавшим правительство в эмиграции. Столь лояльное отношение принесло свои плоды в виде значительных послаблений оккупационного режима. Немцы не препятствовали работе органов датской государственной власти, военного командования и местного самоуправления, в Копенгагене легально существовал риксдаг (парламент), а среди официально разрешенных партий до августа 1941 года была коммунистическая. В ноябре того же года Дания присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. Берлинское руководство объявило страну “образцовым протекторатом”. В нем официально существовала военная разведка (секция E), руководителем которой летом 1940 года являлся полковник Е. Нордентофт, а его заместителями — майор Х. Лундинг и капитан В. Гит. В марте 1943 года немцы даже разрешили проведение выборов в парламент.

Несмотря на общую спокойную обстановку в Дании, движение Сопротивления в ней существовало и направлялось соответствующей секцией СОВЕ во главе с капитаном 2-го ранга Холлингвортом. В марте 1941 года в Стокгольме для руководства совместной резидентурой обеих британских спецслужб, ведавшей также и Данией, прибыл бывший пресс-атташе в Копенгагене Рональд Торнбулл (“4351”). Первыми агентами СОВЕ стали доктор Карл Брун и радист Могенс Хаммер, в декабре 1941 года направленные в Данию для создания партизанских и подпольных групп. При приземлении с парашютом Брун разбился вместе с передатчиком, впоследствии его тело обнаружили немцы. Радист оставался без связи до апреля следующего года, пока корреспондент “Берлинские Тиденде” в Стокгольме Эббе Мунк (“4352”) не снабдил его полученной от Торнбулла новой радиостанцией. Передатчик оказался настолько слабым, что практически исключал возможность установления связи с Лондоном, и эта проблема казалась неразрешимой до тех пор, пока датский инженер Дуус Хансен не собрал для Хаммера в своей копенгагенской лаборатории самодельную и более мощную станцию.

Очередной опыт агентурной заброски в Данию также повлек трагические последствия. В июне 1941 года трое молодых датчан собрались перелететь в Лондон на легкомоторном самолете, однако тот поднимал лишь пилота и одного пассажира, которыми стали Снеум и Петерсен. Третий член группы Ротболл позднее сумел покинуть страну морским путем. Снеум и Петерсен попали к офицерам МИ-6 и доставили им весьма ценный кинофильм о системе радарного контроля за побережьем. СИС направила их обратно, и двое датчан некоторое время успешно снабжали Лондон информацией о работе германской полиции безопасности, получаемой ими от служившего в местной полиции приятеля. В апреле 1942 года Ротболла также сбросили на парашюте в Данию, но уже по линии СОВЕ для руководства группой из семи имевшихся к этому времени у Холлингворта агентов. В течение пяти месяцев он координировал действия групп Сопротивления, однако в сентябре немцы положили конец деятельности этой сети. Они запеленговали его радиста Йоханнесена, застрелившегося при задержании, а 25 сентября вычислили и конспиративную квартиру резидента. Ротболл отказался сдаться, получил 12 пулевых ранений и погиб в перестрелке.

С Данией связан один из эпизодов тайной войны вокруг ракетного вооружения рейха. 22 августа 1943 года одна из выпущенных с испытательного полигона в Пенемюнде крылатых ракет V-1 упала на датском острове Борнхольм. Старший военно-морской офицер этого района Хасагер Кристиансен оценил важность такого неординарного события. Он успел зарисовать ракету и сделать некоторые заметки, после чего передал их в Копенгаген начальнику морской секции датской разведки коммодору Паулю Морху. Тот микрофильмовал материалы и отправил две идентичные пленки в Стокгольм руководителю находившейся в

Стокгольме группы датчан Мунку. Германская контрразведка сумела перехватить одного из них, после чего, невзирая на относительную свободу Дании, Кристиансен был арестован и подвергался допросам с применением пыток.

Оперативная обстановка в стране имела одну совершенно уникальную особенность: группы Сопротивления располагали совершенно безопасным каналом связи со Швецией, исключавшим необходимость использования радиосвязи. Немцы полагали, что соединявший Копенгаген со Стокгольмом подводный телефонный кабель был разъединен и не функционировал, однако это оказалось не так, и желающие могли спокойно связываться с нейтральной страной по обычному телефону. Канал однажды был использован для организации вывоза из Стокгольма нобелевского лауреата 1922 года, президента Датской академии наук и директора Института теоретической физики Нильса Бора. Этот выдающийся ученый являлся одной из ключевых фигур в ядерных исследованиях, и потому британская разведка получила задачу любым путем воспрепятствовать возможности использования немцами его знаний в своих интересах. Однако Бор категорически отказался от телефонного предложения переправить его в Англию. В марте 1943 года СИС вновь вошла в контакт с ученым, доставив ему в полости ключа письмо от довоенного английского коллеги Джеймса Чэдваика, извещавшее датчанина об опасности германской программы создания ядерного оружия. Бор вновь отказался эвакуироваться. Он не верил в возможность успеха атомной программы немцев и полагал своим долгом оставаться в Копенгагене, что и сообщил в своем ответном послании в Лондон, микрофильмированном и переправленном в зубном протезе курьера. Однако уже летом позиция ученого изменилось. Он узнал, что его семью собираются подвергнуть аресту вместе с другими датскими евреями, и 30 сентября 1943 года перебрался в Швецию на рыболовном судне. Оттуда его перевезли в Лондон в бомболюке скоростного бомбардировщика “Москито”, пилот которого имел строжайший приказ в случае малейшей угрозы попадания пассажира в руки немцев открыть створки и выбросить его в море. К счастью, этого не произошло, и в дальнейшем Бор принял активное участие в англо-американских разработках по созданию ядерной бомбы.

Соединявший Копенгаген со Стокгольмом телефонный канал сохранялся до октября 1944 года. Это позволило британцам и организациям Сопротивления практически исключить нелегальную работу в эфире, однако таким преимуществом не обладали советские агенты. По этой причине немецкая радиоконтрразведка смогла бросить все силы на поиск нескольких передатчиков, не расплываясь на множество объектов. В результате в декабре 1942 года немцы сумели захватить группу, состоявшую из бывших активистов Коминтерна, а в ноябре 1944 года разгромили диверсионную организацию, специализировавшуюся на уничтожении железнодорожных объектов. Советские разведгруппы в Дании разделялись на действующие на севере и юге Ютландского полуострова и в самом Копенгагене, откуда они связывались с резидентурой в Лондоне. Их значительные потенциальные возможности не были реализованы из-за стремительного развития событий весной 1945 года и капитуляции находившихся в стране германских войск.

Значительно более результативной, чем все перечисленные попытки создать агентурные сети, являлась деятельность руководимой разведывательным отделом национального генерального штаба компактной подпольной организации “Принсерн”, в 1942 году переименованной в СКОВ. Она была настолько профессиональной, что практически не оставляла работы ни для СИС, ни для СОЕ, роль которых сводилась лишь к постановке некоторых информационных задач, решению организационных и снабженческих вопросов. Такой вариант оказался предпочтительнее, чем заброска агентов извне, и намного более безопасным. Связным между англичанами и “Принсерн” был Эббе Мунк, на переговоры к которому из Лондона прилетал Чарльз Хэмбро. Он разъяснил позицию своего правительства, заключавшуюся в том, что “делу союзников будет оказана наибольшая помощь, если те из датчан, кто готов к борьбе за свободу своей страны, начнут формировать подпольные организации для проведения актов саботажа против немцев... Будет не в интересах Дании и Великобритании, если в этот момент в Дании начнется нескоординированный саботаж”¹⁰⁰. Хэмбро нацеливал Мунка на сбор информации в стране, в том числе для новостей станции Би-Би-Си, а также проведение диверсионных акций. К этому времени СОЕ уже направил в страну несколько небоевых миссий “Чиэ”, “Сетти”, “Диван”, “Дрессер” для ведения пропаганды и финансирования подпольных организаций, а также миссию “Тэйбл”, задачей которой являлась подготовка к началу диверсионных операций.

Командование “Принсерн” отказывалось признать британское руководство. Глава организации Лундвиг¹⁰¹ утверждал, что сбор информации под силу самим датчанам и не требует дублирования со стороны СОЕ. Кроме того, он был категорическим противником проведения в Дании актов саботажа, которые не столько нанесут вред оккупантам, сколько вызовут репрессии по отношению к ни в чем не повинному гражданскому населению. Впоследствии новый исполнительный директор СОЕ Колин Габбинс раздраженно констатировал: “Они не хотят заниматься в стране саботажем или антигерманскими действиями вплоть до разгрома немцев и начала их ухода из страны, то есть фактически до того момента, когда нам это уже не нужно”¹⁰².

Всеми сетями Сопrotивления в стране с марта 1943 года руководил заброшенный туда с парашютом Флемминг Бруун Муус (“Госип”/“Джем”). Для начала он получил королевское одобрение на проведение актов саботажа на датской территории, а затем установил контакты с местной полицией, значительно обезопасив этим деятельность своих групп. Такой шаг был достаточно рискованным из-за высокой вероятности попасть на активного коллаборациониста и быть выданным немцам, но все обошлось благополучно. Теперь все акции гестапо, проводимые совместно с местными полицейскими органами, не достигали цели, поскольку Сопrotивление было осведомлено о них заранее. Муус был, пожалуй, единственным руководителем разведывательной службы эмигрантского правительства, постоянно действовавшим на оккупированной территории. Его храбрость заслуживает высокой оценки, хотя вряд ли является разумной из-за опасности его захвата противником и угрозы разгрома всех агентурных сетей. Это едва не произошло в 1944 году, когда Муус был расшифрован и едва успел бежать в Лондон, передав дела Оле Липманну, также работавшему “в поле”. Руководитель датской разведки снискал в СОЕ всеобщее уважение, хотя в послевоенный период его неоднократно упрекали за небрежность в использовании оперативных фондов, а некоторые даже обвиняли его в присвоении этих средств, однако бездоказательно.

Стабильная ситуация в “образцовом протекторате” изменилась 28 августа 1943 года, когда после непродолжительного паралича железных дорог на Ютландском полуострове в результате диверсий Берлин потребовал от Копенгагена ужесточить действующее законодательство, но получил отказ. Сразу же после этого немцы напомнили датчанам, кто является действительным хозяином в их государстве, и на следующий день командующий группировкой вермахта генерал фон Ханнекен объявил в стране военное положение и принял на себя всю полноту исполнительной власти. Это сопровождалось разоружением датской армии, конфискацией оружия и интернированием офицеров. В этот момент все три руководителя военной разведки сумели ускользнуть из Дании в нейтральный Стокгольм. 16 сентября был сформирован Совет освобождения, в который вошли представители всех сил, желающих участвовать в Сопrotивлении, в том числе коммунисты. Из страны побежали рядовые датчане, в том числе 7 тысяч евреев, скрывшиеся от истребления в Швеции. Многие из эмигрантов желали принять участие в борьбе против нацистов, хотя в их числе имелись и германские агенты. Этим вопросом занялся сформированный в Стокгольме 30 марта 1944 года под руководством Совета освобождения Контактный комитет. Представитель разведки в нем капитан Н. Шоу вел картотеку на 2400 датчан, подозреваемых в сотрудничестве с оккупантами. Почти все перечисленные операции датируются периодом до августовского кризиса 1943 года, после него работа остановилась. В 1943 — 1944 годах британцы попытались компенсировать прекращение поступления информации по этому каналу, но заброшенные ими несколько небольших групп агентов совершили лишь ряд незначительных диверсий, которые не принесли значимых успехов и лишь раздражили немцев. Практически все диверсионно-разведывательные операции на территории Дании осуществлялись СОЕ, причем лишь одна из них (“Бархолм”) датируется периодом до ликвидации “Принсерн”/СКОВ. В 1941 — 1942 годах британцы пытались минировать балтийские паромы, перевозившие снабжение для вермахта, однако результаты оказались более чем скромными: поврежден был всего один паром. Все остальные операции СОЕ преследовали цель заполнить образовавшийся после прекращения работы “Принсерн”/СКОВ вакуум:

- “Круиз” (1944 — 1945) — использование летучих групп для диверсий на железной дороге, а также на заводе авиационных запасных частей в Силкеборге;
- “Фордвик” (1944 — 1945, Дания — Германия) — налаживание каналов для заброски агентов в рейх и установления связи с германским движением Сопrotивления;

- “Сетти” (1944 — 1945) — организация финансирования групп Сопротивления в датской валюте с помощью местных промышленников и финансистов;
- “Слайд” (1944 — 1945) — план нанесения повреждений транспортам противника в порту Копенгаген. Не выполнен из-за ненадлежащего технического обеспечения;
- “Тэйбл” (1944 — 1945) — диверсионная миссия.

Самым значительным, хотя и косвенным результатом их деятельности явилось сковывание шести дивизий вермахта. Кроме того, к моменту высадки союзных войск в Нормандии была приурочена забастовка железнодорожников, вызвавшая трехнедельный перерыв в движении поездов. 31 октября 1944 года по просьбе подпольных групп союзная авиация совершила налеты на штаб-квартиры гестапо в Аарусе и Копенгагене, причем в столице эта операция повлекла трагические последствия. Слишком низко летевший бомбардировщик зацепился за столб и упал на школу, а остальные самолеты группы приняли начавшийся пожар за целеуказание и тоже разгрузились на руины здания. Однако бомбардировщики второй волны все же накрыли цель, и из разрушенных камер сумели бежать двое заключенных, один из которых захватил с собой гестаповские списки негласных помощников из числа местных жителей.

По мере приближения войны к окончанию датское движение Сопротивления стало встречать все более благоприятное отношение в Швеции. Вероятно, в стремлении упрочить послевоенные контакты между двумя странами летом 1944 года шведы продали датчанам 3 тысячи пистолетов-пулеметов, которые в августе перевезли суда Датской морской транспортной службы. Всего же по май 1945 года эта структура нелегально доставила в страну свыше 100 тонн вооружения и боеприпасов для групп Сопротивления. Однако, как уже указывалось, в освобождении страны они участия не принимали.

ФРАНЦИЯ

1. “СТРАННАЯ ВОЙНА”

Во Вторую мировую войну Третья республика вступила практически помимо воли Собственного правительства, поскольку составлявшие его “умиротворители” абсолютно не желали ввязываться в сражения с рейхом. Однако перед лицом предстоящей германской агрессии в отношении Польши 23 августа 1939 года в Париже все же было принято решение провести частичную мобилизацию и публично подтвердить свои обязательства в отношении восточного союзника. Приводились в полную боевую готовность приграничные войска, призывался контингент из 360 тысяч резервистов и осуществлялись некоторые другие военные приготовления. Но Франция по-прежнему не горела желанием воевать из-за поляков, и ультиматум Германии не был предъявлен в полночь 2 сентября, как это было обещано англичанам. Генеральный штаб требовал отсрочить начало всеобщей мобилизации на 48 часов.

За Ла-Маншем в это время происходили сходные события. Премьер-министр Чемберлен известил парламент о том, что ответ из Берлина на запрос Форин офис не получен, и если вермахт не будет выведен из пределов Польши, правительство “сочтет себя обязанным действовать”¹⁰³. В противном же случае оно “будет склонно расценивать ситуацию как сходную с существовавшей до пересечения немецкими войсками границы Польши”¹⁰⁴, то есть не требующую выполнения союзнических обязательств. Однако 3 сентября англичане все-таки предъявили Берлину ультиматум, гласивший: “Имею честь сообщить вам, что если до 11 утра по британскому летнему времени сегодня, 3 сентября, правительство Германии не предоставит удовлетворительных гарантий правительству Его Величества в Лондоне, два государства будут находиться в состоянии войны, начиная с указанного выше времени”¹⁰⁵. Аналогичный французский документ запаздывал. Министр иностранных дел Жиль Бонне, отчаявшийся заключить сделку с Гитлером при посредничестве Муссолини, приказал послу в Берлине Кулондру вручить Риббентропу ультиматум в полдень 3 сентября. Срок его выполнения устанавливался к 17.00, причем весьма осторожные выражения документа не содержали ни слова о предстоящем формальном объявлении войны, сообщалось лишь, что в случае отрицательного ответа Франция выполнит свои известные Германии обязательства перед Польшей.

Гитлер не остановил агрессию. Третий рейх довольно неожиданно для себя оказался в состоянии войны не только с Польшей, но и с двумя сильнейшими европейскими государствами, однако это являлось лишь формальным актом и на Восточном фронте Германии не отразилось никак. Не сбывся и прогноз 2-го бюро о неизбежном увязании вермахта в Польше. Преодолевая героическое и отчаянное сопротивление обороняющихся, немецкие войска терзали преданную своими союзниками страну и к началу октября целиком захватили ее западные и центральные районы, восточные же достались якобы нейтральному Советскому Союзу. Германия могла не опасаться удара с территории Франции, где объединенные англо-французские силы полностью бездействовали, а солдаты разводили кур и кроликов, чтобы

разнообразить свой рацион и хоть чем-то занять себя. На линии фронта “странной войны” не стреляли. Немцы выжидали, а французы и англичане наслаждались своей иллюзорной безопасностью под защитой якобы неприступных укреплений “линии Мажино”. Германия исподволь накапливала силы, а союзные армии, как и любые бездействующие войска, быстро теряли боеспособность.

Разведка не отдыхала. В периоды затишья ее работа не становится спокойнее, зато у высоких военачальников, свободных от проведения войсковых операций, находится много времени для реорганизации подчиненных служб, и не всегда такие структурные преобразования идут на пользу делу. Во Франции произошло именно это. В сентябре 1939 года главнокомандующий армией генерал Гамелен провел реформу военной разведки, в результате которой она оказалась раздробленной на две части. Основные ее подразделения, ориентированные против немцев, были переведены в Ла Ферг, где дислоцировалась ставка командующего северными армиями. Из оставшихся отделов главнокомандующий решил сформировать “подлинное 2-е бюро национальной обороны”¹⁰⁶ и создал 5-е бюро, включившее Службу разведки (СР) с контрразведывательной Секцией централизации разведки (ССР). Эта структура разместилась в центре “Виктор”, дислоцировавшемся примерно в 25 километрах к северо-востоку от Парижа. Созданные таким образом два бюро генерального штаба не имели общего начальника, поскольку подчинялись главнокомандующему армией (2-е бюро) и военному министру (5-е бюро). Существовал еще один, третий компонент военной разведки, оставшийся вне первых двух. Речь идет о разведывательных органах, базировавшихся в Северной Африке, не имевших абсолютно никакой связи с коллегами на территории метрополии и подчинявшихся только местному военному командованию. Реформа шла до крайности медленно, но, судя по всему, это было к лучшему. Военный министр, которым в тот период являлся Эдуард Даладьё, совмещал свои обязанности с постом премьера, поэтому ему было явно не до спецслужб. Уже в октябре он передал 5-е бюро в распоряжение начальника штаба армии (не штаба верховного главнокомандующего!), окончательно разрушив этим и до того не отличавшуюся стройностью и централизацией систему сбора и оценки разведывательной информации. Лишившийся разведки генеральный штаб вынужден был ввести в свой штат две должности офицеров по связи с разведкой, позднее одну из них сократили. Основной штат разведки остался во 2-м бюро и по-прежнему находился в Ла Ферте, хотя теоретически почти все ее офицеры подлежали передаче в 5-е бюро. В результате еще нескольких, зачастую противоречащих друг другу кадровых перестановок специалисты по Германии оказались сосредоточены в центре 5-го бюро “Виктор”, криптографы из секции шифров “Д” — недалеко от них в центре “Бруно” в Шато Виньоль, часть подразделения осталась в столице. Тексты перехватов дешифровальщикам предоставляли Сеть прослушивания и пеленгования иностранного радиообмена (РЕГ) и Сеть по надзору за внутренним радиовещанием и изучением нелегальных станций (РКР). Трудно сказать, повысили ли эти мероприятия безопасность спецслужб, зато их прямым результатом явилась буквально катастрофическая раздробленность оперативных и аналитических органов. Французы попытались компенсировать ее резким увеличением штатной численности разведчиков, однако призванные из запаса резервисты оказались практически бесполезными и общую ситуацию не улучшили.

Морская разведка также подверглась реформе. В сентябре 1939 года 2-е бюро флота разделили на два практически независимых друг от друга отделения. Его оперативные подразделения были сведены в морскую Службу разведки (СР), а радиоразведчиков и криптографов объединили в секцию ИРД. Лишь 2-е бюро военно-воздушных сил во главе с полковником Эммануэлем-Огюстом-Абелем Роненом до некоторых пор избежало этой участи.

Реорганизации, как это часто случается, не достигли своей цели. Одна из главных проблем разведки заключалась в практически полной беспомощности имевшегося агентурного аппарата, проистекавшей главным образом из-за разрыва связи источников с Центром. Отсутствие радиопередатчиков вынуждало прибегать к использованию конспиративных почтовых адресов, что никак не способствовало ускорению получения донесений. Присутствие в воздухе истребительной авиации люфтваффе делало невозможным ведение воздушной разведки. Один из важнейших источников получения разведывательной информации во время войны — допрос пленных — исключался из-за полного отсутствия таковых. Радиоразведка

также оказалась практически беспомощной. С началом войны немцы приняли беспрецедентные меры по поддержанию дисциплины в эфире, весьма повысившие безопасность их связи, и дешифровальная секция СР не смогла обеспечить командование какой-либо полезной информацией.

Обстановку несколько разрядило лишь прибытие в центр “Бруно” группы из 15 польских криптоаналитиков во главе с начальником Бюро шифров полковником Гвидо Лангером. У французов они получили обозначение “Команды Z” (“Ecuire Z”), которое в отечественной литературе неверно переводится как “Экипаж”. Поляки добрались до Франции через Румынию, в которой они спаслись от наступавшего вермахта, хотя такой маршрут и не соответствовал первоначальному замыслу. Ранее планировалась их эвакуация в Брест-Литовскую крепость, но после захвата восточных областей Польши Советским Союзом этот вариант отпал сам собой. Более того, первоначально перед специализировавшимися на вскрытии закрытой с помощью “Энигмы” переписки Марианом Реевским, Хенриком Зигальским и Ежи Розицким стоял выбор: обратиться ли им в Бухаресте к французам или же к англичанам. Польские криптоаналитики выбрали второй вариант, но не смогли реализовать его. К моменту их прибытия в посольство его двор был забит эвакуированными из Варшавы британскими дипломатическими сотрудниками и их семьями, среди которых находились бывший резидент МИ-6 в столице Польши полковник Дж. Р. Шелли и предположительно будущий исполнительный директор СОЕ полковник Колин Габбинс. В своих написанных в 1967 году и до сих пор не опубликованных мемуарах Реевский вспоминает, что британский посол в Бухаресте отказался уделить внимание трем сомнительного вида гражданским лицам и просто пообещал при первой возможности сообщить о них в Лондон, однако не назвал даже ориентировочные сроки такой возможности. После этого Реевский, Зигальский и Розицкий поняли, что здесь никто ими заниматься не будет, и отправились в посольство Франции, где обратились к военному атташе генералу Муссе и сослались на свои контакты с полковником Бертраном. Это немедленно решило все проблемы, поскольку руководитель дешифровальной секции разведки заранее предупредил Бухарест о возможном появлении поляков и распорядился приготовить для них все необходимое. Французское посольство в Бухаресте снабдило криптоаналитиков паспортами, визами и деньгами на дорогу, однако все специальное оборудование было утрачено безвозвратно, поскольку при бегстве его пришлось уничтожить. Реевский, Зигальский и Розицкий отправились по сложному маршруту. Первым поездом через Белград, Загреб и Триест поляки прибыли в Турин, пересели на другой поезд, доставивший их к французской границе, а оттуда добраться до Парижа уже не составляло проблемы. Тем временем Бертран срочно вылетел в Бухарест для того, чтобы забрать из румынских лагерей остальных интернированных там польских радиоразведчиков и криптоаналитиков. 1 октября 1939 года ему удалось отправить во Францию вторую группу во главе с майором Гвидо Лангером, а немного позднее — еще трех сотрудников польского Бюро шифров Максимилиана Цезкого, Антония Паллута и Эдварда Фокциньского. Для разведки оказались весьма полезным привлечение к сотрудничеству семерых испанских беженцев, из которых была сформирована “Команда Д”. В центре “Бруно” имелась и секция радиоконтрразведки во главе с капитанами Мармиером и Чападо. Эта структура была настолько законспирирована, что официально нигде не значилась и наименования, даже кодового, не имела. 28 октября 1939 года польская группа сумела дешифровать первую германскую радиограмму.

Несмотря на этот частный успех, общая обстановка оставалась неблагоприятной. Большой проблемой оказалось даже получение исходных, закрытых текстов. Определенную роль сыграли развернутые в ноябре 1939 года по просьбе правительства Люксембурга на его границе с Германией 10 радиоразведывательных постов, укомплектованных французскими офицерами и люксембургскими техниками. Однако отсутствие подобных точек в Бельгии, правительство которой дорожило нейтралитетом своей страны и категорически запретило любые действия подобного рода, существенно снизило потенциальные возможности выноса аванпостов на территорию буферных государств и, в конечном итоге, не позволило им выполнить ожидаемые задачи. Как известно, благие намерения не спасли Бельгию от германской агрессии, однако осенью 1939 года предсказать такой поворот событий было трудно. Еще хуже обстояло дело с вскрытием шифров “Энигмы”. Несмотря на активную работу секции “Д” и польских криптографов, персонал центра “Бруно” впервые добился успеха в этой области лишь 17 января 1940 года, причем вскрытым оказалось далеко не актуальное сообщение от 28 октября 1939 года.

В общем, в период “странной войны” французская разведка работала в условиях практически полного отсутствия источников информации, что и предопределило низкий уровень результатов ее усилий. СР безошибочно предсказала военному командованию спокойную зиму 1939/1940 годов, но не сумела вскрыть ни масштабов производившихся в этот период приготовлений вермахта к блицкригу, ни направления его главного удара, что в конечном счете и оказалось фатальным. Неверная оценка итогов польской кампании породила у французов ложное ощущение безопасности. Укрепления “линии Мажино” казались им абсолютной гарантией от внезапного удара со стороны Германии, а потому силы разведки разбрасывались на второстепенные театры. 2-е и 5-е бюро активно действовали на таких вспомогательных направлениях как Средиземное море или Северная Африка. Немалые ресурсы были брошены на проработку вполне серьезно рассматривавшейся в Париже возможности вторжения французской армии в СССР в районе Баку. Трудно представить более наглядную иллюстрацию слепоты правительства Третьей республики, стоявшей на пороге краха, однако из-за далекой советско-финской войны собиравшейся подвергнуть бомбардировке гигантскую и мощную в военном отношении державу! В иной обстановке это могло бы выглядеть курьезом, но последовавшие менее чем через полгода драматические события исключают подобный взгляд на ситуацию.

Одновременно, как ни странно, разведка повинна и в четырех ложных тревогах из двенадцати, объявлявшихся во французской армии в течение зимы 1939/1940 годов, с каждой из которых боеготовность частей все более снижалась. О наступательном духе в войсках давно забыли, упадок и разложение Третьей республики отразились на ее вооруженных силах в целом и на разведывательных службах в частности. Это привело к тому, что тщательно подготовленный немцами удар в Арденнах оказался для военного командования полной неожиданностью. 2-е бюро сильно дезориентировало его, сообщив, что у голландской границы сосредоточены 37 дивизий вермахта, а у люксембургской — 26, тогда как в действительности их было соответственно 29 и 45. Единственным источником, дававшим близкую к действительности информацию, была агентура, однако ей не верили и предпочитали руководствоваться вычисленными цифрами. Справедливости ради следует отметить, что начальник 2-го бюро генерал Морис-Анри Гоше несколько раз пытался обратить внимание главнокомандующего на существующую опасность, но тот игнорировал все исходившие от разведки слабые и неуверенные предупреждения. В дальнейшем, после поражения Франции, он подаст в отставку, хотя поражение 1940 года отнюдь не являлось провалом исключительно разведки. Даже захват Дании и Норвегии не научил французское командование ничему. Третья республика сама готовила свою катастрофу.

Справедливости ради следует отметить, что просчитались не только французы, но и англичане, и голландцы и бельгийцы. Последние оставили без внимания и сочли психологической операцией случайно попавшие к ним документы 8-го авиакорпуса люфтваффе, содержавшие план наступления на Бельгию. Это произошло после вынужденной посадки вблизи Машелона сбившегося с курса немецкого самолета, который вез майора германских ВС Ханнеманса и двух офицеров генерального штаба вермахта.

2. ПОРАЖЕНИЕ

День 10 мая 1940 года продемонстрировал, что вермахт достиг абсолютной стратегической внезапности и при этом гарантировал свой тыл заключенными с Советским Союзом двумя договорами о ненападении и о дружбе. На рассвете 136 дивизий вермахта нанесли внезапный удар по 135 дивизиям противника, из которых французских было 94, английских — 10, бельгийских — 22, польская — 1, голландских — около 8. При кажущемся равенстве сил немцы имели абсолютное превосходство в танках, поскольку против 3 бронетанковых и 3 легких механизированных дивизий французов располагали 10 танковыми дивизиями, которые с воздуха поддерживали 3800 самолетов люфтваффе. Германская армия нанесла обходной удар через Голландию и Бельгию и избежала риска увязания в затяжных и кровопролитных боях по прорыву “линии Мажино”. Это решение было принято на основании изучения добытой абвером в августе 1939 года схемы укрепленных районов, показавшей их низкую плотность на границе с Бельгией и ставшей исходной точкой планирования кампании 1940 года. 14 мая капитулировала голландская армия, 17 мая немцы заняли Брюссель. С ходу фор-

сировав Маас, 1200 танков группировки фон Клейста прорвались через Северную Францию и вышли к побережью в районе Кале. Главные силы союзников в количестве свыше 40 дивизий были окружены вблизи Дюнкерка и прижаты к морю, стратегическими же резервами, как выяснилось, Франция не располагала. Оборона страны оказалась полностью дезорганизованной. Дороги забила потоки беженцев, перемешанных с бросившими оружие солдатами из разбитых частей, а с воздуха их бомбили и обстреливали немецкие самолеты. Связь и управление войсками были нарушены, транспортные коммуникации перерезаны. Фронт рухнул. Отдельные контратаки боеспособных французских частей не могли изменить ситуацию в целом, а в это время союзные войска с 26 мая по 4 июня спешно эвакуировались из района Дюнкерка через пролив. 215 тысяч англичан и 123 тысячи французов и бельгийцев сумели ускользнуть на Британские острова, еще 58 тысяч своих войск англичане вывезли ранее. Все тяжелое вооружение и оснащение разбитой армии было брошено и досталось немцам, в плен попали 40 тысяч французских солдат и офицеров. Из прикрывавших и обеспечивавших эвакуацию 693 английских кораблей и плавсредств 224 были потоплены, еще столько же повреждены, при этом потери немецкой авиации составили всего 130 самолетов.

Британская пропаганда объявила дюнкеркскую катастрофу большим успехом, позволившим спасти армию для дальнейших сражений. Фактически же англичане и прибывшие в страну французы и бельгийцы были совершенно небоеспособны из-за отсутствия тяжелого вооружения, а эвакуация, которую в данном случае было бы правильнее именовать бегством, никогда не считалась способом боевых действий, при помощи которого можно выиграть войну. Разгром во Фландрии означал неизбежное падение Франции, что не замедлило произойти. Немцы развивали наступление по направлению к Парижу и 14 июня без боя заняли его, на западе их войска вышли к побережью в районе Бреста, на юге достигли рубежа Бордо — Виши — Лион. 10 июня войну Франции объявила и рассчитывавшая на свою долю военной добычи Италия. Правительство эвакуировалось вначале в Тур, затем в Бордо и ситуацию в стране не контролировало. 16 июня подал в отставку премьер-министр Рейно, его место занял маршал Петэн, обратившийся к немцам с просьбой о перемирии, которое и было заключено 22 июня 1940 года в Компьенском лесу. Западный фронт прекратил существование. Отныне Франция делилась на оккупированную зону (ЗО) и “свободную зону” (ЗЛ) или “неоккупированную зону” (ЗНО) с административным центром Виши, ставшим резиденцией марионеточного правительства Петэна. Под ногами германских солдат лежала практически вся Европа, и Гитлер 19 июля предложил Британии заключить мир, на что Черчилль ответил категорическим отказом. Вторая мировая война продолжалась, и Франции была уготована в ней роль далеко не великой державы.

Согласно условиям перемирия, правительству Виши позволялось иметь вооруженные силы в составе 100 тысяч человек, флот, который следовало разоружить, заморские территории (колонии) и спецслужбы¹⁰⁷. К этим последним относились как традиционные разведывательные и контрразведывательные органы, так и вновь созданные специально для изменившихся условий структуры, призванные обеспечивать устойчивость режима и подавлять возможные антигерманские проявления, хотя первоначально таковые и не обнаруживались. Население было слишком деморализовано внезапным и сокрушительным разгромом столь мощной в военном отношении державы. Немецкая оккупация воспринималась как неизбежное зло, противиться которому и бессмысленно, и опасно. А поскольку существование следовало продолжать в любых условиях, причем по мере возможности достойное, то усилия французов были направлены главным образом не на сопротивление, а на приспособление. Кроме того, на настроения людей сильно повлияло поведение Великобритании, которое большинство из них расценивало как предательское, не слишком при этом заблуждаясь в отношении его сути. Дальнейшие действия Лондона, в особенности июльская операция “Катапульты” по захвату и уничтожению французских кораблей в Тулоне, Касабланке, Дакаре, Оране и других военно-морских базах, включая Плимут, лишь укрепили уверенность в справедливости такой оценки. Давно утратившие национальную гордость граждане Третьей республики предпочитали вести спокойное существование. Пламенные бойцы Сопротивления, нестигаемые подпольщики, романтические юноши в беретах и шарфах в основном существовали лишь в художественных произведениях деголлеводской и позднейшей левой пропаганды. Средний француз как в “свободной зоне”, так и в оккупированной части страны предпочитал не ввязываться в сомнительные предприятия и

Маршал Петэн
приветствует германского
посла в Виши Отто Абетца

скорее сотрудничал с оккупационными или местными властями, в том числе их полицейскими и карательными органами, нежели помогал разведчикам или партизанам. Ситуация еще более сдерживалась позицией вечного дестабилизирующего фактора — коммунистической партии. Следует напомнить, что в 1940 и первой половине 1941 года СССР официально считался другом Третьего рейха, и поэтому позиция ФКП состояла в исключении любых враждебных по отношению к Германии действий. Однако отдельные эксцессы все же случались, и поэтому правительство Петэна предпочло сформировать несколько различных служб для укрепления внутренней безопасности и выполнения своих обязательств перед немцами.

Таковыми являлись различного рода полицейские формирования, наиболее активным и экстремистским из которых была милиция. Авторы ряда исторических исследований относят к гражданским спецслужбам также и Бюро по антигосударственным проискам (БМА), но это абсолютно неверно. Они просто смешивают этот военный оперативный орган с почти одноименной Службой по подавлению антигосударственных происков, образованной в Париже и возглавляемой Детмаром. Для обозначения понятия “антигосударственные происки” французы в обоих случаях использовали одну и ту же аббревиатуру МА (“Menues Anti-Nationales”), поэтому подобное заблуждение вполне объяснимо. Но в действительности именно здесь пролегает водораздел между коллаборационистскими гражданскими спецслужбами побежденной Франции и ее военными оперативными органами, по преимуществу не смирившимися с позорным поражением и действовавшими в труднейших условиях постоянной угрозы оккупации юга страны.

Предыстория создания БМА восходит к периоду, непосредственно следовавшему за подписанием перемирия, когда перед руководителями спецслужб вооруженных сил Франции встал вопрос о характере их дальнейшей деятельности. Начальник СР полковник Риве уверил своих подчиненных в том, что разведка и контрразведка против прежних противников будет вестись и далее, но на германском и итальянском направлениях — на нелегальной основе: “Наша деятельность должна продолжаться и оставаться секретной и невидимой. Никакая иная позиция не приемлема. Прекращение борьбы для нас хуже, чем непростительная ошибка, оно будет равноценно позору”¹⁰⁸. Полковник напомнил о периоде начала 1920-х годов, когда рейхсвер обеспечил свою спецслужбу нейтральным прикрытием, и пообещал, что в сложившихся условиях французская армия поступит аналогично.

Первоочередной задачей СР и ССР являлось сохранение архивов и картотеки оперативных учетов. Именно на этом настаивали Риве и бывший резидент в Гааге майор Ги д’Але, летом 1940 года сменивший Ги Шлессера на посту начальника контрразведки. Для этого и для обеспечения продолжения агентурных операций против прежних противников было принято решение разделить оперативные органы на официальные и подпольные, скрытые от глаз германской и итальянской комиссий по перемирию, а также от чужих спецслужб. Проще всего было со 2-м бюро, которое занималось преимущественно информационно-аналитической работой. После разгрома страны оно сохранило кадры

Луи Барель

и продолжило свое существование, даже не сменив названия, поскольку немцы ничего против этого не имели. Вместо ушедшего в отставку генерала Гоше бюро возглавил полковник, впоследствии генерал Луи Барель. Свою деятельность на новом посту он начал с визита в посольство США, где попросил учесть, что в душе является противником Германии и готов оказывать делу борьбы с ней посильную помощь, если таковая будет востребована. Кроме того, он направил курьера к известному ему резиденту СИС в Женеве с аналогичными предложениями. Барель желал подстраховаться на случай любого варианта развития событий, поэтому одновременно и сотрудничал с немцами, и трижды посылал в Лондон для ведения переговоров полковника Жоржа Груссара (“Эрик”). Позднее Груссар ведал вопросами связи с Сопротивлением, которые осу-

ществлялись в Швейцарии, подальше от глаз органов государственной безопасности Виши. Барелю не пришлось длительное время возглавлять 2-е бюро. В начале 1942 года он был снят со своего поста за англофильство, считавшееся в “свободной зоне” Франции одним из тяжчайших грехов, и переведен на службу в Северную Африку, а приблизительно через год погиб в авиационной катастрофе при посадке самолета в Бейруте.

Иначе обстояло дело с 5-м бюро, которое подлежало роспуску и по условиям перемирия, и как орган военного времени. Это и было сделано, однако лишь формально, а фактически его офицеры не покинули свои рабочие места и продолжали руководить агентурой. Рассчитывать на длительное сохранение данного факта в секрете было бы непростительной наивностью, поэтому после длительных размышлений и споров командование французской армии, считавшее войну не законченной, а просто временно приостановленной, решило создать у противника впечатление коренной реформы разведки и контрразведки в направлении сужения сферы их деятельности и резкого ограничения активности. Немцы и итальянцы должны были поверить, что разведка отныне сосредоточивается во 2-м бюро, а СР и ССР распускаются за ненадобностью. Но любые утверждения о том, что армейские органы безопасности упраздняются полностью, были бы шиты белыми нитками, поэтому вместо них следовало создать некую слабую, практически децентрализованную, но реально действующую структуру. Помимо прочего, нелегальные разведывательные и контрразведывательные органы не смогли бы нормально функционировать без легальной надстройки, и это было второй задачей намечавшейся к созданию службы. Высшим авторитетом в этой сфере в глазах армейского командования являлся полковник Риве, и именно по причине своей популярности он был вынужден уйти в фиктивную отставку, хотя и сохранял в той или иной степени контроль над всеми военными спецслужбами Виши. Его официальным преемником стал майор, впоследствии подполковник Перруш, руководивший не только центральным аппаратом СР, но и ее периферийными точками в Лилле, Бельфоре, Тулузе, Марселе, Алжире и небольшими постами при штабах военных округов.

В июле 1940 года министр национальной обороны в правительстве Виши Максим Вейган разрешил Риве сформировать единую службу по противодействию подрывной деятельности в отношении армии. На этом этапе, как всегда во Франции, столкнулись интересы различных лиц и организаций. Адмирал флота Жан-Луи-Ксавьер-Франсуа Дарлан желал иметь у себя собственную разведку и по этой причине категорически возражал против организации единой централизованной спецслужбы.

Максим Вейган

Франсуа Дарлан

Военно-воздушные силы были вполне удовлетворены деятельностью своих 2-го бюро и СР во главе с полковником Роненом и не хотели для себя ничего другого, но соглашались на сохранение существовавшей и ранее системы, при которой контрразведывательное обеспечение частей и учреждений военной авиации возлагалось на армейскую контрразведку. По этой причине новый оперативный орган должен был удовлетворять всем требованиям,

что было крайне нелегко обеспечить, особенно в условиях перемирия. Если СР, в принципе, в новых условиях могла действовать в прежнем режиме, за исключением маскировки своего центрального аппарата и еще большего засекречивания каналов связи с зарубежной агентурой, то для контрразведки это было немыслимым. Гласный штат ССР был прекрасно известен, что вынудило Вейгана по согласованию с Риве и д'Але перевести в войска или формально уволить из армии всех офицеров-контрразведчиков. Риве предложил официально изменить концепцию обеспечения безопасности армии перемирия и для усыпления бдительности германской и итальянской комиссий и спецслужб ввел в обиход уже упоминавшийся термин: антигосударственные происки (МА). В соответствии с ним в сентябре 1940 года было образовано Бюро по антигосударственным проискам (БМА), которое возглавил майор д'Але. В военных округах создавались собственные БМА с отделами в дивизиях, штат последних составлял 3 — 4 офицера и столько же сержантов. Командиры корпусов обладали правом по своему усмотрению в случаях необходимости вводить дополнительные должности оперативных офицерах в полках или отдельных подразделениях. Юрисдикция БМА строго ограничивалась войсками и военными учреждениями и полностью исключала административные функции, остававшиеся за военной полицией и жандармерией. Внешне все это выглядело как слабая попытка обеспечить безопасность предельно сокращенной армии, фактически же на новую структуру возлагались более обширные задачи:

- официальная защита армии от шпионажа и антивоенной пропаганды;
- обеспечение официального прикрытия для нелегально действующих разведывательных и контрразведывательных органов и Службы маскировки вооружения и снабжения (КДМ), отыскание их архивной агентуры и восстановление сотрудничества с ней;
- анализ контрразведывательной информации, добываемой нелегальными органами контрразведки, с привлечением, в случае необходимости, СТ и военных трибуналов;
- защита патриотических и просоюзнических организаций, прикрытие полицейских действий органов военной юстиции по обеспечению внутренней и внешней безопасности государства.

Для надежного обеспечения выполнения этих задач требовалось куда больше, чем можно было показать в наличии у официальной БМА. Центральный и периферийный аппараты нуждались в помещениях, в том числе для хранения тщательно оберегаемых многотонных архивов и картотеки, наличия линий связи, транспортных средств и многого другого. Поэтому задача перевода контрразведки на нелегальное положение являлась на порядок более трудной, чем у разведки, резидентуры которой и без того были тщательно законспирированы, и должна была решаться нестандартным способом. Поначалу таковой не отыскивался. Риве и д'Але поручили руководить бывшей ССР майору Полю Пэйюлю, который должен был подготовить предложения по перестройке работы в “свободной” и оккупированной зонах Франции. Помимо контрразведки, на него возложили также обязанности по сбору агентурной разведывательной информации и регистрации случаев коллаборационизма и предательства для судебного преследования преступников после победы. В целом в задачи планировавшегося к созданию органа входило:

- продолжение ведения оперативной работы против разведывательных органов государств “оси”;
- агентурное проникновение в пронацистские и профашистские организации;
- осуществление связи с британскими спецслужбами и поддержка просоюзнических инициатив;
- надзор за деятельностью комиссий по перемирию в “свободной зоне”;
- сбор разведывательной информации, доставка ее в центр и анализ добытых материалов.

Периферийные точки новой службы Пэйюль решил разместить в Лионе, Лиможе, Тулузе, Клермон-Ферране и Марселе, а также Париже и других городах оккупированной зоны. Центральный аппарат контрразведки планировалось сформировать в том же Марселе, из которого было легче связываться с французскими колониями в Африке. В поисках прикрытия майор вспомнил о высокопоставленном чиновнике министерства сельского хозяйства М. Прео, которого уходящий на службу в войска предшественник д'Але на посту начальника контрразведки полковник Шлессер рекомендовал в качестве надежного “почетного

корреспондента” ССР. К нему Пэйоль и обратился с просьбой о помощи в размещении указанных подразделений численностью по 5 — 6 человек, а в Марселе, кроме того, и 15 человек центрального аппарата (“Камброн”) с большой картотекой и примерно 30 тоннами архивных материалов. Прео возразил, что министерское прикрытие не сможет обеспечить должной конспирации, и предложил альтернативный вариант. Министерству в сельской местности требовалось обеспечить техническое обслуживание дренажных систем, осушение заболоченных территорий, очистку лесов и водоемов и прочие аналогичные работы. В соответствии с планом Прео, для их выполнения создавалась частная компания “Сельские работы”, служащая прикрытием для контрразведывательных органов. Помимо прочего, это позволяло также обеспечить финансирование прикрытия спецслужбы из общегосударственных фондов, поскольку министерство заключало с упомянутой компанией соответствующий контракт. Пэйоль несколько сомневался в возможности успешного выполнения перечисленных работ, но Прео успокоил его, сказав, что они достаточно просты, не требуют особой квалификации и хорошо описаны в имеющихся инструкциях. Майор согласился и доложил д’Але, что с 1 июля 1940 года новая служба будет готова к действиям. Ее наименованием стала аббревиатура компании “Сельские работы” — ТР, первоначально созданные пять периферийных постов получили кодовые обозначения:

- ТР-112 (Лимож), начальник Эмиль Риго (“Ришпен”);
- ТР-113 (Клермон-Ферран), начальник Жоаннэ (“Жанзен”);
- ТР-114 (Лион), начальник Юго (“Юрель”);
- ТР-115 (Марсель), начальник Гиро (“Жорж Энн”);
- ТР-117 (Тулуза), начальник д’Оффелиз (“Добрэ”).

Особо значимыми являлись посты ТР-113, ТР-114, ТР-115 и ТР-117, в дальнейшем вовлеченные также в ведение радиоконтрразведки. Точки в Северной Африке планировалось создать позднее, по мере получения достоверной информации об обстановке в этом регионе и о позиции местного командования, что и произошло в октябре 1940, январе 1941 и июле 1941 года, когда в Алжире, Рабате и Тунисе были образованы посты ТР-119, ТР-120 и ТР-121. В оккупированной зоне точки контрразведки существовали под обозначениями с приставкой “бис” и фактически представляли собой нелегальные контрразведывательные резидентуры. Пэйоль пользовался документами на имя уроженца Алжира Филиппа Перье. Архивы контрразведки разместили в подвалах сыроварен в Рокфоре. На момент создания ТР располагала 20 внедренными в структуры абвера агентами, а полностью ее агентурный аппарат насчитывал всего несколько десятков человек. Однако к концу 1941 года он пополнился почти 500 новыми агентами. Штат ТР со временем вырос до 429 человек¹⁰⁹.

В рассматриваемый период во Франции действовали еще два контрразведывательных органа: гражданская контрразведка СТ, за лояльностью которой следил всецело преданный Дарлану капитан 2-го ранга Рольен, и Бюро внутренней безопасности, предназначенного для пресечения работы подрывных, прежде всего коммунистических элементов. С этим бюро неразрывно связано имя полковника Жоржа Грассара, впоследствии неожиданно для всех ставшего заметной фигурой в истории французского Сопротивления. Он был профессиональным военным и в 1938 году являлся комендантом военной академии в Сен-Сире, в 1940 году возглавлял штаб дислоцированного в Эльзасе армейского корпуса, а перед самым поражением был переведен на значительно более низкую должность начальника штаба командующего парижским оборонительным районом. Если вспомнить, что Париж был объявлен открытым городом и не защищался никак, то становится понятно, что боевой опыт Грассара равнялся нулю. После подписания перемирия военное министерство направило его в Виши, где он был уволен из армии и назначен генеральным инспектором “Сюртэ насьональ”. На этом посту полковник проявил инициативу в формировании внутри своего ведомства мобильного полицейского подразделения из бывших солдат — Группу защиты (ГД¹¹⁰). Впоследствии утверждалось, что в действительности Грассар желал негласно предоставить ее в распоряжение Сопротивления, что косвенно подтверждается его контактами с прибывшим из Лондона Пьером Фурко, а также Жюльеном де Бенувиллем и Эммануэлем д’Астье де ля Вижери. Вскоре в составе “Сюртэ насьональ” было сформировано уже упомянутое Бюро внутренней безопасности с ГД. Ее первое применение оказалось несколько неожиданным даже для самого Грассара. 13 декабря 1940 года бойцы Группы защиты обеспечивали силовую поддержку ареста вице-премьера Лавала, произведенного по указанию маршала Петэна с подачи министров юстиции и внутренних дел. Однако уже 17 декабря

на улицах Виши появились отряды германских СС, и Лаваля пришлось выпустить на свободу. На следующий день после этого Груссар получил приказ о роспуске ГД и своем увольнении из “Сюртэ насьональ”.

Жорж Груссар

Важнейшими направлениями деятельности спецслужб являлись криптоанализ и радиоразведка, которые в “свободной зоне” Франции по сравнению с предшествовавшим периодом не только не прекратились, но после незначительного перерыва даже активизировались. 10 июня 1940 года в городок Венсат в Центральном массиве на 10 грузовиках эвакуировались оборудование и персонал центра “Бруно”, возобновивший там свою деятельность. Однако генеральный штаб не выходил на связь с центром, и его работа оказалась бессмысленной. 17 июня “Бруно” получил указание о срочной эвакуации, в первую очередь всего иностранного персонала. 15 поляков и 7 испанцев на трех самолетах улетели в Алжир и обосновались там по документам прикрытия. Тем не менее, уже в середине июля польская разведка решила возобновить дешифровальную работу и организовала там экспозитуру № 300 под руководством Гвидо Лангера. По согласованию с СР после заключения перемирия поляки вместе с испанцами группами по 2 — 3 человека вернулись во Францию и разместились в замке Ле Фузе недалеко от Марселя. В октябре 1940 года из них был образован комбинированный центр перехвата и дешифровки (база “Кадикс”) под непосредственным руководством майора Ромона. Естественно, он подчинялся полковнику Бертрану. Прикрытием центра являлась частная фирма, работавшая в области радиоэлектроники, тексты перехватов поступали от подчинявшейся правительству Виши Группы по внутреннему радиоэлектронному контролю (ГКР). Надеявшиеся на продолжение довоенного сотрудничества англичане снабдили базу “Кадикс” десятью передатчиками, а основными объектами ее заинтересованности были:

- переписка штабов и подразделений вермахта во Франции, Германии, Бельгии, Болгарии, Чехии (“Протекторат Богемия и Моравия”), Венгрии, Польше (“Генерал-губернаторство”), Ливии, Югославии, и в оккупированных районах СССР (с июня 1941 года);
- переписка СС и полиции в Австрии, Чехии, Франции, Нидерландах, Люксембурге, Норвегии, Польше и в оккупированных районах СССР (с июня 1941 года);
- радиogramмы агентов абвера и СД во Франции и Французской Северной Африке;
- переписка штаб-квартиры Германской комиссии по перемирию в Висбадене с ее точками на юге Франции и во Французской Северной Африке.

В декабре 1940 года Густаву Бертрану подчинялись расположенные на территории Франции и в Тунисе 14 постов перехвата с 150 приемными станциями 23 различных типов. Утраченными в результате разгрома оказались важнейшие посты в Эльзасе и Лотарингии и вдоль итальянской границы. Штат криптографов насчитывал 32 человека (в том числе 15 поляков и 7 испанцев), располагавших четырьмя “бомбами” для прочтения закрытой с помощью “Энигмы” переписки. Польская “Команда 3” продолжала попытки вскрытия “Энигмы”, а испанская “Команда Д” — работу над итальянскими шифрами и кодами. Они работали под столь глубоким прикрытием, что вплоть до октября 1942 года их не мог отыскать даже абвер, принимавший группу за обычную строительную компанию.

В начале 1941 года в пригороде Алжира заработала точка “Кадикса” П.О.1 “Куба”. Ей руководил бывший заместитель начальника польского Бюро шифров майор Максимилиан Цезкий, в подчинении которого имелось от 6 до 8 радиооператоров и дешифровальщиков. Персонал “Кубы” периодически обновлялся, было решено каждые 3 — 4 месяца производить ротацию сотрудников с “Кадиксом”. Это привело к тяжким для немногочисленной польской группы последствиям: во время морского перехода было потоплено судно, на котором погибли криптоаналитики Ежи Розицкий, Ян Граминский и Петр Смоленский, а также прикрепленный к ним французский офицер Франсуа Ланэ. Основными задачами алжирской точки являлись радиоконтрразведка и ретрансляция через юг Франции в Лондон радиogramм польской нелегальной резидентуры “Рыгор” под руководством майора, в дальнейшем генерала М. Словиковского. 9 ноября 1942 года спасшиеся от захвата немцами

сотрудники “Кадикса” перебравшись в Алжир и продолжили работу оттуда. Поляки попытались добраться через Испанию до Великобритании, однако не всем это удалось. Лангера, Цезкого и двух инженеров немцы арестовали и отправили в концлагерь, где двое последних погибли. В марте 1944 года содержавшегося в лагере для военнопленных в замке Айзенберг майора Цезкого допрашивала объединенная следственная группа военной разведки и СД с целью установить факт возможной компрометации шифров “Энигмы”. Бывший заместитель начальника Бюро шифров сумел ввести их в заблуждение, признав, что первоначально некоторые сообщения действительно поддавались прочтению, однако после введения новой процедуры шифрования такая возможность якобы была утрачена навсегда. Немцы удовлетворились и оставили его в покое. Остальные поляки благополучно перебравшись через Пиренеи и сразу же были арестованы испанской полицией, но тюрьме пробыли недолго, вскоре вышли на свободу и через Португалию прибыли в Лондон. Там под руководством капитана К. Зелинского из них было образовано радиоразведывательное отделение польского батальона связи. Всего за период войны “Кадикс” вскрыл около 9000 германских радиোগрамм, из них на долю поляков пришлось 4679.¹¹¹

Кроме упомянутых подразделений, радиоразведкой и криптоанализом ведали:

- секция “СЕ” контрразведки ТР;
- посты ТР-113 (перехват переговоров в Северной Германии и на территории “свободной зоны”), ТР-114 (по Южной Германии и Швейцарии), ТР-115 (по Италии) и ТР-117 (по Испании);
- секция перехвата и дешифровки (ИРД) 2-го бюро флота;
- Группа контроля за связью (ГСР) министерства связи;
- криптоаналитическое отделение СР ВВС (бывшая подсекция “К”);
- секция МА-II БМА.

У моряков перехватом и дешифровкой занимались 20 человек на четырех постах перехвата во Франции, в Касабланке, Бейруте и Шанхае. Кроме того, СР ВВС организовала подслушивание германских телефонных переговоров на линиях Париж — Мец и Париж — Страсбург. По наименованию ведавшей этим подсекции добытые таким путем материалы обозначались как полученные от источника “К”.

Объем перехваченной французами и дешифрованной германской переписки был весьма значителен. Впоследствии Бертран утверждал, что в период с октября 1940 по ноябрь 1942 года его службе удалось прочесть 142 радиোগраммы вермахта и 3097 — полиции и СС¹¹². Еще большие успехи были достигнуты в работе на итальянском направлении. Полученная информация использовалась главным образом в контрразведывательных целях, то есть ее основным потребителем являлась ТР. Например, в сентябре 1941 года таким образом была раскрыта сеть германских агентов в средиземноморских портах Франции, поддерживавших радиосвязь с центром в Штутгарте.

Все спецслужбы Франции пока работали в относительно спокойной обстановке и пользовались иллюзорной независимостью “свободной зоны”, хотя здравомыслящим людям было ясно, что долго длиться это не может. Первым делом рейх потребовал от правительства Виши отзыва военных атташе из большинства государств мира, где они были аккредитованы. Комментируя это, генерал Вейган 2 сентября 1940 года предупреждал: “Нет сомнения, что... германские и итальянские власти будут препятствовать существованию в нашей армии любого органа, который мог бы, в каком-либо качестве, служить задаче военных приготовлений. В частности, всеми путями они будут препятствовать продолжению нормального функционирования военной разведки (2-го бюро), которая информирует военное командование об иностранных вооруженных силах”¹¹³.

Однако это произошло далеко не сразу и не в столь резкой форме, как опасался министр, поскольку немцы надеялись на лояльное отношение правительства “свободной зоны” и даже не расположили на ее территории резидентуру абвера, а руководили направленными против нее операциями из АСТ-Висбаден. На севере страны ситуация была иной. Уже в первый день оккупации Парижа в город на нескольких грузовиках прибыла первая совместная зондеркоманда гестапо и СД под руководством специалиста по разведке Гельмута Кнохена, одного из организаторов похищения резидентов СИС в Венло в 1940 году. Чтобы не раздражать командование вермахта столь скорым появлением полицейских частей, на них надели мундиры ГФП. Несколько позднее во французской столице появились еще две зондеркоманды, персонал которых составил костяк будущего парижского центрального управления гестапо и СД.

Офицеры французской разведки и контрразведки оказались в сложном, двойственном положении. С одной стороны, их основной заповедью являлась лояльность к своему правительству, которое в данной ситуации представлял кабинет Петэна. С другой стороны, немцы оставались слишком очевидным врагом, работать против которого хотя и запрещалось, однако было необходимо, исходя из простой логики событий. Это следовало делать хотя бы для того, чтобы как-то контролировать массовое внедрение агентов абвера, СД и гестапо в государственные, военные и политические круги Виши. Такой дуализм создавал немало этических проблем, и каждый решал их по-своему, хотя практически все руководители французских спецслужб склонялись к осторожному сотрудничеству с Лондоном. Одновременно они всеми силами пытались противостоять внедрению в регион разведывательных служб противника, регулярно переходя к активным действиям. В августе 1940 года из перехваченного телефонного разговора французы засекали в Провансе нелегальную точку абвера под руководством Кунце-Краузе, и офицеры будущего ТР-115 сумели внедрить в нее двух агентов. Первый из них сыграл роль инициативника и для укрепления доверия к себе выдал немцам место тайного хранения нескольких устаревших ручных пулеметов “Шоша” и патронов к ним. Второй, бывший офицер ВМС Франции, написал представителем германского командования письмо, в котором представил себя яростным врагом Британии, желающим любым способом отомстить ей за нападение на французские корабли в Мерс-эль-Кебире. Ему поручили наблюдать за обстановкой вокруг военно-морской базы в Тулоне, где двойник заметил, что заместитель Кунце-Краузе располагает возможностью перепроверки его информации. За немцем установили негласное наблюдение и выяснили, что он практически без принятия конспиративных предосторожностей встречается в Марселе с другим своим источником. Таковым оказался проживавший во Франции с 1935 года еврейский беженец Зильберштейн. Возник вопрос о порядке дальнейших действий. Оставлять предательство без последствий было невозможно, однако прямой удар по немецкому агенту был чреват непредсказуемыми последствиями. После ареста и казни в Алжире местного жителя за шпионаж в пользу немцев случай с Зильберштейном стал бы вторым, но первым на территории метрополии. Майор Пэйоль рискнул и распорядился арестовать его прямо перед очередной встречей с руководителем из абвера, что и было сделано. При Зильберштейне находились данные по грузу направлявшегося в Алжир торгового судна “Виль д’Оран” и по одному из подразделений гарнизона Марселя. Арестованный отказался давать какие-либо показания, плюнул в лицо пытавшему допросить его Пэйолю и назвал майора пустым местом, побежденным офицером проигравшей нации. Захваченный агент был уверен в надежной защите абвера и не ошибся. В результате демарша немцев и нерешительной позиции властей дело Зильберштейна было замято, а сам он отпущен на свободу. Однако так благополучно германские агенты отделялись далеко не всегда. В 1940 году (с учетом пяти месяцев до поражения) органы безопасности Франции арестовали 1250 агентов противника, в 1941 году — 601, с января по конец октября 1942 года — 1223. Из них 90% работало в пользу Германии, 8% — в пользу Италии, остальные 2% являлись агентами испанских спецслужб. При этом аресты производились как на территории метрополии, так и в колониях. Из упомянутых 1223 человек 720 были арестованы во Франции и лишь 503 — в Северной Африке¹¹⁴.

Со своей стороны, немцы принимали меры к пресечению любых подобных попыток. В соответствии с условиями перемирия, германские спецслужбы не имели права работать в зоне юрисдикции Виши и до конца августа 1942 года соблюдали это ограничение, стараясь побудить французское правительство самостоятельно решать возникающие вопросы. По мере сил оно старалось так и поступать, руководствуясь вполне понятным нежеланием спровоцировать победителей на оккупацию юга страны. Немцы не делали секрета из того, что из оккупированной зоны они регулярно прослушивают эфир “свободной зоны”. Более того, при обнаружении сигналов агентурных передатчиков они делали специальные представления через открытое в феврале 1942 года в Виши официальное представительство гестапо.

Летом 1941 года гражданская контрразведка СТ получила первые сведения о существовании некоей военной подпольной структуры, занятой ведением контрразведки и агентурной разведки. 8 августа при приземлении с парашютом получил травму заброшенный во Францию агент СОЕ, капитан Жильбер Тюрк. Его нашли крестьяне и передали полиции, где на допросе тот показал, что выполняет задание отвечающего за саботаж в ТР майора

Брошу. Судя по всему, капитан рассчитывал найти у соотечественников если не одобрение, то хотя бы понимание, но ошибся. Против него было возбуждено уголовное дела с окраской “шпионаж”, потенциально чреватое смертным приговором. Тем временем Брошу, знавший о ситуации с Тюрком, доложил о произошедшем Риве и попросил его вмешаться. Полковник отправился к Рольену и постарался решить сразу две задачи. Он попросил коллегу из СТ отпустить арестованного, который не нанес никакого вреда Франции, и постарался уверить собеседника в том, что существование в армии подпольной контрразведки является плодом фантазии британского агента, не нашедшего лучшего способа постараться облегчить свою участь. Рольен сделал вид, что поверил обоим утверждениям. Он уже располагал достаточным количеством фактов о ТР, включая личность и место пребывания ее руководителя, и потому мог со спокойным сердцем отпустить Тюрка, установив, однако, за ним наблюдение. Брошу вскоре заметил это и прервал контакты с агентом, доложив об установленном факте по инстанции. После этого Рольену никто из военных не доверял, и, как выяснилось, совершенно правильно. Руководитель СТ был замечен в активном сотрудничестве с нацистами. В частности, в июле следующего года он передал немцам досье на ряд лиц, включая все того же Тюрка, после чего те были арестованы в Париже и отправлены в концентрационный лагерь.

В августе 1941 года Рольен встретился с Пэйолом и предупредил его о том, что приказал всем подчиненным органам пресекать любую несанкционированную деятельность отечественных спецслужб, особенно связанную с бывшими союзниками. Роллен подчеркнул, что ни в коей мере не разделяет нацистские убеждения, но является категорическим противником деятельности ТР. За месяц до этого руководитель СТ занялся СР ВВС. 16 июля по прямому указанию Дарлана он произвел обыск в помещениях авиационной разведки и взял под стражу Ронена. Министр ВВС резко протестовал против ареста военнослужащего не уполномоченными на это органами СТ, а министр национальной обороны приказал БМА противодействовать подобным попыткам вплоть до применения оружия. Дарлан понял, что рассчитывать на лояльность или просто терпимость спецслужб собственных вооруженных сил он не может, и создал новый военный полицейский и административный орган — Центр правительственной информации (ССГ), во главе которого неожиданно для всех поставил Пьера Ру. Однако вскоре лояльность к режиму бывшего начальника СР стала вызывать определенные сомнения, и место руководителя ССГ занял военный моряк, адмирал Дюпре. Практически сразу новый начальник Центра правительственной информации заявил, что кадровая чистка БМА еще далеко не окончена и будет продолжена со всем возможным тщанием. Далее он отправился в Марсель и потребовал доложить ему все материалы о деятельности “тайной контрразведки”, одновременно начав процесс роспуска Бюро. Это стало одним из факторов, вынудивших позднее перебазировать центральный аппарат ТР в Иссуар.

Последовательная позиция спецслужб вооруженных сил Виши по защите своей страны и ее армии от агентурного проникновения германских разведорганов стала создавать правительству “свободной зоны” неудобства. Командование усматривало выход из создавшейся ситуации не в смене руководства контрразведки, а в ее полном роспуске и реформировании на новых принципах и с серьезной кадровой чисткой, поскольку большинство офицеров БМА были настроены в этом отношении непримиримо. Первая информация о предстоящем роспуске Бюро по антигосударственным проискам прошла в феврале 1942 года, и тогда д’Але предложил Риве сместить его с должности начальника БМА и заменить Пэйолом. Смысл этого перемещения заключался в том, чтобы назначить руководителем официальной военной контрразведки менее скомпрометировавшего себя в глазах властей майора и тем самым, возможно, продлить срок существования Бюро. Начальник СР согласился, и Пэйоль, которому тоже не оставалось ничего иного, начал подыскивать своего преемника для руководства ТР. Вопрос оказался довольно непростым. Недостатка в способных офицерах-контрразведчиках не было, но почти все из них имели на связи ценных агентов, и перевод в Марсель мог оборвать проведение важных операций. На первый взгляд, идеальной кандидатурой выглядел руководитель точки ТР на границе со Швейцарией Андре Боннефу, в данное время лично не работавший с агентами. Однако в отношении него у Пэйоля имелись другие, более далеко идущие планы, и этот вариант также был отвергнут. Тогда майор обратил внимание на сотрудников СР с контрразведывательной подготовкой и в подходящем, не слишком высоком и не слишком низком, звании. Подходящий человек вскоре отыскался. Им был капитан Анри Лафон¹¹⁵ (“Верней”) с двадцатилетним стажем оперативной работы.

Анри Лафон

Таким образом, новый кандидат на должность начальника ТР был подобран, теперь оставалось произвести саму ротацию. Как ни странно, роспуск БМА оказался отодвинутым на несколько месяцев, возможно, для сохранения некоторой преемственности в деятельности спецслужб в связи с откомандированием начальника 2-го бюро армии Бареля на должность командира полка в Северной Африке. За это время д'Але, Пэйоль и Лафон успели объехать все точки БМА и ТР и сориентировать их работников в предстоящих изменениях. В мае 1942 года новый начальник секретной контрразведки принял дела у своего предшественника, но Бюро по антигосударственным проискам пока что продолжало действовать. 23 марта 1942 года и куратор разведки Луи Риве, и его фактический заместитель Ги д'Але одновременно получили приказы об отстранении

от должности, однако оба полковника прослужили на разведывательных должностях еще некоторое время, потребовавшееся для передачи дел. Риве отпустили для этого три месяца, а д'Але оставался в своем кабинете до 1 августа. 4 августа 1942 года бывший начальник разведки отбыл в Алжир по приглашению адмирала Дарлана.

Параллельно в "свободной зоне" происходили весьма тревожные события, напрямую касавшиеся оперативных органов вооруженных сил Виши. В мае 1942 года германская комиссия по перемирию заявила недавно вступившему в должность Пьеру Лавалю не подкрепленную документальными доказательствами претензию по поводу фактического сохранения всеми французскими спецслужбами их структур, штатов и направлений работы. Премьер-министр не знал об этом ничего и потому 3 июля вызвал к себе полковника Риве для выяснения, чем в действительности заняты упомянутые органы. Фактический начальник СР отбегаемо ответил, что они охраняют собственные секреты и пытаются выведать чужие. Лаваль раздраженно заметил, что в армии сохранилось еще слишком много горячих голов, и на этом аудиенция была окончена. 1 августа, когда д'Але уже отбыл на строевой командный пост в Лиможе, БМА было официально извещено о предстоящем роспуске. Пять дней спустя Риве вызвал к себе Дарлан и предложил ему подумать над концепцией организации новой спецслужбы, которая должна была включать три разведоргана армии, авиации и флота и контрразведку. Фактический начальник существующей СР заметил, что пребывает в отставке и потому не может заниматься этим вопросом, а тем более возглавлять спецслужбу. Адмирал приказал ему не принимать во внимание всякие глупости и завтра же явиться с предложениями.

Бюро по антигосударственным проискам ушло в историю, но полностью оставить вооруженные силы без органа, обеспечивающего их безопасность, было невозможно. Уже 24 августа 1942 года взамен БМА возникла Служба военной безопасности (ССМ) во главе с Пэйолем. Она была предельно компактной, штаты контрразведчиков в военных округах колебались в узком диапазоне от двух до трех офицеров. ССМ отвечала уже не за обеспечение безопасности государства от посягательств иностранных спецслужб, а за локальную задачу защиты армии от шпионажа и саботажа.

Пьер Лаваль произносит речь. Август 1942 года

Структурно ее центральный аппарат состоял из подразделений по контрразведывательному обеспечению армии (Андре Боннефу), ВВС (полковник Андре Серо) и ВМС (капитан 1-го ранга Жонгле де Лин). Несмотря на мизерность штата и узость задач ССМ, в итоге реальный потенциал французской контрразведки сократился незначительно, поскольку ни в структуру, ни в задачи ТР никто никаких изменений не вносил, а официальная "надстройка", хотя и с изъятиями, но все же продолжала выполнять свои задачи. В результате в рассматриваемый период ТР продолжала

проводить агентурные операции во Франции и поддерживала радиосвязь с Алжиром, в Северной Африке контрразведка укрепляла сотрудничество с разведкой США и готовилась к работе в автономном режиме в случае разрыва сообщения через Средиземное море, а точки ССМ готовились к возможному переходу на нелегальное положение.

Создание ССМ на руинах БМА весьма заинтересовало адмирала Дюпре, всемерно стремившегося показать свою лояльность к рейху. Почти сразу же после своего назначения начальник ССГ отправился в Париж на совещание с представителями германских оккупационных спецслужб и по возвращении занялся проведением в жизнь полученных директив. Он вызвал Пэйоля и предложил ему поделиться всей имеющейся в распоряжении ССМ информацией о деятельности во Франции спецслужб Великобритании и США, а также материалами по просоюзнически настроенным лицам и группировкам. Майор ответил, что подобными сведениями не располагает, но адмирал настаивал. Пэйоль прервал разговор и предупредил, что доложит о нем Риве, который действительно пожаловался главнокомандующему на Дюпре. Однако Дарлан лишь покачал головой и небрежно заметил, что руководитель СТ ведет себя неправильно, но вмешиваться и не подумал. Очевидно, происходящие процессы его вполне устраивали.

Эффективной деятельности армейских спецслужб препятствовали не только гражданские власти, военное руководство в этом процессе также периодически выглядело в этом процессе не лучшим образом. Иллюстрацией этого, в частности, может служить история попыток Пэйоля сохранить архивы контрразведки, первоначально, как уже указывалось, укрытые им в подвалах сыроварен Рокфора. Там материалы были доступны для повседневной работы ТР, однако их безопасность оставляла желать лучшего. В октябре 1940 года радиоразведчики “Кадикса” засекли передвижение частей вермахта к демаркационной линии между оккупированной и “свободной” зонами и факт интенсивных переговоров рейха с правительством Франко, содержание которых оставалось неизвестным. На основании этих данных аналитики СР не исключали возможность нарушения германскими войсками перемирия с одновременным вторжением испанских войск через Пиренейские горы. Помимо всего прочего, это выдвигало настоятельную необходимость эвакуации архивов контрразведки в Алжир, где колониальной армии вполне было вполне по силам обеспечить их сохранность. Сделать это было непросто, поскольку даже существенно прореженные и сокращенные до минимального объема архивные материалы весили приблизительно 30 тонн и никак не могли быть скрытно переправлены через Средиземное море в багаже или иным аналогичным образом. Перевозка неизбежно должна была привлечь к себе нежелательное внимание, избежать которого могло только содействие со стороны ВМС. Пэйоль обратился за помощью к начальнику СР флота капитану 1-го ранга Самсону, не решившемуся взять на себя ответственность по маскировке столь щекотливой операции. Он заявил, что решение на транспортировку материалов обязательно должно было исходить от Дарлана, а тот категорически отказался дать таковое. Поведение адмирала вплотную граничило с предательством, но преодолеть его не представлялось возможным. В этот момент знавший о проблеме начальник 2-го бюро ВМС в Тулоне капитан 2-го ранга Номура предложил Пэйолю доставить ящики с архивными материалами на его военно-морскую базу и пообещал как-нибудь обеспечить их перевозку в Алжир. Было ясно, что в первую очередь следует отправлять наиболее опасные документы: о передаче собранной ТР информации британским спецслужбам, с которыми контрразведка возобновила сотрудничество с сентября 1940 года, материалы по связи с негласным аппаратом СР армии и ВВС и переписку с постами ТР, в первую очередь ТР-112 и ТР-113 и особенно с парижской точкой ТР-112-бис. Однако для успеха мероприятия доброй воли начальника 2-го бюро в Тулоне оказалось совершенно недостаточно. Руководство ВМС получило сведения об инициативе капитана 2-го ранга и решительно пресекло его попытки помочь контрразведчикам. Такая позиция флота не только граничила с предательством национальных интересов, но и была совершенно необъяснимой с точки зрения логики, поскольку никаких осложнений с немцами или итальянцами вызвать не могла. Никто в комиссиях по перемирию не проверял содержимое перевозимых через Средиземное море ящиков, и при желании архивы легко можно было замаскировать либо под коммерческую техническую документацию, либо упаковать внутри транспортных средств. Совершенно ясно, что запрет их отправки в Алжир напрямую исходил от Дарлана, примитивно желавшего ослабить позиции конкурирующей с моряками спецслужбы. В результате Пэйоль распорядился уничтожить все относительно меньшее ценные докумен-

ты, что сократило суммарный вес архивов контрразведки в полтора раза, примерно до 20 тонн. Документы упаковали в ящики по 300 килограммов и вывезли в окрестности Нима, где укрыли на отдельно стоящей ферме. В 1943 году немцы заняли ее, арестовали и отправили в концлагерь хранителей архивов М. Гарнье и Сен-Жана, но сами материалы так и не обнаружили. Они остались нетронутыми и сохранились в неприкосновенности вплоть до освобождения страны от оккупации.

За всей этой деятельностью внимательно наблюдали немецкие разведывательные и контрразведывательные органы. Например, представительство гестапо за месяцы пребывания в Виши накопило достаточное количество материалов, немедленно пущенных в ход после оккупации вермахтом остатка территории страны. Германские спецслужбы периодически проводили на территории “свободной зоны” контрразведывательные операции. Но, естественно, куда более активно и без каких-либо даже символических помех они действовали в зоне оккупации, особенно на фоне весьма выраженного нежелания французов примыкать к малочисленным и разрозненным группам Сопротивления, которое, собственно, к этому времени даже не заслуживало столь громкого названия. Действовали преимущественно разведывательные сети поляков, отдельные агенты СИС и СОЕ, а также весьма незначительное число французских патриотов, не объединенных ни общим командованием, ни единым планом действий, ни даже своими целями. На юге Франции спецслужбы Виши осторожно и негласно поддерживали две изолированные группы из бывших армейских офицеров. В целом же период с лета 1940 по июнь 1941 года можно смело рассматривать как период стагнации Сопротивления, причем главной причиной застоя, помимо перечисленных ранее, с уверенностью следует считать отсутствие у французов веры в победу над Германией. Британцев загнали обратно на их острова и блокировали с моря, Соединенные Штаты Америки не проявляли желания ввязываться в схватку, а Советский Союз тогда можно было считать скорее союзником рейха, нежели его вероятным противником. Больше в мире не существовало никаких сил, способных реально противостоять немецкой экспансии. Но 22 июня 1941 года ситуация изменилась принципиально. Германия открыла новый фронт боевых действий, в котором рисковала увязнуть надолго, если не навсегда. Гитлер оказался вовлеченным в операции на Востоке и на Западе и к тому же немедленно лишился стабильных поставок сырья из СССР. Дремавшие до поры французские коммунисты немедленно приступили к боевым операциям по всей территории страны, хотя ранее от них воздерживались. Первый террористический акт был произведен 21 августа 1941 года в парижском метро членом коммунистической подпольной группы Фредо (“полковник Фабиан”) с целью всколыхнуть страну и дискредитировать режим Виши в глазах населения. Ход оказался беспроигрышным, если, конечно, не принимать во внимание человеческие жизни. Рассвирепевший Гитлер объявил, что за застреленного в метро аспиранта Мозера казнят сто французов, и потребовал от правительства “свободной зоны” содействовать немцам в уничтожении заложников. Чтобы хоть как-то исполнить требование Берлина, власти Виши немедленно уничтожили шесть человек, таким образом сразу же отождествив себя в глазах населения с нацистскими репрессиями. В Лондоне генерал Шарль де Голль постарался извлечь из этих трагических событий максимум пользы и при этом сохранить образ лидера, заботящегося о минимизации жертв. 23 октября 1941 года он выступил по радио с заявлением, прозвучавшим несколько лицемерно: “Тот факт, что французы убивают немцев, является абсолютно нормальным и оправданным. Если немцы не хотят, чтобы их убивали, им следует оставаться дома... Но существует тактика ведения войны. Войной должны руководить те, кому это поручено... В настоящее время мой приказ для оккупированной территории: немцев открыто не убивать! Он вызван единственным соображением: сейчас враг может совершенно беспрепятственно совершать массовые убийства наших пока еще безоружных борцов. Напротив, как только мы сможем перейти в наступление, будут отданы соответствующие приказы”¹¹⁶. Тем временем правительства Петэна и особенно Лавалля все глубже увязали в политике активного сотрудничества с рейхом. К маю 1942 года из министерств были изгнаны все умеренные элементы, а в сентябре начала работу Служба принудительного труда (СТО) для отправки молодых французов на работу на объектах германской промышленности. Это привело к росту недовольства даже среди лояльных кругов общества и бегству в горы и леса молодежи, пополнявшей ряды партизан. Лаваль же полагал, что лучшим вариантом для Франции является полная ориентация на страны “оси”, и публично заявил: “Я надеюсь на победу

Оскар Райле

Германии”¹¹⁷, что не прибавило ему популярность в народе. Были приняты специальные декреты в отношении евреев, весьма благосклонно встреченные в Берлине. В оккупированной зоне положение было еще хуже. Там немцы осуществляли свою юрисдикцию не только фактически, но и юридически, с помощью мощного аппарата полиции и спецслужб. Подлинными хозяевами Франции являлись военное командование, комиссия по перемирию и стоявшие за их спинами абвер, гестапо и СД.

В отеле “Лютеция” в оккупированной столице Франции разместились штаб-квартира военной разведки (АСТ-Париж) общей численностью около 200 человек. Парижский отдел имел статус главного АСТ-Запад, поскольку находился в одном городе с главным командованием вермахта на Западе, но, за исключением АНСТ-Орлеан, остальные точки ему не подчинялись. В числе таковых были АСТ-Анжер с АНСТ-Брест, АСТ-Дижон с АНСТ-Нанси, АСТ-Лион с АНСТ-Тулуза, отдельное АНСТ-Бордо и подчинявшиеся АСТ-Брюссель АНСТ-Лилль и АНСТ-Булонь. Кроме того, север Франции и

зону Па-де-Кале контролировало АСТ-Лилль, одновременно руководившее работой всех находившихся на территории страны подразделений тайной полевой полиции (ГФП). Всего во Франции дислоцировались 69 органов абвера различного уровня и ГФП общей численностью до 6000 человек, а также многочисленные временные разведывательные и контрразведывательные структуры, в том числе зондеркоманды. Основные обязанности абвера во Франции заключались в массовой вербовке агентов для использования на британском направлении и в сборе информации о военных мероприятиях Британии и ее приготовлениях к возможной десантной операции в Европе. В области контрразведки задачи были достаточно ясны и состояли в нейтрализации деятельности разведывательных служб и подпольных организаций противника.

Руководимое Оскаром Райле подразделение АСТ-Париж III “Ф” захватило под Орлеаном эшелон с архивами военного министерства Франции. Их перевезли в Париж, где военная разведка в сотрудничестве с РСХА приступила к обработке документов. Особо деликатные документы СТ избежали захвата противником, поскольку сотрудники гражданской контрразведки успели частично эвакуировать свои архивы в безопасное место, а частично сжечь. Зато капитан абвера Виганд обнаружил и захватил центральную картотеку и материалы управления делами Главной сыскной полиции “Сюртэ националь”. Райле вспоминал: “Бежавшие французские чиновники оставили служебные помещения со всей документацией в таком порядке, словно дела велись вплоть до последнего дня перед оккупацией Парижа”¹¹⁸. Помимо этого, в руки немцев попали архивы префектуры полиции Парижа и министерства иностранных дел. Находки позволили решать задачи как оборонительной, так и наступательной контрразведки значительно меньшими силами, чем это требовалось теоретически. Кроме того, захват архивов помог раскрыть несколько агентурных сетей на территории рейха и сразу же поднял престиж абвера в глазах руководства.

Многочисленными были во Франции и органы РСХА, со временем разместившиеся в Париже, Бордо, Лионе, Марселе, Тулузе, Дижоне, Виши, Ренне, Анжере, Нанси, Руане и Монпелье. Парижское отделение СД выбрало для размещения здание на авеню Фош, гестапо — на улице Соссэ. Первоначально РСХА не имело полномочий на осуществление во Франции контрразведывательных операций, но к 1942 году постепенно смогло начать дублирование действий абвера и впоследствии вытеснило его с завоеванных позиций. Все службы гестапо и СД во Франции подчинялись центральному управлению в Париже, за исключением подразделений Службы безопасности и политической полиции в департаментах Нор, Па-де-Кале, Мозель и Верхний и Нижний Рейн. В остальных регионах парижское управление по состоянию на 1943 год располагало 17 периферийными органами, у которых, в свою очередь, имелись 45 внешних секций, 18 внешних постов, 3 специальных фронтовых комиссариата и 18 пограничных постов, а также региональные службы в Лилле, Меце и

Страсбурге. Вся эта система покрывала страну разветвленной сетью довольно эффективно действовавших органов разведки и контрразведки.

Кроме того, резидентуру в бывшей столице Франции разместила также и итальянская ОВРА.

В первый период деятельности немцы могли брать неопытных подпольщиков и разведчиков, что называется, голыми руками. Уровень их профессионализма в тайных операциях иллюстрирует происшествие с будущим руководителем послевоенной французской секретной службы СДЕСЕ Александром де Мареншем, к сожалению, не единичное. С трудом ускользнув через испанскую границу, в вагоне поезда он разговорился с приятным на вид джентльменом, которому сообщил, что бежал от немцев и по фиктивным документам направляется в Лондон, чтобы там присоединиться к комитету “Свободная Франция” и бороться против оккупантов. Собеседник лаконично отозвался: “Правда? Как интересно!”¹¹⁹. После прибытия поезда в испанскую столицу де Маренш обнаружил, что его незнакомого попутчика встречают с почетным караулом, поскольку им являлся посол Германии в Мадриде. Беглецу повезло — дипломат счел ниже своего достоинства сдавать несчастного француза местной полиции. Напуганный собственной болтливостью беженец поселился в первом попавшемся отеле “Флорида”, а наутро выяснилось, что он заполнен немецкими офицерами в штатском, поскольку был основным местом проживания персонала мадридской резидентуры абвера.

По мере роста количества французской и британской агентуры в стране германская контрразведка наращивала свои усилия. Одной из операций стала “акция Донар”, совместно начатая абвером, гестапо и СД 28 (по другим источникам — 21) сентября 1942 года. Ее первый этап заключался в точном установлении координат действующих на юге страны агентурных передатчиков, предварительно запеленгованных из оккупированной зоны. Для выполнения этой задачи в Лион, Марсель и Монпелье были негласно направлены 280 оперативных и технических сотрудников с пеленгаторными установками из состава объединенной группы радиоконтрразведки под общим командованием офицера абвера Фридриха Дернбаха. Почти сразу же они выявили около 20 подпольных станций в районе второго по величине города Франции Лиона, а также отдельные передатчики в Марселе, Тулузе и окрестностях По. В числе запеленгованных была рация СР ВВС, которую полковник Ронен, несмотря на строжайшие предупреждения, продолжал использовать. После этого в дело вступили руководитель группы “Донар” Бемельбург и специалист гестапо по радиограмм Кифер (не путать с начальником отделения СД в Париже штурмбанфюрером СС Йозефом Киффером). Немцы появились в “свободной зоне” с паспортами, оформленными на негласно выданных им бланках, и при участии властей реквизируют пять замков. В результате операции в течение трех месяцев совместно с полицейскими службами Виши были арестованы и частично перевербованы 12 агентов-радиостов СОЕ и Сопротивления. Ронен и его офицеры смогли избежать ареста буквально чудом.

С целью маскировки в эфире под официальные станции марионеточного правительства агентурные передатчики часто использовали частоты в их диапазоне, но не смогли ввести этим в заблуждение германскую радиоконтрразведку. Немцы располагали довольно совершенными пеленгаторами, к 1944 году позволявшими устанавливать место расположения передатчика с точностью до километра. Оборудованные ими передвижные фургоны двигались по сторонам постепенно сжимавшегося треугольника и в итоге находили искомый объект. К 1943 году радиоконтрразведка находилась в Париже на столь высоком уровне, что от момента обнаружения передатчика на панорамном пеленгаторе до блокирования дома, в котором он находился, проходило не более 14 минут. В июне абвер и СД захватили 11 передатчиков и 49 расписаний связи, несмотря на использование их противниками изолированной системы передачи сообщений по фрагментам с разных станций, часть из которых перемещалась во время сеанса. Кроме того, немцы с легкостью взламывали несовершенные французские коды и шифры, что послужило для начальника разведки де Голля полковника Пасси поводом для обвинения англичан в их компрометации. Тогда руководитель агентурных шифров секции криптографии СОЕ Лео Маркс пригласил к себе группу французских разведчиков и за короткое время вскрыл шифр прямо в их присутствии, сняв тем самым немало острых вопросов. Впоследствии немцы утверждали, что задействовали в радиоиграх с противником не менее трети заброшенных во Францию агентов противника, что с учетом

уровня профессионализма персонала германской контрразведки в Париже являлось вполне вероятным.

Схватка союзнических и немецких спецслужб на территории Франции началась с дела “Интераллье”, относящегося к первому периоду германской оккупации, когда британская СИС столкнулась с прискорбным фактом полного отсутствия разведывательных позиций на стремительно утраченной территории Франции. Практически единственным ее источником информации была сеть польской разведки, в январе 1941 года получившая название “Интераллье”. Ее организовал обосновавшийся в Тулузе после заключения перемирия резидент II отдела польского главного штаба полковник В. Зарембский (“Тюдор”). Основной задачей резидента, двух его помощников и радиста первоначально являлось обеспечение транзита в Великобританию через Испанию поляков, оказавшихся во Франции, Бельгии и Голландии. С помощью самодельного передатчика летом 1940 года разведчики установили связь со своим посольством в Мадриде, а несколько позднее смогли поддерживать радиообмен и с центром польской разведки в Лондоне. С этого момента ее начальник полковник Гано получил важное преимущество перед британцами, не располагавшими агентурным аппаратом на территории Франции и попавшими из-за этого в серьезную зависимость от поляков. Вообще же II (позднее VI) отдел следовал указаниям своего эмигрантского правительства, поставившего перед ним задачу вести во Франции оперативную работу в интересах Великобритании по следующим направлениям:

- установление концентрации германских сухопутных, морских и воздушных сил;
- наблюдение за наземными и морскими перевозками и передвижением боевых кораблей;
- вскрытие местонахождения складов боеприпасов и береговых укреплений;
- выбор целей для бомбардировок;
- отслеживание и сообщение об иных событиях, требующих немедленных действий военного командования;
- изучение обстановки во французской промышленности, ее вкладе в германскую экономику, в особенности о производстве и разработке новых образцов вооружения.

Группа “Интераллье” была не единственной, но самой крупной среди польских разведывательных сетей. Она постепенно разрасталась, включала в себя все новых членов, и вскоре вышла за пределы “свободной зоны”. Работавшие на севере страны агенты подвергались смертельной опасности, однако стремление действовать было непреодолимым. Агентурный аппарат “Интераллье” строился по единому принципу. Организация состояла из 14 секторов (А — L на юге, S в оккупированной зоне и Q в Бельгии), отдельной парижской группы, группы “Родина” (“Р”), группы полиции (“Р”), группы “Свобода” (антинемецки настроенные офицеры на службе Виши), группы обработки добытой информации, 4 нелегальных курьеров, 4 радистов (к лету 1941 года) и держателей конспиративных почтовых адресов. Секторы возглавлялись так называемыми ответственными агентами, а весь аппарат насчитывал около 120 человек. Упор на добывание военной информации, а также преимущественно польский состав позволили “Интераллье” избежать вовлечения в политические распри, характерные практически для всех французских групп. Сеть возглавлял Роман Гарби-Чернявский (“Валентин”), проживавший в оккупированной зоне по документам бывшего мужа своей любовницы Армана Борни. В декабре 1940 года “Интераллье” получила радиопередатчик, предоставленный СИС через “Тюдора”, что дало возможность значительно ускорить передачу информации и получение инструкций.

Осенью 1941 года Гарби-Чернявский на специально присланном самолете отправился на совещание в Лондон, где премьер-министр эмигрантского правительства генерал Сикорский вручил ему орден за заслуги. Через девять дней “Валентин” прибыл обратно и обнаружил, что за время его отсутствия его главная помощница и шифровальщица Матильда Карре насмерть рассорилась с радистом “Кентом”. Но ему было неизвестно, что руководитель сектора “D” Рауль Киффер (“Дезире”, “Кики”) к этому времени уже совершил предательство и выдал его абверу. Гарби-Чернявский узнал об этом 17 ноября, когда немцы арестовали его прямо в постели, захватив при этом множество документов по организации сети. “Валентин” был не разведчиком, а генштабистом, привыкшим к аккуратному и стройному делопроизводству, вплоть до того, что на карте Франции он аккуратно отмечал флажками дислокацию своих агентов и открытым текстом составлял списки участников организации с указанием их псевдонимов, подлинных имен и адресов. Однако зачастую то, что хорошо

для штаба, является губительным для нелегальной разведки. Так произошло и в случае с “Интераллье”. Находившиеся при резиденте документы позволили немцам в течение трех дней восстановить всю структуру сети, включая установочные данные на ее членов. Немало способствовали этому Киффер и особенно перешедшая на сторону абвера Карре. В нарушение правил безопасности ей были известны все четыре радиоквартиры, расписание передач, частоты, коды и сигналы опасности, что помогло абверу начать радиоигру с Лондоном, не насторожив при этом ни поляков, ни СИС. Немецкие радисты уже давно изучили почерк операторов “Интераллье”, и после получения расписания связи у них больше не оставалось препятствий для введения противника в заблуждение. Для укрепления доверия Карре даже предупредила Лондон об аресте “Валентина” и сообщила, что принимает руководство сетью на себя, попросив согласия руководства впредь подписывать радиограммы “Виктория”. Оба предложения получили одобрение. К несчастью, это совпало с одним из редких периодов потепления отношений между МИ-6 и СОЕ, ввиду чего разведка решила помочь коллегам и дала им связь с Карре. В абвере этому были только рады и от имени “Виктории” подтвердили встречу 26 декабря 1941 года в Париже. На нее прибыл находившийся в стране с мая парижский резидент СОЕ Пьер де Вомеркур, который незадолго до этого растерял всю свою агентуру и остался в весьма бедственном положении без контактов, денег и связи. Теперь же он получал доступ к разведывательным и организационным ресурсам “Интераллье”, беда заключалась в том, что их полностью контролировали немцы.

Пьер де Вомеркур

Однако период неведения продолжался недолго. Уже в середине января 1942 года в штаб-квартире СИС стали подозревать, что в “Интераллье” проникли вражеские агенты, хотя возможных масштабов их инфильтрации еще никто не осознавал. А в Париже подозрение де Вомеркура вызвала сама “Виктория”: недоверчивого резидента СОЕ смутило ее свободное оперирование обилием продовольственных карточек, бланков удостоверений личности и других документов. Он понял, что настала пора уходить, причем сделать это необходимо было так, чтобы не вызвать подозрений у немцев. Де Вомеркур предложил “Виктории” вместе с ним слетать в Лондон на инструктаж, и немцы, предвкушая удачную оперативную игру, подтвердили поездку. Зимняя погода дважды воспрепятствовала посадке “Лизандера”, и тогда было решено уйти из Бретани по морю. В ожидании прибытия торпедного катера резидент поссорился с Карре и внезапно обвинил ее в сотрудничестве с германской контрразведкой, после чего морально сломленная собственным предательством женщина неожиданно для себя самой призналась ему во всем. Де Вомеркуру, однако, не оставалось ничего другого, как пытаться продолжить игру с немцами, на этот раз уже с участием “Виктории”.

История Матильды Карре — печальный пример лишь одной из судеб, растоптанных жестоким миром секретных служб и подпольной борьбы. Молодая и красивая женщина не сумела достойно выдержать свалившееся на нее бремя ответственности. На начальной стадии ее привлекал авантюрный характер разведывательной работы, она наслаждалась интригами и захватывающей тайной жизнью, но внезапно все это обернулось другой, далеко не столь романтической стороной. В довершение всего Матильда без памяти влюбилась в абверовского контрразведчика Хуго Бляйхера, сыгравшего немалую роль в разгроме разведывательных и подпольных групп во Франции. Терзаемая ревностью, стыдом из-за своего предательства и ощущением непрочности положения любовницы оккупанта, Карре начала метаться и совершать необдуманные поступки. Она дважды пыталась убить Бляйхера, а еще до разговора с де Вомеркуром призналась одному из соотечественников в работе на немцев и вызывала подозрение у обеих сторон.

После долгого ожидания 11 февраля катер, наконец, прибыл, с него высадились два агента-радиста, которых немцы захватили прямо на месте высадки. Предупрежденный сигналом с берега командир успел увести корабль и таким образом избежал его попадания в руки противника. В суматохе “Виктория”, де Вомеркур и еще два члена “Интераллье” скрылись и после двухнедельных скитаний в ночь с 26 на 27 февраля все же были подобраны другим катером. Оба благополучно добрались до Британии, где резидент СОЕ, как

ни странно, не произнес ни одного плохого слова в адрес своей спутницы. Контрразведка самостоятельно пришла к заключению о том, что Карре работает на немцев, после чего француженку интернировали до конца войны. Затем ее передали соотечественникам, приговорившим женщину к смертной казни, замененной тюремным заключением, из которого она вышла в 1954 году.

Сообщения от “Интералль” прекратились. Дело было закрыто и для немцев, и для британцев, и для поляков. Одним из итогов работы этой мощной сети на территории Франции стали серьезные уроки в части конспирации. Главное упущение заключалось в том, что Карре владела слишком большим объемом информации, Кифферу также не следовало знать резидента, и уж совсем не нужно было подключать к операции СОЕ. Хранение на квартире резидента полных списков организации, к тому же записанных открытым текстом, вообще не вписывалось ни в какие мыслимые рамки. Перечисленные провалы в области безопасности не позволили локализовать ущерб, который могли принести отдельные предательства, практически неизбежные в широкомасштабных подпольных группах. Из-за этого погибла вся сеть, а также понесли урон три союзнические разведывательные службы.

Отдаленным следствием разработки “Интералль” немцами явилось описанное в главе о Великобритании внезапное появление Гарби-Чернявского в октябре 1942 года в Испании, в результате которого он стал агентом-двойником “20-го комитета” (“Брутус”). Без сомнения, проводившаяся с его помощью вплоть до окончания войны в Европе дезинформационная операция стала победой англичан.

Время от времени абвер и гестапо наносили во Франции сильные удары по разведывательным и подпольным группам союзников и французов. Так, например, в результате проведенной Райле операции в период с 9 по 30 октября 1941 года были арестованы 962 агента и участника Сопротивления и полностью разгромлены агентурные сети ТР в Бельгии. Подобные успехи были не единичны, некоторые из них получили впоследствии большую известность.

Упомянутый Хуго Бляйхер, несмотря на свое скромное унтер-офицерское звание, являлся одним из наиболее результативных сотрудников абвера во Франции. Благодаря прекрасному знанию французского языка его первоначально зачислили в ГФП, а в октябре 1941 года перевели в отделение III“Ф” парижского абверштелле под начало Оскара Райле. Бляйхер принимал активное участие в разгроме резидентуры “Интералль”, однако наиболее успешно проявил себя в операции “Гранд дюк”, одной крупнейших, проведенных германской контрразведкой за всю войну. В истории французского Сопротивления он известен под псевдонимами “месье Жан” и “полковник Анри”.

Операция “Гранд дюк” началась с ареста немцами в феврале 1943 года в Париже нескольких участников действовавшей на юге Франции подпольной группы. Ее руководитель Андре Марсак (“Энд”) попытался восстановить оборванные связи и прибыл в столицу, однако и сам очень быстро оказался под арестом. На допросе у Бляйхера он попытался подкупить следователя и предложил указать место, где спрятал сто тысяч франков и кварцевые пластины к радиопередатчику, которые немец должен был выбросить, а деньги оставить себе. Контрразведчик весьма обрадовался такому предложению, поскольку прекрасно понимал, что наличие пластин указывает на близость передатчика и агента-радиста, и получил разрешение Райле на начало игры с противником. Задача Марсака состояла в том, чтобы выйти из тюрьмы, Бляйхер же усмотрел в этом шанс внедриться в его организацию. Он сообщил арестованному, что готов выпустить его на свободу, однако не может сделать это, не доказав своему руководству, что подпольщик действительно перевербован, причем необоснованных утверждений для столь серьезного шага недостаточно, их требуется подкрепить каким-либо веским аргументом. Контрразведчик заявил, что хорошей идеей было бы отдать ему передатчик, что якобы послужит укреплению доверия к Марсаку. Француз на удивление легко попался в расставленную ловушку и сообщил адрес и пароль для связи с организацией. Он присвоил немцу псевдоним “полковник Анри” и рекомендовал его членам своей группы как немца, который искренне желает сотрудничать с ними.

В своих мемуарах Бляйхер сообщает, что по указанному Марсаком адресу в городе Сен-Жориоз находилась гостиница “Отель де ля пост”, служившая базой для резидентуры СОЕ. Трудно сказать, по каким соображениям немец исказил истину, в действительности дом назывался “Ле Тиллель”. После визита туда “полковника Анри” британские разведчики запросили по этому поводу Лондон и получили категорический приказ немедленно пре-

рвать связь и с ним, и с Марсаком. В это время в пронизанной немецкой агентурой группе произошло искажение информации, и один из работавших на марсельское отделение СД французов сообщил своему руководителю о некоем сотрудничающем с врагом полковнике абвера. Началось расследование, Бляйхера опознали по словесному портрету, и все это могло закончиться для него крайне печально, если бы не личное вмешательство начальника СД штурмбанфюрера Киффера, сумевшего правильно оценить ситуацию. Немцы приступили к ликвидации группы и арестовали всех ее установленных членов, в число которых попала известная английская разведчица Одетта Сансом (“Лиз”), курьер и жена резидента СОВЕ Питера Черчилля. Среди арестованных оказался некий Роже Бардэ, в дальнейшем один из главных агентов Бляйхера. Однако пока француз еще не работал на немцев, и контрразведчик, продолжая свою игру, якобы для очной ставки привез его в тюрьму к Марсаку, где руководитель группы лично подтвердил, что указания “полковника Анри” следует выполнять неукоснительно. В развитие комбинации немец сообщил Марсаку, что намерен вместе с ним отправиться в Лондон на переговоры с англичанами, а в качестве залога своей безопасности потребовал полный список членов подпольной организации, который якобы должен был храниться в безопасном месте у его друга. Марсак согласился! После этого немцы установили еще 20 членов группы в Бордо и Марселе, о которых ранее не знали ничего. Трудно сказать, был ли француз столь наивен или же давно решил любой ценой купить себе свободу и лишь притворялся обманутым и простодушным воякой. Как бы то ни было, Бляйхер все глубже проникал в его организацию и вскоре выяснил, что фактически она является резидентурой СОВЕ. После недолгой разработки 16 апреля 1943 года ее руководителя Питера Черчилля арестовали в Сен-Жориозе, а затем немец решил повторить удачный ход, примененный им в разработке Марсака. Поразительно, но история с “полковником Анри” опять сработала, и через некоторое время контрразведчик почти превратил англичанина в своего друга. Однако в ход событий вмешалась СД, отобравшая арестованного у абвера и разрушившая всю оперативную комбинацию.

Следует отметить, что весьма прославленный в послевоенной литературе (прежде всего в собственных мемуарах) Питер Черчилль допустил совершенно непозволительную для разведчика оплошность. При обыске в его кармане нашли расшифрованную радиограмму из Лондона, гласившую: “После приземления во Франции семь пассажиров проследуют прямо к барону де Мальвилю, вилла “Исабель”, дорога Фреж у Канна”¹²⁰. Вследствие этого германская контрразведка смогла выйти на действительно принадлежавшую барону Анри де Мальвилю виллу “Исабель” и получила новый импульс для дальнейшего разгрома сети СОВЕ. Однако это не было простой небрежностью англичанина. Барон знал об этой радиограмме и неоднократно просил Черчилля уничтожить ее, но тот не соглашался. Впоследствии оказалось, что он сознательно собирал документальные материалы для собственных послевоенных мемуаров и тщательно вел в тылу противника дневник действий группы!

К лету 1943 года арестованный Бардэ убедился, что Бляйхер вовсе не друг французам, а просто весьма удачливый сотрудник немецкой контрразведки, однако продолжал поддерживать с ним отношения, встав теперь на путь прямого предательства. Он выговорил лишь условие не трогать только что вернувшегося из Лондона в звании майора руководителя своей группы “Жан-Мари” Анри Фраже (“капитан Поль”). Бардэ сумел убедить его в том, что он бежал из немецкой тюрьмы. Абвер продвигал перспективного агента к высокому положению в организации, одного за другим убирая его соперников. К июлю контрразведка арестовала нескольких английских агентов и одного радиста, однако, не желая сворачивать операцию “Гранд дюк”, остальных пока не трогала. По-прежнему находившийся в тюрьме Марсак уже не сомневался, что стал жертвой обмана немцев, и все еще не соглашался на прямую вербовку, но Бляйхер теперь уже мог обойтись и без легковверного француза. Один из его агентов “Кики” восстановил группу в Лизье, довел ее численность до 300 человек и заставил британцев обратить на нее внимание. Он завоевал авторитет в СОВЕ и теперь контролировал поставки оружия из Великобритании, но абверу требовалось установить места хранения ранее заброшенного снаряжения. Под предлогом проверки безопасности “Кики” вместе с Бардэ обследовали все склады и установили их дислокацию, после чего немцы постепенно ликвидировали эти хранилища. Вскоре Бляйхер впервые встретился с “Полем” и сумел решить важную для себя проблему агента СД “Жильбера”. Им являлся заместитель руководителя сети Сопротивления “Фарье” Анри Дерикур, постоянно вклинивавшийся в операцию “Гранд дюк” и создававший для нее немалую угрозу. Руками подполья абве-

Анри Дерикур

ровец устранил крайне опасного для себя человека, однако подвергся при этом серьезному риску. СД вполне могла располагать еще одним агентом в организациях “Фарье” или “Жан-Мари”, и тогда подлинная история провала Дерикюра неизбежно привела бы Бляйхера в гестаповскую тюрьму. Но этого не произошло и “Поль” вновь отбыл в Лондон, где обсуждал в СОЕ странную историю с Дерикюром. Руководители секции “F” вначале отказывались верить в его двойную игру, но позднее под давлением косвенных улик вызвали его в Британию, где обвинили в двойной игре. Все свидетельства против “Жильбера” оказались исходящими из не вполне надежного источника, в связи с чем их решили не использовать при решении судьбы обвиняемого, тем более, что недавно он сменил свой псевдоним и стал “Клодом”. Некоторую долю путаницы в этот вопрос внесло наличие абсолютно иного “Жильбера” в другой, совершенно не связанной с Марсаком и его людьми подпольной организации Сопротивления. Из-за этого доходившие из тюрем записки с указанием на “Жильбера” как на предателя не могли быть точно отнесены к Анри Дерикюру, поэтому в соответствии с известным юридическим принципом сомнения были истолкованы в пользу подсудимого. Его просто решили не использовать более в оперативной работе и после войны вернули во Францию. Там бывшего агента на основании захваченных германских документов в 1946 году привлекли к суду, однако оправдали после того, как бывший оперативный работник СОЕ Чарльз Боддингтон дал показания в его пользу.

В январе 1944 года в абвере решили, что настало время разгромить группу “Жан-Мари”. Через месяц СД по своим каналам выявила еще одну подпольную организацию, искавшую контакты с соседними группами по предварительному согласованию с СОЕ. Бардэ сыграл роль руководителя одной из сетей, после чего в результате совместной операции СД и абвера были арестованы генерал Верньо, полковник Коньи и еще два высших командира Сопротивления. 2 июля 1944 года Бляйхером и несколько офицеров СД арестовали возвратившегося во Францию Фраже, после чего группа “Жан-Мари” практически прекратила свое существование. Ее руководителя “Поля”, вопреки всем обещаниям, 6 октября того же года повесили в Бухенвальде. Подобные истории происходили и с другими подпольными сетями британцев и группами Сопротивления, однако операция “Гранд дюк” являлась одной из крупнейших и по числу арестованных агентов, и по количеству захваченного оружия, для вывоза которого у немцев порой не хватало автотранспорта. Немаловажным фактором явился захват абвером и СД направлявшихся из Лондона крупных денежных сумм. Только за 1943 — 1944 годы СОЕ и движение Сопротивления утратили при разгроме следующих групп:

- “Архидьякон” — 2 257 тысяч франков;
- “Баржи” — 500 тысяч франков;
- “Бриклэйер” — 1 280 тысяч франков;
- “Батлер” — 1 150 тысяч франков;
- “Делегэйт” — 1 080 тысяч франков;
- “Лионтамер” — 700 тысяч франков;
- “Фоно” — 650 тысяч франков;
- “Прайст” — 655 тысяч франков;
- “Сюрвейор” — 300 тысяч франков¹²¹.

Некоторые провалы были до обидного бессмысленны. Например, прибывший в Париж посланец главы Национального совета Сопротивления (СНР) Жана Мулена генерал-лейтенант Шарль Делестрен (“Видал”) просто-напросто забыл пароль, и его не пустили на конспиративную квартиру, после чего он отправился ночевать в гостиницу, где по рассеянности зарегистрировался у портье под своим подлинным именем. При обычной утренней проверке постояльцев полиция зафиксировала лондонского эмиссара, после чего оперативная группа СД без особого шума арестовала на одной из станций метро. Позднее Делестрена казнили в Германии.

За несколько минут до казни агента СОЕ

3. “СВОБОДНАЯ ФРАНЦИЯ”

На фоне коллаборационистской деятельности режима Виши, пытавшегося достичь соглашения с Третьим рейхом и при этом сохранить хотя бы видимость государственной самостоятельности, мощным дестабилизирующим фактором стало создание осенью 1940 года в Лондоне комитета “Свободная Франция”. Эта организация первоначально поставила перед собой довольно узкую задачу продолжения борьбы с германской оккупацией и порабощением страны. Комитет возглавил мало кому известный бригадный генерал Шарль де Голль, последней должностью которого накануне разгрома стал относительно скромный пост заместителя военного министра Франции.

Шарль де Голль

Его практически не знали за пределами страны, да и внутри нее генерал был отнюдь не первым в военной иерархии. В описываемый период он был еще весьма далек от своего позднейшего харизматического образа отца нации и спасителя страны, а представлял собой не слишком преуспевающего в карьере, однако очень способного офицера с обостренным чувством патриотизма, непомерными амбициями, довольно правыми убеждениями и неуживчивым характером. Продвижение по службе будущего президента республики проходило до крайности медленно, не в последнюю очередь из-за его редко способствующей карьере склонности демонстрировать перед начальством собственный высокий интеллект. Звание полковника де Голль получил лишь в 1937 году, по достижении 47-летнего возраста, когда получил под свое начало дислоцировавшийся в Меце 507-й танковый полк. Начало войны застало его в Эльзасе на должности командующего танковыми частями 5-й армии. Это громкое название скрывало несколько десятков ограниченно боеспособных легких танков, не представлявших собой реальной боевой силы. Отсутствие активных военных действий позволило полковнику де Голлю заняться любимым делом — вопросами высшей государственной политики и военной стратегии, в которых он действительно прекрасно ориентировался. Предсказывая неизбежные грядущие катастрофические последствия “странной войны”, 26 января 1941 года он обратился с меморандумом к 80 политическим, государственным и военным деятелям Франции, однако лишь навлек на себя острую неприязнь премьер-министра Даладье. Два месяца спустя, 20 марта 1941 года кабинет ушел в отставку, а премьером стал более активный и решительный Поль Рейно, которого даже одно время совершенно незаслуженно именовали “французским Черчиллем”. Он помнил о меморандуме де Голля и предложил ему пост секретаря военной комиссии, но этому категорически воспротивился Даладье, возглавивший в новом правительстве военное министерство. Слишком инициативному офицеру пришлось довольствоваться должностью командира еще не сформированной 4-й танковой дивизии, существовавшей пока лишь в виде штаба и совершенно незначительного количества войск.

На следующий день после начала блицкрига командование стало спешно комплектовать дивизию людьми и техникой, однако было уже поздно. Тем не менее, даже со столь незначительной боевой силой де Голль успел провести по немецким войскам несколько болезненных контрударов, в которых, правда, потерял почти все свои танки. Это были одни из весьма немногих активных действий французской армии, и в признание заслуг командира дивизии 28 мая ему присвоили звание бригадного генерала. Через несколько дней де Голль был назначен заместителем военного министра и на этой должности безуспешно пытался подвинуть руководство страны и командование армии на продолжение сопротивления захватчикам. Однако все было бесполезно. Пораженческие настроения и апатия возобладали, Франция пала, а в последний момент избежавший ареста генерал через Алжир прибыл в Лондон.

Там он вызвал некоторое недоумение правительственных кругов, поскольку не пожелал руководствоваться скромной ролью беженца, а немедленно заявил претензии на руководство продолжением борьбы французов против немцев. Эти амбиции были более чем странными, поскольку генерала никто на это не уполномочивал, не назначал и вообще мало кто знал. Однако в июне 1940 года англичанам приходилось цепляться за любого союзника, и позиция “самоназначенного” де Голля устраивала их значительно больше, чем курс

легитимного правительства Петэна. Пообщавшись с генералом, Черчилль остался доволен и разрешил ему 18 июня выступить по Би-Би-Си с призывом ко всем французам сплотиться и продолжать борьбу. На следующий день призыв был конкретизирован: “Перед лицом охватившего французоз смятения умов, перед фактом ликвидации правительства, ставшего прислужником врага, и ввиду невозможности восстановить действие наших институтов я, генерал де Голль, французский солдат и командир, с полным сознанием долга говорю от имени Франции. От имени Франции я твердо заявляю следующее: абсолютным долгом всех французоз, которые еще носят оружие, является продолжение Сопротивления”¹²². Так была открыта страница Второй мировой войны, в которой ключевая роль принадлежала спецслужбам сразу нескольких стран.

Де Голль являлся генералом без войск: за три месяца к образованному им комитету “Свободная Франция” примкнули всего около 7 тысяч человек. Надежда на колонии также не оправдывалась. О неприятии режима Виши заявили лишь Чад, Камерун, Среднее Конго, а также владения Франции в Океании и Индии, зато верность метрополии сохранили такие ключевые территории, как Алжир, Тунис, Марокко, Левант, Французская Западная Африка и Мадагаскар. Несмотря на довольно слабую поддержку, Черчилль все же решил сделать ставку на де Голля, избегая, однако, признавать его представителем Французской республики, а изобрел для него красивый и юридически ничего не значащий титул “главы всех свободных французоз”¹²³. Правительство Виши тем временем заочно приговорило генерала к смертной казни за изменну, а движение Сопротивления объявило вне закона как создающее угрозу для безопасности государства. Это стало источником душевного дискомфорта и множества проблем для офицеров правительственных спецслужб Виши, поскольку отныне главным противником для них становились не немцы или итальянцы, а собственные соотечественники из “Свободной Франции” и других, не примкнувших к де Голлю организаций Сопротивления. Британские разведчики из СИС также с подозрением и недоверием отнеслись к генералу и его службам, предпочитая поддерживать контакты со своими коллегами из Виши и пытаться использовать их против немцев. Корпоративная солидарность побуждала сотрудников МИ-6 искать связей с такими же профессиональными разведчиками, а не с дилетантами, которыми были укомплектованы наспех созданные секретные службы генерала де Голля.

Для главы комитета “Свободная Франция” разведывательные органы являлись жизненно важным инструментом. Он вспоминал: “Мы думали, таким образом, создать организацию, которая позволила бы нам оказать поддержку операциям союзников, используя наши сведения о противнике, развернуть во Франции всеобъемлющее движение Сопротивления, вооружить там наши силы, которые, когда наступит время, смогли бы принять участие в битве за освобождение, действуя в тылу у немцев, и, наконец, подготовить перегруппировку национальных сил, чтобы после победы обеспечить нормальное развитие страны”¹²⁴. Только с помощью спецслужб он мог внести достойный вклад в дело разгрома нацистской Германии и освобождения своей страны, добившись основания претендовать на решение ее послевоенной судьбы. Англичанам же осенью 1940 года было, по большому счету, безразлично, кто именно возглавит французское правительство после еще столь далекой победы. Забыв об известном принципе отсутствия у Британии постоянных союзников и наличия постоянных интересов, де Голль возмущался неразборчивостью Лондона, готового делать ставку хоть на капитулянтоз из числа приверженцев Петэна, хоть на патриотоз, хоть на анархистские силы. Если англичане рассматривали зарождавшееся движение Сопротивления как орудие ведения войны, то де Голль относился к нему как к инструменту для получения политической опоры. Именно поэтому 1 июля 1940 года генерал поручил капитану инженерных войск и профессору фортификации академии Сен-Сир, недавнему участнику союзнической экспедиции в Нарвик Андре Деваврену создать 2-е (разведывательное) и 3-е (оперативное) бюро. Судя по всему, де Голль сумел оценить его холодный и расчетливый склад ума, незаурядные мыслительные способности и умение ориентироваться в сложной обстановке. Кроме того, оба они имели достаточно правые убеждения, хотя генерал умел создавать вокруг себя ореол центриста, а иногда даже и человека довольно левых взглядов. Во всяком случае, Деваврен стал верным сторонником “Свободной Франции” и одним из наиболее ценных ее приобретений. Уже через несколько недель капитан отказался от работы над созданием 3-го бюро, поскольку не чувствовал себя достаточно хорошо ориентирующимся в вопросах управления войсками. Таковых, правда, практически не имелось. Вскоре последовал его отказ

Андре Деваврен

и от 2-го бюро, однако уже по совершенно иным причинам. Деваврен был убежден, что в сложившейся ситуации такая структура не будет иметь реальной силы, а поэтому предложил вместо него сформировать более компактную оперативную Службу разведки (СР). Генерал одобрил идею, хотя до апреля 1941 года продолжал сохранять свой вариант названия разведывательного органа. Для укрепления авторитета нового сотрудника де Голль разрешил ему отныне именоваться полковником. Теперь следовало создать саму службу, что было значительно труднее. На просьбу Деваврена о помощи откликнулся помощник руководителя МИ-6 полковник Дэнси, который помог новой разведывательной службе с помещением в обмен на обещание в будущем делиться добытой информацией. Первоначальное имущество 2-го бюро Деваврена состояло из двух столов, стула и двух скамеек. Отсутствовал агентурный аппарат, специалисты, средства связи, оружие, транспорт, шифры и деньги. Не было ничего, кроме желания работать. Вероятно, ни одна

разведывательная служба нового времени не создавалась в столь экстремальных условиях, да еще и за пределами оккупированной противником собственной страны. Не удивительно, что СИС на первых порах иронически относилась к подобного рода союзнику и делала ставку на установление контактов с СР Виши.

Для развертывания разведывательной работы во Франции прежде всего необходимо было найти добровольцев для выполнения агентурных заданий. С этой целью Деваврен и его помощники обследовали все лагеря и госпитали на территории Британии, и уже 17 июля 1940 года первый агент Жак Мансион отправился с заданием в Бретань и в сентябре возвратился оттуда с информацией о дислокации немецких гарнизонов и оборонительных позициях вермахта. К этому же периоду относится ставшая довольно широко известной акция по подбору псевдонимов. Деваврен приказал всем своим сотрудникам использовать псевдонимы, в качестве которых применялись названия станций парижского метро, сам же он отныне стал полковником Пасси. Первое задание от англичан поступило в том же июле. Обеспокоенные непонятными данными аэрофоторазведки в Нормандии, они попросили содействия 2-го бюро в изучении возможностей концентрации немецких войск для вторжения на Британские острова. Для выполнения этого задания Пасси направил лейтенантов Дюкло и Березникова (сына русских эмигрантов), за неимением рации снабдив их, как в Первую мировую войну, почтовыми голубями. После выполнения рассчитанного на три дня задания Дюкло должен был вернуться в Лондон, а Березников отправиться в Париж для организации там сети, охватывающей различные департаменты Франции, в том числе Нормандию. 4 августа из-за густого тумана оба офицера высадились на берегу прямо у германского сторожевого поста. Спрятав клетку с голубями в прибрежных камнях, где те вскоре погибли во время прилива, они сумели проскользнуть мимо часовых незамеченными. Туман не редел несколько дней и помешал увидеть световой сигнал с катера, прибывшего через три дня для снятия агентов. Голуби, естественно, тоже не прилетели, и эта совокупность признаков дала Пасси основание считать Дюкло и Березникова погибшими. В действительности те разделились и порознь через Испанию и Португалию к январю 1941 года вернулись в Лондон. Случившееся стало для 2-го бюро серьезным уроком в части необходимости подготовки эвакуационного маршрута через Пиренейский полуостров. Для этого Пасси выделил одного из своих самых перспективных агентов Жильбера Рено ("Раймон"). Перед войной он снимал в Испании кинофильм о Колумбе и обзавелся там прекрасными связями. Решение оказалось весьма удачным. Кинематографист отправился в Лиссабон, снабженный лишь секретным кодом и конспиративным адресом, но в декабре 1940 года он уже прочно обосновался на атлантическом побережье, регулярно присылал сообщения относительно полицейских и контрразведывательных мероприятий, сторонников и противников движения "Свободная Франция", требовал радиопередатчик и, самое главное, организовал маршрут эвакуации агентов.

Несмотря на некоторые поддерживавшиеся контакты, отношение СИС ко 2-му бюро полковника Пасси колебалось от скептического до презрительного. Раздражение британских разведчиков особенно усилилось после провала предпринятой осенью 1940 года совместной экспедиции в Дакар. Вопреки заверениям де Голля в энтузиазме, с которым местные военные воспримут высадку, триумфальная встреча кораблей с десантом не состоялась. Вместо

этого они подверглись сильному обстрелу с берега и вынуждены были уйти. 2-е бюро не могло нести ответственности за столь печальное фиаско, поскольку неоднократно предупреждало генерала о возможности подобного поворота событий, но тот не внял трезвым оценкам своих офицеров. Англичане публично обвинили “главу всех свободных французов” в пренебрежении режимом секретности, а МИ-5 заявила, что его офицеры болтали о предстоящей операции по обычным телефонным линиям и открыто покупали для себя в общедоступных магазинах на Пикадилли тропическое снаряжение. Накануне отплытия многие из них устроили шумные прощальные вечера, на которых при посторонних посетителях поднимали тосты “За Дакар!”¹²⁵. После этого британцы уже никогда более не предупреждали де Голля о предстоящих операциях во Франции. Даже высадка в Нормандии в июне 1944 года была произведена без предварительного уведомления французского союзника, хотя, конечно, в принципе не явилась для него неожиданностью. Еще ниже расценивали способность офицеров де Голля сохранять секреты американцы. Сотрудник ОСС Николь Смит в образных выражениях доложил в Вашингтон о своих впечатлениях по указанному поводу: “Оставьте “свободных французов” в одной комнате с бутылкой виски. После этого все, что от вас требуется – это сесть позади и посылать им мысленные сигналы, пока она не опорожнится. По мере ее опустошения выданная ими информация будет столь же чиста, как и сама бутылка”¹²⁶. Пасси полностью соглашался с выводами союзников и использовал их для создания в сентябре 1940 года собственной Службы безопасности (СС), предназначенной для решения внутренних контрразведывательных вопросов.

Де Голль предоставлял своему руководителю секретной службы значительную свободу действий, однако, судя по всему, тот перешел дозволенные рамки, когда решил установить контакты с СР армии Виши. Генерал мог стерпеть многое, но не контакты с ведомствами правительства Петэна, если только таковые не прямо работали на его подрыв. Поэтому лейтенант Пьер Фурко, отправленный Пасси через Испанию в “свободную зону”, был его особо доверенным лицом. Непосредственной задачей эмиссара являлось установление связи с находившимся в оппозиции к режиму майором Жоржем Лустано-Лако. Незадолго до этого майор обратился к канадскому дипломату с просьбой помочь связать его с Лондоном для формирования национального Сопротивления. Чуть позже он послал на Британские острова своего связника Жака Бриду и передал в Лондоне предложение о создании антигерманской разведывательной организации на базе 2-го бюро вооруженных сил Виши. Курьера долго допрашивали и в конечном итоге решили идею одобрить. Особенно привлекало МИ-6 то, что “Наварра”, как отныне именовался Лустано-Лако, не был связан с движением де Голля, к которому британцы успели весьма охладеть. Генерал был плохо управляем, не желал бездумно исполнять чужие инструкции, а самое главное, всегда помнил, что представляет великую страну, ни в чем не уступающую Британии. Однако в случае с “Наваррой” английские разведчики все же рискнули применить компромиссную схему работы, и в марте 1941 года Бриду вернулся обратно вместе с приданным ему радистом. СИС решила организовать агентурную сеть под названием “Альянс”, но поддерживать с ней связь не напрямую, а по каналам Пасси, хотя “Наварра” отнюдь не должен был подчиняться де Голлю. Радиоквартира группы по-прежнему располагалась в По, откуда было легко поддерживать курьерскую связь с Виши. Тем временем 2-е бюро “Свободной Франции” было наконец реорганизовано в СР, во главе которой встал Роже Варен (он использовал псевдоним “Вибо”, а после освобождения принял его в качестве своей официальной фамилии), Пасси же сохранял общее руководство всеми спецслужбами комитета. На схеме работы с “Альянсом” это не отразилось никак. Однако “Наварра” стремился реализовать свою главную идею — вербовать офицеров в гарнизонах Северной Африки для организации там восстания — и отправился для этого в Алжир, где и был предан. При аресте у него изъяли документы “Альянса”, из-за чего всей группе пришлось срочно перейти на нелегальное положение и эвакуироваться в Марсель. Комиссар алжирской полиции симпатизировал союзникам и позволил разведчику бежать, после чего тот вернулся в Францию и тоже перешел в подполье. Теперь все члены сети были свободны от обременительных обязанностей по прикрытие и могли сосредоточиться на добывании информации. Они сумели изготовить оттиски дипломатических печатей, позволившие вскрывать в По вализы дипкурьеров Виши. Вскоре материалов стало так много, что “Альянс” затребовал и получил от СИС еще три передатчика, один из которых оставался в резерве. Первый оператор вернулся в По, а в Марселе и Монако были организованы две новые радиоквартиры.

7 июля “Наварру” в очередной раз арестовала полиция Виши, однако это не нарушило работу все более разрастающейся сети. Руководство ей приняла Мари-Мадлен Мерик (ПОЗ-55). 5 августа прибыл новый радист-англичанин (позывные СХЕ), но уже на следующий день он попал в больницу с острым приступом аппендицита. После успешно проведенной операции он разговаривал во сне по-английски, поэтому при нем неотлучно находилась “жена”, вовремя отвлекавшая медицинский персонал. Вскоре больной поправился и отбыл в Нормандию, а осенью еще два передатчика стали работать в Париже (позывные ОСК) и в Лионе. “Альянс” долгое время считался в Лондоне одной из самых мощных и надежных агентурных сетей. Однако в самом конце 1941 года прибывший с проверкой в Лиссабон контролер из СИС “Ричардс” вызвал в португальскую столицу ПОЗ-55 и сообщил, что им установлен прискорбный факт: из всех передатчиков “Альянса” не работают под контролем противника лишь станции в Марселе и Ницце, да и в их безопасности существуют определенные сомнения. Кроме того, оказалось, что радист из Нормандии самовольно перебрался в Париж, нарушив непреложное правило СИС, согласно которому операторы не могли знать друг друга, чтобы в случае провала не поставить под угрозу всю сеть. Выяснились и другие факты нарушения правил безопасности. Например, один из радистов установил станцию на чердаке посольства Франции в Мадриде и, бравидуя своей доблестью, сообщал официально-правительственному оператору, что он тоже работает в эфире.

“Ричардс” говорил вполне ответственно, поскольку занимал в британской разведке довольно высокое положение. Сети во Франции в СИС курировали два офицера: бывший резидент в Париже “Биффи” Дандердейл ведал ориентировавшимися на де Голля и польскими группами, а Кеннет Кохен являлся офицером связи с вишистами. “Ричардс” был заместителем Кохена и поэтому полностью владел общей обстановкой. Он передал временной руководительнице “Альянса” две новые рации, которые очень скоро пригодились в обстановке начавшихся почти ежедневных арестов, в том числе и радистов. Вскоре из тюремной камеры поступило весьма тревожащее сообщение от члена сети Люсьена Валлена, предупреждавшего, что сотрудники абвера принесли ему для ремонта передатчик с позывными ОСК, на котором в это время якобы работал перебравшийся из Нормандии СХЕ. ПОЗ-55 немедленно известила об этом Лондон, откуда пришел краткий приказ: “218 для ПОЗ-55: ликвидировать СХЕ”¹²⁷. Немногие оставшиеся на свободе участники “Альянса” занялись розыском предателя и лишь в сентябре 1942 года сумели заманить его в один из марсельских баров, где и арестовали под видом агентов правительственной контрразведки. Ничего не подозревавший СХЕ назвал им свое подлинное имя, сообщил, что он англичанин, живет в Париже, и дал телефон местного отделения абвера, где должны были подтвердить это утверждение. Его отвезли на конспиративную квартиру, и там на допросе предатель признался, что все время скрыто исповедовал фашистскую идеологию, а на сотрудничество с немцами пошел абсолютно добровольно. ПОЗ-55 связалась с Лондоном, подтвердившим свой приказ о ликвидации. СХЕ дважды, в чае и супе давали по две смертельные “Л-пилюли”, которыми снабжали отправляемых в тыл немцев агентов, но никакого действия они не оказали. Тогда кому-то в голову пришла идея бросить их в холодный напиток, поскольку не исключалось, что яд разлагался от высокой температуры. Виски с пилюлями действительно оказалось смертельным. Предатель быстро умер, однако якобы еще успел сообщить, о планировавшейся на 11 ноября германской оккупации “свободной зоны”. Последнее утверждение выглядит крайне сомнительным, поскольку вряд ли секрет такого уровня мог быть доступен простому агенту.

Разгром “Альянса” оказался лишь частичным. Сеть работала еще долго, хотя никогда уже не достигала своей прежней максимальной численности в 3000 членов. В разное время группа поддерживала связь с Лондоном через 30 передатчиков, потеряла в результате арестов 150 человек, а одним из наиболее серьезных ее успехов стало сообщение о готовящемся прорыве через Ла-Манш германских линкоров “Шарнгхорст” и “Гнейзенау”. К сожалению, британское Адмиралтейство не обратило внимания на это предупреждение, что привело к одному из его наиболее позорных провалов в морских операциях Второй мировой войны.

В организации работы “Альянса” нет особой заслуги секретных служб де Голля, как нет и их вины в произошедших провалах. Пасси просто выполнил просьбу МИ-6 о выделении своих каналов для связи с группой и после этого отошел в сторону. Задачи разведки “Сво-

бодной Франции” вообще были несколько иными и главным образом касались активных действий, как именовались тогда организация групп Сопротивления и диверсионная работа. Это предопределило заметный крен интересов Пасси в сторону подобных операций, специально для проведения которых в июле 1941 года он создал Секцию действия. Она занималась подрывной деятельностью и одновременно осуществляла контакты с СОЕ — организацией, более других родственной ей по духу. Секция разделялась на политическое и военное отделения, в ней имелись также службы эвакуации, кодов и шифров, подсекция разведки и архив. Ее оснащение, как и справочно-информационный аппарат, оставались крайне скудными, отсутствовал даже телефонный справочник Парижа. Не было и картотеки агентуры. Практически эти проблемы можно было решить, лишь объединив усилия диверсионной и разведывательной ветвей, и в декабре 1941 года Вибо предложил Пасси разработать проект создания такой единой службы. Тот с энтузиазмом согласился и предложил включить в нее секции разведки, диверсий и контрразведки. С учетом опыта предшествующих месяцев в предлагаемой структуре добавились секция эвакуации и техническая секция, ответственная за радиосвязь, коды и шифры, фотографирование и финансы. Новую организацию первоначально назвали Центральным бюро разведки и действия (БСРА), однако на этом этапе в ситуацию вмешался комиссар по внутренним делам “Свободной Франции” Андре Детельм. Он претендовал на ведение политической разведки силами подчиненных ему структур и настоял на ограничении сферы действий Пасси только военными вопросами. Претензии Детельма поддержал де Голль, не желавший излишнего усиления одной из секретных служб, и она соответственно стала именоваться Центральным военным бюро разведки и действия (БСРАМ). Позднее, к лету 1942 года генерал понял бесплодность разделения ветвей секретной службы и отстранил Детельма от активных операций, после чего БСРАМ вернули первоначальное наименование БСРА. Потом ситуация повторилась вновь, хотя и не отразилась в названии, и обозленный Пасси, не допущенный к политическим функциям, через своих агентов начал поставлять Комитету по внутренним делам дезинформацию. Французская секретная служба вновь оказалась раздробленной, как и в предвоенный период.

Вибо возглавил контрразведку и снискал на этом посту недобрую славу. Говорили, что его методы допросов ничем не отличаются от гестаповских, и это сильно дискредитировало БСРА в глазах как французов, так и иностранцев. Начальник контрразведки являлся приверженцем системы тотального сыска и довольно скоро располагал картотекой на 100 тысяч враждебных, безразличных и дружественных к движению де Голля лиц. Служба безопасности приобретала все более отталкивающие черты. К этому периоду интересы “Сражающейся Франции”, как с 1942 года стал именоваться комитет “Свободная Франция”, уже практически целиком лежали в области организации движения Сопротивления и контроля над ним. Служба внутренней безопасности надзидала за собственными сотрудниками, а внешний мир, в том числе и Сопротивление, с неприязнью наблюдали за появлением новой тайной политической полиции, многих отпугнувшей от возглавляемого де Голлем движения. Генералу не раз приходилось умерять рвение своего начальника тайной полиции, а однажды он даже обвинил его в стремлении втравить во “второе дело Дрейфуса”¹²⁸. В конце 1942 года Вибо отбыл руководить боевой группой в Италии, контрразведкой стал руководить Пьер Фурко, а разведку БСРА с февраля 1943 года возглавил майор Андре Мануэль. Следует отметить, что на карьере Вибо это никак не сказалось, и в ноябре 1946 года он возглавил гражданскую контрразведку ДСТ.

Удачей для де Голля и возглавляемого им движения оказалась его предвоенная дружба с полковником Жоржем Грассаром, в декабре 1940 года уволенным с поста генерального комиссара главной сыскной полиции “Сюртэ насьональ”. После смещения с должности Грассар решил полностью посвятить себя сопротивлению оккупантам и сформировал пять нелегальных сетей, крупнейшей из которых стал “Жильбер”. Основные кадры подпольщиков были подобраны среди бывших сотрудников распущенной в декабре 1940 года Группы защиты. Организация представляла заметную силу, однако без связи с политическим руководством работать не могла. После ряда упоминавшихся контактов с представителями “Свободной Франции” Грассар (“Эрик”) заявил им, что решил лично отправиться в Лондон для переговоров с де Голлем. Полковник действительно осуществил это при помощи англичан, с которыми договорился Фурко. Со второй попытки Грассар с документами на имя Жоржа Герэна через Испанию добрался до Лиссабона, и пока португальская иммиграционная полиция считала его пребывающим в стране, он по британскому паспорту на имя

канадца Жоржа Жильбера прилетел в Бристоль. Согласно высказанной Груссаром просьбе, в аэропорту его встретил Андре Деваврэн. По прибытии в Лондон французскому визитеру организовали двухчасовую встречу с Черчиллем, но более продуктивными оказались его переговоры с Дэнси. Груссар не смог повидать де Голля виду его пребывания в Сирии, а встречаться с политическим руководителем “Свободной Франции” Дежаном ему запретили англичане. Полковник проигнорировал запрет и оказался крайне разочарован результатами переговоров из-за сведения Дежаном движения Сопротивления к партизанским операциям. Зато Деваврэн оправдал надежды Груссара и снабдил его 5 миллионами франков, что было достаточно для финансирования работы пяти его агентурных сетей в течение двух месяцев.

Ужесточение оккупационного режима создавало благоприятную почву для роста и развития спецслужб де Голля в требуемом направлении. Главной задачей БСРА являлся не сбор разведывательной информации и даже не ведение подрывной деятельности: от Пасси требовалось сделать все возможное, чтобы поставить на ноги движение Сопротивления и сориентировать его на де Голля. Чем хуже жилось населению страны, тем большее число ее граждан становилось потенциальными участниками партизанских или подпольных организаций, и тем выгоднее это было для “Сражающейся Франции”. По политическим соображениям комитету следовало продемонстрировать решительные наступательные действия, но в 1941 и 1942 годах британцы в них пока не нуждались. Им требовались не партизаны, а агенты по сбору информации и хорошо обученные диверсанты для ударов по особо важным точечным объектам, наподобие радарных станций или антенн дальней связи. Однако они охранялись столь тщательно, что были совершенно недостижимы для дилетантов. Диверсионная деятельность представляет собой род точной науки, и специалистов для ее высоких уровней нельзя подготовить наспех. Таких людей следовало выводить в Британию, там обучать под контролем СИС и СОЕ, после чего забрасывать обратно во Францию, однако де Голль и БСРА находили такую стратегию совершенно неприемлемой. Они абсолютно точно знали, что в ее итоге возникнут лишь небольшие и изолированные друг от друга сети, полностью зависимые от британских спецслужб. Задача же “Сражающейся Франции” заключалась в развертывании многочисленных и объединенных в единую подпольную армию отрядов и групп, поскольку только это позволяло продемонстрировать, что страна под руководством комитета поднимается на борьбу с захватчиками. При этом их еще и желательно было сохранить к моменту освобождения, чтобы получить надежную опору в предстоящей схватке за власть, но этот фактор все же являлся второстепенным. Руководство СОЕ справедливо упрекало Пасси в том, что БСРА заинтересовано не столько в борьбе с немцами, сколько в распространении влияния генерала де Голля, и поэтому основной упор старалось делать на не связанные с ним организации. Беспokoило британцев и возложение ответственности за разведывательные и диверсионные задачи на одну и ту же структуру, однако, по мнению Пасси, только такая организация и позволяла достичь максимума эффективности. 4 июля 1942 года в меморандуме на имя де Голля он заявлял: “Любая разведывательная сеть *всегда* обладает некоторым количеством членов, пригодных для проведения военных и/или политических акций”¹²⁹. Сбор разведывательной информации в этот период был важен в основном лишь для Британии, но при этом подвергал значительному риску французозов. Шеф БСРА полагал, что возглавляемая им служба совершенно не обязана таскать каштаны из огня для сомнительного союзника. Позицию Пасси целиком одобрял де Голль. С его точки зрения, Франция должна была доказать союзникам свое право считаться не побежденным государством, а воюющей стороной, все же остальное на этом фоне являлось второстепенным. Генерал предписывал БСРА активно включаться в ведение тайной войны, чтобы выгодно противопоставить себя пассивным властям Виши, озабоченным лишь своим выживанием в схватке. Пропаганда Петэна — Лаваля проигрывала это пропагандистское сражение. Привлекательному, хотя во многом вымышленному образу мужественного борца с оккупантами они могли противопоставить лишь обвинения в том, что все голлисты поголовно являются скрытыми евреями и тайными коммунистами.

В последнем имелась доля истины. Безусловно, де Голль никоим образом не разделял коммунистические взгляды, однако он весьма эффективно сотрудничал с ФКП как одной из наиболее действенных сил французского Сопротивления. Даже подпольный руководитель ориентировавшихся на “Свободную Францию” групп Жан Пьер Мулен (“Рекс”, “Роберт”, “Мерсье”) был выбран генералом на эту роль не в последнюю очередь из-за имевшихся у

него прочных связей с коммунистами, его подозревали в работе на советскую разведку и в причастности к поставкам советского оружия в Испанию во время проходившей там гражданской войны.

Перед оккупацией Мулен являлся префектом департамента Эр и Луары и 17 июня 1940 года был арестован немцами, под пытками требовавшими от него подписать фальшивое свидетельство об убийствах белых французов чернокожими солдатами сенегальских частей. Он сумел выдержать все издевательства и не стать лжесвидетелем, однако так опасался уступить повторному нажиму, что в отчаянии попытался перерезать себе горло. С тех пор Мулен говорил очень сильным голосом и никогда не появлялся на людях без шарфа или шейного платка. Через несколько дней нужда в пропагандистских бумагах отпала, и его выпустили на свободу. Естественно, о возвращении на прежнюю должность в условиях оккупации не могло быть и речи, и после безуспешной попытки выбраться в Лондон в 1941 году бывший префект поселился в “свободной зоне”. До войны Мулен некоторое время работал в подчинении близкого к коммунистам Пьера Ко, поселившегося в Соединенных Штатах после категорического отказа де Голля сотрудничать с подозреваемым в работе на советскую разведку политиком. Отставной министр вспомнил о своем прежнем сотруднике. Ко желал видеть Мулена в США и через консула в Марселе пригласил его прибыть в Америку, прислав документы на имя профессора одного из нью-йоркских институтов Жана Жозефа Мерсье. Во время ожидания получения разрешения на выезд бывший префект установил связи с зачаточными коммунистическими подпольными группами в Виши, после чего 9 сентября решил тоже включиться в борьбу. Из Лиссабона он уехал не в США, а в Лондон, к генералу де Голлю.

Жан Мулен

Глава комитета “Свободная Франция” прислал за ним специальный самолет немедленно, как только узнал о пребывании в Португалии этого человека, благодаря своей стойкости уже получившего некоторую известность. Оба француза ранее были знакомы и уважали друг друга, и хотя по убеждениям они являлись прямыми противоположностями, однако консерватор, традиционалист и католик все же сумел найти общий язык с левым прогрессистом, атеистом и почти радикалом. Мулен получил от генерала полномочия возглавить все ориентирующиеся на “Свободную Францию” подпольные группы в стране, что совершенно определенно открывало коммунистам путь к занятию ключевых позиций в Сопротивлении. Безусловно, это не радовало де Голля, однако за достижение своих целей политику всегда приходится платить определенную цену. Поставленные генералом задачи конкретизировал Пасси. Мулен должен был централизовать административную и пропагандистскую деятельность Сопротивления, объединить его силы и подчинить их де Голлю, а в итоге — подготовить почву для занятия “Свободной Францией” достойного места в расстановке сил после победы. Таковая уже не вызывала у генерала сомнений. После того, как в декабре японцы атаковали Перл-Харбор и оказались в состоянии войны с США, он прокомментировал это эпохальное событие следующим образом: “Конечно, еще предстоят операции, битвы и борьба, но война закончена, поскольку ее результат ясен”¹³⁰. До конца 1941 года новый руководитель подпольных групп согласовывал с БСРА технические и организационные детали, а в первые же часы нового 1942 года уже летел в самолете, доставившем его в точку прыжка над Провансом.

Первоначально Мулен занялся координацией действий разрозненных отрядов Сопротивления, а более масштабную и значительно более деликатную работу по их объединению под единым командованием решил пока отложить, чтобы не создавать впечатление принуждения. Ожидалось, что инициатива дальнейших действий должна исходить от самих командиров групп, которые неминуемо почувствуют преимущества централизации и двинутся в требуемом направлении. Поскольку к концу 1941 года подполье на севере страны было полностью разгромлено германской контрразведкой, Мулен решил начать со “свободной зоны”. На этом пути немедленно возникли непредвиденные проблемы, обусловленные психологией вкусивших власти и самостоятельности независимых “полевых командиров”. Они совершенно не стремились обзаводиться каким-либо начальством, поскольку понимали, что

оно неизбежно будет не только снабжать их, но и ставить задания и диктовать стратегию и тактику действий. Возражали и коммунистические группы. ФКП по согласованию с Москвой стремилась организовать не зависящее от “Свободной Франции” коммунистическое движение Сопротивления, что позволило бы ей стать совершенно отдельной освободительной силой и после победы взять власть в свои руки. Однако, несмотря на все трудности, постепенно дело продвигалось. В августе 1942 года Мулен создал организацию под названием “Секретная армия” (АС, известная также как “Организация армии Сопротивления” — ОРА) и во главе ее поставил генерал-лейтенанта Шарля Жоржа Антуана Делестрена. АС координировала практически все подпольные группы в “свободной зоне” и готовилась к действиям в ожидании вторжения союзников, а с февраля 1943 года распространила свою деятельность на всю Францию. Нежелание коммунистов включать свои организации в состав “Секретной Армии” бывший префект преодолел весьма незамысловатым способом. Советский Союз не имел возможности снабжать боевые группы на противоположном конце Европы, поэтому в этом отношении они всецело зависели от МИ-6 и СОЕ, работавших с ними через БСРА. Мулен просто прекратил поставки строптивым командирам оружия, боеприпасов, взрывчатки и медикаментов, после чего тем не оставалось ничего другого, как принять его настоятельное предложение. Таким путем БСРА взяло под свой контроль весьма значительную часть отрядов и групп Сопротивления, а если учесть, что оно обеспечивало их также радиосвязью и транспортом для связи с Великобританией, то многократное возрастание роли службы Пасси становится вполне понятным.

Постепенно менялись и организационные формы объединения. В январе 1943 года было создано “Движение частей Сопротивления” (МУР), уже в следующем месяце преобразованное в Национальный совет Сопротивления (СНР). Коммунисты вновь решили отделиться и создать свой независимый “Национальный фронт”, однако Мулен применил уже опробованную методику и сумел справиться с возникшей досадной проблемой. К этому времени движение Сопротивления в стране стало нарастать, поскольку вдохновленные победой Красной Армии под Сталинградом французы поверили в возможность освобождения их родины и все чаще стали задумываться о возможном участии в борьбе за это. Теперь оставалось только следить, чтобы СНР не превратился в оппозиционную де Голлю политическую силу. А для подобных опасений имелись веские основания.

4. СОПЕРНИЧЕСТВО

Как уже отмечалось, Черчилль отнюдь не считал де Голля идеальной кандидатурой на роль “главы всех свободных французов”. Он постоянно и небезосновательно подозревал его в совершении опрометчивых, с точки зрения Лондона, действий, а также был далеко не в восторге от твердой решимости генерала возродить былую роль Франции в мире. Еще меньше это нравилось Рузвельту. Установленный спецслужбами “Свободной Франции” жесткий контрразведывательный режим препятствовал внедрению агентов в ближайшее окружение де Голля, поэтому для заблаговременного выявления его намерений Великобритания прибегла к традиционному для нее перехвату и дешифровке переписки комитета. Временами это перерастало в подлинную “войну шифров”, проигравшей в которой неизменно оказывалась французская сторона.

В начале марта 1942 года штаб-квартира “Свободной Франции” известила англичан о намерении просить у американцев шифровальные привилегии для представительства в Вашингтоне, чтобы иметь возможность пользоваться не только телеграфной, но и радиосвязью. Уже 9 марта Форин офис срочно инструктировал свое посольство в столице Соединенных Штатов: “Просьба конфиденциально сообщить государственному департаменту, что мы желали бы сохранить существующую систему, при которой мы видим и передаем их телеграммы”¹³¹. Представлявшему Великобританию лорду Галифаксу эта идея совершенно не импонировала. Он справедливо отмечал, что в таком случае вашингтонское руководство решит, что в Лондоне более не доверяют лояльности и надежности де Голля, что было совершенно невыгодно. Форин офис решил мотивировать свою просьбу ненадежностью французских кодов, что, кстати, являлось абсолютной правдой. Не посвященные в негласную часть этого вопроса шифровальщики британского МИД предложили снабдить де Голля комплектами одноразовых шифроблокнотов, чтобы дать французам возможность надежно защитить свою

переписку от постороннего вторжения путем перешифровывания кодированных сообщений. Но это еще менее устроило руководство дипломатического ведомства, 15 марта 1942 года подчеркивавшего: “Для нас полезно видеть телеграммы, которыми обмениваются де Голль и его представители в Вашингтоне. Если мы предоставим эти таблицы, то не сможем более делать это”¹³². В итоге было принято решение обратиться к де Голлю с просьбой вручать британцам копии своих важнейших радиোগрам. Готовность, с которой генерал согласился на такой вариант, посеяла обоснованные сомнения в его намерении сдержать свое слово. Однако предусмотрительных специалистов ПШКШ вопрос искренности де Голля совершенно не тревожил, поскольку они заблаговременно изготовили и оставили в своем распоряжении третий комплект шифрблокнотов и сняли все проблемы. Американцы не располагали такими возможностями, но догадывались о британской уловке. Они потребовали от англичан изготовить и передать им дополнительный экземпляр “французских блокнотов”, так как новая система лишила их Службу радиоразведки прежней возможности вскрывать переписку представительства “Свободной Франции”. Однако это противоречило долговременным интересам Лондона, и просьба осталась без удовлетворения.

В мае 1942 года британский десант высадился на принадлежащем Франции Мадагаскаре. Черчилль не только заблаговременно не предупредил де Голля о своих намерениях, но и запретил ему направить на остров своих офицеров для проведения мирных переговоров с лояльными к Виши властями. Генерал в гневе известил командиров своих войск в Северной Африке о возможности отдачи приказа повернуть оружие против британских войск для создания единого фронта против англосаксонских империалистов. Служба безопасности Среднего Востока (МЕИС) перехватила и вскрыла эти телеграммы, после чего в Лондоне собрались отказаться от поддержки столь неуправляемого лидера. Однако сделать это было уже невозможно. Британская пропаганда сама сделала де Голля в глазах всего мира основной, ведущей фигурой в Сопротивлении и тем самым полностью исключила возможность безболезненного разрыва с ним.

Но это не означало, что генерала считали в Лондоне и в Вашингтоне полностью приемлемой фигурой. В 1943 году весьма остро встал вопрос о том, кто именно будет признан главой освободительного движения французов. Было совершенно ясно, что этот же человек станет и послевоенным руководителем государства, а решение столь важного вопроса правительства союзных стран никак не могли оставить на произвол судьбы. Их враждебность к плохо управляемому и своенравному де Голлю возростала, и если британский премьер периодически колебался в своем отношении к нему, то президент Соединенных Штатов Америки сразу же занял последовательную позицию активного неприятия генерала. Истоки этого кроются в истории смены управления крошечными островами Сен-Пьер и Микелон, находившимися у побережья Канады, что позволяло визуальнo контролировать оттуда почти все выходы трансатлантических конвоев из канадских портов. Местный губернатор признавал режим Виши и располагал мощным передатчиком, регулярно отправлявшим в эфир серии кодированных сообщений, прочесть которые не могли ни американские, ни канадские криптоаналитики. До вступления Соединенных Штатов в войну на Тихом океане их соединял с островами телеграфный кабель, что теоретически легко позволяло любому действовавшему в США иностранному агенту отправлять свои сообщения на Сен-Пьер и Микелон по обычному телеграфу для последующей ретрансляции по радио в Германию или Италию. Весьма обеспокоенные этим обстоятельством канадские дипломаты предложили направить на острова десантную партию для захвата и изъятия радиопередатчика, однако против этого возражал премьер-министр доминиона Маккензи Кинг. Вопрос вынесли на рассмотрение парламента, принявшего в итоге решение проконсультироваться с Соединенными Штатами и Великобританией. В Лондоне предложили поручить операцию де Голлю, но в Вашингтоне категорически воспротивились такому шагу. Первой причиной такой линии поведения являлась данная Рузвельтом личная гарантия неприкосновенности французских владений в Западной полушарии в обмен на обязательство французов держать свои боевые корабли в базах. Президент Соединенных Штатов опасался спровоцировать переход мощного французского флота на сторону стран “оси” и строго контролировал выполнение своего обещания. Вторым мотивом Вашингтона являлась известная “доктрина Монро”, в соответствии с которой американцы принципиально возражали против проведения любых территориальных изменений в Западной полушарии руками европейских или азиатских государств. Де Голль в течение двух недель ожидал принятия окончательного решения, пос-

де чего его энергичная натура взяла верх. В конце декабря 1941 года генерал направил к островам три корвета и подводную лодку под общим командованием адмирала Мюзелье, чего вполне хватило, чтобы принудить губернатора сдаться. Эта акция, на первый взгляд, полностью соответствовавшая стратегической линии антигитлеровской коалиции, внезапно дала старт целой цепочке многолетних дипломатических конфликтов.

Реакция американских властей оказалась неопишимо бурной. Рассматривался даже вариант силового изгнания войск де Голля с островов и восстановления власти свергнутого губернатора, но в итоге четырехмесячных дебатов от такого позорного решения все же отказались. Для дальнейших взаимоотношений де Голля с Рузвельтом этот шаг лидера “Свободной Франции” оказался буквально роковым, его последствия он ощущал вплоть до самого конца войны. В дальнейшем ему не доверяли ни президент США, ни его окружение, постоянно стремившиеся выдвинуть на роль лидера французов своего ставленника Анри-Оноре Жиро. Британцам такие действия генерала тоже крайне не понравились, однако по совершенно другой причине. Де Голль отдавал указания Мюзелье из Лондона по своим закрытым каналам связи, недоступным для прочтения ПШКШ, тогда как Черчилль постоянно настаивал на том, чтобы его спецслужбы находились в курсе всех политических решений базировавшихся в Лондоне эмигрантских правительств. В результате канадское Экспертное подразделение получило задание вскрыть всю перехваченную переписку, исходившую с островов Сен-Пьер и Микелон после захвата их экспедицией Мюзелье. Ключи к шифру у канадцев имелись, их привез в Оттаву Оливер Стрэчи, а копии французских телеграмм по цензурному каналу поступали в Оттаву регулярно.

В дальнейшем своенравный де Голль неоднократно портил отношения с Соединенными Штатами Америки, чего Рузвельт ему так и не простил. Президент не просто высказывал свое отрицательное мнение о нем, но и готовил смену руководства французского Сопротивления, делая при этом ставку на Жиро, 17 апреля 1942 года с помощью СР Виши при весьма сомнительных обстоятельствах совершившего побег из крепости Кенигштайн. Генерал красочно расписывал бегство из окна своей камеры по сплетенной из простыней 100-футовой веревке и последующий полный опасностей поход через ночной лес, однако не исключено, что все это никоим образом не соответствовало действительности. В частности, Гудериан рассказывал, что Жиро не бежал, а просто ушел, нарушив данное слово. Он добавил также, что немцы сознательно не разыскивали и не преследовали генерала, поскольку были крайне низкого мнения о его полководческих и организационных способностях и не усматривали в нем никакой опасности. Последнее совпадает с часто встречавшимся в советской литературе оценками Жиро как примитивной и бездарной личности, не пользовавшейся никакой популярностью в народе, однако в действительности дело обстояло совершенно иначе. Генерал был способным и авторитетным военачальником, причем занимал до войны значительно более высокие посты, чем его конкурент де Голль. Кроме того, он пользовался сильной поддержкой спецслужб Виши. Хотя 15 мая 1943 года “парламент” СНР устами Мулена заявил, что “народ Франции никогда не примет подчинения генерала де Голля генералу Жиро”¹³³, это являлось лишь достаточно далекой от действительности красивой фразой. Руководители групп Сопротивления уже почувствовали на себе тяжелую руку де Голля, и многие из них усомнились в правильности своего выбора. Действия подозрительно похожей на гестапо контрразведки БСРА также вызвали активное неприятие у многих партизан, совершенно не связанных жесткими дисциплинарными рамками разведки. Коммунисты полагали Жиро более управляемым и не забыли ни де Голлю, ни Пасси, ни Мулену методов приведения их к повиновению, а потому иногда явно, а чаще скрыто поддерживали ставленника американцев. За всеми этими политическими маневрами на задний план отошла теоретически главная задача — борьба против германской оккупации и содействие освобождению страны. Однако немцы не были столь же политизированы и прекрасно помнили о своих интересах, а потому сумели тщательно подготовить и нанести сильный удар по СНР.

В ноябре 1942 года в ответ на вторжение союзников во Французскую Северную Африку Германия разорвала перемирие с Францией и оккупировала бывшую “свободную зону”, распустив ее армию и запретив секретные службы. Все действующие и бывшие офицеры военных и гражданских спецслужб подлежали аресту. Теперь немецкая разведка и контрразведка совершенно беспрепятственно работали на всей территории страны, не будучи связанными даже формальными ограничениями. Гестапо сумело арестовать руководителя

марсельской группы Сопротивления, показания которого позволили установить, а 9 июня 1943 года в результате стечения нескольких роковых случайностей и схватить командующего АС генерала Делестрена. Через некоторое время в Лионе был задержан и сам Жан Мулен. Руководитель Национального совета Сопротивления попал в руки печально известного начальника лионского гестапо Клауса Барбье, следователи которого явно перестарались в попытках разговорить арестованного. В результате пыток Мулен впал в состояние комы, из которого его безуспешно пытались вывести, а затем отправили во Франкфурт, куда он прибыл уже мертвым. За полтора года активной деятельности Мулен успел выполнить возложенную на него де Голлем миссию, фактически подчинив генералу большинство подпольных и партизанских групп. Разведка “Сражающейся Франции” контролировала теперь почти все Сопротивление, а часть его, находившаяся вне СНР, уже не имела опасных масштабов.

Де Голль активно искал пути проникновения в Алжир, до сих пор считавшийся вотчиной генерала Жиро. Разведка Пасси была в этом вопросе бессильна, поскольку оперативная работа в Северной Африке полностью контролировалась руководителями бывших вишистских служб разведки и контрразведки. В частности, 30 января 1943 года генерал официально объявил о создании нового органа разведки, контрразведки и военной безопасности, получившего название Дирекции службы разведки и военной безопасности (ДСР/СМ). Ее руководителем был назначен полковник Риве, подчинявшийся лично главнокомандующему. Под руководством ДСР/СМ должны были работать СР армии (подполковник дю Кресс де Вильнев), СР ВВС (полковник Ронен), 2-е бюро ВМС (капитан 1-го ранга Траутманн) и Отдел военной безопасности СМ (майор Пэйоль). Организация СР армии и ВВС и 2-го бюро ВМС осталась без изменений, зато СМ был создан практически заново. В течение пяти следующих месяцев структура его центрального аппарата включала ряд подразделений, специально созданных в преддверии освобождения страны:

- Секция по подготовке к высадке во Франции (связь между оперативными органами в Северной Африке и метрополии, подготовка соответствующих методических документов, изучение имеющихся материалов, обучение кадров, а в перспективе и подготовка к обеспечению безопасности тыла войск вторжения);
- Секция сбора разведывательной информации, поступающей от ТР и подготовки дезинформационных материалов для использования “Подразделением А”;
- Секция связи и шифров;
- Секция анализа контрразведывательной информации;
- Секция защиты безопасности наиболее уязвимых сфер и анализа эффективности вражеской пропаганды;
- Секция полицейских вопросов (подбор и подготовка кадров для СТ и военной полиции, руководство полицейской академией).

Помимо перечисленных специфических подразделений, в СМ имелся также ряд обеспечивающих секций. Нетрудно заметить, что отдел не занимался непосредственной оперативной работой в области контрразведки и военной безопасности, а являлся органом, координировавшим деятельность существовавших легальных и нелегальных контрразведывательных структур. При этом основным приоритетом СМ была работа в метрополии.

Упомянутое “Подразделение А” было сформировано в Северной Африке и являлось совершенно новым для Франции разведорганом, представлявший собой оперативно-боевой отряд для действий на территории метрополии. Инициатором его создания явился майор Пэйоль. В дальнейшем оно сыграло существенную роль в ведении разведывательной работы. Штатная численность отряда в январе 1943 года составляла приблизительно 40 человек, половина из которых были офицерами, а остальные — сержантами и гражданскими служащими. Он комплектовался на исключительно добровольной основе, личный состав перед заброской в тыл противника проходил подготовку в двух расположенных в Алжире учебных пунктах, а некоторые офицеры — на базах СОЕ в Великобритании. Первая группа “Подразделения А” была готова к действиям уже в марте, а к лету 1944 года его разведгруппы уже обросли местной агентурой и работали на всей территории Франции, вплоть до бельгийской границы.

Жиро желал создать иллюзию своего стремления лояльно сотрудничать с конкурентами в оперативных вопросах и для этого приказал Риве предложить Пасси, а по возможности, и самому де Голлю включить в этот проект и БСРА. Такой шаг мог привести раз-

Андре Боннефу

ве что к видимости хороших отношений, причем эта иллюзия предназначалась исключительно для внешнего употребления, а внутри французских эмигрантских кругов она не могла обмануть даже политических младенцев. Тем не менее, в феврале Риве возвратился из Лондона с ответом Пасси об отсутствии принципиальных возражений против вхождения БСРА в состав планирующейся к созданию единой спецслужбы. Жиро не распознал интригу и для уточнения деталей отправил в британскую столицу Андре Боннефу, в течение предшествующих 13 лет дружившего с де Голлем. В отличие от Риве, майор попал на прием к руководителю движения “Свободная Франция” и неожиданно для себя натолкнулся на холодно-враждебное отношение генерала. Диалог бывших давних друзей был весьма примечателен. Генерал поинтересовался, что делает его гость в Лондоне, и когда тот сообщил, что представляет в британской столице спецслужбы французской армии, обозвал его шпионом Виши. Уязвленный до глубины души Боннефу все же не стал конфликтовать и терпеливо пояснил, что подчиняется по службе Риве и Пэйюлю, а приехал для координации взаимодействия с британской разведкой. Тогда де Голль уточнил, что в этом случае считает визитера английским агентом, и потребовал, чтобы тот немедленно покинул его кабинет. Вдогонку он зловеще пообещал, что в свое время Франция предъявит свой счет всем предателям. Боннефу остановился в дверях и попытался объяснить, что желает не конфликтовать, а просто нормально сотрудничать, но генерал заявил, что предложение не подлежит обсуждению.

Попытки объединить спецслужбы обеих ветвей французского Сопротивления на равноправной основе были изначально обречены на провал. Де Голль всеми фибрами души ненавидел руководителей СР, БМА и ССМ и регулярно обвинял их в фактическом коллаборационизме, хотя позднее в своих мемуарах категорически отрицал это: “...бывшая разведывательная служба главного штаба французской армии... действовала под руководством полковников Ронена и Риве и всеми возможными для нее мерами противилась немцам”¹³⁴. Тем не менее, под давлением союзников генералу все же пришлось пойти на некоторые уступки. 3 июня 1943 года он создал Национальный комитет освобождения Франции (КНЛФ) и возглавил его вместе с ненавистным Жиро, который таким образом попался в довольно хитроумную ловушку. Теперь де Голль получал законное право вмешиваться в алжирские дела, тогда как его соперник, теоретически располагая аналогичными правами в отношении Франции, не мог их реализовать на практике. Дальновидные Риве и Пэйюль еще в мае предвидели негативные последствия объединения и опасались быть проглоченными энергичным БСРА. Они вообще считали де Голля и его приближенных чем-то вроде бандитских главарей, пытающихся узурпировать власть, и относились к ним соответственно. Оба руководителя разведки и контрразведки заявили о своей отставке, мотивируя это невозможностью служить одновременно двум равноправным начальникам, но ее не приняли. Тогда Риве и Пэйюль потребовали, чтобы в КНЛФ сохранялась лишь одна секретная служба, возглавляемая единым начальником. Они объявили о неприемлемости партизанской политики БСРА, однако на протяжении некоторого времени ситуация оставалась прежней, и это стало исходной точкой ожесточенной борьбы секретных служб, контролировавшихся двумя соперничавшими генералами. В сентябре 1943 года Жиро реорганизовал ДСР/СМ и назначил ее руководителем генерала Ронена, Риве же стал куратором спецслужбы и промежуточным звеном между главнокомандующим и Роненом. Серьезные изменения претерпела военная контрразведка. Отдел военной безопасности (СМ), иногда именовавшийся Дирекцией военной безопасности (ДСМ), по-прежнему возглавлял Пэйюль, его заместителем по Алжиру являлся полковник Андре Серо, а по Франции — майор Андре Боннефу. Внутренняя структура отдела в очередной раз была скорректирована. Отныне в его центральном аппарате имелись и функциональные, и оперативно-территориальные подразделения:

- Служба связи с союзниками;
- Служба связи с армией, ВВС и ВМС;
- Служба связи с гражданскими властями;

- Служба почты и информации;
- Служба по военным преступлениям;
- Служба полиции (связь с СТ);
- 1-я секция (административные вопросы, финансы, кадры);
- 2-я секция (репрессивная контрразведка, документы, отчеты и анализ, полицейская и судебная система, противодействие саботажу, информационно-аналитическое бюро по контрразведке — БИКЕ);
- 3-я секция (превентивная контрразведка, защита секретов, обучение контрразведке, надзор за уязвимыми сферами, собственная безопасность спецслужб, безопасность заключенных и депортированных лиц);
- 4-я секция (оперативные вопросы военной безопасности, организация контрразведывательных подразделений в армии, охрана действующих во Франции подразделений СМ);
- 5-я (наступательная контрразведка (ТР), Франция и ее колонии, зарубежные государства, дезинформация (“Подразделение А”), связь, специальная техника для агентов и “почетных корреспондентов”).

СМ руководила работой действующих во Франции ТР (Верней) и СМ (Наварр).

В связи с сильным противодействием оккупационных органов безопасности последний принял решение о создании в Париже отдельной нелегальной структуры — Бюро военной безопасности (БСМ) под руководством полковника Жерара-Дюбе, бывшего редактора новостей и администратора газеты “Ле Журнал”. Впоследствии на базе парижского БСМ даже планировалось развернуть систему органов под тем же названием по обеспечению безопасности тыла экспедиционных войск в освобожденных областях, однако события повернулись иначе.

Анри Наварр

В это же время в Алжир по указанию Рузвельта прибыл директор стратегической разведки США Уильям Donovan. Он рекомендовал реформировать по образцу ДСР/СМ все французские спецслужбы в Северной Африке и этим шагом оказал де Голлю прекрасную услугу. Наконец-то генерал получил желанный повод обвинить Соединенные Штаты во вмешательстве во внутренние дела Франции и объявить Жиро их лакеем. Теперь он получил моральное обоснование для единоличных кадровых перестановок, и уже 25 сентября КНЛФ назначил генерала авиации Коше главой объединенной разведывательной службы в Алжире. Раздосадованный Ронен подал в отставку. Новая служба изначально оказалась расколотой изнутри. Главой СР в ней по-прежнему оставался Риве, а СМ возглавлял его верный соратник Пэйоль. Однако Пасси назначил майора Андре Пелабона, впоследствии полковника и начальника “Сюртэ Националь” (с 1946 года), главой созданной там же Службы внешней разведки, руководившей алжирской резидентурой БСРА. Приверженцы Жиро создали в Алжире еще одну, свою собственную местную СР, которая для начала взяла в разработку

Жак Сустель

Пелабона, регулярно и безуспешно подсылая к нему провокаторов. С учетом достигнутых двусторонних договоренностей, эта СР на совершенно законных основаниях открыла контрразведывательный пост в штаб-квартире БСРА в Лондоне, что немало возмутило Пасси. Секретные службы условно существовавшего государства плодились и размножались, не просто соперничая, а ожесточенно воюя друг с другом. Риве и Пэйоль обсуждали план похищения и доставки де Голля на линейный крейсер “Ришелье”, офицеры и команда которого еще с осени 1940 года ненавидели генерала из-за его экспедиции в Дакар. Сторонники Жиро и де Голля устанавливали плотное наблюдение друг за другом, пытались вербовать офицеров и агентов, и в этих условиях им опять-таки было не до немцев. Это нанесло

серьезный урон операциям в Испании и на Корсике, и отдельные здравомыслящие сотрудники “в поле” все же сотрудничали между собой, нарушая строжайшие запреты своего руководства. Одновременно глава БСРА Пасси уговаривал Коше уволить Пэйоля, поскольку “коллаборационисты и предатели... подлежат военному трибуналу за соучастие в ведении разведки для врага”¹³⁵. Коше не выдержал нервного напряжения и ушел в отставку, не сумев добиться реального слияния двух противоборствующих служб.

Назначение на его место 27 ноября 1943 года академика, специалиста по древним культурам Центральной Америки Жака Сустеля удивило многих. Новый начальник секретной службы никогда не соприкасался с разведкой, имел скромное воинское звание лейтенанта резерва и в последнее время являлся комиссаром по информации в “Сражающейся Франции”. Жиро запротестовал против назначения на столь ответственный пост сугубо гражданского человека, на что де Голль ответил: “Если вас это беспокоит, мы наденем на него генеральский мундир”¹³⁶. Формальное объединение спецслужб состоялась. Де Голль распустил свои органы разведки и контрразведки и создал взамен них подчинявшуюся не военному командованию, а главе государства Генеральную дирекцию секретных служб (ДГСС) с Сустелем в качестве ее руководителя. Уже указывалось, что Сустель был агентом нелегальной резидентуры советской военной разведки в Великобритании и находился на связи у Эрнста Д. Вейсса, однако в рассматриваемый период, естественно, это не было известно никому. Одновременно де Голль образовал во Франции Комитет действия для руководства операциями Сопротивления. Риве отказался вводить в ДГСС свою СР, его примеру последовал и Пэйоль. Позднее Риве охарактеризовал ДГСС как “готтентотский базар”, полный амбициозных и претенциозных людей, которые осели там, чтобы избежать опасности участия в боевых действиях, в последний момент внезапно проявив энтузиазм в отношении либо разведки, либо де Голля, либо того и другого сразу”¹³⁷. Пэйоль был более откровенен и заявил, что БСРА представляло собой инструмент для подчинения Сопротивления де Голлю и англичанам, а он просто не желал участвовать в этом процессе. Они по-прежнему продолжали обслуживать военное командование и фактически оставались вне подчинявшейся политическому лидеру Генеральной дирекции секретных служб. Несмотря на отсутствие подчиненности, СР все же формально включили в ДГСС для возможности финансирования через бюро. Практически это ничего не значило. Риве абсолютно не разделял принципов работы, применявшихся Пасси в БСРА и позднее в ДГСС. Он лицемерно и лживо утверждал, что военная разведка должна обслуживать исключительно нужды генерального штаба и не касаться политических вопросов. В период работы на режим Виши собственные действия Риве были политизированными в крайней степени, поэтому не ему было упрекать конкурентов в аналогичных поступках. Однако подлинным камнем преткновения являлись некоторые неблагоприятные действия СР против движения Сопротивления в период до осени 1942 года. Наряду с обеспечением борьбы лидеров за власть причиной розни стало именно это, а вовсе не концептуальные различия, а вопрос о подчиненности секретной службы главе государства и ее участии в решении политических вопросов был не более, чем камуфляжем.

Претензии Риве в отношении непрофессионализма конкурентов также во многом надуманны. В действительности его Служба разведки работала далеко не так блестяще, как желал это изобразить ее начальник. В течение 1943 — 1944 годов абвер и гестапо нанесли по ней множество ударов, от которых было трудно оправиться. Ликвидация немцами опорных баз СР вынудила сократить заброску агентуры, что, в свою очередь, немедленно

сказалось на эффективности операций. Теперь Сустель с полным основанием мог заявить, что ДГСС намного превосходит свою соперницу, которая отвечала ему явным саботажем. Любые приказы руководителя ДГСС, в порядке координации направляемые им в СР или СМ, неизменно возвращались с личной пометкой генерала Жиро: “Полковник Риве и майор Пэйоль отчитываются перед главнокомандующим и получают приказы только от меня”¹³⁸. В свою очередь Сустель обставил непокорных начальников разведки и контрразведки своими шпионами и перлюстрировал поступавшую к ним корреспонденцию. В марте 1944 года СР перестали финансировать через ДГСС, причем совершенно оправданно, поскольку она действовала абсолютно автономно от Генеральной дирекции. Жиро бросился на защиту своей разведки и заявил, что подобные действия неизбежно приведут к полному развалу всей системы спецслужб. Пэйоль же решил обратиться за помощью к американцам и пожаловался на обстановку в Верховный штаб союзнических экспедиционных сил (СХАЕФ), аккредитовав при генерале Эйзенхауэре майора Боннефу. Он представлял в СХАЕФ Военную секретную службу (ССМ), занимавшуюся контрразведывательным обеспечением тыла экспедиционных войск в освобожденных областях Франции. Однако американцы предпочли не ввязываться в это противостояние, а конфликт разрешился на совершенно другом уровне. 4 апреля 1944 года Национальный комитет освобождения Франции под давлением де Голля ликвидировал должность главнокомандующего, в результате чего Жиро занял декоративный пост постоянного генерального инспектора. Это развязало руки Сустелю, и в апреле Риве в звании бригадного генерала был со всеми внешними атрибутами почета отправлен в отставку. Ему формально предложили продолжить службу, но бывший начальник СР все понимал правильно и, сославшись на 61-летний возраст, предпочел уйти добровольно. После этого он прожил еще более 14 лет и умер 12 декабря 1958 года.

Торжественное провозжание генерала Риве в отставку. Слева направо: полковник Андре Серо, начальник военной разведки полковник дю Кре де Вильнев, генерал Луи Риве, полковник Поль Пэйоль

Пэйоль не разделил его судьбу. Репутация майора в контрразведке была крайне высока, поэтому его оставили во главе СМ, включенной в состав Генеральной дирекции секретных служб. Немаловажным аргументом в пользу принятия такого решения явились агентурные сети ТР, объединенные в три резидентуры (“инспекции”). Первая из них (“Центр”) с центром в Сент-Этьене располагала точками в Виши, Лионе, Бурге и Шато-ру-Лимож, вторая (“Север”) с центром в Париже имела агентуру в самой столице, Лилле и Ле Мане, третья (“Юг”) с центром в Марселе руководила точками в Марселе, Ницце и Тулузе. Кроме того, под прямым руководством Лафона, ставшего к этому времени уже майором, находились

посты ТР в Нанси, Бордо и автономный от резидентуры “Центр” пост в Лионе. По состоянию на 23 сентября 1943 года весь этот аппарат должен был выявлять:

- “1. Силы абвера и гестапо; их цели, их методы <...>.
2. Вспомогательные подразделения абвера, гестапо и служб пропаганды.
3. Движения, способные причинить ущерб национальному единству и нации.
4. Состояние общественного мнения по категориям лиц и регионам <...>.
5. Силы существующих служб, в особенности военной администрации. <...> Это, в частности, важно в отношении полиции, жандармерии и мобильной стражи”¹³⁹.

Помимо общих сетей контрразведки в 1943 году Пэйоль создал и параллельную инфраструктуру под кодовым обозначением “ТР Жюнь” (“младшая”). Под руководством Боннефу 70 бывших офицеров ССР были отобраны и отправлены в оккупированную зону для руководства агентурными сетями. Общее руководство “ТР Жюнь” было возложено на капитана Вейо. И основной, и вспомогательный негласный аппарат органов безопасности после освобождения сыграли значительную роль в выявлении агентов и пособников оккупантов, что помогло бывшему руководителю ТР/ССМ получить аналогичный пост в СМ и сохранить его после освобождения страны.

Во взаимодействии с оперативными органами КЛНФ особую линию поведения выработали для себя вооруженные отряды коммунистической партии — группы “Франтиреров и партизан” (ФТП). Они отличались повышенным вниманием к требованиям конспирации, поэтому у других организаций нередко возникали сложности в организации взаимодействия с ними. Другое, более важное отличие лежало в области стратегии. Подчиняясь генеральной линии компартии, ФТП практиковали повторяющиеся нападения на немцев для максимального отвлечения с востока сил вермахта. Эта наивная линия не могла быть эффективной, зато она провоцировала германские службы безопасности на репрессии и зачастую вызывала озлобленность мирного населения.

В марте 1944 года де Голль сделал еще одну попытку централизовать действующие на территории страны отряды и создал “Французские внутренние силы” (ФФИ). По замыслу генерала, они являлись высшим оперативным соединением его войск на оккупированной территории, в которое в обязательном порядке должны были включаться все без исключения боевые единицы и подпольные группы, вне зависимости от их желания. ФФИ строились по строго военному принципу, а прежние отряды и ячейки превращались теперь в подразделения и части, вплоть до полков. Все их члены получали различные воинские звания, впоследствии подлежащие утверждению в установленном порядке. Де Голль исчислял силы партизанских отрядов в 1943 году в 40 тысяч человек, а подпольных групп и агентурных сетей — в 30 тысяч. Генерал полагал, что к весне 1944 года общая численность Сопrotивления достигла 100 тысяч бойцов, а к середине года — 200 тысяч, хотя проверить эти данные было чрезвычайно трудно.

5. СОЮЗНИКИ

Франция являлась одним из наиболее важных регионов деятельности спецслужб союзников по антигитлеровской коалиции, первой из которых была СИС. Как уже упоминалось, в начальный период британцы не располагали собственной агентурой и использовали созданную поляками сеть. После развала “Интералль” СИС работала с польскими группами “Нурми” в Сент-Этьене и “Моника” в Лилле. Вообще же пребывание во Франции значительного числа поляков представляло собой существенный элемент оперативной обстановки, который не могли не учитывать как немцы, так и их противники. После поражения 1940 года далеко не все польские части смогли эвакуироваться на Британские острова или, как некоторые, перебраться в Швейцарию, где их интернировали до конца войны. Все остальные были демобилизованы правительством Виши или размещены в лагерях военнопленных, откуда, однако, их вскоре начали в массовом порядке выпускать. Кроме того, на протяжении предвоенных десятилетий около полумиллиона поляков прибыли на север Франции для работы преимущественно на шахтах в окрестностях Лилля. Несмотря на перемещение значительной части лиц перечисленных категорий к местам прежнего жительства, к 1942 году во Франции насчитывалось 310 тысяч поляков. Как уже указывалось, перечисленные контингенты образова-

ли широкую вербовочную базу для польской и британской разведок, тем более ценную, что большинство из потенциальных кандидатов в агенты имели военную подготовку, находились в приемлемом возрастном диапазоне и не были обременены семьями. Следует отметить, однако, что взаимодействие поляков с французами в разведывательной области не было широким, несмотря на их весьма заметное присутствие в рядах партизанских отрядов. Польские спецслужбы не желали подчиняться “Свободной Франции” и в первую очередь опирались на собственные возможности, пытаясь ограничить даже влияние британцев.

Несколько отступая от темы, следует отметить незначительные масштабы присутствия СИС во Франции. Заслуживает упоминания лишь ее сеть “Амиколь”, целиком состоявшая из католиков и возглавлявшаяся монахом-иезуитом из Бордо отцом Арнольдом (“полковник Клод Оливье” или просто “полковник”), главным помощником которого являлся священник Филипп Кюн. Сеть насчитывала свыше тысячи подисточников из числа активных прихожан и была в состоянии решать достаточно серьезные задачи. Преданный в июле 1940 года одним из участников “Амиколя” Кюн был арестован и казнен, однако большинство членов группы все же дожили до освобождения своей страны.

Возвращаясь к вопросу о поляках на территории Франции, следует отметить их тесную связь с СОВЕ и явно выраженную диверсионную направленность отдельных резидентур и групп VI отдела. Они организовали широкую сеть наблюдателей за железнодорожными перевозками и агентов-радиостов, располагавшихся в узловых пунктах с выходом на германскую территорию: Трире, Аахене, Саарбрюкене, Мюнхене-Гладбохе, Страсбурге, Мюльхаузене и Бельфоре, а также на переправах через Рейн в Дуйсбурге, Кобленце, Дюссельдорфе, Кельне, Мангейме, Майнце, Людвигсхафене и Висбадене. Тремя основными направлениями деятельности польской разведки являлись агентурно-оперативная работа, нелегальные перевозки людей и грузов и курьерская служба. К началу 1944 года VI отдел значительно расширил свою деятельность на севере Франции, а в феврале немцы обнаружили подключение поляков к своему армейскому кабелю связи в Авиньоне. Однако уже в марте они нанесли мощный ответный удар, захватив несколько подпольных передатчиков и шифры, позволившие прочесть около 3 тысяч ранее перехваченных сообщений. В сочетании с анализом перехвата это послужило основой для проведения германской контрразведкой операции “Фихте”, в результате которой были арестованы около 300 польских агентов.

Наиболее долговременными операциями СОВЕ с участием поляков на территории Франции являлись “Анджелика” и “Эджудикэйт” (впоследствии переименованные). Еще весной 1941 года польское эмигрантское правительство получило от Великобритании целевой заем в размере 600 тысяч фунтов стерлингов на организацию подпольной деятельности. 27 июня было принято решение о направлении части этих средств на проведение во Франции двух упомянутых операций, каждая из которых имела собственную цель. “Анджелика” ориентировалась на предвоенных эмигрантов и демобилизованных военнослужащих и должна была заниматься пропагандистской работой, создать “спящую” подпольную сеть и организовать тайное обучение французов и поляков технике и тактике диверсионных операций для готовности выступить в требуемый момент. В “Эджудикэйт” планировалось привлечь исключительно бывших военных. Помимо совпадавших с “Анджеликой” задач, она должна была осуществлять боевые операции под руководством СОВЕ, а также подключиться к выполнению задач МИ-9 по налаживанию каналов эвакуации. Вербовка в “Эджудикэйт” поляков, связанных в настоящий момент с любыми военными, политическими или эмигрантскими организациями, категорически воспрещалась. Обе операции регулярно финансировались: на насчитывавший 87 агентов “Эджудикэйт” англичане ежемесячно выделяли 200 тысяч франков, а на “Анджелику”, способную привлечь до 500 агентов — 500 тысяч¹⁴⁰. Обе сети испытывали проблемы с радиосвязью. К концу мая 1942 года они располагали шестью передатчиками и лишь одним радистом в районе Тулузы. В преддверии предстоящих боевых операций “свободная зона” Франции условно разделялась на 6 областей, 15 районов и 65 ячеек в 58 населенных пунктах. “Анджелика” и “Эджудикэйт” совместно располагали приблизительно тремя сотнями активными участниками и были способны мобилизовать от полутора до двух тысяч бойцов. Оккупированная часть Франции покрывалась их сетями не полностью, там выделялась большая северная область, разделенная на 5 районов. Вся эта организационная система в течение длительного времени оставалась незамеченной германскими и французскими органами безопасности по весьма прозаической причине, а именно — отсутствию каких-либо активных действий. Они служили лишь политическим целям в

“торговле” Лондона с эмигрантским правительством Польши, за которой едва не оказалась упущенной первоначальная задача. Руководство СОЕ наблюдало все это с нарастающим неудовольствием и вывело из обеих операций все диверсионные силы и средства, организовав сеть “Моника” (не имела ничего общего с польской сетью “Моника”, работавшей совместно с СИС). После этого Колин Габбинс своим распоряжением от 29 июня 1942 года положил конец этим политическим играм и закрыл “Эджудикейт” как операцию, исчерпавшую свои задачи и возможности. “Моника”, однако, продолжала существовать, была введена в действие при начале операции “Оверлорд” и оказала определенную помощь экспедиционным войскам.

Остальные операции СОЕ во Франции были хотя и менее продолжительны, но зато более активны. Ими ведали несколько отдельных секций, специально сформированных для работы с группами Сопротивления и агентурными сетями в стране, причем зачастую их руководители конфликтовали между собой точно так же, как и лидеры курируемых ими политических группировок. Секция “F” занималась независимыми французскими группами, “RF” — группами, признававшими верховную власть генерала де Голля, “AMF” — французами в Алжире, а “EU/P” (бывшая “MOP”) ведала всеми поляками, находившимися вне пределов их страны, главным образом во Франции. Созданная позднее особая группа “Джедбург” руководила 300 собственными агентами, не входившими ни в одну из перечисленных секций и работавшими в рамках осуществления одноименной трехсторонней англо-франко-американской операции. Обеспечивающая, но весьма важная секция “DF” занималась вопросами эвакуации из страны.

Первыми операции, спланированными СОЕ для проведения на французской территории, являлись:

- “Саванна А” — план уничтожения экипажей ночных бомбардировщиков люфтваффе, совершавших террористические налеты на Великобританию с аэродрома Ваннес. Летчики проживали в отдалении от него и доставлялись туда в автобусах, представляя собой во время перевозки почти не защищенную групповую цель;
- “Саванна Б” — аналогичная операция против экипажей базировавшихся в Бресте и Лориене подводных лодок, которые также доставляли на базы в автобусах. Ее желательно было производить одновременно с воздушным налетом на эти порты;
- “Жозефина А” — уничтожение дальних разведчиков и бомбардировщиков “Фокке-Вульф-200” на аэродроме Мариньяк около Бордо. Эти самолеты крайне эффективно использовались при перехвате трансатлантических конвоев и были весьма немногочисленны, поэтому операция должна была оказать заметную помощь в защите британского судоходства;
- “Жозефина Б” — уничтожение в Пессаке около Бордо группы высоковольтных трансформаторов, снабжавших электроэнергией значительную область страны.

Операции “Саванна Б” и “Жозефина А” со временем оказались отложенными на неопределенный срок, а “Саванна А” прошла стадию планирования и к концу 1940 года находилась уже в стадии трехнедельной готовности. Для ее выполнения де Голль выделил группу из пяти “свободных французов”, вылет которых несколько раз откладывался то из-за погоды, то из-за отсутствия самолетов. Наконец в ночь на 15 марта они высадились в Бретани под прикрытием производившегося в это же время воздушного налета на аэродром. На месте диверсанты обнаружили, что система доставки летчиков к самолетам изменилась, теперь они приезжали порознь в собственных легковых машинах и уже не представляли собой удобную для поражения единую групповую цель. Диверсанты решили с пользой употребить оставшиеся у них до эвакуации на подводной лодке две недели и занялись весьма полезной и важной разведкой. Они собрали множество неоценимой информации об образе жизни в оккупированной Франции, о порядке пребывания в населенных пунктах, об организации патрулирования территорий, о возможностях заброски агентов и прочем, использовавшемся для планирования множества последующих акций. Кроме того, провал “Саванны А” убедил руководство СОЕ в необходимости создать собственную систему разведки, обслуживающую специфические надобности ведомства, во избежание постоянных провалов по причине искажения или нехватки соответствующей информации. Для проведения акции “Жозефина Б” во Францию планировалось забросить трех поляков, однако из-за случайного сброса снаряжения самолет вместе с ними возвратился на базу. При посадке он разбился, пассажиры получили серьезные ранения и не смогли вылететь повторно. Проведение операции поручи-

ли группе отмененной “Саванны Б”. 10 мая 1941 года три парашютиста прибыли на место и до 13 мая разведывали обстановку. В результате они решили отказаться от проведения диверсии из-за сильной охраны объекта и окружавшего его высокого забора из электрифицированной колючей проволоки. На связь агенты не вышли, поэтому в СОЕ их сочли погибшими и не направили за ними подводную лодку, как планировалось, а всю операцию посчитали неудавшейся. Однако вскоре в центре с удивлением узнали, что некоторое время спустя диверсанты все же смогли выполнить задание и взорвали восемь трансформаторов из десяти (с двух оставшихся установленные заряды просто соскользнули).

Успешная операция заметно подняла престиж СОЕ в Лондоне и одновременно показала, что аналогичные акции эффективнее всего осуществлять с опорой на местное движение Сопротивления. Однако это не только облегчало их проведение, но одновременно и увеличивало риск провала из-за контактов с довольно широким кругом партизан и подпольщиков. Ни один контрразведчик не мог досконально проверить нелегальную организацию и с уверенностью заключить, что в нее не внедрены агенты противника. После уже описанных событий с “Интералле” руководители СОЕ попытались обратить больше внимания на вопросы безопасности, хотя удавалось это не слишком хорошо. Примером может служить история с Тони Бруксом, направленным в 1942 году секцией “F” для организации диверсий на железных дорогах. Через некоторое время к нему прибыл радист Мариус Блум (“Бишоп”), говоривший по-французски с сильным акцентом и внешне совершенно не походивший на француза. Из-за создаваемой им постоянной угрозы провала Брукс немедленно переправил его в более безопасную Тулузу к своему коллеге Морису Пергуну (“Эжен”). Когда разведчику потребовалось вновь разыскать своего радиста, он без труда обнаружил его сидящим в ресторане и болтающим с посетителями по-английски. Такое поведение не могло не привести к плачевным последствиям, которые не заставили себя ждать. Пергун и Блум были захвачены СД вместе с передатчиком, а немецкие криптоаналитики сумели вскрыть их шифр. Служба безопасности намеревалась начать радиоигру с СОЕ, однако эта попытка сорвалась из-за героического поведения британцев. Они молчали на всех допросах и впоследствии погибли в Бухенвальде, но сумели обеспечить слишком долгий перерыв в связи, вызвавший в Лондоне недоверие. Однако не только это воспрепятствовало специалисту СД по радиограмм Йозефу Гетцу реализовать свой замысел. В отличие от абвера, Служба безопасности не являлась военной организацией и должна была согласовывать передаваемую дезинформацию с командованием вермахта по излишне длинной бюрократической цепочке, что лишало ее всякого смысла.

Однако в июне следующего года Гетцу повезло, и причиной этого опять явилась неудовлетворительная постановка дел с безопасностью в СОЕ. Трудно поверить, но высадившиеся во Франции агенты секции “F” Пикерсгилл и Макалистер немедленно после приземления занялись восстановлением по памяти своего задания, которое тут же записали на листках бумаги. Пикерсгилл спрятал их в карман, а радист Макалистер на обороте своего шифровального блокнота записал строжайше засекреченные сигналы опасности. Из-за заметного акцента и невнятного изложения легенды обоих разведчиков арестовал первый же патруль, и все обнаруженные при обыске записи вместе с оружием и передатчиком тут же в полной сохранности попали к немцам. Теперь для радиоигры Гетцу требовалось лишь установить почерк Макалистера, и он сумел решить эту задачу с большим изяществом. В соседнюю с англичанином камеру СД посадила своего радиста, который через стену начал перестукиваться с арестованным и прекрасно изучил его почерк. Больше препятствий не оставалось. Радиоигра от имени Пикерсгилла и Макалистера позволила немецкой контрразведке выйти на успешно работавшую в Лориане сеть “Архидьякон” и разгромить ее. Немцы использовали этот канал до марта 1944 года, а провалился он по их собственной неосторожности. При приземлении четыре английских парашютиста случайно услышали немецкую речь встречавших и немедленно открыли огонь. В завязавшейся перестрелке двое из них были ранены, арестованы и впоследствии погибли в лагерях, но игра СД пришла к концу.

Одновременно Гетц вел радиоигру с Лондоном через передатчик Жильбера Нормана (“Аршамбо”), работавшего радистом и помощником руководителя парижской группы Френсиса Альфреда Саттля (“Проспер”, известен также как “Франсуа Деспре”). Эта сеть провалилась марте 1943 года из-за контактов с Анри Дерикуром. Из четверых арестованных заговорил лишь один, но этого было достаточно. Передатчик стал составным звеном в операции Службы безопасности.

Жильбер Норман

Еще один задействованный в игре СД передатчик принадлежал весьма примечательной женщине, использовавшей оперативный псевдоним “Мадлен” и известной коллегам как Нора Бейкер. В действительности она была настоящей индийской принцессой по имени Нур-ун-Низа Инаят Хан (“Свет женственности”), чаще именуемой просто Нур.

Принцесса Нур

Молодая женщина была дочерью принца — известного суфийского теолога и родилась в московском Кремле в 1914 году, когда ее отец по просьбе последнего российского императора Николая II знакомил его с основами суфизма. Одним из постулатов этого учения, полностью разделявшего и принцессой, являлось неприятие любого рода лжи. Уже одно это должно было быть принято руководством СОЕ во внимание при оценке “Мадлен” как возможного кандидата на подпольную работу. Кроме того, молодая и красивая женщина была романтически настроена, перед войной писала сказки для французских детей и не прошла практически никакой специальной подготовки. Разведчица в совершенстве владела французским языком, но акцент и индийский тип лица не позволяли ей играть роль местной жительницы. К моменту зачисления в штат организации она уже стала квалифицированным радиооператором, однако для работы в тылу противника в военное время этого было совершенно недостаточно. Впоследствии руководителей СОЕ серьезно и обоснованно критиковали за то, что они могли даже подумать о заброске к противнику столь неподходящего человека, как принцесса Нур. Последствия столь необдуманного решения сказались быстро.

“Мадлен” была заброшена во Францию в июне 1943 года в разгар провалов агентов СОЕ: на следующую ночь после ее прибытия были арестованы члены группы “Архидьякон”, еще через шесть дней — Саттиль (“Проспер”). Он был сброшен с парашютом 2 октября 1942 года и возглавлял самую крупную сеть СОЕ в Париже и долине Луары, а 24 июня 1943 года попал к немцам. В течение 48 часов после ареста “Просперу”, с которым обходились весьма вежливо, задавали единственный вопрос о его подлинном имени, а затем продемонстрировали полную информацию о нем и о его разведшколе. Так начальник отделения СД штурмбанфюрер СС Йозеф Киффер создал у француза впечатление о том, что его предали еще в Лондоне. Немец сумел убедить “Проспера” раскрыть всю известную ему агентурную сеть, чтобы уберечь якобы обреченных агентов от необдуманных шагов, которые неизбежно привели бы их на виселицу. В качестве платы Киффер торжественно пообещал арестованному не пытаться и не казнить захваченных. Саттиль раскрыл СД свой агентурный аппарат и указал на тайный склад оружия, и хотя вскоре понял, что стал жертвой ловушки, и попытался дурачить немцев, было уже поздно. Большинство исследователей оценивают общее количество казненных по делу “Проспера” в 500 человек, но некоторые полагают, что эта величина занижена как минимум втрое.

Одной из жертв стала “Мадлен”. Поскольку о прибытии радистки знали в обеих сетях, ее выдали практически сразу же. При обыске у Нур обнаружили старый дневник с ее школьными записями, в который она аккуратно заносила открытые и зашифрованные

тексты всех принятых и отправленных радиogramм. Лучшего подарка немецким криптоаналитикам сделать было невозможно. На первом же допросе разведчица потребовала ванну, получила ее, разбила окно и попыталась сбежать по водосточной трубе, но была поймана. СД не нуждалась в том, чтобы Нур раскрыла какие-либо детали радиообмена, поскольку уже располагала почерпнутой из ее собственных записей полной информацией. Однако немцы знали, что лондонские операторы СОЕ периодически осуществляют проверку агентов-радиостов и выясняют, действительно ли на ключе работает именно тот человек, который был послан для выполнения задания. С этой целью они время от времени задают вопросы, касающиеся фактов биографии радиста, его семьи и так далее, ответить на которые постороннему можно лишь после тщательного и подробного изучения предыдущей жизни арестованного. Немцы быстро поняли, что не прошедшая курс специальной подготовки женщина об этом не знала. “Мадлен” героически молчала и не выдавала и без того известные секреты, однако попала на старый трюк с “добрым переводчиком”, якобы швейцарцем, болтавшим с ней на безобидные, как казалось, бытовые темы. Этот канал дезинформации сохранялся до февраля 1944 и был провален, когда СД арестовала трех прибывших из Англии и вышедших на связь с Нур агентов. Они не подтвердили свое прибытие по устно оговоренному варианту, и в секции “F” поняли, что стали жертвой радиоигры, которую немедленно прекратили. После этого немцы без долгих формальностей казнили всех четверых.

Информация о провале трех агентов и “Мадлен” послужила поводом к полному пересмотру системы безопасности секции “F” СОЕ, выявившему просто поразительную беспечность в вопросах конспирации и организации радиосвязи с агентами во Франции. Например, была наконец установлена инфильтрация германской контрразведки в сеть “Батлера” (Франсуа Гарель), о которой ее арестованный радист долго и тщетно пытался предупредить Центр. Лондон просто не реагировал на использованные им условленные сигналы опасности, что было еще не самым худшим вариантом. Например, в случае с радистом группы “Проспера” Жильбером Норманом (“Аршамбо”) оператор СОЕ заметил отсутствие контрольного сигнала и вместо доклада руководству об обнаруженном провале тут же строго напоминал радисту: “Вы забыли о своем сигнале опасности. Будьте более внимательны”¹⁴¹. После этого немцы немедленно казнили нескольких агентов. Не заметили в Лондоне и другую отчаянную попытку радиста “Батлера” привлечь внимание к происходящим событиям. Когда он по собственной инициативе сменил язык радиogramм с французского на немецкий, Центр просто поинтересовался смыслом замены, совершенно не задумавшись о ее возможной причине. Теперь же спохватившийся СОЕ стал проверять и уже полностью проваленную группу “Архидьякон”, задавая вопросы оператору, на которые не мог ответить его немецкий дублер. Сотрудники СД срочно вернули из лагеря Пикерсгилла и попытались принудить его к сотрудничеству. Разведчик решил использовать эту ситуацию для побега и договорился с другим арестованным агентом СОЕ Джоном Старром попытаться войти в доверие к немцам и скрыться, а после возвращения в Лондон сообщить руководству секции полезную информацию о методах ведения немцами радиоигр. Старр и в самом деле сделал попытку бежать вместе с еще не казненной принцессой Нур и членом сети “Альянс” Файе, но все трое были почти сразу схвачены на крыше соседнего здания. Пикерсгилл же решил действовать иначе. Он приучил немцев к тому, что ведет себя спокойно, а затем убил охранника горлышком от разбитой бутылки и выпрыгнул в окно. К несчастью, и его попытка оказалась безуспешной. Разведчика схватили и вернули в концлагерь, где он, как уже указывалось, погиб.

К апрелю 1944 года проверка безопасности закончилась. Руководство секции осознало грандиозные масштабы провалов и попыталось как-то прикрыть оставшихся на свободе агентов, отвлекая внимание немцев ложными сообщениями о забросках в контролируемые противником сети. Но обман не продлился долго. 6 июня 1944 года отделение СД в Париже открытым текстом отправило начальнику секции “F” Морису Бакмастеру послание с благодарностью за регулярное снабжение оружием и боеприпасами, а также за интересные подробности относительно намерений и планов англичан. Тот постарался сохранить хорошую мину при плохой игре и ответил: “К сожалению, мы поняли, что ваше терпение истощилось, и что ваши нервы не столь крепки, как наши... Дайте нам площадку около Берлина для организации приема и радиооператора, но удостоверьтесь, что не столкнетесь там с нашими русскими друзьями”¹⁴². Судя по всему, в истории британских секретных служб это послание является уникальным. Среди доступных исследователям документов подобного

рода нет ни одного, в котором бы британцы морально компенсировали собственные провалы радостью по поводу успехов советского союзника в той же сфере. Вероятно, Бакмастер просто не нашел более веских аргументов.

Описанные британские провалы во Франции были прискорбно велики, однако справедливости ради следует отметить, что одной из их причин явился лавинообразный поток радиogramм от слишком большого числа агентов, не позволявший тщательно оценить информацию во всех аспектах. Ситуация несколько улучшилась, когда СОЕ достиг договоренности с МИ-5 о привлечении ее сотрудников для изучения наиболее важных случаев с точки зрения безопасности. Сотрудники секции “В1(а)” в ряде ситуаций оказали разведчикам серьезную помощь и тем самым внесли определенный вклад в операции за Ла-Маншем.

Морис Бакмастер

Специфической была роль разведки США во Франции. На ее деятельность наложили сильный отпечаток два обстоятельства: во-первых, фактическая поддержка Рузвельтом генерала Жиро в качестве представителя французского правительства, и во-вторых, острое нежелание группы старших офицеров СИС во главе с Дэнси допустить ОСС к проведению агентурных операций в Европе. Американцев обоснованно обвиняют в том, что они, почти не участвуя в тайных операциях, фактически способствовали расколу французского Сопротивления и по политическим соображениям подрывали авторитет де Голля. Ключевую роль здесь сыграл главный резидент ОСС на Европейском континенте Аллен Уэлш Даллес, в начале 1943 года вошедший в контакт с выдававшим себя за голлиста, а фактически католическим консерватором, французским журналистом и участником Сопротивления Жюльеном де Бенувиллем. С 1941 года он входил в состав деполитизированной подпольной группы “Карт”, которую поддерживала секция “F” СОЕ, и являлся уполномоченным курьером для связи. Позднее, по мере нарастания трудностей со снабжением, де Бенувиль стал искать контакты с американцами и в конечном счете вышел на офицера ОСС в посольстве Соединенных Штатов в Виши. После начала операции “Торч” в Северной Африке и связанной с этим оккупации вермахтом “свободной зоны” он связался с голлистской подпольной группой “Комбат” и также действовал в качестве ее курьера, на этот раз в Швейцарии. Де Бенувиль получил от Даллеса предложение финансировать его организацию в обмен на предоставление военной информации и запросил согласие БСРА на это. Пасси и Мулен ответили категорическим отказом, заявив, что принимать деньги от американцев совершенно непозволительно, вне зависимости от целей, на которые они будут истрачены. Несмотря на вполне аргументированные доводы де Бенувилля о том, что ушедшие в маки французы не смогут обитать в горах без материальной поддержки, запрет был вновь подтвержден. На этот раз он исходил из уст самого де Голля. Генерал был абсолютно неправ, поскольку Даллес, действительно чаще занимавшийся политикой, нежели “чистой” разведкой, в данном конкретном случае как раз не преследовал никаких далеко идущих целей и встретился с представителями “Комбата” и ДСР/СМ для обсуждения совместных перспектив лишь после двукратного отклонения своего предложения руководством БСРА.

Американцы осуществляли на территории Франции уже описанные операции “Сассекс” и “Джедбург”, но их разведывательная активность не могла идти ни в какое сравнение с британской и, в основном, была направлена на обеспечение экспедиционных войск в операции “Оверлорд”. Кроме того, находившийся в Алжире центр ОСС руководил развернутой от Ниццы до границы с Испанией сетью агентов, собиравших главным образом тактическую информацию, лишь иногда поднимавшуюся до оперативного уровня. Однако она была обильной, поскольку американские агенты располагались в Лионе, Монтлемаре, Марселе, Тулоне, Шамбери, Нарбоне и на острове Корсика. В основном они проходили подготовку в разведывательной школе в Неаполе, а радиооператоры готовились в Бриндизи.

Здесь же заслуживает упоминания и совершенно иное направление американской разведки, осуществлявшей свою деятельность на территории “свободной зоны” с января 1942 года. Им руководил представитель военно-морской разведки Томас Кассиди, в июне перешедший в ОСС. Он работал с легальных позиций в посольстве Соединенных Штатов Америки в Виши, а в августе ему помогал полковник ОСС Николь Смит, действовавший

под прикрытием атташе по вопросам культуры. Деятельность этих офицеров крайне затрудняла враждебная позиция госдепартамента, сотрудники которого настолько не любили разведчиков, что при аккредитации Смита прозрачно намекнули французскому посольству в Вашингтоне, что атташе в действительности направляется во Францию с целью шпионажа. Все это значительно ухудшило возможности ведения оперативной работы в “свободной зоне”, а плотное наружное наблюдение практически лишало американцев возможности приобретать агентуру. Однако популярность США была настолько высока, что люди сами являлись в посольство и по собственной инициативе безвозмездно делились имевшимися у них сведениями, и это делало точку ОСС в Виши весьма результативной.

Во Франции действовали и спецслужбы Советского Союза. Работа военной разведки в регионе была неразрывно связана с ее организациями в Бельгии и Голландии, поэтому эти сети рассматриваются вместе в отдельной главе, посвященной “Красному оркестру”. Внешняя разведка НКВД с лета 1940 года располагала двумя “легальными” резидентурами, работавшими под прикрытием посольства СССР в Виши и консульства в Париже. Обе эти точки реальной силы не представляли и были скорее символическими знаками присутствия в регионе. По состоянию на январь 1941 года в каждой из них имелось по два оперативных сотрудника с незначительным опытом работы, вдобавок никто из них не владел французским языком. Вскоре прикрытия резидентур исчезло, и они закрылись. Парижская точка прекратила существование 22 июня 1941 года, а расположенная в Виши — 30 июня, после разрыва правительством Петэна дипломатических отношений с СССР. Это полностью разрушило всю систему советской разведки в стране, поскольку к переводу на работу с нелегальных позиций она не была подготовлена. Созданный в предвоенные годы разветвленный агентурный аппарат бездействовал ввиду обрыва связей с источниками после отъезда из страны официальных советских учреждений.

В этих условиях агенты оказались фактически брошенными, однако не все из них воспользовались удобной ситуацией для разрыва связи с разведкой. Это свидетельствует о том, что, в отличие от послевоенного периода, вербовка на идейно-политической основе являлась наиболее прочной в арсенале методов советской разведки. В оккупированной зоне Франции основная часть ее источников группировалась вокруг нелегального резидента “Густава”, но в 1940 году он перебрался на юг страны и создал новую группу в “свободной зоне”. Там же располагались и две нелегальные резидентуры, сформированные из числа разведчиков, эвакуировавшихся из Испании в 1939 году и также утратившие связь с Центром, ранее поддерживавшуюся через “легальную” резидентуру в Виши. На севере страны преемником “Густава” стал имевший передатчик и собственный шифр “Ром”, однако его рация быстро пришла в негодность и требовала серьезного ремонта, крайне затруднительного в условиях немецкой оккупации. Поэтому и в оккупированной зоне сеть внешней разведки оказалась предоставлена самой себе и была для Центра бесполезна.

Москва пыталась восстановить утраченную связь, для чего в ноябре 1941 года направила группу связников в Англию. Эта операция осуществлялась в рамках заключенного в августе соглашения о сотрудничестве НКГБ и СИС, и в Центре ей придавали большое значение. После непродолжительной подготовки одна из связных все же добралась до Парижа, нашла “Рома” и помогла ему восстановить радиообмен, а затем отправилась на поиски “Густава”. Они увенчались успехом, однако вскоре разведчица опрометчиво увлеклась диверсионными операциями и летом 1942 года привлекла к себе внимание гестапо. Ее арест позволил немцам выйти на след “Рома” и вскоре ликвидировать его сеть. Погибли резидент, связная и все агенты. Группе “Густава” повезло больше, поскольку она была законсервирована, а часть источников отошла от работы навсегда.

В начале следующего года Центр объединил остатки обеих сетей в одну и подчинил их находившемуся в Лионе новому резиденту “Алексу”. Разведывательная отдача от сети “Алекса” была в целом невысокой. Собранные сведения при случае переправлялись в Москву, но значительно чаще направлялись в ФКП, а также через каналы связи с комитетом “Сражающаяся Франция” — в БСРА и МИ-6. Заслуживает внимания наличие в группе собственного информационно-аналитического “бюро информации”, что весьма редко встречается в агентурных сетях. Наиболее ценным вкладом “Алекса” в разведывательную деятельность пришлось воспользоваться уже после войны. В Москве пригодились накопленные ими материалы по Франции, в частности, по структуре ее разведки. Однако вскоре связь

с сетью вновь прервалась, и восстановить ее удалось лишь через год, после прибытия в Алжир к советскому консулу курьера из Москвы с условиями связи. Но было уже слишком поздно. Немцы разгромили и эту группу, сам “Алекс” едва избежал захвата. К счастью, гестапо не сумело установить, что арестованные были не обычными бойцами Сопротивления, а советскими разведчиками, что позволило им избежать казни. Все они были отправлены в концентрационный лагерь, где воссоздали свою организацию, дожили до освобождения и вместе с союзными войсками в августе 1944 года сражались за освобождение Парижа. В послевоенный период сеть не ликвидировали, а сохранили для дальнейших операций.

6. ОСВОБОЖДЕНИЕ

Несмотря на значительные успехи оккупационных контрразведывательных служб во Франции, к началу 1944 года стало ясно, что они начинают утрачивать контроль за обстановкой. Переброски оружия из Великобритании приобрели такой размах, что немцы просто не успевали реагировать даже на известные им заброски, не говоря уже о новых разработках. Масштаб движения Сопротивления также увеличился. Одной из существенных причин этого стало прозаическое беспокойство французов о своей послевоенной репутации, поскольку всем было уже ясно, что Германия войну проиграет. Население страны, ранее почти абсолютно инертное и зачастую сотрудничавшее с оккупантами, теперь стремилось хоть как-то зафиксировать свое участие в борьбе против немцев. Номинально организации Сопротивления разрастались, и именно отсюда берет начало один из его мифов. Даже, в общем-то, не склонный к иллюзиям генерал Эйзенхауэр оценивал суммарную мощь партизанских и подпольных групп в 1944 году как эквивалентную шести дивизиям, что было явным преувеличением. К этому же разряду относятся и сообщения о тысячах немцев, якобы истребленных маки. Вермахт еще сохранял свою силу, и в открытых боевых действиях любые иррегулярные формирования были обречены на сокрушительный разгром. Подобные пропагандистские заявления выполняли задачу поднятия морального духа участников Сопротивления и их значимости в собственных глазах. Подлинная ценность движения заключалась не в боях и даже не в диверсиях, а в ведении разведки, начало которой было фактически положено в 1942 году.

Естественно, это была разведка не на стратегическом уровне. Основным ее методом оставалось визуальное наблюдение, обеспечивающее получение тактической и иногда оперативной информации о передвижениях войск и грузов, а также оценка результатов стратегических бомбардировок, осуществляемых союзной авиацией. Однако нехватка наблюдателей со специальным военным образованием вынуждала использовать для этой цели наспех подготовленных гражданских лиц, что сильно снижало достоверность полученных данных. Зато гражданские специалисты оказали определенную помощь в ведении экономической разведки, помогая выявлять слабые места рейха для последующего выбора объектов бомбардировок. Следует отметить, что именно отряды Сопротивления внесли наибольший вклад в разведку районов высадки союзных экспедиционных сил в операции “Оверлорд” и отслеживание передвижений частей вермахта и СС после начала вторжения. В 1944 году Пасси утверждал, что его службы в состоянии в течение 48 часов дать ответ на любой заданный англичанами вопрос по Франции. Естественно, это было лишь декларативное заявление, однако в нем имелась и немалая доля истины.

По мере приближения дня “Д” — высадки союзнических экспедиционных войск во Франции — СОВЕ все более наращивал интенсивность поставок средств ведения вооруженной борьбы. Например, в четвертом квартале 1943 года британские самолеты сбросили 1202 контейнера, а в первом квартале 1944 года — уже 6715. Для приема грузов БСРА сформировало две структуры: Бюро воздушных операций (БОА) на севере и Службу посадки и парашютирования (САП) на юге страны. Они являлись не только снабженческими, но и важными политическими инструментами, поскольку к каждой из них были прикомандированы по шесть региональных военных представителей (ДМР) де Голля, обладавших исключительным правом распределения поступавшего имущества и зачастую регулировавших поставки в соответствии с указаниями из Лондона. В частности, при любых затруднениях во взаимоотношениях с коммунистической партией группы ФТП немедленно переставали снабжаться. Многие доставленные грузы попадали к немцам, например, однажды лишь за одну ночь они изъяли из секретных складов вооружение для 3 тысяч человек.

Важным вкладом БСРА и французских агентов СОЕ в разведывательные операции явилось их участие в борьбе против применения Третьим рейхом “оружия возмездия” — крылатых ракет V-1, именовавшихся по терминологии того времени беспилотными самолетами-снарядами, и баллистических ракет V-2. Одно из первых донесений по этой теме поступило от группы Соппротивления “Марко Поло”, в которую входили ученые А. Хельброннер, Ж. Бержье, А. Эшкенази. Позднее, в августе 1943 года один из внедренных в вермахт агентов сообщил, что во Франции формируется 155-й зенитный полк под командованием полковника Вахтеля, который будет осуществлять пуски ракет большой дальности со 108, а затем с еще 400 катапульт. Наряду с поступающими из Польши, Дании и Германии данными эти сведения послужили причиной принятия в октябре 1943 года решения о сплошном фотографировании побережья страны. Первые же разведывательные полеты выявили восемь сооружений непонятного назначения, напоминавших по форме лежащую на боку лыжу. К этому времени британцы еще не располагали достоверными сведениями о характере перспективного германского ракетного оружия, а потому оставались в недоумении относительно возможного использования этих “лыж”. Для запуска крылатых и баллистических ракет требуются совершенно разные пусковые установки, а британская разведка пока располагала лишь смешанными воедино данными о V-1 и V-2, не позволявшими сделать какие-либо конкретные выводы. Тем не менее, важность загадочных сооружений для немцев быстро стала очевидной. Если к 8 ноября аэрофотосъемка районов Кале и Шербур выявила 19 объектов типа “лыжа”, то через два дня их обнаружили уже 26, а к концу месяца — 95. Дополнительное подтверждение их значимости давали активные строительные работы, зафиксированные как с воздуха, так и с земли. Обеспокоенные британцы обратились к фотоснимкам полигона Пенемюнде на острове Узедом в Балтийском море, выполненным несколькими месяцами ранее после получения предупреждений о производстве там испытательных пусков “летающих торпед”. Сличение старых и новых снимков показало, что “лыжи” являются сооружениями, обеспечивающими старт крылатых ракет, и поэтому с 5 декабря они были включены в перечень первоочередных объектов для стратегических бомбардировок. Срыв беспилотного воздушного нападения на Британию стал одной из главных задач военно-воздушных сил союзников. Сотни тяжелых бомбардировщиков ежедневно сбрасывали на цели тысячи тонн бомб и успешно разрушали их, но немцы упорно восстанавливали уничтоженные и поврежденные сооружения. Интенсивность воздушных атак постепенно превзошла строительные возможности немцев, и к марту 1944 года из 96 “лыж” 86 были разрушены полностью, а 8 — частично. Однако ни британская, ни французская разведки не сумели установить, что с определенного времени все “лыжи” просто выполняли роль ложных целей для отвлечения внимания авиации противника от более уязвимых мест ракетной программы. Загадочные объекты были не стартовыми сооружениями, а просто складами готовых к пуску ракет V-1, под хранение которых были теперь приспособлены тоннели, ангары и просто жилые здания. Не зная этого союзники наивно полагали, что угроза для Британии устранена практически полностью. Одновременно воздушная разведка стала фиксировать появление новых непонятных сооружений, представлявших собой просто бетонные площадки с небольшими зданиями возле них. Эксперты верно отнесли их к объектам ракетной программы, однако полагали, что все они далеки от завершения, а потому не рекомендовали тратить на них ресурсы бомбардировочной авиации. Оптимистические заключения оказались весьма далеки от реальности. Как известно, разрушение “лыж” совершенно не повлияло на начавшиеся 13 июня 1944 года бомбардировки Британии крылатыми ракетами V-1, зато казавшиеся незаконченными бетонные площадки представляли собой практически готовые стартовые позиции для баллистических ракет V-2, полностью дооборудовавшиеся в течение 48 часов. В этом вопросе равно несостоятельными оказались и воздушная, и агентурная разведка Франции и Великобритании.

Однако сами французы по ранее изложенным соображениям считали своей главной задачей не разведывательные операции, а диверсии. Они приобрели оперативный масштаб лишь однажды, когда партизанские группы совместно с агентами СОЕ накануне операции “Оверлорд” в ночь с 5 на 6 июня 1944 года успешно осуществили 950 из 1050 запланированных актов саботажа и вызвали перерыв в железнодорожном движении. Указанные действия проводились в рамках трех параллельных планов осуществления диверсий: “зеленого” — на объектах железнодорожного транспорта, “пурпурного” — на линиях телефонной и телеграфной связи и “синего” — уничтожения линий электропередач. Однако результат их был пре-

небрежимо мал и не шел ни в какое сравнение с эффектом от крупных воздушных налетов.

Подготовка движения Сопротивления к “Оверлорду”, возможно, несла в себе больше риска, чем реальной пользы. В отличие от профессиональных агентурных сетей, подпольные и партизанские группы были сильно уязвимы в контрразведывательном отношении, что создавало опасность сопоставления немецкими спецслужбами информации по полученным из Лондона заданиям и определения ими времени и района высадки. О неизбежности же вторжения уже давно знали все. Стратегическая дезинформация СХАЕФ пыталась натолкнуть англичан на мысль о планировавшейся десантной операции в районе Кале, но нарочитое подсовывание таких данных могло вызвать обратный эффект. Собственно, именно так и произошло. Германские спецслужбы сумели получить достоверную информацию о предполагаемых действиях противника и правильно установили, что кодовым предупреждением о предстоящем вторжении будет служить начало одного из стихотворений Поля Верлена, передаваемое по частям в программах новостей Би-Би-Си на французском языке в 19.15 и 21.15. Его первые строки извещали о необходимости начать подготовку запланированных акций, а передача последних означала команду приступить к диверсиям. Такую информацию получил специалист СД по радиоиграм Гетц. Райле еще 14 октября 1943 года доложил о добытых от двух агентурных источников данных, из которых был ясен аналогичный пароль: “Первая часть пароля по слово “L’automne” включительно прозвучит в эфире по английскому радио 1 и 15 числа месяца, название которого будет передано в нужное время. Передача второй части — это сигнал, что высадка произойдет в течение 48 часов, считая с полуночи тех суток, когда состоится первая передача этой части пароля”¹⁴³. Как видим, вследствие того, что столь непрофессиональное оповещение было запланировано без консультации с секциями шифров и безопасности СОЕ и СИС, абвер и СД располагали абсолютно точной информацией о сигналах. Естественно, что пронизанные германской агентурой группы Сопротивления и разведывательные сети не смогли сохранить информацию в тайне.

5 июня 1944 года в эфире прозвучали строки Верлена:

Les sanglots longs

Des violons

De l’automne.

Радисты Службы безопасности перехватили ожидаемый сигнал и в соответствии с существовавшей процедурой срочно известили об этом свое руководство. За три дня до этого Райле также сообщил армейскому командованию, что первая часть пароля несколько раз передавалась пяти подпольным группам, а 4 июня была зафиксирована передача и второй части:

Blessent mon coeur

D’une langueur

Monotone.

Однако сообщение абвера просто подшили к делу и не объявили в войсках состояние боевой готовности. С предупреждением СД ситуация развивалась иначе. Оно прошло через Берлин, поэтому армейские командующие волей-неволей должны были как-то на него реагировать. Но здесь сработал стереотип повторяющихся ложных тревог, уже не вызывавших соответствующей реакции. Дислоцированная в районах Кале и Булони 15-я армия была приведена в боевую готовность, однако 17-я армия, контролировавшая побережье в бассейне Сены, не получила аналогичного приказа, а высадка пришлось как раз на ее район.

В начальный период операции “Оверлорд” одной из важнейших задач была возможно более длительная дезинформация противника о нанесении в Нормандии не основного, а лишь отвлекающего удара. В ее решение внесли свою лепту разведчики и партизаны, поддерживавшие в районе Кале интенсивный радиообмен для создания иллюзии обеспечения высадки главных сил. Все это требовало немалых средств. Только по линии СОЕ на оперативные нужды во Франции по состоянию на 28 сентября 1944 года англичане затратили сумму, эквивалентную 758937 фунтам, 9 шиллингам и 3 пенсам¹⁴⁴.

Из-за опасения утечки информации англичане держали де Голя в абсолютном неведении относительно своих конкретных планов. Это отдаленное последствие дакарской десантной операции было абсолютно оправданным, однако генерал так и не смог простить союзникам такое унижение. Когда 25 августа 1944 года Комитет национального спасения, в июне провозгласивший себя временным правительством страны, въехал в освобожденный французскими войсками под командованием генерала Леклерка Париж, одной из главных

его забот являлось преодоление остатков британского влияния. В сентябре де Голль распорядился издать декрет об изгнании из Франции всех агентов секции “F” СОВЕ, независимо от их национальной принадлежности. Это решение шокировало многих, а в особенности агентов параллельной секции “RF”, в годы оккупации сражавшихся бок о бок с новыми изгнанниками. Не желая искушать судьбу, большинство подпадавших под действие декрета подчинилось ему, а немногие оставшиеся позднее все же добились его смягчения. Они сумели убедить правительство Четвертой республики в том, что работали хотя и на Британию, но в интересах Франции, и получили прощение за свою борьбу против общего врага.

К вторжению на французскую территорию готовились и американцы, но их приготовления были значительно менее политизированы и преследовали главную цель наладить контрразведывательное обеспечение войск и их тыла. Эта последняя часть работы была возложена на контрразведывательное отделение (КИБ) штаба, начавшее планирование своих операций еще в сентябре 1943 года. К его основным задачам была добавлена и тактическая разведка, в частности, поиск командных пунктов противника и проведение разведывательных опросов на оккупированной территории. Этим занимался Контрразведывательный корпус (КИК), шесть оперативных групп которого за несколько дней до дня “Д” были высажены в Нормандии с парашютами и на планерах. Первоначально они нарушали коммуникации противника, однако по мере освобождения французских населенных пунктов приступили к выполнению более характерного для них поиска архивов штабов противника и коллаборационистских организаций. Часть материалов передавалась в органы армейской разведки, но большинство реализовывалось группами КИК самостоятельно. Они производили аресты по заранее составленным спискам, затем часть арестованных, не представлявших контрразведывательный интерес, передавали новым французским властям. Кроме того, КИК осуществлял активный поиск разведывательных школ немцев, тайных складов диверсионного снаряжения, захватывал агентуру абвера и СД. Одним из важных аспектов его деятельности был контроль за спекулянтами, осуществлявшими операции на “черном рынке”. Сама по себе сфера незаконного обращения товаров и денег не слишком интересовала контрразведчиков, но “черный рынок” являлся традиционной вербовочной базой абвера, поэтому поиск в этой области принес многочисленные результаты. По мере освобождения территории Франции и передислокации американских частей опергруппы КИК уходили из населенных пунктов, в строжайшей тайне передавая приобретенную там агентуру на связь своей стратегической разведке.

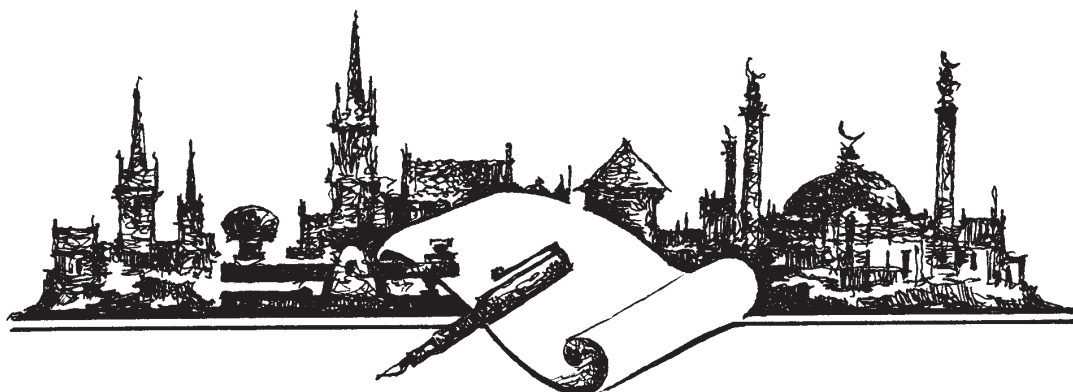
Германская военная разведка встретила наступление союзников в новом качестве. В начале февраля 1944 года неизбежность предстоящего вторжения экспедиционных войск в Европу не вызывала сомнения, пожалуй, ни у кого, и абвер решил подготовиться к нему заранее. Канарис приказал реорганизовать территориальные органы на Западе, и теперь абверштелле становились абверкомандами, абвернебенштелле — абвергруппами, посты абвера — мобильными группами. По состоянию на 1944 год абверкоманд насчитывалось семь: разведывательные абверкоманды 120 (юг страны) и 130 (север), диверсионные абверкоманды 210 (юг и запад) и 213 (север Франции, Бельгия, Нидерланды и Люксембург), контрразведывательные абверкоманды 306 (Париж, запад и юго-запад), 351 (восток и юго-восток) и 314 (Лотарингия). АСТ-Париж отныне официально именовалось главным постом абвера на Западе. Во многом это соответствовало структуре фронтовых разведывательных органов на Востоке, где каждая группа армий располагала абверкомандой, а армия — абвергруппой для ведения соответственно глубинной и ближней разведки (в Германии отсутствовало деление на глубинную, дальнюю и ближнюю). Например, контрразведывательная абверкоманда III “Запад” (306) под руководством подполковника Райле руководила абвергруппами 306 (майор фон Фельдман), 307 (подполковник Гискес), 313 (полковник Эхингер) и 314 (подполковник Дернбах). Каждая абвергруппа состояла из 4 — 6 отделений, насчитывавших 2 — 3 офицеров контрразведки и около 20 унтер-офицеров и рядовых. Аналогичную организацию имели абверкоманды I (разведка) и II (саботаж и подрывные действия). Разведывательные органы по-прежнему продолжали руководить агентурным аппаратом, но лишь в оккупированных странах, создавая основные и запасные сети агентов для оседания в тылу экспедиционных войск. Все действовавшие в нейтральных и враждебных государствах агенты передавались на связь расположенным на территории рейха АСТ-Гамбург, АСТ-Штутгарт, АСТ-Кельн и АСТ-Висбаден. Однако в том же феврале 1944 года

Гитлер отдал распоряжение о создании объединенной разведывательной службы в составе Главного управления имперской безопасности (РСХА), в результате чего абвер утрачивал прежнюю самостоятельность. Хотя реформа окончательно завершилась лишь к маю, термин “абвер” почти сразу же выпал из названия его прежних органов. Отныне на территории Франции имелся главный отдел фронтовой разведки в Париже, 5 фронтовых разведывательных команд и 13 групп общей численностью 9200 солдат и офицеров. К 1 декабря 1944 года окончательно закончился длившийся с лета период их вывода из состава вермахта, и состоялась передача в Военное управление РСХА (“Амт-Миль”).

Перечисленные мероприятия не смогли помочь немцам избежать серьезного поражения на разведывательном фронте, существенную роль в котором сыграли профессионалы французской военной контрразведки. Благодаря собранным СР, ТР, БМА, СМ, ССМ и иными оперативными органами информации, за период с 6 июня 1944 по 8 мая 1945 года были перевербованы и использовались в радиоиграх 32 агента различных структур РСХА, арестам подверглись 4589 агентов и коллаборационистов, из них за шпионаж или государственную измену были казнены 756 человек, к различным срокам тюремного заключения или каторжных работ были приговорены 2688 человек¹⁴⁵.

Принципиальное изменение оперативной обстановки в 1944 году не могло не повлечь за собой реформу во французских спецслужбах. Прежде всего, по мере освобождения оккупированной территории отпадала надобность в содержании тысяч агентов-диверсантов, партизан и подпольщиков, которые выполнили свое предназначение и теперь не просто стали излишними, но и таили в себе потенциальную угрозу. Далеко не все французы считали спасителем нации именно генерала де Голля и обоснованно могли претендовать на проведение свободных и беспристрастных выборов, результат которых был не вполне предсказуемым. Значительно укрепились коммунисты, сильной стороной которых являлись их сплоченность и жесткая централизация. Кроме того, группы Сопротивления и агентурные сети стали практически идеальным прикрытием для желавших избежать ответственности коллаборационистов и прямых немецких агентов, и с этой целью следовало немедленно начать их фильтрацию. По указанным причинам в ноябре 1944 года было принято решение вывести контрразведывательные службы из ведения военных властей и подчинить министерству внутренних дел. ДГСС была распущена, а вновь образованная структура получила название Генеральной дирекции изучения и расследований (ДГЕР). Ее возглавил Андре Деваврен, уже расставшийся со своим военным псевдонимом Пасси. Основные задачи подчиненной премьер-министру ДГЕР состояли в ведении внутренней разведки и контрразведки, в частности, в сборе информации о политических партиях и движениях и группах Сопротивления, предупреждении актов саботажа, расследовании уже совершенных актов и перлюстрации почтовой и телеграфной переписки. За достаточно короткое время следователи ДГЕР выявили тысячи скрытых коллаборационистов и агентов противника, однако практически немедленно выяснилось, что новая структура серьезно поражена коррупцией. За деньги ее сотрудники могли выдать явному нацисту свидетельство участника движения Сопротивления, они шантажировали простых людей и политиков, подделывали документы, присваивали чужое имущество и вообще снискали в обществе крайне дурную славу. Не в последнюю очередь по этой причине в том же 1944 году на базе прежде существовавшего СТ было создано существующее и поныне Управление безопасности территорий (ДСТ), задачи которого формулировались как “борьба со шпионской деятельностью и против активности враждебных держав на территориях под французским управлением”¹⁴⁶. Была также образована и политическая полиция под названием Общей разведки (РЖ), вместе с ДСТ вошедшая в состав Национальной сыскной полиции “Сюртэ националь”. Парижская префектура полиции тоже располагала собственной секретной службой (РЖПП), и все они конкурировали между собой и с военными. Традиционная структура военной разведки под названием 2-го бюро была вновь восстановлена вместе с возрождением всех армейских институтов в 1945 году. Служба разведки возродилась под названием Военной службы разведки (СРМ), а подразделения специального назначения были подчинены Службе действия (СА). Возглавлявшаяся Полем Пэйолом контрразведывательная секция была примерно поровну разделена между военным министерством и ДГЕР и фактически ликвидирована. В знак протеста против этого 20 ноября 1945 года Пэйоль подал в отставку и ушел в запас в звании подполковника.

Итак, к 1945 году во Франции существовали три гражданские контрразведывательные службы (ДСТ, РЖ и РЖПП), две военные (ДГЕР и секция контрразведки в военном министерстве), а также две разведывательные службы (СРМ и 2-е бюро). Опыт предыдущих лет не научил французов необходимости централизации своих оперативных служб, поскольку во главу угла по-прежнему ставились политические, а не оперативные соображения.

ЧЕХИЯ И СЛОВАКИЯ

После ликвидации Чехословакии на ее бывших землях, за исключением небольших Потторгнутых Польшей и Венгрией территорий, существовали два государственных образования: протекторат Богемия и Моравия и марионеточное Словацкое государство

Протекторат формально был создан 16 марта 1938 года, при этом его территория являлась частью Германии, все проживавшие на ней получили германское гражданство, однако немцы считались подданными рейха, а чехи – протектората. Местное самоуправление осуществлялось президентом и собственным правительством во главе с премьер-министром, над которыми находились подчинявшаяся Берлину администрация и имперский протектор. Безопасность территорий обеспечивалась полицией и гестапо, образовавшим на территории бывшей Чехии Особое управление в Судетской области (Судетенланд) и центральные управления в Праге и Брно. Территория протектората делилась на 15 районов с оберландратами, располагавшими собственными подразделениями полиции безопасности и СД. Верховным руководителем системы госбезопасности являлся статс-секретарь группенфюрер СС Карл Франк. Кроме того, на территории протектората размещались воинские части и многочисленные объекты военной промышленности, контрразведывательным обслуживанием которых занимался абвер, сформировавший АСТ-Прага. Весьма развитая сеть мест лишения свободы насчитывала 50 концентрационных лагерей и их филиалов, 40 тюрем, 55 трудовых лагерей и 289 лагерей военнопленных. Именно для Чехии были впервые созданы действовавшие до учреждения полицейской службы в Праге айнзатцкоманды гестапо и СД, хотя пока они носили характер временных органов, в отличие от последующей практики на других территориях.

Пост протектора с момента образования и до 1941 года занимал бывший министр иностранных дел барон фон Нейрат, считавшийся достаточно консервативным и умеренным представителем верхушки рейха. Именно по этой причине Гитлер отстранил его от внешней политики и направил в Прагу, ожидая положительных результатов от его руководства этой важной областью. Военное производство на предприятиях “Шкода” и иных военных заводах протектората обеспечивало существенную часть потребностей вермахта, а чешская рабочая сила была одновременно весьма квалифицирована и в политическом отношении достаточно индифферентна. Однако возможность достижения стабильности и благополучной обстановки в регионе сводилась на нет расовой политикой Гитлера, полагавшего чехов низшей нацией, едва ли не подлежащей уничтожению сразу после евреев и цыган. Он провозгласил политику германизации протектората, сводившуюся к постепенной замене чехов немцами. Условия военного времени препятствовали выполнению этой программы в полном объеме, и на бывшие чешские территории успели переселиться лишь около 200 тысяч немцев из рейха. Трудно сказать, что именно думал по этому поводу дипломат старой школы Нейрат, однако его относительно мягкая деятельность в Праге вызывала все большее раздражение фюрера, ожидавшего от барона проведения жесткой политики. Безусловно,

мягкой эта деятельность являлась лишь по сравнению со стандартной практикой германских властей на оккупированных территориях, но все же она оставляла определенные возможности для пассивного сопротивления нацистскому режиму, неявного саботажа на промышленных предприятиях и некоторых политических выступлений.

Почти сразу после оккупации Чехии в ней возникли несколько подпольных военизированных организаций, самой крупной из которых была возглавлявшаяся генералом Йозефом Билым “Обрана народна” (ОН). Ее основали несколько старших офицеров бывшей чехословацкой армии в Брно и Праге, а затем ОН постепенно стала основой Сопротивления по всей территории страны. Организация строилась на военном принципе и состояла из 13 высших оперативных единиц – дивизий. Естественно, структуры ОН никоим образом не являлись настоящими дивизиями, полками, батальонами, ротами и взводами, эти термины использовались совершенно условно. “Обрана народна” имела в своем составе руководимую полковником Йозефом Масиной диверсионную группу, члены которой планировали и проводили акции не только в протекторате, но и на территории Германии, а целью одной из них даже стало покушение на Гитлера. ОН попыталась уничтожить вагон рейхсфюрера СС Гиммлера с помощью бомбы, заложенной на запасных путях станции Анхальт, куда должен был быть подан его поезд, однако состав задержался, и взрыв оказался безрезультатным. К сожалению, члены “Обраны народной” совершенно не понимали характера тайных операций Второй мировой войны и, несмотря на абсолютную несхожесть оперативной обстановки, брали за образец чешское подполье времен Австро-Венгрии. Руководство организации полагало, что война будет недолгой и вскоре завершится разгромом нацизма на фронтах, встретить который предполагалось всеобщим восстанием на чешских землях с целью освобождения их собственными силами. Никто из подпольщиков не оценивал всей мощи противостоявшего им карательного механизма, и вопросы конспирации находились у них на одном из последних мест. Значительно большее внимание уделялось массовости организации, причем подбор ее новых членов производился без серьезного изучения кандидатуры, по принципу: “Он чех, и это достаточная рекомендация”¹⁴⁷. Естественно, что гестапо было легко работать по столь уязвимому противнику, и “Обрана народна” вскоре оказалась полностью пронизана его агентурой. Несмотря на личную отвагу и самоотверженность, члены ОН не смогли достичь каких-либо значимых результатов и понесли тяжелые жертвы. На государственном уровне безусловным лидером Сопротивления в стране являлся председатель правительства протектората генерал Алоиз Элиаш, осуществлявший общее политическое руководство ОН и всячески проводивший линию на скрытый саботаж военного производства и программы германизации. Еще одним активным участником Сопротивления в правительстве был министр финансов доктор Йозеф Кальфус, пытавшийся осуществлять финансирование организаций Сопротивления и выводить денежные средства за границу, за пределы досягаемости германского правительства. Последняя задача не увенчалась успехом, зато программа материальной помощи Сопротивлению и семьям жертв гестапо оказалась достаточно плодотворной.

Крупными военными организациями Сопротивления являлись УВОД и ПВВЗ. Они находились на связи с Лондоном, но одновременно сотрудничали и советской военной разведкой, в 1940 – 1941 годах представленной в стране “легальной” резидентурой под руководством заведующего канцелярией генерального консульства СССР в Праге Л. И. Мохова (“Рудольф”). В действительности им был сотрудник РУ Л. А. Михайлов, 22 июня 1941 года упомянутый в ноте МИД Германии и названный там руководителем советской разведывательной сети на территории всего протектората¹⁴⁸. Это вполне соответствовало действительности. Он организовал сбор информации о военном производстве на территории Чехии, о дислокации и нумерации расположенных там частей вермахта и СС, а также получил данные о планировавшемся нападении Германии на Советский Союз. Даже после отбытия Михайлова на родину незадолго до начала войны созданные им агентурные сети продолжали действовать, причем некоторые сохранились до 1942 – 1943 годов. Известны работавшие на советскую разведку Владимир Врана, Антонин Кос, Зденек Богуслав, Радослав Селуцкий, Ярослав Лонек, Ян Вицпалек, Владислав Бобак, Мирослав Хула, Милан Рейман, Курт Беер, Александр Маглич, Сватоплук Рада, Любен Лукаш, Одржих Штанцл, Иржи Стрикер, Йозеф Новотный, Вацлав Дедек, Юлиус Фучик и десятки других. Существенную часть из них составляли коммунисты. Многие из агентов с началом войны утратили связь со своими руководителями, но не прекратили работу и действовали на свой страх и риск, самостоя-

тельно выходя на контакт с организациями Сопротивления. В большинстве своем их судьба заканчивалась трагично.

Организации Сопротивления ориентировались на эмигрантское правительство во главе с весьма популярным президентом Чехословацкой республики доктором Эдуардом Бенешем. Еще в ноябре 1939 года он вместе со своими сторонниками создал в Лондоне Чехословацкий национальный комитет, занимавшийся в основном дипломатической и военно-организационной деятельностью, а летом 1940 года на его основе было образовано временное правительство ЧСР. Функции парламента исполнял располагавшийся также в Лондоне Государственный совет. Связь Бенеша и членов его кабинета с “Обраной народной” и другими подпольными группами осуществлялась по каналам разведывательной секции ОН, но главным образом — с помощью располагавшегося в Лондоне 2-го отдела генерального штаба во главе с бессменным начальником разведки полковником Франтишекком Моравцем, бежавшем на английском самолете вместе с группой своих офицеров. С пятью из них он разместился в британской столице, а вскоре к ним присоединился их коллега капитан Каславка, сумевший вывезти из оккупированной страны семьи бежавших разведчиков. Остальные офицеры разъехались на усиление резидентур 2-го отдела, по-прежнему исправно функционировавших в Париже, Варшаве (до сентября 1939 года), Стокгольме, Белграде, Цюрихе и Гааге. Еще в 1934 году Моравец ввел кодовую систему обозначения своих точек, для которой использовал имена персонажей чешской мифологии. Важнейшие резидентуры в Цюрихе и Гааге назывались “Кази” и “Либуша”, по имени дочерей легендарного основателя чешской нации патриарха Крока, точка в Белграде именовалась “Мария”.

23 сентября 1941 года Гитлер вызвал фон Нейрата и обрушился на него с упреками в мягкотелости и нежелании проводить жесткую линию в отношении чехов. Фюрер заявил, что для исправления этой ситуации он вводит пост заместителя протектора с весьма широкими полномочиями и назначает на него руководителя Главного управления имперской безопасности (РСХА) обергруппенфюрера СС Райнхарда Гейдриха, на что барон ответил категорическим возражением и заявил о своей отставке. Гитлер не принял ее, и тогда Нейрат ушел в долгосрочный отпуск “по состоянию здоровья”, продлившийся вплоть до его формальной окончательной отставки 25 августа 1943 года. 28 сентября 1941 года Гейдрих прибыл в Прагу и вступил в должность исполняющего обязанности протектора, хотя практически всегда в обиходе именовался протектором, и никак иначе.

Он немедленно развернул террор против местного населения, начав с ареста по обвинению в государственной измене и казни председателя Совета министров Элиаша, двух генералов из руководства “Обраны народной” и четырех других известных лиц. Один из них, 69-летний главнокомандующий ОН Билый, на расстреле крикнул: “Стреляйте, немецкие псы!”, остальные умерли молча. В первый же день пребывания в Праге Гейдрих ввел чрезвычайное положение и разъяснил суть своей политики в протекторате, заключавшейся не просто в подавлении любого сопротивления со стороны населения, но в искоренении самих мыслей о возможности такового. Чехи должны были понять, что хозяевами в рейхе являются немцы, в перспективе же эта нация вообще должна была исчезнуть. Те из них, кто в результате расовых проверок будут признаны пригодными к онемечиванию, смогут продолжать существовать, остальные должны быть изгнаны на Восток, а вообще Богемию и Моравию планировалось полностью заселить немцами и искоренить даже память о том, что когда-то в этих местах обитала иная нация. Газеты ежедневно печатали все новые сообщения об арестах и казнях, и очень скоро Гейдрих получил весьма точно отражавшее суть его деятельности прозвище “Пражский мясник”. Практически Сопротивление в Чехии было полностью подавлено, хотя некоторые акты саботажа еще продолжались, например, на военных производствах в Остраве и Кладно.

Иностранные разведывательные службы также не проявляли особую активность. 3 октября 1940 года пеленгаторы функабвера засекали в Праге поддерживавший связь с Москвой передатчик, после чего гестапо арестовало 73 члена организации Сопротивления во главе с советским майором. Другая станция под кодовым обозначением “Либуша” (не

Франк (слева) и Гейдрих салютуют флагу в Градчанах

путать с обозначением резидентуры чехословацкой разведки в Гааге) поддерживала связь с Лондоном, причем идентифицировать ее оказалось крайне сложно, поскольку конспиративные передачи маскировались под радиообмен вермахта. Однако в целом разведывательная активность в стране была крайне низкой. Это весьма тревожило и разочаровывало Бенеша и других членов лондонского правительства, которым мало было даже первоначальных пассивных форм сопротивления: саботажа на предприятиях, распространения листовок, отказов от работы. Но и эти робкие акции были практически подавлены репрессивным аппаратом рейха.

Следует отметить, что эмигрантское временное правительство никогда не признавало отделения Словацкого государства и чувствовало себя полностью ответственным за все происходившее на его территории, а обстановка там принципиально отличалась от чешской. Гитлер считал словаков довольно близкими в расовом отношении к немцам. Протекторат был территорией рейха, где его полицейские службы осуществляли неограниченную юрисдикцию, а в формально независимой Словакии эти функции были возложены на местную полицию УСБ. Словаки отнюдь не отождествляли себя с чехами и не относились к немцам как к оккупантам, да они для них таковыми и не являлись. Более того, именно рейх стал фактическим основателем независимого Словацкого государства. На территории страны вермахт дислоцировался лишь в западных областях, в рамках заключенного “охранного” договора, и не осуществлял никаких действий по подавлению государственности. 23 марта 1939 года Словацкое государство присоединилось к “Тройственному пакту”, а 22 июня 1941 года объявило, что находится в состоянии войны с СССР, и в этой обстановке контрразведывательным службам Третьего рейха пока просто не было необходимости проводить операции на его территории. Все это беспокоило Бенеша не в меньшей степени, чем террор в протекторате, поскольку создавало образ всей чехословацкой нации как безропотно покорившейся Германии и поддерживавшей ее агрессию развитым военным производством и участием словаков в операциях вермахта. Президент испытывал своего рода ревность к французам, развернувшим на своей территории широкое подпольное и партизанское движение, масштабы которого, правда, значительно преувеличивались пропагандой и в действительности в 1941 году являлись достаточно скромными. В организации движения Сопротивления в Словакии основную роль играли внешние факторы. Так, например, одну из наиболее результативных подпольных организаций в стране “Солте” создали немецкие коммунисты Генрих Карл Фомферра и Ганс Шварц, действовавшие по заданию советской военной разведки. Первоначально планировалось направить их для работы в Венгрии, но они не смогли закрепиться там и в январе 1941 года переехали в Братиславу. Фомферра легализовался под именем датского барона Карла Мальхера, а Шварц — под видом швейцарского гражданина Франца Шрека с супругой Стефанией. На первом этапе деятельности разведчики наладили систему сбора информации о вермахте и люфтваффе на территории Словакии, а после 22 июня 1941 года, в соответствии с указанием Центра, приступили к диверсионной работе. Резидентура “Солте” поддерживала связь с болгарскими группами РУ/ГРУ, в частности, с генералом Владимиром Заимовым (“Азорский”), что и послужило в дальнейшем причиной его провала. В феврале 1942 года, вследствие внедрения полицейского агента провалилась и словацкая точка. Все ее участники были арестованы и в январе 1944 года осуждены на различные сроки тюремного заключения, однако уже в августе их выпустили на свободу партизаны. Фомферра и Шварц приняли участие в Словацком национальном восстании, в котором первый погиб, а второй сумел выжить, после войны переехал на жительство в ГДР и дослужился там в органах госбезопасности до звания полковника.

Подобные достижения в подпольной работе были заветной мечтой Бенеша. Он стремился также к созданию массовых партизанских отрядов, вступающих в вооруженную борьбу с оккупантами и снабжающих союзные армии разведывательной информацией. Президент, не являвшийся профессионалом ни в военном деле, ни в разведке, не учитывал ни отдаленность своей страны от Великобритании, препятствовавшую снабжению движения Сопротивления всем необходимым, ни неблагоприятный для действий партизан характер местности, ни наличие значительной прослойки немецкого населения, враждебно относящегося к врагам рейха. Бенешу скрепя сердце приходилось соглашаться с доводами своего трезво настроенного начальника разведки, но он постоянно возвращался к идее проведения резонансной акции, способной придать его народу и стране ореол активных борцов с нацизмом.

И. А. Склярлов

Англичане практически не могли помочь ему в этом вопросе, и тогда внимание президента переключилось на Советский Союз, дипломатические отношения с которым пока не были восстановлены. В декабре 1940 года он обратился с предложением к послу СССР в Лондоне И. М. Майскому с предложением возобновить прерванное после Мюнхена разведывательное сотрудничество по обмену относящейся к Третьему рейху информацией. Полковник Моравец сохранял самые прискорбные воспоминания о предшествовавшем периоде взаимодействия и категорически возражал против этой идеи, однако вынужден был подчиниться президентскому приказу. В апреле 1941 года из Турции в Москву через Одессу отбыла секретная миссия чешской разведки во главе с бывшим резидентом в Бухаресте и Стамбуле полковником Пикой, результатом которой стало заключение самого общего соглашения о намерениях обмениваться информацией. В его рамках

Моравец направил в Москву несколько оставшихся без ответа сообщений относительно предстоящей агрессии Германии против СССР. После вступления Советского Союза в войну возобновились его дипломатические отношения с временным правительством Чехословацкой республики, а в августе 1941 года военный атташе СССР в Лондоне И. А. Склярлов (“Брион”) посетил Моравца и попросил его предоставлять советской стороне всю доступную 2-му отделу информацию о Третьем рейхе.

Сотрудничество началось после получения соответствующего разрешения от британцев. Практически сразу же через возглавлявшего теперь постоянную чехословацкую военную миссию полковника Пикю Москва предложила забросить в протекторат 10 чешских коммунистов с радиопередатчиками для организации партизанских отрядов, но получила отказ из-за опасения спровоцировать репрессии со стороны немцев и боязни коммунистического проникновения. Бенеш знал о способности ставленников СССР подминать под себя всех вокруг и проводить свою линию и просто побоялся дать коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) такое преимущество.

Однако он не испытывал никаких сомнений в отношении необходимости проведения резонансной акции, причем в этом случае более чем возможный террор против населения совершенно не смущал его. На роль объектов покушения подходили либо “чешский Квислинг”, министр пропаганды, а затем образования, бывший полковник Эммануил Моравец, совпадение фамилии которого с начальником разведки весьма раздражало последнего, либо сам исполняющий обязанности протектора Гейдрих. До министра добраться было значительно легче, но убийство являвшегося фигурой местного масштаба Моравца не заставило бы мир обратить на себя внимание, поэтому было решено устранить обергруппенфюрера.

Существует и другая версия относительно причин проведения террористического акта в отношении именно Гейдриха, заключающаяся в том, что этот человек представлял растущую угрозу для адмирала Канариса. Многие историки настаивают на том, что начальник абвера поддерживал негласные отношения с англичанами, и полагают, что таким образом эти контакты оказывались под угрозой. Если это предположение верно, то очевидно, что в СИС было принято решение обезопасить своего источника в Берлине, и никакие другие обстоятельства не могли перевесить важность проведения такой акции. При оценке достоверности этого предположения следует исходить из того, что сам факт связи Канариса с разведывательной службой противника далеко не установлен и вызывает обоснованные сомнения у множества исследователей, поэтому и версия с покушением на Гейдриха далека от абсолютной убедительности. Безусловно, ее нельзя сбрасывать со счетов, однако необходимо иметь в виду и то, что начальник РСХА являлся второй по значению фигурой в иерархии СС, а иногда и превосходил по авторитету Гиммлера, что он относился к наиболее влиятельным руководителям рейха в целом и был способным и опасным начальником гигантской секретной службы. Трудно поверить, чтобы фигура такого масштаба во время войны не представляла интереса в качестве объекта покушения и сама по себе, вне связи с его отношениями с Канарисом. Судя по всему, к однозначному выводу в этом случае придти просто невозможно. Достоверно известно лишь то, что, какие бы мотивы ни лежали в основе принятого решения, объектом покушения оказался именно Гейдрих.

Операцию “Антропоид” решено было производить с минимальной помощью британцев, от которых требовалось лишь организовать подготовку кандидатов на исполнение акции и предоставить самолет для заброски их на территорию протектората. Остальное осуществлялось силами чехословацкой разведки. Во все подробности были посвящены лишь сам Моравец, подполковник Штранкмюллер и капитан Фрич, но немало людей обеспечивали отдельные этапы подготовки, экипировки и заброски агентов, не зная ни подлинной цели своих действий, ни общего замысла. В правительстве представление об операции в целом имел лишь президент, однако впоследствии бывший министр внутренних дел Юрай Славчик вспоминал, что Бенеш под большим секретом все же поделился с ним информацией об “Антропоиде”.

Из множества кандидатов-добровольцев, знавших о предстоящей миссии лишь то, что они могут умереть за родину, были отобраны 10 (по другим данным, 15) человек, направленных в один из тренировочных лагерей СОЕ. Здесь следует особо отметить абсолютную неверность версии У. Стивенсона, утверждающего, что подготовка боевиков проводилась в учебном лагере БСК в Канаде¹⁴⁹.

Ян Кубиш

При отборе принималось во внимание отсутствие у кандидатов семьи, родственников и друзей в Праге, чтобы в случае их поимки те не стали объектом неизбежного преследования со стороны оккупантов. После шестинедельного интенсивного курса обучения в декабре 1941 года Моравец отобрал двух ранее сражавшихся во Франции ротмистров заграничной чехословацкой армии 29-летнего Яна Кубиша и 28-летнего Йозефа Габчика, получивших документы на имя соответственно слесаря Зденека Выскочила и рабочего Отто Стрнада. Первый из них заменил Свободу, получившего травму во время учебного прыжка с парашютом.

Йозеф Габчик

“Антропоид” должен был осуществляться в некоторой увязке с двумя другими операциями “Сильвер А” и “Сильвер Б”, агентов для участия в которых планировалось забросить несколько ранее, однако плохая погода сорвала этот план. Самолет с участниками группы “Сильвер А” надпоручиком Альфредом Бартошем, ротмистром Йозефом Валчиком и радистом Иржи Потучеком 29 октября не вылетел, а 7 и 30 ноября дважды возвращался с полпути. Членов группы “Сильвер Б” Земека и Шпаху также преследовали аналогичные неприятности. По этой причине осуществить террористический акт 28 октября 1941 года, в годовщину создания независимого чехословацкого государства, не удавалось, покушение приходилось совершать без привязки к конкретной дате, что было для исполнителей значительно удобнее. Накануне вылета обоих ротмистров принял президент Бенеш, после чего они в последний раз поужинали с Моравцем, и на этом приятные моменты их миссии окончились. Проблемы начались уже в самолете, пилот которого получил строгий приказ высадить парашютистов над территорией протектората во что бы то ни стало, вне зависимости от достижения запланированных точек сброса. Именно так и случилось, ни один из агентов не оказался даже приблизительно в намеченном для него районе. Члены группы “Сильвер А” высадились далеко от нужного места и практически сразу же расшифровали себя, когда их командир надпоручик Бартош решил навестить родных в своем доме. Парашютисты из “Сильвера Б” попали вообще в совершенно другой район протектората, причем при приземлении разбилась их радиостанция. Неприятности подстерегали и группу “Антропоид”. Габчик сильно повредил ногу, а высадка вдалеке от запланированной точки абсолютно исключала возможность добраться до надежного убежища. Агенты рисковали замерзнуть насмерть в пещере-укрытии и были вынуждены нарушить главный и строжайший запрет, установленный для них Моравцем на общение с местным населением и тем более с подпольем. По следам на снегу их убежище обнаружил местный житель Алоиз Шмейкал, помогший парашютистам продовольствием и медикаментами и связавший их с местной организацией “Сокола”, после чего вокруг них постепенно образовалась целая подпольная группа. Агенты не имели иного выхода, поскольку все их связные оказались либо арестованы, либо

казнены, а без их помощи реальных шансов на успешное выполнение задания практически не оставалось. С помощью подполья Кубиш и Габчик получили документы, транспорт и экипировку. Последнее было крайне важно, поскольку по неизвестно чьему недосмотру на некоторых предметах их одежды оставались не только этикетки лондонских магазинов, но и метки военной прачечной и химчистки. Помощь со стороны чешских патриотов оказалась неоценимо важной, но в Праге продолжать эту линию не следовало, и развитие событий драматически подтвердило оправданность полученного еще в Лондоне запрета.

В это время в кругах достаточно пассивного чешского подполья начало расти подозрение в том, что лондонское правительство готовит какую-то акцию, способную вызвать серьезные репрессии. По каналам разведки Бенеша неоднократно призывали воздержаться от нее, однако он не собирался отступать от решения, которое должно было заставить мир уважать чехов. Германская администрация о подобной опасности даже не подозревала, ее больше интересовали реальные мелкие акты саботажа, распространение листовок подрывного содержания и издание подпольной газеты КПЧ “Руде право”. Гестапо успешно работало по коммунистам, в результате чего за годы оккупации состав их центрального комитета из-за арестов сменился трижды. Оккупанты чувствовали себя в протекторате абсолютно спокойно, Гейдрих руководил оттуда имперскими органами безопасности, а 18 мая 1941 года, за неделю до покушения, созвал в Праге совещание руководящих работников РСХА с участием начальника абвера адмирала Канариса.

Кубиш, Габчик и привлеченный ими член команды “Сильвер В” Йозеф Валчик наметили покушение на раннее утро 27 мая 1942 года. Им повезло, планировавший в полдень улететь в Берлин Гейдрих ехал в Прагу ненадолго и не вызвал автомобиль с охраной, обычно сопровождавший его открытый “Мерседес”. Боевики заняли места на крутом повороте улицы, где любая проезжающая машина неминуемо сбавляла скорость. Валчик прогуливался с газетой в руке и наблюдал за приближением объекта, остальные ожидали его в заранее определенных точках. В 10.30 он просигналил зеркальцем и переложил газету из руки в руку, подав сигнал готовности. “Мерседес” на скорости 80 км/час приблизился к перекрестку, где наперерез ему бросился Габчик с пистолетом-пулеметом “СТЭН” в руках. Еще одно роковое для Гейдриха обстоятельство заключалось в том, что в тот день за рулем машины с

Йозеф Валчик

номером СС-3 сидел не его штатный водитель, а менее опытный в этих вопросах шофер, который не попытался таранить радиатором террориста с оружием и скрыться на максимально возможной скорости, а инстинктивно затормозил. Габчик попытался выстрелить, но его пистолет-пулемет отказал из-за перекаса патрона. Парашютист начал доставать “кольт”, а в это время Гейдрих и его водитель уже выскакивали, чтобы задержать незадачливого боевика. В этот момент взорвалась брошенная Кубишем бомба, один из мелких осколков которой нанес самому боевику незначительное ранение ниже глаза. Одновременно Габчик из пистолета застрелил шофера, а тяжело раненый осколком в живот, но сохранивший присутствие духа Гейдрих пытался догнать покушавшихся на него чехов. Протектор едва не преуспел в этом, однако силы оставили его, и он упал на мостовую, истекая кровью. Кубиш, Габчик и Валчик скрылись на велосипедах, даже не произведя контрольный выстрел в объект покушения.

Состояние протектора было довольно тяжелым, но внушало надежды на благополучный исход. Однако через несколько дней наступило неожиданное ухудшение вероятно, из-за инфекции, внесенной в рану вместе с обрывками мундира и частями обивки сиденья автомобиля, и 4 июня он умер. К этому времени в городе под руководством статс-секретаря Франка уже прошла грандиозная облава с участием 4500 сотрудников СД, полиции и трех батальонов вермахта. Гитлер вначале решил расстрелять 10 тысяч заложников, если убийцы Гейдриха не будут выданы, но беспокоившийся за поддержание уровня военного производства в протекторате Франк убедил его уменьшить это число. Эсэсовцы проводили массовые обыски домов, стреляя в каждого казавшегося им подозрительным жителя. В блокированной Праге немцы сразу же задержали 541 человека, 430 из которых после дознания отпустили, а 111 передали в гестапо. Среди жертв оказалось немало коммунистов, в том числе член ЦК КПЧ Ян Зика, попытавшийся бежать через окно, при этом получивший смертельную травму и умерший во время допроса. Полиция и гестапо провели тщательное криминалистичес-

кое исследование имеющихся вещественных доказательств покушения, которых имелось более чем достаточно: брошенные велосипеды, бомба, стреляные гильзы, пистолет-пулемет “СТЭН” и патроны к нему, оброненная кепка, а также плащ. Криминалисты выяснили, что он подвергался химической чистке в период между 1 октября 1941 года и 1 мая 1942 года, после чего полиция начала проверять всех владельцев сданных тогда в химчистки города плащей, взяв их адреса из журналов учета. Все, кто по каким-либо причинам не могли предъявить этот предмет одежды, немедленно арестовывались для дальнейшего выяснения их возможной причастности к покушению.

Репрессии ширились, власти протектората казнили людей десятками и сотнями, однако террористов пока не обнаруживали, несмотря на объявленное вознаграждение за указание сведений о них в размере миллиона рейхсмарок, что приблизительно равнялось 400 тысячам долларов или 100 тысячам фунтов по курсу 1941 года. Директор фабрики № 210 Пала просматривал всю корреспонденцию своих рабочих и принес в полицию показавшееся ему подозрительным письмо, адресованное одной из его подчиненных Анне Марушаковой. Сомнение вызвали строки: “Дорогая Аничка, прости, что пишу тебе так поздно, но, вероятно, ты меня поймешь... Ведь ты знаешь, что у меня много работы и забот. То, что я хотел сделать, я сделал. В тот роковой день я спал где-то в Чабарне. Я здоров. До свидания. Эту неделю, да и потом мы уже не увидимся. Милан”¹⁵⁰. Как потом выяснилось, автором этого незатейливого послания был некий Вацлав Ржига, желавший таким образом прекратить свою интимную связь с Марушаковой, однако в полиции сочли дело серьезным и обратили внимание на упоминавшееся в тексте имя некоего Горака из горняцкого поселка Лидице. Предположение о возможной связи его с покушавшимися являлось более чем сомнительным, но в обстановке небывалого размаха карательных действий судьба деревни из 95 домов была решена. Лидице окружили и сровняли с землей, расстреляв на месте 192 мужчин и юношей старше 15 лет и 71 женщину, а оставшихся 198 женщин бросили в концлагерь Равенсбрюк, откуда впоследствии возвратились лишь 143. Из 98 детей 7 были сочтены пригодными к германизации и под измененными именами переданы в немецкие семьи на воспитание, остальных же отправили в лагерь в Польше, где все они, за исключением 16, погибли в газовых камерах. Кроме того, в концентрационный лагерь Маутхаузен были брошены 252 родственника жителей Лидице из других населенных пунктов, 24 октября 1942 года 130 из них были уничтожены¹⁵¹. В некоторых источниках приводятся иные цифры, но сути это не меняет. Судьбу Лидице разделило еще одно небольшое село Лежаки, оставшееся почти неизвестным в истории, хотя страдания жертв в нем были ничуть не меньшими. Там был обнаружен радиопередатчик, за что заплатили жизнями все его обитатели, за исключением двоих детей.

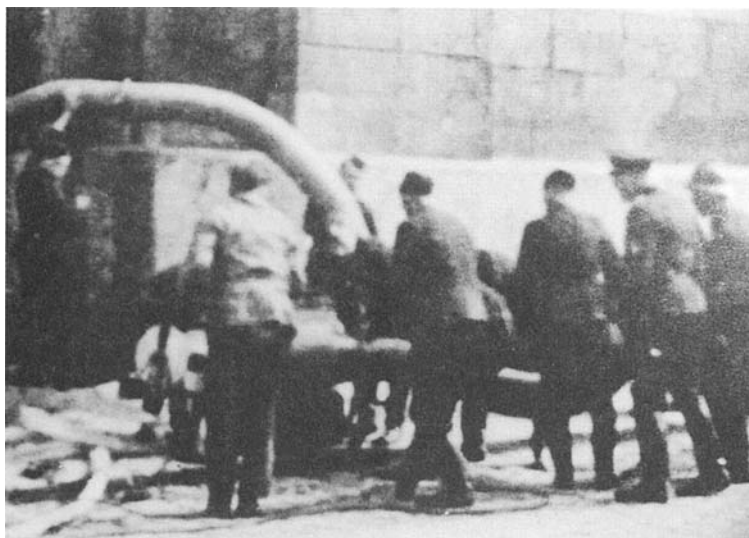
14 июня, в самый разгар террора в жандармское отделение в Бенешове поступило написанное явно измененным почерком анонимное письмо, гласившее: “Прекратите поиски виновников покушения на Гейдриха, прекратите аресты и казни. Настоящие преступники — это Габчик из Словакии и Ян Кубиш, брат которого содержит трактир на Мораве”¹⁵². Дежурный по отделению посчитал анонимку заурядной попыткой сведения счетов руками властей, однако все же доложил о письме начальнику, также не придавшему письму серьезное значение и отложившего проверку полученного сигнала на потом. Тем временем автор анонимки сам явился в пражское гестапо и заявил о своих правах на вознаграждение и амнистию за участие в подпольной деятельности. Предатель оказался прибывшим из Лондона членом группы “Аутдистанс” Карелом Чурда, побудительными мотивами которого в равной степени явились жадность и страх перед арестом. Поскольку его визит в гестапо произошел раньше, чем начальник бенешовского жандармского поста заявил о полученном им письме, эта задержка принесла тому множество служебных неприятностей. Информация Чурды была сопоставлена с полученными от изучения вещественных доказательств данными. Следует отдать должное гестаповским специалистам, которые провели следствие очень профессионально и в сжатые сроки. В частности, они оперативно и тщательно отследили происхождение всех брошенных на месте покушения вещей и к 17 июня установили их владельцев. По одному из велосипедов следствие вышло на его хозяйку по фамилии Моравец, не имевшей отношения ни к министру-коллаборационисту, ни к начальнику разведки. К несчастью, она и ее 20-летний сын Властимил действительно поддерживали связь со скрывавшимися парашютистами, и хотя женщина успела покончить с собой, проглотив капсулу с ядом, а ее муж ничего не знал и поэтому выдать агентов не мог, гестаповцы добились

сведений от юноши, неоднократно доставлявшего им продукты. Так убедительно, но трагически подтвердилась оправданность запрета участникам операции “Антропоид” на общение с местными подпольными группами, однако теперь уже ничего изменить было невозможно. Немцы установили, что трое террористов вместе с еще четырьмя агентами скрываются в подземелье пражского православного кафедрального собора Кирилла и Мефодия (бывшего католического храма Карла Боромейского).

Адольф Опалка

Начальник полиции безопасности и СД криминальный комиссар Хайнц Паннвиц, будущий руководитель мобильной группы зондеркоманды “Красный оркестр”, решил 18 июня провести срочный штурм, поскольку опасался, что парашютисты могут узнать об аресте своих связей и успеют покинуть укрытие. Времени искать в архивах план древнего подземелья не оставалось, поэтому пришлось силами 360 эсэсовцев просто заблокировать площадь, на которой находилась церковь, и навести на здание несколько пулеметов и орудие. В 04.15 утра начался штурм, сразу же приведший к появлению в рядах гестаповцев убитых и раненых. Семеро находившихся в подземелье парашютистов были прекрасно обучены ведению уличных боев и располагали большим запасом патронов, поэтому простым наскоком их взять не удалось. В церкви находились командир подпольной группы надпоручик Адольф Опалка, ротмистры Ян Кубиш и Йозеф Габчик (группа “Антропоид”), ротмистр Йозеф Валчик (группа “Сильвер А”) и парашютисты из резервной группы Ярослав Шварц, Йозеф Бублик и Ян Грубы.

Затопление водой подземелья-собора Кирилла и Мефодия

Потери штурмовавших их в свете прожекторов немцев постепенно росли, не помогли даже брошенные вовнутрь дымовые шашки и гранаты со слезоточивым газом, поскольку осажденные сумели выбросить их наружу. Выполнить категорический приказ взять агентов живыми не удалось, они расстреляли боезапас и покончили с собой лишь после того, как пожарные машины затопили церковное подземелье водой.

Карел Чурда опознает тела погибших

В итоге нацистских репрессий за террористический акт заплатили своими жизнями только в Праге 1331 человек, в том числе 201 женщина, в целом же число казненных только по судебным приговорам приблизилось к 2 тысячам человек. Одновременно немцы уничтожили приблизительно 3 тысячи евреев из гетто, которых никто не считал точно, так что общее число жертв среди населения составило около 5000 человек. Контакт парашютистов с Чурдой оказался роковым для тысяч чехов, а сам он 29 июня получил от Паннвица чековую книжку на 5 миллионов крон (500 тысяч рейхсмарок, по установленному принудительному курсу) и новые документы на имя Карла Йергота. В дальнейшем предатель служил в гестапо и выступал в роли провокатора и опознавателя своих бывших товарищей по пребыванию в Англии, а 5 мая 1945 года был арестован в местечке Манетин около Пльзени. При Чурде обнаружили один миллион рейхсмарок наличными и документы на имя немца из рейха, не спасшие его от поимки. Предатель был повешен.

Моравец получил сведения об успехе покушения из сообщений информационных агентств, но не знал ни сопутствующих обстоятельств, ни последствий акции, ни судьбы своих людей. Затем до начальника разведки дошло сообщение о том, что в церкви были осаждены, сопротивлялись и покончили с собой сразу семеро парашютистов, однако было абсолютно непонятно, каким образом они встретились, несмотря на категорический запрет участникам операции “Антропоид” на общение с коллегами. Пришлось принять версию о том, что Кубиш и Габчик случайно укрылись в церкви, где уже находились четверо других агентов. В любом случае, Моравец безошибочно определил основной причиной провала измену. После освобождения Чехословакии он беседовал с арестованным Чурдой, и тот признался, что не смог устоять перед соблазном больших денег, в сочетании со страхом перед гестапо, ставшим причиной предательства. Однако в 1945 году все это уже представляло лишь исторический интерес.

Основная цель покушения на Гейдриха так и не была достигнута. Бенеш надеялся, что эта резонансная акция всколыхнет страну и поднимет чехов на борьбу, но ошибся в расчетах. Чехия была не готова к развертыванию партизанского движения, и понесенные народом жертвы, строго говоря, оказались неоправданными. Вопрос о профессиональном уровне подготовки “Антропоида” также неоднозначен и с позиции современности, безусловно, вызывает много нареканий. Судя по всему, Моравцу следовало бы не рассчитывать на существовавшие явки, практически все из которых оказались проваленными, а направить специальную группу для организации подготовительного этапа операции. Задачей Кубиша и Габчика должно было стать лишь непосредственное огневое воздействие на объект, а сбор предварительной информации о передвижениях Гейдриха и системе его охраны следовало поручить другим агентам. Экипировка для проведения акции должна была быть “стерильной” и ни в коем случае не приводящей следствие к ее предыдущим владельцам. Нельзя было использовать велосипеды, принадлежавшие другим людям, и тем более членам подполья, не говоря уже о том, чтобы оставить их и тем самым дать гестапо ясный след. Примененное боевиками оружие не соответствовало требованиям по надежности и эффективности, не говоря уже о том, что поездки протектора в открытом автомобиле являлись достаточным основанием в пользу выбора снайперского выстрела, а не ближнего воздействия. Характер полученных Гейдрихом ранений вполне допускал благоприятный для его жизни исход, и только непредвиденно попавшая в рану инфекция помогла чехословацкой разведке завершить начатое дело. Одним из самых слабых аспектов операции оказался отход от места ее проведения. Обязательно следовало предусмотреть назначение группы прикрытия для его обеспечения, поскольку лишь случайность не позволила смертельно раненному Гейдриху и его водителю расстрелять нападавших. Если бы в машине немцев оказался пистолет-пулемет, парашютисты совершенно определенно не ушли бы живыми. Следует, однако, заметить, что все эти замечания технического и организационного характера можно считать продиктованными печальным опытом террористических актов последующих десятилетий, отсутствовавшим у Моравца и его агентов в 1941 году.

Чурда оказался не единственным изменником среди прибывших из Лондона агентов. Деятельность другого из них по имени Вильям Герик позволила гестапо получить полную информацию о подготовке чехов в тренировочных лагерях СОЕ в Великобритании, а также захватило дневник участника группы “Сильвер А” Альфреда Бартоша. Совершенно невозможно представить, что заброшенный в тыл противника секретный агент-незаконник взял с собой начатый еще в Англии дневник и продолжал аккуратно заполнять его, уже находясь на территории протектората, однако это действительно было так. Легкомыслие агента позволило функабверу отыскать ключ к шифру радиостанции “Либуша”, захватить ее и в дальнейшем использовать в радиоигре, а также в 1944 году читать чешскую переписку с Лондоном, Куйбышевым, Стамбулом, Хайфой, Каиром и Багдадом. Эти каналы использовались не только для оперативного радиообмена, но и для передачи по ним документов большой (по чехословацким масштабам) политики, в частности, таким путем немцам удалось узнать о попытках командующего Чешским легионом на Ближнем Востоке генерала Гака установить взаимоотношения с СССР. Еще одним успехом германской радиоконтрразведки явился захват советского агента и организация игры с Москвой через его передатчик.

Чехия и отчасти Словакия явились местом проведения серии операций СОЕ. Кроме уже упомянутых акций “Антропоид” и “Сильвер”, англичане спланировали и осуществили:

- “Антимони” (октябрь 1942) — заброска группы из трех агентов для установления связи с местными силами Сопротивления и установления судьбы агентов из миссии “Сильвер”;
- “Аутдистанс” (1942) — установка радиомаяка для бомбардировщиков британских ВВС в районе военных заводов Шкода в Пльзени. Два агента миссии погибли, третьим был предатель Карел Чурда;
- “Боксит” (1945) — заброска миссии в Прагу. Подробности не рассекречены;
- “Бенджамин” (1945) — заброска агента Отмара Редля с шифрами и снабжением для местных сил Сопротивления. По ошибке он был высажен в Австрии и арестован там, однако смог скрыть от гестапо истинный характер своей миссии;
- “Биоскоп” (апрель 1942) — план проведения диверсий на железной дороге в районе Моравской Остравы, в том числе уничтожения моста в Градницах. Один из агентов был арестован сразу же после приземления, двое других погибли в Праге вместе с членами группы “Антропоид”. Диверсии осуществлены не были;
- “Бивуак” — миссия по уничтожению железнодорожного моста и семафора в Прерове и электростанции в Брно. Агенты почти немедленно были раскрыты и арестованы;
- “Виндпруф” (1944 — 1945) — первоначальная цель — восстановление контактов Лондона с правительством Венгрии. Из-за Словацкого восстания группа не смогла попасть к месту назначения и стала официальной военной миссией при командующем восстанием генерале Голиане. В начале 1945 года ее командир Земер был арестован немцами и казнен;
- “Вольфрам” (1944) — заброска миссии к партизанам. Провал из-за захвата гестапо радиопередатчика и нескольких офицеров группы;
- “Глюциум” (1944) — разведка в районе Чешских Будейовиц. Группа была почти сразу обнаружена и захвачена гестапо;
- “Интранзитив” (1942) — план уничтожения нефтеочистительного завода. Из-за утраты снаряжения при высадке три члена группы вынуждены были отказаться от выполнения задания и скрываться. Позднее их арестовали и казнили;
- “Иридиум”, она же “Меркьюри” (1942) — план заброски парашютистов во время бомбардировки военных заводов “Шкода” в Пльзени. Данных о реализации не имеется;
- “Канонбури” (1942) — то же. Две группы были заброшены, однако результаты их деятельности оказались крайне разочаровывающими;
- “Карбон” (1944) — разведка и организация приема последующих групп. Несмотря на утрату радиооборудования при приземлении, миссия действовала успешно и смогла обеспечить прием 23 групп, а также выполнить несколько разведывательных и диверсионных задач;
- “Кварц” (1944) — миссия связи к генералу Голиану, а также внедрение полковника Сухадра и вывод двух других офицеров;
- “Клэй” (1944) — разведывательная миссия. Установила связь с Лондоном и поддерживала ее более года. Считается одной из самых успешных миссий СОЕ в Чехословакии;
- “Манганез” (1944) — установление контактов со словацким движением Сопротивления. После начала восстания группа была включена в состав штаба генерала Голиана и утратила самостоятельность. Выжил только один офицер;
- “Мика” (1944 — 1945) — попытка забросить официального британского представителя майора Гринлесса к командиру словацкого Сопротивления генералу Виесту. Позднее операцию переименовали в “Боксит II”, а затем в “Пиготит” и переназначили на диверсионные задачи, однако в реальности так никогда и не забросили;
- “Никель” (1944) — план заброски агента-радиста Матуса для установления возможных мест высадки агентов в Чехии и проведения разведки. Из-за противодействия генерала Моравца, полагавшего ее излишней, операцию отменили;
- “Охра” (1944) — то же, что и операция “Никель”, агентом-радистом был Михал;
- “Персентаж” (1941) — миссия связи с движением Сопротивления. Агент Франтишек Павелка был арестован в Праге почти сразу же после приземления;

- “Платинум” (1945) — совместная с ОСС миссия связи;
- “Радий” (1942) — составная часть плана по установлению радиосвязи с агентами в рейхе, а именно доставка передатчика по чешским каналам из Лиссабона в Берн и далее в Германию. Операция отменена;
- “Стил” (1942) — установка радиомаяка для бомбардировщиков британских ВВС;
- “Сульфур” (1944) — разведка и связь; группа исчезла сразу после высадки;
- “Тин” (1942) — миссия по ликвидации четырех чешских коллаборационистов, один из которых предположительно являлся министром в правительстве протектората Эммануэлем Моравцем. Результаты не достигнуты, агенты частично погибли, частично вышли из строя из-за ранений и частично присоединились к другим миссиям СОЕ;
- “Фоскуэ” (1945) — отменена из-за длительного периода плохой погоды, препятствовавшего полетам;
- “Хром” (1942) — доставка снабжения;
- “Цинк” (1942) — миссия связи, сброшенных в районе словацкого города Нове Место; дополнение к миссии “Сильвер А”. Два участника группы из трех убиты, один перевербован гестапо.
- “Чок” (1944) — установление связи с чешскими подпольными группами, возобновление радиосвязи с Лондоном и организация приема последующих миссий. Предположительно захвачена гестапо почти сразу после высадки и использована немцами в радиоигре.

Убийство начальника Главного управления имперской безопасности (РСХА) явилось весьма значимой в мире секретных служб операцией, но с Чехословакией были связаны и другие существенные в этом отношении события, в основном направлявшиеся из Лондона и являвшиеся продолжением установленных еще в предвоенный период агентурных связей. Наиболее серьезным и важным из них был очередной выход в июне 1939 года на связь агента А-54, приславшего в цюрихскую резидентуру “Кази” написанное симпатическими чернилами письмо с просьбой о встрече в Гааге. В конце ноября 1939 года он предупредил прибывших к нему на связь майоров Франка и Штранкмюллера о запланированном на декабрь германском наступлении на Западе и сообщил состав выделенных сил вермахта вплоть до номеров дивизий и имен их командиров, однако тут же отметил, что сам не слишком верит в возможность осуществления блицкрига в текущем году. Агент раскрыл условные сигналы о нападении на Бельгию (“Бубби”), Голландию (“Хильда”), Францию (“Франц”) и Великобританию (“Эмиль”), перехват которых в эфире мог указать на получение войсками соответствующих приказов. Еще одной важной, хотя и не оцененной в тот период информацией явились первые дошедшие до союзников отрывочные упоминания о разработке немцами ракетного оружия. А-54 предупредил, что в ближайшем будущем на вооружение люфтваффе поступит беспилотная “летающая торпеда” с зарядом большой мощности. Кроме того, он раскрыл перед чехословацкой разведкой руководителей заграничных германских спецслужб в Софии: резидента абвера Отто Вагнера (“доктор Делиус”) и “главного уполномоченного” СД Василия Анастасова.

Уточненная информация о подготовке блицкрига поступила от агента в марте 1940 года, после чего Моравец передал полученное предупреждение англичанам и французам. В Лондоне были озабочены возможной попыткой противника перейти в наступление, но в Париже этому просто не поверили. Последнее предупреждение поступило от А-54 1 мая, за 10 дней до германской атаки, после чего связь с ним временно прервалась. 4 февраля 1941 года агент встретился с резидентом 2-го отдела в Белграде майором Фритчером (“Фаллер”) и раскрыл ему агентурную сеть абвера в Югославии. Полученные данные позволили местной контрразведке уже в следующем месяце разгромить сети германской военной разведки в Любляне, Загребе, Дубровнике, Сараево и Нише. В июне 1942 года от А-54 пришло новое сообщение о присвоении ему звания полковника, повышении по службе и переводе в штаб в Праге. Одновременно “Карл” отмечал, что новая должность не предусматривает поездок по Европе, и предлагал обсудить возможные пути поддержания связи на встрече в Стамбуле. Во 2-м отделе ситуацию оценили двояко. С одной стороны, было совершенно ясно, что перевод источника из Берлина в Прагу резко уменьшит его разведывательные возможности, однако протекторат приобретал все большее значение в войне, и это назначение также мог-

до оказаться весьма ценным. Сильные бомбардировки с воздуха заставляли Германию сосредоточивать свое военное производство, в связи с этим разведывательное значение Чехии, где располагались мощные военные заводы “Шкода”, возрастало. Новое положение А-54 как нельзя лучше позволяло получать информацию об обстановке, но проблема связи могла свести это преимущество на нет.

В Стамбул на встречу с “Карлом” прибыл Штранкмюллер. Агент уточнил, что должен возглавить в Праге контрразведывательную службу местного абверштабелле, и подробно разобрал все возможные варианты контактов. Не подходили ни радиосвязь, ни секретная переписка, ни посылка курьеров, и тогда он предложил использовать чешские организации Сопротивления. Весьма удивленный выбором столь ненадежного канала Штранкмюллер обратил внимание агента на опасность провала, однако А-54 настаивал на нем как на единственно реальном варианте. Он даже предложил профинансировать его из собственных средств, что было совсем удивительно и никак не соответствовало его прошлой вербовке на материальной основе. Как уже указывалось, после Мюнхена агент работал бесплатно, и его предложение заставляло пересмотреть подлинные причины, толкнувшие немца на путь сотрудничества с чехословацкой разведкой. “Карл” потребовал, чтобы связь с ним осуществлял только один представитель подполья, и оговорил способ назначения встречи путем отправки письма за подписью “Ганс Закс” на почтовый ящик пражского почтамта, причем фамилия Закс одновременно должна была служить и паролем.

Хотя на первых порах связь осуществлялась удачно, стремление агента оказать чехам максимальную помощь в конечном счете погубило его. “Карл” имел по службе доступ к гестаповским спискам подозреваемых и намечаемых к аресту жителей протектората и начал передавать их представителю Сопротивления. Эта благородная, но в высшей мере безрассудная деятельность помогла спасти немало жизней, однако в итоге послужила одной из причин провала “Карла”. 7 апреля 1941 года контрразведчики гестапо произвели налет на радиоквартиру чехословацкой разведки в Праге “Спарта I” и обнаружили там записи успешшего бежать радиста Индржиха Клечки, по которым 8 апреля арестовали подпольщика Франтишека Мазла. Под пытками тот выдал своего связника и описал квартиру в Праге, на которой получил от неизвестного рацию. Кроме того, в оставленную на его квартире засаду попал радист Стулик с компрометирующими документами и передатчиком. Гестапо продолжило цепочку арестов. Засада в доме Стулика позволила захватить руководителя подпольной радиосети чехословацкой разведки поручика Регенмайера, а на описанном Мазлом объекте находилась радиоквартира группы подполковника Машина, отправлявшей в Лондон информацию от А-54. 13 мая 1941 года туда прибыли четыре офицера гестапо, натолкнувшись на неожиданное и умелое вооруженное сопротивление. Машин успел убить одного из немцев и ранил другого, но сам тоже получил ранение и был захвачен. Перестрелка позволила радисту Пельтану вместе с находившимся там же другим сотрудником разведки Моравеком послать в эфир сигнал опасности, уничтожить шифры и уйти через окно. Несмотря на пытки, раненый Машин не назвал никого и ничего, за исключением собственного имени и воинского звания, и после 14 месяцев допросов был казнен 30 июля 1942 года.

Члены его сети Моравек и Пельтан уже 18 мая 1941 года ввели в строй запасной передатчик “Спарта II” и возобновили связь с Лондоном. Несмотря на все сложности и опасности, “Карл”, он же “Франта”, он же “Рене”, он же “Байер”, он же “Ворал”, он же “доктор Хольм”, он же “доктор Штейнберг”, он же А-54 продолжал работу, используя тайниковую связь. 27 июня пеленгаторы функабвера засекли рацию, но чешские разведчики вновь сумели скрыться. Однако ликвидация и этого передатчика не заставила замолчать группу, теперь возглавлявшуюся Моравеком. Руководство 2-го отдела прекрасно понимало важность обеспечения агентурных сетей связью и еще до эвакуации из Праги заложило немало тайников с оборудованием, в том числе с передатчиками. 8 июля в эфир вышел скрывшийся от ареста в апреле радист Клечка, и Лондон вновь стал принимать поток насущно важной информации. Продлилось это недолго. 3 октября 1941 года функабвер засек и эту станцию, работавшую в доме налогового инспектора Карла Прокопа, и в ходе ее ликвидации Индржих Клечка покончил с собой, а его напарник Антонин Немечек был захвачен. Следователи получили от него сведения о встречах Моравека с неким особо важным источником из числа высокопоставленных офицеров вермахта.

К этому времени немцы уже точно знали о происходившей у них утечке совершенно секретных сведений. Провалы агентурных сетей в Югославии и Турции и добытые в Бел-

граде документы насторожили контрразведку, а события в Праге лишь укрепили возникшие подозрения. Связной А-54 был арестован с полученными от него списками информаторов гестапо и абвера в рядах Сопротивления и вопросником для агента, после чего стало ясно, что источник утечки находится в весьма ограниченном кругу немцев, обладающих доступом к серьезной информации. Подпольщик умер в гестапо под пытками и сохранил тайну А-54, но контрразведка уже определила круг подозреваемых в предательстве. Во всех перечисленных случаях попавшей к противнику информацией владели лишь немногие офицеры, и в каждой из групп фигурировал сотрудник АСТ-Прага полковник Пауль Тюммель. Привилегированное положение в разведке некоторое время отводило подозрения от А-54, поэтому вначале контрразведчики арестовали не причастного к работе на противника капитана Лейдла, но вскоре разобрались и отпустили его.

Машина контрразведки продолжала работать, и Тюммеля уже не спасло бы даже прекращение сотрудничества с чехословацкой разведкой. 19 октября 1941 года он был арестован, однако благодаря профессиональной подготовке и знакомству с ходом розыска сумел очиститься от всех обвинений. 25 ноября разведчика с извинениями выпустили на свободу и вернули к прежней деятельности. Следующий арест А-54 последовал 22 февраля 1942 года, после детального изучения показаний похищенных в Венло британских разведчиков Стивенса и Беста. Среди огромного массива выданной ими информации в январе обнаружилось сообщение о происходившей в 1939 году в Гааге конспиративной встрече сотрудника чехословацкой разведки с одним из старших офицеров германской армии. Проверка списков военнослужащих, покидавших в этот период территорию рейха, показала, что в Гаагу мог приезжать только Тюммель, однако он настаивал, что все его контакты проходили в рамках осуществляемых им по должности оперативных игр с секретной службой противника. Внешне это полностью соответствовало истине. Наступательная контрразведка против Чехословакии действительно являлась одной из его прямых служебных обязанностей, и следствию трудно было что-либо противопоставить этому вескому аргументу. Тюммель заявил, что близок к поимке Моравека, и его вновь выпустили на волю под негласным надзором. Естественно, он не выполнил свое обещание, а 21 марта 1942 года Моравек получил десять пулевых ранений в перестрелке с группой контрразведчиков и во избежание захвата еще нашел в себе силы застрелиться. Вся эта история вызвала вполне оправданное недоверие к лояльности Тюммеля, после чего в ночь с 26 на 27 марта последовал его третий, последний арест. Случай был настолько вопиющим, что арестованного не судили, а под именем Питера Тоомана отправили в концентрационный лагерь Терезиенштадт, где через три года, 26 марта 1945 года казнили.

Изложенная версия является лишь одной из существующих. Они разнятся у различных исследователей и едины, пожалуй, лишь в том, что “Карлом” оказался казненный весной 1945 года полковник абвера Пауль Тюммель, все же остальные варианты рассматриваются зачастую совершенно по-разному. В частности, начальник 2-го отдела генштаба чехословацкой армии Моравец полагал, что события развивались иным образом. Он ничего не говорит об оправданиях и повторных арестах своего бывшего источника, а сообщает лишь, что тот предвидел скорое окончание войны и всячески тянул время, надеясь дожить до разгрома Третьего рейха. Это ему почти удалось, но в апреле 1945 года, буквально за несколько дней до окончания войны, эсэсовцы произвели массовые казни находившихся под следствием заключенных, в числе которых оказался и Тюммель. По некоторым данным, он попросил выживших найти в освобожденной Праге Моравца и передать ему последний привет, однако не исключено, что это является лишь красивой историей, вымышленной бывшим руководителем чехословацкой военной разведки.

Самым сложным испытанием для начальника 2-го отдела стало не противостояние с германскими спецслужбами, а взаимодействие с советскими коллегами, в особенности, по его воспоминаниям, после прибытия в Лондон на должность представителя советской разведки И. Д. Чичаева (“Джон”). В настоящее время об осуществлении этих контактов в открытых источниках имеется лишь свидетельство Моравца, а учитывая его давнюю неприязнь к Советскому Союзу и особенно послевоенные факты его биографии, есть веские основания предполагать, что он сгустил краски. Тем не менее, этот аспект взаимоотношений приходится излагать по его воспоминаниям, поскольку ничем другим историки не располагают.

Согласно Моравцу, контакты развивались трудно и были однобокими, советская сторона желала лишь получать информацию, но не давать ее. Недолгий дружественный этап взаимоотношений закончился в конце 1942 года, после обозначения перелома в войне в пользу СССР. Это утверждение вызывает обоснованное недоверие, поскольку в конце 1942 года Сталинградская битва была еще отнюдь не закончена, вермахт стоял на Волге. Скорее всего, Моравец здесь либо ошибается в сроках, либо вообще искажает обстоятельства дела. Он сообщает, что с этого времени ранее вежливый проситель информации Чичаев начал вести себя как хозяин положения, постоянно высказывал свою неудовлетворенность результатами работы 2-го отдела, критиковал пассивность подполья в протекторате и вмешивался во внутренние дела страны. В этом, судя по всему, есть элемент истины. Советский Союз постоянно требовал от всех союзников усилить боевое воздействие на противника, поэтому очевидно, что Чичаев не мог не настаивать на развертывании открытых партизанских действий на территории Чехословакии, в частности, массового саботажа на оружейных заводах в Пльзени, способного остановить производство. Когда Моравец заявил ему, что за устранение Гейдриха чехи заплатили пятью тысячами жизней, советский представитель ответил, что остановка пльзеньского производства стоит и двадцати тысяч. Он был озабочен отнюдь не судьбой обитателей протектората, а сохранением жизней своих солдат на фронте, но начальника 2-го отдела беспокоило как раз противоположное. Он вспоминает, что парировал это заявление вопросом, почему советская разведка не осуществит эту же акцию на заводах по производству вооружений в Одессе, на что якобы Чичаев не нашел ответа. Реплику Моравца, однако, нельзя признать удачной, поскольку одесские фабрики и заводы не выпускали военную продукцию для рейха в сколько-нибудь заметных количествах, а на судоремонтном заводе активно действовала диверсионная резидентура под руководством кадрового разведчика Н. А. Гефта. Чичаев никогда не забывал, что он является в меньшей степени дипломатом, и в большей — разведчиком, поэтому всегда и везде искал пути внедрения в спецслужбы как противника, так и союзников. В рамках этой задачи он потребовал от начальника чехословацкой разведки предоставить ему частоты, шифры и расписание связи для организации прямого выхода на агентов-радиостов в Богемии, Моравии и Словакии, на что Моравец ответил, что санкция на подобные действия должна исходить от президента. Всячески искавший компромиссов с СССР Бенеш, тем не менее, поддержал отказ и посоветовал сослаться на технические трудности.

Вызывает удивление отсутствие в мемуарах Моравца упоминания о контактах с А. Ф. Сизовым. Этот офицер ГРУ был военным атташе СССР при эмигрантских правительствах в Лондоне и одновременно руководителем “легальной” резидентуры, основная задача которой заключалась в поддержании связей со спецслужбами Югославии, Чехии и Польши. Именно Сизов отвечал за обмен военной разведывательной информацией и в этом качестве являлся постоянным партнером Моравца, а вовсе не Чичаев. Опубликованы рассекреченные телеграммы из ГРУ, предписывавшие резиденту поставить тот или иной вопрос перед “Бароном”, как именовался в оперативной переписке начальник 2-го отдела. Существует даже предположение о том, что МИ-6 с ведома и согласия самого Моравца подставила его под вербовку советской военной разведкой, и что тот успешно осуществил эту стадию игры. Данная версия не только не доказана документально, но и вызывает массу сомнений. В частности, указания из Центра Сизову, якобы являвшемуся руководителем заагентурного Моравца, совершенно не похожи на инструкции по работе с агентом. Тем не менее, приходится констатировать, что отсутствие упоминания о Сизове или о военном атташе СССР в Лондоне И. А. Склярове (“Брион”), с которым Моравец начинал разведывательное взаимодействие в Лондоне, не может не вызывать удивление, в особенности на фоне подробного описания взаимоотношений с Чичаевым. Судя по всему, этот вопрос все еще ждет окончательного разрешения, невозможного без открытия соответствующих документов. В любом случае, взаимодействие в разведывательной области между чехословацкой и советской военными разведками действительно осуществлялось и постепенно приобретало ощутимый крен в сторону взятия Москвой Чехии под свое влияние. С весны 1943 позицию СССР стали поддерживать коммунисты, выступавшие за передачу в их руки линий связи с подпольем и агентами. Представители КПЧ требовали отдать им если не все каналы, то хотя бы часть их, а остальные поставить под политический контроль. Собственно, их тезис о том, что руководство разведкой нельзя отдавать на откуп военным, был полностью правильным, но истинная цель критики заключалась в ином. Уже обозначилось окончание войны, и ком-

мунисты обеспечивали себе позиции в послевоенном руководстве страной. Постепенно они укрепились даже в лондонском эмигрантском правительстве и начали кампанию за вывод разведки из-под единоличного контроля президента и передачу ее под руководство кабинета. Бенеш усмотрел в этом угрозу собственным прерогативам и категорически воспротивился такому шагу, после чего КПЧ занялась смещением нелояльного к ней Моравца. Он стал постоянной мишенью для критики, коммунисты обвиняли его в том, что он продался англичанам и находится у них на содержании, а также передает СИС и СОЕ информацию о внутренних политических процессах в стране, то есть совершает государственную измену. Атаки проводились и с другого направления. Начальника разведки обвиняли в излишне вольном обращении с оперативными фондами и требовали раскрыть детали их расходования, критиковали за зачисление в армию явных коллаборационистов, свидетельствовавшее о неудовлетворительной постановке контрразведывательного дела. Парадоксально, но Моравец подвергся ожесточенным нападкам и с противоположного фланга. Правые эмигранты и лондонские поляки обвиняли его в заигрывании с коммунистами и стремлении выполнять все их требования. Начальник разведки оказался между двух огней. Он действительно не желал разворачивать на территории Чехословакии широкую партизанскую войну, поскольку полагал это не военным, а политическим решением, не учитывавшим специфических условий в стране и способным лишь многократно увеличить жертвы в народе. Чтобы успокоить страсти, Моравец по предложению Бенеша разъяснил свою позицию в открытом докладе на эту тему, однако в зале собрались в основном его заведомые противники, устроившие нечто вроде манифестации протеста. Начальник разведки урезонил их самым простым образом, предложив немедленно зачислить всех приверженцев активных действий в тылу врага в учебные группы с последующей заброской в протекторат. Аудитория быстро опустела.

Бенеш пока еще прикрывал своего верного сторонника, но обстановка заставила его задержать производство Моравца в генералы, несмотря на заслуги и длительный стаж пребывания в чине полковника. После долгих и неприятных переговоров начальник разведки все же стал бригадным генералом, что оказалось его последним званием. Перед самым окончанием войны Чичаев попытался завербовать его методом прямого предложения, пообещав хорошую должность в послевоенной чехословацкой армии в обмен на информацию о СИС и послевоенных планах Бенеша. Генерал возмутился и предложил советскому представителю покинуть его кабинет, на что тот ответил, что все же предоставляет ему еще одну возможность передумать, поскольку решение о назначении на посты министра обороны, начальника генерального штаба и начальника разведки фактически будет приниматься в СССР. На этом их контакты прекратились, но советский представитель не забыл о чехословацком генерале и не грозил впустую, хотя в мае 1945 года получил назначение на должность резидента в Хельсинки и уже отправился туда. Однако до Финляндии он не доехал. Москва срочно изменила планы, и Чичаев отправился в Чехословакию под фамилией Тихонов для работы одновременно резидентом и чрезвычайным и полномочным посланником СССР в Праге. Результаты не замедлили сказаться.

Перед вторым визитом Бенеша в Москву весной 1945 года президент был вынужден отстранить от должностей своих верных многолетних соратников главнокомандующего заграничными вооруженными силами Чехословакии Ингра, начальника генерального штаба Неумана и начальника разведки Моравца. Любопытно, что президент не решился заявить им об этом лично, хотя ранее и предупредил о возможности подобного исхода. О решении сформированного в Кошице нового чехословацкого правительства генералы узнали из обычной радиопередачи. Этот поступок явился одной из жертв Бенеша (по данным радиоконтрразведки США, работавшего на СССР под псевдонимом “19”) на алтарь послевоенного урегулирования и платой за сохранение своего хотя бы номинального президентства, продлившегося до 1948 года. Он все же сумел добиться от коммунистов для Моравца не полной отставки, а должности командира дивизии, расквартированной в районе Млада-Болеслав, и обещания не арестовывать его. Однако позднее, когда после смерти президента уже не осталось препятствий для преследования бывшего начальника разведки, он вместе с семьей вынужден был исчезнуть из страны и эмигрировать на Запад. Остаток жизни Моравец прожил в Соединенных Штатах и умер в 1966 году.

В итоге германской оккупации чешский народ понес тяжкие жертвы. В концентрационные лагеря были брошены 305 тысяч чехов, из них вернулись лишь 75 тысяч, причем

23 тысячи находились в критическом состоянии, а многие умерли в ближайшее после освобождения время. Всего же было уничтожено 360 тысяч чехов, за что после войны со своих прежних мест обитания в Германию подверглись высылке 3 миллиона этнических немцев, независимо от их участия в военных преступлениях. Словакия долгое время не испытывала тяжкого бремени оккупации, более того, она являлась партнером рейха по войне. На советско-германском фронте воевала сформированная в стране 1-я «подвижная» дивизия, безопасность объектов в тылу обеспечивала 2-я охранная, а общая численность воевавших на стороне держав «оси» словаков достигла 70 тысяч человек. Следует отметить их низкую надежность, частые добровольные сдачи в плен и дезертирство, что в 1943 году вынудило расформировать обе дивизии. С течением времени антинемецкие тенденции стали усиливаться и летом 1944 года вылились в охватившее две трети территории страны выступление, известное под названием Словацкого национального восстания. Его организатором формально являлся Военный центр при Словацком национальном Совете, руководимый начальником тыла армии Словацкого государства подполковником Я. Голианом. В городе Банска-Бистрица было провозглашено создание Словацкой республики, в котором Заграничное бюро КПЧ планировало занять ведущие позиции. СССР всемерно поддерживал своих ставленников, в частности, летом 1944 года Украинский штаб партизанского движения направил в район восстания около 20 разведывательно-диверсионных групп с радиостанциями для поддержания связи и формирования партизанских отрядов.

Разведывательные службы союзников тоже пытались помочь восставшим, но особого успеха не добились. В ОСС за операции на территории всей бывшей Чехословакии отвечало особое отделение из состава секции специальной разведки (СИ) во главе с Говардом Чапным. В разгар восстания, 29 сентября 1944 года американцы забросили в район Нижних Татр свою группу, к которой вскоре присоединилась первая в этом регионе миссия СОЕ во главе с майором Джоном Селлером. Ничего полезного они совершить не смогли и все время скрывались от облав, практически ведя борьбу лишь за собственное выживание. Запасы истощались, и спасение группы зависело от получения снабжения с воздуха, однако погибла она не из-за этого. В декабре местный связной выдал англичан и американцев, слишком много выпивший для согревания на морозе часовой уснул, и в результате 14 разведчиков попали в плен вместе с неповрежденным радиопередатчиком и шифрами. Лишь двое из них сумели ускользнуть от захвата противником и через горы вышли к советским войскам, но миссия полностью провалилась, не выполнив ни одной из поставленных задач.

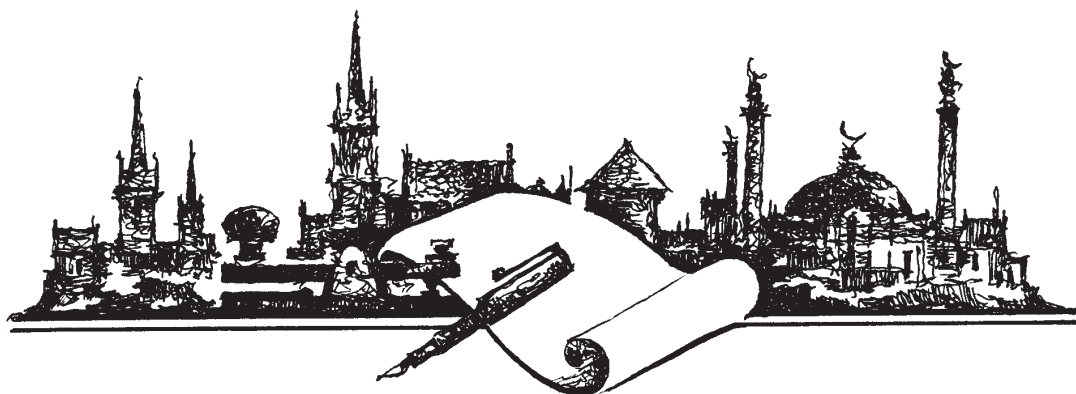
Глава правительства Словакии Йозеф Тисо понял, что не сможет справиться с ситуацией, и обратился к Гитлеру с просьбой об оккупации страны. 29 августа в нее вошли германские части, после чего положение повстанцев стало весьма бедственным. Одновременно обозначилась отчетливая тенденция к их ориентации на Лондон и Вашингтон, а не на Москву. Было совершенно ясно, что в случае победы восстания в Словакии будет сформировано отнюдь не коммунистическое правительство, что совершенно не устраивало СССР. Однако по политическим соображениям оставить без помощи мощное антинацистское выступление было совершенно невозможно, и Красная Армия провела своего рода имитацию деятельности. Войска 1-го и 4-го Украинских фронтов начали Восточно-Карпатскую операцию, которой было позволено захлебнуться. В результате немцы беспрепятственно разгромили 20 слабо вооруженных батальонов повстанцев, отеснили их остатки в горы, после чего угроза создания буржуазного правительства в Словакии миновала. Несмотря на возможные различные моральные оценки действий советского руководства в отношении Словацкого национального восстания, с геополитической точки зрения они были совершенно правильными, так как позволили СССР, сохранив престиж, добиться прихода к власти в Чехословакии удобного ему правительства и создать себе мощного стратегического союзника на послевоенные десятилетия.

Совершенно иначе действовала Красная Армия во время Пражского восстания в мае 1945 года, в котором ведущую роль играли коммунисты. В этом случае те же самые 1-й и 4-й, а также 2-й Украинские фронты осуществили стремительный маневр, отсекающий зону восстания от англо-американских войск, находившихся ближе к столице Чехословакии и способных первыми прийти на помощь восставшим. Американские части по согласованию с англичанами и СССР первоначально должны были очистить от вермахта лишь самую западную часть страны по линии Карловы Вары – Пльзень – Ческе-Будейовице, но их намерения

простирались значительно дальше. В ответ на вспыхнувшее восстание генерал Эйзенхауэр 4 мая 1945 года заявил о намерении занять своими войсками Прагу, что нарушало существовавшие договоренности и встретило резкие возражения советской стороны. Сталин опасался возможности установления в послевоенной Чехословакии неудобного ему режима, а в случае освобождения ее войсками западных союзников подобное развитие ситуации являлось более чем вероятным. Ситуацию переломила блестяще выполненная стремительная переброска войск. Никакие трудности не помешали сложной перегруппировке частей и соединений на 100 — 200 километров из-под Берлина в район Дрездена, советские танковые армии совершили глубокий и быстрый маневр на окружение, и это после изнурительной битвы за Берлин! Эйзенхауэр оказался перед выбором: вести свои войска дальше на уже освобожденную Прагу, рискуя вступить в боевое столкновение с восточным союзником, или отступить. Генерал благоразумно предпочел последнее.

Следует упомянуть об операции, проводимой отделом контрразведки “СМЕРШ” при Чехословацком корпусе. При приближении к границам Чехословакии задачи этого органа были уточнены и дополнены. В составе отдела появилась оперативная группа, отвечавшая за восстановление связи с предвоенными советскими агентами, связь с которыми была утрачена при германской оккупации, за установление связи и продолжение работы с агентами, заброшенными в ходе войны, и за вербовку новых источников. Это позволило создать в Чехословакии серьезные оперативные позиции и, в частности, развернуть контрразведывательную работу против активно действовавших там СОВЕ и СИС. После расформирования ГУКР “СМЕРШ” и его органов эта группа была передана в состав НКГБ.

Стратегический расчет Советского Союза полностью оправдался. Немедленно после окончания войны коммунисты заняли ключевые позиции в чехословацких спецслужбах, контролировали полицию правопорядка, полицию безопасности и все министерство внутренних дел, в том числе и его управление “Z”, отвечавшее за обеспечение государственной безопасности. Некоторое время им руководил социал-демократ Йозеф Бартик, но вскоре он был отстранен от должности по обвинению в коллаборационизме, по мнению многих, сфабрикованном. Затем управление возглавил Бедржих Покорный, однако и он вынужден был покинуть этот пост после предания гласности использования им подложных документов, компрометировавших одного из политических деятелей страны. Его преемником стал номинальный руководитель генерал Франтишек Ярда, а все рычаги контроля над управлением “Z” фактически находились в руках его заместителя, коммуниста Индржиха Веселого. В отношении военной разведки КПЧ также могла не тревожиться, поскольку ее начальником являлся полностью преданный им Бедржих Рейцин. С таким соотношением сил в секретных службах коммунисты смело могли приступать к полному взятию власти в Чехословакии, осуществленному в 1948 году.

БАЛКАНЫ

Вторая мировая война затронула Балканы в значительной степени случайно и в основном по причине амбициозных и не согласованных с германским союзником действий Муссолини. Втягиваться в операции по захвату стран Юго-Восточной Европы Гитлер совершенно не желал, во многом это произошло вопреки его намерениям. В случае с Югославией ситуацию отчасти спровоцировала также и неразумная линия дипломатического ведомства Третьего рейха, во что бы то ни стало решившего приобрести дополнительного партнера по Тройственному пакту и не оценившего возможной реакции славянского населения страны.

Но серьезные проблемы на Балканах начались значительно ранее, еще 7 апреля 1939 года, когда Италия вторглась в небольшую и почти беззащитную Албанию 40-тысячными силами 2 пехотных дивизий, 4 полков берсальеров, группы быстроходных танков, 3 танковых батальонов, особого батальона “Сан Марко”, 2 батальонов чернорубашечников и других поддержанных флотом и авиацией частей. Атакованные не оказали практически никакого сопротивления захватчикам, лишь жители прибрежных городов Дуррес и Влера некоторое время пытались отстреливаться от итальянских солдат из охотничьих ружей. Как и следовало ожидать, эффекта это не возымело, и к 10 апреля страна была оккупирована полностью.

Захват Албании явился весьма странным и нелогичным, как и многие действия импульсивного Муссолини, шагом. Страна и без того полностью зависела от Италии и являлась ее сырьевым придатком, поэтому Риму явно не стоило тратить силы и средства и вдобавок приобретать репутацию агрессора. Даже само содержание предъявленного Тиране ультиматума поражает убожеством фантазии его составителей и полным отсутствием действительной необходимости в выполнении перечисленных условий. Основными пунктами документа являлись требования предоставления итальянским войскам права высадки в любое время и в любом месте албанской территории, установление наблюдения и контроля итальянских военных властей над всеми транспортными коммуникациями и укреплениями страны и предоставление гражданам Италии равных с албанцами прав. Подобные действия Муссолини не диктовались какой-либо экономической или военной необходимостью, а входили составной частью в его программу завоевания господства в бассейне Средиземного моря и воспитания в итальянском народе агрессивного духа. Это было для него даже важнее вывоза хромовой и медной руды, битума, нефти и бурого угля, к которым Италия и без того имела доступ практически за бесценок. Кроме того, Муссолини намеревался осуществлять большую военную стратегию самостоятельно и абсолютно не собирался координировать свои действия с Гитлером. Это и стало началом его краха.

В течение некоторого времени после начала Второй мировой войны Балканы оставались на периферии Европы, и многим казалось, что война не затронет этот регион, поскольку после успешного разгрома Франции и британских экспедиционных сил в Европе внимание Гитлера было обращено на Северную Африку. Именно там он ожидал помощи

от своего итальянского союзника, но внезапно выяснилось, что тот имел на этот счет совершенно иное мнение. Муссолини решил доказать стране и всему миру свою способность к абсолютно автономным действиям и тем самым совершил одну из худших возможных ошибок в коалиционной войне, не поставив Берлин в известность о своих планах нападения на Грецию с албанского плацдарма. В отличие от вторжения в Югославию, в Греции Германия не имела никаких интересов и потому не планировала там совершенно ненужные для себя действия. Муссолини прекрасно знал об этом и все же пошел на акцию, еще более странную и нелогичную, чем предшествовавший ей захват Албании. Объяснение этому следует искать не только в уже перечисленных мотивах итальянского лидера, но и в его глубоком личном презрении к “левантинцам”, которых он почти не считал за людей. По мнению дуче, греки не были способны на какое-либо организованное сопротивление его армии, и он решил разгромить их мимоходом.

Все обернулось совершенно иначе. Мало того, что обманутому в ожидании итальянской помощи в Египте Гитлеру пришлось полностью перестраивать свои оперативные планы, но и греки оказались совершенно не тем противником, которого рассчитывал встретить Муссолини. 28 октября 1940 года его 9-я армия вторглась в пределы Греции и быстро смяла малочисленные части прикрытия границы, однако уже 8 ноября подтянутые резервы остановили наступление итальянцев, а затем греческая армия нанесла контрудар и отбросила агрессора в глубину Албании. Муссолини пришлось пережить небывалое унижение и просить Гитлера о помощи, а в ее ожидании вести трехмесячную оборонительную войну. Одновременно греческое правительство обратилось к британцам, увидевшим в этом благоприятную возможность переломить ход войны. Черчилль планировал перебросить на Балканы значительную часть британской Нильской армии, однако немцы оказались сильнее. Спешно, но достаточно скрупулезно подготовленный в декабре 1940 года план “Марита” (“Директива № 20”) увенчался успехом. После начала наступления 6 апреля 1941 года вермахт очень скоро разгромил и греческие войска, и 53-тысячную британскую группировку, потери которой достигли 11840 человек. В ходе кампании вновь важную роль сыграли диверсанты из полка “Бранденбург”, три группы которых численностью по 16 человек сумели эффективно нарушить коммуникации связи обороняющихся. 6 апреля одна из рот полка захватила мост через Вардар и обеспечила беспрепятственный проход направлявшейся к Салоникам германской танковой дивизии. С 21 по 27 апреля десант 2-го батальона полка “Бранденбург” высадился на острове Эвиа в заливе Волос и оттеснил отступающие британские части к Фермопильскому проходу, позднее он же первый вошел в Афины. В городе действовал также и отряд особого назначения — военно-морская команда “Гамбург”, 27 апреля захватившая документацию морского министерства Греции. В мае 1941 года в оккупированной столице было открыто абверштелле (АСТ) с отделением (АНСТ) в Салониках, для инспекции которых из Берлина прибыл адмирал Канарис. В официальной истории СИС утрата Греции квалифицировалась как серьезная потеря, повлекшая “нехватку наступательной разведки оперативного масштаба о судоходстве противника”¹⁵³. Следует отметить, что к этому времени система британской разведки на рассматриваемом направлении была развита совершенно неудовлетворительно. Офицер секции “Д” СИС в Афинах Шоттон находился там с сентября 1939 года под прикрытием служащего компании “Ингерсол Рэнд”, однако не смог выполнить ни одну из поставленных перед ним задач. Попытка организовать в декабре 1939 года Балканский центр военной разведки завершилась издевательским объявлением об этом событии в информационном выпуске германских новостей уже через неделю после его создания.

Британские войска эвакуировались на стратегически важный остров Крит, но германские десантники выбили их оттуда в ходе операции “Меркурий” (“Директива № 28”). При захвате Крита бойцы “Бранденбурга” действовали вместе с парашютистами, однако имели собственные задачи. На этот раз им не удалось выполнить их, и десантировавшаяся для захвата предназначенных для эвакуации транспортных судов рота была отброшена от порта. Разгром британской группировки на Крите явился заключительным этапом овладения югом Балканского полуострова и расположенными вокруг него многочисленными островами, имевшими важнейшее значение для завоевания господства на Средиземном море и нарушения движения конвоев в Северную Африку. Операция “Меркурий” стала наиболее масштабной среди всех действий десантников рейха, и она же положила конец их использованию в этом качестве. Слишком тяжелые потери вынудили командование вермахта и люф-

тваффе отказаться от использования парашютно-десантных частей по прямому назначению и в дальнейшем, за незначительными исключениями, использовать их как обычную, хотя и прекрасно подготовленную пехоту.

Еще одним оккупированным в ходе Второй мировой войны балканским государством стала Югославия. Это также произошло в некоторой степени случайно, на протяжении непродолжительного времени страна даже являлась союзником рейха, и вплоть до марта 1941 года германское нападение на нее представлялось делом совершенно немыслимым. Югославия сохраняла прекрасные отношения с Германией, немецкое национальное меньшинство в ней насчитывало около полумиллиона человек и, в отличие от Польши или Чехословакии, занимало там достойное положение. Местные немцы образовали весьма авторитетные и влиятельные союзы, общества и институты, наиболее известными из которых были “Юпитер” и “Культурбунд”. Имевшая сильные позиции в регионе германская разведка неизменно доносила о благожелательном отношении к Германии в правительственных кругах Югославии, подкреплявшемся заключенным в 1937 году договором “о вечной дружбе” между Белградом и Берлином. В начале 1938 года правительство М. Стояновича дало безоговорочное согласие на аншлюс Австрии. Серьезные пограничные претензии к Югославии имела ближайшая союзница рейха Италия, но они решались мирным путем, на основании существовавшего между государствами договора о нейтралитете.

В югославской столице действовала резидентура абвера (КО-Белград) во главе с майором Фридрихом, руководившая действиями в Загребе упомянутого “Юпитера” и снабдившая его передатчиком. Основной задачей точки являлось обеспечение безопасности судоходства по Дунаю, в первую очередь перевозок румынской нефти, для чего абвер располагал определенными возможностями и заранее готовился к активным действиям. Еще в марте 1940 года немцы контрабандным путем ввезли в страну 100 пистолетов, в дальнейшем переданных отрядам, сформированным в декабре 1940 – январе 1941 года по образцу германских СА из местных фольксдойче.

Обстановка в Югославии начала изменяться с декабря 1939 года. После проигрыша на выборах и роспуска правительства обозначилась определенная слабость центральной власти, чем сразу же не преминули воспользоваться многочисленные национальные составляющие этого объединенного государства. Наиболее радикальной оказалась позиция хорватской организации “Усташа”, требовавшей выхода Хорватии из состава Югославии, образования независимого моноэтнического государства и перехода его под протекторат Германии. Следует отметить, что в Берлине никоим образом не поощряли подобные тенденции и не поддерживали ни руководителя (“поглавника”) усташей Анте Павелича, ни любого другого сепаратиста. Центральное правительство в Белграде отвечало немцам взаимностью, особенно после разгрома Франции, и 25 марта 1941 года объявило о присоединении страны к Тройственному пакту, что стало его фатальной ошибкой. Германофильские тенденции руководства отнюдь не были сильны в народе, и перспектива втягивания в войну с Великобританией не вызвала энтузиазм у населения. Почти повсеместно, особенно в Сербии, это было сочтено предательством национальных интересов, и в ночь с 26 на 27 марта группа проанглийски и профранцузски настроенных офицеров совершила государственный переворот. Следует отметить, что определенное отношение к нему имел Сое, до апреля 1941 года располагавший представи-

М. А. Мильштейн

тельством в Белграде. Однако роль Разведывательного управления генштаба Красной Армии в событиях была значительно большей, о чем можно судить хотя бы по уровню руководителя специальной миссии советской разведки — начальника отделения 1-го (западного) отдела РУ полковника М. А. Мильштейна. Восставшие офицеры свергли принца-регента Павла Карагеоргиевича, провозгласили новым монархом 17-летнего Петра II и специальным декретом объявили его совершеннолетним, следовательно, не нуждавшимся в регенте. Занявший пост премьер-минист-

ра генерал Д. Симович денонсировал присоединение Югославии к Тройственному пакту и 5 апреля заключил советско-югославский договор о дружбе и ненападении.

Британская пресса не просто с удовлетворением отметила этот факт, а расценила его как плевок в лицо Гитлеру, который был с такой оценкой вполне согласен. Страна, пользовавшаяся его немалым расположением, внезапно оказалась почти в лагере врагов, и судьба ее была решена. Белград требовалось примерно наказать, чтобы никому больше в мире было не повадно вести себя с фюрером подобным образом. Британский посланник в Белграде Рональд Кэмпбелл получил из Лондона составленное по материалам радиоразведки извещение о готовящемся нападении, однако весной 1941 года англичане находились в столь бедственном положении, что ничем помочь югославам не могли. В то же самое время для Германии обстановка облегчалась тем, что нападение на Югославию (“Директива № 25”) отчасти вписывалось в план подготавливавшихся действий против Греции “Марита” и не требовало добавочных перебросок на Балканы сухопутных войск и авиации. Гитлер заметил, что последствия югославских событий могли бы оказаться для рейха намного более серьезными, если бы они произошли после нападения на Советский Союз.

Вторжение вермахта было подготовлено действиями срочно мобилизованной для выполнения этой задачи разведки. От нее требовалось сорвать мобилизационные мероприятия югославского правительства, установить дислокацию кораблей речной военной флотилии и выполнить поручение Геринга по нейтрализации действий ранее переданных Югославии истребителей “Мессершмитт” Bf-109. 3 февраля 1941 года АСТ-Вена образовало спецподразделение контрразведки для действий в рамках операции “Марита”, предусмотрев возможность направления его также и в Югославию. С 27 марта три самолета из Разведывательной группы главного командования люфтваффе под командованием полковника Теодора Ровеля ежедневно производили фотографирование объектов на югославской территории. Начальник Абт-II Лахузен 30 марта срочно прибыл в Будапешт для организации тайной переброски оружия через венгерско-югославскую границу. Зепп Янко возглавил сформированную им из местных фольксдойче группу боевиков. Она напрямую подчинялась Абт-II, с конца марта забрасывавшему на территорию страны диверсантов для связи с Янко.

Согласно мобилизационному плану Р-41, югославская армия должна были иметь 28 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, 16 пехотных полков и другие части общей численностью 1,2 миллиона человек, но его выполнение осталось на бумаге. Командование не подготовилось к явно назревавшей “Апрельской войне” и лишь 30 марта объявило частичную мобилизацию, всеобщая же мобилизация началась лишь 4 апреля. Из всех предусмотренных планом Р-41 частей только 11 пехотных дивизий успели выдвинуться в отведенные им районы и, естественно, не смогли оказать действенного сопротивления нападению 24 немецких, 22 итальянских, 5 венгерских и 3 болгарских дивизий, легко прошедших сквозь ненадежные заслоны 600-тысячной югославской армии. Как обычно, германское наступление было поддержано действиями частей специального назначения. Сразу же после его начала усиленные 2-м батальоном полка “Бранденбург” заброшенные из Бухареста боевики абвера захватили югославский берег дунайского ущелья Железные Ворота и взяли фарватер под свой контроль. Совместно с группой Янко сразу после начала военных действий они овладели переправами на реке Драва и аэродромом в Землине, а также нарушили линии проводной связи и устроили завалы на железных и шоссежных дорогах. Фронтальная группа полка “Бранденбург” шла в передовых рядах танков 12-й армии, имея задачей захватить военные архивы Югославии, действительно обнаруженные на одной из барж в речном порту Белграда. Пытавшийся бежать британский посланник 18 апреля был захвачен итальянцами в одном из пунктов побережья. Для его спасения англичане направили туда подводную лодку “Риджент”, десантная партия с которой захватила в качестве заложника итальянского офицера и требовала освобождения дипломата и сопровождавших его лиц. В это время лодку атаковали три самолета, ранившие ее командира и нескольких членов экипажа. Она вынуждена была уйти, причем едва сумела прорваться через минные заграждения и артиллерийский огонь с берега, посланник же остался в руках итальянцев. В дальнейшем персонал британской дипломатической миссии был интернирован в Италии и обменен обычным порядком.

Отсутствует ясность в вопросе о том, насколько абвер сумел выполнить поручение Геринга относительно нейтрализации истребителей Bf-109. По состоянию на 1 апреля 1941 года таковых в ВВС Югославии насчитывалось 73, но боеспособными из них были, по про-

Анте Павелич

Канарис. С ноября подразделение береговой охраны полка “Бранденбург” взяло под противодиверсионную охрану адриатическое побережье. Его бойцы имели на вооружении скоростные надувные лодки и в случае необходимости могли нанести удар по противнику, высадившись с моря в его тылу.

Развал центральной власти усилил центробежные тенденции в стране и дал сигнал к отделению ее частей. Немедленно возникло Независимое хорватское государство (НХГ), главой которого формально являлся претендент на престол итальянский герцог Сполетто, фактически же им руководил вернувшийся из эмиграции “поглавник” Павелич. Германия захватила Северную Словению, Италия — Южную Словению, Черногорию и часть Далмации, Венгрии достались части Словении и Воеводины, Болгарии — Юго-Восточная Сербия и почти вся Вардарская Македония, за исключением ее западной части, вместе с Косово вошедшей в находившуюся в полной зависимости от Италии “Великую Албанию”. Сербию и часть Воеводины оккупировал вермахт, а в Белграде было посажено марионеточное правительство во главе с генералом М. Недичем.

Сопrotивление германской оккупации началось в уже апреле 1941 года, после образования в Словении Освободительного фронта. Теоретически словенцы опередили всех, однако этот акт являлся лишь организационным. Первыми на путь реальных действий встали сербы: в мае 1941 года отказавшийся капитулировать полковник Драголюб (Дража) Михайлович увел группу офицеров в горы и начал формировать партизанские отряды. По терминологии времен сопротивления турецкому владычеству они именовались “четами”, а все их бойцы — четниками. В августе полковник установил связь с югославским эмигрантским правительством, быстро присвоившим ему звание генерала и назначившим военным министром. Одновременно стали ясны некоторые весьмастораживающие тенденции в поведении Михайловича, демонстрировавшего свой крайний национализм с элементами фашизма и вынашивавшего планы создания этнически чистой “Великой Сербии”. Коммунисты также развернули партизанскую борьбу, поскольку, в отличие от ситуации с другими ранее оккупированными странами, Германия почти сразу же после нападения на Югославию вторглась в СССР. Это немедленно вызвало активизацию левых сил страны. 27 июня 1941 года центральный комитет компартии Югославии (КПЮ) сформировал штаб партизанского движения во главе с руководившим партией с 1937 года Иосипом Брозом, более известным как Тито. Уже 4 июля ЦК КПЮ принял решение о вооруженном восстании против оккупантов, начавшемся в Сербии три дня спустя и приведшего к организации на освобожденной территории страны так называемой “Ужицкой республики”. Партизаны и четники не просто не взаимодействовали друг с другом, со временем их плохие отношения переросли в боевые

тиворечивым оценкам, то ли 50, то ли 61. Известно, что во время попыток отражения налетов бомбардировщиков люфтваффе часть Вf-109 не смогла подняться в воздух по техническим причинам, причем ряд исследователей полагает эти поломки результатом действий немецких диверсантов. Однако достоверных доказательств такой версии нет, а общая обстановка в военно-воздушных силах Югославии в описываемый период не благоприятствовала поддержанию материальной части в хорошем техническом состоянии. Исходя из изложенного, однозначно принять на веру или отвергнуть роль абвера в снижении боеспособности югославских ВВС не представляется возможным.

13 апреля пал Белград, правительство во главе с королем Петром сумело уйти через Ближний Восток в Британию вместе с золотым запасом страны. “Апрельская война” была проиграна окончательно. 18 апреля в Белград для проведения инспекции срочно открывавшегося в городе отделения военной разведки прибыл адмирал

столкновения. Консолидация освободительных сил в стране отсутствовала, чем не замедлили воспользоваться немцы. Осенью 1941 года части вермахта и СС перешли в наступление на “Ужичкую республику” и вытеснили партизан на юг, в район Санджака. Оккупационные органы безопасности развернули жестокий террор против населения, но даже он не мог сравниться с кровавым кошмаром, происходившим в контролируемых устахами областях. Возникшее 22 июня 1941 года Независимое хорватское государство развернуло геноцид, равного которому до тех пор не знала Европа. Даже уничтожение нацистами евреев, хотя и более крупное по масштабам, не носило такой жестокий характер и не сопровождалось поистине средневековыми пытками жертв. В Хорватии прорвалась наружу давняя и подавляемая ранее ненависть двух народов, двух религий, причем, в отличие от обычной практики, католическое духовенство НХГ не только не пыталось призвать свою паству к гуманности, но и выступало в первых рядах палачей. Даже принудительное обращение в католичество не могло помочь выбранным в качестве жертв людям. Идеолог усташей Миле Будак провозгласил: “Для сербов, цыган и евреев у нас найдется три миллиона пуль”¹⁵⁴, но это была лишь часть истины. В действительности хорваты находили особое удовольствие в убийствах сербов без помощи огнестрельного оружия, их строили в колонны и сотнями убивали, как скот на бойне, ударами молотков по головам. Молодой студент-юрист выиграл соревнование, перерезав горло 1360 сербам, за что получил набор призов: золотые часы, серебряный сервиз, жареного поросенка и вино. Несчастных зачастую убивали долго и изощренно, резали на куски, и хорватские юноши любили пугать своих подруг и развлекаться, при приветствии незаметно вкладывая им в ладонь отрезанный нос, палец или ухо серба. Число убитых исчислялось сотнями тысяч. В лагерях усташи вели себя несколько не лучше и часто тренировались на заключенных, а один из комендантов гордился своим умением одной пулей убить сразу 12 сербов. “Поглавник” Павелич хвастался полученной в подарок от верных усташей корзиной с 20 килограммами человеческих глаз. Садистское безумие ширилось и вызывало отвращение у оккупационных войск. На защиту убиваемых встали даже немцы, однако их покровительство не распространялось на евреев и цыган, итальянцы же иногда вступали с устахами в перестрелки и являлись подлинным спасением для множества несчастных людей. Следует отметить, что оккупационные войска защитили и спасли значительно больше сербов, чем партизаны и четники, занятые политической борьбой и заботами о собственном выживании.

Развернувшаяся в Югославии партизанская война сразу же привлекла внимание разведывательных служб союзников, и в стране довольно быстро появились первые представители СОВЕ. Общее руководство балканским направлением в Исполнительном органе специальных операций возлагалось на соответствующую секцию (“D”) в Лондоне, а также резидентуру в Стамбуле (майор, впоследствии полковник С. У. Бэйли) и региональный центр в Каире. Сотрудники диверсионной секции МИ-6 находились в Белграде еще до начала войны, однако в конце 1940 года всех их выслали по категорическому требованию германского посольства. Руководители Форин офис небезосновательно считали, что не следует дразнить немцев и провоцировать их на оккупацию Югославии, поэтому даже не вручили по этому поводу ноту протеста. Следующее появление британских спецслужб в лице СОВЕ состоялось лишь осенью 1941 года. К этому времени англичане полностью лишились агентуры в регионе и не имели даже отдаленного представления о происходящем там. Эмигрантское правительство также не было в состоянии помочь СИС или СОВЕ разобраться в расстановке сил, хотя отдаленные слухи о разворачивающихся в стране двух параллельных и враждующих партизанских движениях все же достигали Лондона. После нападения Германии на Советский Союз югославский вопрос был рассмотрен в СОВЕ заново, на этот раз с учетом возможной заброски агентов с востока, что являлось в описываемый момент совершенно утопической идеей. Первый конкретный шаг в желаемом направлении был сделан в сентябре 1941 года, когда вышедшая с Мальты подводная лодка “Трайомф” высадила на берегу Адриатики разведгруппу в составе британского специалиста по ведению партизанской войны Д. Т. Хадсона, югославских майоров Остожича и Лалатовича, а также радиста Драгичевича. Формально миссию направило эмигрантское правительство, поэтому ее руководителем числился Остожич, но реально возглавлял ее, естественно, Хадсон. Британец слабо ориентировался в области политики и не имел разведывательной подготовки, зато свободно владел местными языками и был первоклассным подрывником. Миссия СОВЕ имела с собой значи-

Дража Михайлович

тельную сумму денег в золотых соверенах, много оружия и два передатчика. Однако фактически группа радиосвязью не обладала, хотя на первом этапе сама об этом не знала. Один из передатчиков, питавшийся от батарей, был маломощным и не обеспечивал нужную дальность связи, а второй питался от сети и потому тоже оказался бесполезным в горных условиях. Задача посланцев из Лондона состояла в установлении связи с любимыми отрядами югославского Сопротивления, проверке слухов о наличии враждующих между собой сил, определении их потребностей и боеспособности подразделений, хотя бы и в перспективе. К рассматриваемому времени в Лондоне очень мало знали о дей-

Иосип Броз Тито

ствиях Тито и ничего — о Михайловиче, поэтому миссия высаживалась на побережье Черногории практически вслепую. Однако разведчики достаточно быстро связались с активно действовавшими в этом регионе местными коммунистическими партизанскими отрядами, руководители которых направили их в Ужице.

Тито встретил лондонских эмиссаров гостеприимно, но настороженно. Прежде всего, он трезво оценивал плачевное положение Великобритании осенью 1941 года и не питал иллюзий в отношении возможности получения от нее реальной помощи. Кроме того, коммунист Тито не был сторонником активного сотрудничества с эмигрантским правительством и не желал попадать к нему в зависимость. Тем не менее, он разрешил Хадсону и Драгичевичу использовать свои средства радиосвязи для установления связи с Каиром и Мальтой. Именно это обстоятельство и предопределило дальнейшее развитие событий. К этому времени британский радиоцентр в Ла-Валетте принял радиограмму от Михайловича, содержание которой показалось СОЕ весьма многообещающим, и 25 сентября Хадсон получил указание покинуть ставку Тито и отправиться к четникам, с которыми у партизан уже шла почти что открытая гражданская война. Ничего хуже для развития отношений Тито с Лондоном придумать было невозможно, но британцы поняли это не сразу. В штабе Михайловича их также приняли вежливо, но с недоверием — ведь они только что вели переговоры со злейшим врагом четников. Полковник немедленно заявил, что он является единственным представителем законного правительства на югославской территории, и предложил выбрать, ему или Тито будет оказываться помощь. Компромиссный вариант он сразу отбросил как неприемлемый. Разведчикам все это совершенно не понравилось, но поскольку их собственная радиоаппаратура бездействовала, связь приходилось поддерживать по радию Михайловича, что заведомо исключало возможность неконтролируемого радиообмена и заставляло Хадсона быть крайне сдержанным в оценках. Правда, маломощный передатчик СОЕ все же ненадолго смог пробить отделяющее Сербию от Каира расстояние. Хотя радиация вскоре перегорела, и независимая связь группы с каирским центром прервалась довольно быстро, Хадсон все же успел довести до сведения руководства свое мнение о нецелесообразности снабжать Михайловича, обращающего все полученное оружие и снаряжение не против немцев, а против партизан.

Здесь следует особо отметить ложность десятилетия поддерживавшейся советскими историками теории о поддержке британской разведкой в Югославии в основном четников Михайловича, а не партизан Тито, которые не устраивали СОЕ принадлежностью к коммунистической партии и ориентацией на Советский Союз. В действительности СОЕ, в отличие от ОСС, направлял основной поток снабжения коммунистическим партизанским группам и оказывал им весомую политическую помощь, особенно на последних этапах войны. Если вначале партизанам доставили 71 тонну различных грузов, а четникам — 118, то с зимы 1943/1944 года Михайлович уже в основном довольствовался моральной поддержкой, тогда как Тито получал в среднем по 125 тонн снабжения в месяц. С апреля по июнь 1944 года общий объем поставок смог достичь 3100 тонн, поскольку в этот период число выполняющих снабженческие рейсы по заявкам СОЕ самолетов возросло с 32 до 113. Британцы имели достаточно веские причины вести себя подобным, на первый взгляд, нелогичным об-

разом, поскольку действия Михайловича никак не способствовали достижению победы над противником. По каналам ПШКШ/ШКПС, СИС и СОЕ в Лондон постоянно поступала весьма компрометирующая его информация. При самом либеральном подходе он считался в лучшем случае не воюющим союзником, а зачастую действовал как коллаборационист. Дешифрованные перехваты радиообмена абвера и полиции свидетельствовали о сотрудничестве многих командиров четников с оккупантами и белградским правительством и о подозрительной близости министра обороны генерала Михайловича к устахам, итальянцам, а иногда и к немцам. В конце 1941 года он провел секретную встречу с полковником Маттлем из АСТ-Белград, а в дальнейшем их контакты перешли в переговоры с командиром 4-го легкого полка дивизии особого назначения “Бранденбург”. Стороны договорились о создании в составе дивизии “Черногорского легиона”, однако в вопрос вмешалось ОКВ и запретило формировать его.

Весной 1942 года руководитель миссии СОЕ в Югославии Хадсон вновь вышел на связь с Лондоном и подтвердил самые худшие оценки руководителя четников. Он считал его почти фашистом и настаивал на прекращении оказывавшейся ему поддержки. Следует, однако, отметить, что Михайловичу подчинялись не все существовавшие четы. Часть этих отрядов представляла собой обычные банды, а некоторые из них даже признавали власть белградского марионеточного правительства. В отличие от партизан, четники весьма опасались жестких контрпартизанских действий вермахта и СС, поэтому старались придерживаться стратегии сохранения сил для противодействия устахам до подхода в будущем освободительных войск союзников. Михайлович тоже практиковал проведение “чисток” на подконтрольной ему территории, но, в отличие от кровавой практики хорватов, не истреблял при этом противников физически. Тем не менее, до определенного времени миссии СОЕ забрасывались к четникам довольно регулярно. Помимо сменившего Хадсона полковника Бэйли, с конца 1942 по весну 1943 года безуспешно пытавшегося убедить Михайловича воевать активнее против немцев, чем против партизан, в Югославию с февраля по апрель 1943 года отправились миссии “Каверн”, “Энэймел”, “Эксерпт”, “Рупииз”, “Родиум”, “Нерониэн” и некоторые другие.

К этому времени коммунистическое партизанское движение уже успело зарекомендовать себя в качестве серьезной силы. 21 декабря 1941 года была сформирована 1-я пролетарская бригада, за ней возникли и другие части, постепенно приближавшиеся по своим боевым качествам и уровню дисциплины к регулярным войскам. К 1942 году партизаны контролировали 50 тысяч квадратных километров освобожденных территорий и постепенно организовывались структурно. 11 января был создан Верховный штаб народно-освободительной партизанской и добровольческой армии Югославии (ВШ НОП и ДАЮ), а 20 ноября того же года возникла единая Народно-освободительная армия Югославии и партизанские отряды Югославии (НОВ и ПОЮ), верховным главнокомандующим которой являлся Тито. К концу года ее силы насчитывали 36 партизанских отрядов, 38 пехотных бригад и 9 дивизий, объединенных в 2 корпуса общей численностью около 150 тысяч человек. Через год дивизий было уже 19, корпусов — 8, а в 1944 году соответственно 32 и 9. К концу войны численность НОВ и ПОЮ достигла 400 тысяч человек, тогда как отряды четников никогда не насчитывали более 30 тысяч бойцов. С сентября 1942 года в составе партизанских вооруженных сил появились морские части, а в 1944 году разрозненно использовавшиеся самолеты были сведены в 2 авиационные дивизии. Важную роль в этом процессе играла помощь СССР, за годы войны поставившего армии Тито 155,3 тысячи винтовок и карабинов, 38 тысяч автоматов, свыше 15 тысяч пулеметов, 5,8 тысяч орудий и минометов, 69 танков и 491 самолет¹⁵⁵. Снабжение производилось в основном по воздуху с аэродромов в районах Киева и Винницы.

Набравшие военную мощь партизаны стали серьезным фактором политической обстановки в стране. С 26 по 27 ноября 1942 года в Бихаче было созвано Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), а после года почти непрерывных боев и походов 29 и 30 ноября 1943 года в Яйце прошла его вторая сессия, на которой была принята декларация о новом государственном устройстве страны. В соответствии с ней создавалось новое правительство во главе с получившим маршальское звание Тито под названием Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ). С точки зрения права эта акция явилась государственным переворотом, поскольку в новой системе не находилось места для короля, игнорировалось также и существование лондонского правительства. Те-

перь с НКОЮ приходилось считаться всем союзным государствам, и если СССР мог лишь приветствовать подобный рост влияния коммунистической партии, до войны насчитывавшей всего 6500 членов, то союзникам скрепя сердце пришлось принять факт как данность. Руководителем направленной к Тито британской военной миссии (“МАКМИС”) являлся бригадный генерал Фицрой Маклин, буквально маниакальная забота которого о собственной безопасности немало забавляла окружающих. Характерно, что наибольшие опасения у него вызывали действия его собственной организации. Он настолько не доверял своему руководству и полагал, что оно стремится избавиться от него, что отказался взять предоставленный ему СОЕ парашют и потребовал другой. Маклин не верил, что его радиogramмы дойдут до Лондона, поэтому добился специального и весьма необычного разрешения дублировать их по каналам МИ-6. 23 мая 1943 года Лондон направил к Тито свою официальную военную миссию (операция “Типикал”), в состав которой вошли и офицеры спецслужб. СИС представлял Билл Стюарт, а СОЕ — Уильям Дикин, с ними прибыли радист Перетц Розенберг и телохранитель, бывший морской пехотинец Джон Кэмпбелл. Группа достигла места назначения и приступила к работе, но 9 июня во время налета германской авиации Стюарт погиб, в августе его заменил спрыгнувший с парашютом Кеннет Сайерс. Дикин благополучно дожил до конца войны и затем провел в Белграде еще два года в качестве 1-го секретаря британского посольства. Практически одновременно с направлением к Тито миссии Маклина аналогичная группа под руководством бригадира С. Д. Армстронга была заброшена и к Михайловичу. Однако ее основной задачей была не организация снабжения четников, а побуждение их к активным действиям против немцев, от которых те старательно уклонялись. Не устраивавшие Лондон политика и стратегия Михайловича, а в еще большей степени решения Тегеранской конференции, на которой союзники по антигитлеровской коалиции решили сосредоточиться на помощи Тито, привели к постепенному прекращению британских поставок четникам.

Иначе смотрели на югославскую проблему в Вашингтоне. Американцы совершенно не понимали своих британских союзников, практически полностью переключившихся на поддержку коммунистических партизанских отрядов. Глава ОСС Уильям Донован уделял значительное внимание обстановке на Балканах и еще в начале 1941 года в качестве специального представителя президента Соединенных Штатов совершил поездку в Белград. Он полагал, что лишь четники являются единственными подлинными представителями Сопротивления в Югославии, а партизаны представляют собой не более, чем орудие СССР в борьбе за политическое влияние в регионе. При этом генерал совершенно игнорировал факт ведения ими активных боевых действий против оккупантов, в отличие от подчинявшихся Михайловичу отрядов. ОСС недвусмысленно сделало ставку на четников и весной 1942 года направило в их главный штаб офицера связи, а также поставило им 5 тысяч пистолетов и 2 тысячи пистолетов-пулеметов. Однако в процесс вмешался Рузвельт, полагавший, что его разведка слишком явно следует политическим пристрастиям ее руководителя. В 1943 году военные миссии США направились одновременно к Михайловичу и к Тито, а в Каире открылся центр ОСС на Среднем Востоке, в зону ответственности которого входили Балканы. Это натолкнулось на не слишком скрываемое противодействие каирского центра СОЕ, в соответствии с инструкциями британского правительства чинившего всяческие препоны проникновению США на Балканы в любой форме. Полуостров традиционно интересовал Великобританию, соперничавшую там за влияние с другими европейскими государствами и не желавшую появления еще одной могущественной политической и военной силы. В 1943 году Черчилль уже имел возможность думать о послевоенном устройстве мира не меньше, чем о путях достижения победы.

Противодействие союзникам принимало самые нелепые формы. В частности, ОСС долго и безуспешно пыталось получить во временное пользование малые плавсредства для высадки своей группы на берегу Адриатического моря, но британский флот неизменно реквизирует для своих нужд любую рыболовную лодку, на которую нацеливались американцы. Ситуация не разрешалась до тех пор, пока лично Донован не обратился в Лондон с жалобой на действия моряков, и лишь после этого на всем Средиземном море все же нашлись два крохотных рыболовных суденышка.

Великобритания постоянно пыталась снизить уровень американского представительства и добилась в этом успеха. Если британскую военную миссию у Тито возглавлял бригадный генерал Фицрой Маклин, то США были представлены всего лишь лейтенантом ОСС

Уолтером Мэнсфилдом. Миссией в штабе четников руководил офицер в значительно более высоком звании, майор Альберт Зейтц. Желая одновременно убрать противоречия между двумя ветвями югославского Сопротивления и заработать политический капитал на урегулировании ситуации в регионе, в ноябре 1943 года в Каире Донован предложил Рузвельту план объединения партизан и четников и подчинения их военному командованию союзников в Италии. В обеспечение его выполнения он вызвался лично спрыгнуть с парашютом в тылу вермахта и заняться этой проблемой. Следует отметить, что генерал не рисковал ничем. Вероятно, его предложение было вполне искренним, но ни одно государство никогда не рискнуло бы подвергнуть риску захвата противником носителя секретов столь высокого уровня, как начальник стратегической разведки. Вероятно, это стало одной из причин того, что Рузвельт счел весь план легковесным и непродуманным и на Тегеранской конференции даже не упомянул о нем.

8 декабря 1943 года в Лондоне парламент официально сообщил, что Британия поддерживает партизанские силы под командованием Тито более, чем четников генерала Михайловича. На следующий день государственный департамент США выступил с заявлением о том, что поддержка Соединенных Штатов в равной мере распространяется на партизан и четников, вне зависимости от их политической принадлежности. В пик американизации, англичане постоянно наращивали объемы снабжения Народно-освободительной армии Югославии, которые вскоре почти в 20 раз превзошли помощь, получаемую его конкурентом, хотя тот и являлся официальным министром обороны находившегося в Лондоне эмигрантского правительства. В миссии СОЕ к Тито участвовал даже сын Черчилля Рэндольф. В феврале 1944 года по указанию из Лондона командующий британскими войсками в Каире потребовал отозвать из отрядов четников всех офицеров, в том числе 30 советников из СОЕ. Американцы попытались сохранить у Михайловича своего представителя, лейтенанта ОСС Джорджа Маселина, задача которого состояла, в частности, в сборе разведывательной информации, однако после личного протеста Черчилля Донован вынужден был отозвать его. ОСС не желало мириться со столь бесцеремонным нажимом союзников по коалиции, но вынужденно действовало осторожно и скорее дипломатическими, нежели разведывательными методами. В отрядах четников находились свыше 100 сбитых американских летчиков, и под предлогом необходимости их эвакуации Бюро направило миссию из трех офицеров, одним из которых был ненадолго покидавший Югославию Маселин. В августе к ним присоединились еще три офицера, в том числе подполковник Роберт Макдауэлл, но тут терпение британцев истощилось. В дело вновь лично вмешался Черчилль и категорически потребовал наконец прекратить контакты с Михайловичем. В утешение из Лондона в Вашингтон поступило предложение пополнить представителями ОСС руководимую Линном Фэришем одну из групп СОЕ при штабе НОВ и ПОЮ. Возмущенный Донован заявил, что его люди никогда не будут младшими участниками политических миссий англичан, и сформировал собственную группу под руководством бывшего резидента ОСС в Италии полковника Эллери Хантингтона. Вместе с ним прибыл политический советник Чарльз Тейтер, вскоре сменивший своего руководителя, которому из-за возраста было трудно переносить полевые условия.

Тем временем британцы продолжали нажим на своих союзников, требуя убрать миссию ОСС из штаба Михайловича, и в сентябре 1944 года из Вашингтона поступил приказ о ее отзыве. Развернувшиеся бои позволили выполнить его лишь в ноябре и то после ареста передовыми частями наступавших войск советского 3-го Украинского фронта и высылки в Болгарию одного из американцев. 15 ноября из Югославии вылетели два офицера разведки США, причем одновременно британцы попытались настоять, чтобы они взяли с собой и Михайловича. Последние представители ОСС покинули контролируемые отрядами четников территорию 12 декабря 1944 года. Одновременно Тито, не желавший быть чьей-либо марионеткой и стремившийся стать лидером сильного и демократического государства, решил продемонстрировать свою независимость от западных советников. Начальник его штаба Арсо Йованович не позволял офицерам британской и американской разведок перемещаться далее весьма ограниченной зоны, вызывая их сильное возмущение. Более того, он запретил своей разведке передавать советникам из СОЕ, СИС и ОСС любую добытую информацию.

В этих условиях НОВ и ПОЮ явно требовалась собственная секретная служба, а единого подобного органа в ее структуре пока не существовало, каждый отряд или часть решали этот вопрос самостоятельно, в меру собственного разумения и весьма скромных возможностей. По предложению секретаря ЦК КПЮ Александра Ранковича была организо-

вана Военная служба безопасности (ВОС), теоретически имевшая исключительно оборонительную направленность. Она была призвана выполнять задачи по контрразведывательному обеспечению войск и борьбе с изменой в собственных рядах, что с самого начала считалось весьма деликатной задачей, подлежащей прямому постоянному контролю со стороны политического руководства. Центральный аппарат ВОС (“Центральная комиссия”) действовал в непосредственном подчинении Центрального комитета коммунистической партии и руководил Сектором Военной службы безопасности, а также координировал его работу с Главным управлением безопасности НОВ и ПОЮ, одновременно имевшим статус сектора в ВОС. Помимо этих двух секторов, в подчинении Службы военной безопасности имелись боевые подразделения. Столь запутанная организационно-структурная схема не могла существовать долго, и вскоре была отброшена как нежизнеспособная. Руководство компартии поняло, что создать полноценную спецслужбу без иностранной помощи и консультаций не удастся. У коммуниста Тито не возникало даже мысли об обращении по этому поводу к кому-либо иному, кроме своего советского союзника, и НКГБ направил к нему группу советников, имевшую статус резидентуры. Возглавлял ее Г. С. Григорьев, имевший по прикрытию должность помощника начальника советской миссии и документы на имя генерала Н. В. Корнеева, в подчинении у него находились оперативный работник В. А. Квасов, шифровальщики и радисты. Задачами резидентуры являлись создание базы для развертывания разведывательной работы по Германии и сбор информации по отрядам четников, а также по действиям в стране английских и американских советников и разведчиков. В марте 1944 года Тито попросил прислать ему специалистов по организации контрразведывательной работы и по шифровальному делу, после чего через полтора месяца в его штабе появилась новая группа офицеров. В ее состав входили советник по разведке Б. П. Одинцов, советник по контрразведке А. В. Тишков, специалист-криптограф П. Е. Горошин и ставший личным шифровальщиком маршала М. В. Жуков, к ним присоединился также прибывший из Лондона К. К. Квашнин, в обязанности которого входило являвшееся прикрытием группы поддержание связи с представителями британской разведки.

Достоверно неизвестно, какие именно факты послужили причиной просьбы Тито об организации специализированного контрразведывательного подразделения, однако причины на это имелись довольно веские. Ряды НОВ и ПОЮ были засорены вражеской агентурой, засланной не только немцами, итальянцами и четниками, но и союзниками. В частности, СИС располагала первоклассной информацией о происходивших в штабе Тито событиях. По сообщению Филби, англичане знали о предстоящем прибытии группы советников по разведке еще ее фактического появления в Югославии. Но наибольшую опасность, безусловно, представляли агенты германской разведки. По их предварительной информации немцы спланировали и осуществили операцию “Россельшпрунг”, направленную на захват или уничтожение Тито. Она началась 22 мая 1944 года с разведывательных облетов долины Дрвара, где располагалась штаб-квартира маршала. Утром 25 мая 50 самолетов подвергли район дислокации ставки разрушительной бомбардировке, под прикрытием которой 6 транспортных самолетов и 13 планеров высадили вначале 600, а затем еще 800 десантников из 500-го парашютного батальона СС. Каждому из них была вручена фотография Тито. По земле к Дрвару продвигались части трех пехотных дивизий вермахта и егеря из дивизии особого назначения “Бранденбург”, а также хорватские и боснийские подразделения. Они захватили город и пытались прорваться к пещере, в которой располагались маршал, его штаб и руководство ОЗНА, отсекая огнем пути их возможного отхода. Операция не достигла цели, поскольку Тито вместе с Ранковичем и штабом сумел ускользнуть из окружения на советском транспортном самолете вначале в Бари, а позднее перенес свою ставку на остров Вис в Адриатическом море. Однако система управления войсками НОВ и ПОЮ оказалась полностью разрушенной, поскольку немцы уничтожили поддерживавшие ее радиостанции.

В этой обстановке создание собственной секретной службы представлялось задачей первостепенной важности, и она была решена. Ранкович и назначенный его заместителем бывший секретарь Далматинского областного комитета КПЮ Александр Стефанович не скопировали советскую модель полностью, а внесли в нее некоторые коррективы, более придерживаясь опыта СССР лишь в области контрразведки. Реорганизованная спецслужба получила громкое название Органов защиты народа (ОЗНА), в которую были сведены воедино разрозненные оперативные подразделения различных частей и соединений НОА и ПОЮ. Центральный аппарат ОЗНА первоначально состоял из четырех отделов:

- отдел разведки на оккупированных территориях;
- отдел контрразведки среди гражданского населения на освобожденных землях;
- отдел контрразведки в армии;
- учетно-техническая служба.

Позднее все отделы получили статус управлений.

Особое внимание уделялось криптографической работе, которую через некоторое время возглавила Душица Перович, и, естественно, подготовке кадров. ОЗНА постепенно наращивала силу и проводила активные операции. Существует мнение, что ее агенты похитили в Бари двух офицеров связи четников с ОСС, однако достоверно причина исчезновения этих людей не установлена.

Осенью 1944 года войска советского 3-го Украинского фронта начали очистку югославской территории от вермахта, завершив ее полностью лишь 15 мая следующего года. В октябре был освобожден Белград, в соответствии с достигнутым 2 ноября соглашением вновь ставший столицей объединенного югославского государства. Тито брал власть достаточно мягко. Премьер лондонского правительства И. Шубашич занял пост министра иностранных дел, а всего эмигранты получили 3 из почти 30 мест в образованном 7 марта 1945 года объединенном коалиционном правительстве. Однако фактически всем процессом руководила коммунистическая партия Югославии, завоевавшая это право в долгой борьбе, стоившей народу 1,7 миллиона жизней.

После освобождения столицы в ОЗНА были дополнительно образованы отдел по контролю за деятельностью иностранных дипломатов и военных миссий и служба охраны высших партийных и государственных деятелей страны. Значительно усилилась резидентура НКГБ СССР, руководителем которой стал А. В. Тишков. На места отправились советники и инструкторы по разведке и контрразведке, занимавшие по прикрытию должности офицеров связи военной миссии, хотя некоторые из них для разнообразия значились добровольцами НОВ и ПОЮ. Большая группа югославы прошла обучение на курсах криптографов, после чего Тито смог заменить советского личного шифровальщика на своего соотечественника. Группа из 29 офицеров ОЗНА уехала в Москву для учебы на курсах при Высшей школе НКГБ СССР, где часть из них прошла подготовку с диверсионным уклоном.

Югославским органам государственной безопасности предстояла немалая работа в освобожденной стране, и одной из задач являлся розыск военных преступников, к категории которых в первую очередь были отнесены руководители, командиры и активисты усташей. Однако почти все они успели скрыться в Австрию, а оттуда в массовом порядке бежали в Латинскую Америку, Испанию и Соединенные Штаты. Практически никто из них не был выдан для суда государствами пребывания, даже заочно приговоренный к смертной казни Анте Павелич с аргентинским паспортом на фамилию Рамирес выбрался в Зальцбург с награбленными 350 тысячами швейцарских франков. Британцы смогли отобрать у него 150 тысяч, но и оставшихся денег бывшему “поглавнику” вполне хватило для мирной и безбедной жизни в Аргентине, где он и умер в 1959 году. Иная судьба ожидала руководителя четников Дражу Михайловича. В 1946 году он был арестован, доставлен в страну и после суда казнен в июле 1947 года.

29 ноября 1945 года Учредительная скупщина в Белграде приняла декларацию об образовании Федеративной народной республики Югославия. Председателем ее Совета министров, военным министром и верховным главнокомандующим вооруженными силами стал Йосип Броз Тито, руководивший страной вплоть до самой своей смерти в 1980 году в возрасте 88 лет.

Взаимоотношения разведывательных служб Британии и Соединенных Штатов с различными группировками греческого Сопротивления являлись абсолютной противоположностью их линиям поведения в Югославии. Прежде всего, следует отметить, что стремительное наступление вермахта весной 1941 года оказалось для них совершенно неожиданным по мощи и темпам, поэтому при отступлении, которое правильнее было бы назвать бегством, ни СИС, ни СОЕ не смогли создать агентурные сети, заложить базы для партизанских и диверсионных операций, подготовить систему нелегальной радиосвязи и поэтому полностью лишились оперативных позиций в стране. Лишь буквально единицы спешно подготовленных агентов успели получить условия связи с обещанием выйти на контакт в дальнейшем, при появлении такой возможности. Одним из таких доверенных лиц англичан являлся

проживавший в Афинах и сотрудничавший с СИС еще в годы Первой мировой войны полковник Бакирдзис (“Прометеус”). Ему оставили передатчик с обещанием позднее снабдить шифрами и расписанием связи, однако к полезной работе он приступить так и не успел. Проведя долгое время в бездействии, в середине 1942 года агент почувствовал опасность и скрылся, передав свою станцию молодому морскому офицеру Кутсояннополусу (“Прометеус II”). Именно он сумел в дальнейшем организовать прием первых прибывших из Каира парашютистов СОВЕ. Ими являлись диверсанты, прибывшие для взрыва виадуков на единственной соединявшей юг Греции с Центральной Европой железной дороге, по которой перебрасывались подкрепления для Африканского корпуса. В целом же оперативная обстановка в Греции вначале характеризовалась полнейшим отсутствием организованного движения Сопротивления, представленного множеством более или менее активных мелких групп, постепенно объединявшихся и устанавливавших связь с англичанами. В политическом отношении греки раскололись на две не просто соперничавшие, но ожесточенно пытавшиеся уничтожить друг друга группировки, враждовавшие значительно сильнее, чем югославские партизаны и четники.

Греческий Национально-освободительный фронт (ЭАМ) и подчиненные ему отряды Греческой национально-освободительной армии (ЭЛАС) являлись левыми и прокоммунистическими силами, однако абсолютно не имели связи ни с Советским Союзом, ни с Коминтерном. Их действия были полностью независимы, хотя и объективно совпадали с линией СССР. Численность ЭЛАС в начале 1943 года составляла около 6 тысяч человек, а к лету увеличилась более чем вдвое. В мае приход в партизанские отряды большой группы военных позволил значительно укрепить их и придать операциям более профессиональный характер. Было создано главное командование ЭЛАС, которое возглавил бывший полковник Стефанос Сарафис, в 1935 году уволенный из армии за участие в политической деятельности. Номинальный руководитель организации Николаос Пластирос пребывал в эмиграции и реально участвовать в ее деятельности не мог. К 1944 году общая численность отрядов составила 77 тысяч (по другим данным, 125 тысяч) бойцов. Операционной зоной ЭЛАС являлась вся территория Греции, за исключением горной области Эпира, где действовала подчинявшаяся эмигрировавшему из страны правительству и возглавляемая отставным полковником Наполеоном Зервасом Греческая народно-освободительная армия (ЭДЕС). Существовала и третья, значительно уступавшая им по размеру организация под названием Греческое национальное и социальное освобождение (ЭККА), близкая к ЭЛАС и часто проводившая операции совместно с ней. Следует отметить, что в течение всего 1941 года ни одна из ветвей греческого Сопротивления не совершила каких-либо активных действий.

Британская военная миссия в стране со временем выросла до весьма заметных размеров, но первоначально она состояла лишь из двух офицеров. Ими были высадившиеся с самолета в ночь с 30 сентября на 1 октября 1942 года подполковник (будущий бригадир) Эдуард Майерс и капитан Кристофер Вудхауз, вскоре дослужившийся до полковника. В обиходе их именовали “полковником Эдди” и “полковником Крисом”. Главной задачей миссии являлось нарушение железнодорожных перевозок в мелкие порты Пелопоннеса, через которых частично снабжались действовавшие в Африке войска Роммеля. Майерсу не повезло: он не нашел “Прометеуса”, зато наткнулся на местных крестьян-бандитов, полностью ограбивших его. Главарь другой банды заставил их вернуть британцу все похищенное, однако, как вскоре выяснилось, сделал это лишь для того, чтобы через него взять под свой контроль поставки с воздуха. Вскоре к Майерсу присоединилась группа из семи офицеров, высадившиеся в горах недалеко от Дельф, и на этот раз британский агент “Прометеус II” сумел принять их. Прибывшие слишком долго собирались осуществить диверсию и взорвали один из мостов в ночь с 25 на 26 ноября, когда армейская операция, снабжение противника в которой они должны были сорвать, уже давно закончилась. Наибольшим вкладом группы в диверсионные действия явилась разведка трех других мостов для будущих взрывов, однако они так и не прозвучали. Зато в ночь с 20 на 21 июня 1943 года еще одна группа, состоявшая из шести англичан, новозеландцев и палестинцев, взорвала виадук на той же железной дороге. Греки не принимали участия в этой операции, поскольку к этому времени отряды ЭДЕС и ЭЛАС уже больше воевали друг с другом, чем с оккупантами, и им было не до диверсий. Взрыв был произведен в рамках проведения стратегической дезинформации для отвлечения внимания противника от планируемой высадки десанта на Сицилии (операция “Энималз”).

Вудхауз должен был отыскать Зерваса, однако это ему не удалось. Радиограмма “Прометеуса” с координатами отряда ЭДЕС была принята с искажениями, что привело к навигационной ошибке и высадке капитана в 30 милях от намеченной точки randevu. Зато он отыскал другую группу, встречавшую самолет со снабжением для отряда майора Цигантеса, и сумел достичь с ними взаимопонимания. Оба британских офицера в течение недели пытались отыскать друг друга и в конечном итоге все же встретились. Вскоре Вудхауз разыскал и Зерваса.

В одном самолете с Майерсом и Вудхаузом летели еще три группы, в целом насчитывавшие 12 парашютистов, но высадиться смогла лишь одна из них. Это произошло в непосредственной близости от деревни, в которой находился итальянский гарнизон, и британцы едва избежали захвата. Вскоре они вышли на группу ЭЛАС во главе с “теоретическим коммунистом”, а в действительности авантюристом и бандитом Анастасиосом Кларосом (“Арис Велуххиотис”). Под его началом находились сто человек, в условиях Греции представлявших внушительную силу и придававших авторитет их командиру. 14 ноября Кларос согласился действовать вместе с Вудхаузом и Зервасом. С этого момента началось формирование военной миссии. В начале 1943 года в Каире было принято решение присвоить Майерсу звание бригадира и поручить ему руководство деятельностью всех находившихся в Греции британских групп и подразделений. Вудхауз уже в звании подполковника из Афин осуществлял связь с находившейся в Каире группой эмигрантского правительства Греции. В каждую горную область отпраздничались подчиненные Майерсу военные миссии: по одной в Македонию, Олимп, Восточную и Западную Румелию, Парнас и Западную Фессалию и по две в Пелопоннес и Эпир. Группы поддерживали только вертикальную радиосвязь с Каиром, причем первое время часто теряли ее, поскольку их стационарные передатчики не позволяли работать за пределами баз. В Каире за связь с движением Сопротивления отвечал член правительства Панайотис Канеллопулос, бывший профессор политэкономии и племянник Гумариса, казненного в 1922 году после поражения в войне с Турцией премьер-министра.

Британцы практически сразу же сделали ставку на ЭДЕС и полностью игнорировали существование ЭЛАС в качестве боевой силы, именуя ее не иначе как бандами. Сое не направлял к Сарафису офицеров связи, не снабжал его и вообще не учитывал его возможности. К осени 1944 года война между ЭДЕС и ЭЛАС по интенсивности значительно превзошла их боевые действия против немцев. Традиционно уделявшие большое внимание Балканам англичане поддерживали полковника Зерваса и одновременно всеми силами пытались воспрепятствовать вовлечению Соединенных Штатов в процесс поддержки любых греческих партизан. Это стало причиной серьезных трений между каирскими центрами Сое и ОСС, отражавшими позиции своих правительств. В отличие от Западной Европы, в бассейне Средиземного моря и на Ближнем Востоке спецслужбы не играли самостоятельную роль, их действия полностью зависели от решений военного командования. Однако никаких проблем это, как правило, не порождало, поскольку их офицеры назначались с условием принятия таких правил игры. Действиями американцев в Греции руководили старшие офицеры отделения ОСС в Каире, руководители секции СО Джордж Вурнас и греческой подсекции секции СИ Родни Янг. Их симпатии к левым силам ЭЛАС встретили резкую реакцию начальника штаба каирской точки Сое бригадира К. Кибли, которого интересовали лишь имперские интересы своего правительства. Его напор, подкрепленный позицией Лондона, возобладал над стремлением американцев к объективному подходу, и это очень разочаровало главнокомандующего ЭЛАС полковника Сарафиса. Он писал: “Мы надеялись, что прибытие американцев может изменить что-либо в ситуации, и что они будут информировать направившую их службу (ОСС — И. Л.) об истинном положении вещей. Более того, в ходе первых наших переговоров мы увидели, что они говорят свободно и не делают секрета из того, что Америку интересуют не политические цели, а только скорейшее окончание войны, и они продемонстрировали, что занимают противоположную позицию по отношению к британцам”¹⁵⁶. Руководство ЭЛАС весьма разочаровалось в ОСС, вынужденном уступить дипломатическому нажиму на Вашингтон из Лондона, и сократившем помощь левым силам в Греции.

Широкомасштабная помощь Сое опекаемой им ЭДЕС привела к тому, что за два месяца 1942 года ее первоначальная численность выросла от 98 до 600 человек, а к марту следующего года отряды Зерваса насчитывали уже 4 тысячи бойцов. Рост организации привел к переводу ее на военную структуру, в июле 1943 года включавшую 10 полков двухба-

тальонного состава, позднее переведенную на дивизионную систему организации. В составе ЭЛАС были сформированы 7 дивизий общей численностью 12 тысяч человек. Командование и основные силы ЭДЕС дислоцировались в Эпире, а часть подразделений — в Фессалии и Пелопоннесе. При штабе Зерваса находилась миссия СОЕ из 12 офицеров.

Собственные разведывательные и диверсионные операции британцев в Греции проводились исключительно в увязке с местными отрядами и группами Сопротивления, что породило определенный крен операций СОЕ в политическую сторону и ощутимый дефицит военной разведывательной информации, особенно в период 1943 — 1944 годов. Ситуацией воспользовалась СИС, ревниво наблюдавшая за активными действиями конкурирующего ведомства и постоянно пытавшаяся, хотя и безуспешно, подмять его под себя. Обстановка в Греции подходила для этого как нельзя лучше, поскольку МИ-6 фактически контролировала каирский Отдел межведомственных связей (ИСЛА) и претендовала на координацию операций всех британских спецслужб в Средиземноморском регионе. Следует отметить, что в Греции разведка не только соперничала с Исполнительным органом специальных операций, но и проводила собственную политическую линию на поддержку короля. Руководитель миссии СОЕ Майерс предупреждал, что такая стратегия может довести страну до гражданской войны, однако от его прогнозов просто отмахнулись. Эта информация дошла до Форин офис и лично до Черчилля. Премьер возмущился взглядами бригадира и планировал отозвать его, но затем передумал и оставил офицера в покое. Действия разведки увенчались частичным успехом на другом уровне и привели к отставке нескольких руководителей СОЕ высокого ранга, вплоть до исполнительного директора Чарльза Хэмбро, однако принципиальных изменений стратегии в Греции это не повлекло. Правительство трезво оценило ситуацию и не стало дезорганизовывать сложившуюся систему. СОЕ по-прежнему оставался единственной британской секретной службой, проводившей операции в Греции, причем их объем был достаточно велик. От агентов в Каир ежедневно поступало до 400 радиограмм, которые никто не успевал обрабатывать, и к моменту освобождения страны в штабе накопилось 350 мешков непрочитанных сообщений.

Однако такие успехи пришли далеко не сразу, вначале же британцев постиг грандиозный провал руководимой Гарри Грамматикакисом и Джоном Аткинсоном объединенной группы СОЕ и МИ-9. В ноябре 1941 года ее агенты высадились с подводной лодки на остров Антипарос в архипелаге Киклады, наладили контакты с местными участниками Сопротивления и вели разведку прибрежного судоходства. Через несколько месяцев поведение некоторых из них вызвало подозрение у контрразведчиков местного итальянского гарнизона. При обыске офицеры СИМ обнаружили у задержанных не только шифровальную книгу, но и список агентуры, перечень потенциальных контактов в Афинах на нескольких страницах и, как это ни парадоксально, дневник, в котором Аткинсон аккуратно фиксировал ежедневные действия группы. После нескольких дней допросов англичанин сломался и рассказал о том немногом, что осталось за пределами захваченных итальянцами документов. Провал повлек за собой не только прекращение поступления насуточно важной разведывательной информации из Киклад, но и почти полный разгром афинского подполья и аресты его основных руководителей. Значительно обострились отношения между сотрудниками оперативного и политического отделов каирского центра СОЕ. Последствия катастрофы на острове Антипарос сказывались на специальных операциях британцев не один год. Фактически афинское подполье сумело возобновить свою деятельность лишь к 1943 году, когда бежавший в Каир от немцев один из его активных участников Иоаннис Пелтекис, вернулся обратно и образовал группу, со временем достигшую численности в 800 человек. Иногда она именовалась “Аполло”, но чаще это обозначение употреблялось лишь в качестве псевдонима самого Пелтекиса, а возглавляемая им организация кодировалась как “Ивонна”. Ее члены проводили диверсии, вели разведку судоходства, аэродромов, расположения минных полей. Поступавшая от “Ивонны” информация считалась очень надежной, ее достоверность оценивалась в 95%. Именно члены этой организации выручили арестованного “Прометеуса II”, подкупив отвечавшего за его содержание под стражей чиновника. Существует и другая версия этих событий, согласно которой Кутсояннопулоса якобы освободили по сфабрикованному Пелтекисом поддельному приказу об освобождении арестованного из-под стражи. Считается, что в период с июня 1943 до сентября 1944 года в результате акций “Аполло”/“Ивонны” были уничтожены или повреждены 50 судов — от каиков и портовых буксиров до двух итальянских эскадренных миноносцев. В отместку за потопление 7000-тонного транспорта

немцы расстреляли в Пирее группу заложников. Зафиксированы также проведенные этой организацией шесть успешных диверсий на железнодорожных путях и две атаки на склады с боеприпасами. Весной 1944 года организация подверглась разгрому, большинство ее руководителей были арестованы. Всего в германских тюрьмах оказался 71 участник “Ивонны”, из которых 59 были казнены, однако деятельность сети не прекратилась, а к лету возобновилась в прежнем масштабе. Судя по всему, по крайней мере, части этих жертв можно было избежать, если бы Пелтекис против собственной воли не оказался втянутым в неприглядный конфликт. Его пренебрежение к отечественным политическим деятелям оказалось столь велико, что начало вызывать их нешуточное раздражение. В результате “Аполло” стали обвинять в работе на германскую и советскую разведки и в поддержке ЭАМ. Целенаправленно распространяемые слухи ширились и, наконец, достигли такого уровня, что в них вмешалось эмигрантское правительство. В результате в августе 1944 года руководитель Исполнительного органа политической войны (ПВЕ) Рекс Липер потребовал от СОВЕ немедленно прекратить финансирование “Ивонны”, составлявшее 2500 золотых соверенов в месяц. Это лишило организацию средств и не позволило ей выкупить из тюрем своих арестованных членов, что до этого довольно регулярно практиковалось ими ранее. Однако, несмотря на провалы и сложности, греческое движение Сопротивления разрасталось.

Немцы постоянно наносили удары по партизанским силам и всячески старались удержать позиции в Греции даже после выхода из войны Италии, часть сил которой на Балканах обратила оружие против вермахта. Удачное расположение полуострова на Средиземном море позволяло по-прежнему нарушать судоходство союзников с греческих авиабаз, не менее важным являлись и поставки в рейх стратегических материалов. Балканы обеспечивали Германию 50% нефти, 60% бокситов, 24% сурьмы и 21% меди, поэтому потеря такого источника была почти равносильна сокращению военного производства на треть. Немцы провели ряд успешных контрпартизанских операций, причем в 1944 году использовали в них силы ЭДЕС. В обмен на снабжение стрелковым оружием и боеприпасами войска Зерваса помогли вермахту удержать стратегическое шоссе Янина — Арта и нанесли ряд ощутимых ударов по силам ЭЛАС. Относительно небольшая, однако хорошо организованная и прекрасно вооруженная с помощью англичан и немцев ЭДЕС превосходила по боевым возможностям более многочисленную, но практически лишенную поддержки извне и предоставленную собственной участи ЭЛАС. Протесты американцев по этому поводу не принесли каких-либо результатов, а Советский Союз не имел возможности снабжать ЭЛАС со своих баз. СССР неоднократно обращался к союзникам с просьбой предоставить ему право пользования аэродромом в окрестностях Бари, но до июля 1944 года согласия на это не получал. Следует отметить, что, несмотря на проволочки с принятием этого решения, оно все же было более похоже на союзнические отношения, чем полный и безоговорочный запрет Москвы на использование англичанами и американцами советских аэродромов для снабжения партизан в Польше и Чехословакии. Однако с точки зрения потребностей войны такая ситуация выглядела нонсенсом. Во многих случаях лишь действия отрядов Зерваса позволяли немцам удерживать коммуникации и получать снабжение со своих баз. Британцы закрывали на это глаза, понимая, что Германия в любом случае вскоре будет разбита, после чего поддержка антикоммунистических, пусть даже зачастую коллаборационистских сил окажется неоценимо полезной. После войны Зервас был вознагражден за свою антикоммунистическую деятельность и до сентября 1947 года возглавлял министерство общественной безопасности в коалиционном “правоцентристском” правительстве Максимоса.

В Албании к концу 1942 года действовали сотни партизанских групп и отрядов общей численностью 15 тысяч человек¹⁵⁷, и вскоре назрела необходимость их объединения. В июле 1943 года были созданы Национально-освободительная армия Албании (НОА) и ее главный штаб, что позволило постепенно усилить воздействие на противника. По этой причине итальянские и германские части регулярно проводили контрпартизанские операции, а в марте 1944 года в Тирану был передислоцирован 1-й батальон 3-го полка дивизии особого назначения “Бранденбург”. Осенью того же года для борьбы с партизанами и охраны портов в стране расположился усиленный батальон 2-го полка этой же дивизии, а в декабре “Бранденбург” сформировал очередное подразделение береговой охраны, взявшее под свой контроль все находившиеся в албанских портах итальянские корабли и суда с целью воспрепятствовать их выходу в море. Действовавшие в стране партизанские отряды принци-

пиально разделялись на северные и южные, отличавшиеся не только районом дислокации, но и политической окраской. Характерным представителем первых являлся Абас Куни, поддерживавший бежавшего из страны монарха Ахмеда Бея Зогу и чаще воевавший против коммунистов, чем против оккупантов. Бесспорным лидером среди южных групп стал руководитель созданной в ноябре 1941 года компартии Албании Энвер Ходжа, получавший оружие как от Великобритании, так и от Советского Союза.

До оккупации Югославии СОВЕ планировал работать по Албании из Белграда и даже успел направить в Тирану свою миссию во главе с подполковником Дэвидом Смайли, но этот шаг не принес положительных результатов. Следует отметить также, что слабость экономической базы страны весьма ограничивала список объектов для диверсионной деятельности групп Исполнительного органа специальных операций. Фактически интерес представляли лишь нефтепромыслы с трубопроводом, хромовые рудники и железнодорожный транспорт, отнесенные к списку объектов СОВЕ. Впрочем, все попытки организовать на них диверсии закончились безуспешно. Общим списком операций СОВЕ в Албании включал в себя миссии “Пуазон”, “Бэзин”, “Барьер”, “Си лайон”, “Си элевант”, “Си вью”, “Суйфтер”, “Стэйбл”, “Бэбол”, “Дивиденд”, “Фигур”, “Кокскомб”, “Примус аут”, “Сэйплинг”, “Скоунс”, “Спинстер”, “Мазз”, “Ганмэн”, “Вертебре”, “Скалптор”, “Кливленд”, “Камерон”, “Примус” и “Эллис”, часть из которых проводила основную работу в других странах, а часть осталась на стадии планирования. Самым же прискорбным для британцев обстоятельством стал провал их усилий установить свое руководство над албанским движением Соппротивления. В связи с этим была сделана еще одна попытка связаться с повстанцами, для чего в апреле 1943 года в Греции с парашютом высадился подполковник Нейл Маклин (не путать с Фицроем Маклином). Он приземлился в расположении частей ЭАМ и с их помощью перебрался через границу с соседней страной, однако никаких позитивных результатов достичь не смог. В Лондоне албанской секцией СОВЕ руководил Филип Лик, за ряд специфических черт характера прозванный коллегами “Троцким”. В отличие от Греции, ситуацию в стране в значительной степени контролировало военное командование и разведывательные службы СССР, что позволило Москве в послевоенный период превозмочь влияние Запада. Вместе с Югославией Албания вошла в советскую орбиту, а Энвер Ходжа занял в ней практически все возможные руководящие посты.

“КРАСНЫЙ ОРКЕСТР”

Говоря о “Красном оркестре”, или, как этот термин зачастую неточно переводится с немецкого языка, “Красной капелле”, прежде всего следует иметь в виду, что сеть советской разведки с подобным кодовым обозначением никогда не существовала. На профессиональном сленге германской контрразведки оператор агентурного передатчика именовался “пианистом”, а их сеть, соответственно, “оркестром”, поэтому для условного обозначения оснащенных радиосвязью различных подпольных групп и разведывательных сетей немцы применяли аналогичные термины “Черный оркестр”, “Арденнский оркестр”, “Оркестр Шраммеля”, “Этгербекский оркестр” и так далее. Единственной структурой, все же имевшей совершенно официальное наименование “Красный оркестр”, являлась зондеркоманда, сформированная специально для выявления и нейтрализации советских агентурных сетей в период Второй мировой войны в Германии и Западной Европе. В связи с этим очевидно, что вынесенный в заголовок главы термин может использоваться лишь условно, в продолжение сложившейся многолетней традиции.

Совокупность разведывательных сетей и подпольных групп, обычно именуемая “Красным оркестром”, имеет еще одну особенность, заключающуюся в том, что ее границы совершенно не определены и произвольно трактуются почти каждым из исследователей. В наиболее расширенном виде к ней обычно относят группу нелегальных резидентур Разведывательного управления генштаба Красной Армии (РУ ГШ КА), а с февраля 1942 года Главного разведывательного управления (ГРУ), действовавших в предвоенный и военный период в Бельгии, Франции, Нидерландах и Швейцарии, отчасти объединенных общим руководством и финансированием, а также германскую организацию Харро Шульце-Бойзена – Арвида Харнака, сеть нелегального резидента РУ Ильзы Штебе (“Альга”) и ряд других антифашистских групп. Однако такая точка зрения явно слишком широка и свидетельствует о непонимании характера большинства из перечисленных агентурных сетей и подпольных организаций. Прежде всего, следует отметить, что германские группы, по преимуществу, не относились к системе военной разведки, причем это заблуждение не является случайным, а повторяет допущенную германской контрразведкой в 1941 году ошибку. Немцы полагали, что столкнулись с объединенной и разветвленной сетью, находившейся под единым управлением и координировавшей операции различных резидентур и подпольных групп. Даже после окончания войны эта версия продолжала поддерживаться такими видными в мире разведки фигурами, как бывший начальник СД-аусланд Вальтер Шелленберг, вспоминавший в своих мемуарах: “Эта сеть, насчитывавшая много нелегальных коротковолновых радиостанций, развернула свою деятельность от Норвегии до Пиренеев, от Атлантического океана до Одера, от Северного моря до Средиземного”¹⁵⁸. Подобный взгляд на сущность “Красного оркестра” в первую очередь проистекал из убеждения в существовании глобального коммунистического заговора, в ходе осуществления которого любые действия связанных с СССР людей и групп априори считались интегрированной частью процесса, руководимого из еди-

ного центра. В разное время таковым объявлялись то Коминтерн, то ЦК ВКП(б). Однако для подобного заблуждения имелись и более веские и конкретные основания, отмахнуться от которых было просто невозможно. Например, один и тот же шифр использовался радистами в Бельгии и Германии, курьеры совершали поездки через границы различных государств, содержание некоторых дешифрованных текстов также указывало на взаимное переплетение агентурных аппаратов. Естественно, все это не являлось простым совпадением, но и не означало, что германские и швейцарские сети были тесно интегрированы с бельгийскими, французскими и голландскими. К монолитной группе следует отнести лишь нелегальные резидентуры РУ в Бельгии, Франции и Голландии, действительно связанные общим руководством, финансированием и в некоторой степени линиями связи, остальные же не могут быть с достаточными основаниями причислены к «Красному оркестру». Например, группа Шульце-Бойзена – Харнака находилась на связи не у военной, а у внешней разведки, но это обстоятельство так и осталось неустановленным гестапо до самого конца войны. С «Красным оркестром» она практически соприкоснулась лишь один раз, оказавшийся для нее фатальным, а также некоторое время передавала полученные разведанные через границу рейха для отправки через передатчики в Антверпене и Брюсселе. То же можно сказать и о возглавлявшейся «Альтой» нелегальной резидентуре РУ. Весьма отдаленное отношение к «Красному оркестру» имеет и швейцарская сеть военной разведки, часто именуемая «Красной тройкой» по числу использовавшихся передатчиков.

С учетом взаимосвязи различных агентурных сетей, периодического использования общих шифров и радиопередатчиков, а также требований связности изложения, в данной главе под условным обозначением «Красный оркестр» рассматриваются подчинявшиеся нелегальному резиденту «Отто» (Леопольду Трепперу) точки военной разведки в Бельгии и Франции, а также позднее включенные в состав его сетей бельгийская резидентура «Паскаля» (К. А. Ефремова), французская резидентура «Гарри» (Анри Робинсона) и голландская сеть «Хильда» (Антон Винтеринка). Швейцарские и германские группы подробно рассматриваются в соответствующих главах.

После нападения Германии на Советский Союз служба перехвата и радиоразведки вермахта (функабвер) достаточно быстро установила наличие на контролируемой рейхом территории нескольких находившихся на прямой связи с Москвой агентурных передатчиков советской разведки. Пост в Кранце (Восточная Пруссия) в 03.50 26 июня 1941 года перехватил начинавшуюся позывными «KLK от РТХ»¹⁵⁹ не подававшуюся вскрытию шифровку из 32 цифрогрупп. Было установлено, что радист располагался где-то на севере континентальной Европы, но пеленгаторы дальнего действия не были способны точнее засесть пеленг. Руководство германской контрразведки отнеслось к этому спокойно, поскольку возможность наличия советских агентов, в принципе, допускалась и была явлением вполне прогнозируемым и нормальным. Однако дальнейшее развитие событий оказалось достаточно шокирующим. В начале июля посты в Кранце и Бреслау засекали второй передатчик, работавший в самом Берлине, причем в непосредственной близости от штаб-квартиры функабвера. Подполковник Ганс Копп заключил, что обе линии связи использовали идентичный шифр и относились к системе советской разведки, и это весьма встревожило Гейдриха, Мюллера и самого Гиммлера. Незадолго до этого рейхсфюрер СС доложил Гитлеру о полной очистке рейха от коммунистических подпольных организаций, сетей советской разведки и групп Коминтерна, которому в описываемый период немцы абсолютно незаслуженно уделяли особое внимание, и теперь ему нужно было как-то объяснить их появление в эфире. Тем временем передачи продолжались, к 21 октября специалисты функабвера засекали в Берлине три возможные точки, из которых они могли вестись. Группы гестапо были готовы при следующем же сеансе связи захватить радиста, но тот внезапно замолчал, что наводило на печальные размышления о возможном предательстве.

Радиоконтрразведке оставалось лишь продолжать контролировать эфир в Европе, и к ноябрю служба дальней пеленгации установила, что первый передатчик находится в Бельгии, на побережье между Гентом и Брюгге. На этом ее технические возможности заканчивались. Не имевший пеленгаторов в данном регионе Копп обратился к начальнику подотдела абвера III «Ф» полковнику Иоахиму Роледеру с просьбой подключиться к обнаружению радиста методами оперативного поиска. 17 ноября, после тщательных прокладок пеленгов, он конкретизировал направленную в контрразведку заявку и уточнил, что искать агента-радиста следует в Брюсселе. Роледер полностью проникся важностью задачи и специально для ее

Генри Пипе

решения направил туда из Гента своего сотрудника капитана Генри Фридриха Вильгельма Пипе (“Гарри”)¹⁶⁰. Контрразведчик должен был действовать автономно от местного отделения абвера. Он прибыл туда под видом бизнесмена доктора Пипера, контора которого “Пипер импорт и экспорт” разместилась в здании на улице Рояль, 192, по случайному совпадению — на одном этаже с офисом фирмы “Симэкско”. Одновременно в Брюссель для взаимодействия с абвером в контрразведывательном поиске советского передатчика прибыла и небольшая зондеркоманда гестапо во главе

Карл Гиринг

с криминальным комиссаром и гаупштурфюрером СС Карлом Гирингом, которого направил в бельгийскую столицу лично начальник гестапо группенфюрер СС Мюллер. Зондеркоманда “Красный оркестр” пока не была сформирована, еще не родился и сам этот термин, но руководство органов безопасности рейха уже проявляло вполне объяснимую озабоченность брюссельской проблемой. Сама по себе единственная нелегальная радиостанция в Бельгии не вызвала бы такое беспокойство, поскольку немцы полагали, что в 1941 году там было весьма затруднительно собрать серьезную информацию, однако их весьма встревожило заключение руководителя дешифровальной секции функабвера доктора Вильгельма Фаука об идентичности брюссельского и берлинского шифров. Гитлер, которому в декабре 1941 года доложили об этой ситуации, категорически приказал разгромить советскую сеть в кратчайшие сроки, после чего на решение этой задачи были брошены значительные силы.

Тем временем функабвер засек в городе еще два передатчика. Теперь общее число выявленных линий связи достигло трех, что свидетельствовало о весьма значительном объеме проходящей через них информации. Советские агенты-радисты вели себя странно: выходили на связь почти каждую ночь, нередко их время работы на ключе достигало пяти часов. Создавалось впечатление, что они либо ничего не знают о возможностях современной радиоконтрразведки, либо проходящая через них информация настолько важна, что ради ее доставки в Центр резидент может пожертвовать любым передатчиком и радистом. Кроме того, специалистов абвера и гестапо весьма удивлял и тревожил огромный массив информации, проходившей по всем трем линиям связи, но установить ее содержание они не могли, так как советский шифр оказался весьма стойким и никаким усилиям криптоаналитиков не поддавался. Попытки обнаружить нелегальную резидентуру агентурным путем также оказались безрезультатны, ожидать решения проблемы можно было лишь от радиоконтрразведки. К исходу года ее брюссельское подразделение получило значительно более совершенные пеленгаторы ближнего действия, с помощью которых положение всех трех передатчиков было установлено почти окончательно, однако не с точностью до одного дома. Чтобы не спугнуть советских разведчиков и не вынудить их преждевременно прекратить сеанс связи, немцы опасались выпускать громоздкие фургоны с пеленгаторами на патрулирование улиц в непосредственно прилегающих к радиоквартирам районах. Выход был найден в использовании переносных пеленгаторов, размещавшихся в небольших чемоданчиках. Переодетые в гражданскую одежду специалисты функабвера выглядели как обычные рабочие, и лишь при ближайшем рассмотрении обнаруживалась одна их общая особенность: у каждого к уху тянулся проводок, как в слуховых аппаратах.

Силы зондеркоманды и абвера были ограничены, поэтому Пипе принял решение не пытаться захватить все три передатчика одновременно, а нанести удар по самому активному из них, размещавшемуся в одном из трех домов по улице Атребатов. Проложенные пеленги сошлись на соседствующих номерах 99, 101 и 103, поэтому немцам предстояло провести сложную операцию с распылением имевшихся ресурсов. Ночью 13 декабря 1941 года возглавляемые Пипе 10 сотрудников тайной полевой полиции (ГФП) и 25 солдат вермахта одновременно вошли во все три дома и в среднем из них захватили значительно больше трофеев, чем ожидали. Там находились уругвайский гражданин Карлос Аламо, разговаривавший по-французски с заметным славянским акцентом, француженка Анна Верлинден и лежав-

шая в постели молодая и красивая женщина Рита Арну, а также разогретый передатчик и прекрасно оборудованная мастерская по изготовлению фальшивых документов, где, помимо прочего, имелись две подготовленные к вклейке фотографии неизвестных мужчин. Очевидно, хозяева конспиративной квартиры не предусмотрели выставление каких-либо сигналов опасности, поскольку утром в оставленную засаду попал человек с корзиной с убитыми кроликами, имевший документы на имя норвежца Альбера Десме. Он объяснил полицейским, что торгует вразнос и постоянно снабжает этот дом товарами, однако несколько найденных у него в карманах при обыске шифровок напрочь отметали невинную версию его появления. Чуть позднее в квартиру зашел еще один мужчина и громко поинтересовался у обитателей дома временем открытия расположенного напротив гаража. Задержавшим его полицейским он предъявил выданный немецкой полувоенной строительной «Организацией Тотта» специальный пропуск на имя Жана Жильбера, но немцев это не убедило, и они решили проверить подлинность документа. По телефону сотрудники Пипе выяснили, что задержанный не просто известен германским военным властям, но весьма ими уважаем и подлежит немедленному освобождению с извинениями. «Жильбер» откланялся и беспрепятственно ушел. Весь следующий год этого человека будут разыскивать по всей Западной Европе все германские спецслужбы, поскольку под этим прикрытием скрывался главный резидент РУ, руководитель почти всех сетей военной разведки в Бельгии, Франции и Голландии Леопольд Треппер («Отто»), известный также под никогда ему официально не присваивавшимся псевдонимом «Большой Шеф».

Описанный эпизод вошел в историю разведки под названием «провала на улице Атребатов» и повлек за собой далеко идущие последствия. Они оцениваются по-разному, да и сама причина разгрома радиоквартиры не определена однозначно. Приведенная версия развития приведших к провалу событий является наиболее распространенной, но следует иметь в виду и другие предположения. Треппер винил в этом не столько пеленгацию, сколько безрассудность хозяйки квартиры Риты Арну, чье подозрительное поведение насторожило соседей и в конечном итоге повлекло за собой рейд контрразведки. Сменивший в дальнейшем Гирига гестаповский контрразведчик Паннвиц впоследствии утверждал в советском плену, что истинной причиной провала стало легкомысленное поведение радиста Карлоса Аламо, в действительности офицера советской разведки М. В. Макарова. Трудно сказать, в какой степени оба этих фактора отразились на безопасности квартиры, но Макаров действительно оказался ее весьма слабым звеном. Он все больше забывал о требованиях конспирации, вел излишне свободный образ жизни, много времени проводил в барах, а однажды разбил свою автомашину, которую, кстати, резидент настоятельно не советовал ему приобретать из опасения привлечь внимание полиции. От серьезных неприятностей по служебной линии Макарова спасало его природное обаяние. «Отто» покровительствовал ему, прощал многие нарушения, и даже после аварии, когда разведчик полностью заслуживал отстранения от работы и откомандирования в Советский Союз, предоставил ему последний шанс на исправление. Заместитель резидента А. М. Гуревич («Кент») чувствовал исходившую от Макарова потенциальную опасность и требовал от Треппера избавиться от этого фактора риска, однако испытывавший к нему определенную личную неприязнь резидент пренебрег советом. Сам «Отто», несмотря на страсть к конспирации, многолетний опыт подпольной работы и весьма изощренный ум, также допустил серьезную ошибку, объясняющуюся, вероятно, отсутствием у него специального оперативного образования. Нарушив одно из основополагающих правил содержания радиоквартиры, резидент поселил там вместе с радистом шифровальщицу Софью Познанскую («Анна Верлинден», «Йозеф») и оборудовал лабораторию по изготовлению фальшивых документов, в которой работал упоминавшийся ранее Абрам Райхман («Фабрикант»), к тому же арестовывавшийся в 1938 году полицией. Конспиративная квартира на улице Атребатов постепенно превращалась в обычную явочную, причем не очень надежную. Уже отмечалось отсутствие в ней системы постановки сигналов, которые в случае опасности могли бы предупредить ее посетителей. Постепенно там вообще начали появляться абсолютно случайные люди. Макаров довольно регулярно приводил туда посторонних женщин, а у хозяйки квартиры, судя по позднейшим показаниям радиста резидентуры «Паскаль» Иоганна Венцеля, некоторое время проживал скрывавшийся капитан бельгийской армии, самоуверенный и хвастливый человек, пытавшийся обучать радистов работе на их передатчике. Совершенно очевидно, что при подобной постановке дела квартира была обречена на провал либо из-за нарушения требований конспирации, либо из-за грубейшего

Давид Ками

М. В. Макаров

Софья Познанская

пренебрежения правилами безопасности радиосвязи. Нельзя сказать, что такая ситуация не тревожила Треппера, и он периодически собирался исправить положение, но несколько раз откладывал решение этого вопроса. В конечном счете резидент все же наметил на середину декабря отправку в Париж Познанской и регулярно появлявшегося в квартире радиста-стажера, работника технического отдела французской компартии Давида Ками, а также принятие решительных мер к Макарову. Он опоздал всего лишь на несколько дней, но это позволило немцам захватить на улице Атребатов сразу несколько ключевых участников организации, вдобавок располагавших информацией, которую им вообще не следовало иметь. Радист был осведомлен об истинной роли коммерческого прикрытия резидентуры — фирмы “Симэско” и знал большинство ведущих работников загранточки, шифровальщице были известны рабочие частоты передатчиков, позывные и расписание связи, хозяйка квартиры вообще знала слишком многое для простой работницы по обслуживанию и несколько раз выполняла курьерские функции. Большой неудачей для всей сети оказался арест Ками, представившегося Альбером Десме. В довершение всего в оставленную засаду попал сам резидент, и лишь самообладание и везение спасли его от немедленного ареста. Угроза провала сразу же нависла над французской сетью “Гарри” (Робинсона) и германскими группами, получавшими инструкции из Центра через курьеров с улицы Атребатов. Немецкие контрразведчики захватили на квартире около 500 зашифрованных текстов отправленных радиogramм, хранившихся там 24 часа, чтобы быть повторенными в случае некачественного приема Москвой.

Специалисты по криптоанализу немедленно занялись исследованием трофеев, однако сумели лишь определить, что тексты сообщений закрывались с помощью так называемой цифровой “решетки” с последующим перешифрованием по книге, причем, судя по некоторым особенностям текстов, французской. На этом их успехи закончились, поскольку система оказалась столь надежной, что без нужной книги все попытки прочесть шифровки были напрасными. Разочарованные офицеры абвера и гестапо отказались от помощи криптоаналитиков из функавера и решили проводить дальнейшее расследование своими силами. Шифровальщица Познанская на допросах стойко молчала, а Макаров хотя и стал активно сотрудничать с немцами, но шифра не знал и поэтому, естественно, выдать его не мог. Давид Ками увел следствие на ложный путь весьма нестандартным способом. Он не стал дожидаться, пока немцы выяснят его принадлежность к ФКП, и сам для себя мгновенно разработал отступную легенду, назвавшись лейтенантом Антоном Даниловым, якобы совсем недавно прибывшим в Брюссель через Виши для оказания помощи резидентуре. Этот шаг сразу снял возможные вопросы относительно компартии, поскольку трудно было представить, что кто-нибудь в военное время сам может ложно назваться офицером-нелегалом вражеской разведки. Здесь следует отметить слабую работу как Центра, так и резидента, не подготовившего заблаговременно отступные легенды для своих работников.

У немцев оставалась еще хозяйка конспиративной квартиры Арну (“Джульетта”), от страха готовая на все, однако действительно не располагавшая никакой информацией относительно шифров. Тем не менее, она вспомнила названия нескольких книг, постоянно хранившихся в комнате Познанской, но сотрудникам доктора Фаука это почти ничего не дало. Вилла сменила хозяев, а Треппер сумел направить туда своих людей, негласно изъ-

явших библиотеку до немцев. Централизованной библиотечной системы в тот период не существовало, и криптоаналитикам пришлось покупать книги у букинистов. При этом не было никакой уверенности, что Арну вспомнила обо всех книгах, и уж, безусловно, она не знала их конкретных изданий, различавшихся между собой расположением текста на страницах. Без этого поиски в огромном массиве печатного текста ключевого слова или фразы, изменявшихся с каждой новой радиограммой, были абсолютно бесполезным занятием. Криптоаналитикам помог случай. На полусгоревшем клочке бумаги они с трудом разобрали сохранившееся слово “Проктор”, которое явно не относилось к смысловой части текста, следовательно, было ключевым. Необходимо отметить, что выбор Познанской для шифрования текста имени собственного, тем более редкого и характерного, являлся крайне неудачным решением, поскольку давал весьма серьезную зацепку для определения нужной книги. Так и произошло. 17 мая 1942 года криптоаналитики наконец обнаружили искомое слово в книге Ги де Терамона “Чудо профессора Вольмара”, по которой были зашифрованы 120 радиограмм. Теперь оставалось лишь определить в тексте каждой из них индикатор, указывавший номера страницы, строки и слова в ней, после чего дальнейшая работа из поиска вслепую превращалась в рутинную операцию. Однако остальные радиограммы перешифровывались по книге Бальзака “Тридцатилетняя женщина”, а небольшая часть – по пьесе Адама Кукхофа “Тиль Уленшпигель”, что немцы так и не выяснили. В принципе, на этой стадии расследование могло зайти в тупик, если бы не вопиющая ошибка Центра. В одной из его радиограмм были указаны подлинный адреса трех участников берлинских групп военной и внешней разведок СССР. 14 июля 1942 года немцы прочли ее текст, причем содержащиеся в нем данные были настолько невероятны, что в гестапо первоначально даже не поверили криптоаналитикам и посчитали, что они ошиблись. Контрразведчики твердо знали, что подобная информация никогда, ни при каких обстоятельствах не должна уходить в эфир даже в зашифрованном виде, однако ошибкой это не являлось.

Для правильного понимания событий следует вернуться несколько назад и рассмотреть, что представляла собой сеть РУ ГШ КА в Западной Европе в 1941 году. История “Красного оркестра” десятки лет вызывает неослабевающий интерес вначале у разведчиков, а позднее у историков. Это объясняется не столько драматическим развитием событий и трагической судьбой большинства участников разведывательных организаций и подпольных групп, хотя сами по себе эти факторы достаточно примечательны, сколько информацией, к которой имели доступ советские агенты. Любая разведывательная организация представляет угрозу для противника лишь в той степени, в которой ее источники могут добыть секретные данные и своевременно передать их в свой центр, в случае же безуспешной деятельности любого из названных звеньев контрразведка без всякого риска может не обращать на резидентуру никакого внимания – вреда она не принесет. В условной сети “Красного оркестра” наиболее развитой оказалась расположенная во Франции специализировавшаяся по линии военно-технической разведки резидентура “Гарри”. Однако после быстрого падения Франции Центр изменил стоявшие перед Робинсоном задачи и сориентировал его в основном на изучение вопроса об использовании Германией захваченных французских ресурсов, а также на вербовку агентуры среди отправляемых на немецкие заводы французов. С 1940 года “Гарри” полностью специализировался по рейху. Его компактной, надежно законспирированной сети удавалось получать значительный объем требуемой информации и отправлять его в Москву по двум линиям связи. Кроме того, он имел доступ в правительственные круги и спецслужбы Виши. До сих пор основные источники резидентуры Робинсона не установлены достоверно, поскольку он последовательно и планомерно проводил политику сокрытия их от Москвы.

Резидентура “Отто” завершала стадию становления. К началу 1941 года она укрепилась, обеспечила легализацию своей деятельности и приступила к решению поставленных Центром задач. Фирмой-прикрытием сети служило открытое Треппером в Париже акционерное общество “Симэкс” с филиалом в Марселе, сотрудниками которого стали Лео Гроссфогель, Альфред Корбен, а также Робер Брейер. Удачей оказалось вербовка в 1940 году брата и сестры Василия Павловича и Анны Павловны Максимовичей, представленных “Отто” ответственным работником ФКП “Мишелем”. Эти происходившие из баронского рода эмигранты, дети генерала российской императорской армии, были настроены весьма патриотически, и после того, как Василий сам предложил свои услуги Трепперу, в котором

безошибочно распознал советского разведчика, тот направил в Центр запрос о возможности привлечения их к деятельности резидентуры. Москва дала уклончивый ответ, разрешивший “Отто” принимать самостоятельное решение, но помнить об осторожности. В этой оговорке Треппер увидел не более, чем желание перестраховаться и возложить на него ответственность в случае возможного предательства или подставы контрразведки, и решил начать работу с Максимовичами. Брат и сестра (соответственно “Макс” или “Проф” и “Врач”) рвались к активным действиям, диверсиям, террористическим актам, и резиденту пришлось урезонивать их пыл и ориентировать на менее картинную, но более нужную в данный период работу по сбору информации. Василий переехал из Касселя в Париж и там установил интимные отношения с влюбившейся в него 44-летней немкой Маргарет Хофман-Шольц, которая ввела его в местные круги аристократов, в полном соответствии с классовой теорией общавшихся без особого разделения на национальности. Женщина в значительной степени подпала под его влияние, и Максимович целенаправленно внедрял ее на выгодные в разведывательном отношении посты: вначале в секретариат германской военной миссии, затем в службу расквартирования оккупационных войск, а потом на должность секретаря посла рейха в Виши Абетца. Собственные контакты Василия позволяли ему добывать в парижском штабе оккупационных войск информацию о дислокации частей вермахта на Западе и моральном духе в немецких частях. Анна руководила психиатрической клиникой и через свои контакты собирала данные о взаимоотношениях с Ватиканом, о внутренней политике Франции и о некоторых других аспектах обстановки. Существенным успехом Треппера явилось внедрение двух агентов на телефонную станцию, обслуживающую, в частности, отель “Лютеция”, в котором располагалась АСТ-Париж. Это позволило перехватывать многие переговоры его сотрудников со штаб-квартирой в Берлине. Резидент решил важную задачу установления сотрудничества с оккупационными властями и начал осуществлять через компанию “Симэкс” поставки для германской строительной “Организации Тотта”. По этому каналу он не только обзавелся пропусками для поездок в “свободную зону”, Германию и Бельгию, но и получал некоторую информацию о военных приготовлениях рейха. Еще одним агентом “Отто” во Франции являлась Кэте Фелькнер, сотрудница филиала ведавшей трудовыми ресурсами “Организации Заукеля”. Немало информации добывали источники в парижском бюро по организации досуга прибывающих на отдых фронтовиков. Тем не менее, несмотря на относительную ценность получаемых во Франции сведений, к непосредственным потребностям Советского Союза они имели весьма косвенное отношение, поскольку не позволяли получить информацию о военном потенциале рейха, его ресурсах и предполагаемых действиях на Востоке. Более того, резидентура по-прежнему не имела собственного передатчика ни в Бельгии, ни во Франции, и поддерживала связь с Центром через советское посольство в Виши, в частности, через военного атташе СССР генерала И. А. Сулопарова. Это обстоятельство было тем более вопиющим, что точка создавалась именно как резидентура связи, предназначенная для обеспечения ее для различных сетей в Западной Европе!

Для исправления ситуации Москва дала указание параллельной брюссельской резидентуре “Паскаля” помочь “Отто” в организации радиосвязи. Как уже указывалось, “Паскалем”

К. А. Ефремов

являлся капитан Ефремов, единственный в “Красном оркестре” советский офицер с академическим образованием, прибывший в спецкомандировку в Бельгию 6 сентября 1939 года по документам финского студента Эрика Йернстрема. Его заместителем и одновременно радистом был весьма опытный и заслуженный человек Иоганн Венцель (“Герман”). Он начал работать на Разведупр еще в 1934 году, до 1937 года руководил подпольной группой на заводах в Руре, а затем уехал в СССР для учебы на курсах радистов. В сентябре 1937 года он прибыл в Бельгию, однако не сумел легализоваться и

Иоганн Венцель

через месяц вынужден был уехать. В начале следующего года “Герман” появился в стране вновь, но уже нелегально, создал подчинявшуюся военной разведке и собирающую информацию о военной промышленности Запада “группу Германа” и радиоточку, а после прибытия Ефремова стал его заместителем.

Жюль Жаспар

Положение остальных групп было не слишком прочным. Местная полиция с началом войны арестовала сотрудника резидентуры Избуцкого (“Боб”), выпущенного из тюрьмы, как ни странно, немцами после оккупации Бельгии. В это время Треппер в связи с отъездом в Париж передавал дела в Брюсселе прибывшему ему на смену в качестве резидента Гуревичу (“Кент”). Тот оценил состояние дел в ней как совершенно неудовлетворительное и в присутствии представителя РУ Большакова отказался принимать загранточку под свое руководство. Гуревич также написал мотивированный доклад в Центр, в котором указал, что в своих отчетах тщеславный “Отто” зависил возможности бельгийской сети, которую явно вели к провалу низкий уровень конспирации и неудачное общее построение групп. “Кент”, кроме того, заявил, что по уровню подготовки совершенно не готов к работе резидента, поскольку имеет лишь некоторый опыт деятельности в Испании в качестве переводчика на подводной лодке С-4, в 1938 году прошел краткосрочную разведывательную подготовку и в следующем году отбыл в свою первую спецкомандировку. Он обратил внимание руководства на практику вербовки Треппером только членов еврейской секции компартии Бельгии, которые в случае нацистской оккупации из-за своей национальности неизбежно должны были переходить на нелегальное положение. Как известно, опасения Гуревича оказались вполне оправданными, но в августе 1940 года ему все же пришлось принять на себя руководство точкой. Немцы лишили резидентуру фирмы-прикрытия “Исключительный заграничный плащ”, секвестированной как принадлежащее евреям имущество. Ситуацию не спасло даже нахождение на посту директора компании бывшего консула в Индокитае и странах Скандинавии Жюля Жаспара, чистокровного бельгийца из весьма известной в стране фамилии и брата бывшего премьер-министра. Любопытно, что с началом blitzkriega в мае 1940 года “Отто”, проживавший по документам Адама Миклера, подлежал аресту как лицо с немецкой фамилией. По этой причине ему пришлось скрыться, а проживавшие вместе с ним жена Люба и сын Эдгар эвакуировались во Францию на машине советского торгпредства в Брюсселе, откуда уехали в Советский Союз. Впоследствии “Кент” обвинял Треппера в том, что тот бросил семью и спрятался на квартире у своей любовницы Жоржи де Винтер, поэтому отправкой семьи “Отто” пришлось заниматься ему самому.

Жоржи де Винтер

Перечисленные факты свидетельствуют, что обстановка в бельгийской и парижской резидентурах была далека от желаемой. На этом фоне весьма благополучно выглядели нелегальные резидентуры “Гарри” и “Паскаля”, но это их преимущество вскоре было утрачено. Нападение Германии на Советский Союз заставило резидентуру “Отто” активизировать усилия по сбору информации и заняться усиленной вербовкой источников, однако разведывательные возможности новых агентов были весьма ограничены, ценных среди них было

Лео Гроссфогель

Хиллель Кац

мало. В тот же период Центр дал указание Суслопарову связать Треппера с Робинсоном, но это повлекло не те последствия, на которые рассчитывали в Москве. “Гарри” утратил автономию, и, хуже того, “Отто” связал его с важнейшими членами организации Хиллелем Кацем и Лео Гроссфогелем (“Андрэ”), а позднее и с сетью Ефремова, что с точки зрения требований конспирации являлось серьезной ошибкой. В результате вместо нескольких компактных и хорошо организованных заграничных образований образовалась одна громоздкая и трудно управляемая резидентура, ее различные агентурные сети и линии связи были слишком тесно связаны, а иногда и переплетались, что снижало безопасность до критического уровня.

Выполняя указание Центра, с 23 июня 1941 года Венцель приступил к обучению Гуревича и Макарова, и уже 7 июля прошел их первый сеанс радиосвязи с Москвой. Этот шаг оказался весьма своевременным, поскольку 30 июня марионеточное французское правительство разорвало дипломатические отношения с СССР и закрыло его посольство в Виши, оборвав эту линию связи. Центр лихорадочно пытался наверстать упущенное и к августу сумел обеспечить доставку в Париж передатчика. Работать на нем должны были радисты супруги Герш и Мира Сокол, из всех сотрудников резидентуры знакомые только с Гроссфогелем. Они были иммигрантами, уроженцами польских городов Белосток и Вильно, поэтому в Бельгии диплом Герша не признавался. После переезда в Брюссель ему как иностранцу не разрешили работать врачом, и дипломированному специалисту пришлось заняться разъездной торговлей медикаментами. Мире повезло несколько больше, после окончания курса в брюссельском университете она получила степень доктора социологии и некоторое время работала секретарем одного из депутатов парламента. Оба супруга в 1935 году вступили в коммунистическую партию, в результате чего три года спустя их выслали из страны, как иностранцев, нарушивших запрет заниматься в Бельгии политической деятельностью. Соколы уехали в более терпимую Францию, Герш вступил в Иностранную легию, однако после разгрома армии был демобилизован. Постепенно захватываемая нацистами Европа становилась весьма опасной для пребывания евреев, поэтому в 1940 году супруги обратились в посольство СССР с просьбой о предоставлении им советского гражданства и позволении переехать в Советский Союз. Кто-то из второстепенных служащих консульского отдела уверил Соколов, что специальности врача и доктора социологии не слишком востребованы в Советском Союзе, и им лучше будет приписать себе рабочие профессии, чтобы вернее получить положительный ответ. Они последовали совету и указали в анкетах, что Герш является мастером по ремонту радиоаппаратуры, и это коренным образом изменило их судьбу. Военный атташе генерал Суслопаров сообщил супругам, что их просьба будет удовлетворена, но вна-

Герш и Мира Сокол

начале они должны помочь родине в стране пребывания. Соколы получили псевдонимы “Руеско” и “Мадлен”, помещение и фальшивые документы, а немного позже и кустарно собранный передатчик, недостаточный по мощности для поддержания связи с Москвой. По этой причине с февраля 1942 года супруги вели радиообмен с советским посольством в Лондоне, откуда их сообщения по магистральной линии связи направлялись в Центр. Радисты не имели доступа к шифрам, эта работа была поручена обслуживающей их передатчик шифровальщице Вере Аккерман.

Бельгия являлась подлинным трамплином для будущих участников “Красного оркестра”, оттуда многие из них перебирались в другие страны. До начала Второй мировой войны в ней находился и Антон Винтеринк (“Тино”), затем создавший в Голландии агентурную группу “Хильда”, бывший функционер голландской коммунистической партии, имевший прочные связи с ее руководителем Антоном Гудузом и партийными подпольными структурами. В группу входили Марти Ванденхоек, Эдуард Вандерципен, Вильгельм Веллер, Элизабет Депельсинер, Иоганн Лютерван, Жан и Жанна Оттен, Ирма Сальво, Хендрикс Смит, Жозефина Ферхимст, Якоб Хиллболлинг и другие.

После 22 июня 1941 года советская разведка столкнулась с прискорбным фактом обрыва связи с агентурой на территории рейха, ранее осуществлявшейся через дипломатические представительства. До начала войны ее поддержание с помощью личных контактов или тайниковых операций представлялось менее рискованным, чем использование нелегальных радиопередатчиков. Контрразведывательные возможности советской внешней разведки в Германии были достаточно сильны, в особенности благодаря прикрытию ее операций высокопоставленным сотрудником гестапо агентом “Брайтенбах” (Вилли Леманом), естественно, не распространявшемся на контроль за эфиром. Такая ситуация породила некоторую успокоенность, и предпринятые в самый канун войны меры к исправлению положения не успели достичь своей цели. На территории рейха без связи оказались нелегальная резидентура РУ Ильзы Штебе (“Альта”) и работавшие по линии внешней разведки подпольные антифашистские группы Харро Шульце-Бойзена – Арвида Харнака, Ганса-Генриха Куммерова и другие. Связь требовалось срочно восстановить, особенно с учетом их крайне высоких разведывательных возможностей и острой ситуации на фронтах. НКГБ вообще не располагал какими-либо возможностями в этом отношении, и руководство его 1-го управления не без долгих колебаний решилось обратиться к коллегам из РУ. Риск состоял в том, что военные получали доступ к данным об агентах внешней разведки и могли переманить их к себе, однако в критической ситуации следовало подняться над ведомственными интересами.

Военные разведчики рассмотрели запрос “ближних соседей” и приняли решение взяться за проведение операции, а заодно и восстановить связь со своей “Альтой”. Лучшее всего для выполнения этого рискованного и сложного задания подходила брюссельская точка, резидент которой “Кент” располагал легальными возможностями и достаточной мотивировкой для поездки в Германию. Его уругвайский паспорт на имя Винсента Сьерра позволил воспользоваться политикой рейха, не просто разрешавшей, а даже поощрявшей создание в оккупированной Европе фирм, обеспечивающих торговлю, особенно внешнюю, часто с вовлечением в нее германских предприятий. Однако иметь статус гражданина нейтрального государства для этого было недостаточно, серьезная проблема заключалась в финансировании, причем требовались не только немалые средства, но и легализация источника их поступления. На помощь вновь пришел случай. В начале 1940 года Гуревич поселился в одном из брюссельских пансионатов, где его соседями оказались беженцы из оккупированной Чехии миллионеры супруги Зингер, их сын со своей женой и дочь Маргарита с мужем, венгерским предпринимателем Барча. В апреле венгр умер, и молодая женщина осталась вдовой с 8-летним сыном на руках. Отец весьма переживал за ее судьбу, в особенности после отказа детей последовать за ним в США, куда он сумел добыть визы и собрался переехать с женой. Подружившийся с “Кентом” Зингер знал разведчика как уругвайского бизнесмена и очень уважал его, поэтому незадолго до отъезда попросил стать опекуном Маргариты и распорядиться оставленными ей немалыми средствами, требовавшими управления и контроля. Чех пообещал также передать “Кенту” свои контакты в бельгийских деловых кругах, что оказалось неожиданным и весьма приятным сюрпризом. Гуревич немедленно согласился, не последнюю очередь по причине любви к Маргарите Барча, причем взаимной. И когда ему срочно понадобились деньги для организации фирмы-прикрытия, женщина немедленно дала их и порекомендовала надежных и уважаемых бельгийцев для укомплектования руководящего состава компании. Так брюссельская резидентура вновь обрела “крышу” в виде учрежденного “Кентом” открытого акционерного общества “Симэкс”, президентом которого стал “Винсент Сьерра”. Постепенно у фирмы появились филиалы в Париже, Берлине, Праге и Марселе, что полностью легализовало перемещения курьеров и денежных средств.

А. М. Гуревич

Следует отметить, что с финансовой точки зрения “Симэкс” вместе со своим парижским “двойником” “Симэкс” оказались едва ли не самыми удачными предприятиями советской разведки в период войны. Их суммарная чистая прибыль, после вычета расходов не только на открытую деятельность компаний, но и на содержание нелегальных резидентур в Бельгии, Голландии и Франции, составила в 1941 году 1616 тысяч франков, а в 1942 году – 1641 тысячу. При этом с 1 июня по 31 декабря 1941 года расходы брюссельской заграничной достигли 5650 долларов США, в которых Центр всегда учитывал

свои затраты и выплачивал содержание агентам и сотрудникам, парижской — 9421 доллар. Содержание резидентуры в Брюсселе с января по май 1942 года обошлось в 2042 доллара, в Париже — 2414, в Марселе — 810. С 1 мая Москва перешла на исчисление во франках, и с этого момента по 30 сентября французская сеть стоила 593 тысячи франков, бельгийская — 380 тысяч, марсельская точка обошлась в 185 тысяч. Указанные суммы не включали непредвиденные выплаты на оперативные нужды. Оклады всех работников европейских резидентур с 22 июня 1941 года равнялись 100 долларам в месяц, а до этого были выше и дифференцировались. В 1939 году “Отто” получал 350 долларов, после отъезда семьи — 275, “Кент”, “Хемниц” и “Андрэ” — вначале по 175, затем по 225¹⁶¹.

Финансовое положение и деловые контакты “Симэкско” с партнерами, основным из которых являлась “Организация Тодта”, вполне оправдывали поездку Гуревича в Берлин, и 24 августа 1941 года Центр дал ему указание лично отправиться в германскую столицу по трем указанным адресам, связаться с Штебе, вручить ей свой шифр и оговорить условия связи. С 26 октября по 5 ноября резидент находился в Германии и выполнил это весьма опасное задание, восстановив связь германских групп с Центром. “Кент” удачно избежал внимания гестапо и встретился не только с радистом “Альты”, но и с Шульце-Бойзенем и Харнаком. Подробности этой поездки рассматриваются в главе, посвященной рейху, здесь же следует лишь отметить, что она позволила Центру получать значительный объем информации первостепенной важности из Германии по радио, а также через курьеров, направлявшихся по линии связи Берлин — Брюссель — Москва. Вообще же к концу года Центр принимал радиограммы от резидентуры “Кента”, “Паскаля” (3 линии связи) и “Отто” (2 линии). Однако этот успех таил в себе значительную потенциальную опасность, исходившую от содержащихся в радиограммах Москвы адресов советской разведки в Берлине, позывных и расписаний связи. В случае дешифровки эти сведения полностью раскрывали перед германской контрразведкой всю берлинскую структуру РУ и внешней разведки, оставляя агентов и подпольщиков абсолютно незащищенными. Как уже указывалось, 14 июля 1942 года именно это и произошло.

Но еще раньше немцы нанесли удар по остаткам резидентуры “Кента”. Абвер и гестапо совместно допрашивали захваченных разведчиков и исследовали материалы, находившиеся в лаборатории по изготовлению фальшивых документов. Эта последняя линия оказалась весьма перспективной, поскольку уровень фальшивок оказался столь высоким, что способные достичь его специалисты (“сапожники”, на сленге разведки) были буквально наперечет. Одним из подозреваемых оказался Райхман, уже знавший всех основных работников загранички и располагавший обширной информацией, совершенно не нужной для его непосредственной деятельности. Все это время Центр оставался в неведении о произошедшем на улице Атребатов провале, о котором Треппер доложил лишь 1 февраля 1942 года. К этому времени Пипе выяснил у местных полицейских, кого именно они считают способным на организацию производства фальшивок, и предъявил Рите Арну для опознания несколько их фотографий. Как указывалось ранее, Райхман уже арестовывался в 1938 году и потому находился в числе главных подозреваемых. Хозяйка квартиры на улице Атребатов знала его под именем Адаш и немедленно опознала, после чего Пипе начал искать подходы к объекту разработки. От нее же немцы получили адреса участника Соппротивления Доу и одного из ключевых членов сети Исидора Шпрингера (“Ромео”),

Исидор Шпрингер

не обработанных, однако, контрразведкой должным образом. Следует отметить, что для Шпрингера это был уже второй случай буквально чудесного спасения от захвата, а первый произошел 13 декабря 1941 года, наутро после разгрома радиоквартиры на улице Атребатов. Треппер успел перехватить “Ромео”, направлявшегося туда с подробным планом Антверпенского порта в кармане. Промах Пипе был немалым, поскольку Шпрингер, знакомый с “Отто” еще со времени его пребывания в Палестине, играл в сети крайне важную роль. В 1933 году ему пришлось бежать из рейха в Бельгию, где он занялся торговлей бриллиантами, но основным занятием “Ромео” по-прежнему оставалась подпольная деятельность. Он успел поучаствовать в гражданской войне в Испании, а затем руководил небольшой собственной сетью достаточно успешно работавших агентов.

Главной своей удачей германская контрразведка первоначально считала арест радиста Макарова, чье поведение на допросах различные исследователи оценивают по-разному. Многие полагают, что он отнюдь не молчал и сразу же стал сотрудничать со следствием, в частности, раскрыл “Кента” и описал его внешность. По некоторым данным, Гириг сумел сам идентифицировать “Карлоса Аламо” по показаниям захваченных еще перед войной в Чехословакии советских агентов, описавших своих однокурсников по разведшколе, однако такая версия вызывает серьезные сомнения. Тем не менее, достоверно установлено, что именно руководитель мобильного отделения зондеркоманды занимался разработкой радиста и вел ее в достаточно дружеском ключе. Гириг страдал раком горла в неоперабельной стадии и пытался продлить жизнь неумеренным курением и пьянством, следуя странному совету врача, убедившего его, что такие средства задерживают развитие опухоли. В связи с этим и с учетом любви Макарова к спиртному они часто выпивали вместе, ведя внешне дружеские беседы. Немец узнал, что захваченный радист ранее был летчиком, после чего для установления психологического контакта даже на некоторое время увез его в свой берлинский дом и поселил там вместе со своим сыном, тоже бывшим пилотом, лишившемся руки в воздушном бою. Трудно сказать, в какой степени все это помогло привлечению Макарова на сторону следствия. Существует версия о том, что самый существенный толчок поиску дал именно он, опознав на предъявленных фотокарточках из захваченной лаборатории “Отто” и “Кента”. Не кто иной, как “Хемниц” назвал их соответственно “Большим шефом” и “Маленьким шефом”, и эти прозвища в дальнейшем употреблялись немцами в ходе поиска и расследования разведчиков, хотя сами они никогда не использовали подобные термины применительно к себе и даже далеко не сразу поняли, что они относятся к ним. Следует, впрочем, отметить, что огульно обвинять Макарова в выдаче немцам всех известных ему секретов, по меньшей мере, несправедливо. Радист был прекрасно осведомлен о прикрытии нелегальной резидентуры и имел все возможности обратить внимание следствия на подлинный характер фирмы “Симэско”, однако совершенно очевидно, что он этого не сделал, поскольку Пипе узнал о ней только от Райхмана после его ареста в 1942 году.

Тем временем “Отто” начал принимать меры по локализации разгрома радиоквартиры и спасению оставшихся на свободе членов сети, проявив при этом незаурядную энергию и находчивость. Первым делом на юг, в “свободную зону” отправился “Кент”, арест которого мог нанести организации наибольший урон, а его место в официальном руководстве фирмой занял Назарен Дрейи. Резидент планировал даже отправить Гуревича обратно в СССР, но тот, по словам Треппера, отказался из-за боязни, что в Москве всю ответственность за произошедший провал возложат на него. Вероятно, его опасения были более чем оправданы, однако уехать из Бельгии ему было совершенно необходимо, и он отправился через Париж на юг Франции, где германская контрразведка пока не могла действовать свободно. Спецслужбы Виши даже арестовывали слишком бесцеремонных германских агентов, поэтому опасаться прямого захвата абвером или гестапо не приходилось. Следующим пунктом маршрута “Кента” должен был стать Алжир. К несчастью, уехавшая вместе с Гуревичем Маргарита Барча отправилась в Париж вместе с любовницей Райхмана Мальвиной Грубер и, не зная ничего о двойной жизни своего спутника, простодушно поделилась с ней информацией о планах переезда в Марсель, не видя в этом ничего секретного. Вскоре ее наивная откровенность самым злосчастным образом скажется на судьбе и этой пары, и множества других людей.

Провал радиоквартиры на улице Атребатов являлся первым этапом в неизбежном разгроме резидентуры, хотя ни Треппер, ни Центр пока еще не предвидели всех его губительных последствий. Предпринятые “Отто” меры не привели к желаемому результату ввиду слишком широкой осведомленности некоторых обитателей квартиры в вопросах, их прямо не касающихся, а также из-за не прерванных вовремя контактах с арестованным в 1938 году Райхманом. “Сапожник”, надежность которого была заведомо невысокой, знал, что уехавший в Марсель Гуревич продолжал пользоваться старыми документами на имя Винсента Сьерра. Треппер неизвестно почему был убежден в прочности прикрытия резидентуры и не свернул вовремя операции “Симэско”, чем подставил ее работников под неизбежный удар. О фирме знал и арестованный Макаров, и не могло быть уверенности в его способности сохранить это в секрете. Кроме того, проинформированный “Отто” в успокоительном тоне, и к тому же лишь 1 февраля 1942 года, Центр допустил еще одну, весьма грубую ошибку, дав указание передать остатки разгромленной группы “Кента” “Паскалю”. Это немедленно

поставило под угрозу расшифровки его достаточно хорошо законспирированную и весьма успешно работавшую резидентуру. В своих мемуарах Треппер не пожалел черной краски для Ефремова. В частности, он утверждал, что основным занятием “Паскаля” было не добывание разведывательной информации, а укрепление собственной безопасности, однако это не соответствует действительности. Резидентуру Ефремова можно рассматривать как одну из наиболее успешно действовавших заграничных РУ в первой половине войны, и она оставалась такой до слияния с резидентурой “Отто”. Это же относится и к включению в нее французской резидентуры “Гарри”.

Теперь основные операции “Красного оркестра” переместились на территорию Франции, где его подразделения пока не были затронуты арестами и действовали с полной отдачей. Первый провал радиоквартиры произошел в июле 1942 года, когда пеленгатор полиции по поддержанию порядка (орпо) засек в пригороде Парижа Мезон-Лаффитт работу передатчика Соколов. Здесь следует, кстати, отметить абсолютно нераациональную децентрализованность выделения и использования пеленгаторных установок радиоконтрразведывательными службами рейха. Ими располагали функабвер, гестапо, СД, орпо, ФА, абвер и некоторые другие ведомства, что в итоге существенно снижало отдачу от использования дефицитной техники. Однако именно в этот раз немцам не помешало ничего, и в ночь с 9 на 10 июля Герша и Миру захватила группа криминалькомиссара Генриха Райзера, что послужило прологом к летней серии арестов в различных странах. Некоторые полагают, что их радиоквартиру выдал не выдержавший пыток Давид Ками, в свое время обучавшийся там работе на ключе, но, по всей видимости, это не соответствует действительности. Вероятнее всего, провал явился результатом случайной пеленгации. Оба радиста, попавшие на этот пост из-за неверно указанных в анкете данных, оказались одними из наиболее героических и трагических фигур “Красного оркестра”, они героически вынесли все изощренные пытки и не проронили ни слова. Герш Сокол к концу истязаний весил лишь 37 килограммов и принял мученическую смерть, будучи разорван натравленными на него собаками. Его жену отправили в лагерь, где она вскоре умерла от истощения. Радисты прикрыли собой разведывательную сеть, принадлежащую стране, гражданами которой они не являлись ни единого дня.

Арест супругов не прошел незамеченным, и Треппер успел эвакуировать в Лондон шифровальщицу Веру Аккерман и двоих друзей четы Сокол, а также сумел убрать из квартиры улики, хотя это несколько не помогло арестованным. Немцы знали, что захваченный передатчик поддерживал связь с Лондоном, и вначале полагали супругов радистами французского Сопrotивления или СОЕ, но криптографы, хотя и не сумели прочесть тексты французских радиogramм, обратили внимание на совпадение их ключа с брюссельским. Стало ясно, что радиоконтрразведка столкнулась с еще одним звеном разветвленной советской сети, что весьма встревожило немцев, не знавших, какие еще сюрпризы им следует ожидать. Судя по всему, именно это и явилось толчком к формальному созданию в июле 1942 года зондеркоманды “Красный оркестр”. Ставшее впоследствии знаменитым название возникло не сразу. Когда капитан Пипе обсуждал с руководителем отделения абвера в Брюсселе подполковником Дришлером кодовое обозначение операции, тот предложил “Русский оркестр”, однако Пипе настоял на “Красном оркестре” как лучше звучащем. Название прижилось и стало применяться не только к возглавлявшемуся Гиригом и Пипе мобильному отделению, но и к структурам в Берлине и Франции. Вообще же решение о создании крупной зондеркоманды было принято на совещании у рейхсфюрера СС Гимmlера с участием начальника функабвера Тиле, Шелленберга, Мюллера, Канариса и начальника контрразведки абвера фон Бентивеньи. Общим руководителем зондеркоманды был назначен руководитель группы IVA гестапо (противники режима — марксисты, коммунисты, реакционеры и либералы, меры против саботажа, общая безопасность) старший правительственный советник Фридрих Панцингер. Мобильным отделением по-прежнему руководил Карл Гириг, берлинским — начальник группы по борьбе с саботажем криминальный советник Хорст Копков, позднее возглавивший зондеркоманду по расследованию покушения на Гитлера 20 июля 1944 года, а образованным в октябре 1942 года парижским филиалом — криминальный комиссар Райзер. Зондеркоманде придавались 25 следователей, группы дешифрования и перехвата.

Германскую контрразведку тревожила не только обстановка в Брюсселе и Париже, но в еще большей степени активность агентов-радистов в самой Германии. После успешного завершения сложнейшей миссии “Кента” ожил передатчик в Берлине, однако работал он

настолько нерегулярно, что засечь пеленги на него никак не удавалось. В середине июня 1942 года пост перехвата в Кранце вновь засек возобновление передач из Брюсселя, причем без особого труда, поскольку радист работал на ключе практически каждую ночь по много часов подряд. Капитан Пипе немедленно воспользовался таким немало удивлявшим его легкомыслием советского агента-радиста. Тем не менее, окончательно установить дислокацию передатчика было достаточно сложно: из опасения спугнуть объект немцы не направляли в район поиска пеленгаторные фургоны, а носимая в чемоданах аппаратура давала большую погрешность из-за проходившей там же высоковольтной линии электропередач. Члены зондеркоманды несколько ночей патрулировали улицы в гражданской одежде с поддельными бельгийскими документами, постоянно опасаясь встречи с собственными патрулями и расконспирирования операции. Интересно, что их документы изготовил Райхман, не подозревавший, для кого он выполняет очередную работу. Рейды дважды срывались из-за встреч с полицией и солдатами люфтваффе из расположенных по соседству казарм, но 29 июня дом, из которого велись передачи, был наконец установлен. В 3 часа ночи 15 прикомандированных летчиков блокировали квартал с обоих концов, а 10 офицеров тайной полевой полиции ворвались в квартиру радиста. Он оказал вооруженное сопротивление и попытался уйти по крышам, однако в итоге был пойман под перевернутой ванной. Им оказался Иоганн Венцель из резидентуры “Паскаля”.

Захват радиста произошел непосредственно во время сеанса связи, поэтому около передатчика лежали радиограммы. Среди них был листок с записанными открытым текстом цифрами производства в Германии танков и боевых самолетов и потерь вермахта на Восточном фронте, полученными от некоего “Коро”. Пипе сразу же оценил всю важность этих данных и сопоставил их с найденными в лаборатории на улице Атребатов подлинными бланками центрального аппарата абвера. Картина вырисовывалась столь удручающая, что он немедленно бросил все дела и отправился в Берлин к полковнику Роледеру для обсуждения создавшейся ситуации. На ближайшем самолете свободных мест не оказалось, поэтому капитан поехал в столицу рейха на машине, постоянно опасаясь, что по дороге с ним что-либо произойдет, и его чемоданчик с документами попадет в чужие руки. Он был настолько взвинчен, что когда часовой на входе в здание абвера на улице Тирпишбуффер, 74/76 потребовал предъявить содержимое чемоданчика, Пипе выхватил пистолет и пригрозил застрелить его на месте, если только он попытается хотя бы издали взглянуть на бумаги. Бегло просмотревший их содержание Роледер тоже весьма встревожился и отправился к Бентивеньи, тот повел Пипе к Канарису, а потом все они вместе отправились к начальнику штаба верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалу Кейтелю.

Тем временем Гиринг в Брюсселе проверил Венцеля по учетам гестапо и установил, что тот находится в розыске с 1933 года, после чего немедленно перевел его в лагерь, где возможности по обработке арестованного были значительно выше, чем в тюрьме. “Герман” продержался до августа, пребывая в полной уверенности, что коллеги по сети заметили факт его захват и сообщили о нем в Центр. Потом он со спокойной совестью выдал шифр и дал согласие на радиоигру, для руководства которой из Берлина срочно вызвали начальника группы радиоигр гестапо Томаса Амплетцера. Собственно, Венцель не ошибся. Стрельба на улице, внезапное прерывание сеанса связи и исчезновение радиста однозначно свидетельствовали о том, что произошло, и 15 июля “Паскаль” доложил в Москву о провале радиоквартиры. Однако контроль за безопасностью связи в центральном аппарате ГРУ явно оставлял желать лучшего. На внезапность появления радиста в эфире после столь длительного перерыва и поступившего от Ефремова сигнала об опасности просто не обратили внимание, и это при том, что Центр сам предупредил группы в Бельгии и Франции об опасности полного разгрома сети! С этого момента действия ГРУ вообще не имели разумного объяснения. Все расчеты Венцеля на поступление в центральный аппарат сведений о компрометации шифра и его аресте оказались беспочвенными. В Москве тревожное сообщение “Паскаля” просто сочли ошибочным и, как ни в чем ни бывало, продолжили связь с “Германом”. По содержащейся в радиограммах информации зондеркоманда одного за другим стала выявлять участников различных ветвей “Красного оркестра”. Бельгийская группа погибала.

Капитан Пипе параллельно проводил расследование еще по одной параллельной линии, разыскивая хозяина обнаруженной на улице Атребатов лаборатории, и вскоре случай помог отыскать его. Он узнал от лейтенанта Бедикера из контрразведывательного отделения

брюссельского абверштелле о полицейском инспекторе Матье, продававшем немцам фальшивые удостоверения личности для их бельгийских информаторов. Пипе встретился с этим агентом и выяснил, что он прекрасно знает разыскиваемого им Райхмана, у которого и приобретает удостоверения для абвера по тысяче франков за штуку. Именно изготовленные им документы находились у группы контрразведчиков, арестовавших Венцеля в ночь с 29 на 30 июня 1942 года. Пипе знал, что Матье работает на немцев по убеждению, и решил не арестовывать Райхмана, а взять с помощью полицейского все действия “сапожника” под плотный контроль. Замысел реализовался даже успешнее, чем предполагал капитан. В мае 1942 года Райхман попросил Матье спрятать чемодан, поскольку, по его словам, он был “слишком горячим”¹⁶², чтобы держать у себя. Полицейский предложил для этой цели свой гараж, Райхман с готовностью согласился. На следующий день Матье сообщил об этом Бедикеру, тот доложил Пипе, и при проверке в чемодане был обнаружен коротковолновый передатчик. Эксперты установили, что он идентичен захваченному на улице Атребатов и, без сомнения, принадлежит советской разведке. Они не ошиблись. Указание спрятать аппарат Райхман получил от Ефремова, и теперь из трех бельгийских передатчиков один был захвачен немцами на улице Атребатов, второй находился под их контролем в гараже Матье, и лишь третий, расположенный где-то в Остенде, пока ускользал от их контроля.

Плотное наблюдение за Райхманом не приносило результатов в течение двух месяцев, но в конце июля поставленная немцами ловушка сработала весьма удачно. Незадолго до этого Матье сообщил “сапожнику” о возможности добывать подлинные удостоверения личности, чем немало обрадовал его, поскольку даже прекрасно изготовленная фальшивка всегда менее надежна по сравнению с настоящим документом. Незадолго до этого “Отто” дал Ефремову указание добыть ему бумаги на другое имя, и когда Райхман доложил об открывшейся возможности не подделывать документы, а через свой контакт в полиции за деньги получать подлинные, “Паскаль” с энтузиазмом ухватился за это предложение. Несмотря на академическое образование и специальную разведывательную подготовку, резидент проявил удивительную легковерность и не выразил никакого сомнения в отношении столь соблазнительной перспективы. Он доложил об удачной возможности Трешперу, но тот немедленно и категорически запретил использовать этот канал. Однако передавший это указание “сапожнику” Ефремов не обладал в глазах Райхмана должным авторитетом и не смог добиться его выполнения. Положение с дисциплиной в бельгийской резидентуре явно оставляло желать лучшего, но “Паскаль” усугубил ситуацию и пошел еще дальше. Он заказал себе новое удостоверение личности и по требованию Матье передал ему свою фотографию. Райхман настолько доверял бельгийцу, что даже объяснил, что на снимке изображен не кто-нибудь, а сам руководитель группы коммунистических агентов! Дальнейшее развитие событий не заставило себя ждать, и 30 июля немцы арестовали заказчика удостоверения, которого полицейский через Райхмана каким-то образом уговорил лично получить его. Захваченный предъявил находившиеся в полном порядке документы на имя финского студента Эрика Йернстрема, изучающего химию в местном политехническом институте. Звонок в генеральное консульство Финляндии полностью подтвердил все сказанное задержанным, оставалось лишь объяснить, зачем он заказывал поддельное удостоверение и почему он не знает ни слова по-фински.

Гиригг спешно доставил в полицейский участок Венцеля, и тот опознал в “Йернстреме” своего руководителя, с некоторого времени возглавлявшего сеть советской разведки в Бельгии. “Красный оркестр” получил особенно сильный удар, поскольку Ефремов предпочел пыткам сотрудничество с врагом, и хотя некоторые исследователи отрицают это, факты свидетельствуют об обратном. Прежде всего, он обратил внимание немцев на любовницу Венцеля Жермену Шнайдер (“Шметтерлинг”, “Одетта”), которую Гиригг после первоначального допроса отпустил, поверив в ее непричастность к тайной деятельности “Германа”. Ефремов знал о том, что Шнайдер была членом ФКП и совершала курьерские поездки из Бельгии в Германию, и немедленно указал контрразведчикам на их промах, хотя мог просто промолчать. Он также сам уговаривал ее раскрыть местонахождение “Большого шефа”, но Жермена сделала вид, что не понимает, о чем идет речь. В действительности она сумела предупредить “Отто” об опасности, и тот дал ей указание исчезнуть и укрыться в Лионе. Однако ее документы на подлинную фамилию создавали немалую угрозу, поэтому в ожидании изготовления новых она пока оставалась на конспиративной квартире в Париже. В поисках исчезнувшей женщины немцы решили захватить ее мужа Франца Шнайдера, которого на-

шли опять-таки с помощью Ефремова. Он обратился к находившемуся пока на свободе, но под плотным наблюдением Райхману, все еще не догадывавшемуся, что вся его деятельность на протяжении длительного времени была абсолютно прозрачной для немцев, что Ефремов сотрудничает с ними, и что Матье является их агентом. Поэтому полицейский легко смог выполнить указание Пипе и через “сапожника” вызвал Франца на встречу с “Паскалем”, где его арестовали. Однако это не принесло контрразведчикам никакой пользы, поскольку Шнайдер понятия не имел о том, где в данное время скрывается его жена. Когда на очередную встречу не явилась и Жермена, Пипе ошибочно решил, что Матье расшифрован, а Райхман просто пытается выиграть у абвера время для побега. После этого “сапожника” немедленно арестовали, и хотя он сразу же заявил о готовности сотрудничать, зверски избили. Экзекуцию прекратил лишь случайно вошедший Пипе, после этого эпизода добившийся у Гирига согласия в дальнейшем допрашивать Райхмана только в его присутствии. От Ефремова абвер знал о важнейшей роли арестованного в организации и практически сразу получил от него информацию о фирме-прикрытии резидентуры “Симэско”. Узнав адрес компании, Пипе в первый момент решил, что Райхман неудачно пошутил и намекает на то, что ему известно место дислокации его группы и подлинный характер компании “Пипер импорт и экспорт”. Однако капитан тут же понял, что произошло простое совпадение, и догадался, почему ему были смутно знакомы лица, запечатленные на двух захваченных в лаборатории на улице Атребатов фотоснимках: он часто сталкивался с этими людьми на лестничной площадке и при этом раскланивался с ними! На допросах Райхман и его арестованная любовница, чешка Мальвина Грубер раскрыли бывшего президента “Симэско” уругвайца Винсента Сьерру как “Маленького шефа”, то есть руководителя советской разведывательной организации в Брюсселе под псевдонимом “Кент”, передавшего свои полномочия “Паскалю”. Они же сообщили имя его любовницы Маргариты Барча, отбывшей вместе с ним во Францию.

К этому моменту операции резидентуры под прикрытием руководимой новым президентом Назареном Драий “Симэско” были уже свернуты, и наблюдение силами группы абвера III “Н” не принесло ощутимых результатов. Значительно более полезной оказалась информация, полученная Пипе от старшего офицера германского комиссариата в Брюсселе, сообщившего, что подлинный хозяин фирмы проживает во Франции и лишь иногда появляется в помещениях “Симэско”. На предъявленных ему снимках с улицы Атребатов офицер опознал и этого человека, и Сьерра. Было очевидно, что операции в Бельгии пора сворачивать и перебираться в Париж, тем более, что к этому времени Ефремов раскрыл последний оставшийся передатчик в Остенде. 28 августа немцы арестовали работавшего на нем радиста Августина Зезее, который, в отличие от своего руководителя, не выдал никого и ничего. Но этого и не требовалось. “Паскаль” сообщил, что более линий связи у бельгийской сети нет.

Показания Ефремова позволили также разгромить голландскую сеть “Хильда”, впервые попавшую в поле зрения немцев после пленения ее нелегального передатчика еще в марте 1942 года. Ее руководитель Антон Винтеринк имел одну линию связи с Центром и поддерживал контакты с бельгийской группой через курьеров Мориса Пепера (“Вассерман”) и Германа Избуцкого (“Боб”, “Люнетт”). Ефремов раскрыл обоих, и 10 августа зондеркоманда арестовала их. Пипе предварительно просил содействия у руководителя абвера в Голландии Германа Гискеса, однако тот ничем не смог помочь ему, поскольку был слишком занят проведением своей грандиозной операции “Нордпол”. Он знал о советском передатчике, но игнорировал его, обращая свое внимание только на радистов СОЕ, СИС и голландского Сопротивления, поэтому Пипе пришлось опираться лишь на силы полиции.

Герман Избуцкий

Захваченные курьеры повели себя по-разному. Избуцкий отказался сотрудничать с немцами и был замучен в концлагере, но Пепер оказался менее стойким и выдал руководителя “Хильды” Винтеринка, связником с которым он являлся. По указанию гестапо он назначил “Тино” встречу 20 августа в одном из городских кафе, и когда тот был арестован прямо в зале, возмущенные посетители едва не отбили его у гестаповцев, лишь угрозой оружия проложивших себе дорогу к выходу. Доставленного в гестапо Винтеринка

Антон Винтеринк

избивали так, что даже привычный к подобным сценам Пипе не выдержал этого зрелища и ушел из здания. “Тино” сломали довольно быстро, вероятно, потому, что примененные к нему меры были особенно жесткими. Не все могли повторить молчаливый подвиг Герша и Миры Сокол, но арестованных трудно винить в этом, особенно учитывая, что их руководители не позаботились о разработке для них надежных отступных легенд. По показаниям Винтеринка немцы арестовали 12 (по другим данным, 17) агентов и изъяли передатчик, и хотя 9 человек чудом сумели ускользнуть и предупредить Центр об опасности, резидентура “Хильда” погибла. Винтеринк в течение некоторого времени использовался немцами в радиоигре с ГРУ, но, судя по всему, в Москве разгадали ее.

Помимо “Хильды”, в Нидерландах действовали и другие агентурные группы советской военной разведки. Одну из них возглавлял Даниэль Гулуз, с помощью радистов Августа Иоханнеса ван Проозди и Яна де Лара поддерживавший две линии связи с Центром и передававший по ним радиogramмы бельгийской резидентуры. Вторая агентурная группа была образована еще в 1940 году из немцев-эмигрантов и возглавлялась Альфредом Кнехелем, а информацию добывала от своих находившихся в рейхе источников. Позднее групповод также отбыл в Германию, где продолжил нелегальную работу. Кнехель не имел ни радиста, ни передатчика и был вынуждена установить горизонтальную связь с группой Гулуза, однако летом 1942 года она оборвалась. Для восстановления контакта с ГРУ в Нидерланды по линии сотрудничества с СОЕ (операция “Пикэкс”) был заброшен связник, 63-летний пастор Ян Вильгельм Крюйт. Несмотря на возраст, он добровольно прошел полный курс обучения в Лондоне, прекрасно освоил не только технику агентурно-оперативной работы, но и парашютное дело и вызывал уважение всех обучавшихся вместе с ним курсантов. В Голландию он вылетел 22 июня 1942 года вдвоем с еще одним агентом, разбившимся при приземлении в пригороде Гааги, о чем пастор не знал. Выданный практически сразу же после высадки Крюйт мужественно попытался покончить с собой, проглотив капсулу с ядом, однако тюремные врачи промыли ему желудок и спасли. Он категорически отказывался отвечать на вопросы о прыгнувшем вместе с ним с самолета агенте до тех пор, пока следователь не сказал ему, что этот человек разбился насмерть. Крюйт попросил показать ему тело и признал, что погибший был его сыном. Немцы разрешили пастору участвовать в церемонии погребения, после чего расстреляли его. После Крюйта ГРУ также в рамках операции “Пикэкс” забросило в страну еще одного связника. Приземлившийся с парашютом 30 ноября 1942 года капитан П. Кузнецов под именем Франца Кунха должен был проникнуть в Германию и отыскать там Кнехеля, однако с учетом повышенного и неоправданного риска отказался от этого и продолжил работу на месте. До 28 июля 1943 года он руководил созданной им самим небольшой агентурной группой, но провалился и при задержании успел застрелиться.

Все эти детали стали известны намного позднее, а пока ГРУ в очередной раз проигнорировало поступающие сигналы тревоги и продолжало вести радиообмен, попавшись на игру зондеркоманды. Руководители разведки не вняли ни направленному Робинсоном 25 сентября сообщению о провале “Паскаля”, ни предложению Треппера от 1 ноября прекратить связь с ним и с голландским передатчиком. Поразительная слепота Центра не исчезала. “Отто” получил ответ, что его информация сочтена вредной, и что данные об аресте Венцеля и Ефремова ошибочны. Москва настолько запуталась в ситуации, что 4 февраля 1943 года даже сделала выговор “Паскалю” за дезинформацию ГРУ относительно судьбы Венцеля (речь шла о радиogramме резидента, отправленной до его ареста). В результате этого советская военная разведка от 6 до 7 месяцев получала дезинформацию, а немцы арестовали более 100 человек, из которых не менее 70 являлись действительными разведчиками или участниками коммунистических подпольных групп. За период своей деятельности зондеркоманда захватила восемь передатчиков, из которых использовала в радиоигре шесть (станции “Хемница”, “Паскаля”, “Тино”, “Германа”, затем “Кента” и “Отто”).

Угроза вплотную нависла над резидентурами в Париже и Лионе. Криптоаналитики также действовали весьма оперативно и ежедневно раскрывали от 2 до 3 радиogramм, пос-

тепленно приближаясь к полному прочтению перехваченных ранее текстов. Теперь ни Бельгия, ни Голландия более не представляли угрозу для немцев, и подразделения зондеркоманды “Красный оркестр” плотно занялись Германией и Францией. Однако Центр пребывал в иллюзии относительно безопасности своих агентов и продолжал направлять им инструкции с информацией, обрекавшей на гибель все новые группы. Одним из таких эпизодов стало поручения Венцелю 17 сентября 1942 года встретиться на станции метро в Потсдаме с курьером и взять у него материалы для передачи в СССР. Это позволило контрразведке установить глубоко законспирированного советского агента Ганса Генриха Куммерова (“Фильтр”), с 1933 года руководившего антифашистской группой и работавшего на строго засекреченной испытательной базе, где в глубокой тайне производились новые, перспективные виды вооружения. Правда, окончательно засветил его все же не Венцель, а другой направленный из Советского Союза связник, после чего в декабре 1942 года “Фильтра” арестовали. Таким же путем контрразведка установила еще одного курьера, Клару Немитц, в результате негласного наблюдения за которой была разгромлена целая группа антифашистов из шести человек. Провал последовал и в Гамбурге, где 18 и 20 октября гестапо ликвидировало паспортную лабораторию, секретное убежище агентуры и арестовало семь человек. Германские события подробно рассматриваются в соответствующей главе.

С октября 1942 года мобильное отделение зондеркоманды “Красный оркестр” практически полностью перебазировалось в Париж, который Гириг и Пипе верно определили как важнейший участок работы советской агентуры после разгрома ее бельгийской и голландской сетей. Контрразведчики совершенно не имели представления, кого и где им предстоит искать, они имели лишь одну зацепку: имя Жана Жильбера, которым, судя по всему, должен был пользоваться “Большой шеф” — главный резидент советской военной разведки в Западной Европе. В попытках найти его немцы привезли в Париж Райхмана и Грубер и приказали им использовать все свои связи и возможности для поиска разведчика. Они рассылали на все известные им основные и запасные конспиративные адреса сообщения с просьбой к “Большому шефу” выйти с ними на связь. Такие послания еще более насторожили Треппера, поскольку он знал, что этот термин никогда не использовался в оперативной переписке и вообще был изобретен одним из провалившихся членов его сети. Пипе и Гириг установили также, что некоторые деловые письма направлялись из брюссельской фирмы “Симэкс” в парижскую компанию “Симэкс” и вполне резонно предположили наличие связи между обоими предприятиями, а Ефремов на вопрос немцев о “Симэксе” однозначно охарактеризовал его как прикрытие нелегальной резидентуры. С сентября 1942 года по запросу Пипе группа III “Н” АСТ-Париж взяла под контроль все телефонные и почтовые каналы связи фирмы. Многие письма из Брюсселя направлялись на имя секретаря франко-бельгийской торговой палаты Симоны Фелтер, и по этому следу Райхман обратился к ней с все той же просьбой связать его с Жильбером. “Отто” действительно пользовался тогда документами на это имя, поэтому Фелтер не рискнула навлечь на него и себя подозрения, отрицая это знакомство. Она пообещала найти его и действительно сообщила Трепперу о подозрительном визите. Встреча все же была назначена, но когда Симона явилась на нее ранее оговоренного времени, обстановка вызвала у нее отчетливое чувство опасности. Она успела уйти и предупредить “Отто” о своих подозрениях, а поскольку Треппер никогда не рисковал попусту, он послушался. Засада провалилась.

Тем временем Гириг сделал то, с чего ему следовало бы начать сразу после получения первой информации о подозрительном характере “Симэкса”, а именно проверил записи в государственном реестре предприятий. Там в качестве директора фирмы значился Жан Жильбер, а одним из акционеров был Лео Гроссфогель, о котором немцы уже знали со слов все того же Ефремова. Однако фирма “Симэкс” не только не была замечена ни в какой сомнительной деятельности, но являлась одним из наиболее уважаемых и надежных поставщиков вермахта во Франции. Офицер безопасности и по связям с гестапо интендантского управления гаупштурмфюрер СС Вильгельм Николаи в самых лестных выражениях охарактеризовал Жильбера и опознал его по фотографии. Узнав о том, что его дифирамбы фактически были адресованы региональному резиденту советской военной разведки в Западной Европе, гаупштурмфюрер испытал настоящий шок и попытался заглазить свой промах. Николаи желал всемерно помочь работе зондеркоманды, но, не будучи специалистом в контрразведке, перестарался: не дожидаясь истечения срока пропуска “Жильбера” в ин-

тендантство, он направил ему уведомление с просьбой прибыть для его продления. Треппер занимался нелегальной работой не первый десяток лет, и подобная неуклюжая попытка лишь подтвердила его подозрения о том, что противник вышел на “Симэкс”. Однако резкое исчезновение неминуемо сразу же провалило бы прикрытие, а “Отто” требовалось время для эвакуации некоторых людей и добывания наличных денег для финансирования дальнейших операций. Следует отметить, что в рассматриваемый период положение Треппера было не из лучших, поскольку Центр упорно отказывался верить его сообщениям о провале Винтеринка, Венцеля и Ефремова, а это означало, что в любой момент на их контролируемые немцами передатчики может поступить какая-либо информация, дающая ключ к его розыску.

Пипе все еще полагал, что “Жильберу” неизвестно о попытках зондеркоманды разыскать его и о расшифровке “Симэкса”, поэтому он попытался заманить руководителя фирмы на коммерческую приманку. По просьбе капитана Николаи предложил служащей “Симэкса” Лихониной сделку на поставку необработанных алмазов на сумму в 1,5 миллиона рейхсмарок, что теоретически не могло не заинтересовать руководителя компании. При этом фиктивные бизнесмены, под видом которых выступали Гириг и Пипе, настаивали на том, что желают подписывать контракт только с самим Жильбером. Для непосвященного это требование звучало вполне естественно, поскольку цена вопроса была весьма велика, но Треппер знал, что заманчивое предложение является составным элементом оперативной комбинации по его поимке. Собственно, в этот период обе стороны играли в своего рода игру, делая вид, что им ничего неизвестно о противнике. Однако если немцам требовалось просто не спугнуть резидента и заманить его в ловушку, то положение “Отто” было намного сложнее. Он изображал неведение, пытаясь оттянуть время и позволить работникам резидентур в Париже, Лионе и Марселе раствориться и уйти на нелегальное положение. Именно поэтому он не мог просто исчезнуть, и по его указанию Лихонина сообщила “бизнесменам”, что шеф лечит сердечное заболевание на водах в Спа. Туда немедленно отправилась группа гестаповцев, но Треппера в городе, естественно, не оказалось. “Отто” тянул время. Лихонина вновь объяснила начинавшим терять терпение немцам, что директор Жильбер вместе с ней прибудет для переговоров в Брюссель, однако из вагона она вышла одна и объяснила встречавшим, что шеф еще не полностью готов и отправил ее впереди себя. Пипе и Гириг у оставалось лишь сделать вид, что они верят этому объяснению, и изобразить разочарование отложенной сделкой, как на их месте повели бы себя любые коммерсанты. В это же время в розыске “Отто” также активно использовали и Ефремова. Он послал в Центр радиограмму с якобы полученной из германских источников информацией о том, что шифры резидентуры могут быть скомпрометированы, а это требует срочного обсуждения с “Большим шефом”. Однако Москва ответила уклончиво, и эта попытка также провалилась.

“Жильбер” являлся не единственной целью зондеркоманды, почти с таким же усердием немцы разыскивали “Кента” — по их терминологии, “Маленького шефа”. Мальвина Грубер вспомнила о планах Маргариты Барча, которую она сопровождала в Париж, перебраться в Марсель, то есть в недосыгаемую для германской полиции и контрразведки “свободную зону”. Это было и в самом деле так, но “Отто” планировал отправить их затем в Алжир, что, однако, осуществить не удалось. Как известно, в ноябре 1942 года в ответ на вторжение союзников в Северную Африку рейх разорвал перемирие с Францией и оккупировал юг страны, в том числе и Марсель. Теперь поиск “Маленького шефа” мог осуществляться без досадных помех, и 12 (по другим данным, 9) декабря Гуревич и Барча были найдены, арестованы и отправлены в Париж. Из-за латиноамериканского паспорта “Винсента Сьерры” арест “Кента” пришлось согласовывать по дипломатической линии с посольством Уругвая во Франции. Вначале арестованный отказался что-либо говорить, и его вместе с Маргаритой увезли вначале в Брюссель, а затем в Берлин для дальнейшей обработки. Ожидавшая ребенка женщина оказалась уязвимым местом разведчика, согласившегося сотрудничать с зондеркомандой в обмен на хорошее отношение к ней и позволение видеться. У “Кента” обнаружили принятую радиограмму с ключом к шифру “Гарри”, однако отсутствовали расписание связи и позывные для “Отто”, не были известны даже частоты, на которых должны были передаваться его радиограммы. Дело в том, что из соображений безопасности прием и передача велись на разных частотах, и даже перехватив адресованное радисту сообщение из Центра, ответ на него следовало искать в эфире заново. Более того, нередко

эта частота до установления связи была неизвестна даже самому радисту и передавалась ему непосредственно при начале сеанса радиообмена, причем обычно она кодировалась, то есть полученные значения подлежали изменению на заранее оговоренную величину. Однако по неизвестной причине Москва внезапно решила поменять частоты радиообмена с «Отто» и сообщила ему новые, передав их через один из контролируемых зондеркомандой передатчиков, как это ни невероятно, открытым текстом. Впрочем, в истории «Красного оркестра» аналогичных промахов разведки было столько, что некоторые исследователи были убеждены в наличии в центральном аппарате ГРУ германского агента, хотя это и не соответствует действительности, во всяком случае, согласно опубликованным материалам. Немцы с недоверием отнеслись к полученной информации, а в особенности к способу ее передачи, и для проверки сообщили, что частоты приняты в искаженном виде. Центр повторил сообщение, передав новое, расширенное расписание для связи с Москвой и напрямую, и через Лондон, после чего Гириг убедился в его подлинности.

Все это стало началом конца французских групп. Предвидевшие такое развитие событий Треппер, Гроссфогель и Кац решили законсервировать около 50 членов французской сети, снабдить их новыми документами и расщелочить по стране. Сам же «Отто» собрался скрыться радикально, добыв подлинное медицинское свидетельство о своей смерти и приготовив могилу, на которой спустя некоторое время должен был появиться памятник ему. Марсельская и лионская группы также планировали вывести в резерв менее законспирированных работников, чтобы продолжить работу в глубоком подполье компактным составом.

Тем временем в Париже произошло событие, совершенно не предусмотренное ни Пипе, ни Гиригом. Во время их пребывания во Франции временный руководитель филиала зондеркоманды Карл Юнг решил отличиться и 19 ноября арестовал управляющего «Симэксом» Альфреда Корбена и совершенно не имевшего отношения к делам разведки переводчика фирмы, русского эмигранта Владимира Келлера. На допросах у них стремились выяснить только местонахождение «Большого шефа», и единственным методом отыскания истины были избиения. Вслед за ними арестовали весь штат «Симэкса», за исключением

Альфред Корбен

Лихониной, и жену Корбена Марию, которую пока держали под домашним арестом. Приехавший 23 ноября Гириг также подключился к допросам женщины и совершенно запугал ее, заявив, что ее муж Альфред замешан не в операциях на черном рынке, как ранее заявлял Юнг, а в шпионаже. После этого Пипе пришлось арестовать весь штат филиалов «Симэкско» в Марселе и Лионе. В последнем его руководителем и одновременно местным резидентом был Шпрингер («Ромео»). Вместе с ним под арест попала и давно разыскиваемая любовница Венцеля Жермена Шнайдер. Аналогичная судьба постигла и брюссельскую «Симэкско», руководитель которой Драи успел скрыться, но все остальные оказались застигнутыми врасплох, причем большинство сотрудников даже не подозревало о тайной стороне деятельности их предприятия. Итак, к 23 ноября 1942 года все нелегальные резидентуры в Марселе, Париже, Лионе и Брюсселе лишились своих прикрытий.

Увенчался успехом и поиск «Большого шефа». Мария Корбен вспомнила, что «Жильбер» как-то назвал ей имя и адрес своего дантиста, и немцы, совершенно не надеясь на успех, оставили в клинике засаду. В это время «Отто» заканчивал последние неотложные дела перед переходом на полностью нелегальное положение и решил заодно проверить состояние своих зубов. Он записался на прием вместо отказавшейся от визита пациентки, поэтому фамилии резидента в журнале не оказалось. Врач вначале забыл об этом и не мог ответить на запрос немцев относительно Жильбера, однако потом вспомнил, что назначил ему сеанс лечения на 24 ноября, после чего разыскиваемого почти год «Отто» захватили прямо в зубо врачебном кресле. Вслед за ним в течение месяца зондеркоманда сумела арестовать Каца, Гроссфогеля, Василия и Анну Максимович, всех их агентов и Робинсона.

К безмерному удивлению немцев, захваченный резидент сразу же начал сотрудничать с ними, однако исследователи весьма расходятся в версиях относительно побудительных причин этого, содержания показаний и дальнейшего развития событий. Согласно воспоминани-

ям самого Треппера, он не выдал ничего, что не было бы уже известно либо зондеркоманде, либо абверу, либо гестапо, и попытался захватить инициативу в свои руки, показав, что с ним нельзя обращаться так же, как с рядовым агентом. Чтобы сразу же снять вопрос о выдаче шифра, резидент заявил, что люди его уровня не работают с подобными материалами, для этого существуют шифровальщики или радисты. Задачей захваченного “Отто” было переиграть немцев, а для этого следовало прежде всего установить их подлинные намерения.

На этом уровне Пипе уже не был допущен к ведению следствия, и далее его осуществлял Гириг. Он сразу же заявил арестованному, что, собственно, не слишком уж и нуждается в его помощи, поскольку и так ведет радиоигру с Москвой через передатчики Венцеля, Винтеринка и теперь уже и Гуревича. Гестаповец продемонстрировал ему три толстых тома перехваченных и дешифрованных радиogramм, которыми обменивались радисты с Центром, подчеркнув, что в одной из папок, озаглавленной “Большой шеф”, содержались сообщения, однозначно свидетельствовавшие о возникшем в последние месяцы недоверии Москвы к “Отто”. Гириг заявил, что главной целью его зондеркоманды является поиск путей заключения сепаратного мира между Германией и Советским Союзом, для чего требуется надежный и авторитетный посредник либо из разведки, либо из компартии, и “Отто” как нельзя лучше подходит для этой роли. Однако операция уже начата, и отказ Треппера участвовать в ней ничего не изменит, а лишь усугубит положение арестованного. Гестаповец сообщил, что “Кент” уже задействован в радиоигре. Через его передатчик якобы шла дезинформация о приобретенном источнике в дипломатических кругах, зондирующем почву для заключения сепаратного мира между Германией и Великобританией. Эта операция преследовала двоякую цель: во-первых, посеять зерна недоверия между союзниками, во-вторых, подтолкнуть СССР к более активным переговорам, если они, как рассчитывал Гириг, начнутся по каналу “Отто”, поскольку Москва не пожелает, чтобы Лондон ее опередил.

По словам Треппера, он сразу же почувствовал, что противник стремится провести комбинацию, получившую название “Большой игры”. Резидент усмотрел две ее главные цели: спровоцировать раскол среди союзников и одновременно выйти на передатчик ФКП для последующего захвата центрального комитета партии. Было совершенно ясно, что прямой и недвусмысленный отказ в сотрудничестве приведет лишь к более или менее скорой, но, безусловно, героической смерти, на которую резиденту идти совершенно не хотелось. Чтобы хоть немного уравнять шансы, он выбрал линию поведения, убеждающую немцев в его особой значимости и исключительной роли. Прежде всего он заявил, что убежденность руководителей зондеркоманды в том, что они контролируют все его линии связи с ГРУ, не основывается на знании реального положения дел. В качестве примера он привел имевшуюся в деле радиogramму Москвы, предписывавшую ему выйти на связь с “Кентом”, и обратил внимание на то, что распоряжение осталось невыполненным. Учитывая установленную в разведке строгую дисциплину, тем более в военное время, версия Треппера о том, что он имел свой, особый канал связи, а указанная радиogramма являлась не более, чем проверкой безопасности основного канала, выглядела вполне убедительно. Еще один сделанный им ход был действительно весьма удачным и сразу же вводил его отношения с зондеркомандой в некоторые рамки. Гириг утверждал, что способен осуществить операцию “Бэр”, как официально стала именоваться “Большая игра”, и без помощи “Отто”, создав своего рода “эффект присутствия” арестованного резидента с помощью подконтрольных радиопередатчиков. Однако тот заявил о наличии в Западной Европе параллельной и независимой контрразведывательной организации, в функции которой входит периодический скрытый контроль за резидентурами и сетями. Треппер утверждал, что без предъявления его воочию зондеркоманда не сможет убедить Центр в пребывании резидента на свободе, и несколько поколебал уверенность Гирига в том, что гестапо сохраняет контроль над ситуацией. Теперь “Отто” видел свою основную задачу в доведении до сведения ГРУ подлинной информации об обстановке, в частности о факте проводимой с ним через ряд передатчиков радиоигры. Для ее решения требовалось постепенно войти в доверие к немцам и найти пути достижения своей стратегической цели.

Однако некоторые, не слишком доброжелательно, а иногда и прямо враждебно настроенные по отношению к Трепперу исследователи утверждают, что побудительным мотивом его действий явилась обыкновенная трусость, и что именно его предательское поведение стало причиной ареста многих соратников. В качестве примера приводятся истории с Гроссфогелем и Робинсоном. В отношении первого из них утверждается, что вскоре после

ареста “Отто” дал немцам выход на давно разыскивающуюся ими Симону Фелтер, которая после захвата зондеркомандой 16 ноября назначила Гроссфогелю встречу на следующий день в кафе, где он и был пойман. Кроме того, многие полагают, что Треппер дал Гиригу адрес итальянского гравера Медардо Гриотто, у которого Робинсон часто встречался с одним из своих агентов. Однозначно дать заключение о достоверности или ложности этих утверждений невозможно, однако совершенно ясно, что немецкие специалисты по агентурно-оперативной работе и радиограмм не были столь наивны, чтобы постоянно и во всех вопросах проигрывать даже столь изоциренному ветерану тайной войны как Треппер. Судя по всему, ему пришлось уплатить немалую цену за усыпление бдительности немцев, и мы уже никогда полностью не узнаем, какую именно. Достоверно установлено, что первой жертвой на этом пути стал безгранично доверявший ему Хиллель Кац, давний соратник резидента еще по периоду пребывания в Палестине. Треппер вызвал его на контакт на станцию метро, где тот и был арестован, однако ветеран коммунистического подполья оказался нестигаемым борцом и наотрез отказался разговаривать с гестаповцами. Он не изменил линию поведения даже после заявления “Отто” о наставшей поре “смены знамен”. Немцы постоянно пытали Каца, вырвали ногти, а Юнг вдавил арестованному в глаза стекла его толстых очков, изрезав веки и чудом не повредив склеры. пытки были особенно жестокими, поскольку зондеркоманда полагала арестованного связником с ФКП и надеялась выйти через него на центральный комитет партии.

С позиций наших дней невозможно однозначно прийти к выводу, стоила ли затеянная Треппером контригра таких жертв, сам же он охотно признает лишь ее выигрышную часть, всемерно откращиваясь от обвинений в выдаче коллег. Он излагает совершенно иные версии ареста Каца, Гроссфогеля и Робинсона, которые отчасти, возможно, и верны. Весьма вероятно также, что все эти люди фактически были уже обречены, и сам по себе акт их формальной выдачи Треппером не имел иного значения, кроме психологического. Точно проверить это невозможно, но ясно и то, что далеко не одна только забота о личном спасении двигала “Большим шефом” в его собственной “Большой игре”. Утверждать так могут лишь не понявшие всю сложность и многоплановость характера этого неординарного и весьма неоднозначного человека, для которого некоторые вещи были значительно важнее, чем жизнь. Свою первую и главную задачу он видел в информировании Центра о происходящих событиях. На протяжении уже нескольких месяцев Треппер отмечал определенное недоверие к себе со стороны руководства разведки, в частности, к своей информации о провалившихся радиоквартирах и работающих под немецким контролем линиях связи, которая постоянно опровергалась. Поэтому он начал тайно готовить в своей комнате-камере письменный отчет, занося заметки на добытый им рулон бумаги. Записи делались на смеси иврита, идиша и польского языков, чтобы в случае их обнаружения выиграть хотя бы некоторое время, требующееся немцам для отыскания трех переводчиков. Парадоксальным образом в это время интересы Гирига, желавшего связать “Отто” с руководством компартии, совпали с его собственными планами, поскольку отчет о работе сети и рекомендации можно было передать в Центр только по партийным каналам. Тем временем зондеркоманда через передатчик “Кента” сумела убедить Москву в необходимости связаться с представителем ФКП “Мишелем”, однако встреча не состоялась, хотя и была назначена: Гуревич не знал, что согласно договоренности с Треппером, от назначенных даты и времени контакта необходимо было отнять два дня и два часа. Аналогичная история произошла и с руководителем радиосетей ФКП Фернаном Пориолем (“Дюваль”). Заблаговременно продуманная предосторожность не только спасла его в тот момент от ареста, но и укрепила подозрения партийного руководства о произошедшем провале. Не увенчалась успехом и попытка перевести связь с ФКП от Треппера на Гуревича. В отправленной через его передатчик радиограмме “Кент” утверждал, что “Отто” стал ненадежен, и запрашивал полномочия на самостоятельную связь с руководством партии. Центр резонно ответил, что в этом случае не стоит ставить компартию под угрозу, и запретил это. Тогда Гириг решил использовать Райхмана и отправил его к установленной связной ФКП Жюльетте Мусье. “Фабрикант” также не знал конспиративные детали процедуры контакта и провалил его. Любой связной с партией, за исключением Треппера или Каца, в подтверждение своих слов должен был предъявить Жюльетте маленькую красную пуговицу, а поскольку Райхман этого не сделал, то связная ответила ему, что не узнает его и никаких связей с коммунистами не имеет. Догадавшийся о важности личного контакта Гириг решил отправить к ней Каца, но согласился сделать

это лишь при условии получения распоряжения от самого “Отто”. Включившийся в игру Треппер проинструктировал Каца на идише и незаметно сумел сообщить ему, что Жюльетта должна пообещать попытаться установить связь, однако ничего не гарантировать. Кац успешно выполнил поручение, и на состоявшейся через восемь дней второй встрече получил от ФКП ответ. Коммунисты требовали личного прибытия к ним Треппера. Поскольку все иные варианты отпали, Гиригму пришлось согласиться. Он планировал отправить по каналам ФКП информацию для передачи в Москву о нанесенном по сети “Красного оркестра” сильном ударе, о продолжении ее существования и о перерыве связи на один месяц. Условным сигналом подтверждения приема информации и согласия ГРУ с предложенным вариантом должно было стать поздравление “Отто” с Днем Красной Армии 23 февраля 1943 года. При составлении сообщения возникла серьезная проблема с шифром. “Кент” утверждал, что в резидентуре для передачи информации по каналам компартии использовался неизвестный ему особо секретный шифр. Это было правдой, но постоянно стремившийся дискредитировать Гуревича перед немцами Треппер заявил, что ни о чем подобном никогда не слышал. Второй посвященный в установленную процедуру связи Гроссфогель также не раскрыл секрета. В итоге сообщение в ФКП оказалось закрыто обычным шифром бельгийской группы, что само по себе являлось вопиющим нарушением правил и не могло не насторожить его адресата. Кроме того, сообщение было написано по-русски, а не по-немецки, как это всегда делалось ранее. Центр не мог не отметить и наличие в двух отправленных от имени

Фернан Порриоль

Венцеля радиogramмах дополнительного сигнала об опасности: никогда не использовавшегося в переписке с Москвой термина “Большой шеф”. В итоге “Отто” передал Жюльетте составленное Гиригом послание и сумел при этом также вручить ей рулончик со своим докладом на имя руководителя подпольных структур ЦК ФКП Жака Дюкло. Устно резидент распорядился, чтобы женщина немедленно скрылась, что она и сделала. Исчезновение связной встревожило Гиринга, а Треппер объяснил, что коммунисты совершенно определенно насторожились, не встречая его в городе в обычных местах. Пока тот обдумывал создавшуюся ситуацию, наступило 23 февраля, и на передатчик “Кента” пришла поколебавшая сомнения гестаповца радиogramма из Москвы с поздравлением по случаю праздника. Он распорядился выдать Трепперу документы и небольшую сумму денег и периодически выпускать его в город под присмотром заместителя начальника зондеркоманды Вильгельма Берга. “Отто” сделал первый шаг на пути к побегу.

В январе немцы упустили Иоганна Венцеля. Ранее попытка зондеркоманды заменить его, Ефремова и Винтеринка своими радиооператорами, обученными имитировать их почерк в эфире, не удалась, и всех троих вынужденно вернули к передатчикам. Ветеран нелегальных операций “Герман” стал готовить свой побег исподволь, постепенно установив своего рода дружеские отношения с группой работавших с ним контрразведчиков. Однажды вечером он убил находившегося рядом с ним охранника табуреткой (по другой версии, просто снаружи запер гестаповцев в комнате) и сбежал. Исчезнувшего радиста не нашли, но немецкий оператор все же сумел незаметно для Центра заменить его. В дальнейшем Венцель смог пробраться в Голландию и там на своей никому не известной квартире дождался конца войны. Он понес суровое наказание, пробыв под стражей с 1946 по май 1955 года, а затем был передан ГДР, где получил полную реабилитацию и очищение от обвинений в предательстве и шпионаже в пользу нацистов.

В это время в орбиту “Красного оркестра”, вернее, того, что в Москве считали действующей организацией, вошла еще одна нелегальная резидентура РУ/ГРУ “Золя”, которую возглавлял бывший капитан российской, полковник латвийской и литовской и бригадный генерал испанской республиканской армий Вольдемар-Оскар Озолс. Он родился в 1884 году под Витебском, в 1914 году окончил Николаевскую военную академию в Санкт-Петербурге и был причислен к генеральному штабу. После обретения Латвией государственной самостоятельности Озолс уехал туда с заданием организовывать коммунистическое партизанское

движение, был арестован и приговорен к расстрелу, но смог ускользнуть в Эстонию. После ряда приключений он поступил на эстонскую службу, однако вскоре вернулся в Латвию и возглавил штаб Северолатвийской бригады. Затем Озолс некоторое время прослужил в Литве, в 1922 году возвратился в Ригу и занялся там политикой. В мае 1935 года он подвергся аресту за участие в оппозиционном движении, но уже 18 июня был выпущен на свободу и выслан за пределы страны. После этого будущий разведчик вначале поселился в Литве, а затем уехал в Испанию, где работал в штабе одной из интербригад. После падения республиканского правительства его бывший генерал обосновался во Франции, а, узнав о вхождении Латвии в состав Советского Союза, обратился с просьбой о предоставлении ему гражданства СССР и разрешении вернуться на родину. Однако советский военный атташе в Париже генерал-майор Суслопаров привлек его к агентурной работе в качестве нелегального резидента РУ РККА. В начале 1941 года Озолс приобрел источники в стране пребывания и в Германии.

Вальдемар Озолс

Заккрытие дипломатического представительства СССР в Виши на два года лишило резидентуру “Золя” связи с центром, поскольку она имела передатчик, но не располагала ни радистом, ни шифром. В марте 1943 года Москва передала Трепперу указание восстановить связь с сетью Озолса и передать ее в подчинение “Кента”, сообщив Гуревичу адрес его конспиративной квартиры, что он и сделал в июле — августе. Судя по всему, Центр испытывал сомнения в отношении надежности “Золя” и фактически принес резидентуру в жертву, отдав контакт в руки уже серьезно заподозренного в двойной игре “Кента”. Это решение оказалось крайне непрофессиональным и повлекло весьма тяжкие последствия не только для Озолса и его источников, но и для множества французских коммунистов. Зондеркоманда не торопилась арестовывать установленного резидента и “втемную” использовала его для проведения дезинформационной операции.

Бывший высокопоставленный сотрудник функабвера Вильгельм Фликке описывает произошедшие события совершенно иначе. Не называя имени “бывшего латвийского генерала”¹⁶³, он излагает историю о его фактически контролировавшейся немцами фиктивной подпольной группе, члены которой, однако, не догадывались о своей подлинной роли и полагали, что действительно борются с нацизмом. Далее он сообщает, что контрразведка не ликвидировала сеть “Золя”, а использовала ее работу для выявления слабых мест в системе безопасности вермахта во Франции и для внедрения в ФКП. Фликке ошибается и смешивает более ранние события с позднейшими. До указания Центра о передаче группы Озолса в подчинение “Кенту” немцы, судя по всему, вообще не имели никакого представления о существовании этой организации. Они поставили ее под свой контроль лишь с 1943 года и действительно преследовали две указанные Фликке цели, что подтверждается позднейшим свидетельством другого сотрудника функабвера Карла фон Веделя. Особенно удачно для германской контрразведки операция стала развиваться с декабря 1943 года (по другим данным, с января 1944 года), когда Озолс представил “Кенту” капитана резерва французской армии Поля Лежандра, руководителя крупной коммунистической сети Сопротивления “Митридат”. Немцы провели не слишком изысканную, но эффективную комбинацию по укреплению доверия к Гуревичу, помогшему жене Лежандра выйти из-под ареста, после чего не задавший себе вопроса об истоках таких возможностей советского резидента капитан проникся к нему безграничным уважением. План немцев по глубокому проникновению в подпольные группы ФКП удался: Лежандр представил “Кенту” всех своих радистов. По этим каналам немцы активно дезинформировали Москву, однако по мере того как вопросы Центра становились все более конкретными, не допуская искажений в ответах, игру пришлось прекратить. Не увенчался успехом и достаточно топорный замысел получения от союзников информации по предполагаемому составу их сил в предстоящей десантной операции в Европе. “Кент” пытался добыть эти данные под предлогом необходимости тщательной координации действий экспедиционных войск с советским командованием, очевидно, не понимая, что для этого у Москвы и Лондона имелись другие, вполне легальные каналы. После провала операции Озолс, Лежандр и все их агенты были арестованы, однако ожидавшая их судьба оказалась счастливее, чем у большинства участников “Красного оркестра” в

различных странах. Оба дожили до освобождения Франции, были немедленно арестованы контрразведкой ДСТ по обвинению в шпионаже, но вскоре отпущены. Озол до мая 1945 года работал в торгпредстве СССР в Париже, а затем уехал в Советский Союз, где, вопреки сложившейся в отношении резидентов военного времени практике, не попал в тюрьму, а преподавал в Латвийском государственном университете в Риге военную топографию и геодезию и умер в 1949 году.

Гириг продолжал в провокационных целях зондировать реакцию Москвы на предложения сепаратного мира, однако дальнейшего развития эта линия не получила. В Берлине его непосредственный начальник Фридрих Панцингер отказался запросить у Гиммлера санкцию на подобную операцию, заметив, что сама по себе идея хороша, но высшее руководство не поймет ее, и дело закончится тем, что их всех повесят за измену рейху. Позднее преемник Гирига Паннвиц даже предлагал Гиммлеру в рамках операции послать эмиссара в Москву, но рейхсфюрер СС запретил это. Ограничились отправкой от имени Треппера длинной радиогаммы, извещавшей о якобы установленной им связи с влиятельной группой противников нацистского режима и приглашавшей представителя СССР для проведения переговоров с ними. Предложение осталось без ответа. Одновременно гестапо закончило следствие по делу двух групп арестованных в Бельгии и Франции советских агентов, среди которых имелись и совершенно непричастные к нелегальной деятельности люди. В начале 1943 года состоялись два процесса. 18 февраля смертные приговоры были вынесены Давиду Ками, М. В. Макарову, Рите Арну, Августину Зезее, Герману Избуцкому, Морису Пеперу и Жанне Безан (Гроссфогель), а 8 марта — Альфреду Корбену, Лео Гроссфогелю, Василию и Анне Максимовичам, Генри Робинсону, Кэте Фелькнер, Сюзанне Койнте, Медардо Гриотто, Симоне Фелтер, Джузеппе Подсиальдо и Флоре Шпрингер. Множество подсудимых были приговорены к пребыванию в лагерях, что было немногим лучше смертной казни. Позднее были казнены также К. А. Ефремов, и Антон Винтеринк, Софья Познанская повесилась в тюрьме.

Шло время, и Треппер несколько притупил бдительность своих охранников. Он был послушен, не вызывал у них беспокойства, и немцы полагали, что своим участием в операции “Бэр” он отрезал себе все пути к возвращению. Собственно, и “Красного оркестра” как такового уже не существовало. Контрразведка ликвидировала его группы во всех странах, включая рейх, и в мае 1943 года зондеркоманда была распущена за ненадобностью. Ее руководитель Панцингер отправился в Ригу на должность начальника полиции безопасности и СД рейхскомиссариата Остланд, все его бывшие подчиненные получили крупные денежные премии. Он успешно разгромил коммунистическое подполье в Латвии, и его карьера в очередной раз пошла вверх. После провала покушения на Гитлера 20 июля 1944 года Панцингер сумел выследить и арестовать его активного участника, начальника V управления РСХА Артура Небе, а затем занял его место и до самого падения рейха руководил криминальной полицией страны в звании штандартенфюрера СС. Однако парижский филиал зондеркоманды, все еще проводивший радиоигру с советской разведкой через несколько передатчиков, продолжал свое существование. Гириг чувствовал себя все хуже и явно доживал последние месяцы, мужественно пытаясь оставаться на посту до самого конца, но летом его состояние катастрофически ухудшилось, и он лег в госпиталь, из которого уже не вышел. Временно его сменил криминальный комиссар Генрих Райзер, а затем криминальный советник Хайнц Паннвиц, бывший непосредственный подчиненный Гейдриха. Он являлся начальником пражской полиции безопасности и СД, а после покушения на протектора Богемии и Моравии возглавлял описанную ранее операцию по поиску и поимке убивших его парашютистов и в этом качестве руководил печально известной карательной операцией по уничтожению чешской деревни Лидице и ее жителей.

Хайнц Паннвиц

Неизвестно, сколько бы еще продолжалась в этой обстановке подготовка Треппера к побегу, но в сентябре 1943 года его подстегнуло тревожное известие о захвате немцами Фернана Пориоля. Он был опознан не сразу, лишь в самом конце месяца, после проверки по картотеке, гестаповцам стало ясно, что у них в руках находится

знаменитый “Дюваль”. Кроме того, 10 сентября близ Лиона был захвачен передатчик ФКП. Это было совсем уже опасно для Треппера, поскольку имелись слишком веские опасения полагать, что в числе найденных радиogramм окажется сообщение “Отто”, отправленное им в Центр по каналам партии. Опасения были напрасны, поскольку Дюкло сразу же оценил важность полученного доклада и отправил бумажный рулон с его записью через курьера в Лондон, а оттуда — в Москву. Однако выяснилось это значительно позднее, а пока пора было бежать, поскольку Паннвиц уже предупредил Треппера о предстоящем переводе на юг страны. В послевоенных интервью Пипе приводит совершенно иную причину бегства “Отто”, звучащую совершенно неправдоподобно. Он утверждает, что Треппер требовал поместить к нему в камеру женщину, поскольку не мог выдержать долгое время без секса, и сбежал из-за отказа удовлетворить это желание. Якобы после побега он сам подтвердил это письмом, отправленным заместителю Паннвица старшему криминальному секретарю Бергу. Подобная версия преследует слишком явную цель дискредитировать человека, неоднократно переигрывавшего абверовского контрразведчика, а потому не может считаться серьезной и заслуживающей рассмотрения.

Побег Треппера произошел 13 сентября 1943 года, когда Берг в очередной раз вывез пленника в город. В этот день он страдал от недомогания, и резидент предложил ему зайти в аптеку и купить лекарство. Немец знал о наличии в помещении другого выхода, но чувствовал себя очень плохо и поленился последовать в аптеку за своим подопечным. Треппер вошел туда и мгновенно исчез. Вскоре Берг осознал случившееся и поднял тревогу, на беглеца была срочно организована безрезультатная облава. Паннвиц подозревал, что убежище Треппера может знать Кац, и вначале использовал его в поисках беглеца, а позднее, когда понял, что тот не желает помогать немцам ни в этом вопросе, ни в каком либо другом, приказал добиться у него показаний пытками. Соратник “Отто” не вынес их и вскоре скончался, не произнеся ни слова. Руководитель гестапо Мюллер был настолько напуган возможной реакцией рейхсфюрера СС, что запретил докладывать об этом Гиммлеру, до самого конца так и не узнавшему о побеге резидента. Однако Треппер был не тем человеком, чтобы пассивно ожидать окончания войны в безопасном укрытии, и продолжил собственную “Большую игру” с зондеркомандой. Прежде всего, “Отто” не желал своим бегством спровоцировать Паннвица на необдуманные поступки и написал ему письмо, в котором сообщил, что бежал вовсе не по собственной инициативе. Он утверждал, что в аптеке к нему якобы подошел связной из Центра, назвал пароль и предупредил об опасности, после чего приказал немедленно следовать за ним. Опасаясь провалить операцию “Бэр”, бывший резидент вынужден был подчиниться. Далее он указывал, что написал письмо в поезде по пути к швейцарской границе, и планирует опустить его в почтовый ящик во время остановки в Безансоне. Впоследствии в своих мемуарах Треппер вспоминал, что был уверен в огромной пользе, которую Москва извлечет из продолжения его игры с зондеркомандой.

Паннвиц оказался стойчивым и опасным охотником и шел за беглецом буквально по пятам, но его задача затруднялась тем, что все свои действия он был вынужден осуществлять в глубокой тайне, чтобы не подвергать угрозе провала свою радиоигру с Москвой. Он не знал, что его комбинация уже раскрыта, и надеялся сохранить в секрете хотя бы один канал дезинформации, то есть передатчик “Кента”. Сильным ударом для “Отто” оказался выход зондеркоманды на его любовницу Жоржи де Винтер, арестованную 17 октября 1943 года. После этого Треппер направил Паннвицу очередное, уже третье по счету письмо, имевшее иную тональность по сравнению с предыдущими двумя. Он упрекал руководителя зондеркоманды за необдуманные действия и призывал не трогать не причастных людей. Уверенность “Отто” подкреплялась полученной от ФКП информацией об отсутствии среди захваченных на юге Франции документов его послания Жаку Дюкло. Стало ясно, что Паннвиц не знал о нем, “Большую игру” можно было продолжать. 17 ноября немцы изменили свою линию поведения и направили во все полицейские участки ориентировку по розыску бежавшего Жана Жильбера, якобы внедрившегося в полицейскую организацию участника Сопротивления. Столь нелогичное, на первый взгляд, действие Паннвица имело, однако свои причины. Безусловно понимая, что приказ о розыске сразу же станет известен ФКП и, следовательно, Москве, руководитель зондеркоманды намеревался дискредитировать “Отто” в глазах Центра. Теперь как бы официально признавался факт ареста резидента, что, по мнению Паннвица, автоматически переводило в разряд дезинформации все отправленные ранее от его имени сообщения. План был изощрен и довольно неплох, однако не имел шансов на

успех, поскольку изначально подрывался отправленным в Москву по каналам ФКП докладом Треппера. Кроме того, в 1944 году уже невозможно было ожидать, что в Москве захотят вести переговоры с Берлином относительно заключения сепаратного мира, и эта сторона операции теряла всякий смысл. Трепперу в этих условиях не оставалось ничего иного, как известить Москву о временном прекращении активной деятельности и переходе на консервацию, предварительно отправив Паннвицу последнее письмо с условием оставить в покое людей, взамен чего он обещал не раскрывать операцию “Бэр”.

Бездействие “Отто” продлилось недолго, по мере приближения освобождения французской территории он решил поменяться ролями с немцами и самостоятельно, с помощью бойцов Сопротивления – коммунистов, начал охоту за зондеркомандой. Прежде всего бывший резидент установил постоянное наружное наблюдение за ее перемещениями, а затем, сформировав боевую группу из 30 человек, запросил у Москвы разрешение захватить Паннвица и его людей. Сделать это было достаточно легко, поскольку базировались они не на охраняемом объекте, а в офисе созданной для прикрытия и не в меньшей степени для личного обогащения компании “Гельвеция”, занимавшейся оптовой торговлей сырьем, легирующими присадками к стали, медикаментами и другими дефицитными товарами. К разочарованию Треппера, Москва не дала разрешения на операцию по захвату, и 26 августа 1944 года Паннвиц беспрепятственно эвакуировался из Парижа. Столь непонятная пассивность объяснялась тем, что Центр не интересовали гестаповцы из зондеркоманды, им нужны были лишь двое: Паннвиц и Гуревич. “Кент” к этому времени повел свою собственную игру, о чем в Москве знали.

Фактически ГРУ отклонило вполне реальную возможность спасения нескольких все еще находившихся в руках руководителя зондеркоманды членов французских групп, и вскоре часть из них немцы уничтожили, а часть отправили в лагеря. У Паннвица оставались лишь “Кент” и его любовница Барча, а также их родившийся к этому времени сын Мишель. Однако по мере приближения конца войны с вполне предсказуемыми для Паннвица последствиями их отношения постепенно стали изменяться. Инициатива перешла к “Кенту”, который, по мнению одних исследователей, давно ждал благоприятный момент для начала активной контроперации, а по мнению других — просто спасал себя в преддверии неминуемого поражения рейха. Он предложил Паннвицу спасение в обмен на сотрудничество с советской разведкой, и тот захотел узнать свои перспективы. По согласованию с ним Гуревич запросил Центр о возможности такого решения, и получил гарантии послевоенной безопасности для руководителя зондеркоманды и его секретарши Кемпе. Первоначально предполагалось, что они должны будут перейти линию фронта в указанном месте, но Центр задерживал это распоряжение. Потом на скрывавшиеся остатки зондеркоманды “Красный оркестр” наткнулись французы во главе с капитаном Лемуэном, арестовавшим всех впредь до особого решения. Видя, что Москва не торопится выполнять свое обещание, “Кент” решился на крайне рискованный шаг, послав радиogramму на имя самого Сталина. Естественно, она попала в военную контрразведку “СМЕРШ”, представители которой были весьма рады получить документальный материал о нерасторопности и, скорее всего, предательстве сотрудников ГРУ. После этого события развивались очень быстро, 7 июня 1945 года вся группа вылетела из Парижа в Москву с 15 чемоданами документов, заблаговременно собранных Паннвицем для повышения своей ценности в глазах победителей. Среди привезенных материалов находился даже ключ к зашифрованной переписке Рузвельта с Черчиллем, однако неизвестно, сумели ли советские криптоаналитики извлечь пользу из обладания им.

В Москве все обернулось для Гуревича крайне скверно, как и для практически всех оставшихся в живых членов “Красного оркестра” и многих причастных к ним людей. Парадоксально, но явный военный преступник Паннвиц отделался едва ли не дешевле всех, просидев в советской тюрьме до 1955 года, поскольку назначенный ему судом заключения был сокращен с 15 до 10 лет. Остальные заплатились намного дороже. Гуревич был осужден на 20 лет заключения за измену родине. В лагере ему сообщили, что Барча и маленький Мишель погибли при налете американской авиации, что являлось заведомой ложью. Совершенно непричастная к разведывательным делам Маргарита была жива и вышла на свободу из лагеря для интернированных, в котором из-за истощения высокая и крупная женщина вскоре похудела до 45 килограммов. На свободе она первым делом попыталась разыскать Гуревича через открывшееся в Париже советское посольство, но там ей официально заявили, что ее бывший сожитель расстрелян как предатель. В действительности же в 1955 году

Гуревич по амнистии был выпущен на свободу и некоторое время спокойно работал, ничего не зная о своей семье. Полагая, что Маргарита и Мишель погибли в 1945 году, он женился, работал в НИИ бумажной промышленности, а в мае 1958 года отправил письмо с просьбой о реабилитации, оказавшее, однако, обратное действие. 10 сентября его вновь арестовали, заявив, что указ об амнистии был применен к нему неправильно, и ему следует досидеть оставшиеся 10 лет. Во второй раз бывший резидент пробыв в заключении относительно недолго и вышел на свободу 20 июня 1960 года. Гуревич был полностью реабилитирован 20 июня 1991 года, а в августе встретился с приехавшим из Испании сыном, не верившим в смерть отца и разыскивавшим его. Маргарита Барча так и не узнала обо всем и умерла в 1985 году, уверенная, что отец ее ребенка был расстрелян за 40 лет до этого.

Немногим лучше сложилась судьба “Отто”, вступившего в прямой контакт с представителями СССР после прибытия в Париж 23 ноября 1944 года советской миссии по репатриации военнопленных и гражданских лиц. В ее составе имелся полковник Новиков, уполномоченный решать вопросы с обнаружившимися на Западе уцелевшими разведчиками. 5 января 1945 года в Москву ушел самолет, на котором улетели в Советский Союз Леопольд Треппер, Иоганн Венцель, присоединившийся к ним резидент военной разведки в Швейцарии Шандор Радо, посчитавший за лучшее незаметно исчезнуть во время промежуточной посадки в Каире, и его помощник и радист Александр Фут.

Наивные надежды Треппера на выяснение отношений с руководством ГРУ не оправдались. Несколько недель он составлял отчет о проделанной во время войны работе, находясь фактически под домашним арестом, а затем был передан органам госбезопасности. Следствие по его делу длилось около двух лет, и 19 июля 1947 года бывший главный резидент в Западной Европе был приговорен к 15-летнему заключению, 9 января 1952 года сокращенному до 10 лет. 23 мая 1954 года он был полностью реабилитирован и вышел на свободу, после чего наконец встретился со своей семьей, все эти годы не имевшей о нем никаких известий. В 1957 году Трепперу разрешили переехать на родину в Польшу, где он почти сразу же столкнулся с вопиющими проявлениями антисемитизма, резко усилившимися и после речи первого секретаря Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Владислава Гомулки в 1967 году вышедшими на уровень государственной политики. Руководитель Польши объявил еврейскую общину в стране “пятой колонной”, после чего Треппер, устав противостоять этому явлению, подал заявление на эмиграцию в Израиль. Это натолкнулось на категорические возражения властей, хотя его семья в 1972 году все же получила разрешение на отъезд. Треппер сумел уехать лишь после вмешательства международной общественности, а также голодовки, начатой им в знак протеста против подобной политики правительства. В итоге он поселился в Лондоне, где прожил до 1982 года.

Представляет интерес дальнейшая судьба арестованного в 1945 году Фридриха Панцингера. В заключении он был завербован, но сразу после выхода на свободу сообщил об этом Федеральной разведывательной службе (БНД) ФРГ, после чего его попытались использовать в качестве двойного агента для внедрения в советскую разведку (операция “Паноптикум”). Этот план раскрыл советский источник в БНД Хайнц Фельфе, начавший планомерно дискредитировать Панцингера в глазах руководителя службы Райнхарда Гелена. После высказанного ему недоверия западногерманская разведка перестала прикрывать фактического военного преступника от правосудия, и в начале 1961 года прокуратура ФРГ выдала ордер на его арест. Бывший руководитель зондеркоманды “Красный оркестр” предусматривал возможность такого развития событий и при аресте проглотил капсулу с цианистым калием (по другой, менее достоверной версии он застрелился в собственном доме).

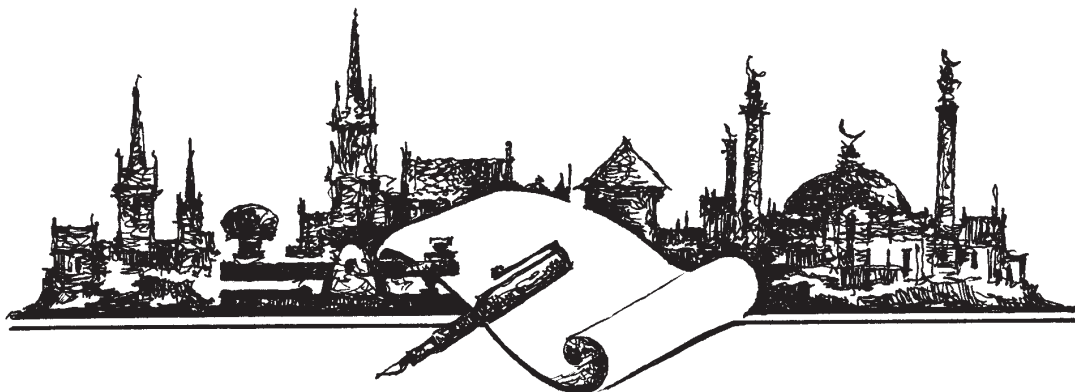
Деятельность швейцарских и германских групп советской разведки в период Второй мировой войны описана в главах, посвященных этим странам.

ЧАСТЬ 3

АГРЕССОРЫ В ЕВРОПЕ

ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК

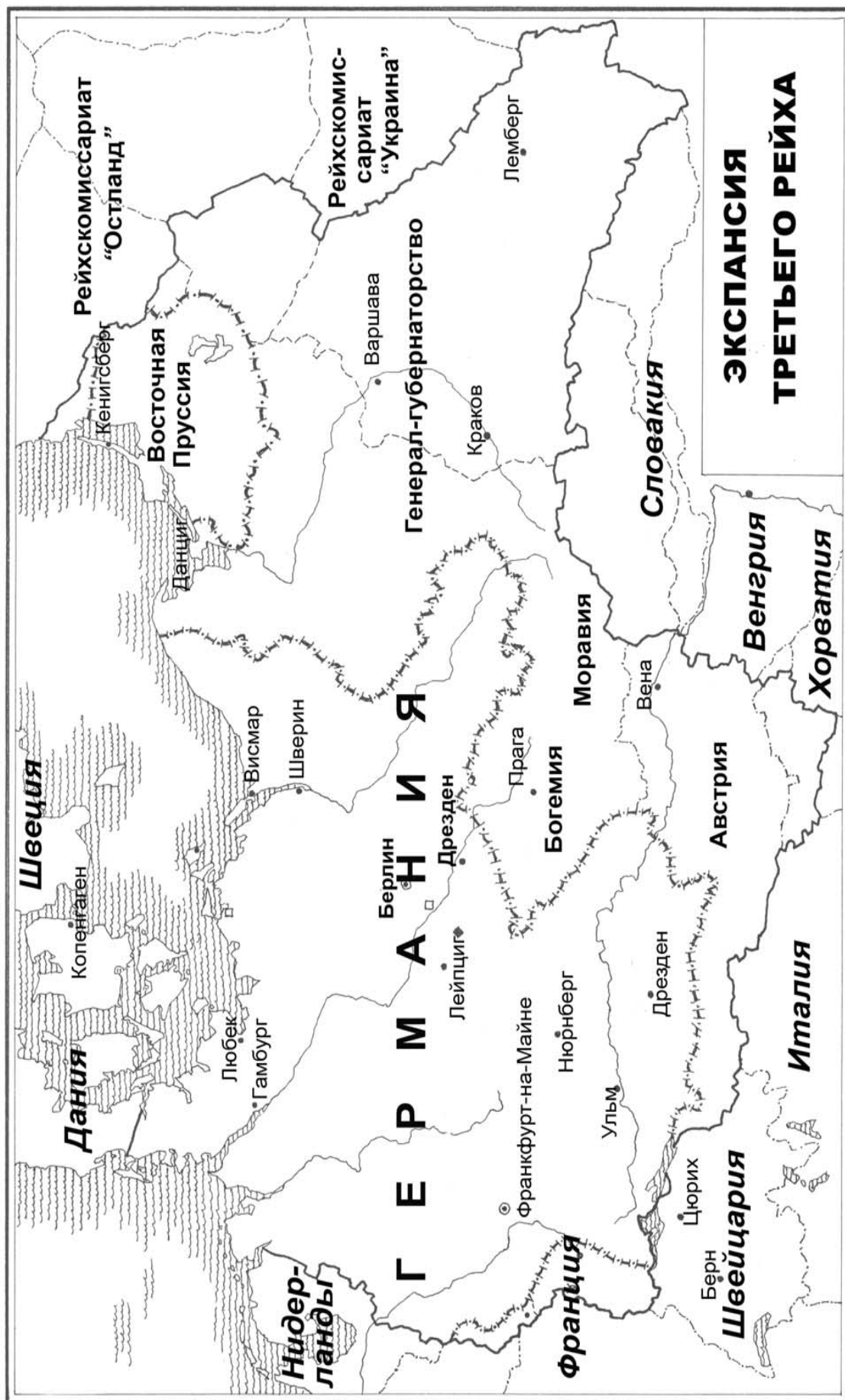
1. СТРУКТУРА

Прямая или косвенная ответственность за развязывание Второй мировой войны в Европе лежит на правительствах многих стран, от Великобритании и Франции до Италии и СССР, однако, безусловно, главным виновником этого была Германия. Хотя в сентябре 1939 года Гитлер и его окружение планировали ограничиться захватом Польши и совершенно не собирались вступать в вооруженную конфронтацию с мощными западными противниками, это отнюдь не делает Третий рейх менее агрессивным государством. Муссолини был настроен воинственнее своего берлинского союзника, однако значительно меньший военно-экономический потенциал Италии предопределил ее ведомую роль в группе агрессоров, и главным противником стран антигитлеровской коалиции, без сомнения, являлась Германия.

Спецслужбы Третьего рейха оказались не вполне готовыми к начавшейся войне, причем это утверждение равно справедливо в отношении всех их ветвей и звеньев. Для первой жертвы нацистской агрессии, которой стала Польша, ресурсов и потенциала спецслужб хватило с избытком, однако последовавший за этим процесс появления все новых противников заставил руководство разведывательных органов Германии во многом пересмотреть принятые концепции. Утром 3 сентября 1939 года рейх оказался в состоянии войны с Великобританией, вечером того же дня — с Францией, Австралией, Новой Зеландией и Индией, 6 сентября к числу его противников присоединился Южно-Африканский Союз, а 10 сентября — Канада. В течение полутора недель Берлин вошел в конфронтацию с государствами, многократно превосходящими его по территории, населению и суммарной военно-экономической мощи.

В ходе польской кампании вермахт разгромил противника ценой незначительных потерь (10572 погибших, 30322 раненых и 3409 пропавших без вести), чему в немалой степени способствовала четкая работа агентуры абвера и его диверсионных подразделений. Она породила у СС острое желание составить военным достойную конкуренцию в этих специфических областях и совпала по времени с выработкой концепции реорганизации партийных и государственных спецслужб и полицейских органов. В результате 27 сентября 1939 года был издан приказ об объединении полиции безопасности и Службы безопасности в Главное управление имперской безопасности (РСХА). Новый громоздкий монстр тайной войны объединил в своем составе множество различных подразделений и по этому показателю уступал лишь НКВД СССР, далеко превосходившему своего германского конкурента. Первоначально в РСХА имелось шесть управлений:

- I — административные и правовые вопросы. Начальник — оберфюрер СС Карл Рудольф Вернер Бест;

- II — исследования мировоззрения. Начальник — оберфюрер СС Франц Альфред Сикс;
- III — внутренняя служба безопасности (СД-инланд). Начальник — группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Отто Олендорф;
- IV — тайная государственная полиция (гестапо). Начальник — группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции Генрих Мюллер;
- V — криминальная полиция (крипо). Начальник — группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции, рейхскриминальдириктор Артур Небе;
- VI — внешняя служба безопасности (СД-аусланд). Начальник — бригадефюрер СС и генерал-майор полиции Хайнц Мария Карл Йост¹⁶⁴.

Вернер Бест

Генрих Мюллер

Артур Небе

Франц Сикс

I управление занималось обслуживанием самого РСХА, II, III и VI управления составляли комплекс служб СД и являлись органами партии, а IV и V управления обладали исполнительной властью, то есть правом производить аресты соответственно в политической и криминальной областях и вместе с I управлением были органами государства. Применительно к теме книги интерес представляют лишь III, IV и VI управления, обеспечивавшие внешнюю и внутреннюю политическую разведку и контрразведку рейха. Неизбежные при любых административных действиях проволочки были сведены к минимуму, и уже с 1 октября РСХА начало полноценно функционировать. Создание Главного управления имперской безопасности являлось секретным актом, а его руководитель обергруппенфюрер Райнхард Гейдрих официально именовался так лишь во внутренних документах ведомства и СС, а для остального мира он по-прежнему значился “начальником полиции безопасности и СД”. Употребление термина “Главное управление имперской безопасности” за пределами самого этого органа запрещалось.

В 1940 году I управление РСХА было реорганизовано, что вызвало изменение наименований и функций некоторых других управлений:

- I — кадровые вопросы;
- II — организационно-административные и юридические вопросы;
- III — внутренняя служба безопасности (СД-инланд);
- IV — тайная государственная полиция (гестапо);
- V — криминальная полиция (крипо)
- VI — внешняя служба безопасности (СД-аусланд);
- VII — изучение идеологии противника, учет и обработка информации.

В рамках РСХА обеспечение внутренней безопасности рейха и ведение контрразведывательной деятельности возлагалось на СД-инланд и гестапо. Официальная задача тайной государственной полиции вначале формулировалась как “борьба с противником”, а позднее была изменена на “выявление преступников и борьба с ними”. Приказ Гейдриха о реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб Главного управления на военный период от 4 августа 1941 года определил ее задачи следующим образом: “В ведении контрразведки находится разведывательная деятельность тайной государственной полиции в областях внутренней политики и полицейского надзора, которая имеет целью выслеживание отдельных врагов государства и их деятельности, организаций, связей и отношений”¹⁶⁵. Еще до этого структура гестапо претерпела несколько изменений, в частности, с началом

войны в нем возник реферат IVA2, отвечавший за противодействие диверсиям и проведение связанных с этим контрразведывательных операций. По состоянию на 1 марта 1941 года центральный аппарат IV управления состоял из следующих подразделений:

- канцелярия;
- группа IVA. Рефераты:
 - IVA1 – коммунизм, марксизм и родственные организации, военные преступления, нелегальная и вражеская пропаганда;
 - IVA2 – профилактика диверсий и борьба с ними, политическая фальсификация, политико-полицейские уполномоченные контрразведки;
 - IVA3 – реакционеры, либералы, эмигранты и вопросы предательства, не вошедшие в компетенцию реферата IVA1;
 - IVA4 – наружное наблюдение, розыск, особые поручения, охрана, сообщения о покушениях;
- группа IVB. Рефераты:
 - IVB1 – политический католицизм;
 - IVB2 – политический протестантизм и секты;
 - IVB3 – иные конфессии и масонство;
 - IVB4 – еврейский вопрос;
- группа IVC. Рефераты:
 - IVC1 – картотеки, личные дела, визы, надзор за иностранцами;
 - IVC2 – превентивные аресты;
 - IVC3 – пресса и литература;
 - IVC4 – НСДАП; особые ситуации;
- группа IVD. Рефераты:
 - IVD1 – протекторат Богемия и Моравия, чехи в рейхе;
 - IVD2 – генерал-губернаторство, поляки в рейхе;
 - IVD3 – враждебно настроенные к Германии иностранцы, бюро доверенных лиц;
 - IVD4 – оккупированные территории Западной и Северной Европы;
 - IVD5, позднее выведен из состава группы и переименован в IV(P) – связь с зарубежными полициями, руководство работой полицейских атташе; непосредственно подчинялся начальнику управления;
- группа IVE. Рефераты:
 - IVE1 – общие вопросы контрразведки, заключения по делам шпионажа и государственной измены, охрана промышленных предприятий;
 - IVE2 – общие вопросы экономики и экономическая контрразведка;
 - IVE3 – контрразведка “Запад”;
 - IVE4 – контрразведка “Север”;
 - IVE5 – контрразведка “Восток”;
 - IVE6 – контрразведка “Юг”;
- реферат IV(N) – пункт сбора донесений, учет штатных агентов;

По состоянию на 1942 год в центральном аппарате гестапо работали 1500 сотрудников, а к перечисленным группам добавилась IVF, отвечавшая за руководство пограничной полицией (“границполицай”), выдачу удостоверений личности и паспортов и надзор за находящимися на подведомственных территориях иностранцами.

IV управлением РСХА руководил профессиональный полицейский Генрих Мюллер, одна из наиболее примечательных фигур в иерархии нацистских спецслужб. В 1919 году в 19-летнем возрасте он был принят на службу в отдел VIA баварской политической полиции, где занимался коммунистами и иными левыми партиями и группировками. Биографы по-разному характеризуют этого человека, иногда их оценки расходятся до полярной противоположности, но все единодушно отмечают высокий профессионализм начальника гестапо, его холодную жестокость, незаурядную способность к тактическому и стратегическому мышлению, особенно в аппаратных играх, и потрясающую работоспособность. Например, с осени 1941 до мая 1945 года он отсутствовал на службе всего лишь дважды.

Мюллер долгое время не вступал в НСДАП, однако с переходом из политической полиции в гестапо он автоматически стал членом СС, и это противоречие неоднократно пытались использовать его конкуренты и соперники. С начала 1920-х годов и на протяжении всей своей карьеры он занимался подавлением политических противников режима, перио-

дически соприкасаясь при этом с деятельностью контрразведки. В 1934 году Мюллер в звании оберштурмфюрера СС был включен в штат главного управления СД, что в значительной степени являлось формальным актом. В следующем году он стал уже гауптштурмфюрером СС и возглавил важнейший реферат гестапо IIIA, ведавший коммунистами, марксистами и иными левыми партиями, после чего его карьера стремительно пошла вверх. В 1936 году в результате проведенной 26 июня реорганизации германских полицейских служб Мюллер получил звание штурмбанфюрера СС и возглавил основной отдел гестапо II (внутриполитические отношения), которым до этого непосредственно руководил Гейдрих. В главном управлении полиции безопасности (зипо) штурмбанфюрер СС, старший правительственный советник и советник криминальной полиции Генрих Мюллер одновременно возглавлял II отдел гестапо и являлся заместителем начальника тайной государственной полиции. Существует множество свидетельств того, что фактически он руководил всем ведомством. Это косвенно доказывается присвоением ему уже в сентябре 1936 года звания оберштурмбанфюрера СС, а в январе 1937 года — штандартенфюрера СС, то есть нового чина каждые три месяца, что само по себе представляет собой беспрецедентно редким случай.

Аншлюс Австрии на некоторое время изменил направленность служебного роста Мюллера. В течение нескольких недель он занимал пост начальника полиции безопасности и СД на приобретенной территории, а затем в апреле 1939 года стал оберфюрером СС и руководителем криминальной полиции рейха, сохраняя при этом фактическое руководство гестапо и его II отделом. После образования РСХА в его IV управление вошли все отделы политической полиции главного управления зипо, отделы гестапо II и III (контрразведка) и 69 полицейских участков на территории Германии. Всем этим уже совершенно официально руководил Мюллер, ставший также и главным инспектором пограничной полиции, зато контроль над криминальной полицией был изъят из его ведения и передан начальнику V управления РСХА Небе. В декабре 1940 года начальник IV управления РСХА получил звания генерал-майора полиции и бригадефюрера СС, а менее чем через год, в ноябре 1941 года — генерал-лейтенанта полиции и группенфюрера СС. На этом его служебный рост закончился, вероятно, из-за последовавшей вскоре гибели в Праге главного покровителя Мюллера обергруппенфюрера СС Гейдриха, который постоянно продвигал своего подчиненного на протяжении всего периода их совместной работы. Существуют свидетельства того, что начальник гестапо надеялся сам занять ставший вакантным пост, однако этого не произошло, судя по всему, не в последнюю очередь из-за опасений, которые не в меру усиливший свои позиции Мюллер внушал рейхсфюреру СС Гиммлеру.

В связи с предстоящим нападением на Советский Союз перед гестапо встали новые задачи. Москва не поддерживала деятельность активных противников режима в связи с существовавшим пактом о ненападении, однако Мюллер понимал, что в момент начала войны против СССР ситуация немедленно изменится. В гестапо и СД прекрасно осознавали опасность инфильтрации советской агентуры в числе репатриировавшихся из Прибалтики немцев и заранее готовились к ней, но среди этой категории не оказалось удачливых разведчиков, по крайней мере, в открытых источниках информация о них отсутствует. Следует отметить, что гестапо осуществляло лишь гражданскую контрразведку, а на зону боевых действий его юрисдикция не распространялась, там безопасность обеспечивал армейский орган — тайная полевая полиция (ГФП). Ее руководителем являлся оберфюрер СС Вилли Крихбаум, подчинявшийся военному командованию в лице III отдела абвера, лишь координировавшего с гестапо свои действия. ГФП впервые возникла как временная структура, отвечавшая в Испании за контрразведывательное обеспечение легиона “Кондор”, позднее она действовала в составе вводимых в Австрию частей вермахта, а узаконена была 24 июля 1939 года. Со следующего месяца ГФП начала формировать группы для обеспечения безопасности вторгающихся в Польшу воинских частей и с этого момента стала одной из влиятельных спецслужб Третьего рейха. Основу тайной полевой полиции составляли комиссариаты и секретариат, она не располагала собственными силовыми подразделениями, зато для выполнения своих задач ее органы имели право привлекать любые части вермахта и СС. После 20 июля 1944 года главной задачей ГФП стало обеспечение постоянного контроля за лояльностью войск и оказание в случае необходимости силового воздействия на них. В последний период своего существования ГФП сменила название и именовалась гестапо вермахта.

С IV управлением тесно сотрудничала СД-инланд, являвшаяся службой внутренней разведки и действовавшая внутри рейха и на оккупированных территориях, за исключени-

ем районов, находившихся под юрисдикцией военных властей. Упомянутый приказ Гейдриха от 4 августа 1941 года определял задачи внутренней разведки следующим образом: “Разведка относительно положения во всех областях жизни имеет задачей: разведывать о положении во всех отраслях жизни, особенно о настроениях населения и политических деятелях, а также о влиянии, оказываемом на положение в жизненных областях различными мероприятиями и событиями, выяснять степень согласованности данного положения с национал-социалистскими целями и после соответствующей обработки осведомлять руководящие учреждения партии и государства”¹⁶⁶. В пределах рейха СД имела районные отделения, совпадавшие с административно-территориальным делением Германии. При рассмотрении структуры управления, в особенности наименований его рефератов, следует помнить, что задачи службы состояли не в обеспечении безопасности перечисленных отраслей, а лишь в освещении положения дел в них с помощью сети гласных и негласных информаторов. Центральный аппарат III управления насчитывал от 300 до 400 сотрудников, разделявшихся на группы:

- IIIA — вопросы правопорядка и административного строительства рейха. Рефераты:
 - IIIA1 — общие вопросы по сферам жизнедеятельности;
 - IIIA2 — правовые вопросы;
 - IIIA3 — конституция и администрация;
 - IIIA4 — изучение жизни населения;
- IIIB — германское этническое сообщество. Рефераты:
 - IIIB1 — работа по германизму;
 - IIIB2 — национальные меньшинства;
 - IIIB3 — вопросы расы и здоровья нации;
 - IIIB4 — вопросы иммиграции и переселения;
 - IIIB5 — оккупированные территории;
- IIIC — область культуры. Рефераты:
 - IIIC1 — наука;
 - IIIC2 — воспитание и религиозная жизнь;
 - IIIC3 — искусство и фольклор;
 - IIIC4 — пресса, книгоиздательство, радио;
- IIID — область экономики. Рефераты:
 - IIID1 — пищевая промышленность;
 - IIID2 — торговля, транспорт, ремесла;
 - IIID3 — финансы, валютные операции, банки и биржи, страхование;
 - IIID4 — промышленность и энергетика;
 - IIID5 — проблемы трудовых ресурсов и социальные вопросы.

Отто Олендорф

Управление возглавлял группенфюрер Отто Олендорф, в течение некоторого времени отрывавшийся от своих обязанностей для командования на территории СССР айнзатцгруппой СС “D”. Руководитель криминальной полиции Небе возглавлял аналогичную группу “B”. Мюллер также стремился возглавить айнзатцгруппу, но путь к этому был закрыт из-за его активного участия в операции “Гиммлер”. Существовал особый приказ, категорически запрещавший всем ее участникам появляться на фронте или на любой иной территории, где они могли бы попасть в руки противника и вольно или невольно разгласить доверенные им секреты. С января 1943 года Олендорф, не оставляя работу в СД, возглавил также внешнеторговую секцию министерства экономики, а в 1944 году получил звание группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции.

Весьма незаурядный и амбициозный Гейдрих томился от узких рамок, поставленных ему Гитлером в области внешних операций, однако до 1940 — 1941 годов преодолеть их не мог. Абвер настолько опережал по эффективности своих конкурентов, что руководство рейха не видело особой необходимости в предоставлении широких полномочий службе внешнеполитической разведки. Это было вполне оправдано, поскольку, за исключением Гейдриха, в руководстве СД отсутствовали масштабно мыслящие люди, способные поднять

Хайнц Йост

ее над уровнем либо примитивного шпионажа, либо регистрационной конторы для обобщения донесений малозначащих агентов. Летом 1940 года СД-аусланд подверглась чистке, в ходе которой выявилось значительное количество ошибок и недоработок, практически сведших к нулю ее эффективность. Этим попытался воспользоваться Мюллер, несколько раз предлагавший сосредоточить в своем ведомстве не только внутренний, но и внешний “надзор за противником”. Он аргументировал это тем, что лишь его сотрудники, работающие по иностранным агентам и имеющие дело с вражескими секретными службами, в состоянии наладить и сбор информации за пределами страны. Предложение было отвергнуто по целому ряду как объективных, так и субъективных причин. Гестапо являлось полицейским органом, имевшим весьма мало общего с информационной службой, и не располагало подготовленными кадрами разведчиков со знанием иностранных языков и умением ориентироваться за рубежом. По воспоминаниям

Шелленберга, в ответ на предложение Мюллера Гейдрих заявил: “После этого он всего лишь мелкий полицейский чиновник”¹⁶⁷. Однако основная причина оставления инициативы начальника гестапо без внимания заключалась явно не в этом. Постепенно руководитель IV управления стал слишком крупной фигурой в системе органов безопасности рейха, и Гейдрих с Гиммлером вовсе не желали усиления своего излишне влиятельного подчиненного. Все же насущная необходимость укрепления политической разведки была очевидной, и поэтому они активно подыскивали кандидата на замену далеко не соответствовавшего предъявляемым требованиям Хайнца Йоста.

Начальник СД-аусланд не только рассматривал свой пост как синекуру, ввиду чего находился на рабочем месте не более 3-4 часов в день, прочитывал за это время несколько отчетов и неделями не принимал сотрудников с докладами по оперативным вопросам, но и использовал его в целях, весьма похожих на коррупцию. В частности, в процессе ариизации одного из пражских банковских домов его акции непонятным путем оказались в руках ряда офицеров разведки. Получив доступ к управлению финансовыми ресурсами, сотрудники СД-аусланд по прямому указанию Йоста выдали кредит в размере 200 тысяч марок некоему Вольхайму под смехотворно низкие в описываемый период 7% годовых. Сам начальник разведки купил небольшой дом в Берлине, чего никак не позволяли его официальные доходы. Еще более скандальной являлась история с текстильным экспортно-импортным концерном, спасенным после объявленного банкротства с помощью средств VI управления РСХА. Теоретически таким путем создавались возможности для легализации поездок агентуры за рубежом, а практически акции концерна оказались сосредоточены в руках нескольких офицеров разведки. Подобные вещи в Третьем рейхе не оставались безнаказанными. Негласное расследование гестапо выявило факты использования начальником разведки своего служебного положения в целях личного обогащения, в результате чего Гиммлер распорядился начать расследование дела Йоста. Не исключено, что в результате этого руководителя СД-аусланд отправили бы в лагерь для осознания допущенных ошибок, но находившийся в интимных отношениях с его женой Гейдрих помог спустить дело на тормозах. Йост был отстранен от должности и в течение трех лет находился в резерве охранных отрядов, поскольку рейхсфюрер СС препятствовал любым его попыткам трудоустроиться. В частности, Йосту несколько раз было отказано в просьбе возглавить рейхскомиссариат “Украина”.

Понятно, что подобная ситуация с начальником разведки не могла устраивать никого в руководстве рейха. Образование РСХА ставило перед VI управлением РСХА новые задачи, для решения которых требовалось заложить надежный организационный фундамент. СД-аусланд было позволено создать развитую внутреннюю структуру, хотя первоначально должным образом были укомплектованы лишь некоторые из ее подразделений. Внешнеполитическая разведка разделялась теперь на группы:

- VIA — общая организация разведывательной службы, контроль за работой территориального аппарата;
- VIB — руководство разведывательной деятельностью в зоне германского и итальянского влияния в Европе, Африке и на Ближнем Востоке;

- VIC “Восток” — руководство разведывательной деятельностью в зоне советского и японского влияния;
- VID “Запад” — руководство разведывательной деятельностью в зоне английского и американского влияния;
- VIE — изучение зарубежных идеологических противников;
- VIF — технические средства разведки;
- VIS — учебное подразделение.

В дальнейшем структура СД-аусланд и функции некоторых групп и рефератов претерпели изменения. Например, группа VIS стала отвечать за осуществление диверсий, а в 1942 году возникла группа VIG, руководившая ведением научно-технической разведки. Общая численность сотрудников центрального аппарата VI управления колебалась в пределах от 300 до 500 сотрудников.

22 июня 1941 года, в день вторжения вермахта в СССР, в VI управлении РСХА сменился начальник. Им стал 31-летний оберштурмбанфюрер Вальтер Фридрих Шелленберг, с 1934 года негласно сотрудничавший с СД, а через несколько лет официально принятый туда на службу. Его заметил и продвигал лично Гейдрих, хотя первоначально сам Шелленберг об этом не знал. Он работал с доктором Гербертом Мельхорном, о котором отзывался в своих мемуарах весьма уважительно: “Этот человек создал для Гейдриха такую машину, при помощи которой тот мог тайно наблюдать все стороны немецкой жизни”¹⁶⁸. Служебное положение будущего начальника СД-аусланд было в некоторой степени неопределенным, поскольку он занимался внутренними операциями, но в то же время был вовлечен и во внешние акции, наподобие уже описанного похищения в Венло. Вероятнее всего, фактически Шелленберг являлся своего рода офицером Гейдриха для особых поручений. Правдивость его собственного утверждения о том, что в 1939 — 1940 годах он выполнял поручение по реорганизации контрразведывательной системы рейха, вызывает определенные сомнения, поскольку в системе СД и гестапо имелось немало значительно более опытных сотрудников. Однако протеже Гейдриха действительно занимался в гестапо контрразведывательными вопросами, в частности, проводил инспекцию состояния контрразведки в Рурской области в октябре 1939 года. Причиной проверки явилась пропажа из сейфа одного из заводов чертежей противотанкового орудия, зафиксированная совершенно случайно после того, как однажды вечером они внезапно понадобились для работы. Дирекция завода немедленно уведомила о происшествии местное отделение гестапо. Прибывший Шелленберг сумел негласно установить, что чертежи унес, а затем вернул на место начальник цеха производства стволов, натурализованный поляк, проживавший в Германии с 1924 года. Наблюдение за сейфом на пятую ночь выявило пропажу еще семи листов, найденных в ходе внезапного обыска дома подозреваемого. По этому делу гестапо арестовало 16 поляков, составлявших довоенную сеть, ранее находившуюся на связи у военного атташе Польши в Берлине. Они планировали законсервировать свою работу до прояснения обстановки, так что их провал оказался совершенно случайным. Трое арестованных были казнены, а двое оправданы и выпущены на свободу.

Подобные операции случались редко, поэтому стремление Шелленберга к работе на международном уровне реализовывалось достаточно трудно. Гестапо предоставляло не слишком много возможностей в этой области, поскольку в группе IVE имелись специалисты по контрразведке различного профиля с серьезным стажем работы, не собиравшиеся делиться своими участками работы с молодым выскочкой. Шелленберг догадывался о желании Гейдриха перевести его в разведку, и новое назначение хотя и обрадовало его, но не явилось полной неожиданностью. Он воспринял такой поворот карьеры с большим энтузиазмом и начал свою деятельность с решительных кадровых перестановок и выявления происходивших в заметных масштабах финансовых злоупотреблений. Неофициальное расследование позволило новому начальнику VI управления получить серьезные компрометирующие материалы на ряд своих сотрудников и в дальнейшем держать их в повиновении. Этот ход Шелленберга сразу же позволил ему завоевать в СД-аусланд твердые руководя-

Вальтер Шелленберг с женой Иреной

Вальтер Шелленберг

щие позиции и изначально избавиться от более чем возможных в секретной службе внутренних интриг своих подчиненных. Кроме того, он пользовался мощной поддержкой Гейдриха, однако отплатил ему в своих мемуарах черной неблагодарностью. Шелленберг постоянно старался отмежеваться от начальника РСХА и заявлял, что тот “всегда относился ко мне с крайней подозрительностью и неприязнью, внимательно следил за моей работой и, где только мог, вставлял мне палки в колеса. Только теперь я понял, насколько низко могут опуститься люди, движимые ненавистью, завистью и страстью к коварным интригам. Были периоды, когда я чувствовал себя не начальником управления, а затравленным животным”¹⁶⁹. Совершенно неясно, чему в служебном положении Шелленберга мог завидовать его руководитель, стоявший неизмеримо выше в нацистской иерархии. В действительности же период работы под началом Гейдриха был самым благоприятным для руководителя СД-аусланд, хотя начальник РСХА и не баловал его очередными званиями. Штандартенфюрером Шелленберг стал лишь через два месяца после гибели Гейдриха, 21 июля 1942 года, а бригадефюрером СС и самым молодым генералом в Третьем рейхе и того позднее.

Театральность и любовь к внешним эффектам составляли неотъемлемую часть характера Шелленберга. Зачастую это затмевало соображения здравого смысла и выглядело просто смешно, например, его “перстень с большим голубым камнем, под которым была запрятана золотая ампула с цианистым калием”¹⁷⁰. Обстановка служебного помещения начальника разведки также свидетельствует о некоторых особенностях его характера: “просторный кабинет, обставленный самой дорогой мебелью, с пушистым, роскошным ковром на полу”¹⁷¹ выглядел в воюющей стране просто неприлично. Комната была напичкана микрофонами, окна затянуты проволочной сеткой с фотоэлементами, а в тумбах стола помещались два пулемета на поворотных станках, наводившиеся на каждого посетителя. Стрельбу можно было начать нажатием кнопки на поверхности стола. Шелленберг никогда по-настоящему не работал с оружием и, судя по всему, просто не понимал, какой ненужной опасности он подвергает любого входящего в свой кабинет. Полную противоположность этому являл скромный и тесный служебный кабинет адмирала Канариса, украшенный лишь моделью крейсера “Дрезден” и бронзовой индийской статуэткой с тремя обезьянками, а также портретами его предшественников.

Шелленберга трудно назвать выдающимся руководителем разведки, поскольку многие его высказывания, приведенные даже в послевоенных мемуарах, выявляют его слабое знакомство с предметом деятельности. Например, он заявлял, что “в Германии, как в большинстве других стран, надлежит создать объединенную разведывательную службу”¹⁷². На самом деле в годы Второй мировой войны трудно было найти страну, в которой военная и политическая разведки составляли бы одно целое, и уж ни в коем случае не среди ведущих в этой области государств. Еще одним из примеров буквально вопиющей некомпетентности Шелленберга стал написанный им для Гейдриха текст доклада Гиммлеру, в котором он ведет речь о “ГПУ, которое с 3 февраля 1941 года включено в объединенный народный комиссариат внутренних дел под наименованием “Народного комиссариата государственной безопасности”¹⁷³. Как известно, в указанный Шелленбергом день единый НКВД СССР как раз разделился на НКВД и НКГБ, не говоря уже о том, что понятие ГПУ ушло в историю еще в 1934 году. Безусловно, все сказанное не означает, что в деятельности начальника германской внешнеполитической разведки не было удач, а в некоторых вопросах он мыслил широкомасштабно и в самом деле опережал абвер. Например, одной из его действительно передовых идей являлось образование направленной против Советского Союза своего рода федерации европейских спецслужб, или информационного пула. Он получил согласие на это от руководителей разведок Финляндии, Венгрии, Хорватии, Румынии, Болгарии и Турции, а французы (Виши), испанцы и португальцы вели переговоры на эту тему, но так и не подтвердили вхождение в такое объединение. Шелленберг упоминает в этой связи также и Сербию, однако это уже явно относится к области его не столь редких фантазий и домыслов. После оккупации там, естественно, не было никаких спецслужб, а разведорганы партизан Тито и четников Михайловича не относились к структурам, склонным к ведению диалога с немцами.

В роли начальника VI управления Шелленберг оказался весьма способным администратором. Он начал с полного пересмотра всех дел управления и сокращения 30% сотрудников, пересмотра принципов агентурно-оперативной работы и развития инфраструктуры разведки. Изменилась система оперативной отчетности, теперь СД-аусланд группировала исходящие информационные документы строго по четырем категориям:

1. Ежедневные отчеты, готовившиеся группой специалистов для рейхсфюрера СС. Эта работа первоначально носила экспериментальный характер, но весьма скоро была одобрена и вменена в постоянную обязанность. После этого отчеты рассылались, помимо Гиммлера, группе лиц в высшем политическом и военном руководстве рейха, против чего возражал Шелленберг, указывавший на то, что материалы не успевают пройти окончательную проверку. Однако это не было принято во внимание, и практика продолжилась.
2. Совместные обзоры. Специалисты различных рефератов СД-аусланд готовили их по конкретным странам и направлениям, и исключительно по политической, но не по экономической или военно-политической обстановке. Обзоры носили почти ежедневный характер и рассылались руководству НСДАП.
3. Обзоры иностранной прессы и радиовещания. Носили более конкретный характер и рассылались преимущественно в соответствующие рефераты МИД.
4. Особые политические отчеты, не носившие регулярного характера и составлявшиеся в случаях конкретной необходимости.

Шелленберг серьезно реорганизовал свое ведомство, в результате чего к 1945 году СД-аусланд приобрела следующую структуру:

- А — общая организация разведывательной службы. Рефераты:
 - А1 — организация работы;
 - А2 — валютно-финансовая деятельность;
 - А3 — кадры;
 - А4 — обучение и тренировка;
 - А5 — поездки и визы;
 - А6 — инспекции;
 - А7 — центральный пост опроса возвращающихся;
- В — разведка в странах Западной Европы. Рефераты:
 - В1 — Италия;
 - В2 — Франция, Бельгия, Голландия;
 - В3 — Швейцария;
 - В4 — Испания, Португалия;
 - Vat. — Ватикан;
- С — разведка в СССР, на Ближнем и Дальнем Востоке. Рефераты:
 - С1, С2, С-3 — СССР;
 - С4, С5, С6 — Япония, Маньчжурия, Таиланд;
 - С8, С9, С10 — Китай;
 - С11 — Индия;
 - Са, Сб, Сс — Турция, Иран, Афганистан;
 - С13 — Сирия, Трансиордания, Ирак, Палестина, Египет;
- D — разведка в Америке и Западной Европе. Рефераты:
 - D1 — Северная Америка;
 - D2 — Великобритания;
 - D3 — Швеция, Финляндия, Норвегия и Дания;
 - D4 — Южная Америка;
- E — разведка в странах Восточной Европы. Рефераты:
 - E1 — Словакия;
 - E2 — Венгрия;
 - E3 — Хорватия и Сербия;
 - E4 — Албания и Черногория;
 - E5 — Греция;
 - E6 — Болгария;
 - E7 — Румыния;
- F — технические подразделения. Рефераты:

- Н — радиотехнические подразделения, вошедшие в состав “Института Гавеля”;
- F3 — химические и механические диверсионные средства;
- F4 — подделка документов и фотографии;
- F5 — технические средства помощи;
- F6 — инструктажи;
- Р — администрация и кадры;
- G — координация научно-исследовательских работ. Рефераты:
 - Wi/T — экономика и технология;
 - Wi1 — приобретение;
 - Wi2 — оценка;
 - Wi3, Wi4 — работа с персоналом;
 - T — технология;
- S — диверсии;
- “Культ.” — внутренняя служба получения информации в ненаучной (культурной) сфере;
- Z — военная контрразведка и проверка персонала;
- “Защита” — гражданская контрразведка и проверка персонала.

Официальное название имела лишь группа А, все остальные же обозначались только указанными литерами без расшифровки, поэтому приведенные наименования являются условными. Во всех оперативных рефератах существовали направления добычи информации (а), ее обработки (b) и использования (с). СД-аусланд располагала также двумя крупными разведывательно-диверсионными школами “Вест” в Гааге и “Ост” в Белграде.

Шелленберг обладал прекрасной способностью обращать себе на пользу даже собственные промахи и неудачи. Так, Гитлер узнал об оккупации союзниками Исландии не от собственной разведки, а из сообщений иностранной прессы, однако вместо выговора начальник VI управления добился разрешения организовать информационную службу в нейтральных странах, для чего создал особое издательство и устранил параллелизм в действиях министерств пропаганды и иностранных дел. Он пользовался симпатией Гиммлера. На первом же после гибели Гейдриха совещании руководителей управлений РСХА рейхсфюрер СС призвал их активно поддерживать Шелленберга и сам подавал пример такого поведения на протяжении всей их совместной деятельности. Доверие руководителей рейха к начальнику разведки прекрасно иллюстрирует возложение именно на него миссии ареста Канариса. Следует отметить, что при этом он повел себя по отношению к бывшему коллеге как нельзя более лояльно, дав адмиралу достаточно времени для уничтожения всех компрометирующих документов, которые могли храниться у него дома.

Заметную проблему в деятельности внешнеполитической разведки составляло ее финансирование. Бюджет довоенной СД-аусланд равнялся всего 100 тысячам марок, но к 1944 году VI управление РСХА уже получало не менее нескольких миллионов марок, притом без учета расходов на направленную против СССР операцию “Цепелин”. Наиболее болезненным являлся вопрос с наличными деньгами. За весь период войны обе ветви разведки РСХА, то есть СД-аусланд и Военное управление, получили через II управление драгоценностей и валюты на общую сумму соответственно 4 и 8 миллионов рейхсмарок. Эти суммы распределялись следующим образом: 4 миллиона были направлены на финансирование оперативной работы в Испании, от 1,5 до 2 миллионов — в Португалии, 1,5 миллиона — в Швеции, по 1 миллиону — в Швейцарии и Турции, 200 тысяч — в Аргентине, 150 тысяч и золото общим весом 28 фунтов — в США, 8 тысяч золотых монет — в Иране, 3 тысячи золотых монет и 3 золотых слитка — в Палестине. Остальные суммы распределялись VI управлением между советским, балканским, итальянским, французским и бельгийским направлениями, а также использовались для финансирования операций СД-аусланд внутри страны. Однако этого было совершенно недостаточно. Разведка является весьма дорогостоящим мероприятием, и немцы постоянно изыскивали различные возможности улучшить финансирование своих агентов. Одним из излюбленных способов решения этой задачи стала пересылка им производившихся в Германии дефицитных лекарств, чаще всего инсулина или морфия, для продажи их на черном рынке по спекулятивной цене. Обычно препараты доставлял курьер, а их необычно большое количество легализовывалось для таможни медицинской справкой о необходимости их постоянного приема по жизненным показаниям.

Финансовые проблемы натолкнули руководство РСХА и СС на идею производства фальшивых денежных знаков для одновременного подрыва системы денежного обращения противника, обеспечения финансирования собственных операций и оплаты услуг не слишком ценной агентуры. Первое указание такого рода сотрудник СД Альфред Науйокс получил от Гейдриха в сентябре 1939 года. Начатая после этого операция “Андреас” по производству фальшивых фунтов стерлингов имела весьма умеренный успех и вскоре была прекращена, однако осенью 1942 года вновь возобновилась под кодовым обозначением “Бернгард” и руководством гауптштурмфюрера СС Бернгарда Крюгера. Он организовал в концлагере Заксенхаузен особый, абсолютно засекреченный блок 18/19 и собрал в нем большую группу заключенных-граверов, художников, печатников и химиков. Иногда встречающиеся утверждения о том, что там трудилась большая группа профессиональных фальшивомонетчиков, не соответствуют действительности, поскольку в блоке имелся единственный специалист такого профиля, выходец из России. К лету 1944 года численность команды заключенных блока достигла 140 человек. Условия их пребывания были значительно улучшены по сравнению с остальными узниками лагеря, но они являлись заведомыми смертниками. Понимая все это, невольные фальшивомонетки пытались всячески саботировать производство, вносили незаметные на первый взгляд отклонения от рисунка образцов, однако в итоге из-под их рук все же вышла весьма качественная продукция. Долгое время не удавалось изготовить бумагу, дающую при облучении в ультрафиолетовом свете голубое свечение, но в конце концов немецкие химики установили, что такой результат дает добавление в сырье растения, встречающегося в горной части Турции. Готовые купюры разбрасывались по полу блока, заключенные ходили по ним в обуви, а часть купюр еще дополнительно грязнилась, в результате чего они приобретали подержанный вид, а затем вразброс по номерам собирались в пачки. Одновременно агенты СД собирали по всему миру сведения о сериях и номерах банкнотов, годах их выпуска, подписях на купюрах и способах банковской упаковки. Старший в группе заключенных-фальшивомонетчиков чех Оскар Скала, надеясь помешать в дальнейшем распространению своей продукции, записывал номера и достоинство денежных знаков. Это позволило впоследствии точно установить, что с конца 1942 по февраль 1945 года было изготовлено 134610810 купюр различного достоинства. После отбраковки первым сортом были признаны 10368430 купюр, то есть 7,5%. Общая номинал изготовленных фальшивок почти равнялся стоимости всего золотого запаса Великобритании в 1933 году.

Качество банкнот проверялось весьма тщательно, в том числе и достаточно оригинальными способами. Несколько ничего не подозревающих немцев в самый разгар войны неожиданно получили от правительства оплаченные отпуска в Швейцарии и некоторую сумму в наличных фунтах стерлингов на расходы. Счастливицы прекрасно проводили время в нейтральной стране, рассчитывались купюрами, не вызывавшими при обмене в банках никаких вопросов, и спокойно возвращались домой. Затем один из агентов СД-аусланд официально обратился в один из банков Швейцарии с просьбой проверить несколько десятков произведенных в блоке 18/19 купюр, особо подчеркнув, что он приобрел их на черном рынке и сомневается в подлинности. Швейцарцы не обнаружили никаких отклонений, но агент настоял на направлении фунтов в Английский банк для получения наиболее авторитетного заключения по данному вопросу. Британцы не подтвердили подлинность лишь нескольких купюр, остальные же возвратили как вполне доброкачественные. Последним испытанием стала отправка в Швейцарию еще одного агента, вслед которому в адрес швейцарской таможенной службы ушло сообщение с просьбой задержать его по подозрению в изготовлении фальшивых денег. После весьма тщательной проверки банкнот немец был с извинениями отпущен, и стало ясно, что продукцию Заксенхаузена можно пускать в ход.

В блоке 18/19 изготавливались не только фунты стерлингов. Для финансовой дестабилизации противника там фальсифицировались, например, динары и облигации Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), объявившего на подконтрольной территории всенародный заем на сумму 500 миллионов динаров. Фальшивомонетки изготавливали рубли, хотя и не слишком высокого качества, а с 1944 года — и доллары. Более масштабный план производства валюты США под названием “Бернгард II” остался нереализованным. Кроме того, существовал проект разбрасывания с самолетов над территорией Британии фальшивых карточек на получение продовольствия и одежды для дезорганизации системы централизованного снабжения населения.

Из-за приближения фронта 26 февраля 1945 года группа фальшивомонетчиков со всем оборудованием передислоцировали из Заксенхаузена вначале на главную территорию Маутхаузена, а затем в его пункт Редель-Ципф. Предстоящий крах рейха заставил руководство СС задуматься о будущем, в частности, о создании стратегических валютных резервов для финансирования послевоенной подпольной деятельности. Для сохранения всей операции в тайне планировалось перевести группу фальшивомонетчиков в концлагерь Эбензее и там уничтожить, и лишь счастливое стечение обстоятельств не позволило немцам осуществить задуманное. Все оборудование и значительная часть фальшивых денег были затоплены в озере Топлиц 3 мая 1945 года, однако через некоторое время из-за небрежности в упаковке ящичков банкноты всплыли и были обнаружены местным рыбаком. После этого началось расследование всей истории, получившей немалый резонанс и нанесшей заметный финансовый ущерб. Послевоенный обмен советских рублей также в значительной степени был вызван необходимостью навсегда избавиться от циркулировавших фальшивок немецкого производства.

Характерной особенностью СД-аусланд было постоянное стремление обособиться от традиционных форм и методов разведывательной деятельности, поскольку Шелленберг полагал их устаревшими и не соответствующими требованиям момента. Иногда это действительно было оправдано, поскольку абвер, например, зачастую грешил шаблонами и непониманием изменившегося характера тайной войны. Однако, строго говоря, он являлся военной разведывательной службой и в принципе не был предназначен для организации политических переворотов, приобретения агентов влияния или работы с оппозиционными политическими партиями в различных странах. Если бы в рейхе была выработана действительно разумная и эффективная схема координации операций различных спецслужб, то, несомненно, они достигли бы более впечатляющих успехов. Дилетантизм начальника VI управления РСХА не исчез даже в итоге его 4-летнего пребывания на посту руководителя разведки, а его стремление сделать “все иначе” зачастую приводило к совершенно неразумным решениям. В частности, это касалось абсолютно неразвитой системы оценки источников и их информации, получившей лишь зачаточное развитие. В СД-аусланд оценивались только надежность агента (от 1 до 5) и важность предоставленных им сведений в данный момент (от 1 до 6), но, как ни странно, отнюдь не их достоверность. Зато система кодовых обозначений агентуры была довольно сложна и всегда начиналась с буквы “V”, затем следовал номер страны от 1 (Афганистан) до 182 (Йемен), через дробь указывался личный номер агента, а в целом код выглядел приблизительно как V144/7905. В данном случае 144 обозначает Швейцарию, 79 — резидента (“главного уполномоченного”, иногда употреблялся термин “генеральный уполномоченный”) СД и 5-й номер завербованного им источника. Агенты влияния, не дававшие обязательства о сотрудничестве, а также прямые и косвенные информаторы буквы “V” в своем коде не имели.

Наиболее уязвимое место любой разведки — связь — занимала в VI управлении хотя и подчиненное, но важное место. Резидентуры СД-аусланд в период войны существовали почти исключительно в союзных и нейтральных странах, поэтому основную роль в их магистральной связи с Берлином играла дипломатическая курьерская почта. Она пересылалась в специально сконструированных для защиты от несанкционированного вскрытия зеленых картонных конвертах форматом 41 × 26 сантиметров с отверстиями для контроля за целостностью упаковки и пропуска шнура, особым образом увязывавшегося и запечатывавшегося сургучными печатями. Агенты и резидентуры СД пользовались радиосвязью лишь в особых случаях, поскольку Шелленберг никогда не забывал о достижениях пеленгации. Успехи германских спецслужб в борьбе с агентами-радистами противника явились для него серьезным уроком, но в стремлении обеспечить безопасность он зачастую забывал о требованиях оперативности. Сказанное не относится к деятельности оперативных разведгрупп и резидентур СД на Восточном фронте, где радио являлось единственным средством связи агентуры с центром. Однако во всех случаях под категорическим запретом находились линейные (горизонтальные) связи, что помогало одним группам сохраниться в случае провалов других.

В работах по истории разведки обычно лишь упоминается о существовании VII управления РСХА, поскольку считается, что оно ведало исключительно вопросами идеологии. Однако это не соответствует истине, данная структура была достаточно глубоко вовлечена в

обработку разведывательной информации и составление справочно-информационного аппарата. Об этом свидетельствуют функции его отделов:

- VIIA — изучение и обобщение документации. Рефераты:
 - VIIA1 — библиотека;
 - VIIA2 — отчеты, переводы, обработка и оценка материалов прессы;
 - VIIA3 — справочная служба и бюро связи;
- VIIB — анализ материалов, подготовка сводок. Рефераты:
 - VIIB1 — масоны и евреи;
 - VIIB2 — политические конфессии;
 - VIIB3 — марксисты;
 - VIIB4 — прочие враждебные группы;
 - VIIB5 — особые исследования отдельных внутривойсковых проблем;
 - VIIB6 — особые исследования отдельных внешнеполитических проблем;
- VIIC — центральный архив. Рефераты:
 - VIIC1 — архив;
 - VIIC2 — музей;
 - VIIC3 — особые исследования.

По мере развития боевых действий все большим предметом ревности СС становились успехи диверсантов абвера, в особенности бойцов “Бранденбурга”, поэтому Гиммлер всячески поддерживал развитие подобного направления в подчиненных ему войсках. Для ликвидации отставания в проведении специальных операций вначале планировалось создать в составе VI управления РСХА крупное диверсионное подразделение “Ораниенбург”, однако впоследствии от этого замысла пришлось отказаться. Летом 1943 года из “ваффен-СС” (войск СС) к СД был прикомандирован начальник “Специальных курсов особого назначения” гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени, ставший, пожалуй, самым разрекламированным диверсантом Второй мировой войны.

Отто Скорцени

Вскоре курсы были развернуты в батальон “ваффен-СС” особого назначения “Фриденвальд” под командованием Скорцени и его заместителя оберштурмфюрера СС Карла Радля. Формирование подразделения встретило значительные трудности организационного характера, которые было бы весьма трудно преодолеть, если бы не сложная ситуация, создавшаяся в “Бранденбурге”. Высококласные специалисты абвера по диверсиям к этому времени остались без достойной работы, поскольку подразделения дивизии особого назначения использовались практически исключительно против партизан в СССР, Югославии, Албании и Греции. В таких рамках опытным бойцам было тесно и скучно, и многие из них попытались перейти в формируемый “Фриденвальд”. “Бранденбургцы” являлись представителями различных этнических групп, не всегда подходивших под жесткие расовые стандарты СС, что сразу же отсеяло как минимум половину кандидатов. Адмирал Канарис не желал отпускать своих людей, и в итоге долгих переговоров в ноябре 1943 года к Скорцени перешли лишь десять человек во главе с лейтенантом Адрианом фон Фелькерзамом, возглавившим штаб “Фриденвала”.

Скорцени с присущей ему фантазией вначале собирался осуществить операцию “Ульм” — нанесение ударов по промышленным объектам в глубоком тылу СССР, однако эта идея не получила развития. Наиболее известные операции “Фриденвала” по освобождению захваченного Муссолини в Гран-Сассо (“Айхе”) и захвату в Будапеште сына адмирала Хорти (“Микки-Маус”) описываются в соответствующих главах. Здесь следует обратить особое внимание на пристрастие Скорцени к использованию новых, нетрадиционных для рассматриваемого периода видов вооружения, иногда приносившее успех. Однако остались нереализованными его попытки нанесения ударов по расположенным на Урале объектам силами летчиков, пилотируемых запускаемых с бомбардировщиков Хе-111 самолетов-снарядов V-1. Этот замысел продвинулся довольно далеко. Заводы рейха выпустили прототипы V-1 с двойным управлением и подготовили документацию для серийного выпуска одноместных пилотируемых ракет, а в 200-й эскадрилье люфтваффе прошли испытательные запуски, и к

лету 1944 года было укомплектовано подразделение из 30 добровольцев “Фриденале” и 60 летчиков. Проблема возникла из-за отказа в выделении авиационного горючего в количестве по 5 тонн на каждого курсанта, а позднее фронт отодвинулся далеко на Запад, и уральские заводы стали окончательно недостижимы для ударов. Остались на бумаге планы ликвидации нефтепровода Ирак — Средиземное море и блокирования Суэцкого канала путем доставки туда по воздуху сверхмалой подводной лодки, которая должна была торпедировать крупнотоннажный транспорт в любом из узких участков. Скорцени собирался осуществить диверсии в порту Нью-Йорка силами доставленных туда на подводной лодке боевых пловцов. Одна из операций начала осуществляться. В январе 1945 года боевые пловцы отправились из Норвегии в Индию и Персидский залив на парусно-моторном тендере под норвежским флагом, однако во время перехода к месту назначения война окончилась, и им пришлось возвращаться. Список нереализованных диверсий пополнился также планом подключения к проходившему через Ла-Манш подводному бензопроводу. Скорцени собирался ввести в него особый состав, разлагающий углеводороды на составные компоненты и при этом обладающий замедленным действием, чтобы испорченный бензин одновременно остановил бы двигатели тысяч автомобилей и танков. Все эти акции должны были осуществляться силами сформированного при “Фриденале” соединения “К”, включавшего в себя группы боевых пловцов, сверхмалые подводные лодки, взрывающиеся катера и человекоуправляемые торпеды, то есть все, получившее впоследствии название подводно-диверсионных сил и средств. Если экипажи торпед, катеров и подводных лодок являлись “чистыми” моряками, то боевые пловцы представляли собой не просто диверсантов, а оперативно-боевое подразделение. Например, в ходе подготовки они должны были без документов и денег пересечь Германию, в назначенном пункте похитить жетон полевого жандарма и вернуться в часть, и все это во время войны, в период повышенной бдительности всех полицейских и контрразведывательных служб. На счету боевых пловцов имеются не только уничтоженные морские объекты, но и взорванные мосты через реки, нарушившие коммуникации наземных войск западных союзников и Красной Армии. Бойцы соединения “К” оказались последними, кому Гитлер доверил свою охрану. 27 апреля 1945 года 30 добровольцев должны были вылететь в Берлин, однако господство советской авиации в воздухе не позволило бы “Юнкерсам” даже приблизиться к намеченной точке, не говоря уже о том, что в столице рейха больше не оставалось неповрежденных взлетно-посадочных полос. Приказ Гитлера остался невыполненным.

Скорцени активно участвовал и в операции “Вахт ам Рейн”, как именовалось германское контрнаступление в Арденнах, оказавшееся для союзников неожиданным и неприятным сюрпризом. 25 октября 1944 года Гитлер отдал приказ о проведении в ее рамках операции “Гриф”, на подготовку которой отводилось пять недель. Скорцени должен был возглавить рейд по вражеским тылам специально сформированной для этой цели 150-й танковой бригады, которую планировалось укомплектовать владеющими английским языком солдатами и офицерами, переодетыми в британскую и американскую форму, соответственным образом вооруженными и оснащенными трофейной техникой. Диверсанты должны были нарушать коммуникации противника, разрушать мосты и переправы, дезорганизовывать управление английскими и американскими войсками с помощью ложных приказов и разворачивания дорожных указателей, уничтожать офицеров противника, вести разведку по обоим берегам реки Маас, снимать указатели минных полей и устанавливать ложные, а главное — сеять панику в тылу противника.

Плановая численность бригады достигала 3300 человек личного состава. Она включала штаб, три танковые роты по 10 машин, три разведывательные роты по 10 бронетранспортеров в каждой, три мотопехотных батальона, по две роты автоматчиков и пулеметной роте в каждом, легкую роту ПВО, две истребительные противотанковые роты, минометный взвод, танковую разведывательную роту и роту специального назначения. Проблемы начались немедленно. Прежде всего, найти такое количество говорящих по-английски военнослужащих было совершенно невозможно, бригаду пришлось укомплектовывать обычными солдатами, а всех владеющих английским языком, в основном бывших моряков торгового флота, свели в роту специального назначения. Однако они не обладали навыками ведения разведки и осуществления диверсий, поэтому боевая ценность этого подразделения изначально оказалась значительно сниженной. В это же время разведывательные службы союзников узнали о массовом отборе владеющих английским языком военнослужащих вермахта, что в значительной степени нарушило секретность готовящейся операции. Другой проблемой оказа-

лось снабжение трофейной техникой. Немцы располагали всего двумя танками “Шерман”, притом находившимися в небоеспособном состоянии, поэтому им пришлось маскировать листами металла собственные “Пантеры”, придавая им отдаленное сходство с машинами противника. Так же обстояли дела и с бронетранспортерами, в избытке имелись лишь легковые “Виллисы”.

Несмотря на все сложности, 16 декабря операция все же началась. Немцы сумели достичь немногого, а наибольший вред союзникам причинили панические слухи о массовых рейдах переодетых солдат противника. Они оказались опаснее, чем действия 150-й бригады, в конечном счете не сумевшей нанести союзникам особый ущерб. Однако не слишком удачное осуществление “Грифа” не помешало его вхождению в историю в качестве наиболее массовой специальной операции Второй мировой войны.

Главное управление имперской безопасности неуклонно разрасталось, набирало влияние и пыталось захватить все больше различных сфер деятельности. Одним из наиболее притягательных направлений являлись радиоразведка и криптоанализ, и в марте 1943 года Гейдрих, не решившийся сам явиться к Герингу, отправил к нему Шелленберга с предложением передать Научно-исследовательское управление министерства авиации (ФА) в СД-аусланд. Как и следовало ожидать, рейхсмаршал категорически отказался даже обсуждать эту тему, и в VI управлении был создан собственный криптоаналитический отдел, не достигший, однако, сколько-нибудь заметных результатов. Серьезный удар по развитию Главного управления имперской безопасности нанесла гибель его руководителя обергруппенфюрера Гейдриха, 4 июня 1942 года умершего в Праге после покушения, осуществленного чешскими парашютистами. Гиммлер в течение полугода лично руководил РСХА, а в январе 1943 года назначил на вакантную должность обергруппенфюрера СС доктора Эрнста Кальтенбрунера, ранее занимавшего пост начальника полиции безопасности и СД в Вене. С его приходом на пост руководителя РСХА отношения всех ветвей Службы безопасности с министерством иностранных дел перешли буквально в стадию неприкрытой враждебности, что особенно болезненно сказывалось, естественно, на внешней разведке. Если бы не подписанное ранее Гиммлером и Риббентропом соглашение об организации разведывательной работы в рамках реализации директивы Гитлера от 12 февраля 1944 года, совместная работа МИД и СД-аусланд оказалась бы полностью парализованной. Однако соглашение, устанавливавшее “тесное товарищеское и лояльное сотрудничество между министерством иностранных дел и Главным управлением имперской безопасности”¹⁷⁴, все же сглаживало острые ситуации. Оно предусматривало взаимный обмен информацией, имеющей отношение к внешней политике, координацию действий, помощь в работе и организацию прикрытия для резидентур СД в нейтральных странах. Условием подписания такого соглашения явился отказ начальника РСХА Кальтенбрунера от любых попыток покуситься на независимость Инф. III в сборе разведывательной информации. Впоследствии Шелленберг все же попытался получить согласие Гитлера на включение “службы Хенке” в состав объединенной германской секретной службы, но встретил категорический отказ. Зато СД контролировала так называемую “Специальную службу Озерного дома” — пост разведки иностранного вещания, прослушивавший трансляции государственных и коммерческих радиостанций 45 стран мира на 37 языках. Этот орган являлся источником важной разведывательной информации и в значительной степени компенсировал проблемы с доступом к прессе враждебных государств в условиях войны.

Эрнст Кальтенбрунер

Рост влияния политических спецслужб происходил постепенно, и до 1942 года они пока не могли сравниться со своими коллегами из вермахта. Военная контрразведка и разведка на стратегическом уровне осуществлялись абвером, структура центральных и периферийных органов которого была приведена адмиралом Канарисом в соответствие с требованиями войны. Ранее управленческая группа “Заграница” не входила в состав разведывательной службы и являлась самостоятельным учреждением верховного командования вермахта (ОКВ), однако 18 октября 1939 года ее включили в абвер, официально имено-

вавшийся теперь Управлением “абвер/заграница” ОКВ. Руководитель группы “Заграница” вице-адмирал Леопольд Бюркнер стал заместителем Канариса и в случае отсутствия начальника разведки представлял ведомство перед военным командованием. Любопытно, что, несмотря на это, сам отдел “Заграница” по-прежнему подчинялся не начальнику абвера, а начальнику штаба ОКВ. Следует отметить, что полномочия Бюркнера в качестве заместителя начальника разведки распространялись лишь на административные и служебные вопросы, по оперативным же проблемам адмирала, как правило, замещал начальник Абт-1 Пикенброк. Функции как управления в целом, так и его структурных подразделений были достаточно подробно расписаны в “Структурных обязанностях должностных лиц и органов верховного главнокомандования вермахта” по состоянию на 1940 год. Этот документ предусматривал жесткую централизацию процесса сбора и обработки разведывательных данных: “Особой задачей разведывательной службы является единое руководство разведывательной службой на родине и на театрах военных действий в соответствии с решением кабинета министров от 17.10.1933 г. Разведывательные органы при командованиях военных округов и военно-морских станций подчиняются в вопросах разведслужбы непосредственно начальнику управления военной разведки и контрразведки как в военное, так и в мирное время...”

Начальник управления и, по его поручению, начальники отделов управления уполномочены давать указания по вопросам тайной разведывательной службы (агентурной работы за линией фронта), контрразведывательной службы (обработка случаев шпионажа и саботажа) и специальной службы, руководимой 2-м отделом управления, в служебном порядке непосредственно начальникам разведотделов армий на фронте, невзирая на прямое подчинение начальников разведотделов армий своим командным инстанциям...

Указания принципиального характера направляются главным командованиям видов вооруженных сил по поручению верховного главнокомандования через группы связи управления разведки и контрразведки, имеющиеся при каждом главном командовании”¹⁷⁵.

Эти группы связи были весьма неоднородны по составу. Группа при штабе оперативного руководства войной на море была скорее символической и состояла из двух офицеров службы комплектования, группа связи при главнокомандующем ВМС выглядела лишь несколько солиднее. Зато группа связи при главнокомандующем сухопутными войсками не только имела наибольшую численность, но и решала значительно более широкий круг задач. Она руководила фронтовыми разведывательными органами, отвечала за проведение контрразведывательных мероприятий в действующей армии, контролировала деятельность органов тайной полевой жандармерии, обобщала ее опыт, а также обеспечивала связь между ОКВ и ОКХ в части, касающейся сбора разведывательных данных за рубежом. Однако взаимодействовать следовало не только с командованием видов вооруженных сил. Для поддержания связи с органами государственного и местного управления, НСДАП и военной промышленности абвер организовал институт специальных уполномоченных.

Те же “Структурные обязанности...” расписывали задачи основных подразделений абвера. Бывший самостоятельный отдел “Заграница” был наиболее знаком составителям документа, и поэтому его функции излагались довольно подробно. В его обязанности входили следующие вопросы:

- информирование о внешнеполитическом положении (сбор, обработка и передача сведений) начальника штаба ОКВ, начальника абвера, заинтересованных отделов ОКВ и командующих видами вооруженных сил;
- сбор и обработка военных донесений и сообщений по вопросам внешней политики, поступающих не по разведывательным каналам;
- анализ иностранной прессы и подготовка соответствующих бюллетеней;
- обработка международно-правовых вопросов ведения войны;
- поддержание связи с иностранными военными атташе в Берлине, германскими военными миссиями, военными атташе и военными советниками за границей;
- обработка вопросов, связанных с морской этапной службой;
- обработка колониальных вопросов.

Обязанности оперативных отделов абвера описывались намного лаконичнее. Задачи Абт-1 определялись как:

- получение секретных сведений для сухопутных войск, кригсмарине и люфтваффе;
- выполнение заявок руководства ОКВ, ОКХ, ОКЛ и ОКМ на проведение разведывательных операций и рекогносцировок;

— передача необработанных разведанных союзным иностранным государствам и обрабатывающим отделам видов вооруженных сил.

Абт-II отвечал за следующие задачи:

“а) отыскание и использование представителей национальных меньшинств и организаций, враждебных правительствам иностранных государств, в целях ослабления военной мощи последних путем диверсий и политических акций; подготовка пропаганды для разложения вооруженных сил противника; обеспечение линий и каналов связи; обмен сведениями с дружественными странами.

б) подготовка и организация службы “С” (саботаж), картографическое обеспечение возможных районов и объектов саботажа”¹⁷⁶.

Контрразведывательный Абт-III являлся одним из важнейших отделов абвера. Руководящими принципами его работы были:

“а) активное подавление шпионажа, борьба с предателями, саботажниками, лицами, наносящими ущерб средствами ведения войны и разлагающими народ и армию, в тесном контакте с тайной государственной полицией, являющейся исполнительным органом, а также борьба с коррупцией в вооруженных силах, которая ведется совместно с государственной криминальной полицией;

б) централизованное руководство деятельностью тайной охраны в вооруженных силах и во всех организациях, учреждениях и предприятиях государства, которым поручены задачи обороны империи”¹⁷⁷.

Центральный аппарат абвера первоначально размещался в комплексе зданий на берлинской улице Тирпицштрассе, а 19 апреля 1943 года был переведен оттуда в бункер “Майбах II” в Цоссене, соседствовавший с занимаемым ОКВ бункером “Майбах I”. Три надземных этажа шестиэтажного здания в точности соответствовали трем подземным, и в случае объявления воздушной тревоги все сотрудники, выдернув из розетки телефонный шнур, брали с собой аппарат и все бумаги, над которыми работали в данный момент. Под землей они размещались в копиях своих кабинетов, подключали телефоны и немедленно приступали к продолжению прерванной работы.

Наиболее серьезной реорганизации подверглись боевые подразделения абвера. Первым из них стал диверсионный отряд “Эббингхауз”, сформированный в 1938 году (иногда ошибочно указывается июль 1939 года) по предложению капитана Теодора Готлиба фон Хиппеля. Этот офицер руководил подготовкой боевиков из числа судетских немцев, совершавших набеги через границу, собиравших разведывательную информацию и дестабилизировавших обстановку на сопредельной территории. Накопленный опыт позволил ему сделать некоторые обобщения и доложить свои соображения начальнику Абт-II полковнику Хельмуту Гроскурту. Тот оценил его идею создания боевого подразделения войскового, а не разведывательного типа и убедил в этом адмирала Канариса.

“Эббингхауз” хорошо показал себя в ходе польской кампании. 15 сентября (часто указывается ошибочная дата 15 октября) 1939 года начальник АСТ-Вена капитан Путц по указанию Канариса сформировал диверсионное подразделение нового типа, в целях конспирации именованное отдельной учебной строительной ротой. В отечественной литературе ее название обычно переводится как “особая” или “особого назначения”, что не вполне верно. Дело в том, что входившее в ее название немецкое сокращение “zbV” действительно можно перевести как “особая”, но практически оно обозначало подразделения, не входившие в состав частей, то есть отдельные. Часто встречается и другая, более грубая ошибка: из-за неправильного перевода термина “учебная строительная” (“*Bau-Lehr*”), подразделения именуют “ротой Баулера”. Рота была укомплектована судетскими немцами в количестве 250 человек и почти сразу передислоцирована в Слияк, около Братиславы. В дальнейшем она стала именоваться “отдельной немецкой ротой”, ее командиром вначале стал капитан запаса Фербекек, а затем обер-лейтенант доктор Книше.

Другое аналогичное подразделение в конце сентября было сформировано в Бранденбурге. Эта рота численностью в 320 человек находилась под командованием капитана фон Хиппеля. 25 октября она официально получила название 800-й отдельной учебной строительной роты. Рота в Слияке стала считаться ее частью. После нескольких переформирований 15 декабря 1939 года возник 800-й отдельный учебный строительный батальон, в обиходе именованный батальоном особого назначения “Бранденбург”, или просто “Бранденбургом”. Все эти действия проходили в рамках поручения Гроскурта фон Хиппелю, который дол-

Теодор фон Хиппель

исподней”¹⁷⁸. В конце января 1940 года фельдфебель Кюрхнер приступил к выполнению задания по организации группы для захвата мостов через канал Юлианы в Голландии под названием отдельного учебного строительного саперного взвода. В феврале и марте несколько десятков бойцов “Бранденбурга” прошли парашютно-десантную подготовку, а 2-я рота целиком переключилась на изучение предстоящей операции в Люксембурге. В апреле в составе “Бранденбурга” был спешно сформирован северный взвод из англоязычных немцев из Южного Тироля и Палестины, а также говоривших по-польски жителей Верхней Силезии, предназначенный для действий против поляков в Нарвике. После блестящего окончания кампании на Западе 800-й батальон 15 мая 1940 года был официально переформирован в 800-й отдельный учебный полк “Бранденбург” трехбатальонного состава, хотя фактически его доукомплектование проходило в период с мая по октябрь. Оно производилось весьма тщательно, особое внимание обращалось не на арийское происхождение, а на значительно более реальные и конкретные обстоятельства, в результате чего многие бойцы “Бранденбурга” относились к различным этническим группам. Солдаты и тем более офицеры части, как правило, знали хотя бы один иностранный язык и владели полезными в диверсионной практике специальностями подрывника, радиста и так далее. Вскоре батальоны достигли численности приблизительно по тысяче бойцов в каждом, при этом их роты не состояли из взводов, а делились на две полуроты. В Берлине дислоцировались штаб полка и рота связи, остальные подразделения были разбросаны по всей Европе. В Бранденбурге находился I батальон, ориентированный на действия против Великобритании, II батальон (Восточная и Юго-Восточная Европа) располагался в Баден-Унтервальтерсдорфе около Вены, а III батальон, готовившийся проводить операции в Западной Европе, расквартировали в Аахене. Девизом всех военнослужащих “Бранденбурга” являлось: “Ни от кого пощады не ждать, никому пощады не давать”¹⁷⁹.

В преддверии нападения на Советский Союз абвер сформировал и включил в состав “Бранденбурга” украинские батальоны “Нахтигаль” и “Роланд”, дислоцировавшиеся соответственно в Нойхаммере и Заубердорфе. Остальные батальоны также передислоцировались и поступили в оперативное подчинение различным войсковым командованиям. По состоянию на 22 июня 1941 года I батальон и батальон “Нахтигаль” находились в распоряжении группы армий “Зюд”, II батальон разделялся между группами армий “Митте” и “Норд”, а III батальон попал на Восточный фронт лишь к сентябрю. Их операции в СССР и других странах описаны в соответствующих главах. Кроме того, в Германии впоследствии формировались также Арабский легион, Индийский легион, персидская рота и полк “Бергман”. К концу 1942 года диверсионные подразделения все более утрачивали связь с абвером и попадали под зависимость от армейского командования на фронте. Это привело к тому, что ОКВ решило перевести его в свое непосредственное подчинение, одновременно доукомплектовав до дивизии. Однако сделать это сразу было сложно, поэтому начальник штаба ОКВ генерал Йодль вначале решил произвести промежуточное изменение и распорядился о создании с 1 января 1943 года 800-го подразделения особого назначения (Sonderverband) “Бранденбург”. Его батальоны получили номера 801, 802 и 803. После еще нескольких реор-

жен был сформировано боееспособное подразделение численностью до 900 человек для предстоящей кампании на Западе. Оно пополнялось фольксдойче из Румынии и Прибалтийских государств, а также из некоторых других регионов.

Непосредственно перед началом blitzkrieg на Западе в “Бранденбурге” начали готовиться специальные подразделения для выполнения конкретных задач. Перед его началом фон Хиппель произнес речь, в которой проинструктировал личный состав: “Мы отправимся и вытащим дьявола из самой пре-

ганизаций в апреле 1943 года роты были доукомплектованы до батальонов, батальоны — до полков, а все подразделение стало дивизией “Бранденбург” под командованием полковника Хехлинга. Теперь она состояла из четырех легких пехотных (егерских) полков, батальона береговой обороны, парашютного батальона и батальона связи. Одновременно дивизия вывела из подчинения абвера, причем официально это мотивировалось повышением статуса диверсионных подразделений, поскольку армейское командование вряд ли могло полностью подмять под себя подчиненные ОКВ войска. В действительности подоплека этого была совершенно иной. Во-первых, оставлять в распоряжении Канариса целую дивизию, хотя и разбросанную по фронтам, сочли излишним. Во-вторых, “Бранденбург” стал единственной воинской частью, которой ОКВ командовало напрямую, без промежуточных инстанций. Кроме того, бывшие диверсанты давно уже не занимались специальными операциями, столь успешно выполнявшимися ими в прошлом, а чаще всего вели контрпартизанские действия. 9 февраля 1943 года в госпитале от пневмонии умер полковник Хехлинг, и командование дивизией принял на себя полковник, затем генерал-майор Александр фон Пфульштейн. Ее штатный состав немного изменился, теперь в дивизии имелись также тропический батальон, русский батальон “Александр”, а также “белая” и “черная” роты, соответственно укомплектованные белорусами с украинцами и кавказцами. Абвер болезненно переживал эту потерю и пытался сохранить контроль хотя бы над обучением диверсантов, создав учебный полк “Курфюрст”, однако вскоре и его забрали в состав дивизии.

“Бранденбург” нельзя было считать полноценной дивизией не только по причине рассредоточенности его полков по различным ТВД. В части отсутствовали подразделения обеспечения, поэтому она полностью зависела от местного командования. Фактически германские армейские диверсанты к этому периоду уже закончили свое существование, что окончательно проявилось после смены командования. Новым командиром дивизии стал генерал-лейтенант Фриц Кульвайн, стремившийся сохранить ее особый статус и предложивший создать на базе “Бранденбурга” так называемые патрульные корпуса. Первый из них начал боевую службу на юге Франции, но было уже поздно. Немцы отступали на всех фронтах, и 8 сентября 1944 года дивизию со штатной численностью 14 тысяч человек, из которых 900 владели иностранными языками, переформировали в обычную мотопехотную дивизию. Она закончила свое существование в апреле 1945 года в результате советского наступления на берегах реки Нейсе.

Диверсионное направление являлось, безусловно, существенной частью работы германской военной разведки, однако оперативная работа все же имела приоритет. Важнейшим мероприятием абвера явилось открытие на оккупированных территориях новых абверштелле и абвернебенштелле. В их число вошли:

- АСТ-Копенгаген с АНСТ-Аарус;
- АСТ-Норвегия в Осло с АНСТ-Берген, АНСТ-Тронхейм и АНСТ-Тромсе;
- АСТ-Нидерланды в Гааге;
- АСТ-Брюссель с АНСТ-Лилль и АНСТ-Булонь;
- АСТ-Париж с АНСТ-Орлеан;
- АСТ-Анжер с АНСТ-Брест;
- независимое АНСТ-Бордо;
- АСТ-Дижон с АНСТ-Нанси;
- АСТ-Афины с АНСТ-Митилини;
- АСТ-Салоники;
- АСТ-Белград.

Теоретически статус главных должны были иметь четыре АСТ, которые располагались там же, где и ставки главнокомандующих войсками вермахта на Западе, Востоке, Юге и Юго-Западе, однако на практике это произошло только в Париже. Отдел абвера при главном командовании на Юго-Востоке располагался в Афинах, но статус главного не получил, в Риме при ставке Кессельринга вообще имелся лишь офицер связи, а роль главного АСТ-Восток играл упоминавшийся штаб “Валли”. Ранее существовавшие в военных округах отделы по-прежнему руководили направляемой за пределы оккупированных территорий агентурой, а новые абверштелле лишь обеспечивали ее деятельность и были сориентированы в основном на контрразведывательные операции. Штатная численность АСТ и АНСТ колебалась от 3 сотрудников в Шербуре до 382 в Париже, а в среднем составляла около 150 человек.

В апреле 1942 года, например, АСТ-Гамбург насчитывало 64 офицера, 8 гражданских чиновников, 24 унтер-офицера, 97 рядовых и 105 вольнонаемных служащих, всего 298 человек¹⁸⁰. К этому периоду абвер располагал сетью из 10 зарубежных резидентур (КО), 34 АСТ, 26 АНСТ и 23 постов. Представители АСТ, обслуживающих конкретную территорию, нередко включались в состав располагавшихся там КО.

В марте 1941 года Канарис подписал приказ о начале подготовки абвера к нападению на СССР, в соответствии с которым колонны разведчиков и диверсантов формировались и прикомандировывались к штабу каждой армии и групп армий “Норд”, “Митте” и “Зюд”. Отряды при штабах групп армий именовались абверкомандами, а при штабах армий — абвергруппами. Первые из них вели глубинную оперативную разведку в полосе от 50 до 300 километров в тылу противника и доставлялись туда в основном по воздуху, а вторые проникали в расположение советских войск по земле и собирали тактическую информацию в 50-километровой зоне. Каждая абверкоманда имела группу диверсантов в количестве от 25 до 30 бойцов. Такая структура фронтовых разведывательных органов была опробована в ходе греческой и югославской кампаний и вполне оправдала себя. По мере продвижения на Восток штаб “Валли III” продвигался вместе с войсками, а “Валли I” и “Валли-II” остались в районе Растенбурга, так же как и возглавляемый Германом Бауном главный штаб “Валли”. Численность “Валли I” достигала 500 человек, включая добровольных помощников (“хиви”) из населения оккупированных областей Советского Союза.

Система резидентур в нейтральных и союзных странах претерпела меньше изменений. К маю 1942 года абвер располагал следующими загранточками:

- КО-Португалия (Лиссабон);
- КО-Испания (Мадрид);
- КО-Швейцария (Берн);
- КО-Швеция (Стокгольм);
- КО-Финляндия (Хельсинки);
- КО-Болгария (София);
- КО-Загреб;
- КО-Северная Африка (Касабланка);
- КО-Ближний Восток (Анкара);
- КО-Дальний Восток (Шанхай).

Крупнейшим из них стало существовавшее с 5 февраля 1937 года КО-Испания, имевшее на территории страны не менее 30 филиалов, пунктов и постов радиоперехвата. В июне 1940 года его штат насчитывал 87 человек, из которых 3 относились к руководству, 73 работали по I линии (разведка), 3 — по II линии (диверсии и саботаж), 5 — по III линии (контрразведка), административный персонал составляли 3 служащих. Из разведчиков 34 являлись радистами, а 10 — шифровальщиками¹⁸¹. Прикрытием резидентуры служила фирма “Эксцельсиор”, возглавлявшаяся бессменным резидентом Вильгельмом Лайсснером, действовавшим под псевдонимом Густава Ленца и имевшим у подчиненных прозвище “папа Ленц”. К концу войны загранточка непомерно разрослась и насчитывала 717 штатных и 600 привлеченных сотрудников, число агентов достигло 360, а диверсантов — 90¹⁸².

С началом боевых действий и появлением первых военнопленных принципиально изменился состав вербовочной базы германской разведки. Ранее ее основным контингентом являлось население приграничных зон по обе стороны границы, в первую очередь национальные меньшинства, которым было разрешено так называемое “малое пограничное перемещение” на глубину не более 15 километров, а также проживающие за пределами рейха евреи, которых можно было шантажировать оставшимися в Германии родственниками и друзьями, члены зарубежных организаций НСДАП, притесняемые национальные меньшинства за рубежом, сотрудники германских и иностранных пограничных полиций и таможен, бизнесмены, журналисты, коммивояжеры, совершающие частые поездки через границу, и проводники международных вагонов. Однако после начала войны некоторые перечисленные категории просто перестали существовать, другие в нейтральных странах находились под особым контролем полиции и контрразведки, а во враждебных были зачастую интернированы, поэтому основная вербовочная работа проводилась среди военнопленных и населения оккупированных Германией районов. Одним из источников пополнения агентуры абвера в Западной Европе являлся черный рынок, операции на котором карались смертной казнью. Эта перспектива делала пойманных спекулянтов значительно менее устойчивыми к вербо-

вочным предложениям немцев, к тому же большинство из них обладало разветвленными связями и высокой коммуникабельностью, повышавшими их разведывательные возможности. Любая вербовка обязательно предварялась запросом в центральный отдел абвера, где по общей картотеке и картотеке агентуры проверялось наличие компрометирующих материалов на объект или же факт его уже установленного сотрудничества с оккупационными властями. Формальное вербовочное предложение делалось лишь после получения из Берлина официального письменного ответа.

Операции абвера в различных регионах мира подробно описываются в соответствующих главах, здесь же следует коснуться иной стороны деятельности военной разведки и лично ее руководителя. Во множестве источников бытует утверждение о тесном сотрудничестве адмирала Канариса с британской разведкой, вплоть до объявления его едва ли не прямым агентом СИС со всеми вытекающими из этого последствиями. Естественно, что более всего такую версию поддерживают две группы историков: апологеты МИ-6, а также желающие полностью отделить якобы невиновную германскую армию от преступных НСДАП и СС. В результате в некоторых публикациях руководитель абвера предстает едва ли не главой антинацистского заговора в Третьем рейхе, что, безусловно, абсолютно неверно. Канарис не входил в группу офицеров и генералов, попытавшихся уничтожить Гитлера и свергнуть нацистский режим в ходе неудавшейся операции «Валькирия» 20 июля 1944 года, равно как и не руководил какой-либо другой активной подпольной организацией. Знал ли он о существовании офицерского заговора? Вероятно, да. Однако, судя по всему, осторожный начальник военной разведки крайне низко оценивал шансы на сохранение в секрете планов заговорщиков и потому совершенно не собирался активно участвовать в столь рискованном мероприятии. Многие из его подчиненных, в том числе начальник центрального отдела абвера генерал-майор Остер и сотрудник того же подразделения Донаньи, а также будущие начальники Абт-I полковник Ганзен и Абт-II полковник Вессель фон Фрейтаг-Лорингофен действительно входили в группу заговорщиков, но Канарис об этом не знал, и арест первых двух офицеров стал для него крайне неприятной и опасной неожиданностью. При всем этом адмирал весьма скептически относился к Гитлеру и не верил в перспективу победы Германии, а также опасался и не любил руководство СС и НСДАП. Похоже, что его контакты с англичанами носили характер своего рода страховки на перспективу. Предстоящее военное поражение Третьего рейха, особенно после вступления в войну СССР и США, было для Канариса совершенно очевидным, и он постарался установить с будущими победителями даже не отношения, а осторожный намек на них. Вероятно, все подробности его контактов с СИС узнать полностью будет невозможно. В настоящее время относительно достоверно известно о двух каналах его взаимоотношений с Западом. Первый из них осуществлялся с СИС через жену бывшего военного атташе Польши в Берлине Галину Шиманскую, и не принес британцам никаких особенных выгод. Следует отметить, что он явился единственным за всю войну выходом МИ-6 на источник в рейхе. Второй канал зондажа взаимоотношений с Западом был серьезнее и проводился через католические круги Ватикана с помощью сотрудника АСТ-Мюнхен доктора Йозефа Мюллера. Собственно, это не было личным контактом Канариса, поскольку информация о некоторых предстоящих действиях вермахта, в частности, начале ближкрия на Западе, шла в Ватикан от того же Ганса Остера.

Ганс фон Донаньи

Правда, когда из расшифрованных ФА перехватов стало известно об утечке информации к противнику, адмирал принял весьма активное участие в локализации инцидента и поручил расследование самому Мюллеру. Тот сумел обвинить в этом окружение Риббентропа, после чего следствие стало давать сбои и зашло в тупик. Однако ни в одном, ни в другом случае начальник абвера, являвшийся убежденным противником расширения войны и сторонником скорейшего заключения мира на Западе, ни разу не передал англичанам какой-либо конкретной военной информации, дающей право считать его обычным изменником.

Вопрос об измене в абвере возник по совершенно иной причине. В декабре 1942 года пражские таможенники за нарушение валютного законодательства задержали агента АСТ-Прага Шмид-

тубера и передали дело в гестапо. Там выяснилось, что контрабанда валюты была далеко не самым опасным из действий арестованного, оказавшегося вовлеченным в заговор по свержению государственного строя рейха и в контакты с противником. В ходе допросов всплыло имя сотрудника центрального отдела Ганса фон Донаньи. Гестапо удачно замаскировало свои действия под расследование случая нарушения таможенного законодательства, и заговорщики были захвачены врасплох. При обыске в кабинете подозреваемого в апреле 1943 года присутствовал пока еще не заподозренный в антигосударственной деятельности его начальник Остер. Донаньи глазами указал ему на лежавшую на столе записку с ходатайством о повторном освобождении от военной службы пастора Дитриха Бонгеффера, параллельно с доктором Мюллером ездившего в Стокгольм для ведения сепаратных мирных переговоров с епископом Чичестерским. Остер сделал отчаянную попытку незаметно спрятать бумагу в карман, но гестаповцы заметили это. С большой задержкой, лишь 31 декабря 1943 года, начальник центрального отдела был отстранен от должности и вскоре арестован. Несмотря на серьезный удар по престижу абвера, эта история еще не привлекла внимание гестапо к личности его начальника как возможного заговорщика.

Намного неприятнее для Канариса оказался успешный рейд британских командос 27 февраля 1942 года на пост противовоздушной обороны Бруневаль, расположенный на мысе Антифер близ Гавра. Они уничтожили гарнизон, захватили часть радарного оборудования, а все остальное взорвали, предварительно сфотографировав. После этого Гитлер потребовал, чтобы абвер отчитался в своих достижениях в области научно-технической разведки, в особенности по британским радарам. Отсутствие результатов вызвало весьма резкую реакцию, серьезно подорвавшую престиж Канариса в глазах фюрера. Очередной удар по репутации абвера и его начальника нанесло бегство двух сотрудников КО-Турция супругов Фермерен (в русских переводах часто ошибочно транслитерируется как Вермерен) на британском самолете в Каир. Эрих Фермерен категорически отрицал впоследствии передачу противнику шифровальной книги и оправдывал свои действия исключительно религиозными мотивами, однако положение дел это не меняло. Действия перебежчиков послужили сигналом для бегства еще трех человек из германских спецслужб в Анкаре: контрразведчиков абвера супругов фон Клечовски и сотрудницы гестапо, секретаря полицейского атташе посольства Германии.

Все перечисленные факты постепенно компрометировали адмирала как руководителя военной разведки Германии. Один за другим уходили на командные должности в войска его самые преданные сторонники, руководители I, II и III отделов, главным образом ввиду бесперспективности дальнейшей службы в разведке с точки зрения получения очередных воинских званий. Начальник разведки полковник Пикенброк вначале принял командование

Ганс Пикенброк

пехотным полком на Восточном фронте, затем дослужился до должности командира 208-й пехотной дивизии и звания генерал-лейтенанта, получил 23 награды, в том числе Золотой рыцарский крест и Дубовые листья к рыцарскому кресту, и попал в советский плен. В 1955 году он был возвращен домой из СССР как неамнистированный военный преступник, там немедленно был освобожден и получил генеральскую пенсию, а четыре года спустя умер в Эссене в возрасте 66 лет. Преемником Пикенброка на посту начальника Абт-I стал полковник Георг Ганзен, служивший в разведке с 1937 года.

Георг Ганзен

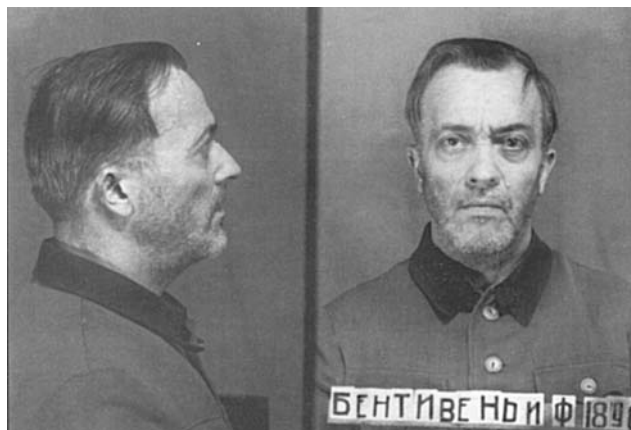
Начальник диверсионного отдела полковник Эрвин Лахузен Эдлер фон Вивремонт принял под командование 41-й егерский полк на Восточном фронте, но через год был направлен в Вену для руководства разведывательным отделом XVII военного округа. Он также был награжден Золотым рыцарским крестом, а в январе 1945 года получил звание генерал-майора. В мае 1945 года Лахузен сдался в плен американцам, которые поместили его в лагерь в окрестностях Ганновера и первое время жестоко избивали. Затем он стал активно

сотрудничать с ними и активно давал свидетельские показания на Нюрнбергском процессе главных военных преступников в 1946 году, попутно очень удачно представив Канариса активным антинацистом и создав у публики впечатление абсолютной бездеятельности диверсионного отдела абвера. В благодарность за помощь в отыскании доказательств вины подсудимых Лахузена освободили из-под стражи, и он поселился в Австрии, где получал генеральскую пенсию и умер в 1955 году в Тироле в возрасте 58 лет.

Эрвин Лахузен (третий справа)
с Хадж Амином аль Хусейни (четвертый справа)

Начальник контрразведывательного отдела Франц Эккард фон Бентивеньи летом 1944 года отбыл на Восточный фронт для командования 81-й пехотной дивизией, получил 11 наград, в январе 1945 года стал генерал-лейтенантом и был захвачен в плен Красной Армией. В апреле 1952 года он как особо опасный военный преступник был приговорен к 25-летнему сроку заключения с учетом нахождения под следствием и в 1955 году передан властям ФРГ. Там Бентивеньи тоже немедленно освободили и назначили генеральскую пенсию, но прожил он лишь до 1958 года и умер в Висбадене в возрасте 62 лет.

Франц фон Бентивеньи в обыденной жизни и в советском плену

Арестованного друга и сподвижника Канариса генерала Остера заменил намного менее доверенный полковник Шрадер.

Оставшийся без своих верных соратников начальник абвера уже не мог в той же степени рассчитывать на их преемников и постепенно терял почву под ногами. В это же время почувствовавшие слабость в давнем конкуренте руководители СС и РСХА усилили свои попытки захватить военную разведку, в деятельности которой и в самом деле было много недочетов. По стилю руководства адмирал более всего напоминал владельца семейного предприятия и всегда рассматривал своих сотрудников как любимых детей. Большинство из них отвечали ему тем же и служили не столько рейху, сколько Канарису. Этим отчасти

объясняется тот факт, что после отстранения адмирала от руководства абвером многие из них перестали работать с прежней отдачей. Его удаление состоялось в феврале 1944 года, после одного из докладов в ставке фюрера о положении на Восточном фронте. Гитлер возмущенно закричал на начальника абвера: “Вы что, пытаетесь доказать мне, будто я проиграл войну?!”¹⁸³ и немедленно распорядился о реорганизации всей системы разведывательных органов. Результатом явилась его директива от 12 февраля 1944 года № 1/44, гласившая:

1. Приказываю создать объединенную германскую разведывательную службу.
2. Руководство этой германской разведывательной службой я поручаю рейхсфюреру СС.
3. В той мере, в какой это распоряжение затрагивает военную разведку и контрразведку, рейхсфюрер СС и начальник штаба верховного командования вермахта предпринимают по взаимному соглашению необходимые меры”¹⁸⁴.

Канарис был в срочном порядке отрешен от должности, причем произошло это столь стремительно, что адмирал даже не успел передать дела Кальтенбруннеру. 19 марта 1944 года всем заинтересованным структурам германских вооруженных сил было разослано уведомление № 1454, гласившее: “Главкомандующий кригсмарине 10 марта 1944 года известил адмирала Канариса о том, что с 30 июня 1944 года он выходит в отставку с действительной службы... Адмирал Канарис будет находиться в распоряжении кригсмарине. Его дальнейшее использование не предусматривается”¹⁸⁵. Впрочем, для отставного начальника разведки нашлось временное занятие. До 23 июля 1944 года он возглавлял “Особый штаб торговой и экономической войны”, а потом был арестован по обвинению в участии в заговоре и покушении на жизнь фюрера. В дальнейшем он находился в различных тюрьмах и лагерях, а перед самым крушением рейха, 9 апреля 1945 года был повешен эсэсовцами в концлагере Флоссенбург на рояльной струне, усиливавшей мучения казнимого.

Многие исследователи рассматривают состоявшуюся реорганизацию как разгром абвера, однако это никоим образом не соответствует действительности. Прежде всего, VI управлению РСХА не удалось поглотить военную разведку из-за совершенно несопоставимых масштабов обоих учреждений. Только центральный аппарат абвера примерно вчетверо превосходил по численности СД-аусланд, а если учесть периферийные органы за рубежом и в военных округах, а также фронтовые разведывательные и диверсионные подразделения, разница становится намного более впечатляющей. Кроме того, не был определен и статус тысяч офицеров, унтер-офицеров и солдат, являвшихся военнослужащими вермахта. Теоретически они должны были войти в СС, однако, во-первых, далеко не все желали этого, а во-вторых, существовало немало непреодолимых для многих сотрудников абвера препятствий расового и иного характера. Поэтому против стремления Кальтенбруннера немедленно включить абвер в состав VI управления выступил не только Ганзен, но и Шелленберг. Переход следовало делать плавно и постепенно, поскольку излишне энергичные действия грозили разрушить и военную, и политическую разведку рейха. В середине мая 1944 года Гиммлер провел большое совещание с участием 400 старших офицеров военной разведки и 300 сотрудников СД-аусланд, на котором определил свое видение целей и задач объединенной разведслужбы. В самом начале выступления он подчеркнул, что само слово “абвер” (“защита”) является пережитком ограничений Версальской системы, теперь же разведке требуется иная, наступательная концепция. Рейхсфюрер СС перечислил необходимые для ее офицеров качества, прежде всего честность в оценках, преданность фюреру, подчинение, братство, четкость докладов и уверенность в победе. В результате оценки обстановки 14 мая Гиммлер и Кейтель подписали совместный документ, предусматривающий образование из Абт-I и Абт-II бывшего абвера отдельного, VIII (военного) управления РСХА с перспективой дальнейшего постепенного вхождения его в VI управление. Срок этого не был определен и оставлялся на усмотрение Кейтеля. Контрразведка абвера передавалась в состав гестапо.

Официально абвер был распущен с 1 июня 1944 года. Однако в подлинном понимании этого слова не распускались ни его центральный аппарат, ни периферийные органы, не происходили и массовые переводы сотрудников на другие участки, поэтому вряд ли будет правомерно вслед за некоторыми исследователями утверждать, что впервые за 78 лет Германия осталась без военной разведки. Военное управление продолжало существовать и действовать, до июля 1944 года им руководил полковник Ганзен. Оно значительно изменило структуру по сравнению с “абверовским” периодом и состояло теперь из отделений:

- А — организация, планирование, кадры, обучение;
- В — “Запад”;
- С — “Восток”;
- D — диверсии и саботаж;
- E — радиосвязь;
- G — симпатические чернила, фальшивые документы.

Отделения В и С разделялись на группы добывания и обработки информации, причем первые строились по региональному признаку, а вторые делились на подразделения, отвечавшие за армию, авиацию и флот.

К июню перевод центральных и периферийных органов абвера в состав РСХА в основном завершился. Прежние абверштелле стали именоваться зональными командными и отчетными постами с добавлением названия города, а абверкоманды и абвергруппы — соответственно фронтовыми разведывательными командами и группами (ФАК и ФАГ) с прежней нумерацией. Некоторое время они еще находились в ведении ОКВ, однако к декабрю 1944 года их также подчинили VIII управлению РСХА, где для руководства ими было создано управление F под руководством полковника Георга Бунтрока. Штаб “Валли” отныне именовался “Руководящим фронтовым разведывательным органом на Востоке” с отделами Ост 1, Ост 2 и Ост 3. “Бранденбург” стал обычной пехотной дивизией вермахта, но 1800 его бойцов добровольно перешли в диверсионное подразделение РСХА “Фриденталь” под начало Отто Скорцени, после чего оно приобрело шестибатальонный состав и стало бригадой.

Громкая фраза Гитлера о создании объединенной германской разведывательной службы так и осталась декларацией. После подчинения абвера РСХА в Германии оставались не вошедшие в него разведывательные службы, причем не только гражданские, но и военные. Некоторые из них достигли весьма высокой степени развития и оказали значительное влияние на состояние дел в разведывательном сообществе Третьего рейха.

Ведение оперативной разведки в интересах видов сухопутных войск осуществляли 3-й отдел ОКХ “Иностранные армии Запада” (ФХВ) и 12-й отдел ОКХ “Иностранные армии Востока” (ФХО). Они находились в подчинении у начальника IV отдела оберквартирмейстера сухопутных войск генерала Курта фон Типпельскирха, который отвечал за обобщение полученной от всех разведывательных органов информации. 5 января 1941 года он передал свои обязанности бывшему военному атташе Германии в Токио полковнику Герхарду Матцки, в основном занимавшемуся подготовкой докладов начальнику генштаба сухопутных войск фельдмаршалу Францу Гальдеру вплоть до ликвидации этого поста 9 ноября 1942 года. Германская армия в целом и ее сухопутные войска в частности не располагали каким-либо единым информационно-аналитическим органом, способным обобщить информацию, добываемую различными разведывательными органами. Кроме того, в традиционно компактных, зачастую излишне компактных германских штабах отвечавший за разведку офицер службы Iц всегда подчинялся не начальнику штаба, а начальнику его оперативного отдела Ia, что никак не прибавляло ему престижа. Такое положение дел было абсолютно одинаковым на всех уровнях от генерального штаба до дивизии, наименьшей по размерам войсковой единицы, имевшей штатного офицера-разведчика. Армии и группы армий располагали разведывательными отделениями и отделами со значительно более высоким статусом, отражавшемся в обозначении их руководителей Iц/АО, то есть “офицер абвера”. Это добавление означало, что они находились под прямым руководством абвера, а также в обязательном порядке являлись офицерами генерального штаба. В ходе войны разведке уделялось так много внимания, что обязанности по ней пришлось возложить также и на офицеров штабов полков, в некоторых случаях батальонов, а иногда и рот. Однако это происходило далеко не всегда и лишь в тех случаях, когда в штабах подразделений действительно имелись пригодные для решения этих дополнительных задач офицеры. Независимо от уровня воинской части, все офицеры Iц должны были выполнять сходные функции, к которым относились:

- знание обстановки и намерений собственных войск;
- координация работы всех подчиненных разведывательных органов;
- ведение карты обстановки в войсках противника на своем участке ответственности;
- доклады офицеру службы Ia и начальнику штаба обо всех заслуживающих внимания событиях у противника, в особенности о его намерениях.

Ульрих Лисс

Совершенно очевидно, что с весны 1940 по июнь 1944 года все сказанное практически относилось лишь к частям, дислоцированным на Востоке, поскольку на Западе сухопутного противника Германия просто не имела. Это отразилось на состоянии органов оперативной разведки сухопутных войск. Отдел ФХВ фактически зачах, а его начальник Ульрих Лисс был переведен в войска, 22 января 1943 года получил ранение и попал в советский плен. Сменивший его 1 марта 1943 года подполковник барон Алексис фон Ренне продолжил традиции предшественника и проявлял интерес лишь к структурным реорганизациям и статистическим выкладкам. Следует отметить, что структура отдела несколько раз изменялась. В 1939 – 1940 годах его II группа занималась исключительно Францией как основным противником рейха на суше, но после ее разгрома значение этого направления почти сошло на нет, и в него был включен ряд других государств Европы. В этот же период в сферу ответственности IV группы входили Италия, Испания и Португалия, а юго-восточным направлением тогда ведал ФХО. Позднее он снова принял на себя работу по армиям этих государств. Пока Соединенные Штаты Америки не вошли в число противников Германии, V группа занималась также Швейцарией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом.

К декабрю 1944 года окончательно установившаяся структура отдела выглядела следующим образом:

- группа I — административная;
- группа II — Франция, Бельгия, Голландия, Испания, Португалия, Швейцария и Италия;
- группа III — Британское Содружество наций:
 - подгруппа обстановки;
 - подгруппа оценок;
- группа IV — Юго-Восточная (Балканы, Турция):
 - подгруппа обстановки;
- группа V — Соединенные Штаты Америки, Центральная и Южная Америки, зона Тихого океана, Япония, Китай:
 - подгруппа обстановки;
 - подгруппа оценок;
- группа фортификаций;
- офицеры связи;
- подразделение по допросам пленных.

Незавидное состояние оперативной разведки сухопутных войск заставляло командование задумываться о возможных формах ее дальнейшего существования и, главное, путях повышения отдачи от нее. Особенно неприглядно в 1941 году 3-й и 12-й отделы выглядели на фоне достаточно стабильно работающего абвера, и одним из наиболее естественных предложений было простое включение их в состав стратегической разведки. Но вместо этого в составе ОКВ был сформирован новый отдел под руководством полковника Фридриха Шумахера с кодовым обозначением ОКВ/ВФСт/Иц, оценивавшего добываемую разведывательными органами информацию, однако не по первоисточникам, а путем сопоставления отчетов абвера, ФХО, ФХВ и подразделений радиоразведки. Путем создания этого отдела командование надеялось заполнить вакуум в информационно-аналитической работе, но поставленной цели так и не достигло, несмотря на немалые ресурсы подразделения со штатной численностью 300 человек. С августа 1944 года в составе ОКВ/ВФСт/Иц были образованы три отделения:

- I — фронтовая разведка;
- II — обстановка у противника;
- III — контрразведка в войсках, дезинформация и маскировка.

Отдел ни в коей мере не оправдал возлагавшихся на него надежд и фактически бесславно закончил свое существование с концом вермахта.

Успех ожидал оперативную разведку лишь на Востоке, и произошло это только с уходом начальника ФХО Эберхарда Кинцеля на фронт 20 марта 1942 года. Там он дослужился до генеральского звания и должности начальника штаба группы армий “Норд”, а перед

Райнхард Гелен

предстоявшей сдачей в плен советским войскам застрелил свою любовницу и себя. В разведке его сменил полковник Райнхард Гелен, под руководством которого отдел “Иностранные армии Востока” получил буквально второе дыхание и к концу войны затмил абвер по результативности операций на Восточном фронте. Новый начальник ФХО с самого начала поставил задачу изменения характера “конечного продукта” 12-го отдела, которым теперь должны были стать не статистика и оценка обстановки, а прогнозы действий противника и активное воздействие на него. Некоторые исследователи полагают одним из его нововведений создание “фронтовых разведывательных групп”, однако в действительности они были все теми же абверкомандами и абвергруппами, лишь изменившими название и подчиненность. Не являлись нововведениями ни систематические разведывательные допросы военнопленных, ни вербовки их для работы против Советского Союза, осуществлявшиеся как абвером,

так и СД в ходе широкомасштабной операции “Цепелин”. Действительным изобретением Гелена явилось создание системы непрерывной обработки прифронтовой полосы в целях сбора разведывательной информации, в ходе которой оценивались все, даже на первый взгляд совершенно не несущие смысловой нагрузки факты. Такой подход заложил основы метода оценки обстановки, после войны получившего название “теории мозаики”, согласно которой каждый, даже самый ничтожный факт или обрывок информации, от прозвища командира роты до количества экземпляров заявки на снабжение, представлял собой элемент, составляющий целостную картину обстановки.

Важным в работе 12-го отдела оказалось его сближение со штабом “Валли I”, в дальнейшем переросшим в тесное сотрудничество. Теперь полученная от всех групп фронтовой разведки информация передавалась офицерам Iц, те направляли ее в штаб “Валли I”, который в свою очередь докладывал ее одновременно в центральный аппарат абвера и в ФХО. Совместная оценка обстановки и намерений противника позволила обеспечивать армейское командование более наглядной картиной состояния дел в Красной Армии и военной промышленности СССР. Всего этого невозможно было бы добиться с прежней структурой отдела, поэтому Гелен провел реорганизацию, в результате которой ФХО стал разделяться на несколько групп:

- I — оценка разведывательных отчетов, оценка обстановки у противника. Текущие события;
- II — факторы, влияющие на обстановку. Оценка мобилизационного и оборонного потенциала СССР, отслеживание ситуации в 30 тысячах частей и подразделений Красной Армии. Отслеживание передислокации тяжелой техники и вооружений, анализ военного производства, тактики войск и характеристик образцов их техники и вооружения;
- III — переводы захваченных документов, допросы особо важных пленных, прослушивание радиовещания противника. Отдел укомплектовывался офицерами — бывшими фольксдойче прибалтийского и русского происхождения, свободно владевшими русским языком;
- IV — армии стран Скандинавии;
- V — картографическая работа и обработка данных аэрофоторазведки.

В дальнейшем в составе ФХО появились группа ведения психологической войны, служба радиоперехвата и разведывательная школа, а также административная VI группа.

Гелен ввел в практику, помимо составления регулярных сводок с оценкой обстановки и намерений противника, выпуск развернутых докладов по конкретным вопросам. Первый из таких докладов был выпущен весной 1942 года и содержал оценку мобилизационного потенциала Советского Союза, следующий доклад оценивал состояние экономики, и так далее. Отдел завоевал немалый авторитет, а его начальник к концу войны получил весьма высокое для разведки звание генерал-лейтенанта. Именно он сумел добиться на Восточном фронте отхода от порочной практики подчинения офицеров разведки не начальнику штаба, а офицеру оперативного отдела. Теперь Iц больше не подчинялся Ia, старшинство по должности которого отныне становилось формальным и выражалось лишь в том, что он замещал начальника штаба в случае его отсутствия.

Множество исследователей считают Гелена абсолютно непогрешимым разведчиком, чьи прогнозы всегда оправдывались и не давали ни единого сбоя. Такое мнение, судя по всему, сформировалось под влиянием его собственных мемуаров, во многом амбициозных и не во всем достоверных. Безусловно, нельзя отрицать, что под руководством Гелена 12-й отдел стал одним из наиболее результативных разведывательных органов Третьего рейха, но до абсолютного совершенства ему было весьма далеко. Возможно, именно поэтому 9 апреля 1945 года Гелен был уволен с занимаемой должности после того, как Гитлер охарактеризовал один из его докладов начальнику генерального штаба сухопутных войск Кребсу как “сверхидиотский и пораженческий”¹⁸⁶. После этого его планировали отправить на фронт командовать дивизией, однако такая перспектива явно не привлекала бывшего начальника 12-го отдела, и он настоял на значительно более спокойном и безопасном зачислении в резерв фюрера. Там он по заданию Гиммлера подготовил исследовательский доклад о возможности использования польского опыта при организации подпольной работы в рейхе, высоко оцененный рейхсфюрером СС и начальником VI управления РСХА Шелленбергом.

До самого поражения рейха Гелен не занял никакой новой должности, однако стал одним из немногих генералов вермахта, практически без потерь вышедших из войны и завоевавших еще более высокое положение в послевоенной Германии. Ему было совершенно ясно, что хрупкое единство Запада и Востока перед лицом общего противника вскоре рухнет, и тогда его знания СССР и Красной Армии неизбежно очень понадобятся американцам и англичанам. При этом бывший начальник ФХО желал не просто получить гарантии безбедного существования, ему нужно было завоевать достойное положение, а в одиночку сделать это было невозможно. Любые знания и опыт ценятся выше тогда, когда они подкреплены еще и реальным информационным потенциалом. Гелен прекрасно осознавал это и стал готовить пути отхода задолго не только до крушения рейха, но и до своего увольнения. Он заручился поддержкой нескольких старших офицеров 12-го отдела и еще в марте 1945 года спрятал архивы и картотеку агентуры ФХО в винном погребе в Наумбурге, дополнительно изготовив два комплекта их фотокопий. Однако вскоре генерал выяснил, что Тюрингия войдет в советскую зону оккупации в обмен на отданный американцам сектор Берлина, и срочно перевез документы на двух грузовиках в баварский город Бертехсгаден. Большинство офицеров отдела до прояснения ситуации укрылись в трех пунктах в Баварских Альпах, сам же Гелен отправился к американцам вместе с начальником штаба “Валли” Бауном и предложил им свои услуги.

Оперативную разведку в интересах кригсмарине вели 2-й (разведывательный) и 3-й (“Иностранные военно-морские силы”, или ФМ, он же отдел разведывательных оценок) отделы главного штаба ВМС. Общая численность их персонала, к началу войны составлявшая около тысячи человек, постепенно увеличилась в шесть раз. После перевода в декабре 1939 года на другой участок службы капитана 1-го ранга Теодора Арпса его сменил капитан 1-го ранга Людвиг Штуммель, занимавший этот пост по июнь 1941 года. Практически одновременно с нападением на СССР морская разведка подверглась принципиальной реорганизации, 2-й отдел стал именоваться морской разведывательной службой. С июня 1941 по май 1943 года его возглавлял вице-адмирал Эрхард Мертенс, одновременно руководивший службой связи ВМС, по август 1944 года — вернувшийся уже в другом звании контр-адмирал Штуммель, а последним начальником отдела стал контр-адмирал Фриц Краусс. Структура разведывательных органов кригсмарине неоднократно менялась. Например, в 1942 году 2-й отдел состоял из трех основных подразделений:

- центральное отделение, подчинявшееся непосредственно начальнику отдела;
- отделение рассылки разведывательной информации (создано в мае 1942 года). Начальники — капитаны 1-го ранга Ганс Меллер (по май 1943 года), Макс Купфер (по январь 1944 года) и Энно Лукан (до конца войны);
- отделение радиоразведки, более известное под неофициальным названием “Наблюдательной службы”, или “Службы Б”. С момента создания в ноябре 1941 года по январь 1944 года его возглавлял капитан 1-го ранга Хайнц Бонац, а после него до конца войны — капитан 1-го ранга Макс Купфер.

Кроме перечисленных, в отделе неоднократно организовывались временные, существовавшие по несколько месяцев группы и отделения, например, оценки радиолокации, пеленгации или сухопутных линий связи. Более подробно деятельность радиоразведки кригсмарине рассмотрена далее.

Наиболее результативным подразделением оперативной разведки ВМС Германии являлась группа торгового судоходства ФХ, в течение войны занимавшаяся отслеживанием перемещений трансатлантических и иных конвоев, однако в целом работа 3-го отдела не принесла ожидаемых результатов.

Отдел “Иностранные военно-воздушные силы” штаба ВВС с осени 1937 года носил 5-й номер и вырос из VI (разведывательного) отделения. При смене статуса подразделения его прежний начальник Хильмер фон Бюлов отбыл в Рим на пост военно-воздушного атташе Германии, его сменил подполковник Ганс Ешоннек, в 1939 году ушедший на должность начальника штаба люфтваффе. Новым начальником 5-го отдела, в котором служили 29 офицеров, стал подполковник Йозеф Шмидт. Одной из основных задач оперативной разведки ВВС являлся выбор целей для осуществления стратегических бомбардировок, но это не исключало и других направлений деятельности, в частности, изучения типов самолетов и авиационного вооружения противника. Источниками информации служили доклады военно-воздушных атташе и публикации в прессе, а с началом войны — также и допросы сбитых и захваченных в плен летчиков противника. Отдел состоял из пяти групп, одна из которых была административной, три — региональными, а одна изучала типы самолетов. Подполковник Шмидт возглавлял отдел до октября 1942 года, когда обнаружение среди его офицеров иностранных агентов вынудило его подать в отставку и перевестись в части противовоздушной обороны. Затем отдел в течение года возглавлял подполковником Йозеф Кегль, а затем бывший офицер Iц ВВС полковник Рудольф Водарг, в 1935 году перешедший в авиацию из кригсмарине.

2. РАДИОРАЗВЕДКА

Наиболее успешная радиоразведывательная операция, проведенная Германией в период Второй мировой войны, осуществлялась не вполне специализированным для этой цели органом. Перехват кодированных радиотелефонных переговоров Вашингтона с европейскими собеседниками осуществлял пост Исследовательского института германского имперского почтового ведомства под общим руководством министра Вильгельма Онезорге. Две мощные направленные антенны ромбовидной формы, располагались на побережье Голландии около Ноордвика, круглосуточно фиксировали закодированные с помощью аналогового скрэмблерного оборудования беседы Рузвельта, Черчилля, Гопкинса, Идена, Гарримана и других ключевых политических фигур по обе стороны Атлантики. Перехватывалось и огромное множество переговоров служащих более низкого уровня, из разговоров которых также можно было извлечь немало полезной информации.

Истоки операции восходят к октябрю 1939 года, когда сотрудник абвера в Нью-Йорке Симон Кодль переслал в АНСТ-Бремен текст статьи в “Нью-Йорк Таймс”, рассказывающей о методах защиты переговоров президента Рузвельта с расположенными в Европе посольствами Соединенных Штатов. Автор утверждал, что для этого используется устройство под названием “скрэмблер”, сдвигающее голосовые частоты в определенном случайном порядке, а соответствующее ему аналогичное устройство на другом конце провода декодирует речь и возвращает частотам первоначальные значения. Сообщение перекликалось с предвоенными исследованиями Курта Феттерляйна в Исследовательском институте почтового ведомства, с началом войны немедленно переориентированными с кодирования на декодирование переговоров на англо-американском направлении. Вскрытию трансатлантической линии способствовало установление типа применяемого скрэмблера. Устройство А-3 конструкции компании ИТТ в Германии имелось, однако его использованию препятствовало отсутствие данных о системе кодирования. Немцев выручил захват в 1940 году в Бордо оборудования и документации, после недолгого изучения которых Феттерляйн и его сотрудники установили алгоритм кодирования. Они выяснили, что ключ к коду каждые 12 минут автоматически изменяется 36 раз, рассчитали диапазоны и поддиапазоны частот, точки их разделения и сведения, а также инверсии внутренней замены. После этого в Исследовательском институте было разработано специальное оборудование, каждые 20 секунд совершавшее перебор вариантов по 36-шаговому циклу. Расположенный недалеко от Эйнховена Ноордвик оказался достаточно удобным местом для размещения поста перехвата, в

котором, кроме направленных антенн, были установлены мощные приемники основных и сопутствующих частот, фильтры, модуляторы, таймеры и магнитофоны. Первые результаты появились осенью 1941 года, а 6 марта 1942 года Онезорге уже доложил Гитлеру об успехах, достигнутых его институтом, иногда в обиходе именовавшимся исследовательским отделом. Хотя германские декодеры и не позволяли прослушивать переговоры в момент их проведения, все же вскоре процесс от перехвата до декодирования и передачи содержания беседы по телетайпу в Берлин стал занимать не более двух часов. Пост перехватывал ежедневно от 30 до 60 обменов мнениями между британскими и американскими собеседниками, над переводом которых работали 6 лингвистов. Декодированные тексты не позволяли услышать интонации разговора, но основное его содержание было абсолютно ясным. Благодаря хорошим отношениям Онезорге с Шелленбергом, VI управление РСХА получало из Голландии все тексты перехваченных бесед. На основании получаемой информации, Гитлер зачастую принимал политические и военные решения, поэтому любая ее аналитическая обработка заведомо исключалась. Это и стало самым слабым местом всей операции, поскольку субъективный подход фюрера и его склонность отбрасывать неприятную информацию приводили к игнорированию многих важных фактов, а содержание второстепенных разговоров вообще он никогда не принимал во внимание. Не использовали их также и аналитики, для которых оно могло бы представить чрезвычайный интерес.

Несколько успешных рейдов британских командос против германских радарных станций заставили задуматься о безопасности поста, на огромные антенны которого противник не мог не обратить внимания. В 1943 году его перевели подальше от побережья, в Фалькенсваард, практически сведя к нулю уязвимость от рейдов с моря. Осенью 1944 года из-за нависшей над постом угрозы захвата сухопутными войсками США его передислоцировали в Баварию, где условия приема были значительно хуже. Тем не менее, операция продолжалась почти до самого конца войны и стала наиболее результативной акцией радиоразведки Третьего рейха. Однако постепенно объем перехватываемого радиообмена стал неуклонно уменьшаться. Не зная о достижениях германских связистов, американцы все же в принципе допускали возможность вскрытия своих переговоров, защищенных с помощью аналогового скрэмблера А-3, использовавшего технологии 1920-х годов. Поэтому компания “Белл” предложила правительству устройство под условным обозначением “Зеленый шершень”, преобразовывавшее звуковые волны в цифры и таким образом явившееся предшественником всей цифровой аппаратуры последующих десятилетий. Изучив его, в 1942 году армия заключила с фирмой контракт на развитие так называемой импульсной модуляции кода, успешно реализованный год спустя под условным обозначением “СИГСЭЛИ”. Новое оборудование имело неоспоримые преимущества по степени защищенности разговоров от прослушивания, однако было очень дорого в производстве и эксплуатации, а также нуждалось в подготовленном персонале. Каждый комплект аппаратуры весил свыше 50 тонн и размещался на 40 специальных стеллажах, а для его обслуживания выделялся отряд из 5 офицеров и 12 рядовых специально сформированной для этих целей отдельной 805-й роты связи. 15 июля 1944 года состоялся первый трансатлантический разговор, защищенный цифровым оборудованием, после чего количество сеансов связи через скрэмблер А-3 значительно сократилось. Немцы не сумели преодолеть защитные барьеры системы “СИГСЭЛИ”, ставшей основой всех подобных послевоенных устройств.

Вскрытием переписки противника активно занимались и 300 сотрудников криптоаналитического реферата министерства иностранных дел. Из-за интенсивных бомбардировок Берлина математиков и лингвистов “Перс. Ц” рассредоточили в разных пунктах, что значительно снизило оперативность их работы. Немцы пошли по одному с американцами пути использования табуляторов для дешифровки сообщений, причем некоторое время даже применяли те же самые машины производства фирмы ИБМ. С их помощью криптоаналитики быстро и эффективно отыскивали повторяющиеся или отстоящие друг от друга на одинаковую величину группы, определяли длину ключа, искали гаммы и устойчивые сочетания. Табуляторы позволяли также быстро сортировать тексты и исключали трудоемкие ручные подсчеты частоты символов и интервалов. Позднее немцы разработали специальные вспомогательные дешифровальные устройства особой конструкции (“роботы”), которые вначале сортировали перехваченные тексты на подобные, а затем определяли длину ключа и частоту повторений, отыскивая таким образом ключи перешифровки кодовых сообщений.

Благодаря столь совершенной технике специалисты “Перс. Ц” полностью или частично читали дипломатическую переписку 34 правительств: Британии, Ирландии, Франции, Бельгии, Испании, Португалии, Италии, Ватикана, Швейцарии, Югославии, Греции, Болгарии, Румынии, Польши, Египта, Эфиопии, Турции, Ирана, Китая, Японии, Маньчжоу-Го, Таиланда, США, Бразилии, Аргентины, Чили, Мексики, Боливии, Колумбии, Эквадора, Перу, Доминиканской республики, Уругвая и Венесуэлы.

Немалый вклад в радиоразведку и криптоанализ внесли военные. Нормативные документы предусматривали, что начальник управления связи вермахта по согласованию с абвером “занимается...вопросами ведения разведки с помощью средств связи, равно как и разведывательно-техническими вопросами, касающимися контроля за работой органов связи”¹⁸⁷. Служба ВНВ верховного командования вермахта располагала главными постами перехвата в Лауфе и Трсенбрайтцене и постами в Мадриде, Севилье, Лоррахе, Тененлохе. Шифровальное бюро в составе ВНВ (“Ши”) и его подразделения с самого начала войны контролировали весьма значительный объем сообщений противника. Например, в январе 1940 года ими были перехвачены 796 британских радиограмм, 460 французских, 209 турецких, 163 американских, а в марте того же года — 1649 советских, 838 британских, 676 французских, 49 испанских, 43 польских, 40 ватиканских, 39 португальских. Всего же в этом месяце армейские радиоразведчики перехватывали радиограммы 27 государств¹⁸⁸. В октябре 1943 года Шифровальное бюро возглавил полковник Хуго Кеттлер и в следующем году провел его реорганизацию. Теперь оно разделялось на восемь групп:

- Ц — центральная группа: кадры, финансы, административные вопросы, размещение, национал-социалистическое воспитание;
- I — организация и контроль. Рефераты:
 - Ia — руководство международной службой перехвата;
 - Ib — изучение иностранных систем связи;
 - Ic — обеспечение телетайпной связью, в том числе VIII управления РСХА;
- II — развитие германских методов шифрования и контроль за их использованием. Рефераты:
 - IIa — маскировка телеграфного и радиообмена, техника перехвата, в том числе проводной связи, криптографическая политика и надзор за использованием шифров;
 - IIb — развитие германских систем шифрования (методы маскировки, секретная переписка, секретная телефония);
 - IIc — криптографические системы для агентурной радиосвязи;
- III — снабжение шифрами: контроль за продукцией, печатанием и распространением шифров и ключей;
- IV — аналитический криптоанализ. Рефераты:
 - IVa — испытания германских военных шифрсистем и телефонных скремблеров на стойкость, оценка изобретений;
 - IVb — развитие и создание дешифровальной аппаратуры для криптоаналитических подразделений вермахта;
 - IVc — развитие криптоаналитических методов;
 - IVd — инструктажи;
- V — практическое дешифрование переписки иностранных правительств, военных атташе и иностранных агентов. Рефераты:
 - Va — кодовые слова для вермахта;
 - V1 — V22 — региональные;
- VI — Перехват вещания и сообщений прессы. Рефераты:
 - VIa — техника радиоприема, руководство постами в Людвигсфельде, Хусуме, Мюнстере и Гляйвице;
 - VIb — перехват радиосообщений прессы и телетайпных передач и международного радиообмена;
 - VIc — надзор над исходящими из рейха радиопередачами;
 - VId — оценка радиовещания и сообщений прессы, отчеты о результатах перехватов открытых сообщений, специальные отчеты;
- VII — названия не имела. Рефераты:

- VIIa — оценка и рассылка продукции;
- VIIb — ведение журнала подразделения.

Группы Ц, I, VI и VII подчинялись непосредственно полковнику Кеттлеру, II и III входили в главную группу А (криптография), а IV и V — в главную группу Б (криптоанализ), 150 специалистами которой руководил выросший в Санкт-Петербурге и с 1922 года возглавлявший германскую военную дешифровальную работу министерский советник Вильгельм Феннер. Его помощником был русский эмигрант, бывший астроном Пулковской обсерватории профессор Петр Новопашенный. Полковник Кеттлер руководил также шестью радиоразведывательными ротами и возглавлял рабочий комитет по безопасности германских криптографических систем. В 1945 году “Ши” было вновь реорганизовано и разделено на семь групп:

- Ц — административная;
- I — организация и контроль;
- II — исследования в криптографии;
- III — перехват сообщений радиовещания и прессы;
- IV — криптоанализ;
- V — обеспечение телетайпной связью, в том числе VIII управления РСХА;
- X — оценка информации и ее рассылка;

“Ши” работало в самой тесной связи с абвером. Функциональные обязанности должностных лиц и органов ОКВ предусматривали, что оно “находится в распоряжении управления разведки и контрразведки независимо от его служебного подчинения управлению связи вооруженных сил и выполняет его указания в части, касающейся:

- а) получения разведывательных данных, добытых с помощью технических средств связи;
- б) создания и обеспечения работы каналов дальней связи для связи с границей и для решения задач всей разведывательной службы”¹⁸⁹.

Вильгельм Феннер

На Восточном фронте немцы развернули сеть подчиненных штабам армий радиоразведывательных рот. На каждом участке фронта протяженностью от 100 до 150 километров действовали до двух таких рот, составлявших основу германской системы перехвата советских сообщений. В войсках эту функцию выполняли также радиоразведывательные взводы батальонных рот связи. Радисты вермахта занимались не только перехватом и его анализом, но и вели активную радиоэлектронную борьбу с противником путем перестановки цифрогрупп в перехваченных советских радиogramмах и новой передачи их в искаженном виде на тех же частотах. В целом криптоаналитические успехи немцев против СССР можно оценить как крайне слабые, что признавал, в частности, В. Флике: “Я должен сделать русским комплимент: в этой войне Россия была единственной страной, чьи криптографические системы были практически невоскрываемыми, несмотря на усилия первоклассных экспертов в других странах раскрыть их.

В частности, криптографические системы высшего военного командования и дипломатическая переписка оставались для иностранных криптографических бюро “книгой за семью печатями”... После нескольких лет бесплодных усилий копирование дипломатической переписки русских в Германии было прекращено. Для неспециалистов это может показаться преувеличением, но я отважусь заверить: Россия проиграла Первую мировую войну в эфире и выиграла Вторую мировую войну в эфире”¹⁹⁰.

Покушение на Гитлера 20 июля 1944 года внесло заметные изменения в руководство германской криптографией и связью. Генерал-майор Фельгибель был арестован уже на следующий день после начала неудачной операции “Валькирия”, и в течение месяца генерал-майор Тиле возглавлял одновременно ВНВ и службу связи сухопутных войск (ХНВ). Однако через месяц он также был арестован, и обоими подразделениями стал руководить генерал-лейтенант Альберт Праун.

Радиоразведкой в интересах люфтваффе занималось разведывательное подразделение ВВС Н-ВВ, подчиненное начальнику штаба ОКЛ. Кроме выполнения традиционных крип-

тографических и криптоаналитических функций, его персонал разрабатывал системы условных сигналов голосовой связи между самолетами в воздухе. Всего же радиоразведкой в люфтваффе занималось 10 тысяч человек, 4500 из которых составляли 351-й полк воздушной разведки, занимавшийся перехватом, вскрытием и оценкой радиообмена самолетов и штабов ВВС союзников на Западном фронте, а 1000 служили в специализированном подразделении, отвечавшим за аналогичные действия в отношении тяжелых бомбардировщиков противника. 800 человек входили в 350-й батальон воздушной разведки, предназначенный для изучения радарных сигналов противника, анализа перехвата, дешифрования перехваченных сообщений и изучения радионавигационных систем англичан и американцев для создания помех в их работе.

Наиболее результативным из всех германских органов радиоразведки во время Второй мировой войны явилось отделение радиоразведки 2-го отдела главного штаба ВМС. В обиходе оно известно как “Наблюдательная служба” кригсмарине, чаще сокращенно именуемая “Службой Б”. Оно обрабатывало переписку противника, перехватываемую постами мирного и военного времени, развернутыми в различных пунктах Германии и других стран. Помимо перечисленных ранее предвоенных точек, немцы оборудовали следующие новые радиоразведывательные посты:

- во Фландрии — Гренинген, Ден Хельдер, Хаек Ван Холланд, Брюгге (впоследствии переведен в Брюссель), Булонь, Дьепп, Фекамп, Этретет;
- в западной части Франции — Брест, Анжер, Байе, Эрки;
- в юго-западной части Франции — Бордо;
- в Норвегии — Киркенес, Хаммерфест, Тромсе, Харштад, Нарвик, Бодо, Мо, Монсьён, Намсос, Трондхейм, Кристианзунд, Олесун, Берген, Ставангер, Кристиансанд, Осло;
- в Дании — Хьюрринг;
- в средиземноморском бассейне — Мадрид, Севилья, Монпелье, Тулон, Каррара, Генуано ди Рома, Падуя, Нерви, Афины, Лутца, Сицилия;
- на Черном море — Констанца, Бургас, Феодосия.

В начале 1942 года основными подразделениями центрального аппарата “Службы Б” являлись:

- главный центр разведки и оценок;
- I западный отдел (Великобритания);
- II западный отдел (США);
- восточный отдел (СССР);
- школа шифровальщиков и учебный отдел.

Немецкие криптоаналитики достаточно легко вскрывали британские военно-морские коды, которые в предвоенный период представляли собой разработанные Адмиралтейством две основные системы кодов с перешифровкой. Первая из них именовалась “Военно-морским шифром”, или “Офицерской системой”, вторая же предназначавшаяся для мобилизованных гражданских судов — “Военно-морским кодом”. “Офицерская система” в 1930-е годы использовалась для передачи длинных сообщений административного содержания, которые при передаче более секретных радиogramм дополнительно перешифровывались по специальной книге. Такой легкомысленный подход к безопасности связи не замедлил дать горькие плоды, поскольку криптоаналитики “Службы Б” без особого труда сумели восстановить и кодовую книгу, и книгу добавлений. Британские флотские связисты еще более облегчили работу немцев, не утруждая себя шифрованием условной группы, в числе прочего указывающей, с какого именно места книги добавлений следует начинать прочтение сообщения. В результате, к началу осени 1940 года немцы практически мгновенно читали не менее половины британской переписки, в частности, “Военно-морской шифр № 2”, а оставшаяся часть радиogramм, перехваченных не с самого начала, вскрывалась ими с небольшой задержкой из-за перебора возможных индикаторов. Некоторые проблемы у “Службы Б” возникли в конце 1941 года, когда британские, американские и канадские моряки стали применять совместный “Военно-морской шифр № 3”, именовавшийся также “Англо-американским шифром” и “Конвойным шифром”, однако немцы достаточно быстро сумели установить, что он представляет собой подобие все тех же прежних британских систем. Успехи “Службы Б” самым пагубным образом отразились на трансатлантических конвоях, поскольку к

марту 1943 немцы года мгновенно раскрывали 80% радиограмм, содержащих информацию об их движении, а оставшиеся 20% сообщений, условные группы которых не были перехвачены, читались с небольшой задержкой. Была вскрыта также и новая кодовая сетка районов Северной Атлантики, точкам которой были присвоены соответствующие имена.

Криптоаналитики “Службы Б” также использовали табуляторы и специальное оборудование для подсчета совпадений в телетайпных лентах. Они с легкостью вычисляли постоянные разности в кодах групп и отыскивали устойчивые двухбуквенные сочетания, что давало надежные ключи к зашифрованным сообщениям противника. Немецкое оборудование совершенно не уступало американскому по степени совершенства и превосходило его по удобству в обращении. Дешифровальщикам кригсмарине невольно помогали сами их противники, имевшие пагубную привычку сообщать в эфир названия потопленных и поврежденных транспортов и позволявшие легко отыскать опорные слова для дешифрования. Это же, кстати, позволило командованию германского подводного флота выявлять преувеличения в докладах командиров своих подводных лодок о достигнутых ими успехах.

Поскольку основным содержанием Второй мировой войны на море в основном являлась борьба на коммуникациях, командование флота уделяло наибольшее внимание вскрытию переписки западных союзников, касающейся передвижения конвоев. Эта задача была успешно решена. Немцы знали время их отправления и прибытия, маршруты, рассредоточение судов по портам назначения, метеорологическую обстановку в районах перехода и читали отчеты кораблей эскорта. Парадоксальным образом успехи “Службы Б” убеждали немцев в безопасности своей переписки, закрытой с помощью “Энигмы”, несмотря на то, что пять из восьми ее сменных роторов имели неизменную с 1920-х годов систему внутренних соединений. Первым аргументом в пользу этого была непоколебимая убежденность германских криптоаналитиков в том, что государство, столь небрежно относящееся к составлению собственных кодов и шифров, не в состоянии развить дешифровальную службу до такой степени, чтобы иметь возможность вскрывать весьма совершенные шифры четырехроторной “Энигмы”. Кроме того, шифр кригсмарине “Акула” тогда действительно еще не был вскрыт противником, поэтому в перехватах отсутствовали ссылки на информацию, добытую из этого источника, да и вообще британцы передавали в эфир сообщения по программе “Ультра” только с помощью не вскрывавшихся немцами шифровальных блокнотов разовых ключей.

15 декабря 1942 года произошли два совпавших по времени события. Западные союзники сменили всю систему индикаторов в “Конвойном шифре”, что немедленно снизило степень раскрываемости “Службой Б” сообщений до 10%, и одновременно англичане начали читать германский военно-морской шифр “Акула”. Немцы в ответ удвоили штат дешифровальщиков и восстановили утраченные позиции, после чего противники читали переписку друг друга, не догадываясь об успехах криптоаналитиков другой стороны. Однако к январю следующего года все чаще стали происходить случаи, когда выходившие на рубеж перехвата конвоев подводные лодки не находили их в ожидаемой точке, и далеко не всегда командиры могли объяснить это сложными метеоусловиями. В действительности британцы начали перехватывать радиограммы, адресованные лодкам в море, и регулярно успевали направлять конвои в обход опасных районов. Союзникам также помогала педантичность командования кригсмарине, требовавшего от командиров лодок регулярно извещать штаб о своей позиции и наличии запасов. Командующий подводным флотом Германии гроссадмирал Дениц с тревогой оценивал создавшееся положение, но полагал, что противник получает информацию о выходе лодок в море от агентов во Франции. Однако это никак не объясняло информированность союзников о маршрутах их движения, а вскоре произошло событие, окончательно исключившее эту версию. Американский конвой двигался прямо на позицию находившейся в районе Гибралтара “волчьей стаи” (группы из нескольких десятков подводных лодок, находящейся под единым командованием и действующей по единому плану), но внезапно был оповещен о ней и изменил курс. Немцы все же полагали, что подобные события могут быть результатом пеленгации, однако очередное перехваченное сообщение англичан содержало номера двадцати находившихся в море лодок и напрочь исключило эту относительно невинную версию. А 29 января “Служба Б” прочла радиограмму Адмиралтейства о том, что в точке с координатами 31°N и 39°W две лодки ждут прихода “коровы” (лодки со снабжением). Их командиры лишь только получили инструкции прибыть на рандеву в район с указанными координатами, а противник уже знал об этом. Еще 28 января Дениц

убедился, что происходящее может объясняться либо нарушением безопасности связи либо предательством в штабе ВМС. Тщательное расследование не выявило никаких нарушений процедуры, более того, она была значительно ужесточена, введена описанная ранее процедура “стихворт”, по мнению специалистов, полностью исключающая возможность вскрытия переписки. Тогда командующий подводными силами обратился в контрразведку с требованием проверить всех офицеров и гражданских служащих, имеющих доступ к информации о передвижениях лодок, за исключением его самого и начальника штаба. Проверялись также и некоторые командиры подводных лодок, заподозренные в том, что они могли передавать противнику данные о процедуре шифрования прямо в море. После получения заключения об отсутствии выявленной вражеской агентуры Дениц грустно сказал начальнику своего штаба: “Теперь получается, что предатель вы или я”¹⁹¹.

Начальник службы связи ВМС вице-адмирал Мертенс представил доклад с анализом создавшейся ситуации, в котором не исключал возможность вскрытия шифров “Энигмы” противником, однако примитивность британских кодов и шифров убеждала его в обратном. Тем временем англичане вновь усложнили процедуру шифрования, и количество прочтенных “Службой Б” сообщений сократилось до 1 — 3 радиограмм в день. Пока часть криптоаналитиков искала новые ключи, оставшиеся получили возможность обратиться к нераскрытым ранее радиограммам и почерпнули из них немало важной информации. Март принес немцам новый и последний успех. Через 9 дней они вскрыли усложненный “Военно-морской шифр № 3” и теперь ежедневно читали почти всю переписку союзников. “Служба Б” знала все о маршрутах и составе конвоев, а их скорость была известна до 0,1 узла. Одновременно немцы внесли изменения в свои шифры, и британцы снова потеряли способность читать их переписку. Это сразу же принесло кригсмарине ощутимый успех. В первой половине марта два вышедших из Нью-Йорка конвоя НХ-229 и SC-122 потеряли корабль эскорта и 22 транспорта общим тоннажем в 146 тысяч тонн, причем немцы заплатили за это ценой потери всего лишь одной лодки. Однако через некоторое время союзники стали побеждать на море, хотя и по иным причинам. Они начали включать в состав эскорта авианосцы, оснастили самолеты 10-сантиметровыми радарами, излучение которых не фиксировалось германскими извещателями, и приняли на вооружение реактивные бомбометные установки “Хеджхог”. С этого момента Германия стала проигрывать подводную войну, а после того, как 10 июня 1943 года был введен в действие новый, значительно более совершенный “Военно-морской шифр № 5”, “Служба Б” никогда более не смогла повторить достигнутые ей в первой половине войны достижения.

Безусловно, следует иметь в виду, что радиоразведка кригсмарине отнюдь не ограничивала свои действия вскрытием “Конвойного шифра”, являвшегося всего лишь одной, хотя и самой важной из применяемых флотами противников криптосистем. Например, в 1940 году ее специалисты сумели прочесть радиограмму о выставлении минных заграждений на ведущем к Нарвику фарватере и сумели таким образом обеспечить флот информацией, необходимой для безопасного прохода транспортов с десантом. Кроме того, любая радиоразведка не менее половины информации черпает из даже не прочтенных сообщений противника. Как уже указывалось, анализ перехвата не менее важен, чем криптоаналитическая работа, и к тому же на этом канале существует значительно меньше шансов стать жертвой дезинформации. “Служба Б” достигла весьма высоких результатов в идентификации почерков радистов крупных боевых кораблей и части транспортных судов противника, в сочетании с пеленгацией довольно уверенно позволявшей отслеживать их перемещение. Для более надежного распознавания использовались специальные самопишущие устройства, с большой скоростью протягивавшие рулонную бумагу, на которой оставались соответствующие точкам и тире более или менее длинные зигзагообразные линии. Особая группа аналитиков почерка многократно оценивала подобным образом характер передачи знаков и разделяющие их интервалы, в результате чего идентифицировался радист, и выносилось заключение о принадлежности сообщения конкретному надводному кораблю или подводной лодке противника. Это оборудование во многом было сходно с британским, применявшимся с аналогичной целью как на флоте, так и в службах связи разведки.

3. ПРОНИКНОВЕНИЕ

С самого начала Второй мировой войны Германия являлась наиболее притягательным объектом для разведывательных служб всех без исключения ее противников, но жесткий контрразведывательный режим и высокий патриотизм населения эффективно препятствовали попыткам проникновения в Третий рейх. Вербовочная база иностранных разведок была в стране весьма незначительной и включала некоторые национальные меньшинства (поляки, чехи), а также антинацистски настроенных немцев. Однако у значительной части представителей этой последней категории с началом войны возобладали патриотические настроения, и многие из прежних противников режима стали с ним сотрудничать.

СОЕ пытался приобрести источники внутри рейха, но не преуспел в этом. Его образованная в ноябре 1940 года специальная секция “Икс” предназначалась в основном для разветывания партизанского движения в Германии, однако шансов на это заведомо не имела. Первая косвенная попытка Исполнительного органа специальных операций забросить в рейх своего агента относится к апрелю 1942 года. В операции “Шампань” был задействован член экипажа потопленного в июне предыдущего года метеорологического судна Кюммель, которого после специальной подготовки доставили в Норвегию для дальнейшего переезда в Германию. Агент не располагал радиопередатчиком и должен был направлять свои сообщения в Британию по обычным почтовым каналам на имя одного из находившихся там немецких военнопленных. Таковых было получено два. В ноябре 1942 года операция “Шампань” была прервана, поскольку от участников местного движения Сопротивления поступила информация о попытках Кюммеля войти с ними в контакт для организации путей эвакуации в нейтральную Швецию. Так как агенту такая задача не ставилась, СОЕ заподозрил в этом ловушку и предупредил об опасности норвежцев. Более информации о Кюммеле не поступало, он исчез и не был обнаружен даже после войны.

Летом 1942 года молодой социал-демократ Курт Кениг дезертировал из рядов вермахта и предложил свои услуги британским представителям в Испании. После обучения в тренировочном лагере в ночь на 16 февраля 1943 года его сбросили с парашютом над территорией между Германией и Нидерландами с заданием возобновления контакта с товарищами по партии в Гамбурге и Бремене для создания подпольной диверсионной и подрывной организации. Как и Кюммель, Кениг также не имел передатчика. Ввиду навигационной ошибки, агента сбросили вдали от расчетной точки, причем он приземлился на крышу сельского здания, в котором как раз в этот момент играли свадьбу. От немедленного ареста Кенига спасла только срочно придуманная им легенда о том, что он выбросился из загоревшегося немецкого самолета. Поскольку подобный обман не мог длиться долго, агент немедленно ушел из этого района и после короткой, опасной и безрезультатной поездки на север Германии счел за лучшее вернуться. 1 марта 1943 года он был уже в Испании, а 26 марта — в Великобритании, где его история вызвала сомнения в правдивости. Однако все подозрения с Кенига были сняты, а послевоенные архивные документы гестапо подтвердили изложенные им факты. В июле того же года он на короткое время вновь был заброшен в Рейнскую область и возвратился с заверением о совершении им вместе с товарищами по партии нескольких подрывов железнодорожных путей. Подтверждений этому не оказалось ни в ходе войны, ни после нее. Третья попытка закончилась трагически. В январе 1945 года Кенига вновь сбросили с парашютом в районе Фрайбурга, но в Бадене его обнаружили, захватили и в феврале казнили. На этом попытки СОЕ забросить агентов на территорию собственно рейха закончились.

Летом 1944 года СОЕ предложил провести террористический акт в отношении Гитлера и даже начал разработку операции “Фоксли”, дополненной затем “Литл Фоксли” — планом устранения Геббельса. В качестве средства достижения цели рассматривались снайперский выстрел, взрыв, крушение поезда или непосредственное нападение, однако Черчилль не разрешил проводить ни одну, ни другую акцию. СОЕ все же сумел внести некоторый, хотя и крайне незначительный вклад в дестабилизацию обстановки внутри Германии. Британские радиостанции регулярно транслировали из Лондона инструкции для несуществующих подпольных групп на территории рейха и отвлекали силы гестапо на их поиски. Эффект от подобных действий был невелик. Среди немногих успешно осуществленных СОЕ опе-

раций значатся лишь организация канала для засылки агентуры из Дании в 1944 — 1945 годах (“Фордвик”), блокирование в феврале 1945 года железнодорожного пути в Южной Германии (“Колан”) и к югу от Бадена (“Клинт”). Позднее в Германию были заброшены несколько групп “Джедбург” и группа САС “Лойтон”, общей численность 90 человек. На их поимку немцы бросили целую дивизию “ваффен-СС”, однако успеха не достигли, но и британские группы не смогли добиться никаких позитивных результатов.

В целом по Германии создание британской подпольной диверсионной и информационной сети так и не увенчалось успехом ввиду невозможности установления связи с местными антинацистскими элементами. Немногие оставшиеся на свободе и сохранявшие свои убеждения представители этой категории, как правило, находились в крупных городах с усиленным полицейским и контрразведывательным режимом и для иностранцев были практически недоступны. Отсутствием результатов работы СОЕ попытался воспользоваться руководитель СИС Стюарт Мензис, отчаянно старавшийся набрать очки в глазах Черчилля и военного командования. Он утверждал, что неудачи его конкурентов носят не случайный, а органический характер, и поэтому МИ-6 должна стать единственной службой, уполномоченной проводить операции внутри рейха. Однако предпринятые им усилия забросить в Германию взрывчатку без конкретного адреса потерпели неудачу, а груз был перехвачен контрразведкой абвера. СИС активно пыталась выйти на германские источники, но достигла в этом весьма скромных результатов. Как уже указывалось, через Галину Шиманскую она поддерживала подобие контакта с адмиралом Канарисом, однако, во-первых, это являлось не более чем осторожным политическим зондажем, а во-вторых, инициатором его были не британцы, а сам начальник абвера. В целом вклад МИ-6 в агентурное проникновение в Германию можно смело оценивать как нулевой.

Ввиду отсутствия достижений на территории собственно Германии, СОЕ решил попробовать организовать работу хотя бы в присоединенных к ней частях бывшей Дании, Польши, Австрии, а также Эльзасе и Лотарингии. В этом последнем районе в июле 1944 года он попытался сконцентрировать остатки ранее почти разгромленной СД подпольной группы “Архидьякон” и даже сбросил на парашюте для руководства ими своего агента А. Вертера, но пока он разворачивал работу, Эльзас и Лотарингию успели освободить войска союзников. Заброска двух агентов из Швеции в Судетскую область завершилась их поимкой при попытке пересечения германско-датской границы. Из двух сброшенных там же с парашютами в мае 1944 года курьеров СОЕ один вскоре был арестован и казнен, а второй перед самым захватом покончил с собой.

Более перспективным представлялось австрийское направление, где британцы приняли, по оценке официального историка Исполнительного органа специальных операций Уильяма Маккензи, “самое тщательно проработанное и самое безнадежное из этих странно безнадежных приключений”¹⁹² — операцию “Клаудер”. Она осуществлялась с территории Югославии, куда в декабре 1943 года в район расположения британской военной миссии бригадного генерала Фицроя Маклина вылетели подполковник П. А. Уилкинсон, майор А. С. Дж. Хескет-Причард и Г. Хьюджес. После согласования деталей операции с Тито миссия совершила 300-километровый марш в Словению, а затем — в Итальянские Альпы близости к границе с Австрией. После двукратной неудачной попытки ее пересечения подполковник Уилкинсон отправился в Боснию, а Хескет-Причард остался на месте и возглавил “Передовой штаб Клаудер” в расположении 9-го словенского партизанского корпуса в Чирчно. В течение некоторого времени Уилкинсон пребывал в освобожденной части Италии и с января по июнь 1944 года обеспечил 13 снабженческих рейсов с грузами для “Передового штаба Клаудер”, откуда планировалось забрасывать в Австрию сначала агентов, а позднее и британских офицеров. 14 мая 1944 года в расположение 9-го словенского партизанского корпуса был сброшен с парашютом британский майор С. У. Виллер. Он приземлился на итальянской стороне границы и после непродолжительного изучения обстановки пришел к выводу о бесперспективности проведения операций с итальянской территории. С разрешения командования майор перебрался к Хескет-Причарду и вошел в состав “Передового штаба Клаудер”.

Несмотря на бытовавшее убеждение о бесперспективности проникновения в Австрию из Северной Италии, 14 января 1944 года туда для этой цели были сброшены с парашютами майор авиации, представитель известной австрийской фамилии граф Чернин и его итальянский радиооператор. Вскоре они действительно оказались в Австрии и вели там разведку, а

12 августа к группе присоединились майор Дж. Р. Х. Филдинг и четверо австрийцев. Один из них по фамилии Георгау с 15 по 28 августа 1944 года совершил успешный разведывательный рейд в Австрию и попытался повторить его 9 сентября, однако был схвачен и расстрелян. 12 октября еще четверо австрийцев из состава “Клаудера” были заброшены в свою страну с разведывательным заданием, но из-за навигационной ошибки парашютистов сбросили вдали от намеченной точки. Их также задержал патруль, в результате чего спастись смог лишь один агент. Неудача не остановила СОЕ, и 17 ноября в Австрию был заброшен радист. Высадка прошла успешно, но сама операция оказалась бесполезной, поскольку активные контрпартизанские действия немцев в Северной Италии вынудили миссию “Клаудер” в декабре перебраться в более безопасную Югославию, куда передатчик радиста не доставал.

“Передовой штаб Клаудер” пытался проводить активные операции также и с территории Словении. Первую попытку в этом направлении, совершенную в конце апреля 1944 года, затрудняли сложные отношения с местными партизанами. Словенские командиры не видели никакого смысла рисковать жизнями своих людей в операциях в Австрии, то есть фактически в тщательно охраняемом рейхе, и всячески пытались избежать этого. Лояльность партизан пришлось буквально покупать. Для их стимулирования СОЕ в период с июня по сентябрь 1944 года обеспечил доставку по воздуху 25 тонн снабжения. Отчасти за счет этих грузов партизаны в короткий срок смогли увеличить свою численность с двухсот до тысячи человек, но по-прежнему отказывались выделять людей для рейдирования в Австрии, выдвигая в качестве условия еще 70 снабженческих рейсов британской авиации. В штаб-квартире СОЕ эти требования сочли неприемлемыми. Тогда Хескет-Причард с 80 словенскими добровольцами 15 октября перешел австрийскую границу и углубился на территорию противника. 20 октября он сообщил об успешном продвижении по Австрии и запросил усиление квалифицированными разведчиками и диверсантами. СОЕ спешно перебросил в Северную Италию шестерых британских офицеров и двух радистов, однако они так и не могли вылететь к майору. Немцы обнаружили отряд и постоянно гнали его, так что выбрать точку сброса парашютистов не представлялось возможным. Возникшие сложности деморализовали партизан, у которых на этой почве постоянно вспыхивали конфликты с англичанином. Последняя радиограмма от Хескет-Причарда поступила 13 декабря 1944 года, после чего он перестал выходить на связь. Из группы словенцев выжили около 40 человек, сообщивших позднее, что в тот же день 13 декабря в перестрелке с немцами англичанин был то ли убит, то ли смертельно ранен. Расследовавшие этот инцидент англичане, однако, не исключили возможности, что Хескет-Причарда убили сами партизаны, стремившиеся таким путем избавиться от опасного командира, постоянно втягивавшего их в боевые операции. На этом операция “Клаудер” завершила свое существование.

Безусловно, заброска агентов в Австрию, где еще сохранялись остатки социал-демократической оппозиции, являлась более перспективной, чем аналогичные действия на собственно германской территории. Но при этом следовало считаться с тем, что контрразведывательный режим в этом регионе был ничуть не менее жестким, чем в остальном рейхе, и любая активность разведок сталкивалась там с серьезными препятствиями. Помимо миссии “Клаудер”, СОЕ забросил в Австрию ряд других агентов и офицеров. 7 февраля 1945 года лейтенант О’Хара приземлился с передатчиком и направился к своим знакомым социал-демократам для установления контакта с ними и обсуждения возможностей организации движения Сопротивления. Он выполнил первую часть задания, но попал в поле зрения контрразведки, некоторое время скрывался и 21 марта при попытке переправиться через реку был убит. 16 февраля трое парашютистов-австрийцев высадились в районе Зальцбурга. Один из них оказался предателем и выдал гестапо остальных. В дальнейшем немцы пытались использовать его в радиоигре с СОЕ, однако безуспешно. 23 марта лейтенант Кеннеди был направлен к своим друзьям в Вену. При приземлении он потерял радиопередатчик, но задание выполнил и создал из 130 дезертиров боевую группу, нанесшую некоторый урон коммуникациям вермахта. Лейтенант вышел к освободившим австрийскую столицу советским войскам, был ими радушно принят, но вскоре взят под арест и пребывал советской тюрьме до июля 1945 года. 24 марта еще один агент с радиопередатчиком был высажен в Штирии, установил контакт со своими знакомыми оппозиционерами, но практически сделать ничего не смог. С 20 по 24 апреля три группы агентов СОЕ общей численностью 8 человек были высажены в районе между Грацем и Юденбургом для проведения диверсий на железнодорожных коммуникациях и при возможности захвата аэродрома в Целтwege для спасения

союзных военнопленных. При приземлении агенты утратили передатчик и часть груза, однако аэродром все же захватили. Как выяснилось позднее, в их действиях не было никакой необходимости, поскольку всю прилегающую местность вместе с лагерями военнопленных, заняли советские войска. В Австрии действовал и один из наиболее известных перебежчиков из вермахта — Альбрехт Гайсвинклер. Этот австриец по происхождению в июне 1944 года дезертировал во Франции и вместе с 17 заключенными утнул к маки четыре грузовика с оружием, боеприпасами и 500 тысячами франков. В сентябре он вышел к линии американских войск и сразу же был передан в распоряжение разведки. 8 апреля 1945 года Гайсвинклер с группой агентов был высажен в районе Зальцкаммергут, где их засекли и вынудили при отходе бросить большую часть своего груза. Разведчики сумели спастись лишь благодаря навыкам скалолазания. Однако они не отказались от выполнения задания, а организовали в районе Бад Аузеее отряд из 350 человек и взяли под контроль довольно обширную область, обращая особое внимание на аресты оказавшихся там высокопоставленных функционеров рейха и НСДАП. Одним из их пленных стал руководитель Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер. Заслугой отряда Гайсвинклера является также обнаружение скрытых в горных пещерах и иных местах значительных складов произведений искусства, награбленных нацистами в европейских музеях.

Остальные подготовленные СОЕ для действий в Австрии диверсионно-разведывательные группы либо не успели пройти подготовку, либо просто опоздали с заброской в тыл противника.

В апреле 1941 года британцы обратили внимание на такой потенциально привлекательный вербовочный контингент на территории рейха, как насильственно доставленные туда иностранные рабочие. Министр экономической войны лорд Сельборн издал директиву с предписанием изучить этот вопрос и достаточно быстро получил от своих специалистов соответствующий доклад. Они обращали внимание на то, что иностранные рабочие находились под постоянным полицейским и контрразведывательным надзором, в силу чего установление связи с ними было весьма проблематичным и в любом случае крайне рискованным делом. В связи с этим предлагалось осуществить массовое и безадресное разбрасывание простейших и дешевых средств проведения диверсий и в передачах пропагандистского вещания на Германию известить об этом рабочих. Первые наброски такого проекта были готовы к осени 1941 года, когда численность принудительно доставленного в рейх контингента по сравнению с последующим периодом была еще сравнительно мала. Против воплощения этого плана в жизнь воспротивились будущий исполнительный директор СОЕ Колин Габбинс и эмигрантские правительства Франции и Польши, небезосновательно усмотревшие в этом провоцирование германских репрессий без особой надежды на приемлемый результат. Замысел был реанимирован весной 1942 года, когда им заинтересовался лично премьер-министр Черчилль. Он распорядился изучить вопрос заново, и 27 июля лорд Сельборн представил ему первый доклад на эту тему, в котором предлагалось две схемы использования иностранных рабочих в Германии в подрывных целях. Первая из них (“Мун”) предусматривала разбрасывание с бомбардировщиков над оккупированными странами 4-фунтовых контейнеров, так называемых “Упаковок для нападения”. Каждая из них должна была содержать гладкоствольный пистолет с 10 патронами, ручную гранату, три компактных зажигательных устройства, приспособление для прокола шин и некоторые инструменты. Использование содержимого предусматривалось исключительно в случае начала боевых действий на суше. Вторая схема именовалась “Брэдокс”. Именно так обозначались разработанные в СОЕ компактные зажигательные устройства размером с плитку шоколада, имевшие запал с 30-минутным замедлением и дававшие 4-минутный факел огня с температурой в 2 тысячи градусов. Это весьма мощное и крайне простое в применении диверсионное средство можно было сбрасывать с самолетов без парашюта, оно не было подвержено атмосферным воздействиям и случайным поломкам. Один бомбардировщик типа “Ланкастер” был способен доставить и разбросать 10 тысяч “Брэдоксов”, а крупное авиационное соединение могло поднять полмиллиона подобных устройств. СОЕ предлагал использовать их на территории самой Германии.

Черчилль одобрил замысел и распорядился начать производство 30 тысяч “Упаковок для нападения” и одного миллиона “Брэдоксов”. Достаточно быстро склады стали пополняться этими средствами, но военно-воздушные силы всеми силами противились отвлечению

своих бомбардировщиков на второстепенную по сравнению со стратегическими бомбардировками задачу. Кроме того, практически все эмигрантские правительства стран, граждане которых подверглись принудительному угону на работу в Германии, были крайне обеспокоены возможными репрессиями в их отношении в ответ на начало такой операции. Однако запущенный механизм работал, и с февраля 1943 года СОВЕ смог ежемесячно получать по 300 тысяч зажигательных устройств. К марту в его распоряжении имелось уже 700 тысяч “Брэдоксов”, что позволяло начать операцию по их разбрасыванию. Но против этого возражал Объединенный комитет начальников штабов, отмечавший, что сил королевских ВВС не хватит на крупную транспортную операцию, а незначительная лишь насторожит противника и раскроет ему секрет нового оружия. Министр экономической войны не согласился с доводами ОКНШ и сохранял производство “Брэдоксов” на прежнем уровне до достижения 4-миллионного запаса устройств. К февралю 1944 года СОВЕ располагал уже 3 миллионами 750 тысячами “Брэдоксов”, которые было решено пустить в дело сразу же после начала операции по вторжению в Европу. Первый сброс зажигательных устройств над Европой в количестве 250 тысяч штук был произведен 25 сентября 1944 года с бомбардировщиков B-17 в районе между Франкфуртом-на-Майне и Майнцем. Затем ВВС США заявили об отсутствии у них возможности продолжать операцию “Брэдокс II” и возобновили ее лишь 20 февраля 1945 года. На этот раз масштабы разбрасывания оказались намного скромнее: особая эскадрилья по распространению листовок доставила лишь 3500 устройств. До 10 марта над западными районами Германии британские и американские самолеты разбросали 56 тысяч “Брэдоксов”, и на этом операция закончилась. Данные об успешном применении этих диверсионных средств отсутствуют, зато после войны перед англичанами встала непростая задача утилизации почти 4 миллионов крайне опасных зажигательных устройств.

В серии разведывательных и диверсионных провалов в действиях британских спецслужб против рейха едва не появилась светлая страница, однако она не реализовалась по вине самих англичан, упустивших потенциально ценный источник информации. В августе 1943 года помощник начальника отдела МИД Германии по связям с ОКВ Карла Риттера Фриц Кольбе попытался передать военному атташе Британии в Берне полковнику Генри Кэртрайту копии документов своего министерства. Англичанин являлся не только военным дипломатом, но и представителем Службы спасения и побегов МИ-9, и в этом качестве был активно вовлечен в нелегальную деятельность. Немцы знали об этом и неоднократно пытались его скомпрометировать фальшивыми перебежчиками, поэтому попытка Кольбе изначально имела мало шансов на успех. Именно так и произошло. Опасавшийся возможной провокации офицер отказался даже разговаривать с инициативником, которым являлся не сам Кольбе, а его друг, испанский гражданин немецкого происхождения доктор Эрнесто Кохерталер, эмигрировавший в Швейцарию после окончания Гражданской войны в Испании. Атташе предложил тому покинуть территорию посольства, но инициативник все же успел сообщить ему о внедренном в окружение Черчилля германском агенте, пересылающем свои сообщения через Стокгольм. Следует отметить, что таковой так и не был обнаружен, поэтому совершенно неизвестно, существовала ли эта личность в действительности. После неудачного выхода на британцев Кольбе решил сделать ставку на их союзников. Он и ранее старался сделать это и в 1941 году попытался через католического священника найти в Берлине выход на посольство США, однако к тому моменту оно уже закрылось.

Кольбе работал в управлении государственных железных дорог и был вынужден уйти оттуда после демонстративного отказа вступить в НСДАП. В течение некоторого времени он пытался найти единомышленников среди оппозиционных групп в Германии, но вскоре убедился, что ничего серьезного они собой не представляют. Оппозиционер понял, что открытое противостояние существующему режиму лишь помешает его основному замыслу, поэтому вскоре стал настолько внешне лоялен, что без проблем был принят на службу в министерство иностранных дел. С началом войны Кольбе несколько раз попытался получить назначение за рубеж, однако безрезультатно. Он собрался нелегально бежать в Швейцарию, но друг будущего агента, прелат ордена бенедиктинцев Шрайбер, убедил его в том, что работа против нацистского режима внутри рейха может принести больше пользы. Кольбе начал искать контакты с иностранными разведками. В это время приближался его развод с женой, в ожидании которого он проводил время с секретарем директора хирургической клиники Берлинского университета Марией Фрич. Кольбе часто бывал в этом лечебном заведении и

подружился там с молодым профессором медицины Адольфом Юнгом из Эльзаса, стремившимся сделать хоть что-нибудь для освобождения Франции. Юнг разрешил использовать свой рабочий кабинет для хранения материалов, которые Кольбе постепенно похищал из министерства иностранных дел. Кроме того, профессор регулярно ездил в Страсбург, где имел возможность встречаться с представителями движения “Свободная Франция”. Таким образом, канал для передачи материалов существовал, не было лишь их потребителя. Британский военный атташе сам лишил свою разведку такой привлекательной возможности.

Зато Кэртрайт сообщил резиденту ОСС в Берне Аллену Даллесу о визите “типа со смешным именем с “tal” внутри него; без сомнения, в свое время он появится и в вашей лавке”¹⁹³. Англичанин не ошибся в прогнозах относительно дальнейших действий приходившего к нему инициативника. На следующее утро банкир из Базеля Пауль Дрейфус позвонил сотруднику посольства США Джеральду Майеру с просьбой принять Кохерталера и побеседовать с ним. Майер являлся офицером Бюро военной информации (ОВИ) и сотрудничал с ОСС на временной основе в рамках укрепления резидентуры стратегической разведки в Берне, а потому немедленно согласился. На состоявшейся встрече испанский немец заявил, что выполняет поручение своего друга-антинациста, который имеет доступ к важной официальной информации, в данное время пребывает в Берне и при наличии соответствующего желания американцев готов установить с ними сотрудничество. В качестве образца инициативник принес Майеру 16 телеграмм МИД Германии и в подтверждение своей доброй воли оставил их американцу для изучения. Кохерталер попросил лишь не затягивать принятие решения о встрече, поскольку через день его друг должен отбыть обратно в рейх.

Изучение телеграмм, представлявших собой сообщения в Берлин из дипломатических представительств в Дублине, Стокгольме, Софии, Анкаре, Риме и Берне не вызвало сомнений в их подлинности, поэтому Майер по согласованию с Даллесом подтвердил встречу с другом Кохерталера на следующее утро в своем доме. Оба разведчика далеко не были уверены в искренности намерений визитера, однако все же решили рискнуть. Резиденту пришлось принимать ответственное решение, поскольку, как вспоминал он впоследствии, контакт мог произойти по одной из трех причин: “Это могла быть попытка взломать наш код. Немцы полагали, что мы проглотим наживку, зашифруем материал и передадим его по радио в Вашингтон. Они прослушивали все, включая швейцарские коммерческие радиоканалы. Они перехватили бы эти депеши в надежде, что заблаговременное знакомство с их содержанием даст им ключи к дешифровке. Или, возможно, наш друг был агентом-провокатором. Он сбрасывает нам информацию и затем уведомляет швейцарскую полицию о том, что мы шпионим. Его встреча с нами служит доказательством этого, и нас вышвыривают из страны. Наконец, существовал слабый шанс того, что этот человек был честен”¹⁹⁴. Это и предстояло выяснить. Майер, а затем и присоединившийся к нему Даллес, который назвался фамилией Дуглас, получили от Кольбе массу вспомогательной, но весьма ценной информации по кадровым перемещениям в МИД Германии, о наличии в дублинской миссии рейха нелегального радиопередатчика, об обстановке в Берлине, о наличии в Лоренцу-Маркиш германского агента, об одноразовых шифровальных блокнотах и о многом другом. Кроме того, Кольбе предупредил американцев об успехах, достигнутых германскими криптоаналитиками во вскрытии их шифров, и в доказательство процитировал по памяти отрывки из телеграмм ОВИ в Каире, подписанных неким “Паркером”. Инициативник не просил денег за свои сведения — он лишь желал внести посильный вклад в борьбу с нацизмом.

Даллес рискнул и выиграл. Кольбе, по долгу службы, отвечавший за связь МИД с вермахтом, стал агентом ОСС под псевдонимом “Джордж Вуд”¹⁹⁵ (кодовые обозначения в оперативной переписке “805” и “674”). Были согласованы способы связи на будущее, пароль 25900 (от даты рождения Кольбе 25 сентября 1900 года), и новый агент ОСС отбыл обратно в рейх.

Даллес передал содержание 16 телеграмм резиденту СИС в Берне с условием перед отправкой в Лондон полностью перефразировать содержащиеся в них сведения. ОСС и в дальнейшем проводило эту операцию в контакте с британцами, роль которых сводилась лишь к консультациям и получению копий доставленных документов. Вначале в Лондоне весьма отрицательно отнеслись к идее привлечения немца к работе, в особенности возражал вечно недоверчивый Дэнси. Вероятно, подлинной причиной его резких протестов являлось стремление под любым видом не допустить американцев к тайным операциям в Европе. Полковник небезосновательно опасался дилетантизма ОСС, способного разрушить всю сис-

тему разведки на континенте. Однако это беспокойство могло носить лишь теоретический характер, поскольку агентурные успехи СИС были столь скромны, что никакой, даже весьма серьезный провал не смог бы повлечь за собой особо тяжкие последствия. Строго говоря, на протяжении всей войны на оккупированных вермахтом территориях существовали лишь три французские сети МИ-6: “Интералль”, разгромленная в ноябре 1941 года, “Альянс”, которую подобная участь постигла в сентябре 1943 года, и сохранившаяся до конца войны группа “Джейд”/“Амиколь”.

Заметное пренебрежение информацией “Джорджа Вуда” было характерно не только для МИ-6, но и для ОСС. В течение многих месяцев после начала операции все его материалы поступали в распоряжение контрразведывательной линии “Икс-2” в Вашингтоне и ОСС/Лондон, поскольку, во-первых, они рассматривались как возможный элемент оперативной игры противника, а во-вторых, имели определенное контрразведывательное значение. Более того, до октября 1943 года бернская резидентура вообще не направляла материалы в центр, ограничиваясь отсылкой их в точку стратегической разведки в столице Великобритании. Между тем, уже осенью Кольбе передал в ОСС четырехстраничное письмо, содержавшее ряд важных сведений:

- расписание движения личного поезда Гитлера между Берлином и его ставкой в Растенбурге;
- отчет о результатах бомбардировки завода шарикоподшипников в Швайнфурте и рекомендации по выбору следующих объектов для нанесения ударов;
- дислокацию концентрационных лагерей;
- обзор степени лояльности дипломатических представительств Италии к Бадольо и Муссолини;
- содержание ряда телеграмм МИД Германии, в которых анализировалась добытая информация о предполагаемом вторжении союзных войск в Европу, об обещаниях, даваемых Великобританией и США Советскому Союзу, об их неверии в реальность создания в рейхе “секретного оружия”.

7 октября 1943 года Кольбе смог снова официально приехать в Швейцарию. Он привез с собой копии 96 телеграмм МИД на 200 листах и надиктовал американцам устный отчет, изложение которого потребовало 10 листов бумаги. После этого Даллес окончательно убедился в надежности своего германского агента. Однако в МИ-6 ему по-прежнему не верили и полагали человеком, сознательно или, возможно, “втемную” вовлеченным в масштабную дезинформационную операцию. Контрразведчики ОСС были менее подозрительны. Руководители ОСС/Лондон Эст Брюс и “Икс-2”/Лондон Норман Холмс Пирсон доложили в Вашингтон об отсутствии у них сомнений в добросовестности и надежности “Джорджа Вуда”. Одновременно они рекомендовали ознакомить с содержанием сообщений заместителя начальника Особого сектора военной разведки полковника Мак-Кормака. Убежденность бернской и лондонской резидентур ОСС в надежности источника не разделяли в Вашингтоне. Мак-Кормак дал о его материалах довольно уклончивый ответ, и до начала января они не докладывались ни военному командованию, ни президенту США. В дальнейшем их использование также зачастую заставляло желать лучшего.

27 декабря 1943 года Кольбе вновь привез в Берн множество материалов. Среди них, в частности, была телеграмма Франца фон Папена из Анкары, в которой сообщалось о многочисленных британских документах, поставляемых новым инициативником “Цицероном”. Эти сведения, наряду с двумя другими упоминаниями “Цицерона”, были переданы в МИ-6. Последовавшая реакция характеризует контрразведывательное подразделение британской разведки с крайне негативной стороны. Лишь через месяц, 25 января, его сотрудники удосужились обратить внимание на предупреждение ОСС, однако и тогда не начали действовать, а ограничились запросом на имя Даллеса дать указание Вуду добыть больше материалов по этому поводу.

Кольбе довольно регулярно вырывался за пределы рейха и появлялся в Швейцарии в качестве курьера МИД. В феврале 1944 года он вновь прибыл в Берн и привез с собой отчет, на этот раз содержавший массу контрразведывательной информации. Через два месяца Даллес опять получил от “Джорджа Вуда” более 200 страниц документов, на что в Вашингтоне, правда, уже в последний раз, отозвались как о возможной подставе противника. После этого и в ОСС, и в Службе военной разведки (МИС) относились к получаемым от Кольбе сведениям с полным доверием. Помимо личных выездов, агент периодически передавал письма

через Кохерталера. Приблизительно в это же время он, вопреки категорическому запрету ОСС, интенсифицировал свои связи с оппозиционными кругами внутри Германии, что едва не привело его к провалу.

В мае 1944 года Кольбе известил Даллеса и Майера о том, что швейцарская миссия в Берлине отказывается выдавать ему въездную визу в страну, и просил их по возможности оказать содействие в ее получении. Пока ОСС разворачивалось, ситуация изменилась, и агент попросил американцев не предпринимать никаких действий ввиду улучшения обстановки. После этого связь на некоторое время прервалась. Прошло 20 июля, и Даллес уже серьезно опасался, что источник был арестован и потерян навсегда, но он неожиданно объявился вновь. Агент сообщил, что прибыл в Берн по просьбе небольшой оппозиционной группы бывших членов социалистического союза “Рейхсбаннер” с предложением организовать восстание в Берлине и сдать город американцам до подхода советских войск. Вашингтон категорически запретил резиденту далее развивать эту тему из-за опасения подвергнуть риску отношения с советским союзником. Судя по всему, действительной причиной запрета стало простое неверие в успех предлагаемой акции. Запретил ОСС также и разрабатывавшиеся в контакте с СИС мероприятия бернской резидентуры по поддержанию связи с офицерами вермахта, желающими сдаваться в плен американцам. Они просили о возможной эвакуации их семей, которые могли подвергнуться репрессиям со стороны нацистов, не отдавая, однако, себе отчета во всей сложности этой задачи.

Война близилась к окончанию, и в ОСС старались, чтобы их лучший агент не погиб в хаосе штурма германской столицы. 18 марта Кольбе с любовницей и ребенком покинул Берлин и добрался до города Вейлер к востоку от Брегенца, где они нашли приют в крошечной горной хижине. Потом с оставшимися 98 фотокопиями и несколькими оригиналами документов агент сумел попасть в Швейцарию и надиктовал по памяти еще много важной информации. Всего с 17 августа 1943 по весну 1945 года он снабдил американцев 1600 документальными материалами, не считая устных сообщений.

После окончания войны Кольбе некоторое время провел в Соединенных Штатах, где консультировал стратегическую разведку, а в 1946 году выступил на Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками в качестве свидетеля обвинения. Он отказался принять какое-либо вознаграждение за свою работу, однако Даллес, не спрашивая своего бывшего агента, добился создания для него фонда в 10 тысяч долларов, предназначенных главным образом для обеспечения сына Кольбе в случае его смерти. Некоторое время спустя немец все же решил взять эти деньги и вложил их в производство асбеста, но вскоре разорился и на занятые у Даллеса деньги вернулся в Германию. Родина встретила его негостеприимно. В правительстве Аденауэра Кольбе считали предателем и отказались предоставить ему государственную службу, хотя бывших нацистов брали на нее довольно охотно. По некоторым данным, бывшего агента выручило Центральное разведывательное управление США, с помощью которого он сумел найти оплачиваемое занятие. Позднее директор ЦРУ Хелмс отрицал вмешательство своего ведомства в дальнейшую судьбу бывшего агента, но факты свидетельствуют об обратном.

Разведка США постоянно пыталась установить контакт с антинацистским подпольем внутри рейха. Эта тема находится несколько в стороне от рассматриваемых в данной книге вопросов, поэтому упомянем лишь некоторые, наиболее известные фигуры из среды немецкой оппозиции. Прежде всего следует отметить военных и гражданских лиц, вовлеченных в заговор с целью убийства Гитлера и свержения нацистского режима, известный как “заговор 20 июля 1944 года” (операция “Валькирия”). Руководящими фигурами среди них являлись бывший обер-бургомистр Лейпцига К. Герделер, фельдмаршал Э. Вицлебен, и бывший начальник генерального штаба генерал Л. Бек. Заговорщики не составляли единую по убеждению группу, среди них имелось радикальное левое крыло, характерными и наиболее активными участниками которого были А. фон Тротт цу Зольц, Г. Мольтке и К. фон Штауфенберг. Именно этот офицер в звании полковника возглавлял штаб резервной армии, и именно он в 12 часов 42 минуты 20 июля 1944 года попытался убить Гитлера, взорвав бомбу в его ставке “Вольфшанце” в Восточной Пруссии. Практически все участники заговора, наряду с множеством других, абсолютно непричастных к нему людей были уничтожены в течение нескольких месяцев.

Несмотря на резко антикоммунистические убеждения Даллеса, он все же попытался работать с германскими коммунистами. Член образованного в Советском Союзе комитета “Свободная Германия” Ноэль Филд сообщил, что представляемая им организация открывает отделения в Париже и Берне и готова сотрудничать также и с западными союзниками в обмен на получение от них снабжения. Однако этим контактам не суждено было развиваться. Резидент ОСС в Берне воспринял Филда как крайне недалекого и совершенно ортодоксального человека, абсолютно не подходящего для сотрудничества по своим личным качествам, и отверг план совместной с коммунистами деятельности.

С октября 1944 года приоритетной задачей бернской резидентуры стало приобретение агентуры в рейхе, и все ее силы были направлены на решение этой задачи. Экспедиционным войскам в Европе требовались данные стратегической разведки, главным образом по укрепленной “линии Зигфрида”. К декабрю ОСС имела внутри Германии четырех агентов, однако связь с ними отсутствовала. Все источники представляли собой эмигрантов-антинацистов, отправленных обратно после прохождения краткого обучения и инструктажа. Их подбор представлял для американцев значительную трудность, поскольку эмигранты главным образом находились в лагерях для интернированных и являлись коммунистами или представителями других левых партий и группировок. Для отбора нужных кандидатур Даллес утвердил проект “Бах” и назначил его руководителем уроженца России Лазаря Теппера, бывшего начальника исследовательского отдела Международного профсоюза производителей дамской одежды. Вербовались также владеющие немецким языком скандинавы, бельгийцы, французы и поляки, а также крайне незначительное число немцев, но никого из них резидентура ОСС не рискнула нелегально забросить непосредственно в Германию, все они отправились в Западную Европу. Операция находилась под личным контролем руководителя лондонской секции СИ ОСС Уильяма Кейси, будущего директора ЦРУ, безуспешно пытавшегося засылать агентуру в крупные города. Тактической разведкой ведали военные, забрасывавшие парашютистов из Бельгии и Намюра, а также располагавшийся в Дижоне отряд глубинной разведки ОСС под командованием Генри Хайда.

Несколько больших успехов ОСС добилось при засылке агентуры на часть территории рейха, ранее принадлежавшую Австрии. Население этих районов зачастую неприязненно относилось к нацистам, принесшим войну на их земли. Свойственная многим австрийцам эйфория 1938 года от присоединения к мощному и динамично развивавшемуся государству давно прошла и сменилась разочарованием и обидой, ставшими неплохой почвой для появления подпольного движения Сопротивления. Безусловно, оно было весьма слабым и в основном направлялось эмигрантскими кругами, но все же существовало, и американцы правильно определили уязвимость рейха в этой области. Одной из ведущих фигур являлся князь Отто Габсбург, получивший в ОСС псевдонимы “Никлаус”, “Мистер Y” и “Герман”. Безусловно, его отношения с американцами никоим образом не носили характер агентурных, а ограничивались политическими аспектами. К концу 1943 года по австрийскому направлению работали резидентуры ОСС в Алжире, Берне и Стамбуле, имевшие на связи подпольную группу Майера — Майсснера. Получаемая информация в основном относилась к военному производству на территории Австрии, главным образом на заводах “Штайр”, а также включала несколько сообщений об испытаниях ракетного оружия на полигоне в Пенемюнде. Эти контакты почти прервались после выдачи Майсснера (“Ойстер”, “Арсель”, “Рэдберд”) в марте 1944 года двойным агентом, участвовавшим в операции стамбульской точки ОСС “Сереус”.

Бернская резидентура ОСС на протяжении войны забросила в Германию 24 агентурные группы, из них 10 — на территорию Австрии, но почти все они погибли или были захвачены в плен. Резидентура ОСС в Бари/Казерте направила 34 агента, из них 8 были убиты, 13 — захвачены противником, а один оказался двойником. Общее число заброшенных на австрийскую территорию агентов ОСС составило 76 человек, в основном дезертиров из вермахта, добровольно предложивших американцам свои услуги. Британцы не пользовались у этой категории беженцев популярностью, практически никто из дезертиров или эмигрантов к ним не обращался. Агенты ОСС в основном забрасывались на парашютах и оснащались радиопередатчиками, а их главная задача состояла в сборе сведений об “Альпийском редуте”, как нацистская пропаганда именовала готовившийся последний оплот долговременной обороны в горах. Некоторые агенты являлись связниками, направленными к подпольному Временному национальному правительству Австрии (ПОЕН) и его военно-

му отделу О5. Одной из главных фигур на этом направлении стал заброшенный из Парижа один из лучших информаторов Даллеса Фриц Мольден (К-28, “Линдли”). Среди других его агентов, отправленных с осени 1943 года до конца войны, можно отметить Курта Грима (“Уто”), Антона Линдера (834), Людвига Кляйна (480), Роберта Юнгка-Баума (“Чайна”), Йозефа Йохана (“Ман”), Алоиза фон Ауэршперга (502, “Пикассо”), Эрнста Лембергера (“Жан Ламбер”, “Гофер”) и Йоханнеса Шварценберга (“837”).

Одним из наиболее ощутимых успехов ОСС на территории Германии, однако, направленных не против нацистов, а против СССР, явилось установление контактов с генерал-лейтенантом Геленом, о приготовлениях которого к сдаче в плен американцам со всеми офицерами и архивными материалами Даллес узнал от Кольбе в апреле 1945 года. Начальник ФХО вначале предложил свои услуги военным, а когда те недалековидно отказались от столь сомнительного по тем временам сотрудничества, обратился к разведчикам. Вашингтон с готовностью поддержал идею резидента, позволившую приобрести направленные против недавнего союзника готовые агентурные сети и огромное количество ценной информации. По оценке большинства экспертов, это сэкономило Соединенным Штатам годы работы и десятки миллионов долларов, поэтому именно установление сотрудничества с Геленом можно считать наибольшей удачей ОСС в рейхе.

Весной 1945 года на территории Германии и Австрии находилось около 150 сотрудников разведки США. По мере продвижения оккупационных войск в глубину территории рейха вместе с ними на Восток продвигались также резидентуры и подрезидентуры ОСС. Первая точка разведки была организована в Зальдбурге, затем она перемещалась в Инсбрук, Клагенфурт, Линц, Целль, Зее и наконец в Вену, где в августе 1945 года стала полноценной резидентурой со штатом около 200 человек. Важное значение имели точки в Лейпциге, Бреслау и Мюнхене. Первым заброшенным в Берлин агентом ОСС стал один из лидеров датского Сопротивления Хеннингс Ессен-Шмидт, завербованный в Стокгольме и в феврале 1945 года на грузовике с рыбой переброшенный через границу Германии с заданием установить связь с находившимся там шведским бизнесменом Карлом Вибергом. Затем группа чешских коммунистов-эмигрантов была направлена в различные города рейха из Франции, Голландии и Швейцарии для агентурной работы в пользу ОСС.

4. УДАР С ВОСТОКА

Советская разведка добилась в Германии весьма заметных успехов, фундамент для которых был заложен задолго до ее нападения на СССР. Резидентуры НКВД/НКГБ и РУ располагали запасом времени с сентября 1939 по 22 июня 1941 года, позволившим им подготовить оперативные позиции для работы агентуры в условиях войны между двумя странами. Однако сделано было далеко не все необходимое, и некоторые действия пришлось предпринимать в последние дни и даже часы, а часть приготовлений не состоялась вовсе.

С августа 1938 года “легальным” резидентом Разведывательного управления генерального штаба Красной Армии (РУ ГШКА) в Берлине являлся помощник военного атташе СССР полковник Н. Д. Скорняков (“Метеор”), пост военного атташе занимал генерал-майор В. И. Тупиков, разведку флота представлял военно-морской атташе, будущий начальник РУ НКВМФ (с 1941 по 1945 годы) капитан 1-го ранга М. А. Воронцов. В декабре 1940 года Скорнякова отозвали в СССР, и Тупиков до самого отъезда посольства совмещал посты ВАТ и “легального” резидента. Нелегальным резидентом военной разведки в Германии была Ильза Штебе, с 1931 года сотрудничавшая с РУ под псевдонимами вначале “Арним”, а затем “Альта”. К работе на СССР ее привлек немецкий журналист и сотрудник Разведупра с 1930 года Рудольф Хернштадт (“Арвид”). В 1933 — 1939 годах он являлся нелегальным резидентом в Польше, затем стал кадровым сотрудником центрального аппарата 5-го управления РККА, а также ИККИ. После роспуска Коминтерна Хернштадт редактировал выходившую в Москве газету “Свободная Германия”, после войны вернулся в ГДР, где занимал должность редактора вначале “Берлинер цайтунг”, затем “Нойес Дойчланд”, а с 1950 года стал членом ЦК и кандидатом в члены Политбюро ЦК СЕПГ. В 1953 и 1954 годах он был исключен из обоих органов за антипартийную деятельность и работал в Центральном архиве ГДР до самой смерти в 1954 году в 63-летнем возрасте. Хернштадт был одним из наиболее результативных вербовщиков, трое из привлеченных им к работе агентов оказались весьма

продуктивными. Ими являлись завербованные в Польше, однако работавшие исключительно по германскому направлению Ильза Штебе (“Альта”), Рудольф фон Шелиа (“Ариеу”) и Герхард Кегель (“ХВЦ”, “Курт”).

Рудольф Херншгадт

Герхард Кегель

Ильза Штебе

По возвращении в Германию журналистка Штебе не сразу смогла устроиться на работу и некоторое время жила у матери в Бреслау. Сотрудник “легальной” резидентуры РУ Н. М. Зайцев, действовавший под прикрытием дежурного коменданта торгпредства СССР в Берлине, осенью 1939 года разыскал ее, восстановил связь и передал необходимые для начала работы на территории рейха специальное оборудование и деньги. Денег требовалось много, поскольку переданный на связь “Альте” агент “Ариеу” работал практически исключительно на материальной основе. С августа 1939 года фон Шелиа из посольства Германии в Варшаве перешел в информационный отдел МИД, и в марте 1940 года помог Штебе наконец устроиться на работу в пресс-службу своего министерства. После этого организация встреч нелегального резидента “Альты” с источником “Ариеу” уже не представляла ни трудностей, ни опасности. РУ ГШКА получало значительный объем важной и достоверной информации от фон Шелиа, от Кегеля (вскоре отбывшего в составе торговой делегации в СССР) и еще от пяти источников в МИД Германии. Кроме того, с начала 1941 года Штебе возглавила отдел заграничной рекламы концерна “Лингерверке” и приобрела при этом собственные разведывательные возможности. В июле 1941 года к сети вновь присоединился Герхард Кегель. Условия связи со Штебе ему успели передать в самый последний момент, в поезде, возвращавшем в рейх персонал посольства после начала войны. Резидентура “Альты” быстро росла и к 1941 году уже располагала передатчиком для магистральной связи с Центром. Радистом должен был стать Курт Шульце, немецкий коммунист, завербованный в 1929 году, прошедший обучение в школе радистов в Москве и различные задания в Германии выполнявший по линии РУ. Весной 1941 года его планировали прикомандировать к нелегальной резидентуре “Альты”, однако ввиду внезапного начала войны и срочного отъезда персонала посольства Шульце не успели соответствующим образом проинструктировать. В дальнейшем это породило определенную путаницу.

Курт Шульце

Военная разведка располагала в Германии еще, как минимум, одной группой агентов, состоявшей из семи членов КПГ Эмиля Хюбнера, его сыновей Макса и Артура, дочери Фриды и ее мужа Станислава Везолека. Квалифицированный радист Артур прошел специальную подготовку оператора агентурного передатчика и работал в нелегальных группах на юге и севере Европы, однако начало войны застало его не в Германии, а в советском лагере, где он отбывал 15-летний срок вместе со многими другими иностранными коммунистами. В конечном итоге это оказалось везением: он пережил войну и в 1958 году переехал на жительство в ГДР. Кроме Хюбнеров и Везолека, на территории рейха РУ располагало еще несколькими агентами, среди которых следует обратить внимание на жену Анри (Генри) Робинсона Клару Шаббель.

Эмиль Хюбнер

Внешняя разведка имела в Берлине “легальную” резидентуру, руководившуюся А. З. Кобуловым (“Захар”). Его роль в организации агентурных операций была не просто минимальной, а скорее отрицательной, поскольку, как известно, именно он вопреки рекомендациям Центра произвел вербовку источника “Лицеист” (Орест Берлинкс), оказавшегося двойным агентом. “Захар” периодически отсутствовал, и тогда его замещал не сотрудник внешней разведки, а военный атташе генерал-майор А. И. Тупиков. Однако НКВД/НКГБ располагал в рейхе и действительно первоклассными ранее приобретенными источниками, одним из которых являлся уже упоминавшийся сотрудник гестапо Вилли Леман (“Брайтенбах”). На последней встрече 19 июня 1941 года с П. М. Журавлевым агент сообщил ему о предполагаемом нападении на Советский Союз, а затем контакт с ним прервался, и ввиду отсутствия оговоренных условий связи восстановление его было крайне проблематичным.

Характерной особенностью агентурного аппарата советской внешней разведки в Германии был его состав. В него в основном входили патриоты-антинацисты, рассматривавшие свою связь с СССР не как агентурную, а в качестве средства, поддерживавшего их в борьбе против режима Гитлера. В этом смысле их группы скорее являлись подпольными организациями Сопротивления, а не разведывательными сетями в традиционном понимании этого термина.

Квалифицированный инженер, доктор технических наук Ганс-Генрих Куммеров в 1932 году уволился из ораниенбаумской фирмы “Газглюлихт-Ауэр Гизельшафт”, отклонил ряд предложений о поступлении в другие компании и пожелал уехать на работу в Советский Союз, хотя и не был коммунистом. В полпредстве СССР Овакимян сумел убедить визитера в целесообразности действовать иным образом, и с этого времени Куммеров стал источником берлинской резидентуры под псевдонимом “Фильтр”, что отражало его активную работу над противогАЗами и боевыми отравляющими веществами. Следующий контакт агента с офицером разведки произошел в декабре 1933 года, причем к этому времени он уже попал в поле зрения гестапо. Вызванный на беседу в участок Куммеров сообщил, что действительно собирался уехать на работу в СССР, однако никогда это намерение не скрывал и не видит в нем ничего угрожающего безопасности рейха. Следовательно согласился с его аргументами, однако оставил молодого химика под подозрением, ввиду чего в резидентуре было принято решение приостановить контакт с ним до 1935 года. После возобновления связи “Фильтр” предоставил своему руководителю образцы компонентов противогАЗов и оговорил условия сотрудничества с НКВД. Источник не требовал денег, ему нужна была лишь гарантия получения убежища в СССР в случае, если оставаться в Германии станет для него слишком опасно. Нацистский режим не вызывал у него никаких симпатий, и Куммеров принял решение бороться против него в меру своих сил. К этому времени он перешел на работу в радиотехническую фирму “Леве-радио АГ”, где подружился с коммерческим директором Эрхардом Томфором и привлек его к своей работе. Друзья не только добывали научно-техническую информацию, но и саботировали военное производство, в частности, вносили изменения в систему настройки радиопеленгаторов, в результате чего те давали отклонение от действительного азимута на 1 — 2 градуса и не позволяли засечь истинный пеленг на передатчик. “Фильтр” сообщил о разработках радиолокационного оборудования и приборов самонаведения для акустических торпед, о новом радиооборудовании для танков, а также доставил описание технологии синтеза каучука и бензина. В 1936 — 1937 годах Куммеров находился на связи у А. М. Короткова, действовавшего в Берлине под именем Александра Эрдберга, а затем, вместе с другими источниками резидентуры на некоторое время был законсервирован. Причиной этого стали описанные ранее события, в результате которых численность оперативных работников берлинской точки НКВД сократилась с 16 в 1935 году до 2 в 1939 году. Возможно, эта мера помогла сохранить агента, находившегося под профилактическим наблюдением гестапо. Контроль за ним был настолько плотным, что когда Куммеров поместил в газете объявление о продаже некоторых предметов обихода, это сочли условным сигналом связи и в его квартире провели негласный обыск для обнаружения компрометирующих материалов. Резидентура восстановила контакт с источником лишь в 1940 году.

С началом войны разведывательные возможности “Фильтра” возросли, поскольку отныне его работа была связана исключительно с производством военной продукции. В феврале 1942 года стокгольмская резидентура НКГБ сумела передать источнику новые условия связи и наладить передачу материалов через курьера. Однако 17 сентября 1942 года на станции метро в Потсдаме гестапо зафиксировало встречу Куммерова с находившимся под наблюдением работником брюссельской резидентуры “Паскаль” Иоганном Венцелем, окончательно же агента провалил отправленный из Советского Союза курьер Роберт Барт (“Бек”). При аресте у “Фильтра” изъяли чертежи совершенно секретной управляемой бомбы FX-1400, к которым по роду занятий он не мог иметь доступ. Гестапо пыталось получить данные об их источнике, но он сохранил его в тайне, несмотря на все пытки и арест его жены Ингеборг. Обоих супругов казнили, причем Ганса-Генриха несколько позднее. Он был повешен незадолго до конца войны, 14 февраля 1944 года, а его друг и помощник в разведывательной работе Томфор погиб в тюремной камере 13 мая 1943 года.

В апреле 1940 года берлинская резидентура внешней разведки возобновила связь с Арвидом Харнаком (“Корсиканец”), однако ее поставил под угрозу непредвиденный и крайне опасный случай. Гестапо при невыясненных обстоятельствах арестовало на конспиративной квартире сотрудницу нелегальной разведки “Червонную”, и в засаду едва не попал поддерживавший контакт с Харнаком А. М. Коротков. Пребывание в рейхе стало для него крайне

А. М. Коротков

опасным, осенью 1940 года разведчик выехал в Советский Союз, и связь с “Корсиканцем” вновь прервалась. Но, как уже отмечалось, Харнак был отнюдь не обычным агентом, прекратившим работу при утрате контакта с руководителем. Он считал себя вполне независимой фигурой, да и являлся таковым, поэтому без согласования с кем-либо начал формировать подпольную антинацистскую организацию “Союз работников умственного труда”, достигшей к 1941 году численности в 60 человек. Одним из важнейших достижений Харнака стало знакомство со служившим в разведывательном отделе ВВС лейтенантом, пламенным антинацистом Харро Шульце-Бойзенем.

Харро Шульце-Бойзен

Первое знакомство будущих соратников по разведывательной деятельности произошло еще в 1935 году, однако их действительное сотрудничество установилось лишь через пять лет. Шульце-Бойзен видел свою задачу в организации пропагандистских акций, наподобие написания лозунгов или расклеивания листовок подрывного содержания, что с точки зрения конспирации было крайне рискованным занятием. Два десятка членов его кружка, а также некоторые приглашенные, но не посвященные в подпольную деятельность люди вели долгие политические дискуссии, и просто удивительно, что в их среде не оказалось ни одного агента гестапо. Кроме доступа к информации в собственном отделе, Шульце-Бойзен черпал важные сведения из бесед с адъютантом командующего германскими войсками на Балканах фельдмаршала фон Листа и двумя майорами из министерства авиации, один из которых служил в разведке, а другой — в отделе по связям с министерством иностранных дел. Вновь появившийся в Берлине в январе 1941 года Коротков с удивлением обнаружил, что организация Харнака почти неконтролируемо и опасно разрослась, и понял, что полностью сконцентрировать ее членов исключительно на разведывательных задачах не удастся. Тогда для повышения безопасности он решил прервать хотя бы часть линейных (горизонтальных) связей в группе и начал создавать несколько независимых сетей, каждая из которых должна была иметь вертикальную связь с Центром, а для начала — с резидентурой. Кроме того, такая тактика одновременно достигала цель отвода агентов от подпольной деятельности и концентрации их на разведывательных задачах. Харнак отчетливо понимал, что все уходившие на прямую связь с резидентурой члены группы теряются для него, но дело было превыше всего. Он представил Короткову руководителей антинацистского кружка супругов Адама и Грету Кукхоф, ставших источниками “Старик” и “Кан”. Не слишком удобный для руководства Шульце-Бойзен обладал, однако, значительными разведывательными возможностями и в марте 1941 года также был принят на связь под псевдонимом “Старшина”.

Н. М. Белкин

Таким образом, к июню 1941 года берлинская заграничная внешняя разведка сумела значительно реорганизовать находившиеся у нее на связи антинацистские группы, раздробить их на частично изолированные ячейки и сориентировать на выполнение разведывательных задач в зависимости от реальных возможностей источников. Таковыми по состоянию на февраль имелось 18: “Старшина”, “Корсиканец”, “Брайтенбах”, “Август”, “Цопот”, “Фильтр”, “Лицеист”, “Чернов”, “Юн”, “Экстерн”, “Старик”, “Кан”, “Лесовод”, “Размус”, “Франкфуртер”, “425”, “Хайдерсбах” и “Винтерфельд”. Отсутствие у них радиоаппаратуры и подготовленных операторов исключало возможность организации радиосвязи и дальнейшем стало главной причиной провала всего агентурного аппарата обеих советских разведывательных служб в Германии. Резидентура, естественно предпринимала попытки наладить магистральную радиосвязь сетей с Центром, для чего восстановила утраченный ранее контакт с рабочим Карлом Беренсом. Ранее он был завербован бывшим резидентом в Берлине Б. М. Гордоном, затем передан Н. М. Белкину, однако после отъезда разведчика в 1937 году в Испанию связь с источником вновь оборвалась. В 1941 году жена Арвида Харнака гражданка США Милдред нашла Беренса и предложила ему продолжение сотрудничества. К этому времени он в значительной степени утратил свои разведывательные возможности, поэтому Коротков предположил использовать его в качестве радиста. Центр утвердил план, согласился на него и сам агент. Проблема заключалась в отсутствии у Беренса специальной подготовки, не позволявшей осуществлять практическую работу на ключе.

В апреле 1941 года нарком НКГБ СССР В. Н. Меркулов приказал начальнику 1-го управления (разведка за границей) П. М. Фитину заняться организацией подготовки всего разведывательного аппарата к предстоящей войне с Германией. В преддверии этого агентурные сети переводились на прямую связь с Центром, а существовавшие нелегальные резидентуры должны были разбиваться на несколько параллельных. В мае начальник 1-го (германского) отделения управления П. М. Журавлев получил от Фитина аналогичное указание, после чего вместо Беренса в качестве радиста привлекли члена КПГ Ганса Коппи (“Кляйн”), несмотря на его крайне недостаточную подготовку. В начале мая в берлинскую “легальную” резидентуру прибыли два комплекта радиоаппаратуры с радиусом действия до 1000 километров, явно недостаточным для поддержания связи с Центром. Однако не предполагавшее возможности отступления Красной Армии руководство планировало, что операторы агентурных передатчиков будут поддерживать связь с радиоузлом разведки, расположенным на базе в Бресте. Оставалось лишь передать аппаратуру агентам, но было уже поздно. Перед рассветом 22 июня отряд СС под руководством гаупштурмфюрера (по другой версии, оберштурмфюрера) СС Хайнемана блокировал советское посольство и исключил любое сообщение его персонала с внешним миром. Вход и выход разрешались лишь 1-му секретарю В. М. Бережкову, причем только по конкретным хозяйственным или организационным надобностям и в сопровождении начальника охраны. Бережков являлся “чистым” дипломатом, опыта агентурных встреч не имел и выполнить передачу аппаратуры не смог бы никак, даже если бы немцы и выпустили его в город с чемоданом. Он вспоминал, что вопросы выхода в город совместно обсуждались руководством обеих “легальных” резидентур, и что военные сочли план совершенно невыполнимым. Однако неожиданно в блокаде обозначилась брешь. Слабым местом оказался сам Хайнеман. Он несколько раз ненавязчиво намекал на свои финансовые проблемы и после осторожного, но быстрого зондажа согласился принять от Бережкова якобы совершенно ненужные тому 1000 марок. В ответ офицер предложил 1-му секретарю оказать какую-либо ответную услугу. По согласованию с разведчиками тот попросил эсэсовца вывезти вместе с ним в город атташе посольства “Александра Эрбберга” — Короткова, которому якобы хотелось в последний раз увидеться с любимой местной девушкой и передать ей некоторые подарки. Хайнеман согласился, но никто не мог предсказать, не является ли это ловушкой гестапо, пытающегося выявить контакты резидентуры. Контрразведка всегда особенно ценит период перед экстренным отбытием на родину установленного разведчика, как правило, обязательно пытающегося выйти на связь со своей агентурой для передачи источникам последних инструкций, денег и оборудования

и либо консервации их, либо вручения условий связи на будущее. Существовала опасность того, что именно так развернутся события и в этот раз, однако Коротков решил рискнуть.

Дальнейшие события не установлены абсолютно точно. По воспоминаниям Бережкова, разведчик выезжал с ним и Хайнеманом дважды. В первый раз брать с собой передатчик было бы неоправданным риском, и “Эрберг” лишь оговорил условия очередного контакта. На втором выезде Коротков сел в машину с чемоданом, вышел около метро и отлучился на три часа. Передача состоялась. Впоследствии, при отъезде персонала посольства СССР на родину 2 июля 1941 года, Хайнеман дал понять Бережкову, что ему приблизительно была ясна подлинная цель поездки Короткова “к любимой девушке Гретхен”. Гауптштурмфюрер подарил 1-му секретарю на прощание свою надписанную фотографию и сказал, что, возможно, когда-нибудь в будущем ему придется сослаться на оказанную советским представителям услугу.

Существует и несколько иная версия событий, согласно которой Бережков допустил в своих воспоминаниях ошибку, и Коротков выезжал с ним и Хайнеманом лишь один раз, а именно 24 июня. Разведчик передал подпольщице Элизабет Шумахер 20 тысяч марок на оперативные расходы, чемодан с радиоаппаратурой и сообщил исходную комбинацию — 19405 для дальнейшей перешифровки на буквы. Грета Кукхоф же в своих воспоминаниях настаивает на том, что рацию от Короткова получила она, а Шумахер он лишь передал деньги и сообщил указанную комбинацию, отменявшую ранее действовавшую 38745 “Шраубе”. Имеется еще одна версия событий, позднее изложенная радистом Гансом Коппи на допросах в гестапо. Он утверждает, что сам встречался с “Александром Эрбергом” 22 и 24 июня и тогда же получил от него радиоаппаратуру, но, скорее всего, эти показания преследовали цель прикритить Шумахер и принять вину на себя. Существует и пятая версия, гласящая, что Коппи получил аккумуляторную радиостанцию от Короткова, а сетевой передатчик от Шульце-Бойзена.

Проблема связи для берлинских групп отнюдь не могла считаться решенной. Прежде всего, они не имели расписания передач Центра, поэтому были лишены возможности принимать инструкции из Москвы. (Кстати, здесь и далее термин “Москва” следует воспринимать в значительной степени условно, поскольку основной радиоцентр советской разведки был эвакуирован в Куйбышев). Кроме того, радисты не знали, доходят ли до адресата переданные ими радиogramмы, поскольку не получали “квитанций” об их приеме и вообще не располагали какими-либо способами подтверждения успешности своей работы. Собственно, подтверждений поступить и не могло, поскольку радиоузел в Бресте прекратил свое существование в первые же часы после начала боевых действий, а более отдаленные станции оставались недоступными для маломощных передатчиков.

Резидентура “Альты” пока связь с Центром не поддерживала, и Штебе даже не подозревала о существовании Шульце, давнего агента Разведупра и бывшего радиста, еще в годы Первой мировой войны служившего в этом качестве на флоте. Все сообщения “Альте” пришлось направлять по нелегальным разведывательным каналам, что не способствовало ни безопасности, ни, тем более, оперативности. На данном этапе обе сети агентов начали смыкаться, и произошло это следующим образом. Группа Шульце-Бойзена — Харнака начала искать пути восстановления радиосвязи и самостоятельно вышла на Шульце через его старого товарища по партии Вальтера Хауземана, недолгое время передававшего радиogramмы согласно полученным от Шульце-Бойзена инструкциям. Шульце умел работать на ключе, но не смог управиться с агентурной рацией и очень быстро привел ее в негодность. К этому времени оба передатчика уже были выведены из строя, резидентура осталась без связи.

Зато советских агентов-радистов заметил функабвер. Первая передача из Берлина была зафиксирована в начале июля 1941 года, к октябрю радиоконтрразведка установила три возможные точки дислокации нелегальных станций, но дальнейшие попытки пеленгации не принесли успеха по причине полного прекращения сеансов связи. Опасность подстерегала берлинские группы с другой стороны. Как уже указывалось, в результате провала брюссельской нелегальной резидентуры РУ на улице Атребатов немцы к весне 1942 года получили доступ к отправленным в Москву радиogramмам. В результате выявилась особая опасность для рейха источников, явно находившихся в непосредственной близости к его центрам военного и экономического управления. “Коро” предупреждал о переброске тяжелой артиллерии из Кенигсберга и Пиллау под Москву, оценивал потери германских танковых дивизий на Восточном фронте, со ссылкой на офицера ОКВ информировал о требовании Гитлера захватить

Одессу к 15 сентября 1941 года, сообщал о мобилизационных возможностях рейха и много другом. Информация от “Вольфа” и “Бауэра” также не вселяла оптимизм в отношении защищенности рейха от агентурного проникновения противника. В результате, как уже указывалось, в июле 1942 года состоялось совещание при рейхсфюрере СС Гиммлере с участием начальников разведывательных и контрразведывательных органов рейха и их структурных подразделений адмирала Канариса, группенфюрера СС Мюллера, генерал-майора Тиле, бригадефюрера Шелленберга и полковника Бентивеньи, на котором было принято решение о создании зондеркоманды, в дальнейшем получившей название “Красный оркестр”. Ее возглавил начальник группы IVA гестапо, занимавшейся противниками нацизма, обеспечением общей безопасности и борьбой с саботажем и диверсиями, старший правительственный советник Фридрих Панцингер. Участники совещания решили, что в пределах рейха борьба с иностранной агентурой должна оставаться прерогативой гестапо, а на оккупированных территориях и в нейтральных странах к ней подключались абвер и СД-аусланд. В связи с этим берлинское отделение зондеркоманды укомплектовывалось исключительно специалистами гестапо, а руководство ей возлагалось на начальника реферата по борьбе с саботажем (IVA2) криминального советника Хорста Копкова и его заместителя криминального комиссара Йоганна Штробинга. Функабвер обеспечивал перехваты и дешифровку сообщений.

Отправной точкой провала всех берлинских сетей стало печально известное указание Центра брюссельскому резиденту РУ “Кенту” (А. М. Гуревич) отправиться по трем адресам в столице рейха и восстановить связь с сетями внешней и военной разведки. Под прикрытием необходимости проведения деловых переговоров с 26 октября по 5 ноября 1941 года он находился в Берлине и прежде всего попытался встретиться с Ильзой Штебе. Однако в это время она находилась в Дрездене, и тогда Гуревич разыскал по запасному адресу Шульце, проинструктировал его о правилах ведения шифрованной переписки и присвоил ему псевдоним “Берг”. Таким образом “Альта” получила радиста, которому “Кент”, ввиду отсутствия специального шифра, дал свой. В дальнейшем это позволит функабверу читать радиogramмы берлинской резидентуры военной разведки, основываясь на раскрытых шифрах брюссельской точки.

Следующая встреча резидента-курьера состоялась с женой Шульце-Бойзена Либертас, а на следующий день и с самим “Старшиной”, известным “Кенту” как “Коро”, с которым он провел целый вечер и записал множество важной информации. По возвращении резидента в Брюссель 21, 23, 25, 26, 27 и 28 ноября 1941 года в Центр ушел огромный массив данных. В Москве узнали о стратегических замыслах Гитлера в отношении Кавказа, о ситуации с топливными ресурсами рейха, о планах доукомплектования в Болгарии войск для ленинградского и московского направлений и предстоящей блокаде Ленинграда, о потерях люфтваффе и перспективах их восполнения, о намерениях применить боевые отравляющие вещества, о местонахождении ставки Гитлера, о захвате финнами в районе Петсамо советского дипломатического кода и о некоторых элементах агентурной обстановки на Балканах и во Франции. В 1942 году именно расшифрованные сообщения от “Коро” вызовут во всех контрразведывательных службах рейха состояние, близкое к панике. В сообщениях брюссельской точки Харнак именовался “Вольфом”, а Кукхоф — “Бауэром”.

“Кент” связался в Берлине и с Харнаком, известным ему как “Арвид”, от которого узнал, что в его группе все в порядке, если не считать проблем со связью. Но Шульце интенсивно обучал будущего радиста Ганса Коппи, и это давало основания надеяться на решение проблемы в ближайшем будущем, после ремонта и восстановления аппаратуры. Центр ожидал поступления радиogramм непосредственно из Берлина, однако они по-прежнему отсутствовали. По заключениям специалистов, маломощные передатчики просто не имели шансов пробиться через эфир на требуемое расстояние, и тогда прием радиogramм был поручен находившимся значительно ближе к Германии резидентурам в Стокгольме и Лондоне. Эта мера также не принесла успех, лондонская точка лишь однажды смогла принять очень слабый сигнал, а стокгольмский радист вообще напрасно нес вахту в эфире.

Руководство разведки пыталось исправить создавшееся положение с помощью отправки в рейх новых агентов-радистов с соответствующей аппаратурой. Наиболее безопасным путем для решения такой задачи был признан западный, поэтому в Лондон были направлены радисты “Вахе” и “Бригадир” для последующей заброски по линии резидентуры И. А. Чичаева. Их постигла неудача. Во время тренировочных прыжков “Вахе” получил серьезную травму, а поскольку “Бригадир” должен был работать в паре с ним, операцию от-

менили как не имевшую шансов на успех. После этого восстановление связи было поручено резиденту внешней разведки в Стокгольме “Кину” (Б. А. Рыбкин). Через некоторое время он сумел подготовить агента “Адама”, занимавшего должность директора фирмы и имевшего легальную возможность совершить деловую поездку на территорию Германии, однако весь цикл действий по организации его поездки занял полгода. Вначале дела фирмы не позволяли директору отлучиться, затем долго не оформлялась виза, и в результате шесть месяцев оказались потерянными зря. “Адам” должен был, не вступая в переговоры, встретиться с женой скульптора и антинациста Курта Шумахера Элизабет (“Ида”) и с радистом Шульце, передать им письма, а Шульце также и 500 марок, получить ответы, закопать в условном месте 1000 марок и подобрать место для тайника. В действительности все получилось совершенно иначе. На состоявшейся в июне 1942 года встрече Шульце стал обсуждать с “Адамом”, которого он, возможно, принял за полномочного посланца Центра, детали своей работы, а швед не дал ему денег и поместил их в тайник. Данные о встрече “Адама” с “Идой” отсутствуют.

Несмотря на лишь частичное выполнение задания, в Центре выяснили, что “Бергу” нужны анодные батареи и некоторые детали для рации, и что все попытки Коппи установить связь оказались безрезультатными. Это было неудивительно, поскольку молодой и неподготовленный человек совершенно запутался в жесткой схеме сложных инструкций, включавших чередование позывных, смену частот и времени передач. Если бы радист поддерживал двустороннюю связь с Центром, его ошибки были бы быстро исправлены, но из-за ее отсутствия передачи продолжали идти в эфир, не достигая адресата. При современных мощностях связи эту проблему можно было бы решить сплошным панорамным прослушиванием всех диапазонов, однако для радиоузлов 1942 года это было недоступной роскошью.

К этому времени опасность провала уже нависла над всеми берлинскими группами, хотя внешне ничто не предвещало угрозы. Сети и подпольные организации Сопротивления были активны как никогда ранее и собирали максимум возможной информации. Кроме уже упомянутой работы Шульце-Бойзена и Харнака, деятельное участие в работе групп принимали их жены Либертас и Милдред. В дальнейшем гестаповские следователи попытались вынести на суд как можно больше компрометирующего материала в отношении всех обвиняемых женщин, и одной из мер стало утверждение о царившей среди них крайней половой распущенности. Безусловно, далеко не по отношению ко всем это было одинаково справедливо, но в документах процесса имеется по крайней мере одно заслуживающее внимания свидетельство. Лейтенант Герберт Гольнов из центрального аппарата диверсионного отдела абвера пытался выделиться среди сослуживцев и ускорить свою карьеру, для чего избрал довольно верный путь изучения английского языка, но его подвел случайный выбор преподавателя, которым оказалась американская гражданка Милдред Харнак. Отношения неопытного молодого человека с элегантно и привлекательно женщиной, да еще и стоявшей намного выше него на социальной лестнице, вскоре вышли далеко за рамки уроков иностранного языка. Судя по всему, это делалось с ведома ее мужа, также познакомившегося с Гольновым. Лейтенант ни в коей мере не мог считаться сознательным участником разведывательной сети или подпольной организации, однако он явно нарушил свой служебный долг, выбалтывая детали доверенных ему диверсионных операций. В результате опрометчивой откровенности офицера, отвечавшего в абвере за заброску диверсионных групп воздушным путем в тыл советских войск, были провалены как минимум 12 операций Абт-II, а их участники в основном уничтожены прямо в районах высадки. Группа Харнака собирала в основном экономическую информацию, Либертас Шульце-Бойзен располагала определенными разведывательными возможностями в министерстве пропаганды, а члены кружка Харро Шульце-Бойзена, следуя импульсивному характеру его руководителя, также расклеивали листовки и осуществляли иные пропагандистские акции на ночных улицах германской столицы.

В это же время возглавляемая Ильзой Штебе нелегальная резидентура военной разведки занималась исключительно сбором информации, не отклоняясь на подпольную работу. Основными источниками “Альты”, помимо ее собственного доступа к информации, являлись дипломаты Рудольф фон Шелиа (“Ариеу”) и несколько других, а также работавший в МИД до ноября 1944 года Герхард Кегель (“ХВС”, “Курт”).

Внешнее благополучие сетей советской разведки оказалось весьма эфемерным. Необъяснимое легкомыслие руководства РУ, направившего в Брюссель радиogramму с подлинными адресами берлинских источников, принесло неизбежные горькие плоды. 14 июля 1942 года

криптоаналитики функабвера прочли это сообщение и передали его в контрразведку для дальнейших действий. Уже 16 июля следователи зондеркоманды “Красный оркестр” установили “Коро”, которого во всех службах безопасности рейха считали советским агентом, ближе остальных подобранным к наиболее охраняемым тайнам Германии. После этого “Вольфа” идентифицировали как Харнака, а “Бауэра” — как Кукхофа. Как и положено контрразведчику, криминальный советник Копков не торопился с арестом подозреваемых и планировал разрабатывать их методично и осторожно для выявления всех агентурных контактов. Однако субботним вечером 29 августа произошло событие, нарушившее все первоначальные планы “Красного оркестра” и с точки зрения теории вероятности практически невозможное. В 21.00 в одном из кабинетов нового помещения, куда только-только переехала криптоаналитическая группа функабвера, зазвонил телефон. Хозяина кабинета, молодого офицера по имени Хорст Хайльман на месте не оказалось, и трубку снял руководитель секции доктор Фаук. Собеседник на другом конце провода представился фамилией Шульце-Бойзен и заявил, что служанка доложила ему о необходимости позвонить по данному номеру. Следует отметить, что номер являлся абсолютно секретным, не значился ни в каких справочниках, и более того, был подключен буквально накануне и известен лишь нескольким людям. Фаук стал лихорадочно размышлять, что означает загадочный звонок от разрабатываемого объекта, а поскольку он не обладал мгновенной реакцией оперативного работника, то стал тянуть время, пытаясь выяснить подоплеку происходящего. Когда Шульце-Бойзен начал раздраженно выяснять, что все же от него хотели, криптоаналитик сумел лишь спросить, пишется ли его фамилия через “y” или через “i”. “Коро” ответил, что через “y”, и тогда Фаук сказал, что, очевидно, произошла ошибка в записи номера. Лейтенант согласился, и на этом беседа закончилась. Полностью обескураженный криптоаналитик немедленно проинформировал гестапо о странном разговоре, после чего контрразведчики пришли к заключению, что объект, судя по всему, узнал о том, что находится в разработке и начал какую-то контригру. Было решено арестовать его немедленно. Однако впоследствии выяснилось, что загадочный звонок стал следствием обычной ошибки и непродуманных действий Хайльмана, оказавшегося антинацистом и другом “Коро”. В криптоаналитической группе его обязанности не были связаны с дешифровкой агентурных радиogramм советских агентов, зато его друг Альфред Траксль, завербованный на почве антинацистских убеждений, но не знакомый с другими членами берлинской сети, работал именно над 120 радиogramмами брюссельской резидентуры. Он обратил внимание на роковую телеграмму с адресами и показал ее Хайльману, сразу понявшему, что гестапо идентифицировало “Коро”, и его необходимо срочно предупредить о нависшей опасности. Он разыскивал Шульце-Бойзена на службе и дома, однако застал лишь служанку и попросил ее передать хозяину просьбу срочно позвонить ему на службу по указанному телефонному номеру. Летом 1942 года берлинцы еще не страдали от массированных бомбардировок и могли позволить себе повеселиться в выходные дни. Харро и Либертас Шульце-Бойзен не были исключением и отправились кататься на яхте по озеру, вернувшись лишь под вечер. Именно тогда “Старшина” позвонил по незнакомому ему номеру и поговорил с допоздна засидевшемся на службе доктором Фауком.

Вильгельм Фликке приводит следующие подсчеты: из 80-миллионного населения Германии в отделении функабвера работало 15 человек, и из этого числа двое оказались связанными с Шульце-Бойзенем! Столь ничтожная вероятность совпадения, казалось, абсолютно исключала его и, тем не менее, оно все же произошло. Однако бывший германский криптоаналитик ошибается в отношении применимости к данному случаю теории вероятности. Функабвер весьма интересовал советскую разведку, поэтому для приобретения источников в нем предпринимались специальные меры. Действительно случайным являлось нахождение на месте Фаука, который абсолютно не должен был находиться там в это время. Стечение обстоятельств усугубили непродуманные действия запаниковавшего Хайльмана, явно не подумавшего, что в столь критической ситуации ему следовало либо дождаться Шульце-Бойзена или его жену дома, либо не отходить от телефона. Его действия утром в воскресенье, 30 августа, также не отличались логикой. Безусловно, ему не было известно о разговоре Фаука с Шульце-Бойзенем, после которого гестапо установило его собственную связь с подозреваемым в шпионаже объектом, а также начало аресты всех известных контрразведке лиц. Зато о самом факте разработки “Коро” Хайльман знал прекрасно и, тем не менее, вторично поехал домой к Шульце-Бойзену лишь после обеда 30 августа и застал одну Либертас. Харро уехал на службу, а когда получившая тревожную информацию жена позвонила к нему в

кабинет, он уже был арестован, в его кабинете находился гестаповец. Он сообщил, что ее мужа на некоторое время срочно отправили по служебной надобности за пределы столицы, однако тревожиться по поводу его отсутствия не следует, все в порядке.

Ни Либертас, ни ее гость не питали иллюзий по поводу происходящего. Женщина срочно стала уничтожать все возможные улики противоправной деятельности мужа, а Хайльман немедленно отправился предупреждать об опасности всех известных ему участников организации. Тем временем зондеркоманда приступила к ликвидации сети. Аресты начались с Харро Шульце-Бойзена и Адама Кукхофа. В недолгий период наблюдения за “Коро” наружное наблюдение зафиксировало его контакт с Куртом Шумахером, в результате чего гестапо совершенно необоснованно посчитало его нелегальным резидентом. Кстати, до самого конца войны немцы ошибочно полагали, что большинство арестованных, проходивших по делу берлинского “Красного оркестра”, работали на военную, а не на внешнюю разведку. Впрочем, учитывая весьма слабое знакомство германских секретных служб со структурой советского разведывательного аппарата, это не удивительно. Дальнейшая разработка вывела гестапо на Хорста Хайльмана. В кратчайшее время были расшифрованы и арестованы находившиеся на отдыхе Арвид и Милдред Харнак, Курт и Элизабет Шумахер, Ганс и Хильда Коппи, Курт Шульце, Адам и Грета Кукхоф, Ида Шотмюллер, Эрика фон Брокдорф, Йоганнес Грауденц и другие активные участники как антинацистских организаций, так и разведывательных сетей. Только в Берлине к октябрю 1942 года зондеркоманда арестовала свыше 100 человек, в целом же по делу “Красного оркестра” перед судом предстали 129 человек, из которых 49 были казнены, 3 сами покончили с собой, а 77 получили различные сроки заключения. Берлинские нелегальные резидентуры НКВД/НКГБ и РУ оказались полностью разгромленными.

Дополнительным и параллельным успехом гестапо явилась успешная радиоигра с Москвой, проводившаяся в течение осени и части зимы 1942 года. Она началась с того, что не удовлетворенное результатами поездки неопытного агента стоковой резидентуры “Адама” руководство внешней разведки направило в Германию двух связников Альберта Хесслера (“Франц”) и Роберта Барта (“Бек”). Они были сброшены на парашютах 4 августа 1942 года и должны были выйти на явку с “Корсиканцем” и “Старшиной”, чтобы в конечном итоге вывести связь берлинских групп с Центром на должный уровень. Член коммунистической партии Германии Хесслер боролся с нацистами, был вынужден бежать из страны, воевал в Испании, откуда после ранения переехал в Париж для продолжения антинацистской деятельности. В 1939 году он уехал в СССР, работал на Челябинском тракторном заводе, в июне 1941 года был мобилизован для службы в войсках НКВД и затем направлен в разведывательную школу. Барт ранее также состоял в КПГ, однако был значительно менее активным ее членом, чем Хесслер. С 1939 года он служил в вермахте, весной 1942 года сдался в плен под Краматорском и после проверки по линии 1-го управления НКВД через германских эмигрантов-антинацистов был признан подходящей кандидатурой для прохождения специальной подготовки и дальнейшей заброски в тыл противника. Оба немца прошли полный курс обучения и подробный инструктаж, а также усвоили отступные легенды и сигнал опасности для использования в случае захвата контрразведкой противника. Сигналом являлось повторение нескольких групп текста, вызванное якобы сбоем из-за дрожания руки при передаче радиogramмы. Это гарантировало абсолютную защиту от выявления специалистами гестапо по радиogramмам и в то же время наглядность для оператора принимающей станции Центра. Казалось, все было продумано достаточно тщательно, однако произошла самая тривиальная из ошибок, заключавшаяся в том, что из-за нестыковки указаний по радиоцентру и оперативному подразделению сигнал остался незамеченным, хотя сам агент был абсолютно уверен в том, что он успешно предупредил руководство о своем провале и работе на противника.

Хесслер пробрался в Берлин под видом рядового вермахта и по имевшемуся у него паролю установил связь с Элизабет Шумахер, а через нее — с Шульце-Бойзенем и некоторыми другими членами группы, в том числе радистом Гансом Коппи (“Кляйн”). “Франц” несколько раз пытался на его радиостанции с использованием собственного шифра установить связь с Центром, но потерпел неудачу, хотя 3 и 31 сентября 1942 года все же провел два сеанса односторонней связи. 9 сентября в эфире появился Барт, прибывший в Германию под видом командированного унтер-офицера для перехода на нелегальное положение и поддержания радиосвязи с Москвой. “Бек” доложил о благополучном прибытии на место, а также о воз-

никших трудностях с продовольственными карточками и нехватке денег. В его следующей радиোগрамме содержалась информация об исчезновении Хесслера с 16 сентября и очередных трудностях, после чего оба агента замолчали до октября.

Барт вышел в эфир 14 октября, а Хесслер — 15. Обе радиোগраммы имели нехарактерные для их почерков особенности и некоторые странности в содержании, на которые почему-то никто не обратил внимания, и радиообмен продолжался. Основным содержанием сообщений обоих агентов была информация о провалах берлинских групп, арестах и необходимости задействовать законсервированные источники. В Центре проигнорировали явно настораживающие моменты в поведении “Бека”, а “Франц” вновь перестал появляться в эфире, и Барт сообщил, что он исчез. Гестапо сумело втянуть советскую разведку в радиоигру и получило явки к ценным источникам, среди которых оказался Вилли Леман (“Брайтенбах”). Попытка восстановления связи с этим давним агентом советской внешней разведки оказалась для него фатальной. Точные обстоятельства ареста Лемана неизвестны до сих пор, установлено лишь, что он исчез после срочного вызова на службу в декабре 1942 года. По отношению к его жене не проводились никакие репрессии, да и вообще сам факт исчезновения столь высокопоставленного офицера гестапо никак не комментировался, вероятно, чтобы не компрометировать ведомство.

Сообщения “Бека” о результатах попыток выхода на явки с источниками отличались редкостным однообразием. Вначале он сообщал, что на его телефонный звонок ответила жена агента, а в следующей радиোগрамме извещал о его исчезновении и невозможности установления связи. В конечном итоге такая тревожащая ситуация заставила провести тщательную контрразведывательную проверку, результаты которой оказались неутешительны. Радиোগрамма Барта от 14 октября содержала явный сигнал опасности, заключавшийся в повторе отдельных групп. Агент сделал все, что предусматривалось отступной легендой и инструкциями Центра, и не его вина, что операторы в Москве не обратили внимания на обусловленный сигнал. Впоследствии они объясняли это плохой слышимостью радиции “Бека”, не позволявшей с уверенностью заключить, чем именно были вызваны сбои и повторы. Однако сотрудники радиоцентра должны были, по крайней мере, уведомить о сложившейся ситуации оперативное отделение, офицеры которого, вероятно, нашли бы способ дополнительно проверить агентов или решили бы законсервировать их до выяснения всех сомнительных обстоятельств. Невыполнение этой простой обязанности повлекло за собой многочисленные тяжкие последствия, первой жертвой которых стал “Франц” — Альберт Хесслер. Он понял, что переданный им сигнал не принят в Москве, и что он невольно может явиться пособником врага, после чего отказался участвовать в радиоигре. В начале 1943 года он был расстрелян.

Причины провала двух советских агентов стали известны позднее, когда после оккупации Германии Роберт Барт сдался в плен американцам. На допросе в контрразведке он в общих чертах сообщил, кем является, и был передан советским представителям. В ходе расследования выяснилось, что причиной провала явилось нарушение им требований конспирации, а именно визит к находившейся в больнице жене. Этот шаг стал для него роковым, поскольку методика ведения контрразведывательной работы в Третьем рейхе предусматривала постановку на особый учет всех дезертировавших и пропавших без вести военнослужащих, а также постоянный контроль за их близкими родственниками и членами семей. Жена Барта была помещена в больницу по указанию гестапо, поскольку это значительно облегчало наблюдение за лицами, пытающимися установить с ней контакт. Операция принесла успех, и контрразведка арестовала вначале “Бека”, а затем и выданного им на допросах “Франца”. Попытки Хесслера и Барта известить Москву о своем провале, как известно, по вине Центра успехом не увенчались, однако в результате проведенного в СССР следствия бывший агент “Бек” все равно был признан виновным в предательстве и расстрелян.

Не лучшая участь ждала и резидентуру военной разведки. Вначале был арестован ее радист Курт Шульце (“Берг”), адрес которого содержался в той же злосчастной радиোগрамме Центра, с которой началась ликвидация всех берлинских сетей. Ильзу Штебе арестовали 12 (по другим данным, 8) сентября 1942 года, однако она отрицала все обвинения в свой адрес, а улик ее разведывательной деятельности не существовало. Не были установлены и ее источники, в частности, личность агента “Ариец”, и тогда руководитель зондеркоманды “Красная капелла” Панцингер решил провести вспомогательную радиоигру с Центром. Че-

рез передатчик “Альты” он сообщил, что ее агент в министерстве иностранных дел начал вести себя очень пассивно, и для его активизации требуются деньги. РУ отреагировало незамедлительно и 23 октября 1942 года забросило в рейх двух связников, один из которых пропал без вести, а второй, Генрих Кенен (“Генри”), сумел выйти на явку. Однако к этому времени она уже была провалена, а вместо арестованной Штебе там дежурила выдавшая себя за “Альту” сотрудница гестапо Гертруда Брайтер. Курьер из Москвы передал ей рацию и предложил встретиться для обстоятельного разговора на трамвайной остановке. Контрразведчица решила, что парашютист заподозрил неладное и решил избавиться от передатчика и исчезнуть, но все же отправилась на согласованное место встречи. К ее удивлению, Кенен был на месте. Он все же попытался получить добавочное подтверждение личности “Альты” и передал ей привет от мужа “Руди”, имея в виду Хернштадта. Однако, хорошо подготовленная к выполнению своей роли, Брайтер прекрасно знала, что Штебе не была официально замужем, и напомнила это Кенену, окончательно успокоившемуся в отношении своей себе-седницы. При обыске арестованного на следующей встрече 29 октября 1942 года связника обнаружилась копия расписки на 6500 долларов, полученных фон Шелиа за оказанные им советской разведке услуги. Ее вручили Кенену в ГРУ для оказания “Альтой” давления в случае несговорчивости источника, а фактически бумага обеспечила смертный приговор и ей, и “Арийцу”. В это время фон Шелиа находился на кратковременном отдыхе в Швейцарии, и гестапо опасалось, что он может не возвратиться оттуда и оказаться вне пределов его досягаемости. Однако дипломат не заподозрил опасности и при обратном пересечении границы был немедленно арестован. И Штебе, и фон Шелиа в декабре 1942 года также были осуждены по делу “Красного оркестра” и казнены. На допросах “Альта” не выдала ни одного из своих источников и сохранила им жизнь. Одним из спасенных ей был Герхард Кегель, продолжавший службу в МИД до ноября 1944 года, а затем призванный в вермахт и сдавшийся в плен на Восточном фронте при первой же представившейся для этого возможности.

Другие агенты РУ в Германии также погибли. 18 октября 1942 года была арестована поддерживавшая связь через берлинскую группу Клара Шабель, ее казнили 5 августа 1943 года. Сеть Хюбнеров — Везолек, содержащих явочную и конспиративную квартиры и изготавливавшую документы и бланки, также подверглась разгрому в рамках общего дела “Красного оркестра”. Даты ареста и казни Эмиля, Фриды и Станислава полностью совпадают с аналогичными событиями, завершившими жизнь Клары Шабель.

Единственным участником берлинских групп, не арестованным в результате допросов, оказался племянник Арвида Харнака, офицер разведки кригсмарине Вольфганг Хавеманн. Его вина в совершении государственной измены не была доказана, однако от секретной работы он был, естественно, отстранен и в виде наказания отправлен для прохождения дальнейшей службы в одну из пехотных дивизий на Восточном фронте. Там Хавеманн в ноябре 1942 года попал в плен и стал первым свидетелем, давшим советской разведке показания относительно произошедшего разгрома “Красного оркестра”.

Так закончилась интенсивная, но краткая и полная драматизма деятельность берлинских сетей внешней и военной разведки, однако СССР располагал в рейхе и другими, значительно менее изученными оперативными возможностями. Информация о некоторых из них достаточно достоверна, что в основном относится к агентуре германского отделения внешней разведки, возглавлявшемся П. М. Журавлевым. Его заместителем с августа 1941 года являлся крупнейший специалист по нелегальной разведке и по Германии А. М. Коротков, в ноябре того же года возглавивший отделение, ведавшее Германией, Польшей, Чехословакией, Венгрией, Болгарией, Румынией, Югославией и Грецией. К его компетенции относилась также и подготовка нелегалов, забрасываемых в рейх через возглавлявшуюся Чичаевым лондонскую резидентуру. Коротков курировал разведывательные аспекты деятельности, созданной в лагере для германских военнопленных под Красногорском № 27/1 антифашистской школы, в июле 1943 года преобразованной в Национальный комитет “Свободная Германия” под президентством Эриха Вайнера. В сентябре того же года в подмосковном лагере Лунево для пленных старших офицеров и генералов был создан “Союз немецких офицеров”. Его главой стал бывший командующий 51-м армейским корпусом генерал Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, а самым старшим по званию являлся захваченный в плен под Сталинградом бывший командующий 6-й армией вермахта генерал-фельдмаршал Фридрих фон Паулюс. К маю 1945 года численность союза достигла 4 тысяч человек, среди которых были 40 полковников и 51 генерал.

Создание обеих упомянутых организаций в первую очередь преследовало политические и пропагандистские цели, однако иногда их членов использовали и для выполнения разведывательных и диверсионных задач. Например, осенью 1944 года через Югославию на территорию Германии были заброшены Пауль Лампе и бывший унтер-офицер вермахта Хайнц Мюллер, который в январе 1944 года захватил совершавший рейс из Крыма в Одессу транспортный “Ю-52”, угнал его через фронт и посадил на советский аэродром. Задачами парашютистов являлись разведка одного из секретных объектов и совершение диверсий без заранее заданных конкретных целей. Постепенно вокруг двух агентов образовалась целая подпольная группа численностью до 15 человек, а сами они в марте 1945 года приступили к совершению террористических актов. За поимку диверсантов власти рейха объявили награду вначале в 100 тысяч марок, затем увеличили ее до миллиона. Во время наступления Красной Армии на Берлин Мюллер взорвал крупный склад боеприпасов, но акция была проведена под прикрытием бомбардировки с воздуха, и немцы не распознали в этом диверсию. До подхода советских войск группа провела еще несколько “острых” операций и 25 апреля вышла к линии фронта, потеряв за весь период деятельности двух человек.

Столь результативно в германском тылу могли действовать лишь группы, укомплектованные немцами, любые другие национальности являлись там чужими и подвергались смертельной опасности из-за крайней враждебности местного населения. Ранее описывалась печальная участь разведгрупп общей численностью 120 человек, заброшенных в тыл вермахта в августе — сентябре 1944 года с базы в Бресте для ведения оперативной разведки и создания запасной агентурной сети в случае возможного отступления советских войск. Следует отметить, что еще хуже, чем в Польше, им пришлось на территории Германии, на которую приходился наибольший процент потерь. Первая из этих групп, заброшенных на территорию рейха, возглавлялась капитаном П. Крылатых и носила кодовое обозначение “Джек”. В нее входили еще девять человек, в том числе две радистки, одной из которых была известная разведчица Анна Морозова (“Лебедь”), ранее руководившая нелегальной резидентурой РУ на аэродроме Сеща. Группа была сброшена 27 июля, за несколько дней до начала массовой засылки остальных диверсантов и разведчиков, в район Роминтенского леса, недалеко от ставки Гитлера в Растенбурге. Неудача постигла ее уже при высадке. Оказались утраченными батареи для радиации, продукты и боеприпасы, что сразу же снизило боевые возможности “Джека”. Кроме того, на деревьях остались несколько парашютов, которые сразу же обнаружили местные жители. Вскоре пеленгаторы засекли радиацию Морозовой, передававшую первые добытые сведения об укрепленном районе “Ильменхорст”. На разведчиков началась охота, и к октябрю группа потеряла половину личного состава, в том числе командира, а оставшиеся пять человек были крайне истощены и почти небоеспособны. В ноябре РУ направило к “Джеку” нового командира, лейтенанта А. Моржина. Ввиду плачевного состояния разведчиков, он запросил разрешение руководства на вывод группы из Восточной Пруссии в Польшу, где надеялся воспользоваться поддержкой местного населения, чтобы дать обессилевшим людям немного отдохнуть. Беспрепятственный отход не удался, и к польской границе смогли выйти всего четверо. Вскоре немцы засекли работу группы и уничтожили ее, одной из последних погибла Морозова. Судьбу “Джека” разделили свыше ста разведчиков, направленных во вражеский тыл с аналогичными заданиями. Это стало одной из самых трагических страниц истории советской оперативной разведки во Второй мировой войне. Печальный опыт был учтен, и позднее в СССР по каналам разведки нелегально забрасывались в рейх главным образом группы немецких коммунистов, среди которых имелось немало высокопоставленных функционеров КПГ. Наиболее известны В. Бернер, Э. Эйфлер, Ф. Феллендорф, А. Гесслер, Ю. Вейнгардт, Ф. Зиласко, Э. Айзеншнайдер, В. Поромбка, К. Нидеркирхнер, Т. Винтер, Т. Тиле, а также уже упоминавшийся Г. Кенен. Судьба многих из них также оказалась трагичной, поскольку гестапо и иные контрразведывательные и полицейские службы рейха сохраняли активность и высокую результативность работы практически до самого поражения Германии.

Информация о других агентах НКВД/НКГБ в Германии исходит из не всегда достоверных источников. Служба внешней разведки России на этот счет весьма скупко сообщает: “К началу 1944 года в Германии и союзных ей странах действовало 97 разведчиков-нелегалов, в том числе 10 немцев”¹⁹⁶.

В последние годы много написано и сказано о родственнице А. П. Чехова и видной актрисе Ольге Константиновне Чеховой (Книппер). Некоторые исследователи без тени сомнения именуют ее лучшим советским агентом, проникшим в непосредственный круг общения Гитлера. Трудно сказать, в самом ли деле эта незаурядная женщина являлась суперагентом или же это представляет собой обычный плод фантазии авторов, стремящихся придать своим работам как можно больше коммерческой привлекательности. Если верно первое предположение, то мы имеем дело с действительно впечатляющим достижением советской разведки. В частности, бытует утверждение о том, что именно Ольга Чехова заблаговременно сообщила о предстоящем наступлении вермахта в районе Курска летом 1943 года, что позволило встретить германскую операцию «Цитадель» в полной готовности и затем перейти в массированное контрнаступление. Однако, как всегда в аналогичных сенсационных случаях, архивными материалами это не подтверждается, хотя и не исключено, что решение рассекретить операцию еще не принято. Все же подобные предположения вызывают немало сомнений, в частности, по причине того, что замалчивать подобный успех нет никакого смысла, особенно на общем фоне произошедших в течение последнего десятилетия рассекречиваний значительно более деликатных документов. Трудно поверить, что руководство Службы внешней разведки России могло бы устоять перед соблазном обнародования крайне выигрышного факта внедрения источника в окружение Гитлера, если таковое имело место в действительности. Пока же мы имеем дело лишь с неуверенным утверждением Судоплатова, который упоминает ее в качестве агента НКВД вскользь и без всякой конкретики. Совершенно иначе говорит об этом деле сын бывшего наркома внутренних дел СССР С. А. Берия (Гегечкори). Однако данный автор претендует на абсолютное знание всех аспектов деятельности разведки от «кембриджской группы» до атомного шпионажа в Соединенных Штатах Америки и при этом в качестве источника информации называет своего отца, хотя подобная откровенность наркома с сыном вызывает серьезные сомнения. Если судить по книге Серго Берия, отец сообщал ему все, даже самые деликатные подробности тайных операций, включая свою не значившуюся в официальной картотеке разведки личную агентуру. Например, без тени смущения он указывает: «На советскую разведку работали люди, занимавшие очень высокие должности в партийной канцелярии, руководстве гестапо, других государственных структурах Германии, входили в окружение Гитлера и высших должностных лиц фашистского рейха... Таких людей даже в ближайшем окружении Гитлера было немало. Почему я не считаю возможным назвать их имена? А кого обрадует сегодня на Западе, что его дед, отец были ценнейшими агентами советской разведки и лично Лаврентия Берия?»¹⁹⁷ Думается, подобный пассаж можно не комментировать. Хочется лишь привести два небольших штриха, характеризующих уровень информированности данного автора. При всех претензиях на знание малейших деталей сокровенных тайн разведки, весьма известную разведчицу Урсулу Кучински он именует «Косинской», а также пишет: «Ким Филби, завербованный в свое время отцом»¹⁹⁸!

Значительно более достоверна история связника и руководителя группы советских агентов в Германии, бывшего чемпиона по боксу Игоря Миклашевского. Его дядя Всеволод Тамарин в 1941 году сдался в плен под Москвой и занял видное место в одной из антисоветских организаций, а племянник был привлечен к агентурной работе по линии 4-го управления НКВД СССР и в 1942 году имитировал переход на сторону противника. Там его встретил Тамарин и обеспечил ему прочное положение, позволившее создать надежное прикрытие для разведывательной деятельности вплоть до 1944 года. Разведчик приобрел в Германии определенную известность после матча по боксу с чемпионом рейха Максом Шмеллингом¹⁹⁹, что неоднократно помогало ему в оперативной работе. Группа Миклашевского готовилась к совершению покушений на Гитлера и Геринга, однако, по утверждению Судоплатова, после 1943 года Сталин потерял интерес к этим планам, и они были отменены. В 1944 году агент перебрался во Францию, а после этого вернулся в СССР. Достаточно убедительным доказательством факта его работы на НКВД является то, что после возвращения он не подвергся никаким репрессиям, настигавшим даже обычных пленных, не говоря уже о перебежчиках, контактировавших с антисоветскими кругами эмиграции. Имеются сведения о том, что Миклашевский несколько раз встречался с Чеховой, но из этого абсолютно не следует, что они обсуждали какие-либо оперативные вопросы. Сама же актриса хранила на этот счет абсолютное молчание. Она выехала в Германию еще в 1921 году для получения кинематографического образования и находилась там до конца войны, став одной из звезд немецкого

кинематографа. В 1936 году Чеховой присудили звание “государственной актрисы” рейха, она дружила с Гитлером и некоторыми лицами из числа нацистского руководства. Естественно, что фигура загадочной русской красавицы вызвала на Западе неподдельный интерес, и первые домыслы относительно ее работы на советскую разведку появились в прессе уже осенью 1945 года. Следует добавить, что Чехова, вероятно, все же поддерживала какие-то контакты с родиной, поскольку после разгрома Германии была арестована контрразведкой “СМЕРШ”, однако через некоторое время отпущена и вместе с дочерью вернулась в Германию, где умерла в 1980 году в возрасте 83 лет. Никакие государственные награды СССР, материальная помощь или иные поощрения ей не достались, что также косвенно опровергает версию ее причастности к разведывательной работе в пользу Советского Союза.

По мере продвижения советских войск в глубину германской территории их сопровождали оперативные группы внешней разведки, действовавшие в постоянном контакте с разведотделами 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. При всей несхожести функций оперативная войсковая разведка все же обеспечивала деятельность “ближних соседей”, а контрразведывательное обеспечение войск было возложено на органы “СМЕРШ”. Задачей последних являлось, в частности, обеспечение безопасности тылов армии, в том числе и от действий подпольной нацистской организации “Вервольф”. Относительно нее имеется множество домыслов и непроверенных фактов, а оценка колеблется от полного отрицания каких бы то ни было проведенных немецкими подпольщиками операций до приписывания их действиям любых происшествий, случившихся на германской территории. Следует отметить, что в заслуживающих доверия открытых источниках о “Вервольфе” практически не имеется никакой информации, за исключением сведений о самоубийстве его руководителя обергруппенфюрера СС Ганса Прютцмана после приказа преемника Гитлера гроссадмирала Деница всем членам этой организации сложить оружие. Учитывая дисциплинированность немцев, можно не сомневаться, что подавляющее большинство бойцов “Вервольфа” так и поступило. Вполне возможно, что они все же успели провести некоторые акции в тылу наступающих войск противника, однако ни масштаб их, ни результаты не вызвали какие-либо значимые последствия.

5. ФИНАЛ

Весной 1945 года существование Третьего рейха стремительно приближалось к концу. Военное поражение дополнялось экономическим и политическим крахом, обозначившимся еще летом 1944 года. После провала операции “Валькирия” органы безопасности Германии развернули террористическую кампанию, жертвами которой пали около 50 тысяч человек, в том числе 700 офицеров и генералов. В соответствии с указом “О терроре и саботаже” бывший руководитель берлинского отделения зондеркоманды “Красный оркестр” Хорст Копков возглавил новую зондеркоманду “20 июля”, являвшуюся основным инструментом проведения репрессий. К этому времени стало ясно, что Германия проигрывает в первую очередь экономическое соревнование со своими противниками. Подводные лодки кригсмарине топили меньше транспортов, чем строили союзники, авиация США и Великобритании начала массированные бомбардировки военных заводов и критически важных предприятий по производству шарикоподшипников, на Восточном фронте нечем было закрывать бреши, образовавшиеся в результате наступления Красной Армии, навстречу которой с Запада продвигались экспедиционные войска. Третий рейх был еще далеко не сломлен и мог наносить чувствительные удары, однако с лета 1944 года в нем начался спад военного производства, тогда как его противники постоянно увеличивали выпуск средств ведения войны. Система финансов Германии оказалась не в состоянии нести тяжкое бремя боевых действий. Человеческие ресурсы страны также истощались. Согласно директиве о тотальной мобилизации от 13 января 1943 года, все мужчины от 16 до 65 лет и женщины от 17 до 45 лет подлежали призыву в армию либо отбытию трудовой повинности. Закрывались многие предприятия, непосредственно не обслуживающие нужды ведения войны. Все эти меры позволили дополнительно привлечь в военную промышленность два миллиона человек. Нехватка личного состава вермахта заставила Германию отчасти последовать примеру СССР и с 2 октября 1942 года начать формирование батальонов “999”, укомплектованных уголовными и политичес-

кими преступниками и неблагонадежными лицами. Они направлялись в Северную Африку, а с 1943 года — также в Советский Союз и Грецию.

Рейх терял одну территорию за другой, и к весне 1945 года все было кончено. 25 апреля у города Торгау советские и американские части замкнули кольцо окружения остатков вермахта. Несколько дней спустя сопротивление немецких войск было сломлено окончательно, и в 0 часов 43 минуты 9 мая 1945 года в Берлине был подписан Акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил, гласивший: “Мы, Нижеподписавшиеся, действуя от имени Германского Верховного Командования, соглашаемся на безоговорочную капитуляцию всех наших вооруженных сил на суше, на море и в воздухе, а также всех сил, находящихся в настоящее время под немецким командованием, — Верховному Главнокомандованию Красной Армии и одновременно Верховному командованию союзных экспедиционных сил”²⁰⁰. 24 мая было распущено располагавшееся во Фленсбурге правительство Деница и органы военного командования вермахта и сухопутных войск. О спецслужбах в основных открытых документах не говорилось ни слова.

Их участь сложилась по-разному. Все входившие в состав РСХА органы внешней разведки и внутренней безопасности закончили свое существование вместе с Третьим рейхом и вскоре были объявлены преступными организациями. Начальник РСХА Эрнст Кальтенбруннер являлся одним из основных обвиняемых на Нюрнбергском процессе главных военных преступников и был повешен по его приговору в 1946 году. Начальник гестапо Генрих Мюллер исчез бесследно, и о его судьбе не имеется никакой информации. Немало исследователей полагали, что в последний период существования рейха он работал на Советский Союз, впервые же эту версию обнародовал его давний соперник, бывший начальник VI управления РСХА Вальтер Шелленберг. Однако доказательства в пользу такого предположения отсутствуют, и оно, судя по всему, ошибочно. Самого Шелленберга Кальтенбруннер 30 апреля 1945 года уволил с занимаемого поста за участие в мирных переговорах, которые Гиммлер пытался вести с западными союзниками. Его преемником на оставшиеся несколько дней существования VI управления стал оберштурмбанфюрер Ванк, а военное управление передало под начало Отто Скорцени. После войны Шелленберг находился в плену у англичан и, судя по их отношению к нему, дал немало ценных показаний. В благодарность он получил наименьшее из возможных наказаний в виде шестилетнего срока лишения свободы, но еще до его окончания в 1951 году был выпущен из тюрьмы в связи с плохим состоянием здоровья. Немца принял под свое покровительство начальник военной разведки Швейцарии Роже Массон, судя по всему, убежденный, что именно Шелленберг избавил его страну от вторжения вермахта (подробнее об этом в главе “Швейцарская Конфедерация”). Нарушив прямой запрет правительства, он поручил своему личному врачу негласно укрыть его в районе Ромона, недалеко от Лозанны. Однако это продолжалось лишь несколько месяцев, поскольку власти Конфедерации узнали о пребывании на территории страны бывшего руководителя внешнеполитической разведки рейха и выслали его за границу. Впоследствии Шелленберг жил на берегу итальянского озера Комо в вилле, оплачиваемой СИС. Советская пропаганда утверждала, что его болезнь является фикцией, но вскоре он опроверг эти заявления самым достоверным образом, скончавшись в 1952 году. Начальник III управления РСХА (СД-инланд) Отто Олендорф не избежал возмездия за преступления, совершенные им на этом посту и в качестве руководителя айнзатцгруппы СС. По приговору трибунала он был повешен.

Судьба органов военной разведки оказалась неодинаковой. Как известно, абвер в 1944 году был реформирован в VIII (военное) управление РСХА, за исключением контрразведывательных органов, включенных в Главное управление имперской безопасности в ином статусе. Среди его сотрудников действительно имелось множество участников заговора против Гитлера, поэтому наибольшие жертвы они понесли не от противника, а от соотечественников. Все остальные разведывательные службы вермахта, сухопутных войск, авиации и флота были распущены вместе с органами военного командования. Иная судьба была уготована отделу “Иностранные армии Востока”. Его руководитель генерал-лейтенант Гелен не просто передал американцам весь персонал и архивы 12-го отдела и не просто внезапно оказался активным участником заговора против Гитлера, на что по справедливости претендовать никак не мог. Он положил начало будущей разведывательной службе Западной Германии, до 1956 года работавшей под полным контролем американцев под условным наименованием “организация Гелена”, а затем ставшей Федеральной разведывательной службой (БНД)

ФРГ. В ней нашли свое место многие бывшие офицеры военной разведки и контрразведки Третьего рейха, среди которых были столь известные фигуры как Герман Гислес, Иоахим Роледер и Оскар Райле.

Германия, даже побежденная, оставалась крайне важным направлением работы всех разведывательных служб союзников по антигитлеровской коалиции. Все они пытались обеспечить себе оперативные позиции как в своих оккупационных зонах, так и в зонах противника, причем последнее было даже существеннее.

Первая попытка организовать постоянный разведывательный орган на территории бывшего рейха была сделана совместно МИ-5, МИ-6 и секцией “Икс-2” ОСС. Эта объединенная англо-американская точка специализировалась исключительно на контрразведке, а ее руководителями были Тар Робертсон из МИ-5 и Роберт Блум из “Икс-2”. Французы также попытались поучаствовать в работе совместной резидентуры, однако им достаточно резко заявили, что все происходящее в этой сфере их не касается. Кроме того, МИ-5 сформировала и направила в Германию Особый контрразведывательный отряд (СКИ) для борьбы с нацистским подпольем. Совместной структурой западных союзников являлся и сформированный еще в ноябре 1943 года Англо-американский комитет по руководству работой разведки по ядерной тематике. В Германии сразу же появились направленные им группы, в задачу которых входил сбор всех документов и материалов, а также захват и вывоз специалистов, имеющих отношение к созданию германской атомной бомбы. При всей важности таких органов, они носили временный характер и предназначались для обеспечения сиюминутных потребностей Лондона и Вашингтона. Стратегическая задача состояла в организации постоянных резидентур в германской столице.

ОСС попыталось организовать свою точку в Берлине немедленно после победы, однако советские войска допустили союзников в отведенные им секторы только 4 июля 1945 года, а

Дик Уайт

до того ни один американский или британский разведчик не мог легально ступить на эту территорию. Такой шаг сразу же отсек их от оставшихся в городе архивов и значительно подорвал будущие оперативные позиции. И лишь 4 июля группа сотрудников ОСС обосновалась на улице Ференвег в пригороде Берлина Далеме, создав таким образом первую резидентуру американской разведки в столице Германии. Берлинская оперативная база (БОБ) имела секции разведывательных операций СИ и контрразведки “Икс-2” и некоторое время последовательно возглавлялась будущими директорами ЦРУ Алленом Даллесом и Ричардом Хелмсом, вскоре передавшим дела специалисту по контрразведке профессору Дана Дюранду. Первые операции БОБ против советских спецслужб относятся к концу 1945 года. Упор делался на получение информации от так называемых перемещенных лиц, под которыми понимались советские граждане, либо насильно угнанные в Германию на принудительные работы, либо военнопленные, либо добровольно бежавшие вместе с немецкими войсками.

СИС приблизительно в это же время открыла в Берлине свою резидентуру под прикрытием разведывательного отделения Британской контрольной комиссии и разместила ее на старом олимпийском стадионе германской столицы, постепенно доведя численность персонала до ста сотрудников. Резидентом являлся Дж. Летбридж, а линию контрразведки возглавлял Дик Уайт, переведенный из МИ-5 в СХАЕФ. Цели и задачи МИ-6 в Берлине практически совпадали с таковыми для ОСС, да и источники информации были у них приблизительно одинаковы. Архивы и картотека Гелена стали общим англо-американским достоянием и составили основу послевоенной базы для оперативной работы против СССР. Однако берлинская точка считалась передовой базой, а главная резидентура СИС под руководством Гарольда Шерголда располагалась в Бад-Зальцфлене. Еще одна “станция” находилась в Дюссельдорфе. В Германии действовала также и крайне засекреченная группа СОЕ ME-42, прикомандированная к штабу 21-й группы армий. Ее задачи заключались в создании основы для ведения оперативной работы против Советского Союза в его оккупационной зоне, насаждении агентуры, создании баз оружия, средств взрывания и связи. Использо-

лась материальная часть исключительно германского производства, поэтому в случае обнаружения таких складов причастность Великобритании к их созданию была правдоподобно отрицается. Военная разведка оборудовала свою главную точку в курортном городке Бад-Оенхаузен в земле Северный Рейн — Вестфалия, ее руководителем являлся Джеральд Темплер, носивший невысокое для такого поста звание капитана.

Органы разведки и контрразведки Советского Союза на территории Германии приобрели определенную структуру практически сразу же после победы. Разместившись в Карлсхорсте Управлением внутренних дел в составе Советской Военной администрации руководил генерал-полковник И. А. Серов, одновременно являвшийся уполномоченным НКВД СССР в группе Советских оккупационных войск в Германии. Ему подчинялись не только органы государственной безопасности, но и местные полицейские службы, пожарные части и тюрьмы в советском секторе оккупации. Контрразведка на территории Германии велась силами Берлинского оперсектора, которым руководил начальник отдела общественной безопасности и внутренних дел при Советской Военной администрации генерал-майор А. М. Сиднев. Оперсектор был сформирован из офицеров контрразведки “СМЕРШ” 1-го Белорусского фронта, позднее аналогичные органы возникли в столице каждой земли Восточной Германии. В Потсдаме появилось Управление военной контрразведки советских оккупационных войск в Германии под руководством бывшего начальника “СМЕРШ” 1-го Белорусского фронта генерал-майора А. А. Вадиса.

На территории Германии были образованы также и разведывательные органы. Временные оперативные группы внешней разведки, прикомандированные к 1-му и 2-му Белорусскому и 1-му Украинскому фронтам, были усилены несколькими направленными из Москвы сотрудниками и объединены в первую послевоенную “легальную” резидентуру в составе Аппарата политического советника при главнокомандующем Советской Военной администрации в Германии. В октябре 1945 года ее первым резидентом стал А. М. Коротков, занимавший по прикрытию должность заместителя политсоветника. Вначале точка насчитывала лишь шесть оперативных сотрудников, но этого было крайне недостаточно, поэтому во всех оперсекторах на территории Германии были сформированы отделения разведывательной информации. Следует заметить, что советская разведка, в отличие от западных, не испытывала особых колебаний при привлечении на службу бывших членов СС, СД и гестапо.

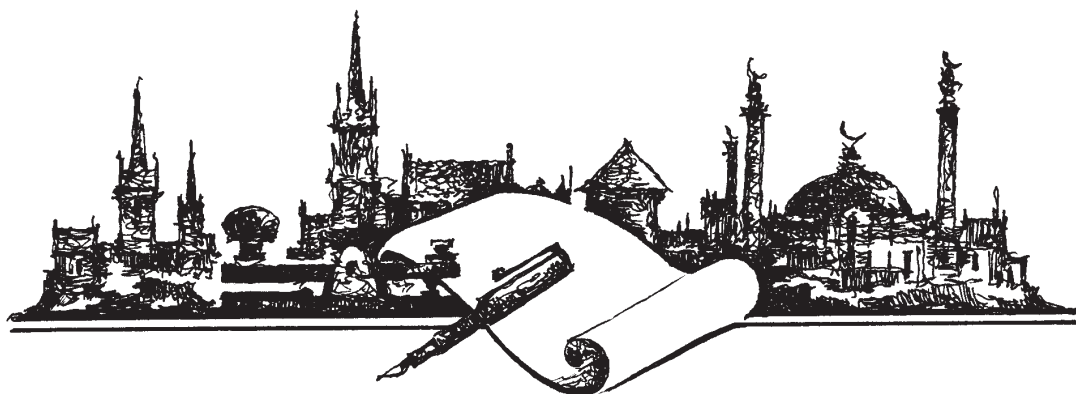
Одним из важнейших направлений деятельности всех спецслужб стран-победительниц явилось добывание военных и научно-технических секретов поверженного Третьего рейха. Широко известно, что американцы захватили и вывезли в США конструктора немецкого ракетного оружия Вернера фон Брауна, в дальнейшем занимавшегося своей прежней деятельностью, но теперь уже для Соединенных Штатов. Совместная операция разведки и армии “Алсос” была направлена на поиск и вывоз в США ученых, технологии и документации, связанной с разработкой и производством ядерного оружия. Как известно, она окончилась успешно, однако не принесла американцам особой пользы, поскольку германский путь создания атомной бомбы был не слишком перспективен.

Значительно менее известно, какими трофейными технологическими и научными открытиями обогатилась советская наука и техника. Безусловно, в их поиске принимали участие далеко не только разведчики, но и многочисленные специалисты самых различных ведомств, однако роль оперативных органов в обеспечении этого процесса являлась неоспоримой. Безусловно, им существенно помогали ученые и инженеры, прикомандированные к разведорганам 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Среди наиболее привлекательных для СССР направлений были радиолокационные установки, носители, двигатели и системы управления и наведения ракетного оружия, радио и телевизионная аппаратура, реактивные самолеты, оперативная техника разведки и контрразведки. В СССР были полностью вывезены целые научно-исследовательские учреждения, например, лаборатории концерна “Сименс”, Лейпцигского университета и Физического института Общества кайзера Вильгельма, а также оборудование расположенных на территории бывшего генерал-губернаторства, а теперь вновь Польши, заводов по производству самолетов-снарядов V-1 “Гута Банкова” и “Ферум”. Ядерный проект СССР существенно продвинулся благодаря захвату архивов упоминавшегося Физического института и трех циклотронов, почти 200 тонн окиси урана из Бельгийского Конго и металлического урана, а также всего оборудования частного

института барона Манфреда Этмонта фон Арденне, включая уникальный электронный микроскоп. Ряд видных ученых в дальнейшем работали в СССР и внесли существенный вклад в создание ядерного оружия. В советской зоне оккупации оказались также Научно-исследовательский институт ракетного оружия в Пенемюнде на острове Узедом, занимавшийся разработками радиолокаторов научно-исследовательский институт фирмы “Телефункен”, заводы и конструкторские бюро авиастроительных фирм “Арадо”, “Фокке-Вульф”, “Мессершмитт” и “Юнкерс”. Вывезенные в СССР ученые из этой последней фирмы составили костяк научно-технического персонала трех авиационных конструкторских бюро. Одним из важнейших объектов в охоте за германскими научно-техническими секретами являлся Центральный военно-технический архив Германии, на поиск которого были брошены подразделения “СМЕРШ” по всей Европе. Контрразведка установила, что незадолго до падения Третьего рейха архив был погружен в 30 железнодорожных вагонов и под охраной СС отправлен в направлении Праги. Пропавший эшелон действительно обнаружился в столице Чехословакии лишь в сентябре 1945 года, причем еще не полностью вошедшие в советскую орбиту чехословаки успели изъять 20 тонн чертежей и иной технической документации. После соответствующего нажима по дипломатической линии президент Бенеш понял, что конфликтовать с Москвой по такому поводу не следует, и отдал распоряжение возвратить материалы.

* * *

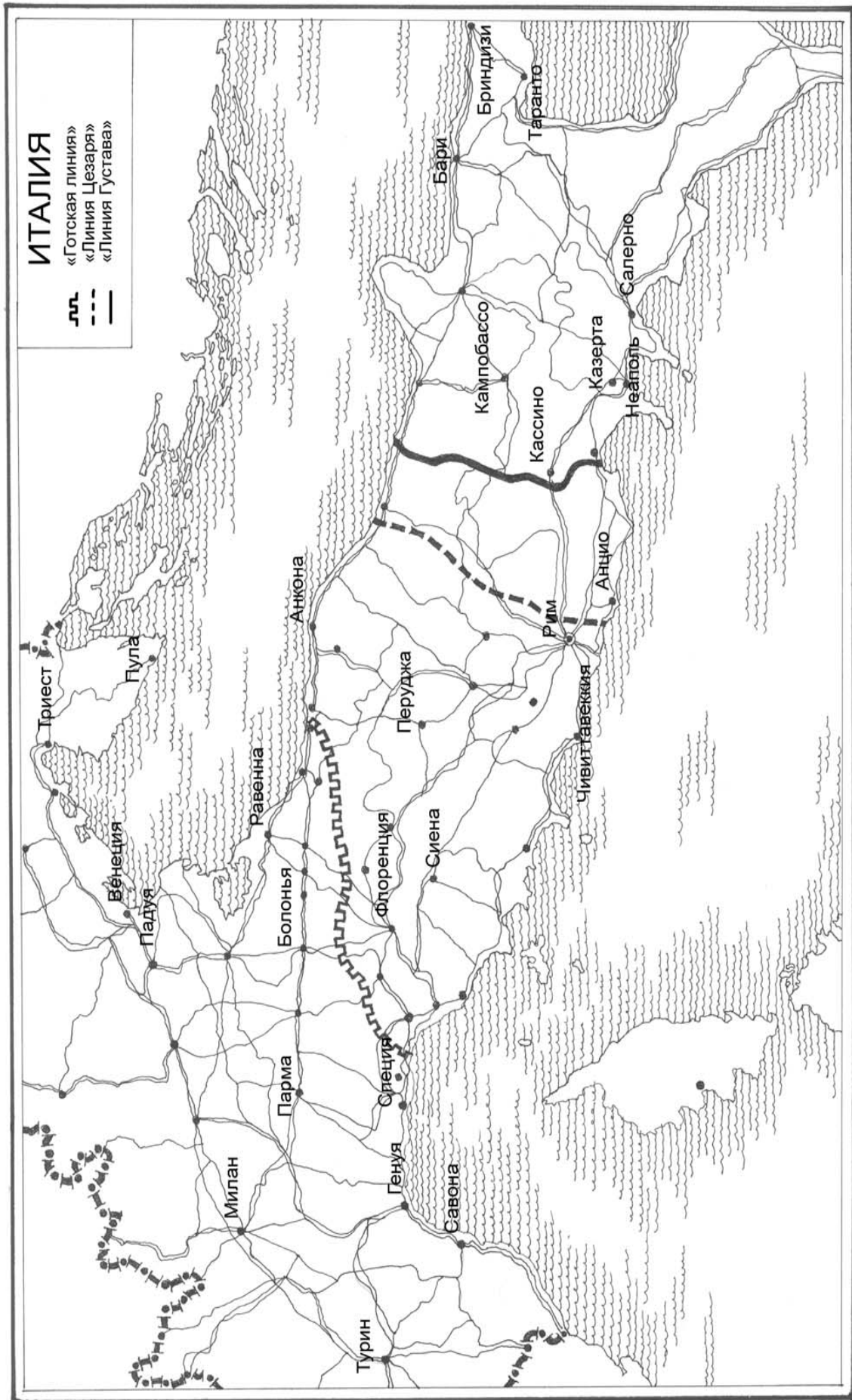
Вторая мировая война в Европе закончилась на территории государства, ее начавшего — Германии. Однако в течение еще десятков послевоенных лет Западный Берлин являлся одним из мировых центров тайных операций, а Германская демократическая республика и Федеративная республика Германии представляли собой форпосты противостояния разведок Востока и Запада.

ИТАЛИЯ

1. МЛАДШИЙ ПАРТНЕР

История взаимоотношений Германии с Италией — ее главным стратегическим союзником накануне и в период Второй мировой войны — наглядно иллюстрирует один из существенных изъянов в аналитических способностях Гитлера. В поисках параллелей с текущими событиями фюрер уделял серьезное внимание изучению истории, однако постоянно ошибался и извлекал из нее ошибочные уроки. Именно это произошло в военно-стратегическом партнерстве с Римом, поскольку поведение Муссолини практически точно повторяло дипломатические маневры его страны, сопровождавшие ее вступление в Первую мировую войну в 1915 году. Гитлер считал, что располагает в Средиземноморском регионе мощным союзником, готовым поддержать его в борьбе за европейское господство, но в решающий момент обнаружилось, что Италия к войне не готова, ее полторы сотни дивизий и миллионные резервы являются пропагандистской фикцией, разрекламированные военно-воздушные силы не обладают реальной ударной мощью, а многочисленный флот не в состоянии противостоять британскому. В погоне за высокой скоростью хода итальянские кораблестроители пожертвовали вооружением и защищенностью кораблей, за что ВМС Италии заслуженно получили пренебрежительную кличку “гонимый флот”. Высшее руководство страны не только не сумело воспитать из итальянцев “расу воинов”, но и само не слишком горело желанием очертя голову бросаться в боевые действия. Даже агрессивный дуче прекрасно понимал, что одна лишь мобилизация вооруженных сил, хотя бы и без участия в боях, нанесет непоправимый ущерб экономике страны. С другой стороны, соблазн принять участие в добывании уже поверженного Германией противника был весьма силен, поскольку лишь это позволяло рассчитывать на получение своей части военной добычи. Муссолини метался между мечтами и реальностью, и одновременно совершенно не собирался следовать планам Гитлера. Он лелеял надежду все же успеть вступить в войну в нужный момент и войти в число победителей, однако на своих условиях, то есть там и тогда, где, по его мнению, Италия сможет добиться наивыгоднейших результатов. Уязвимым местом любой военной коалиции является ненадежность и слабость одного из союзников, что и имело место во взаимоотношениях Берлина с Римом. Следует отметить, что в предвоенные месяцы это не составляло особого секрета. Оценка степени возможностей и желания Италии участвовать в войне на стороне Германии и на ее условиях стала бы довольно легкой задачей для разведывательных служб Третьего рейха, если бы только она была перед ними поставлена. Знать своего друга важно не менее, чем своего врага. Дальновидные государственные деятели и военачальники непременно включают в перечень ключевых задач разведки изучение не только противников, но и союзников, в противном случае выработка решений в военной и политической сферах не основывается на реальной базе. Именно это и произошло в данном случае, Рим повел себя совершенно не так, как этого ожидал Гитлер, и никакие его дипломатические и иные ухищрения не помогли сдвинуть ситуацию с мертвой точки.

Фюрер понял, что взаимоотношения с Римом развиваются иначе, чем ему хотелось бы, еще 25 августа 1939 года, когда в ответ на его запрос о союзническом участии Италии в войне Муссолини затребовал приблизительно 17 тысяч вагонов различных видов вооружения и снабжения, то есть заведомо непосильное для германской экономики количество. Тогда Гитлер попросил дуче хотя бы сохранять в секрете свое решение соблюдать нейтралитет, но тот поступил строго противоположным образом. В стремлении поддерживать свое реноме в глазах Лондона и Парижа Муссолини немедленно проинформировал их о линии поведения Рима. Пытаясь как-то выделиться и набрать очки в стремительно разворачивавшемся европейском кризисе, он изобрел для статуса Италии термин “невоюющая сторона” и 1 сентября объявил об этом в кабинете министров. Дуче публично сообщил о неготовности государства к войне, опровергнув тем самым свои же громогласные заверения о наличии в его армии 150 дивизий и 12 миллионов резервистов. Фактически в тот момент страна располагала всего 10 дивизиями с устаревшим вооружением, и хотя точные данные об этом оставались недоступными общественности, народ достаточно быстро понял, что все идет совершенно иначе, чем на протяжении почти двух десятилетий заявляла фашистская партия. Следствием этого стало катастрофическое падение доверия к ней и к правительству, хотя сам дуче в очередной раз сумел свалить вину на других. Он сместил партийное и военное руководство и на время успокоил общество, Гитлеру же сообщил, что статус “невоюющей стороны” не означает нейтралитет, а, наоборот, позволяет пробить брешь в британской блокаде рейха и выгодно использовать возможности разведки.

Несмотря на всю неприглядность такого союзнического поведения, Муссолини трудно винить за него. После агрессивных шагов Гитлера в Австрии и других частях Европы дуче абсолютно не доверял своему партнеру по Антикоминтерновскому пакту и совершенно не исключал возможность подвергнуться нападению со стороны Германии. Серьезность его опасений доказывает строительство Италией укреплений на бывшей австрийской, ныне германской границе. Самым выгодным для своей страны Муссолини полагал активную дипломатическую деятельность по поиску примирения враждующих сторон, и осенью 1939 года многие действительно рассматривали его как единственно возможного посредника в этом вопросе. В глубине души дуче отчаянно хотелось поучаствовать в европейской войне, однако степень неготовности Италии к ней была столь вопиюще очевидна, что это стремление пришлось пока отставить. Одним из выходов Муссолини считал принципиальное изменение характера и целей войны, поэтому в январе 1941 года предложил Гитлеру попытаться заключить мир с западными державами и освободившимися силами совместно атаковать Советский Союз, но фюрер оставил эту идею без ответа. Рим не мог рассчитывать на свою долю военной добычи без участия страны в боевых действиях, а зимой 1939/1940 года победа Третьего рейха казалась весьма вероятной. Поэтому Муссолини проводил интенсивную подготовку к хотя бы краткосрочной войне и в марте объявил о готовности страны к ней. Он сделал свой выбор, оказавшийся для Италии роковым.

К этому времени ее политические специальные службы по-прежнему были представлены ОВРА и Отделом общих и тайных дел при секретариате генеральной дирекции общественной безопасности, до 14 апреля 1943 года возглавлявшимся Кармине Сенизе, но затем внезапно уволенным по личному указанию дуче. В отличие от них, оперативные органы военного министерства претерпели некоторые изменения по сравнению с предвоенным периодом. В августе 1939 года Службу военной разведки (СИМ) возглавил первый в ее истории генерал Джакомо Карбони. Вскоре после назначения он начал разрабатывать проект изменения структуры ведомства и к 10 декабря завершил подготовку к его реорганизации. Изданный в этот день циркуляр военного министра с 16 декабря вводил новые штаты СИМ, теперь получавшей три оперативных отдела, административную секцию и бюро связи с министерством иностранных дел. Как и прежде, службу возглавляли начальник и его заместитель, которым являлся полковник генерального штаба Чезаре Амэ. В вооруженных силах Италии воинские части традиционно носили собственные имена, и теперь это правило было распространено на разведку, отделам которой были присвоены имена трех ветеранов службы. Основными подразделениями аппарата СИМ являлись:

- “ударный” отдел Кальдерини (оперативный) во главе с подполковником генерального штаба Джованни Дуке, состоявший из секретариата и 6 отделений;

- “ситуационный” отдел Дзуретти (информационно-аналитический) во главе с подполковником генерального штаба Людовико Донати. Он состоял из секретариата и 4 отделений, располагал правами отдела кадров всей службы и отвечал за визирование всех относящихся к ее компетенции технических и иных профессиональных документов;
- “оборонный” отдел Верри (контрразведывательный) во главе с подполковником корпуса карабинеров Санто Эмануэле. Уже 14 декабря 1939 года отдел был переименован и получил имя Бонсиньоре. В его составе имелись секретариат, 4 отделения и несколько так называемых “специальных центров министерства обороны” (ЧЕДИС).

Карбони сразу же вступил в конфликт с подполковником Эмануэле, основательно вовлеченным в неприглядные политические акции, в том числе убийства оппозиционеров. Новый руководитель СИМ потребовал у начальника генерального штаба убрать его из службы, на что тот пообещал в ближайшее же время исправить положение и попросил Карбони немного потерпеть. Снятие Эмануэле с занимаемой должности было весьма непростой задачей, слишком большим количеством острой информации располагал начальник контрразведки, и слишком много влиятельных деятелей режима поддерживали его. Вероятно, при желании он смог бы возглавить и всю СИМ, хотя и не сделал этого. Карбони ничем не был ему обязан и не собирался терпеть столь неудобного и компрометирующего подчиненного, однако для отстранения Эмануэле влияния генерала явно не хватало. Тем не менее, 19 февраля 1940 года он направил военному министру письмо с изложением обстановки в контрразведке, в котором, в частности, писал: “Внутренние подразделения отдела как в центре, так и на периферии совсем незаметны, в то время как их энергия и средства растрачиваются в основном на второстепенную, вспомогательную деятельность, часто частного и конъюнктурного порядка, чуждого кардинальным задачам охраны военных секретов от внешнего проникновения, как никогда активизировавшегося в настоящее время. Главная причина подобного перерождения контрразведки, на мой взгляд, в сепаратности и бесконтрольности ее действий в течение долгого времени... Предлагаю, чтобы он (Эмануэле — И. Л.) был заменен на этой должности офицером более высокого звания, право выбора которого я оставляю за собой”²⁰¹.

Увы, Карбони переоценил свое влияние. Военный министр не захотел или не смог пойти навстречу ему в этом вопросе, и обстановка в службе еще более обострилась. Ее попытка разрешить курировавший разведку заместитель военного министра генерал Убальдо Содду, который 24 апреля 1940 года выделил контрразведку из состава СИМ в самостоятельную структуру под названием “Военная контрразведка и специальные службы” (КСМСС). В результате 27 апреля Карбони подал в отставку, однако Содду уговорил его забрать свой рапорт обратно и немного подождать, мотивируя это намерением через три месяца возродить “оборонный” отдел, но уже без Эмануэле. Начальник разведки так и не дождался выполнения данного ему обещания и в сентябре покинул пост, уйдя на должность начальника Академии пехоты и кавалерии — дивизии “Фриули”. Его сменил Чезаре Амэ, “больше похожий на немца, чем на итальянца”²⁰². Этот достаточно решительный человек тоже отнюдь не был удовлетворен своим начальником контрразведки, однако и ему долгое время не удавалось справиться с влиятельным подчиненным, получившим к этому времени очередное звание полковника. Эмануэле оставался на своем месте вплоть до ухода с должности покровительствовавшего ему заместителя военного министра генерала Содду. Его преемник генерал Гуццони немедленно санкционировал проведение расследования деятельности контрразведки, и 5 января 1941 года Эмануэле был отстранен от службы за хищение 100 тысяч лир. Покидая служебный кабинет, для обеспечения гарантии своей безопасности он унес с собой несколько мешков с секретными документами, и хотя впоследствии Амэ уверял, что сумел вернуть все досье, это вряд ли соответствовало истине. Отдел Бонсиньоре возглавил полковник Винченцо Тоски.

Апрельская реформа контрразведки привела к появлению в вооруженных силах четырех оперативных органов:

- Службы военной разведки (СИМ), действовавшей в интересах как сухопутных войск, так и военного руководства в целом;
- Секретной разведывательной службы военно-морских сил (СИС);
- Секретной разведывательной службы авиации (СИА);

- подразделения “Военная контрразведка и специальные службы” (КСМСС), отвечавшего за контрразведывательное обеспечение всех видов вооруженных сил. До образования КСМСС контрразведка СИМ обслуживала также ВМС и ВВС, а СИС и СИА соответствующих отделов не имели.

Все эти структуры курировал заместитель военного министра, не располагавший, однако, соответствующим аппаратом для координации их действий. Следствием этого явилось отсутствие единого плана их работы и разграничения сфер ответственности, возникновение недоверия и конкуренция и даже взаимные аресты агентов. Образование КСМСС наряду с аппаратными целями вывода Эмануэле из-под контроля разведки преследовало и задачу централизации контрразведывательной работы, но опыт оказался неудачным, и подразделения вскоре распустили. В таком состоянии итальянская военная разведка вступила во Вторую мировую войну.

К середине 1940 года Муссолини уже принял опрометчивое решение ввязаться в европейский конфликт на стороне рейха, однако все еще надеялся получить преимущества страны-победительницы, реально не участвуя в боях. Для дуче, рассчитывавшего на более глубокое увязание союзника в конфликте, германский блицкриг во Франции оказался неожиданным и в некоторой степени неприятным сюрпризом. Стало ясно, что дальнейшее промедление с вступлением в боевые действия лишит страну шанса претендовать на плоды победы. 10 июня 1940 года Италия объявила войну Франции, но переходить в наступление не торопилась. Лишь после получения просьбы о перемирии Муссолини стало ясно, что его номинальная противница окончательно разгромлена, и он отдал приказ войскам вторгнуться на ее территорию. Их продвижение происходило абсолютно бессистемно и бездарно, и только отчаянное положение французов избавило итальянцев от мощного контрудара. После подписания соглашения о перемирии Гитлер рассчитывал получить от союзника помощь в Египте, оптимальном регионе с точки зрения коалиционной стратегии. Однако вместо этого Муссолини решил повести свою собственную параллельную войну и 28 октября 1940 года без какой-либо особой на то необходимости вторгся в Грецию. Командующие флотом и авиацией получили сообщение о предстоящих действиях лишь за несколько дней до начала кампании, а командующий армией маршал Рудольфо Грациани вообще узнал о ней из сообщения по радио. Как обычно, Муссолини блефовал даже перед собственными генералами, уверяя их, что СИМ удалось подкупить весь высший командный состав греческой армии, поэтому никакого серьезного сопротивления не ожидается. Увы, итальянцев ожидало горькое разочарование. Греки оказались серьезным противником, справиться с которым смогли лишь немцы, спешно спланировавшие новую, неожиданную для себя кампанию. После этого Гитлер никогда уже всерьез не рассчитывал на своего стратегического союзника и, как правило, даже не ставил Муссолини в известность о своих ближайших намерениях. Начальник генерального штаба маршал Пьетро Бадольо не побоялся выступить с заявлением об ответственности Муссолини за неудачу на фронте, за что и был отстранен от должности.

Италия не могла похвастаться победами на фронтах. Воевать на суше без помощи немцев не получалось, и в попытке исправить положение административными методами дуче пошел на беспрецедентный и нелепый шаг. Объявив “гражданскую мобилизацию” высокопоставленных функционеров фашистской партии и правительства, он отправил их “добровольцами” на командные посты на албанском фронте, не освободив при этом от исполнения прямых обязанностей. В результате ухудшилось управление войсками, и одновременно полностью расстроилась система управления государством. Оставшиеся в Риме заместители министров не обладали должными полномочиями, и подчас требовавшие подписей функционеров гражданские документы доставлялись к ним на фронт под огнем противника.

В этой сложной обстановке итальянские разведывательные службы показали себя неплохо. Естественно, теперь их главной задачей являлась оперативная разведка, на которую были отвлечены все силы в ущерб стратегической, возложенной преимущественно на радиоразведку армии и флота. Ввиду традиционно высокой в Италии оценки этого вида разведки 5-ю секцию СИМ (криптоанализ) возглавлял один из лучших в странах “оси” дешифровальщиков бригадный генерал Витторио Гамба, владевший 25 языками. Ему непосредственно подчинялись 50 человек персонала секции и косвенно — ответственная за радиоперехваты 6-я секция СИМ, располагавшаяся в форте Бонеа около Ватикана. В ней имелась возглавляемая подполковником Джино Манчини подсекция, разрабатывавшая собственные шифры

и коды. В среднем на протяжении Второй мировой войны 6-я секция СИМ ежемесячно перехватывала около 8 тысяч радиограмм противника, из которых 5 тысяч признавались достойными изучения и передавались в 5-ю секцию. После окончательной сортировки усилия армейских криптоаналитиков сосредоточивались на 3,5 тысячах сообщений. Наибольших успехов итальянские дешифровальщики добились во вскрытии британских, румынских и турецких кодов и шифров. Вскрытие югославской шифрпереписки позволило компенсировать некоторые промахи полевого командования в планировании и проведении войсковых операций. Однако далеко не всегда это являлось заслугой математиков, немалую роль в компрометации шифрсистем противника сыграла агентурная разведка, добывшая не менее 50 ключей, в том числе “Черный код” военных атташе Соединенных Штатов. Курьер посольства Лорис Жерарди летом 1941 года изготовил слепок с ключа от сейфа атташе в Риме полковника Нормана Фиске, после чего в августе оперативники СИМ похитили хранившийся в нем код, а впоследствии передали его также и немцам. В 1943 году они же проникли в помещения, занимаемые британским послом в Ватикане, и пересняли все шифровальные материалы.

Морская разведка Италии (СИС) также добилась некоторых успехов в области радиоразведки, в частности в прочтении британских военно-морских кодов, хотя на ее счету значится и некоторое количество удачных агентурных операций. С мая 1941 года СИС возглавлялась адмиралом Франко Маутери и состояла из четырех отделов:

- “Б” — радиоразведка;
- “Ц” — оперативный отдел;
- “Д” — информационно-аналитический отдел;
- “Е” — руководство военно-морскими атташе и резидентурами в Мадриде, Стамбуле и Шанхае.

Именно СИС начала в 1934 году сотрудничество с Германией в вопросах радиоразведки и криптоанализа, установив взаимодействие со “Службой Б” кригсмарине. Несмотря на заметную предубежденность немцев против итальянского союзника, Рим оставался единственным партнером рейха, почти на равных с ним способным и готовым заниматься вскрытием французской и британской переписки. Ради этого стоило пренебречь даже отсутствием систематичности в работе итальянцев и весьма сомнительной секретностью, которой никогда не отличались сотрудники СИС. Расчет оправдался, в 1938 году совместная работа помогла вскрыть британский военно-морской код, а осенью 1939 года перед “Службой Б” и СИС не устоял межсоюзнический англо-французский код. Партнеры не прикомандировывали друг к другу своих представителей, а вместо этого проложили между двумя столицами защищенный прямой телетайпный канал и с июня 1940 года регулярно обменивались по нему информацией.

Летом 1938 года к сотрудничеству подключилась и СИМ. Генерал Гамба по собственной инициативе прибыл в Берлин и предложил шифровальному бюро армии (“Ши”) совместно заняться французской дипломатической перепиской, а с начала 1940 года — и всеми остальными представляющими взаимный интерес направлениями. Соглашение включало в себя обмен текстами перехватов и ключами, в рамках которого немцы получили шифр для связи Парижа с посольствами на Дальнем Востоке, а итальянцы — шифровальные материалы, захваченные рейдером “Атлантис” на рефрижераторе “Аутомедон”. В обоих направлениях проходило немало информации по американским системам А.1, В.1 и С.1. По ним же в Берлине довольно успешно работал и реферат МИД “Перс. Ц”, однако его сотрудники не делились своими успехами с военными. Практическая передача всех материалов осуществлялась через находившегося в Берлине офицера связи СИМ. Тем не менее, отношения между партнерами были далеки от искренности. Немцы умалчивали о результатах работы по шифру государственного департамента США М-138 и швейцарским коммерческим “Эниграм”, а Гамба запретил передавать им шифры Ватикана. Такое отношение явилось результатом обоюдного разочарования в удачно начинавшемся сотрудничестве. Итальянцев нервировало пренебрежительно-покровительственное отношение союзников к стране, заложившей основы криптографии нового времени, а немцев раздражал поверхностный подход партнеров к делу, недостаточная энергичность, отсутствие системы в работе и учете. Одним из поводов для выяснения отношений послужил эпизод со скрытием шифра, которое итальянцы представили как собственное достижение. В действительности они получили все материалы от “Ши”, но просто забыли об этом.

В начале войны старший криптоаналитик шифровального бюро войск связи Вильгельм Феннер прибыл в Рим в сопровождении руководителя французской группы “Ши” Рудольфа Траппе и был весьма разочарован оказанным приемом. Итальянцы были безукоризненно вежливы, но не показали немцам ничего существенного, скрыли даже организационную структуру и численность своей службы, ее оперативные планы и направления деятельности. Феннер впоследствии заявлял, что Гамба прятал от него самые незначительные клочки бумаги на своем рабочем столе. Не устраивала немцев и бессистемная постановка перехватов, страдавшая от некомплекта работников. Однако некоторые суждения эмиссара “Ши” оказались явно поверхностными. Например, он ошибочно утверждал, что СИМ способна читать лишь слабые коды без перешифровки, хотя тут же отметил, что был крайне поражен вскрытием югославского кода с двойной перешифровкой, требовавшим длительной и кропотливой работы.

Миссия Феннера не привела к длительному улучшению взаимодействия. Немцы были обеспокоены недостаточной секретностью итальянцев и полагали, что их шифры и коды легко поддаются вскрытию. Это убеждение основывалось на том, что они сами с 1920-х годов читали дипломатическую и военную переписку Рима, а в начале 1941 года абвер добыл в Турции свидетельства того, что это же делают и британцы. Специальный курьер из “Ши” предупредил СИМ об опасности и указал на слабые места их шифрсистем, но его визит остался без последствий. Все это только укрепляло возникшую подозрительность и распространилось теперь и на взаимоотношения СИМ и “Службы Б”. С осени 1941 года радиоразведчики кригсмарине убрали из направляемых в Рим сообщений дешифровальные материалы и ограничивались лишь анализом перехвата, так же поступали и немцы. В декабре 1942 года Феннер вновь появился в СИМ с сообщением о слабости итальянских шифров и категорическим требованием заменить их на разработанные немцами системы. Ему предстояла весьма деликатная задача, поскольку итальянцы могли задать вопрос, откуда немцы знают о степени стойкости их систем и не читают ли они переписку своего главного союзника? Но в СИМ об этом, как ни странно, не подумали, а просто решили, что “Ши” пытается перевести их закрытую связь в доступный для себя режим. В результате миссия Феннера сорвалась, что означало фактическое окончание сотрудничества двух стран в области радиоразведки.

Начало войны с некогда дружественным Италии Советским Союзом также привело к недоразумениям во взаимоотношениях с рейхом, но уже на высшем уровне. Гитлер надеялся на помощь итальянских войск в Северной Африке, где их участие в боях против англичан было крайне важным. Однако Муссолини настоял на отправке дивизий на Восточный фронт, поскольку по непонятной причине был абсолютно убежден в их подавляющем превосходстве над Красной Армией. Дуче вновь хотел пожать плоды победы, к которым Гитлер явно не подпустил бы его без оказания военной помощи. Отношения между союзниками портились все больше, и Муссолини с немалой долей злорадства наблюдал за проблемами, с которыми фюрер сталкивался на Востоке. Дуче по-прежнему не исключал возможности принципиального ухудшения отношений с Берлином и до 1942 года продолжал возводить укрепления на границе с Германией. Несмотря на недовольство Гитлера, в июле 1941 года на Восточный фронт отправились первые итальянские войска в составе наиболее боеготовых и оснащенных механизированных дивизий “Пасубио” и “Торино” и подвижной дивизии “Чезаре”. Эти части имели двухполковой состав и скорее соответствовали не дивизиям, а бригадам. Позднее в СССР прибыли еще три дивизии альпийского корпуса “Тридинтина”, “Юлия” и “Кунеенс”, три армейские дивизии “Равенна”, “Коссерия” и “Сфорцеска”, дивизия неполного состава “Винченца” для охраны тылов и 4 бригады Добровольческой милиции национальной безопасности. Муссолини вновь просчитался, и отправленные на Восточный фронт войска потеряли 60% офицерского и 43% рядового состава, что практически лишило их боеспособности и нанесло сильный удар по позициям фашистского режима в стране.

Разведывательные службы противников Италии до 1943 года практически не достигли в стране никаких успехов. Жесткий контрразведывательный режим почти исключал внедрение нелегалов, а операции диверсионных или разведывательных групп наталкивались на непреодолимые сложности. “Трудности в Италии усугублялись ненасытным любопытством итальянцев. Фраза “займись собственными делами” на итальянском языке немислима. Лю-

бой мог попасть под поток вопросов о его личности, его родных, его прошлом, его будущем, состоянии его здоровья, обуви, души. Воспользоваться общественным транспортом означало подвергнуться тщательному общественному изучению и расспросам. Если кто-либо шел пешком, то редко представлялась возможность — и менее всего в середине зимы, когда в горах лежал глубокий снег — избежать всех деревень, и в деревнях днем дети начинали задавать вопросы; если они не получали удовлетворительных ответов, то звали взрослых. Ночами поднимали тревогу собаки, и тогда фашистская полиция отправлялась посмотреть, кто это гуляет²⁰³. Приведенная цитата относится к беженцам из плена, но в полной мере применима и к диверсионно-разведывательным группам, для которых обстановка в Италии была еще более неблагоприятной. Приобретение опоры в оппозиционных кругах было весьма проблематичной задачей, поскольку обнародованное требование безоговорочной капитуляции Германии и Италии не оставляло надежды для каких-либо группировок в правительстве занять руководящие посты после достижения договоренности с противником. Попытки МИ-6 и СОЕ набрать агентуру на территории Соединенных Штатов закончились полным провалом и привели к глубокому разочарованию. Итальянские эмигранты охотно завербовывались и получали денежное вознаграждение, но их энтузиазм немедленно пропадал, как только речь заходила о необходимости отправляться на задания. Вскоре британцы поняли, что все эти «агенты» в действительности стремятся лишь максимально обобрать их, не выполняя своих обязательств даже в минимальном объеме. Единственный итальянец, действительно заброшенный с десантно-диверсионной группой в северную Италию в феврале 1941 года в качестве проводника, был схвачен и казнен. В результате до лета 1943 года ни одна из разведок западных союзников не сумела организовать и провести в стране ни одной операции.

Советский Союз до 1941 года имел возможность вести разведку в Италии с легальных позиций. Как уже указывалось, эта деятельность была свернута после истории с провалом нелегального резидента М. М. Аксельрода («Ост»), связника которого Гертруду Шильдбах («Ли») выдал Игнатий Рейсс. После этого личный состав обеих заграничных внешней разведки срочно эвакуировался, что нарушило связи не только с агентом «Дункан» (Франческо Константино), но и с другими источниками, в том числе занимавшими выгодные разведывательные позиции. Один из них был завербован в ближайшем личном окружении Муссолини, другой, работавший на центральном почтамте Рима, обеспечивал перехват дипломатической переписки посольства и военного атташе Японии. После отъезда в Москву «легального» резидента НКВД СССР Д. Г. Федичкина вся агентура была законсервирована, а от планов создания двух новых нелегальных точек в Риме и Милане с каналами связи на Турцию отказались. Внешняя разведка не проводила операций в Италии до 1940 года, когда в связи с уменьшением напряженности и облегчением контрразведывательной обстановки «легальная» резидентура возобновила свое существование. В ней работали три оперативных сотрудника, сумевшие восстановить связь с половиной законсервированных агентов. Наибольших успехов они добились по линиям политической и научно-технической разведки, однако в 1941 году посольство СССР закрылось, и оперативная работа в Италии была прекращена вплоть до появления там советской военной миссии в 1944 году.

В 1941 году в системе итальянских спецслужб произошли изменения. СИМ перешла в подчинение к верховному командованию, и армия (сухопутные войска) осталась без собственных оперативных органов, поэтому 1 ноября 1941 года была образована Служба армейской разведки (СИЕ). Следующая серьезная реформа от 10 октября 1942 года касалась контрразведывательных органов. Все разрозненные подразделения военной контрразведки вновь возвратились в СИМ, но полной централизации органов безопасности добиться все же не удалось. Ее избежали гражданская контрразведка, которую осуществляли тайная полиция ОВРА и подчинявшаяся лично Муссолини секретная служба при президиуме совета министров во главе с генералом Джузеппе Пьеке. Последний, однако, вскоре стал руководителем итальянской военной миссии при правительстве Независимого хорватского государства, где по личной просьбе Павелича создал и возглавил политическую полицию, а затем вернулся в Италию на должность главнокомандующего корпусом карабинеров. Значительно улучшилось взаимодействие итальянских разведчиков с немецкими, что явилось обоюдной заслугой Амэ и Канариса. СИМ набирала силу. В феврале 1943 года ей подчинили разведывательные отделы всех воинских частей и соединений, а с 5 мая Служба военной разведки стала единственным оперативным органом, уполномоченным на проведение внешних разведывательных операций.

Как это зачастую случается, укрепление итальянских специальных служб проходило на фоне заката фашистского режима. Тяготы войны, потери в Северной Африке и на Восточном фронте, экономический коллапс страны и утрата национального престижа привели к резкому падению авторитета фашистской партии и ее лидера. Муссолини все более терял уверенность не только в победе, но и вообще в сравнительно безболезненном выходе из войны, и эти настроения еще более усугублялись его пошатнувшимся здоровьем и ослаблением воли. Дуче все еще пытался переломить ситуацию ротацией генералов и в январе 1943 года после потери Ливии и отступления в Тунисе снял с должности начальника генерального штаба Кавальеро. Он зондировал почву относительно заключения сепаратного мира, но прекратил эти попытки, когда узнал, что никто на Западе не желает иметь с ним дела. В 1943 году после встречи с Муссолини в замке Клессхайм около Мюнхена Гитлер понял, что фашистскому режиму в Италии приходит конец. Фюрер не мог допустить потерю стратегически важного полуострова, который в этом случае мгновенно и неизбежно заняли бы войска Великобритании и Соединенных Штатов, и распорядился немедленно начать планирование операции “Аларих” по оккупации Италии в случае ее выхода из войны. В стране уже располагались части вермахта, а на Сицилии они находились еще с осени 1941 года. Итальянское руководство в это время постепенно готовило отход своей страны от союзника по “оси”, однако никаких планов обороны не имело.

Толчком к развитию ситуации стал захват англичанами 1 июня 1943 года первой собственно итальянской территории — острова Пантеллерия — без какого-либо сопротивления со стороны его защитников, что абсолютно дискредитировало Муссолини в глазах народа и командования. Ситуация в стране еще более обострилась после оккупации союзными войсками Сицилии 9 и 10 июля, немедленно переломившей стратегическую обстановку во всем бассейне Средиземного моря. На состоявшемся 25 июля 1943 года заседании Большого фашистского совета 19 голосами против 7 была принята резолюция о передаче командования королю и предоставлении ему высшей инициативы в принятии решений. Хотя в ней ничего не говорилось лично о Муссолини, он вполне обоснованно воспринял заседание как заговор против себя. Дуче был диктатором совершенно иного типа, чем Сталин или Гитлер, и не предпринял абсолютно никаких попыток подавить мятеж любой ценой, пусть даже пролив реки крови. По причине апатии и паралича своей некогда железной воли Муссолини вместо решительного восстановления власти отправился искать защиту у короля, но был арестован и в строжайшем секрете на санитарной машине увезен в заключение. Во всей стране за него не вступился никто, даже элитные и обласканные им силы безопасности не сделали ни малейшей попытки переломить ситуацию. Фашистскую партию распустили, а новым премьер-министром стал 72-летний маршал Пьетро Бадольо, первоначально подтвердивший намерение Рима продолжать вести войну на стороне стран “оси”. Однако Гитлера обмануть было трудно, он понимал, что союзник для него потерян, а рассчитывать на нейтральный статус Италии в сложившейся ситуации было бы непростительным легкомыслием. Немцы готовились к обороне полуострова от неминуемого вторжения с юга и к нейтрализации итальянских вооруженных сил в случае возникновения такой необходимости, союзники планировали десантную операцию, а Бадольо активно искал подходы к ним для заключения сепаратного мира. 3 сентября англо-американские войска осуществили высадку в Калабрии, результатом которой стало подписание соглашения о перемирии. Воспользовавшись ситуацией, в ночь с 8 на 9 сентября союзники высадили три дивизии к югу от Неаполя, в районе Салерно, а немцы начали оккупацию временно имевшей нейтральный статус Северной и Центральной Италии. В столицу вошли две германские дивизии, без труда отбросившие семь дивизий итальянского корпуса. В ответ на эти действия 9 сентября в Риме был создан Комитет национального освобождения (КЛН), а 27 — 30 сентября восставшие жители Неаполя изгнали из города части вермахта и СС. Однако официально правительство Бадольо объявило Германии войну лишь 13 октября 1943 года.

Уже 8 сентября 1943 года в составе СИМ были образованы два новых специальных отдела по борьбе с фашистской “пятой колонной” в Риме и в вооруженных силах во главе с полковником Винченцо Тоски и подполковником Манфреди Толамо. Амэ 18 августа был отстранен от должности начальника службы, а на его место вновь до 8 сентября вернулся Карбони. После заключения перемирия в сентябре 1943 года король и правительство переехали подальше от опасного Рима на юг, в Бриндизи, где у нового состава верховного командования не оказалось в распоряжении ни одного разведчика. СИМ находилась вне пределов

достижимости правительства, поэтому было решено создать при Отделе оперативного планирования верховного командования Бюро разведки и связи, первоначально состоявшее лишь из четырех офицеров. Оно стало ядром воссоздания военной разведки, однако прежнее наименование СИМ было возвращено только в июле 1944 года. Карбони вторично покинул разведку и принял под командование дислоцированный в окрестностях Рима моторизованный корпус, а Бюро разведки и связи возглавил профессиональный разведчик полковник Помпео Агрифольо. Он начал воссоздавать разведку быстрыми темпами, и уже к 1 октября в ней вновь имелось три основных отдела:

- “ситуационный”, отвечавший за обработку информации, связи с другими подразделениями, подготовку кадров и разработку шифров;
- “ударный”, занимавшийся заброской агентуры в оккупированные немцами районы страны;
- контрразведывательный.

Параллельно возрождались прежние Секретная разведывательная служба военно-морских сил (СИС) и Секретная разведывательная служба авиации (СИА). Отдельную разведку сухопутных войск было решено не создавать, а возложить ее функции на Бюро разведки и связи. К 1 ноября организационный этап был закончен, и в Бюро теперь имелись, как ранее в СИМ, отделы Кальдерини, Дзуретти и Бонсиньоре, а также две группы разведки и контрразведки при 5-й и 8-й американских армиях в Италии, центры контрразведки в Неаполе, Кальяре и Катанье с филиалами в Катандзаро и Сассари, школа разведчиков и радистов и центр допросов в Лечче. В октябре 1943 года при отделе Кальдерини была сформирована скопированная с британского СОЕ Группа сопротивления и саботажа, в задачи которой входило направление в тыл германских войск разведгрупп с радиостанциями для координации действий отрядов партизан, поиска и установления контакта с неизвестными центру группами и обеспечение их связью.

Германская разведка оказалась в сложной ситуации. До июля 1943 существовал прямой и недвусмысленный запрет Гитлера на проведение операций на территории союзника, первоначально строго соблюдавшийся абвером и СД. Единственным исключением стала работа против католической церкви, считавшейся в Третьем рейхе одним из главных противников и являвшейся объектом деятельности группы IVB гестапо. Это подразделение изучало движение финансов церкви, а также деятельность епископов и священников и их политические взгляды. Для практического осуществления этой задачи в Рим была направлена группа сотрудников тайной полиции под прикрытием изучения теории католицизма. Они проживали в семинарии и попытались организовать там радиоквартиру, однако безуспешно. Основной причиной неудачи явилась неспособность командированных офицеров жить по монашескому уставу, в особенности их чрезмерный интерес к местным женщинам. Зато радиоперехваты и дешифровка сообщений Святейшего Престола были вполне успешными и давали немало информации.

В политических, военных и экономических вопросах ситуация была противоположной, и запрещение вести оперативную работу в Италии до середины войны соблюдалось неукоснительно. Канарис тесно взаимодействовал с руководителями СИМ, в частности, генералом Амэ, а Гейдрих и впоследствии Шелленберг поддерживали связи с ОВРА. Однако к весне 1943 года начальник СД-аусланд пренебрег запретом и под прикрытием посольства Германии в Риме создал оснащенную передатчиком резидентуру. Вскоре выяснилось, что из итальянской столицы в Берлин поступает поток дезинформирующих сведений, виновником чего оказался сам посол фон Макензен. Он совершенно не ориентировался в ситуации и вдобавок принимал все меры к монополизации информационного канала на МИД и другие германские ведомства. Не зная о существовании радиопередатчика у СД, он распорядился закрыть доступ к международным переговорам по всем телефонным линиям посольства, за исключением собственной. Эту меру посол мотивировал необходимостью ограждения МИД от поступления противоречивой и непроверенной информации. В результате Берлин совершенно не ориентировался в обстановке, что наглядно продемонстрировала телеграмма, полученная фон Макензеном от Риббентропа после государственного переворота 25 июля 1943 года: “От имени фюрера я приказываю вам незамедлительно взять под строгий арест Бадольо и его сообщников по заговору и вызвать Муссолини в Германию с государственным визитом”²⁰⁴. Естественно, все это оказалось совершенно бесполезным. Вскоре в Берлин по-

ступило предложение от самого маршала, переданное им через одного из старших офицеров итальянской армии. Он заверял, что в обмен на эвакуацию всех германских вооруженных сил с полуострова готов обеспечить нейтралитет Италии, однако ни дипломаты, ни разведчики не могли придти к выводу, является ли это настоящим предложением или же провокацией. Было известно об активных попытках Бадольо нащупать контакты с Западом.

Послание итальянского премьера было доложено Гитлеру с комментарием СД и главного командования вермахта в Италии, оценивавшим его как оптимальный выход из ситуации, позволяющий перебросить на Восточный фронт группировку из 300 — 400 тысяч человек. Остальные войска предлагалось отвести на север и создать оборонительную линию вдоль реки По от швейцарской границы до Адриатического моря. Это и в самом деле было бы неплохим решением проблемы, но реакция фюрера на предложение и особенно на комментарий оказалась ужасной. Он собирался примерно наказать его авторов, и от плачевной участи их спасло лишь своевременное вмешательство Кальтенбруннера. В результате не было сделано ничего ни для подготовки войск к эвакуации, ни для предотвращения более чем вероятного перехода Италии на сторону противника. Гитлер распорядился лишь выручить Муссолини и арестовать заговорщиков, включая королевскую семью, Бадольо и 19 членов Большого фашистского совета, голосовавших за резолюцию от 25 июля. Эмоциональный руководитель Третьего рейха считал это делом чести, более важным, чем все остальные итальянские проблемы. Уже 26 июля 1943 года он приказал срочно вызвать в свою ставку в Растенбурге руководителя диверсионного подразделения СД гауптштурмфюрера СС Отто Скорцени. На аудиенции Гитлер задал ему вопрос о его отношении к Италии, на который тот ответил кратко: «Мой фюрер, я австриец!»²⁰⁵, имея в виду давние споры за обладание Южным Тиролем. Как ни странно, столь неконкретный ответ показался уместным, и Скорцени получил задание освободить арестованного Муссолини и доставить его в рейх.

Первым делом гауптштурмфюрер поручил своему заместителю оберштурмфюреру СС Карлу Радлю отобрать 50 лучших бойцов отряда «Фриденваль» и заказать требуемую для операции экипировку. Задача спецподразделения была не столько боевой, сколько оперативной, поскольку высокопоставленного узника прежде всего требовалось отыскать. Как впоследствии выяснилось, дуче постоянно перевозили с места на место. С острова Понца он попал в Ла Мадалену (Санта-Мадалена) на острове Сардиния. Несколько недель арестованного разыскивали все спецслужбы Германии, его местонахождение пытались определить даже астрологи. В августе разведчики «Фриденвала» отыскали Муссолини в Ла Мадалене. Подразделение уже готовилось к штурму объекта, но в последний момент Скорцени решил лично провести 18 августа 1943 года рекогносцировку с воздуха, во время которой его самолет сбили британские истребители. Гауптштурмфюрер отделался переломами трех ребер и легким сотрясением мозга, но был преисполнен решимости продолжать операцию, о чем и доложил фюреру. Тот предупредил, однако, что рейх пока не находится в состоянии войны с Италией, и в случае провала миссии и поимки ее участников он будет вынужден заявить, что акция проводилась по их личной инициативе, без согласования с командованием или иными официальными инстанциями. Скорцени был готов и на это, но операция все же сорвалась, хотя и по иной причине. В ходе последней перед штурмом проверки внезапно выяснилось, что накануне дуче увезли на гидросамолете, поиски необходимо было начинать сначала. По некоторым данным, Канарис в августе 1943 года прибыл в Венецию с Лахузенем и Фрей-

Отель «Кампо Императоре»

таг-Лорингхофеном на совещание с начальником СИМ генералом Амэ и неофициально предупредил его о решении Гитлера освободить Муссолини, а также о намерениях по захвату и вывозу в рейх короля и папы римского. Если это соответствует действительности, то итальянцы не просто догадывались о планах своего номинального союзника, но точно знали о них и предпринимали превентивные меры, однако, не увенчавшиеся успехом. В ходе розыска Скорцени установил, что дезориентирующие слухи

о местонахождении дуче распространяются из одного источника, которым явно являлась СИМ. В конечном итоге его все же обнаружили в отеле “Кампо Императоре”, расположенном в горном массиве Гран-Сассо (район Абруццо) на высоте около 2 тысяч метров над уровнем моря. Памятуя о едва не случившемся в Ла Мадалене конфузе, Скорцени вновь лично отправился на рекогносцировку объекта, при этом ему пришлось фотографировать отель с борта не приспособленного для этого “Хейнкеля”, по пояс высунувшись из иллюминатора с камерой в руках.

Накопленные данные позволили спланировать операцию по освобождению Муссолини “Айхе”, состоящую из двух одновременных ударов. Одна из групп “Фриденгале” должна была захватить подъемник в долине и изолировать отель от подхода подкреплений, задача другой состояла в непосредственном нападении на объект. Часть бойцов отправлялась для освобождения семьи дуче. Действовать следовало очень быстро, чтобы охрана не застрелила Муссолини, поэтому единственным вариантом оставалась высадка десанта. Разреженный воздух требовал специальных парашютов, которых, естественно, во “Фриденгале” не было, поэтому Скорцени решил использовать десантные планеры. Дополнительным аргументом в пользу такого решения являлась весьма своеобразная и очень неудачная парашютная экипировка германских десантников, не позволявшая им совершать прыжки с каким-либо вооружением, кроме пистолетов. Длинноствольное оружие сбрасывалось отдельно в специальных контейнерах, которые сразу после приземления следовало отыскать и вскрыть. Следовательно, в первые, самые ответственные минуты штурмовая группа оказывалась по сути безоружной, что ставило под угрозу срыва всю операцию. Применение планеров исключало эти уязвимые места, однако для них требовалась посадочная площадка, в качестве которой была выбрана треугольная лужайка около отеля. Задержка в доставке планеров из Франции вынудила отложить на восемь часов назначенную на 06.00 12 сентября 1943 года операцию. 108 бойцов “Фриденгале” разделились на группу для освобождения семьи Муссолини, группу по захвату фуникулера и десантный отряд, которому предстояло сломить сопротивление 150 карабинеров охраны “Кампо Императоре”. В последний момент Скорцени решил захватить с собой итальянского генерала, чтобы тот своим авторитетом хотя бы на некоторое время удержал охрану от открытия огня по нападающим.

Десантникам все же удалось вылететь не в 14.00, а в 13.00, но вместо запланированных девяти планеров в распоряжении “Фриденгале” оказались лишь семь. При посадке их ожидал неприятный сюрприз: то, что с воздуха выглядело как лужайка, в действительности оказалось крутым склоном. Один из планеров разбился при посадке, некоторые запаздывали, но планер самого Скорцени успешно, хотя и жестко сел в 15 метрах от входа в отель, застав часового врасплох. Штурм объекта прошел успешно, карабинеры практически не оказали сопротивления, и после нескольких беспорядочных выстрелов все было кончено. Возможно, самым поразительным эпизодом операции оказалось внезапное появление у отеля фоторепортера. Группа гауштурмфюрера СС Манделя успешно освободила семью дуче. Фуникулер также был захвачен без особых проблем, однако диверсанты не рискнули отправлять столь важный трофей в долину и решили вывезти его самолетом. Хотя прибывший для этой цели “Шторх” мог поднять не более двух человек, Скорцени решил лично сопровождать Муссолини. В итоге маленький самолетик взлетел с полутонной перегрузкой, но благодаря мастерству пилота все же благополучно прибыл к месту назначения. Остальные участники операции спустились в долину на фуникулере, для обеспечения безопасности захватив с собой в каждую из кабин по два карабинера в качестве заложников. Остальные итальянцы, за исключением полковника — коменданта отеля и случайно оказавшегося там генерала, были отпущены.

Муссолини (в центре) с освободившими его немецкими парашютистами во главе со Скорцени (стоит крайний слева)

Муссолини прибыл в Германию, где фюрер убедился, что использовать его можно лишь в качестве символа, а как государственный руководитель он утратил всякую пользу и может лишь играть роль марионетки. В русле этой политики в конце сентября 1943 года на севере Италии была образована так называемая Итальянская социальная республика (РСИ) с центром в городе Сало, в обиходе так и именовавшаяся “Республикой Сало”. По радио дуче обратился к итальянскому народу с заявлением о том, что его предали, но он возвращается к власти. Любопытно, что новое государственное образование являлось первой итальянской республикой с 1800 года и в области общественных отношений действительно оправдывало термин “социальная”. Например, все рабочие в обязательном порядке участвовали в распределении прибыли от деятельности предприятий, на которых они трудились, и имели право на получение своей доли от нее. Немцы не вмешивались в социальные и экономические вопросы РСИ, однако не допускали Муссолини к каким-либо рычагам реальной власти и даже не позволили вернуться в Рим после его оккупации. Дуче все же сумел осуществить часть своих планов и в январе 1944 года расправился с пятью членами Большого фашистского совета, голосовавшими за резолюцию от 25 июля 1944 года, в том числе с бывшим министром иностранных дел и своим зятем графом Гадеаццо Чиано де Кортеллаццо. Из всех руководителей многочисленных итальянских специальных служб в “Республике Сало” вместе с Муссолини оказался лишь возглавлявший ОВРА с 1938 года Гвидо Лето, а начальник Отдела общих и тайных дел при секретариате генеральной дирекции общественной безопасности Кармине Сенизе был арестован немцами при взятии Рима и заключен в концентрационный лагерь Дахау. Следует отметить, что Лето достаточно своевременно начал заботиться о своей репутации в глазах победителей и успел уничтожить все хранившиеся в архивах его ведомства списки антифашистов, что, вне сомнения, спасло их от неминуемого уничтожения. Он также установил контакты с ОСС, благодаря чему сумел избежать преследования после победы и получить должность хранителя архивов тайной полиции со списками секретных осведомителей. Однако еще до того, как бывший начальник ОВРА приступил к выполнению этих обязанностей, архивы оказались изрядно разграбленными. Высокопоставленные негласные сотрудники успели изъять оттуда свои досье, а оставшиеся мелкие шпионы, в общем, никого не интересовали и преследованию также практически не подвергались.

2. СМЕНА КОАЛИЦИИ

К этому времени некогда спокойная в разведывательном отношении Италия превратилась в арену интенсивных действий спецслужб и массовых партизанских операций. Заключенное в декабре 1943 года соглашение между ОСС и СИМ, как предпочитало неофициально именовать себя Бюро разведки и связи при Отделе оперативного планирования верховного командования, предусматривало, что:

1. ОСС/СИМ объединяют усилия в определенном числе миссий.
2. СИМ обеспечит некоторое количество радистов для обучения в нашем (ОСС — И. Л.) центре связи.
3. СИМ обеспечит некоторое количество ключевых агентов в Северной Италии, которые будут отбираться из числа итальянских военнослужащих.
4. СИМ назначает постоянного офицера связи.
5. СИМ разрешает доступ в свои центры документации.
6. ОСС будет контролировать все линии связи в Северной Италии.
7. ОСС будет финансировать, оснащать и доставлять группы по воздуху и готовить их для надводной и подводной переброски.
8. ОСС обеспечит финансирование всех отправляемых на задания групп и принимает на себя все операции по их снабжению.
9. ОСС оказывает содействие в возобновлении операций контрразведки СИМ в частях Сицилии, все еще находящиеся под Союзным военным управлением оккупированных территорий (АМГОТ) и вскоре подлежащих передаче под контроль Межсоюзнической контрольной комиссии (МКК)”²⁰⁶.

В оккупированном Риме возникли две связанные с итальянской военной разведкой и направляемые ей крупные подпольные организации. Организованный 24 сентября 1943 года “Военный центр” под руководством бывшего начальника Оперативного отдела верховного

командования вооруженных сил подполковника Джузеппе Кордеро Ланца ди Монтецемоло располагал разветвленной разведывательной сетью в оккупированной Северной Италии и оказывал помощь в эвакуации союзных военнопленных до швейцарской границы. Организация постепенно усиливалась, поглотила две возглавляемые Ферре и Гаспоротто небольшие группы и стала частью разведывательной службы Комитета национального освобождения Верхней Италии (КНАИ). В Риме существовала и вторая, состоявшая из офицеров СИМ крупная сеть под названием “Центральная группа”, руководимая полковником Эрнесто Бончинелли. Ее члены собирали и обрабатывали разведывательную информацию и ежедневно передавали ее по радио в Бриндизи. Обе группы не просто отказывались взаимодействовать, но ожесточенно враждовали друг с другом. Первоначально организация Монтецемоло по размаху и влиянию явно превосходила соперницу, но в январе 1944 года ситуация изменилась. Немцы арестовали подполковника и его заместителя Джорджо Эрколани, а также нескольких ведущих участников “Военного центра”, после чего эта организация в значительной степени утратила позиции и перешла под руководство партизанского “Корпуса добровольцев свободы”. Одновременно численность “Центральной группы” выросла до 280 человек, теперь она состояла из одного ведущего и трех вспомогательных подразделений.

23 марта 1944 года Монтецемоло и Эрколани были расстреляны в числе 335 заложников в отместку за произведенное на римской улице Разелла нападение на колонну СС, повлекшее гибель 32 и ранение 38 солдат. Акцию осуществило одно из подразделений Групп патриотического действия (ГАП), специализировавшееся на проведении диверсионных и террористических операций против оккупантов и коллаборационистов. Немцы объявили, что расстреляют по 10 итальянцев за каждого своего погибшего, но в спешке привезли к месту казни в Ардеатинских пещерах на 15 человек больше и расстреляли всех, а затем взорвали вход в пещеру. В числе казненных находились видные деятели движения Сопротивления, в том числе руководитель одной из подпольной групп полковник Дука, ранее в течение года возглавлявший контрразведку СИМ и попавшийся из-за совершенно непрофессионального поведения. При рутинном пересечении контрольного поста около Вероны он занервничал и без видимых причин предложил немецкому солдату взятку в 100 тысяч лир за беспрепятственный проезд. Его немедленно обыскали и арестовали, после чего отправили в контрразведку и присоединили к заложникам.

К этому времени взаимодействие разведывательных служб союзников с партизанами значительно облегчилось после высадки в Анцио близ Неаполя 21/22 января 1944 года британских и американских подразделений общей численностью 50 тысяч человек. Это позволило создать плацдарм для дальнейшего наступления и одновременно базу для координации специальных операций. Вместе с войсками на плацдарме появились и разведчики, хотя направленный туда отряд ОСС не получил конкретных задач. Общая обстановка на итальянском ТВД стала меняться в пользу союзников, что, естественно, стимулировало действия отрядов движения Сопротивления.

Лавирование разведчиков ОСС в Италии между политическими доктринами заметно отвлекало их от непосредственной борьбы с противником. Перед высадкой в Анцио командир группы ОСС Питер Томпкинс прибыл в оккупированный Рим и выяснил, что местное подполье страдает от политических распрей и поэтому не может полноценно функционировать. Обстановка вынудила его выбирать между монархистами и группами КН, поскольку совмещать сотрудничество с обоими было просто невыносимо. Втайне от собственного начальства Томпкинс стал работать с более боеспособными левыми силами, однако ему приходилось держать этот факт в секрете во избежание обвинений в поощрении не вполне политически приемлемых для американцев партизан КН. Подобные установки диктовались отнюдь не задачами непосредственной борьбы с немцами, для которой были бы хороши все средства. Речь шла уже о влиянии в послевоенной Италии, поэтому наряду с поощрением правых сил в ущерб левым параллельно обострялся и процесс соперничества США и Великобритании. Первоначально Лондон намеревался вообще не допускать американских союзников к операциям, имеющим политические последствия, а позднее старался ограничить снабженческие операции ОСС одной третью территории Северной Италии, однако из этого ничего не вышло. Вашингтон все увереннее входил в роль старшего партнера в альянсе и не позволял диктовать себе линию поведения, хотя пока не перешел к беззастенчивому диктату. До этого этапа оставалось еще несколько лет.

Внезапно в ситуацию вмешался новый дестабилизирующий фактор, резко укрепивший положение левых сил вообще и Комитета национального освобождения в частности. 13 марта 1944 года дипломатические отношения с правительством Бадольо установил Советский Союз, после чего значительно упрочила свои позиции компартия Италии. Ее лидер Пальмиро Тольятти без опаски возвратился в страну и заявил, что ради победы КПИ временно отказывается от своих республиканских принципов и будет сотрудничать со всеми силами в стране, борющимися против фашистов и германских оккупантов. В апреле правительство Бадольо стало коалиционным, наряду с монархическими партиями в него вошли и левые антифашистские силы. Королевская армия была распущена. В Риме Томпкинс встретился с руководителем коммунистического подполья и задал ему два конкретных вопроса: будет ли он работать с союзническими спецслужбами, а также почему КПИ не координирует операции своих групп с организациями правительства Бадольо? Однако американец не смог ответить на закономерный встречный вопрос о причинах, по которым ОСС и СОЕ бросили партизан на севере Италии без помощи, и на этом обмен мнениями закончился. Достижение плодотворного сотрудничества было проблематичным, слишком много довлевших над соображениями целесообразности обид накопилось с обеих сторон. А в это время немецкие контрразведывательные органы наносили один удар за другим. В апреле 1944 года они арестовали радиста группы Томпкинса и захватили его рацию, после чего до мая руководитель миссии ОСС просто скрывался, не проводя никакой активной деятельности. В этот же период под арест попали девять коммунистических и два социалистических лидера из КЛН, что породило веские подозрения в наличии в руководстве Комитета заговора по выдаче немцам представителей левых сил для укрепления за счет этого влияния правых. Внутреннее расследование не смогло достоверно установить источник провалов, однако отнюдь не развеяло сильные подозрения в отношении предательства монархистов. Тем временем благоприятная ситуация на фронте позволяла рассчитывать на успешное освобождение партизанами Рима собственными силами, пока войска союзников находились еще в десяти милях от города. Активное вмешательство ОСС сумело предотвратить эту победу левых, и восстание было отменено. Безусловно, американцы не сидели сложа руки, и их деятельность не ограничивалась созданием помех коммунистам и социалистам. По указанию Томпкинса подпольные группы Сопротивления одновременно захватили несколько сотен установленных агентов германских спецслужб и коллаборационистов, от которых стало известно, что немцы планируют при отступлении разрушить Рим. Разведчик счел своей важнейшей задачей воспрепятствовать этому варварскому акту и на самостоятельно изготовленном с помощью резинового штампа бланке, где именовал себя “старшим офицером ОСС в зоне Рима”²⁰⁷, приказал командующему итальянскими войсками не допустить разрушения города. Совместными усилиями удалось добиться того, что 6 июня 1944 года Рим был освобожден в целостности и сохранности. Следует отметить, что Томпкинс и в самом деле претендовал на руководство всеми миссиями и операциями ОСС в оккупированной столице Италии, но никаких полномочий на это не имел, поэтому другие офицеры разведки отказывались подчиняться ему. Обстановка в группах ОСС характеризовалась постоянными интригами, никак не способствовавшими достижению поставленных целей.

Партизанское движение, немалая часть которого направлялась коммунистической партией Италии (КПИ), разрасталось, причем те же самые люди, показавшие себя никуда не годными солдатами на Балканах, в Северной Африке и на Восточном фронте, героически и довольно успешно сражались против немцев. В районах Милана — Генуи и Уданы — Венеции образовались обширные партизанские зоны, в которых вермахт удерживал лишь узловые точки коммуникаций, и то не всегда успешно. Однако партизаны и разведчики зачастую несли тяжелые потери и не выдерживали противоборства с германскими контрразведывательными службами. Функабвер читал немало радиogramм разведгрупп ОСС и Организации итальянского Сопротивления (ОРИ), также пользовавшегося нестойким американским кодом. В результате, например, в мае 1944 года в Неаполе была захвачена резидентура партизанской разведки со всей документацией, в результате чего немцы получили возможность ликвидировать разведывательные сети противника по всей Верхней Италии. Самой успешной операцией контрразведки явился захват вблизи Генуи в сентябре 1944 года разведывательной группы ОСС, действовавшей в интересах 5-й армии. Не избежал серьезных провалов и СОЕ, в основном из-за спешной и потому некачественной подготовки миссий. Флике вспоминал, что с апреля 1944 года “британская разведка пыталась возместить количеством

нехватку качества агентов”²⁰⁸. Плачевными результатами этого стали участвовавшие захваты англичан, особенно привлеченных к работе по линии итальянской разведки, успешные радиоигры СД и гестапо и выход их на подпольные структуры КЛН. В апреле 1944 года в Генуе контрразведка разгромила группу “Отто”, направленную в германский тыл для руководства отрядами партизан Пьемонта и Лигурии и организации их снабжения. В результате немцы получили много полезной информации о центрах СОЕ в Бари и Тарентуме. В начале июля того же года в Пизе была захвачена группа СОЕ вместе с радиопередатчиком, брошенная для формирования партизанских отрядов из разрозненных групп Сопротивления, выбора точек сброса снабжения и его распределения, сбора и передачи военной разведывательной информации и доставки важных документов и пленных в штаб-квартиру СОЕ. Функабвер раскрыл прибытие в Бари миссии советской разведки, которая вскоре установила связь с 21 подпольной радиостанцией на территории Польши. Однако несомненные успехи германской радиоконтрразведки не могли переломить влияние постоянного наращивания сил союзников. Несмотря на успешные захваты агентов и проведение перспективных радиоигр, обстановка для немцев все более осложнялась. Если в июле 1944 года функабвер зафиксировал работу на оккупированной территории Италии 42 подпольных радиостанций, то в следующем месяце это количество выросло до 63. Их живучесть была довольно высокой, поскольку в основном они располагались на контролируемых партизанами территориях, где могли безнаказанно перемещаться лишь крупные подразделения вермахта или СС. Совершенно очевидно, что это не позволяло им скрытно приблизиться к точке передачи, и радист в большинстве случаев спокойно и без всякого риска просто менял дислокацию и вскоре возобновлял работу на новом месте. К этому времени СОЕ в Италии был несколько реорганизован и получил существенно большую самостоятельность и новое наименование “Специальные операции — Средиземноморье” (СОМ). Его штаб-квартира, носившее кодовое обозначение “Отряд 133”, оставалась в Каире. Оперативные подразделения и особые миссии СОМ разъехались по всему региону, основными оперативными группами являлись:

1. Небольшая миссия для оказания помощи в проведении переговоров о перемирии, прибывшая в Бриндизи для связи с правительством Бадольо. Ее возглавлял подполковник Роузберри, служивший одновременно и в итальянской секции СОЕ в Лондоне (“J”).
2. Миссия “Мэриленд”, являвшаяся структурным подразделением североафриканской миссии СОЕ “Мэссингэм” (кодовые обозначения ИССУ-6 и ИСЛУ-6). Близость к штаб-квартире экспедиционных войск позволяла “Мэриленду” пользоваться высокой степенью независимости от Лондона, за исключением оперативных вопросов. К северу от Рима миссия выполняла указания штаба 15-й группы армий, а к югу — миссии “Мэссингэм”. Несмотря на подчиненность, “Мэриленд” часто конфликтовал с ИСЛУ-6, но это продолжалось только до весны 1944 года. После этого “Мэссингэм” был подчинен СХАЕФ и перенацелен на работу по югу Франции, а “Мэриленд” выведен из его подчинения и замкнут непосредственно на штаб 15-й группы армий.
3. Особое подразделение № 1 (СФ-1) миссии “Мэриленд”, прибывшее из Северной Африки в октябре 1943 года и сразу же основавшее базу в Монополи около Бари. В дальнейшем эта точка стала основным передовым опорным пунктом для операций за пределами Италии с ее территории. Подчинялось штабу 15-й группы армий.
4. “Передовой отряд 133” для действий на территориях Югославии, Албании и Венгрии. Подчинялся главнокомандующему на Среднем Востоке.
5. “Отряд 266” (в дальнейшем переименованный в “Отряд 399”) — выделен из состава “Передового отряда 133” для работы в Греции, Румынии и Болгарии. Подчинялся штабу ВВС на Балканах.
6. Миссия “Тормент”, выделенная из состава “Отряда 399” и подчиненная лондонской штаб-квартире СОЕ для действий за пределами региона, в Польше и Чехословакии.
7. Миссия ME-43 (“Клаудер”), подчиненная СХАЕФ для действий за пределами региона, в Австрии.

Следует подчеркнуть, что приведенная выше структура является в некоторой степени условной. Зачастую отряды, миссии и подразделения пересекались, не всегда была ясна и их подчиненность. В частности, Особое подразделение № 1 миссии “Мэриленд” иногда

рассматривалось в качестве составной части основной миссии. Однако в целом список верно отображает оперативные подразделения каирского центра (СОМ), в том числе и действовавшие в Италии.

Немедленно после освобождения Рима 4 июня 1944 года король Виктор-Эммануил III передал трон принцу Умберто, а правительство Бадольо переехало из Бриндизи и подало в отставку. Его смена опиравшимся на Комитет национального освобождения кабинетом Бонолли сразу же породила новый всплеск политических интриг с использованием возможностей разведывательных служб. Вместе с правительством в Рим перебралась и возвратившая свое прежнее название СИМ. В том же месяце КЛН сформировал собственные вооруженные силы под наименованием Корпуса добровольцев свободы, призванные заменить распущенную королевскую армию, однако их статус, как и статус самого Комитета, оставался пока неясен. Политическое положение партизанских формирований совершенно не соответствовало их несомненному влиянию на ход войны на итальянском ТВД. Ни одно из иностранных государств не признавало КЛН в качестве легитимной силы, что пагубным образом сказывалось на положении всех его приверженцев. Опасавшиеся роста влияния левых партий на послевоенное устройство Италии англичане и американцы в последние месяцы 1944 года почти полностью приостановили снабжение отрядов Корпуса добровольцев свободы, что позволило немцам нанести по ним ряд сильных ударов. Однако ход событий был неотвратим, и 18 января 1945 года КЛН был признан как правительством Бонолли, так и союзниками в качестве законного правительства Северной Италии. Партизанские силы росли и к марту 1945 года насчитывали от 100 до 150 тысяч человек, организационно объединенных в 43 зоны, 104 дивизии и 52 горные бригады. Кроме того, около 10 тысяч человек находились в составе Бригад активного действия (ГАП) и Отрядов активного действия (САП), фактически представлявших собой силы местной самообороны.

Как обычно происходит после смены режимов, в августе 1944 года новая власть начала расследовать преступления, совершенные ее предшественниками. Естественно, одними из первых всплыли вопросы о противоправных акциях спецслужб. Всегда остро чувствовавший конъюнктуру момента бывший начальник контрразведки Санто Эмануэле явился в недавно созданный Верховный комиссариат по расследованию фашистских преступлений и предложил помощь в отыскании доказательств преступной деятельности предыдущего режима. Стремясь манипулировать процессом расследования, полковник уверял, что его бывшие осведомители располагают множеством информации по этому вопросу и готовы предоставить ее в распоряжение следователей. Возможно, он и преуспел бы в своих намерениях, если бы не заявление недавнего начальника СИМ Амэ о причастности некоего полковника Эмануэле к убийству в Нормандии в июле 1937 года лидеров итальянской эмигрантской антифашистской организации “Справедливость и свобода” братьев Карло и Нелло Росселли. Любопытно, что генерал не сообщил, какую именно должность и в какой службе занимал указанный человек, что было, по меньшей мере, странно, поскольку именно Амэ в 1941 году добился у военного министра увольнения начальника контрразведки с занимаемой должности. После проведенного следователями весьма краткого розыска не оставалось никаких сомнений, что замешанный в убийстве братьев Росселли полковник Эмануэле полностью идентичен его однофамильцу — добровольному и активному помощнику Верховного комиссариата. Бывший начальник контрразведки не стал скрываться или изворачиваться и быстро сориентировался в изменившейся ситуации. Он явился в квестуру и подтвердил преданные гласности факты, однако тут же предложил сотрудничество в обмен на прощение прежних грехов. В свое оправдание Эмануэле сообщил, что в устранении братьев Росселли он, как военнослужащий, лишь выполнял приказ полковника Анджои, в тот период заместителя начальника Службы военной разведки. В этот момент в игру вмешались левые силы. 21 сентября коммунистическая газета “Унита” опубликовала первую из серии статей о СИМ, в которой после изложения длинного ряда крайне неблагоприятных деяний разведки выдвигалось требование ликвидировать эту структуру как инструмент подавления, верно служивший фашистскому режиму. Вскоре после публикации отыскивалось и было обнародовано личное дело Эмануэле, к несчастью для него, весьма подробное и аргументированное. Оба эти события явились стартовым механизмом своего рода “эффекта домино” и вызвали ряд последствий, довольно напугавших военных. Был арестован бывший начальник СИМ, а затем генерального штаба

генерал Роатта, от которого нити могли потянуться довольно далеко, в том числе и к самому маршалу Бадольо. Начавшаяся “война досье” между армией и Верховным комиссариатом по расследованию фашистских преступлений привела к передаче дела Роатта в Верховную судебную палату, что позволяло спустить его на тормозах. Достаточно неблагоприятную роль в процессе замалчивания военных преступлений сыграли и британские и американские представители в Союзнической контрольной комиссии в Италии.

Одним из результатов описанных событий стало преобразование в январе 1945 года Службы военной разведки в Разведывательный отдел генерального штаба. Несколько ранее реформе подверглись и гражданские специальные службы. В июне 1944 года отдел политической полиции был упразднен, а Отдел общих и тайных дел при секретариате генеральной дирекции общественной безопасности разделился на две части. Отдел общих дел вошел в состав полиции, а отдел тайных дел стал именоваться Службой социальной информации (СИС) и просуществовал в таком виде до 1948 года. Эти уступки общественному мнению не смогли отвлечь внимание от драматических и скандальных разоблачений, и вместе с судьбой Роатта на волоске висела и репутация многих высокопоставленных военных. Однако 4 марта 1945 года ситуация внезапно и непредвиденно для непосвященных изменилась, причем в этом повороте явно чувствовалась рука секретной службы. Ни 15 человек охраны, ни два постоянно дежуривших у ворот танка не помешали генералу сбежать из госпиталя, в котором он находился на излечении, и через Ватикан скрыться в Испанию. Ситуация была тем более скандальной, что за день до этого подследственный неизвестно каким образом сумел с помощью жены снять со своего арестованного банковского счета принадлежащие ему деньги. В Испании супруги спокойно проживали до 1966 года, а затем без проблем возвратились на родину. Имелись веские основания подозревать в причастности к побегу главнокомандующего корпусом карабинеров Тадео Орландо, в июле 1944 года сменившего на этой должности известного контрразведчика Джузеппе Пьеке. Возмущенные произошедшим жители Рима, в особенности бывшие партизаны, буквально взбунтовались и вломились в здание Совета министров. По их требованию Орландо был уволен с занимаемой должности, а новым главнокомандующим корпусом карабинеров стал генерал Брунетто Брунетти. Через полтора года генерал Орландо был вновь принят на государственную службу и назначен председателем комиссии по присвоению званий младшему офицерскому составу. Среди лиц этой категории было множество бывших партизан, и генерал получил желанную возможность поквитаться за свое унижение и падение хотя бы с ними.

В марте 1945 года запланированный суд все же состоялся. Он приговорил большинство подсудимых к длительным срокам каторжных работ или тюремного заключения, а одного даже к смертной казни, однако, как выяснилось, практически это не означало ровным счетом ничего. После стандартной процедуры кассации почти все осужденные, включая Эмануэле и Анджои, были полностью оправданы. Сильнее всего эта история отразилась на самой военной разведке, которая к концу 1945 года была распущена, за исключением подразделений тактической разведки в воинских частях. Военная разведка формально возобновила работу лишь в 1947 году, хотя оперативной работой не занималась вплоть до 1948 года.

Муссолини еще успел стать свидетелем некоторых из описанных событий. В самом конце войны он, давно уже являвшийся марионеткой в руках немцев, начал искать пути к спасению. 18 апреля 1944 года дуче перебрался в Милан и через неделю попытался вступить в переговоры с командованием партизан, однако безуспешно. Торговаться ему было нечем, он не имел ни политической, ни военной реальной силы, зато олицетворял собой фашизм, ввергший итальянский народ в ужасы войны. К этому времени судьба бывшего лидера Италии была уже окончательно решена, хотя никакого судебного решения на этот счет не существовало. Руководители Комитета национального освобождения решили казнить его и потому воспринимали как пока еще живого покойника, разговаривать с которым не о чем и незачем. 28 апреля он был пойман и без какого-либо подобия суда расстрелян вместе со своей любовницей Кларой Петаччи. Тела казненных привезли в Милан и подвесили за ноги на всеобщее обозрение. По версии руководившего убийством Муссолини и Петаччи коммуниста Вальтера Аудизио, казнь женщины не была предусмотрена и произошла лишь потому, что в самый последний момент она рванулась к расстреливаемому и попала под пули. Аудизио всегда категорически отрицал свою причастность к ее гибели, но позднейшие расследования показали, что он лгал и намеренно расстрелял Петаччи.

3. СОЮЗНИКИ

Все специальные службы правительства нового премьер-министра Пьетро Бадольо в Бриндизи и партизанских формирований действовали в тесной связи с союзниками, особенно после вступления Италии в войну против Германии. До 1943 года ни СИС, ни СОЕ не удалось провести ни одной операции на территории страны, однако после падения фашистского режима обстановка изменилась. Активные старания Бадольо по установлению контакта с противником не являлись особым секретом, требовалось лишь предпринять практические шаги для осуществления связи с ним. Этому способствовал удачный, как оказалось, провал агента-радииста СОЕ Дика Мэллэби. После ареста он находился в тюрьме, но вскоре получил от СОЕ новый код и указание обеспечить связь премьера с британским военным командованием.

Как и в других регионах Европы, Лондон был более всего озабочен степенью своего участия в послевоенном устройстве Италии, поэтому первоначально попытался обойтись без помощи партнеров по коалиции. Англичане претендовали на руководство всеми специальными и разведывательными операциями на ТВД и всемерно стремились не допустить к ним американцев или хотя бы максимально ограничить их роль. На самом высшем уровне было принято решение отнести территорию Италии к зоне ответственности Великобритании, и на этом основании СОЕ фактически полностью отказывал ОСС в поддержке тайных операций, за исключением направленных на обеспечение вторжения в Северную Африку (“Торч”). Британские спецслужбы даже пытались вербовать агентуру в среде американцев итальянского происхождения до тех пор, пока не получили резкий протест со стороны официальных инстанций Соединенных Штатов.

СОЕ первым начал осваивать новый регион и срочно создал в Бари подразделение специального назначения во главе с капитаном 3-го ранга Г. Холдсвортом. Бюро разведки и связи при Отделе оперативного планирования верховного командования итальянских вооруженных сил предоставило в распоряжение союзников свои ресурсы и обеспечивало выполнение их заданий силами своих агентов. Все миссии СОЕ/СОМ носили рутинный характер и были направлены на снабжение партизанских отрядов, организацию их взаимодействия и обеспечение их средствами связи. На общем фоне выделяются лишь операции “Изарра” и “Бойкин”, первая из которых заключалась в выводе из оккупированной зоны генерала Густаво Песенти, а вторая – в изъятии и доставке в штаб для допроса заподозренного в двойной игре участника движения Сопротивления. Сложная операция увенчалась полным успехом, однако была проведена совершенно напрасно, поскольку обвинения в адрес объекта акции оказались ложными, и его пришлось с извинениями отпустить. Кроме того, продолжавшаяся с 1943 по 1945 годы миссия “Мозель”/“Адвокат”, судя по всему, фактически являлась успешной радиоигрой германской контрразведки. В целом оперативные достижения британцев на итальянском ТВД можно оценить как весьма скромные.

Подготовка американцев к действиям на итальянском направлении началась в Соединенных Штатах не в 1943 году, а несколько раньше. Первое косвенное соприкосновение ОСС с итальянскими делами состоялось еще в конце 1942 года, когда руководство католической церкви в инициативном порядке предложило американцам поставлять информацию о результатах бомбардировок Токио. Сообщения от папского нунция в японской столице поступали в Ватикан, оттуда в посольство Ирландии в Риме, а затем в Дублин, где руководитель итальянского отделения секции специальной разведки (СИ) миссии ОСС в Лондоне Рикардо Маззерини забирал их и переправлял в Вашингтон. За контакты с американцами отвечал кардинал Джованни Батиста Монтини, впоследствии Папа Римский Павел VI, поддерживавший связь с сотрудником секции СИ ОСС в Вашингтоне Эрлом Бреннаном. Американец воспитывался в Италии с детства, затем работал там в посольстве Соединенных Штатов и поддерживал дружбу, в частности, с руководителями ОВРА, видными членами традиционно влиятельных в Италии масонских лож, государственными служащими высокого ранга и даже самим дуче. После разрыва отношений с Римом Бреннан работал в Канаде и поддерживал негласные контакты с изгнанными Муссолини из страны ведущими мафиози, а с января 1942 года служил в КОИ. В 1943 году работу по итальянскому направлению на некоторое время перехватила морская разведка ОНИ, поддерживавшая контакты с одним

из “донов” итальянской мафии в США “Счастливым” Лючано при вторжении на остров Сицилия и в противодиверсионном обеспечении порта Нью-Йорк. Однако моряки не имели полномочий вторгаться в политические сферы, и Донован вскоре вернул себе утраченную инициативу. Его сотрудник высокого ранга, русский по происхождению полковник Серж Оболенский высадился с парашютом на острове Сардиния и доставил туда приказ маршала Бадольо о капитуляции гарнизона.

Работа ОСС по итальянскому направлению началась с отбора кандидатов на вербовку. В США проживало множество этнических итальянцев, отличавшихся высокой степенью концентрации в формальных и неформальных объединениях по национальному признаку. Эта особенность вербовочной базы значительно облегчила ОСС и военно-морской разведке поиск кандидатур. В частности, они широко использовали профсоюзные организации, контролируемые этническими итальянцами с антифашистскими убеждениями, представлявшими собой достаточно специфическую категорию населения. Фактически они являлись руководителями преступных синдикатов, или, проще говоря, мафии, со своим счетом к режиму Муссолини, нанесшему сильный удар по итальянской организованной преступности вообще и сицилийской в частности. Впоследствии неоднократно звучали заверения в том, что представители разведывательного сообщества США не вербовали агентуру в среде коммунистов и криминальных элементов, но это никоим образом не соответствует действительности. Упомянувшееся использование “Счастливого” Лючано и его организованной преступной группировки в разведывательных и контрразведывательных целях наглядно доказывает ложность такого утверждения. В Вашингтоне многие упрекали командующего операциями ОСС на Средиземноморском театре военных действий полковника Эдуарда Глэвина в том, что его итаलो-американцы фактически представляют собой обыкновенных бандитов, однако в конечном счете сиюминутные интересы возобладали, и на это прискорбное обстоятельство попросту закрыли глаза.

В центральном аппарате ОСС за итальянское направление первоначально отвечал 22-летний выходец из эмигрантской семьи Макс Корво. В ходе его вербовочных разъездов по стране 11 сентября 1942 года два вооруженных человека захватили его в гостиничном номере в Нью-Йорке и едва не застрелили на месте. Они оказались сотрудниками Контрразведывательного корпуса (КИК) армии США и арестовали Корво по обвинению в шпионаже на Италию. Это произошло по заявлению некой Лизы Серджио, которая восприняла зондажную беседу с ней как вербовочный подход агентов СИМ и немедленно обратилась в контрразведку. Молодой разведчик пробыл под арестом сутки, в течение которых его допрашивали и отказывали в конституционном праве на телефонный звонок руководству для прояснения ситуации. Контрразведчики обнаружили у Корво списки американцев итальянского происхождения, на основании которых сделали заключение о наличии на территории Соединенных Штатов разветвленной агентурной сети, и после выяснения всех вопросов отпустили задержанного с большим разочарованием.

К этому времени полное фиаско СОЕ в налаживании оперативной работы на Сицилии и тщетность надежд американцев на британских коллег стали очевидными. Тогда сотрудники ОСС решили начать все с самого начала и первым делом обратились к хранившимся в различных библиотеках страны материалам. Поиски оказались на удивление результативными и в очередной раз продемонстрировали важность сбора информации по открытым источникам. Одновременно американцы разыскивали бывших бойцов итальянской интербригады имени Гарибальди, оказавшихся весьма ценным и перспективным вербовочным контингентом. В результате всех усилий к весне 1943 года в алжирской точке ОСС появилась возможность организовать итальянскую секцию, однако, полностью зависевшую от англичан в транспортировке людей и грузов по воздуху и морю. Учитывая нежелание Лондона допускать союзников к разведывательным и специальным операциям в Европе, не приходится удивляться, что для этих целей выделялись исключительно тихиходные и поэтому крайне опасные рыболовные суда, тогда как миссии СОЕ пользовались подводными лодками и быстроходными катерами. Отсутствовала и какая-либо техническая и организационная база для снабжения агентов поддельными документами. Однако в тот момент этот фактор еще не являлся определяющим, поскольку в ходе высадки на Сицилии ОСС ограничивалось ведением тактической разведки, а Донован просто обкатывал своих сотрудников в реальной боевой обстановке. Там же и тогда же появилось первое в истории США полевое отделение информационно-аналитической службы разведки (РА). После захвата

острова ОСС организовало временную передовую базу в Палермо, где офицеры ее контрразведывательной секции “Икс-2” испытывали немалые трения во взаимоотношениях с персоналом Контрразведывательного корпуса. Эта секретная служба была значительно лучше подготовлена к операциям, поскольку, во-первых, предварительно проделала немалую подготовительную работу, а во-вторых, ее деятельность никоим образом не была связана с политикой. Высаженные на Сицилию 16 офицеров и 76 агентов корпуса прикомандировывались к дивизионным, корпусным и армейским штабам, однако для лучшего вхождения в обстановку они размещались и питались в боевых ротах. Каждый офицер КИК на острове разрабатывал план контрразведывательного обеспечения конкретного подразделения и нес ответственность за его выполнение. После окончания боев полевые группы контрразведки были преобразованы в постоянные органы, претендовавшие на монопольное обеспечение безопасности американских войск. Посты КИК располагались совершенно открыто и для облегчения контактов с населением имели вывески на английском и итальянском языках. На Сицилии контрразведчики развернулись в полную силу и ежедневно арестовывали местных жителей. К 1 августа число арестованных достигло 500 человек, однако неизвестно, насколько такие массовые акции помогли обеспечить безопасность тыла армии. Произошедшее в ноябре 1943 года раскрытие подпольной фашистской организации из 28 человек, судя по всему, являлось не более, чем одним из примеров излишнего рвения спецслужб, в общем, одинакового во всех странах. При детальном рассмотрении этого случая обнаруживается, что арестованные входили в местную ячейку фашистской партии, которую они только собирались преобразовать в подпольную организацию. Так ли это было в действительности — неизвестно, поскольку не приводилось ни одного убедительного доказательства таких намерений в виде плана работы организации, ее целей и задач, каналов связи, источников финансирования и прочих атрибутов нелегальной структуры.

Несмотря на противодействие британцев, Бюро стратегических служб США буквально прорвалось на итальянский фронт тайной войны и в конечном итоге совершенно затмило на нем СОЕ/СОМ. Донован первоначально пытался сохранять жесткую привязку к дипломатическому курсу страны и разрешал своим сотрудникам работать только со сторонниками короля. Это вызвало резкий протест со стороны командира отвечавшей за войсковую разведку группы ОСС в Салерно Даунса и закончилось тем, что генерал предложил занять ему любой пост в службе, но за пределами Италии. Командир дислоцировавшегося в Салерно второго подразделения ОСС Джон Шехин предпочел промолчать и остался на своем месте. Его группа “Мак-Грегор” отвечала за специальную морскую разведку, но не имела собственных плавсредств и использовала британские торпедные катера, поэтому любое вторжение ее командира в политику было чревато немедленным отказом в их выделении. Взгляды Донована вскоре скорректировала сама жизнь. Итальянские войска не помогали американцам в боях с немцами, оставаясь пассивными зрителями, а король дискредитировал себя трусливым бегством и фактическим уклонением от руководства борьбой своего народа против германских оккупантов. Вообще же подчиненные маршалу Бадольо войска сражались заметно хуже, чем левые силы, например, корпус под командованием генерала Павоне. Правда, это “соединение” едва ли имело право на столь звучное название, поскольку насчитывало всего 500 человек и не дотягивало по численности до укомплектованного батальона, но его бойцы отличались хорошими боевыми качествами. Вскоре “корпус” разделили на несколько так называемых “бригад”, использовавшихся в интересах ОСС для партизанских действий и ведения зафронтальной разведки. В то же время Бадольо постоянно заверял, что полагаться на войска Павоне, не являвшегося монархистом, можно лишь с особой осторожностью, так как подобные функции могут полноценно выполнять только политически корректные и аттестованные офицеры СИМ. Все эти сложности значительно затрудняли проведение специальных операций, поскольку значительную часть времени старшим офицерам ОСС приходилось проводить в написании объяснений в высокие инстанции в ответ на жалобы Бадольо на несанкционированные контакты разведчиков с Комитетом национального освобождения (КЛН). Для легализации этих связей американцы со свойственным им размахом и прагматизмом решили просто создать новую структуру под названием Организация итальянского Сопротивления (ОРИ) и укомплектовали ее людьми Павоне и радистами с итальянских подводных лодок. Это одновременно помогало скрывать некоторые деликатные аспекты также и от англичан, однако проблему соперничества в целом не решило. Дело в том, что Италия находилась в сфере действия сразу нескольких органов ОСС, в том числе

резидентуры в Берне, которую возглавлял известный своим консерватизмом, если не сказать реакционными взглядами, Аллен Даллес. Естественно, он всецело поддерживал не антимо-нархические группы, а респектабельного и легитимного Бадольо, что породило немедленно отразившуюся на работе резкую конфронтацию между бернской точкой и боевыми подразделениями ОСС в Италии. Вашингтон попытался примирить обе фракции и найти компромисс, используя оперативных работников Бюро разведки и связи и радистов ОРИ, но и сами итальянцы отказывались работать совместно друг с другом, и в результате для левых и правых пришлось даже создать два отдельных учебных центра. Британцы были еще более непримиримы в политических вопросах и с конца 1943 года полностью отказались снабжать все отряды и группы КЛН, фактически бросив партизан на произвол судьбы.

Осенью 1943 года Бюро стратегических служб передало все задачи по ведению тактической разведки в ведение армейских разведорганов. К этому времени ОСС в Италии располагало основными операционными базами в Ла Маддалене на Сардинии, в Палермо и в Бриндизи. Точка в Палермо отвечала за политическую и экономическую разведку, а удаленность Бриндизи от линии фронта позволяла сосредоточиться на решении стратегических задач в относительно спокойной тыловой обстановке. Эта база была идеальной для планирования операций, обучения агентов и организации встреч с высшим руководством итальянской армии.

К 31 января 1944 года силы секции СИ ОСС на итальянском ТВД распределялись следующим образом:

- Неаполь – 4 офицера, 27 рядовых и 2 гражданских служащих, а также 2 рядовых в составе контрольной комиссии;
- Бриндизи – 6 офицеров, 29 рядовых и 38 итальянцев для зафронтальной разведки;
- Корсика – 1 офицер, 2 рядовых и 5 гражданских служащих;
- Палермо – 1 офицер, 5 рядовых и 42 гражданских служащих;
- Фоггия – 3 рядовых и 1 гражданский служащий;
- отряд, прикомандированный к 5-й армии – 1 офицер, 1 рядовой, 19 гражданских служащих и 10 гражданских итальянцев;
- подразделение психологической войны – 3 офицера, 3 гражданских служащих и 1 итальянец.

После захвата столицы Италии оперативная обстановка на театре существенно изменилась в пользу союзников. В Рим вошли подразделения ОСС специального назначения и группы СИ для захвата важных в разведывательном отношении зданий, архивов и людей. В городе была организована резидентура во главе с полковником Картером, подчинявшемся командующему силами ОСС на Средиземноморском ТВД в Казерте (Алжир) полковнику Эдуарду Глэвину. Руководителями секций специальной разведки (СИ) и специальных операций (СО) в Риме стали Уильям Мэддокс и Уильям Дэвис-младший. Особое отделение СИ во главе с Говардом Чапиным руководило проведением агентурных операций в Центральной Европе, а именно на территории Чехословакии, Венгрии, Австрии и Германии. Еще одна, практически независимая секция СИ дислоцировалась в Бриндизи. Ее возглавлял Макс Корво, подчинявшийся руководителю СИ в Италии полковнику Винсенту Скампоринно, а почти весь личный состав составляли итальянцы. Независимость группы простиралась столь далеко, что она не предоставляла добытые агентурные данные даже параллельной секции СО, что весьма раздражало многих. Корво и его людей обвиняли в финансовых нарушениях (однако, не выявившихся при тщательной проверке), а также в ведении собственных политических игр. Задачи группы выходили за узкие рамки операций в ближних тылах, она отвечала за действия на территории Италии, Балкан, Сардинии, Корсики и на юге Франции. Корво первым в американской разведке понял, что агента недостаточно обучить, экипировать, снабдить связью и забросить к месту выполнения задания, нужно еще и создать соответствующую инфраструктуру для обеспечения его действий в течение относительно продолжительного периода и для возврата, чтобы дать агенту шансы на выживание. Группа пыталась получить для обеспечения своих операций на Средиземном и Адриатическом морях по одному корвету и по два торпедных катера (МАС) из состава итальянского флота, но безуспешно. Ее командир подыскал подходящее торговое судно “Луиджи Риццо” со скоростью хода всего в 15 узлов, но с новой мощной радиостанцией, однако не получил и его, что создало серьезные проблемы в сообщении между базами в Бриндизи и Палермо.

К описываемому периоду относится загадочный эпизод с исчезновением руководителя совместной миссии ОСС и КЛНАИ майора Уильяма Холлохэна, заброшенного в тыл противника осенью 1944 года. История этой миссии началась в августе, когда ОСС собиралось направить в Северную Италию группы “Крайслер” и “Мэнгостин” в составе трех человек для связи с партизанами. Командиром второй из них был назначен американец итальянского происхождения лейтенант Альдо Икарди, план действий согласовывался с заместителем начальника разведки Комитета национального освобождения Верхней Италии (КЛНАИ) Энцо Боери. Эту организацию представлял офицер запаса итальянской армии и один из лучших агентов разведки КЛНАИ Туллио Лусси (“Ланди”). Группа “Крайслер” в составе лейтенанта Виктора Джаннино, сержанта Джаирмикола и радиста сержанта Карла Ло Дольчи должна была работать в том же районе, поэтому командование приняло решение включить ее в состав миссии “Мэнгостин”. Объединенную разведгруппу возглавил капитан Холлохэн, только что представленный к временному званию майора, не знавший ни слова по-итальянски и не владевший обстановкой в регионе. Любопытно, что оба эти обстоятельства расценивались руководством весьма положительно, ибо предполагалось, что они не позволят майору заниматься политикой. 26 сентября 1944 года группа была сброшена с парашютами в 50 милях к северо-западу от Милана, причем Холлохэн располагал 16 тысячами долларов для финансирования местного движения Сопротивления. Задание предусматривало вход разведчиков в Милан после ухода оттуда немцев, но те не отступили, и план пришлось срочно менять. Группа некоторое время действовала с переменным успехом, а в декабре после внезапной атаки немцев ее командир бесследно исчез. В датированных 28 мая 1945 года показаниях Лусси описывал обстоятельства следующим образом: “В конце декабря 1944 года...вилла, на которой квартировали американские офицеры, подверглась нападению со стороны неизвестных лиц, и группа рассыпалась в разных направлениях; позднее, после сбора в Пелле на озере Орта, майор отсутствовал, и никакой информации о нем не было. Я оставался в районе в течение целого дня для всестороннего расследования, но не смог выяснить ничего позитивного”²⁰⁹. На базу в Бриндизи пришло сообщение о предполагаемой гибели командира группы, и руководство ей принял на себя лейтенант Икарди. Вся эта история была хотя и печальной, однако совершенно обыденной в боевой практике разведывательных подразделений, и Холлохэн так бы и остался в общих списках пропавших без вести при выполнении боевого задания, но внезапно к происшествию вернулись после войны, судя по всему, по пропагандистским причинам. Икарди и одному из сержантов группы “Мэнгостин”/“Крайслер” инкриминировали убийство майора, причем в Риме даже состоялось заочное слушание этого дела. Обоих подсудимых обвиняли в том, что с целью завладеть 16 тысячами долларов оперативных средств они отравили своего командира, затем выстрелили в него и бросили тело в озеро, инсценировав нападение на виллу. Затем делу попытались придать политическую окраску и представить майора ревностным католиком, который не мог допустить, чтобы оружие попало к коммунистическим гарибальдийским партизанам, как этого якобы требовал Икарди. Объяснения самого Икарди на этот счет были несколько путанными. Категорически отрицая свою причастность к исчезновению Холлохэна, он, тем не менее, обращал внимание общественности на исключительную сложность и деликатность проблемы распределения оружия среди партизан различных групп, то есть

Альдо Икарди (в центре снимка в шляпе)

не отметил полностью вопрос о политических аспектах миссии и связанных с этим проблемах. Вина Икарди никогда не была доказана и даже хотя бы убедительно аргументирована, а Макс Корво отзывался о поднятой вокруг этого дела шумихе с крайним возмущением и категорически отрицал присутствие любого криминального аспекта в исчезновении майора.

Изменение оперативной обстановки на Средиземноморском ТВД в 1944 году привело к полной реорганизации системы разведывательных органов ОСС. Основными причинами этого являлись:

1. Намечаемое вторжение 17-й армии в Южную Францию, существенно расширявшее сферу деятельности ОСС на театре.
2. Необходимость серьезной мобилизации ресурсов и организации значительного количества снабженческих авиарейсов для поддержки Варшавского восстания.
3. Централизация руководства всеми подразделениями ОСС в Италии.
4. Пересмотр взаимоотношений с лидером югославского Сопротивления Тито. Работа на этом направлении выделялась в ведение специального подразделения и требовала особого внимания, поскольку из-за исторического соперничества Италии и Югославии за зону Триеста группы партизан обеих государств вступили между собой в конфронтацию, доходившую до боевых столкновений.

По перечисленным причинам с середины ноября 1944 года все разрозненные подразделения секций СО и СИ в Италии были объединены в СО МЕДТО и СИ МЕДТО (то есть на Средиземноморском ТВД), а несколько позднее все группы и базы ОСС на театре стали считаться 2677-м полком. В его составе имелись достаточно условные роты “А” (основное оперативное подразделение), “В” (операции в Южной Франции), “С” (операции на балканском направлении), “D” (операции в Италии) и контрразведывательное подразделение “Икс-2”, взаимодействовавшее и одновременно соперничавшее с подразделениями Контрразведывательного корпуса и итальянской контрразведки. 50 контрразведчиков СИМ были прикомандированы к штабу 5-й армии, 30 из них отвечали за контакты с КИК. Американские (КИК) и британские (ФСС) полевые органы безопасности насчитывали в этом регионе также по 50 человек личного состава. КИК сформировал специальную группу “С” для проведения разведывательных и иных неотложных оперативных мероприятий в освобожденном от немцев Риме. Контрразведывательная работа в этот период была особенно важна, поскольку германская разведка значительно активизировала операции в Италии и перешла к тактике массовой заброски агентуры. В районе от Рима до Анцио с октября 1944 года постоянно фиксировалось значительное количество как одиночных агентов, так и разведгрупп, однако параллельно с этим ужесточился и контрразведывательный режим в войсках союзников. Впоследствии, например, командир немецкой фронтовой разведывательной команды 190 доктор Кора вспоминал, что из множества его агентов, заброшенных в американские тылы в период с октября 1944 по январь 1945 года, не возвратился ни один. Вообще же в Италии с октября 1944 года до окончания войны американцы захватили около 200 германских агентов. Следует отметить, что качество их подготовки было удручающе низким, вероятно, из-за того, что она проводилась в сильнейшей спешке. Официальный исторический очерк деятельности Контрразведывательного корпуса армии США описывал создавшуюся обстановку следующим образом: “В Северной Италии абвер открыл несколько разведшкол, вербуя бедных крестьян, торговцев черного рынка, фашистов и бывших офицеров итальянских ВВС и флота. Они вербовали от 12-летних мальчишек до мужчин и женщин среднего возраста. Там был даже слабоумный, невинная душа, согласившийся пересечь фронт за несколько долларов в итальянских лирах. Эти новобранцы проходили краткий трехнедельный курс шпионажа и саботажа и затем забрасывались на работу за линию фронта. Они (немцы — И. Л.) беспокоились больше о количестве, чем о качестве”²¹⁰.

Контрразведка ОСС в Риме была представлена группой из 17 человек, работавших под условным обозначением Особого контрразведывательного подразделения “Z”, которым в 1943 году руководил известный в будущем контрразведчик ЦРУ Джеймс Джизус Энглтон. Его не следует смешивать с отцом, подполковником Джеймсом Хью Энглтоном, в течение непродолжительного времени до прибытия сына в Казерту представлявшего ОСС при правительстве Бадольо и СИМ. К этому времени оперативная обстановка на театре характеризовалась сокращением численности забрасываемой агентуры абвера и СД и повышением качества ее подготовки. Линия “Икс-2” в Италии имела весьма низкую репутацию и считалась наименее успешным подразделением среди всех структур ОСС. Однако Энглтону

повезло, поскольку с самого момента его прибытия он начал получать от британской разведки через резидентуру ОСС в Лондоне перехваченные и раскрытые по каналу ISOS тексты радиogramм агентов абвера, ставшие его основным источником информации о противнике. Следует отметить, что хотя он был единственным американцем, удостоенным такой привилегии, никакой заслуги “Икс-2” и лично Энгтона в этом не было, вопросы взаимодействия согласовывались на переговорах высшего уровня в Вашингтоне и Лондоне. Руководитель римского подразделения контрразведки, к концу войны возглавивший всю контрразведку ОСС в Италии, мог претендовать в этой области на одно, зато весьма полезное изобретение. Не имея права использовать в непосредственной оперативной работе информацию с грифом “Совершенно секретно — Ультра”, но, владея ее содержанием, он в целях прикрытия источника зачастую добивался дублирования этих сведений на допросах пленных, после чего со спокойной совестью ставил на них обычный гриф “Секретно” и направлял для руководства и использования. Взаимодействие контрразведчиков линии “Икс-2” и офицеров КИК осуществлялось после поимки последними германских агентов. На допрос в обязательном порядке приглашался представитель ОСС, оценивавший перспективы использования арестованного в радиоигре или в качестве двойника, поскольку сотрудники Контрразведывательного корпуса не имели для этого соответствующей подготовки. Если агент представлял интерес в этом отношении, офицеры “Икс-2” забирали его, если же нет, ему предстояло пройти обычную процедуру, чаще всего заканчивавшуюся расстрелом.

Одним из наиболее перспективных направлений работы группы Энгтона, к концу войны возглавившего всю контрразведку ОСС в Италии, стало взаимодействие с руководителем Секретной разведывательной службы военно-морских сил Италии (СИС) капитаном 1-го ранга Агостиньо Калоси и начальником ее разведывательного отдела капитаном 2-го ранга Карло Рейзо. В самом начале работы морского подразделения ОСС был расшифрован внедренный в него и скомпрометировавший всю группу германский агент, после чего ее стали рассматривать как небезопасную в контрразведывательном отношении и подлежащую роспуску. Итальянские разведчики пришли на помощь и сменили весь прикомандированный к ней персонал, выделив четырех новых радистов-моряков. Кроме того, Калоси распорядился передать американцам центр подготовки боевых пловцов “Гамма”, ранее использовавшийся для тренировок диверсантов 10-й флотилии МАС, как в конспиративных целях именовалось морское подразделение специального назначения под командованием “черного князя” Джунио Валерио Боргезе, известное многочисленными успешными операциями против британского флота в бассейне Средиземного моря. Американцы использовали центр для подготовки боевых пловцов, направляемых на Тихоокеанский ТВД.

С января 1945 года подразделение “Икс-2” установило агентурные отношения с Рейзо, под псевдонимом “Солти”, поставлявшим Энгтону информацию по действию коммунистических групп и отрядов Сопротивления и их связях с Советским Союзом, а также об остатках фашистских учреждений в Италии. В рамках этих взаимоотношений американская контрразведка начала осуществление плана “Айви” по использованию агентурных возможностей СИС для внедрения в действовавшие на севере страны разведывательно-диверсионные формирования 10-й флотилии МАС, к этому времени получившей статус дивизии. План имел как бы два уровня: на верхнем он представлял собой официальное взаимодействие двух структур, на более глубинном — работу “Солти” в интересах ОСС. Рейзо предоставил в распоряжение американцев шестерых итальянских агентов с радиосвязью. Они использовались для выявления переодетых в форму ВМС или армии США разведчиков Боргезе, изучавших подходы к пунктам базирования кораблей союзников в Специи, Генуе, Триесте и Венеции. Помимо взаимодействия с морской разведкой, план “Айви” предусматривал также взаимодействие “Икс-2” с гражданскими органами безопасности и оперативными органами партизанских формирований для использования их возможностей в выявлении германской агентуры. Однако в области наступательной контрразведки Энгтон не преуспел. Более того, его действия в нескольких случаях привели к трагическому исходу, поскольку из-за отсутствия должной организации в построении агентурных сетей несколько партизанских разведчиков были арестованы своими же контрразведывательными подразделениями и казнены как немецкие шпионы. Выйти на разведку 10-й дивизии МАС также не удалось, хотя позднее Боргезе сам обратился к американцам с просьбой об установлении контактов.

Упомянутое соединение представляло собой диверсионное формирование итальянского флота и до осени 1943 года возглавлялось капитаном 2-го ранга Витторио Моккагатта. Тогда

оно имело статус флотилии, которая включала в себя 1-й (надводный) и 2-й (подводный) дивизионы под командованием капитанов 3-го ранга Джорджо Джоббе и Джунио Валерио Боргезе. На следующее же утро после подписания перемирия Италии с западными союзниками Боргезе собрал всех бойцов флотилии в казармах Ла Специи и принял их под свое командование, одновременно обратившись с предложением своих услуг к германскому руководству. Немцы были весьма удивлены таким неожиданным поворотом событий, однако с готовностью согласились. Несколько последующих недель новый командир флотилии-дивизии провел в поездках по стране в поисках желающих воевать под его началом, после чего часть достигла численности полностью укомплектованной дивизии. Из-за абсолютного недоверия военного командования Итальянской социальной республики к Боргезе оно сделало попытку расформировать 10-ю дивизию МАС, но тот отказался подчиниться и предупредил, что по любому приближающемуся к казармам постороннему лицу будет открываться огонь на поражение. После этого попытки расформировать дивизию прекратились, и она была формально включена в состав республиканского флота, сохранив, однако, полную самостоятельность в действиях и от итальянцев, и от немцев. К маю 1944 года соединение насчитывало 25 тысяч человек личного состава и от исключительно морских операций перешла к сухопутным и смешанным, в частности, против союзников в районе Анцио и против итальянских и югославских партизан на севере. В его составе теперь имелись две боевые группы, соответствующие пехотным полкам трехбатальонного состава с соответствующей артиллерией, восемь отдельных батальонов, в большинстве сформированных из корабельных экипажей, другие сухопутные подразделения, а также надводные и подводные плавсредства, боевые пловцы и учебные центры. Вне сомнения, 10-я дивизия МАС была наиболее боеспособной не только среди итальянских войск, и нейтрализация ее явилась бы большой удачей.

Значительно более успешной оказалась операция по приобретению еще одного источника в итальянской морской разведке, известного под обозначением ЖКИ/8, но для простоты обозначаемого в литературе как “Сэйлор”. Эта операция позволила американцам в деталях отслеживать возрождение секретной службы итальянских ВМС и контролировать пути советского проникновения в нее. “Сэйлор” располагал также возможностями по освещению обстановки в Албании, в частности, позволил предсказать некоторые действия Энвера Ходжи. Кроме того, агент ЖКИ/8 расшифровал перед американцами давнего источника “Дурбан”, поставившего итальянцам ключи к британским и французским шифрам, что стало возможным после того, как его посредник Макс Продье попытался в 1945 году возобновить агентурные отношения с СИС.

На рубеже 1944 и 1945 годов Энглтон боролся с руководителем секции СИ римской резидентуры ОСС полковником Скампорино за контроль над операцией “Вессел”, описанной в главе о Ватикане. Контрразведчик проиграл, хотя, как выяснилось впоследствии, предмет спора не заслуживал такого внимания, поскольку информация от агента оказалась фальшивкой. Однако вскоре Энглтон был отомщен, так как Скампорино потерпел поражение на административном поле от персоны, существенно превосходившей его по весу в коридорах власти ОСС — резидента в Берне Аллена Даллеса. Война в Италии близилась к концу, и стремление немцев выйти из нее с минимальными потерями послужило причиной их многочисленных попыток капитулировать перед англо-американцами, описанных в главе о Швейцарии. Здесь же рассматриваются лишь некоторые аспекты финальной стадии операции “Санрайз”, то есть переговоров о капитуляции группировки германских войск в Северной Италии и Южной Австрии. С немецкой стороны их проводил в Берне высший руководитель СС и СД в Северной Италии оберстгруппенфюрер СС Карл Вольф. Вместе с начальником гестапо Рауффом 25 апреля 1945 года он возвратился в Милан и остановился в 50 километрах от города на вилле, вскоре блокированной партизанами. Вольф запросил по радио помощь у Даллеса, и утром 26 апреля к нему на выручку отправилась разношерстная миссия в составе руководителя точки ОСС на швейцарско-итальянской границе Дональда Джонса, представителей СС, швейцарской разведки и итальянских партизан. Вольфу удалось продержаться до ее прибытия, и 27 апреля его освободили, после чего он снова попытался добраться до Милана, чтобы выполнить свои обязательства по “Санрайзу”. Теперь маршрут оберстгруппенфюрера пролегал через Швейцарию и вдоль австрийской границы до его штаб-квартиры в Больцано в 125 километрах от Неаполя. В это время в Милане 29 апреля партизаны блокировали прибывшего туда Рауффа, которого попытались защитить американские разведчики капитан Даддарио и лейтенант Икарди. В том же доме находился и мар-

шал Грациани, также являвшийся желанной целью для бойцов Сопротивления. Оба этих человека, несомненно, были бы растерзаны толпой, но Даддарио и Икарди без оружия встали в дверях и не позволили совершить акт самосуда. 2 мая группировка вермахта и СС в Северной Италии и Южной Австрии капитулировала. Позднее Вольф утверждал, что его действия помогли предотвратить создание в этом районе советской республики, что, однако, не спасло его от судебного преследования. 12 мая оберстгруппенфюрер был арестован вместе с работниками своего штаба и позднее приговорен к 15 годам тюремного заключения за военные преступления.

Карл Вольф

Оценивая итоги операции “Санрайз”, следует отметить, что боевые действия в Северной Италии фактически закончились еще до подписания капитуляции. Даллес всячески превозносил свои заслуги в этом вопросе, позднее в пропагандистских целях эту версию поддерживали многие авторы, но в 1945 году сотрудники ОСС в Италии рассматривали проблему иначе. Безусловно, к их восприятию примешивалась изрядная доля субъективизма и извечной антипатии полевых оперативных офицеров к кабинетному разведчику, фронтовиков к тыловику, однако в целом они были правы. Корво вспоминал: “Прибытие Даллеса в Милан без уведомления нас об этом и его аристократическая и покровительственная поза при обсуждении некоторых проблем спровоцировала Скэмпа (Скампорино — И. Л.) на выражение своего мнения с недипломатичной прямоотой. Возмущенный Даллес, прибывший к нам в эйфории от своего участия в “Санрайзе”, удалился, угрожая, что дискуссия не окончена, и бормоча, что никогда в жизни не терпел такого унижения”²¹¹.

В военное время резиденты разведки не перемещаются из страны в страну без разрешения руководства службы, но Даллеса такие мелочи никогда не интересовали. Судя по всему, его незапланированный и ни с кем не согласованный приезд в Рим преследовал цель выяснить отношения с конкурентами и поставить их на место, поэтому эту неудачу он переживал тем более болезненно. Нервозность резидента ОСС в Берне объяснялась еще и тем, что по мере выхода американских войск к границе Швейцарии его самостоятельность все более урезалась, а подобные вещи он переносил с большим трудом. Даллес никогда не умел соблюдать дисциплину и субординацию, везде пытаясь проводить собственную линию, и переход большинства операций точки в Берне под контроль Верховного штаба союзнических экспедиционных сил (СХАЕФ) раздражала его весьма сильно. Однако еще больший психологический дискомфорт он испытал после передачи значительной части его контактов с итальянским движением Сопротивления миссии ОСС на этом ТВД.

Победа Скампорино оказалась временной. В Вашингтоне Даллес включил все рычаги своего влияния, и некоторое время спустя обоих его миланских обидчиков отозвали из Италии, несмотря на все их многочисленные достижения в войне. Власть больших денег и личных связей всегда и во всех странах превосходила боевые заслуги, и Средиземноморский ТВД не являлся в этом вопросе исключением.

* * *

После 1945 года существование всех итальянских специальных служб фактически приостановилось на три года. Американское и в некоторой степени британское влияние препятствовало их деятельности из-за неясности с внутренним политическим устройством государства. Однако в результате апрельских выборов 1948 года стало ясно, что Италия, несмотря на сильные позиции коммунистической партии, ориентируется на Запад, а не на Восток. После этого у Рима, окончательно доказавшего Вашингтону и Лондону свою лояльность, появилась возможность возродить разведывательные службы трех видов вооруженных сил (СИОС), вскоре объединенных в Разведывательную службу вооруженных сил (СИФАР). Ее первым начальником стал генерал Джованни Карло Ре. Тогда же гражданская контрразведка и политическая полиция были восстановлены в форме хорошо известного Отдела общих и тайных дел МВД, руководство которым было возложено на бывшего командира 9-й зоны ОВРА квестора Джеммуале Барлетта. Начинался новый этап истории итальянских спецслужб, не усвоивших ни одного из уроков эпохи фашизма.

САТЕЛЛИТЫ И СОЮЗНИКИ

В ходе Второй мировой войны в странах антигитлеровской коалиции по отношению к европейским союзникам Третьего рейха вошел в употребление термин “сателлиты”, носивший несколько уничижительный оттенок. Он подразумевал отсутствие у этих государств самостоятельной внешней и внутренней политики и бездумное и безоглядное следование в кильватере Германии, однако не во всех случаях это было справедливо. Если отрешиться от пропагандистских клише, Берлин в Европе имел и марионеток, подобных Итальянской социальной республике, Словакии, Хорватии или Словении, и таких полноценных союзников, как Италия и Венгрия. Финляндия же вообще не числила себя союзницей Германии, претендовала на статус “совоюющей державы” и вела как бы свою собственную, независимую от рейха войну с СССР. В данной главе под термином “сателлиты” понимаются государства, занимавшие некое промежуточное положение между перечисленными категориями, то есть мобилизовавшие свои внутренние ресурсы для обеспечения вооруженной борьбы рейха, однако сохранявшие при этом в большей или меньшей степени самостоятельную политику. Особую и взаимосвязанную группу составляли Болгария, Румыния и Венгрия. Несмотря на общность их интересов в отношении исхода войны в Европе, двухсторонние отношения Софии, Бухареста и Будапешта зачастую были весьма напряженными, а иногда приближались к грани вооруженного конфликта. В каждом из этих государств заметное влияние имели оппозиционные группировки, стремившиеся заключить сепаратный мир и при этом избежать ответных санкций со стороны Германии.

Все перечисленные государства располагали сильными органами контрразведки и в оперативном отношении являлись весьма сложными объектами. Наибольший разведывательный интерес они представляли в качестве плацдарма, позволявшего добывать информацию по Третьему рейху.

1. БОЛГАРИЯ

С 1941 года Болгария являлась единственным в Европе союзным Германии государством, не находившимся в состоянии войны с Советским Союзом и сохранявшим с ним дипломатические отношения. Это предоставляло СССР уникальную возможность даже в условиях жесткого контрразведывательного режима иметь в Софии посольство с “легальными” резидентурами внешней и военной разведок, что было недоступно для западных союзников.

Вхождение Болгарии в германскую орбиту произошло еще в 1914 году вследствие ее разгрома во Второй Балканской, или Межсоюзнической войне 1913 года, получившего название Первой национальной катастрофы. Традиционные симпатии болгар к России не прини-

мались во внимание, к тому же они оказались сильно преувеличенными, и в результате в 1915 году страна оказалась в австро-германском блоке. Вслед за этим не замедлила последовать и Вторая национальная катастрофа в форме являвшегося составной частью Версальской системы кабального Нейского мирного договора от 27 ноября 1919 года. После этого степень прогерманской ориентации правящих кругов Софии значительно уменьшилась, но страну и ее народ ожидал ряд новых испытаний. Они привели к совершению 19 мая 1934 года Военным союзом (лигой) и политической группировкой “Звено” государственного переворота с целью создания сильной и некоррупцированной центральной власти по примеру Германии и Италии. Первым же указом новое руководство государства приостановило действие конституции, запретило политические партии и профсоюзные организации и распустило парламент. В июле 1934 года Болгария восстановила дипломатические контакты с Советским Союзом и значительно уменьшила напряженность в отношениях с Югославией. Цели и задачи различных группировок людей, известных под обобщающим названием “деятелей 19-го мая”, во многом принципиально расходились, чем и воспользовались хитрый и дальновидный царь Борис III и курировавший полицейские и специальные службы его брат князь Кирилл. Сыграв на разброде и шатаниях в рядах победителей, царь вскоре сумел сосредоточить всю власть в собственных руках, при этом трое наиболее влиятельных лидеров Военного союза один за другим умерли при загадочных обстоятельствах. Судя по всему, их попросту негласно уничтожили, однако никаких доказательств этого не существует. Одновременно Болгария развернула борьбу за отмену жестких статей Нейского мирного договора и 31 июля 1938 года достигла соглашения с входившими в Балканскую Антанту Румынией, Югославией, Грецией и Турцией. Ограничения на вооружения страны оказались сняты, и по состоянию на 1 января 1939 года общая численность ее вооруженных сил была доведена до 73 тысяч человек в 4 общевойсковых армиях из 9 пехотных и 2 кавалерийских дивизий. ВВС располагали эскадрой боевых самолетов, а ВМС — флотилией боевых кораблей и катеров.

Начало Второй мировой войны застало Софию врасплох. Ни царь, ни правительство не могли окончательно сориентироваться в том, оставаться ли им нейтральными или же примкнуть к одной из сторон и к какой именно. Дипломаты всех великих держав боролись за привлечение Болгарии на свою сторону, и осенью 1940 года Борис III практически одновременно получил из Берлина приглашение присоединиться к Тройственному пакту и из Москвы предложение заключить двухсторонний договор о взаимной помощи. Коммунисты развернули активную кампанию в поддержку советского варианта, но лишь укрепили опасения правительства и царя относительно возможной большевизации страны при заключении договора с СССР. В результате 1 марта 1941 года Болгария присоединилась к Тройственному пакту и дала согласие на ввод 680-тысячного контингента вермахта, использовавшего ее территорию для вторжения в Югославию и Грецию. В то время лишь узкому кругу посвященных было известно, что в действительности первые германские военнослужащие прибыли в страну еще 23 июля 1940 года. В этот день 125 мужчин и 25 женщин из батальона особого назначения “Бранденбург” высадились на аэродроме Русе и в гражданской одежде отбыли к местам своей дислокации в Варне, Велико-Тырново, Поморье и других городах. Следующая группа диверсантов из 280 человек, на этот раз в болгарской форме, появилась в Русе 19 февраля 1941 года. В марте 1941 года при помощи агентов местной резидентуры абвера они смогли подбросить в багаж сотрудников британского посольства, убывавших из Софии в знак протеста против вступления страны в Тройственный пакт, два чемодана с взрывными устройствами. В суматохе отъезда это прошло незамеченным, и бомбы сработали в стамбульском отеле “Пера Палас”, где временно разместились прибывшие специальным поездом дипломаты. Взрыв причинил значительные разрушения, повлек гибель сотрудницы посольства и официанта и вызвал протест со стороны турецкого правительства.

Германский союзник обходился Болгарии весьма недешево. Страна фактически утратила экономическую и политическую самостоятельность и приняла на себя обязательство содержать расквартированные на ее территории части вермахта, средняя численность которых на протяжении войны составляла 20 тысяч человек, а также безвозмездно передали немцам в пользование 16 аэродромов и военно-морские базы Бургас и Варна. Заключенное 16 октября 1940 года грабительское клиринговое соглашение между Софией и Берлином послужило причиной возникновения 70-миллиардной задолженности, почти вдвое превышавшей национальный доход Болгарии, составивший в том же году 43,254 миллиарда левов²¹². Суммарные прямые и косвенные денежные расходы страны на Германию достигли

за период войны 59,966 миллиардов левов, а потери от осуществлявшейся немцами в обход болгарских таможен контрабанды оцениваются в 6 миллиардов левов²¹³. Германские промышленные и финансовые компании постепенно захватили весьма существенную часть болгарской экономики.

Не меньшей была и политическая зависимость Софии от Берлина, исключение составил лишь вопрос вступления Болгарии в войну против Советского Союза. Борис III категорически предупредил немцев, что в этом случае не может гарантировать сохранение спокойствия в стране и отклонял неоднократно повторявшиеся требования Гитлера о направлении войск на Восточный фронт, а также отказался разорвать дипломатические отношения с СССР. Однако Великобритания и США отнюдь не пользовались симпатиями народа, а также находились на значительном удалении от границ страны, и 13 декабря 1941 года София объявила им войну.

В области внутренней политики Болгария придерживалась жесткой линии, а ее чрезвычайные законы предусматривали предание военному суду любого заподозренного в политической деятельности, независимо от ее направленности. Контроль за населением и иностранными гражданами осуществляли Дирекция государственной безопасности министерства внутренних дел и военная контрразведка. Первой из них руководил П. Павлов, в подчинении которого имелись два основных оперативных отделения:

- “А” (борьба с коммунистической и антигосударственной деятельностью);
- “Б” (гражданская контрразведка).

Отделение “А” на протяжении долгих лет возглавлял снискавший недобрую славу Никола Гешев, отличавшийся крайним садизмом и лично принимавший участие в допросах и пытках. Он любил спокойно вести неторопливую беседу с впервые арестованным человеком, а когда тот окончательно успокаивался и расслаблялся, внезапно вскакивал, бил его головой об стену, втыкал в ноздрю зажженную сигарету и требовал немедленного признания. По наблюдениям знавших начальника отделения “А” людей, Гешев не имел никаких идеологических убеждений и был вовсе не фашистом, а просто человеконенавистником, получавшим от подобных действий искреннее удовольствие. В сентябре 1944 года его карьера закончилась. Вместе с двумя коллегами он попытался прорваться в Грецию, но группа попала под обстрел и вернулась обратно на болгарскую территорию, при этом сам Гешев исчез. В дальнейшем его следы не обнаруживались нигде, поэтому нельзя сказать с уверенностью, погиб ли он или же сумел исчезнуть и затаиться с награбленными деньгами.

Гражданской контрразведкой в Дирекции государственной безопасности ведало отделение “Б” во главе с Андреем Праматаровым, не снискавшим столь недобрую славу и ничем себя особо не проявившим. Однако в его активе все же значится как минимум одна весьма удачная операция. Белый эмигрант из России Гриневич поступил на службу в британское посольство в Софии на должность помощника военного атташе Эдуарда Росса, где проявил себя весьма способным разведчиком и вел всю секретную работу атташе, в том числе по связи с источниками. Начальнику отделения “Б” удалось завербовать одного из сотрудников Бюро паспортного контроля, от которого он узнал, что секретная документация хранится в сейфе Гриневича. Агент добыл оттиск ключа от сейфа, затем открыл его и переснял все хранившиеся там документы. Это позволило контрразведке арестовать четырех источников СИС, под пытками признавших в работе на британцев. При эвакуации британских дипломатов из страны в марте 1941 года директор полиции А. Пантев приказал захватить не пользовавшегося дипломатическим иммунитетом Гриневича и лично передал его секретарю германского посла и одновременно сотруднику СД-аусланд Борману. Дальнейшая судьба этого человека неизвестна.

Болгарская политическая полиция и контрразведка в важнейших вопросах действовали под общим надзором немцев. Даже послом Германии в Софии с июня 1941 года являлся бывший руководитель полиции Франкфурта-на-Майне Адольф Хайнц Бекерле. Наряду с дипломатическими обязанностями, он руководил службами гестапо и СД, однако военные разведчики пребывали вне сферы его контроля. В мае 1937 года резидент и военный атташе Германии начал создавать в стране агентурную сеть, хотя резидентуры как таковой в Болгарии не существовало еще в течение трех лет. В 1939 году для решения, в частности, этого вопроса в Софию прибыли руководитель балканского направления абвера Блох и будущий резидент майор Отто Вагнер (не путать с резидентом абвера в Стокгольме Хансом Вагне-

ром). С 1940 года он приступил к постоянной работе на должности торгового атташе при посольстве рейха под оперативным псевдонимом “доктор Делиус”. КО-Болгария располагалась в особняке на улице Патриарха Евфимия, там же размещался и передатчик. Задачами точки являлись содействие вступлению Болгарии в Тройственный пакт, а по достижении этой цели укрепление ее союза с Германией, борьба с коммунистическим подпольем и влиянием коммунистов и организация контрразведки в Болгарии и на Ближнем Востоке, в первую очередь ликвидация нелегальных передатчиков советской разведки. На связи у резидентуры имелось до 200 источников в самых различных слоях болгарского общества, однако наиболее надежные контакты установились у Вагнера с местными военными разведчиками и контрразведчиками из Разведывательной службы генерального штаба (РО) во главе с полковниками Н. Костовым, С. Недевым и Х. Тумбиным. Она включала в себя три основных отдела:

- РО-1 — руководство военными атташе и внешняя разведка, в том числе агентурная;
- РО-2 — внутренняя разведка против коммунистов в армии и структурах государственного управления, борьба с заговорами в вооруженных силах;
- РО-3 — контрразведка.

Возглавлявшийся майором Губертом РО-1 достиг неплохих результатов в работе на турецком направлении, до весны 1941 года входившим в тройку главных наряду с греческим и югославским. Однако после краха двух последних государств приоритетные направления изменились, главными противниками теперь считались не только Турция, но также Советский Союз, Румыния и страны Ближнего Востока. В составе отдела имелась возглавлявшаяся капитаном Пантенем лаборатория по изготовлению фальшивых документов и печатей.

Наиболее примечательной личностью в РО являлся руководитель внутренней разведки Кляйнхемпель, этнический немец, проживавший в Болгарии с 1920-х годов и работавший вначале в полиции, а затем в фирме по экспорту в Германию вин и сельскохозяйственной продукции. Начальник РО-2 отвечал за поддержание связи с Дирекцией полиции и Дирекцией государственной безопасности и одновременно находился на службе в абвере в качестве гражданского чиновника (зондерфюрера). Такое сращивание оперативных аппаратов спецслужб двух государств иногда приводило к недоразумениям. Например, 5 марта 1941 года полиция арестовала сотрудника РО-2 Асена Савова, одновременно работавшего на КО-Болгария, за вымогательство 880 тысяч левов с еврея Мико Соломона Леви. Ему требовался загранпаспорт, а без взятки получить его оказалось невозможным, и тогда Леви обратился за помощью в прокуратуру. На допросе Савов показал, что работает на разведку и якобы несколько раз по заданию РО и немцев в разведывательных целях проникал в британское посольство.

Одним из главных объектов болгарской контрразведки являлось советское посольство. Послевоенные исследования архивов полиции и военной контрразведки показали, что все без исключения его сотрудники находились под плотным наружным наблюдением практически на всех этапах их нахождения за пределами посольской территории. Наблюдатели отрабатывали свои объекты с немецкой педантичностью и фиксировали не только их маршруты и контакты, но и длительность пребывания советских граждан в каждой точке, а также вели список их покупок в магазинах и заказов в ресторанах, сравнивая затраченные суммы с официальной заработной платой персонала загранучреждений.

Болгарские военные попытались заняться радиоразведкой и криптоанализом, однако их потенциал оказался совершенно недостаточным даже для вскрытия относительно несложных румынских криптосистем. В самом начале войны они обратились к немцам с просьбой о содействии, и те указали прибывшему из Софии офицеру связи на слабые места в дипломатических и военных шифрах их главного противника. Но уровень подготовки болгарского представителя не позволил ему не только сделать выводы из объяснений, но даже просто понять их, поэтому помощь Шифровального бюро (“Ши”) оказалась безрезультатной. В 1943 году болгары попросили немцев подготовить группу их офицеров. Несмотря на искреннее желание помочь, квалификация обучающихся оказалась настолько низкой, что в течение всего оставшегося периода войны они сумели вскрыть только нестойкий турецкий дипломатический шифр. Зато в результате этих контактов “Ши” получило разрешение обр

Контрразведывательные службы не зря беспокоились в отношении обеспечения безопасности своих учреждений и войск в стране, поскольку советская разведка активно работала в Болгарии на протяжении многих лет. ИНО еще в январе 1935 года открыл в Софии “легальную” резидентуру, которую на протяжении трех лет возглавлял В. Т. Яковлев. В 1938 году ввиду расшифровки он вынужден был покинуть страну и передал руководство заграничной Б. П. Осокину, а в дальнейшем, после краткого периода понижения в должности, в течение войны возглавлял 2-й (балканский) отдел в центральном аппарате внешней разведки. Военная разведка всегда имела в Болгарии заметно лучшие позиции, чем ОГПУ/НКВД/НКГБ, а в роли резидентов выступали военные атташе в Софии или их помощники. Все самые крупные агентурные сети в Болгарии всегда состояли из местных граждан, находившихся на связи у военных разведчиков СССР.

Наиболее известной подпольной организацией являлась группа, возглавлявшаяся героем двух войн, генералом запаса Владимиром Заимовым (“Азорский”). Этот способный офицер делал стремительную военную карьеру, но в начале 1930-х годов увлекся политикой и вошел в число руководителей Военного союза. Заимов пребывал в оппозиции к царю и существовавшему правительству, однако пользовался большим авторитетом и уважением в стране и поэтому в целях успокоения общественного мнения получил назначение на высокую должность инспектора артиллерии болгарской армии. После ареста эмигрировавшего в Югославию и нелегально возвратившегося обратно бывшего руководителя Военного союза

Владимир Заимов

Дамиена Велчева Заимов также был арестован 4 декабря 1934 года по обвинению в подготовке государственного переворота. По совету князя Кирилла Борис III распорядился оправдать его и отпустить на свободу из зала суда. Генерал отделался увольнением в запас, хотя приговоры остальным обвиняемым оказались весьма строгими. Царь не желал создавать из популярного военачальника мученика и предпочел попытаться скомпрометировать его, распустив через полицейскую агентуру слухи о предательстве Заимовым своих единомышленников. Из-за топорного исполнения замысел не удался, практически все сразу же усмотрели в этом провокацию и не отвернулись от опального генерала. В запасе он открыл картонажную мастерскую “Славянин”, а в свободное время много путешествовал по Европе, изучая с 1939 года тактику и стратегию вермахта в блицкриге и других кампаниях и составляя свои наблюдения по этим вопросам.

Не удивительно, что в 1935 году известный разведчик И. Ц. Винаров обратил внимание на левые убеждения Заимова и дал на него наводку военному атташе СССР в Софии и “легальному” резиденту военной разведки полковнику В. Т. Сухорукову. Тот приступил к разработке объекта, но завершить ее не успел, поскольку в 1937 году был отозван на родину, где последующие 15 лет провел в лагерях. В июле 1938 года с Заимовым познакомился преемник Сухорукова, новый военный атташе и “легальный” резидент полковник А. И. Бенедиктов (“Хикс”, “Джихангир”, “А3”), а в ноябре генерал сообщил ему, что вместе с рядом друзей готов включиться в работу по предотвращению политического и экономического проникновения Германии в Болгарию. Оформление агентурных отношений с новым источником

Слева направо: И. Ф. Дергачев и Л. П. Середа

советской военной разведки “Азорский” произошло в январе 1939 года. Впоследствии генерал работал с преемниками Бенедиктова полковниками И. Ф. Дергачевым (октябрь 1939 — март 1941 годов) и Л. П. Середой (“Зевс”, март — июнь 1941 года).

Естественно, главная ценность источника для СССР состояла не в его военных наблюдениях. Ими не пренебрегали, но это можно было сделать и без нелегальной работы. Более важная сторона деятельнос-

ти “Азорского” охарактеризована в справке ГРУ: “За время работы организации Заимова (1939 — 1942), от него систематически поступала военная и военно-политическая информация по Болгарии, Германии, Турции, Греции и другим странам. После вступления немецких частей на территорию Болгарии Заимов сообщал об их численности и вооружении. В июле 1941 года “Азорский” передал информацию, получившую высокую оценку Центра, о политике болгарского правительства по отношению к СССР и другим странам. После нападения Германии на Советский Союз он давал сведения о продвижении и нумерации румынских и венгерских частей, отправляющихся на Восточный фронт”²¹⁴. Однако самая главная, основная задача Заимова была скорее организационной. Он создал конспиративную квартиру для связи с активистами компартии Чехословакии и проводил другую, не менее важную деятельность. Собственные возможности отставного генерала по сбору военной и политической информации были крайне невысоки из-за плохих взаимоотношений с властью, хотя он частично решал эту задачу с помощью оставшихся у него влиятельных друзей. Тем не менее, получаемые от Заимова сведения не отличались особенной актуальностью, он был скорее ценен как крупная фигура, находившаяся в оппозиции к режиму. Естественно, это создавало и немалые препятствия для его нелегальной деятельности. Контрразведка и политическая полиция были полностью уверены, что генерал ведет подпольную работу, однако ввиду отсутствия доказательств были лишены возможности нанести по нему удар. Удобный случай представился после провала в Словакии разведсети “Солте”, объединявшей руководимые Генрихом Карлом Фомфетта (Карл Мальхер) и Хансом Шварцем (Франц Шрек) группы. Их курьер Стефания Шварц (жена Ханса Шварца) прибыла в Софию и, не сумев установить связь с подпольем, в нарушение всех инструкций и требований здравого смысла немедленно отправилась в находившееся под плотным наблюдением посольство СССР. Работавшие там военные разведчики также повели себя, мягко говоря, неадекватно. Они видели, в каком состоянии находится Шварц, к тому же еще и беременная, засекали наружное наблюдение за ней, но все же дали ей явку к Заимову. Результаты не замедлили сказаться.

Евгений Чемширов

К этому времени генерала разрабатывали не только болгары, но и немцы. Вагнер, штат резидентуры которого достигал 100 человек, располагал достаточными ресурсами для проведения операции по поимке Заимова и, несомненно, преуспел бы в этом, однако его опередило гестапо, проводившее операцию “4407”. Оно уже успело завербовать племянника генерала Евгения Чемширова, которого тот использовал в качестве курьера в нелегальных операциях.

К этому времени генерала разрабатывали не только болгары, но и немцы. Вагнер, штат резидентуры которого достигал 100 человек, располагал достаточными ресурсами для проведения операции по поимке Заимова и, несомненно, преуспел бы в этом, однако его опередило гестапо, проводившее операцию “4407”. Оно уже успело завербовать племянника генерала Евгения Чемширова, которого тот использовал в качестве курьера в нелегальных операциях.

В Словакии параллельную операцию проводил руководитель занимавшегося борьбой с подпольем отдела СД гаупштурмфюрер СС Отто Козловский, что повлекло определенную несогласованность и отсутствие координации в работе словацких и болгарских подразделений германской гражданской контрразведки. СД и гестапо намеревались перехватить каналы связи нелегальных коммунистических групп в Словакии с Москвой и через Заимова выйти на сети советской разведки. С этой целью Козловский прибыл в Болгарию в сопровождении своего опытного сотрудника Флориана, для которого изготовили поддельный паспорт с переклеенной фотографией и явно неумело поставленной печатью, сразу же создававшей ощущение работы дилетанта. Контрразведчики появились как раз вовремя, поскольку представитель гестапо в посольстве Германии от своего информатора, инспектора софийской полиции Цонева узнал об аресте Стефании Шварц. На допросах женщина, менее чем за неделю до этого родившая дочь, быстро сломалась и выдала пароль для связи с генералом, которым и воспользовался Флориан. Дальнейшие события развивались достаточно странно. Флориан, 16 марта 1942 года прибывший домой к Заимову с заведомо верным паролем “Вам большой привет от Карела Михалика”, открыл дверь его квартиры отмычкой, чтобы, как он впоследствии объяснял, застать объект врасплох. Мотивы этого поступка совершенно непонятны, поскольку ни один курьер никогда не ведет себя подобным образом, хотя бы из опасения получить пулю от испугавшегося хозяина явочной или конспиративной квартиры. Флориан заявил, что главной целью его приезда является установление связи словацких подпольных групп с советскими представителями, и Заимов взялся организовать это. Кроме того, гестаповец сообщил, что передатчик словацкой группы работает некачественно, и по-

просил генерала попытаться получить в посольстве новую лампу, а затем попросил разрешения использовать для передачи добытой информации шифр и радиостанцию болгар.

Заимов сообщил о прибытии курьера своему связнику в посольстве СССР, секретарю военного атташе Я. С. Савченко, и изложил ему обсуждавшиеся с Флорианом темы. Того насторожила попытка курьера встретиться с радистом и получить доступ к шифру болгарской группы, поскольку с практической точки зрения для участника словацкого подполья это было совершенно бессмысленно. Кроме того, у советского разведчика вызвала опасение попытка Флориана заранее узнать место и время встречи с ним, что позволило бы организовать засаду, арестовать Заимова вместе с Савченко и получить юридические доказательства шпионажа генерала в пользу СССР. В ходе состоявшейся встречи еще большие подозрения у Савченко вызвала неспособность эмиссара из Словакии ответить на некоторые элементарные вопросы о деятельности его группы и излишне большая осведомленность в других проблемах. Подозрения укрепились после просьбы визитера дать ему явку к какой-либо другой словацкой группе. Савченко предложил Заимову убрать курьера, но тот категорически воспротивился, поскольку не был уверен, что Флориан является провокатором. В данном случае негативную роль сыграл высокий авторитет генерала, подавивший самостоятельность его руководителя в принятии решений.

В тот же день 22 марта немцы спланировали операцию по захвату Заимова и Савченко на следующей встрече с Флорианом. Советский разведчик должен был прибыть на нее с радиолампой для замены якобы вышедшей из строя детали словацкого передатчика, что послужило бы достаточным доказательством разведывательной деятельности арестованных, однако все обернулось иначе. Не знавший о подлинной роли Флориана Чемширов полагал его настоящим курьером из Словакии и попытался сдать своим руководителям. Он сумел завлечь гестаповца в фотоателье и буквально насильно сфотографировал его, после чего тот испугался и дал сигнал о немедленном завершении операции. Чемширова арестовали практически немедленно, а вслед за ним и Заимова, но Савченко сумел ускользнуть и незамеченным вернуться в посольство. На состоявшемся 27 мая 1942 года суде генерал Владимир Заимов был приговорен к расстрелу и 1 июня казнен. Чемширов, несмотря на свою работу на контрразведку, получил пожизненное заключение, однако, естественно, не досидел срок. После падения режима он был заново осужден на три года лишения свободы и умер в 1970 году.

Значительно менее известна история группы доктора Александра Пеева и генерала Никифора Никифорова, несмотря на то, что она документирована значительно лучше, работала намного более результативно, а некоторые ее ведущие участники пережили войну. Оба руководителя этой организации занимали весьма высокое положение: известный юрист и журналист Пеев был сыном депутата Народного собрания двух созывов и городского головы Пловдива, в 1920 году сам избирался депутатом Народного собрания и был знаком со многими ведущими фигурами Болгарии, а Никифоров с 1937 года имел генеральское звание, руководил военно-судебной службой военного министерства и являлся братом первого военного министра Болгарии после ее освобождения от турецкого ига.

Истоки группы берут начало в другой подпольной организации («Дубок»), созданной в 1939 году известным болгарским писателем Крыстьо Белевым («Август»). Он работал на связи с Дергачевым и по его поручению для поддержания нелегальной радиосвязи с СССР

Никифор Никифоров

привлек радиста Эмила Попова («Пар»), третьим членом группы и основным источником информации являлся видный адвокат, доктор Александр Пеев («Боевой»). Попов завербовал Ивана Джакова, совместно с которым работал вначале на полученном от РУ РККА передатчике, а затем самостоятельно собрал две новые, более совершенные рации. Результативность группы была весьма невысокой, поскольку обширные знакомства Белева не достигали кругов, где циркулировала важная в разведывательном отношении информация. Кроме того, полиция держала известного своими левыми убеждениями писателя под постоянным наблюдением и

Александр Пеев

лишила его свободы в контактах и передвижениях. На работу существенно влиял еще один субъективный фактор: Белев был абсолютно неспособен справиться с шифрованием, и этот процесс превращался для него в постоянную муку, а его сообщения зачастую совершенно не поддавались прочтению. Контрразведка и полиция не располагали конкретными данными о подпольной деятельности Белева, но в марте 1941 года все же интернировали его в лагере для политически неблагонадежных лиц Гонда-Вода около Асеновграда. Пеев решил продолжить работу на советскую разведку и весной того же года установил прямую связь с Дергачевым, после чего группа вышла на принципиально иной, значительно более высокий уровень. Если Белев как руководитель видел ее задачу в политической борьбе и пропаганде, более свойственным партийным организациям, то Пеев с самого начала осознал, что подлинная значимость сети состоит лишь в добывании разведывательной информации, причем не общего характера, а конкретной и важной.

Наиболее серьезный этап работы “Боевого” начался с кануна нападения Германии на Советский Союз. Резидент поставил ему задачу выяснить, планирует ли руководство Болгарии участвовать в предполагавшемся вторжении вермахта в СССР, и если да, то какими силами. Важную роль в этом сыграл однокурсник Пеева по военному училищу и его давний друг генерал Никифоров (“Журин”). Уже в июле, когда нападение на Советский Союз стало свершившимся фактом, группа Пеева смогла добыть доказательства того, что Болгария не присоединится к своему союзнику и сохранит по отношению к СССР нейтралитет. После вступления в силу закона о гражданской мобилизации руководивший военно-судебным ведомством Никифоров получил возможность курировать юридические процессы на множестве ранее недоступных для него объектов. Важными направлениями деятельности сети являлись постоянное отслеживание передислокаций частей вермахта и болгарской армии, в том числе на границе с Турцией, выяснение системы охраны побережья и обстановки в военно-морских базах, а также выполнение отдельных разовых заданий резидента. Группа Пеева не ограничивалась оперативной работой на территории страны. Его доверительные контакты в Турции располагали контактами с местными политическими деятелями и добывали информацию о текущей политике и перспективных планах ее правительства. Неоценимым по важности источником был двоюродный брат Александра Пеева Янко Пеев (“Тан”), один из виднейших в стране дипломатов. Он занимал должности посла Болгарии в Тегеране, Каире и Токио, позволившие группе “Боевого”, в частности, своевременно продублировать и подтвердить информацию Зорге о сохранении Японией нейтралитета в отношении Советского Союза. С апреля 1943 года “Тан” возглавил посольство Болгарии в Нанкине и получил

Янко Пеев

доступ к дальневосточной информации. Еще одной важной операцией явилась заброска в Германию участника группы Александра Георгиева под идеальным прикрытием квалифицированного бухгалтера со знанием немецкого языка, приглашенного владельцем фирмы по экономическому анализу доктором Оскаром Граавертом на работу в столице рейха. Георгиев полностью подошел ему по всем требованиям и был принят на службу, а в свободное время регулярно выступал по берлинскому радио “Донау” на экономические темы. Все это позволяло ему совершенно легально находиться в Германии и добывать представлявшую определенный интерес экономическую информацию. Пеев имел также агента в посольстве Болгарии в Бухаресте Тудора Константинова. В сумме группа “Боевого” поставляла советской разведке информацию из Болгарии, Турции, Германии, Японии, Китая, Египта, Румынии и Швейцарии, что в период войны было весьма нечастым явлением.

Как обычно, провал организации произошел из-за радиосвязи. После отзыва в конце 1942 года в Берлин военного атташе полковника Брукмана и военно-морского атташе адмирала Шенебека новый военный атташе полковник Геде доставил в Софию значительно усовершенствованные пеленгаторы. К этому времени немцы и болгары уже знали о наличии нескольких нелегальных передатчиков, работающих на связи с Москвой. Подозрения превратились в уверенность после произведенного 15 сентября 1942 года рейда полиции и контрразведки на консульство СССР в Варне. Советская сторона ограничилась вялым протестом, поскольку в сейфе консульства были обнаружены документы, доказывающие связь

его персонала с подпольем и позволившие раскрыть нелегальную группу Стефана Богданова. После этого радиоконтрразведчики стали действовать с удвоенной энергией. Пеев понимал всю опасность положения и не исключал возможность своего ареста, поэтому в начале 1943 года для обеспечения устойчивости работы группы в этом случае передал ключ к шифру Алеко Константинову (“Бай Ганю”). Пеленгаторы засекали все новые передатчики, ближе и ближе подбираясь к рации Попова. Вагнер предложил разбить Софию на зоны и поочередно отключать в них электроэнергию во время сеансов связи подпольных передатчиков. Такая методика применялась в Брюсселе во время поиска радиоквартир “Красного оркестра” и оправдала себя, после чего этот опыт стал достоянием всех подразделений абвера. Начальник отделения “А” Дирекции государственной безопасности Гешев решил подойти к проблеме с другой стороны и приказал взять на учет всех известных радиотехников и радиооператоров. Все это наряду с широким использованием пеленгации не могло не привести к обнаружению передатчика “Пара”. Весной 1943 года радиоконтрразведчики засекали располагавшийся в доме № 29 по улице Царя Самуила подпольный передатчик и 2 апреля взяли на ключе его оператора Элефтера Арнаутова (“Аллюр”). Рация Попова работала из дома № 25 на этой же улице, поэтому радиосигналы из квадрата не прекратились. Стало ясно, что следует провести повторный поиск второго радиста. Он увенчался успехом 15 апреля. Эмил Попов также был взят на ключе и принял яд, однако тюремные врачи сумели спасти его жизнь. 17 апреля полиция арестовала Александра Пеева, а 23 апреля, после дешифровки специалистами функабвера некоторых радиogramм группы “Боевого”, и генерала Никифорова. Болгары попытались начать радиоигру с советской разведкой, на что захваченные разведчики согласились, но Вагнер категорически возражал против этого. Он достаточно хорошо изучил характеры арестованных и считал, что любая уступка с их стороны будет лишь преследовать цель попытаться предупредить Центр о провале и дезинформировать контрразведку. Из Берлина все же поступило указание о начале радиоигры, которое следовало выполнять, однако продолжалась она недолго. Уже 25 мая, воспользовавшись беспечностью охранников, Попов сумел спрыгнуть с балкона второго этажа и запереть снаружи выход из парадного на улицу, чтобы воспрепятствовать преследованию. В течение некоторого времени он скрывался у знакомых, а затем связался с подпольными группами коммунистов и собрал радиопередатчик для главного штаба партизанского движения, но пребывание радиста на свободе оказалось кратким. 11 июля 1943 года он был арестован.

На состоявшемся в Софии заседании военного суда Александр Пеев, Эмил Попов и другой члены группы “Боевого” Иван Владков были приговорены к смертной казни и 22 ноября 1943 года расстреляны. Вина генерала Никифорова осталась недоказанной, поэтому он отделался увольнением в запас. Как и во множестве подобных ситуаций, после войны социалистическое правосудие обошлось с ним значительно жестче, бывший советский разведчик пробыл в лагерях до 1956 года. Незавидная судьба ожидала и Янко Пеева. Получив известие о провале группы и аресте брата, он ушел с дипломатической службы и некоторое время проживал в Китае как частное лицо. После смены режима в сентябре 1944 года Пеев предложил свои услуги в качестве посла в Анкаре, но получил лаконичный ответ от руководства министерства иностранных дел Болгарии: “В шпионах мы не нуждаемся”²¹⁵. Разведчика, столь много сделавшего для победы над нацизмом, бросили и Болгария, и СССР. Бывший блестящий дипломат заболел, ослеп и в 1947 году умер в нищете в Стамбуле, всеми забытый и никому не нужный.

Еще одна действовавшая в Софии с 1939 года нелегальная резидентура советской военной разведки “Арбатов” именовалась так в соответствии с псевдонимом ее руководителя Стефана Богданова, будущего начальника контрразведки Болгарии с 1944 по 1947 годы. Собственно говоря, она в большей степени имела характер не разведывательной, а подпольной организации с отделениями в Варне, Русе, Тырново, Пловдиве, ряде других районах страны и центром в столице. Отделением в Варне руководил инженер Васил Попов (“Пан”), занимавшийся преимущественно военной разведкой. “Арбатов” поддерживал магистральную связь с разведкой Черноморского флота по трем линиям. Радистом в Софии вначале являлся Борис Игнатов (“Бор”), которого после призыва в армию заменил Никола Василев, а позднее — Петр Боегов, на двух других рациях работали Петр Попников, Стефан Габровский и Димитр Терзиев. В районе румынской границы отделением “Арбатова” руководил Иван Ковачев (“Козин”), с 1940 года переведенный на связь с консульством СССР. Руководителя-

ми отделений в Русе были Нейчо Йорданов (“Дол”), в Тырново — Христо Павлов (“Дуб”), в Оряховице — отвечавший за разведку на железных дорогах Георгий Рибаров (“Коран”), в Пловдиве — Павел Нончев. Деятельность агентурной группы “Пан” прекратилась после налета болгарской полиции на консульство СССР в Варне 15 сентября 1942 года, в результате которого оказались захваченными документы подрезидентуры ГРУ. После разгрома группы Попова контрразведка ликвидировала и основную организацию “Арбатов”. Все ее участники были приговорены к различным срокам тюремного заключения, в том числе Богданов, Попов, Богоев и Игнатов — к пожизненному. В действительности все они осенью 1944 года вышли на свободу.

“Арбатов” находился на связи у “легального” резидента советской военно-морской разведки в Болгарии, вице-консула в Варне К. Ф. Виноградова (настоящая фамилия К. Ф. Винокуров), который руководил также агентурной группой “Дро” (групповод Гиню Стойнов). Она была сформирована в интересах разведки Черноморского флота в ноябре 1940 года и состояла из самого Стойнова, его жены Свободы Анчевой (“Вера”) и З. И. Христева. Позднее к ним присоединились супруги “Мириевы” и еще три агента. Группа действовала довольно результативно, но в итоге провалилась в результате пеленгации ее передатчика.

Помимо перечисленных, военная разведка располагала в Болгарии не менее, чем полутора десятками крупных агентурных групп, нелегальных резидентур и подпольных организаций, каждая из которых внесла определенный вклад в ведению разведывательной работы в этой стране.

Внешняя разведка НКГБ СССР не имела в своем активе в Болгарии столь ярких личностей, как Заимов, Пеев или Никифоров, однако также располагала там многочисленной агентурой, зачастую приобретенной на идейно-политической основе. Источник софийской резидентуры “Наставник” входил в ближнее окружение царя Бориса III и утратил оперативные позиции с его смертью в августе 1943 года. Другим агентом был японец “Грей”, тесные контакты которого с германским военным атташе в Софии позволили в 1942 году получить информацию о разрабатывавшемся в ОКВ плане наступления на Сталинград и Северный Кавказ. Крайняя малочисленность резидентуры, состоявшей из одного оперативного работника, радиста и шифровальщика, не позволяла поддерживать связь с прежними источниками и тем более приобретать новые. В связи с этим нарком НКГБ СССР В. Н. Меркулов в июне 1943 года утвердил план усиления разведывательной работы в Болгарии и направил в Софию на должность резидента одного из виднейших советских разведчиков полковника Д. Г. Федичкина. К этому времени обстановка на Восточном фронте уже принципиально изменилась по сравнению с первой половиной войны. Победы Красной Армии под Сталинградом и Курском заставили задуматься многих сотрудников болгарских служб безопасности, теперь уже далеко не уверенных в собственном будущем. Даже не очень прозорливым людям стало ясно, что разворачивающееся в стране партизанское движение в сочетании с продвижением советских войск на Запад вполне может повлечь принципиальное изменение общественного строя Болгарии, и что к этому следует готовиться заблаговременно. Поэтому неудивительно, что Федичкин быстро сумел решить проблему изоляции посольства и плотного наружного наблюдения за его сотрудниками в городе, просто завербовав руководителя бригады НК. Приобретать источников также стало несравнимо легче, и к концу войны на связи у резидентуры имелось 30 агентов, из которых 13 квалифицировались как важные.

Действия советской разведки в Болгарии проходили на фоне разворачивавшегося с лета 1941 года антифашистского движения. В отличие от других стран Европы, оно было направлено не столько против немцев, не являвшихся оккупантами, сколько против собственного правительства и поэтому не могло в полной мере считаться движением Сопротивления. Фактически действия партизан и подпольщиков были не чем иным, как революционным процессом, имевшим внутренние предпосылки, но поддерживавшимся из СССР. Наглядно доказывает это факт формирования первой партизанской группы уже 25 — 30 июня 1941 года, практически немедленно после нападения Германии на Советский Союз. Ее создал в Разложном районе секретарь Горно-Джумайского окружного комитета Болгарской рабочей партии (БРП) Николай Парпунов. На первоначальном этапе централизованное руководство действиями партизан и подпольщиков практически отсутствовало, в особенности

после ареста 3 июля 1941 года 244 коммунистических активистов. В сентябре репрессии продолжились. Отмена депутатского иммунитета позволила властям арестовать депутатов-коммунистов, результатом чего стало взятие под стражу трех из пяти членов Политбюро БРП. Поэтому на первых порах единственной централизованной акцией остался налет на концлагерь Гонда-Вода, преследовавший цель освобождения помещенных туда коммунистов. Первая попытка штурма 15 августа 1941 года провалилась и была повторена через две недели с тем же отрицательным результатом.

На протяжении остатка 1941 и всего следующего 1942 годов полиция вновь провела массовые аресты левых сил, в результате которых фактически прекратили существование такие руководящие органы БРП, как Политбюро и Центральная военная комиссия. Партия вынуждена была перейти к индивидуальным актам террора, осуществлявшимися группами так называемых “легалов”, численностью от трех до шести человек. Их участники вели обычную жизнь, но по ночам совершали террористические акты против функционеров государства, зачастую успешные. 15 февраля 1943 года они уничтожили активного сторонника сближения Болгарии с рейхом, главу движения легионеров генерала в отставке Христо Лукова, которого, по мнению многих, немцы готовили на замену царю Борису. 15 апреля был убит председатель парламентской комиссии по иностранным делам Сотир Янев, а вслед за ним — председатель военного трибунала гарнизона Софии полковник Пантев. Последовавшее за этим ужесточение режима заметно сократило размах террористических актов, хотя и не спасло его очередную жертву. В июле 1943 года боевики убили заместителя губернатора Пловдива.

Силы партизан быстро росли, и это беспокоило не только правительство, но и немцев. КО-Болгария было вынуждено создать в своем составе особую группу по расследованию каждого, даже самого незначительного эпизода диверсий, саботажа или террористического акта. Накопленная ей информация передавалась исполнительным властям Болгарии, на первом этапе — полиции. Правительству пришлось создать специальные контрпартизанские жандармские части, передав в них приблизительно половину личного состава полиции, что заметно ослабило последнюю, но не повысило эффективность новых структур. Позднее для борьбы с партизанами использовались и армейские подразделения, однако без особого эффекта. В конце 1942 года, после дерзкого убийства в городском парке столицы двух моряков из штата располагавшегося в городе южного командования кригсмарине, резидентура абвера в Софии стала готовить и формировать специальные контрпартизанские взводы, ядро которых составляли немецкие офицеры или унтер-офицеры. Как позднее выяснилось, террористический акт совершили трое немцев, бывших членов коммунистической организации Гамбурга, в 1932 году эмигрировавших в Советский Союз и позднее заброшенных в Болгарию для проведения специальных акций.

В период 1941 — 1943 годов под арестом находились 6700 болгарских коммунистов, но это не помогло подавить партизанское движение в стране. Образованный летом 1942 года Отечественный фронт (ОФ) выдвинул лозунги сплочения всех антифашистских сил, независимо от партийной принадлежности, разрыва союза с Германией и передачи власти народным представителям. Коммунистические организации подчинялись внутреннему ЦК БКП, однако главную роль в руководстве играло сформированное в Москве его Заграничное бюро. До весны 1943 года основной формой сопротивления являлись саботаж и диверсии боевых групп, а позднее партизанские силы объединились в Народно-освободительную повстанческую армию (НОПА). Она достигла численности 20 тысяч партизан в отрядах и 10 тысяч — в боевых группах и начала переход от бригадной к дивизионной форме организации. По состоянию на сентябрь 1944 года Болгария состояла из 12 военно-оперативных зон, в которых действовали дивизия, 13 бригад, 40 отрядов, 6 солдатских батальонов и 2 четы НОПА²¹⁶. Масштаб действий армии постоянно расширялся, в 1943 году она провела 1606 акций, а всего за весь период действий уничтожила 7690 местных противников и 2619 немцев. Считается, что действия партизан сковывали силы 30 тысяч полицейских, 7 тысяч жандармов и 7 армейских дивизий²¹⁷.

НОПА и боевые группы действовали в тесном содружестве с советской разведкой. Резидент НКГБ Федичкин установил с ними первый контакт и передал директиву лидера БРП Георгия Димитрова о курсе на вооруженное восстание. Ранее Заграничное бюро ЦК БРП взаимодействовало только с ГРУ и в 1941 году подготовило 100 боевиков, прошедших обучение в подмосковной школе по подготовке кадров партизанского движения. Первона-

чально они доставлялись исключительно самолетами, однако вскоре полковник Иван Винаров и его помощник Христо Боев предложили использовать для этой цели подводные лодки Черноморского флота. Естественно, все эти действия нарушали суверенитет воздушного пространства и территориальных вод нейтральной по отношению к СССР Болгарии, однако ни один подобный факт в тот период не был предан гласности и потому не вызвал дипломатический протест. Первые пять групп получили неофициальное наименование “парашютистов”, а две остальные, доставленные на место 7 и 28 августа 1941 года, — “подводников”. Судьба их оказалась печальна. “Парашютисты” погибли быстро и практически полностью, “подводники” продержались несколько дольше. Вообще же болгарское Сопротивление понесло довольно тяжкие потери, в том числе в высшем эшелоне руководства. Вскоре после расстрела генерала Заимова в июле 1942 года были казнены 18 коммунистов во главе с руководителем Центральной военной комиссии ЦК БРП Цвятко Радойновым, а 23 августа того же года — несколько членов ЦК и секретарь ЦК Антон Иванов.

Борьбой с партизанами и подпольщиками занимались не только болгарские силы безопасности, но и немцы. В союзной стране они не могли проводить войсковые операции, хотя по просьбе Софии авиация люфтваффе бомбила отдельные районы сосредоточения партизанских отрядов. Главную роль в противоповстанческой борьбе играли специальные службы. Отто Вагнер не только руководил контрразведывательными действиями абвера, но с 30 августа 1940 года являлся офицером связи военной разведки с генеральным штабом болгарской армии. С весны следующего года подрезидентуры КО-Болгария в Варне, Бургасе, Пловдиве и Свиленграде, помимо других функций, выполняли ту же задачу противодействия НОПА и боевым группам подпольщиков, однако главная роль принадлежала той же головной точке в Софии. В 1942 году в столице был создан совместный орган для борьбы с партизанским движением, во главе которого был поставлен уже упоминавшийся начальник внутренней разведки болгарской армии (РО-2) зондерфюрер Кляйнхемпель.

Контрпартизанская деятельность являлась отнюдь не единственной и далеко не главной задачей германской военной разведки в Болгарии. В конце 1941 года в Софии открылась точка, главной задачей которой была разработка советского посольства. Она находилась на той же улице Патриарха Евфимия, что и “бюро Делиуса”, подчинялась АСТ-Вена но была абсолютно автономна от него. Эту резидентуру возглавил уроженец Вены Фриц Каудерс (“Клатт”), в 24-летнем возрасте в 1927 году перебравшийся на жительство в Цюрих и работавший там спортивным журналистом. Позднее он занимался той же деятельностью в Париже и Берлине и открыл небольшое собственное предприятие, не приносящее, однако, заметной прибыли. С 1933 года Каудерс обосновался в Будапеште, где обзавелся хорошими связями, особенно в дипломатических кругах, вступил в первый контакт с абвером и вскоре был привлечен к оперативной работе. Он был евреем, но на расовые вопросы в военной разведке всегда смотрели с немалой долей иронии и не придерживались строгих канонов НСДАП. Новый разведчик быстро освоился в деликатной области агентурных операций и под видом голландца близко сошелся с консулом Соединенных Штатов Америки в Загребе Джоном Мейли. Он дружил с американцем и одновременно с весны 1941 года снимал для немцев фотокопии с его документов. Самой же ценной информацией оказались не третьеразрядные секреты заходистного консульства, а уточнение процедуры и деталей выдачи американских виз, имевшие большое значение для заброски нелегалов. По некоторым данным, одновременно с абвером Каудерс обслуживал также и резидентуру СД-аусланд.

В Софии он оказался с конкретным и весьма важным заданием. Германские контакты в кругах белой эмиграции обеспечивали абвер и СД обширной вербовочной базой, однако немецких разведчиков этот контингент устраивал не вполне. Давно покинувшие родину люди оторвались от нее, не знали реалий советской действительности и растеряли большинство прежних связей. Их было небезопасно использовать даже в качестве связников, поскольку нелегально проникшие на территорию СССР эмигранты нередко проваливались на самых элементарных вещах: от незнания стоимости проезда в трамваях до непонимания лексических элементов сложившегося за послереволюционные десятилетия “новояза”. Подлинный интерес для немцев представляли связи бывших подданных Российской империи с оставшимися на советской территории людьми, считающимися лояльными гражданами и сделавшими карьеру в вооруженных силах, экономике или государственном управлении. К ним были направлены несколько агентов-вербовщиков, а позднее — и радисты с неле-

гальными передатчиками. Органы НКВД раскрыли большинство из них, однако абвер поддерживал связь с особо ценными источниками “Макс” и “Мориц”. “Мориц” находился за Уралом и связывался с рейхом через радию-ретранслятор на территории Маньчжурии, а “Макс” действовал в европейской части страны и, судя по текстам его сообщений, располагал доступом к информации из высших кругов политического и военного руководства СССР. Операцию проводило АСТ-Вена, отвечал за нее лично начальник АСТ-Вена полковник граф Рудольф фон Маронья-Редвиц. Радиogramмы “Макса” поступали практически ежедневно, однако относительно большая для не очень мощного передатчика удаленность иногда вызывала перебои в связи. Это весьма нервировало германское командование, поскольку агент передавал информацию, учитывавшуюся при планировании летнего наступления 1942 года. Именно для связи с ним и прибыл в Софию Каудерс.

Типичное сообщение “Макса” от 4 июля 1942 года гласило: “2 июня 1 стрелковая дивизия, 1 артиллерийский полк, 1 полк средних танков, направленные из Астрахани, прибыли в Тихорецк, предположительно направляясь к Ростову. 3 июня эшелон тяжелых танков прибыл в Краснодар из-под Сталинграда, имея назначением Кубанский полуостров”²¹⁸.

Сообщение от 14 (возможно, 15) июля того же года: “Военный совет в Москве с участием Шапошникова, Молотова, Ворошилова и в присутствии военных атташе Англии, Америки и Китая закончился ночью 13.7. Шапошников объявил об отступлении до Волги, так что немцы должны провести зиму на Волге... Атаки, судя по всему, произойдут в двух местах: одна к северу от Орла, другая к северу от Воронежа; вероятно, в них примут участие авиация и бронетанковые части. Отвлекающее движение ожидается около Калинина”²¹⁹.

Руководство абвера весьма гордилось уникальным источником и всячески его оберегало, поскольку лишь очень немногие спецслужбы способны похвастаться внедрением агента в непосредственное окружение руководства чужого государства, в особенности в период войны. ОКВ крайне ценило сообщения от “Макса” и постоянно учитывало его информацию в своих расчетах. Наибольшую значимость она приобрела в конце 1942 года, ставшего пиком достижений абвера на Востоке. Источник направлял в Германию данные первостепенной важности, включавшие, в частности, детальное содержание принятых в Ставке Верховного Главнокомандования решений, а также перспективные намерения СССР по дальнейшему ведению войны. При этом личность “Макса” оставалась загадкой. Вокруг него циркулировали самые разные слухи, начиная от того, что он является ненавидящим Сталина членом Политбюро ЦК ВКП(б) до приписывания его заслуг некоему поддерживающему связь через Турцию агенту японской разведки. Информация “Макса” получила самую высокую оценку начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гудериана, особенно в части, относящейся к авиации. Лишь Гитлер отказывался верить агенту и игнорировал весь поток исходивших от него данных, поскольку усмотрел в его сообщениях еврейскую лексику.

На среднем уровне руководства разведкой эйфории от источника было значительно меньше. Многие посвященные в детали операции старшие офицеры абвера, в особенности Вагнер, считали его двойником. “Доктор Делиус” по долгу службы соприкасался с частью операции, проводившейся Каудерсом из Софии, и испытывал по этому поводу серьезные сомнения. Он абстрагировался от оценки получаемой от “Макса” информации, а подошел к вопросу с контрразведывательной точки зрения и прежде всего установил, что радист точки “Клатта” поддерживает связь со станцией, находящейся не на территории СССР, а в испанском городе Виго. Резидент потребовал объяснений от коллеги, и тот заявил, что использует для этой цели передатчик болгарской полиции, а это было и вовсе странно. Вагнер не успокоился и в течение одного дня выяснил, что очередная версия Каудерса по-прежнему не соответствует истине. Тот не смутился и признался, что сознательно вводил его в заблуждение, а в действительности поддерживает связь через радиостанцию одного из турецких кораблей в Стамбуле. “Делиус” не удовлетворился очередным объяснением и вскоре получил ответ от коллеги из КО-Турция, полностью отменявший возможность существования аналогичной схемы. Все это не могло не насторожить опытного контрразведчика, и вскоре на совещании в присутствии Канариса, Пикенброка и фон Маронья-Редвица он высказал свои сомнения в реальности существования “Макса”. В комнате воцарилось глубокое молчание, прерванное заявлением начальника АСТ-Вена. Маронья-Редвиц заявил, что командование люфтваффе высоко ценит информацию агента и считает ее лучшей из всего, получаемого с начала войны, поэтому вопрос о Каудерсе должен быть закрыт навсегда. Итог совещанию подвел Канарис, буквально продиктовавший Вагнеру линию поведения в отношении его коллеги из Софии: “Вы можете наблюдать за ним, но не вмешивайтесь в его работу”²²⁰.

Вопрос о “Максе” оставался открытым не только до конца войны, но и в течение многих десятилетий после нее. Множество исследователей пытались установить, не являлся ли этот суперагент двойником и существовал ли вообще? Они обращали внимание на некоторые довольно подозрительные особенности его радиogramм, на первый взгляд производивших впечатление подробных и обстоятельных. Ни в одной из них не содержались номера воинских частей, а приводимая информация на проверку зачастую оказывалась неточной или неполной. Приведенную радиogramму о военном совете в Кремле с участием иностранных военных атташе косвенно опровергает отсутствие зафиксированных функабвером их радиogramм в собственные столицы, что в случае подлинности информации было совершенно невероятно. Кроме того, в июле 1942 года ни один военный совет не мог пройти без обсуждения ситуации под Сталинградом, а в радиogramме сведения об этом отсутствовали. Весьма настораживающим обстоятельством был и необычно долгий период “жизни” агента, на протяжении нескольких лет поддерживавшего интенсивный радиообмен в условиях жесткого радиоконтрразведывательного режима в СССР. Британцы в рамках операции “Ультра” читали переписку Каудерса и информировали о ней советского союзника, однако Москва не предприняла никаких мер для поиска шпиона. “Макс” продолжал работать по-прежнему.

Часть из приведенных аргументов против подлинности агента была очевидна и для немцев, но они по-прежнему воспринимали его не критически. Судя по всему, главную роль в этом играла разведка, весьма гордившаяся наличием у нее источника в Кремле и никоим образом не желавшая подрывать свои позиции у командования вермахта. Излишне общий характер радиogramм “Макса” не давал достаточных оснований полагать их дезинформацией, поскольку неконкретные факты трудно опровергнуть. Еще одним аргументом в пользу подлинности агента являлось очевидное отсутствие у него военной подготовки, на которое списывались многие огрехи.

Вагнер и Гитлер оказались правы в своих сомнениях. “Максом” был советский агент А. П. Демьянов (“Гейне”), действовавший в рамках одной из крупнейших оперативных игр периода Второй мировой войны “Монастырь”. Ее детали были преданы гласности лишь в 1990-е годы.

Тем временем в Болгарии произошло событие, принципиально изменившее внутреннюю расстановку сил в стране и сказавшееся на ее внешних связях. В августе 1943 года Борис III отправился с государственным визитом в Берлин, где отклонил почти ультимативное требование Гитлера направить болгарские войска на Восточный фронт против Советского Союза. По пути домой 49-летний царь без видимых внешних причин почувствовал себя плохо и вскоре скончался, причем его смерть носила весьма подозрительный характер. Почти сразу же распространился слух об отравлении Бориса германской разведкой, повлекший многочисленные антинемецкие выступления и демонстрации по всей территории страны. Согласно закону о престолонаследии, опустевший трон занял шестилетний принц Симеон II, для помощи которому был сформирован регентский совет. Такое развитие событий до крайности дестабилизировало обстановку и заставило многих облеченных властью государственных деятелей искать контакты с противником. 18 декабря в Стамбуле состоялась тайная встреча посла Болгарии в Турции с военным атташе США полковником Джедвином, на которой была достигнута договоренность о проведении сепаратных мирных переговоров с Соединенными Штатами и Великобританией. Контакты продолжились в Анкаре и Каире. Черчилль увидел в этой ситуации желанный шанс проникнуть на Балканы и вместе с Рузвельтом выработал ряд весьма жестких условий. Союзники потребовали освободить все занятые болгарскими войсками территории и привести границы страны в соответствие с их расположением по состоянию на 1 января 1940 года, предоставить им право оккупации всей страны или ее любой части по выбору, а также отбора для ведения боевых действий против Германии или Италии такого количества войск, материалов и транспорта, сколько они потребуют, причем без предоставления Болгарии статуса совоюющей стороны. Кроме того, София должна была выплачивать репарации, степень же разоружения ее армии подлежала определению позднее. Предварительные условия капитуляции были тяжелы, однако выбирать не приходилось, и в страну прибыло несколько тайных миссий СОВЕ и ОСС. Собственно, британцы еще ранее пытались проникнуть в Болгарию и взять под контроль Отечественный фронт, но их попытки блокировал лидер югославских четников Михайлович. Он прекрасно понимал, что способен перекрыть каналы связи СОВЕ с соседней страной, и требовал взамен прекращения поддержки Тито. В результате первая миссия во главе с

майором Мостин-Дэвисом попала в Болгарию через Албанию лишь в сентябре 1943 года. Отсутствие надежной базы для операций привело к тому, что 22 марта 1944 года разведчики были захвачены местной полицией и после инсценировки суда казнены. Лишь один из офицеров миссии, майор Фрэнк Томпсон едва ускользнул. Несмотря на тяжелые потери миссии и иные трудности, он продолжил работу и два месяца спустя смог сформировать на сербской территории болгарский партизанский отряд из 500 бойцов и направить его через границу. Майор понимал, что его люди практически обречены, но видел свой долг в том, чтобы отправиться в бой вместе с ними. Партизаны попали в засаду и были частично уничтожены, а частично захвачены, в числе последних оказался и майор. Он носил британскую военную форму, однако суд не принял во внимание это обстоятельство и приговорил его к смертной казни. Майор Томпсон стал единственным из погибших в Восточной Европе офицеров СОЕ, память о котором была официально увековечена в названии одного из сел и улиц различных городов.

К весне 1944 года британцы успели передать болгарам снабжение, достаточное для вооружения 500 человек, а также 50 тысяч фунтов стерлингов на оперативные нужды. Майоры Харрингтон и Макферсон представляли СОЕ и осуществляли практическое взаимодействие в переговорах о капитуляции. В этой ситуации Болгария явно ускользала из послевоенной зоны советского влияния и превращалась в форпост Британии и отчасти Соединенных Штатов почти на границах СССР. Ход тайных переговоров о сепаратном мире не составлял секрета для Москвы, обладавшей прочными позициями в Софии. В отличие от ситуации с рейхом, Советский Союз не мог просто форсировать продвижение своих войск и захватить спорные территории, поскольку не воевал с Болгарией, однако вопрос был все же решен просто и однозначно. Неожиданно для остального мира 5 сентября 1944 года посла Болгарии в СССР вызвали в НКВД для вручения ноты следующего содержания: «Советское правительство... не считает далее возможным сохранять отношения с Болгарией, рвет всякие отношения с Болгарией и заявляет, что не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, поскольку на деле она и ранее находилась в состоянии войны с СССР, но и Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией»²²¹. Этот шаг сразу же изменил всю обстановку, позволил ввести в страну войска 3-го Украинского фронта, только что завершившие наступательную Яссо-Кишиневскую операцию, и отменил все предварительные договоренности с Британией и США. Повинуясь команде из Москвы, переданной через ЦК вновь образованной партии БРП(к), по всей Болгарии вспыхнули забастовки, а партизаны начали захватывать один населенный пункт за другим. В ночь с 8 на 9 сентября партизаны и перешедшие на их сторону части болгарской армии захватили в Софии основные правительственные здания и в 06.00 передали по радио сообщение о победе восстания и переходе власти к Отечественному фронту. Одновременно по территории страны без единого выстрела продвигались советские войска. Уже 8 сентября, сразу после перехода ими государственной границы, правительство Отечественного фронта объявило войну Германии. Болгарская армия, насчитывавшая 22 пехотные и 1 кавалерийскую дивизию, а также 1 броневую, 1 кавалерийскую и 5 пограничных бригад общей численностью 450 тысяч человек, вошла в состав Третьего Украинского фронта и вместе с советскими войсками вступила в Югославию, а затем в Венгрию и Австрию. Одновременно началась ее чистка, в ходе которой были уволены 42 генерала и 1219 офицеров, признанных нелояльными к новому режиму.

Поскольку территория Болгарии была полностью занята советскими войсками, союзнические спецслужбы более не имели формальных оснований содержать там своих представителей. Используя это обстоятельство, 25 сентября 1944 года Москва потребовала от Лондона и Вашингтона отозвать все миссии СОЕ и ОСС, что те и исполнили незамедлительно. Однако уже через два дня Фитин уведомил их, что миссии могут возвратиться обратно при условии предоставления советской стороне полных списков агентуры в Юго-Восточной Европе. Руководители СОЕ и ОСС пошли на это и тем самым фактически сдали доверившихся им участников Сопrotивления в Болгарии, Румынии, Венгрии, Албании и Югославии. С этого момента СССР и просоветские режимы в регионе взяли под полный контроль личный состав даже тех партизанских отрядов и подпольных групп, в которых ранее не располагали никакими оперативными позициями. Таким образом, кратковременный возврат миссий западных союзников в Болгарию не принес им никаких выгод и, более того, полностью разрушил британский и американский агентурный аппарат на Балканах и в прилегающих странах.

Планы Вашингтона и Лондона рухнули, и теперь им не оставалось ничего другого, как только 28 октября 1944 года совместно с СССР подписать с Болгарией соглашение о перемирии, замененное в 1947 году мирным договором.

2. РУМЫНИЯ

Румыния встретила Вторую мировую войну в далеко не блестящем политическом и экономическом состоянии. Ее экономика испытывала серьезные трудности, весьма усугублявшиеся действиями ближайшего союзника – Германии. Глубоко убежденный в расовой неполноценности румын Гитлер рассматривал их страну лишь в качестве сырьевого придатка и удобного плацдарма для размещения своих вооруженных сил. Такое отношение предопределило заключение 25 марта 1939 года германо-румынского экономического соглашения, согласно которому за выделение займа в 250 миллионов марок немцы получали право создания на территории Румынии совместных предприятий по эксплуатации ее недр. В этом отношении страна была весьма ценной, поскольку располагала вторыми по величине в Европе разведанными запасами нефти, четвертыми – природного газа, а также богатыми месторождениями угля, соли, меди, марганца, золота, серебра и алюминия. Крайне важным для испытывавшей постоянную нехватку продовольствия Германии являлось и сельскохозяйственное производство Румынии. 29 сентября 1939 года Берлин и Бухарест заключили секретное соглашение, согласно которому за передаваемое румынской армии трофейное польское оружие следовало рассчитаться нефтью и лесом на сумму 300 миллионов марок. Заключенный в мае 1940 года “нефтяной пакт” обязывал Бухарест ежемесячно поставлять в рейх 130 тысяч тонн нефти. В это же время Румыния объявила о выходе из Лиги Наций, мобилизовала миллион резервистов и обратилась к Германии с просьбой о помощи в создании укрепленного “Восточного вала”. Таким путем король Кароль II и правительство надеялись приобрести защиту от территориальных притязаний, предъявляемых к Румынии практически всеми соседними государствами.

Однако это не помогло. 26 июня 1940 года Советский Союз потребовал передать ему территории Бессарабии и Северной Буковины общей площадью 50,1 тысячи квадратных километров с населением 3748 тысяч человек. Связанная договором с СССР Германия не вмешивалась в этот спор, и 28 июня Румыния “добровольно” согласилась на передачу указанных земель. Пример оказался заразительным, и 19 – 21 августа Болгария отторгла от нее Южную Добруджу (7,6 тысяч квадратных километров и 378 тысяч человек). На этом процесс не остановился. 30 августа на втором “Венском арбитраже” с участием Германии и Италии было решено передать Венгрии давнюю конфликтную территорию – Северную Трансильванию (42,2 тысячи квадратных километров и 2,6 миллиона человек). Ранее, на первом “Венском арбитраже” 1938 года, Румыния утратила южные районы Словении и Закарпатскую Украину. В результате возникшего в стране политического кризиса Кароль II отрекся от престола в пользу сына Михая и покинул страну, предварительно ограбив свой дворец. В частности, он заменил подлинники картин Рембрандта заранее заготовленными копиями, а все его имущество заняло целый поезд. В Румынии установилась военная диктатура премьер-министра генерала Иона Антонеску, принявшего на себя также титул главы государства, единственным соперником которого являлся вице-премьер и лидер так называемой легионерской партии “Железная гвардия” Хория Сима.

Ион Антонеску

Эта политическая организация возникла в среде университетского студенчества в 1927 году, до 1930 года носила название “Легиона Михаила Архангела” и была близка к фашизму, но заметно отличалась от него крайней религиозностью легионеров, зачастую граничившей с мистицизмом. Основными соперниками “Железной гвардии” стали военные круги, и в 1939 – 1940 годах между ними установилось шаткое равновесие. Германские спецслужбы всячески поддерживали его, причем СД-аусланд ориентировалась на легионеров, а абвер – на Антонеску. Видя это, генерал всячески вытеснял “же-

Хория Сима

лезногвардейцев” и провоцировал их на мятеж, который мог бы развязать ему руки и дать свободу действий. Тем временем в октябре 1940 года рейхсфюрер СС Гиммлер распорядился создать в Бухаресте своего рода резидентуру под названием “Группа связи с Легионом”. Следует заметить, что функционеры “Железной гвардии” отнюдь не являлись слепыми сторонниками немцев и даже противодействовали их попыткам захватить ключевые позиции в добыче нефти, торговом судоходстве и промышленности Румынии, неизменно требуя 51% национального капитала во всех совместных предприятиях. Это весьма раздражало поддерживавшего Антонеску Гитлера, хотя сами легионеры пребывали в наивной уверенности, что в предстоящем конфликте с военными Германия поддержит их или хотя бы останется нейтральной. В этом заблуждении пребывали, однако, не только “железногвардейцы”, но и разведчики из СД-аусланд.

Их коллеги из абвера к этому времени не желали даже общаться с Сима и его подчиненными. Кроме корпоративной военной солидарности, они руководствовались вполне конкретными задачами обеспечения бесперебойных поставок нефти и нефтепродуктов в рейх, имевших первостепенную важность для ведения войны. 10 октября 1939 года Верховное командование вермахта (ОКВ) издало приказ о создании специального органа по охране перевозок по Дунаю. Абвер пока не мог обеспечить их полноценное оперативное прикрытие, поскольку не располагал в Бухаресте соответствующей структурой, которую принялся срочно создавать. На этом этапе к проблеме подключился посол рейха в Румынии Манфред фон Киллингер, предложивший министру иностранных дел фон Риббентропу и начальнику абвера адмиралу Канарису осуществить для этой цели ряд мер. Прежде всего, на территории страны создавались 10 ударных отрядов из фольксдойче во главе с офицерами военной разведки. Абвер также должен был подобрать одно из бездействующих в Вене пассажирских судов “Дунайской пароходной компании” и использовать его для подготовки рулевых и лоцманов на различных участках Дуная. Не осталась без дела и Служба безопасности. СД поручалось сформировать шесть групп по 10 человек и держать их в готовности, чтобы в любой момент иметь возможность рассредоточить боевиков по речным буксирам. Все предложения были приняты и реализованы.

Тревожились немцы далеко не напрасно. Еще до начала войны в Великобритании существовал план пресечения сообщения по Дунаю, введенный в действие в 1940 году. Согласно ему, на реке были выбраны три барьерных места, способные парализовать судоходство: теснина Гребен, дефиле Казан и ущелье Железные Ворота. В первом из них был заложен заряд, взорванный в неудачный момент. Британский агент не дождался прохождения через Гребен крупного каравана, соблазнился германским составом из буксира и четырех нефтеналивных барж и привел в действие детонатор. Взрыв уничтожил две баржи, однако на судоходство это не повлияло. В дефиле Казан большая глубина и незначительная ширина Дуная существенно увеличивают скорость течения реки. Англичане планировали заложить значительное количество взрывчатки под нависающий над руслом утес и взрывом обрушить его, чтобы еще более ускорить течение и сделать невозможным судоходство на этом участке. Приготовления к операции начались, но агенты абвера засекли массовый подвоз взрывчатых веществ, после чего 12 декабря 1939 года посольство Германии в Югославии, на территории которой находилось ущелье Казан, обратилось с протестом к Белграду, и диверсия была предотвращена. В румынских Железных Воротах британцы планировали затопить несколько барж с цементом и парализовать судоходство по реке. Другой план предусматривал обрушение в реку локомотива, буксировавшего речные суда. Ни один из них не был реализован, и основная заслуга в защите навигации по Дунаю безусловно принадлежала абверу.

В декабре 1939 состоялись переговоры Канариса с начальником Секретной службы информации (ССИ) полковником Михаилом Морусовым, на которых обсуждался вопрос обеспечения защиты нефтепромыслов, нефтеперегонных заводов и путей транспортировки нефти. Оба разведчика согласились с необходимостью усиления подразделений специального назначения из состава диверсионного отдела Абт-II, и в Румынию были направлены дополнительные силы. Первая группа диверсантов из II батальона полка специального назначения “Бранденбург” во главе с обер-лейтенантом по документам чешских инженеров прибыла в Бухарест, а затем перебазировалась в Плоешти. Вскоре туда же прилетели и следующие боевики, после чего их численность достигла 12 человек. Очередное пополнение состоялось 30 августа 1940 года. Прибывающие маскировались под нефтяников, крестьян, спортсменов, участников молодежных делегаций и использовались в парных с офицерами ССИ патрулях

на территории нефтепромыслов. Несколько гражданских лиц были арестованы как британские агенты, однако позднейшие исследования показали, что они стали жертвами обычной шпиономании. Зато вполне реальным было сопровождение бойцами “Бранденбурга” в униформе железнодорожников направлявшихся в рейх поездов с нефтью. Эшелоны состояли из 35 цистерн, 4 из которых имели площадки для охраны. На каждой остановке солдаты спрыгивали на землю, вели активное наблюдение и проверяли ходовую часть своей группы вагонов. Таких остановок до Вены было около 100, после пересечения границы рейха охрана покидала свои посты.

В сентябре 1940 года в страну прибыли германские войска под командованием генерала от кавалерии Эриха Ганзена, имевшие статус военной миссии, но фактически являвшиеся регулярными частями вермахта. С октября на территории Румынии дислоцировались 13-я моторизованная и 16-я танковая дивизии, а к декабрю 1940 года общая численность немецких “инструкторов” достигла 300 тысяч человек и тысячи самолетов²²². Идея прикрытия этой группировки статусом военной миссии возникла у воздушного атташе Германии в Бухаресте полковника Герстенберга, использовавшего результаты переговоров Морусова с начальником разведки абвера полковником Пикенброком. Первоначально немцы действительно собирались направить в Румынию инструкторов для реорганизации ее армии и ВВС, однако вскоре первоначальный замысел претерпел принципиальные изменения. Морусов всячески содействовал координации военных и разведывательных усилий двух государств, но его активность прервал внезапный арест. Отрекшийся от престола Кароль II более не мог защищать одного из своих доверенных лиц, нажившего немало врагов за 11 лет руководства секретной службой. Его смертельно ненавидели легионеры, поскольку ССИ последовательно проводила линию на ограничения могущества “Железной гвардии”. Несколько функционеров партии организовали арест Морусова, который они осуществили без ведома Сима, и в итоге, невзирая на заступничество немцев, без суда и следствия расстреляли его.

Румынские спецслужбы проводили интенсивные агентурные операции против своих главных противников, которыми считались Советский Союз, Венгрия и Болгария. Отношения с двумя последними государствами, особенно с Венгрией, отличались крайней напряженностью, и на протяжении почти всей Второй мировой войны Румыния держала в Карпатах одну из трех своих армий. Лишь авторитет Берлина удерживал эти две страны от открытого вооруженного столкновения. Советский Союз, естественно, также считался врагом, особенно после отторжения 28 июня 1940 года Бессарабии и Северной Буковины. Последняя территория никогда не входила в состав Российской империи и ее захват представлял собой силовую акцию в чистом виде, не подкрепленную даже сколько-нибудь обоснованными ссылками на историю. Поэтому Гитлеру было несложно убедить Антонеску в необходимости вступления в “Антикоминтерновский пакт”, а затем и присоединиться к “Тройственному пакту”. Недружественное отношение к Москве являлось в Бухаресте традиционным, и Кароль II однажды заявил: “Я предпочел бы видеть в стране немцев в качестве врагов, чем русских в качестве друзей”²²³. Спецслужбы Румынии действовали соответствующим образом, забрасывая в СССР агентуру в значительных количествах, хотя и не всегда высокого качества. Например, только в конце ноября – начале декабря 1939 года в одной лишь Одесской области были арестованы шесть румынских агентов²²⁴. Вообще же основными районами разведывательных устремлений Бухареста являлись Молдавская АССР (позднее ССР), Одесская, Винницкая и Каменец-Подольская (позднее Хмельницкая) области, а также приграничная полоса Приднестровья.

В это же время в разведывательном сообществе Румынии произошли изменения. В результате утраты доверия к начальнику Секретной службы информации Морусову и его ареста Антонеску издал указ от 8 сентября 1940 года № 3089, в соответствии с которым Секретная служба выводилась из состава министерства национальной обороны и передавалась в подчинение совету министров. Очередным указом от 13 ноября 1940 года № 3813 она переименовывалась в Специальную службу информации и реорганизовывалась. Теперь ее внутренняя структура состояла из 12 секций, первая из которых отвечала за ведение внешней разведки. Ранее влиятельная Секретная служба информации утратила свое значение и превратилась в практически бездействующий орган с почти нулевым финансированием. Новая ССИ, напротив, достигла заметного развития и к 1944 году насчитывала 917 человек личного состава, в том числе 89 офицеров, 24 унтер-офицера, 502 штатных и 302 внештатных агента²²⁵. Оперативную работу против СССР вело возглавляемое полковником Василием

Начальник ССИ Эужен Кристеску в советском плену

Палиусом подразделение ССИ под названием “Агентура Восточного фронта”, имевшее кодовое обозначение “Вултурул”. Его штаб-квартира располагалась в столице, подвижный штаб находился на фронте, а стационарные информационные центры — в Черновцах, Кишиневе и Одессе. Подвижному штабу подчинялись три подвижных центра с подцентрами, на связи у которых находились забрасываемые через линию фронта резиденты, разведгруппы и отдельные агенты. Помимо разведывательных задач, “Агентура Восточного фронта” ведала также и контрразведкой. Именно это направление и было наиболее результативным, поскольку широкомасштабная программа создания резидентур на оставляемой территории Украины, равно как и переброска агентуры через линию фронта, в 1943 — 1944 годах фактически провалились. Не имевшие серьезной мотивации резиденты и агенты в подавляющем большинстве случаев просто разрывали связь с забросившим их разведорганом и предпочитали тихо дожидаться наступления мирного времени.

На территории Румынии действовали резидентуры советской внешней разведки, органы Разведывательного управления генштаба и приграничных военных округов, а также агентура пограничной разведки. К началу войны военные разведчики уже в основном восстановили позиции, утраченные после разгрома точки в Аккермане и последующей потери в 1933 — 1934 годах практически всего агентурного аппарата. Существенные успехи во внедрении нелегалов были достигнуты в период, непосредственно следовавший за присоединением Бессарабии и Северной Буковины, когда под видом беженцев в Румынию была заброшена большая группа разведчиков. Следует отметить, что обратного действия не произошло, поскольку отторжение румынских территорий было произведено столь стремительно, что разведывательные органы противника просто не успели провести соответствующие подготовительные мероприятия. Они смогли оставить на месте лишь нескольких агентов с радиопередатчиками и оговорить условия связи для установления ее в дальнейшем через курьеров.

Британия, издавна пристально следившая за Балканами и еще более внимательно — за нефтедобывающими регионами, не могла оставить Румынию без внимания, однако МИ-6 не располагала в стране агентурными позициями, и это направление принял на себя СОЕ. Его находившаяся в помещениях британской миссии в Бухаресте резидентура подчинялась румынскому отделению, которым руководил Эдди Бокшелл. После эвакуации в феврале 1941 года вместе с дипломатами страну вынуждены были покинуть и разведчики, успевшие лишь оставить радиопередатчик в доме тестя Бокшелла князя Штирбу. Несмотря на многолетнюю профранцузскую ориентацию Румынии, в ней имелись и англофилы, главным из которых являлся лидер полуофициальной Крестьянской партии Юлиу Маниу. Его помощь СОЕ практически равнялась нулю, поскольку привыкший к парламентским дебатам политический деятель ничего не делал, зато прекрасно умел находить проблемы, препятствующие решению самых несложных вопросов. Руководство СОЕ поняло, что ожидать содействия от Маниу было бы наивно, поэтому в страну забросили руководителя стамбульской точки Гардайна де Частелена. Он прекрасно знал Румынию, поскольку до войны играл видную роль в британской колонии в Бухаресте, и шансы на успех у него были довольно велики. Однако вскоре после его приземления какая-то бдительная крестьянка по одной лишь ей известным признакам распознала иностранца в проходящем через ее деревню пешеходе и вызвала полицию. Разведчик был арестован. В отличие от многих его коллег, пойманному парашютисту повезло.

Юлиу Маниу

Некоторое время он провел в сносных условиях в камере, а позднее король Михай I отправил его в Стамбул в качестве курьера с предложениями о заключении перемирия.

Достаточно вялые события в оперативной области компенсировались напряженной политической борьбой Антонеску с легионерами за влияние в стране. Уверенные в германской поддержке “железнодорожники” поддались на провокации главы государства и 21 января 1941 года внезапно захватили в столице почти все основные правительственные и общественные здания, за исключением резиденции премьер-министра и министерства иностранных дел. Симпатизировавший мятежникам столичный гарнизон не оказал сопротивления, и Сима уже видел себя во главе государства и правительства. Однако ситуация изменилась совершенно неожиданным для него образом. Попытку переворота без единого выстрела пресекли германские войска, расположившие свои танки на ключевых перекрестках Бухареста, после чего Антонеску смог ввести в город верные ему части и окончательно подавить попытки сопротивления легионеров. Резидент СД в Румынии гаупштурмфюрер СС Отто Большуринг сумел заручиться обязательством Антонеску амнистировать “железнодорожников” в обмен на их сдачу. Глава государства торжественно пообещал не открывать огонь по отходящим отрядам, однако нарушил свое слово и расстрелял из пулеметов около 800 человек. Немцы были буквально шокированы, но сделать ничего не могли, легионеры уже погибли. Тогда местная резидентура СД-аусланд решила спасти хотя бы верхушку партии во главе с Сима и под видом больных солдат вермахта на санитарном транспорте эвакуировала их в рейх.

В Берлине эта акция получила весьма нежелательный резонанс. Гитлер возмущен нарушением Службой безопасности инструкций по поддержке Антонеску и распорядился примерно наказать виновных. Посланник фон Киллингер объявил Большурингу, что должен арестовать его, и действительно сделал это, несмотря на протесты Гимmlера. В данном случае влияние рейхсфюрера СС оказалось недостаточным, верх взял министр иностранных дел фон Риббентроп, страстно желавший расквитаться с нарушителями его линии на Балканах. Другим следствием описанных событий явился запрет на проведение в Румынии любых операций СД-аусланд, а бывший резидент много месяцев просидел под арестом на Принц-Альбертштрассе. Лидеры “Железной гвардии” остались в Германии и не имели даже права переписки, в случае любого нарушения их ожидала немедленная репатриация, то есть смерть. Осенью 1942 года Сима направился к Муссолини, но не встретил у него понимания и был возвращен в Германию, где за нарушение установленных правил попал в концлагерь. Его помощники за менее тяжкие преступления в июне 1943 года были отправлены в лагерь Дахау и Бухенвальд и пробыли там до августа 1944 года.

Принципиально изменило обстановку в Румынии нападение рейха на СССР. К этому времени страна уже семь месяцев находилась в составе Тройственного пакта, и на ее границе с Советским Союзом дислоцировались 11-я армия вермахта (8 дивизий), а также собственные 3-я и 4-я армии, насчитывавшие 13 дивизий и 8 бригад. Следует отметить, что основные силы румынских войск, насчитывавших 8 армейских, 1 кавалерийский, 1 горнострелковый корпус и 35 дивизий²²⁶ дислоцировались в Карпатах на границе с Венгрией. Бухарест надеялся на победу и рассчитывал в результате ее не только вернуть утраченные в 1940 году территории, но и приобрести новые, расположенные за Днестром, для которых был уже выработано официальное наименование Транснистрия. Это позволяло румынам смириться с фактическим ограблением, которому ее подвергал германский союзник, за бесценных вывозивший нефтепродукты, лес, продовольствие и другие необходимые для ведения войны материалы.

Естественно, немедленно оживилась прежде безмолвствовавшая коммунистическая партия Румынии (КПР), 6 июля 1941 года опубликовавшая “Платформу единого национального фронта румынского народа против фашистских оккупантов и военно-фашистской клики во главе с предателем Антонеску”. Однако, в отличие от Болгарии, ее действия не привели к возникновению партизанского движения. Первые и крайне незначительные по численности отряды появились лишь в начале 1944 года, зато на территории страны на последних стадиях войны действовали перешедшие границу партизанские части и соединения из СССР. Кроме того, по лесам Румынии бродили банды дезертиров, весьма многочисленных после 1942 года. КПР никак не могла поднять народ на борьбу с режимом, хотя основания для этого имелись: на Восточном фронте румынские войска потеряли около 660

тысяч человек, из них убитыми, пленными и пропавшими без вести — около 410 тысяч²²⁷. Такая пассивность коммунистического руководства наряду с некоторыми другими факторами вызвала недовольство в Москве. 4 апреля 1944 года его сменили, после чего партия начала играть более активную роль в выводе страны из войны. В мае начались переговоры на этот предмет с королевским двором, и уже 14 июня на совместном совещании монарх и коммунисты утвердили план намеченного на 24 – 26 августа восстания в столице и состав руководящего Военного комитета. Такая уступчивость Михая I и его окружения объяснялась довольно просто: 26 марта 1944 года на территорию Румынии вступили первые советские войска. 12 апреля представитель СССР передал румынам шесть условий, на которых Москва соглашалась заключить перемирие:

1. Немедленный разрыв отношений с Германией и совместная борьба против нее для восстановления независимости и суверенитета Румынии.
2. Восстановление советско-румынской границы в соответствии с договором 1940 года.
3. Возмещение нанесенных СССР убытков.
4. Возвращение всех военнопленных и интернированных.
5. Свободное перемещение советских войск по территории Румынии во всех направлениях и оказание им всяческого содействия.
6. Гарантия со стороны СССР отмены решений второго Венского арбитража относительно Трансильвании.

Румынская сторона отвергла эти условия как неприемлемые. Боевые действия продолжались, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов все ближе подходили к Бухаресту. Руководство страны пыталось найти контакты с западными союзниками, основным инициатором чего являлся министр иностранных дел Михай Антонеску, однофамилец премьер-министра, часто использовавший это совпадение для достижения своих целей. Его программа заключалась в подписании мира с Западом в обмен на получение защиты от продвигавшихся советских войск. В качестве первого практического шага Антонеску разрешил оставаться в Бухаресте посланнику правительства Бадольо Бова Скопия и отклонил просьбу марионеточной Итальянской социальной республики об аккредитации своего посла в румынской столице. Однако все эти абсолютно бесперспективные попытки были заведомо обречены на провал, и несколько направленных Михаем Антонеску миссий возвратились без какого-либо результата.

Резидентура СД в Бухаресте находилась в курсе этих переговоров и проинформировала Берлин, но там никак не могли выработать соответствующую линию поведения. Пока немцы выжидали, румыны решились на серьезные действия. 23 августа 1944 года охрана Михая I арестовала Иона и Михая Антонеску, после чего король вызвал во дворец военного министра К. Пантази, министра внутренних дел К. Попеску, генерального инспектора жандармерии К. Пики-Василиу и префекта полиции Бухареста М. Елефтереску, которых также арестовали. Так одним ударом были обезврежены руководители всех силовых ведомств и сторонники как продолжения борьбы на стороне Германии, так и переговоров с Западом. В дальнейшем арестованных передали СССР. В тот же день король издал декларацию, в которой объявил о смещении Иона Антонеску со всех постов и о поручении генералу К. Сэнэреску сформировать новое правительство, а также обратился к Советскому Союзу с просьбой о перемирии. Уже на следующий день Румыния вышла из войны против СССР, а 25 августа объявила войну Германии. С 24 по 31 августа в Бухаресте проводилась операция по зачистке столицы от немцев и от сторонников Антонеску, в 1944 году казненного за военные преступления. После этого Гитлер вспомнил о находившихся в германских лагерях руководителях “Железной гвардии” и предложил Сима возглавить спешно сформированное в Вене эмигрантское правительство. Тот согласился, но никаких существенных результатов эта акция не принесла, не в последнюю очередь по причине раскола в среде самих легионеров.

В эти же дни в Бухаресте появилась группа американских разведчиков. В самом конце августа 1944 года в город прибыла миссия ОСС “Багхауз” во главе с Расселом Дорром под официальным прикрытием поиска сбитых американских летчиков. В действительности разведчики намеревались захватить германские и румынские архивы и изучить состояние нефтеперерабатывающих предприятий в районе Плоешти. “Багхауз” оказалась одной из самых успешных операций ОСС за всю войну. Ее офицеры Фридрих Буркхардт и Филип

Кумбс сумели захватить архивы штаба люфтваффе и отдела абвера при главном командовании на Юго-Востоке до того, как до них добрались группы советской разведки и контрразведки “СМЕРШ”. 40 мешков трофейных документов были вывезены на базу ОСС в Казерте, где большая группа аналитиков разбираала их в течение нескольких недель. В дальнейшем операции американской разведки на территории Румынии проводила стамбульская точка, руководитель которой Фрэнк Уизнер, будущий заместитель директора ЦРУ, прибыл в Бухарест в сентябре 1944 года и оставался там до высылки в следующем году советскими военными властями.

Все это время немцы не бездействовали, но и не полагались исключительно на методы секретной дипломатии. Германская разведка получила указание задействовать все свои оперативные возможности и еще до отвода частей вермахта с румынской территории начала готовить возвращение страны в свою сферу влияния. Сотрудники прикомандированной к штабу германских войск в Бухаресте фронтовой разведывательной команды, бывшей абверкоманды-201, приступили к созданию основной и запасной агентурной сети для пресечения попыток вывода Румынии из войны. На случай отступления, закладывались тайники и базы. Только помощник начальника фронтовой разведывательной команды-201 лейтенант Бидерман заложил в них доставленные из рейха 600 автоматов и 12 ящиков боеприпасов²²⁸. В дальнейшем туда же были заложены взрывчатые вещества, детонаторы и радиостанции. Бидерман попал в советский плен и сообщил о расположении складов, после чего они были опустошены, а в непосредственной близости от тайников расположены засады.

Германская разведка оставила при отступлении из Румынии не менее десяти нелегальных резидентур, часть из которых располагала магистральной радиосвязью с рейхом, кодами и шифрами. Общим руководителем всей подпольной разведывательно-диверсионной сети и главным резидентом агентурных групп и одиночных агентов с конца августа 1944 года стал оберштурмбанфюрер СС Ральф Гуннер (“Боб”, “Гергот”), бывший заместитель руководителя точки абвера в Бухаресте, в дальнейшем переведенный на службу в СД-аусланд. Все нелегальные резиденты более низкого уровня вели магистральный радиообмен самостоятельно или через радиста другой группы. Во избежание крайне нежелательного и опасно-го переплетения связей, горизонтальный радиообмен между резидентурами категорически запрещался. Гуннер в основном не вступал в личный контакт с резидентами, а передавал им указания и получал отчеты через сеть курьеров. Германская разведка придавала перво-степенное значение регулярному поступлению информации об обстановке и настроениях в различных группах румынского общества. Для этого состав каждой из групп подбирался таким образом, чтобы входившие в нее агенты поддерживали контакты в имевших разведывательное значение слоях общества: королевском дворе, вооруженных силах, политических партиях, подпольных группах легионеров и так далее.

Одну из нелегальных резидентур возглавлял немец, гражданин рейха, женатый на молдаванке. Его попытка поселиться с ней в Германии потерпела провал из-за расистских убеждений соседей, называвших женщину не иначе как цыганкой и устраивавших ей постоянные обструкции. Не в силах ужиться со столь расово сознательными людьми, будущий резидент уехал с женой в Бессарабию и жил там до присоединения этой территории к СССР. Произошедшая с ним неприглядная история настолько отвратила его от национал-социализма, что в 1940 году он добровольно предложил свои услуги советской разведке, в которой получил псевдоним “Хельмут”. С 1940 по 1941 год агент освещал обстановку в немецкой диаспоре Бессарабии, а при отступлении Красной Армии получил указание остаться на месте и вступить в вермахт, желательно в разведку. Свободное владение румынским языком и широкие связи в местном обществе заинтересовали СД-аусланд, в которую “Хельмут” вскоре был зачислен. Он оказался способным сотрудником и вскоре занял весьма ценную в разведывательном отношении должность офицера связи между румынской разведкой и СД. Однако из-за отсутствия контакта с советской разведкой, все это оказалось для нее бесполезным. “Хельмут” искренне желал восстановить утраченный контакт, ездил в оккупированную Одессу в поисках подпольных групп, но безрезультатно. В 1941 году его не снабдили ни условиями связи, ни простыми паролями, поэтому представители партизан сочли заявителя обычным провокатором и уклонились от дальнейших контактов с ним. Разведчику оставалось только служить режиму, который он ненавидел и против которого предполагал бороться.

Ситуация изменилась в 1944 году. “Хельмут” был оставлен нелегальным резидентом в Румынии и получил на связь четырех агентов, известных по оперативным псевдонимам “Григориу”, “Джика”, “Иоган” и “Том”. Все они были румынами, двое из них освещали обстановку в среде легионеров, третий имел доступ к королевскому двору, а четвертый — к руководству национал-царанистской и либеральной партий. Передатчик и шифры для связи с центром находились у “Хельмута”, выполнявшего одновременно функции резидента, шифровальщика и радиста. В изменившейся обстановке возобновление контакта со спецслужбами СССР не составило никаких сложностей, и три следующих месяца группа работала под контролем отдела контрразведки (ОКР) “СМЕРШ” 2-го Украинского фронта. Активных действий контрразведчики не предпринимали и выжидали развития событий, тем более, что собиравшаяся агентами СД информация представляла несомненный интерес и для них. “Хельмут” задерживал и не отправлял лишь некоторые сообщения, содержавшие наиболее важную информацию, в основном касающуюся передислокации частей Красной Армии.

Пока в “СМЕРШ” размышляли о возможном использовании группы “Хельмута” для выхода на Гуннера, оперативная обстановка в Румынии изменилась. В начале ноября советским военным властям сдался выброшенный с парашютом в ночь с 6 на 7 ноября 1944 года радист германской разведгруппы Джеорджеску. В прошлом он являлся радиооператором в группе румынской разведки при отделе военной разведки 8-й германской армии, а в октябре 1944 года был завербован немцами и после краткого курса подготовки выброшен в Румынии. Однако этот серьезно больной и уставший от войны человек отнюдь не собирался выполнять полученное задание ради явно проигрывающего войну рейха. Перебежчика отконвоировали в ОКР “СМЕРШ”, где он после дополнительных допросов показал, что был в составе первой из двух групп под общим совместным руководством Н. Петрашку и А. Шмидта. Петрашку являлся доверенным лицом Хория Сима, направившего его для руководства всей сетью подполья легионеров на территории Румынии, а майор германской разведки Андреас Шмидт (“Молдаван”, “Титц”) должен был создавать нелегальную резидентуру в местной немецкой диаспоре, которую ранее возглавлял на протяжении нескольких лет. Однако это представляло собой лишь официальную часть его задания, в действительности же этот бывший резидент абвера в треугольнике Бухарест — Сибиу — Плоешти, прибыл для контроля за действиями румын и руководства ими в нужные моменты. Контрразведчики собирались начать радиоигру, но отсутствие кодов и шифров не позволяло осуществить этот замысел. Тогда “СМЕРШ” начал операцию “Друзья” без использования радиосредств с целью взять под контроль легионерское подполье в Румынии и связанные с ним немецкие группы. Ключевой фигурой в ней должен был стать “Хельмут”.

В это время германская операция натолкнулась на значительные проблемы уже при высадке первой группы агентов. Парашютисты приземлились в разных местах и не смогли собраться, а самой большой их неудачей оказалось исчезновение радиста Джеорджеску. Никто пока не догадывался о его сдаче в плен, однако уже сам факт отсутствия передатчика и оператора весьма затруднял дальнейшие действия агентов. Высадка в ночь с 8 на 9 ноября второй группы, в составе которой летели Шмидт и Петрашку, прошла еще хуже. Самолет с разведчиками был подбит, и хотя парашютисты смогли выпрыгнуть, это произошло далеко от намеченной точки. Петрашку с кодами и шифрами приземлился буквально на крышу дома в одной из занятых советскими подразделениями деревень и едва ускользнул от захвата, потеряв при этом 10 миллионов лей, предназначенных для финансирования подпольной работы.

Перечисленные события стали немедленно известны советским контрразведчикам, рассчитывавшим на попытку Шмидта добыть передатчик в одном из трех указанных Бидерманом тайников. Именно так и произошло. В ночь с 19 на 20 ноября 1944 года на двух складах появились вооруженные люди, однако попытка захватить их не увенчалась успехом. Засады были одновременно атакованы с тыла и фронта, причем количество нападавших превзошло ожидания. Обошлось без потерь, но смогли уйти и диверсанты. Эти эпизоды показали, что у Шмидта осталась лишь одна возможность получить доступ к передатчику — установить связь с одной из действовавших в регионе нелегальных резидентур, которые он как бывший резидент прекрасно знал и сам организовывал. Теперь все надежды “СМЕРШ” возлагались на “Хельмута”, которому следовало взять на себя радиообмен прибывших агентов. Но в силу своего не слишком высокого официального положения в германской разведке знать об этих событиях он просто не мог и должен был ждать удобного момента для легендирования имевшейся у него информации. Вскоре агент “Хельмута” “Том” сообщил ему,

что 24 ноября в Бухаресте один из легионеров из группы Петрашку — Шмидта искал радиоканал связи с Германией. Теперь двойник вполне мог начинать действовать. В соответствии с заранее согласованным планом действий, он через связника уведомил о произошедшем Гуннера и предложил ему встретиться для обсуждения возникшей ситуации. “Хельмут” не скрывал, что ему крайне не нравится появление в регионе параллельной подпольной сети, а особые полномочия ее руководителей расценил как знак недоверия к ранее существовавшим группам и к их главному резиденту. Гуннер весьма серьезно отнесся к полученной информации и полностью разделил возмущение своего подчиненного. Он увидел в Шмидте соперника и не собирался это терпеть. У контрразведчиков созрел план вывести “Хельмута” на личную встречу с главным резидентом и постараться разжечь у того еще большую неприязнь и ревность по отношению к прибывшим. 5 декабря 1944 года такая встреча состоялась. “Хельмут”, якобы беспокоясь о безопасности подпольных сетей СД в Румынии, предложил Гуннеру все же дать Шмидту и Петрашку своего радиста, чтобы контролировать их действия, и одновременно запросить центр о запрете для вновь прибывших вступать в связь с железногвардейским подпольем. Официально это мотивировалось необходимостью установления своего рода карантина. Долго уговаривать главного резидента не пришлось. Он сам предложил “Хельмуту”, которому доверял во всех отношениях, взять на себя поддержание радиообмена новых групп и одновременно контролировать их поведение. Так операция “Прятели” перешла в разряд радиоигр.

Уже первое сообщение группы Шмидта — Петрашку было весьма содержательным с контрразведывательной точки зрения. В нем содержалась ссылка на источники “02”, “05”, “13”, “16”, “24”, “33”, “Брудера”, “Верингера”, “Генриха” и “Нахте”, весьма заинтересовавшая “СМЕРШ”. Не говоря уже о более широких задачах, их следовало немедленно установить и взять под контроль либо же обезвредить, однако эту задачу удалось выполнить далеко не сразу. Тем временем прибывшие проводили активную организационную работу по подготовке переворота и возвращения Румынии в число союзников рейха. Группа Шмидта — Петрашку периодически получала подкрепление, но располагавшая данными об этом советская контрразведка то организовывала перехват транспортных самолетов на известном ей маршруте их следования, то инсценировала случайные захваты высадившихся агентов на земле. В этот период “Хельмут” передавал и принимал сотни радиogramм, содержание которых немедленно передавалось в “СМЕРШ”. Постепенно были идентифицированы и перечислявшиеся в первой радиogramме источники. Одновременно и Гуннер не успокаивался и постоянно добивался отзыва Шмидта из Румынии, что в конечном счете и произошло. В начале февраля 1945 года главный резидент получил разрешение отправить в рейх конкурента и заместителя Петрашку Стойканеску, причем радиogramму об этом принес “Хельмут” для передачи поздно ночью 8 февраля всего за несколько часов до их посадки в румынский “Хейнкель”. “Хельмут” понимал, что должен срочно предупредить своих руководителей, однако сделать это было крайне сложно, поскольку сильно замерзший Гуннер остался ночевать у него дома. Тогда двойник заявил, что во избежание простуды его нужно немедленно напоить водкой, и выбежал из квартиры якобы в ее поисках. Не имея времени обратиться к своему руководителю, он буквально бросился под первую попавшуюся советскую армейскую машину и вручил находившемуся в кабине старшине записку для передачи коменданту Бухареста. В ней содержалась информация для ОКР “СМЕРШ” 2-го Украинского фронта. Все прошло удачно. Сообщение пришло вовремя, и вылетевший из Брашова 9 февраля в 05.00 “Хейнкель” был сбит около Дебрецена советскими истребителями. После вынужденной посадки его обгоревшие и травмированные пассажиры были арестованы, но далее произошло непредвиденное. Пилот самолета Маринеску сумел бежать и через венгерскую территорию вернулся в Бухарест. Он принес ошеломляющее известие о том, что советские контрразведчики знали подлинные факты о летевших под чужими именами Шмидте и Стойканеску. Кто именно допустил столь вопиющее легкомыслие, установить не удалось, однако это поставило “Хельмута” на грань провала. Для исправления ситуации “СМЕРШ” организовал распространение слуха, гласившего, что много лет проживавшего в Румынии Шмидта опознали на аэродроме в Брашове. Возникшее недоверие Гуннера удалось рассеять.

Тем временем на допросах Шмидт показал, что в заговоре участвуют командующий 4-й армией генерал армии Аврамеску, генеральный инспектор мотомеханизированных войск корпусный генерал Драгалина, бывший министр внутренних дел в правительстве Антонеску генерал Аддя и добавил, что заговорщики рассчитывали заручиться поддержкой и других

влиятельных лиц. В их числе он назвал премьер-министра Радеску, военного министра Негулеску, министра внутренних дел Пенеску, начальника контрразведки Станеску, лидеров национально-царанистской и либеральной партий Маниу и Братиану, начальников гарнизонов в Бухаресте, Сибиу, Брашове и Крайове и многих старших офицеров румынской армии. Вторая часть списка вызывает крайние сомнения уже хотя бы тем, что в ней присутствует Маниу. Этот политик никогда не симпатизировал немцам и потому не мог пытаться вернуть свою страну в подчинение Берлина, к тому же заведомо проигрывавшего войну. Кроме того, нежелание Маниу совершать какие бы то ни было активные действия было столь хорошо известно, что мало верится в возможность его внезапного перерождения, да еще и ради дела, которое он никогда не одобрял, и накануне его краха. Судя по всему, список Шмидта либо отражает его стремление скомпрометировать возможно большее число непричастных к заговору людей, либо, что значительно вероятнее, их фамилии попали туда под диктовку следователей “СМЕРШ”. Известно, насколько СССР стремился убрать любые независимые фигуры в восточноевропейских государствах, способные помешать Москве манипулировать их политикой, а такой прекрасный компромат как нельзя лучше способствовал их уводу с политической сцены под страхом осуждения за предательство национальных интересов. Вероятно, именно поэтому список Шмидта состоял из двух частей, причем в первую входили явно настоящие заговорщики. О закулисной деятельности Аврамеску СССР получал информацию из различных источников. В частности, в январе 1945 года руководитель Бюро стратегических служб США генерал Донован через военную миссию Соединенных Штатов в Москве уведомил НКГБ о подготовке восстания под руководством Аврамеску. Этот процесс зашел настолько далеко, что в ОКВ было решено вновь создать отдельное командование германскими войсками в Румынии, что косвенно подтверждала и осуществлявшаяся через радиостанцию “Хельмута” переписка с рейхом. Немцы были уверены в стабильности положения Аврамеску, поэтому было принято решение усыпить их бдительность и под благовидным предлогом отозвать его из войск для ареста. Лучшей приманкой сочли дезинформацию о предстоящем назначении генерала министром обороны, с восторгом принятую в СД. Не догадывавшийся о ловушке Аврамеску отбыл из расположения своего штаба, но до Бухареста не доехал. 3 марта 1945 года в районе венгерского города Ястребень его автомашину расстрелял истребитель люфтваффе и убил генерала на месте, что, безусловно, явилось для того наилучшим исходом.

Тем временем руководители “Железной гвардии” поняли, что рассчитывать на рейх им не приходится, поскольку нацистская Германия доживала последние месяцы. Они решили срочно переориентироваться на новых хозяев и провели серию встреч с англичанами, которых представлял бывший резидент в Праге, а затем руководитель Межведомственного балканского разведывательного центра (ИСБИК) Гарольд Гибсон. Первый контакт с ним состоялся еще в декабре 1944 года в бухарестской гостинице “Атена Палас”, а следующий — в январе 1945 года в спортивном зале дворца общества “Мика”. Судя по всему, договоренности достичь не удалось. Лишенное поддержки легионерское подполье постепенно свертывало свою деятельность, поскольку бессмысленность попытки переворота и расчетов на удар в спину Красной Армии стала уже очевидной. “Хельмут” еще продолжал принимать радиogramмы, и 7 мая из Германии пришло сообщение о переориентации Сима на англо-американцев. Не вынесший этого Гуннер покончил с собой, но радиостанция советского двойника продолжала работать. 4 июня “Хельмут” принял составленную совершенно не по правилам радиogramму. Она была передана почерком незнакомого ему радиста, не содержала ни пароля, ни псевдонима получателя, ни кодовой подписи отправителя, ни указания о количестве шифрогрупп, но зашифрована была верно. Текст гласил: “После удаления всех препятствий восстанавливайте нормальную связь”²²⁹. В “СМЕРШ” заключили, что она исходила от американцев, и распорядились ответить на нее с запросом всех формальностей. Очередная радиogramма извещала, что с этого момента связь прерывается до 9 июня, но более она не возобновилась. Радиоигра “Друзья” закончилась.

Румыния плавно и постепенно соскальзывала в советскую сферу влияния. Маниу был заключен в тюрьму и умер там в 1947 году. Кабинет сменялся еще несколько раз, пока его направленность и состав не устроили Москву. Коммунисты получили в нем портфели министров путей сообщения, юстиции и внутренних дел, что позволило им контролировать всю внутреннюю политику в стране, внешней же политики Румыния некоторое время

практически вообще не имела. Была проведена чистка фашистских элементов и аресты бывших легионеров, которыми руководила реорганизованная Специальная служба информации. Ее новая структура и функции были указаны в постановлении совета министров от 27 апреля 1945 года № 79. Теперь службой руководил генеральный секретарь, а ее первая (разведывательная) секция преобразовывалась в управление, отвечавшее за сбор политической, экономической, социальной и военной информации и осуществлявшее контроль за иностранными дипломатическими представительствами. Однако это ведомство просуществовало недолго, в 1948 году уже возник его преемник в лице Главного управления народной безопасности (ДГСП). В течение некоторого времени оба оперативных органа действовали параллельно, но по мере накопления опыта сотрудниками ДГСП надобность в Специальной службе информации отпала, и в 1950 году она уступила место коммунистической структуре. Тем не менее, в обиходе и прежние, и новые специальные службы именовались все так же — “сигуранца”.

3. ВЕНГРИЯ

Почти два десятилетия истории Венгрии, с 1920 по 1938 годы, прошли под знаком Трианонского мирного договора, входившего в систему Версальского мира и направленного на то, чтобы не позволить стране когда-либо стать значительной в политическом отношении державой. После распада Австро-Венгрии Будапешт некоторое время являлся столицей государства с территорией в 282 тысячи квадратных километров, но вскоре оно сократилось втрое, до 93 тысяч квадратных километров. От Венгрии отторгли в пользу Румынии Трансильванию и земли восточнее реки Тиса, а также половину Баната. Западная часть Баната и почти вся Бачка отошли к Югославии, Словакия и четыре закарпатских комитата — к Чехословакии, а Бургенланд получила Австрия. В результате за пределами политических границ Венгрии оказались 4 миллиона венгров, из которых вернулись около 500 тысяч, остальные составили национальные меньшинства в других странах. Все это создало благоприятные предпосылки для фашизации Венгрии, однако ее правительство прогнозировало печальные последствия такой тенденции и в 1937 году запретило созданную в 1935 году Партию народной воли, позднее именованную партией “Скрещенные стрелы” (“Нилашпарт”). Уже в ближайшие годы территория страны вновь расширилась за счет раздела Чехословакии и двух “Венских арбитражей”.

Формально Венгрия являлась монархией, но ее королевский престол пустовал после лишения представителей династии Габсбургов права занимать его. Регентом с 1919 года был Миклош Хорти де Нагибанья, сохранявший присвоенное ему еще в Австро-Венгрии адмиральское звание, что в лишенной выхода к морю Венгрии выглядело несколько нелепо. Короля в дальнейшем предстояло избрать, но достойные кандидаты пока не находились, и трон оставался вакантным. Венгрия стала первым государством, в 1934 году установившим дружеские отношения с нацистским режимом в Германии, что, однако, не означало полного и безраздельного доверия Будапешта к Берлину. Венгры небезосновательно опасались немцев и пытались найти противовес им в Риме. Хорти понимал, что Муссолини никогда не станет претендовать на господство над его страной, чего нельзя было сказать о Гитлере, и с 1939 по 1941 годы вел переговоры об избрании на венгерский престол принца из Савойской династии. Тем не менее, по наблюдениям близких к регенту современников, в глубине души он, скорее всего, лелеял надежды либо самому занять трон, либо узаконить отсутствие монарха, а пост регента сделать наследственным, для чего тщательно готовил своего старшего сына Иштвана.

Миклош Хорти

К 1939 году откровенно фашистские “Скрещенные стрелы” являлись второй по величине партией страны, уступавшей только правящей с 1921 года партии “Венгерская жизнь” во главе с графом Бетленом. Рост их влияния произошел достаточно неожиданно и лишь благодаря тому, что лидер партии, уволенный из армии за участие в политической деятельности бывший майор ге-

нерального штаба Ференц Салаши, попал в тюрьму, а его преемник Кальман Хубай оказался прекрасным организатором и политиком. Однако после возвращения Салаши к руководству партией она вновь уменьшила численность, а многие ушедшие из нее члены организовали Венгерскую национал-социалистическую партию по примеру германской НСДАП. Основной внешнеполитической идеей Салаши было сохранение нейтралитета, которое он понимал довольно своеобразно. Лидер “Скрещенных стрел” полагал, что Европу следует поделить на сферы влияния, причем в центре должна доминировать Германия, на юге – Италия, а на юго-востоке, включая все Балканы – Венгрия. Как страна могла добиться такого положения, не вступая в конфронтацию с соседями, Салаши не конкретизировал.

Хорти абсолютно не интересовали его теоретические построения, регент руководил государством и поэтому был человеком вполне конкретным. В частности, в начале 1941 года он добился подписания договора о дружбе с Югославией, ратифицированного парламентом 21 февраля. Весьма удивленный подобным развитием событий Гитлер потребовал от Хорти немедленно денонсировать его и вместе с рейхом напасть на Югославию, обещая за это возврат отторгнутых от Венгрии в 1918 году территорий. Премьер-министр полковник Пал Телеки счел это попранием законов чести и застрелился после провала своих попыток убедить регента не поступать подобным образом.

Венгрия располагала неплохой секретной службой, имевшей довольно сильные позиции в сопредельных странах, в особенности в Румынии, где она в основном опиралась на агентуру из числа венгерского национального меньшинства. Как и другие государства, пораженные в правах в результате заключения Версальского мира, первоначально она не имела права ни содержать генеральный штаб, ни вести разведку, ни аккредитовать военных атташе в иностранных столицах. Будапешт без особых проблем обошел запрет административным путем. По примеру Берлина, он возложил обязанности генштаба на 6-е главное управление военного министерства, в котором ведение разведки было поручено его 2-му отделу. В 1932 году, когда острота вопроса о соблюдении наложенных ограничений сгладилась, в Венгрии был официально создан генеральный штаб. Разведывательный отдел автоматически перешел в его состав и получил в штабной структуре классический 2-й номер. Гражданская сфера относилась к ответственности министерства внутренних дел. Оперативно-розыскную работу на соответствующих направлениях проводили инспекционный отдел МВД, политическая полиция и жандармерия, которые занимались левыми и правыми экстремистами и противодействием спецслужбам государств Малой Антанты.

Вся остальная контрразведка являлась прерогативой 2-го отдела генерального штаба. В рассматриваемый период этим разведорганом руководил полковник Штефан Уйсаси, бывший военный атташе в Праге. Как уже указывалось, начальник чехословацкой разведки Франтишек Моравец утверждал, что его подчиненный майор Бартик завербовал Уйсаси, однако это произошло уже в Будапеште, после возвращения полковника со службы в Чехословакии и присвоения ему звания генерал-майора. По этой же версии, в дальнейшем начальник венгерской разведки работал в пользу Великобритании, но какие-либо документальные доказательства такого утверждения отсутствуют. Разведывательное отделение 2-го отдела возглавлял полковник Кадар. Весьма квалифицированно работали венгерские военные атташе в различных столицах, добываемая ими информация являлась важной составной частью работы разведки. Военный атташе Венгрии в Москве в период 1934 – 1940 годов Ласло Фараго в дальнейшем дослужился до генеральского звания и возглавил жандармерию.

В Венгрии всегда уделялось особое внимание криптоанализу и радиоперехвату, причем во взаимодействии с союзными государствами. Начало совместной деятельности венгров с германской военной дешифровальной службой (“Ши”) было положено еще в 1922 году, после неудачной попытки немцев добиться от Австрии криптоаналитичес-

Слева направо: Ганс Пикенброк, Вильгельм Канарис, Штефан Уйсаси и неустановленный немецкий офицер

кой помощи. В тот период венские коллеги не захотели помочь Берлину в запрещенной Версальским мирным договором деятельности, но порекомендовали обратиться в Будапешт, к недавним соседям по Австро-Венгерской империи. Представители рейхсвера последовали совету, и Венгрия стала первым государством, с которым Германия установила взаимодействие в области радиоразведки и дешифрования. Руководитель криптографической службы венгерского генерального штаба полковник Вильгельм Кабина от имени своей страны подписал так называемое “Берлинское соглашение” о секретном сотрудничестве. Помимо прочего, документ предусматривал взаимное информирование об аналогичных договорах, которые каждая из сторон может заключить с третьими государствами. Основная идея “Берлинского соглашения” заключалась в совместной работе над итальянскими дипломатическими шифр-системами, но вскоре оно распространилось также на польские, румынские и турецкие системы. Партнеры обменивались как добытыми ключами к шифрам, так и информацией о структуре и уязвимых местах шифров и кодов противников. В частности, переснятые венграми материалы из дипломатического багажа американского военного наблюдателя в Египте позволили немцам вскрыть “Черный код” военных атташе Соединенных Штатов. Венгрия оказалась для немцев выгодным партнером, с 1920 по 1944 год ее криптоаналитики вскрыли некоторые дипломатические шифры США и 12 государств Европы, среди которых были Франция, Италия, Швеция, Ватикан и Турция. Однако более всего “Ши” интересовало получение текстов радиogramм. В предвоенный период венгерские посты перехвата покрывали всю территорию Юго-Восточной Европы, поэтому немцы могли сосредоточить собственные усилия на других направлениях и создать на них более высокую плотность пеленгаторов и приемников. С ноября 1940 года, после присоединения Будапешта к “Тройственному пакту”, венгры начали перехватывать и передавать в Берлин переговоры советских ВВС. По некоторым оценкам, к 1944 году до 12% исходных текстов радиogramм Шифровальное бюро вермахта получало из венгерских источников, в частности, от прикомандированных к подразделениям вермахта радиоразведывательных рот²³⁰. “Ши” не обменялось офицерами связи с венгерскими коллегами, вся информация шла через посольство Венгрии в столице рейха. Зато Главное управление имперской безопасности (РСХА) имело в Будапеште офицера связи, который также получал у венгров криптографические материалы, но не в порядке обмена, а за деньги. В этой связи произошел курьезный инцидент с подаренной Шифровальным бюро партнерам копией турецкого кода, который венгры продали РСХА как собственное достижение. Когда в Берлине разведчики СС решили похвастаться своими успехами перед военными криптографами, неприглядная история вскрылась и стала причиной немалого скандала.

Зато о другом омрачившем отношении рейха к Будапешту эпизоде немцы предпочли умолчать. Перед самым началом Второй мировой войны они продали венграм несколько коммерческих машин “Энигма” и полагали, что смогут читать переписку союзника. Однако те догадались о подобной возможности и сорвали германские планы, самостоятельно изменив внутренние соединения роторов. При этом сотрудники Шифровального бюро совершенно искренне возмущались неэтичностью венгров, посмевших заподозрить Берлин в таком коварстве, хотя именно в этом и состоял замысел “Ши”. Немцам не удавалось вскрывать дипломатическую переписку Будапешта, за исключением некоторого периода прочтения радиообмена МИД с посольством в Токио. Летом 1941 года “Ши” смогло вскрыть шифр-“решетку”, защищавший корреспонденцию венгерских железных дорог, однако почти сразу же потеряло интерес к вопросу и переключило все силы на советское направление. В 1943 году Шифровальное бюро вновь попыталось вскрыть переписку союзника, перехватываемую с поста в Прессбурге (Братислава), но почти без успеха.

Другими партнерами венгров по радиоразведке были японцы, итальянцы и особенно финны, с которыми у них установились самые сердечные отношения. Обе службы совместно вскрыли итальянский и советский армейский полевой шифр, а также работали по крипто-системам Ватикана, при этом финны отвечали за перехват, а венгры — за дешифровку.

Венгрия являлась объектом разведывательных устремлений сразу нескольких стран, в первую очередь Румынии. Агентура обоих государств, в основном тактического и оперативного уровня, взаимно пронизывала их приграничные районы. Немцы достаточно тщательно отслеживали обстановку в правящих кругах Будапешта силами СД-аусланд, тогда как абвер практически не интересовался союзником, за исключением вопросов взаимодействия с ним.

Это объяснялось тем, что Берлину требовалось прежде всего установить политические аспекты сотрудничества, а военные вопросы были изучены достаточно хорошо.

Великобритания всегда пыталась контролировать обстановку в Венгрии, но, как и в случае с Румынией, МИ-6 не добилась каких-либо практических результатов. По этой причине ее диверсионные службы вынуждены были разрабатывать не только пути и способы совершения актов саботажа, но и приобретать агентуру, способную обеспечить их в оперативном отношении. В начале 1940 года, еще до создания СОЕ секция “Д” МИ-6 направила в Будапешт своего офицера Бэзила Дэвидсона, который пробыл в Венгрии до 3 апреля 1941 года, однако занимался в основном сбором сведений для использования в подрывной пропаганде. Британский посланник случайно обнаружил хранившиеся в здании миссии запасы пластиковой взрывчатки для диверсии против судоходства на Дунае и распорядился немедленно утопить их в реке, что исключило проведение любых взрывных работ. Все наработки Дэвидсона оказались нереализованными, поскольку он вместе с остальными дипломатами в середине 1941 года был выслан на родину, и инфраструктура британских спецслужб в стране исчезла.

Американская разведка в Венгрии практически не работала, зато посольство Соединенных Штатов само оказалось объектом операции резидентуры СД-аусланд под руководством Вильгельма Хеттля, которому было поручено его оперативное обслуживание. Посол и фактически личный посланец Рузвельта Герберт Клейборн Пэлл, прибывший в Будапешт в феврале 1941 года, прекрасно понимал, что вступление его страны в европейскую войну неизбежно, и не тратил силы и средства на постройку и оборудование здания посольства. Он арендовал этаж в столичном отеле “Риц” и разместил там весь дипломатический и технический персонал, обслуживанием которого занимались местные граждане. Горничной супруги Пэлла была молодая, привлекательная и весьма сообразительная венгерка с авантюристическими наклонностями, которая в процессе работы неоднократно видела и читала бумаги посла, однако не знала, к кому можно обратиться с предложением пошпионить за американцем. Когда в декабре 1941 года Пэлл начал постепенно готовиться к эвакуации посольства и уничтожать архивы, горничная стала систематически собирать их в надежде все же найти применение добытым материалам. Ей сопутствовала удача, поскольку как раз в это время Хеттль интенсивно занялся вербовкой обслуживающего персонала посольства и привлек женщину к сотрудничеству вместе с несколькими официантами. Приобретенный агентурный аппарат позволил получить доступ к шкафам с документами. Полученные материалы различные исследователи оценивают по-разному. Одни из них²³¹ полагают, что немцы ничего существенного не извлекли и не могли извлечь из документов, содержащих в основном частную переписку посла с президентом, субъективные оценки самого Пэлла и устаревшую информацию об обстановке на Пиренеях. Другие, более знакомые с процессом обработки разведывательных данных, придерживаются противоположного и, судя по всему, более верного мнения²³². Добытые материалы были чрезвычайно важны, причем не только своей фактической стороной. Они содержали ценнейшие исходные данные для психологической оценки президента США, позволявшей в какой-то степени прогнозировать его позицию и действия. Следует отметить, что именно после проведения VI управлением РСХА операции с бумагами Пэлла Вальтер Шелленберг был окончательно утвержден в своей должности. Однако эксперты МИД Германии не разделяли энтузиазм разведчиков, не в последнюю очередь из-за спокойной уверенности в победе антигитлеровской коалиции, которой была пронизана вся добытая переписка. Они не решились расстраивать Риббентропа и дали по этому вопросу следующее заключение: “Письма почти ничего не содержат, за исключением категорического опровержения и отрицания идеологии национал-социализма и фашизма, поэтому не рекомендуется доводить их до сведения министра иностранных дел”²³³.

Последний добытый агентами Хеттля документ Пэлла датирован январем 1942 года. Как известно, к этому времени Венгрия уже давно находилась в состоянии войны с США, однако шаг этот являлся вынужденным и был продиктован лишь лояльностью к германскому союзнику. Венгры не скрывали своих симпатий к американцам, которых не испытывали, например, к СССР. Поэтому МИД сделал своего рода демонстративный жест и не интернировал американских дипломатов, позволив им в течение достаточно долгого времени свободно перемещаться по городу. Исключение составляли лишь Пэлл и его супруга, вынужденные находиться под своего рода домашним арестом в “Рице”. Подоплека такой дискриминации посольской четы была не дипломатической, а разведывательной. К этому

времени местная контрразведка узнала о проводившейся СД операции и совершенно не одобряла ее из опасения неизбежного шумного скандала в случае утечки информации. Начальник 2-го отдела генерал-майор Уйсаси понимал, что напрямую препятствовать разведке союзников невозможно, причем не только по политическим соображениям. Обратив внимание немцев на недопустимость операции СД, означало засветить венгерские агентурные источники, благодаря которым информация о ней была получена. Тогда после совместных консультаций разведчиков и дипломатов был найден простой и изящный выход из положения. Легкомысленно относящемуся к архивам посольства Пэллу просто запретили покидать свою резиденцию в “Рице”, что исключило доступ к бумагам посторонних лиц и автоматически разрушило операцию Хеттля.

Вопрека настояниям Гитлера, Венгрия не сразу последовала примеру рейха и воздерживалась от объявления войны СССР до “бомбового инцидента” 26 июня 1941 года, подоплека которого неясна до сих пор. Самолеты неизвестной национальной принадлежности без опознавательных знаков нанесли бомбовые удары по городам Кашши (Кошице), Рахов и Мункач (Мукачево), а эксперты установили, что найденные осколки бомб имеют советское происхождение. СССР категорически отверг свою причастность к этой варварской и абсолютно бессмысленной в данной обстановке акции, но к его аргументам не прислушались. Мотивированные возражения советской стороны гласили, что принадлежность самолетов нельзя установить косвенным путем, и что вермахт за несколько первых дней войны захватил ряд складов авиационного вооружения, на которых хранились бомбы того же типа, что и сброшенные на венгерские города. Но воинственно настроенные депутаты парламента проголосовали за акцию возмездия, и уже 27 июня авиационное командование послало бомбардировщики на Станислав (Ивано-Франковск). Венгрия оказалась в состоянии войны с СССР.

Это не принесло ей ничего хорошего. Уже к ноябрю 1941 года направленная на Восточный фронт Карпатская группа войск оказалась разгромленной, а в 1942 году та же участь постигла и 2-ю армию. Несмотря на значительные потери, венгерские части весьма стойко дрались на фронтах вплоть до начала 1945 года и исправно несли оккупационную службу. В столице Венгрии, однако, все обстояло иначе. Здесь действовал ряд факторов, оказывавших взаимное влияние друг на друга и в совокупности определявших внешнеполитический курс страны и поведение ее руководства в войне.

Первым и наиболее важным из них являлась все более крепнущая убежденность Хорти и других высших лиц государства в неизбежности поражения Третьего рейха. Личные симпатии адмирала были на стороне немцев, однако он умел отрешаться от них и думать о судьбе родины, неминуемо попадающей в лагерь побежденных со всеми вытекающими из этого печальными последствиями. Еще был свеж в памяти Трианонский мирный договор и отторжение от Венгрии ее значительных частей, а в ближайшей перспективе уже маячило весьма вероятное повторение этой катастрофы. Другим серьезным фактором стало продвижение советских войск, которые неизбежно оккупировали бы венгерскую территорию до вступления туда британцев или американцев. Такой вариант развития событий представлялся весьма угрожающим. Хорти прекрасно знал о социальной практике СССР и совершенно не желал испытать ее на себе и своем народе, отнюдь не питавшем дружеских чувств к Советскому Союзу. Венгры неплохо относились к своему руководству, что убедительно доказывает практически полное отсутствие партизанского движения в стране. За весь период войны историки насчитывали в Венгрии 34 партизанские группы, причем все они были малочисленны и полностью инспирировались спецслужбами СССР.

В совокупности оба этих внешних фактора натакивали регента на осторожный зондаж вопроса о сепаратном мире с Западом. Первый контакт дипломата Ласло Вереша с британскими представителями состоялся весной 1943 года на тайных переговорах в Стамбуле. Он получил определенное развитие, и 10 сентября в дипломатической почте из Турции в Будапешт прибыли два передатчика, на которых полицейские радисты в дальнейшем поддерживали связь с СОВЕ. Британские разведчики проинформировали о ситуации своих союзников по коалиции, реакция которых на это оказалась весьма неодинаковой. Американцы не проявили к этому никакого интереса, зато в Москве к переговорам отнеслись с глубоким подозрением. В Лондоне не предполагали, что стамбульская резидентура внешней разведки НКГБ сумела добыть детальную информацию о ходе переговоров, по сравнению с

которой в версии англичан многие щекотливые моменты были сглажены. После ввода германских войск в Венгрию 19 марта 1944 года Вереш оказался в розыскных списках гестапо и едва успел ускользнуть в сопредельную Румынию за полтора часа до прибытия телеграммы с приказом о его аресте. Однако Бухарест был вовсе не безопасным местом для разыскиваемого тайной политической полицией человека, и он отправился дальше. Как ни странно, в суматохе дипломатический паспорт Вереша забыли аннулировать, и он сумел официально перебраться в Загреб, а оттуда ушел к партизанам. Через некоторое время они переправили беглеца на самолете в освобожденный район Северной Италии.

Убедившись в практически полном безразличии западных союзников к предложениям сепаратного мира, Хорти скрепя сердце все же решил прозондировать позицию СССР в этом вопросе и в сентябре 1944 направил к Сталину тайную делегацию с просьбой о перемирии. Ее руководитель, командующий жандармерией генерал Ласло Фараго 11 октября 1944 года принял предварительные условия Москвы, включавшие создание правительства Народного фронта, приказ армии вступить в контакт с советским командованием и начало боевых действий против Германии. Однако регент отказался признать такое соглашение, и война продолжалась еще полгода.

Венгрия не относилась к числу регионов успешной и активной деятельности союзнических спецслужб. СОЕ за всю войну высадил там лишь две миссии, обе из которых провалились. Первая из них в количестве четырех человек во главе с подполковником Питером Боги была захвачена почти сразу же после высадки. Немцы настолько не привыкли к появлению в этом районе вражеских парашютистов, что направили на их поиски несколько сотен человек с танками. Надетая на диверсантах британская военная форма спасла их от расстрела на месте, и разведчики попали в концлагерь, где до конца войны дожил один лишь Боги. Вторая группа во главе с Флорианом Дюком, выброшенная в Венгрии 15 марта 1944 года, оказалась еще менее удачливой. Весьма быстро все парашютисты были арестованы и заключены в тюрьму Кольдиц, где и погибли. Бюро стратегических служб США вообще не направляло в Венгрию свои разведгруппы.

Все это время положение Хорти осложнялось острым политическим соперничеством с партией “Скрещенные стрелы” и ее лидером Ференцем Салаши. Ввиду близости идеологии партии к нацистской, она пользовалась поддержкой НСДАП, которая, однако, заканчивалась на этапе практических действий. Гитлер проявил себя прагматиком и значительно больше ценил союзническую помощь Хорти и его умение управлять государством, чем клятвы Салаши в приверженности идеалам Третьего рейха. Однако, ввиду определенной популярности в народе лидера “Скрещенных стрел”, регент был вынужден предложить ему на выбор один из двух министерских постов в правительстве. Салаши отверг предложение, поскольку метил самое меньшее на кресло премьера и размениваться на мелочи не собирался. Его прогерманской позицией пользовалась местная резидентура СД, имевшая в среде членов “Скрещенных стрел” прекрасную и обширную агентуру. Шелленберг, от которого не ускользнули попытки Хорти вступить в мирные переговоры с Западом через дипломатические миссии в Стокгольме, Анкаре, Берне и Лиссабоне, подробно доложил Гитлеру о тревожной ситуации. Тот полностью разделил беспокойство начальника VI управления РСХА, поскольку не верил более в способность и желание регента удержать Венгрию в войне на стороне стран “оси”. В итоге утром 19 марта 1944 года на ее территорию вступили несколько дислоцировавшихся в Австрии батальонов, причем рядовые венгры расценили эту операцию (“Маргарита I”) отнюдь не как оккупацию, а как помощь союзника в защите от советских войск. Однако в результате правительство Хорти утратило политическую самостоятельность, и одновременно с вступлением войск гестапо провело в Будапеште серию арестов лидеров оппозиции.

Происходившие события значительно убавили симпатии адмирала к Германии, и он прежде всего решил спасти практических организаторов мирных переговоров генерал-майора Уйсаси и полковника Кадара. Уйсаси представлял дополнительный интерес для гестапо и СД, осведомленных о его контактах с представителем компартии Ласло Райком. Для спасения руководителей разведки регент распорядился поместить их под своего рода домашний арест в хорошо охраняемых казармах, не позволявший гестапо добраться до разыскиваемых. Однако контакты с Райком поддерживал не только начальник разведки, но и младший сын регента Миклош. К этому времени старший сын Хорти Иштван уже погиб, не справившись с управлением самолетом после плотного завтрака с шампанским. Официальная пропаганда

представила это как гибель при выполнении боевого задания и объявила покойного героем, а надежды Хорти переключились на младшего сына. Увы, он никак не годился в преемники регента и крупные политические фигуры, поскольку основное свое время проводил в ночных клубах и других развлечениях, о чем было известно всей стране. Тем не менее, политические амбиции Миклоша Хорти-младшего, или “Микки”, как его называли друзья, оказались непомерно высоки. Он решил самостоятельно заняться политикой и вышел на Райка, однако тот не воспринял сына регента всерьез и отказался вести с ним переговоры. Тогда Миклош от своего собственного имени направил эмиссара к командующему войсками 4-го Украинского фронта маршалу Ф. И. Толбухину, но его агент предпочел не рисковать и с полученными на оперативные расходы деньгами через Австрию сбежал в Швейцарию, где благополучно отсиделся до конца войны. Неудачи не обескуражили младшего Хорти, решившего вступить в очередные переговоры, на этот раз с югославскими партизанами. Следует отметить, что в этом случае он вторгнулся в весьма деликатную область межгосударственных отношений, поскольку Венгрия и Югославия имели спорные пограничные территории и не собирались уступать друг другу в этом вопросе. Самонадеянный молодой человек буквально выпросил у Уйсаси агента “Марти”, имевшего доступ к маршалу Тито, и начальник 2-го отдела передал его на связь Миклошу Хорти. Дальнейшие события по-разному излагаются различными людьми, причастными к ним.

Хеттль сообщает, что “Марти” был двойником СД и сразу же сообщил ему о планах венгров. В результате к Хорти под видом представителей Тито прибыли два германских разведчика и повели фиктивные переговоры, чтобы еще больше втянуть сына регента в государственную измену, как юридически квалифицировались его действия, и получить основания для его ареста. Собственно, сам “Микки” в силу своей ничтожности немцев совершенно не интересовал, но Шелленберг намеревался использовать созданную ситуацию для воздействия на его отца. Адмирала Хорти предлагалось поставить перед выбором: либо оглашение факта изменнических переговоров сына адмирала с Тито, которое неизбежно повлекло бы за собой политический скандал, суд и суровый приговор, либо назначение от имени регента германского генерала с чрезвычайными полномочиями для управления государством. Гитлер одобрил план с одной поправкой. Он не решился полностью отстранить венгров от власти и потребовал назначить главой правительства Ференца Салаши.

Одновременно местная резидентура СД разработала и согласовала с гестапо план ареста подлинных руководителей заговора: командующих 1-й и 2-й армиями генералов Миклош-Дальноки и Вереш-Дальноки, военного коменданта Будапешта, близкого друга регента Бакаи и командующего Дунайской речной флотилией Харди, однако осуществить это следовало весьма осторожно. Венгрия являлась не оккупированной страной, а союзницей Германии, поэтому любые непродуманные действия могли вызвать крайне нежелательные осложнения. 10 октября 1944 года Бакаи был арестован в номере отеля “Риц”, причем из-за густого тумана это прошло незамеченным. Для непосвященных комендант столицы просто исчез, что расстроило планы адмирала Хорти и вынудило отложить на десять дней объявление о перемирии. Одновременно были изъяты генералы Харди и Вереш-Дальноки, лишь Миклош-Дальноки находился в войсках, вне досягаемости немцев.

СД спланировала операцию по похищению “Микки” и по аналогии с героем мультипликационного фильма Уолта Диснея Микки-Маусом назвала ее “Маус”. Хорти-младшего предполагалось выкрасть 13 октября, однако из-за внезапного и никем не предусмотренного появления на его переговорах с “эмиссарами Тито” Хорти-старшего план пришлось срочно менять. Случайная встреча на выходе с криминальным комиссаром гестапо Отто Клагесом весьма насторожила регента, поэтому на следующую встречу в кабинете генерального директора Дунайской судоходной компании Борнемисса Миклош прибыл в сопровождении сильной охраны.

Руководителем операции “Маус” под именем гражданского доктора Вольфа был Отто Скорцени, версия которого несколько отличается от версии Хеттля. Бывший оберштурман-фюрер СС утверждал, что посланцы Тито были подлинными, а агента СД удалось внедрить к ним несколько позднее. Трудно сказать, какой из вариантов событий более точен. Следует отметить лишь, что Хеттль неоднократно уличался в искажении фактов, тогда как к Скорцени в этом отношении можно иметь претензии только в части преувеличения собственных заслуг. Кроме того, Хеттль не упоминает, что “Маус” считалась своего рода операцией в операции “Панцерфауст”, проводившейся Скорцени согласно полученному в сентябре

1944 года приказу Гитлера. Он предписывал захватить будапештскую Цитадель и воспрепятствовать попыткам венгерского правительства выйти из войны, для чего в распоряжение Скорцени передавались парашютно-десантный батальон люфтваффе, 600-й парашютно-десантный батальон СС, мотопехотный батальон венских кадетов, два звена планеров и самолет. Операция “Панцерфауст” являлась не разведывательной и не диверсионной, а чисто войсковой, поэтому в данной книге не описывается.

15 октября группа гестапо под руководством Клагеса вместе с людьми Скорцени заняла подступы к зданию управления Дунайской судоходной компании. На крышах соседних зданий разместились бойцы огневой поддержки, другие находились по соседству с комнатой переговоров. Захват “Микки” прошел спокойно, зато значительную проблему представлял выход из здания. Хорти-младшего и Борнемисса завернули в ковры, но не смогли полностью замаскировать и вызвали подозрение у охраны. Отъезд группы захвата проходил под сильным огнем, в перестрелке погибли криминальный комиссар Клагес и двое венгерских солдат. Сразу же после похищения адмиралу Хорти предъявили заранее разработанные требования, однако тот повел себя непредсказуемо и вместо запланированного на 20 октября объявления о перемирии сделал это немедленно. Регенту воспротивился начальник генерального штаба генерал Ворош, разославший в войска уведомление о недействительности правительственного заявления. Создалась тупиковая ситуация, в которой германский посол в Будапеште доктор Ран сумел добиться у Хорти обещания не предпринимать никаких дальнейших шагов, которые могли бы привести к капитуляции. Однако все оставалось довольно зыбким, и задействованные в операции “Панцерфауст” силы не смогли бы противостоять венгерским войскам в случае, если бы те решили захватить помещения германской миссии. Обстановку принципиально изменил случайный фактор. 15 октября мимо Будапешта транзитом на Восточный фронт следовал эшелон с 15 танками “Тигр” с экипажами. Командующий силами СС в Венгрии Пффеффер-Вильденбрук сумел тайно разгрузить их, заправить и бросить на столицу. Немцы пытались разработать план по заманиванию Хорти на территорию германской миссии, но после появления “Тигров” на улицах города регент неожиданно в 05.00 16 октября сам появился у посла с просьбой о защите. Он заявил, что готов подать в отставку и передать все свои полномочия Салаши, а в обмен просил лишь убежища в рейхе для себя и своей семьи. В последнем обращении к народу адмирал одобрил действия Вороша по дезавуированию заявления о перемирии и отбыл в рейх. Операция “Панцерфауст” успешно и почти бескровно завершилась, сопротивление оказала лишь личная охрана уже бежавшего в Берлин Хорти, отдать приказание которой он просто забыл. После окончания войны бывшего регента Венгрии, то ли гостя, то ли узника Гитлера, захватили американцы, продержали под арестом до конца 1945 года и отпустили на свободу. Он поселился в Лиссабоне и умер там в 1957 году.

Ференц Салаши стал теперь законным премьер-министром, с 20 октября одновременно возглавил государство, а также принял новый, изобретенный по примеру Гитлера титул “вождя нации”. Краткий период его правления оказался роковым для страны, для него самого и в особенности для членов партии “Скрещенные стрелы”. Несколько месяцев пребывания Салаши у власти оказалось вполне достаточно для отнесения их к военным преступникам и соответствующего преследования после окончания войны. Кроме того, Салаши не обладал не только административным опытом, но и даже и элементарными представлениями о принципах руководства страной, что привело Венгрию к хаосу и полному расстройству системы государственного управления, в том числе и секретных служб. Он немедленно отстранил от ключевых должностей сторонников своего предшественника, однако из-за отсутствия подготовленных кадров многие посты в государстве остались вакантными. Сказались и весьма специфические особенности личности Салаши: “Этот человек, которого во время тюремного заключения посещали видения, и который заявлял, что получал указания как будущий глава государства непосредственно от Божьей Матери, оказался полностью несостоятельным в качестве практического и конструктивного руководителя”²³⁴. Вместо попыток хоть как-нибудь стабилизировать положение “вождя нации” удалился в замок на бывшей австрийской границе и писал там историю своей жизни, нечто вроде программного и автобиографического труда Гитлера “Моя борьба”. К марту 1945 года, когда свободными от оккупации остались лишь несколько квадратных километров венгерской территории, он просил немцев отпечатать в Вене законченную первую часть книги и планировал вручать ее

экземпляры молодоженам, а также установить для государственных служащих обязательный экзамен на знание текста. На этой трагикомической ноте и закончилась история Венгрии как союзника Третьего рейха.

К этому времени в тылу продвигавшихся с тяжелыми боями по территории страны советских войск устанавливался новый политический режим. Под эгидой коммунистической партии был создан Венгерский национальный фронт независимости, 28 декабря 1944 года объявивший войну рейху. Это не повлекло никаких практических последствий, за исключением перехода на сторону Красной Армии нескольких частей венгерских войск, однако позволило коммунистам приступить, в частности, к ликвидации прежних оперативных органов и созданию новых структур государственной безопасности.

4. ФИНЛЯНДИЯ

В списке союзников рейха Финляндия занимала особое место, поскольку юридически таковой не являлась. Партнерство Хельсинки с Берлином носило лишь военный, но отнюдь не политический характер и было прямым следствием ее предшествовавшей так называемой Зимней войны с СССР. Это злосчастное боевое столкновение гигантской державы с крошечным соседом повлекло в дальнейшем столь далеко идущие последствия, что его возникновение следует рассмотреть отдельно.

К 1939 году отношения СССР и Финляндии регулировались заключенным 14 октября 1920 года Тартуским мирным договором, положившим конец войне Советской России с бывшей провинцией Российской империи. Помимо прочего, договор определил линию границы между двумя государствами, совершенно не устраивавшую Москву, однако в тот период изменить ее она не могла. В течение почти двух десятилетий СССР мирился с подобной ситуацией, но в 1939 году после подписания пакта с Третьим рейхом Сталин счел, что настал удобный с политической точки зрения момент изменить статус кво. Он рассчитывал на свой опыт поглощения Прибалтийских государств, которое в данный момент близилось к завершению, и полагал, что сможет распространить эту методику на Финляндию. В качестве отправной точки для переговоров было выбрано давнее стремление Хельсинки изменить статус демилитаризованных Аландских островов и построить там укрепления. СССР предложил финнам отодвинуть границу, проходившую в 32 километрах от Ленинграда, сдать в аренду полуостров Ханко для сооружения на нем военно-морской базы и провести ряд других мероприятий, предлагая взамен уступить вдвое большую по площади территорию в дикой и неосвоенной Карелии. Было совершенно ясно, что советские требования являются весьма обременительными и невыгодными для Хельсинки, однако столь же недвусмысленной была и решимость СССР в случае отказа добиться их выполнения силой оружия. Руководитель финской делегации на переговорах Ю. К. Паасикиви именно этого и опасался и поэтому выступал за принятие фактического ультиматума Москвы. Его поддержал в этом и командующий армией маршал Карл Густав Эмиль Маннергейм, но их голоса не смогли перевесить сторонников отклонения советских предложений. Финны согласились лишь на передачу в аренду СССР трех островов около Ленинграда, однако этого было ничтожно мало. После безрезультатного исхода переговоров оставалось лишь ждать дальнейшего развития событий.

В Москве решили провести наступательную операцию силами войск Ленинградского военного округа, не привлекая к ней дополнительные силы ввиду явной слабости потенциального противника. Финляндия располагала на границе с СССР эшелонированной системой укреплений, получившей наименование “Линии Маннергейма”. Немногочисленная и не слишком сильно вооруженная финская армия (Оборонительные силы) и “шюцкор” — созданный в 1921 году на основе Белой гвардии вспомогательный “охранный корпус” — располагали прекрасно подготовленными к зимним действиям бойцами. Советская военная разведка в основном верно проинформировала военное командование о предполагаемом театре военных действий, составе сил противника и его материальном оснащении, однако, как уже указывалось, это было далеко не все. Составленный РУ “Черный альбом” с описанием оборонительных сооружений “Линии Маннергейма” не подкреплялся информацией о

Е. Т. Синецыйн

тактике финской армии, оказавшейся для РККА весьма неожиданным и неприятным сюрпризом.

Несколько иначе действовала на территории Финляндии внешняя разведка. В ноябре 1939 года в Хельсинки прибыл поверенный в делах СССР и одновременно резидент НКВД Е. Т. Синецыйн (“Елисеев”), восстановивший ненадолго утраченную связь с располагавшими хорошими разведывательными возможностями источниками “Графом”, “Анной”, “Монахом” и некоторыми другими. Его прибытие сопровождалось курьезным инцидентом, который, однако, мог иметь далеко идущие последствия для расшифровки личного состава “легальной” резидентуры. При экипировке в Москве Синецыйн получил со склада НКВД ярко-оранжевые ботинки, абсолютно не соответствовавшие сезону, но единственные, имевшиеся в наличии. По прибытии в Хельсинки жена резидента поименно перечислила ему, кто именно из встречавших нового поверенного в делах СССР сотрудников являлся не “чистым” дипломатом, а разведчиком, обутым в точно такие же несурзные ботинки. Неизвестно,

обратила ли достаточно профессионально работавшая местная контрразведка внимание на этот факт, однако это вполне возможно, поскольку обувь, особенно нестандартная, всегда служит весьма демаскирующей деталью. Чтобы оценить серьезность просчета службы вещевого довольствия, достаточно вспомнить уже описанный эпизод с расшифровкой СБ ОУН сотрудников НКВД по сапогам или события 1956 года в Будапеште, когда переодетых и скрывавшихся офицеров госбезопасности выдавали их желтые ботинки.

Синецыйн доставил в Хельсинки 7 миллионов марок для финансирования подпольного коммунистического движения и должен был передать их жене Отто Куусинена Айно, однако так и не сумел сделать этого. В ходе совершенных им нескольких поездок по стране он вместе с сотрудниками резидентуры зафиксировал немало военных приготовлений финнов, в принципе, совершенно не являвшихся секретом. Резидент не успел развернуть полномасштабную работу, поскольку в начале декабря был вместе со всем составом миссии эвакуирован в Москву из-за начавшейся войны.

Поводом к ней послужил инцидент около населенного пункта Майнила, судя по всему, организованный НКВД СССР. Вечером 26 ноября 1939 года там на советской территории разорвались 5 артиллерийских снарядов и 2 минометные мины, якобы убившие и ранившие 13 пограничников. В 07.00 30 ноября части Ленинградского военного округа после предварительной артподготовки перешли в наступление на противника. Одновременно авиация нанесла удар по Хельсинки и некоторым другим городам, а флот обстрелял территорию Финляндии с моря. Финны ожидали этого. Начало войны не было внезапным в стратегическом и оперативном отношении, а после взрывов около Майнила – также и в тактическом. Финская разведка, располагавшая, по позднейшим заверениям, агентурой в Москве, Ленинграде и пограничном регионе, еще с 1920-х годов предоставила своему командованию точные сведения о возможных направлениях ударов советских войск. Следует, однако, отметить, что большой заслуги разведчиков в этом не было, поскольку из-за крайне сложных природно-климатических условий указанные направления являлись единственно возможными. Не желавшие воевать финны немедленно сменили кабинет министров. Новое “Правительство национального единства” Ристо Рюти 3 декабря обратилось к противнику с обещанием сделать новые предложения и в ожидании этого прекратить огонь. Но Москва через шведов заявила, что не воюет с Финляндией и поэтому не может вести переговоры о прекращении войны, а также не признает кабинет Рюти в качестве законного правительства страны. И действительно, уже 2 декабря СССР признал якобы провозглашенное рядом левых партий и восставших солдат “Народное правительство Финляндии”, иногда именовавшееся Временным правительством Финляндии в эмиграции, во главе с секретарем ИККИ Отто Вилле Куусиненом. Вот с этим правительством СССР немедленно заключил весьма выгодный для Финляндии договор и задался целью передать ему власть в стране. Московские

марионетки располагали даже вооруженной силой в виде 1-го финского горнострелкового корпуса, фактически переименованного 106-го стрелкового корпуса РККА.

Пожалуй, именно это и стало главной ошибкой Сталина в финской войне, немалая доля ответственности за которую лежит на внешней разведке. НКВД не сумел просчитать реакцию финского народа на подобные действия, а она оказалась очень резкой. Попытку интервенции осудили даже коммунисты. Фактически именно с этого момента финны стали сражаться действительно ожесточенно, поскольку поняли, что единственной перспективой, которую им готовил СССР, являлась советизация. Одновременно представитель Финляндии в Лиге Наций обратился в ее Ассамблею с просьбой о помощи. Советский Союз вновь заявил, что не ведет войну на Карельском перешейке и не признает правительство Рюти, результатом чего явилась резолюция Совета Лиги Наций от 14 декабря 1939 года, гласившая: "...Союз Советских Социалистических Республик поставил себя вне Лиги Наций. Вследствие этого Союз Советских Социалистических Республик более не является членом Лиги"²³⁵.

Сложившаяся ситуация поставила в тупик практически все правительства и их разведывательные службы. Никто не мог определиться, как именно следует вести себя в столь неоднозначной ситуации, поскольку в Европе уже шла война, хотя ее еще не считали Второй мировой. Мировое общественное мнение было полностью на стороне финнов, однако оказание какого-либо воздействия на Советский Союз являлось практически неосуществимой задачей. Кроме того, ресурсы Великобритании и Франции были поглощены войной, а Германия, отрабатывая роль дружественной СССР державы, фактически выступила в поддержку Москвы. Но вскоре Лондон и Париж стали разрабатывать планы нанесения ударов по советским нефтепромыслам в Баку и высадки десантов на севере СССР якобы для поддержки Финляндии. Более авантюрное решение в той обстановке придумать было трудно, поскольку они неизбежно оказались бы в состоянии войны не только с Германией, но также и с Советским Союзом, что было чревато полным разгромом. Будущий руководитель британской военной миссии в Югославии бригадный генерал Фицрой Маклин направил в военное министерство меморандум с резкой критикой такой непродуманной идеи, в котором утверждал, что замысел атаки на СССР не только не достигнет своей цели, но и спровоцирует Москву на вторжение в Афганистан и Иран для подрыва британского влияния в регионе. Однако в действительности Финляндия являлась лишь желанным поводом для расширения конфликта, причем отнюдь не по идеологическим соображениям, как в течение долгих лет утверждали советские историки, и вовсе не из соображений гуманности, как заявляли их западные коллеги. СССР подпитывал рейх продовольствием, нефтью и иными стратегическими материалами, и именно этому пытались положить конец британцы и французы. По мнению комитета начальников штабов Великобритании, такая операция позволила бы на 90% уменьшить советские поставки нефти рейху. Одновременно Лондон и Париж стремились занять господствующее стратегическое положение на Балтике и взять под контроль поставки железной руды, как впоследствии весьма точно сформулировал германский военно-морской историк Фридрих Руге: "Сами себя назначив уполномоченными Лиги Наций, союзники добивались разрешения на проход своих войск через Северную Норвегию и Северную Швецию, стремясь прийти на помощь Финляндии и при этом вполне благородно и, конечно, между прочим завладеть всей шведской рудой"²³⁶.

Подобное решение можно объяснить только слабой постановкой разведки, не обеспечившей Париж и Лондон информацией о намерениях Германии и подлинном соотношении сил. Однако этого нельзя сказать об СССР, вовремя получившем сведения о планах западных союзников. Ему пришлось резко усилить интенсивность боевых действий, чтобы добиться вывода Финляндии из войны и принятия ей 12 марта 1940 года мира на советских условиях. Теперь приходило на помощь было некому. Зимняя война закончилась. Она длилась 105 дней и повлекла, по различным подсчетам, безвозвратные потери РККА от 90 до 131,5 тысяч человек, а также ярко выявила военную слабость СССР, который после этого стали считать "колоссом на глиняных ногах". Существует обоснованное мнение о том, что лишь после анализа действий советских войск зимой 1939 – 1940 годов Гитлер принял окончательное решение о вторжении в СССР. Кроме того, финны, потерявшие значительную часть своей и без того небольшой территории, не смирились с условиями Московского мирного договора и вынашивали планы реванша. Именно это и послужило причиной присоединения Финляндии к нападению Германии на Советский Союз в июне 1941 года, до крайности осложнившего обстановку вокруг Ленинграда и в Заполярье. Однако в конечном итоге СССР

добился поставленных в 1939 году целей, как обычно, невзирая на средства. Правда, Сталин отказался от мысли о советизации Финляндии и просто “забыл” о признании правительства Куусинена, но принципиального значения на тот момент это не имело.

В период этой своего рода “войны в войне” в Финляндии находилась группа британских разведчиков, однако значимость их “станции” в планах СИС была крайне невысока. На севере Европы основной направленной против рейха резидентурой являлась стокгольмская, а точка в Хельсинки имела задание собирать информацию по Советскому Союзу. Наиболее важной из ее операций была проведенная в феврале 1940 года капитаном Тэмплиным и майором Гейтхаузом серия допросов советских военнопленных с целью изучения возможности их использования против СССР в совместных англо-финских действиях. Ее результат оказался удручающим. Тэмплин и Гейтхауз пришли к выводу, что долгие годы террора и пропаганды настолько изменили сознание советских людей, что расчеты на них как на контрреволюционную и антисоветскую силу лишены смысла. Единственное исключение они видели в украинцах, многие из которых были готовы начать борьбу за независимость Украины, однако в то время этот факт не был должным образом оценен. Доклад двух разведчиков оказался прочно забыт до самого конца 1940-х годов, когда СИС пришлось заново “открывать” украинских националистов в качестве антисоветской силы. Более того, этот документ, в копии направленный французам, бумерангом ударил по Лондону. После захвата Парижа немцы обнаружили его текст среди других материалов и 4 июля 1940 года опубликовали доклад в прессе. Резонанс со стороны Москвы был соответствующим. Существует также версия, согласно которой обнародование доклада Тэмплина и Гейтхауза имело иную предысторию. По мнению начальника Британской миссии по координации безопасности Уильяма Стивенсона, в действительности текст доклада попал в Берлин не из Парижа, а из Москвы. Утечка произошла через известного коммунистического деятеля и советского агента Дугласа Спрингхолла, передавшего его в советское посольство в Лондоне. Как бы то ни было, Великобритания предстала перед мировым сообществом в неприглядном свете не только как организатор подрывных операций, к чему все уже давно привыкли и не удивлялись, но и как государство с крайне недалекновидной внешней политикой. 1940 год являлся для Англии критическим, и в это же время она собиралась создать для себя еще одного противника с неограниченными ресурсами. Однако это было в самом деле так. Позднейшие публикации свидетельствуют, что последний план удара королевских ВВС по Баку датировался концом мая 1941 года, и что агрессивность Лондона сдерживалась только отказом Турции предоставить свое воздушное пространство для пролета британской авиации.

Результативность работы резидентуры МИ-6 в Хельсинки на протяжении всей войны оставалась достаточно низкой, поскольку руководители финской разведки полковники Свенсон и Меландер, а позднее и Паасонен, желали сотрудничать только со шведами и немцами. Учитывая это обстоятельство, адмирал Канарис в середине 1939 года направил в Хельсинки одного из своих опытейших офицеров капитана 2-го ранга Александра Целлариуса (“Корелл”). Он возглавил региональную резидентуру КО-Финляндия – Эстония, более известную под неофициальным названием “Бюро Целлариуса”. Основными направлениями работы этой точки являлось взаимодействие с разведывательными службами Прибалтийских государств, вскоре прекратившееся из-за их поглощения СССР, а также сбор информации о советском Балтийском флоте, войсках Ленинградского военного округа и военной промышленности Ленинграда и области. Он установил тесное сотрудничество с финскими коллегами, не распространявшееся, однако, на возглавляемое майором (позднее полковником) Рейно Халамаа радиоразведывательное и криптографическое подразделение Второго отдела Оборонительных сил. Это ведомство сотрудничало, хотя и недолго, с британскими радиоразведчиками. В декабре 1939 года два сотрудника ПШКШ почти официально были прикомандированы к посольству Великобритании в Хельсинки и приступили к перехватам советских радиogramм. В самом начале следующего года один из руководящих сотрудников Правительственной школы кодов и шифров Джон Тилтман провел переговоры с майором Халамаа, но он являлся не разведчиком, а специалистом по перехвату и криптоанализу, и желаемые цели взаимодействия не были достигнуты. Тем временем война закончилась, и британцы отозвали своих людей из посольства. Следующая попытка сотрудничества была предпринята осенью 1940 года, но на этот раз из Лондона прибыл представитель значительно более высокого уровня – начальник разведки Адмиралтейства адмирал Джон Годфри.

Ему оказалось намного легче наладить диалог, и финны выразили готовность представить возможным партнерам копии всех перехваченных советских радиোগрам при условии, что те поведут себя аналогично. Совместная деятельность продолжалась до тех пор, пока не стало ясно, что СССР вскоре подвергнется нападению Германии. 20 июня 1941 года англичане известили полковника Халамаа о прекращении сотрудничества в случае начала германо-советской войны. Другой пункт этой направленной через “станцию” СИС в Хельсинки телеграммы предлагал никогда не раскрывать факт имевшего место сотрудничества двух стран, вне зависимости от обстоятельств. Через два дня следующая телеграмма подтвердила вступление в силу условий предыдущей.

Разведывательная кооперация финнов с немцами, в особенности с абвером, была значительно более глубокой. Офицеры “Бюро Целлариуса” находились не только в Хельсинки, но и прикомандировывались к постам разведки в Рованиеми и некоторых других населенных пунктах. Резидент регулярно получал также информацию, собираемую вновь возвратившимся в Москву военным атташе Финляндии. После 1940 года резидентура изменила название и стала именоваться только КО-Финляндия.

Криптоаналитические службы Германии и Финляндии взаимодействовали между собой напрямую, без участия абвера в этом процессе. Стороны направили друг к другу офицеров связи, регулярно обменивались материалами через курьеров и периодически проводили двусторонние технические конференции. Начало этим отношениям было положено еще в середине 1920-х годов, когда Финляндия стала вторым после Венгрии партнером Германии в этой области. В 1927 году старший криптоаналитик Шифровального бюро Вильгельм Феннер прибыл в Хельсинки для оказания помощи в создании современной радиоразведывательной службы, главным образом направленной против СССР. К середине 1930-х годов финны уже обменивались с немцами информацией о советских дипломатических, военных и военно-морских криптосистемах, а в период Зимней войны такая кооперация стала особенно продуктивной. К этому времени Шифровальное бюро уже получало из Хельсинки информацию также по польским, шведским и американским кодам и шифрам. В отличие от ситуации с другими союзниками, роль Германии во взаимодействии с Финляндией в области радиоразведки в основном заключалась не в дешифровке, а в перехвате радиোগрам. Немцы высоко ценили профессионализм финских криптоаналитиков. Они действовали особенно успешно благодаря захвату зимой 1939 года советских шифровальных материалов, о чем в СССР стало известно значительно позднее.

Тем временем дипломатические отношения Советского Союза и Финляндии возобновились, и в 1940 году в Хельсинки возвратилась резидентура НКВД во главе с Синицыным, в течение некоторого времени исполнявшим также обязанности временного поверенного в делах СССР. Первым делом он занялся восстановлением связей с источниками. Вскоре в Хельсинки прибыл посланник Зотов, и “Елисеев” смог уделять оперативной работе больше внимания. Это оказалось весьма своевременным, поскольку личный состав резидентуры не блистал уровнем подготовки. Никто из сотрудников, за исключением одного, не имел опыта работы, лишь один офицер владел финским языком и еще один – английским. Невзирая на это, результаты работы точки по линии политической разведки (ПР) оказались достаточно высокими, хотя и непродолжительными. Вскоре оба государства вновь оказались в состоянии войны.

После 22 июня 1941 года Финляндия рассчитывала на помощь рейха в разгроме СССР и возврате утраченных ей территорий, однако для этого следовало не оставаться в стороне от событий, а принимать в них активное участие. Значительная трудность заключалась в том, как объяснить уставшему от войны и потерявшему 25 тысяч человек убитыми и 45 тысяч ранеными народу, что стране снова следует бросаться в войну с тем же самым противником. Даже понимавшие ситуацию немцы на секретном совещании в Зальцбурге в мае 1941 года просили финнов не воевать, а лишь объявить мобилизацию, чтобы приковать к границе возможно больше советских войск. Безусловно, они лукавили, поскольку прекрасно понимали, что мобилизация неизбежно повлечет за собой втягивание Финляндии в войну и явится лишь первым шагом на пути установления полномасштабного военного сотрудничества. Однако финское руководство не видело смысла в политическом и военном сотрудничестве с германским рейхом в любых вопросах, выходящих за пределы реванша за поражение в Зимней войне, и уж никак не желало входить в конфронтацию с Западом. Поэтому была

выработана и официально обнародована концепция, согласно которой страна становилась не союзником Германии, а “совоюющей” державой, которая ведет свою собственную войну, не зависящую от большой европейской войны. Ее определили как “войну-продолжение” и заранее оговорили отказ от участия во взятии Ленинграда и других операциях в глубине СССР. Но уже в первые же дни после нападения Германии на Советский Союз его руководство само облегчило задачу “партии войны”. 25 июня 1941 года 480 бомбардировщиков нанесли удар по Хельсинки и аэродромам на территории Финляндии, с которых взлетали атаковавшие СССР германские самолеты. Это позволило заявить в парламенте о нарушении Москвой условий мирного договора и начать задуманную “войну-продолжение”. Финны пытались не дать ей перерасти в нечто большее и обратились к Великобритании с просьбой не считать их врагами, но было уже поздно — Лондон объявил им войну.

Контакты разведывательных служб Финляндии и рейха в процессе совместной войны расширились и, кроме оперативных и криптоаналитических вопросов включили в себя также действия войск специального назначения. Весной 1942 года в германской армии “Лапландия” под командованием генерала-полковника Эдуарда Дитля появилось подразделение под условным наименованием “роты Троммсдорфа”, по имени ее командира. Оно относилось к полку “Бранденбург” и должно было считаться его 15-й ротой, однако из соображений секретности этот номер не присваивался. Численность роты колебалась от 80 до 90 человек, уроженцев Альп, все из которых были хорошими лыжниками, а один из бойцов — даже олимпийским чемпионом по лыжному спорту. Подразделение базировалось около Рованиеми и располагало нартами с собачьими упряжками, 75-миллиметровым безоткатным орудием и грузовиками. К нему были прикомандированы 30 финских инструкторов по выживанию в полярной местности. Вскоре отбывшего в рейх Троммсдорфа сменил обер-лейтенант Рольф Хеттингер, после чего соответственно изменилось и название роты. В августе 1942 года группа предприняла свой наиболее масштабный рейд на железную дорогу Мурманск — Кандалакша силами диверсантов, усиленных егерями из 136-го горнострелкового полка и финским отрядом. Результаты этого крайне трудного и изнурительного для участников набег-а оказались более чем скромными: был взорван лишь один 75-метровый мост, а остальные объекты охраны сумела защитить от нападения. Подразделение “Бранденбурга” пребывало в этом регионе до декабря 1942 года, после чего было отозвано в рейх.

Финны довольно активно вели и агентурную разведку против СССР. На Мурманском, Кандалакшском и Кестеньгском направлениях за нее отвечал разведпункт в Рованиеми во главе с капитаном Паатсало (“Кара”, “Райло”). При нем действовала разведшкола, вербовочный контингент для которой состоял исключительно из военнопленных, поскольку гражданское население в данном районе полностью отсутствовало. Была разработана довольно эффективная система отбора будущих кандидатов на вербовку, вступающая в действие с момента прибытия пленных в лагерь. Там их изучал офицер разведки, проводивший допрос и сортировавший прибывших на категории добровольно сдавшихся и насильно захваченных. В качестве потенциальных агентов рассматривались только первые, вторые же могли служить лишь возможным источником информации. Добровольно сдавшиеся считались пригодными для дальнейшей обработки исключительно при условии выдачи всех известных им военных тайн на первых же допросах и антисоветского поведения в лагере. После завершения цикла отбора и формальной вербовки агенты проходили обучение, включавшее лыжную, диверсионную и агентурную подготовку, а некоторая часть — и радиододело. После завершения курса для агента разрабатывалась легенда, причем зачастую она включала его саморазоблачение как агента финской разведки для последующей перевербовки и внедрения в советскую разведку. Переброска в советский тыл, как правило, осуществлялась в составе отряда лыжников-разведчиков. После 1941 года финны прекратили направлять через фронт кадровых офицеров разведки и полностью перешли на завербованную агентуру.

Финляндия не воевала с Соединенными Штатами Америки и являлась первой скандинавской страной, в которой появились представители американской разведки. В июле 1941 года миссия США, в составе которой имелась группа сотрудников КОИ, не эвакуировалась из Хельсинки вместе с британцами, а продолжала работу, хотя и без особого успеха. Американцы очень энергично стремились приобрести источников в политическом руководстве страны, но успеха не достигли. Тогда они установили агентурные отношения с дружившей с Маннергеймом красивой и энергичной американкой из Парижа Терезой Бонни, которая

лишь в июле 1942 года согласилась встретиться с маршалом и попытаться уговорить его взять курс на разрыв с Германией. Миссия Бонни, ранее во Франции уже арестовывавшейся гестапо и находившейся в списке подозрительных лиц, длилась весьма долго, в основном по причине отказа британцев предоставить ей место в самолете на Стокгольм. МИ-6 знала о ее сотрудничестве с американцами и всячески препятствовала поездке, так что Бонни попала в самолет лишь после протеста из Вашингтона. Вся эта сложная и длительная процедура не привела к позитивным результатам. Маннергейм охотно встретился с американкой, но отказался обсуждать с ней политические вопросы, так что в США она прибыла лишь с информацией общего характера, ради которой явно не стоило затевать всю операцию. Второй эмиссар ОСС, известный книготорговец Стентон Гриффс прибыл в финскую столицу в декабре 1942 года. Он получил задание создать там агентурную сеть и передавать добытую информацию в посольство США в Стокгольме, однако сведения о результатах его работы отсутствуют. Велась также и разведка с позиций военного атташе, получившая нежелательную огласку в 1942 году, когда местная контрразведка установила факт передачи начальником разведки 11-й дивизии Оборонительных сил Финляндии майором М. фон Хелленсом сведений о дислокации частей вермахта на Восточном фронте. Но даже после этого разоблачения деятельность военного атташе Соединенных Штатов подполковника Г. Хуттиейняра продолжалась и была прекращена лишь после требования американских властей 10 июля 1943 года закрыть бюро военного атташе Финляндии в Вашингтоне. В Хельсинки поступили аналогичным образом, отрезав американцев от хотя и незначительного, но все же существенного канала информации.

После этого военные атташе Финляндии оставались аккредитованными в Германии, Японии, Венгрии, Испании, Португалии, Румынии и Турции, Швеции и Швейцарии. Большинство из них действовали в области сбора информации без особенных положительных результатов и никогда не поднимались до уровня военного атташе в Вашингтоне, регулярно поставлявшего ценные сообщения о перспективах открытия Второго фронта, о передислокации войск и даже о “Манхэттенском проекте”. Второй (разведывательный) отдел штаба Оборонительных сил во главе с полковником Аладаром Паасоненом более полагался на действовавшие на советской территории агентурные сети и радиоразведку. Финны работали в тесном контакте с японцами, используя главным образом агентов-эстонцев, а после 1943 года еще более тесно сотрудничали с немцами. Функции офицера связи выполнял работник КО-Финляндия майор Венцлау, весьма опытный разведчик и бывший воздушный атташе в Лиссабоне.

С 1941 по 1944 годы советская разведка не располагала резидентурами в регионе и поэтому утратила связь со своими довольно ценными источниками. Операции против Финляндии осуществлялись из Стокгольма, где в “легальной” загранточке НКВД/НКГБ имелась группа оперативных работников, занимавшихся почти исключительно этой страной. Несмотря на это, агентурный аппарат в Хельсинки и по территории страны остался без руководства и не приносил никакой пользы. В 1942 году была сделана попытка восстановить связь с источниками с помощью направленного из Москвы курьера, проживавшей в СССР молодой финки, получившей оперативный псевдоним “Эльвина”. Ее нелегально забросили к известной своими просоветскими симпатиями писательнице Хелле Вуолийоки, которую предварительно не предупредили о прибытии связника и застали врасплох. Это явилось далеко не лучшим из возможных решений, поскольку политические взгляды Вуолийоки были широко известны, и поэтому она находилась под постоянным наблюдением местного отделения Центральной сыскной полиции. Сброшенная на парашюте “Эльвина” появилась у нее ночью и вначале не раскрыла цель своего визита, а заявила, что приехала с севера, ищет работу и просит оказать ей помощь. Писательница приютила ее, после чего наутро связная сообщила, что является агентом советской разведки, и что Ярцев и его жена просят поселить ее у нее в доме под видом родственницы. Под псевдонимами Ярцевых скрывались известные в дальнейшем сотрудники “легальной” резидентуры внешней разведки в Хельсинки и Стокгольме Б. Н. Рыбкин и его жена З. И. Рыбкина (Воскресенская). В предвоенный период они активно работали на финском направлении и были известны Вуолийоки.

“Эльвина” прожила у писательницы недолго и через две недели была арестована. Контрразведка не имела ни малейших сомнений относительно ее подлинной роли, однако прочная легенда не позволяла получить доказательства нелегальной деятельности разведчицы

в пользу СССР. Тогда лично допрашивавший ее начальник полиции Антони разыграл влюбленность в молодую женщину и постепенно сумел войти к ней в полное доверие. Связная раскрылась перед ним и дала следствию достаточные улики для передачи дела в суд. По законам военного времени “Эльвина” была приговорена к смертной казни и при оглашении приговора сошла с ума прямо в зале заседания. Вуолийоки также арестовали по обвинению в государственной измене и весной 1943 года приговорили к пожизненному заключению. После капитуляции Финляндии писательницу выпустили на свободу, а “Эльвину” в том же состоянии психики 19 июля 1944 года передали советским властям. Вскоре в припадке депрессии она покончила с собой. Вся операция оказалась плохо задумана и еще хуже исполнена, однако о других, более успешных акциях рассекреченных материалов не имеется. Вероятно, их просто не было.

Следует отметить еще один существенный аспект помощи Вуолийоки советской разведке, в данном случае в работе по тематике ядерного оружия. Она лично знала выдающегося датского физика Нильса Бора и совместно с известным писателем Мартином Андерсеном Нексе получила его согласие на встречу с советским физиком-ядерщиком Я. П. Терлецким. В ходе состоявшегося в начале ноября 1945 года контакта Бор крайне осторожно и сдержанно ответил на ряд уточняющих вопросов советской стороны, и проинформировал о беседе британскую разведку.

Несмотря на стремительно ухудшающееся положение на фронте и попытки достичь сепаратного мира, финская разведка даже летом 1944 года работала достаточно активно. По утверждению полковника Паасонена, его служба имела сеть нелегалов из числа граждан СССР в Москве и Ленинграде. Однако исход войны был уже вполне ясен. Страна призвала 33% мужского населения, то есть мобилизационное напряжение достигло 15% – 17% всего населения²³⁷, что является непосильным бременем для экономики любого государства. Финские политики зондировали почву для заключения мира, а немцы из всех сил пытались удержать их в войне. В попытке хоть как-то контролировать ситуацию 19 апреля 1944 года Гитлер наложил эмбарго на поставки в Финляндию вооружений и продовольствия, что поставило страну в критическое положение, но не достигло намеченной цели. 19 сентября 1944 года Финляндия подписала с СССР соглашение о перемирии и вышла из войны.

На следующий день после заключения соглашения о перемирии финские разведчики и генштабисты в количестве 750 человек перебрались в Стокгольм и перевезли туда наиболее ценные документы, в том числе все дешифровальные материалы, которыми впоследствии прибыльно торговали. В страну сразу же прибыли советские разведчики, первоначально работавшие под прикрытием возглавлявшейся А. А. Ждановым Советской контрольной комиссии (СКК). Резидентурой по-прежнему руководил Е. Т. Синецкин. Появились в Финляндии и представители СИС, всегда рассматривавшие ее в качестве удобного плацдарма для работы против СССР. Не стал исключением и период после перемирия. Источник “Граф” в 1945 году уведомил Синецкина о совместно проводимой резидентурой МИ-6 во главе с Рексом Босли и финскими специалистами операции по перехвату переговоров Жданова со Сталиным по высокочастотной телефонной линии (“ВЧ”). Предварительная информация гласила, что для этой цели используется специально доставленное в страну оборудование британского производства, и что пока вскрыть кодированные разговоры не удастся. Резидент срочно доложил об этом в Москву, где к этому вопросу привлекли 2-е (контрразведывательное) управление НКВД и службу “ВЧ”. Вскоре обнаружилось подключение к кабелю в районе Котки, после чего по требованию советской стороны финны начали расследование. Было установлено точное местонахождение поста перехвата и причастные к нему лица. Министр внутренних дел Финляндии распорядился о проведении полицейского следствия, закончившегося в течение двух недель. Виновные финны были приговорены к тюремному заключению, в отношении же британцев СССР ограничился неофициальным протестом.

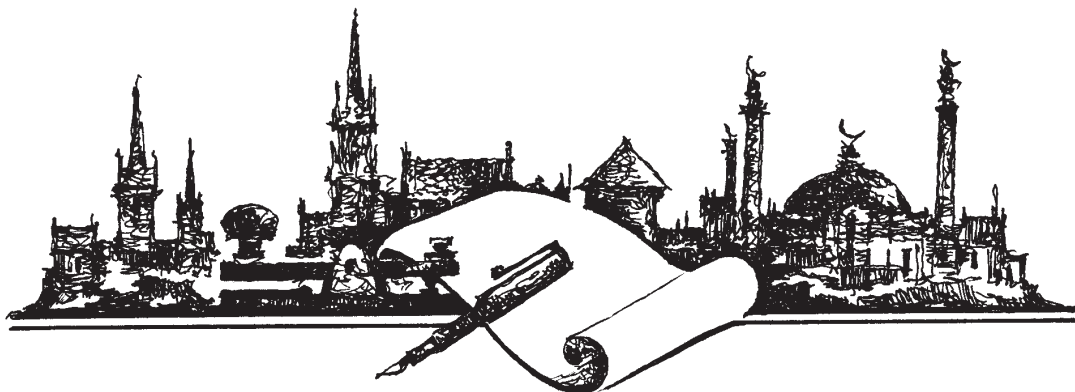
Долгая и полная драматизма история взаимоотношений Финляндии с СССР не прошла бесследно, и в дальнейшем отношения обоих государств являли собой образец взаимопонимания и обоюдной выгоды. Советский Союз сохранил за собой все приобретенные территории, но финны извлекли уроки из прошлого и никогда более не пытались вернуть их обратно.

ЧАСТЬ 4

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА

ШВЕЙЦАРСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

1. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЙ ОАЗИС

На протяжении всей Второй мировой войны Швейцария оставалась единственным в континентальной Европе свободным от нацистской оккупации государством. В войне разведывательных служб страна приобрела особое значение благодаря ее удобству для расположения резидентур и проведения встреч с агентурой и транзита нелегалов. Кроме того, Конфедерация являлась главным и почти единственным источником поступления в рейх твердой валюты. Страна сыграла также определенную роль в эвакуации бежавших военнопленных и сбитых летчиков союзных государств по каналам британской Службы спасения и побегов МИ-9. Они частично интернировались, а частично ускользали через франко-швейцарскую границу на Пиренейский полуостров, а затем в Великобританию, где в большинстве случаев вновь возвращались в состав своих вооруженных сил. Через Швейцарию из рейха успешно бежали 5143 военнослужащих²³⁸, то есть свыше полутора полков, что составило 18,5% побегов на Европейском театре военных действий. В этом качестве она уступала Швеции (29,79%) и остальной Западной Европе (24,49%), но превосходила СССР (14,29%) и Балканы (12,93%)²³⁹. Не все интернированные пробывали в лагерях страны до самого конца войны. Швейцарцам надоело нести расходы по их содержанию и разрешать организационные проблемы, поэтому в ноябре 1944 года правительство Конфедерации предложило Лондону освободить 90 интернированных британцев в обмен на возврат ими стольких же германских военнопленных. Вскоре подобное предложение поступило и к американцам, которых в стране находилось значительно больше — 1503 человека. Их предлагалось обменять на 1503 пленных немецких солдат, таможенников и пограничников с условием, что американские летчики, которых насчитывалось в лагерях 790 человек, не будут воевать на Европейском театре военных действий. Вначале союзники воспротивились этому плану, позволявшему немцам получить два свежих батальона, однако командование на Тихоокеанском ТВД остро нуждалось в пилотах, и сделка состоялась.

Все это происходило в конце войны, когда ее исход был уже вполне ясен, а положение Швейцарии не вызывало никаких опасений, начиналось же все далеко не столь безоблачно. Германия захватывала в Европе одну территорию за другой, и небольшая благополучная горная страна со слабой армией вполне могла подвергнуться аналогичной участи. Опыт 1940 года показал, сколь мало Гитлер считался с нейтральным статусом государств, намеченных им в качестве жертвы. Наличие в Конфедерации значительного немецкого населения также являлось весьма тревожащим фактором, поскольку для захвата Австрии и Чехословакии рейх использовал именно это обстоятельство. Фюрер заявлял об отсутствии у него территориальных претензий к Швейцарии, однако, как известно, подобные декларации не означали ровно ничего. Поэтому правительство в Берне в период войны заботилось главным образом о том, чтобы не дать повод придаться к нарушению страной нейтрального статуса и не

спровоцировать германскую агрессию. В связи с этим до 1942 — 1943 года нейтралитет Швейцарии был явно прогерманским, несмотря на демократические симпатии ее руководства. Тем не менее, и другие государства могли рассчитывать на терпимое отношение к своим резидентурам, развернутым на территории Конфедерации.

Таковыми прежде всего являлись англичане. Военную разведку Великобритании (ДМИ) представляли в Швейцарии полковник Генри Кэртрайт и его помощник Герберт М. Фрайер, военно-воздушную (АИ) — Фредди Уэст. Позднее к ним присоединился бежавший из германского офицерского лагеря военнопленных Кольдиц майор Пэт Рейд. СИС и ее параллельная сеть “Z” располагали в Швейцарии несколькими точками, общее руководство которыми традиционно осуществлял подполковник Клод Дэнси. В Конфедерации он чувствовал себя наиболее уверенно, обладал давними и прочными связями с местными бизнесменами и банкирами, а с 1937 года — и с руководителем ее военной разведки подполковником, затем бригадным полковником Роже Массоном. Даже сам замысел создания “Z” возник у него именно там. На посту помощника Синклера Дэнси руководил как “станциями” своей сети, так и традиционными резидентурами системы бюро паспортного контроля (ПКО). Как уже отмечалось, перед войной англичане приняли опрометчивое решение о совместной работе сетей ПКО и “Z” и этим свели на нет безопасность нелегальных сотрудников. В начале войны точку СИС в Берне возглавлял Эктон Барнелл, в декабре 1939 года передавший дела Р. Пирсону, бывшему работнику сети арестованного в Вене в 1938 году руководителя Континентальной секретной службы Томаса Кендрика. Резидентом СИС (ПКО) в Цюрихе являлся Эрик Грант Кэйбл, а в Женеве позднее появился Виктор Фаррелл. Швейцария стала главной базой “станций” сети “Z”, заменив в этом качестве Австрию и Данию. В Базеле точку “Z” возглавлял британский консул, будущий исполнительный директор СОВЕ Фрэнк Нельсон, но четверо основных агентов находились на связи лично у Дэнси. Ими были проживавший в Лозанне Хью Уиттелл и три журналиста: корреспондент “Дейли Экспресс” Джеффри Кокс, корреспондент “Таймс” Эрик Гейди и центрально-европейский корреспондент “Манчестер Гардиан” Фредерик Войт. Все резидентуры СИС в Швейцарии подчинялись главному резиденту Фредерику Ванден Хьювелу, давнему соратнику Дэнси по сети “Z”. Общая численность британской агентуры в стране достигала 120 человек, но, к сожалению, у обеих резидентур отсутствовали источники на территории Германии. В этих условиях весьма полезными для СИС оказались контакты Дэнси с Массоном, позволившие британцам получить доступ к некоторым результатам работы швейцарской разведки, в частности, информационной продукцией “Бюро Ха”.

В ноябре 1939 года умер руководитель МИ-6 Хью Синклер, и его помощник Дэнси немедленно уехал в Лондон. Подполковник заверил подчиненных, что возглавит разведку, и по этой причине передал все контакты со швейцарскими специальными службами Нельсону. Как известно, Дэнси так и остался в СИС на вторых ролях и постоянно конфликтовал со своим смертельным врагом — заместителем руководителя разведки Валентином Вивианом. В этих условиях ему уже было не до возвращения в Швейцарию. Нельсону оказалось нетрудно установить доверительные отношения с руководителем “Бюро Ха”, убежденным англофилом Гансом Хаузаманном. Постепенно резидент достиг настолько тесного контакта со швейцарцем, что тот начал показывать ему телетайпные ленты из верховного командования вермахта (ОКВ), уверяя, что это оригиналы. По словам Хаузаманна, “Бюро Ха” получало их через сеть курьеров-железнодорожников “Викинг” от группы офицеров управления связи ОКВ, тайных социал-демократов. Руководитель ряда добывающих подразделений швейцарской разведки капитан, впоследствии майор Макс Вайбель уверял, что источники информации абсолютно надежны, поскольку впервые контакт с ними установил именно он во время стажировки в академии германского генерального штаба в Берлине.

Преемнику Барнелла на посту резидента СИС Пирсону довелось вступить в непрямой контакт с адмиралом Канарисом. Как известно, начальник абвера помог покинуть Берлин жене арестованного военного атташе Польши Галине Шиманской и лично проследил за ее безопасным прибытием в швейцарскую столицу. В декабре 1939 года беженка с тремя дочерьми появилась в польской миссии и изложила историю своего бегства, а названная ей фамилия германского покровителя вызвала немалый переполох у осведомленных лиц. Военный атташе Польши в Берне Тадеуш Василевский свел ее с Пирсоном, доложившим об этом новому руководителю МИ-6 Мензису. Тот расценил ситуацию как крайне важную

и немедленно прикомандировал к ней Хьювела (“Z-1”), действовавшего под прикрытием пресс-атташе посольства Британии в Берне. Для обеспечения надежного функционирования возможного канала связи с Канарисом англичане выделили целую группу офицеров во главе с помощником резидента Эндрю Кингом (“Z-2”), сама же Шиманская стала “Z-5/1” и получила место машинистки в польской миссии для легализации ее дальнейшего пребывания на швейцарской территории.

Старания британцев не пропали даром, вскоре Канарис действительно продолжил развитие контакта через Шиманскую. По неофициальным каналам он договорился с Хьювелом о направлении в Швейцарию своего личного представителя Ганса Бернда Гизевийуса, с февраля 1940 года работавшего в Цюрихе под прикрытием должности вице-консула Германии. К этому времени из-за воздушной “битвы за Британию” руководство СИС несколько охладело к возможным перспективам общения с начальником абвера. В Лондоне опасались германского вторжения, и перипетии взаимоотношений оппозиционных офицеров с режимом Гитлера тогда казались никому не интересной мелочью. Тем не менее, для Шиманской все же изготовили французские документы на имя Мари Клена, позволявшие ей ездить на встречи с Канарисом в Париж, а в Италию для этой же цели она выезжала по польскому дипломатическому паспорту. Вся эта активность совершенно не имела отношения к Швейцарии, поэтому власти Конфедерации старались не замечать ее.

По-настоящему в Берне встревожились лишь летом 1940 года, когда в результате успешного германского блицкрига прижатые к границе французские и польские войска в поисках спасения стали массово переходить на территорию Конфедерации. Швейцарцы опасались, что опьяненный легкой победой Гитлер может использовать эту ситуацию в качестве предлога для вторжения и на плечах разбитых западных союзников введет в страну свои войска. Противопоставить им было практически нечего. Британцы также не исключали подобного развития событий и попытались хоть как-то обезопасить свои “станции” от внезапного захвата противником. С этой целью цюрихская резидентура вместе с официальными сотрудниками бюро паспортного контроля каждую ночь со всей документацией перебиралась в Берн, а работники базельской подрезидентуры ночевали в Солотурне. Планировалось вообще отозвать из Швейцарии всех сотрудников СИС, но старый солдат Дэнси воспротивился этому и оказался прав. Все же четверо технических работников эвакуировались из страны через Бордо. Их путь оказался долгим и сложным, в частности, расстояние от Виши до Бордо им пришлось преодолевать на велосипедах. Все женеvские сотрудники остались на своих местах, за исключением резидента Пирсона. Его сменил бывший руководитель “станции” в Будапеште Виктор Фаррелл, поддерживавший связь с известной советской разведчицей Рашель Дюбендорфер (“Сисси”) и не менее знаменитым Рудольфом Ресслером. К июлю угроза вторжения миновала, и резидентуры ПКО возвратились в прежние точки дислокации Базель, Берн и Цюрих.

Немцы работали в Швейцарии достаточно активно, но первоначально совершенно не интересовались обстановкой в самой стране. Конфедерация предоставляла ценную для абвера и СД-аусланд возможность померяться силами с разведывательными службами противников в непосредственном соприкосновении с ними. В VI управлении РСХА работой по Швейцарии и Лихтенштейну ведал реферат VIB3, руководство которым было поручено весьма молодому сотруднику Хайнцу Фельфе. Центральный аппарат реферата находился в Берлине и с помощью телетайпной линии и курьеров сообщался со своими архивами и картотекой, размещавшимися в Мариенбаде под руководством одного из заместителей начальника реферата. “Главным уполномоченным” (резидентом) СД в Швейцарии был штурмбанфюрер, с января 1944 года оберштурмбанфюрер СС Ганс Дауфельдт, занимавший по прикрытию должность вице-консула Германии в Лозанне. На связи у него имелось множество источников, дававших такое количество информации, что трое оперативных сотрудников резидентуры едва успевали ее обрабатывать. В конце войны Дауфельдт сменил новый “главный уполномоченный” Теодор Пэффген.

С территории рейха швейцарское направление в основном курировало АСТ-Висбаден, резидентом КО-Швейцария в Берне был генеральный консул Германии в Цюрихе капитан 1-го ранга Ганс Майснер. Абвер располагал также подрезидентурами в Берне и Женеве, работавшими соответственно под прикрытиями германской миссии и генерального консульства. Общая штатная численность всех точек военной разведки на территории Конфедерации

составляла лишь 18 человек, из которых в столь важном пункте, как Берн, находились всего 5 офицеров, 7 технических работников и 3 радиста. Трудно сказать, по каким соображениям абвер содержал в стране столь малочисленный аппарат. Предположения о том, что в дополнение к этим людям разведкой занимались также и офицеры из многочисленных закупочных и снабженческих учреждений вермахта в Швейцарии, не соответствуют действительности.

Помимо двух основных разведывательных служб рейха, Швейцарией занималась АО НСДАП, работавшая в контакте с АСТ-Штутгарт. Кроме того, значительный объем переписки между двумя странами и проходивших транзитом через Конфедерацию писем из “свободной зоны” Франции в Германию потребовал организации систематической почтовой цензуры. Этим занимался цензорский пункт во Франкфурте-на-Майне, в ноябре 1941 года насчитывавший в своем штате 97 офицеров, 120 гражданских чиновников и 2580 служащих. Столь значительная численность обуславливалась необходимостью просматривать ежедневно от 120 до 150 тысяч писем, но постепенно их количество уменьшалось и к сентябрю 1944 года составляло около 20 тысяч²⁴⁰. Соответственно были сокращены и штаты пункта.

Свободное пограничное сообщение между Конфедерацией и рейхом позволяло немцам свести к минимуму использование радиосвязи и не испытывать терпение местной радио-контрразведки. Через границу свободно курсировали курьеры, а сообщения в эфир уходили лишь в самых крайних случаях, благодаря чему абвер избежал расшифровки операций в Швейцарии по линии “Ультра”. Зато сами немцы достигли определенных успехов на этом направлении и с весны 1944 года читали все сообщения, которыми обменивались польская миссия в Берне со своим правительством в Лондоне. По свидетельству Фельфе, полученные в результате этой операции данные позволили СД отказаться от оперативной разработки поляков, а дополнительные подтверждения достоверности радиоперехватов поступали от агента VI управления, любовницы военного атташе Польши в столице Конфедерации. Эта швейцарка по происхождению долгое время жила в Варшаве, где и была завербована немцами. СД помогла ей открыть в бывшей польской столице экспортную фирму, под прикрытием которой женщина совершала поездки в рейх и обратно, не вызывая подозрений у любовника.

Гитлер категорически запрещал всем своим разведывательным службам вести разведку против Конфедерации с ее территории, их основными задачами являлась разработка контактов по линии наступательной контрразведки и внедрение в иностранные миссии и посольства, за исключением Виши. Этой участи избежал также и Советский Союз, не имевший дипломатических отношений со Швейцарией и соответственно не располагавший представительством ни в Берне, ни в Лиге Наций, из которой его исключили за агрессию против Финляндии. Зафиксирована единственная диверсионная операция, проведенная для нарушения контактов Швейцарии с Великобританией. Конфедерация снабжала британскую промышленность агатом, использовавшимся в производстве взрывателей для снарядов зенитной артиллерии, а также готовыми взрывателями производства известной оружейной фирмы “Эрликон”. Эти товары поставлялись по железной дороге через территорию “свободной зоны” в Испанию и далее на Британские острова. Ввиду запрета Гитлера на проведения любых операций против Швейцарии, в качестве объекта диверсии был выбран железнодорожный виадук около Аннемас, вблизи испанской границы. Агенты диверсионного отдела абвера в 1940 году взорвали его и на довольно долгий срок вывели из строя железнодорожное сообщение, сорвав график поставок англичанам агата и взрывателей.

Швейцария стала местом пребывания одной из наиболее результативных и известных впоследствии резидентур Бюро стратегических служб (ОСС) Соединенных Штатов Америки. Как указывалось ранее, американская разведка встречала немалое противодействие со стороны британцев в развертывании операций на территории Европы, из-за чего достаточно поздно вошла в число противоборствовавших на континенте спецслужб. Точки ОСС в Швейцарии не существовало до ноября 1942 года²⁴¹, когда для ее организации прибыл, пожалуй, самый разрекламированный американский разведчик периода Второй мировой войны, будущий директор ЦРУ Аллен Даллес. Любопытно, что первоначально немцы спутали его с братом, Джоном Фостером Даллесом, поэтому даже после выявления этой ошибки все собранные о нем и его деятельности сведения проходили в СД под кодовым обозначением “сообщения Фостера”.

Аллен Уэлш Даллес родился в 1893 году и некоторое время находился на дипломатической службе, а в период Первой мировой войны работал в Берне и позднее вспоминал: «Именно там я понял, насколько ценным местом для получения информации была Швейцария, и именно тогда я стал интересоваться разведывательной работой»²⁴². Любопытно, что однажды к нему на аудиенцию попросился некий российский эмигрант по имени Николай Ленин, но встрече с неизвестным и неинтересным социал-демократом Даллес предпочел партию в теннис с молодой американкой. Впоследствии он всю жизнь сожалел об этой утраченной возможности и никогда более не отказывался ни от одного контакта. Как известно, в период Второй мировой войны этот принцип сослужил ему прекрасную службу и позволил привлечь к сотрудничеству отвергнутого британцами Кольбе. Даллес входил в состав делегации США на Версальской мирной конференции, а позднее работал в Бюро американского комиссара в Берлине, после чего возглавил ближневосточный отдел госдепартамента США. В 1927 году по финансовым соображениям он оставил государственную службу и перешел в нью-йоркскую юридическую фирму своего брата «Салливан и Кромвель». Адвокат Аллен Даллес обзавелся там обширной немецкой клиентурой и продолжил берлинские знакомства с озабоченными левой угрозой генералами и промышленниками. В дальнейшем это весьма облегчило ему установление контактов с влиятельными фигурами в Германии. Даллес никогда полностью не порывал связей с правительством и в том же 1927 году в качестве юридического советника делегации США участвовал в Женевской конференции по разоружению, а в дальнейшем и в других аналогичных мероприятиях.

В январе 1942 года Даллес возглавил нью-йоркское отделение Бюро стратегических служб США. На этом посту он с самого начала проявил живейший интерес к политическим и дипломатическим аспектам своего нового поприща и предложил создать из германских эмигрантов антигитлеровский комитет, получивший неофициальное название «Комитета Брюнинга». Даллес поддерживал обширные контакты с бежавшими от нацистского режима немцами и в результате уверился, что большинство их соотечественников в рейхе разделяют демократические взгляды. Это явилось одной из основных причин, по которым контакты с оппозицией в дальнейшем стали едва ли не основным направлением его работы в Европе. Следует отметить, что в среде эмигрантов из Третьего рейха антикоммунистические настроения были весьма широко распространены, и достаточно известные аналогичные взгляды Даллеса встретили у них полное понимание. Однако в Соединенных Штатах в 1942 году подобные убеждения отнюдь не приветствовались, поэтому начальник нью-йоркского отделения ОСС вскоре подвергся резкой критике за свою опору на «безнадежно реакционных генералов и юнкеров»²⁴³. По прямому указанию Рузвельта осенью «Комитет Брюнинга» распустили, и Донован намеревался отправить Даллеса подальше от столицы, в Лондон. Однако тот полагал, что будет значительно более полезен в стране, которую прекрасно знал — в Швейцарии, и убедил генерала послать его туда под прикрытием должности специального помощника посла. Строго говоря, резидент не являлся разведчиком в полном смысле этого слова и всегда оставался скорее политиком и дипломатом, что постоянно сказывалось на уровне подготовки его операций. Это неоднократно отмечали и беспристрастные исследователи: «Даллес был скорее одаренным разведчиком-любителем, самоучкой в шпионаже, чем опытным специалистом, мастером шпионских дел»²⁴⁴.

2 ноября 1942 года на летающей лодке «Каталина» резидент («агент 110», по системе кодовых обозначений ОСС) вылетел из Нью-Йорка в Лиссабон, имея при себе кодовую книгу и аккредитив на один миллион долларов. Его дальнейший путь пролегал через Барселону в Лион а оттуда поездом в Женеву. На границе «свободной зоны» Франции и Швейцарии он едва не был задержан и сумел проскользнуть через нее лишь благодаря счастливой случайности. Сам он впоследствии описывал этот эпизод так: «Гестаповец тщательно занес в блокнот данные моего паспорта, и через несколько минут французский жандарм объяснил мне, что только что получен приказ о задержании всех появляющихся на границе американцев и англичан»²⁴⁵. Однако Даллеса он все же пропустил, объяснив, что французы сотрудничают с нацистами лишь символически.

В Берне резидента встретил абсолютно нетронутый участок работы и весьма сдержанное отношение союзных британских разведчиков, не воспринимавших ни его методы работы, ни сам факт появления на своем поле конкурента. Руководитель точки военно-воздушной разведки АИ в Берне Уэст впоследствии вспоминал свое впечатление от Даллеса: «Он был похож на человека с большим колоколом, звонившим в него для привлечения внимания

и объявлявшим: “У меня полно денег, и я хочу купить информацию”²⁴⁶. Первоначально резидент планировал проводить операции против Германии совместно с СИС, но вскоре убедился в полной иллюзорности своих надежд. Похищение в Венло было еще слишком свежо в памяти британцев, которые теперь вообще не верили в возможность существования какого-либо подполья внутри Третьего рейха. Следует отметить, что такое неверие являлось и отдаленным последствием прискорбных уроков легендарных антисоветских организаций, руководители МИ-6 вовсе не желали в третий раз наступать на те же грабли. Контакты с Канарисом также осуществлялись весьма неохотно, поскольку в британской разведке одни совершенно не верили в его искренность, а другие просто не усматривали никакой пользы в политических зондажных операциях. Лондон категорически приказал всем своим “станциям” отвергать все поступающие из рейха мирные предложения, от кого бы они ни исходили. В этих условиях Даллесу, отвечавшему за операции ОСС от Алжира до Чехии, приходилось рассчитывать исключительно на собственные весьма скромные силы. Он не имел штата оперативных работников и располагал лишь одним секретарем, поэтому вынужден был подбирать сотрудников и агентуру прямо на месте. В первую очередь внимание резидента было обращено на персонал местных отделений Бюро военной информации и Совета по экономической войне, а позднее он пытался привлечь к работе буквально каждого американца, в особенности бизнесменов, застрявших в Швейцарии после закрытия границы “свободной зоны”. Однако никто из них не располагал агентурными возможностями в рейхе, и Даллес из своей резиденции на Херренгассе, 23 начал сам завязывать контакты с немцами.

Первым его шагом было установление доверительных отношений с Гизевиусом, которого американцу отрекомендовали англичане. Этот личный представитель Канариса нашел в его лице своего единомышленника и неоднократно жаловался на узость кругозора британцев, видящих в противнике лишь объект для шпионажа или диверсий. По словам Гизевиуса, Даллес был первым разведчиком союзников, усмотревшим в германском направлении политический аспект. Левое крыло немецкой оппозиции представлял бывший советник германской миссии в Швейцарии Адам фон Тротт цу Зольц, установивший контакт с американцами

Слева направо:
Геро фон Шульце-Гевернитц и Аллен Даллес

в Вашингтоне еще летом 1939 года. Позднее он был арестован, осужден и казнен 15 августа 1944 года. Следует отметить, что Даллес не пренебрегал и отношениями с социалистами, хотя и не видел в них особой пользы. Ранее описывался его неудачный опыт контакта с коммунистами, который он более никогда не повторял и отныне видел в них лишь соперников, а затем и врагов. Имеются сведения о том, что на связи у резидента ОСС в Берне находился бывший генеральный консул Германии в Нью-Йорке с 1930 по 1933 годы Отто Кипп, в годы войны работавший представителем МИД в абвере. Он возглавлял группу оппозиционеров под кодовым обозначением “Солф”, разгромленную гестапо после внедрения в нее агента, и казнен 26 августа 1944 года.

На германском направлении всю практическую часть работы по осуществлению контактов с подпольем выполнял главный помощник резидента, натурализованный немец Геро фон Шульце-Гевернитц, в подчинении у которого находилась группа эмигрантов из рейха. Дабы избежать ограничения их передвижений со стороны местной полиции и иммиграционных властей, Даллес поместил людей в приют для психически неполноценных, но социально не опасных пациентов, после чего те могли спокойно передвигаться по территории Конфедерации с соответствующими справками на руках. Именно Шульце-Гевернитц являлся подлинным организатором ряда успешных акций резидентуры, и хотя нельзя сказать, что его роль замалчивается историками, однако в американской литературе прочно укоренилась традиция прославления именно Даллеса. Это стало своего рода хорошим тоном в американских источниках, и зачастую исследователи пытаются выдать за достижения даже явные промахи резидента. К явлениям этого порядка относится, например, трактовка провала в обеспечении безопасности телеграфной переписки точки ОСС с Вашингтоном, когда немцы

достаточно легко вскрыли несовершенный код и получили доступ к исходным текстам сообщений. Однако впоследствии это объяснили стратегическим замыслом Даллеса, якобы намеренно использовавшего нестойкую криптографическую систему, чтобы своими взвешенными и объективными суждениями привлечь к себе внимание германской оппозиции и вызвать ее на контакт. При этом совершенно не объясняется, откуда он черпал уверенность в том, что немцы обязательно прочтут его телеграммы, а их расшифрованные тексты попадут именно к оппозиционерам, причем способным в военное время добраться до дипломата противника в нейтральной стране. В действительности дела обстояли отнюдь не столь изоциренно, и криптографические промахи резидента можно объяснить лишь совершенно неудовлетворительной работой специалистов, отвечавших за защиту его переписки, и собственной оперативной неграмотностью Даллеса. Американские историки также весьма высоко оценивают разработанную в бернской точке после освобождения Корсики схему передачи донесений в Вашингтон. Вся добытая в Швейцарии информация микрофильмировалась в миссии США и затем перевозилась в Женеву, где вручалась машинисту поезда, направлявшегося в Лион. Он прятал материалы в тайнике над топкой, чтобы мгновенно сжечь их в случае опасности, а затем передавал курьеру, на велосипеде доставлявшему пленки в Марсель. Там их принимал капитан рыболовного судна и отвозил на Корсику, оттуда на самолете пленки доставлялись в Алжир и потом уходили в ОСС по магистральным каналам связи. Эта изоциренная схема страдала одним, зато весьма существенным недостатком: весь путь занимал не менее 10 — 12 дней, что зачастую значительно обесценивало добытые материалы, в особенности полученные от Кольбе важные сведения. Ничего лучшего Даллес разработать не смог.

Донован прекрасно знал истинную степень профессионализма своего резидента в Берне. Генерал всегда высоко ценил дилетантов, однако в серьезных случаях изменял своим пристрастиям и руководствовался интересами дела. Именно поэтому руководство всеми операциями ОСС на Европейском театре военных действий (ОСС ЕТО) он поручил не Даллесу, как ошибочно утверждают многие источники, а находившемуся в Лондоне и позднее в освобожденном Париже Расселу Форгану. Действительно сильной стороной бернского резидента являлось его верно подмеченное Гизевиусом умение оценить политический аспект проблемы, недаром наиболее результативной акцией подчиненной ему структуры, судя по всему, стало установление контакта с генерал-лейтенантом Райнхардом Геленом для послевоенного взаимодействия. Донован считал резидента в Берне плохим администратором и после победы категорически отказался назначить его на должность ОСС ЕТО на смену уходившему в отставку Форгану, кстати, рекомендовавшему Даллеса в качестве своего преемника. Однако директор ОСС остановил свой выбор на бывшем резиденте в Италии полковнике Эдуарде Глазвине. Собственно, это решение также являлось вынужденным, поскольку вначале Донован собирался вообще упразднить пост главы ОСС на Европейском ТВД и перевести все резидентуры на вертикальную связь с Вашингтоном. Позднее он отказался от такой идеи, возможно, из-за нежелания менять структуру Бюро перед самым его расформированием.

Возвращаясь к теме привлечения внимания немцев, следует отметить, что Даллесу это, безусловно, удалось. Судя по всему, причиной этого стали не столько его активные действия, сколько давние контакты с видными в Германии фигурами, широко известные антикоммунистические взгляды и сам статус резидента разведывательной службы Соединенных Штатов Америки, к которым немцы испытывали совершенно иные чувства, чем к Великобритании. Под видом оппозиционера СД сумела подвести к резиденту своего агента “Габриэля”, позднее доложившего о высказанной Даллесом в беседе с ним мысли: “Следующая мировая война произойдет, конечно, в результате столкновения между двумя самыми могущественными государствами — США и Советским Союзом. Поэтому его особенно интересовало, насколько крах Германии способен привести к возникновению немецкого государства Советов”²⁴⁷.

Антигосударственные заговоры германской оппозиции и контакты Даллеса с ее представителями относятся к тематике данной книги лишь косвенно и поэтому подробно не рассматриваются. Это же можно сказать и об участии резидента в подготовке сепаратных мирных переговоров, являющимся элементом секретной дипломатии. Однако поскольку они проходили по каналам разведки, о них нельзя не упомянуть хотя бы вкратце.

Судя по всему, первый подход к Даллесу в Берне был сделан с санкции Гимmlера и Шелленберга еще в феврале 1943 года. Рейхсфюрер СС первоначально вышел на стокгольмскую точку американской разведки, а затем направил к нему весьма известного в Европе

немца, подданного Лихтенштейна князя Макса Эгона фон Гогенлоэ-Лангенбург-Ротенхауза. Он проживал в Испании, где женился на маркизе и был хорошо принят в аристократических семействах всего континента. К этому времени князь уже имел неудачный опыт зондажа британской позиции в Мадриде и Берне, а теперь обратился к Даллесу, с которым был знаком еще со времени своего пребывания в Нью-Йорке в 1920-х годах. В отчете о встрече, подготовленном фон Гогенлоэ для Гиммлера, указывались явно приукрашенные факты. Эмиссар рейхсфюрера СС утверждал, что резидент якобы не отмечает полностью идеи и дела национал-социализма и видит в будущей Германии “санитарный кордон” против СССР, но указывает, что американский народ никогда и ни при каких условиях не согласится принять Гитлера в качестве руководителя рейха. Далее князь привел множество антибританских и антисемитских высказываний своего собеседника, что, судя по всему, являлось большим преувеличением. В этот период германский зондаж позиции Соединенных Штатов по линии разведки не сопровождался встречным движением.

Расстановка сил оппозиции несколько изменилась после создания в Советском Союзе в июле 1943 года комитета “Свободная Германия”. В результате этого часть антинацистски настроенных немцев с левыми убеждениями стала ориентироваться на помощь со стороны СССР и коммунистической партии, зато другая часть активизировала контакты с американцами. Это весьма встревожило Даллеса, несколько наивно рассчитывавшего на массовый подъем Сопротивления в Третьем рейхе и свержение господствовавшего там режима. По его мнению, таким образом было возможно закончить войну до взятия Берлина Красной Армией и избежать вовлечения Германии в послевоенную сферу влияния Москвы. Однако эта заманчивая для США перспектива потерпела крах после провала начатой 20 июля 1944 года операции “Валькирия” и уничтожения почти всех ее участников. Длительное время налаживавшиеся контакты Даллеса в одночасье оказались оборванными, случайно уцелел лишь Гизевиус. В свете этого стратегию бернской резидентуры ОСС требовалось пересмотреть с учетом новой оперативной обстановки на германском направлении. Для координации своей деятельности с политикой центра Даллес вылетел в Лондон на встречу с прибывшим туда Донованом и пробыл в британской столице с сентября по октябрь 1944 года. В это же время штат резидентуры был существенно обновлен и укомплектован опытными сотрудниками. Бывший руководитель секции специальной разведки (СИ) переведенной из Лондона в Париж точки ОСС Рассел д’Оэнч возглавил подрезидентуру в Цюрихе, его коллега из Мадрида Лаример Меллон прибыл для руководства точкой в Женеве, операциями из Базеля руководил теперь Роберт Шеа. Следует отметить, что преемником д’Оэнча в Париже стал лейтенант ВМС США Уильям Кейси, будущий директор ЦРУ. Новые сотрудники появились и в бернском аппарате. Утрата позиций на германском направлении заставила американцев более внимательно присмотреться к Италии и сконцентрировать на ней значительную часть своих усилий. Тем временем с Запада по направлению к границам рейха наступали союзные войска, и объем работы у Даллеса неуклонно сокращался. В связи с этим он предложил Доновану открыть резидентуру в Париже и возложить на нее ведение оперативной работы на освобожденных территориях в интересах послевоенной политики Соединенных Штатов.

Быстрое продвижение Красной Армии по Европе нервировало Даллеса, и немцы знали об этом. С учетом его убеждений в конце 1944 года они довели до него предложение объединить усилия США, Великобритании и Германии и нанести совместный удар по СССР. Увы, свойственная проигрывающей стороне слепота не позволяла представителям рейха понять, что любое западное правительство, вознамерившееся в 1944 и тем более в 1945 году заключить военный союз с противником против своего союзника, в течение часа пало бы под натиском всеобщего возмущения. Немцы постоянно бомбардировали Даллеса подобными проектами, различавшимися между собой лишь деталями условий и стоявшими за спиной эмиссаров фигурами из руководства рейха. Американцы решили сконцентрировать усилия в области тайной дипломатии на менее одиозных личностях, и весной 1944 года Даллес активно вел переговоры с представителем Гиммлера, высшим руководителем СС и СД в Северной Италии обергруппенфюрером СС Карлом Вольфом о капитуляции группировки германских войск. Эта операция (“Санрайз” в ОСС и “Кроссворд”, как ее назвал Черчилль) получила достаточно широкую известность из-за ее расшифровки советскими разведчиками и стала причиной весьма раздраженных посланий Сталина Рузвельту. Дело в том, что принятое на Московской конференции министров иностранных дел 19 — 30 октября 1943 года секретное соглашение “О линии поведения в случае получения пробных предложений мира

от враждебных стран” обязывало союзников информировать друг друга о подобных случаях и консультироваться, исходя из общих интересов. Бернские переговоры Даллеса с Вольфом проходили в обстановке глубокой секретности, а относительно их подлинного содержания нет окончательной ясности вплоть до настоящего момента. Советская сторона настаивала на том, что союзники вели себя в этом вопросе не просто некорректно, а прямо-таки вероломно. 22 марта 1945 года нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов направил послу США в Москве письмо, в котором указывал: “В Берне в течение двух недель за спиной Советского Союза, несущего на себе основную тяжесть войны против Германии, ведутся переговоры между представителями германского военного командования, с одной стороны, и представителями английского и американского командования — с другой”²⁴⁸. Не связанные дипломатическим протоколом, но полностью зависимые от властей историки и журналисты позднее не были столь деликатны и обнародовали полуофициальную версию о намерении американцев беспрепятственно пропустить в рейх двадцать находившихся в Северной Италии германских дивизий группы армий “Ц”, без сопротивления занять этот регион и таким образом ликвидировать южный европейский театр военных действий. Последующие годы холодной войны и идеологического противостояния лишь укрепили такую точку зрения, не подтвержденную, однако, ни одним опубликованным документом. Любопытно, что советское руководство никогда не озвучивало ее именно в этом виде, а лишь обвиняло США в некоем сговоре с немцами, позволяющим им практически беспрепятственно продвигаться по территории Германии.

На этом следует остановиться отдельно. Если принять на веру бездоказательную версию советской пропаганды, то действия Соединенных Штатов Америки никак нельзя признать лояльными по отношению к союзнику по коалиции. Совершенно очевидно, что внезапное появление на фронте мощной группировки из 20 дивизий существенно затруднило бы наступление Красной Армии, а это как нельзя лучше отвечало планам самого Даллеса и многих в Вашингтоне и Лондоне. Однако так ли это было на самом деле? Судя по всему, нет. Беспристрастный анализ в первую очередь заставляет обратить внимание на отсутствие введенных в оборот любых архивных документов, хотя бы косвенно подтверждающих планы переброски войск. Иными словами, приверженцы этой версии оперируют утверждениями, а не доказательствами. За все послевоенные десятилетия, даже после существенного поворота страны к открытости и рассекречиванию архивов, не был обнародован ни один подтверждающий эту версию документ, и это обстоятельство позволяет считать, что таковых просто не имеется. Вероятно, именно отсутствие доказательств подобного рода и заставило советское правительство быть сдержанным в высказываниях, поскольку на возможный запрос американской стороны ему было бы нечего предъявить. Кроме того, сами советские историки, заявляя о стремлении Даллеса сохранить всю операцию в тайне от СССР, косвенно опровергают сами себя. В гипотетическом случае достижения успеха в эвакуации вермахта из Северной Италии и переброске группы армий “Ц” на Восток утаить это было бы совершенно невозможно. Весной 1945 года у немцев отсутствовала возможность скрыто передислоцировать даже одну дивизию, а вероятность утаить факт перевозки двадцати соединений равнялась нулю. Но даже если бы это осталось незамеченным, то появление перед фронтом советских войск внезапно отыскавшихся резервов было бы вскрыто еще быстрее. Первый же взятый войсковой разведкой пленный показал бы, что его часть перебросена из Италии, и это привело бы к мгновенной расшифровке результатов операции “Санрайз”. Да и само загадочное одновременное исчезновение всей итальянской группировки вермахта при отсутствии взятия нескольких десятков тысяч пленных сразу же рассекретило бы действия союзника. Следовательно, ни один, даже самый недалновидный политик или военный, не мог надеяться на наивность Москвы в таком вопросе. А последствия неизбежно оказались бы весьма тяжелыми. К этому времени СССР уже фактически не нуждался в англо-американцах для успешного наступления, и Сталин вполне мог воспользоваться таким прекрасным предложением для одностороннего переноса демаркационной линии далеко на запад, что, в конечном счете, весьма болезненно отразилось бы на послевоенном устройстве Европы.

Безусловно, нельзя отрицать, что Даллес зашел в переговорах с немцами весьма далеко. Он даже официально переправил в Италию своего радиста Вацлава Градецкого (“Уолли”) для обеспечения постоянной радиосвязи с Вольфом (“Критик” в оперативной переписке ОСС). В мемуарах бывший резидент ОСС в Берне отрицает голословные обвинения советской стороны, однако указывает на их возможную отдаленную причину: “В собственных

формулировках Витингофа²⁴⁹ некоторые моменты почетной сдачи звучали более настойчиво... Там требовалось “образовать незначительный контингент из армий группы “С” [подчиненной Витингофу] в качестве будущего инструмента поддержания порядка в Германии”... Было похоже, что реально Витингоф добивался того, чтобы сохранить своим войскам возвращение в Германию более-менее нетронутыми после того, как они пройдут формальности сложения оружия”²⁵⁰.

При этом советские протесты были абсолютно обоснованными. Как уже указывалось, сам факт сокрытия от Москвы переговоров с противником являлся грубейшим нарушением не только союзнической этики, но и совместно принятых документов. Американцам не повезло, они не смогли сохранить операцию в секрете. В переписке с Рузвельтом Сталин несколько раз высказал свою точку зрения на эту ситуацию, на что тот, в частности, отвечал: “Откровенно говоря, я не могу не чувствовать крайнего негодования в отношении Ваших информаторов, кто бы они ни были, в связи с таким гнусным, неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных”²⁵¹. Однако советский руководитель оценил работу своей разведки совершенно иначе: “Что касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо. Эти люди многократно проверены нами на деле”²⁵².

Безусловно, во всей этой истории Кремль и Белый дом преследовали строго противоположные геостратегические цели. Американцы экономили силы, без боя захватывали север Италии и сдерживали излишне, с их точки зрения, стремительное продвижение на Запад своего вынужденного союзника. В Москве же о потерях США не тревожились в принципе, зато прекрасно просчитывали негативные для Советского Союза последствия таких переговоров в случае их успеха. “Бернский инцидент”, как назвал операцию “Санрайз” Рузвельт в своем последнем послании Сталину, слишком явно демонстрировал игнорирование американцами интересов СССР, поэтому Донован получил строжайший приказ прекратить переговоры с немцами. На следующий же день после его отдачи президент Соединенных Штатов скончался, и хотя его преемник Гарри Трумэн имел совершенно иной взгляд на подобные вещи, реальность не позволяла ему вступать в конфронтацию с Москвой. Но когда 22 апреля 1945 года в продолжение прерванных контактов Вольф внезапно прислал Даллесу телеграмму с предложением безоговорочной капитуляции германских войск в Северной Италии, госдепартамент все же разрешил продолжать отмененный было “Санрайз”. В этой обстановке американцы действовали совместно с британцами, однако в этот раз Советский Союз уже был поставлен в известность о происходящем. На то имелись две причины: во-первых, в новом варианте развития событий немецкая группировка просто капитулировала, а во-вторых, союзники не могли не понимать, что оперативные позиции советских источников неизбежно позволят им узнать о возобновленных переговорах, и тогда реакция Сталина может быть просто непредсказуемой. Поэтому от СССР не скрывалось ничего, советские представители получили возможность непосредственно участвовать в переговорах и наблюдать за их ходом. 29 апреля почти миллионная группировка вермахта и ваффен-СС в Северной Италии и Южной Австрии капитулировала, хотя, судя по всему, это ни в коей мере не являлось следствием проведенной ОСС операции “Санрайз”.

Представляет интерес и деятельность Даллеса в отношении различных группировок французского Сопротивления. Генеральная линия ОСС на поддержку генерала Жиро в ущерб де Голлю прекрасно соответствовала личным пристрастиям резидента, однако из политических соображений ему все же приходилось сотрудничать и с представителями “Сражающейся Франции”. Это привело к установлению в начале 1943 года контакта с французским журналистом Жюльеном де Бенувиллем, который выдавал себя за голлиста, фактически же являлся католическим консерватором. Он лишь использовал имя де Голля, а в действительности с 1941 года участвовал в деятельности аполитичной группы Сопротивления “Карт”, ориентировавшейся на контакты с секцией “F” СОЕ и офицером ОСС в посольстве США в Виши. Де Бенувиль выполнял функции курьера для связи с британцами в Швейцарии, а после оккупации вермахтом “свободной зоны” Франции начал обслуживать и голлистскую группу “Комбат”. В Швейцарии француз решил провести самостоятельные переговоры с Даллесом и предложил ему поставлять информацию в обмен на финансирование “Комбата”, однако все же оговорил, что его инициатива нуждается в одобрении БСРА. Даллес заинтересовался предложением, но дальнейшего развития оно не получило. В этот

период конфронтация между американцами и де Голлем достигла высшего накала, поэтому Пасси не согласился с подобной идеей, а Мулен заявил, что движение Сопротивления ни под каким видом не может принимать деньги от американцев. Де Бенувиль все же попытался отстоять свою идею и убедить Мулена в том, что маки могут получить необходимые средства для существования только от ОСС, и что следует попытаться использовать любые, в том числе и политически не вполне приемлемые источники. Конец дискуссии положил сам де Голль, категорически запретивший ведение дальнейших переговоров с Даллесом. Резидент ОСС в Берне окончательно убедился в том, что с приверженцами де Голля ему договориться не удастся, и переключился на Жиро, а именно на его сторонников в Дирекции службы разведки и военной безопасности (ДСР/СМ).

Швейцария не оставалась в стороне от захлестнувшего Европу разведывательного бума, а, напротив, активно принялась участвовать в нем. Система военной разведки Конфедерации была существенно усилена после мобилизации ее армии 1 сентября 1939 года. Все началось с увеличения бюджета и серьезных структурных изменений. Министр обороны Рудольф Мингер потребовал увеличить финансирование разведки до 250 тысяч франков в год для содержания центрального аппарата и групп из трех разведчиков на каждом из образованных фронтов: Северном, Южном и Западном. Изменилась и структура спецслужбы. Для начала оперативную и разведывательную секции штаба армии объединили в единую секцию фронтовой подгруппы (Ia). После получения известия о заключении пакта между Германией и СССР опасность вторжения в Конфедерацию сочли в Берне существенно возросшей, и с конца августа 1939 года разведка перешла на круглосуточный режим работы. Основой добывания разведывательной информации стала система Особых бюро, процесс образования которой начался с создания в 1939 году трех таких подразделений. На первом этапе они подчинялись соответствующим координаторам, но после того, как осенью 1940 года опыт работы показал почти полное отсутствие перекрытия сфер их деятельности, выяснилось, что координировать было практически нечего. Особые бюро замкнул на себя лично Масон. Позднее, в августе 1942 года он объяснял это свое решение необходимостью комплексного подхода к обработке информации следующим образом: «Театры военных действий более не представляют собой небольшие географические области, как это имело место между 1939 и 1941 годами (Германия против Польши, Германия против Франции, Италия против Греции и так далее). <...> Теперь войска являются частью одной из противоборствующих группировок, держав «оси» и союзников»²⁵³. Ввиду этого он распорядился укрупнить подразделения по добыванию разведывательной информации и создал две основные добывающие секции — стран «оси» и союзников — которые соответственно возглавили майор Альфред Эрнст и подполковник Бертран Кьену. Первая секция вобрала в себя офицеров и агентурный аппарат прежних Германского и Итальянского бюро, она же ведала и японским направлением. Во вторую секцию, помимо прочих, вошло бывшее Французское бюро, занимавшееся сбором информации о германских войсках во Франции, Бельгии и Нидерландах. Ранее существовавшее Бюро прочих государств было ликвидировано.

В начале 1941 года, после возрастания опасений за безопасность государства, была создана новая Секция разведки и безопасности. Основным содержанием этой реорганизации стало введение военной полиции в прямое подчинение разведки, предпосылки к чему возникли еще в 1939 году. В описываемый период на территории Конфедерации создалась уникальная оперативная обстановка, а количество иностранных разведчиков в ней превысило все мыслимые пределы. Швейцарские спецслужбы обычно не осуществляли против них активных действий, но старались тщательно отслеживать их операции и накапливать информацию. Для этого Берн располагал соответствующими структурами. К созданию системы военной контрразведки в Конфедерации приступили в начале 1939 года при сильном противодействии генеральной прокуратуры и министерства юстиции. После начала войны в Европе и мобилизации армии заместитель министра обороны федеральный советник Герман Обрехт обратился к правительству с просьбой разрешить военному ведомству создать собственную контрразведывательную службу: «контрразведка должна иметь дело исключительно с преступлениями, направленными против швейцарской армии. В то же время, любые остальные подобные преступления, не направленные против армии, должны продолжать оставаться в компетенции обычных полицейских властей и генеральной прокуратуры»²⁵⁴. Несмотря на такой корректный и осторожный подход, руководство федеральной полиции

(“Бупо”) не верило утверждениям военных об отсутствии у них намерения вторгнуться в сферу ее компетенции. Армия планировала ограничить компетенцию своих контрразведчиков исключительно защитой войск, штабов и военных учреждений, но гражданские полицейские резонно полагали, что по мере укрепления их армейские коллеги заинтересуются и общими вопросами экономического и политического шпионажа. Ввиду этого создание военной контрразведки несколько затянулось, о ее создании было официально объявлено приказом по армии лишь 5 октября 1939 года. Штат контрразведчиков был набран из числа служащих кантональных управлений полиции, прошедших некоторую переподготовку для получения знаний в военной сфере. Новая сфера деятельности, как ни странно, натолкнулась на весьма прохладное отношение со стороны самих разведчиков, обоснованно опасавшихся ее вторжения в свои традиционные области деятельности. Однако остановить начавшийся процесс было уже невозможно. Вскоре после мобилизации армии в подчинении полковника Массона появились Швейцарское бюро и Бюро специальных служб. Первое из них отвечало за осуществление связи с армией в целях координации работы и установления главных задач и целей разведки и контрразведки, второе под руководством майора Пауля Майера ведало вопросами безопасности и обеспечения режима секретности во взаимодействии с военной полицией и гражданскими контрразведывательными органами. Руководитель Службы безопасности полковник Вернер Мюллер имел статус заместителя начальника разведки, однако подчинялся помощнику начальника генерального штаба. Третьим компонентом обеспечения безопасности армии являлась военная полиция. С 1939 года она находилась в подчинении генерал-адъютанта, а все ее офицеры проходили службу в Полицейской секции территориальных войск. С административной и организационной точек зрения все это было крайне неудобно, и в начале 1941 года военная разведка была реорганизована в Секцию разведки и безопасности генерального штаба армии. Все подразделения и центральный аппарат военной полиции перешли в ведение Службы безопасности этой секции. Однако еще до упомянутой реорганизации, в самом начале войны, в общую систему разведки интегрировалась возглавлявшаяся полковником Робером Жакийяром Секция контрразведки, в целях прикрытия использовавшая наименование “Озерной группы”. Следует отметить, что в таком виде Служба безопасности едва ли могла считаться отдельной организационно-структурной единицей, она просто представляла собой военную полицию, Секцию полиции и Секцию контрразведки, объединенные отчасти схожими задачами и единым руководством в лице полковника Мюллера. Все вместе они призваны были обеспечить выполнение следующих задач:

- предотвращение беспорядков в государстве;
- контрразведывательное и противодиверсионное обеспечение объектов обслуживания;
- защиту военной тайны;
- отслеживание подрывных элементов из числа граждан Конфедерации и иностранцев;
- противодействие ведению подрывной пропаганды в войсках;
- обучение, оснащение и организация военной полиции.

В дальнейшем, с 1 января 1944 года Служба безопасности вновь изменила статус и стала отдельным подразделением в подчинении помощника начальника генштаба, равным по статусу с разведкой. В ее составе появился моторизованный батальон военной полиции, в остальном структура изменений не претерпела.

Вернер Мюллер

Со временем швейцарцы пришли к выводу о необходимости эффективного координирования работы военных, полицейских и таможенных органов безопасности, и в начале 1943 года по общему согласию Массон создал предназначенное для этой цели “Бюро Р”.

Существенным компонентом общей разведывательной системы Конфедерации являлась криптоаналитическая работа, ведение которой существенно облегчалось присутствием в стране дипломатических представительств почти всех государств, за исключением Советского Союза. Мис-

Робер Жакийяр

сии вели интенсивную переписку со своими правительствами, что создавало значительные удобства в получении текстов отправляемых и принимаемых телеграмм. Открытой информации по этому вопросу не слишком много, известно лишь, что швейцарцы заинтересовались вскрытием иностранной корреспонденции весной 1939 года, когда армейское командование совместно с руководством нескольких университетов занялось подбором кадров для дешифровальной службы. К лету были отобраны около двадцати математиков, метеорологов и филологов, приступивших к работе немедленно после начала Второй мировой войны. Из них сформировали Шифровальное бюро, состоявшее из двух секций:

- “Шифры I” — обучение операторов, безопасность систем связи и разработка шифров;
- “Шифры II” — дешифровка иностранной дипломатической переписки, в особенности военных атташе в Берне.

Несмотря на ограниченность ресурсов, Шифровальное бюро смогло добиться частичных успехов. За первый год работы его специалисты вскрыли две иностранные шифрсистемы и выявили множество уязвимых мест в безопасности собственной переписки. По состоянию на август 1941 года швейцарцы читали еще 13 иностранных кодов и шифров, два из которых были германскими. К концу 1943 года список успехов бюро дополнился еще 8 дипломатическими и разведывательными шифрами. Однако с 1944 года штат криптоаналитической службы стал постепенно сокращаться, и теперь она могла позволить себе лишь чтение переписки, защищенной ранее вскрытыми шифрсистемами.

1 марта 1942 года руководитель Секции разведки и безопасности Роже Массон получил звание бригадного полковника. Производство начальника разведки в очередной чин встретило массу протестов в армейском руководстве в связи с неудовлетворенностью его предыдущей деятельностью, но главнокомандующий армией генерал Анри Гюсан отменил все возражения. Генерал заявил, что в данном случае имеет место не повышение, а просто приведение звания в соответствие с должностью его обладателя. К этому моменту структура разведки швейцарской армии существенно изменилась в очередной раз, и Секция разведки и безопасности стала группой I(d) штаба армии. Массон получил официальный титул руководителя разведки и Службы безопасности и занял пост помощника начальника штаба, в результате чего в его подчинении оказались следующие подразделения:

- Служба военных атташе;
- секретариат (обер-лейтенант Якоб Келлер);
- военная библиотека (капитан Фриц де Кервен);
- Шифровальное бюро (обер-лейтенант Вальтер Штрайт);
- пресс-бюро (обер-лейтенант Хуго Ваэзи);
- политическое бюро (подполковник Макс Шафрот, он же руководил военной цензурой);
- начальник разведки (Массон):
 - агентурный аппарат;
 - войсковые разведорганы Юга, Запада и Севера;
 - картография и ситуационные карты (капитан Эвин Чуди, он же начальник военного музея);
 - полевые типографии;
 - секция особых изучений;
 - секция Италии (капитан Свен Стеллинг);
 - секция Франции (капитан Бертран Кьену);
 - секция Германии (капитан Альфред Эрнст);
 - секция прочих государств (майор Шарль Даниэль);
- начальник безопасности (заместитель начальника секции полковник Вернер Мюллер):
 - военная полиция (полковник Якоб Мюллер);
 - секция полиции (подполковник Ланг);
 - контрразведка (полковник Робер Жакийяр).

Секция особых изучений впоследствии была реорганизована в Бюро изучений. Оно занималась изучением ТВД, а две входившие в его состав секции собирали и сопоставляли информацию о силах противоборствующих коалиций, о состоянии их экономики, о внутриполитическом положении и о иных важных сферах.

Слева направо:
Альфред Эрнст и Макс Вайбель

Швейцарская разведка активно работала на направлениях сопредельных государств, но в различные периоды войны ее методы значительно варьировались по мере изменения общей и оперативной обстановки. С началом войны в Европе и мобилизацией швейцарской армии усилился приток в страну граждан Конфедерации, работавших или по иным причинам проживавших за границей. Часть из них призывалась на службу, другие просто не рисковали продолжать находиться в воюющих государствах. Все они представляли собой ценный источник разведывательной информации, а некоторые после дополнительного изучения были привлечены к работе в качестве агентов.

Практически сразу после начала германо-польской войны, 5 сентября 1939 года, центральный аппарат разведки был переведен из Берна в Спиц, а 16 октября — в Лангнау, где находился по 3 июня 1940 года. Тогда же было решено образовать передовые посты разведки, получившие наименование разведывательно-накопительных пунктов (НС), во главе которых встали самые опытные

офицеры. Например, ранее занимавшийся Германией в центральном аппарате капитан, впоследствии майор Вайбель руководил НС-1 с точками в Цюрихе, Базеле, Санкт-Галлене, Шаффхаузене, Лугано и некоторых других населенных пунктах. Это полностью вписывалось в концепцию Массона о децентрализации разведки, для чего на ключевых постах должны были находиться хорошо подготовленные офицеры с широкими полномочиями. В стремлении к децентрализации он зашел весьма далеко и официально предупредил подчиненных, чтобы те не ожидали от него никаких инструкций или указаний, а самостоятельно определялись с приоритетами и методами решения задач. С руководителями секций начальник разведки встречался не чаще одного — двух раз в неделю. Вопреки пожеланиям самих этих офицеров, просивших включить в тематику таких совещаний обмен мнениями по разведывательным проблемам, Массон строго придерживался практики обсуждения исключительно административных вопросов. Данная система сохранилась до начала 1942 года.

Первая точка НС возникла в Поррантрю. Накопленный положительный опыт способствовал продолжению процесса, и вскоре на протяжении от Базеля до Женевы уже имелось 9 подобных пунктов, а к 1942 году их стало 11. К моменту окончания войны они располагались в Женеве, Невшателе, Нионе, Лозанне, Ивердоне и Ажуа; небольшие вспомогательные пункты работали в Берне и Фрибурге. Их главная задача заключалась в вербовке и обучении агентов, разделявшихся на шесть категорий:

- регулярно пересекающие границу;
- держатели конспиративных почтовых адресов;
- стационары;
- маршрутники;
- пассивные информаторы;
- активные информаторы.

Точки НС также отслеживали деятельность сотрудников немецких таможенных постов, проводили первичные разведывательные опросы иммигрантов, допрашивали переходящих швейцарскую границу французских военных и гражданских беженцев из Эльзаса и поддерживали связь с собственными таможенными органами.

Оперативная обстановка на различных участках швейцарской границы была весьма неодинаковой. Относительно благоприятная ситуация сложилась на швейцарско-французском рубеже, но продержалась она недолго. После появления на сопредельной территории вермахта, а с ним и всех иных структур рейха, работавшие на французском направлении разведчики испытали чувства, близкие к шоку. Пограничные пункты перехода сразу закрылись практически наглухо, а те немногие агенты, которым все же удавалось легально пройти их, оказывались на территории с жестким контрразведывательным режимом. Прекращение движения поездов и работы почты исключило как возможность использования железнодо-

рожного канала, так и переписку на конспиративные адреса. Служившие на французских предприятиях швейцарцы немедленно лишились рабочих мест, поездки торговцев также прекратились. Отныне агентуру следовало насаждать только по нелегальным каналам, к чему швейцарская разведка оказалась готовой не вполне. Кроме того, ненадежность иностранцев диктовала необходимость построения агентурных сетей из сограждан, а это создавало дополнительные сложности и риски. Во-первых, любой провал был чреват тяжкими последствиями, поскольку мог дать Берлину желанный, как опасались в Берне, повод к вторжению в Конфедерацию. Во-вторых, познакомившиеся с немецкой системой обеспечения безопасности швейцарцы сразу же утратили существенную долю энтузиазма по отношению к агентурной работе. Да и те немногие, кто все еще совершал разведывательные поездки по оккупированной территории Франции, оказались перед прискорбным фактом полной невозможности заняться чем-либо нелегальным. Направленный под надежным прикрытием в ознакомительную однодневную командировку офицер разведки затратил на нее пять суток из-за постоянных остановок по требованию полиции, военных патрулей и иных уполномоченных на это структур. За эти дни его проверили семнадцать раз, причем в шести случаях автомашину разбирали для полного инспектирования. Офицер возвратился абсолютно убежденным в невозможности продолжать разведывательную работу в новых условиях. Немцы не принимали швейцарскую разведку всерьез и не верили в возможность наткнуться на ее агентуру, но положение от этого не облетчалось. В примыкающей к границе 70-километровой полосе каждого гражданина Конфедерации они рассматривали в качестве возможного британского агента и в любом случае подвергали углубленной проверке на предмет выявления легальности пересечения им рубежа.

Однако гестапо и абвер ошибались, швейцарцы активно работали сами по себе, что доказывается хотя бы численностью маршрутчиков и стационаров Французского бюро. Существовавшая с мая 1940 года точка в Ажуа в 1940 году направила во Францию 20 агентов, в 1941 году — 50, в 1942 году — 100, в 1943 году — 250, в 1944 году — 130. Пункт в Невшателе начал работать 10 августа 1940 года и до конца года забросил 35 агентов (8 маршрутчиков, 7 стационаров, 15 — по разовым поездкам и 5 — едущих во Францию на работу). В июле 1942 года пункт перевели в Валлорб, а позднее — в Ивердон. В 1942 году он направила во Францию 255 агентов (в том числе 50 маршрутчиков и 125 стационаров), среди них одного агента-радиота в Париж. Очередная серия открытия разведпунктов пришла на 1942 год. В апреле начала работать точка в Женеве, а в октябре — в Лозанне. Женевский пункт в 1942 году оперировал во Франции 180 агентами, лозаннский — 202 (из них 96 маршрутчиков и 60 стационаров)²⁵⁵. Основной категорией агентов являлись бизнесмены и менеджеры, работавшие на французских, бельгийских и некоторых других предприятиях. Швейцарцы неожиданно оказались крайне упорными и не боящимися риска разведчиками. В период 1941 — 1942 годов они нелегально забрасывали через бывшую французскую границу по 50 агентов еженедельно.²⁵⁶ Вскоре в Париже, Гавре, Нанте, Бордо, Байонне и некоторых других городах уже работали швейцарские резидентуры. Разгадка такого энтузиазма граждан Конфедерации проста. В описываемый период все они крайне опасались возможной оккупации своей страны немцами, и потому считали своим святым долгом делать все, чтобы не дать застигнуть командование врасплох и позволить ему сконцентрировать силы на угрожающем направлении. Примечательно, что практически все агенты — граждане Швейцарии работали исключительно на патриотической основе и не принимали оплаты. При этом они же скрупулезно подсчитывали собственные расходы на оперативную деятельность и обязательно предъявляли разведке соответствующие счета вплоть до сантима, никогда не завышая их.

В августе 1942 года Французское бюро было включено в Союзную секцию, что на организации работы особо не отразилось. Лишь один офицер из Лозанны получил новое назначение в штаб-квартиру секции в Интерлакене, остальное же осталось без изменений.

После оккупации рейхом “свободной зоны” Франции Швейцария оказалась в полном окружении стран “оси” и контролируемых ими территорий, но на размещенные там агентурные сети это не повлияло, они остались на прежнем месте. Одной из их задач был сбор информации о движении Сопротивления, которую разведка в достаточно сложной обстановке с успехом выполняла. В условиях пронизанности французского общества германской агентурой новые вербовки становились крайне опасным занятием, приходилось рассчитывать в основном на прежних, проверенных агентов. С ними, как правило, недоразумений не возникало, а основная проблема, как ни странно, заключалась в обеспечении бензином

и автомобильными шинами. Тем не менее, швейцарцы дважды попадались на двойниковые операции немцев, в одном случае двойник выдал семерых агентов, из которых шестеро были казнены. В новой обстановке разведка решила прекратить работу с второразрядными агентами широкого профиля. Отныне ей требовались интеллектуалы, способные не только фиксировать происходящее вокруг, но и самостоятельно оценить информацию и принимать адекватные решения. Одиночек стали постепенно сводить в агентурные группы. Ввиду рискованности курьерской связи и широкого развития пеленгаторной сети швейцарцы вернулись к давно испытанным и почти уже забытым методам переправления материалов через границу с голубями, собаками и даже кошками. Распространенным явлением стало сокрытие донесений в колокольчиках деревенских коров.

После начала операции “Оверлорд” швейцарская разведка начала буквально захлебываться в обрушившейся на нее лавине слухов и дезинформации. Попытки наладить агентурную работу в тылу наступавших экспедиционных войск союзников, как правило, оказывались безрезультатными, в основном ввиду исчезновения мотивации у агентов, ранее с энтузиазмом и чувством долга помогавших противостоять возможным попыткам Германии оккупировать страну. Теперь же, когда угроза вторжения из гипотетической превратилась в абсолютно нереальную, граждане Конфедерации вспомнили о своих собственных интересах и совершенно не стремились рисковать собой ради не вполне понятной для них задачи информирования правительственных органов об обстановке на освобожденных территориях. Это вынудило Массона провести третью, последнюю реорганизацию агентурного аппарата военного периода. Разведке пришлось забыть все свои наработки более раннего времени, оказавшиеся абсолютно бесполезными на занятых британскими и американскими войсками территориях. Союзники, а также французы применяли совершенно иные меры безопасности, нежели немцы. Прежние легализационные и прочие документы в одночасье стали ненужными. Изменились и объекты заинтересованности. Швейцарская разведка не засылала агентов в Соединенные Штаты, но Великобританией занималась довольно плотно и за период войны через Шербур, Гавр и Антверпен забросила туда 52 агента.

На германском направлении все обстояло иначе. В самом начале войны Вайбель пришел к выводу о бесперспективности ведения разведки против Германии из главной штаб-квартиры службы и уже 15 ноября 1939 года смог передислоцировать свое подразделение в Люцерн. При этом центральный аппарат разведки находился в Лангнау, что до крайности затрудняло связь с ним. Одним из резонов сохранения столь неудобного положения являлась совершенно излишняя боязнь скомпрометировать 5-ю секцию и Конфедерацию в целом в случае провала какого-либо из источников. В целях прикрытия немецкое подразделение именовали НС-1 Тер Кдо 8 (разведывательно-накопительный пункт 8-го территориального командования), но в действительности эта точка, носившая кодовое обозначение “Ричи”, подчинялась только центру. Ее основной задачей стал сбор разведывательной информации по Германии, в первую очередь по ее вооруженным силам, их структуре, намерениям и деятельности. По мере развития обстановки на фронтах в обязанности германского подразделения был вменен сбор сведений по всей территории, оккупированной вооруженными силами Германии и ее союзников. В начальном периоде войны швейцарцы не располагали на территории рейха организованной агентурной сетью. Основным источником информации являлись материалы разведывательных опросов сограждан, возвращавшихся из поездок по Германии, и обработка полученных от “Бюро Ха” сведений. Швейцарцы возвращались из различных частей рейха, поэтому разведке удавалось охватить почти всю его территорию. По мере развития агентурного аппарата важность опросов и допросов лиц, легально или нелегально пересекающих границу, существенно снизилась, тем не менее, она никогда не опускалась до отметки, за которой ее ценность становилась сомнительной. В нейтральной Швейцарии допросы беженцев и интернированных соответствовали такому традиционно важному источнику получения разведывательной информации в воюющих странах, как допрос военнопленных. В Люцерне для этой цели был сооружен лагерь для интернированных “Фелсберг”, впоследствии его передислоцировали в Дитчиберг. Самые перспективные и высокопоставленные беженцы, однако, помещались не в лагерь, а специально выделенные и хорошо охраняемые гостиничные номера.

Несмотря на налаженный механизм допросов и наличие хороших специалистов, обработка беженцев и интернированных в лагере имела один серьезный недочет. Пребывание там людей являлось для них ухудшавшим память стрессовым фактором. К тому же неиз-

бежная по организационным причинам задержка в проведении допроса, с одной стороны, провоцировала забывание некоторых мелких подробностей, а с другой — не позволяла получить самые свежие данные об обстановке. Поэтому Вайбель совместно с кантональной полицией создал собственную систему первичного опроса беженцев и интернированных еще до направления их в “Фелсберг”. Она включала ряд передовых постов, первым из которых стал “Пфальц” в Базеле под руководством начальника политической секции местного департамента полиции капитана Эмиля Хеберли. Любопытно, что одним из главных аргументов выноса постов ближе к границе стало весьма существенное в описываемый период соображение экономии бензина. Постепенно передовые посты приняли на себя множество важных дополнительных функций. В довольно обширный список их задач входили опросы и допросы интересующих лиц, установление граждан Конфедерации, имеющих связи на сопредельной стороне, сбор информации от агентов, поддержание контакта с полицейскими органами в интересах армии, выполнение отдельных поручений других разведорганов. К осени 1942 года, после завершения процессов, связанных с окончательной германской оккупацией Франции, число беженцев резко сократилось. Соответственно был уменьшен и штат занятых их допросами следователей, с одновременным увеличением числа офицеров, работавших с агентурой. “Пфальц” руководил агентурными сетями “Викинг” (французские железнодорожники), “Л” (офицеры французской СР) и двумя отдельными агентами-стационарными на юге Германии. Любопытно отметить, что немцы относились к раскрытым швейцарским агентам вполне терпимо и казнили их достаточно редко. Провалившиеся резиденты после ареста немедленно перевербовывались абвером, на что имели специальную санкцию. Они обязательно раскрывали этот факт своему настоящему руководству, создавая весьма выгодные разведывательные позиции. Представляет интерес подход к приобретению источников из числа немцев. Легче было работать с австрийцами, которые часто воспринимали рейх как порабитителя их родины. Начальник секции стран “Оси” капитан Рольф Эберхард утверждал впоследствии, что практически единственной основой для вербовки немцев являлась идеологическая: “Некоторые из них занимали ключевое положение. Купить или подкупить этих информаторов было невозможно, поскольку люди в Германии, занимающие определенное положение, отказываются принимать взятки; более того, мы не располагали средствами для подкупа”²⁵⁷. В связи с последним утверждением следует отметить, что на протяжении войны агенты в рейхе вообще охотнее принимали не деньги, а дефицитные и весьма ценившиеся тогда кофе, табачные или алкогольные изделия. Любопытно, что их переправку за границу Конфедерации швейцарские таможенники часто воспринимали как завуалированную форму контрабанды и противодействовали ей.

Негативную роль в организации разведки сыграло решение об увеличении ее глубины со 100 до 200 километров, что потребовало чрезмерной мобилизации сил и средств и в конечном итоге ухудшило поступление информации. Безусловно, основным фактором, препятствовавшим оперативному изучению Германии, являлась работа органов безопасности рейха. Общие безвозвратные потери агентурного аппарата швейцарской разведки за период Второй мировой войны исчисляются в 48 человек, в том числе 7 граждан Конфедерации. 31 из них были казнены в рейхе, 11 умерли в концлагерях, 6 погибли от различных несчастных случаев. Этот показатель свидетельствует о хорошем уровне конспирации, поскольку потери составляют ничтожную долю от общего числа забросок. Например, только Секция союзников за период с 1939 по 1945 годы оперировала 1500 агентами²⁵⁸.

В Бюро выписывали и регулярно обрабатывали от 30 до 40 немецких периодических изданий. Эту задачу в основном решали сотрудники низовой точки “Пфальц” в Базеле. Еще одним из компонентов разведки по открытым источникам являлся анализ радиовещания, с которым дело обстояло весьма неудачно. Зато швейцарцы накопили и в значительной степени обработали массу хроникальных лент и фотоснимков с фронтов.

В комнате № 23 отеля “Банхоф” в Шаффхаузене работал передовой пост “Зальм”, начальник которого капитан Штраус имел на связи агента, работавшего с источником в германской миссии в Берне (“Филипп”). Постом “Уто” в Цюрихе руководил Пауль Майер, постом “Шпеер” в Санкт-Галлене — начальник кантональной полиции Конрад Линерт. На связи у него имелось от 30 до 35 мелких агентов из числа немецких железнодорожников и таможенников. В январе 1941 года в Лугано также появился передовой пост разведки “Баро”, позднее переименованный в “Нель”. Его начальником был капитан Гвидо Бустелли, а агентура работала в основном по Италии. До конца войны открылся еще ряд аналогич-

ных пунктов, но они имели существенно меньшее значение: “Хернли” во Фрауэнфельде (начальник — начальник полиции кантона Тургау подполковник Хауденшильд), “Бертина” в Самахене (начальник — сержант Гартман), “Симплон” в Бриге (начальник — капитан Бамматер). Последние два поста специализировались по Италии.

Существенный элемент большинства военных разведывательных служб всегда составляет военно-дипломатическая деятельность по руководству работой собственных атташе и взаимодействию с аккредитованными в своей столице иностранными военными дипломатами. Ввиду малочисленности штата разведки отдельная структура для решения последней задачи не создавалась, ее принял на себя лично Массон, лишь иногда подключавший к этому офицера по особым поручениям. Любопытно, что в не имевшей выхода к морю Швейцарии был аккредитован французский военно-морской атташе. После начала второй мировой войны и перевода центрального аппарата разведки вначале в Шпиц, а затем в Лангнау, взаимодействие с остававшимися в Берне иностранными военными дипломатами было затруднено, поэтому Массон был вынужден создать в столице специальный пункт связи с ВАТ. Несколько позднее, в октябре 1939 года, такая же точка, но уже для решения совершенно иных задач, потребовалась и контрразведке, не желавшей ослаблять контроль за возможной агентурной деятельностью иностранных посольств.

Швейцарские военные атташе не внесли заметный вклад в процесс сбора разведанных. Большим своеобразием отличалась разведка на германском направлении по линии военного атташе Швейцарии в Берлине. ВАТ полковнику Гансу фон Вердту категорически запрещалось заниматься агентурной работой, его главная и несложная обязанность состояла в информировании руководства об официальной позиции правительства рейха и командования вермахта по тем или иным вопросам. На первый взгляд, такая задача выглядела полной бессмыслицей, но это лишь казалось. В действительности для успешной информационно-аналитической работы было крайне важно сопоставлять полученные от разных источников данные с пропагандистскими намерениями немцев. К сожалению, военный атташе Швейцарии в столице рейха работал настолько слабо, что Вайбель 25 октября 1939 года потребовал от Массона срочно отозвать его на родину и заменить более способным офицером. Однако начальник разведки не согласился с мнением руководителя германского направления, и атташе проработал в Берлине еще четыре года.

Еще одним компонентом разведывательной системы армии Швейцарии являлось прослушивание иностранного радиовещания. С этой целью 2-я рота связи была передана из инженерных войск в разведку буквально накануне нападения Германии на Польшу, 27 августа 1939 года. После мобилизации ее спешно переформировали в Отряд прослушивания с добавлением к списку задач перехвата телеграфных и телефонных сообщений. Позже для каждого из волновых диапазонов (длинные, средние, короткие и ультракороткие волны) было создано отдельное подразделение. Со временем эта система получила существенное развитие на основе рот радиосвязи, вовлеченных в мониторинг как открытого вещания, так и защищенных шифрами и кодами переписки. Наилучших результатов они добились в области перехвата радиообмена движения Сопротивления, что в сочетании с успехами Шифровального бюро позволило швейцарцам иметь прекрасную информацию о положении дел в нем.

Максимум штатной численности (120 человек) военная разведка Швейцарии достигла в январе 1944 года. В этот период в штабе армии Конфедерации существовали три группы: I(a) — по фронту, I(b) — по вспомогательным вопросам и I(c) — по тылу и транспорту. Массон занимал пост помощника начальника штаба по группе I(b) и в этом качестве руководил Секцией территориальной службы, Мобилизационной секцией и двумя спецслужбами. Первая из них именовалась Разведывательной секцией и состояла из добывающих, информационно-аналитических и вспомогательных подразделений:

- служба швейцарских военных атташе;
- канцелярия и архивы;
- военный музей;
- Секция союзников:
 - Французское бюро;
 - Союзническое бюро;
 - передовые посты;
 - картографическое подразделение;

- Секция стран “оси”:
 - Германское бюро,
 - Итальянское бюро;
- передовые посты;
- Оперативная секция (по ТВД):
 - служба особых оценок;
 - группа связи с военным министерством;
 - группа связи с МИД;
 - Бюро по оперативным вопросам;
 - группа оценки публикаций в прессе;
 - военная библиотека;
 - учебное подразделение;
- Секция иностранных военных атташе, прессы и шифров:
 - Политическое бюро;
 - Шифровальное бюро;
 - группа связи с иностранными военными атташе;
 - пресс-бюро;
- Техническая секция.

Всего за годы войны разведка направила командованию 697 информационных бюллетеней, 68 отчетов, 70 отчетов “Новые вооружения”, 14 выпусков бюллетеня “Уроки войны”, ряд выпусков по униформам и знакам различия иностранных армий, множество карт. Примечательно, что главнокомандующий категорически пресек попытку Массона наладить выпуск бюллетеней с политической информацией и приказал ограничиться исключительно военной тематикой. Для государства с несколькими разведслужбами, одной из которой является внешнеполитическая, такое решение, вероятно, было бы отчасти оправданным, но в ситуации со Швейцарией данный шаг не может не вызвать удивления.

Второй спецслужбой в подчинении помощника начальника штаба по группе I(b) являлась Секция безопасности. Ее возглавлял полковник Вернер Мюллер, имевший статус заместителя Массона. Организационная структура этой секции была значительно проще:

- канцелярия;
- Центральное бюро:
- военная полиция,
- моторизованный батальон военной полиции;
- Секция полиции
- Контрразведывательная секция.

Отдельным и крайне необычным эпизодом деятельности швейцарской военной разведки на германском направлении были переговоры ее начальника Роже Массона с коллегой

Генерал Гюсан с сыном

Пауль Майер

из СД бригадефюрером СС Вальтером Шелленбергом. Их предыстория восходит к октябрю 1940 года, когда сын главнокомандующего швейцарской армией подполковник Анри Гюсан-младший познакомился с владельцем германской фирмы “Варенфертрибс ГМБХ” Гансом Вильгельмом Эгеном. Немец занимался коммерцией и в то же время являлся членом и общих СС, и “ваффен-СС”, а в Конфедерацию прибыл для закупки на фирме ЗИГ пистолетов-пулеметов, в дальнейшем обнаружившихся в ходе восстания румынских “железнодорожников”. Количество их точно не установлено, различные исследователи упоминают величины 120, 263, 290 и 300 единиц. Переговоры увенчались успехом, после чего подполковник Гюсан познакомил немца со своим другом, сотрудником швейцарской спецслужбы Паулем Майером, который пользовался также литературным псевдонимом Вольф Швертенбах, в связи с чем в ряде документов значится как Майер-Швертенбах. Кроме того, в оперативных целях он использовал имена доктора Рантцау и Ганса Кунца, что еще более запутывало последующих историков.

Пауль Майер был личностью довольно примечательной. В Службе безопасности он работал с 1939 года под непосредственным руководством Вернера Мюллера и отвечал за ряд весьма серьезных задач. Он оценивал отчеты различных разведывательно-накопительных пунктов (НС) по линии контрразведки и направлял их в соответствующие секции разведки, в генеральную прокуратуру и в гражданскую полицию; отслеживал внутривосточную ситуацию в Конфедерации, в первую очередь влияние нацистов и политическую активность армейских офицеров; изучал, оценивал и рассылал распечатки перехваченных телефонных переговоров; составлял бюллетени по результатам изучения таких перехватов; проводил допечатную проверку ежегодных открытых отчетов армейского руководства по отдельным кантонам на предмет наличия в них секретной информации; работал с личными делами персонала Службы безопасности. 23 августа 1941 года главнокомандующий армией Гюсан-старший, явно не без влияния сына, назначил его своим личным офицером разведки. В ноябре 1942 года Майер в этом качестве доложил генералу о систематическом прослушивании частных телефонных разговоров офицеров генерального штаба, проводимом Службой безопасности с весны 1941 года. Возмутившийся Гюсан распорядился немедленно прекратить такую практику и разобраться с причинами, ее породившими. Генерал не раскрыл источника своих сведений, но поскольку его личный офицер разведки ранее работал с распечатками перехваченных телефонных переговоров, то установление имени информатора для профессиональных контрразведчиков проблем не составило. Начальник Контрразведывательной секции полковник Жакийяр попытался объяснить причины взятия на технический контроль телефонов военнослужащих штаба и пояснил, что профилактика шпионажа требует не ограничиваться такими действиями только в отношении подозреваемых лиц, а прослушивать всех без исключения, после чего на основании добытых данных оценивать обстановку и принимать соответствующие решения. Однако Гюсан не желал слушать подобные аргументы. На помощь Жакийяру пришел начальник генерального штаба Якоб Хубер, заявивший, что если уж винить кого-либо за сложившуюся практику, то только его и Массона, одобрявших ее проведение в Интерлакене еще в начале 1941 года. Он возмутился действиями анонимного труса из генштаба, не нашедшего в себе смелость открыто заявить о своем несогласии со сложившейся практикой и обсудить это с ответственными лицами. Имя Майера не называлось, но подразумевалось. Руководство Службы безопасности не собиралось прощать ему донос, однако Массон не желал наказывать человека, вместе с которым он уже на протяжении длительного периода времени вел операцию весьма деликатного свойства — переговоры с руководством СД-аусланд. В результате Майер 20 января 1943 года был выведен из штата Службы безопасности и переведен в цюрихскую точку (“Уто”). Там он работал с источниками в банковских, промышленных, торговых и иных кругах Цюриха и восточной Швейцарии с целью сбора военной, экономической и политической информации, а также проводил разведывательные допросы всех находящихся под стражей перебежчиков, нелегальных иммигрантов и прочих подобных лиц (в сотрудничестве с полицией города и кантона).

Кроме того, Майер выполнял особые задания Массона. К рассматриваемому времени он играл ключевую роль в контакте швейцарской разведки с СД-аусланд, начатом еще 30 ноября 1941 года, в период наступления вермахта на московском направлении. В этот день он по рекомендации Анри Гюсана-младшего и с санкции Массона впервые встретился с Эгеном, прорабатывавшим вопрос закупки деревянных сборных барачных частей СС на Восточном фронте. После осторожного обоюдного зондажа оба участника переговоров

договорились об их продолжении. Первоначально Майер общался с немцем под именем доктора Рантцау, но после того, как беседа приняла неприкрытый разведывательно-политический характер, он раскрыл свое подлинное имя и принадлежность к контрразведке. Для облегчения казавшихся перспективными контактов Массон распорядился согласовать с полицией вопрос предоставления Эггену свободного въезда в страну.

Ганс Эгген с женой Майера

На данном этапе швейцарцы были заинтересованы в налаживании агентурного канала в Германии и в использовании для этого Эггена и “Варенфертрибс ГМБХ”, а немцам требовался более свободный доступ к источникам иностранной валюты для финансирования операций СД-аусланд. Пока что контакты не выходили за рамки нормальной деятельности спецслужб, но Массон внезапно решил углубить их и, к удивлению немца, лично встретился с ним. Естественно, бригадный полковник полагал Эггена недостаточно высоким по уровню офицером для бесед с собой и поставил перед ним вопрос об организации встречи с Шелленбергом. На данном этапе контакт перешел из разведывательной в политическую плоскость, что уже нарушало действующие правила. Начальник разведки не имел права без санкции руководства государства пытаться встретиться с должностным лицом спецслужб воюющей стороны, о чем он, кстати, прекрасно знал.

Эгген доложил по инстанции о поступившем предложении, но начальник VI управления РСХА, ссылаясь на занятость войной, отказался приехать в Швейцарию. В ответ он предложил Массону самому посетить рейх и, при желании, организовать ему ознакомительную поездку на Восточный фронт. Вопреки убежденности начальника швейцарской разведки в том, что диалог идет на равных, Шелленберг играл с ним на правах сильного. Для начала начальнику швейцарской полиции без объяснения причин отказали в выдаче въездной визы в рейх на ежегодное заседание комиссии руководителей криминальных полиций Европы. Таким путем моделировалась ситуация, в которой Массона вынуждали просить об услуге, крайне легкой в оказании, однако накладывавшей на него определенные моральные обязательства. Кроме того, 17 марта 1942 года полиция Штутгарта без особых оснований арестовала по обвинению в шпионаже швейцарского консульского офицера Эрнста Мергели. Он действительно являлся офицером разведки, но гестапо не имело против него никаких улик и, несмотря на это, все же взяло его под стражу как британского агента (что не соответствовало действительности). Проблема усугублялась еще и нежеланием МИД Швейцарии обменять Мергели на арестованного германского консульского служащего, которого отпустили без всяких условий. Освобождение этого офицера являлось одной из задач Массона в переговорах с немцами. Визиту начальника разведки предшествовала поездка Майера, в ходе которой Шелленберг продемонстрировал ему свое влияние и возможности. В июле 1942 года швейцарца, якобы путешествовавшего частным образом, ввезли в страну вообще без оформления визы, не говоря уже о таможенных формальностях. Он встретился с начальником СД-аусланд, который продемонстрировал Майеру захваченные во Франции планы участия французской армии в обороне Швейцарии от возможного вторжения вермахта. Все это произвело должное впечатление, и отразилось в представленном Массону соответствующем докладе. Первая встреча начальника швейцарской разведки с его немецким коллегой произошла 8 сентября 1942 года на германской территории в приграничном городке Вальдсхут. В дальнейшем контакты продолжились, в них принял участие главнокомандующий. Шелленберг сделал два незначительных жеста доброй воли, освободив Мергели и распорядившись о выдаче визы начальнику швейцарской полиции, что не составило для него никакого труда. Зато он играл с визитерами как кошка с мышкой, шантажируя их якобы непоколебимым решением Гитлера вторгнуться в Конфедерацию и представляя себя единственным заступником Швейцарии.

Некоторое время спустя информация о переговорах достигла бернского руководства и вызвала весьма резкую реакцию. В частности, Массону было официально запрещено выез-

жать за пределы страны, немало неприятностей имел и Гьюсан. Немцы полностью переиграла своих партнеров по переговорам и, спекулируя на их опасениях и надеждах, извлекли из этого контакта немалые выгоды. В целом, контакт Массона и Шелленберга является далеко не самой достойной страницей истории швейцарской разведки.

По крайней мере в одной операции Второй мировой войны Швейцария явилась не местом ее проведения, а объектом оперативных устремлений спецслужб союзников. Главной проблемой Третьего рейха в военной обстановке являлась нехватка не горючего, не техники, не людских ресурсов, а денег. Германия стремительно шла к банкротству, в условиях войны абсолютно исключавшему возможность ее продолжения. Для получения валюты Берлин использовал банки некоторых нейтральных стран. Судя по всему, Швейцарскую Конфедерацию спасло от оккупации не что иное, как ее уникальное положение с точки зрения финансов. Страна являлась одной огромной структурой по “отмыванию” денег Третьего рейха, одновременно обеспечивавшему неприкосновенность страны и ее экономический рост. Для этого следовало всего лишь не обращать внимания на некоторые нюансы происхождения активов, и решение немедленно отыскивалось. В качестве платежного средства принимались рейхсмарки и награбленные золотые запасы оккупированных стран, а также коронки жертв лагерей и ценности, изъятые у уничтоженных евреев. Одна из перехваченных и дешифрованных американцами телеграмм дипломатического ведомства Швейцарии гласила: “В мае 1943 года [Национальный банк Швейцарии] продал Центральному банку Турции 256 слитков [золота] на сумму 14,8 млн. франков, предварительно полученных от германского Рейхсбанка. Это золото вновь было продано германскому Рейхсбанку Центральным банком Турции. Затем германский Рейхсбанк продал 13,8 млн. франков этого золота Банку Португалии в Лиссабоне и 1 млн. Банку международных расчетов”²⁵⁹. Подобных схем существовало не так уж много, но они были неоднократно испытаны и работали бесперебойно, пропуская через швейцарские банки массу активов. Часть их оседала в стране в виде прибыли, рейх же получал столь необходимую ему валюту для военных закупок. Безусловно, подобная деятельность была весьма сложна и проходила на грани риска, за что, однако, взимался соответствующий процент. Иностранцы не желали афишировать свои связи с нацистской экономикой и вдобавок не могли заключать с германскими партнерами долговременные сделки, но препятствия устранялись, когда в дело вступали швейцарцы. Банки Конфедерации, особенно расположенные в Берне, давали немцам возможность не только пополнять их валютные резервы, но и закладывать фундамент экономики будущего Четвертого рейха, на создание которого в конце войны надеялись высокопоставленные нацисты.

Эта деятельность не могла сохраняться в абсолютном секрете, и всегда неравнодушные к обстановке в мировых финансах американцы решили воспрепятствовать процессу “отмывки” средств. Конкретные меры для этого предложил 5 мая 1944 года директор Зарубежной экономической администрации (ФЕА) Лео Т. Кроули. Как ни странно, первоначально к данной работе были привлечены лишь госдепартамент и казначейство США, но к ноябрю 1944 года стало ясно, что одними легальными методами не обойтись. После этого 6 декабря был утвержден план операции “Сэйфхэвен” с подключением секций специальной разведки (СИ) и контрразведки (“Икс-2”) лондонской резидентуры, а 10 декабря часть работы возложили на бернскую точку ОСС. Даллес смог принять весьма эффективное участие в операции благодаря своим прекрасным контактам в банковских кругах Конфедерации. С января 1945 года в Швейцарии работала группа оперативных офицеров “Икс-2” из Лондона, которые закончили расследование и представили подробный отчет о проделанной работе к апрелю. В результате негласного расследования проверялись:

- награбленные нацистами в Европе и принимаемые некоторыми банками Швейцарии золото и бонды;
- средства из расположенного в Карлсруэ “Дойче Веркерс-Кредит-Банка”;
- хранящиеся в Цюрихе для НСДАП ценные бумаги германских частных фирм;
- крупные суммы на частных счетах в банках Швейцарии;
- денежные средства и имущество в Лихтенштейне;
- свыше 2 миллионов франков Рейхсбанка в Швейцарии;
- 4,5 миллиона марок на секретных счетах в швейцарских банках.

Американцы собрали большой объем информации о деятельности швейцарских банкиров, заложившей фундамент послевоенного процветания страны. По собственным данным

Национального банка Швейцарии, общие закупки золота у стран “оси” составили 279 тонн на сумму 1,4 миллиарда франков, из которых на долю рейха пришлось 249 тонн. Следует отметить, что, кроме Конфедерации, нацистское золото покупали и другие страны, однако объемы этих операций были несравнимо меньшими. Из общего количества проданных Рейхсбанком 336 тонн 44 тонны купила Португалия, 18 тонн – Швеция, 10 тонн – Румыния и 12 тонн – Банк для международных расчетов. Кроме того, в период 1940 – 1944 годов некоторое количество золота было приобретено и коммерческими банками Швейцарии. В результате этих операций золотой запас страны за период с 1939 по июнь 1945 года значительно вырос и превысил 400 тонн²⁶⁰. Даже по довольно заниженным данным ЦРУ, с 1939 по 1945 годы Конфедерация приобрела нацистского золота на сумму от 755 до 781 миллиона долларов США, из них 571 миллион, или 74% были имуществом жертв агрессии Третьего рейха²⁶¹. Проблема состояла в том, как получить эти суммы, поскольку Швейцария была нейтральной и суверенной страной. Любые военные или полицейские меры воздействия на нее изначально исключались, тем более, что правительство Конфедерации выдвинуло веские контраргументы. Берн утверждал, что все поступления от Германии являлись лишь погашением долга Берлина по довоенным инвестициям в швейцарские железные дороги и за строительство Сен-Готардского туннеля. По окончании войны Конфедерация возвратила лишь достаточно символическую сумму в 58 миллионов долларов и половину своей доли прибыли от продажи германских активов. В 1946 году союзники сделали еще одну, на этот раз последнюю попытку заставить Швейцарию расстаться хотя бы с частью прибылей и 23 апреля потребовали от ее правительства 130 миллионов долларов на реконструкцию разрушенной войной Европы, но получили контрпредложение о выделении лишь 200 миллионов франков, что равнялось 58,1 миллиона долларов. В результате долгого торга и дипломатического нажима Берн согласился выплатить 250 миллионов франков и отдать половину хранившегося в Швейцарии германского имущества. Министерство экономической войны Великобритании также приняло участие в осуществлении этой первоначально исключительно американской операции. Некоторые аспекты поиска ни американцы, ни англичане стараются не предавать гласности и по сей день. Официальная версия “Сэйфхэвена”²⁶² замалчивает не слишком украшающий союзников факт удержания ими значительной части золота и валюты, не возвращенных первоначальным владельцам. Если оставалось хотя бы малейшее сомнение в происхождении средств, в частности, отсутствовало документальное подтверждение одного из этапов их “отмывки”, они задерживались до решения их дальнейшей судьбы. Ее определяла созданная в 1946 году Трехсторонняя комиссия по золоту с участием Соединенных Штатов, Великобритании и в незначительной степени Франции. В 1947 году ценности на общую сумму в 250 миллионов швейцарских франков были направлены в Федеральный резервный банк Нью-Йорка, где частично использовались в обменном стабилизационном фонде казначейства США, а частично (как минимум, 10 миллионов долларов) пошли на внебюджетное финансирование разведывательных и подрывных операций. В частности, “черные деньги” направлялись по каналам Христианско-демократической партии Ватикана для организации провала коммунистов на послевоенных выборах. Не остались в стороне от этого процесса и британцы. МИ-6 использовала незаконно присвоенные Лондоном суммы германских и австрийских денег, попавшие на счета Английского банка без какого-либо официального отчета в их расходовании.

На этом отдаленные последствия операции “Сэйфхэвен” закончились. Бернская точка была вовлечена в нее в значительно меньшей степени, чем лондонская. В конце войны ее основными задачами являлись: оценка ущерба, понесенного в результате войны германской экономикой, изучение состояния производства в рейхе синтетического горючего, оценка способности германских железных дорог восстанавливать движение после бомбовых ударов союзников, разведка сил вермахта и СС в Италии и на Западном фронте, ведение политической разведки в Итальянской социальной республике, контакты с Соппротивлением в рейхе, а с марта 1945 года и ведение переговоров о капитуляции германских войск в Италии. Столь широкий спектр задач не позволял Даллесу активно заниматься “Сэйфхэвеном”, но на выполнении операции это не отразилось.

При рассмотрении деятельности в Швейцарии разведывательных служб других государств, кроме СССР, Германии, Великобритании и США, следует отметить весьма результативную сеть польской разведки под руководством капитана Хойнацкого, работу которой

Флике впоследствии оценил на уровне наивысших побед разведывательных служб. Однако он не привел никаких подробностей его операций, а написал лишь: “Дважды за период Второй мировой войны ее (британской разведки — И. Л.) работа затемнялась, как луна заслоняет солнце. Первой была работа “Красной тройки”... И во второй раз это снова оказалась группа, работающая в Швейцарии. На этот раз это была работа капитана Хойнауцкого в сотрудничестве с бюро польского военного атташе в Берне. <...>.”

В случае с Хойнауцким я хотел бы опустить...доказательства (результативности его работы — И. Л.). Если бы я привел все сообщения — или даже самые важные — ...это составило бы не книгу, а обширную библиотеку.

Я надеюсь, таким образом, что читатель поверит без доказательств, что “бернский случай”, как мы будем называть его, наряду с “Красной тройкой” явился одним из наиболее сенсационных дел во Второй мировой войне. То, что отправлялось отсюда польской секретной службой, имело огромное, в ряде случаев решающее значение для ведения войны союзниками”²⁶³.

К сожалению, более подробных сведений по данной агентурной сети автору получить не удалось.

2. “КРАСНАЯ ТРОЙКА”

Это собирательное название использовалось германской контрразведкой для обозначения действовавшей во время Второй мировой войны сети советской разведки в Швейцарии и произошло от ошибочного вывода о том, что информация в Москву якобы уходила по трем линиям связи. В действительности количество одновременно работавших передатчиков периодически достигало четырех и даже пяти.

В августе 1939 года Урсула Кучински (“Соня”) отозвала из Германии своих агентов Лена Бертона (Брюэра) и Александра Аллана Фута, но к декабрю 1939 года ее пребывание в Швейцарии утратило смысл. Месяцем ранее “Бупо” арестовала за нарушение паспортного режима ее радиста Франца Августа Эберманца, находившегося в Швейцарии по паспорту финна Эриха Ноки. Он сотрудничал с советской разведкой с 1935 года и уже более года работал на ключе. На допросах выяснилось, что мнимый финн оказался немцем, после чего власти рейха потребовали его выдачи. К счастью для Эберманца, швейцарцы отклонили это требование, что позволило ему до конца войны безопасно пребывать в лагере для интернированных. Несмотря на сравнительно благополучный исход этого провала, “Соня” лишилась радиста. Из-за блокирования всех каналов банковских транзакций в Швейцарию Кучински также не могла получить деньги ни на оперативные нужды, ни просто на существование, а просроченный немецкий паспорт давал все основания опасаться, что однажды ее вместе с другими эмигрантами могут просто выдать Германии. Требовалось срочно что-либо предпринять для вывода “Сони” из страны, для чего в первую очередь нужны были соответствующие документы. Для получения британского паспорта Центр рекомендовал ей выйти замуж за радиооператора Фута (“Джим”), работавшего в Женеве с Шандором Радо, однако тот не желал жениться на Кучински даже условно и под явно надуманным предлогом уклонился от этого. Тогда для замены своего немецкого паспорта на подлинный британский документ она вышла за Бертона. Вскоре брак из фиктивного перерос в действительный, и это весьма насторожило ухаживавшую за детьми “Сони” от предыдущих браков Ольгу Мут (по домашнему прозвищу “Олло”). Пожилая женщина нянчила еще саму Урсулу и до крайности привязалась к этой семье, кочуя за ней из страны в страну и давая возможность матери освободиться от домашних забот и сосредоточиться на оперативной работе. Однако теперь “Олло” превратилась в серьезный фактор риска. Она поняла, что со своим просроченным немецким паспортом в Великобританию не попадет и разлучится с детьми Урсулы, к которым привязалась, как к родным. Совершенно утратив контроль над собой, няня отправилась к британскому консулу в Мontre с заявлением о том, что Кучински-Бертон является шпионкой, и в страну ее впускать нельзя. К счастью, чиновник посчитал его фантазией не вполне здоровой старой женщины и проигнорировал ее предупреждение, благодаря чему “Соня” смогла беспрепятственно прибыть на место нового назначения и интенсивно вести там оперативную работу вплоть до 1950 года. Однако до этого она получила указание Центра связаться с “Альбертом” (Радо) и выяснить возможности наладить связь

по его каналам. Резидент вспоминал позднее, что в декабре 1939 года он обнаружил в своем почтовом ящике письмо с уведомлением о предстоящем возобновлении связи. Появившаяся “Соня” немедленно изложила ему весь список своих вопросов: “Я получила указание Центра связаться с вами. Директора интересует, каково положение вашего агентства, есть ли деньги. Каковы возможности работы и какая нужна помощь в установке радиопередатчика? Как скоро можно установить радиосвязь? Просили также узнать, сможете ли вы наладить живую связь с центром через Италию”²⁶⁴.

После получения положительного заключения с января 1940 года Центр замкнул резидентуру “Дора” на передатчик “Сони”, а в марте известил “Альберта” о предстоящем прибытии курьера из Брюсселя. Появление Гуревича (“Кент”) буквально повергло Радо в шок. По непонятным соображениям и в нарушение самых элементарных требований конспирации Центр дал ему настоящий адрес резидента, по которому тот доставил шифр, кодовую книгу и расписание связи. Согласно воспоминаниям Радо, в этот период он испытывал крайнюю нужду в деньгах и ожидал, что их привезет курьер из Бельгии, но все получилось иначе. “Кент” не рискнул везти валюту через границу и не только не помог “Альберту” с деньгами, но даже попросил одолжить ему несколько десятков франков для возврата домой. Сам Гуревич в своих воспоминаниях категорически отрицает это и заявляет, что вскоре после возвращения в Брюссель перевел на счет “Геопресс” внушительную сумму. Поскольку факт цензуры и корректировки мемуаров Радо советской военной разведкой достоверно установлен, не исключено, что в данном вопросе прав именно Гуревич. Впечатления Радо о “Кенте” были несколько двойственны. С одной стороны, он произвел на него впечатление неприятного и самовлюбленного человека, но в то же время резидент отметил его высокий профессионализм и четкое проведение инструктажа. В целом в мемуарах бывшего резидента определенно ощущается неприязнь к коллеге из Брюсселя, причем несправедливая. Провал Гуревича практически не повлиял на безопасность женевской точки, но Радо, по всей вероятности, под диктовку ГРУ, заявил, что арест “Кента” “впоследствии отозвался тяжелым ударом по швейцарской группе: он многое знал и, смалодушничав, кое-что выдал гестапо”²⁶⁵. При этом бывший резидент не потрудился конкретизировать это тяжкое обвинение коллеги в предательстве.

Финансовые затруднения поставили работу резидентуры под угрозу срыва, и Центр организовал доставку некоторой суммы наличных денег в пока еще не оккупированный Белград. Радо отправился за ними якобы в Венгрию, где, как известно, не мог появиться из-за своего коммунистического прошлого. Однако он по-прежнему сохранял венгерский паспорт и через хорошего знакомого в посольстве Италии Сувича, неоднократно заказывавшего у “Геопресс” карты, получил транзитную визу через ее территорию. В столице Югославии резидента ожидала серьезная проблема. Встреча должна была состояться у часовни Врангеля, но оказалось, что это строение давно снесли. Радо с женой две недели ожидали выхода курьера на связь по запасному варианту и в конце концов дождались. Он доставил деньги, фотоаппарат, от которого “Альберт” категорически отказался, и средства для тайнописи, провезенные через границу в прическе Лены Радо. С этого времени работа резидентуры активизировалась, а регулярный обмен радиogramмами через передатчик “Сони” налажился уже в январе 1940 года. Это являлось весьма рискованным делом, поскольку полиция располагала довольно совершенными пеленгаторными установками, любительский же радиообмен с началом войны запретили, и замаскироваться в эфире под безобидную передачу было практически невозможно. По просьбе “Сони”, передатчик которой после установления контакта с группой Радо был перегружен, в июне резидентура “Дора” получила собственных радистов — супругов Эдмонда и Ольгу Хамелей (соответственно “Эдуард” и “Мод”; последний псевдоним часто неправильно транслитерируется “Мауд”). Супруги владели в Женеве магазином радиоаппаратуры и мастерской по ее ремонту, поэтому без проблем смогли собрать вполне надежно работающий передатчик. С августа работа наладилась, теперь резидентура имела две независимые линии связи с Центром в Женеве и одну — в Лозанне. Точке требовался еще один радист, и “Джим” обучил работе на ключе 18-летнюю Маргариту Болли (“Роза”), в раннем детстве вывезенную родителями из Италии и некоторое время выполнявшую функции курьера. Первоначально она вела передачи из семейного дома в Базеле, но это оказалось слишком даже для ее симпатизирующего коммунистам отца, и девушка перебралась в Женеву. Осенью 1940 года брак Кучински с англичанином Бертоном наконец состоялся, и она уехала в Лондон через Испанию. Этот маршрут был закрыт для ее

Ольга Хамель

супруга, бывшего бойца интербригады, поэтому он пока оставался в Женеве. Фут перебрался в Лозанну и в марте 1941 года установил связь с Москвой, причем вначале получал тексты радиোগрамм от Бертона, а позднее — непосредственно от Радо. После войны в своих почти насквозь лживых мемуарах он утверждал, что занимал в советской агентурной сети практически равное с Радо положение. Однако в действительности “Альберт” являлся начальником “Джима”, который выполнял по его указанию работу агента-радиста и некоторые оперативные задания.

Маргарита Болли
во время радиосеанса

В мае “Альберт” получил указание связаться с Дюбендорфер (“Сисси”), которая с сентября 1939 года не имела связи с Центром, зато располагала собственным шифром. Женевская точка укрупнялась, что нельзя было считать положительным явлением. С ростом численности любой резидентуры всегда усложняется руководство ее работниками и снижается уровень безопасности из-за повышенного риска инфильтрации агентуры противника. Однако в случае с “Дорой”, “Соней” и “Сисси” такая мера явилась вынужденной и была обусловлена совершенно недостаточным количеством линий связи с Центром, не позволявшим передавать собранную информацию.

Один из важнейших сотрудников “Доры” агент-групповод Отто Пюнтер (“Пакбо”) работал также и на швейцарскую разведку. Следует сразу же отметить ряд выдвинутых им после войны лживых утверждений и подчеркнуть, что в действительности он:

- не получал информацию непосредственно от генерала Альфреда Йодля;
 - не хранил в одном из швейцарских монастырей план действий вермахта в районе Сталинграда и, соответственно, не передавал его Радо;
 - ошибался или заблуждался, считая источника “Люци” чехом, работавшим в министерстве авиации рейха;
 - не располагал радиооператором в районе границы с Австрией;
 - никогда не работал в секретариате или личном штабе Гитлера;
 - не располагал агентурными сетями во всех населенных пунктах, название которых использовал для составления псевдонима “Пакбо”;
 - не получал весной 1941 года от “Люци” предупреждения о предстоящем нападении вермахта на СССР, поскольку тот вошел в контакт с резидентурой “Дора” только в 1942 году;
 - не организовывал встречи “Люци” с Радо, поскольку они никогда не встречались.
- Кроме того, имеется письменное свидетельство самого Пакбо о том, что он никогда не видел этого агента и во время войны не знал его настоящего имени.

Приведенный список разоблаченных измышлений Пюнтера можно было бы продолжить, но в этом нет необходимости. Думается, и перечисленного достаточно для того, чтобы усомниться во всей информации “Пакбо”, однако в данном случае мы имеем дело не со злонамеренным лжецом или фальсификатором. Все перечисленные фантазии бывшего групповода появились после войны, когда он пытался преувеличить свою подлинную (и, кстати, далеко не второстепенную) роль в происходивших событиях. В отличие от позднейшей клеветы предателя Фути, утверждения Пюнтера носят, строго говоря, безобидный характер. Он действительно являлся одним из важнейших поставщиков информации для “Доры”, и в имевшихся в распоряжении исследователей по состоянию на 2004 год 332 радиোগраммах резидентуры в Центр ссылка на “Пакбо” появляется 22 раза, или почти в 7% сообщений. Правда, более или менее значимые сведения содержались только в шести из них. Это неизвестно как добытые обрывки сведений о разгроме “Красного оркестра” в Германии и иная важная в контрразведывательном отношении информация, в том числе об аресте “Пауля”. Последнее вызвало особый интерес Центра, поскольку ранее Пюнтер никогда даже не слышал об этом агенте. На связи у “Пакбо” с февраля 1941 года имелся источник “Луиза”

из военной разведки Швейцарии, снабжавший его большим количеством информации по Германии и ее намерениям на Востоке. В июле 1941 года Пюнтер приобрел важного агента, французского офицера (“Зальцер”), в октябре того же года — “Брудера” и ряд других.

Среди них выделялся бывший французский военный разведчик, а в описываемый период журналист “Лонг” (Жорж Блюн). Фактически он являлся групповодом, поскольку имел собственных источников, из которых известны “Агнес”, “Курц”, “Грау”, “Рот”, “Фани” и “Фельд”. Последнего использовали исключительно в качестве курьера, остальные были весьма информированными журналистами с хорошими связями и поставляли качественную информацию. Частично они являлись двойными агентами иностранных разведслужб. Под псевдонимом “Агнес” скрывался немец Эрнст Леммер. Он отличался левыми взглядами, возглавлял союз демократической молодежи и один из профессиональных союзов, а в 1924 году в возрасте 26 лет был избран в рейхстаг и стал самым молодым депутатом данного созыва. После прихода к власти нацистов Леммера изгнали со всех постов и запретили ему печататься в любых издаваемых в Германии периодических изданиях, но не арестовали. Он стал берлинским корреспондентом венгерской газеты “Пестер Ллойд” и швейцарской “Нойе Цюрхер Цайтунг”, а также репортером газеты “Суар” в оккупированной Бельгии. “Агнес” находился в агентурных отношениях со швейцарским военным атташе Буркхардом и некоторыми оппозиционерами, впоследствии участниками заговора 20 июля 1944 года, от которых он получал информацию из МИД Германии. Несмотря на политические преследования, в адрес Леммера после войны звучали обвинения в сотрудничестве с нацистами, что на допросах подтвердил и бывший начальник СД-аусланд Вальтер Шелленберг, назвавший его своим агентом. Однако это не было доказано документально и не повлекло за собой никаких последствий. “Агнес” поселился в советском секторе оккупации и активно начал делать политическую карьеру, став вице-председателем, членом совета Федерации профсоюзов свободной Германии и заместителем бургомистра в одном из городов. Но в 1947 году он испортил отношения с советскими оккупационными властями, в результате чего через два года переехал в Западный Берлин, где начал издавать антисоветскую газету “Курьер”. Леммер быстро делал карьеру в Христианско-демократической партии, а позднее занимал посты министра почты и телекоммуникаций, министра по общегерманским делам и специальным представителем канцлера ФРГ в Берлине.

Сообщения от резидентуры “Дора” весьма различались по уровню достоверности. С одной стороны, постепенно точка вышла на достаточно серьезные источники информации, позволившие, в частности, продублировать добытые “Рамзаем” сведения о позиции Японии по отношению к СССР: “7.8.41. Директору. Японский посол в Швейцарии заявил, что не может быть и речи о японском выступлении против СССР до тех пор, пока Германия не добьется решающих побед на фронтах. Дора”²⁶⁶. От источников “Альберта” и его сотрудников поступало немало информации о военной промышленности рейха, его мобилизационном потенциале и уровне подготовки частей вермахта. С другой стороны, распространенным явлением были и ошибки, подчас весьма грубые. Некоторые из них можно было бы отсеять еще на уровне подготовки сообщения в Центр, однако этому препятствовало отсутствие соответствующей квалификации у резидента и его подчиненных, слабо разбиравшихся в структуре вооруженных сил Германии. Именно поэтому радиogramмы “Доры” изобилуют очевидными для специалистов ошибками: путаницей между вермахтом и СС, неверными названиями воинских званий и так далее. Другие промахи были не столь очевидными и, во всяком случае, не поддавались отсеиванию на уровне резидентуры. Сам Радо (или анонимные авторы из ГРУ, писавшие или редактировавшие его мемуары) критически относился к достижениям возглавляемой им сети и впоследствии вспоминал, в частности, что к сентябрю 1941 года резидентура направила в Центр весьма и весьма дезориентирующую оценку численности вермахта в 400 дивизий при фактическом наличии 214. Личный состав военно-строительной “Организации Тотта” оценивался в полтора миллиона человек, что было очень далеко от реальности, завышенными оказались и сведения о наличии в воздушных округах люфтваффе миллиона военнослужащих. И в дальнейшем в радиogramмах “Доры” присутствовали совершенно несуразные сведения. Вот лишь несколько примеров из сообщений 1941 года:

8 августа: “По официальным секретным немецким данным, потери за 1 месяц войны на Восточном фронте составляют 1 миллион убитых и раненых”²⁶⁷.

23 августа: “В Гамбурге ярко выраженное антифашистское настроение”²⁶⁸

15 сентября: “В высоких кругах немецкого офицерства все больше укрепляется точка зрения, что ввиду провала планов молниеносной войны победа невозможна, и нужно ждать поражения и большевизации всей Европы, если не удастся установить сепаратный мир с Англией. Но для этого нужно сначала устранить Гитлера и установить военную диктатуру”²⁶⁹.

4 октября: “Немцы говорят, что применят химию всюду, где встретят упорное сопротивление русских. <...> Химия будет применяться с воздуха, при помощи химснарядов, артиллерии и выливными приборами”²⁷⁰.

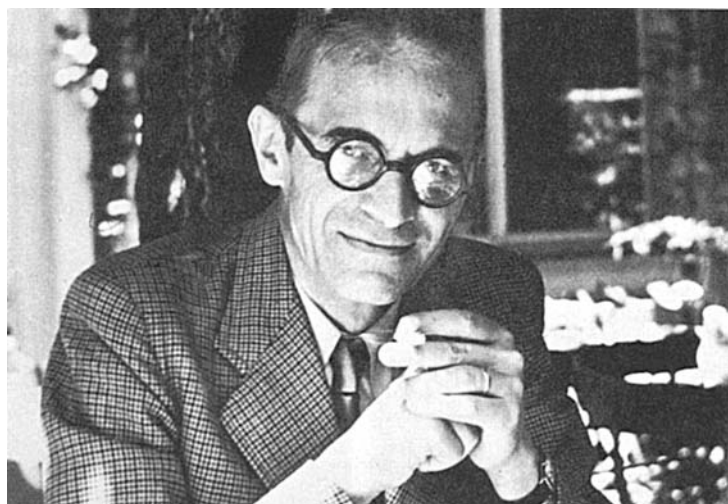
26 ноября: “Немцы к концу июня имели 22 танковых дивизии и 10 резервных танковых дивизий”²⁷¹. (Число действующих дивизий было завышено незначительно, зато число резервных превышало все мыслимые пределы).

9 декабря: “Немецкие ВВС имеют сейчас 22 000 самолетов первой и второй линии, к этому надо прибавить 6 000 — 6 500 транспортных самолетов Ю-52”²⁷².

9 декабря: “Новое наступление на Москву не является следствием стратегических планов, а объясняется господствующим в германской армии недовольством”²⁷³.

22 декабря: “Немецкие потери на Восточном фронте с 15 ноября считают до 10 000 человек в день. Немцы умерщвляют своих собственных тяжелораненых и контуженых путем впрыскивания им веществ, мешающих доступу воздуха в организм”²⁷⁴.

Подобные нелепости резко уменьшились в 1942 году, после выхода резидентуры на новые источники информации, хотя и не исчезли полностью. Например, в апреле 1942 года

Рудольф Ресслер

из Женевы доложили в Центр о наличии в вермахте 30 тысяч танков. Однако в этот период промахи такого рода происходили нечасто и стали скорее исключением, нежели правилом.

Наиболее заметные достижения швейцарского аппарата были еще впереди. Как уже указывалось, в феврале 1942 года Дюбендорфер установила контакт с работником Международного бюро труда (ИЛО) при Лиге Наций Христианом Шнайдером (“Тейлор”), который познакомил ее с Рудольфом Ресслером (“Люци”).

Относительно этого человека в литературе существует множество гипотез, предположений и просто домыслов, достоверность многих из которых весьма сомнительна. Точно известно, что Ресслер имел твердые антифашистские убеждения, эмигрировал из Германии и проживал в Люцерне, где владел агентством новостей “Вита-нова” и книжным магазином, что он установил плодотворное сотрудничество с главой “Бюро Ха” Гансом Хаузаманном, но, пожалуй, на этом точная информация и заканчивается. Далее исследователи вступают в эфемерную область догадок и логических построений. Вне всякого сомнения, Ресслер был совершенно уникальным источником даже на фоне множества поистине незаурядных людей, действовавших в этой специфической области в период Второй мировой войны. Знавшие его люди утверждали, что подобный склад ума они не встречали практически ни у кого больше. Директор департамента информации и документации швейцарского парламента Рудольф Курц сравнивал мозг Ресслера с компьютером, бывший офицер связи между “Бюро Ха” и военной разведкой Швейцарии фон Бальдегг именовал его человеком-компьютером, а Отто Пюнтер — просто чудачком. Правда, последний судил о нем исключительно с чужих слов. Практически постоянно находясь в Люцерне, “Люци” добывал множество самой свежей и достоверной информации по боевому составу вермахта, стратегическим и оперативным планам его командования, вооружению, укомплектованности личным составом, наличию материальных ресурсов и прочим не менее ключевым для любой разведки вопросам. Однако самое поразительное заключается даже не в самих сведениях, а в оперативности, с которой Ресслер получал их из рейха. Он обладал совершенно уникальными разведывательными воз-

возможностями, открывавшими ему доступ к принятым в ОКВ решениям зачастую буквально в течение часа после их оформления на бумаге, а иногда и ранее. В связи с этим не может не возникнуть закономерный вопрос об использовавшемся для этой цели канале связи, но ответ на него пока не найден. Существуют довольно экзотические версии, большинство из которых явно далеки от действительности. Согласно одной из них, активный участник заговора против Гитлера генерал Фриц Тиле вместе с будущим начальником разведки группы армий “Центр” на Восточном фронте бароном полковником Рудольфом фон Гернсдорфом привезли Ресслеру в Швейцарию передатчик, “Энигму”, список ключей к ней, инструкции и расписание связи, позволявшие шифровать радиogramмы без риска привлечь нежелательное внимание радиокоонтрразведки рейха. Эта красивая версия опровергается простым и достоверно установленным фактом полного незнания Ресслера с работой на ключе. Сам разведчик в завуалированной форме намекал на поддержание связи с группой несогласных с нацистским режимом офицеров, однако никогда и никому не называл ни их имен, ни должностей. Следует обратить внимание на уверенность Радо в том, что “Люци” не использовал курьеров. Одна из версий гласит даже, что Люцерн был соединен с ОКВ секретным телетайпным каналом, позволявшим дублировать указания верховного командования вермахта по управлению войсками и ведению войны. Ее приверженцы упускают из виду, что прокладка такого кабеля является сложным инженерным мероприятием, а все телетайпные установки на режимных объектах неизменно проверяются на предмет обнаружения посторонних подключений, причем в целях безопасности проверка зачастую параллельно осуществляется различными ведомствами. Тем не менее, зерно истины в этой гипотезе, вероятно, есть. Бернд Руланд в книге “Глаз Москвы” сообщает, что Ресслер получал информацию от своих источников в рейхе в виде телетайпных лент с узла связи ОКВ. Он указывает, что за период работы разведчик добыл тексты 4500 совершенно секретных телеграмм, 120 документов особой важности и изложение 800 телеграмм²⁷⁵, которые якобы передавались в штаб вермахта в Милане, а оттуда с транзитными железнодорожными составами (“Викинг”) — в Люцерн. В любом случае, источники “Люци” были, вне всякого сомнения, связаны с внутригерманской оппозицией, что достаточно просто устанавливается путем простого сравнения дат. С 19 мая по 6 сентября 1944 года Ресслер находился под арестом по обвинению в несанкционированной передаче информации советским и британским представителям, а после освобождения выяснилось, что его источники иссякли. Совершенно очевидно, что они были репрессированы в ходе чистки участников покушения на Гитлера.

Судя по всему, впервые на перспективного агента вышел руководитель резидентуры “Кази” чехословацкой разведки в Швейцарии Карел Седлачек (“Томас Зельцингер”), однако сам он упорно хранил молчание на этот счет до своей смерти в Лондоне в 1967 году. Как известно, Седлачек работал и на МИ-6 (агент № 22505), но не только. Он являлся агентом НКВД СССР (“Барон”), поэтому сведения Ресслера даже без его сотрудничества с резидентурой “Дора” в любом случае попадали бы в Москву, но “втемную”, более долгим путем и, возможно, в сжатом виде применительно к Восточному фронту рейха. Одна из явно не соответствующих действительности версий гласит, что никакой агентуры в рейхе Ресслер не имел, а был всего лишь передаточным звеном, через которое помощник руководителя МИ-6 Клод Дэнси доводил до сведения советского союзника материалы, полученные по каналу “Ультра”, поскольку иначе обойти существовавший на это запрет не мог. Подобное предположение опровергается сразу несколькими обстоятельствами. Прежде всего, ни характер, ни убеждения Дэнси явно не соответствовали образу человека, тайно помогавшего коммунистам. Далее, против этой версии работают нестыковки в сроках получения информации из Германии и процедурой вскрытия шифров “Энигмы”. Наконец, ранее описанные проблемы с перехватом и дешифровкой радиogramм на Восточном фронте окончательно опровергают вариант негласного информирования англичанами СССР через Ресслера. Еще одним вариантом разгадки являлось предположение о том, что агент опять-таки не добывал никакой информации, а получал ее от швейцарцев для дальнейшей передачи разведывательным органам государств антигитлеровской коалиции. При этом не уточняется, откуда могли добыть столь деликатные данные сами швейцарцы. Ф. Найтли выдвигает явно схоластичную и надуманную гипотезу о сборе военной разведкой Конфедерации своего рода “налога” в виде информации с действовавшей на ее территории иностранной агентуры в обмен на позволение спокойно работать. В результате ни одна из версий не может считаться хоть чем-нибудь подтвержденной.

Следует особо подчеркнуть, что информация “Люци” была первоклассной далеко не всегда. Он путал нумерацию германских дивизий, приписывал германским военачальникам не существовавшие в рейхе звания (маршал вместо фельдмаршал), чего никогда не допустил бы источник из числа старших офицеров или генералов. Элитную дивизию вермахта “Великая Германия” анонимный источник Ресслера относил к СС, что было для немецкого офицера просто немыслимо и равносильно заявлению офицера советской армии о пребывании Таманской дивизии в структуре внутренних войск МВД СССР. Случались и по-настоящему вопиющие ошибки. Для примера можно рассмотреть сообщение за подписью “Доры” в двух частях (383 и 384, зарегистрированы в ГРУ под номерами 13279 и 13285) от 19 марта 1943 года. В нем приводятся данные по немецкому танкостроению, причем в качестве источников упоминаются “Ольга” и “Вертер”; последний якобы получил их от некоего генерала Томаса. Изучение списка генералов вермахта позволяет прийти к выводу о том, что этим человеком теоретически мог являться только начальник управления военной экономики и вооружения ОКВ генерал пехоты Георг Томас. Совершенно очевидно, что источник такого рода должен обладать полной информацией по рассматриваемому кругу проблем, но, тем не менее, радиограмма изобилует ошибочными, а зачастую и нелепыми утверждениями. Приведем лишь некоторые из них.

1. В сообщении фигурируют обозначения танков Б-1, А-2 и С-1, никогда не употреблявшиеся в Германии.
2. Приведены совершенно фантастические данные о 71-тонном танке С-1 “Крепость”, Ничего подобного никогда на вооружении вермахта не состояло, но в радиограмме речь явно идет о серийном, а не экспериментальном образце, поскольку упоминается значительное сокращение его производства с декабря 1942 года. Очевидная нелепость.
3. Упоминается о том, что тип танка № 4 теперь считается № 5. Подобной смены обозначений типов техники в системе бронетанкового вооружения вермахта не было никогда.
4. Наряду с 88-мм, упоминается никогда не существовавший в вермахте калибр танковой пушки 80 мм.

Там же присутствует и ряд других ошибок, причем настолько грубых, что их даже невозможно считать дезинформацией. Судя по всему, речь идет о простом вымысле. Подобные примеры в материалах “Люци” были не единичны, поэтому, по крайней мере, в этих случаях не может быть и речи о том, что он получал ее из первых рук. Однако сообщения источника были далеко не однородны и в своей массе отличались высокой степенью достоверности.

На прямой контакт с советской разведкой Ресслер вышел летом 1942 года сам, после того, как убедился, что предоставляемая им информация не попадает к основному ее потребителю. В этот период СССР в одиночку сражался с Германией на сухопутном фронте в Европе, и разведчика крайне возмущал факт сокрытия добытых им данных от того, кто нуждается в них больше всех. Поэтому он сам предложил своему знакомому Христиану Шнайдеру поставлять ему материалы о вермахте, поставив единственным условием свою анонимность. “Тейлор” сообщил об этом “Сисси”, а та проинформировала “Альберта”, доложившего об инициативном выходе в Центр. Руководство ГРУ решило дать новому источнику проверочное задание и предложило ему добыть данные о составе сил вермахта на Восточном фронте. Результат превзошел самые смелые ожидания. В ответе содержалась подробная информация не только обо всех армиях, но во многих случаях и о дивизиях, причем она не расходилась с установленной советской разведкой дислокацией германских частей и соединений. С ноября работа агента, на связи с которым находился один Шнайдер, стала регулярной, а сам он по причине проживания в Люцерне получил оперативный псевдоним “Люци”.

Заслуживает отдельного рассмотрения вопрос о кодировании Ресслером своих источников. На протяжении многих послевоенных десятилетий не утихают споры разведчиков, и историков о том, кто скрывался под именами: “Анна”, “Вертер”, “Тедди”, “Ольга”, “Штефан”, “Фердинанд”. Версий было множество, от банальных до самых экзотических, и ни одна из них не подтверждена документально. Относительно достоверно установлено лишь то, что, скорее всего, псевдонимы не относились к конкретным людям. После многолетних попыток их идентификации большинство исследователей согласилось с первоначально отвергавшимся ими предположением Фута о том, что таким образом “Люци” просто кодиро-

вал область, к которой относилась информация. “Вертер” обозначал ОКВ, “Тедди” — главное командование сухопутных войск, “Штефан” и “Фердинанд” — главное командование люфтваффе, “Ольга” и “Анна” — МИД и так далее (имеются и несколько другие варианты расшифровки). Из упомянутых 332 радиogramм резидентуры “Дора” 69 исходят от источника “Вертер”, 31 — от “Тедди”, 26 — от “Ольги” и 11 — от “Анны”. Доля “Штефана” и “Фердинанда” несоизмеримо меньше. Указанные радиogramмы представляют собой вполне репрезентативную выборку, что позволяет заключить: “Люци” обеспечил швейцарскую точку ГРУ свыше 42% информации.

Источники “Люци” оставались секретом и для ГРУ. Об этом, в частности, свидетельствует адресованная “Сисси” раздраженная радиogramма из Москвы от 15 августа 1943 года (обратный перевод с английского): “Мы, Центр, имеющий своих людей везде и способный выяснить, что происходит в других странах и вокруг Вас, ясно и недвусмысленно сообщили Вам о наличии у нас надежных свидетельств того, что гестапо знает о Вашей работе на нас и попытается раскрыть Ваши связи внутри Германии. Вы, однако, отклонили эту возможность и расценили ее как попытку забрать у Вас группу “Тейлора”. Поскольку Вы заняли такую позицию, Вы должны понимать, что Вам ничего не известно об опасности, угрожающей Вам и людям “Тейлора”, в особенности тем из них, кто находится в Германии. Вы ведете себя легкомысленно и безответственно. Мы требуем, чтобы Вы осознали серьезность ситуации и полностью доверяли нашим утверждениям. Мы повторяем: гестапо знает о Вашей связи с нами и попытается совершить все возможные провокации”²⁷⁶. Однако “Сисси” по-прежнему категорически отказывалась раскрыть источники “Люци”, а скорее всего, и сама не знала их. Радо периодически также получал выговоры из Центра из-за своей неспособности выяснить требуемые данные и все время был вынужден оправдываться.

По данным В. Флике, немцы перехватывали отдельные сообщения агентов-радиостов из окрестностей Женевского озера с лета 1941 года, хотя позднейшие изыскания в архивах показали, что это было не так. Пост радиоконтрразведки в Кранце засек передатчик в Женеве лишь в июле 1942 года, да и то весьма приблизительно. В следующем году функабвер достаточно точно установил его дислокацию, а затем запеленговал и передатчик “Джима” в Лозанне. Вскоре немцы поняли, что в Женеве работают не одна, а две линии связи, после чего вся сеть получила название “Красной тройки”. Хотя до декабря 1942 года функабвер не мог сообщить ровно ничего как в отношении содержания радиogramм, так и о личностях агентов-радиостов, их опасность была очевидной. Анализ перехвата показывал, что в Советский Союз уходит значительный объем информации, причем передаваемый с пугающей регулярностью. Немцы немедленно подключили к разработке АСТ-Дижон и свои резидентуры в Швейцарии.

В сентябре 1942 года работники резидентуры “Дора” впервые оказались в поле зрения местных органов безопасности. Незадолго до этого полиция задержала брата “Эдуарда” с нелегальными социалистическими материалами и провела рейд по всем его связям. Поскольку братья действовали совершенно независимо и не знали о подпольных операциях друг друга, Эдмонд Хамель не имел понятия о произошедшем аресте. Однако спасти радиоквартиру помогла установка “Эдуардом” в магазине весьма прочной двери, не позволявшей неслышно и быстро вторгнуться в помещение. Когда полицейские внезапно начали ломиться в него, Ольга успела сжечь листки с информацией и спрятать передатчик в специально приготовленной для этого яме в кладовой. При обыске под паркетом был найден другой передатчик, который “Эдуард” собирал в корпусе УВЧ-осциллятора, но в нем недоставало нескольких существенных деталей, в частности, ключа, и Хамели попытались выдать его за медицинский прибор, действительно требовавшийся Эдмонду для лечения. Его устройство весьма схоже с коротковолновым передатчиком, и привлеченные полицией эксперты дали заключение о том, что найденный аппарат более похож на осциллятор, нежели на радиостанцию. Полицейские искали литературу подрывного содержания и не рассчитывали на обнаружение в ходе обыска специальной техники. Поэтому следователь не стал углубленно разрабатывать линию передатчика, а просто подшил к делу акт экспертизы и направил его в суд. Хотя заседания пришлось ожидать несколько месяцев, уже на третий день Эдмонд вернулся домой. В мае он получил повестку в суд и в начале июня был приговорен к 10 суткам ареста условно за незаконное хранение коротковолнового медицинского аппарата, на что граждане Конфедерации не имели права.

Исход обыска у Хамелей оказался благополучным лишь случайно. Требования конспирации предписывали немедленно прекратить работу рации “Эдуарда” и “Мод”, однако Радо

не сделал этого. Два оставшихся передатчика неизбежно захлебнулись бы в потоке радиogramм, поэтому некоторое время спустя резидент подыскал для супругов новую радиоквартиру, спрятав на старой запасную рацию. Теперь они поселились на отдельно стоящей вилле, все подходы к которой хорошо просматривались и при внимательном наблюдении исключали внезапное появление группы захвата. К сожалению, осенью следующего года пренебрежение этой возможностью обошлось резидентуре весьма дорого.

Первый целенаправленный выход противника на швейцарскую сеть ГРУ произошел после ареста “Кента”, сообщившего о доставке шифра на рю де Лозанн, однако умолчавшего о более существенных данных. Флике утверждал, что до лета 1944 года радиоконтрразведка была не в состоянии читать перехватываемые сообщения, но это было не так. Подобие брссельских и швейцарских шифров позволило немцам получить частичный доступ к радиogramмам, за исключением передаваемых через рацию “Джима”. К этому времени в игру разведок в Конфедерации включилась весьма крупная фигура — начальник VI управления РСХА бригадфюрер Шелленберг. Близкие к ГРУ авторы утверждают, что одним из важнейших предметов его упомянутых ранее переговоров с Массоном являлось стремление заручиться согласием последнего на участие в ликвидации советской агентурной сети. С этим нельзя согласиться. Тщательный поиск в швейцарских архивах показал, что данная тема в беседах как самих руководителей разведорганов, так и их представителей почти не затрагивалась. Возможно, правда, что где-то в германских архивах имеются и другие данные на этот счет.

В любом случае, целесообразно привести советскую версию происшедшего. Массон якобы не отверг предложение немца, но в весьма уклончивой форме пообещал заняться этой проблемой и фактически не сделал ничего. В марте 1943 года Шелленберг вторично приехал в Конфедерацию и предпринял уже значительно более жесткий нажим на коллегу угрозой возможного вторжения рейха, а также шантажировал этим прибывшего в Берлин комиссара “Бупо”. Угроза оккупации явилась весьма действенным инструментом, хотя и не соответствовала действительности. Шелленберг сумел убедить собеседников в том, что он прибыл в Конфедерацию по личному поручению фюрера и с большим трудом сдерживает его гнев на страну, приютившую на своей территории иностранных агентов и не желающую бороться с ними. Начальник СД-аусланд заявил, что такое попустительство никак не вяжется с нейтральным статусом Конфедерации и потому может быть использовано Гитлером в качестве предлога для вторжения. Он потребовал встречи с главнокомандующим армией генералом Гюсаном. На переговорах с Массоном Шелленберг вначале предложил ему обмен разведывательными данными, однако не встретил взаимопонимания, зато добился впечатляющего успеха в другом. Он сумел внушить начальнику швейцарской разведки, что является единственным человеком, способным уговорить Гитлера отменить запланированное вторжение, но для этого Берн должен пойти ему навстречу и действительно активизировать борьбу с советской агентурой. Массон поверил в реальность нависшей над страной угрозы и ощущал себя обязанным отвести ее. Для этого он проигнорировал прямой запрет Федерального собрания на поддержание контактов с немцами, однако одновременно попытался максимально оттянуть начало активных действий по ликвидации сетей советской разведки. Не следует забывать, что Сталинградская битва уже состоялась, и все в Европе, а разведчики в первую очередь, понимали, что рейх ведет тяжелейшую войну, исход которой далеко не обязательно окажется для него благоприятен. Массон попытался сослаться на нехватку пеленгаторных установок, но немцы немедленно выразили готовность помочь в этом вопросе. В результате долгих затяжек и проволочек мобильная группа швейцарской контрразведки была создана лишь в сентябре 1943 года, к ней прикомандировали двух специалистов СД.

К этому времени функабвер уже довольно давно читал текущую переписку “Красной тройки”, постепенно прочел и ранее перехваченные радиogramмы, однако для установления полной картины полученной информации недоставало. Во-первых, в архивах отсутствовали самые ранние сообщения с установочными данными на многих членов сети. Во-вторых, шифр “Джима” не имел ничего общего с брссельской системой и поэтому сохранял свою стойкость. В третьих, криптоаналитики читали радиogramмы лишь в случае перехвата их условных групп, а из-за нерегулярного расписания сеансов связи начало сообщения зачастую пропускалось. Однако не менее половины сообщений все же стало достоянием немцев. Это являлось огромным массивом информации, поскольку радисты “Доры” работали на ключе по несколько часов в сутки. В целом к лету 1943 года СД-аусланд уже располагала значи-

тельным объемом информации о противнике в Швейцарии. Немцы с достаточно высокой степенью достоверности установили состав резидентуры, но терялись в догадках относительно ее источников. Вероятно, их наибольшая ошибка заключалась в том, что “Тейлор” и “Люци” считались одним человеком, личность которого оставалась неизвестной.

Три пеленгаторные машины совместной оперативной группы швейцарской контрразведки и СД впервые засекли передатчик “Эдуарда” и “Мод” 11 сентября 1943 года, а через две недели установили и дислокацию станции “Розы”. Однако еще в июне вокруг некоторых работников резидентуры начали происходить события, не имевшие, на первый взгляд, логического объяснения. Прибывший из Цentra к “Джиму” курьер вел себя совершенно непонятно, и Фут предположил, что тот может подставлять его наружному наблюдению либо местной контрразведки, либо, что вероятнее, немцев. Он доложил об этом в ГРУ и получил указание законспирироваться. “Сисси” также не осталась без внимания. Ей адресовались загадочные телефонные звонки, сотрудники “наружки” вели ее почти открыто, и все это усугублялось арестом в Париже в апреле 1943 года участника Сопротивления “Мориса”, хорошо осведомленного о личности Дюбендорфер и о роде ее деятельности. В непосредственной близости к резидентуре замелькали двое бывших граждан СССР Неманов и Белов, практически открыто заявлявших о своей принадлежности к советской разведке. Белов вообще утверждал, что является Героем Советского Союза и возглавляет агентурный аппарат ГРУ в Швейцарии. Деятельность этого германского агента увенчалась заметным успехом, поскольку работник группы “Сисси” Александр Абрамсон (“Мариус”) поверил ему и регулярно отчитывался о проделанной работе и состоянии дел. Это серьезное достижение наступательной контрразведки немцев в Швейцарии позволило им получить немало ценной информации.

В августе 1943 года произошел выход агентуры противника и на “Альберта”. К нему обратился человек, отрекомендовавшийся Ивом Рамо, и предложил связать его с Центром. Рамо рассказывал о произошедших в Париже арестах и утверждал, что имеет немало на-сущно важной для СССР информации, но не знает, как донести ее до адресата. Он якобы руководит подпольной сетью во Франции под псевдонимом “Аспирант” и располагает передатчиком, однако не имеет шифра и расписания связи, и поэтому просит разрешения Радо на использование его линии. Кроме того, визитер рассказывал, что был якобы заключен во Франции в концлагерь вблизи испанской границы, но сумел бежать оттуда. Резидент весьма засомневался в правдоподобности всей этой истории, хотя все же сообщил о ней в Центр и получил незамедлительный ответ. ГРУ сообщило, что под фамилией Рамо скрывался бывший журналист Эвальд Цвейг, ранее сотрудничавший с французскими спецслужбами, а затем предложивший свои услуги немцам. Он был женат на венгерской оперной певице, знал Радо как венгерского коммуниста и не без оснований полагал, что тот мог сохранить прежние связи. Столь грубая разработка не принесла плодов, да и не могла их принести. “Альберт” выпроводил посетителя и лишь удвоил бдительность, отметив при этом, что тот был неплохо информирован об обстоятельствах провалов французских групп ГРУ. Это наводило на определенные размышления, однако внешне причин для особой тревоги пока не усматривалось. Радо понимал, что рано или поздно обязательно попадет в поле зрения как немцев, так и местной контрразведки, и старался не дать им никаких улик своей нелегальной деятельности.

Он не был бы столь спокоен, если бы знал, что немцы уже читают переписку резидентуры с Москвой и знают о расшифровке многих их агентов. Это обстоятельство заставило СД ускорить ход событий и оказать соответственный нажим на швейцарцев, активировавших наружное наблюдение с целью получить как можно больше улик против разведчиков. Это ощутила “Роза” и в начале октября доложила резиденту о ведущейся за ней слежке. Радо приказал ей передать рацию и документы по связи “Эдуарду”, остальные улики уничтожить и немедленно переехать в дом к родителям, чтобы обезопасить себя от любого обыска и дальнейшего судебного преследования. После этого “Альберт” успокоился и полагал, что все в порядке, однако не учел двух непредвиденных факторов. Во-первых, Хамель не полностью справился с возложенным на него поручением и оставил в квартире “Розы” такие бесспорные доказательства ее разведывательной деятельности как запасные части к передатчику, таблицы позывных и страницы книги, использовавшейся для перешифрования радиogramм. Если бы он тщательнее проверил жилище Болли, то смог бы нейтрализовать даже последствия второго неизвестного Радо фактора. Он заключался в том банальном факте, что в 1942 году молодая девушка без памяти влюбилась в парикмахера Ганса Петерса, оказавшегося членом местной национал-социалистической организации и негласным со-

трудником гестапо. До сих пор неизвестно, как именно немцы установили причастность Болли к нелегальной деятельности, однако сути дела это не меняет. В непосредственном окружении одного из работников резидентуры оказался агент противника. В нарушение строжайших требований конспирации девушка не только не доложила “Альберту” о своей связи, но даже поселила Петерса у себя дома и пользовалась его помощью в некоторых специальных вопросах. После приказа резидента уехать к родителям “Роза” перебралась в Женеву к любовнику, опять-таки скрыв это от Радо. Судя по всему, действиями молодой радистки руководила не только страсть, но и опасение быть немедленно изгнанной из штата резидентуры за нарушение правил безопасности, тогда как она хотела быть максимально полезной в борьбе с нацизмом.

Отпущенный резидентуре “Дора” срок существования подходил к концу. Радиоконтрразведка без труда определила местонахождение рации Хамелей в отдельно стоящей вилле, что было значительно проще и исключало сомнения, возникающие при пеленгации в многоквартирном доме. Радистов пока не трогали, полиция желала накопить как можно больше фактического материала из дешифровок их сообщений. Конечно, по всем канонам разведки линию связи “Эдуарда” и “Мод” полагалось законсервировать, но резидент не сделал этого, поскольку рация “Джима” в одиночку была бы не в состоянии передать даже наиболее важные сообщения. Не следует забывать, что Радо и его коллеги совершенно не предполагали, что противник может читать их переписку. “Альберт” готовился к продолжению деятельности и даже использовал “Джима” для подготовки новых радистов для работы на запасной рации. Этому помешали обстоятельства, возникшие в процессе выполнения Футом задания Центра, не связанного с работой резидентуры “Дора”. У него на связи находились супруги Лоренц и Лора Мартин, в поведении которых время от времени проявлялись некоторыестораживающие моменты. После их обращения в Москву с просьбой прислать адреса явок ГРУ в Швейцарии Центр и Радо дали Футу указание немедленно прервать связь с Мартинами, однако полностью осуществить это не удалось. Во время отсутствия “Джима” они даже сумели негласно обыскать его квартиру. Кольцо вокруг резидентуры затягивалось, и единственным слабым местом контрразведки оставались шифры “Джима”. Они по-прежнему сохраняли свою стойкость, тогда как остальные радиogramмы в основном немедленно прочитывались. Швейцарская контрразведка и немцы узнали из них о срочных мерах, предпринимаемых Радо для вывода своего аппарата из-под удара, и решили приступить к активным действиям. В ночь с 13 на 14 октября 1943 года одновременно были арестованы Маргарита Болли на квартире у Ганса Петерса и супруги Хамель в своей вилле. Группа захвата сумела бесшумно проникнуть в дом и взять Ольгу на ключе во время передачи, не дав ей отправить сигнал опасности.

После получения информации об арестах Радо немедленно отправился в Лозанну к Футу, чтобы попытаться организовать бесперебойную работу последней оставшейся линии связи. Сделать это было крайне важно, поскольку аресты настигли лишь радистов, а источники резидентуры оставались пока нетронутыми и давали ценную информацию. Радо сообщил в Центр о произошедшем провале, а также через свои контакты в полиции ненадолго сумел установить связь с арестованными и выяснил обстоятельства арестов и ход первоначального этапа следствия. Полученные сведения не слишком обнадеживали. Хамели отрицали все, однако захваченные в их доме улики с лихвой перевешивали робкие попытки защиты. Болли под давлением найденных в ее квартире вещественных доказательств призналась в работе на иностранную разведывательную организацию, хотя до февраля 1944 года упорствовала в том, что работала на Великобританию и США. Хамели держались дольше. Через тюремного надзирателя “Эдуарда” сообщил Радо информацию о том, что контрразведка разыскивает его и третий передатчик, благодаря чему резидент своевременно приступил к переходу на нелегальное положение и успел принять нужные меры предосторожности. Наивно полагая, что союзническое взаимодействие распространяется также и на область операций разведки, “Альберт” запросил у Центра разрешение обратиться в британскую миссию в Берне. ГРУ ответило немедленно и недвусмысленно: “Ваше предложение укрыться у англичан и работать оттуда совершенно неприемлемо. Вы и Ваша организация в этом случае потеряли бы самостоятельность. Мы понимаем Ваше тяжелое положение и попытаемся Вам помочь... Немедленно сообщите, сможете ли Вы продержаться или укрыться где-нибудь на два-три месяца”²⁷⁷.

“Альберт” понял, что этот путь к спасению для него закрыт, и принялся готовить альтернативный вариант. Прежде всего следовало организовать работу точки в условиях пе-

рехода резидента на нелегальное положение. Он передал руководство всеми источниками и единственной остававшейся линией связи Пюнтеру, в последний раз вышел из дома под прикрытием прогулки со своей овчаркой и скрылся. Уже после этого резидент вновь встретился с “Джимом”, чтобы предупредить его о новой ситуации и мерах предосторожности. Во время этой проходившей вечером в парке встречи обоим разведчикам пришлось срочно уходить от наблюдения. Полученные после войны данные показали, что они едва избежали захвата немцами и вывоза в рейх. Жена Радо находилась на излечении в больнице и, благодаря не слишком плотному наблюдению сумела присоединиться к мужу. Оба супруга с середины ноября 1943 года поселились в квартире знакомого врача и до сентября 1944 года не покидали ее, что было довольно тяжким испытанием, но в любом случае лучшим исходом, чем тюрьма.

Отныне Фуг работал в новом режиме, выходя на связь с Центром без всякой системы, чтобы хоть как-то затруднить работу служб перехвата. Один или два раза в неделю он приходил к Радо на конспиративную квартиру и докладывал ему о ходе работы, так же поступала и Дюбендорфер, однако достаточно скоро наступила развязка. Несмотря на все предосторожности “Джима”, к 5 ноября контрразведка установила, что он поддерживает связь именно с СССР, и таким образом получила основание отнести его к группе, именуемой немцами “Красной тройкой”. В 00.45 20 ноября его арестовали, что, возможно, спасло Фугу жизнь. Как сообщал Радо, впоследствии было установлено, что СД-аусланд, для которой факт принадлежности “Джима” к советской сети являлся давно установленным, наметила его похищение на 23 ноября. Сохранивший присутствие духа радист успел разбить рацию и сжечь тексты передаваемых радиogramм, а на допросах утверждал, что работал на Великобританию и Соединенные Штаты. Швейцарцы, которым, вероятно, не давали покоя лавры германской контрразведки, решили воспользоваться тем обстоятельством, что Фуг не успел передать сигнал опасности, и попытались начать радиоигру с ГРУ. Судя по всему, это требовалось им не для дезинформации Москвы, в чем Берн совершенно не был заинтересован, а для выявления остатков советского агентурного аппарата в Конфедерации. Подобные возможности открывались перед швейцарцами столь редко, что в данном случае к операции подключились все, кто только мог: военная контрразведка, разведка, федеральная полиция и даже прокуратура. Однако и все вместе они не могли даже мечтать ввести в заблуждение советскую разведку, к концу 1943 года набравшую огромный опыт радиоигр. В Москве быстро разгадали намерения противника, прежде всего благодаря тому, что радиogramмы из Швейцарии закрывались шифром Радо, а не Фуга. Лишь к апрелю 1944 года контрразведчики поняли, что советская сторона ведет с ними собственную контригру. Теперь не было нужды оставлять на свободе расшифрованных агентов, и 19 апреля последовал разгром группы “Сисси”, в значительной степени обусловленный грубыми нарушениями требований конспирации со стороны некоторых ее работников. В доме Дюбендорфер, арестованной вместе с Бетхером, дочерью Тамарой и освобожденным из-под стражи в тот же день двоюродным братом Вальтером Флуцингером, полицию ожидали новые открытия. Результаты обыска превзошли самые смелые ожидания контрразведчиков, обнаруживших там около тысячи зашифрованных и не зашифрованных радиogramм, а также использованную копировальную бумагу. Последнее позволило вскрыть зашифрованные тексты, несмотря на то, что шифровальную книгу полиция так и не нашла.

Через месяц серия арестов продолжилась. После установления псевдонимов советских агентов, полицейские заметили, что один из них (“Taylor”) представляет собой дословный перевод на английский язык немецкого значения фамилии “Schneider” — “портной”. После недолгой разработки это привело к аресту Христиана Шнайдера и обнаружению в изъятых у него документах материалов швейцарской разведки, а именно сведений о продаже в Германию новых зенитных автоматов “Эрликон”. Экспертиза показала, что некоторые из документов были отпечатаны на машинке, принадлежащей “Бюро Ха”, после чего выйти на Ресслера оказалось уже несложно. Тогда же полиция арестовала и офицера связи между “Бюро Ха” и HC-1 Бернарда Майера фон Бальдегга, вызвав этим немалое раздражение военных. Впрочем, под арестом он пробыл всего девять дней, после чего был выпущен на свободу. Приверженцы версии работы Ресслера на советскую разведку с санкции своего руководства утверждают, что его взяли под стражу с единственной целью скрыть от немцев причастность “Бюро Ха” к операциям “Красной тройки”.

Позднейшие исследования показали, что “Сисси” допустила еще два нарушения требований конспирации, повлекшие даже более тяжкие последствия, чем хранение текстов

радиограмм и листов использованной копировальной бумаги. В период финансовых затруднений после перехода Радо на нелегальное положение она написала письмо своей подруге Хермине Рабинович, сотруднице канадского филиала Международного бюро труда (ИЛО). Дюбендорфер знала о ее близости к советской разведке и эзоповым языком попросила адресата связаться с посольством СССР для получения крайне необходимых ей для продолжения работы 6700 долларов США. Немного позднее разведчица скорректировала требовавшуюся сумму и увеличила ее до 11 тысяч долларов. В обоих случаях просьба была отправлена по обычным почтовым каналам и сразу же привлекла внимание цензоров. Все это было, по меньшей мере, странно. Хорошие контакты Шнайдера с французским движением Сопротивления позволяли “Сисси” адресовать свою просьбу в посольство или военную миссию СССР в освобожденном Париже, не ставя под угрозу компрометации ни себя, ни других, однако по неизвестным причинам она предпочла рискованный канадский вариант. Следует отметить, что он не только привел к провалу части агентурных сетей советской разведки на Американском континенте, но и не достиг желаемой цели. Не разбиравшаяся в межведомственных проблемах Рабинович сообщила о швейцарской проблеме резиденту НКГБ, а не ГРУ. Тот счел излишним стараться ради “соседей”, и деньги для Дюбендорфер так и не были отправлены.

Строго говоря, деятельность резидентуры “Дора” на этом не прервалась. Пюнтер продолжал руководить источниками, но добываемую информацию приходилось накапливать, поскольку ни одной линии связи в его распоряжении уже не оставалось. Немцы, не слыша в эфире советские агентурные передатчики, успокоились и более не предъявляли Швейцарии претензий по этому поводу, а власти Конфедерации просто не знали о существовании оставшейся агентурной сети, поскольку полагали, что разгромили ее полностью. Шелленберг несколько раз пытался добиться передачи арестованных германским властям на том основании, что они работали против рейха, однако безуспешно. Тем временем шло следствие, на котором советские агенты не рассматривались как враги Швейцарии, поэтому отношение к ним было соответствующе мягким. Следователи неоднократно обращали внимание подследственных на то, что аресты наверняка спасли их от похищения или ликвидации боевиками СД. Это являлось абсолютной правдой. В сентябре 1944 года всех арестованных выпустили до суда под подписку о невыезде, которую Фут сразу же нарушил. Он немедленно перебрался через границу и прибыл в Париж, где уже находилась советская военная миссия и представитель ГРУ. 16 сентября границу с Францией пересек и вышедший из своего убежища Радо, который добрался до Парижа за восемь дней. Там он связался с советской военной миссией и в январе 1945 года на одном самолете с Треппером и Футом был отправлен в Советский Союз. К этому времени бывший резидент успел утратить некоторые иллюзии и многое понять, поэтому попытался исчезнуть при промежуточной посадке самолета в Каире. Большинство источников утверждает, что он явился к британцам под видом рядового советского военнопленного и попросил у них убежище, однако получил отказ. Подчеркивается, что “Альберт” легко мог добиться своей цели. Для этого стоило лишь раскрыть себя, но Радо понимал, что платой за спасение неизбежно станет предательство, и якобы отказался от этого пути. Однако в действительности, судя по всему, события развивались несколько иначе. В недавно рассекреченных материалах Центра по изучению разведки ЦРУ США приведен текст справки британского цензорского пункта в Египте от 24 февраля 1945 года, официально врученной представителю ОСС в Каире 11 апреля того же года. Она гласит: “РАДО, ШАНДОР. Во время немецкой оккупации Венгрии проживал в Женеве, где публиковал географические карты для союзных правительств до 1943 года; раскрыт ГЕСТАПО, вследствие чего его родственники в Венгрии были убиты / отправился с семьей в Париж в сентябре 1944 года и продолжал работать / был вызван в Россию для отчета о своей деятельности с организацией “Свободная Франция” и 8 января 1945 года отбыл в Москву на специальном самолете / заподозрив ловушку, совершил побег с самолета в Каире, где и остался / не получал известий от своей жены из Парижа и подозревает, что она, скорее всего, депортирована / бывший член географического общества в Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Женеве, Риме и Вашингтоне”²⁷⁸. Как видим, ничего похожего на биографию рядового военнопленного в этом сообщении нет. Однако, действительно, Радо воздержался от любого упоминания о связи с советской разведкой и просто попытался представить себя беглецом от режима. По некоторым данным, он даже попытался покончить с собой, но неудачно. Его спасли и вскоре выдали по требованию Советского Союза. В декабре 1946 года Особое совещание при МГБ

СССР приговорило бывшего резидента ГРУ в Женеве к 10-летнему тюремному заключению. В числе статей обвинения фигурировали провал резидентуры из-за отсутствия конспирации и халатности при хранении шифров и оперативных материалов, работа двойных агентов в аппарате резидентуры, а также его собственная двойная игра. Доказательством последнего пункта послужил запрос Радо о позволении укрыться на территории британской миссии в 1943 году, а также его побег в Каире. Так Советский Союз отблагодарил одного из лучших резидентов периода Второй мировой войны. Следует отметить, что, судя по всему, в некоторой части выдвинутые против Радо обвинения не были беспочвенными. Это касается присвоения оперативных сумм, предназначенных для финансирования деятельности разведки в Швейцарии. Так, Центр разрешил платить Хамелям по тысяче франков в месяц, фактически же они получали по 150 плюс покрытие расходов, что за 27 месяцев составило лишь 12100 франков. Маргарите Болли предназначалось вначале 500, затем 800 франков в месяц, но девушка получала не более 400, а всего за 24 месяца работы получила 8350 франков²⁷⁹. Однако эта часть обвинений никак не могла повлечь за собой осуждение Радо на столь длительный срок, тем более с учетом его заслуг перед государством. Дело бывшего резидента было пересмотрено лишь в самом начале января 1954 года, и после полной реабилитации он вышел на свободу. Впоследствии Радо работал в государственном картографическом бюро и в министерстве сельского хозяйства Венгрии, а также преподавал в будапештском университете имени Карла Маркса. В 1957 году возглавил Комитет по картографии и геодезии Организации Варшавского договора. Жена бывшего резидента вернулась из Франции в 1956 году, но два года спустя умерла от рака. Муж пережил ее на 23 года.

Аналогичная история произошла и с Дюбендорфер и Бетхером, тоже прибывшими в Париж в июне 1945 года с большим количеством информации и тоже отправленными в СССР, где вместо заслуженных наград они получили приговор суда. Однако пробывать в заключении им пришлось несколько дольше, реабилитация состоялась лишь в феврале 1954 года.

Швейцарский суд отнесся к разведчикам значительно гуманнее, чем советский. В октябре 1945 года Радо, Фут, Дюбендорфер и Бетхер были заочно приговорены к коротким срокам тюремного заключения, Шнайдера отпустили прямо из зала суда, поскольку в процессе следствия он уже отбыл назначенное ему наказание, Болли получила условное наказание, Ресслера, естественно, оправдали, и лишь супругам Хамель пришлось некоторое время пробывать в тюрьме. Несколько ранее, 31 мая слушалось дело фон Бальдегга. Его обвинили в передаче разведывательной информации представителям иностранного государства, но он сумел доказать, что делал это в рамках указаний руководства и отделался символическим штрафом в 800 франков.

В послевоенных оценках резидентура “Дора” признавалась одной из важнейших точек секретных служб в период Второй мировой войны. В частности, весьма высоко оценивался ее вклад в период подготовки немцами операции “Цитадель”, позволивший советскому командованию заблаговременно подготовиться к наступлению вермахта и выиграть Курскую битву. Некоторые излишне эмоциональные авторы заявляли даже, что “война была выиграна в Швейцарии”²⁸⁰, но сам Радо оценивал такие заявления с подобающей скромностью: “Признаться, я был крайне удивлен тем, что спустя много лет после окончания войны на Западе поднята шумиха вокруг работы советских разведчиков в Швейцарии”²⁸¹. Эмоциональный Фликке вообще усматривал во всей этой истории нечто большее и сохранял убеждение, что “Красную тройку” прикрывал кто-то в самых высших эшелонах рейха: “Если мы читали передаваемые в Москву сообщения и полностью осознавали их значение, то такие термины как “шпионаж” и “измена” в данном случае неприменимы. Это нечто новое и уникальное, нечто не имеющее по своему значению аналогов в истории”²⁸². Однако дальше декларативных заявлений он не пошел и свои подозрения не расшифровал. Следует заметить, что, несмотря на различные мнения относительно тех или иных сторон деятельности аппарата советской военной разведки в Швейцарии, практически все исследователи единодушно признают резидентуру “Дора” одной из наиболее успешных разведывательных организаций в истории.

Оценку степени результативности работы ГРУ в Швейцарии целесообразно основывать на имеющихся в открытом доступе документах, в противном случае исследователь рискует оказаться в плену собственных предположений или навязанных ему стереотипов. Прежде всего, следует определить объем переданных в Центр сообщений, который В. Фликке оценивает в 5500 радиোগрамм, то есть в среднем по пять отправляемых сообщений в день. Судя по всему, германский радиоконтрразведчик заметно завысил фактические величины. В ус-

ловиях отсутствия официальных материалов на этот счет их можно попытаться проверить расчетным путем. Имеются данные о том, что в момент ареста супругов Хамель у них были изъяты тексты 129 радиogramм, переданных в период с 3 сентября по 5 октября того же года. Безусловно, это количество несколько превышало обычный ежемесячный объем передачи, но ненамного. Если считать, что после нападения Германии на СССР радиogramмы из Швейцарии относительно массово начали уходить в Москву с августа 1941 года, то за период в 26 месяцев при среднем оценочном объеме отправлений в 120 можно получить 3120 радиogramм. К ним следует присовокупить радиogramмы, уходившие до начала войны, а также отправлявшиеся через Париж донесения, что в итоге позволяет предположить общий объем отправленных сообщений примерно в 4200 — 4400. Это огромная величина, однако количественный показатель еще не является объективным критерием эффективности работы резидентуры, а лишь определяет ее интенсивность. Попробуем провести качественный анализ. Доступные исследователям из швейцарских и американских материалов 437 радиogramм, признанных подлинными, содержат ссылки на 55 различных источников информации. Из них 15 идентифицированы точно, 16 — с высокой степенью вероятности, а остальные 24 остаются неустановленными до настоящего времени. Основных источников информации у швейцарской точки ГРУ было три: Рудольф Ресслер (“Люци”), Жорж Блюн (“Лонг”) и Отто Пюнтер (“Пакбо”). Два последних поставляли довольно ценные сведения соответственно по военным и политическим вопросам, однако никто из них не мог сравниться с материалами загадочного “Люци”. Именно Ресслер стал источником, информация которого выдвинула резидентуру “Дора” в число самых успешных нелегальных точек периода Второй мировой войны. Он сам понимал это и, возможно, именно успешность его работы в военный период привела к тому, что и в дальнейшем бывший агент “Люци” так и не смог отказаться от острых ощущений и неплохих заработков. Материальный фактор играл в его работе существенную роль. Как минимум, в пяти известных радиogramмах от “Альберта” “Директору” и от “Директора” “Альберту” (12 марта, 10, 11, 14 ноября и 9 декабря 1943 года) содержали обсуждение связанных с запросами “Люци” финансовых проблем, причем в привязке к возможности прерывания им сотрудничества в случае затруднений с оплатой его работы. Считается, что за период войны он передал советской разведке свыше ста отчетов, за которые получил, по различным оценкам, от 24750 до 36000 швейцарских франков²⁸³.

Нахождение на волосок от попадания в тюрьму в 1945 году не уменьшило авантюрных наклонностей Ресслера. Помимо прочего, он не желал и мириться с существенным снижением доходов. На помощь пришел Карел Седлачек, в звании подполковника оставлявший пост чехословацкого военного атташе в Берне. Он не забыл о бывшем агенте, ныне едва зарабатывающим на жизнь работой свободного журналиста и использовал их давнего общего знакомого, бывшего младшего офицера “Бюро Ха” Ксавера Франца Йозефа Шнипера для сведения Ресслера со своим преемником, капитаном Рудольфом Вольфом. Зимой 1947 года преемник Седлачека попросил Шнипера поинтересоваться, не желает ли его друг возобновить прежнее занятие агента. Совершенно очевидно, что за всем этим стоял Советский Союз. Новой сферой успешной деятельности Ресслера стал сбор сведений о вооруженных силах США, Великобритании и Франции в Западной Европе, а также о военном возрождении Западной Германии. Его послевоенная работа на чехословацкую/советскую разведку продолжалась шесть лет — втрое дольше предыдущей эпопеи. И на этот раз Ресслер использовал ряд своих прежних контактов, а также своего рода “производные” от них. На него работали Жорж Блюн (бывший “Лонг”) и Эрнст Леммер (бывший “Агнес”). Существуют определенные основания полагать, что во время войны “Люци” черпал информацию, в частности, от генерал-майора Ганса Остера из абвера, впоследствии казненного за активное участие в заговоре по свержению Гитлера. В конце 1940-х — начале 1950-х годов одним источников Ресслера был сын генерала Иоахим, занимавший ряд ответственных постов в “ведомстве Бланка” (прообразе военного министерства ФРГ). Любопытен и факт контактов бывшего “Люци” с таким скандально известным впоследствии разведчиком как Отто Йон. Впрочем, судя по всему, он использовался “втемную” и не отдавал себе отчета в том, что выболтанные им сведения используются иностранной разведкой.

В 1953 году Ресслер и Шнипер провалились, 5 ноября были приговорены к кратковременному тюремному заключению и с учетом времени нахождения под следствием, вышли на свободу в начале 1954 года. После этого бывший “Люци” прожил недолго. Один из наиболее загадочных разведчиков двадцатого столетия умер в 1958 году от приступа астмы, так и не раскрыв своих секретов.

ШВЕЦИЯ

Во Второй мировой войне, как и в предшествовавших ей европейских конфронтациях 20-го столетия, Швеция сохраняла нейтральный статус. Одним из аспектов этой непростой задачи являлось пресечение или ограничение разведывательной деятельности иностранных спецслужб на территории страны. Сами по себе шведские секреты, как правило, редко привлекали внимание агентов, занятых оперативным изучением непосредственных противников с позиций третьей страны. Их деятельность не наносила ущерба государству и с юридической точки зрения под определение шпионажа не подпадала, однако представляла не меньшую опасность, поскольку могла спровоцировать любые ответные меры иностранных держав, вплоть до оккупации страны. По этой причине в уголовное законодательство пришлось внести совершенно новое понятие “незаконной разведывательной деятельности”, применявшееся по отношению к иностранным разведчикам, действовавшим на территории государства против третьих стран.

Шведская экономика практически полностью зависела от внешней торговли. Несмотря на высокое развитие промышленности и экономики, страна не могла существовать без импорта товаров, поэтому ее внешнеторговый баланс был неизменно пассивным, а его дефицит покрывался доходами от торгового судоходства. Основными статьями экспорта, имевшими существенное значение для военной промышленности, являлись железная руда, руды некоторых цветных металлов и шарикоподшипники. Содержавшая около 45% железа шведская руда выгодно отличалась от залегающих в Германии руд с 26% содержанием железа, что предопределило значительную потребность в ней Третьего рейха и соответственно серьезные усилия Великобритании по пресечению такой торговли. Однако все было безуспешным, не помогали ни дипломатия, ни флот, ни разведка. Лондон не мог принудить Стокгольм к прекращению поставок, поскольку, во-первых, это было чревато германской оккупацией Швеции, а во-вторых, полностью разрушило бы ее экономику. Поставки шведской руды в Германию продолжались.

1. СТРУКТУРА

Роль и место Швеции в войне секретных служб отличались значительным своеобразием. Прежде всего, после захвата Норвегии и Дании ее территория оказалась изолированной и практически не могла использоваться для организации встреч с агентурой. Попасть в Швецию в 1940 — 1944 годах было весьма непросто. Например, весной 1941 года руководитель объединенной резидентуры СИС и СОЕ Рональд Торнбулл (“4351”), пытаясь преодолеть относительно небольшое расстояние от Лондона до Стокгольма, вынужден был проделать долгий и опасный путь вначале на самолете в Южную Африку, оттуда в Каир, затем в Стамбул, потом морем в Одессу, далее через территорию нейтрального тогда Совет-

ского Союза по железной дороге в Москву и Ленинград, а уже оттуда — в столицу Швеции. Ему пришлось преодолеть расстояние в десять раз больше прямого пути, а после 22 июня 1941 года стал проблематичным и этот маршрут. Естественно, что подобные сложности совершенно исключали организацию встреч со связниками. Столь высокая степень изоляции страны предопределила некоторую специфику обстановки в дипломатическом корпусе, и вполне обыденным явлением было совершенно немыслимое в других нейтральных столицах зрелище мирно загорающих на побережье недалеко друг от друга сотрудников британской, германской и японской миссий.

Шведские оперативные органы в основном ориентировались на проведение контр-разведывательных мероприятий и в значительно меньшей степени на сбор информации, за исключением разведки на каналах связи. Их структура определилась за несколько лет до начала Второй мировой войны, хотя военная разведка существовала в стране еще с начала 20-го столетия. В 1905 году она была значительно усилена, а с началом Первой мировой войны подверглась существенной реорганизации, однако заметных оперативных успехов не достигла. В составе генерального штаба и морского штаба вооруженных сил Швеции имелись небольшие подразделения, отвечавшие за радиоразведку и криптоанализ. С лета 1928 года военно-морские силы начали относительно регулярно вести радиоразведку с корабля “Свериге”, а со следующего года подключили к этому несколько других кораблей и береговые посты. В 1930 — 1931 годах морской штаб организовал первые курсы по криптографии и криптоанализу, а с весны 1931 года радисты кораблей шведского флота, в первую очередь “Дроттнинг Виктории”, начали систематически перехватывать иностранные переговоры. Криптоаналитики сумели достичь первого успеха весной 1933 года, вскрыв агентурный шифр ОГПУ. Курсы дешифровальщиков повторялись в 1932 — 1933 и 1934 — 1935 годах, а затем через каждый год, но теперь на них занимались не только моряки, но и сухопутные офицеры, а также призванные на службу выпускники и преподаватели математического факультета университета Уппсала. Одним из них был ставший широко известным впоследствии профессор математики Арне Карл Август Беурлинг. Радиоперехват практически осуществлялся силами флота, предоставлявшего для этого свое оборудование и персонал.

Тем временем созданная в 1930 году Комиссия по обороне готовила принципиальную реформу вооруженных сил Швеции. Согласно принятой в 1936 году резолюции, с 1 июля 1937 года вместо генерального штаба создавался Штаб обороны, в котором организовывались руководивший военными атташе Иностранный отдел, Разведывательный отдел, Отдел радиоразведки, а также Отдел криптологии, ставший первым обособленным подразделением, отвечавшим за шифровальную и дешифровальную работу. В его составе имелись секции:

- I — безопасность переписки в сухопутных войсках;
- II — безопасность переписки в военно-морских силах;
- III — безопасность переписки в военно-воздушных силах;
- IV — дешифровальная работа.

Первоначально шведскими криптоаналитиками руководил полковник С. Варбург, зарекомендовавший себя с самой плохой стороны. Он был назначен на должность после того, как упал с лошади во время скачек, переломал все конечности и оказался навсегда непригоден к строевой службе. В поисках синекуры для него руководство вспомнило о кабинетном труде дешифровальщиков, сочтя его наиболее подходящим в данном случае. К сожалению, Варбург не мог выдерживать не только физические, но и умственные нагрузки, поэтому в 1939 году его сместили. Очередным руководителем IV секции ненадолго стал морской офицер, передавший дела Иву Гульдену. Тот был прирожденным дешифровальщиком и в ходе одной из военных игр смог самостоятельно прочесть 38 из 56 предложенных шифрограмм. Штат Отдела криптологии по-прежнему комплектовался выпускниками университета Уппсала, а иногда и победителями проводившихся в газетах конкурсов по криптоанализу. К сентябрю 1939 года Швеция располагала 22 дешифровальщиками, часть из которых по совместительству работала в других государственных структурах.

В 1940 году IV секция Отдела криптологии была разделена на 4 подсекции:

- № 1 — романские языки, руководитель Ив Гульден (с сохранением обязанностей по руководству всей секцией);
- № 2 — немецкий язык, руководитель Карл-Отто Сегердал;
- № 3 — английский язык, руководитель Олаф Фейлитцен;
- № 4 — русский язык, руководитель Арне Беурлинг.

Прорыв в криптоаналитической работе произошел после того, как 9 апреля 1940 года Берлин потребовал от Стокгольма предоставить в аренду часть проходящих по территории Швеции телеграфных и телефонных кабелей на отрезках Осло — Копенгаген — Берлин, Стокгольм — Осло, Осло — Тронхейм, Осло — Нарвик, а несколько позднее Стокгольм — Хельсинки и посольскую линию Стокгольм — Берлин. Шведы не стали портить отношения с Третьим рейхом и выполнили требование, одновременно получив неограниченный доступ к перехвату германской переписки по телетайпным линиям. Дешифровальщики весьма плодотворно взаимодействовали с МИД, постоянно получая оттуда тексты нот, протоколов и иных врученных иностранными дипломатами документов, весьма облегчавшие отыскание опорных слов в закрытых текстах. Компрометации шифров способствовали ошибки шифровальщиков, особенно частые у консула Германии в Ставангере Ф. Ахиллеса. Он настолько небрежно относился к этой части своих обязанностей, что шведские криптоаналитики в знак признательности даже поместили на стене своей рабочей комнаты его фото. Руководитель немецкой подсекции Сегердал иронизировал: “Я лично никогда не встречался с этим человеком, но считал его своим лучшим другом в германской дипломатической службе!”²⁸⁴.

Структура органов радиоразведки нуждалась в улучшении, и 1 июля 1942 года был создан Радиоинститут национальной обороны (ФРА), сосредоточивший всю работу по прослушиванию и дешифрованию открытой и закрытой иностранной переписки. На протяжении 1940 — 1944 годов шведы активно взаимодействовали с возглавляемым полковником Рейно Халамаа радиоразведывательным подразделением Финляндии. Криптоанализ стал важнейшей частью работы разведки, численность вовлеченных в него работников с 1944 по 1945 годы увеличилась с 500 до 1000 человек. Итоги дешифровальной деятельности шведских специалистов позволяют без колебаний отнести Швецию, наряду с Польшей, Великобританией и Соединенными Штатами, к числу ведущих в этой области государств периода Второй мировой войны.

Военная разведка относилась к компетенции Разведывательного отдела Штаба обороны во главе с полковником Карлом Адлеркройцем. В его составе имелась Внутренняя секция, отвечавшая за военную контрразведку, то есть, по шведским понятиям, за обеспечение безопасности войск и военных объектов от разведывательных устремлений противника. Она состояла из следующих подразделений:

- мобилизационного (“Мобд”) — юридические вопросы, нормативные документы, приказы, информация и пропаганда;
- кадрового (“Пд”) — работа с кадрами, общий надзор и проверка выполнения контрразведывательных мероприятий, допуск иностранцев и прочих посторонних лиц на военные объекты;
- безопасности экономики (“Дд”) — борьба с промышленным шпионажем и саботажем, а также с разведывательными устремлениями противника, направленными на промышленные объекты;
- контрразведывательного (“Ед”) — наблюдение за подозрительными лицами, прослушивание каналов связи, перехват и обработка информации, организация обучения полицейских и иных причастных к контрразведывательной деятельности лиц.

Внутренняя секция появилась в результате комплексной реформы всей системы гражданской и военной безопасности Швеции, разработанной сотрудником Иностранного отдела генерального штаба Эрнстом Лехе. Его законченный 18 июля 1937 года проект предусматривал создание службы тайной полиции, пригодной к деятельности в условиях войны или ее угрозы. Такая структура являлась гражданским институтом, поэтому военные должны были получить аналогичное ведомство, обеспечивавшее безопасность войск, штабов учреждений и предприятий военной промышленности. Эта задача была решена путем создания Внутренней секции, ответственной за информирование Штаба обороны о разведывательных и диверсионных методах противника и применяемых против них мерах, об отдельных представляющих контрразведывательный интерес лицах, участие в необходимых случаях в проведении полицейского наблюдения и следствия и передачу в суд дел об утечке военной информации. Она являлась наиболее активно действующим подразделением Разведывательного отдела до реформы конца 1939 года. После начала советско-финской войны в составе отдела было создано Бюро Ц под руководством майора Карла Петерсена для решения оперативных задач и руководства работой военных атташе, ранее относившегося к компетенции

Иностранного отдела. Бюро осуществляло также пограничное наблюдение за сопредельными государствами, производило разведывательные опросы прибывавших в страну путешественников, беженцев и дезертиров, направляло шведских офицеров на службу за границей и руководило агентурой. Разведка располагала резидентурами в Дании, Норвегии, Швейцарии, Венгрии и Прибалтийских государствах. Как правило, они пользовались прикрытием отделений информационного агентства ПАНИ, что позволяло работать с журналистами и облегчало проведение активных мероприятий. Специфической особенностью Бюро Ц было постоянное поддержание контактов с иностранными спецслужбами, причем Петерсен отвечал за связи с Западом, а его заместитель майор Хельмут Тернберг ведал контактами с Венгрией, Германией, Финляндией, Турцией и Швейцарией. Добытой информацией шведы активно торговали.

После вторжения вермахта в соседнюю Норвегию в составе Бюро Ц была организована особая группа по изучению ситуации в соседней стране, работавшая в основном методами опроса беженцев и вербовки агентуры в их среде. Ввиду открывавшихся оперативных возможностей шведы относительно терпимо относились к перемещениям курьеров расположенных в Стокгольме резидентур разведывательных служб и представительств организаций Сопротивления. В качестве компенсации МИД не всегда строго придерживался установленных им же квот на численность иностранных дипломатов, если это помогало разведке и контрразведке добывать информацию. Например, норвежская миссия в Стокгольме в апреле 1940 года насчитывала 4 сотрудников, а к 1944 году выросла до 1200. Дополнительная проверка полученной информации проходила по каналам радио и телефонных перехватов. Все это открывало перед шведами немалые разведывательные перспективы, использованные ими вполне успешно.

Основные рекомендации Лехе от 18 июля 1937 года предусматривали также создание общей, или гражданской Службы безопасности с необходимыми полномочиями. Подготовка к реорганизации контрразведки была полностью закончена к декабрю 1937 года, а 10 июня 1938 года вышел декрет о создании в составе министерства общественных дел общей Службы безопасности, основной задачей которой являлось предотвращение передачи различного рода информации в военное время или в угрожаемый период лицам, не уполномоченным на ее получение. Ее указания в части обеспечения безопасности были обязательными для всех государственных институтов. Новый контрразведывательный орган, в частности, обладал правом перлюстрации корреспонденции, ведения наружного наблюдения и прослушивания телефонных переговоров. Служба безопасности во главе с бывшим полицейским Эрихом Хальгреном первоначально насчитывала в своем составе три бюро:

- Бюро 1 — противодействие коммунистическому шпионажу;
- Бюро 2 — полицейское расследование и наружное наблюдение;
- Бюро 3 — административные и финансовые вопросы.

Она располагала штатом региональных контролеров на всей территории страны, разделенной в этом отношении на 7 районов. Региональным контролером в Стокгольме являлся Мартин Лундквист, в дальнейшем возглавивший всю гражданскую контрразведку. Ее штат составляли бывшие полицейские, не имевшие ни опыта контрразведывательной работы, ни достаточного финансирования. С началом Второй мировой войны министр юстиции Швеции К. Вестман запросил Службу безопасности о мерах, предпринимаемых для наблюдения за членами экстремистских партий и группировок, но получил ответ, гласивший, что это не входит в функции ведомства. Юридически он был вполне корректным, однако напряженность ситуации все же заставила 4 ноября 1939 года обязать региональных контролеров Службы безопасности взаимодействовать с местными полицейскими органами в наблюдении за видными коммунистами и национал-социалистами. Объекты наблюдения по уменьшению степени опасности были разбиты на категории от “А” до “Д”. К первой из них относились видные функционеры, занимавшие ключевые позиции в партиях, а в категорию “Д” вошли лица, лишь иногда проявлявшие интерес к разрабатываемым направлениям, например, заказывавшие в библиотеках соответствующую литературу. Вскоре, наряду с коммунистами и нацистами, контроль был установлен за партией синдикалистов и за пробританскими организациями, такими как “Группа вторника” и “Сражающаяся демократия”. Однако их число было пренебрежимо малым, на учете Службы безопасности состояли 3000 коммунистов, 400 нацистов и лишь 50 граждан прочих категорий.

В результате реорганизации 1940 года внутренняя структура контрразведки изменилась. В частности, ведомство регионального контролера по Стокгольму вошло в состав центрального аппарата и именовалось 6-м отделением, Бюро 1 занималось теперь не только коммунистами, но и не имеющей отношения к партии советской агентурой, Бюро 2 противодействовало германскому шпионажу и действиям шведских национал-социалистов, а задача Бюро 3 состояла в борьбе с британской и иными союзническими спецслужбами. Кроме того, в составе контрразведки возникла центральная регистратура. Представляет интерес динамика изменения штатной численности различных бюро службы по годам, отражающая приоритеты в обеспечении безопасности страны и оценку направлений существующей угрозы. С 1940 по 1944 годы численность Бюро 1 изменялась от 14 до 28 человек, а наибольший скачок численности Бюро до 50 сотрудников произошел после разгрома Третьего рейха. Штат Бюро 2 от 15 сотрудников в 1941 году увеличился к 1944 году вдвое, а численность Бюро 3 изменялась от 15 человек в 1940 году до 25 — в 1944, зато после прекращения боевых действий в Европе оно было немедленно сокращено до 4 сотрудников. Следует отметить, что с 1944 года основной задачей Бюро 3 стало противодействие диверсиям и саботажу, а борьба с разведывательной деятельностью западных союзников оказалась практически свернутой. Численность центральной регистратуры в течение войны сократилась от 22 до 15 сотрудников.

Служба безопасности внесла определенный вклад и в радиоразведывательные операции. Имевшаяся в ее составе секция радиоконтроля располагала стационарными и подвижными пеленгаторами, предназначенными для перехвата нелегального радиообмена. Первоначально использование средств криптографической защиты допускалось с условием четкой идентификации отправителя, а введенный 13 января 1940 года запрет на использование шифров в коммерческих телеграммах еще более облегчил распознавание нелегальных передатчиков. Для обработки в ФРА передавались все перехваченные иностранные сообщения, а также все частные, в которых упоминались иностранные представители либо же имелись основания предполагать, что такое упоминание имелось в них в скрытой форме. Журналисты избегали подобной процедуры, поскольку были обязаны отправлять всю свою корреспонденцию через отдел прессы МИД. Еще одним методом Службы безопасности являлась почтовая цензура, с 1 мая 1940 года введенная для отправок в Финляндию, а с 1 июля того же года — во все остальные государства. Для этого в центральном аппарате контрразведки существовала секция почтового контроля, еженедельно обрабатывавшая по 200 тысяч отправок и располагавшая картотекой на 16 тысяч лиц. На спецучете в Службе безопасности с 1939 по 1944 годы находилось 1939 лиц, из которых 284 человека подозревались в шпионаже в пользу стран «оси», а 935 — в пользу антигитлеровской коалиции, в том числе 305 — в пользу Советского Союза. Из них с 1941 года только в Стокгольме подверглись аресту за шпионаж в пользу Британии и США 224 человека, в пользу Германии — 122 человека, в пользу СССР — 197 человек.

Еще одной причастной к секретным службам Швеции структурой являлось организованное в январе 1938 года в составе министерства общественных дел Бюро по иностранцам, в составе которого имелась Контрольная секция, предназначенная для наблюдения за иностранцами и противодействия шпионажу. Она возникла из созданного еще в 1914 году в составе генерального штаба Особого полицейского бюро, или Секции 100, как зачастую называлось подразделение по своему телефонному номеру. В 1918 году Секция 100 стала гражданским ведомством и вошла в состав стокгольмского полицейского управления. С 1932 года к ее функциям отнесли получение, регистрацию и обработку информации об иностранцах в соответствии с особыми инструкциями регионального полицейского комиссара Стокгольма, а также фиксацию случаев просрочки виз и других аналогичных нарушений. С января 1938 года Особое полицейское бюро стало частью Контрольной секции Бюро по иностранцам и работало в постоянном контакте с гражданской и военной контрразведкой. Картотека секции велась по группам: I (въезд и выезд), II (детали пребывания иностранцев в стране), III (сведения об их работе в Швеции) и IV (спецучет). Имелся отдельный «черный список» нежелательных лиц, именовавшийся «листом С».

2. “DER GEHEIMSCHREIBER”

Так немцы именовали телетайпный шифровальный аппарат производства фирмы “Сименс”, который они использовали для защиты своей телеграфной переписки по проводным линиям связи. Это устройство отличалось крайне высокой криптоаналитической стойкостью и основывалось на том же стандартном международном 32-символьном телеграфном коде Бодо, записывавшимся на перфорированной бумажной ленте с пятью дорожками, что и шифратор Лоренца, известный как “рыба”. Обе эти машины использовали двоичный код, выражавшийся в отсутствии или наличии отверстия на конкретном участке ленты, то есть в физическом смысле в отсутствии или наличии электрического сигнала. Однако телетайпный шифровальный аппарат “Сименс” имел 5 реле для изменения полярности контактов и 5 реле для перестановки, управлявших 10 кодовыми роторами. Их цикличность была неодинаковой и выражалась величинами 47, 53, 59, 61, 64, 65, 67, 69, 71 и 73²⁸⁵. Первые модели перемещали роторы на один шаг, поэтому их период и соответственно число начальных установок машины выражалось числом 893 622 318 929 520 960, то есть вероятность повторения алфавитов была пренебрежимо малой. В дальнейшем в конструкции появились дополнительные реле, еще более повысившие степень секретности. Для сравнения следует отметить, что секретность первого варианта “Энигмы” с фиксированным взаимным расположением роторов и без штепсельной панели составляла 17576, и даже наиболее изощренные ее варианты уступали машине фирмы “Сименс” на 5 порядков. Несмотря на это, телетайпный шифратор постоянно совершенствовался, его модельный ряд начинался с T52A/Б и закончился T52/E²⁸⁶. Варианты моделей машин также различались между собой. В конце 1941 года была разработана машина “Z”, отличие которой от предыдущих состояло в возможности применения в комбинации с обычной телетайпной установкой, тогда как все остальные являлись одновременно и шифровальными, и передающими аппаратами. Располагая таким оборудованием, немцы уверенно использовали арендованные у шведов проводные коммуникации и были полностью уверены в безопасности своей переписки. Процедура шифрования состояла из двух этапов установки машины — внутреннего и внешнего. Внутренние установки вводились в действие в 09.00 сроком на 3 — 9 дней и определяли порядок соединений роторов между собой и подключения реле изменений полярности и перестановок. После этого оператор вводил внешние установки, то есть позиции пяти первых роторов, определявшихся так называемым индикатором QEP, а затем по согласованному для всех операторов ежедневному ключу сроком на 24 часа устанавливались и остальные роторы. Этот порядок определялся индикатором QEK. Связь абонентов между собой осуществлялась по строго оговоренной схеме. Вначале происходил обмен обычными позывными, а затем операторы обменивались ключом QEP, состоявшим из пяти двузначных чисел. Затем оба устанавливали свои машины в соответствии с ним и по действующему на данные сутки списку ключей QEK и обменивались сигналами о готовности. Передающая станция посылала сигнал UMUM (“umschalten” — “включайся”) и получала ответ на него VEVE (“verstanden” — “понял”). После этого связь осуществлялась в зашифрованном режиме.

Арне Беурлинг

Как уже указывалось, шведские криптоаналитики имели доступ к используемым немцами телеграфным и телефонным кабелям на участках Осло — Копенгаген — Берлин, Стокгольм — Осло, Осло — Тронхейм, Осло — Нарвик, Стокгольм — Хельсинки и Стокгольм — Берлин. Перехват зашифрованных текстов не представлял никаких сложностей, зато дальнейшее использование их было весьма проблематичным. Следует отметить, что шведы не имели ни малейшей информации ни по устройству шифровальной аппаратуры и принципу ее действия, ни по открытым текстам документов, и действовали исключительно математическими и логическими методами.

До сих пор неизвестно, как именно профессор математики университета Уппсала Арне Карл Август Беурлинг сумел проникнуть в тайну телетайпного шифратора “Сименс”, поскольку он отказывался обсуждать это с кем-либо, не исключая и собственное начальство. Возможно, разгадка этого явления

все же покоится где-то в архивах, но она надежно засекречена и не обнародована до сих пор.

Известно лишь, что Беурлинг начал со сплошного анализа всех перехватов за сутки 24 мая 1940 года и повторил его 27 мая. В течение двух недель он восстанавливал базовые принципы построения шифровального аппарата и затем перешел к непосредственной атаке на закрытые тексты. Работе профессора весьма способствовали ошибки германских операторов, в особенности так называемые “параллельные тексты” — повторы передач с одними и теми же начальными установками, иногда случавшиеся по 20 — 40 раз. Причинами этого являлись значительная протяженность линий и их плохое качество, создававшие весьма высокий уровень шумов. Время от времени принимающая машина воспринимала искажение как сигнал и таким образом уходила на шаг вперед по сравнению с передающей, что, естественно, делало сообщение нечитаемым с этого места. Тогда возникала необходимость повторить телеграмму, предварительно пройдя заново всю процедуру установки роторов в соответствии с ключами, и вот на этом этапе в действие вступал фактор обыкновенной человеческой лени. Шифровальщики повторяли передачу с прежними установками и тем самым нарушали один из фундаментальных принципов машинной криптографии, категорически запрещающий подобные действия. Именно этим пользовались шведы. Уже в июне 1940 года Беурлинг настолько продвинулся в своих исследованиях, что не только смог организовать регулярное вскрытие германской телетайпной переписки, но и выдать техническое задание на изготовление на заводе фирмы “Эрикссон” электромеханических дешифровальных аппаратов. Эти производившиеся в значительных количествах и весьма неудобные в работе устройства были очень шумными и требовали постоянного неусыпного надзора. При несоблюдении жесткого графика технического обслуживания они выходили из строя с удручающей регулярностью.

Телеграфный канал оказался неоценимым источником информации, позволившим не только получать разведывательные данные, но и использовать его в контрразведывательной деятельности. Количество перехватов в 1940 году достигло 7100, в 1941 году — 41400, в 1942 году — 120800, в 1943 году — 99600, а в 1944 году — 29000. Их общее число составило 297900, при этом максимальное суточное количество — 678 (в октябре 1943 года). Однако шведским криптоаналитикам не удалось в одиночестве пользоваться своими достижениями. С августа 1941 года немалая часть перехваченной и дешифрованной информации попадала к СССР через курьера Отдела криптологии Алана Эмануэля Ниблада, до января 1942 года снабжавшего фотокопиями текстов своего руководителя в посольской резидентуре. Агент был завербован на идейно-политической основе и не брал деньги за работу, взамен заручившись обещанием предоставить ему высокий пост в будущей коммунистической Швеции. По некоторым данным, после провала Ниблада советская разведка пользовалась услугами его преемника, но не существует ни достоверных доказательств этого, ни обнародованных деталей операции. В июне 1942 года немцы получили от финнов предупреждение о компрометации их шифровального аппарата. Судя по всему, их предупредил об этом находившийся в курсе дел военный атташе Финляндии в Стокгольме полковник Стивен. Традиционно тесные связи финнов со шведами негативно сказались на секретности операции, правда, реакция немцев оказалась сдержаннее, чем это можно было ожидать. К этому времени они создали значительно более надежную машину T52C (“Цезарь”), которая, однако, также не устояла перед шведскими криптоаналитиками. Но у Германии имелась в запасе другая, значительно более действенная мера. Управление связи вермахта провело прямые линии в рейх из Осло и Рованиеми, а также начало пропускать переговоры в обход Швеции по датско-норвежскому и финско-балтийскому кабелям. Лишь посольская линия Стокгольм — Берлин не имела альтернативного канала и по-прежнему оставалась полностью уязвимой. В октябре 1942 года немцы принципиально изменили систему ключей и перешли к случайным словам, но в этот раз их подвела приверженность к стереотипам. Шифровальщикам было лень изобретать слова, и они просто брали их из инструкции, один экземпляр которой оказался у шведов. Правда, встречались и исключения, иногда довольно примечательные. Однажды оператор использовал в качестве ключа слово, заставившее криптоаналитиков долго искать разгадку: “DONAUDAMPFSCHIFFSFARTSGESELLSCHAFTSKAPITAN”, что переводилось как “капитан Дунайской пароходной компании”. Однако столь изощренные варианты встречались крайне редко.

В мае 1943 года немцы ввели в действие новые машины “Z” и “Y”, сохранившие свою стойкость и не поддавшиеся усилиям шведских криптоаналитиков. С этого времени по мере замены старых шифровальных аппаратов на новые объем вскрытой переписки постепенно уменьшался и к 1944 году полностью сошел на нет.

3. ОПЕРАЦИИ

На первоначальном этапе практически все операции иностранных спецслужб в Швеции были так ли иначе связаны с проблемой поставок железной руды в Третий рейх. Начальник Центра промышленной разведки Десмонд Мортон еще в 1938 году оценил это полезное ископаемое как ключевой фактор в поддержании военно-промышленной мощи Германии и настаивал на пресечении его перевозок любыми способами. Летом того же года сотрудник секции “Д” А. Рикман совершил ознакомительную поездку по Скандинавии, обращая особенное внимание на обстановку в портах. Летом следующего года он вновь прибыл в Швецию с набросками планов проведения диверсий в портах этой страны. Рикман приступил к созданию в Стокгольме диверсионной резидентуры для совершения в нужный момент одновременных актов саботажа в нескольких шведских портах, через которые осуществлялся экспорт руды в Германию. К октябрю 1939 года первая стадия подготовки была закончена. Группа Рикмана состояла из проживавшего в Швеции с 1931 года английского бизнесмена Эрнеста Биггса, шведки Эльзы Йохансон и нескольких германских беженцев. Однако сигнал о начале диверсий все не поступал, и сеть стала выполнять задания по ведению направленной на рейх “черной” пропаганды. Через моряков нейтральных стран ее участники отправили в Германию свыше 30 тысяч содержащих пропагандистские материалы писем с фальшивыми почтовыми штемпелями и вели в Швеции пробританскую пропаганду.

Сравнительно безобидный период работы группы Рикмана закончился в ноябре 1939 года после его предложения завезти в страну взрывчатку для совершения диверсии в Оксезунде. Вначале Лондон запретил эту акцию, затем 2 января 1940 года морской министр Уинстон Черчилль разрешил, но премьер немедленно отменил его указание. На протяжении зимы 1939 — 1940 годов для помощи в организации саботажа в Швецию приезжали сотрудники СИС Уолтер Рен, Ингрэм Фрезер и будущий руководитель БСК Уильям Стивенсон. После нападения на Норвегию обстановка вновь изменилась, и теперь СИС уже требовала начать конкретные приготовления к операциям. Казалось, события развивались в нужном направлении, однако, как оказалось, диверсанты находились под наблюдением местных органов безопасности, вызванным контактами Рикмана с германским журналистом-эмигрантом в конце 1939 года. В ходе текущей цензуры писем немца 8 февраля 1940 года в одном из них были обнаружены сделанные симпатическими чернилами записи о Рикмане и его планах, а в следующем письме от 8 марта содержались и некоторые подробности работы англичанина. Проведенное расследование ретроспективно выявило интерес Лондона к прекращению поставок в рейх шведской железной руды, после чего органам безопасности стало ясно, что работу группы пора пресечь. В ходе проведенного 19 апреля внезапного обыска в офисе Рикмана полиция обнаружила и изъяла доставленные в дипломатической почте 53,6 килограмма взрывчатки, детонаторы, таймеры, 3 пистолета, 3 паспорта, инструкции по саботажу и пропагандистские материалы. В офисе другой частной компании, принадлежавшей одному из членов этой же группы, было обнаружено 33,5 килограмма гелигнита, 57,3 килограмма гексогена, 8 магнитных мин и другие средства взрывания. Вскоре все участники организации Рикмана были арестованы. Руководителя приговорили к 8 годам каторжных работ, его сообщники получили значительно меньшие сроки от 1 года до 3,5 лет. Операция “Страйк окс” провалилась, а возмущенный король Швеции Густав V написал нелицеприятное письмо королю Британии Георгу VI.

Столь скандальное дело значительно испортило отношения Стокгольма с Лондоном, соответственно улучшив их с Берлином. Транзитное соглашение от 8 июля 1940 года предусматривало транзит по шведским железным дорогам грузов и людей из Норвегии и обратно. Оно было расторгнуто лишь 29 июля 1943 года, но за период его действия в обоих направлениях успели проследовать 2 миллиона военнослужащих и гражданских лиц и 100 тысяч вагонов с грузом. К июню 1941 года из Осло в Финляндию через шведские террито-

риальные воды была перевезена полностью укомплектованная германская дивизия. Все это весьма тревожило Британию и заставляло ее активизировать операции своих спецслужб. К этому времени уже был организован СОЕ, но с июля 1940 года его официальной задачей в отношении Швеции являлись не диверсии, а создание подпольной организации на случай ее германской оккупации. Страна была разделена на десять районов, в каждом из которых планировалось иметь отдельную сеть с радиопередатчиком. Англичане подошли к делу систематически и составили подробный список целей диверсий, включавший в себя почти все важные объекты промышленности, энергетики и инфраструктуры.

Тем временем местная контрразведка периодически вылавливала мелких британских агентов. 30 октября 1940 года норвежский журналист попал в тюрьму на 4 месяца за передачу информации о выходе из строя аэропорта Форнебю около Осло и использовании взамен него аэродрома Линдеруд. Аналогичных случаев было несколько, почти все они касались не слишком секретных сведений или содержали договоренности об использовании почтовых адресов для конспиративной переписки. Однако были и более серьезные ситуации.

27 января 1942 года сотрудник германской секции СИС майор Генри Трелфолл прибыл в Стокгольм на должность по прикрытию секретаря военно-морского атташе Британии. К моменту его приезда из дешифрованных радиোগрамм чешской секретной службы шведы уже знали о том, что он является кадровым разведчиком. Трелфолла немедленно поставили под плотное наружное наблюдение, зафиксировавшее его встречу с генеральным консулом Дании. 23 февраля англичанин опустил в почтовый ящик два письма, одно из которых шведам удалось перехватить. Оно оказалось весьма компрометирующего свойства и содержало сведения об организации системы обнаружения германских подводных лодок. Никаких практических оперативных действий Трелфолл не предпринимал, поэтому контрразведка не имела формальных оснований для вмешательства, зато его шведский помощник Блэкман со своим другом Линдстремом развили высокую активность, причем в пользу не англичан, а немцев. Они сообщили им о британских планах взорвать и затопить в Кильском канале несколько судов, чтобы таким образом нарушить судоходство. Немцы проинформировали об этом шведов, 30 июля арестовавших Блэкмана, Линдстрема и предоставивших Трелфоллу 10 дней для отъезда во избежание официального объявления его персоной нон грата.

Еще одним представителем британских спецслужб в Стокгольме являлся сотрудник МИ(Р) помощник военного атташе Малькольм Мунте. Первоначально он находился в Норвегии и пытался в районе Ставангера организовать помощь британским экспедиционным силам, а позднее был переведен в столицу Швеции, где возглавил точку СОЕ. 28 января 1941 года посол Швеции в Лондоне Притц вручил Форин офис ноту, в которой указывалось: “Деятельность помощника военного атташе Британии в Стокгольме майора Мунте является источником беспокойства, поскольку мы располагаем несомненными доказательствами того, что отсюда он организовывал разведывательную деятельность в Норвегии путем засылки туда агентов”²⁸⁷. Англичане не возражали, однако под предлогом отсутствия самолета сумели оттянуть отъезд своего офицера до 19 июля.

Вообще же стокгольмская “станция” СИС считалась одной из наиболее важных, особенно после закрытия резидентур в Хельсинки и прибалтийских государствах. На первом этапе ее сотрудники пытались лишь восстановить утраченные контакты со своими сетями в Финляндии, однако вскоре обнаружили, что их источники либо прекратили работу, либо действуют под контролем местной контрразведки. С 20 июня 1939 года резидентуру возглавлял офицер ПКО Джон Мартин, организовавший сеть агентов по наблюдению за шведскими портами, особенно результативную в главном порту по экспорту железной руды Окселозунде. Его отозвали на родину после весьма скомпрометировавших британцев провалов его агентов Мартина Геро и Карла Кристиана Эллисона. Мартин передал дела Сирилу Чешайру в сентябре 1942 года, хотя, по другим данным, новый резидент приступил к работе 1 декабря. К этому времени в “станцию” включили прибывшую из Хельсинки в 1941 году резидентуру МИ-6 во главе с Гарри Л. Кэрром. Помощником Чешайра по датскому и германскому направлениям являлся Виктор Хэмптон.

С 1941 года в Стокгольме действовала объединенная точка британских спецслужб, включавшая в себя “станции” СОЕ и МИ-6. Ее возглавил Рональд Торнбулл. К этому времени задачи организации диверсий и саботажа стали приоритетными, и первой акцией такого рода явилась проведенная 23 января 1941 года операция “Раббл”. Она заключалась в организации прорыва через пролив Скагеррак интернированных в Швеции британских и нор-

вежских торговых судов с грузом специальных сталей и подшипников. Пять судов успешно добрались до отразившего атаки люфтваффе военно-морского эскорта, при этом погиб один швед. Организатор операции “Раббл” офицер СОВЕ Джордж Бинни получил рыцарское звание, причем по ошибке, поскольку был представлен к Кресту Британской империи, однако в канцелярии произошла накладка, и король присвоил ему значительно более высокую награду. Следующая аналогичная операция под названием “Перфоменс” была проведена 4 апреля 1942 года и оказалась значительно менее удачной. Немцы были настороже, и в результате из десяти участвовавших в прорыве судов в Великобританию пришли всего два, на которых находилась четверть общего количества груза, шесть других были потоплены германской авиацией, а два оставшихся (“Лайонел” и “Дикто”) возвратились в Швецию. При отражении налета англичане вели огонь по самолетам люфтваффе из стрелкового оружия, дав шведам повод начать расследование для выяснения путей его появления на невооруженных интернированных судах. Результат оказался нулевым. План операции “Кабаре” по повторному прорыву возвратившихся в Швецию транспортов “Лайонел” и “Дикто” был отменен по дипломатическим соображениям. Еще одной операцией СОВЕ в территориальных водах страны (“Муншайн”) стала попытка доставки партии стрелкового оружия в Данию, результаты которой по метеорологическим причинам оказались весьма скромными.

Британские спецслужбы весьма ценили Швецию за открывавшиеся там возможности по сбору информации из открытых источников. 24 сентября 1940 года в Стокгольме под эгидой Департамента политической разведки (ПРИД) Форин офис открылось Бюро прочтения прессы (ПРБ) во главе с Сесилом Пэрротом, носившее неофициальное название “Дом Сесила”. Наибольших результатов в Швеции достиг сотрудник разведки Адмиралтейства (НИД), британский военно-морской атташе в Стокгольме капитан 1-го ранга Генри Дэнхем. После прибытия к месту прохождения службы летом 1940 года он установил прекрасные взаимоотношения с находившимися в Швеции представителями спецслужб Нидерландов, Польши и Дании, однако главным его контактом являлся руководитель норвежского криптобюро Альфред Рошер Лунд. Этот офицер 17 мая 1940 года появился в Стокгольме для организации шифрованной связи со Швецией и завоевал там значительный авторитет. Лунд не только снабжал Дэнхема информацией, но и рекомендовал его своим друзьям в шведском разведывательном сообществе, заложив таким способом фундамент будущих успехов британского атташе. Капитан 1-го ранга подружился и с начальником Бюро Ц майором Карлом Петерсоном. Одним из результатов этой дружбы стало известное в военно-морской истории уведомление шведами британцев 20 мая 1941 года о выходе в Атлантику линейного корабля “Бисмарк” и тяжелого крейсера “Принц Ойген”. Как известно, в результате организованной погони “Бисмарк” был потоплен, и это наложило негативный психологический отпечаток на использование в дальнейшем тяжелых надводных кораблей кригсмарине. Немцы точно знали о роли Дэнхема, уверенно определили источник утечки информации и предъявили шведам соответствующие претензии, но доказать ничего не смогли, сами же англичане официально заявили, что корабли обнаружила их разведывательная авиация.

Один лишь этот эпизод мог полностью оправдать пребывание военно-морского атташе Британии в Стокгольме, но его оперативные достижения этим не исчерпывались. Морская разведка Швеции работала с высокой эффективностью, и Дэнхем зачастую пользовался ее результатами. Шведы хорошо организовали систему разведывательных опросов капитанов своих торговых судов, перевозивших в Германию руду и иные грузы, в результате чего достаточно точно знали, например, о количестве корпусов строящихся в Гамбурге, Бремене, Эмдене, Данциге и Штеттине подводных лодок. Информация о перемещении тяжелых военно-морских единиц поступала в Стокгольм с запозданием на 3 — 4 дня, но всегда была верной. В этом вопросе значительную роль играли агенты норвежской организации Сопротивления “Милорг”, державшие под наблюдением все порты страны и пункты базирования флота оккупантов в фиордах. Связующим звеном с ними являлся Лунд, и хотя осенью 1941 года он был отозван в Лондон в распоряжение правительства Норвегии, с его отъездом контакты Дэнхема со шведами и норвежцами не прервались. Весной 1942 года атташе значительно укрепил отношения с руководителем Иностранной секции военной разведки Швеции графом Бьернштерна и получал от него данные радиоразведки о намерениях и действиях кригсмарине в Норвегии, в том числе против полярных конвоев в СССР. Слишком тесная дружба не пошла графу на пользу, и после ряда энергичных неофициальных протестов из Берлина он был отправлен в отставку. Одновременно с ним немцы добились и отстранения

от должности начальника военной разведки Швеции Карла Адлеркройтца, убывшего на пост военного атташе в Хельсинки. Однако и его преемник капитан 2-го ранга Даниил Ландквист также установил прекрасные отношения с англичанами. Через шесть месяцев после своего назначения на должность он отправился в Лондон по приглашению начальника морской разведки Великобритании коммодора Рашбрука.

В это же время Дэнхем столкнулся с серьезными проблемами. Из-за его тесного сотрудничества с майором Трелфоллом шведы ошибочно полагали, что капитан 1-го ранга причастен к организации диверсионных операций, и поставили его под плотное наблюдение. Однажды атташе даже застал в своем офисе сотрудника контрразведки, пытавшегося скрытно установить там микрофон. Из политических соображений стороны договорились не афишировать этот эпизод и предать его забвению. В это же время был арестован и приговорен к 10 месяцам каторжных работ шведский капитан, предоставивший Дэнхему информацию о проходах в германских минных полях на Балтике, о повреждениях, нанесенных бомбардировками Востоку, о морских перевозках железной руды и о дислокации германских ВМС в балтийских портах. Другой его агент, бизнесмен Вальтер был арестован с вопросом об итальянских военно-морских силах. Атташе преследовали и другие неприятности, в которых британцы винили исключительно немцев и сотрудничавшего с ними начальника шведской военной контрразведки майора Торвальда Линдквиста. Безусловно, отчасти к ним действительно была причастна стокгольмская резидентура абвера, однако в основном все проблемы были вызваны собственными действиями Дэнхема и адекватным ответом на них шведов. Тем не менее, Форин офис сумел добиться отстранения Линдквиста от должности, чему в немалой степени способствовала шумевшая история с переоборудованными траулерами. Эти промысловые суда строились в Швеции по германскому заказу, а после поставки частично были переданы кригсмарине и переоборудованы в минные тральщики. Лондон обвинил Стокгольм в поставках рейху военно-морских единиц, причем совершенно несправедливо. Траулеры строились в полном соответствии с гражданским проектом без какого-либо дополнительного специального оборудования, и шведы никак не могли отвечать за дальнейшие действия заказчика. Но это создало неприятный фон во взаимоотношениях двух государств, и во избежание его дальнейшего обострения шведы решили пожертвовать майором Линдквистом. Его заменил подполковник, впоследствии полковник граф Бонде.

Немцы действительно всячески пытались пресечь поток информации, поступающий к британской разведке из Стокгольма. Для решения этой задачи Канарис направил в шведскую столицу одного из своих специалистов по контрразведке, бывшего офицера линии III“Ф” отдела абвера при главном командовании на Юго-Востоке майора Ганса Вагнера (не путать с резидентом в Софии Отто Вагнером, он же “доктор Делиус”). Имеющаяся в некоторых источниках информация о том, что он являлся сотрудником расположенного в Бухаресте КО-Румыния, не соответствует действительности, поскольку подобной структуры никогда не существовало. Вагнер (“Ганс Шнайдер”) прибыл на должность резидента КО-Швеция 4 сентября 1939 года, однако контакты между двумя государствами в области разведки начались за несколько лет до этого. Осенью 1936 года в Берлине для проведения переговоров появился начальник Иностранной секции генерального штаба армии Швеции подполковник Хельге Юнг, согласившийся с предложением адмирала Канариса обмениваться информацией о Советском Союзе и Прибалтийских государствах. Весной следующего года в столице рейха побывал и начальник разведки полковник Адлеркройтц, после чего в рамках достигнутой договоренности в Германию для обучения технике контрразведывательной работы был направлен майор Торвальд Линдквист. Одним из пунктов соглашения являлся взаимный отказ от ведения разведывательной работы друг против друга, который, однако, не выполнялся ни одной из сторон. В частности, немцы организовали сеть наблюдателей за прибрежным судоходством, в результате чего в апреле 1938 года провалился и был арестован первый агент абвера. Молодой журналист К. Флек привлек внимание контрразведки своими постоянными разъездами по стране, в ходе которых он собирал политические слухи, явно выходявшие за рамки интересов представителя прессы. В результате перлюстрации его корреспонденции и прослушивания телефонных переговоров шведы зафиксировали разговор объекта с сотрудником германской миссии доктором Иоахимом Шуреком, которому он намеревался срочно передать какие-то записи. 17 апреля 1940 года Флека задержали, обыскали и изъяли материалы по военной тематике, ставшие основанием для

вынесения ему приговора. Уже после того, как бывший журналист был отправлен на длительный срок в тюрьму, абвер заявил о своей абсолютной непричастности к этой истории. Она произошла уже во время нахождения Ганса Вагнера на должности резидента, однако он действительно не имел к ней никакого отношения. Единственной задачей КО-Швеция было ведение наступательной контрразведки, включавшей в себя как пресечение каналов утечки информации к англичанам и французам, так и внедрение в их разведывательные службы. В этом отношении интересы абвера не противоречили политике Швеции, что и послужило причиной почти официального благожелательного отношения к резиденту. Вскоре после его назначения на должность, в конце 1939 года Канарис организовал и провел в Стокгольме совещание с коллегами из Финляндии и Швеции, на котором обратился к ним с просьбой об организации прикрытия для сотрудников абвера на территории их стран. Взамен Адлеркройтц просил немцев о разрешении пропускать по своим каналам добытую его офицерами оперативную информацию из Эстонии. Канарис представил Вагнера участникам совещания, причем отрекомендовал его как доктора, а не майора. В дальнейшем резидент дослужился до звания полковника. Начальник абвера подчеркнул, что главной задачей КО-Швеция будет являться нейтрализация деятельности спецслужб противника на шведской территории, и до середины 1944 года это действительно было так. Вагнер не подчинялся ни начальнику расположенной в Хельсинки региональной резидентуры капитану 1-го ранга Целлариусу (“Корелл”), ни военному атташе, а одному лишь руководителю подотдела III“Ф” центрального аппарата абвера полковнику Иоахиму Роледеру (“Аксель”). В штате резидентуры имелось шесть оперативных офицеров, и в их числе “серый кардинал” точки, заместитель резидента капитан Альберт Утермарк. Весьма слабо подготовленный в административном и организационном отношении Вагнер устранился от этих проблем и сосредоточился исключительно на решении профессиональных задач, передоверив Утермарку всю рутинную работу. Резидент поддерживал прекрасные отношения с Адлеркройтцем и его преемником Ландквистом и имел все основания докладывать в рапорте от 2 сентября 1942 года: “Нет сомнения, что те агенты нашей службы, которые не имели заданий работать против Швеции, оставлены шведами в покое”²⁸⁸. Это было совершенно справедливо не только при соблюдении указанного принципа, но и при его нарушении. Например, Эберхард фон Шолер, собиравший информацию о военных приготовлениях Швеции и моральном духе ее населения, был арестован с компрометирующими его 50 снимками портовых и железнодорожных объектов юга страны и 26 июля 1940 года приговорен к годовичному сроку тюремного заключения, затем увеличенному верховным судом до 3,5 лет. Однако такие случаи были скорее исключением, нежели правилом. Кроме того, фон Шолер был агентом не Вагнера, а Целлариуса и вел разведку по поручению КО-Финляндия. По шведским данным, месячный бюджет КО-Швеция составлял 60 тысяч крон.

До приезда “Ганса Шнайдера” функции резидента абвера в Швеции выполнял военно-морской атташе Германии в Стокгольме адмирал Вернер Штеффан, продолжавший оставаться на своем официальном посту и после прибытия Вагнера. Он сохранил частичное руководство добыванием информации, но неосторожные действия агентуры скомпрометировали его в глазах шведов. В мае 1940 года они мягко настояли на отзыве адмирала, преемник которого Пауль фон Валерт уже не имел к оперативной работе никакого отношения.

Вскоре после назначения на должность Вагнер наткнулся на весьма серьезный случай государственной измены. Упомянутый в главе о Третьем рейхе сотрудник абвера Йозеф Мюллер выполнял обязанности личного эmissара заместителя начальника военной разведки Ганса Остера и с сентября 1939 года вел в Риме переговоры с главным помощником и доверенным лицом Папы Римского Пия XII отцом Лейбером. Мюллер располагал в Ватикане обширными связями и 18 октября получил согласие Святейшего Престола на посредничество в мирных переговорах с германской оппозицией. После этого он установил связь с британским послом в Ватикане Осборном д’Арси, однако после известного похищения двух резидентов в Венло англичане утратили интерес к продолжению контактов и с недоверием относились к любым инициативам подобного рода. Желая продемонстрировать добрую волю возглавлявшейся генералом Людвигом Бекком военной ветви оппозиции, Мюллер предоставил д’Арси информацию о планирующемся наступлении, но германская радиоразведка перехватила и дешифровала направленное в Лондон сообщение британского посла. Налицо был случай явной измены. Для его расследования требовалось направить в Рим надежного агента, особо деликатный характер миссии которого предполагал организацию качественно-

го прикрытия. Таким человеком стал принявший в 1935 году католичество стокгольмский корреспондент швейцарских газет “Базель нахрихтен” и “Нью католик геральд” Зигфрид Ашер. В самом начале войны он из Швеции попытался привлечь к себе внимание германской разведки и преуспел в этом. В 1940 году Вагнер включил Ашера в список кандидатов на вербовку и в январе следующего года официально привлек его к работе на абвер. Существует и другая точка зрения, согласно которой журналист был завербован еще раньше, и приказ о его использовании резидент получил из Берлина от полковника Роледера.

Внедрение Ашера продвигалось крайне медленно, поскольку первым делом требовалось прикрыть источник финансирования его поездки в Ватикан. В феврале 1941 года журналист сообщил в “Базель нахрихтен” о намерении отправиться в Рим, где якобы ожидаются какие-то интересные события, и о намерении Святейшего Престола взять на себя связанные с этим расходы. Таким образом Ашер добился получения рекомендательного письма от главного редактора, который никогда бы не согласился финансировать эту поездку, однако иных причин возражать против нее не имел. С ним агент отправился к католическому епископу Йоганну Эрику Мюллеру и получил от него другое рекомендательное письмо, адресованное в германскую миссию с просьбой выдать Ашеру визу. Роледер и Вагнер избрали столь сложный путь, поскольку не знали, кто в дипломатических кругах поддерживал оппозицию. Ее сторонников вполне могла насторожить обычная процедура выдачи визы по просьбе абвера, что неизбежно повлекло бы расшифровку операции и ее провал. По прибытии в Берлин Ашер обратился к папскому нунцию и получил от него дополнительные рекомендации, дополнявшие уже имевшиеся письма от главного редактора “Базель нахрихтен” и епископа. Однако столь тщательно разработанный план имел один изъян, на который контрразведчики абвера не обратили внимания, поскольку не принимали в расчет отвечавших за безопасность Святейшего Престола сотрудников. Их насторожил факт проезда через рейх еврея Ашера, поскольку, согласно расовой теории нацистов, его обращение в католичество ничего не меняло. Кроме того, аналогичные сомнения, хотя и после отъезда журналиста из Швеции, возникли и у католической миссии в Стокгольме. Епископ Мюллер заподозрил в Ашере агента гестапо, о чем и сообщил местной Службе безопасности, а также в Ватикан. Несмотря на все эти проблемы, журналист все же встретился с Мюллером и из нескольких бесед вынес совершенно верное убеждение в том, что тот является посланцем заговорщиков. Рапорт Ашера на имя Роледера попал к Канарису, лично курировавшему отдел III “Ф”, тот вызвал Остера и предупредил его об опасности. Адмирал не участвовал в переговорах и ничего не знал о роли своего заместителя, однако после сопоставления фактов все понял. Он приказал Остеру немедленно прекратить столь рискованную деятельность и не дал ход рапорту Ашера. Все это стало известно лишь после подавления попытки переворота (операция “Валькирия”) 20 июля 1944 года и послужило одним из пунктов обвинения бывшего начальника абвера в измене. Шведы восприняли подозрения стокгольмского епископа достаточно серьезно, и их наружное наблюдение быстро зафиксировало негласные встречи возвратившегося из Италии Ашера с сотрудниками КО. 28 апреля 1942 года журналиста вызвали в полицию для допроса. Он заявил, что был направлен в Рим газетой “Базель нахрихтен”, но эту легенду мгновенно опроверг установленный факт получения им от Вагнера авиабилетов, 5 тысяч лир и тысячи крон. Резидент утверждал, что послал журналиста в Италию не в качестве агента, а для составления обзора о состоянии экономики этой страны по открытым источникам, однако никого не убедил. Контрразведка рекомендовала арестовать Ашера, но никаких юридически обоснованных обвинений против него выдвинуть было невозможно. Было решено начать процедуру высылки его из Швеции, однако внезапно у журналиста проявилось серьезное умственное расстройство, требовавшее клинического лечения. Ашер пробыл в психиатрической лечебнице до начала 1945 года, сведений о его дальнейшей судьбе нет.

В 1942 году КО-Швеция открыло подрезидентуру в Готенбурге, во главе которой с 1 февраля 1943 года находился вице-консул Германии зондерфюрер Эберхард Шротт (“Гуннар”). Эта точка работала исключительно в соответствии с основными направлениями КО-Швеция и занималась контрразведкой, освещением деятельности коммунистической партии, норвежских и датских эмигрантов, в особенности в области диверсионной деятельности, сбором информации о видных политических фигурах Швеции, о беженцах из рейха и организацией курьерского сообщения между Стокгольмом и Берлином. Все остальные направления относились к ведению иных структур, не подчинявшихся Вагнеру. Например, Швеция

занимала важное место в системе германской разведки благодаря возможности получать и анализировать прессу Британии и США. Эта задача приобрела еще большее значение после потери Франции, исключившей регулярное получение испанских и португальских изданий.

В Швеции проходила деятельность и члена НСДАП с 1937 года, сотрудника МИД доктора Карла-Хайнца Крамера, одного из наиболее известных агентов абвера времен Второй мировой войны. Он подчинялся руководителю агентурных операций АСТ-Гамбург на американском и британском направлениях майору Николаусу Риттеру (“доктор Рантцау”) и в мае 1941 года был направлен им в Стокгольм для изучения возможностей ведения там оперативной работы против этих государств. Ранее Крамер выполнял разведывательные поручения в Нидерландах, Венгрии и Турции, где участвовал в вербовке агента для организации прослушивания телефонных линий британского посольства. В Стокгольме он административно относился к штату КО-Швеция, однако не подчинялся Вагнеру и имел собственный телетайпный канал связи с Берлином. С ноября 1941 года поездки Крамера в Швецию стали регулярными, возвращался он обязательно с весьма ценной информацией, преимущественно из области авиации. Первый отчет руководству он направил уже на 11-й день после своего прибытия в Стокгольм, а в следующем году буквально завалил абвер донесениями. В отличие от общепринятой практики, разведчик направлял сводные отчеты, включавшие в среднем 20 донесений, иногда и до 35, но периодически посылал и единичные сообщения. С сентября 1942 года командование люфтваффе оценивало их весьма высоко, в особенности данные о ежемесячном производстве авиационной техники в Великобритании. Каждую новую поездку становилось осуществлять все сложнее, и ВВС потребовали от абвера перевести столь ценного агента в Стокгольм для работы на постоянной основе. Это составляло некоторую проблему, поскольку несколько ранее МИД и ОКВ достигли договоренности о прекращении создания новых должностей для прикрытия разведчиков в аппаратах загранпредставительств Германии. Однако с учетом исключительности данного случая рейхсминистр фон Риббентроп лично санкционировал ведение дополнительной штатной единицы в германскую миссию в Стокгольме.

Главным агентом Крамера считался “Зигфрид А” (V-3569), представитель авиакомпании “Люфтганза” в аэропорту Бромма. Вскоре он завербовал еще нескольких шведов, поэтому новый источник “Зигфрид Б” фактически представлял собой не одного человека, а группу лиц, которыми Крамер руководил через групповода. Разведчик взаимодействовал с резидентом венгерской разведки, одновременно помощником военного атташе в Стокгольме, и с его японским коллегой генералом Онодера. Связь с ним Крамер установил через одного из своих стамбульских источников, итальянца, переехавшего в Швецию и продолжавшего, как в Турции, работать на две разведки. Самые же ценные сведения он черпал от источника “Жозефина”. Под этим кодовым обозначением скрывалась информация, поступающая от военного и военно-морского атташе Швеции в Лондоне, причем вплоть до настоящего времени никто не знает, как именно Крамеру удавалось получать ее. В рассматриваемый период этот вопрос вызывал немалый интерес в самом абвере, но агент неизменно отказывался сообщить интересующие данные и угрожал в случае нажима на него уйти в отставку. Это породило массу подозрений, и в марте 1943 года для поиска истины из Гамбурга был командирован представитель подотдела абвера I “А” майор Фридрих Буш, занявший должность по прикрытию помощника военно-воздушного атташе в Германии. Этот профессиональный разведчик смог установить, что часть ценной информации сотрудник отдела прессы германской миссии Крамер получает в результате тщательного изучения открытых источников, остальные же данные поступают к нему в виде уже готовых оценок. Сделать вывод о том, кто именно их составляет, не представлялось возможным. Буш заподозрил, что в действительности источников существует значительно меньше, чем в платежных ведомостях, и что таким путем агент просто присваивает их жалование. Майор сомневался также в трех иберийских источниках Крамера, и в этом, вероятно, было зерно истины. Не исключено, что они являлись фиктивными агентами двойного агента МИ-5 Хуана Пухола (“Гарбо”), хотя мнения на этот счет расходятся. Некоторые полагают, что Крамер имел источника в МИД Швеции. Существует версия, согласно которой разведчик располагал доступом к доставлявшейся из Великобритании дипломатической почте этого ведомства. В рассматриваемый период соединявшие ее со Швецией телефонные и телеграфные кабели не действовали, поскольку были перерезаны еще в апреле и мае 1940 года. Для связи между двумя странами оставались лишь два канала: радиотелеграфная станция “Готенбургское радио” и курьеры, с февраля 1942 года летавшие

самолетами шведской и британской авиакомпаний “АБ Аэротранспорт” (АБА) и БОАК. Крамер через “Зигфрида А” действительно вполне мог организовать просмотр содержимого вализ атташе и таким образом иметь доступ к важному источнику информации. После передачи абвера под начало РСХА к проблеме подключился Шелленберг. Он поставил Крамера под плотное наружное наблюдение, не зафиксировавшее подозрительные контакты, кроме тех, о которых он докладывал в установленном порядке, однако несколько раз разведчик ускользал и, в принципе, мог провести конспиративную встречу. Гестапо подозревало его в работе на советскую разведку, от которой он якобы получал для передачи абверу информацию о Великобритании и США, и завело на него 800-страничное дело.

Естественно, что работа столь неординарного разведчика не могла остаться незамеченной противниками. После войны британцы провели собственное расследование дела Крамера, в рамках которого допросили Буша и Шелленберга, однако те не добавили ничего нового к уже имевшимся в документах данным. МИ-5 и МИ-6 проводили расследование параллельно и пришли к абсолютно противоположным выводам. Служба безопасности утверждала, что успешная работа Крамера во многом являлась фикцией, поскольку часть его сведений он черпал из дезинформационных материалов “20-го комитета”, часть выдумывал, а остаток получал в результате тщательного анализа прессы. Контрразведчики заключили, что агент не мог иметь доступ к шведской дипломатической почте. Оценка МИ-6 была далеко не столь категорична. Разведчики совершенно не исключали, что Крамер действительно был редким по результативности агентом, и вопрос об этом до сих пор остается открытым.

Еще одним удачливым германским агентом являлся банкир из Кельна Вальдемар Оппенгеймер. Несмотря на еврейское происхождение, вначале он весьма симпатизировал идеям и методам НСДАП, однако, естественно, не был принят в партию по расовым соображениям и вскоре был вынужден уехать из рейха в Швейцарию. Там с июня 1941 года он начал работать на абвер под псевдонимом “Барон” и поставлял информацию о военной промышленности Соединенных Штатов, их финансах в Голландии и Швеции, а также о методах военно-морской подготовки экипажей транспортных судов для плавания в составе конвоев. В 1941 году Оппенгеймер совершил четыре поездки в Швецию, где собирал сведения в основном по США, а также по британскому торговому флоту и морским перевозкам. В 1942 году “Барон” предоставил точную и своевременную информацию о состоявшемся в Вашингтоне совещании Рузвельта и Черчилля. В это же время он попал в поле зрения британской контрразведки. Судя по всему, именно МИ-5 в апреле 1942 года в провокационных целях инспирировала публикацию в газете “Дейли мейл”, где Оппенгеймера именовали личным эмиссаром Гитлера, прибывшим в Стокгольм для проведения переговоров о сепаратном мире. Замысел оказался успешным, сразу же после возвращения в рейх у банкира отобрали заграничный паспорт, запретили совершать зарубежные поездки и долго допрашивали в гестапо. Начальник Абт-II полковник Пикенброк не мог стерпеть такого отношения к одному из лучших своих агентов и добился отмены всех ограничений. Вскоре Оппенгеймер вновь начал выезжать в Швецию, где проводил переговоры о заказе на траулеры, решал финансовые вопросы продажи европейских облигаций и акций, а также собирал информацию об американской промышленности. Однако допросы в гестапо произвели на него слишком сильное впечатление, и “Барон” постепенно начал отходить от разведывательных дел, а в ноябре 1942 года прекратил сотрудничество полностью.

После февральской 1944 года реорганизации разведки у Вагнера возникли некоторые теоретические разногласия с новым руководством, пришедшим на смену “команде” Канариса. Однако главной причиной решения убрать Вагнера с поста стокгольмского резидента явилось не расхождение во взглядах и не недовольство результатами его деятельности, с которыми как раз все было в порядке, а смена приоритетов резидентуры. Точка в Стокгольме являлась исключительно контрразведывательной, а сам Вагнер был специалистом хотя и высокого класса, но только в относительно узкой области противодействия разведывательной деятельности противника и внедрения в его оперативные органы. Теперь же на первый план выходили вопросы сбора информации, в которых он ориентировался поверхностно. В июле посла в Стокгольме Ганса Томсена уведомили о предстоящем назначении на должность резидента одного из старших офицеров копенгагенской точки, но дипломат категорически воспротивился и самой перестановке, и в особенности назначению человека из Дании. С учетом того, что Швеция по-прежнему не рассматривалась в качестве объекта разведыва-

тельных устремлений, он предложил назначить резидентом уже знающего местные условия майора Вольфганга Абсхагена. В результате долгих переговоров и согласований Вагнер все же остался на своем посту, а для организации разведки резидентуру доукомплектовали двумя офицерами. Одним из них был специалист по ВВС из Лиссабона майор Х. Венцлау, второй ранее возглавлял скандинавское отделение концерна “И. Г. Фарбен”. Резидент оставался в стране до 23 февраля 1945 года вместе со своим заместителем Альбертом Утермарком и покинул ее в результате протеста шведов в связи с делом Лоненгрена — Паульссона.

Его истоки восходят к 1938 году, когда в Стокгольме открылось Скандинавское телеграфное бюро (СТБ), аналог Швейцарского агентства прессы в Цюрихе. Обе эти организации в действительности являлись структурами абвера, финансировавшего их и утверждавшего списки распространяемых новостей. Должность директора СТБ с момента его основания и до января 1941 года занимал Джон Лоненгрэн. Подлинный характер бюро, в общем, не составлял секрета для шведской контрразведки, однако целенаправленная пропаганда никоим образом не противоречила законодательству страны и поэтому не привлекала особого внимания Службы безопасности. За сотрудниками СТБ периодически устанавливалось наблюдение для установления их возможной причастности к разведывательным мероприятиям, но повод для подозрений они не дали ни разу. В 1942 году, уже после ухода Лоненгрена с должности директора бюро, шведы решили провести очередную рутинную проверку, в ходе которой зафиксировали весьма настораживающий контакт объекта с сотрудником Контрольной секции Бюро по иностранцам Робертом Паульссоном. Сам по себе этот факт являлся не компрометирующим, а лишь заслуживающим более пристального внимания, и ввиду ограниченности ресурсов контрразведки проверку повторили не сразу, а лишь в ноябре следующего года. Бригады наблюдения были значительно усилены, но их усилия оказались по-прежнему безрезультатными. Лоненгрэн вел себя в Стокгольме крайне осторожно и полагал, что застрахован от любых неприятностей, однако его безопасность оказалась иллюзорной. В Соединенных Штатах Америки агенты ФБР арестовали за шпионаж Грейс Бьюкенен-Динин, состоявшую в переписке с бывшим директором СТБ и еще как минимум, тремя другими стокгольмскими корреспондентами. Американцы передали эти сведения шведам, в третий раз обратившим внимание на хорошо знакомый им объект. Дальнейшее развитие операции Служба безопасности проводила с помощью коллег из Хельсинки. Поздней осенью 1944 года финский контрразведчик Кумениус вошел в доверие к руководителю КО-Финляндия Целлариусу, направившему его в Стокгольм для оказания помощи Вагнеру. Вскоре был зафиксирован телефонный разговор между Лоненгреном и Паульссоном о передаче информации Вагнеру, после которого полиция допросила бывшего главу СТБ, признавшегося в получении информации от Паульссона и передаче ее сотрудникам КО-Швеция. Он назвал свыше сотни имен шведов, от которых получал более или менее деликатные сведения, в результате чего стало ясно, что Лоненгрэн не ограничивался информированием германской миссии об эмигрантах из рейха, а занимался вполне серьезной контрразведывательной работой. В частности, в деле имелся эпизод, в котором он проводил агентурное изучение двух служащих ТАСС, подозревавшихся в руководстве несколькими агентами. Полученные на допросе шокирующие сведения стали причиной скандала и правительственного расследования. Паульссон отрицал факт передачи Лоненгрэну закрытой информации, а свои контакты с ним мотивировал желанием поближе присмотреться к подозрительному иностранцу в интересах службы. Суд не принял это во внимание, и приговорил его к году и 10 месяцам тюремного заключения, а бывшего начальника СТБ — к двум годам каторжных работ.

Абвер был не единственной действовавшей в Швеции германской секретной службой. Эта “страна 142”, по системе кодовых обозначений СД-аусланд, являлась объектом устремлений реферата D3 VI управления РСХА, отвечавшего также за оперативную работу в Финляндии, Дании и Норвегии. С началом войны “главным уполномоченным” (резидентом) СД в Стокгольме стал представитель газеты “Фелькишер беобахтер” Ганс Георг Вагнер, отозванный в мае 1942 года из-за расшифровки. Его заменил помощник торгового атташе доктор Август Финке, имевший на связи около 30 агентов, в основном местных нацистов и немцев. Советское направление в резидентуре СД вел Сергей Дмитриевский, бывший комиссар РККА, затем дипломат. В 1922 году он работал в составе торговой делегации РСФСР в Берлине, затем занимал должность 1-го секретаря полпредства СССР в Афинах, а позднее был переведен в Центральный аппарат Наркоминдела. В 1927 году Дмитриевский

занял пост консула полпредства СССР в Стокгольме и три года спустя бежал. Он зарабатывал на жизнь написанием статей и книг о положении в Советском Союзе, а в 1934 году начал сотрудничать с СД. Работа Финке считалась результативной, однако недостаточной по британскому и американскому направлениям. Шелленберг придерживался на этот счет иного мнения и полагал своего резидента хорошим администратором, но никуда не годным разведчиком. Шведская Служба безопасности окончательно установила причастность Финке к разведывательной деятельности в апреле 1943 года, после чего поставила его под плотное наблюдение. В результате несколько агентов СД-аусланд провалились, и 28 февраля 1945 года резидент был отозван.

Весьма активно действовала на территории Швеции японская разведка, имевшая одно специфическое преимущество. Ее офицеры занимали должности не только в японской, но и в маньчжурской миссиях, поэтому их численность могла быть увеличена без изменения квоты дипломатического персонала, всегда вызывающего обоснованное недоверие контрразведки. Еще одним заслуживающим внимания элементом оперативной обстановки являлось тесное взаимодействие японцев с польской, эстонской, шведской, финской и венгерской разведывательными службами, зачастую направленное против Третьего рейха — стратегического союзника Японии. Первым резидентом в Стокгольме был военный атташе подполковник Тосио Нисимура, передавший дела генерал-лейтенанту Макото Онодера, без сомнения, одному из наиболее одаренных японских разведчиков периода Второй мировой войны. Как уже указывалось, резидент японской секретной службы в Риге полковник Оноучи работал в контакте с польским разведчиком Михалом Рубиковским (“Михальский”), имевшим маньчжурский паспорт на имя Петра Иванова. После закрытия иностранных миссий в Латвии летом 1940 года и массового отъезда из Риги дипломатов и разведчиков Рубиковский перебрался в Стокгольм и продолжил сотрудничество с японцами, одновременно выполняя задания своей разведки. “Михальского” ни в коем случае нельзя рассматривать как двойника или предателя, поскольку все контакты он осуществлял в строгом соответствии с полученными указаниями и с генеральной стратегией VI (бывшего II) отдела польского генерального штаба.

Поляки вообще действовали в Стокгольме весьма активно. Их миссия с собственной радиостанцией обосновалась там еще в 1939 году и вскоре пополнилась представителем главнокомандующего АК генерала Сикорского подполковником Тадеушем Рудницким. Шведы знали о его причастности к разведке еще до начала войны, а в 1940 году зафиксировали две поездки Рудницкого по фальшивому паспорту на фамилию Винчи. Первым провалившимся польским агентом в Швеции стал арестованный в ноябре 1940 года бывший представитель государственной Компании угольных шахт, затем сотрудник миссии в Стокгольме Игнаций Арнольд. Шведские контрразведчики располагали оперативной информацией об участии поляка в разведывательной работе. Они внезапно обыскали занимаемое им помещение и получили доказательства сбора Арнольдом сведений о германских железных дорогах в окрестностях Берлина, позволившие приговорить его к 4 месяцам каторжных работ. Поляки работали столь активно, что даже относительно терпимые к подобным действиям шведы вынуждены были вмешаться. Ситуацию усугубляли постоянные демарши немцев, настаивавших на том, что, поскольку Польши более не существует, наличие в Стокгольме ее миссии является недружественным актом по отношению к рейху. В мае 1941 года МИД Швеции известил поляков, что значительная часть их персонала отныне будет рассматриваться не в качестве аккредитованных в стране дипломатов, а как транзитные дипломаты на пути в Великобританию. Рудницкий утратил дипломатический иммунитет и сразу уехал, ему на смену прибыл полковник Эдмунд Пиотровский, действовавший исключительно в интересах разведывательного обеспечения АК. В частности, он ведал организацией курьерской сети “Анна”, занятой транспортировкой документов, предметов и информации между генерал-губернаторством и Лондоном. Поляки вообще испытывали большую потребность в курьерах, поскольку пользование нелегальными передатчиками было занятием весьма небезопасным. Для этой цели до лета 1942 года польская разведка активно использовала шведов, без проблем ездивших в рейх под прикрытием коммерческих интересов фирм “Эриксон”, СКФ, “Шведские спички” и других, пока германская контрразведка не положила конец подобной практике.

Незадолго до этого шведские криптоаналитики, регулярно вскрывавшие зашифрованную переписку польской миссии и резидентуры, выяснили масштабы использования шведских подданных в качестве курьеров и обоснованно предположили, что функабвер также может

читать эти сообщения. Начальник Бюро Ц Петерсен срочно направил в генерал-губернаторство своего заместителя Тернберга (под именем Роберта Бросса) с задачей немедленно оповестить об опасности всех вовлеченных в курьерскую деятельность шведов, однако было уже поздно. 10 июля 1942 года немцы арестовали первого из так называемых “варшавских шведов”, служащего фирмы “Эриксон” Нильса Берглинда, а вслед за ним еще семерых подданных Швеции и множество поляков. Разъяренные контрразведчики вызвали на допрос в Стокгольме восьмерых причастных к работе курьерской сети польских граждан и некоторых из них выслали. По настоянию МИД посланник был отозван, его место занял поверенный в делах. Дипломатические представители Польши клятвенно заверяли, что отныне станут заниматься исключительно своими официальными обязанностями, но слово, естественно, не сдержали. Сразу же после разгрома сети “Анна” была организована новая сеть “Залого”, действовавшая через территории Франции и Швеции, причем второе направление работало быстрее и поэтому было значительно предпочтительнее. Германские контрразведчики разгромили и эту сеть. В марте 1944 года “Залого” прекратила свое существование, были арестованы 22 человека, но, в отличие от ситуации с “Анной”, на этот раз шведов среди них не было.

Пост главного резидента польской разведки в Стокгольме занимал капитан Вацлав Гилевич, продолжавший начатое еще в предвоенный период сотрудничество с японцами. Его основным агентом и одновременно офицером связи с 1940 года являлся уже упоминавшийся Рубиковский (“Михальский”). Шведы достаточно быстро определили характер связи между представителями двух столь различных государств и взяли все их контакты под плотное наблюдение, в результате чего уже летом 1940 года сумели расшифровать трех первых агентов. Служба безопасности установила, что как минимум один из них находился на связи у Гилевича. Осенью шведы сумели добыть копии нескольких агентурных сообщений, направленных ему из польского консульства в Мальме, где группой местных агентов руководил консул Зиембиевич. В середине марта 1941 года трое его источников были арестованы и на допросе показали, что имели задание внедриться в национал-социалистические круги в Мальме. Из них двое не подверглись уголовному преследованию, поскольку не успели совершить никаких конкретных действий в рамках своего поручения, а третий понес наказание в виде 1,5 лет каторжных работ. Именно так шведский суд оценил его успешное проникновение в среду местных нацистов, в результате которого он успел совершить несколько поездок в рейх. Главным следствием этих разоблачений явилось объявление Гилевича персоной нон грата и его высылка в Лондон.

Из Швеции польские разведчики поддерживали связь со своими нелегальными резидентами в Кенигсберге Дашкевичем (“Перж”) и Берлине Якубаничем (“Кунцевич”). Последний использовал в качестве курьера регулярно ездившую в Стокгольм Янину Лапинскую, повара в маньчжурской миссии в столице рейха. После активизации работы на этом канале летом 1941 года СД-инланд захватила курьера с более чем сотней микропленок с фотоснимками, сделанными в генерал-губернаторстве. Это позволило разгромить всю сеть польской разведки в Берлине и 6 июля арестовать резидента Якубанича. Еще одним следствием этой удачно проведенной операции явилось установление причастности “Петра Иванова” к разведывательным операциям поляков, хотя его подлинное имя оставалось для СД тайной.

Резидент абвера в Стокгольме получил указание нейтрализовать опасного противника и безрезультатно пытался уговорить шведские власти обменять его на находившихся в германской тюрьме “варшавских шведов” Видена и Лагерберга. Затем руководство абвера обратилось к коллегам в Токио с просьбой уговорить генерала Онодера выдать своего агента немцам. Ее поддержал и военный атташе Японии в Берлине генерал Хироси Осима. Однако все это не возымело никакого результата, поляк был слишком результативным разведчиком, чтобы отказываться от него даже под столь сильным нажимом. Благодаря успешной работе “Михальского” Онодера всегда шел на шаг впереди своих коллег — резидентов в других столицах. В частности, на состоявшемся в Берлине в феврале 1941 года совещании военных атташе Японии в Европе руководитель стокгольмской точки оказался единственным, дальновидно утверждавшим, что следующим объектом агрессии Третьего рейха станет Советский Союз, а высадка в Британии будет отложена на неопределенное время. “Петр Иванов” предоставил ему данные о концентрации частей вермахта в Польше, а также о заказе на большое число гробов, безошибочном признаке планирования широкомасштабных боевых действий на суше.

В Стокгольме Рубиковский находился до января 1944 года, параллельно с японцами поставляя информацию и западным союзникам через польского военного атташе майора Феликса Бржесквинского. После ареста его агента, германской еврейки, работавшей в экспортной компании, Служба безопасности все же сумела добыть доказательства его нелегальной деятельности. Женщина снабжала Рубиковского данными о вывозе из Швеции железной руды, цинка, свинца, подбирала сведения для британской “черной” пропаганды и кандидатуры на вербовку, иными словами, была вовлечена в разведывательную деятельность, наносящую урон интересам Швеции. Контрразведчики не приняли во внимание, что в данном случае вербовочным контингентом являлись не шведы, а работавшие в стране немцы, причем лишь те из них, кто особо обращал внимание окружающих на свою беспартийность. Рубиковский и представитель командующего АК полковник Пиотровский были высланы в Лондон.

В Швеции активно работала и чешская разведка, переписку которой, как и польской, местные криптографы с октября 1941 года вскрывали вполне уверенно. 27 марта 1942 года бывший консул чешской миссии в Стокгольме Владислав Ванек был приговорен к 3,5 годам тюремного заключения за попытку обеспечить шведский коридор для курьеров движения Сопротивления. Он располагал конспиративными адресами для переписки и радиопередатчиком, с помощью которого принимал радиограммы с континента и затем транслировал их в Лондон. Радиоконтрразведка запеленговала его станцию, но Служба безопасности первоначально просто изъяла ее и не применила иных санкций. Британцы разрешили Ванеку использовать для отправки сообщений свою дипломатическую почту, однако чех не ограничился относительно невинной с точки зрения местной контрразведки деятельностью по ретрансляции информации. Он пошел по тому же пути, что и поляки, то есть использовал шведов для организации курьерской связи с протекторатом, при этом ситуация с “варшавскими шведами” повторилась почти полностью. Бюро Ц точно так же узнало об этом. Оно попыталось упредить репрессии немцев в отношении своих сограждан, и в данном случае это удалось. Последним отправленным на континент курьером стала Анна Сьюхольм, в сентябре 1941 года доставившая кристаллы для раций подпольных операторов под прикрытием поездки с уникальной вазой на Лейпцигскую ярмарку. Следующий курьер Ванека в феврале 1942 года был задержан и обыскан, а вслед за ним арестован и сам резидент. Он успел уничтожить все шифры, однако особой роли это не сыграло, поскольку шведы и без того регулярно вскрывали чешскую корреспонденцию с помощью математических методов дешифровки.

Как уже отмечалось, с территории Швеции активно действовала разведывательная служба Норвегии, осуществлявшая операции как самостоятельно, так и в контакте с англичанами. За период войны они совместно перебросили через сухопутную границу между двумя странами 190 агентов, количество которых колебалось от 4 в 1940 году до 74 четырьмя годами позднее. Специально для заброски курьеров было организовано “Спортивное бюро”, руководителем которого до 10 мая 1942 года являлся Харальд Грам. Резидентуры военной (МИ-П) и военно-морской разведок Норвегии (РМО) возглавляли Эрнуд Даль и Ханс Педер, а с июня 1944 года начала работу и контрразведка, отвечавшая за безопасность движения Сопротивления. Основная информация поступала от так называемой “германской группы” (“ХИ Рап”), дислоцировавшейся в Халдене, недалеко от шведской границы. Ее руководитель Гарри Бьорнебек имел агентуру в норвежском издательстве “Гейдельберг – Гутенберг”, получавшем заказы на публикацию различного рода изданий для располагавшихся в стране частей вермахта и кригсмарине. Хотя наиболее секретная литература печаталась все же не в Норвегии, а в Германии, она хранилась на складах издательства, благодаря чему разведчики Сопротивления получили доступ к ней.

Весьма активно действовали в Швеции ее другие ближайшие соседи – финны. Благодаря связывавшим две страны многолетним тесным отношениям, они пользовались своего рода режимом наибольшего благоприятствования и постоянно обменивались информацией, особенно касавшейся СССР. Совершенно своеобразная ситуация сложилась вследствие этого в сентябре 1944 года, когда после подписания перемирия между Советским Союзом и Финляндией ее разведывательная служба во главе с полковником Аладаром Паасоненом пе-

ребазировалась в Швецию. В рамках этого плана (операция “Стелла Поларис”) в последней декаде сентября 1944 года из Хельсинки на четырех судах прибыли 750 разведчиков, генштабистов и членов их семей. Среди беженцев оказались радиоразведчики с 700 ящиками груза. Они оптимистично планировали повторить чешский опыт 1938 года и продолжать свою работу на новом месте, но стокгольмское правительство решило иначе. Некоторых прибывших возвратили обратно, другим пришлось бежать. В частности, Паасонен и Халамаа некоторое время работали на французов, а вскоре укрылись соответственно в Португалии и Испании. Руководитель группы криптоаналитиков Эррки Пале провел 20 месяцев в шведской тюрьме, после чего был выслан обратно на родину. В целом результаты операции “Стелла Поларис” оказались для финских военных крайне разочаровывающими, однако имелось одно исключение. 15 радиоразведчиков были приняты на работу в ФРА, руководитель которого Торгил Торен договорился с ними о приобретении за 252875 шведских крон семи ящиков шифровальных материалов и оборудования. Такую же, хотя и более выгодную сделку Паасонен сумел заключить с японским резидентом Онодера, выплатившим за покупку 300 тысяч крон. Имеются также данные об аналогичных сделках с французами. В ноябре 1944 года финны предложили работнику резидентуры ОСС в Стокгольме, этническому финну из Чикаго Вилхо Тикандеру купить дешифровальные материалы по советским шифрам. При активном участии руководителя отделения специальной разведки (СИ) резидентуры Кэлвина Гувера американцы приобрели 1500 страниц документов, но о сделке узнал государственный секретарь Соединенных Штатов Стеттиниус и доложил о ней президенту, а тот распорядился безвозмездно передать все материалы в Москве генерал-лейтенанту Фитину. Через руководителя военной миссии США генерала Джона Дина Директор ОСС имел на этот счет свое мнение и попытался использовать ситуацию для давно реализации своего давно вынашивавшегося намерения как-то поучаствовать в криптоаналитических операциях. Он затормозил процесс передачи, но Стеттиниус держал его на контроле и пожаловался Рузвельту на самоуправство разведчиков. 11 декабря 1944 года Донован попытался опротестовать решение дипломатов и приостановил передачу спорных материалов, однако безрезультатно. 15 февраля 1945 года полученные из Стокгольма финские документы были вручены послу СССР в Вашингтоне А. А. Громыко. Любопытно, что Рузвельт руководствовался при этом отнюдь не абстрактными союзническими соображениями. Руководитель Соединенных Штатов высоко ценил советскую разведку и был уверен, что она неизбежно узнает о произошедшей сделке, поэтому во избежание неловкой ситуации предпочел совершить красивый жест доброй воли.

ОСС открыло резидентуру в Стокгольме осенью 1942 года, хотя, как и везде в Европе, до 1943 года англичане практически не позволяли ей работать. Руководителем точки являлся Брюс Хупер, секцию специальных операций (СО) возглавлял адвокат из Чикаго Вилхо Тикандер. Как обычно, американцы попытались воздействовать на экономический аспект ведения войны и с помощью профсоюза транспортных рабочих организовали забастовку персонала заводов фирмы СКФ с протестом против поставок шарикоподшипников в рейх. Однако эта первая акция стокгольмской точки стала и последней подобной операцией, поскольку посол США Хершель Джонсон предупредил сотрудников ОСС о том, что аналогичные действия чреваты высылкой из страны. Резидентура не имела секции специальной разведки (СИ), ведение агентурной разведки осуществлялось из Вашингтона скандинавской подсекцией СИ ОСС во главе с Кэлвином Гувером. Основным объектом стокгольмской точки были германские войска в Норвегии, проводились также радиоразведка и агентурные операции против СССР.

В декабре 1943 года резидентура ОСС завербовала сотрудника транспортного отдела завода СКФ в Гетеборге, до самого ареста в мае 1944 года снабжавшего ее исчерпывающей информацией не только об объемах поставок, но и о серийных номерах изделий. Используя эти данные, Соединенные Штаты по дипломатическим каналам смогли вынудить шведское правительство отказаться от заключения перспективных контрактов с Германией и ограничиться выполнением своих обязательств по действующим договорам. Косвенным результатом этой операции явилось получение сведений о финансовых потоках из Третьего рейха в Швецию, переданных исполнителям операции “Сэйфхэвен” по предотвращению “отмывки” финансовых средств Третьего рейха. К апрелю 1945 года офицеры линии “Икс-2” ОСС, использовавшие источники секции СИ, сумели зафиксировать конвертацию золота и валюты на сумму 100 миллионов шведских крон (приблизительно 25 миллионов долларов США) в немецкие товары, в основном в продукцию химической промышленности,

лекарства и текстиль, доставленные в Швецию и размещенные там на складах. С августа 1944 года сотрудники германской миссии в Стокгольме от имени Рейхсбанка распродала похищенные из государственного банка Голландии алмазы, что также не ускользнуло от внимания американцев. В послевоенный период эти данные операции “Сэйфхэвен” послужили основой для официального протеста, заявленного Вашингтоном государственному банку Швеции (“Риксбанк”) по поводу его торговли с нацистской Германией. Кроме того, принадлежащий известному семейству Валленбергов “Стокгольмс Энскильда Банк” был уличен в получении от Рейхсбанка свыше 4,5 миллионов долларов в период с мая 1940 по июнь 1941 года, а также в деятельности от имени германского правительства в качестве агента по скупке немецких ценных бумаг в Нью-Йорке. Однако прочные, хотя так до конца и не выясненные связи дома Валленбергов с разведывательными службами союзников оказались сильнее, и никакие санкции в отношении “Стокгольмс Энскильда Банк” не последовали.

Великобритания также постепенно усиливала свое присутствие в Швеции. По мере приближения окончания войны, когда стало ясно, что немцы проиграют ее в любом случае, отношение Стокгольма к государствам-участникам антигитлеровской коалиции стало меняться к лучшему. Первым делом это сказалось на изменении внешнеэкономической политики государства. Уже к сентябрю 1943 года объем экспорта железной руды в Германию стал уменьшаться, а затем был введен запрет на поставки рейху ферросплавов, за исключением ферросилиция, вывоз которого был значительно ограничен. Уже не боявшиеся оккупации шведы заняли более жесткую позицию в отношении возврата немцами задолженностей и весьма осложнили этим финансовое состояние рейха, испытывавшего хроническую нехватку валюты. Продукция химической промышленности, оборудование и лес в 1943 году поставлялись в объемах не более трех четвертей объемов предыдущего года. Исключение составляли шарикоподшипники, вывоз которых был не столь заметен, но насуточно важен для рейха, особенно после начала массовых бомбардировок производивших их заводов. Например, только за шесть недель целевых рейдов на шарикоподшипниковые заводы в феврале 1944 года объем их производства снизился на 29%²⁸⁹. Шведские поставки этой стратегической продукции приносили высокую прибыль и менее бросались в глаза, чем массовые перевозки руды и леса, поэтому их объем в течение некоторого времени возрастал. Если в 1942 году экспорт всех видов подшипников в Германию оценивался в 51 миллион шведских крон, то в 1943 году он достиг 60 миллионов, но непрерывное дипломатическое воздействие Лондона и Вашингтона на Стокгольм привело к тому, что в 1944 году поставки подшипников составили лишь 29 миллионов крон.

Шведы страховались на будущее, однако во многих вопросах проявляли упорство. Они возражали против увеличения штата иностранных миссий, поскольку было совершенно ясно, что на новые должности прибывают отнюдь не “чистые” дипломаты. Именно это и произошло с МИ-6, когда ее руководство наконец решило направить в резидентуру специалиста по контрразведке. Представитель V секции Питер Фэлк (кодовый номер 36700) должен был работать в Стокгольме под прикрытием должности офицера Бюро паспортного контроля (ПКО), что вообще исключало всякие сомнения относительно его подлинного рода занятий. Первоначально МИД отказался дать разрешение на его прибытие, но ситуацию исправил британский посол Виктор Мэллет. Он близко дружил с королем, еженедельно играл с ним в теннис и сумел заручиться его согласием на введение в посольстве Великобритании новой должности. Прибывший Фэлк сосредоточил свое основное внимание на подозревавшемся им в причастности к спецслужбам Карле-Хайнце Крамере и завербовал домработницу немца, бывшую австрийскую гражданку, ставшую агентом СИС под номером 36704. Она сообщила, что ее хозяин постоянно носит с собой ключ от запертого ящика письменного стола, в котором, очевидно, хранит нечто важное. Фэлк снабдил женщину 200-граммовым бруском сливочного масла, на котором она сумела сделать отпечаток ключа, когда Крамер принимал ванную. Норвежский беженец изготовил его копию, и домработница смогла заглянуть в ящик, но не обнаружила там ничего заслуживающего внимания. Немец соблюдал требования конспирации и не хранил дома никакие секретные материалы. Некоторый интерес представлял лишь паспорт, в котором имелись отметки о 10-дневном пребывании его владельца в Великобритании. Крамер вылетел из Лондона 3 сентября 1939 года, как раз вовремя, чтобы избежать интернирования в связи с началом войны. Более никаких особых достижений за британской внешней контрразведкой не числилось, да и вообще ре-

зультаты деятельности МИ-6 в Стокгольме никоим образом не идут в сравнение с работой ни военно-морского атташе Дэнхема, ни японских или германских противников. Тем не менее, руководство СИС считало свою “станцию” в Швеции наиболее успешной точкой за всю войну. Собственно, учитывая более чем скромные результаты действий всей британской разведки, за исключением ПШКШ/ШКПС, возможно, такая оценка и была справедливой. Одним из критериев столь лестной характеристики являлось крайне незначительное число провалов. Шведы арестовали лишь двоих британских агентов, и в этом отношении стокгольмская резидентура, безусловно, оказалась впереди других “станций” МИ-6.

Трудно сказать, соответствовали ли действительности опасения Рузвельта в отношении эффективности советских спецслужб, но во всяком случае в Швеции ее переоценивать не следовало. До июня 1941 года НКВД/НКГБ практически не проводил там операции, а позднее его деятельность не увенчалась особыми успехами. Внешняя разведка планировала создать в стране нелегальные резидентуры для обеспечения себя инфраструктурой на случай разрыва дипломатических отношений между Швецией и СССР, однако потерпела неудачу. С территории страны вяло велась оперативная работа по германскому, финскому, датскому и норвежскому направлениям, не принеся заметных плодов. “Легальным” резидентом с сентября 1941 года являлся Б. А. Рыбкин (“Кин”, “Ярцев”), известный по проведению безрезультатных секретных переговоров с финнами от имени советского руководства.

В. А. Сташевский

Впрочем, РУ/ГРУ действовало в Швеции более активно. Еще в предвоенный период помощник военного атташе СССР в Стокгольме А. Р. (А.) Риттер (“Рудольф”) имел на связи агентурную группу, руководимую бывшим военно-морским атташе Российской империи в Швеции капитаном 1-го ранга В. А. Сташевским (“Адмирал”). После революции этот офицер не вернулся на родину, но связь с ней не прервал, перейдя на уровень негласного сотрудничества с военной разведкой СССР.

Под руководством групповода работал еще один эмигрант, бывший прапорщик по Адмиралтейству В. Н. Бук (“Барбо”), в описываемый период помощник капитана на судах торгового флота. Третьим и, вероятно, самым результативным агентом резидентуры являлся швед “Тюре”, поддерживавший хорошие связи в высших политических кругах столицы, вплоть до короля. В 1938 году из-за отзыва и репрессирования Риттера связь с группой “Адмирала” прервалась и была восстановлена только после прибытия в начале 1940 года нового военного атташе Н. И. Никитушева (“Акасто”). Он реорганизовал работу резидентуры и наладил передачу собранных группой “Адмирала” через нелегальную линию связи, которую обслуживала агент-радиостанция Сигне Эрикссон (“Акма”). Ее муж Георг Эрикссон также участвовал в обеспечении работы передатчика. Сташевский никогда не встречался с Эрикссон, она получала добытые группой “Адмирала” материалы через сотрудника торгпредства СССР Я. Н. Князева (“Кольмар”).

Н. И. Никитушев

Резидентура не работала против страны пребывания, объектами ее заинтересованности являлись группировки вермахта в Финляндии, Норвегии и Дании, а также транзит германских войск и военных материалов через территорию Швеции. Кроме того, отслеживалась политическая линия Стокгольма в привязке к идущим в Европе военным действиям. Отдельным направлением стало взаимодействие Никитушева с военным и военно-морским

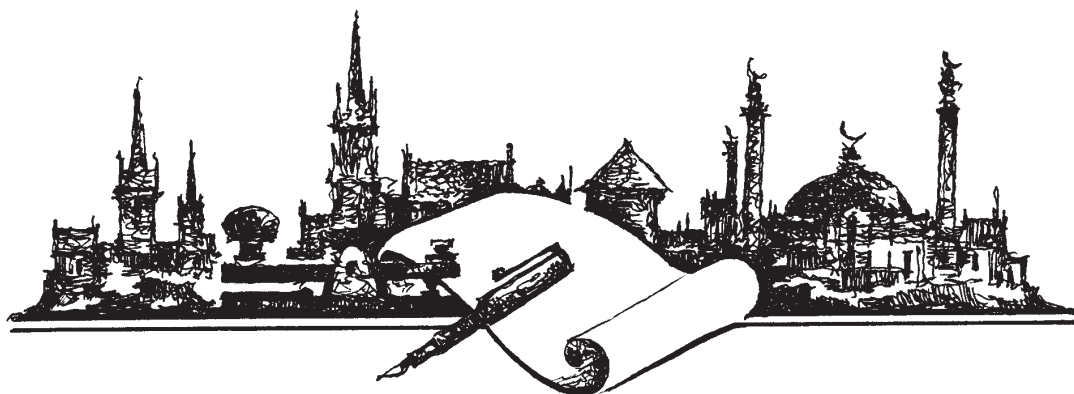
атташе Норвегии в столице Швеции, от которых он с 1943 года получал добытые норвежскими разведчиками сведения.

Несмотря на скромные масштабы деятельности, резидентура не избежала провала, причем весьма шумного. В середине августа 1943 года совместные усилия шведских радиоконтрразведчиков и полицейских привели к аресту “Акмы” и захвату ее передатчика, интенсивно обсуждавшихся в местной прессе. Вынужден был покинуть страну Князев. Это не приостановило деятельность группы “Адмирала”, продолжавшейся еще более года. Однако в декабре 1944 года, после приблизительно двухмесячной разработки, Сташевский и оба его агента были арестованы. Последовала очередная кампания в прессе, групповода осудили, и на этом агентурная работа советской военной разведки в Швеции была на описываемый период закончена.

Война стремительно приближалась к концу, и в попытках отсрочить его немцы попытались из Стокгольма организовать партизанское движение в Финляндии. В их памяти были еще свежи эпизоды советско-финской войны, когда небольшие летучие отряды лыжников наносили стремительные удары по завязшим в снегах неповоротливым частям Красной Армии, а одиночные снайперы истребляли командиров подразделений и вносили смятение в войска. Рейхсфюрер СС Гиммлер и начальник РСХА Кальтенбруннер лично курировали этот вопрос, однако не учли, что ни финские, ни тем более советские войска были уже далеко не теми, что пять лет назад. Они планировали перевести в Стокгольм “генерального представителя” СД в Финляндии Алариха Бросса для обеспечения руководства партизанскими операциями, но вместо этого тот вместе с резидентом военной разведки Целлариусом отбыл в Свинемюнде, где организовал зондеркоманду “Норд”. Агенты этого разведывательно-диверсионного органа работали в Швеции, а боевые подразделения несколько раз забрасывались в Норвегию и Данию. Увы, все это оказалось лишь своего рода штопкой дыр безнадежно разваливающегося фронта. Последней надеждой некоторых высших функционеров Третьего рейха являлись сепаратные мирные переговоры, полем для которых, наряду со Швейцарией, стала и Швеция, хотя в значительно меньших масштабах. Известно, что первые попытки в этом направлении совершались еще в 1943 году, а перед самым окончанием войны в Стокгольм для этой цели прибывали доктор Феликс Керстен из СС и начальник VI управления РСХА Вальтер Шелленберг. Как известно, их итог оказался нулевым.

* * *

После окончания Второй мировой войны Швеция продолжила политику нейтралитета, в обеспечении которого далеко не последнюю роль играли ее спецслужбы. Впоследствии они подвергались неоднократным реорганизациям, но общая направленность их деятельности и повышенное внимание к вопросам криптоанализа остаются неизменными до настоящего времени.

ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

В период Второй мировой войны Пиренейский полуостров оказался в самой гуще разведывательных операций, в основном направленных против третьих стран. Однако и сами Испания и Португалия также служили объектами устремлений спецслужб противоборствующих коалиций из-за их стремления перетянуть Мадрид и Лиссабон на свою сторону или, по крайней мере, убедиться в сохранении ими нейтралитета. В обоих государствах Пиренейского полуострова к 1939 году установились близкие к фашистским тоталитарные режимы, но ориентация их была различной. Если Испания недвусмысленно склонялась к Германии и Италии, благодаря которым ее правительство Национального движения сумело захватить власть, то Португалия более ориентировалась на Великобританию. Однако превыше всего оба государства ценили свой нейтральный статус и всеми силами стремились сохранить его. Это было весьма непростой задачей, но диктаторы Испании и Португалии Франко и Салазар успешно справились с ней и сумели нетронутыми провести свои страны через Вторую мировую войну.

1. ИСПАНИЯ

Гражданская война в Испании закончилась менее, чем за полгода до начала Второй мировой войны, и национальные спецслужбы к этому времени еще сохраняли разобщенность и децентрализованность. Оперативной работой ведали не менее восьми различных органов, работу которых никто не координировал, поэтому они то дублировали друг друга, то оставляли некоторые направления без внимания. Франко лично отдавал распоряжения об установлении разграничения их функций и сфер ответственности, однако отсутствие соответствующих руководящих документов сводило его усилия на нет. Основными специальными службами Испании в рассматриваемый период являлись:

- Информационная служба Движения (СИМ) — подчиненный генеральному секретарю Национального движения орган сбора политической информации внутри страны;
- Информационная служба главного штаба безопасности (ИССХ), предназначенная для расследования угрожающих социальных и политических факторов;
- Информационная служба гражданской гвардии (ИС);
- Информационная служба армии (2-й отдел генерального штаба, “Сегунда”);
- Информационная служба авиации;
- Информационная служба военно-морских сил;
- Служба внешней разведки и контрразведки (ФИКС) — 3-я (оперативная) секция генерального штаба.

Оперативную работу в области безопасности вели также и подразделения политической полиции. В своей деятельности все они руководствовались главным принципом, сформулированным Франко: “Победу, добытую в гражданской войне, нельзя вновь ставить под угрозу”²⁹⁰. Разоренная страна пребывала во внешнеполитической изоляции, население нищало, сотни тысяч “красных”, которых новая власть именовала “антииспанцами”, были брошены за решетку. Откорректированное уголовное законодательство предусматривало теперь только четыре градации наказания: три срока тюремного заключения (6 лет, 12 лет и один день, 20 лет и один день) и смертную казнь. После своей победы националисты казнили около 37 тысяч политических противников. Лишь в барселонской тюрьме “Модело” в период с 1939 по 1942 годы из 80 тысяч прошедших через нее политзаключенных по приговорам суда были казнены 7800 человек и без всякого судебного решения — 3500²⁹¹, то есть каждый седьмой. В горных областях продолжали действовать незначительные остатки партизанских отрядов, что не могло прибавить режиму стабильность. Поэтому основными задачами спецслужб являлось предотвращение рецидивов гражданской войны и профилактика оппозиционных политических течений, в том числе баскского и каталонского сепаратизма. Однако начавшаяся мировая война изменила приоритеты и выдвинула на первый план обеспечение не внутренней, а внешней безопасности. Для этого правительству пришлось проводить весьма гибкую политику и балансировать между интересами противоборствующих государств и, в том числе, их разведывательных органов.

Британскую разведку представляла в Мадриде резидентура МИ-6 во главе с полковником Эдуардом де Рензи-Мартинином, который до прихода в 1934 году на службу в СИС в течение семи лет работал инспектором в албанской жандармерии²⁹². Он не был в состоянии практически руководить агентурными операциями, поэтому в 1940 году на смену ему прибыл Гамильтон-Стокс с заместителем Мак-Ллорином. Новый резидент до 1936 года работал в варшавской “станции” МИ-6, после чего был переведен в центральный аппарат разведки, а затем кратковременно занимал пост помощника резидента в Будапеште. Штат мадридского Бюро паспортного контроля (ПКО) составлял 14 человек, в основном британских граждан из местной колонии, большинство из них действительно занимались только визами и паспортами и к оперативной работе никакого отношения не имели. Немалую роль играли 22 консульских поста в испанских портах, важнейшей задачей которых являлась проверка судовых ролей на пассажиров трансатлантических лайнеров и установление отелей, в которых они ночевали на берегу. Эти данные представляли значительный интерес для контрразведки, поскольку агенты абвера, как было установлено, использовали лишь несколько лучших отелей и игнорировали остальные.

Несмотря на солидный послужной список, Гамильтон-Стокс также не являлся специалистом по агентурно-оперативной работе, но, даже если бы он был виртуозом тайных операций, ситуация от этого не улучшилась бы. Как уже отмечалось, британский посол в Мадриде Сэмюэль Хор категорически воспротивился проведению любых разведывательных операций с территории Испании. Он сумел добиться принятия на уровне Форин офис соответствующего решения, полностью разрушившего оперативные позиции СИС в стране. При этом посол не ограничился собственным запретом и его подтверждением из Лондона, а поручил военно-морскому атташе капитану 1-го ранга Алану Хиллгарту, по совместительству исполнявшему обязанности офицера безопасности посольства, осуществлять повседневный контроль за выполнением этого распоряжения. Хиллгарт хорошо знал Испанию, поскольку в период гражданской войны занимал пост британского консула на Пальме, распоряжался секретными фондами СИС (и это при наличии штатного резидента!) и имел право прямого доклада не только Мензису, но и премьер-министру Черчиллю, с которым давно дружил. Все это предопределяло его особый статус в Мадриде. Военно-морской атташе в Испании с 1943 года руководил всей морской разведкой на Восточном ТВД и являлся как бы самым старшим офицером разведки, поскольку по протекции адмирала Годфри координировал действия СОЕ, НИД и МИ-6.

Строго говоря, координировать было особенно нечего. Британские спецслужбы в Испании операций практически не осуществляли, за исключением Службы спасения и побегов МИ-9. Все это вынудило МИ-6 перенести центр тяжести операций на Пиренеях в Лиссабон и весьма затруднило ведение разведывательной деятельности. После вторжения союзных экспедиционных сил в Европу Гамильтон-Стокса отозвали из Мадрида и назначили на его

место бывшего офицера по защите безопасности (ДСО) в Карибском бассейне полковника В. Т. Рена. СОЕ игнорировал запрет Хора, однако Испания не входила в сферу его операций, проведение специальных акций там планировалось только в случае вступления страны в войну на стороне “оси”. Как известно, этого не случилось, поэтому практически Испанией занималась лишь отвечавшая за эвакуацию агентов из Франции секция DF, тесно сотрудничавшая с резидентурой МИ-9 во главе вначале с Дональдом Дарлингом, а после его отбытия в Лиссабон — с Майклом Крессуэллом.

Испания являлась крайне важным звеном в эвакуации из Европы и конечным пунктом различных операций МИ-9. Одна из них началась в августе 1941 года после обращения в британское посольство в Бильбао группы из двух бельгийских офицеров, француза и молодой бельгийки Андре де Ионг. Девушка сообщила, что доставила беженцев по цепочке убежищ, протянувшейся от Брюсселя до Западных Пиренеев, и попросила разрешения направлять в Испанию и последующие партии эвакуируемых. В этот момент в консульстве находился лишь вице-консул Артур Дин, который запросил инструкции из Лондона и вместе с беженцами ожидал ответа в течение двух недель. Его запрос попал в МИ-6 к Клоду Дэнси, однозначно определившему ситуацию как провокацию противника. Однако полковник ошибся, линия эвакуации была подлинной, впоследствии именовалась “Кометой” и оказалась спасением для десятков британцев, бельгийцев, французов и поляков. В феврале 1942 года гестапо вышло на след подпольной организации и появилось в доме де Ионг в Брюсселе. В этот момент там не было ни девушки, ни ее отца, поэтому немцы арестовали младшую дочь, вскоре погибшую под пытками. “Комета” продолжала действовать, в период с июля по октябрь 1942 года по ней эвакуировались 54 человека, но 15 января гестапо все же настигло Андре. Девушка, за 16 поездок в Испанию спасшая жизни 118 человек, бесследно исчезла в концлагере.

В отличие от весьма несолидно выглядевших британцев, германская разведка обосновалась в Испании прочно и представительно. Посольство Германии насчитывало в 1941 году 391 служащего, из которых “чистыми” дипломатами являлись лишь 171²⁹³, остальные занимались разведкой и контрразведкой. Это было вполне естественно, поскольку контакты спецслужб рейха с Франко закладывались еще в 1936 году и оказались весьма результативными для обеих сторон. Как уже указывалось, резидентура абвера (КО-Испания) действовала в стране с 5 февраля 1937 года и в июне 1940 года насчитывала 87 человек, в том числе 73 разведчика и 5 контрразведчиков. Резидент Вильгельм Лайсснер (Густав Ленц или “папа Ленц”) по прикрытию руководил фирмой “Эксцельсиор”. К 1945 году КО-Испания насчитывало уже 717 штатных и 600 привлеченных сотрудников, имевших на связи 360 агентов и 90 диверсантов²⁹⁴. Подрезидентуры, а также посты перехвата и дешифровки располагались в городах Испании и Испанского Марокко Сан-Себастьян, Барселона, Севилья, Ла-Линеа, Альхесирас, Тетуан, Танжер, Сеута и Мельвиль. Направленные в Испанию агенты находились на связи у расположенного в Висбадене АСТ XII военного округа, а позднее и у АСТ V округа (Штутгарт). Помимо “Эксцельсиора”, абвер использовал в качестве прикрытия фирму “Трансмер”, которую возглавлял эмигрант из России барон Роланд Каульбарс (“Ино”). Кроме того, в Испании с разрешения Франко действовали несколько постов перехвата военно-морской радиоразведки “Служба Б”, а в Мадриде, Севилье, Танжере и на Канарских островах в частных домах располагались точки Шифровального бюро вермахта (“Ши”). До осени 1942 года они вместе с возглавляемой полковником Сармиенто криптографической службой испанского генштаба занимались прослушиванием станций на территории Франции, а затем полностью переключились на Атлантику и Средиземноморский бассейн. В Альхесирасе и Танжере (Испанское Марокко) располагались посты морской разведки, наблюдавшие за судоходством в Гибралтарском проливе. После получения в мае 1942 года ноты протеста из Лондона испанцы потребовали от немцев убрать их, однако принципиально ничего не изменилось, поскольку те же действия стали теперь выполнять испанские разведчики, передававшие всю информацию военно-морскому атташе рейха в Мадриде. Атлантические порты Испании служили базами для танкеров, производивших бункеровку германских подводных лодок в Бискайском заливе и океане.

Германская разведка в Испании проводила обширные и разнообразные агентурные операции. Отличительной особенностью этого региона являлось широкое использование внештатных агентов-непрофессионалов в качестве групповодов, что объяснялось практически

полным отсутствием противодействия их работе со стороны местных органов безопасности. Дилетант через свой агентурный аппарат вполне может наладить сбор информации, однако без соответствующей контрразведывательной подготовки тягаться с профессионалами ему, скорее всего, окажется не по плечу. В Испании же противодействие можно было ожидать лишь со стороны англичан и позднее — американцев, но поскольку испанцы их практически не поддерживали, эту угрозу можно было почти не принимать во внимание. Примером такой работы непрофессионала стала деятельность неустановленного германского бизнесмена, под псевдонимом “Отто” руководившего сетью из 17 агентов, большинство из которых имели собственных источников и успешно собирали информацию о производстве самолетов на британских авиационных заводах.

Еще одним образцом активной оперативной работы немцев является дело молодого испанца “Като”, регулярно закупавшего в Великобритании оборудование для семейной текстильной фирмы и одновременно представлявшего там интересы экспортеров апельсин из Валенсии. Он успешно совмещал бизнес с разведкой и находился на связи у капитана абвера Карла-Эриха Кулентала. На Британские острова “Като” впервые прибыл 26 ноября 1940 года и вскоре уже руководил работой нескольких агентов. Для передачи документов он использовал стюарда авиакомпании “Бритиш Оверсиз Эйруэйз Корпорейшн”, совершавшего регулярные рейсы в Лондон из Мадрида и Лиссабона. По утверждению “Като”, он познакомился с проживавшим в районе Глазго шотландцем-радиолобителем и убедил передавать его шифровки “под флагом” участника нелегальной организации испанских республиканцев. Информацию он получал от завербованных в основном на идейно-политической основе шотландских, ирландских и валлийских националистов, среди которых имелся чиновник из министерства информации, располагавший доступом к стратегическим и политическим документам. Оценив поступающие материалы, Куленталь заключил, что его агент возглавляет иберийскую секцию этого министерства. “Като” весьма квалифицированно руководил сетью из 14 агентов и 11 доверенных лиц, самостоятельно организовал систему перепроверки добываемых ими сведений и оценивал надежность каждого из источников. В период подготовки операции “Оверлорд” испанец предоставил много данных о ней, в том числе номера воинских частей из состава сил вторжения. К августу 1944 года немцы получили от него 400 написанных секретными чернилами донесений и 2 тысячи радиограмм, за что в общей сложности выплатили ему гонорар в 20 тысяч фунтов. “Като” работал на рейх до самого окончания войны, личность его так и осталась нераскрытой.

Одна из операций Лайсснера повлекла за собой совершенно неожиданные и неблагоприятные для немцев последствия. Осенью 1940 года завербованный им сотрудник МИД Испании Альказар де Веласко (“Гильермо”) прибыл в британскую столицу на должность пресс-атташе посольства и, помимо основных обязанностей, занялся сбором политической информации. В феврале 1941 года он ненадолго возвратился в Мадрид, где получил высокую оценку своей деятельности, и вновь отбыл в Лондон для руководства переданными ему на связь 12 источниками-испанцами. Де Веласко считался одним из лучших агентов, в частности, благодаря качественному отчету с обобщением результатов стратегических бомбардировок Лондона по состоянию на март 1941 года. В июне он купил у британского офицера информацию о ходе воссоздания армии после дюнкеркского разгрома.

Оперативное обслуживание иностранных посольств и миссий в Лондоне относилось к компетенции МИ-6, поэтому на де Веласко обратил пристальное внимание офицер ее V (контрразведывательной) секции Кеннет Бентон. Он инсценировал ограбление квартиры пресс-атташе во время его отсутствия в городе и обнаружил там совершенно невероятную для разведчика вещь — дневник. Испанец в это время собирался приобрести у того же офицера новую информацию о британской армии, но сумел безошибочно оценить истинную подоплеку вторжения в свое жилище и немедленно бежал на родину. Существует и иная версия описанных событий, согласно которой Бентон за 2 тысячи фунтов подкупил секретаря де Веласко и получил доступ к его сейфу. В МИ-6 проанализировали добытые материалы и успокоились, поняв, что испанец не вербовал агентов, а изобретал их для собственной разведки и для абвера, с которым тесно сотрудничал.

Независимо от версий, последствия этого трактуются всеми авторами одинаково. Де Веласко передал руководство агентурным аппаратом корреспонденту известной газеты “АБЦ” Луису Кальво, сменившему его также и на посту пресс-атташе. Одним из агентов Кальво являлся служащий посольства дель Позо, попавший в поле зрения контрразведки

после доставки двойнику “20-го комитета” Оуэнсу 4 тысяч фунтов стерлингов на оперативные расходы. Под страхом ареста он согласился на сотрудничество с МИ-5 и работал на “20-й комитет” под псевдонимом “Пайк”. Еще одним агентом-двойником той же так называемой “испанской группы” был другой служащий посольства Хосе Бругада Вуд (“Пепперминт”). Последующие события вокруг Кальво описаны в главе о Великобритании, здесь же напомним, что пресс-атташе арестовали в аэропорту и продержали в тюрьме до августа 1945 года, а германская разведка прервала связь со всеми агентами, имевшими хотя бы отдаленное отношение к испанским дипломатическим представительствам в Лондоне.

Резидентура СД также активно действовала на полуострове и сумела получить доступ к бумагам посла Бразилии в Мадриде. Эта операция позволила германскому послу первым предсказать избрание Рузвельта на третий президентский срок в 1944 году, что противоречило конституции США и другими аналитиками не просчитывалось. На основании полученных от разведки сведений посол считал это неизбежным и видел лишь одно средство помешать избранию — серьезное военное поражение Соединенных Штатов. В противном случае шансов противостоять этому он не усматривал. Как известно, ход исторических событий полностью подтвердил данный прогноз.

Немцы провели в регионе ряд других масштабных разведывательных операций, но после 1943 года в Берлине решили, что Испания утратила свою ценность в оперативном отношении, и переключили основное внимание на Швецию. Часть операций проводилась в сотрудничестве с испанцами. Посол рейха в Мадриде обратился к начальнику испанской разведки Кампосу Мартинесу с просьбой передать ему свою агентуру на территории Великобритании, но выяснилось, что таковой просто не существует. Тогда Франко по просьбе Канариса 6 сентября 1940 года распорядился обязать испанских консулов хотя бы информировать немцев о моральном духе населения и результатах бомбардировок городов. Через месяц последовало добавочное указание о сборе данных по вопросникам абвера о британских профсоюзах и парламенте, состоянии военно-воздушных и военно-морских сил, промышленном производстве и системе снабжения населения. Однако отдача от этих мероприятий оказалась абсолютно ничтожной, поскольку консулы в основном ограничивались не представлявшими особого интереса сведениями из официальных источников. С конца 1943 года германо-испанское сотрудничество в оперативных вопросах начало постепенно свертываться, а в октябре, после получения ноты Форин офис с требованием ограничить германский шпионаж с территории Испании, Франко даже попросил своего друга Канариса воздержаться от поездок в его страну.

Испания являлась одним из важнейших регионов для деятельности различных японских спецслужб, в первую очередь разведки МИД (Чоса киоку). Ее высшим руководителем в стране был посланник Японии в Мадриде Якихиро Сума, ранее занимавший посты консула в Вашингтоне и генерального консула в Нанкине. На этих должностях он получил широкую разведывательную практику, которую теперь с успехом применял в Испании. Японцы развернули на Пиренеях мощный агентурный аппарат (“ТО”), основные задачи которого состояли в отслеживании перемещения американских и британских конвоев, а также в попытках заброски агентов-испанцев в Великобританию и Соединенные Штаты Америки. Мадридская резидентура действовала в тесном контакте с лиссабонской, однако по значимости заметно превосходила ее, и Сума неофициально считался главным резидентом в регионе. Одним из его ключевых агентов был начальник отделения информации и печати МИД Испании маркиз де Риалпа, с помощью которого японцы постоянно находились в курсе всех дипломатических инициатив Франко и его внешнеполитического курса.

В феврале 1941 года в Мадрид прибыл будущий руководитель стратегической разведки США Уильям Донован, по поручению Рузвельта изучавший обстановку в стране и выяснявший вероятность открытого присоединения Испании к “оси”. Как известно, в Вашингтоне, в отличие от Лондона, никогда не приветствовали режим Франко и постоянно рассчитывали на его падение. Именно это не преминул отметить посол Великобритании в Мадриде Хор. Он обратил внимание Донована на реальную возможность удержать Испанию в лагере нейтралов при условии, что генералиссимус будет убежден в сохранении своей власти, в противном случае ему будет нечего терять. Такая точка зрения принципиально отличалась от мнения британского военного командования, буквально со дня на день ожидавшего пе-

рехода вермахта через Пиренеи с последующим ударом по Гибралтару. Надо сказать, что для этого имелись вполне веские основания. Гитлер еще в 1940 году планировал весьма заманчивую соответствующую операцию “Феникс”, реализация которой позволила бы наглухо закупорить вход в Средиземное море из Атлантического океана. Следствием этого стало бы неминуемое падение Мальты, расстройство всей системы британских конвоев в Северную Африку и в результате полное поражение англичан в этом регионе. Но в войну против Великобритании Франко не желал вступать даже ради Гитлера. Помимо того, что Испания не соперничала с Соединенным Королевством и абсолютно не была заинтересована в его поражении, ее разрушенная гражданской войной экономика не вынесла бы бремени еще одной войны. Однако прямо отказывать Гитлеру в 1940 году было весьма опасно, рейх вполне мог вторгнуться в страну и решить все вопросы собственными силами, ни у кого не спрашивая позволения. Фюрер впервые предложил Франко вступить в войну против Великобритании 23 октября 1940 года на так называемой “Андайской” конференции. Первоначально действия против Гибралтара планировались в форме морской блокады, воздушных бомбардировок и обстрелов из десяти 380-мм осадных орудий, которые Франко потребовал в ответ на предложение Гитлера предоставить ему эскадрильи пикирующих бомбардировщиков. По некоторым данным, эта идея принадлежала Канарису, не желавшему распространения войны на Пиренейский полуостров и подсадившему генералиссимусу заведомо невыполнимое для рейха условие. Прямые подтверждения этого факта отсутствуют, существует лишь голословное утверждение командира испанской “голубой дивизии” генерала Муньоса Гранде, открыто обвинившего начальника абвера в интригах и противодействии вступления Испании в войну. Эту версию охотно принимают исследователи, стремящиеся представить адмирала Канариса пацифистом и либералом, однако документальной проверки она не выдерживает.

Ввод частей вермахта в Испанию планировалось осуществить не позднее 10 января 1941 года, чтобы уже 30 января атаковать Гибралтар с суши. К этому времени начальник испанской разведки генерал Мартинес возглавил генеральный штаб, а на его месте теперь находился генерал Вигон. 3 декабря 1940 года Франко заявил, что Испания будет готова атаковать Гибралтар к февралю 1941 года, но под различными предлогами откладывал начало активных боевых действий и всячески оттягивал это убийственное для страны решение. Потерявший к концу 1942 года надежду на приобретение нового союзника Гитлер пожелал хотя бы убедиться, что испанцы не примут сторону Британии и окажут сопротивление ее возможному вторжению на полуостров. Для выяснения этого вопроса в Мадрид вновь прибыл Канарис и получил торжественные заверения министра иностранных дел графа Гомеса Хордана в том, что в такой ситуации испанские войска будут сражаться насмерть. Берлину пришлось удовольствоваться хотя бы таким результатом.

Однако британцы не знали о фактическом отказе противника от подготовки к нападению на Гибралтар и держали там на этот случай диверсионную группу СОЕ, готовую развернуть операции на территории Испании. Ее командир обратился к Хору с просьбой о позволении прибыть в страну для проведения рекогносцировок в предстоящих районах боевых действий, но получил категорический отказ. Посол решил поквитаться с СОЕ за выход из-под его влияния в Мадриде и отказался допустить его офицеров в Испанию в любом качестве и с любыми целями. Кроме того, ультраконсервативный посол использовал все свое влияние для предотвращения контактов СОЕ с любыми левыми силами и, тем более, подпольными группами. Альтернативу этому он видел в салонном шпионаже, легальной работе атташе и связях с правыми, в частности, монархическими силами.

В 1942 году ведомство Координатора информации (КОИ) Соединенных Штатов Америки предсказывало вторжение вермахта в Северную Африку через Испанию, в связи с чем секция специальных операций (СО) начала подготовку к действиям на Пиренейском полуострове. Для их обеспечения офицер этой секции У. Вандербильдт предложил Donovanу направить через Гибралтар нелегалов, подготовленных для организации партизанских операций. Американцы наивно полагали, что такая помощь лишь обрадует британских союзников, однако жестоко ошиблись. Единственным человеком, встретившим их предложение с энтузиазмом, был капитан 1-го ранга Хиллгарт. Он установил рабочие контакты с представителем американской разведки в Мадриде Робертом Солборгом и предложил ему поэтапный план свержения правительства Франко с одновременной финансовой и моральной под-

держкой хунты генерала Антонио Мата. Следует отметить, что к этому времени англичане уже негласно поддерживали генерала и переводили некоторые суммы на его секретный счет в одном из нью-йоркских банков, но союзников об этом не проинформировали. Не знал об этом и Хиллгарт. Он по собственной инициативе обратил внимание на проживавшего в Швейцарии претендента на испанский престол принца Хуана и вместе с американским коллегой разработал план грандиозной операции. Принц должен был короноваться в известной своими сепаратистскими тенденциями Каталонии, распустить “Фалангу”, объявить амнистию 500 тысячам находящимся в испанских тюрьмах заключенным из числа бывших республиканцев и провозгласить нейтралитет государства. Однако в Лондоне к этому времени уже убедились в нежелании Франко вступать в войну и отменили амбициозные планы атташе. Угроза присоединения Испании к странам “оси” миновала, и никто в британском правительстве не собирался ни поддерживать левые силы, ни допускать американцев в европейскую политику. Франко вполне устраивал Черчилля.

Посол Соединенных Штатов в Мадриде Карлтон Хейс отнесся к планам Хиллгарта и Солборга аналогично. Более того, и в отношении разведки его позиция также полностью повторяла линию поведения Хора. Посол запретил созданной в апреле 1942 года резидентуре КОИ не только проводить любые операции в стране пребывания, но и заниматься обычным сбором информации. Ввиду невозможности работать в таких условиях Солборг возвратился в Вашингтон на должность руководителя секции СО в центральном аппарате КОИ/ОСС. Прибывшие ему на смену резиденты Дональд Стилл, а затем Грегори Томас не смогли принципиально изменить ситуацию. Посол весьма скептически (и, возможно, оправданно) относился к возможностям штата резидентуры, в основном укомплектованного алжирцами, бывшими сотрудниками Бюро по борьбе с наркотиками. Особенно раздражало Хейса наличие в числе разведчиков директора гимназии из Шанхая, застрывшего в Испании при транзите в США и принятого на правительственную службу. Лишь после нажима из Вашингтона он скрепя сердце разрешил принимать от курьеров Сопротивления информацию о германских войсках во Франции, да и то лишь после разъяснения госдепартамента о том, что операция является составной частью плана по приобретению Соединенными Штатами политического влияния в послевоенной Европе. У посла не встречала внутреннего сопротивления лишь периодическая, хотя и весьма редкая доставка в Испанию сбитых над Францией американских летчиков. Предосторожности Хейса все же не уберегли американцев от шпионского скандала. Весной 1943 года испанцы арестовали и осудили на полгода тюремного заключения, а потом выслали в Алжир агента ОСС Фрэнка Шунмейкера, доставившего наличные деньги для передачи французским партизанским силам ФТП. Поведение посла можно было бы считать продиктованным стремлением соблюсти незапятнанность дипломатической работы шпионажем, если бы не одно обстоятельство. Он категорически требовал предоставлять ему всю направляемую в Вашингтон информацию и запрещал передавать в госдепартамент любые противоречащие линии посольства сообщения, даже если они подкреплялись вещественными или документальными доказательствами. Судя по всему, Хейс представлял собой весьма типичную в дипломатическом мире фигуру озабоченного лишь своей репутацией карьериста, доведенную почти до абсурда. Он настолько ненавидел разведчиков, что иногда сам раскрывал их перед испанской полицией, чтобы получить ноту МИД о нежелательности пребывания в стране того или иного офицера стратегических служб.

Разведчикам крайне надоела столь пагубная зависимость от капризов посла, и его просто не поставили в известность о формировании на территории Марокко отряда ОСС под командованием Дональда Даунса для руководства группами подрывных элементов из числа испанского населения на юге страны. В июне 1943 года первая группа из его состава прибыла в Малагу, где установила контакт с левыми подпольщиками (миссия “Банана”). До этого Даунс встречался в Лондоне с главой законного испанского правительства в изгнании Хуаном Негриным. Данный факт весьма показателен, если учесть, что за весь период пребывания премьера-эмигранта в Великобритании с ним ни разу не счит нужным встретиться ни один человек из руководства Соединенного Королевства. Негрин оказался большим оптимистом и заверил американцев, что развертывание широкого партизанского движения против режима Франко не составит никаких трудностей, и что испанский народ только и жаждет помощи извне, чтобы броситься в новую гражданскую войну.

Вторая группа разведчиков отряда Даунса прибыла в Кадис, а третья — в Картахену, после чего командир миссии “Банана” затребовал подкреплений, новый передатчик и

стрелковое оружие. Представитель ОСС в Алжире и руководитель разведывательной секции Отделения психологической войны (ПВБ) при штабе Эйзенхауэра Артур Роузборо договорился с британцами о предоставлении для этой цели судна, но в самый последний момент перед его отходом в рейс они, как обычно, отказались выполнять свое обещание. Местное морское командование не имело к такому решению никакого отношения, оно лишь выполнило приказ Адмиралтейства о строжайшем запрете выделять плавсредства для переброски американских агентов в Испанию. Его инициатором явился все тот же неугомонный Хор, сумевший опровергнуть в Форин офис аргументы Мензиса и добившийся принятия удобного для себя решения. Роузборо не смирился и обратился напрямую к начальнику штаба Эйзенхауэра генералу Уолтеру Беделлу Смиуту, но тот просто проигнорировал столь мелкий вопрос. Однако во второй половине войны поставить в тупик энергичных американцев было весьма непросто, и Даунс решил создать собственный флот для обеспечения действий своих людей без дипломатических ухищрений и проволочек. Он добыл рыболовное судно, резиновые надувные плоты и гребные шлюпки для высадки на необорудованный берег и набрал экипажи из числа сотрудников ОСС и испанских моряков — бывших республиканцев. В течение всего этого времени группа “Банана” ожидала подкреплений на берегу возле Малаги и привлекла внимание полиции безопасности, еще ранее получившей некоторые сведения о коммунистах от своих осведомителей в подпольных коммунистических организациях. В результате проведенной облавы так и не дождавшиеся помощи агенты ОСС были частично перебиты на берегу, а частично захвачены, причем их экипировка с армейских складов США не оставляла сомнений в национальной принадлежности направившей их организации. Оставшихся в живых подвергли пыткам и быстро добились подтверждения фактов, установленных косвенным путем, однако и после этого полицейские не приостановили истязания и продолжали их без видимого смысла.

МИД Испании немедленно заявил резкий протест в связи с “малагским инцидентом”, в результате которого непосредственно готовившему операцию майору Артуру Годдбергу пришлось давать объяснения помощнику государственного секретаря Адольфу Берлу. По согласованию с Донованом, майор первоначально пытался отрицать причастность ОСС к действиям группы, однако не убедил его. Далее объяснялся уже сам Донован, заявивший, что действия миссии “Банана” были направлены на обеспечение левого фланга 5-й американской армии и являлись абсолютно необходимыми. Вне зависимости от хода внутренних разбирательств, государственному департаменту США пришлось принести извинения испанскому правительству. Трудно сказать, как повели бы себя дипломаты, если бы они располагали сведениями о гибели всех американцев под пытками в контрразведке, но в тот момент это оставалось неизвестным, и посол Хейс торжествовал победу над собственными разведчиками. В результате прискорбного и, строго говоря, абсолютно бессмысленного “малагского инцидента” в ноябре 1943 года он сумел добиться соглашения с ОСС о прекращении всех разведывательных операций на территории Испании. Роузборо отстранялся от руководства операциями, часть его офицеров отправились к другим местам службы, а возмущенный Даунс подал рапорт об увольнении из Бюро стратегических служб и зачислении в армию.

Госдепартамент проигнорировал позицию Хейса лишь однажды, но по весьма существенному поводу. Описанная ранее операция “Сэйфхэвен” касалась слишком значительных денежных потоков, чтобы принимать во внимание капризы посла, и в отношении нацистского золота в Испании разведчикам дали “зеленый свет”. Однако Хейс и в этом случае сумел помешать ОСС, на протяжении нескольких месяцев не позволяя им отправить добытые материалы в Вашингтон дипломатической почтой. Несмотря на противодействие, сотрудники мадридской резидентуры все же смогли наладить еженедельный просмотр грузовых манифестов и коносаментов на все отправляемые морским путем во Францию грузы. В результате ОСС сочло 50 испанских фирм прикрытием германской разведки и составило списки на 400 сотрудников ее резидентуры и 3000 агентов²⁹⁵ (последнее число явно завышено).

В Испании действовали и французские спецслужбы, хотя после разгрома 1940 года их активность значительно уменьшилась и была обращена в основном на иные объекты. В ноябре 1942 года офицер БСРА Ламблэш Комбье прибыл в Мадрид и предложил помощнику военно-морского атташе правительства Виши Жану Бутрону купить у него материалы по планировавшейся высадке войск в Северной Африке (операция “Торч”). Ему не повезло: Бутрон являлся членом агентурной сети СИС “Альянс” и сообщил об инициативнике в

Лондон. Там эта информация попала к Бентону, принявшему решение выкрасть предателя и тайно доставить его в Гибралтар. Комбье заманили в офис военно-морского атташе Великобритании и оглушили ударом носка с песком по голове, при этом исполнитель вложил в удар излишнюю силу, и песок из разорвавшегося носка засыпал всю комнату. Француз потерял сознание и после инъекции наркотика был отправлен в Гибралтар, однако из-за передозировки препарата по дороге умер. Создалась угроза расшифровки операции, участникам которой грозило обвинение не только в шпионаже, но и в умышленном убийстве, что по испанским законам гарантировало применение к ним смертной казни. Исполнителям пришлось вводить в курс дела резидента СИС в Мадриде, от которого эту острую акцию первоначально собирались скрыть. Благодаря его помощи огласки удалось избежать, а тело Комбье тайно похоронили в сельской местности. Информация об операции “Торч” по этому каналу к противнику не ушла.

После разгрома стран германского блока испанцы оценили предусмотрительность Франко, позволившую ему не только спасти страну от превратностей войны, но и получить добавочную гарантию сохранности своего режима. Статус нейтрального государства послужил щитом не только для него, но и для многочисленных германских военных преступников, благополучно укрывшихся на Пиренейском полуострове. И если наиболее одиозные из них все же были вынуждены в дальнейшем покинуть слишком близкую к Европе Испанию и бежать в Парагвай, Аргентину или Бразилию, то более мелкие фигуры спокойно дожили там отпущенный им срок или же дождались безопасного времени для возвращения домой.

2. ПОРТУГАЛИЯ

Португалия не знала тягот гражданской войны, но к сентябрю 1939 года ее положение во многом напоминало ситуацию в Испании, с той лишь разницей, что лиссабонское руководство ничем не было обязано Германии и Италии и в большей степени ориентировалось на Великобританию и Францию. Оперативная обстановка в стране была значительно более спокойной, чем у ее соседки по Пиренейскому полуострову благодаря централизации спецслужб и отсутствию внутренних оппозиционеров с опытом партизанских действий.

Оперативные органы возникли в Португалии под французским влиянием после свержения с престола Мануэля II, наследника Карлоса I, убитого в Лиссабоне в 1908 году вместе со своим старшим сыном. Октябрьский военный переворот 1910 года уничтожил монархию и привел к возникновению Первой республики, президентом которой являлся Мануэль Хосе де Ариага. В продолжавшемся в последующие 16 лет политическом хаосе сменилось 40 кабинетов министров, почти каждый из которых полагал своим долгом внести изменения в систему обеспечения правопорядка и государственной безопасности, в основном базировавшейся на министерстве внутренних дел. 4 мая 1911 года в Португалии была сформирована Национальная гражданская гвардия, также наделенная правом обеспечения безопасности, хотя и в очень ограниченных пределах. Через три недели после этого возникла совершенно новая структура — Высший совет национальной обороны, в котором имелся Информационный отдел, призванный обеспечить правительство информацией по вопросам безопасности государства. В соответствии с либеральной конституцией 1911 года, 6 марта 1918 года декрет правительства № 3940 провозгласил образование Превентивной полиции во главе с Соллари Алегро, а новый декрет № 4058 от 5 апреля того же года наделил ее правом ареста и задержания лиц, подозрительных в политическом отношении. По времени это практически совпало с общей реорганизацией полицейских служб, поэтому 27 апреля 1918 года Превентивная полиция и Полиция криминальных расследований вместе с еще несколькими службами по охране правопорядка были объединены в подчиненную МВД Генеральную дирекцию общественной безопасности. В ее составе имелись следующие подразделения:

- оперативный отдел;
- отдел Полиции безопасности;
- отдел Следственной полиции;
- отдел Административной полиции;
- отдел Иммиграционной полиции;
- отдел Муниципальной полиции.

В компетенцию Превентивной полиции вошли надзор и предотвращение преступлений в политической и общественной сферах, расследование дел по таким преступлениям, задержание и арест подозреваемых в их совершении лиц и ведение оперативного учета для обеспечения безопасности государства. Центральный аппарат отдела Превентивной полиции состоял из руководства во главе с директором, секретаря, 20 агентов и 4 гражданских служащих. Негласный агентурный аппарат представляли так называемые вспомогательные агенты, вербовавшиеся из числа мужчин и женщин во всех социальных слоях страны. Картотека отдела Превентивной полиции являлась секретной, данные из нее можно было получить только по запросу из Генеральной дирекции общественной безопасности или от руководства МВД. После попытки реставрации монархии в 1919 году Превентивную полицию переименовали в Полицию государственной безопасности с сохранением прежней подчиненности. В канцеляриях гражданских губернаторов появились суперинтенданты, в функции которых входило руководство всеми подразделениями полиции на местах, за исключением Иммиграционной. В 1922 году Полиция государственной безопасности стала именоваться Полицией по защите общества и перешла в административное подчинение гражданского губернатора Лиссабона, оставаясь в оперативном подчинении у министра внутренних дел. Однако и это наименование сохранилось ненадолго. После так называемой “кровавой ночи” декрет № 8435 от 21 октября 1922 года переименовал политическую полицию в Полицию превентивную и государственной безопасности. Столь сложное наименование означало, что теперь в ее функции входил тотальный надзор за социально опасными элементами и подозрительными лицами, а также подавление опасных для общества и государства деяний. На этом череда реорганизаций не прекратилась. 7 января 1924 года Генеральная дирекция общественной безопасности была распущена, после чего очередной декрет № 9620 от 29 апреля того же года конкретизировал задачи Полиции превентивной и государственной безопасности. Они включали:

- негласный надзор за опасными для государства и общества гражданами и иностранцами;
- предотвращение преступлений против государства и общества;
- спецучет лиц и организаций, опасных для государства и общества;
- применение карательных мер в рамках своей компетенции.

Уже в 1925 году стало ясно, что упразднение Генеральной дирекции общественной безопасности оказалось ошибочным шагом, поскольку ликвидированным оказался орган, координирующий деятельность различных полиций. Вследствие этого 25 мая 1925 года была создана аналогичная структура под названием Генеральной инспекции общественной безопасности.

В результате военного переворота 28 мая 1926 года правительство Португалии возглавил генерал Антонио де Фрагоса Кармона, ликвидировавший Полицию превентивную и государственной безопасности и с 15 июня передавший ее функции Полиции по криминальным расследованиям. Однако ни одна военная диктатура не может существовать без полноценной тайной полиции, поэтому 16 декабря 1926 года в подчинении гражданского губернатора Лиссабона была образована городская Информационная полиция, почти сразу же после этого возникла и аналогичная общегосударственная структура. Это составляло государственную тайну и не оглашалось публично, а руководителей Информационных полиций министр внутренних дел назначал также в секретном порядке. В марте 1928 года обе полиции были включены в состав МВД. Логичным следующим шагом стало их объединение и включение с 21 августа 1928 года в Международную полицию Португалии, в составе которой имелись секции по обеспечению безопасности Лиссабона и остальной территории государства. Именно с этого момента можно отсчитывать возникновение контрразведывательной службы, работавшей не только внутри страны, но и по всему миру. Если учесть, что в обязанности заграничного аппарата Международной полиции входил и сбор информации об иностранных государствах, то можно считать, что она стала также и первой разведывательной службой нового периода португальской истории, поскольку военная разведка ограничивала свои функции лишь тактическими задачами. К этому времени в государстве была воссоздана Генеральная дирекция общественной безопасности, но на этот раз в нее входили Национальная республиканская гвардия, все ветви полиции и Генеральный комиссариат иммиграционной службы.

Дальнейшие события вокруг контрразведывательного органа государства отличаются некоторыми странностями. Международная полиция Португалии была распущена 13 сентября 1930 года, а функции Информационной полиции передавались лиссабонской Полиции кри-

минальных расследований, подчиненной почему-то министерству культов. 3 июня 1931 года остатки Информационной полиции были ликвидированы окончательно, но уже через 25 дней, 28 июня в составе МВД вновь возникла Международная полиция Португалии. В мае 1932 года в ее структуре появилась секция политического и общественного надзора, непосредственно отвечавшая, в частности, за контрразведку. В этот период осуществление репрессивных функций возлагалось на Полицию по политической и общественной защите, которая самостоятельной оперативной работы не вела, но обладала административными правами и реализовывала разработки Международной полиции в области государственной безопасности.

Все это явилось следствием изменения расстановки сил в высшем эшелоне государственного руководства. Премьер-министр Кармона в 1928 году занял пост президента и пригласил на должность министра финансов университетского профессора Антониу ди Оливейра Салазара, которого вскоре наделил чрезвычайными полномочиями. Прошло совсем немного времени, и новый министр стал самой влиятельной в стране фигурой, основал авторитарную, а по некоторым признакам и полуфашистскую партию “Народный союз” и в 1932 году занял пост премьера. Фактически он являлся диктатором Португалии, объявленной “корпоративным государством” с плановой экономикой, и в 1933 году сменил конституцию. Это стало моментом окончания существования Первой республики и возникновения таак называемого “Нового государства”. Оно потребовало создания современного контрразведывательного аппарата, что и зафиксировал декрет № 22922 от 29 августа 1933 года о роспуске Международной полиции и Полиции по политической и общественной защите и о создании Полиции по надзору и защите государства (ПВДЕ). Многие историки ошибочно смешивают ее с созданной в 1945 году Полицией международной и по защите государства (ПИДЕ). ПВДЕ подчинялась министру внутренних дел и состояла из двух секций:

- политической и общественной защиты (подавление преступлений в этих сферах);
- международной (надзор за иностранцами и контрразведка).

В 1934 году в составе ПВДЕ добавилась секция арестов по политическим и общественным преступлениям, а в функции международной секции были включены также иммиграционные и паспортные вопросы. 16 марта 1935 года Генеральная дирекция общественной безопасности в очередной раз прекратила свое существование, а на смену ей пришло Главное командование полиции общественной безопасности, руководившее созданной на территории страны сетью исправительных лагерей. К этому времени относятся первые контакты португальской контрразведки с испанскими и итальянскими коллегами (миссия Леона Сантора), СД и гестапо.

Столь частые преобразования не могли не оказать негативное влияние на личный состав органов государственной безопасности Португалии, издерганный постоянными структурными и кадровыми изменениями. Но с контрразведывательной точки зрения это не имело большого значения, поскольку вплоть до начала Второй мировой войны страна оставалась своего рода “медвежьим углом”, мало интересовавшим спецслужбы основных государств мира. Советский Союз не имел там оперативных позиций из-за отсутствия после 1939 года дипломатических учреждений на Пиренейском полуострове, Германия полностью увязла в испанских проблемах, Франция также не имела ресурсов для отслеживания обстановки в Португалии. Британская СИС ликвидировала свою “станцию” в Лиссабоне в самом начале 1920-х годов, а ее руководитель В. Чэнселор был отозван в Лондон. В МИ-6 вспомнили о Португалии лишь после неожиданного и резкого вмешательства в деятельность разведки британского посла в Мадриде Хора, полностью парализовавшего работу ее испанской резидентуры. Точку в португальской столице пришлось восстанавливать в экстренном порядке, однако первоначально направленный туда на должность резидента в сентябре 1939 года капитан 2-го ранга Остин Уолш (код 24100) не справился с этой сложной задачей и был оставлен заниматься исключительно вопросами паспортного контроля. В начале 1940 года ему на смену прибыл переведенный из МИ-5 Ричард Стопфорд. Он не обладал навыками сбора информации, зато являлся достаточно опытным контрразведчиком, поскольку в течение долгого времени служил офицером по защите безопасности (ДСО) в Лагосе, а затем занимался германским направлением в Лондоне в секции “В1(а)” МИ-5. Под его началом в лиссабонской точке работали заместитель резидента Роберт Джонстон, офицер V линии Ральф Джервис с секретарем Фиби Опп-Юинг (оба с марта 1941 года), бывшая оперативная сотрудница “станций” в Берне и Берлине Рита Уинзор, Ина Моулсворт, бывший главный агент сети “Z” в Риме Грэхем Мейнгот, два радиста и технический персонал.

Падение Франции и практически полная утрата разведывательных позиций в Европе заставили МИ-6 экстренно эвакуировать все точки, за исключением стокгольмской и бернской, и внезапно вывели лиссабонскую резидентуру из разряда второстепенных. Хотя из-за изоляции “станция” испытывала немалые трудности с доставкой материалов в Лондон, она оказалась форпостом британской разведки на континенте, после чего на ее усиление были срочно направлены бывшие сотрудники белградской резидентуры Тревор Глэнвилль и Майкл Эндрюс. К сожалению, Стопфорд не сумел достичь сколько-нибудь заметных результатов в работе. Все его время оказалось поглощенным конфликтами с атташе по торговому судоходству капитаном 1-го ранга запаса Артуром Бенсоном и военно-морским атташе капитаном 1-го ранга Дорсетом Оуэнсом, а направляемые в СИС сообщения главным образом содержали жалобы на них. Безусловно, в разгар войны такое положение не могло быть терпимым, и в самом конце 1940 года Стопфорда сменил бывший заместитель резидента МИ-6 в Брюсселе Филип Джонс, прибывший в Лиссабон на должность по прикрытию финансового атташе. Он немедленно организовал работу по разведывательному опросу беженцев и занялся контрразведывательным обеспечением местной английской колонии. Однако деятельность резидента вошла в резкое противоречие с взглядами на этот вопрос курировавшего Португалию офицера “контроля” центрального аппарата СИС (“G”) Бэзила Фэнуика. Конфронтация не касалась внешней контрразведки, поскольку иберийская подсекция V секции находилась на прямой связи с Джервисом, но работа по всем остальным линиям и направлениям осуществлялась исключительно через “G”. Лиссабонская резидентура МИ-6 принимала активное участие в контрразведывательных операциях, хотя нередко приписываемые ей заслуги в разоблачении предателей Скотт-Форда и фон Джоба нельзя отнести на ее счет. Как уже указывалось, первый из них действительно был завербован в 1942 году в Лиссабоне в обмен на оплату ресторанного счета, а второй в 1943 году прибыл в Великобританию через Португалию с заданием доставить заколку для галстука с бриллиантом агенту “Дрэгонфлай”, однако в деле Скотт-Форда информация поступила в МИ-6 по линии “Ультра”, а фон Джоб сам попал в заранее подготовленную ловушку “20-го комитета”. Тем не менее, это не умаляет важности кропотливой работы лиссабонской “станции”. В частности, в созданной Ральфом Джервисом картотеке к концу войны значились 1900 установленных и 350 подозреваемых агентов противника, 200 немцев с установленными связями в разведывательных кругах и 46 местных предпринимателей, предоставлявших прикрытия органам абвера и СД.

Немало препятствовал работе острый конфликт офицера “контроля” с резидентом Джонсом. Несмотря на то, что радиообмен лиссабонской точки с Лондоном к концу 1941 года был наибольшим среди всех “станций” МИ-6, то есть передаваемый ей массив информации был весьма значителен, Фэнуик пытался доказать полную неспособность резидента справиться с возложенными на него задачами. Конфликт еще более обострился после его требования начать разработку нескольких прогерманских банкиров с использованием легальных возможностей посольства. Джонс резонно возражал, что при этом будет неизбежно разрушено его прикрытия финансового атташе, поскольку немедленно станет очевидной его естественное для офицера разведки отсутствие квалификации в специфических банковских вопросах. Кроме того, внезапный острый интерес финансового атташе к нескольким банкам после 12 месяцев его пребывания в стране вызвал бы в Португалии недоумение. Аргументы Джонса были расценены как отговорки и нежелание работать, и его отозвали. Новым резидентом стал пользовавшийся доверием Клода Дэнси Сесил Глэдхилл, единственный из руководителей “станции”, немного говоривший по-португальски. Поддерживавший Джонса Джонстон также поплатился за свою принципиальность и был откомандирован в полк. Одним из плачевных следствий этой конфронтации явилось игнорирование Фэнуиком некоторых весьма важных сведений лишь на том основании, что они исходили из ненавистного ему Лиссабона. Так, в 1942 году бежавший с ракетного завода рабочий предоставил информацию о производстве V-1, но не располагавший сведениями об этом направлении офицер “контроля” счел ее дезинформацией, а самого заявителя — провокатором. Когда Фэнуик осознал свою ошибку, было уже поздно, рабочий исчез. Несмотря на явную негативную роль “G”, его влияние в конце 1943 года оказалось достаточным для очередной замены резидента на переведенного из Мадрида Того Мак-Ллорина.

Точки остальных спецслужб Великобритании в Лиссабоне не подвергались такой кадровой перетряске. Резидентом МИ-9 являлся прибывший с аналогичной должности в Мад-

риде Дональд Дарлинг, а “станцию” СОВ возглавлял Джек Биволл, по совместительству выполнявший обязанности офицера безопасности посольства.

Одной из важнейших операций лиссабонской резидентуры МИ-6 стал контакт с офицером абвера доктором Отто Ионом. Он работал в столице Португалии под прикрытием представителя гражданской авиакомпании “Люфтганза” и не особенно скрывал свои оппозиционные убеждения. Немец установил связь с офицером СИС Грэхемом Мэйнготом, а после возвращения из Берлина в феврале 1943 года, когда англичанин отлучился из Лиссабона — с Ритой Уинзор. Завербованный кадровый сотрудник абвера был для МИ-6 значительно важнее, чем оппозиционер, поэтому Уинзор дала Иону указание немедленно прекратить подпольную деятельность, но тот не подчинился. В числе активных заговорщиков он принимал участие в установке 13 марта 1943 года взрывного устройства замедленного действия в самолете Гитлера. Как известно, из-за отказа взрывателя оно не сработало и с огромным риском было незаметно извлечено. Позиция британцев явно разочаровала немца, поэтому после провала покушения он установил связь с военным атташе США в Мадриде полковником Уильямом Хохентэмом.

Провал операции “Валькирия” 20 июля 1944 года подверг Йона крайней опасности, и на самолете “Люфтганзы” он перелетел из Лиссабона в Мадрид, чтобы хоть ненадолго оторваться от гестапо. Там беглого разведчика приняла СИС и через Виго негласно вновь возвратила в Лиссабон, в убежище МИ-9 под видом сбитого британского пилота. По случайному стечению обстоятельств, в этот момент сотрудники португальской контрразведки ПВДЕ провели там обыск и арестовали беглеца, все еще считая его англичанином. На допросе поверхностная легенда, как и следовало ожидать, провалилась, и местная полиция быстро идентифицировала арестованного. Информация о его поимке сразу же попала в посольство рейха, немедленно потребовавшее выдачи Йона по обвинению в государственной измене. С точки зрения международного права это было абсолютно правильно и полностью законно, однако немцы не были уверены в успехе своего демарша и начали составлять план операции по устранению предателя на месте.

Перебежчика спас офицер германской военной разведки Фриц Крамер, доведший информацию об этих приготовлениях до резидентуры МИ-6. Рита Уинзор успела организовать составление и вручение ноты правительству Португалии с предупреждением о самых печальных последствиях, которые наступят после совершения покушения на жизнь немца. Его сразу же выпустили и ближайшим рейсом отправили в Гибралтар, однако из-за сильного дождя самолет возвратился обратно на аэродром, и Йон провел в Лиссабоне еще одну тревожную ночь. Но все закончилось для него благополучно, и перебежчик отбыл на гидро-самолете в Пул, а затем до конца войны работал вместе с цу Путлицем в ПВЕ.

Это была далеко не последняя в жизни Йона смена сторон. В 1950 году он получил назначение на пост президента ответственного за обеспечение государственной безопасности и гражданской контрразведки Федерального ведомства по охране конституции (БФФ) ФРГ, но 20 июля 1954 года внезапно перешел из Западного Берлина в Восточный и через несколько дней выступил с разоблачениями на открытой пресс-конференции. В определенной степени к таким действиям его подтолкнули действия советской внешней разведки, хотя основными их причинами являлись засилье бывших нацистов в государственных структурах ФРГ, утрата доверия со стороны канцлера Конрада Аденауэра, алкоголизм и неуравновешенность психики. В декабре 1955 года бывший президент БФФ столь же внезапно возвратился обратно и был приговорен к четырем годам тюремного заключения за измену и шпионаж.

События в Лиссабоне подорвали доверие Берлина к возглавлявшейся майором фон Ауэнроде (“Карстхофф”) лиссабонской резидентуре военной разведки, результативность которой не шла ни в какое сравнение с мадридской. Центр был бы еще более недоверчив, если бы знал, что один из ее агентов А-1416 является двойником британского “20-го комитета” “Гамлетом”. Однако немцы, допускавшие принципиальную возможность дезинформации со стороны МИ-5, не могли даже представить себе размах организованной в Лондоне системы и уж тем более не подозревали о степени ее централизации. Впрочем, в активе фон Ауэнроде имелась довольно удачная и изящная комбинация по получению весьма важного для аналитиков и непростого в военной обстановке доступа к прессе Соединенных Штатов Америки. Отдел прессы госдепартамента США направлял в свои посольства и миссии все выходявшие в стране важные газеты и журналы, но значительный объем не позволял делать

это на оригинальных бумажных носителях. Вместо десятков килограммов бумаги пересылался компактный пакет с микрофильмированными в Вашингтоне материалами. В Лиссабоне с них распечатывались позитивы, которые читали не только американские дипломаты, но и немцы, поскольку выполнявший эту работу фотограф был агентом абвера и изготавливал для него дополнительную копию.

Герцог и герцогиня Виндзорские

Португалия стала местом проведения подготовки к операции, которая в случае удачи могла бы стать одной из классических акций, полностью повторяющих стиль и дух разведывательно-дипломатических интриг прошлых столетий с участием персон из высшего общества. В июле 1940 года министр иностранных дел рейха Иоахим фон Риббентроп, минуя Гейдриха, вызвал к себе Шелленберга и от имени фюрера приказал ему организовать вывоз в Швейцарию или иную дружественную нейтральную страну бывшего монарха Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Эдуарда VIII. В 1936 году король отрекся от престола в пользу Георга VIII, принял титул герцога Виндзорского и теперь готовился занять пост губернатора Багамских островов. От своих источников рейхсминистр узнал, что Эдуард тяготеет к плотному контролю со стороны секретной службы и не прочь сменить место обитания. Для облегчения его адаптации на новом месте фюрер изъявил готовность перевести на имя герцога 50 миллионов швейцарских франков или даже большую сумму, если тот пожелает. В самое ближайшее время Эдуард должен был вылететь в Испанию для отдыха и охоты, где Шелленбергу надлежало похитить его и вывезти в Португалию. Дальнейшие действия зависели от желаний самого герцога.

Этот авантюристический план вызывал серьезнейшие сомнения, в первую очередь в отношении настроений самого объекта акции. Как правило, любое вторжение Риббентропа в сферу разведки влекло за собой фатальные последствия из-за его пренебрежения реалиями и стремления осуществить все в соответствии со своими представлениями о некоем идеальном мире. Однако служебное положение Шелленберга не позволяло ему вступать в спор с министром иностранных дел, которого в этом вопросе поддержал сам фюрер. Когда Гейдрих узнал о полученном его подчиненным задании, он заметил: «Риббентроп всегда использует наших людей, когда у него возникают подобные планы... Не нравится мне эта затея. Но если фюреру что-то запало в голову, его невозможно разубедить, а Риббентроп, как всегда, выступает в роли наихудшего советчика»²⁹⁶.

К этому времени герцог Виндзорский уже находился в Лиссабоне, однако не торопился перебираться в Испанию для участия в охоте. Шелленберг вспоминал, что развернул вокруг своего объекта активную и, как всегда по его словам, крайне успешную деятельность. Дилетантизм будущего начальника СД-аусланд, не изжитый им за все годы войны, проявился здесь в полной мере. В частности, чего только стоит его легкомысленное заявление о создании им в течение всего лишь двух дней широкой сети осведомителей вокруг герцога и замене его португальской полицейской охраны своими людьми. Для провоцирования у Эдуарда нервозности Шелленберг занялся совершенно бесполезными вещами, напоподобие бросания камней по ночам в окна его виллы под видом акции британской секретной службы. Вероятно, подобная примитивная тактика не смогла бы обмануть и менее искушенного человека, нежели бывший британский монарх. Другая, столь же убогая выдумка состояла в доставке герцогу букета цветов с запиской: «Остерегайтесь интриг со стороны британской секретной службы. Ваш португальский друг»²⁹⁷. Как и следовало ожидать, такие топорные действия не увенчались успехом, и Эдуард от греха подальше вообще отказался ехать куда бы то ни было, вероятно, проклиная в душе немцев за срыв запланированной охоты. Несколько далее в своих мемуарах Шелленберг все же проявил обычно несвойственную ему трезвую оценку собственных достижений: «Конечно, вряд ли предпринятые мною шаги оказали решающее влияние на исход дела, но они порядком испортили герцогу настроение»²⁹⁸. У него хватило проницательности понять, что Эдуард, возможно, и высказал когда-то что-либо о желатель-

ности жизни в нейтральной европейской стране, но это не выходило за рамки обычной болтовни, никаких же практических шагов в этом направлении он совершать не желал. Спустя две недели Риббентроп прислал Шелленбергу телеграмму с требованием немедленно похитить герцога с супругой, судя по всему, вне зависимости от их желания, но значительно усиленные к этому времени полицейские меры исключили шансы на успех операции. Через два дня чета отбыла из Португалии, и на этом история закончилась.

В Португалии размещалась и резидентура дипломатической разведки Японии (Чоса киоку). Ее руководитель посланник в Лиссабоне Морито Морисима ранее возглавлял генеральное консульство в Нью-Йорке и являлся помощником резидента в США Таро Терасами. Хотя лиссабонская точка по рейтингу находилась значительно ниже мадридской, Морисима не чувствовал себя подчиненным Якихиро Сума и во взаимоотношениях с Токио и Берлином по оперативным вопросам всячески подчеркивал свою независимость от него. Резидентура в Португалии считалась одной из опорных в регионе и в основном специализировалась по британскому и американскому направлениям. Одним из ее достижений стала вербовка бывшего сотрудника МИД Португалии, отчеты которого направлялись в центр под кодовым обозначением “Фудзи”.

Летом 1943 года представитель итальянского генерального штаба проинформировал военного атташе Японии в Риме полковника Шимитцу о том, что, по его сведениям, агент разведки США похитил в Лиссабоне кодовую книгу японской миссии, и вся закрытая с ее помощью переписка теперь доступна противнику. ВАТ доложил об этом в Токио, и Чоса киоку начала негласно проверять поступивший сигнал. С этой целью посланник в Мадриде Сума получил указание направить в Лиссабон секретаря миссии Миура, который прибыл туда 4 июля. Абсолютно не представлявший себе подоплеку этого визита Морисима был крайне удивлен и возмущен прибытием в зону его ответственности офицера разведки соседней резидентуры. Посланник встретил его весьма враждебно и потребовал объяснить цель командировки, однако Миура, как и положено, умолчал о ней. Секретарь в своем отчете сообщил, что признаков компрометации кода не обнаружил, но в ходе расследования пришел к неутешительному заключению относительно аутентичности материалов “Фудзи”. По мнению Миура, они являлись дезинформационными и поступали к японцам от агента-двойника с целью облегчения дешифровки радиограмм миссии. Уже после возвращения проверяющего в Мадрид по итогам его визита Морисима 9 августа 1943 года получил предупреждение из Токио касательно бывшего сотрудника португальского министерства иностранных дел, после чего он понял подлинный смысл визита. Разгневанный посланник немедленно отправился в Мадрид к Сума и высказал коллеге все свои претензии. Посланник Японии в Испании оказался в ложном положении и не желал портить отношения с Морисима, о чем и доложил в свою столицу: “Вчера господин Морисима прибыл в Мадрид. Он получил Ваше сообщение относительно отчетов “Фудзи” и обратился ко мне с просьбой ответить, имел ли отношение к этому недавний визит Миура в Лиссабон. Господин Морисима является честным патриотом и одним из моих коллег. Я не могу хранить это в секрете от него и далее. Сожалею о невозможности выполнить Ваше требование о сохранении тайны, но дело обстоит именно таким образом”²⁹⁹. Обещание посланника оказалось не пустой угрозой. Сума действительно проинформировал коллегу о сущности миссии Миура, что глубоко уязвило его самолюбие. 25 августа он направил в Токио сообщение, носившее характер слегка истеричного ультиматума: “Некоторое время назад секретарь Миура из нашей миссии в Мадриде приезжал к нам в Лиссабон. Впоследствии я выяснил, что он прибыл с секретным заданием выяснить все о моей разведывательной сети... Я уверен, что причиной для начала всего этого было сообщение военного атташе в Риме Шимитцу. Все это время я делал все, что было в моих силах, с учетом серьезности ситуации, чтобы убедиться, что не произошло никакой оплошности и, разумеется, ни одна кодовая книга не пропала... Мне известно, насколько осторожно министерство иностранных дел относится к своим кодам. Я следовал инструкциям, и в случае появления новых инструкций буду следовать им... Если утечка кодовой книги за пределы моего офиса является фактом, простая отставка или харакири не исправят произошедшего.

Вы не сообщили мне ничего; вы направили сюда работника другого офиса для изучения меня и моих людей, после чего вы выяснили через него обстановку у нас. Неужели это цивилизованный способ обращаться с человеком? Это напоминает мне ужасные наказания

из прошедших веков и этих проклятых агентов ГПУ. Это, без сомнения, не прибавляет нам, служащим вам на местах, доверия к нашему собственному ведомству... Сейчас я узнал, что надо мной нависло подозрение, и никогда не смогу загладить его. Люди всегда будут шептаться за моей спиной. По моему мнению, это был низкий и грязный трюк. Соболаговолите принять к сведению мою отставку”³⁰⁰.

Следующее сообщение посланника-резидента, отправленное им 26 августа, было несколько менее эмоциональным и уже касалось конкретных сомнений в операции “Фудзи”: “Я также понял, что если отчеты “Фудзи” были подброшены противником, они могли использоваться либо как основа для дешифровки наших сообщений, либо для снабжения нас дезинформацией в критических звеньях. Принимая во внимание последнюю возможность, я всегда старался тщательно исследовать их достоверность, а с учетом первого я всегда перефразировал их настолько, насколько это было возможно. Я знаю, что нам нужна шифровальная машина. Главная причина, по которой я упрямо умолял вас послать мне одну, заключалась в том, что я хотел направлять вам эти разведывательные сведения с ее помощью. Когда вы в конце концов прислали ее, я, не дожидаясь указаний, отправлял их через машину, и если вы возьмете на себя труд проверить в МИД, то обнаружите, что это верно”.³⁰¹ Конфликт из-за душевных переживаний излишне чувствительного атташе разгорался, и в тот же день к нему присоединилось множество сотрудников миссии в Лиссабоне. Они направили в МИД Японии коллективное письмо, гласившее, в частности: “Мы все чувствуем, что, к нашему общему сожалению, вы вошли в противоречие с давно установившимися традициями министерства иностранных дел. В случае, если это приведет к отставке господина Морисима... для любого из нас будет практически невозможно продолжать здесь нашу изнурительную работу. Таким образом, мы просим перевести нас в какие-либо другие учреждения, где бы нам не пришлось общаться с преемником господина Морисима”³⁰². Одной португальской столицей дело не ограничилось, посланник в Мадриде Сума также подключился к переписке и попытался вразумить собственное ведомство. В полученном им на следующий день ответе из Токио пояснялось, что единственной причиной проведения расследования являлось стремление обезопасить коды от компрометации: “Мы просто хотели, чтобы спокойная, честная третья сторона выполнила для нас хорошую работу по ведению расследования. Именно это Вы и сделали, и мы весьма благодарны Вам. У нас не было ни единого подозрения по отношению к миссии в Лиссабоне. В результате расследования обнаружили некоторые вещи, потребовавшие более пристального внимания миссии, но мы не обнаружили абсолютно ничего, что можно было бы поставить им в вину. Просьба донести это в приемлемой форме до посланника Морисима и передать ему, чтобы он прекратил тревожиться и не волновался”³⁰³.

В итоге японцы не поверили ни в факт компрометации своего кода, ни тем более в систематическое вскрытие своей переписки в Лиссабоне и решили, что речь, очевидно, могла идти лишь о трех ручных шифрах низкого уровня. Вывод весьма странный, поскольку по уровню секретности код военного атташе являлся весьма высоким, вторым после личного кода посла. Несмотря на некоторые сомнения, он был сохранен, зато японцы прекратили пользоваться ручным шифром, известным у канадских радиоразведчиков под кодовым обозначением “Зеро”. Возникший скандал полностью парализовал всю как дипломатическую, так и разведывательную работу важнейшей резидентуры в Лиссабоне. Однако постепенно все образовалось, и точка в португальской столице вновь стала работать в нормальном режиме.

Описанная ситуация совершенно неожиданно привела к очередному конфликту, но уже в разведывательном сообществе Соединенных Штатов. Когда внедренный в посольство Японии в Лиссабоне источник ОСС весной 1943 года добыл адресованную в Токио телеграмму военного атташе, резидент переслал ее в центральный аппарат, а Донован направил текст документа начальнику войск связи генералу Олмстиду с запросом, представляет ли для него интерес данная информация. Руководители Службы военной разведки (МИС) и Агентства безопасности связи (ССА) с ужасом обнаружили, что ненавидимое и презираемое военными Бюро стратегических служб, оказывается, смогло внедриться в тщательно оберегаемую от него сферу. В МИС срочно пытались выяснить, не приступило ли ОСС к дешифровальной работе, и не добыли ли его агенты японский код? Безусловно, в первую очередь это волновало их с точки зрения безопасности. Любая агентурная операция всегда потенциально чревата провалом, и в случае выяснения факта компрометации своего кода японцы немедленно сменили бы его. Не исключались принципиальные перемены, способные поставить под

угрозу всю тщательно налаженную систему добывания радиоразведывательной информации. В начале июля того же, 1943 года в США обнаружили, что тревожились не случайно. Дешифрованная телеграмма посла Японии в Риме гласила: “Управление итальянского генерального штаба передало моему военному атташе для его самого секретного сведения следующее сообщение: “Американское шпионское агентство в Лиссабоне не только знает все малейшие детали деятельности посла Японии в Лиссабоне, но также добыло и японские кодовые книги”. Это очень неопределенно. Я не знаю, что это означает. Я провожу тщательнейшее расследование через своего военного атташе”³⁰⁴. Никто в Соединенных Штатах не знал и не мог знать, как поведут себя японцы, но было совершенно ясно, что реальностью способны были стать самые пессимистические прогнозы.

Сведения об инциденте дошли до начальника штаба армии США генерала Джорджа Маршалла, приказавшего начальнику Отдела военной разведки (МИД) разобраться в происходящем. Генерал-майор Джордж Стронг ухватился за представившуюся возможность свести счеты с давним недругом и весьма резко обвинил Донована в том, что дилетантские действия ОСС способны встревожить японцев и заставить их сменить свои коды. В своем докладе начальник МИД не ограничился констатацией этого факта, а перешел к жалобам общего характера. Он заявил, что в Бюро стратегических служб полно безответственных людей, вояжирующих по нейтральным странам с неподотчетными денежными средствами, без четких заданий и надлежащего контроля за их деятельностью. Стронг потребовал отозвать всех агентов ОСС с Пиренейского полуострова и зашел настолько далеко, что даже пожаловался на Донована в иностранную спецслужбу — руководителю британской МИ-6 Мензису. Но того заинтересовало в этой истории совсем иное, а именно: как японцы узнали о самом факте компрометации своего кода? Он заподозрил возможное внедрение в ОСС японского агента и предложил, чтобы Бюро стратегических служб продолжило свою работу в Испании и Португалии, однако через британского резидента. Как уже отмечалось, обстановка в обеих резидентурах МИ-6 на Пиренейском полуострове была настолько плоха, что данное предложение Мензиса может считаться образцом безответственности. Реализовано оно не было. Конфликты внутри американских спецслужб были сильны, но все же не настолько, чтобы отказать все операции в важнейшем с оперативной точки зрения регионе своим иностранным конкурентам.

Вызвавший такие скандалы агент являлся источником резидентуры ОСС в Лиссабоне, открытой в феврале 1942 года бывшим резидентом в Мадриде полковником Робертом Солборгом. Наиболее масштабную, но так никогда и не осуществленную операцию этой точки спланировал поверенный в делах США в Португалии Джордж Кеннан. С помощью разведки он намеревался свергнуть правительство на Азорских островах, однако не получил на это разрешение. В дальнейшем американцы, кроме рутинной разведывательной работы, проводили на территории Португалии составную часть описанной ранее операции “Сэйфхэвен” и сумели добиться от местных банков совершенно беспрецедентного и нарушающего все установленные правила позволения на физический доступ к сейфам их клиентов. Этой участи избежали лишь четыре банка, но не по причине особой непреклонности их руководства, а потому, что в их секреты уже проникли британцы. В результате резидентура ОСС составила список агентов и штатных сотрудников германской разведки на территории Португалии, ничем не отличавшийся от британской картотеки.

Результативно действовавшая в Лиссабоне резидентура чешской разведки располагала агентурным аппаратом, освещавшим обстановку во Франции, в частности, по ходу создания “Атлантического вала”. Однако заместителем резидента в ней являлся давний агент абвера, расшифровать которого оказалось возможным по информации того же Фрица Крамера (“Александр”), который сообщил о германских приготовлениях к ликвидации Отто Йона. Чехи ограничились изгнанием предателя из своей сети, но его немедленно подобрали и использовали американцы, проигнорировавшие предупреждение полковника Моравца об опасности.

Окончание Второй мировой войны не принесло Португалии принципиальных перемен, и государство по-прежнему возглавлял лидер партии “Народный союз” Салазар. В октябре 1943 года его предусмотрительное разрешение союзникам создать военно-морские и военно-воздушные базы на Азорских островах чрезвычайно облегчило защиту транс-

атлантических конвоев и явилось залогом благоприятного отношения к диктатору после победы антигитлеровской коалиции. Салазар провел у власти 36 лет, с 1932 по 1968 год, и в немалой степени был обязан этому созданной в соответствии с декретом № 35046 от 22 октября 1945 года Полиции международной и по защите государства (ПИДЕ), заменившей распущенную Полицию по надзору и защите государства (ПВДЕ).

3. ГИБРАЛТАР

Гибралтар, в течение почти 300 лет являющийся источником напряженности между Лондоном и Мадридом, отошел к Великобритании на основании статьи X Утрехтского мира, зафиксировавшего 13 июля 1713 года результаты Войны за испанское наследство. В 1721 году территория получила статус колонии, который был подтвержден в 1728 году и сохраняется по настоящий момент. В период Второй мировой войны Гибралтар наряду с Мальтой стал одним из наиболее важных стратегических пунктов, обеспечивавших сохранение британского присутствия на Средиземном море.

Стратегическая важность города-крепости и его значительная уязвимость диктовали необходимость повышенного внимания к безопасности колонии в контрразведывательном отношении. Расположенная в ней точка МИ-5 являлась крупнейшей во всем Соединенном Королевстве за пределами Британских островов, однако перед лицом нарастающей германо-итальянской угрозы этого было явно недостаточно. Деятельность контрразведки в Гибралтаре особенно затрудняло отсутствие там сотрудников Особого отдела Скотланд-Ярда, ввиду чего в начале 1939 года в преддверии войны было принято решение подкрепить оперативную работу силовым подразделением. Первый представитель МИ-5 капитан Эйри организовал Гибралтарскую полицию безопасности (ГСП) численностью в 12 человек, набранных из местных жителей. Деятельность нового правоохранительного органа с самого начала вызвала ревнивое отношение со стороны традиционной полиции, трения с ней и взаимную подозрительность. Однако элитарность ГСП не означала легких условий работы ее сотрудников, поскольку в их функции входил надзор над доками, торговым портом, аэродромом и границей с Испанией, а также отслеживание перемещений через нее. Для 12 человек практически осуществлять это было весьма затруднительно. К западу от Гибралтара располагалась цепочка вилл на побережье, прозванная “шпионским рядом” из-за постоянно проводившегося оттуда визуального наблюдения за территорией колонии. Британцам было известно, например, что абвер облюбовал там отель “Рейна Кристи” и виллы “Леон”, “Исабель”, “Луис” и “Хаус Келлер”. Немало проблем создавала близость испанской Ла-Линеа, 6 тысяч человек из числа населения которой работали в Гибралтаре и ежедневно пересекали сухопутную границу в обоих направлениях. К этому следовало добавить также пассажиров, прибывающих и убывающих морским и воздушным путем. Фактически колония, несмотря на продолжавшееся сообщение через испанскую границу, представляла собой осажденную крепость, которой разведывательно-диверсионные действия противника угрожали не меньше, чем вторжение его войск. Гибралтар находился в окружении почти враждебной Испании, в связи с чем в нем на двух верхних этажах здания управления полиции (“Айриш Таун”) была развернута точка МИ-6. В 1942 году ее возглавил происходящий из известной в истории Великобритании семьи Джон Кодрингтон (“Фишпаст”, 5110), внук бывшего губернатора колонии. Ранее он являлся офицером параллельной сети СИС “Z” и действовал в Бордо, после ликвидации немцами “свободной зоны” возвратился в Лондон, а затем был направлен резидентом в Гибралтар. Поскольку шансы организовать сбор информации о противнике из города-крепости были крайне невелики, “станция” была сориентирована в основном на наступательную контрразведку, для чего Кодрингтон привез с собой двух офицеров V линии: бывшего монаха капитана О’Шагара и бывшего сотрудника алмазной компании “Де Бирс” Десмонда Бристоу. Кроме них, в резидентуре работали бывший коммунист Каванах, бывший резидент в Цюрихе Ганс Вишер, секретарь сержант Мак-Нефф и два шифровальщика. В том же здании располагались точки МИ-9 под руководством прибывшего из Лиссабона в январе 1942 года Дональда Дарлинга и МИ-5 во главе с Эйри. Расположение подразделений трех спецслужб выглядит вполне логичным с точки зрения удобства в работе, зато совершенно не выдерживает критики с позиций обеспечения секретности. Судя по косвенным данным, немцы установили практически всех их офицеров, подобно

тому, как они сделали это в предвоенный период в Гааге. Зато отдельно от Эйри располагались направленный в помощь ему руководитель иберийской секции отдела “В” Службы безопасности Дик Брумман-Уайт и его заместитель Томас Харрис, а также офицер по защите безопасности (ДСО) майор Х. “Тито” Медлэм, хотя его официальный статус как раз не требовал высокой степени конспирации. Кроме перечисленного, в Гибралтаре размещались подразделение разведки Адмиралтейства во главе с капитаном 2-го ранга Гренвиллом Пайк-Ноттом и точка СОЕ под руководством Гарри Морриса и Хью Квеннела.

Как уже указывалось, основной задачей всех оперативных органов в Гибралтаре являлось ведение наступательной и оборонительной контрразведки, но по объективным причинам им приходилось ограничиваться в основном последней. Само положение города не позволяло организовать эффективную систему дезинформации, подобную созданной в метрополии. Если на Британских островах было вполне реально эффективно закрыть побережье и границу с Ирландией, оставляя немцам возможность контролировать работу своей агентуры исключительно через эфир и с помощью воздушной разведки, то обстановка в Гибралтаре была совершенно иной. Его территория прекрасно просматривалась с испанского берега, и любая дезинформация, например, о времени выхода конвоя, была бы мгновенно разоблачена. Поэтому прибывший в колонию Медлэм решил безотлагательно активизировать оборонительную контрразведку и в качестве первого шага немедленно организовал регистрацию всех прибывающих на территорию колонии испанцев в особой картотеке. Эту работу выполняли 40 временно переданных в его распоряжение сотрудников полиции. Далее ДСО перехватил инициативу у Эйри и пополнил штат ГСП, а также разделил ее на три секции, каждая из которых отвечала за свое направление:

- порт и прибывающие морским путем;
- аэропорт и прибывающие воздушным путем;
- безопасность в городе и полицейские функции.

Оперативная обстановка в Гибралтаре имела ряд специфических особенностей, одной из которых являлось почти полное отсутствие гражданского населения. Еще в январе 1940 года жители были либо призваны в вооруженные силы, либо эвакуированы в Великобританию, на Ямайку и Мадейру. Это позволило ввести в колонии более жесткие, чем обычно, полицейские меры. Не позднее, чем за 24 часа до отхода судов все члены их экипажей должны были находиться на борту, а в период нахождения в городе с ними запрещалось вести беседы не только о предстоящем рейсе, но и на иные темы. Особенно огорчала моряков невозможность пообщаться с работавшими в барах женщинами, которым предписывалось обслуживать их молча, за исключением непосредственно относящихся к заказу вопросов. Возмущение экипажей периодически приводило к появлению письменных протестов, не имевших, однако, развития. Гибралтарские контрразведчики сами чувствовали себя в связи с этим весьма неловко и иронизировали, что защищают не только безопасность, но и мораль колонии. Еще одним специфическим элементом оперативной обстановки в Гибралтаре являлась значительная опасность со стороны подводно-диверсионных средств противника. В частности, несмотря на все предосторожности, 30 октября 1940 года итальянские боевые пловцы попытались атаковать стоявший в гавани линейный корабль “Бархэм”. Необходимость обеспечить эффективное противодействие подводно-диверсионным силам и средствам заставило НИД, СОЕ и МИ-5 совместно организовать центр по подготовке легководолазов. Обеспечением безопасности торговых судов занималась также сформированная в городе группа Полевой безопасности в количестве 20 человек, производившая их осмотр на предмет обнаружения контрабанды и магнитных мин.

Не меньшую важность имели контрразведывательное и в особенности противодиверсионное обеспечение системы прорезанных в глубине Гибралтарской скалы туннелей, галерей и пещер общей длиной свыше 30 миль. В них находились системы жизнеобеспечения и связи, а также хранились запасы на 12 месяцев автономного существования колонии. Естественно, что эти сооружения и были главной целью диверсантов противника, поскольку без их разрушения взятие крепости потребовало бы слишком больших усилий и потерь. Соответственно туннели являлись и одним из важнейших объектов контрразведывательной защиты. В ноябре 1942 года был зафиксирован первый подход противника к инженерным сооружениям скалы. О нем заявил испанский гражданин, житель Ла-Линеа Чарльз Данино, работавший в главном туннеле судоремонтной верфи. В описываемый период это сооружение использовалось в качестве склада боеприпасов. Практически никто в Гибралтаре не

знал, что хранившиеся там запасы предназначались для планировавшейся на весну 1943 года операции по вторжению на Сицилию (“Хаски”), но их масштабы скрыть было невозможно. Данино утверждал, что работник расположенного на главной улице овощного магазина “Империя” Луис Кордон-Куэнса предложил ему заложить в туннеле взрывное устройство, угрожая в случае отказа убить его проживавшую в Ла-Линеа жену. Проверка показала, что в указанном магазине действительно работает 27-летний испанец, ежедневно пересекающий границу Гибралтара в обоих направлениях для приезда на работу и возвращения обратно. Проанализировав имеющуюся скудную информацию, контрразведчики пришли к неутешительному выводу о нахождении бомбы уже в городе, исключая возможность обнаружить и изъять ее при перемещении через границу. Идея арестовать Кордон-Куэнса была отброшена сразу же, поскольку абвер на подобный случай наверняка имел в городе дублирующего агента, готового перепрятать взрывное устройство.

Тогда прибывший в Гибралтар опытный оперативный офицер МИ-5, суперинтендант Филип Кирби Грин предложил попытаться провести с разведкой противника оперативную игру с целью выяснения места хранения взрывного устройства. Для начала офицер секции безопасности ГСП Билл Адамсон стал постоянным покупателем бананов в лавке, где работал Кордон-Куэнса, иногда заходя туда до двух раз в день. К сожалению, объект наблюдения находился не в торговом зале, а в конторе за ним, поэтому установить контакт с ним оказалось затруднительно. Однако контрразведчик все же смог несколько раз пообщаться с испанцем под предлогом выяснения сроков поступления в продажу очередной партии бананов. По итогам первой же недели наблюдений Адамсон пришел к трем выводам: Кордон-Куэнса действительно может прятать среди фруктов взрывное устройство; венгр — хозяин лавки не имеет к этому никакого отношения; на обложке личного блокнота объекта разработки имеются рисунки, издали похожие на свастики. Для ареста этого было явно недостаточно, а далее расследование не продвигалось. Прошло более полугода, когда наконец 22 июня 1943 года Данино сообщил по телефону работавшему с ним офицеру, что на 18.00 следующего дня ему назначена встреча для передачи взрывателя замедленного действия к бомбе. Кирби Грин приказал ему идти на контакт и быть готовым к демонстративному аресту сотрудниками ГСП.

Кордон-Куэнса и Данино действительно встретились в условленное время перед площадкой для игры в хоккей с мячом. Адамсон пронаблюдал за беседой объектов в течение нескольких минут, после чего дал указание полицейским внезапно подойти и потребовать у них объяснений об их занятии. Кордон-Куэнса без тени смущения ответил, что они наблюдают за футбольным матчем, на что контрразведчик заметил, что на стадионе играют в хоккей, и распорядился доставить обоих за подозрительное поведение в полицейский участок. При обыске у Кордон-Куэнса обнаружился замаскированный под авторучку взрыватель, что в условиях военного времени само по себе гарантировало ему смертный приговор без долгих проволочек. Испанец говорить о бомбе отказался, но это не помогло ему, поскольку спрятанная взрывчатка была обнаружена при обыске магазина “Империя” в бачке туалета. Под тяжестью улики Кордон-Куэнса полностью признался и показал, что к участию в организации диверсионного акта его принудил шантаж фалангистов, знавших об участии его отца в гражданской войне на стороне республиканцев и в случае отказа угрожавших расстрелять всю семью. Завербованного познакомили с двумя немцами, пообещавшими выплатить ему

Билл Адамсон арестовывает Луиса Кордон-Куэнса

за помощь в доставке бомбы в город 500 фунтов. Именно эту взрывчатку и обнаружили в магазине, после чего контрразведчикам показалось, что угроза взрыва миновала. В дальнейшем Кордон-Куэнса был приговорен к смертной казни и повешен 11 января 1944 года, а Данино награжден медалью Британской империи.

Однако уже 30 июня 1943 года, когда контрразведчики все еще принимали поздравления с удачной операцией, выяснилось, что немцы имели в запасе дублирующий вариант. В районе доков произошел

взрыв топливного хранилища, не причинивший особого ущерба, но носивший явно диверсионный характер. Эксперты определили, что взорвалась, скорее всего, магнитная мина, взрыватель которой был установлен на обеденное время, и это дало следствию основание заподозрить в ее установке одного из обслуживавших хранилище рабочих. Сплошная проверка по оперативным учетам установила, что один из них, некий Хосе Мартин Муньос уже числится в картотеке МИ-5 в качестве подозрительного лица. В поле зрения контрразведки он попал после того, как начале года был замечен в Альхесирасе в компании дорогих проститутток, явно недоступных по цене для простого рабочего. После взрыва Муньос не появился на работе, что подтвердило подозрения в его причастности к диверсии. Под предлогом нарушения режима въезда на территорию колонии он был задержан ГСП, на допросе признался в организации взрыва и указал место хранения еще одной магнитной мины. Судебное заседание заняло всего 15 минут, после чего Муньос был приговорен к смертной казни и повешен 11 января 1944 года через три минуты после Кордон-Куэнса.

Вообще говоря, с диверсиями противника Гибралтару повезло. Если бы Гитлер не отменил операцию по его захвату (“Феликс”), колония подверглась бы ударам диверсантов абвера и бойцов “Бранденбурга”, что видно из указания ОКВ № Ib V: 35051/40 от 2 октября 1940 года:

“Участие абвера-II в атаке на Гибралтар:

A. Специальные операции:

Акты саботажа на следующем оборудовании:

1. Хранилища топливных запасов.
(а) уголь, (б) жидкое топливо.
2. Аэродром, база гидроавиации:
(а) ремонтная мастерская, (б) самолеты.
3. Электростанция.
4. Оборудование по опреснению морской воды.
5. Газовый завод.

B. Использование 800-го специального учебно-строительного батальона:

Выполнение следующих задач до начала атаки:

1. Прорубание или взрыв металлического забора, отделяющего английскую область от нейтральной зоны.
2. Предотвращение взрыва туннеля восток — запад в северной части подножья скалы (“Башня дьявола”).
3. Предотвращение взрыва дороги, идущей от западной части приливного бассейна к северо-западной части скалы.

Задачи 2 и 3 должны выполняться частично с использованием торпедных катеров и — в случае необходимости — в английской униформе или гражданской одежде”³⁰⁵.

Как известно, захват колонии не состоялся, что спасло обитателей колонии не только от боев по ее защите, но и от диверсионных ударов в спину.

4 июля 1943 года в Гибралтаре произошла авиакатастрофа, подлинные причины которой неясны и по настоящий момент. В километре от береговой линии упал в море бомбардировщик “Либерейтор” с 18 пассажирами и членами экипажа на борту, среди которых находились премьер-министр польского правительства в эмиграции генерал Владислав Сикорский с дочерью, начальник его личного штаба генерал-майор Климецкий и два сотрудника МИ-6. Пилот самолета, чех Эдуард Прчал остался в живых, но дать вразумительных объяснений относительно внезапного отказа управления самолетом не смог. Во время стоянки на аэродроме машина охранялась достаточно плотно, что исключало любую возможность приведения ее в негодность, однако неизвестность причин падения “Либерейтора” заставляла рассматривать также и возможность диверсии. Практически немедленно после катастрофы немцы заявили, что ее организовала британская разведка, а англичане обвинили в этом Берлин. Судя по всему, рейх действительно не имел касательства к гибели генерала, антикоммунистические убеждения которого препятствовали развитию конструктивного сотрудничества польского эмигрантского правительства с СССР. Существовало предположение о причастности к этой катастрофе советской разведки, однако оно является крайне маловероятным ввиду отсутствия у нее в 1943 году оперативных позиций на Пиренейском

полуострове. Поверхностность расследования британцами причин и обстоятельств падения самолета с высокопоставленными пассажирами на борту заставляет принять во внимание их возможную участие в произошедшем, но все это не выходит за рамки неподтвержденных гипотез и умозаключений. Гибель Сикорского по-прежнему остается одной из неразрешенных загадок Второй мировой войны.

В марте 1944 года Гибралтар был избран местом проведения операции “Копперхед” — составной части плана по стратегической дезинформации противника относительно места проведения десантной операции “Оверлорд”. Ее целью стала демонстрация пребывания известного и популярного генерала Бернарда Лоу Монтгомери в бассейне Средиземного моря, тогда как в действительности в это время он напряженно работал над планированием высадки в Нормандии. Предполагалось, что такая инсценировка может ввести германскую разведку в заблуждение относительно замыслов союзников по открытию второго фронта на западе Европы и привлечь внимание к ее югу. После предварительной оценки кандидатов на роль двойника Монтгомери был выбран служивший в Лейчестере лейтенант резерва ВВС Клифтон Джеймс, приглашенный в Лондон якобы для записи интервью армейским кинематографистам по одному из вопросов истории Первой мировой войны. Там двойника Монтгомери детально рассмотрел ответственный за подбор кандидатуры сотрудник МИ-5 Джилберт Леннокс и нашел его приемлемым. Джеймсу объяснили его задачу, предварительно отобрав у него подписку о неразглашении секретной информации, и на несколько дней прикомандировали к генералу для знакомства с его манерой поведения и разговора. Затем для соблюдения порядка отставного лейтенанта ВВС вновь призвали на действительную службу и зачислили в военную разведку в звании сержанта. 26 мая 1944 года ложного генерала одели в тщательно выполненную копию мундира Монтгомери и его знаменитый берет и в сопровождении также переодетых в армейскую униформу контрразведчиков отправили по выбранному маршруту. Полному сходству отставника с генералом препятствовало отсутствие у него среднего пальца на правой руке, сразу же отличавшее Джеймса от любившего салютовать настоящего Монтгомери. После недолгих колебаний недостающий палец заменили раскрашенным протезом из папье-маше, вполне сошедшим за настоящий.

Фальшивый Монтгомери прибыл в Гибралтар, где его встретил помощник губернатора майор Фоли и после подобающей церемонии сопроводил в резиденцию своего начальника Ральфа Иствуда. Для создания иллюзии встречи в верхах туда же прибыли генералы Мейтленд Уилсон и Пэтч. Затем “Монтгомери” вылетел в Алжир, где перед строем почетного караула его встретил вернувшийся из Гибралтара днем ранее генерал Уилсон. Выступление Джеймса произвело сильное впечатление на журналистов, после чего операция “Копперхед” была почти закончена, оставалось лишь надежно спрятать сержанта-лейтенанта. Для этого его переодели в прежнюю одежду и перебросили в Каир, где бывшему двойнику пришлось пробыть взаперти до 7 июня, а потом возвратили в Британию и возвратили ему прежнее звание лейтенанта резерва ВВС.

Все старания оказались напрасными. Правда, германская разведка не распознала подмену, но ее аналитики просто решили, что Монтгомери лично участвовал в дезинформационной акции, и проигнорировали слишком явно подброшенную им приманку. Еще одним, незапланированным результатом операции стало крайнее возмущение генерала поведением своего двойника, которого видели в Гибралтаре в сильном подпитии и с сигарой в зубах. Сам Монтгомери не курил и не употреблял алкоголь, о чем знали все, поэтому он разразился серией возмущенных телеграмм по этому поводу. Это и оказалось единственным результатом операции “Копперхед”.

ВАТИКАН

Совершенно особым статусом на протяжении всей Второй мировой войны обладал Ватикан. Несмотря на его полное окружение итальянской территорией, Муссолини скрупулезно соблюдал условия Латеранского соглашения 1929 года даже после вступления в войну. В результате аккредитованные при Святейшем Престоле посольства государств антигитлеровской коалиции продолжали оставаться в Риме, хотя и вынужденно переместились внутрь периметра Ватикана. Их проводные каналы связи оказались под полным контролем итальянских спецслужб, а радиообмен был ограничен исключительными и экстренными случаями. По этим причинам самые секретные материалы иностранных посольств в зашифрованном виде передавались с дипломатической почтой Ватикана нунциям в Мадриде или Лиссабон и лишь оттуда уходили по назначению в Лондон или Вашингтон. Следует отметить, что ни один из послов никогда не направлял по этому каналу какие-либо материалы, способные скомпрометировать Святейший Престол шпионажем. А шифровальные материалы считались еще более секретными и не доверялись даже дипломатическим курьерам. Их везли с собой направлявшиеся к местам назначения дипломаты, не имевшие права расставаться с ними ни на секунду.

С оперативной точки зрения, папа Пий XII и его окружение представляли определенный интерес в качестве источников информации, которую можно было получать как агентурным путем, так снимать с каналов связи техническими методами. В этом отношении наиболее выгодное положение занимала Италия, через территорию которой проходили все телефонные и телеграфные линии Святейшего Престола. Кроме того, радиоразведывательные подразделения СИМ ежемесячно перехватывали до 8 тысяч радиограмм Радио Ватикана, из которых закрытыми были около 6 тысяч, и с помощью полученных от своего германского союзника криптоаналитических материалов дешифровывали половину из них³⁰⁶. Кроме упомянутых, перехватом и дешифровкой переписки Святейшего Престола занимались радиоразведывательные службы Великобритании, Венгрии и Финляндии, а также некоторых других государств. Агентурную разведку против него вели Италия, Германия и Советский Союз.

Третий рейх был весьма заинтересован в проникновении в секреты Ватикана, но этому препятствовали невысокие возможности его агентурной разведки на этом направлении. Одной из причин этого стала непродуманная передача в состав гестапо из идеологической контрразведки (VII управление РСХА) соответствующего реферата, возглавлявшегося Альбертом Хартлем. Он отвечал за ведение разведки, тогда как задачей гестапо являлось расследование и профилактика политических преступлений, совершаемых католическими священниками, монахами и епископами. До начала осени 1941 года объединение под единым началом таких различных по своим задачам подразделений не вызывало негативных последствий, а высшей точкой их сотрудничества стала сентябрьская конференция под руководством генерал-лейтенанта полиции и группенфюрера СС Генриха Мюллера. Основными ее темами были: «Разведывательные задачи в ходе конфликта с политическим католицизмом

в рейхе”, “Мировая политика Ватикана и наши разведывательные задачи”, “Мероприятия полиции безопасности по борьбе с политическими церквями”³⁰⁷. Во вступительном слове начальник гестапо уподобил роль так называемых “политических церквей” роли спартаковцев и марксистов в 1918 году и призвал использовать против них все имеющиеся в распоряжении органов безопасности силы и средства. Вскоре в церковной линии IV управления возник внутренний конфликт. Хартль презирал полицейские методы и открыто упрекал гестаповцев за неспособность понять тонкости разведывательной работы, а Мюллер полагал любые изыски в данной конкретной ситуации совершенно ненужными. Он раздраженно объяснил бывшему идеологическому контрразведчику, что тот очень красиво составляет документы, которые, однако, представляют собой научные работы, на основании которых никого нельзя арестовать. Начальник гестапо даже высказал подозрение о работе Хартля в пользу ордена иезуитов. Тот прореагировал на эту ситуацию своеобразно: забросил все служебные дела и активно занялся соблазнением женского персонала РСХА, причем грубо и без всякой деликатности. Некоторое время это сходило ему с рук и даже снимало подозрения в принадлежности к ненавидимому в рейхе монашескому ордену, поскольку совершенно не вязалось с образом иезуита. Но после жалобы жены одного из старших офицеров СС на приставания к ней Хартля в экспрессе Берлин — Вена Мюллер распорядился отправить конфликтного сотрудника в СССР для организации уничтожения евреев на Украине. Гейдрих вмешался в события и несколько откорректировал приказ начальника гестапо, после чего бывший руководитель реферата по католической церкви все же отбыл в Киев, но для отслеживания настроений местного населения по линии III управления РСХА.

Ватикан как таковой начал интересовать германские власти не ранее 1941 года, до этого их более занимала внутренняя деятельность епископов на территории рейха. И лишь после нападения на СССР нацистское руководство обратило пристальное внимание на Святейший Престол, поскольку всерьез предполагало, что католическая церковь может использовать возникшую ситуацию для экспансии на Восток. Это считалось крайне опасным явлением, и Гейдрих получил от Гитлера приказ активизировать разработку Ватикана для упреждения нежелательного развития событий. Кроме того, считалось, что папа контролирует широко разветвленные агентурные сети и поэтому может служить важнейшим источником перво-классной информации. Безусловно, СД и ранее не упускала из виду возможные международные связи католической церкви, в связи с чем в апреле 1940 года руководитель СД издал распоряжение о разработке следующих направлений:

- установление признаков использования германскими епископами дипломатической почты берлинской нунциатуры для связи с Ватиканом;
- установление признаков использования германскими епископами секретных курьеров и каналов связи и внедрения в них агентуры;
- использование в разведывательных целях трений между германскими епископами и папским нунцием, в среде самих епископов, между епископами и нижестоящим духовенством, а также использование всех личных слабостей отдельных епископов;
- перехват пятилетних отчетов епископов в Ватикан;
- установление перспективных кандидатов в германскую епископальную систему;
- вербовка надежных агентов в каждом епархиальном управлении с особым вниманием к проникновению в их архивы.

В реальности СД и гестапо сосредоточивались в основном на внутренних церковных проблемах, и смена приоритетов оказалась для них непростой задачей. Вначале планировалось начать работу с “легальных” позиций и аккредитовать при Святейшем Престоле атташе по вопросам полиции, на которого возложить обязанности резидента. Однако крайняя малочисленность ватиканской полиции не позволила придать этой попытке хоть какую-то видимость разумности, и от нее решено было отказаться. Ненавидевший РСХА Риббентроп категорически отказался предоставить офицерам разведки дипломатическое прикрытие, и тогда Гейдрих вместо проникновения в Ватикан занялся внедрением в собственное министерство иностранных дел. Группенфюрер сумел добиться замены руководителя ватиканского отделения МИД Рихарда Хайдлена на лояльного к нему Вернера Пико, ранее работавшего сотрудником по связи с РСХА по вопросам безопасности и разведки и имевшего с ним прочные связи. В результате обязанности резидента СД-аусланд по Ватикану по совместительству принял на себя атташе рейха по вопросам полиции в Риме оберштурмбанфюрер СС Герберт Кашлер. Он достаточно быстро приобрел на этом направлении нескольких

агентов, наиболее перспективным из которых являлся помощник профессора иезуитского университета в Риме. После прочтения “Майн кампф” он проникся нацистской идеологией и добровольно предложил свои услуги рейху. Помощник регулярно вскрывал вручаемую ему для отправки корреспонденцию профессора и сообщал ее содержание Капплеру. Другой агент, также доброволец, работал администратором в резиденции для работавших в Риме немецких священников “Тевтоникум”, где изучал окружение и собирал слухи. Однако этот источник проработал только до 1942 года, когда мюнхенский кардинал Михель фон Фаульхобер из-за открытых пронацистских высказываний отозвал администратора в Германию. Третий агент, тоже немец, работал в ватиканских архивах. Когда в сентябре 1943 года в соответствии с распоряжением папы их закрыли для иностранных исследователей, источник утратил разведывательные возможности. Кроме перечисленных, в сеть Капплера входили еще трое второстепенных агентов. В помощь резиденту начальник СД-аусланд бригадефюрер Шелленберг направил Хельмута Лооса, ранее возглавлявшего ватиканское направление в VI управлении РСХА и руководившего Альфрусом фон Хагенком, которого полагали самым важным и перспективным агентом в Ватикане. Впоследствии выяснилось, что этот помощник папы по конфиденциальным вопросам регулярно исповедовался духовнику в своих связях с СД и являлся классическим двойником-дезинформатором.

Германской разведке было крайне сложно работать в католической среде Святейшего Престола, где действовали своеобразные, мало понятные посторонним этические нормы, и самые потенциально ценные источники информации имели свою собственную мораль. Гейдрих лично разработал стратегию проникновения в это закрытое сообщество, основанную не на отрыве вербуемых от церкви и противопоставлении ей, а на вращении в Ватикан своих людей. Еще до начала войны он предложил направить группу верных режиму молодых людей в семинарии для постепенного продвижения их к вершинам католической иерархии. Гитлер не одобрил это решение, однако настойчивый начальник СД в сентябре 1940 года все же сумел получить разрешение на такую операцию с привлечением трех своих сотрудников. Их планировалось направить в немецкие колледжи-резиденции в Риме Санта-Мария дель Анна (“Анникум”), Германо-венгерский колледж (“Германикум”) и Тевтонский колледж (“Тевтоникум”). Из-за повышенного риска расконспирирования агентов и возникновения протестов со стороны настоящих немецких студентов католических колледжей Риббентроп воспротивился проведению операции и добился решения об ее отмене.

Идея внедрения семинаристов в Ватикан вновь всплыла летом 1943 года, уже после смерти Гейдриха. На этот раз она исходила не от руководства органов безопасности, а от лидера грузинской диаспоры в Германии Михаила Кедия, совместно с настоятелем грузинского католического монастыря в Стамбуле Михаилом Тарчнишвили пожелавшим основать в Риме грузинский колледж. Фактически это учреждение, как и остальные колледжи при Святейшем Престоле, должно было служить не столько учебным заведением, сколько резиденцией для прибывающих на работу или учебу молодых священников. Однако средств на его организацию у грузинской общины почти не было, и Кедия предложил обратиться за помощью к немцам, а фактически — к германским спецслужбам. Последнее обстоятельство он тщательно скрывал, и настоятель из Стамбула полагал, что в его друг использует легальные каналы финансирования. Начальник СД-аусланд Шелленберг не верил в перспективность этого довольно дорогостоящего проекта, однако Кальтенбруннер убедил его в целесообразности предприятия. И действительно, в слабеющей Италии летом 1943 года, возможно, лучшим прикрытием для разведчика служила религиозная организация. Руководитель РСХА был убежден, что разведывательные службы стран антигитлеровской коалиции поступают именно таким образом, и потребовал лишь, чтобы агенты были не немцами, а военнослужащими Грузинского легиона.

К концу лета Тарчнишвили нашел подходящую виллу в районе Монтеверде Нуово, а сентябре Кедия объявил, что отыскал спонсора. Им якобы являлся пожелавший остаться неизвестным богатый грузинский эмигрант, готовый оплатить ремонт и оборудование здания. РСХА уже собиралось профинансировать реконструкцию, как вдруг в беседе с помощником германского атташе по вопросам полиции Куртом Хассом Кедия случайно выяснил, что Тарчнишвили близко знаком с подозревавшимся в работе на Францию главой Конгрегации восточных церквей кардиналом Тиссераном и, что хуже всего, принципиально не желает иметь никаких связей с миром спецслужб. Руководитель грузинской диаспоры осторожно расспросил настоятеля, и тот высказал убеждение, что участие в любых шпионских делах

может стоить ему спасения души. Тогда Кедия заявил, что священник может навсегда забыть о денежной помощи, и покинул Италию. Крайне расстроенный Тарчнишвили отправился за советом и помощью к друзьям и поделился своими бедами, в частности, с бывшим священником Базилиусом Содатиерашвили. Тот порекомендовал ему выждать некоторое время, а сам пообещал отправиться в Берлин и попытаться урегулировать вопрос с Кедией. В действительности Содатиерашвили и не собирался ездить в Германию, а просто встретился с Капплером, предложил ему за вознаграждение решить возникшую проблему и получил согласие.

Тем временем Кедия доложил в VI управлении РСХА о создавшейся ситуации. Шелленберг заключил, что пытаться продолжать операцию в прежнем ключе слишком рискованно, и принял решение справляться своими силами. Он организовал выделение средств на обустройство виллы по нейтральным каналам и представил это результатом деятельности Содатиерашвили, якобы попросившего в благодарность принять его на работу в колледж в качестве администратора по светским и финансовым вопросам. Тарчнишвили с готовностью согласился, и бывший священник получил в свое распоряжение две изолированные комнаты с отдельным входом, в одной из которых СД оборудовала радиоквартиру, а в другой должны были размещаться прибывающие из рейха агенты. 28 декабря 1943 года все строительные работы и юридические формальности были закончены, Содатиерашвили съездил в Берлин и привез оттуда шестерых молодых немцев.

Начинали сбываться самые худшие опасения настоятеля относительно продолжающейся с его невольной помощью разведывательной операции спецслужб рейха, о чем он без долгих колебаний и заявил одному из офицеров ватиканской полиции. Тот порекомендовал ему подробно опросить прибывших и в случае их слабого знакомства с теологией использовать это как невинный предлог для возврата “студентов” на родину. Тарчнишвили последовал совету и очень быстро выяснил, что трое из шестерых намного активнее интересуются итальянками, чем религией, после чего настоятель снабдил их небольшой суммой на обратный проезд и отослал в Германию. Оставшиеся кандидаты оказались подготовленными намного лучше и были направлены им в “Руссикум”, однако вскоре двое из них не выдержали строгой жизни и возвратились в Берлин. Затем настала очередь инспекции занимаемых Содатиерашвили помещений. Они были постоянно заперты, но Тарчнишвили сумел заставить администратора по светским и финансовым вопросам предъявить их для осмотра. Как и ожидалось, там обнаружился нелегальный передатчик. Никакие заверения об установке его исключительно для связи с друзьями не помогли, настоятель заставил убрать рацию из здания.

Как и предсказывал Шелленберг, обустройство базы для нелегальных операций в Ватикане натолкнулось на непреодолимые трудности. Оживленный радиообмен по этому поводу между штаб-квартирой VI управления РСХА и резидентом в Риме закрывался с помощью “Энигмы”, поэтому британская разведка находилась полностью в курсе происходивших событий. В результате после освобождения Рима 4 июня 1944 года полевая полиция безопасности (ФСР) немедленно произвела аресты всех причастных к созданию грузинского колледжа на вилле в Монтеверде Нуово, однако быстро выяснилось, что все попытки задержать действительных участников разведывательной операции провалились. На вилле находился лишь престарелый сторож, а арестованного настоятеля Михаила Тарчнишвили пришлось сразу же с извинениями выпустить. Британцы ограничились передачей материалов по этому делу в государственный секретариат Ватикана, который завил Берлину дипломатический протест в связи с попыткой организации шпионского центра.

Разведка МИД Германии не могла записать в свой актив по Ватикану даже и такие провальные операции, военная разведка вообще не обращала внимания на католическую церковь. Зато ряд сотрудников абвера регулярно посещал Рим для проведения сепаратных переговоров с противником, однако эта тема выходит за рамки книги и здесь не рассматривается. Несомненных успехов в работе против Святейшего Престола достигли германские криптоаналитики. “Перс Ц.” еще в 1930-х годах вскрыл первый дипломатический шифр государственного департамента, остававшийся в употреблении до самого вступления Италии в войну. В 1940 году криптоаналитики МИД совместно с ФА вскрыли “Красный шифр” Ватикана, использовавшийся для переписки по административным вопросам низкого уровня секретности. Более стойкий “Желтый шифр” продержался до 1942 года, два оставшихся (“Зеленый” и “КИФ”) сохранились в неприкосновенности.

В этом, как и во многих других случаях, немцев подвели союзники. Германия предоставила Италии все дешифровальные материалы по Ватикану и, как впоследствии выяснилось, опрометчиво. В начале 1940 года пытавшийся сохранить положительную репутацию у всех сторон мирового конфликта министр иностранных дел тогда еще не воевавшей Италии Галеаццо Чиано конфиденциально уведомил о компрометации шифра папы монсиньора Амброджо Маргиони. Священник был настолько поражен этим известием, что побежал по Риму, стараясь успеть сообщить об этом возможно скорее и предотвратить отправку каких-либо важных телеграмм. Однако он встретил недоверие к своей информации, расцененной как попытка Чиано посеять растерянность у Святейшего Престола. Тогда Маргиони решил лично проверить правдивость заявления министра и настоял на направлении в лиссабонскую нунциатуру запроса на незначительную тему с просьбой ответить шифром. Одновременно он попросил Чиано передать ему точный текст дешифрованного сообщения, что и произошло несколько дней спустя. Подозрение в дезинформации было снято. Сведения о компрометации шифров Ватикана поступали и из других источников, одним из которых был неустановленный католик, сотрудник Исследовательского управления люфтваффе (ФА). В мае 1940 года нунций в Риме уведомил государственного секретаря о том, что итальянскому правительству известно содержание телеграмм, отправляемых из Ватикана в Лондон, Париж и Вашингтон. Аналогичная информация поступила и от нунция в Берлине. Стало совершенно ясно, что переписка Святейшего Престола весьма уязвима, и для ее защиты требуются дополнительные мероприятия. В конце 1941 года новые шифры были направлены в нунциатуры в Берлине, Берне, Лиссабон и Мадриде, а также апостольским делегатам в Виши и Вашингтон.

Задачей первоочередной важности для ОВРА и СИМ являлось проникновение в аккредитованные при Святейшем Престоле иностранные посольства. Военная разведка даже сформировала для этого специальную секцию "П", успешно осуществившую в дипломатических представительствах Великобритании, Франции и Соединенных Штатов в Ватикане перефотографирование документов, в том числе шифров и кодов. Кроме того, СИМ располагала в британском посольстве агентом, молодым слугой, с помощью которого шифр был похищен во время строго регулярных получасовых прогулок по саду посла д'Арси Годолфана Фрэнсиса Осборна. Шифровальные материалы в три этапа выносили из его резиденции, переснимали по частям и возвращали на место.

Ватикан не имел ни сил, ни средств для вскрытия и пресечения работы иностранных спецслужб. Полиция и жандармерия папы ведали исключительно поддержанием общественного порядка, физической охраной некоторых зданий и регулировкой движения. Никакие контрразведывательные задачи на эти органы не возлагались, не в последнюю очередь из-за укомплектованности их личного состава итальянцами. Как результат, агентура ОВРА и СИМ пронизывала множество служб и учреждений Ватикана, преимущественно на нижнем и отчасти среднем уровнях. Предвоенный начальник папской полиции полковник де Мандато, как и его преемник полковник Соленто, являлся агентом ОВРА. На эту же секретную службу работало также все руководство Особой секции ватиканской жандармерии во главе с префектом Джованни Фаццио, наиболее высокопоставленным агентом в окружении папы. Он использовал возможности подчиненного ему подразделения для наблюдения за членами дипломатического корпуса в Ватикане и передавал полученные материалы в ОВРА, однако в 1942 году подобной практике пришел конец. Заместитель государственного секретаря Монтини запретил Особой секции заниматься этим направлением как нарушающим нейтралитет государства, и итальянцы утратили полезный источник информации. Кардинал не заблуждался относительно подлинного характера деятельности Фаццио и поэтому распорядился, чтобы ответственный за надзор за дипкорпусом офицер Особой секции Антон Калл отчитывался не своему полицейскому начальству, а непосредственно ему. В это же время агентурные позиции Италии в Ватикане получили сильный удар. Главный управляющий делами государства кардинал Никола Канали под давлением государственного секретаря Мальоне и его заместителя Монтини вынужден был уволить своего протеже Фаццио. Этот шаг дался Канали весьма трудно, поскольку полностью противоречил его профашистским убеждениям и взгляду на посольства государств антигитлеровской коалиции как на вражеские. После этого итальянская полиция попыталась взять реванш и начала разработку Особой секции с целью доказать сотрудничество Калла с британской разведкой. Представившийся

иностранцем неизвестный заявитель предложил ему негласно встретиться в капелле швейцарской гвардии в церкви Санта Анна и в момент контакта попытался вручить пакет. При этом он пояснил, что внутри находятся деньги, которые следует тайно передать послу Великобритании в Ватикане Осборну, после чего Калл мгновенно распознал ловушку и выбросил конверт. В этот раз провокация не удалась, однако позднее, несмотря на осмотрительность, офицер подвел себя сам. Швейцарские гвардейцы схватили и выдали итальянцам пытавшегося добраться до британского посольства бежавшего из лагеря военнопленных английского матроса. На допросе тот показал, что получил помощь от Калла, после чего МИД Италии с полным основанием заявил папе протест по этому поводу. Только и ждавший чего-либо подобного кардинал Канали разрешил арестовать и допросить жандарма. Через 8 дней тот был отпущен, но сразу после выхода из-под стражи уволен из Особой секции и выслан из Ватикана.

Спецслужбы Советского Союза, не имевшего дипломатических отношений с Ватиканом, в период Второй мировой войны все же смогли осуществить ряд успешных операций по проникновению в секреты Святейшего Престола. Одна из них была частично расшифрована в мае 1942 года после пеленгации и ареста итальянской контрразведкой на виа делье Форначи радиста с финским паспортом на имя Холгера Таворнена. Он быстро признался, что в действительности является немцем Эрнстом Ганном и работает на СССР с 1940 года, согласился на сотрудничество и указал находящиеся в садах Боргезе тайники для бесконтактной связи с резидентом. Он никогда не видел руководителя резидентуры, однако точно знал, что тот проживает в Риме. Каким-то образом Ганну была известна молодая итальянка, предположительно любовница резидента, после допроса которой был захвачен швейцарец Фриц Шнайдер, по документам прикрытия — Герман Марли. Вслед за этим контрразведка разгромила агентурную сеть нелегальной резидентуры, состоявшую из переводчика министерства иностранных дел и супружеской пары нелегалов, направлявшихся в США, но из-за войны осевших в Италии и приступивших к работе в Риме. В ходе радиоигры с Москвой контрразведка приняла не вполне понятное сообщение, содержащее приказ вступить в контакт с неназванным лицом, проживающим на виа Шерен, и выполнять все его пожелания, поскольку вскоре тот должен предоставить некую важную информацию. В радиограмме содержалось предупреждение, что объект может носить монашескую одежду и проживает в одной квартире с русской женщиной-блондинкой. В ходе проведения оперативной установки по указанному адресу выяснилось, что квартира уже находится под наблюдением полиции. Ее обитателями являлись 28-летний выходец из Эстонии Александр Куртна и его жена, ленинградка Анна Хаблиц, работавшая в зарубежной секции государственного радио Италии. Наблюдение осуществлялось по просьбе властей Ватикана, намеревавшегося принять Куртна на работу и нуждавшегося в его проверке. Однако в данный момент хозяин квартиры отсутствовал, поскольку находился на севере Европы, дома была лишь Анна, которую сразу же и арестовали. Куртна вернулся в Рим 30 июля, был взят под стражу прямо на перроне и передан для допроса СИМ.

Эстонец оказался весьма любопытной фигурой, в католической церкви его ожидала перспективная карьера. Куртна владел русским, украинским, эстонским, польским и немецким языками, имел широкие связи в церковных и светских кругах и отличался высоким интеллектом. Первоначально он поселился и обучался в колледже “Руссикум”, но позднее из-за финансовых проблем ушел оттуда и начал работать в архивах, изучая историю папства в средние века. После 1940 года дипломатические связи Ватикана с вошедшими в состав Советского Союза Прибалтийскими государствами оборвались, и Конгрегация восточных церквей и государственный секретариат рассматривали эстонца в качестве своего вероятного эмиссара для их восстановления. Для придания официального статуса его планировали зачислить в штат в качестве переводчика, что и послужило причиной обращения Ватикана к итальянской полиции с просьбой о проверке кандидата.

Судя по всему вербовка объекта произошла в Эстонии, куда Куртна ненадолго съездил в попытке заработать на жизнь. Он являлся первым после Александра Дубнера советским агентом с хорошими разведывательными возможностями в учреждениях Святейшего Престола, а также неплохими связями с немецкими кругами в Риме. Вначале руководство планировало поручить ему добывание информации в архивах Комиссии по России, однако после передачи ее функций Конгрегации восточных церквей агента соответственным обра-

зом перенацелили. Куртна не входил в сеть Марли и был засвечен совершенно случайно из-за возникших у него серьезных финансовых проблем. Он получал стипендию в Германском историческом институте, но после увольнения оттуда в январе 1942 года всех служащих не немецкого происхождения агент лишился средств к существованию. Тогда Москва дала своему нелегальному резиденту указание связаться с Куртна и помочь ему в создавшейся ситуации.

Директор института доктор Фердинанд Бок был связан с гестапо не менее тесно, чем с наукой, и, судя по всему, просто целенаправленно создавал предпосылки к вербовке эстонца на материальной основе для его дальнейшего использования по церковной линии. При увольнении Бок пообещал попытаться помочь ему и познакомил с германским атташе по вопросам полиции в Риме Гербертом Капплером, у которого якобы совершенно случайно имелась вакантная должность переводчика. Для начала атташе поручил Куртна составлять регулярные обзоры ватиканской прессы, а потом перешел к заданиям по добыванию более серьезной информации. В результате состоялась его вербовка СД-аусланд, одновременно означавшая внедрение в ее римскую резидентуру советского агента. К этому времени немцы располагали в Святейшем Престоле всего двумя источниками, одним из которых являлся библиотекарь Григорианского университета, а другим — независимый исследователь, имевший разрешение на доступ в архивы. Совершенно очевидно, что ни один из них не мог решить поставленную Берлином задачу добывания текущей информации о политике папы и поэтому не представлял особой ценности. На этом фоне Куртна выглядел весьма перспективной кандидатурой для внедрения в высшие эшелоны руководства католической церкви. Как уже указывалось, германское руководство рассматривало Ватикан в качестве гигантской разведывательной и подрывной организации, которая планирует использовать войну на Восточном фронте в качестве средства для окатоличивания СССР и окружения рейха католическими государствами. В РСХА господствовало мнение о существовании соответствующего миссионерского “плана Тиссерана”, названного так по фамилии кардинала, руководителя Конгрегации восточных церквей. Кроме того, немцы всегда и везде стремились выявить возможную роль иезуитов, и Берлин постоянно бомбардировал Капплера требованиями добыть информацию и материалы по экспансии Ватикана на Востоке. Именно в этом качестве резидент и планировал использовать Куртна. Он знал о некоторых его знакомствах и рассчитывал получать через эстонца информацию как по Ватикану, так и по Востоку. После документального оформления вербовки нового агента в феврале 1942 года, в особенности после активизации работы с ним в апреле, в отправляемых лично начальнику РСХА Кальтенбруннеру отчетах Капплера стали регулярно появляться сведения по СССР из ватиканских источников.

В июне 1942 года Куртна ненадолго поехал в Эстонию по личным делам. Резидент СД рассчитывал получить от него по возвращении информацию о католической церкви в Польше и Прибалтике, однако 30 июля агент был неожиданно для немцев арестован на римском вокзале и обвинен в шпионаже в пользу СССР. Вскоре итальянская контрразведка получила дополнительное, хотя и косвенное подтверждение своих подозрений. В пришедшем на адрес Куртна письме от русской эмигрантки из Стамбула содержалась просьба сообщить некие последние новости. Арестованный постарался обратить происходящее в свою пользу и довольно убедительно доказывал, что столь неуклюжая попытка передать информацию с помощью примитивного словесного кода является не более, чем акцией по компрометации. Однако следователи не вняли его аргументам. Куртна пробыл под арестом 14 месяцев и допрашивался 20 раз, причем вначале итальянцы обвиняли его только в работе на советскую разведку, но достаточно быстро узнали и о связях с Капплером и СД. После этого контрразведчики более не сомневались, что эстонец действительно работает на иностранную разведку, хотя и разошлись во мнениях, на какую именно. Несмотря на эти второстепенные неясности, 29 сентября 1943 года Куртна был приговорен к смертной казни как советский шпион, внедренный в Ватикан и германскую разведку в Риме.

Арест эстонца поставил Капплера в сложное положение. Незадолго до этого, в июне 1942 года немецкая контрразведка раскрыла агентурную связь атташе по культурным вопросам посольства рейха в Риме Курта Зауэра с военным атташе Швейцарии. Последовавший за ним арест подданного Германии Эрнста Ганна также произвел невыгодное впечатление на берлинское руководство, расценившее оба эти случая как упущения в работе резидента. На этом фоне история с Куртна была совершенно не ко времени, поскольку теперь Капплер

должен был не только давать объяснения по поводу внедрения в свою сеть советского агента, но и искать альтернативный источник информации по Ватикану. Долго ждать этого не пришлось, однако разрешилась проблема самым неожиданным для него образом. Итальянские власти промедлили с приведением в исполнение приговора в отношении Куртна и вскоре утратили саму возможность распоряжаться судьбой политических арестантов. Рим оккупировали германские войска, а Капплер фактически возглавил полицию, после чего немедленно затребовал материалы следствия и суда над Куртна и изъял его из итальянской тюрьмы. Резидент не питал никаких иллюзий относительно лояльности своего агента, но приказал ему немедленно возвратиться к работе в Ватикане под угрозой уничтожения и его, и жены в случае любой попытки ведения двойной игры. Обстановка в сохранявшем нейтралитет Ватикане была достаточно сложной, и поселившийся в квартире на виа Кола ди Риенцо Куртна, как ни странно, получил разрешение вернуться на прежнюю должность переводчика в Конгрегацию восточных церквей. Такое легкомысленное отношение Святейшего Престола к безопасности невозможно объяснить только острой потребностью в квалифицированных сотрудниках, как расценивают это некоторые исследователи³⁰⁸. Вероятнее всего, ее причиной послужили опасения папы относительно возможной оккупации Ватикана немцами и нежелание раздражать их в сравнительно маловажных вопросах. Кроме того, общепринятая политика администрации Святейшего Престола заключалась не в избавлении от подозрительных лиц, а в перемещении их на должности без допуска к секретным материалам, что и произошло в данном случае. Еще одна возможная причина приема Куртна на службу в Конгрегацию восточных церквей заключается в стремлении создать канал для доведения до сведения немцев дозированной информации.

Сотрудники римской резидентуры СД Курт Хасс и Норберт Майер регулярно заслушивали отчеты переданного им на связь агента, причем без особых конспиративных предосторожностей встречались с ним не на явочной квартире, а прямо в помещении гестапо на виа Тассо. Двойник использовал это обстоятельство и незаметно для них сблизился с секретаршей начальника гестапо Шварццер. Имеется информация о тайных коммунистических убеждениях этой женщины, но, скорее всего, основную роль в ее переходе на сторону противника сыграли не они, и не влюбленность в молодого эстонца, а тревога за проживавшую в Силезии семью. К родным местам Шварццер приближалась Красная Армия, и помощь советскому агенту могла быть учтена оккупационными властями СССР. В результате секретарша незаметно похитила из сейфа Капплера наиболее важные компрометирующие материалы на Куртна и регулярно сообщала своему любовнику важные, с ее точки зрения, слухи.

В январе 1944 года Капплер окончательно сосредоточился на руководстве полицией, в том числе гестапо, а новым резидентом СД стал бывший монах-бенедиктинец Георг Эллинг, направленный из центрального аппарата VI управления РСХА для активизации оперативного изучения Ватикана и создания агентурных сетей на случай оставления германскими войсками итальянской столицы. По прикрытию он занимал должность атташе по культурным вопросам посольства Германии в Риме. Предполагалось, что дипломатический паспорт Эллинга в случае захвата Рима союзниками позволит ему укрыться в Ватикане и оттуда, пользуясь экстерриториальностью посольства, руководить агентурным аппаратом. Атташе по культурным вопросам к весне 1944 года действительно сумел развернуть довольно широкую сеть источников, включавшую, помимо Куртна, монаха из Бюро информации Святейшего Престола, монсиньора из Конгрегации консистории, двух иезуитов, одного прикомандированного к колледжу "Руссикум" студента, еще одного иезуита-архивиста, трех бенедиктинцев и трех журналистов. Все они были немцами или итальянцами. Наиболее перспективным агентом СД являлся Куртна, о двойной игре которого при передаче дел Эллингу Капплер умолчал. В результате эстонец получил прекрасную возможность сбора информации о римской агентуре СД и ее операциях. 1 июня 1944 года Шварццер сообщила ему о получении Эллингом из Берлина новой кодовой книги, из которой скопировала ряд страниц, а также похитила из офиса Капплера все документы подряд, которые только смогла добыть. В это время гестапо уже эвакуировалось из Рима, его сотрудники хватали с полок шкафов и сейфов первые попавшиеся под руку папки и бросали их в кузова стоявших у подъезда грузовиков. Упавшие на пол дела валялись в комнатах и коридорах, их никто не поднимал и тем более не сортировал. В этой обстановке поспешного бегства Шварццер смогла добыть и передать Куртна списки всей оставляемой в Риме агентуры, включая радистов. Опасаясь

за сохранность добытых материалов, он сложил их в чемодан и отнес его на хранение к монсиньору Марио Бруни из русского отделения государственного секретариата Ватикана с просьбой передать их советским представителям, когда таковые появятся в Риме. Священник удивился, но просьбу исполнил.

Куртна не зря принял меры предосторожности. Через 10 дней после освобождения итальянской столицы те же самые офицеры, арестовывавшие его в июле 1943 года, вновь появились с санкцией на арест и доставили эстонца в тюрьму Реджина Чели. Там британские и американские следователи допрашивали его о связях с германской разведкой, но не слишком заинтересовались полученными сведениями и выпустили двойника на свободу. Версии относительно дальнейшей судьбы Куртна разнятся в деталях, однако сходятся в главном: после явки в советскую миссию его поблагодарили за доставленные Бруни материалы и через Неаполь вывезли морем в Советский Союз, где судили и поместили в лагерь. Имеются свидетели, встречавшие его там в 1948 году, но впоследствии следы бывшего агента затерялись.

Остальные государства достигли в агентурной разведке против Ватикана значительно меньших результатов. Французская СР поддерживала связи с рядом священников французского происхождения в папской курии или с удачными позициями в монашеских орденах. Наиболее влиятельным из них являлся бывший офицер французской армии, руководитель Конгрегации восточных церквей, кардинал (с 1936 года) Эжен Тиссеран. Однако эти контакты, судя по всему, не перерастали в агентурные отношения и ограничивались доверительными рекомендациями и советами.

Соединенные Штаты никогда не считали Ватикан главной целью и лишь иногда рассматривали его в качестве второстепенной. В конце 1930-х годов госдепартамент США изучал Святейший Престол как возможный противовес влиянию Италии и Германии в Европе, однако эти надежды были явно несерьезными. Собственно говоря, до создания ОСС интересоваться Ватиканом с оперативной точки зрения было в Соединенных Штатах просто некому. Разведывательные органы армии и флота занимались либо государствами с заметными вооруженными силами, каковыми швейцарские гвардейцы папы отнюдь не являлись, либо потенциальными театрами военных действий, к которым ватиканские 44 гектара городской застройки отнести нельзя. В государственном департаменте понимали роль папы в мировой политике, однако отсутствие собственного оперативного органа исключало возможность проведения там агентурных операций, а КОИ просуществовал столь недолго, что у его директора Уильяма Донована не дошли руки до римско-католической церкви. Бюро стратегических служб постепенно начало обращать внимание на Святейший Престол, хотя серьезная работа на этом направлении началась в нем лишь после освобождения Рима и создания там резидентуры ОСС. Но опять-таки американцев в первую очередь интересовала тогда не церковь, а укрывшиеся на территории Ватикана посольства Германии и Японии. Летом 1945 года внешняя политика США уже была направлена на поиск противовесов Советскому Союзу, поэтому Вашингтон более не вел работу против папы, а скорее искал возможности привлечь его к противостоянию с СССР.

Римская резидентура ОСС располагала в Ватикане двумя источниками (“Вессел” и “Дасти”), работавшими соответственно по линиям СИ и “Икс-2”. Первый из них добывал секретные документы папы Пия XII и его окружения с осени 1944 года, второй приступил к работе несколько позднее. Оба агента были инициативниками, то есть сами предложили свои услуги американцам за вознаграждение. “Вессел” вскоре начал поставлять также копии телеграмм, которыми обменивались государственный секретариат Ватикана и нунциатуры в различных столицах мира. Начальник секции СИ резидентуры ОСС в Риме полковник Винсент Скампорино был настолько удовлетворен результатами работы агента, что использовал его псевдоним для обозначения всей операции. Материалы “Вессела” вызывали в Вашингтоне такой интерес, что президент распорядился предоставлять их ему не в виде информационных документов разведки, а в оригиналах. Не желавший делиться достигнутым успехом с союзником Рузвельт лично распорядился сохранять добываемые по этому каналу сведения в тайне от Лондона. Особо важными считались телеграммы от апостольского делегата в Токио Паоло Марелла. Успех СИ вызвал ревность у руководителя Особого контрразведывательного подразделения “Z” Джеймса Джизуса Энглтона, ведавшего в той же резидентуре линией “Икс-2”. Он полагал, что его источник “Дасти” более ценен, чем “Вессел”, но внимание к

нему было намного меньшим. Совпадения в получаемых от “Вессела” и “Дасти” сообщениях рассматривались как перекрытие информации, подтверждающее ее достоверность и надежность источников.

Развязка наступила в начале 1945 года и была, как всегда, неожиданной. По мнению Скампорино, некоторые из материалов “Вессела” свидетельствовали об утечке из Ватикана информации о Соединенных Штатах, и разведчик распорядился показать их Энглтону. Начальник контрразведки немедленно почувствовал в этом свой шанс и заявил, что пришел к заключению о наличии слабых мест в организации связи на этом канале. Сообщения из Ватикана проходили через несколько промежуточных звеньев, поэтому он потребовал изменить их маршрут и свести схему к единственному посреднику “Дасти”. По замыслу Энглтона, такой вариант позволял ему приобщиться к престижной операции “Вессел” и укрепить свою репутацию не только причастностью к ней, но и обеспечением ее безопасности. Вероятно, он также действительно полагал, что предлагаемая им схема позволит выявить все другие контакты источника, то есть возможные дополнительные каналы передачи им информации другим государствам, направлять по ним дезинформацию, а также скрыть все другие выходы ОСС на Ватикан. Однако Скампорино усмотрел в этом угрозу возможного срыва всей операции и не согласился с планом, поскольку не желал убирать из цепочки одного из своих посредников. Постепенно оперативный вопрос перерос в подлинное яблоко раздора между секциями СИ и “Икс-2”, желавшими монополизировать перспективный источник.

Тем временем в одном из материалов “Вессела” появиласьстораживающая информация о негласной встрече представителя Соединенных Штатов при Святейшем Престоле в Ватикане Майрона Тайлера с японским коллегой Кеном Харада. Американец не доложил о ней в установленном порядке, что давало госдепартаменту основания подозревать его в возможной измене и весьма встревожило сразу несколько федеральных ведомств. Была проведена дополнительная проверка сигнала, и 17 февраля 1945 года руководитель секции СИ получил сообщение о ее результате. Негласное ведомственное расследование показало, что Тайлер с Харада не встречался, а источник дал дезинформирующие сведения, то есть, скорее всего, проводил вполне конкретное мероприятие по целенаправленной дискредитации американского представителя. Это являлось более чем достаточным поводом для передачи дела контрразведке, поскольку в рассматриваемый период в США она ведала вопросами выяснения надежности источников, тогда как добывающие и аналитические подразделения проверяли достоверность информации. Однако Скампорино отказался поступить согласно инструкциям и предпочел работать напрямую с Вашингтоном, а не с Энглтоном. В 1944 году начальник контрразведки в Риме еще далеко не достиг власти и влияния, которыми он будет пользоваться в ЦРУ в 1960-е годы, и проиграл эту внутриведомственную схватку. Ватиканский источник остался в ведении Скампорино.

Две недели спустя в Рим пришло еще более обескураживающее сообщение о результатах сплошной проверки материалов операции “Вессел”. Вашингтонские аналитики пришли к выводу, который им следовало сделать намного раньше, а именно о том, что направлявшаяся в ОСС и президенту информация верна лишь в незначительных деталях, а в основном является либо дезинформацией, либо фабрикацией. Это же относилось и к практически идентичным материалам “Дасти”. Предпринятое на месте расследование показало, что общим автором материалов обоих источников был Вирджилио Скаттолини, руководитель Общественного центра католической деятельности, журналист, фотограф и кинокритик в “Л’Оссерваторе Романо”. Он еще в 1939 году решил разбогатеть таким необычным способом и заблаговременно начал готовиться к фальсификации, накапливая фактуру из журнальных и газетных статей, книг и иных источников. Скаттолини начал с фабрикации материалов аудиенций папы, а затем перешел к изготовлению “дипломатической переписки. Как уже указывалось, работа с двумя линиями (СИ и “Икс-2”) оказалась не намного более трудоемкой, чем с одной, поскольку журналист просто дважды отпечатывал один и тот же документ. Казалось, все стало предельно ясно, но ни в центральном аппарате ОСС, ни в римской резидентуре никто, однако, не спешил окончательно отказываться от престижной операции, а тем более признаться в том, что оказался обманутым. Поэтому в течение некоторого времени материалы Скаттолини продолжали поступать к президенту, и хотя полковник Скампорино теперь игнорировал европейские материалы “Вессела”, однако по необъяснимой причине продолжал доверять его информации по Дальнему Востоку. Но

длилось это уже недолго. В Вашингтоне проанализировали якобы токийские телеграммы и нашли в них внутренние противоречия и нарушения обычной практики ведения дипломатической переписки. Аналитики заключили, что сообщения “Вессела” не могут быть использованы. Так закончилась эта операция.

Фальсификацию можно было распознать значительно раньше, если бы ОСС всерьез озаботилось перепроверкой материалов “Вессела” / “Дасти” по другим каналам, однако этого не произошло. Дополнительная причина скандального провала заключалась в незнании американцами не только административной, дипломатической и церковной практики Ватикана, но и его географии, что было уже совершенно непростительно. Например, Скампорино не потрудился лично провести рекогносцировку на месте и потому безоговорочно поверил информации Скаттолини о намерении папы построить в Ватикане взлетно-посадочную полосу, для которой там просто не было места.

Фальсификатор неплохо заработал на своей афере и не желал отказываться от такого удачного и легкого дела. Американское направление закрылось для него, и тогда журналист продал свои материалы коммунистам, в самый разгар избирательной компании 1948 года издавшим двухтомник якобы подлинных документов Ватикана. Возмущившийся папа приказал подчиненным разобраться с их появлением, что и было сделано. Легко выявившие фальсификацию юристы Святейшего Престола заявили протест и подали на Скаттолини в судебный иск. После короткого разбирательства авантюрист ненадолго попал в тюрьму, однако общий финансовый итог его операции, вероятно, с лихвой окупил все тяготы краткого заключения.

Для спецслужб большинства государств реальные масштабы доступа Ватикана к разведывательной информации оказались неожиданно малыми. Следует подчеркнуть, что с момента падения Папской области в 1870 году Святейший Престол стремился наладить информационные каналы в первую очередь для контроля за состоянием дел в католической церкви, а также для обеспечения собственного существования, защиты своих интересов и присутствия в мировом процессе. Никакой системой тотального сбора разведывательных данных о различных странах и объектах католическая церковь не обладала и в помине. Когда иностранные дипломаты начали относительно регулярно общаться с государственным секретариатом Ватикана, их крайне удивила слабая информированность папы и его окружения в международных делах. Хотя по состоянию на сентябрь 1939 года папское государство поддерживало дипломатические отношения с 37 государствами через нунциев и еще с 22 — посредством апостольских делегаций, то есть развернуло свою инфраструктуру в значительной части мира, действительность оказалась значительно менее впечатляющей. Прежде всего, апостольские делегации не имели дипломатического статуса, в основном располагали доступом к информации только о состоянии дел внутри католической церкви в данной стране, поэтому в качестве источников разведывательных сведений их смело можно не учитывать. И нунции, и делегаты являлись карьерными дипломатами со стажем, то есть обладали навыками сбора информации, но отличались свойственной почти всем “чистым” дипломатам неприязнью к тайным операциям. Отрицательное влияние оказывала и незначительная штатная численность государственного секретариата. По состоянию на сентябрь 1939 года там работал всего 31 сотрудник, из них 14 клерков и архивистов. Для сравнения, даже незначительные в дипломатическом отношении государства имели намного более крупные министерства иностранных дел. В 1940 году МИД Норвегии располагал 119 сотрудниками, а МИД Нидерландов — 80³⁰⁹. В 1-й секции Государственного секретариата (политические отношения с иностранными правительствами) Ватикана имелось всего 10 работников, в том числе 3 архивиста, позднее были добавлены еще 7. Естественно, что столь незначительный штат не позволял сосредоточиться на конкретном направлении и полностью отвечать за него. Например, ведавший Германией “минутанте” (старший клерк) в течение всей войны занимался также и Латинской Америкой, а ответственный за Великобританию по совместительству курировал все остальные западноевропейские государства. Подобная широта охвата при минимальном штате не позволяла дипломатическому ведомству полноценно выполнять свои прямые обязанности, а о каком-либо серьезном сборе, систематической обработке и анализе информации, подготовке и рассылке разведывательных отчетов не могло быть и речи. Госсекретариат просто не располагал сотрудниками, ответственными за эту деятельность. На высшем уровне управления дипломатическим ведомством находились государс-

твенный секретарь кардинал Мальоне и его заместители монсиньоры Тардини и Монтини. Одновременно они соответственно возглавляли 1-ю и 2-ю секции государственного секретариата. В штате имелись также три старших сотрудника, весьма квалифицированных, но крайне перегруженных работой. После смерти Мальоне в августе 1944 года папа в течение долгого времени не назначал его преемника, что еще более ухудшило условия работы дипломатического ведомства Святейшего Престола.

Обстановка в нунциатурах была не лучше. В начальный период войны нунции в Берлине и Париже располагали всего двумя помощниками, апостольские делегаты в Лондоне и Вашингтоне — одним, а делегат в Токио вообще не имел помощника. В 1939 — 1940 годах Ватикан лишился нунциатур в Брюсселе, Гааге, Варшаве и Прибалтийских государствах, их задачи приняло на себя представительство в Берлине во главе с Чезаре Орсенио. Это практически оборвало информационный поток из государств Северной Европы. Главы всех дипломатических представительств вращались в довольно узких кругах, отдавали предпочтение работе с епископами и вообще полагали себя в первую очередь священниками и лишь во вторую — дипломатами. В полном соответствии с этой концепцией получаемая Ватиканом информация с мест была исчерпывающей по церковным вопросам, за исключением обстановки в СССР, зоны германской оккупации на Востоке и оккупированных Японией районов Азии (что в сумме само по себе не столь уж и мало). Зато политические сведения в донесениях появлялись крайне редко, а военные — почти никогда. Единственным исключением являлась Италия, где объем получаемой нунциатурой политической информации составлял существенную часть от ее общего объема. Во многом этому способствовало расположение нунциатуры в Риме, поскольку при ее передаче в государственный секретариат исключалось использование медленных и уязвимых каналов связи.

2-я секция (“ординарных” дел) государственного секретариата отвечала за взаимоотношения с аккредитованными при Святейшем Престоле послами. Как правило, по этому каналу к правительствам поступает довольно заметный объем информации, однако в данном случае это было не так. На первый взгляд, наличие 37 аккредитованных в Ватикане посольств по состоянию на сентябрь 1943 года являлось достаточным для организации процесса сбора разведывательных данных, но реальное положение дел оказалось не столь благополучным. Значительную часть списка составляли представительства таких государств как Монако, Гватемала, Куба, Сан-Марино и им подобных, чья ценность в этом отношении была ничтожна. Некоторые послы были аккредитованы сразу в нескольких столицах и даже не жили в Риме. Например, посол Либерии постоянно пребывал в Брюсселе, послы Коста-Рики и Никарагуа — в Париже. Ряд правительств (Боливия, Эквадор, Гаити и некоторые другие) вообще не потрудились назначить глав своих дипломатических представительств, и те существовали только на бумаге. Посол Панамы исчез в 1929 году, то есть почти немедленно после образования государства Ватикан, и панамский МИД даже не счел нужным поинтересоваться его судьбой. Да и реально действующие послы, как правило, были не лучшими представителями своих министерств, поскольку аккредитация при Святейшем Престоле часто являлась всего лишь синекурой для престарелых дипломатов. Очевидно, что и на этом направлении разведывательные возможности Ватикана были крайне ограничены.

Не могла полноценно вестись и разведка по открытым источникам, не только в силу отсутствия специализированного органа, но и из-за проблем с доставкой иностранной прессы. Газеты, за исключением итальянских и швейцарских, прибывали в Ватикан не ранее двух недель с момента выхода в свет, поэтому большая часть сохранившихся там сведений безнадежно устаревала.

Что касается Бюро информации Ватикана, абсолютно безосновательно рассматриваемого многими исследователями³¹⁰ в качестве специализированного разведывательного органа Святейшего Престола, то в его обязанности входили совершенно иные задачи. Это возглавлявшееся выходцем из России епископом Евреиновым учреждение в первую очередь занималось розыском пропавших без вести в обстановке войны католиков, накоплением сведений о них и помощью всем, кто обращался с запросами о пропавших. Раскинувшаяся по всему миру разведывательная сеть из священников и епископов являлась плодом фантазий непосвященных, поскольку Святейший Престол не только не мог, но и не желал использовать церковные структуры в этих целях. Никакие задания по сбору информации до епископов не доводились, и они предоставляли ее лишь по собственной инициативе, причем по проблемам, не имеющим отношения к религии — в весьма редких случаях. Кроме того, как

уже отмечалось, необходимый компонент любой разведывательной сети представляют быстродействующие и безопасные каналы связи, в данном случае полностью отсутствовавшие. Радиосвязь Ватикана с нунциатурами, апостольскими делегациями, епархиями или иными структурами за рубежом отсутствовала, телеграфные и телефонные каналы контролировались вначале Италией, а затем Германией, дипломатические курьеры (“специальные посланники”) ездили в другие государства редко. Поэтому почта обычно накапливалась в Берне или Мадриде, откуда доставлялась в Ватикан или обратно совершенно нерегулярно. Относительно постоянное обслуживание нунциатур и апостольских делегаций началось только после освобождения Рима от германской оккупации, когда в государственном секретариате была образована небольшая курьерская служба, охватывавшая, однако, не все государства. Уже упоминались проблемы с шифрами, полностью исключавшие безопасность переписки и соответственно не позволявшие использовать обычные каналы связи для передачи особо секретных сведений.

* * *

В целом можно констатировать, что с разведывательной точки зрения Ватикан представлял собой один из самых грандиозных и устойчивых мифов, в плену которого некоторые исследователи пребывают и по сей день. Во Второй мировой войне Святейший Престол оставался одним из наименее информированных в политическом отношении государств, а его роль в мировом процессе оказалась значительно меньшей, нежели ожидалось. Даже проходившие при активном участии католической церкви тайные “римские переговоры” о заключении мира оказались практически безрезультатными и стоили жизни многим причастным к ним людям. Справедливости ради следует отметить, что Пий XII и его окружение были отнюдь не свободны в выборе линии поведения. Нейтральный статус Ватикана являлся весьма хрупкой защитой, и Святейший Престол в любой момент могла оккупировать вначале Италия, а с сентября 1943 года — Германия. Папа опасался давать потенциальным агрессорам любой повод для вторжения, противостоять которому он не мог в принципе, и поэтому вел себя крайне осторожно. Ему удалось сохранить государственность Ватикана, но платой за это стала существенная потеря престижа католической церкви в глазах многих верующих и значительной части мирового сообщества.

СВОБОДНОЕ ИРЛАНДСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В период Второй мировой войны Ирландия имела статус доминиона в Британском Содружестве наций, но при этом совершенно не спешила объявлять рейху войну, хотя по собственному желанию ирландцы свободно могли вступать в британские вооруженные силы. Вместо этого Дублин объявил о своем нейтралитете, весьма дружелюбном по отношению к Германии, воевавшей с ее многолетними угнетателями. Ирландцы никогда не забывали о шести оставшихся под управлением Лондона северных графствах, и напряженность между метрополией и доминионом не спадала. Она доходила до того, что британских летчиков, по техническим причинам совершавших вынужденную посадку на его территории, интернировали и, вопреки всем протестам Форин офис, до конца войны содержали в специальных лагерях. Естественно, что проведение любых разведывательных операций с территории Ирландии исключалось в принципе. Лишь разведка Адмиралтейства по согласованию с правительством страны имела право в любое время проинспектировать произвольно выбранный участок побережья, чтобы убедиться в отсутствии там секретных пунктов снабжения германских подводных лодок. Однако даже самые горячие головы в дублинском руководстве не решались нарушить нейтральный статус государства, поскольку принимали в расчет вполне реальную угрозу ответных действий со стороны Лондона. Вследствие этого демонстративное выражение симпатий к нацистской Германии не влекло за собой никаких реальных последствий, и немцы не имели в Ирландии особых преимуществ. Германский посол в Дублине³¹¹ доктор Эдуард Хемпель крайне редко позволял персоналу проводить нарушающие нейтралитет страны пребывания операции, а довольствовался размещением в здании миссии мощного коротковолнового передатчика. Союзники неоднократно обращались в МИД Ирландии с требованием закрыть эту радиостанцию, но результатов не добились. Однако агентурные операции с позиций миссии исключались, за чем наблюдали Особый отдел полиции безопасности “Гарда” и Разведывательная служба штаба ирландской армии G2. Тем не менее, как минимум, дважды миссия все же приняла некоторое, хотя и косвенное участие в операциях абвера и СД-аусланд в Ирландии. Глава правительства государства Имон де Валера предпочел закрыть на это глаза.

Ирландия не считалась в Берлине объектом, представляющим самостоятельный оперативный интерес. Ее стратегическое значение было довольно велико, но лишь в привязке к недолго существовавшему в реальности плану вторжения на Британские острова — операции “Зеелев”. В его рамках ОКВ разработало операцию по захвату острова (план “Грюн”), разведывательное обеспечение которого (операция “Лена”) возлагалось на абвер. Дополнительно к основной задаче агенты по мере своих возможностей должны были добывать информацию о движении конвоев и передавать метеосводки и прогнозы погоды в интересах люфтваффе и кригсмарине.

Германия располагала в Ирландии весьма ограниченной опорой для оперативной работы. Местная диаспора подданных государств “оси” к 1939 году насчитывала менее 200

немцев (из них 30 членов НСДАП), 54 австрийца и немногим более 100 итальянцев. Отделением Зарубежной организации НСДАП (АО) в Дублине до июля 1939 года руководил директор Национального музея доктор Адольф Марр, личность весьма влиятельная. Достаточно сказать, что в 1934 году ему удалось добиться отзыва конфликтовавшего с ним посла доктора Георга фон Дена и дискредитировать поверенного в делах Германии в Дублине Эрнста Шроттера. Перед началом Второй мировой войны Марр убыл в Берлин, где возглавил ирландский сектор МИД и параллельно с этим занял пост руководителя пропагандистского радиовещания на Ирландию. В Дублине действовала и итальянская фашистская организация имени Микеланджело, руководимая преподавателем колледжа Святой Троицы графом Эдуардом Томачелли. Практически никто из проживавших в стране немцев или итальянцев не использовался в агентурных операциях, в первую очередь по причине пристального внимания к этому контингенту со стороны местных органов безопасности.

Германская разведка, точнее, абвер (в описываемый период СД-аусланд к работе на британском направлении не допускалась), в качестве вербовочной базы рассматривало не немецкую диаспору, а ирландских националистов, в первую очередь сторонников и членов ИРА, которых полагали естественными союзниками рейха в борьбе против Британской империи. При этом Канарис и Риббентроп не могли не учитывать международно-правовые и пропагандистские реалии, а потому внешне старались дистанцироваться от экстремистского крыла ИРА. Любопытно, что в предвоенный период немцы первоначально считали эту организацию преступной и именовали ее не иначе, как “так называемой Ирландской республиканской армией” или просто бандой террористов. Однако позднее тон официальной пропаганды Берлина в корне изменился, ее членов стали рассматривать как борцов против колониального гнета, а абвер и СД безосновательно полагали ИРА весьма могущественной организацией.

Убежденность немцев в благожелательном отношении ИРА к рейху была излишне оптимистичной. Часть руководителей и членов Ирландской республиканской армии действительно ориентировалась на германское содействие в борьбе за воссоединение страны, но другие не соглашались принимать иностранную помощь, отчасти по идеологическим причинам, отчасти из опасения скомпрометировать собственную организацию связями с чужой разведкой. Следует отметить позицию ирландского руководства в отношении ИРА. Фактически эта подпольная организация стремилась к достижению тех же целей, что и официальный Дублин, а именно — к объединению Ирландии путем отторжения от Британской империи шести северных графств. Различие было лишь в средствах, которые планировалось использовать для решения поставленной задачи. ИРА делала ставку на террор, а руководство Ирландии не могло позволить себе этого и ограничивалось мирными (и абсолютно неэффективными) политическими методами. Де Валера и большинство министров его кабинета не питали абсолютно никаких иллюзий в отношении прогнозируемой реакции Лондона на доказанное участие своих официальных структур в силовых акциях сепаратистов, поэтому незадолго до начала войны премьер распорядился создать временную миссию связи ирландских секретных служб (“Дублинская связь”) с их британскими коллегами, а именно МИ-5 и в меньшей степени — МИ-6. Ее задача заключалась в обмене информацией о действиях иностранных спецслужб на территориях обоих государств, затрагивающих их безопасность. “Дублинская связь” служила связующим звеном и для криптоаналитиков. Примером та-

Ричард Хейес

кого сотрудничества может являться эпизод с вскрытием главным криптографом ирландской армии доктором Ричардом Хейесом в марте 1943 года системы ручных шифров абвера. Ирландские специалисты справились со своей задачей в принципе, но прочесть тексты конкретных перехваченных радиogramм не могли из-за незнания ключевых слов. Англичане же располагали их списком, зато не сумели справиться с самим шифром из перехватов ISOS. Повышенные меры секретности категорически

Дэн Брайен

воспрещали передачу ирландцам полученной в операции “Ультра” информации, и тогда через “Дублинскую связь” Хейес просто передал в ШКПС свои разработки абверовского шифра.

Как указывалось ранее, оперативная работа в области контрразведки в Ирландии возлагалась на военную разведку G2 и Особый отдел полиции безопасности “Гарда”. До середины 1941 года G2 возглавлял полковник Лайэм Арчер, а после его назначения помощником начальника штаба ирландской армии — полковник Дэн Брайен. G2 координировала действия всех оперативных органов государства, к которым, кроме “Гарды”, относилась также Вспомогательная разведывательная служба (СИС) Сил местной самообороны (ЛДФ). Она была создана в июне 1942 года для содействия регулярной разведывательной службе в районах расположения важных объектов Южного командования армии и фактически отвечала за тактическую разведку, контрразведку и поддержку G2 в случае вторжения. Военная разведка также сформировала периферийные подразделения во всех четырех командованиях ирландской армии, но ее максимальная штатная численность в период войны не превышала 40 человек.

Вне зависимости от личных симпатий и политических взглядов отдельных политических и военных деятелей Ирландии, основным объектом ее спецслужб внутри государства являлась ИРА, способная втравить страну в самоубийственный конфликт с Великобританией. Наибольшее опасение в Дублине вызывало экстремистское крыло организации, угрожавшее проведением терактов против ряда деятелей правительства, недостаточно активно, по мнению его участников, боровшихся за возврат северных графств. Вероятность появления многочисленных иностранных (не британских) агентов на территории Ирландии первоначально считалась крайне низкой, однако уже в начале 1939 года стало ясно, что в случае войны страна может стать плацдармом для заброски немецких нелегалов через ее северную границу. Эта оценка оказалась абсолютно справедливой. С началом войны абвер и в самом деле активизировал свои предвоенные наработки в Ирландии. Как уже указывалось, 29 октября состоялся первый сеанс связи с Берлином передатчика, полученного от немцев Джеймсом О’Донованом. После некоторого перерыва линия заработала вновь, о чем журнал боевых действий Абт-II упоминает следующим образом: “С помощью кодового радиосигнала контакт с ИРА, прерванный на несколько недель, был снова установлен. Главный агент просит о переброске оружия и иного снаряжения. Однако он не указывает, какой способ транспортировки возможен в данный момент”³¹². Немцы не знали об одной существенной детали, способной повергнуть в ужас любого профессионального разведчика. В ноябре 1939 года руководители ИРА решили использовать мощный 100-ваттный передатчик для подпольного пропагандистского радиовещания, причем для охвата возможно большей аудитории объявили точное расписание сеансов и частоту трансляции. Естественно, что уже 29 декабря радиоконтрразведывательное подразделение “Гарды” смогло захватить станцию вместе с документами связи с Германией.

Начавшиеся боевые действия на море и блокада Британских островов практически прервали приток денег, оружия и снаряжения для ИРА из США и вынудили экстремистов искать альтернативные источники снабжения. Для начала они совершили налет на армейский арсенал в Дублине, где захватили более миллиона патронов к стрелковому оружию. Хотя вскоре полиция сумела обнаружить и изъять большую часть похищенного, операция имела колоссальный пропагандистский эффект и, в частности, убедила немцев в силе и влиятельности Ирландской республиканской армии. В абвере и МИД сочли, что организация представляет собой готовое и полностью боеспособное вооруженное подполье, на которое можно рассчитывать в планировании подрывных действий на Британских островах. Эта ошибка повлекла за собой весьма негативные последствия.

Правительство Ирландии весьма резко прореагировало на столь дерзкую акцию и немедленно ужесточило законодательство. Теперь смертная казнь могла быть применена, в частности, к лицам, виновным в совершении государственной измены, написании или получении угрожающих общественной или национальной безопасности посланий, незаконном хранении оружия или боеприпасов, изготовлении или хранении взрывчатых веществ и пособничестве указанным деяниям. Все изменения в законодательстве были прямо адресованы экстремистам из ИРА, для которых нападения на государственные арсеналы стали теперь

слишком рискованными. У них оставался единственный возможный источник снабжения — германская разведка, контакт с которой после захвата передатчика О’Донована был утрачен. В январе 1940 года симпатизировавший ИРА ирландский писатель Фрэнсис Стюарт взялся восстановить связь и с этой целью под предлогом необходимости лечения легких на швейцарском курорте с помощью германского посла вместе с женой отправился в Берлин.

Выбор ИРА был не вполне удачен. G2 и “Гарда”, для которых политические взгляды писателя не являлись секретом, уже давно установили за ним наблюдение и перлюстрировали его корреспонденцию. Не остались незамеченным и встречи Стюарта перед поездкой с начальником штаба ИРА Стивенем Хейесом (не путать с криптоаналитиком доктором Ричардом Хейесом), Джеймсом О’Донованом и некоторыми другими руководителями организации, поэтому легендирование выезда необходимостью лечения не ввело никого в заблуждение. Зато в Берлине Стюарту поверили далеко не сразу. Лишь наведенные по линии II отдела абвера справки доказали искренность намерений писателя и избавили его от ареста и допроса в гестапо. После этого немцы наконец узнали о причинах провала линии радиосвязи и со вниманием отнеслись к необходимости возобновления контакта с сепаратистами.

Абвер интересовали и иные возможности на острове. Его руководители вполне осознавали, что ИРА находится под пристальным наблюдением ирландских и британских оперативных органов, и что поддержание связи с ней чревато провалами. Настоятельно требовалась заброска не зависящих от сепаратистов агентов в первую очередь для проникновения в Северную Ирландию и далее в Великобританию. Тем не менее, ИРА оставалась в приоритетном списке союзников, и возобновить связь с ней следовало во что бы то ни стало. Первым из серии направленных к сепаратистам курьеров стал 61-летний Эрнст Вебер-Дроль, весьма колоритная личность. Этот бывший профессиональный борец и цирковой штангист (“Могучий Атлас”), в течение последних предвоенных лет зарабатывавший на жизнь хиропрактикой, некоторое время проживал в Ирландии и имел там двоих внебрачных детей. Его задание первоначально предусматривало только курьерскую миссию, а именно передачу денег и инструкций, с последующим возвратом через нейтральные государства. Однако после провала радиопередатчика О’Донована стало ясно, что непрофессиональным и импульсивным ирландцам нельзя поручать такое ответственное дело, как организация линии связи. Вместе с Вебер-Дролем на подводной лодке U-37 должен был отправиться радист. Из-за сложной ледовой обстановки выход в море в течение некоторого времени откладывался, и тем временем он успел передумать. За 48 часов до отхода в рейс агент отказался выполнять задание, поэтому Вебер-Дроль с передатчиком отправили без него. Командир U-37 доложил, что в ночь с 8 на 9 февраля 1940 года агент высадился на берег бухты Киллала в резиновой лодке без осложнений, но сам Вебер-Дроль впоследствии заявил, что его лодка перевернулась, и рация утонула. Проверить истинность этого утверждения невозможно, скорее всего, агент просто решил избавиться от обременительного и крайне опасного груза. После высадки Вебер-Дроль без помех преодолел 100 миль по ирландской территории и вышел на явку с О’Донованом. Доставленные им инструкции предписывали ИРА оставить в покое британские гражданские объекты и сосредоточиться на военных целях, а также направить в Германию офицера связи с информацией о потребностях организации в снабжении и денежных средствах. Курьер привез новое расписание связи, новый конспиративный адрес для переписки, адрес и пароль для явки с другим агентом абвера, названным в документах “доктором Шмельцером”. Из причитавшихся ирландцам 15000 фунтов О’Донован получил 14450, а недостающие, по заявлению Вебер-Дроля, утонули вместе с передатчиком.

После выполнения задания агент попытался осесть в Ирландии в ожидании удобного случая покинуть страну, но 24 апреля был арестован контрразведчиками “Гарды”. Доказательства его шпионской

Эрнст Вебер-Дроль выполняет цирковой номер

деятельности отсутствовали, поэтому ему предъявили обвинение лишь в незаконном въезде на территорию государства. В судебном заседании бывший борец утверждал, что его единственной целью являлось стремление воссоединиться с детьми. Антианглийски настроенный судья заметил, что это заявление трудно проверить, но в него и трудно поверить, однако приговорил Вебер-Дроля лишь к символическому штрафу в 3 фунта и не подверг его практически обязательному в аналогичных случаях интернированию, а отпустил из зала суда. Тем не менее, начальник G2 полковник Арчер мыслил реалистично и представлял, что подобное буквально издевательское решение может повлечь за собой крупные неприятности, вплоть до британской оккупации страны под предлогом обеспечения внешней безопасности. Поэтому он принял единственно разумное решение и 27 апреля убедил коллег из “Гарды” повторно арестовать Вебер-Дроля, чем снял возникшую было напряженность. Курьер абвера не смирился и потребовал освобождения, подкрепив свои претензии голодной забастовкой. К этому времени контрразведка успела проверить рассказанную агентом идиллическую историю об оставшихся без отца детях и обнаружила множество доказательств того, что они не интересовали его никогда. Однако неожиданно вся история получила широкий резонанс в прессе, и под давлением ряда политических сил в ирландском руководстве 4 мая 1940 года Вебер-Дроля выпустили на свободу. По мнению G2 и “Гарды”, после освобождения он продолжал нелегальную деятельность, хотя и в скромных масштабах. Перлюстрация его корреспонденции с Италией вызывала подозрения в передаче разведывательной информации с помощью простого словесного кода, хотя доказать это так и не удалось.

Другим получившим известность германским агентом в Ирландии являлся Вильгельм Претц. Он появлялся в стране еще в довоенный период, в 1935 году женился на Саре Джозефине Рейнольдс и в 1939 году сумел добыть ирландский паспорт на имя Патрика Джона Митчелла, настоящий владелец которого в это время находился в эмиграции в Австрии. В ноябре 1939 года “Гарда” объявила розыск попавшего в ее поле зрения “Митчелла” за нелегальный въезд на территорию страны, но не имела никакого представления ни о подлинном имени этого человека, ни о его принадлежности к германской спецслужбе. Сам же Претц в это время почувствовал опасность и по запасным документам уехал в Дублин, где на некоторое время затерялся. Летом 1940 года у агента возникли проблемы с соседями, жаловавшимися на его постоянные попойки, шум и сменявших друг друга женщин легкого поведения. Одновременно ирландские радиоконтрразведчики начали перехватывать работавший в столице передатчик, плохо подготовленный оператор которого передавал со скоростью 14 слов в минуту, ошибался в знаках и из-за этого постоянно повторял свои сообщения. На рации с позывными LMR, позднее REE и LMZ работал Претц, проводивший первый сеанс связи через три недели после прибытия в Дублин. Его очень быстро засекали и арестовали, захватив при этом массу вещественных доказательств шпионской деятельности. Помимо рации и наушников, контрразведчикам досталась шифровка объемом в 174 знака, пометки на которой позволили дешифровать предыдущие сообщения. К разочарованию следователей, они в основном содержали жалобы на плохую слышимость и просьбы о смене частот. Метеосводки также не представляли для немцев никакой ценности, поскольку основывались на собственных визуальных наблюдениях не имевшего метеорологических инструментов Претца и взятых из английских газет прогнозах погоды (в ирландских газетах во время войны печатать прогнозы запрещалось). Интерес контрразведчиков вызвала весьма искусно оформленная шифровальная книга, обложка и первые страницы которой были взяты из романа Фрэнсиса Харта “Дыра во тьме”, а страницы 7 — 274 — из романа Кэтрин Мэнсфилд “Журнал”. Ключ составлялся из текущей даты и номера месяца, к которому прибавлялось случайное число от 1 до 23. Конечная сумма цифр полученного результата указывала на номер страницы книги, на которой отыскивалась ключевая фраза. Первые буквы слов ее левого поля составляли ключевое слово, вписывавшееся в квадрат 5 x 5, с помощью которого шифровалось сообщение. Полученный текст записывался в решетку 10 x 20 и передавался в порядке номеров букв ключевого слова. При дешифровке криптоаналитик G2 Ричард Хейес обнаружил в радиограммах Претца ссылки на некоего агента “Бэйтса”, которого, однако, так никогда и не удалось раскрыть. Реальность его существования косвенно подтверждается перехватами сообщений из Германии с позывными DES, не принадлежавшими ни одному из раскрытых агентов. Следует отметить, что параллельно с Митчеллом полиция разыскивала и Претца из-за его исчезновения в ноябре 1939

года, и после ареста радиста была приятно удивлена одновременным закрытием сразу трех розыскных дел.

Через Претца контрразведка вышла на «итальянский след». Некоторые из проживавших в Ирландии граждан Италии помогали немецкому агенту, в связи с чем сотрудники «Гарды» провели обыски у Санте Стаффичери и Антонио Форте, а также допросили Жерардо-Велла. Итальянский посол в Дублине Винченцо Бернардиса пожаловавшегося на произвол полиции, но его протест остался без последствий. Итальянцы вообще находились под постоянным наблюдением, а трое из них в ходе войны вызвали особые подозрения. Альберт Аркари, бывший казначей ячейки итальянской фашистской партии в Лидсе, в сентябре 1939 года перебрался в Ирландию и таким образом смог избежать интернирования. В январе 1943 года он получил по почте из Британии экземпляр газеты «Дейли Мейл» с вложенной в него запиской, в которой неизвестный отправитель выяснял у Аркари, заплатит ли «Фриц» за передатчик. Итальянец находился в параллельной разработке «Гарды» и G2, поэтому наружное наблюдение за ним было весьма плотным, а перлюстрация корреспонденции — сплошной. Подозрительная записка сразу же попала к контрразведчикам, но на допросе Аркари отговорился тем, что не имеет понятия ни о передатчике, ни о «Фрице», ни о личности отправителя. Дальнейшая разработка итальянца оказалась безрезультатной, однако он допустил ошибку, не зарегистрировавшись в качестве иностранца, и дал полиции основания для своей депортации. Вместе с Аркари такой же процедуре подверглись его племянник Эрнесто Яконелли и другой член бывшей фашистской ячейки в Лидсе Антонио Стачано.

Перечисленные мелкие агенты и курьеры не играли серьезную роль в организации нелегальной деятельности германской разведки в Ирландии. Иначе обстояло дело с Германом Герцем, после выхода из британской тюрьмы вернувшимся в Германию и в январе 1940 года все же зачисленным в абвер. Первоначально он проходил службу в 800-м отдельном учебном строительном батальоне (батальон особого назначения «Бранденбург») и бомбардировал командование предложениями забросить его в Великобританию. Инициативы столь активного сотрудника вызвали немалое раздражение, однако игнорировать их было бы просто неразумно. Вскоре Герца отозвали из «Бранденбурга», прикомандировали к Абт-II и начали готовить к заброске в Ирландию. Это решение являлось, мягко говоря, не вполне оправданным, учитывая широкую огласку его поимки и осуждения в 1935 году, когда газеты пестрели фотографиями шпиона и описанием его внешности. Тем не менее, в абвере все же решились направить его на работу с нелегальных позиций. Во избежание предъявления обвинений в нарушении законов войны, Герцу выдали солдатскую книжку люфтваффе на имя лейтенанта резерва Хайнца Крузе, которую он по рассеянности разборчиво подписал: «доктор Герман Крузе». Никто из руководителей агента не заметил этого. Десантироваться Герц («Глика») должен был в шинели люфтваффе, то есть в военной униформе, что случае поимки позволяло ему претендовать на статус военнопленного. Следует подчеркнуть, что сам он никогда не именовал себя агентом, а постоянно настаивал на титуле «представителя главного командования вермахта». Это совершенно не соответствовало действительности, но, с одной стороны, тешило его самолюбие, а с другой — повышало его статус в глазах представителей Ирландской республиканской армии. Целями операции «Майнау», как именовалась заброска Герца, являлись: установление безопасной линии связи между Ирландией и рейхом, изучение взаимоотношений ИРА с правительством, побуждение ее к диверсиям против британских объектов в Ольстере и сбор важной информации военного характера. Ни Канарис, ни Пикенброк, ни Лахузен не надеялись на получение существенных результатов, но в данный момент это было лучшее, на что они могли рассчитывать на ирландском направлении. 5 мая 1940 года Герц приземлился с парашютом в стране назначения.

Первоначально он поместился в доме Стивена Кэррола Хельда, сына поселившегося в Дублине в 1880 году немецкого торговца стальными листами и ирландки. Герц был знаком с ним еще по Германии, куда тот прибыл в апреле 1940 года по просьбе Хейеса и О'Донована в качестве офицера связи ИРА с абвером. Первоначально контакт Хельда с германскими разведчиками был заморожен. Он сильно нервничал, не предъявил оговоренный вещественный пароль в виде половины фунтовой банкноты и вызвал подозрение самой своей фамилией, случайно совпавшей с псевдонимом направившего его в Германию О'Донована, а потому звучавшей весьма подозрительно. Кроме того, Хельд привез с собой крайне авантюристичный и очень походивший на провокацию план захвата Северной Ирландии совместным ударом

вермахта и ИРА. Он утверждал, что представляемая им организация может выставить до 50 тысяч бойцов, к чему скептически отнеслись даже немцы, всегда превышавшие численность и боеспособность своих потенциальных союзников. Вскоре руководство АСТ-Гамбург, первоначально полагавшее Хельда британской подставой и отказавшееся сотрудничать с ним, убедилось в ошибочности своих подозрений и направило его в центральный аппарат в Берлин, незаметно показав Герцу в качестве возможной связи в Ирландии. В германской столице Хельд пробыл три дня, после чего отбыл на родину через Бельгию. На границе с эмиссаром ИРА, стремившимся скрыть от властей Ирландии факт своего визита в Германию, произошел досадный инцидент. Никем не предупрежденный офицер пограничной полиции в соответствии с правилами поставил в его паспорте отметку о выезде из страны, чем поверг ирландца в панику. Однако штамп смыли лосьоном, и недоразумение было исчерпано.

Долго прожить Герцу в доме Хельда не пришлось. Вечером 22 мая 1940 года разведчик увидел стоящую у дома автомашину и счел за благо исчезнуть. Он поступил абсолютно верно. Контрразведчики из полиции “Гарда” действительно обыскали дом и обнаружили в нем массу доказательств пребывания в стране иностранного агента: мундир люфтваффе, парашют, передатчик “Афу”, дневниковые записи Герца и 19 зашифрованных телеграмм, в течение долгого времени не поддававшихся прочтению. Герц избежал ареста, чего нельзя сказать о Хельде, уже на следующий день приговоренном к пятилетнему содержанию под стражей.

Германский разведчик сохранил свободу и все деньги, с которыми никогда не расставаясь, но остался без радиопередатчика и дома-убежища. Его единственная связь с ИРА оказалась оборванной. Герц отправился к супругам Фрэнсису и Айзоулт Стюарт, но к моменту его появления их дом был тоже пуст. Писателя и его жену арестовали 25 мая, и немцу пришлось в течение некоторого времени скрываться в близлежащих зарослях. Он не делал особый секрет из своей национальной принадлежности и вскоре обзавелся рядом контактов из числа антианглийски настроенных местных женщин. Они поочередно предоставляли Герцу убежище в своих домах, а их дети носили ему еду.

В описываемый период операция по вторжении вермахта в Великобританию “Зеелеве” еще не перешла в разряд отложенных или дезинформационных, а рассматривалась в качестве ближайшей перспективы развития войны. По указанной причине ОКВ было крайне заинтересовано в ирландском плацдарме, а аналитики подсчитывали, какое количество продовольствия рейх сможет вывозить из страны после ее оккупации. Строго говоря, в Берлине надеялись, что высадка в Ирландии станет не оккупацией, а скорее транзитом через территорию дружественной державы к границе Северной Ирландии. В связи с этим в глазах германского руководства особую важность приобретала позиция Дублина и возможность использования ИРА для дестабилизации ситуации в Ольстере. Именно в этом ключе и собирался строить свои взаимоотношения с сепаратистами Герц, не посвященный, естественно в стратегические планы своего командования, но догадывавшийся о его возможных намерениях. Следует подчеркнуть, однако, что заброска агента “Глика” была произведена еще до начала разработки операции “Зеелеве”, поэтому он не имел и не мог иметь указаний о побуждении ИРА к вооруженному выступлению в случае вторжения вермахта в Ирландию. Герц по собственной инициативе старался активизировать экстремистское крыло организации и подтолкнуть его к акциям в Ольстере, но в 1941 году натолкнулся на неприятие этого проекта со стороны исполняющего обязанности начальника штаба ИРА Стивена Хейеса. В результате отношения этих двух людей обострились до крайности, и немец счел свою миссию на острове оконченной. Он дважды неудачно пытался покинуть Ирландию на принадлежащем ИРА рыболовецком судне “Вэнчер” и винил в срыве своих попыток Хейеса, которого подозревал в сотрудничестве с правительственными спецслужбами. Дополнительным основанием для подозрений стала их случайная встреча, на которой руководитель подпольной организации находился в обществе детектива Особого отдела “Гарды” Джеймса Крофтона. Герцу было неизвестно, что тот является агентом Хейеса в полиции, причем весьма ценным, проработавшим на ИРА вплоть до своего ареста 20 февраля 1941 года. Напряжение нарастало.

Тем временем “Глика” пытался создать собственную, независимую от ИРА агентурную сеть, однако его успехи в качестве резидента оказались весьма скромными. Основной вербовочный контингент Герца составляли его сексуальные партнерши, разведывательные возможности которых были крайне ограниченными. Правда, он заявлял о наличии у него

другой сети в Северной Ирландии, но проверить это сомнительное утверждение не представляется возможным. По мнению ряда исследователей, если таковая и существовала, то укомплектована она была неподготовленными и незнакомыми с военной спецификой людьми, что совершенно обесценивало их роль в военной разведке. Скорее же всего, этими утверждениями Герц просто пытался прикрыть собственное бездействие на столь важном направлении. Резидент испытывал значительные трудности с установлением линии радиосвязи. Он сумел добыть два передатчика и обучил радистов работе на них, но оба аппарата оказались крайне маломощными, способными поддерживать связь на дальности не более 10 – 15 миль, то есть заведомо менее расстояния до оккупированной немцами Франции. Это выяснилось в октябре 1940 года, а действительно способный связываться с абвером передатчик появился у Герца лишь в июле следующего года.

Несмотря на крайне плохие личные отношения с немцем, Хейес попытался стать выше них и помочь ему. Однако все это наложилось на периодические запои и непрекращающиеся конфликты исполняющего обязанности начальника штаба с белфастской и коркской бригадами ИРА, подорвавшие его авторитет в организации. Вдобавок в 1940 и 1941 годах “Гарда” провела широкие аресты среди членов ИРА, в связи с чем неожиданно для самого германского резидента его прежние обвинения Хейеса в двойной игре подхватили некоторые ирландцы. Офицер белфастской бригады ИРА Шон Мак-Коги безосновательно решил, что немцы поддержат его действия по перевороту внутри организации. 30 июня 1941 года он арестовал Хейеса и доставил на конспиративную квартиру. Там смещенного руководителя ИРА избили, судили и приговорили к казни с отсрочкой исполнения для покаяния и дачи письменных показаний. Вместе с Хейесом был арестован и тоже избит его двоюродный брат Лоуренс де Лэйси, но ему удалось бежать. Впоследствии Герц приписывал себе ведущую роль в дальнейшей судьбе приговоренного и докладывал: “Руководители ИРА... объяснили мне, что многочисленные предательства в руководстве ИРА вновь и вновь указывали на Хейеса, так что они решились на его арест и допрос. Он уже сознался и в настоящее время записывает это. [Они спросили], располагаю ли я доказательствами против него... Затем меня спросили, желаю ли я его расстрела. Этот вопрос оказался для меня совершенно неожиданным. Я попросил несколько минут на размышление. Они хотели вручить судьбу Хейеса в мои руки. Когда молодые руководители ИРА спрашивали, что им следует делать, они вручали в мои руки не номинальное, но практическое руководство ИРА, мне следовало только отдать приказ о казни Хейеса, и я стал бы их лидером”³¹³.

Все это являлось не более, чем хвастовством. Герц никогда не имел ни одного шанса возглавить ИРА, не только по причине своей связи с малочисленным экстремистским крылом организации, но и из-за менталитета сепаратистов, ни при каких обстоятельствах не согласившихся бы признать своим руководителем иностранца. Однако в Берлине этого не знали, и сообщение агента получило заметный резонанс, сам же он прекрасно отдавал себе отчет в бесперспективности своих стараний как направлять действия ИРА, так и увязать устремления ее руководства с ирландскими военными. Герц решил вновь попытаться бежать из Ирландии морем, для чего приобрел небольшую лодку с подвесным мотором. О своей первой попытке, предпринятой 13 августа, он предупредил Абт-II, приготовивший ему встречу в любом из портов побережья оккупированной зоны Франции. Из-за поломки мотора лодка возвратилась. Две последующие, столь же неудачные попытки были предприняты 2 и 20 сентября. К этому времени ситуация с Хейесом претерпела неожиданное и кардинальное изменение. Отчет полиции “Гарда” от 8 сентября 1941 года гласил: “Около 12 часов вчера, 8-го числа текущего месяца, Хейес прибыл в полицейский участок Рэтмайнс с цепями на ногах и револьвером в руке. Он был возбужден, в плохом состоянии, и заявил, что ИРА собиралась застрелить его”³¹⁴. Пленник экстремистов воспользовался притуплением бдительности охранников и бежал. Вопреки убежденности Мак-Когги и его сторонников, Хейес отнюдь не сотрудничал с правительством или британцами, а появился в полиции исключительно в поиске спасения. Все допросы относительно личностей и мотивов его похитителей оказались безуспешными, он не желал помогать следствию и не произнес ни слова, отговорившись тем, что не знает ничего о причинах такого обращения с собой. Давно разыскиваемого за участие в подрывной деятельности Хейеса приговорили к семи годам тюремного заключения, но не остались безнаказанными и его похитители. Мак-Когги арестовали и как гражданина Северной Ирландии передали Великобритании. Уже после окончания войны он умер в результате объявленной в тюрьме голодовки.

На допросах следователи МИ-5 и Особого отдела получили от Мак-Коги показания о контактах с неким “лейтенантом Краузе”, как представился ему Герц. Контрразведка и ранее располагала рядом сведений о пребывающем на территории Ирландии германском агенте, и 27 ноября тот был арестован вместе с одним из ведущих функционеров ИРА Пирсом Полом Келли. В момент задержания Герц громко возмущался, заявлял, что он является лучшим другом Ирландии и фактически выполняет в стране обязанности военного атташе рейха, но это, естественно, не возымело никакого действия. В задержанном немедленно опознали хорошо известного по 1935 году Герца и оповестили об этом прессу, после чего Берлину стало уже невозможно отмалчиваться или представить дело личной инициативой одиночки. Министерство пропаганды рейха решило извлечь хоть какую-то выгоду из ситуации и обнародовало заявление, в котором подчеркивало, что офицер люфтваффе Герц никоим образом вел разведывательную работу и уж тем более не работал против Ирландии, а просто пытался способствовать воссоединению страны на нейтральной основе.

Еще одним заброшенным в Ирландию агентом германской военной разведки с предвоенным стажем работы в Великобритании был Вальтер Симон. В 1938 году он впервые посетил Англию, где выполнял задание по линии I“А” АСТ-Гамбург, то есть по военно-воздушному направлению. Оно заключалось в изучении развития аэродромной сети королевских ВВС и уточнении выпуска металлопродукции. В том же году он побывал в Великобритании еще дважды, получив за две первые командировки весьма скромное вознаграждение в 20 фунтов стерлингов. Несмотря на осторожность, его третья командировка в Южную Англию оказалась и последней. Симон приехал туда в декабре 1938 года, немало поездил по региону и успел завербовать двух валлийцев, но 8 февраля 1939 года был арестован как не зарегистрировавшийся в гостинице иностранец. При обыске у него обнаружили изданную германским генеральным штабом карту с кодовыми пометками, после чего контрразведчикам стало ясно, что перед ними не просто забывчивый немец. Допрашивал его известный полковник из МИ-5 Хинчли-Кук, сумевший убедить суд в виновности Симона. Агент был приговорен к небольшому трехмесячному сроку тюремного заключения, по истечении которого покинул Великобританию. Провожавший его Хинчли-Кук пожелал немцу никогда не возвращаться в страну, поскольку в следующий приезд отделаться столь легко ему не удастся.

В период подготовки операции “Зеелеве” абвер остро нуждался в получении регулярных метеорологических сводок и организации наблюдения за экспортными перевозками из портов Северной Ирландии, поэтому вновь, несмотря на расшифровку в предвоенный период, направил Симона на Британские острова. На этот раз агент прибыл в Ирландию со шведским паспортом на имя Карла Андерсона. После высадки с подводной лодки U-38 в ночь с 12 на 13 июня 1940 года он долго шел пешком вдоль железной дороги и привлек к себе внимание иностранным акцентом, а еще более — странным для местных жителей вопросом о ближайшем поезде на Дублин. Его предупредили, что ждать придется долго, поскольку движение по этой ветке прекратилось 14 лет назад. Симону стало ясно, что на имеющуюся у него карту рассчитывать не приходится. Кое-как он пешком добрался до городка Дингл, где в ожидании автобуса слишком много выпил в баре и вызвал подозрение двух сержантов-детективов Колли и Уолша. Они были в штатском и потому сумели ненавязчиво познакомиться с подозрительным иностранцем, после чего сели с ним в дублинский поезд. По дороге полицейские якобы шутивно поинтересовались, не ищет ли их попутчик контакт с людьми из ИРА. В этот момент Симон грубо нарушил инструкции, категорически запрещавшие ему вступать в связь с Ирландской республиканской армией, и утвердительно ответил, что ему нужны Алекс Мак-Кейб и капитан Уолш (совпадение с фамилией сержанта случайное). После этого его судьба была решена. С одной из промежуточных станций детективы предупредили по телеграфу столичную полицию, и “Карла Андерсона” арестовали прямо на перроне столичного вокзала Кингсбридж. Самое любопытное, что вначале легенда Симона о бегстве из Роттердама вызвала доверие, и полицейские уже почти отпустили его, но на всякий случай решили все же проверить по дактилоскопической картотеке. Совершенно неожиданно для себя 27 июня они идентифицировали задержанного с предвоенным германским агентом в Великобритании Вальтером Германном Кристианом Симоном, после чего уже 8 июля он был приговорен к трехлетнему тюремному заключению за нелегальный въезд в страну.

1940 год оказался довольно напряженным для ирландского направления абвера, I и II отделы которого активно отработывали свои обязанности в операции “Лена”. В ее рамках была спланирована серия операций “Хюммель” под руководством майора Клюга из II отдела военной разведки. На первой стадии планировалась заброска в Ольстер трех агентов через Ирландию, что считалось более легким и надежным. Однако это мнение было ошибочным. Единственным преимуществом ирландского маршрута являлось лишь отсутствие для агентов риска получить смертный приговор или попасть в тюрьму на длительный срок, все же остальное оказалось сложнее. Наиболее массовый поток беженцев из оккупированной Европы шел именно в Великобританию, и затеряться в нем было проще, чем среди отдельных прибывающих в Ирландию иммигрантов. Возможно, ирландский маршрут и был бы перспективным, но крайне слабая языковая, общая и специальная подготовка забрасываемых агентов сводила на нет любые выгоды. Первый эпизод в серии операций “Хюммель” датирован 7 июля 1940 года, когда береговой пост наблюдения засек приближение к берегу в районе Тое Хэд, графство Корк, небольшой лодки. Персонал поста проинформировал “Гарду”, однако в нарушение правил забыл продублировать свое сообщение представителю G2. Крохотным суденышком под французским флагом “Суазик” управлял Кристиан Ниссен, перевозивший агентов абвера Герберта Трибуца, Дитера Гертнера и Генри Обеда. Их заброска стала одним из самых курьезных эпизодов тайной войны в Ирландии, и без того не отличавшейся особым напряжением или драматизмом. Первые двое являлись этническими немцами из Юго-Западной Африки, зато третий был чистокровным индийцем из Антверпена. Как могли в абвере рассчитывать на то, что он затеряется среди местного населения, остается загадкой. Естественно, что троица привлекла к себе внимание необычным внешним видом и поведением, а сопоставить их появление с информацией о замеченной накануне лодке труда не составляло. Агенты отправились на автобусе в Корк, где по прибытии всех забрали в полицию. Обыск багажа задержанных оказался весьма результативным. У Трибуца и Гертнера обнаружили 8 зажигательных бомб и запальные трубки к ним, 102 стандартные укупорки артиллерийского пороха, 6 детонаторов, изоленту и другие принадлежности для изготовления взрывных устройств, а также 829 фунтов стерлингов. Передатчик найден не был, возможно, его спрятали где-то на берегу. Обнаруженная книга, скорее всего, являлась шифровой, но доказать это не удалось. Поведение и экипировка арестованных были нелепыми до крайности. Например, в вещах Обеда нашли купальный костюм и лосьон для загара, что совершенно не вязалось с представлениями о нелегальных разведчиках-диверсантах, не говоря уже о индийской внешности их обладателя. Первоначально следователи даже склонялись к мнению о том, что эта заброска в действительности была активным мероприятием британской разведки, преследующим цель создать повод для обвинения Дублина в несоблюдении нейтралитета. Однако позднее они убедились, что все трое действительно являлись германскими разведчиками, хотя на допросах показания давал один Обед. В МИ-5, которой ирландские коллеги предоставили материалы уголовного дела на этих агентов, полагали, что те должны были вступить в контакт с действовавшим в рамках “20-го комитета” Оуэнсом (“Сноу”, “Джонни”). В итоге неудавшейся операции “Хюммель” терпение Канариса истощилось, и он приказал прекратить попытки забросить агентов в Великобританию через Ирландию.

Немцы пытались использовать в своих целях и агентуру совершенно иного рода, а именно высокопоставленных офицеров ИРА. Наибольшие надежды в Берлине возлагались на активно сотрудничавшего одновременно с МИД и абвером Фрэнка Райана. Он воевал в Испании, где в ходе гражданской войны исполнял обязанности командира одной из интербригад, был захвачен в плен итальянскими войсками и помещен в тюрьму в Бургосе. Ирландцы приговорили к смертной казни, однако по негласной просьбе немцев оставили в живых, а в июле 1940 года имитировали его побег. В сопровождении сотрудника КО-Испания Вольфганга Блаума Райана доставили в Пиренеи, переправили на французскую территорию и передали зондерфюреру Курту Халлеру. В заключении ирландец почти оглох и нуждался в серьезном лечении, поэтому германская разведка поместила его на первом классе курорте в Биаррице. Затем перспективного агента перевели в Париж, где поселили в отеле класса люкс, а потом — в Берлин, к находившемуся там бывшему начальнику штаба ИРА Шону Расселу. Следует отметить, что, несмотря на слабость ирландской разведки в Европе, зафиксировать указанные перемещения Райана она сумела.

К этому времени Рассел уже прошел интенсивный курс обучения современной диверсионной технике, в частности, в мае 1940 года в полку “Бранденбург”. Он намеревался

занияться вербовкой добровольцев из числа военнопленных британцев ирландского происхождения, которых планировал на подводных лодках кригсмарине забрасывать в Ирландию. В абвере не верили в возможность развертывания такого массового партизанского движения и рассчитывали скорее на возможности Рассела по приобретению сторонников внутри страны. Начальник Абт-II Лахузен уже согласовал с флотом примерные сроки выделения подводной лодки для заброски в страну бывшего начальника штаба ИРА с двумя передатчиками и определенной суммой денег. Однако операция откладывалась со дня на день, вначале из-за неблагоприятных погодных условий, а затем из-за наступления во Франции. Тем временем в июле в Берлин прибыл Райан, и приблизительно тогда же в абвер поступила информация о провале операции “Хюммель”. В результате Канарис одобрил план операции “Таубе” с участием Шона Рассела (“Ричард 1”) и Фрэнка Райана (“Ричард 2”) без конкретизации целей и задач. Начальник абвера предложил им показать, на что они способны, после чего можно будет вести речь и о более широкой поддержке ИРА. 8 августа 1940 года оба ирландца вышли из Вильгельмсхафена на подводной лодке U-65, но достичь берегов своей страны им не пришлось. Почти сразу же после выхода в рейс Рассел тяжело заболел, а отсутствие на лодке квалифицированного врача, обязанности которого выполнял бывший студент-медик, не позволило ему получить своевременную помощь. После нескольких дней сильных мучений из-за жестоких болей в животе бывший начальник штаба ИРА умер и 14 августа был похоронен в море. После этого продолжение операции “Таубе” стало бессмысленным. Умиравший Рассел не сообщил Райану пароли и процедуру связи, заведомо исключив для напарника любую возможность работы на передатчике. Райан потребовал вернуть его обратно, что и было сделано через две недели, после окончания патрулирования. Известно, что немцы провели тщательное расследование произошедшего, однако в 1945 году его материалы оказались уничтоженными при одной из бомбардировок Берлина.

Судьба Рассела стала известна лишь значительно позднее, а пока ирландская разведка полагала его не просто живым, но и активно действующим. Из отчетов G2 видно, что на протяжении 1940 — 1941 годов спецслужба не имела ни малейшего понятия о его местонахождении. В частности, в январе 1940 Рассела якобы видели на богослужении в церкви Святого Иоанна в Килкенни, в феврале и апреле полагали, хотя и без уверенности, что он находится в Германии, в мае сообщили о его высадке на западном побережье Ирландии, в августе — о высадке с парашютом в графстве Киддэйр, в сентябре он якобы пересек пролив и из Англии прибыл в Белфаст, в ноябре — якобы проживал в 11 милях от Дублина, а в марте 1941 года его “видели” в поезде в окрестностях столицы. После этого сообщения о местонахождении Рассела более не поступали.

Дальнейшая судьба Райана сложилась иначе. В ноябре 1940 года абвер спланировал операцию “Вале” с повторной заброской его в Ирландию на гидросамолете, который должен был приводниться на Ирландском озере. Ее инициаторами, однако, были не разведчики, а дипломаты. Специальный советник МИД доктор Эдмунд Везенмайер, курировавший ирландское направление деятельности германских спецслужб, считал Ирландию не столько нейтральным государством, сколько фактической союзницей рейха. Он постоянно настаивал

Эдмунд Везенмайер

Фрэнк Райан

Шон Рассел

на укреплении связей с ИРА и необходимости создания в стране агентурных сетей для связи с ней. Однако в мае 1941 года операция “Вале” была отменена, вместо нее запланировали заброску Райана с деньгами и радиопередатчиком на западный берег Ирландии, опять-таки гидросамолетом (операция “Зееадлер”). По ряду причин ее также вначале отложили, а затем и вовсе отменили.

Тем временем из-за растущих потерь агентуры абвер постепенно терял монопольные позиции в Ирландии. 21 июня на высшем уровне доктору Веезенмайеру было предоставлено право утверждения или запрета всех проводимых там операций. Действия разведки отныне предполагалось совершать исключительно с оглядкой на возможные политические последствия. Специальный советник МИД более тяготел к СД-аусланд, однако пока позиции абвера были еще достаточно прочны и позволяли военным не допустить на свое направление конкурентов. Веезенмайер одобрил очередной план операции с участием Фрэнка Райана, Хельмута Клиссмана и Бруно Ричера, в задачи которых входило:

- установление контакта с ИРА, включая финансирование, и активизация ее диверсионных действий в Англии;
- налаживание регулярной радиосвязи между ИРА и абвером;
- сбор и передача военной разведывательной информации, в том числе метеосводок;
- подготовка подпольных групп сопротивления на случай британской оккупации Ирландии.

В сентябре 1941 года этот масштабный план доложили Гитлеру, порекомендовавшему отложить его реализацию на более поздний срок. В итоге он так никогда и не был выполнен. Однако Шелленберг при поддержке Веезенмайера не оставлял попытки вклиниться в ирландское направление. В 1942 году аналитики СД и МИД ожидали высадку в Ольстере американских войск, которая должна была стать прологом к оккупации Соединенными Штатами всего острова. В этой обстановке Шелленберг и Веезенмайер совместно разработали план формирования при участии Райана парашютно-десантной группы СС специального назначения для высадки в Ирландии с целью оказания содействия ее армии и отрядам ИРА в организации сопротивления. Добровольцев для этого спецподразделения должен был отбирать Клиссман. Когда выяснилась ошибочность прогнозов разведки и МИД, план отменили, и после этого Райан в операциях секретных служб более не фигурировал. Ирландия собирались использовать в ведении пропаганды, но этому воспрепятствовала его болезнь и смерть в июне 1944 года.

Возвращаясь к “побегу” Райана из испанской тюрьмы, следует отметить роль в нем посла Ирландии в Мадриде Леопольда Керни. Наряду с бывшим послом в Берлине он являлся одним из самых пронацистских дипломатов Дублина, причем его взгляды разделял, если не полностью, то частично, и сам государственный секретарь Ирландии по иностранным делам Джозеф Уолш. Керни стал единственным официальным представителем Свободного Ирландского государства за рубежом, прямое сотрудничество которого с германской разведкой было установлено и доказано. В период с ноября 1941 по июль 1943 года местная контрразведка зафиксировала пять его тайных встреч с Клиссманом, якобы представителем Германской службы по академическому обмену. Последующие заверения немца в том, что он не поставил Керни в известность о своем пребывании на действительной службе в полку “Бранденбург”, вызывают у исследователей серьезные сомнения. Уже с октября 1942 года G2 и МИД Ирландии установили как принадлежность Клиссмана к германским спецслужбам, так и знакомство Керни с этим фактом. Однако ирландский посол, в нарушение установленных правил, проинформировал свой МИД о связи с немцем лишь после официальной ноты британского Форин офис.

Другая операция КО-Испания на ирландском направлении проводилась для организации финансирования резидентуры Германа Герца. С этой целью в Лондон для дальнейшей поездки в Дублин были отправлены два члена “Испанской фаланги”, добравшиеся до Великобритании, однако с германским резидентом в Ирландии так и не встретившиеся. Позднее для этой же цели абвер попытался использовать проживавшую в Мадриде с 1940 года и пытавшуюся получить причитающееся ей наследство ирландку Мэри Мэйнс (“Маргарет”). Она собиралась выполнять не только курьерские, но и организационные задачи, о чем свидетельствует, в частности, одно из перлюстрированных G2 ее писем к подруге Пэгги Дуди: “Можете ли Вы выяснить у Бэзила, есть ли у ИРА представитель в Испании? Я знаю кое-кого, весьма

заинтересованного в этом деле и желающего войти в контакт с ними (испанец), так что не имеет смысла хранить это в секрете”³¹⁵. Мэйнс сумела выполнить задание. В ноябре 1940 года она встретилась в Ирландии с Герцем и доставила ему 10 тысяч фунтов стерлингов, новые симпатические чернила и ключевые слова для шифрования радиogramм, после чего 29 декабря возвратилась в Испанию. Такая рекордная быстрота получения виз в военное время столь незаметной персоной была совершенно беспрецедентной. Въезд и выезд ожидали десятки намного более значительных для Ирландии людей, никто из которых не смог решить эту проблему в такой краткий промежуток времени. “Маргарет” помог Керни, бросивший все более важные дела и оказавший помощь именно агентессе КО-Испания. Этот факт стал достоянием прессы, судя по всему, не без помощи МИ-6 старавшейся дискредитировать посла. Журналист агентства “Айриш Пресс” взял у Мэйнс интервью, в котором, в частности, задал ей прямой вопрос: как стало возможным так блистательно организовать короткую поездку на родину в условиях наличия длинной очереди стремящихся выехать? Женщина не нашлась с ответом и просто заявила, что, по ее мнению, посол занялся ее вопросом по причине отсутствия других желающих совершить поездку из Испании в Ирландию. Эта абсолютная ложь способствовала дискредитации Керни, использовавшего свой пост для решения далеких от подлинной дипломатии задач. Об этом знали и в МИД Ирландии, и в G2, однако никакие меры против посла не предпринимались. Мэйнс внесли в лист контроля G2, что предусматривало обязательный допрос в случае повторного въезда, но при ее окончательном возвращении домой в 1945 году эта санкция к ней так и не применялась.

13 марта 1941 года в Ирландии появился очередной агент абвера Гюнтер Шютц. Этот уроженец Юго-Западной Африки сотрудничал с военной разведкой рейха с 1938 года и до августа 1939 года находился в Великобритании. После начала войны его призвали на службу и зачислили в подразделение экономической разведки АСТ-Гамбург. До заброски в Ирландию Шютц выполнил в странах Европы ряд заданий по установлению связи. В декабре 1940 года он вернулся в Гамбург, где начал готовиться к нелегальной заброске в Северную Ирландию для работы по линиям I“А”, I“М” и I“Ви”. Из-за трудностей с доставкой агента морским путем было решено организовать его легальный въезд через Ирландию по документам беженца, польского еврея Юдела Ротменша. Однако поверенный в делах Ирландии в Берлине Уильям Варнок отказал Шютцу в выдаче визы. Он отметил, что заявитель внешне не похож на еврея, предъявил не польский, а эмигрантский паспорт и в довершение всего явился в посольство в сопровождении офицера СС Людвиг Мюльгаузена. После такого позорного провала легенды Шютц вспомнил о существовании своего друга-южноафриканца Ганса Маршнера и добыл его подлинный паспорт. Специалисты вклеили в документ фотографию агента, но вторично являться в посольство Ирландии было уже неммыслимо. Руководство абверштелле приняло решение забросить его по воздуху, но планировавшийся на июль 1940 года вылет отменили из-за плохой погоды. В ожидании благоприятных метеоусловий Шютца отправили в Париж, где ему объявили об изменении планов и предстоящей заброске непосредственно на территорию Великобритании. Это требовало проведения нового курса подготовки, продолжавшегося два месяца. После долгого ожидания вконец изведшегося агента снова переориентировали на заброску в Ирландию летом будущего года.

Вернер Унланд

12 марта 1941 года он вылетел из Амстердама на бомбардировщике Хе-111 и благополучно приземлился с парашютом в намеченном месте, но почти сразу же был остановлен и обыскан патрулировавшими этот район сотрудниками “Гарды” Фулэмом и Фицпатриком. Даже поверхностный досмотр чемодана агента дал контрразведчикам достаточно улик для взятия его под стражу, хотя первое время Шютц и пытался доказать свою невиновность. Например, наличие микроскопа он объяснял любительским увлечением ботаникой, однако такая линия защиты разлетелась вдребезги в момент обнаружения среди его вещей специального оборудования для изготовления микроточек. В бумажнике Шютца контрразведчики обнаружили клочок бумаги со следами губной помады и фотографию мужчины. Задержанный заявил, что на снимке изображен его начальник из Гамбурга, но в “Гарде” уже знали личность запечатленного на ней человека. Им

являлся давно находившийся в разработке ирландских и британских органов безопасности Вернер Унланд.

Гражданин рейха Унланд до войны проживал в Лондоне, однако 29 августа 1939 года внезапно перебрался в Дублин и таким образом избежал интернирования, а в первых числах сентября исчез и был объявлен в негласный розыск. Впоследствии он утверждал, что в этот период организовывал на территории Ирландии свою агентурную сеть, но в действительности это оказалось вымыслом. В ноябре 1939 года G2 и “Гарда” установили местонахождение Унланда, после чего обе спецслужбы постоянно перехватывали, копировали и читали письма, направляемые им на конспиративные адреса абвера в Копенгагене и других городах. Об их подлинном их смысле можно было только догадываться, поскольку тексты явно содержали словесный код и изобиловали не вписывавшимися в общий контекст запросами на поставки бекона, мыла сортов “Люкс” и “Пальмолив”, медикаментов в таблетках, масла и прочих товаров с указанием количеств и цен. При этом сам Унланд никогда не торговал чем-либо подобным. Агент все время сообщал о своих поездках, практически полностью вымышленных, и постоянно требовал денег для компенсации понесенных расходов. Контрразведка фиксировала выплачиваемые ему немцами суммы, преимущественно небольшие (24, 15, 10 фунтов в месяц) и целевые выплаты, никогда не превышавшие 40 фунтов. В июне 1940 года Унланда известили о необходимости установить связь с прибывающим в страну Шютцем, но тот, как известно, появился в Ирландии намного позднее. Контрразведчики отслеживали перемещения и банковские операции объекта, перлюстрировали его корреспонденцию и ждали развития событий. 21 мая 1941 года, после ареста Шютца, у которого обнаружили имя, фотографию и адрес Унланда, а также оторванный клочок бумаги от одного из его писем в Барселону, явно являвшийся вещественным паролем, “Гарда” и G2 совместно произвели его арест. Однако Унланд фактически не вел никакой шпионской деятельности, все его агенты были вымышленными, поэтому инкриминировать ему можно было лишь мошенничество и сокрытие доходов от налогообложения. В военное время этим никто заниматься не стал, и немца интернировали до конца войны. Абвер продолжал финансово поддерживать Унланда, которого считал добросовестным агентом, и ежемесячно выплачивал ему по 30 фунтов в течение всего периода интернирования.

Очередной агент абвера по имени Джозеф Ленихен появился в Ирландии в июле 1941 года. Первоначально он жил в Англии, а затем уехал на Джерси, где остался вплоть до его германской оккупации в июле 1940 года. Ленихен попытался покинуть остров на лодке с подвесным мотором, но двигатель оказался ненадежным и заглох. Все попытки вновь запустить его не увенчались успехом, и лодку вынесло ветром на французский берег, где беглеца арестовали. Им заинтересовался абвер, поэтому из гестапо его передали в распоряжение разведки и вскоре перебросили в Париж. Там Ленихен прошел шестинедельный курс радиотехнической подготовки по линии Абт-1, а затем продолжил обучение в Гааге и Брюсселе. Агента готовили для передачи по радио метеосводок из района ирландской бухты Слиго. 29 января 1941 года Ленихен вылетел в направлении точки сброса на бомбардировщике Хе-111, но из-за отказа отопителя самолет был вынужден вернуться. Январской ночью на большой высоте весьма холодно, поэтому все находившиеся в бомбардировщике, кроме пилота, сильно обморозились. Ленихену ампутировали большие пальцы ног и едва спасли руки, на которых, однако, остались неизгладимые следы. До мая он лечился в госпитале, а 18 июня был наконец выброшен с парашютом в районе Саммерхилла. В экипировку агента входили два радиопередатчика, симпатические чернила и реагент на них, основная и две запасные шифровальные книги, расписание связи, ключ и дополнительные радиолампы для переоборудования радиоприемника в передатчик и 500 фунтов стерлингов.

Приземление прошло успешно, но через некоторое время пасшиеся неподалеку коровы копытами выкопали из земли парашют Ленихена. Пастух заметил его и передал в полицию, а агент тем временем беспрепятственно добрался до Дублина, где восстановил контакты с семьей и прежними друзьями. Он рассказал им, что все годы отсутствия провел на торговом флоте, а увечья получил при гибели своего последнего судна, торпедированного по пути из Кадиса в Вальпараисо. Одному из братьев он, однако, изложил несколько измененную версию. Ленихен сообщил ему, что был застигнут на Джерси немецкой оккупацией, с помощью дружественно настроенного немецкого унтер-офицера бежал с острова в Вели-

кобританию, там вступил в торговый флот и потом оказался на том самом торпедированном транспорте. Родственники не слишком верили этим рассказам, но не вникали в детали и радовались возвращению брата. Вскоре агент оставил в родном доме передатчик и отправился в Северную Ирландию, где потребовал встречи с представителем контрразведки и сделал заявление о своей работе на германскую спецслужбу. Его переправили вначале в Белфаст к региональному офицеру по связям в области безопасности (РСЛО), а 23 июля перевезли в Лондон, поместили в лагерь 020 и под псевдонимом “Баскет” использовали на начальном этапе операций “20-го комитета” под псевдонимом “Кобуэб” для дезинформации относительно расписания выхода конвоев в СССР. Однако вскоре специалисты по радиограммам из отдела “В” МИ-5 пришли к заключению о невозможности привлечения Ленихена для выполнения их задач. Дело в том, что согласно полученному в абвере заданию он должен был вести передачи из бухты Слиго, то есть в операцию следовало посвящать ирландскую спецслужбу G2, что было принципиально недопустимо. Вести же передачи из другого места не имело смысла, поскольку немцы немедленно засекали бы изменение дислокации рации. В результате Ленихена вывели из системы радиоигр, однако он дал много важной информации по инфраструктуре абвера в Гааге и Париже. По отзыву начальника ирландской секции (“В-9”) МИ-5 Сесила Лидделла, он принес больше пользы, чем любой другой агент его подразделения. В благодарность Ленихена не только освободили из лагеря для интернированных, но и позволили ему жить в стране свободно, без наблюдения и контроля.

Еще одним направленным в Ирландию агентом абвера был голландский матрос Ян ван Лоон, нацист по убеждениям, но одновременно и патриот Нидерландов, храбро сражавшийся в период вторжения вермахта. Ван Лоон лично сбил три атакующих его корабль самолета люфтваффе и прослыл национальным героем. Бегство королевы Вильгельмины моряк расценил как предательство интересов страны, зато одобрил нападение Германии на Советский Союз, после которого стал считать нацистский рейх оплотом прогресса на планете. 11 сентября 1941 года, когда его действовавший в составе британского флота корабль “Якоб ван Хеемскерк” стоял в порту Белфаст, он в нарушение установленных правил переделался в гражданскую одежду, пересек границу и прибыл в Дублин. В регистрационных документах моряк указал вымышленное имя Дэниель Данн. По нормам военного времени это являлось крайне серьезным нарушением. В дальнейшем голландец утверждал, что получил гражданскую одежду от некоего британского лейтенанта, убедившего его вернуться на родину. Наивный матрос не подозревал о возможностях местной контрразведки и по телефону обратился в германскую миссию с просьбой о встрече 12 сентября. “Гарда” перехватила разговор. В дальнейшем ирландцы утверждали, что ван Лоон намеревался продавать немцам сведения о движении союзных конвоев, сам же он отрицал это и заверял, что единственной целью его визита была просьба помочь отыскать в Германии своего немецкого друга Германа Краузе. Покинув здание миссии, моряк, уже под наблюдением, направился в ассоциацию мореплавателей и попросил помочь ему наняться на работу на любое торговое судно. После выхода оттуда его задержали и обыскали, обнаружив при этом дневник с указанием дат отправления и прибытия конвоев, что строжайше запрещалось. Ван Лоон был помещен в тюрьму.

В 1943 году МИ-5 через “дублинскую связь” известила G2 о потенциальном германском шпионе. Информация о нем содержалась в перехваченной и дешифрованной ШКПС радиограмме “главного представителя” (резидента) СД в Лиссабоне. В донесении в Берлин сообщалось о получении письма с предложением сотрудничества от повара ирландского торгового судна “Иденвейл” Кристофера Иствуда. Одновременно “станция” МИ-6 в Лиссабоне проинформировала центр о содержании донесения агента “Томаса”, португальского рабочего, принесшего им письмо от того же Иствуда. Моряк случайно познакомился с ним и просил передать сообщение немцам, но “Томас” решил поступить иначе. Расследование показало, что Иствуд являлся всего лишь посредником, а оба письма и ряд последующих писал другой ирландец, работник ювелирного магазина в Дублине Джозеф Эндрюс, член двух экстремистских и антисемитских политических группировок. Во время предыдущей работы в Ирландском больничном тресте, откуда он был уволен за нечестность, потенциальный агент познакомился с женщинами из сети Герца Мэйси О’Махони и Хелен Келли. Жена Эндрюса также периодически выполняла курьерские функции для германского резидента,

а сам он иногда возил Герца в машине и помогал ему находить конспиративные квартиры. По собственным каналам Эндрюс в инициативном порядке намеревался организовать для Герца альтернативный канал связи с рейхом через своего партнера, швейцарского ювелира.

Политические пристрастия ирландца не препятствовали его постоянному стремлению любым путем разбогатеть. И как только ему в руки попала немецкая шифровальная книга, он отнес ее в миссию США в Дублине, однако там отказались ее купить. 21 ноября 1941 года за связь с сетью Герца Эндрюса арестовали и продержали в заключении до апреля 1942 года. После этого до декабря письма в германскую миссию доставляла его жена. Связь оказалась односторонней, немцы принимали сообщения, но ответов не давали, и тогда Эндрюс отыскал Кристофера Иствуда, которого попросил передать письмо в германскую миссию в нейтральной стране. Таковой оказалась Португалия, где моряку с “Иденвэйл” выплатили 50 фунтов стерлингов. Немцы не могли полноценно использовать новую линию связи из-за ее крайне низкой оперативности. “Иденвэйл” совершал круговой рейс за месяц, но в двух рейсах заход в Лиссабон был отменен, поэтому апрельские сообщения 1942 года попали в КО-Португалия лишь в июле. Более того, стоянка судна была настолько краткой, что в резидентуре не успевали подготовить ответ, и направлять его приходилось лишь месяц спустя. Да и сам судовой повар Иствуд был явно не образцом дисциплины и однажды напился так, что опоздал на борт, за что его уволили и восстановили в должности лишь по просьбе всей команды. В результате морской канал связи просуществовал недолго. Иствуда вскоре интернировали до конца войны, а Эндрюс в августе 1943 года был вновь арестован и пробыл в заключении до мая 1945 года.

После 1942 года развитие событий на советско-германском фронте абсолютно исключило даже намек на возможность вторжения вермахта на Британские острова, в связи с чем абвер утратил интерес к Ирландии. Но Шелленберг смотрел на проблему иначе и всерьез собирался заполнить образовавшуюся нишу, а СД-аусланд активно занялась подготовкой двух агентов для заброски в страну. Один из них, Джон Френсис О’Рейли, до сентября 1939 года работал в Англии, а после начала войны перебрался на Джерси, где во время оккупации острова работал переводчиком у командира сил вторжения майора Георга Вильгельма князя цу Вальдек унд Пирмонт. Ирландец агитировал работавших на острове соотечественников и уговорил 72 из них отправиться на работу в Германию, чему на месте назначения совершенно не обрадовались. Не привыкшие к регламентированной и размеренной жизни рабочие постоянно пьянствовали, скандалили, дрались, орали по ночам, не соблюдали светомаскировку и вообще были совершенно неуправляемы. В сентябре 1941 года О’Рейли получил новое поручение. Он занялся написанием текстов для ирландской редакции германского радио, а потом и сам стал вести передачи, вначале под именем “диктора Пэта О’Брайена”, а с октября — под своим собственным. Однако авантюристическая натура не давала ему покоя, и он осаждал немцев требованиями зачислить его в разведку и направить на нелегальную работу в Ирландию. Вначале О’Рейли приняли в абвер, где он получил псевдоним “Раш” и кодовый номер РР-2261, и специально подготовили для разведывательной операции АСТ-Бремен “Изольда”. С декабря по ноябрь 1942 года агент прошел дополнительное обучение работе на передатчике, после которого мог принимать и передавать со скоростью 100 знаков в ми-

О’Рейли

нуту, а также научился изготавливать микроточки. Пока абвер и МИД выясняли, как лучше использовать нового агента, его перехватила СД-аусланд. На новом месте службы О’Рейли вновь начали учить, на этот раз в Институте Гавеля в Ванзее с упором на методы сбора разведывательной информации по Великобритании и Ирландии. В первую очередь СД интересовалась политической информацией, изучением политической структуры общества и государства, лейбористской партией, установлением контактов с валлийскими и шотландскими националистами. В процессе подготовки О’Рейли подобрал для СД кандидата на вербовку — также работавшего на Джерси ирландца Джона Келли. В сентябре 1943 года немцы вывезли его с острова и перевезли в Берлин, где немедленно завербовали и после краткого и не особенно успешного обучения 19 декабря 1943 года забросили с парашютом в Ирландию. Из перехватов британцы знали

о предстоящем прибытии Келли и ожидали его. Плохо подготовленный агент не погасил купол парашюта, его протащило по камням и кустарникам, из-за чего он получил травмы головы и повредил спину. Келли с трудом добрался до ближайшего дома, хозяева которого немедленно сообщили о нем в “Гарду”. К этому времени О’Рейли, заброшенный в страну 16 декабря и возвратившийся в свой дом внезапно для его обитателей, на следующий день был там арестован. Этот стремительный двойной провал ознаменовал окончание активных операций германской разведки в Ирландии.

Новые агенты на территории страны не появлялись, а все заброшенные ранее были либо интернированы, либо арестованы, однако некоторые из них не успокоились даже в тюрьме. 15 февраля 1942 года Гюнтер Шютц и Ян ван Лоон совместно предприняли попытку побега, удавшуюся только первому из них. При перелезании через стену голландец упал и сломал ребро, зато его напарник смог добраться до убежища ИРА в доме Джо О’Ханлона. Представителям Ирландской республиканской армии он сообщил, что является французским студентом, но из-за заметного немецкого акцента никого не убедил в своей легенде. Для выхода на сепаратистскую организацию Шютц воспользовался возможностями своей знакомой предпринимательницы Кейтлин Бруга, с помощью которой он вскоре установил контакт с руководителями белфастской бригады ИРА. В это время они активно искали возможность установить новый канал связи взамен оборванного после ареста Герца и предложили Шютцу организовать его переправу на французскую территорию, но за его счет и в обмен на получение из рейха оружия, боеприпасов и денег. Агент негласно связался с германской миссией и попросил 300 фунтов на покупку лодки, а в ожидании изменений своего положения пока переводил на немецкий язык письменные показания Стивена Хейеса и готовил обзор политической обстановки в стране, по мнению специалистов, крайне тенденциозный. Он передал в германскую миссию для переправки в абвер сообщение следующего содержания: “Я нахожусь в безопасности на протяжении последних 4-х недель благодаря помощи ИРА. Страна организована. Требуется отправка 10 укупорок передатчиков. Важный план для Северной Ирландии срочно требует вашей помощи. Остаться крайне опасно. Дайте указание посольству в Дублине передать мне 1000 фунтов... Посольство ведет себя так, словно желает от меня отделаться. Ожидаю подводную лодку или летающую лодку. Урегулируйте вопрос с послом. Имею ценный материал”³¹⁶. Шютц был прав, в миссии действительно не желали давать ему много денег и ограничились 80 фунтами. Но и в абвере совершенно не собирались подталкивать дипломатов к помощи агенту в эксфильтрации из страны и желали, чтобы он оставался на месте. Через миссию ему были переданы 600 фунтов и новый конспиративный адрес в Швейцарии для переписки, однако неизвестно, успел ли он получить их. 30 апреля 1942 года в 18.00 Шютца должны были вывезти из дома и посадить в лодку в 12 милях к югу от Дублина, но ему суждено было избежать опасностей морского пути. В середине дня в его доме появились представители контрразведки, которых интересовала дочь хозяйки квартиры Дельма, подозревавшаяся в связях с ИРА. Любопытно, что полицейские вовсе не разыскивали немца и арестовали его лишь из-за подозрительной неспособности ответить, где именно он проживает. Во время повторного заключения, 1 февраля 1943 года абвер присвоил Шютцу звание лейтенанта.

Все перечисленные агенты абвера и СД в Ирландии были раскрыты и арестованы или интернированы, но ими список нелегального аппарата германской разведки в этой стране не исчерпывается. По крайней мере, один немецкий агент не только сохранил свободу, но и избежал расшифровки, судя по всему, навсегда. В сентябре 1942 года, когда, по мнению “Гарды” и G2, ни одного вражеского нелегала в стране больше не оставалось, на таможене задержали человека с шифровкой. Бумагу изъяли, однако ее обладателя не задержали ввиду отсутствия у него контрабанды. Главный криптоаналитик ирландской разведки доктор Ричард Хейес установил, что для закрытия текста использовался шифр Герца, хотя знаки в нем были сгруппированы не по 5, а по 4. Текст прочли, но так никогда не установили ни его адресата, ни отправителя.

* * *

Окончание войны поставило ирландское правительство перед необходимостью выработать линию поведения по отношению к интернированным и осужденным за шпионаж, а также решить, как поступить с германскими дипломатами. Глава правительства де Валера открыто симпатизировал державам “оси” и даже после их краха не считал нужным скрывать эту свою позицию. В частности, после получения известия о самоубийстве Гитлера он демонстративно посетил германскую миссию и выразил соболезнование послу, хотя незадолго до этого и не подумал совершить аналогичный жест вежливости по случаю смерти президента США Рузвельта. Де Валера отказался присоединиться к осуждению нацизма, хотя к этому времени ирландские представители уже побывали в освобожденном концентрационном лагере Бухенвальд и смогли воочию убедиться в практике гитлеровского режима. Он настаивал на том, что посол рейха Хемпель соблюдал статус дипломата, хотя доклады спецслужб, а особенно дешифровки перехватов, не оставляли сомнений в том, что германская миссия, по крайней мере, в деле Шютца, была далеко не безгрешна. Посол знал о предполагаемой дате прибытия агента, выделил для связи с ним сотрудника миссии Карлхайнца Петерсена и ассигновал денежные средства для организации его побега. Однако де Валера категорически отказался реализовать имевшиеся у G2 и “Гарды” материалы и распорядился сдать их в архив, а практически все германские дипломаты подали прошения о предоставлении политического убежища.

С агентами дело обстояло иначе, в особенности с Герцем, относительно правового статуса которого существовала неясность. Ирландская юстиция никак не могла решить, является ли он военнопленным или шпионом, а сам бывший резидент тем временем постоянно обращался с просьбами либо предоставить ему политическое убежище, либо позволить выехать в Испанию. В ожидании принятия решения его вместе с остальными интернированными выпустили под надзор полиции, и они пребывали на свободе. Исключение составлял Претц, в декабре 1946 года арестованный за нарушение правил дорожного движения. В конечном итоге было принято решение удовлетворить ходатайство дипломатов о политическом убежище, а агентов выслать. Страны назначения высылаемые выбирали сами. В частности, Вебер-Дроль, Претц, Гартнер и Трибуц вылетели на американском самолете в Германию, а Обед в 1948 году уехал в Антверпен, где три года спустя погиб от рук собственной жены. Иначе обстояло дело с немцем Унландом, еще в довоенный период замешанным в деятельность ИРА, и с голландцем ван Лооном, которому на родине угрожала смертная казнь. В итоге первого из них все же решили не судить и выпустили из-под стражи в ноябре 1947 года, а второму позволили остаться в Ирландии.

Герц тем временем всячески пытался избежать высылки в Германию, поскольку сам убедил себя в том, что там британцы обязательно убьют его. У бывшего резидента, в ожидании принятия решения о своей судьбе работавшего секретарем “Фонда по спасению немецких детей”, наблюдались определенные проблемы с психикой, выражавшиеся в навязчивых мыслях и высказываниях о самоубийстве. В апреле 1947 года Форин офис потребовал его выдачи, и правительство Ирландии, не желавшее по такому ничтожному поводу ухудшать отношения с могущественным соседним государством, очень быстро согласилось. Во время ожидания отправки самолета с англичанами бывший резидент раскусил ампулу с цианидом. Спасти его не удалось. Смерть Герца выявила его высокую популярность среди населения, редко выпадающую на долю разведчиков-нелегалов. Специально для похорон, состоявшихся 26 мая 1945 года, почитатели сшили для него мундир люфтваффе, а гроб был накрыт флагом с изображением свастики. Власти запретили хоронить Герца с воинскими почестями, но не препятствовали массовому шествию за его гробом. Во время опускания тела в могилу многие кричали “Хайль!”

Хотя О’Рейли содержался в заключении с большим комфортом, стремление к свободе возобладало, и в июле 1944 года он сумел вырваться из лагеря Арбор Хилл. Беглец скрывался почти год, но 9 мая 1945 года был вновь арестован по информации его родного отца, получившего за это обещанную награду в 500 фунтов стерлингов. Оказалось, однако, что это якобы предательство было совершено по просьбе самого О’Рейли, которому отец сразу же после получения премии передал все полученные деньги. Агента неоднократно допрашивали представители G2 и МИ-5, правда, последние лишь передавали вопросники через “дублинск-

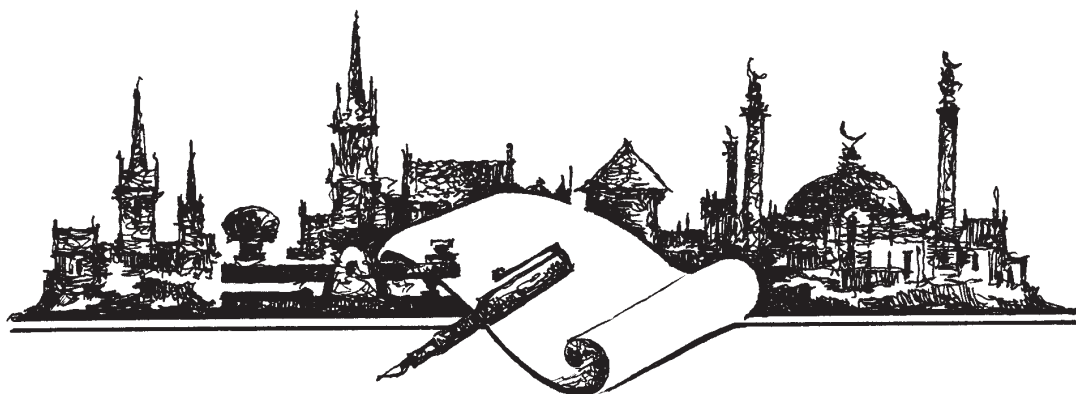
кую связь” и никогда не работали с ним лично. Несколько позднее О’Рейли получил в свое распоряжение отобранные при аресте 143 фунта. Все это финансовые операции помогли ему после освобождения купить в Дублине за 7100 фунтов небольшой отель “Эспланада”, а позднее открыть бар около бывшего здания G2. Заведение именовалось “О’Рейли’с”, но было известно в ирландской столице как “Парашют”, а его владелец получил прозвище “Парашютист”. Позднее авантюристическая натура забрасывала бывшего германского агента в Нигерию, Перу и Великобританию, где его, как ни странно, в 1967 году приняли на государственную службу и направили в Каир для налаживания радиосвязи во время “Шестидневной войны”. В дальнейшем О’Рейли жил в Дублине и был там похоронен после гибели в автокатастрофе 4 мая 1971 года.

ЧАСТЬ 5

СССР

1. НАЧАЛО

22 июня 1941 года Красная Армия получила сокрушительный удар, не только губительный для личного состава и материальной части, но и практически полностью дезорганизовавший ее системы связи и управления войсками. Москва периодически утрачивала контроль даже над фронтами, терялись целые армии, не говоря уже о корпусах, дивизиях, полках и батальонах. Определенную роль в этом сыграли диверсанты “Бранденбурга”, уничтожавшие проводные линии и узлы связи, перехватывавшие делегатов связи и атаковавшие командные пункты небольших подразделений. Радиосвязь в войсках была недостаточно развита, к тому же обоснованные опасения в защищенности коммуникаций породили своего рода “радиобоязнь”, препятствовавшую ее использованию. Случалось, что гражданские телефонные и телеграфные линии Наркомата связи продолжали действовать в условиях отсутствия военной связи, и зафиксированы случаи, когда офицеры генштаба получали информацию о наличии или отсутствии своих или германских подразделений в каком-либо из населенных пунктов, просто позвонив по междугородной линии председателю местного Совета. Естественно, что при такой организации получения сведений о собственных войсках аналогичная задача в отношении противника решалась еще хуже. Силы вермахта то недооценивались, то переоценивались. Как уже указывалось, высшее военное руководство СССР во главе со Сталиным сохраняло убежденность в том, что Германия держит на Западе не менее половины своих сил, тогда как в действительности там находилось не более трети войск второй линии. Именно этим заблуждением в основном и объяснялась пагубная директива № 3 от 22 июня 1941 года о переходе Красной Армии в наступление, значительно ухудшившее общую обстановку на фронте. Вскоре командование ударило в противоположную крайность и начало значительно переоценивать противостоящие силы. Периодически из штабов фронтов в Ставку поступали сообщения о вводе немцами в действие на каком-либо из участков танковой группировки, практически равнявшейся всему количеству бронетанковой техники вермахта. Все это происходило из-за непригодности существовавшей системы разведки для условий военного времени.

Согласно предвоенным уставам и положениям, военная разведка по видам разделялась на оперативную, тактическую, боевую и специальную (стратегическая агентурная разведка оставалась за рамками этой классификации). Первая из них относилась к компетенции высшего командования и осуществлялась с помощью авиации, подвижных войск и радиосредств, тактическая разведка организовывалась командованием частей и соединений, а боевая должна была вестись непосредственно в ходе боевого соприкосновения с противником. Специальные виды разведки (артиллерийская инструментальная, химическая и т. д.) осуществлялись начальниками родов войск и служб. Средствами разведки являлись разведывательные отряды, отдельные разведывательные группы, дозоры, разъезды и отдельные группы, взводы конно-пешей и конной разведки полков, отдельные разведывательные батальоны дивизий и мотоциклетные батальоны механизированных корпусов. Их деятельность была достаточно четко регламентирована, однако начавшаяся война внесла в теоретически

разработанный процесс сбора информации о противнике свои коррективы. В июне 1941 года в военной разведке царили хаос и дезорганизация. В первые же часы войны оказалась разрушенной связь с агентурой, на которую в предвоенный период возлагались основные надежды органов разведки округов и армий. Поступление информации по другим каналам также было весьма затруднено, в основном в силу объективных причин. Ведение воздушной разведки в условиях господства люфтваффе было весьма проблематичным, да и большинство самолетов из числа немногих оставшихся в строю выполняли задания по бомбардировке или истребительному прикрытию. Радиоразведка в интересах войск к лету 1941 года находилась еще в зачаточном состоянии и не могла дать никаких значимых результатов. В июле на различных участках фронта действовали лишь 17 радиодивизионов и 4 станции, что было совершенно недостаточно. Допрос пленных, являющийся важнейшей составной частью процесса сбора разведывательной информации, конечно, проводился, но число таковых было весьма незначительным. В результате войсковая разведка не могла обеспечить требуемый уровень получения данных о противнике, поскольку для постоянно отступающих частей это было практически невозможно. Известно, что успешнее всего разведка ведется войсками в обороне, хуже — в наступлении и сложнее всего — в отступлении, к тому же стремительном, когда трудно рассчитывать на возвращение направленных в тыл противника дозоров и разведывательных подразделений. Несколько лучше обстояло дело с организацией наблюдения на переднем крае, однако оно позволяло лишь засекаать огневые точки и командные пункты противника и не приносило никаких данных, пригодных для использования вышестоящими штабами в планировании операций.

Крайне сложным оставалось положение с агентурной разведкой. Приходилось расплачиваться за пренебрежение вопросами создания запасных сетей агентуры в приграничных и тем более глубинных участках советской территории, особенно с учетом относительно недавнего переноса западной границы государства. В Разведывательном управлении (РУ) генштаба немедленно началась буквально лихорадочная работа по подбору и подготовке мобилизованных и добровольцев для заброски в тыл противника, встретившая немалые трудности. Желающих было множество, однако их требовалось хоть как-то обучить, для чего во всех разведорганах создавались многочисленные разведшколы. Сложность заключалась в том, что на пополнение фронтовых и армейских разведорганов по штатам военного времени прибывали главным образом общеармейские офицеры запаса, представлявшие себе разведку весьма смутно. «Преподавателей от слушателей отличало лишь служебное положение, так как ни теоретической, ни тем более практической подготовки все они не имели»³¹⁷. Некоторое количество мобилизованных специалистов изменяло общую картину крайне незначительно. Первоначальный упор был сделан на укомплектование групп радистами из числа моряков торгового флота, работников гражданских предприятий связи и выпускников Осоавиахима. Естественно, они не умели ни работать в специфических условиях нелегальной резидентуры, ни пользоваться военными и агентурными шифрами, поэтому их подготовка занимала от одного до нескольких месяцев, иногда до полугода. Обучение остальных продолжалось от нескольких дней до нескольких недель, и уровень подготовки был соответствующим. Разведчикам сообщали о системе воинских званий и знаках различия вермахта, демонстрировали внешние признаки германской боевой техники, знакомили с методикой подсчета количества войск и давали азы информации по конспирации. Как правило, на этом обучение заканчивалось, их экипировали, снабжали документами прикрытия и пешим порядком забрасывали в тыл противника в разрывы между его наступающими частями и подразделениями. Часть слушателей готовили несколько дольше за счет парашютной подготовки, после чего сбрасывали в глубоком тылу. Некоторые агентурные группы оставляли в населенных пунктах накануне их захвата противником. Это позволяло избежать сложного и опасного пересечения линии фронта, осесть на месте и превратиться в зафронтовые резидентуры под руководством, как правило, пожилых людей из числа местных жителей, иногда с опытом предыдущей нелегальной работы, то есть архивной агентуры. Им придавались молодые радисты или радистки, игравшие роль внуков или внучек, а иногда еще один разведчик, обычно поселявшийся неподалеку. Если же такового не имелось, то радист назначался заместителем резидента с правом вести вербовочную работу и создавать новые группы. На практике именно это и становилась главной причиной провалов, поскольку в начальный период войны, да и позднее на оккупированных советских территориях предательство оказалось весьма распространенным явлением. Кроме того, радистами нередко становились мужчины призывного возраста, вы-

зывавшие у оккупационных властей и контрразведывательных органов законные вопросы о том, как именно они смогли избежать мобилизации. Это обстоятельство было учтено далеко не сразу и также послужило причиной многочисленных провалов.

Результаты массовой заброски агентуры были, как правило, плачевны. Разведчики оказывались удручающе беспомощными перед набравшими значительный опыт германскими органами безопасности и гибли десятками и сотнями, зачастую успев передать лишь одну-две радиোগраммы, да и то далеко не всегда. Часть захваченных разведчиков немцы перевербовывали, но в начальный период войны использовали их не в радиоиграх, а в основном в роли опознавателей. Это нередко приводило к массовым провалам резидентур в районе, поскольку условия военного времени не позволяли организовать раздельное обучение слушателей разведшкол, и они прекрасно знали друг друга в лицо. Проблематичным являлся и возврат агентурных групп и одиночных агентов в предназначенные для них пункты встречи. Из-за отступления советских войск они часто оказывались на оккупированной территории, и агенты утрачивали связь со своими разведорганами. Весьма сложным и рискованным оказывался процесс обратного перехода линии фронта. В отличие от вывода агентуры, который обеспечивался силами оперативного пункта, возвращались разведчики, как правило, самостоятельно и потому лишались возможности использовать преимущество поддержки. Несколько улучшилась ситуация после организации централизованных разведпунктов оперативной разведки, с которых забрасывались разведывательно-диверсионные группы или резидентуры и целые отряды. Дала хорошие результаты срочная подготовка запасной сети разведчиков на угрожаемых участках территории СССР до Горького включительно и даже далее. Эти агенты в случае оккупации имели значительно лучшие условия для легализации и соответственно большие шансы на успешную работу и выживание.

РУ забрасывало в тыл противника и оперативные спецгруппы (ОС) иного характера. Они должны были вести диверсионную деятельность, зачастую с привлечением помощников из местного населения, а иногда становились зачатками партизанских отрядов. Однако слабая подготовка бойцов ОС, отсутствие связи с командованием и постоянное переформирование фронтов, штабы которых теоретически должны были направлять эту деятельность, значительно снижали их эффективность. Уже в августе 1941 года оперативные спецгруппы были преобразованы в оперативные диверсионные пункты, просуществовавшие в такой форме полгода.

Органы госбезопасности в начальный период войны также оказались в весьма сложном положении. Первая реакция НКГБ СССР на начавшиеся боевые действия выразилась в изданной в 09.10 22 июня 1941 года директиве наркома В. Н. Меркулова № 127/5809. Она предписывала провести мобилизацию всего оперативно-технического персонала НКГБ — УНКГБ, изъять весь разрабатываемый контрреволюционный и шпионский элемент, мобилизовать агентурно-осведомительную сеть для предотвращения вредительско-диверсионных актов и принимать меры в случае поступления данных о готовящихся актах шпионажа, террора, диверсий, восстаний, бандитских выступлений, призывов к забастовкам и контрреволюционного саботажа. Следующая директива № 136 была датирована 24 июня и предписывала форсировать эвакуацию в тыл арестованных и архивов, организовать охрану шифров и сосредоточиться на борьбе с диверсиями, бандитизмом и повстанческим движением. Агентуру органов госбезопасности следовало оставлять на месте для дальнейших действий в знакомых районах. В целом, первые руководящие документы Наркомата госбезопасности не содержали в себе никаких конкретных и полезных распоряжений и никоим образом не могли улучшить контрразведывательное обеспечение страны. Они изобиловали лишь указаниями об арестах, изъятиях и организации противодиверсионной деятельности, что, безусловно, являлось существенным, но далеко не единственно важным направлением оперативной работы. Фактически НКГБ в первые недели войны оказался не в состоянии выполнять возложенные на него задачи. Отчасти это объяснялось объективными причинами, поскольку за неполные пять месяцев своего существования наркомат не мог успеть закончить реорганизацию и тем более в должной мере подготовиться к соответствию требованиям военного времени. Однако в первую очередь такое положение явилось следствием слабой подготовки сотрудников территориальных органов, не знавших ни структуры, ни методов, ни задач разведывательных органов противника. Самое прискорбное заключалось в том, что в центральном аппарате такая информация имелась, но из соображений секретности до периферий-

ных работников ее не довели. Они также не имели никакого представления об организации зафронтной разведывательной работы, формах и методах розыска агентуры противника и прочих насущно важных для любой контрразведки элементах деятельности. Первый относительно содержательный руководящий документ НКГБ появился лишь 1 июля, да и то он содержал примечательный пассаж относительно германского вторжения в СССР: «Целью этого нападения является уничтожение советского строя, порабощение народов Советского Союза и восстановление власти помещиков и капиталистов»³¹⁸. Собственно, нарком ничего не придумал сам, поскольку через два дня после появления этого приказа в знаменитом выступлении Сталина было сказано еще более впечатляюще: «Враг... ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма»³¹⁹. Естественно, что при подобной оценке задач нацистской Германии логичным было сосредоточиться на подавлении внутренней контрреволюции, что, как известно, никоим образом не соответствовало реальной ситуации³²⁰. Несмотря на это заблуждение, упомянутая директива № 168 от 1 июля ставила перед территориальными органами НКГБ уже вполне конкретные и разумные задачи. Весь сохранившийся от расшифровки негласный штатный аппарат следовало подготовить к оставлению на оккупируемой противником территории для нелегальной работы и разделить его на небольшие резидентуры. Связь предписывалось устанавливать как горизонтальную с местными подпольными органами ВКП(б), так и вертикальную с наркоматом, для чего в каждом конкретном случае ее способы должны были определяться отдельно. Резидентурам из штатных работников ставились задачи организации диверсионно-террористической и разведывательной работы. Следовало также организовывать самостоятельные резидентуры из нерасшифрованной агентурно-осведомительной сети с предварительной тщательной проверкой всех ее членов. Заранее готовились оружие, фиктивные документы, взрывчатые вещества и средства связи. Гласных сотрудников госбезопасности предписывалось переводить на нелегальное положение лишь в исключительных случаях и в местностях, где они были мало известны населению. Для резидентур и отдельных нелегалов следовало заблаговременно готовить явочные и конспиративные квартиры. Зашифровка оставляемых особо влиятельных агентов или осведомителей могла производиться путем их ареста и тюремного заключения, с тем, чтобы их освобождали пришедшие германские войска. Основной задачей нелегальных штатных сотрудников НКГБ являлось совместное с НКВД создание на оккупированных территориях партизанских отрядов и боевых групп.

В качестве примера можно привести работу УНКВД по Ленинградской области с оставленной на оккупированной территории агентурой. Всего на оседание в тылу вермахта с разведывательными и диверсионными целями было подготовлено 268 агентов, основная часть которых была сведена в 32 резидентуры численностью по 3 — 8 человек. Как правило, они не имели радиоаппаратуры, да и не умели с ней работать, а потому связь планировалось осуществлять исключительно с помощью посылаемых с обеих сторон фронта связников. Быстрое продвижение линии фронта на восток не позволило реализовать замысел в полном объеме, и большинство подготовленных агентов оказались эвакуированными в советский тыл. На оседание осталось не более 20% от запланированной численности, а в Кингисеппском и Ораниенбаумском районах — немногим более 13% работников. Из них часть была отселена из прифронтной полосы уже немцами, а часть попала в трудовые или концентрационные лагеря. Особенно тяжело сказывался на агентурной сети выход из строя резидента, поскольку в этом случае с агентами, даже оставшимися на свободе и в местах плановой дислокации, связаться уже никак не удавалось. В итоге широкомасштабный замысел почти провалился, и оперативные пункты разведотделов УНКВД переключились на использование выходящей из тыла противника агентуры, но не стационарно, а прежде всего в качестве маршрутников. Однако постепенно положение стало налаживаться, в основном за счет повторной заброски выходящих агентов и использовании их для вербовки новых. Поскольку те не получали специальную подготовку, их разведывательная ценность была ограниченной, а уязвимость — высокой. Кроме того, отсутствие быстродействующей связи резко снижало значимость добываемой агентами информации о дислокации и перемещении войск противника. Новая агентура оказалась более полезной в решении вспомогательных задач по обеспечению действий начавших образовываться партизанских отрядов и в вопросах сбора общей информации. Через нее активно собирались данные о предателях, пособниках врага, карателях и участниках зверств, тем более, что они долго не устаревали и могли использоваться даже с учетом медленных каналов курьерской связи.

Перед разведорганами НКВД стояла еще одна, более серьезная задача: ведение наступательной контрразведки. Ввиду того, что германские спецслужбы являлись весьма опасным противником, контрразведывательные агенты готовились отдельно. П. А. Судоплатов вспоминал: «В самые кратчайшие сроки были отработаны основные варианты легендирования нашей агентуры для работы в тылу противника... Были разработаны пять основных вариантов внедрения в органы оккупационной администрации, в профашистские “добровольческие” формирования и в немецкие спецслужбы.

Первая легенда. К противнику попадает офицер Красной Армии, захваченный в ходе боевых столкновений.

Вторая. Немцы подбирают раненого советского солдата или офицера, которым не была оказана медицинская помощь.

Третья. Офицер или военнослужащий Красной Армии — дезертир — сдается немцам на передовой линии фронта.

Четвертая. Парашютист Красной Армии, сброшенный в тыл противника, добровольно сдается немецкому военному командованию

Пятая. Беженец немецкого происхождения, “фольксдойче”, перешедший на оккупированную территорию через линию фронта, предлагает немцам свои услуги”³²¹.

В арсенале разведки имелась еще одна группа легенд, основанная на переходе к немцам репрессированных за связь с внутривластной оппозицией бывших заключенных или пораженных в правах. Однако от нее пришлось отказаться, поскольку германские оккупационные власти, спецслужбы и прочие институты не желали иметь ничего общего с бывшими коммунистами, какое бы течение внутри партии они ни представляли. Значительно успешнее в дальнейшем срабатывали легенды, в основе которых лежало действительное или мнимое участие агента в войсках или учреждениях белых правительств или националистических организациях. Но подготовка такой агентуры требовала большего времени, поэтому в начальный период войны эта группа легенд почти не использовалась.

Не менее важной задачей стало обеспечение безопасности войск, штабов и военных учреждений, в условиях войны представляющих наиболее притягательные цели для агентов, диверсантов и террористов противника. Как известно, в начальный период войны военная контрразведка являлась обязанностью Третьих управлений НКО и НКВМФ. Начальник Третьего управления Наркомата обороны А. Н. Михеев 22 июня 1941 года также издал директиву № 34794, в которой приказывал форсировать работу по созданию резидентур и обеспечению их запасными резидентами. В первую очередь предписывалось укомплектовывать полноценными резидентурами подразделения, убывающие в районы боевых действий. Активизировалась разработка подучетного элемента. Задачи органов военной контрразведки по обеспечению безопасности действующей армии и войскового тыла включали: выявление агентуры противника на стадии проникновения как в войска, так и в зону боевых действий; розыск заброшенных в расположение действующей армии шпионов, террористов и диверсантов; борьбу с изменниками, паникерами, дезертирами и распространителями панических слухов; помощь командованию и политорганам в охране секретов и повышении боеготовности войск. В качестве первого шага 27 июня 1941 года были созданы 3-и отделения военных дорог, агентурным и официальным путем проводившие проверку, очистку от всего подозрительного элемента и оперативное обслуживание поездов с задачами контроля и выявления агентуры противника, изменников и дезертиров.

Сил Третьего управления и Третьих отделов на местах явно не хватало, поскольку именно им противостоял весь разведывательный аппарат германских спецслужб. За несколько часов до начала войны на советскую территорию были заброшены десятки диверсионно-разведывательных групп абвера, в том числе бойцы “Бранденбурга”. Они дезорганизовывали управление войсками, нарушали проводную связь, захватывали мосты и иные барьерные места коммуникаций для их удержания до подхода своих войск или, наоборот, разрушали для дезорганизации отступления Красной Армии, создавали панику и неразбериху в тылу, убивали командиров и делегатов связи, а также вели разведку. Передовые группы агентов с радиостанциями в советской униформе на трофейном транспорте проникали в тыл Красной Армии на глубину от 50 до 300 километров. В первые месяцы войны абвер имел на Восточном фронте 13 разведшкол, в которых одновременно проходили подготовку до 2 тысяч агентов, а всего численность германской агентуры в боевых порядках действующей армии

достигала 5 тысяч человек³²², среди них было много владевших русским языком уроженцев Прибалтики. Еще в 1940 году на советско-германской границе были выявлены 95 разведпунктов абвера, штатная численность некоторых из них достигала 30 сотрудников. Имеется информация о ликвидации на территории СССР в 1940 и первой половине 1941 года 66 резидентур германской разведки и аресте 1600 агентов, 1400 из которых действовали в западных районах страны³²³. Приведенные величины заставляют предположить явное завышение числа арестованных агентов за счет шпиономании, однако даже и с учетом этого масштабы разведывательной работы абвера и СД производят впечатление. В непосредственно предшествовавший началу войны период агентура забрасывалась в СССР также и легальным путем в составе торговых и иных делегаций и комиссий по переселению немцев в Германию. Приграничные районы Западной Украины и Западной Белоруссии изучали разведчики и агенты абвера, включенные в состав комиссий по эксгумации германских военнослужащих, убитых и захороненных в сентябре 1939 года на этих бывших польских территориях. Таким образом, противник смог провести тщательную рекогносцировку районов предстоящих боевых действий и их широкую агентурную разведку. Весьма эффективной оказалась поездка майора абвера Бертольда Шульце-Хольтуса, предпринятая им под видом туриста “Бруно Шульце” по маршруту Москва — Харьков — Ростов-на-Дону — Грозный — Баку. В ее ходе германский разведчик изучал советские военно-промышленные и нефтяные объекты, а в итоге осел в Иране с задачей, в частности, создания базы для подготовки и заброски диверсантов на нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы в Закавказье.

Основные ошибки германская разведка допустила в стратегической области, прежде всего в определении военно-экономического потенциала СССР, мобилизационных возможностей страны, состава сил Красной Армии, выявлении новых образцов техники и вооружения. Например, 12-й отдел ОКХ “Иностранная армия Востока” (ФХО) оценивал ее численность приблизительно в 2 миллиона человек с возможностью увеличения после мобилизации до 4 миллионов³²⁴. В действительности на момент начала войны вооруженные силы СССР с учетом пограничных войск и войск НКВД насчитывали 5 774 211 человек, из которых в приграничных военных округах находились 3 088 160 человек³²⁵. Германское командование не имело информации о новых советских танках Т-34 и некоторых типах скоростных истребителей (МиГ-3, Як-1). Считалось, что по состоянию на 22 июня 1941 года Красная Армия располагала 226,5 дивизиями (приравнивая две бригады к одной дивизии), однако уже на 51-й день войны начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер отмечал наличие у противника 360 дивизий. Как следствие, можно заключить, что германская разведка оказалась несостоятельной в главном вопросе. Она не смогла предсказать и довести до сведения командования и политического руководства крайне низкую вероятность окончательного разгрома СССР в ходе кратковременной наступательной кампании, вследствие чего весь план “Барбаросса”, строго говоря, оказался несостоятельным. Однако выявилось это только через несколько месяцев после начала боевых действий.

Зато в тактических и оперативных вопросах абвер проявил себя с лучшей стороны. Как уже указывалось, в наступавших германских войсках существовали фронтовые структуры военной разведки — абверкоманды при штабах групп армий “Норд”, “Митте” и “Зюд”, а также абвергруппы при штабах армий. Как известно, эти же группы армий именовались также “А”, “Б” и “Ц”, и в соответствии с этим до 1942 года наименования подчиненных им разведывательных, диверсионных и контрразведывательных абверкоманд соответственно выглядели как 1А, 1Б, 1Ц; 2А, 2Б, 2Ц; 3А, 3Б, 3Ц или же 1 Норд, 1 Митте, 1 Зюд; 2 Норд, 2 Митте, 2 Зюд; 3 Норд, 3 Митте, 3 Зюд. В обиходе часто их именовали по позывным основного радиоузла абверкоманды. Часто их направления деятельности перекрывались. Например, осенью 1941 года только на московском направлении действовали 3 абверкоманды и 19 абвергрупп, на ленинградском направлении — соответственно 3 и 11³²⁶. К их задачам относилось вскрытие мест концентрации советских войск, имеющихся резервов, их дислокации, численности, вооружения, местонахождения аэродромов, складов, штабов, оборонительных сооружений, определение состояния железнодорожных и шоссейных магистралей, грунтовых дорог, а также выявление характера перевозимых по ним грузов. Объектами диверсий являлись коммуникации и склады. Общее руководство разведывательной, диверсионной и контрразведывательной работой на Восточном фронте было возложено в абвере на уже упоминавшийся штаб “Валли”. Разведывательное подразделение “Валли I” состояло

из рефератов I“X”, и I“Л”, ведавших соответственно советскими сухопутными войсками и авиацией, I“Ви” (экономика), I“Г” (технические средства разведки и документация) и I“И” (радиосвязь, шифры, кадры, секретариат). Структура контрразведывательного подразделения “Валли III” приведена в главе о Польше. Весьма эффективно действовало подразделение “Валли II” под руководством майора Зелигера, отвечавшее за организацию диверсий и подрывной пропаганды. Вскоре в подчинении “Валли I” был создан особый штаб (зондерштаб) “Р” (“Руссланд”), в обязанности которого входило выявление, в том числе агентурное, партизанских отрядов, подпольных организаций и групп. Позднее руководство им перешло к “Валли III”. В подчинении штаба действовали вначале четыре, а с июня 1943 года пять так называемых разведывательно-резидентских областей, фактически представлявших собой обыкновенные межобластные резидентуры со своими агентами и курьерами. Межобластным резидентурам подчинялись областные и районные резидентуры, также располагавшие своим негласным аппаратом. Работу германских контрразведывательных органов существенно облегчил ряд захватов в течение июня — июля 1941 года документации нескольких городских и районных управлений НКГБ, в части которых имелись разведывательные отделения. Это позволило не только расшифровать и ликвидировать всю агентуру госбезопасности в этих местностях, но и получить подробную информацию о формах и методах работы советской разведки и контрразведки. Деморализованные стремительным германским наступлением пленные оказывались легкой добычей для германских разведчиков, уже к июлю 1941 года выработавших типовой вопросник, ответы на который следовало получать на уровне штаба или разведотдела дивизии. У пленного требовалось выяснить:

- личные данные, воинскую часть, номер полевой почты;
- звание и должность;
- организационный и боевой состав части, число пулеметов, минометов и орудий;
- имена командиров подразделений от роты и выше;
- расположенные в тылу части усиления (артиллерия, резервы);
- задачи части, намерения и планы командования;
- вероятное время начала активных боевых действий;
- источник информации пленного о намерениях и времени действий его части (политическая информация, беседы офицеров, подслушанные телефонные разговоры и прочее);
- положение с обеспечением боеприпасами, продовольствием и топливом;
- национальный состав части;
- боевые потери личного состава и матчасти в последний период;
- количество пополнений и время их прибытия;
- в бронетанковых частях — заводы-изготовители танков и их заводские номера;
- для впервые обнаруженных на фронте частей — место отправки, способ движения (пешком, на автотранспорте или по железной дороге), дата прибытия, какие еще части прибыли вместе с ними, кто остался на прежнем месте дислокации;
- для химических войск — наличие противогазов, хранятся ли они в войсках или на складах, их типы и боевые отравляющие вещества, на защиту от которых рассчитаны фильтры, наличие других средств химической обороны, дата проверки противогазов;
- вопросы о попавших в советский плен германских военнослужащих.

Из сотен тысяч и миллионов пленных вербовщикам абвера было несложно отобрать нестойких и сломленных бойцов и офицеров Красной Армии, немедленно начавших пополнять заранее образованные разведывательно-диверсионные школы. Если в первые дни войны агентура абвера состояла в основном из эмигрантов и прибалтийских немцев, то вскоре этот контингент сменился на пленных. Немало было и добровольно перешедших к противнику советских военнослужащих, часть из которых давно желала порвать с режимом, часть испугалась и решила обеспечить себе будущее при новой оккупационной власти, а часть просто попала в окружение и не видела иного способа сохранить свою жизнь. Такое изменение состава курсантов разведшкол абвера весьма благоприятно сказалось на уровне работы германской разведки. В предвоенный период агенты готовились в школах АСТ-Кенигсберг, АСТ-Штеттин, АСТ-Вена и АНСТ-Краков из числа эмигрантов, слабо ориентированных в советской обстановке и поэтому легко разоблачаемых при углубленном допросе. Новый контингент не требовалось учить языку, обычаям, нормам и правилам поведения, что делало

их значительно менее уязвимыми для контрразведки. Из числа военнопленных вербовщики отбирали не просто желавших сотрудничать, но наиболее развитых умственно и физически и обладавших военными специальностями связиста, радиста, сапера и иными полезными в разведывательно-диверсионной деятельности навыками. Из числа гражданского населения с немцами чаще всего сотрудничали уголовники, репрессированные и прочие недовольные режимом люди. Следует отметить, что этот канал являлся для советской разведки довольно удобным для внедрения своих агентов в германские разведывательные органы. После предварительного отбора кандидаты в агенты переводились в специальные проверочные лагеря, а в случае отсутствия сомнений в их лояльности — сразу в разведывательные или диверсионные школы. В описываемый период абвер подходил к вопросу подготовки агентов серьезнее, чем советская разведка. Срок обучения составлял для ближних разведчиков от 2 недель до месяца, для глубинных разведчиков — от 1 месяца до полугода, для диверсантов — от 2 недель до 2 месяцев, для радистов — 2 — 4 месяца и более. Легенды забрасываемых не отличались разнообразием. При проведении глубинной разведки они действовали под видом командированных военнослужащих, освобожденных от службы по ранению или выздоравливающих, а также эвакуируемых гражданских лиц. Часто хирурги наносили на их тела поверхностные рубцы, имитирующие следы ранений или операций, но при углубленной проверке имитация легко распознавалась врачами и оказывалась демаскирующим признаком.

Особую роль в подготовке агентуры отводилась школе абвера в расположенном недалеко от Вены Брайтенфурте, специализировавшейся на научно-технической разведке. Ее курсанты представляли собой совершенно особый контингент, поскольку набирались из числа инженеров или в крайнем случае техников. Они предназначались для операций против предприятий военной промышленности СССР, расположенных главным образом в глубинных районах Урала, Сибири и Средней Азии. В связи с этим школа в Брайтенфурте всегда отличалась углубленной проработкой легенд агентов и более тщательной их подготовкой, тогда как другие разведорганы, специализировавшиеся на массовости, просто не могли себе это позволить.

Естественно, оперативной работой занимались также СД и гестапо, хотя в начале войны эти спецслужбы в разведывательной сфере в основном ограничивались наступательной контрразведкой. В находившихся под армейской юрисдикцией районах были образованы три, а затем четыре оперативные области во главе с подчинявшимися лично рейхсфюреру СС Гиммлеру высшими руководителями СС и полиции. Им, в свою очередь, подчинялись командующие полицией безопасности и СД и командующие охранной полицией орпо, а также командиры айнзатцгрупп СС “А” (Прибалтика), “В” (район Смоленска), “С” (киевское направление) и “D” (юг Украины), насчитывавших около 3 тысяч сотрудников гестапо и СД. Айнзатцгруппам подчинялись 20 зондеркоманд, действовавших в районах дислокации передовых частей вермахта и СС, и 2 айнзатцкоманды в армейском тылу, общей численностью до 4 тысяч человек. Каждая айнзатцгруппа насчитывала от 600 до 700 сотрудников, а зондеркоманда и айнзатцкоманда — от 120 до 170. Их задачами в зоне боевых действий и в ближайшем тылу являлись захват зданий и помещений советских партийных и административных органов, штабов и военных учреждений, органов государственной безопасности и внутренних дел и иных объектов, где могли быть обнаружены секретные документы; розыск, арест и ликвидация оставленных в тылу советских и партийных работников, разведчиков и контрразведчиков, командиров и комиссаров Красной Армии; выявление коммунистов и подпольщиков, борьба с враждебными проявлениями и информирование вышестоящих органов об обстановке на местах. Они также вербовали агентуру, однако, как правило, не перебрасывали ее через линию фронта, а использовали на месте.

Одновременно оккупанты начали организовывать управление на захваченной территории СССР. Она была разделена на 13 генеральных округов, в каждом из которых назначался свой начальник полиции безопасности и СД. Генеральные округа делились на округа с гебитскомиссарами во главе, далее следовали районы и волости. В них действовали зондеркоманды, создавались охранные батальоны против партизан, дислоцировались подвижные полицейские соединения и части, вспомогательная полиция и местные полицейские гарнизоны. Ближний армейский тыл являлся оперативной зоной тайной полевой полиции (ГФП) вермахта, служившей, как уже указывалось, исполнительным органом армейской контрразведки в действующей армии. Ее высшими структурными единицами были группы при штабах групп армий и полевых комендатурах, насчитывавшие от 80 до 100 сотрудников

и солдат. Группа имела в подчинении от 2 до 5 комиссариатов или команд, прикомандированных к корпусным и дивизионным штабам и местным комендатурам. ГФП активно вела оперативную работу и также располагала собственной агентурой.

Столь мощная структура оперативных органов вермахта и СС явно превосходила существовавшие возможности советской военной контрразведки. Наряду с многочисленными случаями дезертирства это стало причиной ее принципиальной реформы, оформленной постановлением образованного 30 июня 1941 года Государственного комитета обороны (ГКО) “О преобразовании органов 3-го Управления в Особые Отделы” от 17 июля 1941 года № ГКО-187-сс. Оно гласило:

“1. Преобразовать органы 3-го управления³²⁷ как в действующей армии, так и военных округах от отделений в дивизиях и выше в Особые Отделы, а 3-е Управление — в Управление Особых Отделов.

2. Подчинить Управление Особых Отделов³²⁸ и Особые Отделы Народному комиссариату внутренних дел, а уполномоченных Особотдела в полку и Особотдел в дивизии одновременно подчинить соответственно комиссару полка и комиссару дивизии.

3. Главной задачей Особых Отделов на период войны считать решительную борьбу с шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе.

4. Дать Особым Отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте”³²⁹.

3-й отдел войск НКВД вошел в качестве 6-го отдела в Управление особых отделов НКВД СССР, но морская контрразведка до 11 февраля 1942 года по-прежнему относилась к ведению 3-го управления НКВМФ СССР. Руководство УОО было поручено заместителю наркома внутренних дел В. С. Абакумову. По состоянию на сентябрь 1941 года Управление особых отделов состояло из следующих подразделений, осуществлявших обслуживание соответствующих направлений:

- 1-й отдел (генштаб, штабы военных округов, фронтов, армий, РУ генштаба, разведывательные органы в войсках);
- 2-й отдел (военно-воздушные силы, войска противовоздушной обороны страны, воздушно-десантные войска);
- 3-й отдел (бронетанковые войска, артиллерия);
- 4-й отдел (руководство работой особых отделов фронтов и армий);
- 5-й отдел (службы тыла);
- 6-й отдел (войска НКВД);
- 7-й отдел (оперативный учет);
- 8-й отдел (шифры)

Местные органы контрразведки фронта, армии, а также корпуса и дивизии имели соответствующие подразделения усиления: отдельный стрелковый батальон, роту и взвод.

Безусловно, такая структурная реорганизация несколько улучшила оперативные возможности военной контрразведки, однако в первую очередь она послужила усилению влияния наркома внутренних дел, являвшегося членом ГКО. Теперь его наркомат полностью контролировал лояльность вооруженных сил, что для него было не менее важным, чем их контрразведывательное обеспечение. На этом процесс не остановился. Очередная реорганизация подчинила Берия все оперативные органы, за исключением военной разведки. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 года в целях слияния усилий органов внутренних дел и государственной безопасности НКВД объединялся с НКГБ, Берия возглавил объединенный Наркомат внутренних дел, а Меркулов стал его 1-м заместителем. Для повышения качества следственной работы и ее увязки с оперативной были созданы Следственное управление и следственные группы при нескольких центральных управлениях, а также при Оперативном отделении ГУЛАГ. Вскоре состоялась и реорганизация войск НКВД. 26 августа 1941 года из управления войск НКВД по охране железнодорожных сооружений и особо важных объектов промышленности и Управления конвойных войск НКВД в составе Главного управления внутренних войск (ГУВВ) НКВД СССР был создан Отдел конвойной службы, Отдел службы по охране железнодорожных объектов и Отдел службы по охране промышленных объектов.

Для организации контрразведывательной работы на объектах промышленности и транспорта воссоздавались расформированные ранее Экономическое и Транспортное упра-

вления. Теперь центральный аппарат Наркомата внутренних дел состоял из следующих оперативных подразделений:

- 1-е управление (разведка за границей) — начальник П. М. Фитин;
- 2-е управление (контрразведывательное) — начальник П. В. Федотов;
- 3-е управление (секретно-политическое) — начальник Н. Д. Горлинский;
- Управление особых отделов (УОО) — начальник В. С. Абакумов;
- Транспортное управление — начальник Н. И. Синегубов;
- Экономическое управление — начальник П. Я. Мешик;
- Следственная часть по особо важным делам;
- 1-й отдел (охрана руководителей партии и правительства);
- 1-й спецотдел (учетно-статистический);
- 2-й спецотдел (оперативной техники);
- 3-й спецотдел (обыски, аресты и наружное наблюдение);
- 4-й спецотдел (особое техническое бюро³³⁰, связь “ВЧ”);
- 5-й спецотдел (шифры);
- 6-й спецотдел (Гохран).

Кроме перечисленных, в составе центрального аппарата имелись административно-оперативные (милиция, борьба с бандитизмом, управление архивами, работа с военнопленными и интернированными, пожарная охрана, управление тюрьмами, особая инспекция отдела кадров), войсковые (пограничные, внутренние и оперативные войска), лагерные и административно-хозяйственные подразделения, а также Штаб истребительных батальонов. В 1942 году на базе 5-го спецотдела было создано 5-е (шифровальное) управление, а также появился 7-й спецотдел, ведавший чекистским обслуживанием производства минометного вооружения. В октябре 1941 года на базе отделения 4-го спецотдела был образован Отдел правительственной “ВЧ” связи НКВД СССР. Нарком и его заместители курировали различные структуры наркомата. В частности, к ответственности Л. П. Берия относилось 1-е управление, Следственная часть по особо важным делам, секретариаты НКВД и Особое совещание (ОСО), 2-й, 4-й и 5-й спецотделы, контрольно-инспекторская группа и финансы. В. Н. Меркулов курировал 2-е и 3-е управления, В. С. Абакумов — Управление особых отделов, Б. З. Кобулов — Транспортное и Экономическое управления, И. А. Серов — 1-й спецотдел.

Штаб истребительных батальонов первоначально именовался Штабом по борьбе с парашютными десантами и диверсантами и руководил деятельностью соответствующих оперативных групп в НКВД Украины, Молдавии, Грузии, Карело-Финской ССР и Крымской АССР, а также в УНКВД по Ленинградской, Мурманской, Ростовской и Калининской областям и Краснодарскому краю. Постепенно обязанности штаба и подчиненных подразделений устоялись и стали включать обеспечение повседневного руководства формированием на местах истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп и руководство их боевой деятельностью; налаживание связи с партизанскими отрядами и истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов; организация агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп; ведение разведки тыла противника и мест переправ партизанских отрядов; обеспечение их оружием и так далее. Как явствует из приведенного перечня, борьба с парашютными десантами и диверсантами постепенно отходила на второй план, вытесняясь зафронтовой работой.

Зафронтовой разведкой в НКГБ первоначально ведало 1-е управление, функции которого оказались в связи с этим весьма противоречивыми. Принятое в июне 1941 года постановление ГКО³³¹ определяло их следующим образом:

- налаживание работы по выявлению военно-политических и иных планов противника;
- создание и заброска в тыл вермахта специальных отрядов для проведения разведывательно-диверсионных операций;
- оказание помощи партийным органам в развертывании партизанского движения в тылу врага;
- выявление истинных планов и намерений союзников по вопросам ведения войны, отношения к СССР и послевоенного устройства мира;
- ведение разведки в нейтральных странах, имеющее целью воспрепятствовать их переходу в число союзников Германии, парализовать на их территории агентуру

противника и организовать с их территории сбор информации по Германии и ее союзникам;

- ведение научно-технической разведки в целях укрепления военной и экономической мощи Советского Союза.

Однако вскоре стала очевидной неестественность ситуации, при которой один и тот же орган руководил и зафронтовой разведкой партизанских отрядов в Белоруссии, и работой “легальной” резидентуры в Лондоне, и взрывом моста через Буг, и вербовкой советника министерства финансов в Тегеране. В связи с этим возглавляемая старшим майором госбезопасности Судоплатовым Особая группа при нарком НКВД, официальным начальником которой он был назначен 1 июля 1941 года, вскоре подверглась реорганизации Приказом наркома № 001435 от 3 октября гласил: “Для выполнения специальных оперативных задач сформировать 2-й отдел НКВД СССР с непосредственным подчинением народному комиссару внутренних дел СССР”³³². В отделе имелось 16 отделений, 14 из которых были оперативными и выполняли задачу организации разведывательно-диверсионной работы за границей в районах, непосредственно примыкающих к театру военных действий, и в районах возможного нападения противника. Такими потенциальными противниками в тот момент считались Япония и Турция. 10 ноября 1941 года в составе 2-го отдела появился прифронтовой отдел для непосредственного противодействия спецслужбам противника. Судоплатов одновременно являлся заместителем начальника внешней разведки НКВД и заместителем начальника упоминавшегося Штаба по борьбе с парашютными десантами и диверсантами. На всех этих должностях ему пришлось столкнуться с острой нехваткой квалифицированных сотрудников с оперативным опытом, ввиду чего он вместе со своим заместителем

П. А. Судоплатов

Н. И. Эйтинггом решился на весьма смелый шаг. Они вдвоем доложили Берия о сложном положении с кадрами и предложили ослабить напряженность в этом вопросе путем освобождения из заключения бывших сотрудников разведки и госбезопасности. Нарком даже не поинтересовался статьями обвинения, по которым эти люди отбывали наказание, и спросил лишь, действительно ли нужны они в данный момент на службе. Получив положительный ответ, Берия мгновенно распорядился выпустить их и зачислить в кадры с понижением в должностях по сравнению с занимаемыми ими перед арестом. Его совершенно не тревожила опасность ведения освобожденными антигосударственной деятельности, поскольку он абсолютно точно знал, что они не были ни иностранными шпионами, ни вредителями, ни троцкистами. Этот шаг Судоплатова и Эйтинггона спас десятки человек, хотя помочь уже казненным, естественно, не мог.

Под эгидой 2-го отдела НКВД СССР с 27 июня 1941 года начала формироваться подчиненная наркомату Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). Ее первым командиром был назначен комбриг П. М. Богданов, в октябре его сменил бывший начальник Себежского училища войск НКВД полковник М. Ф. Фролов. Специальным решением ЦК ВКП(б) и Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) все проживавшие на территории СССР эмигранты получили предложение вступить в ряды бригады. Ее общая численность достигла 25 тысяч человек, 2 тысячи из которых являлись иностранцами. Штатная структура ОМСБОН состояла из управления, 1-го и 2-го мотострелковых полков (по три роты увеличенного состава из трех мотострелковых и одного пулеметного взводов), минометной и противотанковой батареи, инженерно-саперной роты, парашютно-десантной роты, роты связи, автомобильной роты и подразделений тылового обеспечения. Боевой состав бригады позволял ей вести обычные наземные операции, что несколько раз и происходило в критические моменты осени и зимы 1941 года, однако не это было ее подлинным назначением. Главной задачей ОМСБОН являлось создание, подготовка и засылка в тыл противника групп и отрядов особого назначения для ведения оперативной разведки и осуществления диверсий. Одновременно в составе НКВД с 27 июня действовал Учебный центр подготовки специалистов разведывательно-диверсионных отрядов для действий в тылу противника. К осени на нем прошли подготовку две бригады и несколько отдельных рот.

Далеко не все в организации зафронтальной работы бригады было гладко. Ее группы зачастую отказывались от поддержания связи со стихийно возникшими или сформированными партийными органами партизанскими отрядами — «местными», по терминологии бойцов ОМСБОН. С одной стороны, это повышало их безопасность, зато с другой в значительной степени лишало преимуществ базирования на местах и ограничивало разведывательные возможности. Зачастую разведчики и диверсанты не тихо проникали через линию фронта, а прорывались с боем и несли неоправданные потери. У ОМСБОН фактически отсутствовала приданная транспортная авиация, не было соответствующих карт местности и специального оружия и снаряжения. Не менее серьезные проблемы создавали недостаточность индивидуальной подготовки бойцов и отсутствие отдыха на переходах, истощавшее их силы. Однако в целом результаты деятельности отрядов и групп ОМСБОН в тылу противника оцениваются достаточно высоко. С начала 1943 года бригада была переформирована в Отряд особого назначения (ОСНАЗ) при НКВД, а затем при НКГБ СССР.

Существовали и иные формы организации зафронтальной работы. В ноябре 1941 года руководство партизанскими отрядами НКВД и диверсионными группами было возложено на уполномоченных 4-х отделов территориальных органов НКВД, действовавших в тесной связи с уполномоченными при политуправлениях армий. Список задач этих офицеров был крайне обширен. Помимо организации руководства зафронтальными подразделениями, они отвечали за:

- направление в тыл противника диверсионных групп, разведчиков, связников;
- организацию сети явочных квартир, приемных и переправочных пунктов;
- подбор и подготовку кадров разведчиков, связников, диверсантов для систематической связи с партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися на оккупированной территории;
- разрушение тыла противника в прифронтальной полосе;
- прием и оформление прибывших из тыла противника разведчиков, связников, диверсантов и доставленных ими материалов;
- организацию связи и оказание помощи подпольным партийным и советским организациям в тылу противника;
- использование направляемых через фронт лиц для ведения партийно-политической и разъяснительной работы среди находящегося на оккупированной территории населения;
- установление связи с местными органами НКВД, партийными и советскими организациями в прифронтальной полосе.

После выделения зафронтальной разведки в ведение 2-го отдела НКВД СССР внешняя разведка по-прежнему оставалась в ведении 1-го управления. В августе 1941 года оно состояло из следующих подразделений:

- секретариат;
- группа «А»;
- группа «Б»;
- 1-й отдел (Центральной Европы) — Германия, Польша, Чехословакия, Венгрия, украинское отделение;
- 2-й отдел (Балканский) — Болгария, Румыния, Югославия, Греция;
- 3-й отдел (Западной Европы) — Франция, Италия, Швейцария, Испания, Португалия, Бельгия;
- 4-й отдел (Скандинавский) — Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Голландия;
- 5-й отдел (Англо-американский) — Англия, США, Канада, Латинская Америка;
- 6-й отдел (1-й Дальневосточный) — Япония, Маньчжоу-го, Корея;
- 7-й отдел (2-й Дальневосточный) — Китай, Таиланд, Синьцзян;
- 8-й отдел (Средневосточный) — Турция, Иран, Афганистан, Индия;
- 9-й отдел (совколоний, оперативного учета, въездных и выездных виз);
- отдел «Х» (связь);
- Школа особого назначения (ШОН).

Первые шесть месяцев войны оказались для разведки, возможно, самыми непростыми за весь период ее существования. Следует упомянуть возникшие сложности из-за утраты связи с агентурой в Германии и союзных ей странах, отказ многих агентов от сотрудни-

чества ввиду их сомнений в способности Советского Союза устоять под ударами вермахта. Полноценно работали лишь Энтони Блант и Джон Кэрнкросс в Лондоне и резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке, остальные точки и источники либо приостановили свою деятельность, либо предоставляли второстепенную информацию.

Связь с агентурой всех уровней крайне затруднилась начатая в июле 1941 года постепенная эвакуация из Москвы в глубинные районы страны отделов и управлений НКВД и военной разведки. Они были рассредоточены в Куйбышев, Чкалов, Уфу, Саратов, Киров, Новосибирск, Свердловск, Казань, Пензу, Молотов и Ульяновск. При штатной численности центрального аппарата Наркомата внутренних дел в 10 тысяч человек (фактически его численность не превышала 9 тысяч работников) эвакуации подлежали 7 тысяч, а при численности в 11 тысяч — 7,5 тысяч. К октябрю в Москве остались лишь оперативные группы от каждого из подразделений НКВД, аналогичная ситуация наблюдалась и в Разведывательном управлении генштаба. РУ отбыло в Куйбышев, а его центральный радиоузел — в Читту, что значительно ухудшило условия приема сигналов от малоомощных агентурных раций. Следует отметить, что к октябрю этот вначале планомерный процесс приобрел характер неорганизованного бегства из столицы почти всех органов государственной и местной власти. Да и само руководство Наркомата внутренних дел мало верило в возможность удержания столицы. На случай ее оставления НКВД готовил три независимые друг от друга агентурные сети для подпольной работы, две из которых должны были собирать информацию, а третья имела террористическую направленность и предназначалась для уничтожения Гитлера и лиц из его окружения в случае их появления в Москве. Общее руководство их организацией осуществлял начальник 2-го (контрразведывательного) управления НКВД П. В. Федотов. В октябре 1941 года Москва осталась практически брошенной, что привело к панике среди населения и многочисленным актам бесчинств и мародерства со стороны уголовных элементов. Войска совместно с милицией навели в городе порядок, однако далеко не сразу. Этот период очень тяжело сказался на деятельности закордонных и зафронтовых резидентур и разведывательных групп, связь которых с Москвой внезапно прервалась без какого-либо заблаговременного предупреждения. Перерыв в связи деморализовал многих разведчиков, поскольку германская пропаганда неоднократно объявляла о падении советской столицы, что, казалось, подтверждалось отсутствием в эфире радистов Центра. Связь восстановилась лишь в середине ноября, причем опять-таки без объяснения причин. Трудно даже приблизительно оценить ущерб от прекращения поступления разведанных на протяжении трех недель. За этот период некоторые группы были потеряны, другие временно свернули свою деятельность и перешли только на прием. Советское руководство пыталось ободрить народ, однако пока что все оптимистические призывы звучали весьма неубедительно. Например, 6 ноября 1941 года Сталин в своей речи по случаю 24-й годовщины революции заявил: «Враг не так силен, как его изображают некоторые перепуганные интеллигентики. Не так страшен черт, как его малюют. Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в бегство хваленые немецкие войска? Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает...и самим германским народом, который не видит конца войны. Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений»³³³.

В описываемое время мало кому верилось не только в оптимистично указанные Верховным Главнокомандующим сроки, которые, как известно, оказались весьма далеки от действительности, но даже в саму возможность победы. В числе сомневавшихся были и союзники СССР по антигитлеровской коалиции, с ужасом ожидавшие его падения и доступа рейха к новому богатейшему источнику природных ресурсов, включающих кавказскую нефть, украинский марганец и продовольствие. В этом случае континентальная блокада, которую пытался осуществить британский Флот метрополии, потеряла бы всякий смысл. Прибывшие в СССР военные миссии Великобритании и Соединенных Штатов Америки, вскоре также вступивших в войну, вели себя соответствующим образом.

Наибольшие сложности в оперативной работе испытывали, пожалуй, военные контрразведчики. Им приходилось бороться с германскими агентами в действующей армии и

прифронтовом тылу, контролировать лояльность военнослужащих, предупреждать весьма вероятные случаи измены, а также бороться с такими набравшими заметные масштабы явлениями как дезертирство и массовая сдача в плен. Части доукомплектовывались по штатам военного времени, формировались новые, на фронт направлялось маршевое пополнение, и все это требовалось прикрыть негласным агентурно-осведомительным аппаратом. Однако не хватало не только агентов и осведомителей, но в первую очередь штатных оперативных работников, которые должны были вербовать их и руководить дальнейшей деятельностью. В условиях боевых действий проведение конспиративных встреч оперуполномоченных с негласными сотрудниками было просто невозможным, поскольку грозило их немедленной расшифровкой. Требовалось отыскать новые формы и методы работы, подходящие для сложившихся условий. Руководство наркомата прекрасно понимало возникшие трудности и принимало энергичные меры для их преодоления. Так, например, уже в первые дни войны только на Ленинградский фронт прибыло пополнение особых отделов из местных отделов УНКГБ и армейских офицеров. Они не были знакомы со спецификой работы, но хотя бы заполняли существовавшие вакансии, чтобы научиться чему-то прямо в войсках. Кроме того, образовавшиеся в территориальных органах вакансии также следовало укомплектовать. Возросшие потребности противодиверсионного обеспечения диктовали необходимость резкого увеличения штата оперативных работников, нужны были также и разведчики. В самые сжатые сроки начали прием слушателей Московская и Бакинская межкраевые школы НКВД, а общая численность единовременно обучавшихся во всех учебных заведениях госбезопасности выросла от 2 до 3,6 тысяч человек³³⁴. Высшая школа НКВД перестроила свою работу в направлении увеличения числа слушателей и организации ускоренного обучения. Были введены отдельные спецкурсы для оперативных работников военной контрразведки, территориальных органов, пограничных и внутренних войск, зафронтовых работников и офицеров иных специальных служб. Первый досрочный выпуск прошел с июня по октябрь 1941 года. 26 июня первые 264 слушателя Высшей школы отбыли для прохождения дальнейшей службы в ОМСБОН, а 238 — в особый отдел Московского военного округа, которому в ближайшем же будущем предстояло стать прифронтовым. Всего за период войны Высшая школа НКВД СССР выпустила 2417 слушателей для военной контрразведки в действующей армии, 1750 — для территориальных органов, 550 — для разведывательных органов погранвойск и войск по охране тыла действующей армии, 424 — для 4-го управления НКВД, 1635 — для работы на освобожденной территории (в том числе 120 — в Прибалтике) и 365 со знанием иностранных языков — в различные подразделения НКГБ³³⁵. Для работников периферийных органов УССР и БССР устанавливался трехмесячный срок обучения, для работников оперативных органов пограничных войск, особых отделов и работников территориальных органов на освобожденных территориях — четырехмесячный, работники чекистско-разведывательных органов войск по охране тыла и пограничных войск обучались четыре с половиной месяца. В УССР и БССР действовали трехмесячные курсы по подготовке начальников городских и районных отделов НКГБ/НКВД.

Так закончились первые шесть месяцев войны.

2. КОНТРРАЗВЕДКА 1942 — 1943

Борьба с агентурой противника стала одним из основных направлений деятельности органов государственной безопасности СССР. Здесь сразу же следует отметить, что она тесно соприкасалась с контролем за лояльностью личного состава войск и населения, в связи с чем деятельность контрразведывательных органов имела две стороны. В данной книге не рассматривается их репрессивная деятельность по отношению к собственным гражданам, о которой, тем не менее, ради объективности следует упомянуть. Контрразведчики отнюдь не снискали любовь народа, поскольку большинство населения никогда не видело выловленных шпионов, зато аресты и расстрелы соотечественников по зачастую самым ничтожным поводам были у всех на виду. Поэтому термин “особист” в народе всегда обозначал отнюдь не специалиста по борьбе с агентурой противника в армии, а представителя карательной системы, которого следует всячески опасаться и от которого можно ждать любых, в том числе и смертельно опасных подвохов. Особисты, как правило, не ходили в атаки и очень редко сидели в окопах, зато зачастую вызывали к себе бойцов и командиров, не все из кото-

рых возвращались обратно. Особисты передавали дела в военные трибуналы, а иногда собственной властью расстреливали провинившихся, вина которых, случалось, была пустяковой или выдуманной. Работники территориальных органов были менее видны, но о них тоже знали и их опасались все. В представлении среднего человека чекисты ловили не шпионов, а собственных граждан, и для некоторого улучшения их восприятия населением требовались немалые усилия пропагандистов. Такое во многом верное представление не учитывало, да в силу засекреченности структуры органов госбезопасности и не могло учесть, что в них существуют самые различные подразделения с далеко не одинаковыми функциями, и что борьбой с агентурой противника, предотвращением диверсий и террористических актов занимаются совершенно не те люди, которые находятся у всех на виду. Именно эта сторона их деятельности и рассматривается в данной главе.

Контрразведку в период Великой Отечественной войны можно разделить на военную, ведавшую безопасностью действующей армии и ее тыла, территориальную, обслуживавшую всю остальную территорию страны, и внешнюю, осуществлявшуюся против разведывательных органов Германии и ее союзников на их территориях, в нейтральных странах и в оккупированных районах СССР.

Первыми соприкасались с разведывательно-диверсионными группами противника и его одиночными агентами органы военной контрразведки. К 1942 году выявилось неполное соответствие структуры Управления особых отделов (УОО) НКВД потребностям войны, и руководство госбезопасности было вынуждено провести ее серьезную реорганизацию. Подписанная Абакумовым и сохранявшая еще элементы прежней лексики директива НКВД СССР № 264 от 4 июля 1942 года, в частности, разъясняла: «Сущность реорганизации заключается в том, чтобы направить главное внимание особых отделов на выявление и разработку шпионов, изменников, террористов, диверсантов, членовредителей, дезертиров и прочего контрреволюционного элемента, подрывающего мощь Красной Армии и Военно-Морского Флота»³³⁶. Отныне структура центрального аппарата управления общей численностью 225 человек была следующей:

- Секретариат;
- Оперативное отделение;
- Следственная часть:
- 1-е отделение — по шпионажу;
- 2-е отделение — антисоветские формирования;
- 3-е отделение — по руководству следственной работой на периферии;
- 1-й отдел (Генеральный штаб Красной Армии, штабы фронтов и армий, разведывательные управления):
 - 1-е отделение — оперативное управление генштаба, штабы фронтов и армий;
 - 2-е отделение — остальные управления и отделы генштаба, узел связи, управление кадров;
 - 3-е отделение — Главное разведывательное управление Красной Армии, разведывательные органы фронтов и армий;
- 2-й отдел (военно-воздушные силы, противовоздушная оборона, воздушно-десантные войска):
 - 1-е отделение — штаб ВВС Красной Армии;
 - 2-е отделение — вооружение и тылы ВВС;
 - 3-е отделение — академии и руководство периферией по частям ВВС;
 - 4-е отделение — войска ПВО страны;
 - 5-е отделение — воздушно-десантные войска;
- 3-й отдел (Главное автобронетанковое управление (ГАБТУ), Главное управление начальника артиллерии (ГУНАРТ), танковые войска и артиллерия Красной Армии, гвардейские минометные части):
 - 1-е отделение — ГАБТУ Красной Армии, АБТУ фронтов и армий, танковые армии, танковые корпуса и бригады, НИИ танковый полигон;
 - 2-е отделение — ГУНАРТ Красной Армии, управление гвардейских минометных частей, артиллерийские управления фронтов, артотделы армий, артиллерия резерва Главного командования (РГК), минометные части Красной Армии;

- 3-е отделение — Главное артиллерийское управление (ГАУ) Красной Армии;
- 4-й отдел (руководство агентурно-оперативной работой особых отделов фронтов по родам войск; борьба с дезертирством, изменой и самострелами, заградительная служба):
 - 1-е отделение — обслуживание Карельского, Ленинградского, Северо-Западного, Калининского фронтов, 7-й отдельной армии, резервных армий;
 - 2-е отделение — обслуживание Западного, Брянского, Юго-Западного, Южного, Северо-Кавказского фронтов;
 - 3-е отделение — по борьбе с дезертирством, изменой и самострелами; организация заградительной службы;
- 5-й отдел (интендантское управление, УСГ, АХО НКО; Главное санитарное управление, ветеринарное управление, Главное управление военных сообщений, КЭУ, Главвоенстрой, военные академии):
 - 1-е отделение — Главное интендантское управление, административно-хозяйственный отдел (АХО) НКО, интендантские управления фронтов, интендантские отделы армий;
 - 2-е отделение — Главное санитарное управление, санитарные управления фронтов, ветеринарные управления и ветеринарные службы фронтов и округов, Главное автодорожное управление, Главное управление военных сообщений (ВОСО), квартирно-эксплуатационное управление (КЭУ), Военпроект, Главвоенстрой, военные академии;
- 6-й отдел (войска НКВД):
 - 1-е отделение — пограничные войска и учебные заведения внутренних войск НКВД;
 - 2-е отделение — внутренние войска и охрана войсковых тылов фронтов;
 - 3-е отделение — железнодорожные, конвойные и промышленные войска;
 - 4-е отделение — органы снабжения войск;
- 7-й отдел (оперативный учет):
 - 1-е отделение — действующий учет по УОО, отчетность, цифровая отчетность фронтовых особых отделов, цифровой учет изменников Родины, шпионов, диверсантов, террористов, трусов, паникеров, дезертиров, самострельщиков и антисоветского элемента; особый картотечный учет изменников Родины, агентов разведки и лиц, скомпрометированных по показаниям последних);
 - 2-е отделение — проверка номенклатуры ЦК ВКП(б), НКО, НКВМФ, шифрработников, допуск к совершенно секретной и секретной работе, мобилизационной работе и технике особой секретности; проверка работников, командируемых за границу, и личного состава Красной Армии;
- 8-й отдел (шифровальный):
 - 1-е отделение — шифровальное;
 - 2-е отделение — агентурно-оперативное обслуживание шифрорганов Красной Армии, инспектирование шифрорганов особых отделов, учет и пересылка шифров;
- 9-й отдел (по обслуживанию военно-морского флота):
 - 1-е отделение — Главный морской штаб (ГМШ), Разведывательное управление, школа Разведывательного управления, командование управлений, редакции газет и журналов; издательство, прокуратура, трибунал, гидрографическое управление, управление делами, курсы переподготовки начсостава запаса, Центральный дом ВМФ, руководство по линии указанных объектов периферией;
 - 2-е отделение — управление ВВС, штаб ВВС, управление ПВО, узел связи ВВС, руководство по линии ВВС периферией.

В дальнейшем объектами военной контрразведки стали также войска связи, инженерные войска, оборонительное строительство и Главное управление формирования и комплектования Красной Армии. Как видно из приведенного списка, в вооруженных силах СССР не осталось ни одного института, за исключением политорганов, не охваченного контрразведывательным обслуживанием НКВД (военкоматы относились к компетенции 3-го управления). Следует отметить, что в этот период реальная борьба с агентурой противника в основном проводилась в войсках, тогда как центральный аппарат УОО в основном занимался профилактической работой и контролем за благонадежностью войск, штабов и военных учреждений.

К зиме 1941 года первоначальная нехватка оперативных работников в особых отделах была уже преодолена, что позволило им заняться восстановлением почти разрушенного агентурно-осведомительного аппарата в войсках. Вербовки в действующей армии производились главным образом в обороне, на марше и на отдыхе, поскольку ни в отступлении, ни в крайне редких в тот период наступательных действиях было просто не до этого. Срочные вербовки в маршевых пополнениях, как правило, имели весьма слабую отдачу, поскольку в силу объективных причин производились практически без учета особенностей личности вербуемых и иного их предварительного изучения. В результате прибывшие на место осведомители и агенты далеко не всегда связывались с оперативными работниками своей части, поскольку чаще всего не имели для этого ни возможностей, ни желания, а некоторые просто не получали указаний об установлении связи. Не был налажен также и учет агентуры, поэтому значительная часть вербовок оказалась бесцельной. Естественно, ни о какой подготовке негласного аппарата речь идти не могла. Высокой была и текучесть осведомителей и агентов, главным образом из-за боевых потерь и постоянной передислокации частей и подразделений. Осуществление личной связи также было весьма сложной задачей, поскольку все военнослужащие, как правило, находились на виду, и их контакты с сотрудниками особых отделов не могли остаться незамеченными. Для предотвращения расшифровки вербовки в основном происходили в помещениях штабов, медсанчастей, госпиталей и иных местах, куда кандидата можно было вызвать под благовидным предлогом. По этой же причине в войсках создавались резидентуры для личной связи агентов с резидентом, в качестве которого обычно выступали помощники начальников штабов, начальники химической и санитарной служб, старшины рот и санинструкторы. Опыт показал, что агентурно-осведомительный аппарат в боевых подразделениях был практически непригоден для борьбы с разведывательной деятельностью противника, поэтому он использовался в основном для контроля за настроениями личного состава, предупреждения случаев измены, дезертирства, распространения панических слухов и упущений по службе. На основании постановления ГКО от 17 июля 1941 года № 187сс «О беспощадной борьбе со шпионами, диверсантами, дезертирами, трусами и паникерами в частях Действующей армии и флота» эта группа задач в большинстве случаев решалась стереотипно, поскольку в данном случае контрразведчикам противостоял не подготовленный агент противника, а смертельно уставший от войны, затравленный и деморализованный человек, зачастую полуграмотный и не всегда отдающий отчет в собственных действиях. Агенты и осведомители особых отделов располагали списком признаков готовящейся измены, к числу которых относились подобранные листовки противника, доверительные беседы сомнительного содержания, в которых выражались неуверенность в конечной победе Советского Союза или иные аналогичные мысли. Такой человек немедленно брался в разработку для получения доказательств его изменнической деятельности. Если таковая чрезмерно затягивалась, объект выводили в тыл и продолжали ее более углубленно.

Подлинными контрразведывательными задачи решались совершенно иначе. Для этого особо высокая агентурная плотность создавалась в местах наиболее вероятного проникновения противника, к которым относились фильтрационные пункты, железнодорожные станции, продовольственные пункты, пункты проверки документов, запасные полки, штабы и подразделения боевого охранения. О масштабе такой работы можно судить по тому, что, например, только в ноябре 1942 года на Сталинградском фронте было создано 1144 резидентуры, а их общее количество достигло 4339³³⁷. Эта величина позволяет произвести несложные вычисления. По состоянию на 20 ноября 1942 года общая численность личного состава войск этого фронта с учетом 28-й армии, 300-й стрелковой дивизии, 72-го, 115-го и 156-го укрепленных районов и Сталинградского корпуса ПВО достигла 383961 человека³³⁸. Если принять минимальное количество агентов и осведомителей, находящихся на связи у резидента, за трех, то с учетом самих резидентов можно заключить, что один агент или осведомитель приходился как минимум на каждые 22 человека, то есть по одному на каждый полный стрелковый взвод. Безусловно, приведенная величина справедлива лишь в среднем значении, поскольку, как уже указывалось, в строевых частях агентурная плотность была существенно ниже, чем на угрожаемых в оперативном отношении участках. Однако качество подготовки негласных сотрудников, как и их руководителей, оставляло желать лучшего. Поверхностное изучение кандидатур и погоня за количеством источников приводила к тому, что в их числе оказалось немало дезинформаторов, двурушников и просто желавших свести личные счеты руками контрразведки. Сложившаяся тенденция оказалась весьма живучей

и сохранялась и в последующие годы. Так, например, приказ начальника УНКВД по Ленинградской области № 00109 от 4 июля 1943 года “О недочетах в агентурно-оперативной работе Отдела контрразведки НКВД “СМЕРШ” ОБТ ЛФ” гласил: “В результате ознакомления с состоянием агентурно-оперативной работы следует констатировать крайне низкий ее уровень, неоперативность и шаблон... нежелание оперативного состава решительно порвать с установившимися традициями ограничивать себя наблюдением за объектами и боязнь переходить к творческой разведывательной и контрразведывательной работе по розыску вражеской агентуры и своевременному пресечению ее преступной, подрывной деятельности... 15% дел из общего числа имеющихся формуляров и учетных дел подлежат немедленному прекращению и сдаче в архив, как заведенные без достаточных оснований и бесперспективные. Остальные дела квалифицированной агентурой не обеспечены. Осведомители, разрабатывающие подучетников, фактически являются лишь сторонними и случайными фиксаторами отдельных антисоветских высказываний”³³⁹. Приказ предусматривал пересмотр всей агентурно осведомительной сети и ее очистку “от неработоспособных элементов — балласта и двурушников”³⁴⁰.

Естественно, если дела обстояли столь неблагоприятно в 1943 году, то за год до этого уровень работы Особых отделов был вообще неудовлетворительным. В связи с создавшейся ситуацией в них была введена в действие единая система мер по выявлению и разоблачению агентов противника на стадии их проникновения, состоявшая из комплекса оперативных, заградительных и профилактических мероприятий:

- выявление агентов противника по признакам фиктивности документов и особенностям экипировки;
- опрос военнослужащих, вышедших из окружения или бежавших из плена при сомнительных обстоятельствах;
- обеспечение непроницаемости линии фронта;
- опрос населения прифронтовой полосы;
- изучение трофейных документов.

Безусловно, далеко не всегда эти предписания выполнялись. С одной стороны, распорядиться об обеспечении непроницаемости линии фронта было намного легче, чем фактически соблюсти это требование, а с другой — бывшие пленные и окруженцы всегда и при всех условиях изначально рассматривались как изменники или пособники фашистов. Противоположное им следовало доказать. Следствием такого подхода явилось буквально тотальное нарушение прав граждан, однако в СССР в рассматриваемый период подобный термин вряд ли был известен. Зато сплошная фильтрация военнослужащих, естественно, помогала выполнять задачи контрразведки, а сопутствовавшие этому обстоятельства рассматривались как второстепенные и во внимание не принимались. Справедливости ради следует отметить, что бывшие пленные и в самом деле составляли самую обширную вербовочную базу для абвера, СД и иных оперативных органов противника. С декабря 1941 года в каждой армии был организован сборно-пересыльный пункт для фильтрации бежавших из плена или вышедших из окружения военнослужащих. В целом такие мероприятия давали положительные результаты, и в начальный период войны большинство агентов противника было раскрыто благодаря именно им, а не вследствие оперативных действий. Особенно повысилась их эффективность после устранения существовавшей в первые месяцы войны нелепой ситуации, при которой у военнослужащих отсутствовал единый документ, удостоверяющий их личность. Это избавляло разведывательные органы противника от сложной и далеко не всегда надежной подделки документов и весьма затрудняло проверочные мероприятия контрразведки. Приказ наркома обороны от 7 октября 1941 года № 330 ввел в действие единую красноармейскую книжку, а установленная через каждые 10 — 15 дней особая литеровка документов способствовала выявлению вновь забрасываемой агентуры. Применялись и другие несложные, но эффективные меры. Например, периодически изменялся порядок ношения наград, что в числе прочих помогло выявить двух особо опасных террористов. Позднее, по мере накопления опыта, УОО выпустило сборник признаков подделки документов, особенностей экипировки агентов противника и легенд прикрытий, оказавший существенную помощь контрразведчикам в войсках.

Основным способом заброски германских агентов являлся сухопутный, парашютирование применялось значительно реже. Ввиду этого военная контрразведка организовала

систему заградительной службы, включавшую оперативные заслоны, контрольно-пропускные пункты (КПП) и заградительные отряды войск НКВД. С июля 1941 года их личный состав укомплектовывался военными служащими особых отделов армий и фронтов, а к следующему году такие отряды имела уже каждая армия на фронте. Здесь следует отметить, что эти отряды, предназначенные главным образом для наведения порядка в тылу и поимки вражеской агентуры, принципиально отличались от одноименных подразделений, использовавшихся для пресечения отступления собственных войск. В литературе их зачастую смешивают, но это является ошибкой. В 1943 году заградительная служба включала в себя деятельность органов военного управления, военной контрразведки и войск по охране тыла. На путях предполагаемых маршрутов агентов противника устанавливались секреты, в населенных пунктах действовали патрули, а за городом для осмотра наиболее опасных районов высылались дозоры. Заградительные мероприятия регулярно проводились в районах известных пунктов переправ агентуры противника или наиболее удобных для этой цели местах. В качестве дополнительной меры безопасности практиковалось отселение местных жителей из прилегающей к фронту 25-километровой зоны. Для прочесывания местности и проверки документов при службе заграждения имелись поисковые группы и подвижные заставы, которые использовались также для организации засад. Например, в полосе 1-го Белорусского фронта к концу войны действовали 90 подвижных постов, 45 пунктов регулирования и 64 патруля, благодаря действиям которых только в марте 1945 года на переднем крае были обнаружены и разоблачены 168 германских агентов³⁴¹.

Кроме заградительных мероприятий, относившихся к пассивным формам действий, контрразведка практиковала розыск агентов. В розыск объявлялись все без исключения агенты противника, в том числе и только намечаемые к переброске, о которых имелись хоть какие-нибудь сведения. Инструкция по организации розыска агентуры разведки противника гласила: «Основанием для объявления в розыск агента вражеской разведки являются:

- а) показания арестованных и разоблаченных агентов разведки противника;
- б) заявления и показания свидетелей;
- в) показания военнопленных, бывших официальных сотрудников разведки противника;
- г) сообщения зафронтной агентуры и других наших агентов;
- д) списки и другие материалы на агентуру, изъятые в разведывательных органах противника»³⁴².

Выработанная в период войны система розыскных мероприятий включала:

- агентурное наблюдение за вероятными маршрутами движения агентов противника и местами дислокации войск;
- контроль эфира;
- осмотр удобных для укрытия мест;
- выведывание возможных мест появления разыскиваемых с помощью агентов у их ближайших родственников или друзей;
- проверку документов в полосе боевых действий у подозрительных лиц;
- использование в розыске заградительной службы;
- использование агентов-опознавателей, розыскных агентов и содержателей агентурных квартир-ловушек.

Агенты-опознаватели, как правило, являлись разоблаченными и сотрудничавшими с контрразведкой германскими агентами, которые в результате обучения в разведшколе или из иных источников знали других агентов в лицо. Они чаще всего использовались в фильтрационных лагерях, сборно-пересыльных и контрольно-пропускных пунктах, запасных и резервных воинских частях, на вокзалах, в продовольственных пунктах и иных местах скопления военнослужащих и гражданских лиц. Розыскные агенты обычно вербовались из числа персонала предприятий бытового обслуживания, общественного питания, справочных бюро, проводников почтовых вагонов и т. д. Они располагали списком примет разыскиваемых агентов противника и целенаправленно работали в этом направлении, однако их главной задачей являлось наблюдение со стороны за поведением лиц, документы которых проверяли патрули. При обнаружении подозрительных признаков они извещали об этом комендантскую службу или иные военные власти. Существовали и узко специализированные осведомители-противодиверсионники, а также агенты-маршрутники, совершавшие поездки с целью розыска агентуры противника. Основными требованиями к этой весьма ценной кате-

гории были хорошая память, сообразительность, умение ориентироваться в изменяющейся обстановке и легальная возможность часто отлучаться с места основной работы. Агентурные квартиры-ловушки являлись изобретением военного времени и оборудовались в небольших населенных пунктах около транспортных узлов. Их содержали прошедшие специальную подготовку негласные сотрудники, ненавязчиво входившие в контакт с подозрительными лицами и предлагавшие им остановиться у них. За такими постояльцами устанавливалось наблюдение, обыскивались их личные вещи и делался вывод относительно их возможной работы на разведку противника. В случае положительного заключения они либо арестовывались, либо разрабатывались далее. Использовались также и гласные розыскные мероприятия, в основном официальные объявления о розыске конкретных лиц.

По мере увеличения количества перевербованных агентов противника появилась возможность массового формирования оперативно-розыскных групп по активному розыску вражеской агентуры, состоявших из оперативного работника контрразведки, агента-опознавателя и разведчика наружного наблюдения или младшего командира приданной воинской части. Такие группы всегда действовали в районах заброски агентов именно того разведоргана или выпускников именно той разведшколы, где ранее действовал или учился опознаватель. Розыск осуществлялся в ближнем или оперативном тылу на ведущих к линии фронта коммуникациях и в представляющих разведывательный интерес для противника населенных пунктах. Широко практиковалось направление оперативно-розыскных групп по железнодорожным или иным транспортным коммуникациям. На маршруте розыскники действовали в поездах, на крупных железнодорожных станциях, в станционных буфетах, на продовольственных и питательных пунктах и в других местах вероятного появления агентов противника. На конечных пунктах маршрутов розыск осуществлялся у военных комендатур, воинских касс, в станционных общежитиях для военнослужащих, а также в пунктах, удобных для наблюдения за передвижением воинских эшелонов и грузов и на близлежащих рынках. Контролировалась посадка в поезда и высадка из них. При визуальном обнаружении знакомого опознавателю агента с ним следовало вступить в личный контакт и пожаловаться на отсутствие связи с разведорганом противника, пытаясь выйти на агентурный передатчик и радиста. Если опознаватель встречал лиц, знакомых ему не по работе в разведке, а по совместному пребыванию в лагере военнопленных, он должен был попытаться выяснить, как именно и когда этот человек выбрался из лагеря, что делает в тылу, где проживает, кого еще из общих знакомых встречал на этой стороне фронта. Агенты-опознаватели помещались также в спецлагеря или запасные части, но в этих случаях они, естественно, использовались не в оперативно-розыскных группах, а передавались на связь обслуживающему лагерь оперработнику контрразведки.

На освобождаемых территориях организовывались оперативно-розыскные группы иного рода. Они направлялись в места недавней дислокации разведывательных и диверсионных органов и школ противника для розыска оставленной агентуры и выявления лиц из обслуживающего персонала и окружения разведшкол. Оперативная работа общего характера на освобожденных территориях осуществлялась в соответствии с указанием НКВД СССР от 18 февраля 1942 года № 64, предписывавшего, в частности, «устанавливать и брать на учет:

- а) личный состав разведывательных, контрразведывательных, полицейских и административных немецких органов, действовавших на временно захваченной противником территории...;
- б) владельцев и жильцов домов, в которых размещались упомянутые выше органы и проживали их официальные сотрудники или разведчики, а также обслуживающий их персонал;
- в) агентуру германской военной разведки, гестапо и тайной полевой полиции, оставленную в данном городе-районе или переброшенную ранее немцами в наш тыл: резидентов, агентов-разведчиков, диверсантов, террористов, радистов, связников, содержателей явочных квартир, проводников и переправщиков;
- г) членов магистратов, местных самоуправлений, старост, служащих полиции и других административных немецких органов;
- д) изменников Родины, предателей, провокаторов и немецких пособников...
- е) участников контрреволюционных белогвардейских и националистических формирований, созданных немцами;
- ж) участников созданных немцами банд, которые использовались для охраны насе-

- ленных пунктов, выполнения карательных и реквизиционных функций, выявления и задержания партизан и военнослужащих Красной Армии, бежавших из плена и вышедших из окружения, а также для бандитских налетов в нашем тылу;
- з) держателей радиостанций, складов продовольствия и боеприпасов, оставленных немцами в нашем тылу для своей агентуры и бандитских групп;
 - и) членов и кандидатов ВКП(б) и ВЛКСМ, прошедших регистрацию у немцев,
 - к) женщин, вышедших замуж за офицеров, солдат и чиновников германской армии;
 - л) держателей притонов и домов терпимости;
 - м) всех без исключения лиц, служивших в созданных немцами учреждениях и предприятиях, вне зависимости от рода обязанностей (исключая насильно мобилизованный контингент), а также всех лиц, добровольно оказывавших услуги немцам, какой бы характер эти услуги не носили;
 - н) лиц, добровольно ушедших с немцами, членов их семей, связи, оставшиеся на нашей территории.

Все перечисленные в пунктах “а”, “в”, “г”, “д”, “е”, “ж”, “з”, “л” подлежат немедленному аресту”³⁴³.

Перечисленные мероприятия, с одной стороны, сильно ударили по многим ни в чем не повинным оставшимся в оккупации советским гражданам, но, с другой стороны, оказались весьма эффективными. Например, в 1941 году фронтовые органы контрразведки задерживали 45% разоблаченных агентов противника, в 1943 — уже 55%, в 1944 — 63%, а в 1945 году их доля увеличилась до 88%. Естественно, вся эта система сложилась далеко не сразу, а потребовала многих месяцев накопления информации и упорного труда. На начальных же этапах у военных контрразведчиков, как правило, не хватало опыта, сказывалась слабая подготовка или полное отсутствие таковой, не была налажена связь, отсутствовал резерв агентов и осведомителей. Плохо обстояло дело и с проверкой агентов, тогда как в дальнейшем этот контингент стал одним из основных инструментов в борьбе с разведывательными органами противника.

Силы и средства контрразведки включали в себя не только оперативные органы, ресурсов которых не хватило бы на крупные мероприятия, но и войска. Уже 19 июля 1941 года появился приказ наркома НКВД СССР № 00941, на основании которого впоследствии были сформированы боевые полки, бригады и дивизии, использовавшиеся военным командованием в качестве фронтовых частей. Кроме того, после успешного завершения Московской наступательной операции от противника были освобождены многие населенные пункты, в которых внутренние войска разместили свои гарнизоны численностью, в зависимости от их значимости, от роты до полка. Для обеспечения этой задачи НКВД получил указание сформировать 6 стрелковых и 3 мотострелковых дивизии по 5 — 6 полков трехбатальонного состава и 5 запасных полков. Для их комплектования были направлены 92 тысячи военнослужащих из оперативных, железнодорожных, промышленных и конвойных войск и 2 тысячи пограничников. Фактически эта задача не была выполнена в полном объеме, сил хватило лишь на 8 дивизий, 3 из которых в апреле 1942 года были переданы в вооруженные силы. После этого наркомат внутренних дел дополнительно сформировал и направил на фронт 8 стрелковых бригад, 1 полк и 3 отдельных батальона общей численностью 44 тысячи человек. Однако в данной главе эти части не рассматриваются, речь идет об оперативных войсках, действовавших в тылу. Первоначально эта задача была возложена исключительно на пограничные войска, отличавшиеся высоким уровнем боевой подготовки практически всего личного состава. Уже 25 июня 1941 года пограничные части были реформированы в пограничные полки и сформированы управления по охране тыла Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. В управлениях существовали разведывательные отделы, в пограничных полках — разведывательные отделения, а в батальонах — группы разведчиков. Несмотря на заметные успехи, для эффективной охраны тыла действующей армии численность пограничных войск оказалась явно недостаточной. В соответствии с приказом наркома внутренних дел от 19 января 1942 года № 00150, Главное управление внутренних войск было расформировано, а на его базе созданы Управление войск НКВД по охране железных дорог, Управление войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности и Управление конвойных войск. Тем же приказом Управление оперативных войск НКВД реорганизовывалось в Управление внутренних войск. Однако

такая организация, вполне соответствовавшая потребностям глубокого тыла, не справлялась с еще более важными задачами в прифронтовой полосе. Поэтому в соответствии с приказом наркома от 28 апреля 1942 года № 00852, вновь давшего Управлению внутренних войск НКВД статус главка, в его составе было создано Управление войск НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии (ОТ ДКА). Фактически этот документ только оформил уже существовавшее постановление ГКО от 4 января 1942 года № 1099-сс. Управления войск по охране тыла существовали на десяти фронтах и в двух отдельных армиях, а их боевой состав в основном включал погранвойска и насчитывал 37 пограничных полков, 6 пограничных отрядов, 3 отдельных строительных батальона и 5 отдельных пограничных комендатур. Совместное положение, подписанное начальником Главного управления погранвойск НКВД СССР генерал-майором Стахановым и начальником Управления устройства оперативного тыла генштаба Красной Армии от 13 марта 1942 года гласило: “На пограничные войска НКВД, охраняющие тыл действующей Красной Армии, возлагается:

1) борьба с диверсиями, шпионажем и бандитизмом, с мелкими отрядами и группами противника, проникающими для забрасывания в тыл (автоматчиками, парашютистами, сигнальщиками и пр.);

2) в особых случаях (по решению Военного Совета фронта) на пограничные войска НКВД может возлагаться охрана коммуникаций на определенных участках”³⁴⁴.

Помимо пограничных, в состав войск по ОТ ДКА войска включались также и части внутренних войск, войск по охране особо важных предприятий промышленности, войск по охране железных дорог и конвойных войск, оказавшиеся в зоне боевых действий. Их суммарная численность достигала 163 тысяч человек.

Вскоре спектр задач, возлагавшихся на войска по охране тыла, был существенно расширен и стал включать:

- организацию агентурно-осведомительного аппарата в прифронтовой полосе в пределах охраняемых этими войсками участков;
- выявление и задержание агентов противника;
- арест предателей, ставленников и пособников оккупантов в освобожденных районах;
- выявление и ликвидацию в тылу действующей армии групп и отрядов противника;
- пресечение антисоветских выступлений и бандитизма.

Весной 1942 года в структуре войск НКВД по охране тыла Действующей Красной Армии был организован независимый от системы особых отделов чекистско-разведывательный отдел во главе с Б. П. Трофимовым, состоявший из трех отделений: 1-го (Северо-Западное направление), 2-го (Западное) и 3-го (Юго-Западное). Он не дублировался в войсках, а руководил ранее упраздненными и в январе 1942 года восстановленными оперативными органами пограничных войск, составлявших основу войск по охране тыла. В пограничных полках и батальонах по охране тыла были сформированы разведывательные отделения, а в батальонах — группы разведчиков. Все они были выведены из состава штабов и подчинены заместителям командиров по разведке.

Вначале на войска НКВД по ОТ ДКА также возлагалось ведение зафронтовой агентурной работы в интересах обеспечения охраны тыла, а именно выявление разведывательно-диверсионной деятельности противника в тылу Красной Армии, его сил и средств, каналов переброски агентов и резидентов, мест дислокации резидентур, определение объектов заинтересованности противника и по прочим направлениям. Однако такая практика продолжалась недолго и в соответствии с указанием управления войск № 19/9-001483 от 4 декабря 1942 года была отменена. Переброска агентуры через линию фронта прекращалась, ранее заброшенные и возвратившиеся агенты оставались в прифронтовой полосе для разработки лиц, имеющих связи за линией фронта, а при продвижении частей действующей Красной Армии осевшие в тылу противника агенты использовались для выявления ставленников и пособников оккупантов, шпионско-диверсионной агентуры и прочего антисоветского элемента. Лишение войск по ОТ ДКА права ведения зафронтовой работы являлось составной частью процесса централизации агентурно-оперативной работы и состоялось вскоре после аналогичного запрета НКО на ее ведение разведорганами армий и фронтов в соответствии с приказом № 00222 от 23 октября 1942 года. Занимавшиеся зафронтовой работой оперативные работники переключались на организацию мероприятий по учету забрасываемой агентуры противника и ее квалифицированному розыску.

5 марта 1943 года статус Управления войск по охране тыла был повышен до Главного управления, а список их задач был установлен окончательно:

- выявление и задержание агентуры противника в тылу фронта, выявление предателей и немецких ставленников в освобожденных районах;
- ликвидация мелких групп или отрядов противника, прорвавшихся или переброшенных в тыл;
- проведение мероприятий по организации прифронтового режима;
- охрана коммуникаций на отдельных участках в полосе тыла фронта;
- охрана армейских приемных пунктов военнопленных.

Приведенный список пополнился всего лишь один раз. 6 ноября 1944 года была издана директива № 00233, наделявшая войска по охране тыла правом ведения оперативной работы в интересах борьбы с бандформированиями на территориях сопредельных стран, занятых Красной Армией.

Обеспечение безопасности войск проводилось по множеству направлений. Одним из них стало предпринятое в начале 1943 года весьма важное изменение в системе организации почтовой связи с частями и учреждениями действующей армии, а также строевыми частями военных округов. Контрразведка установила факт регулярного использования абвером захваченной корреспонденции с указанием в адресах незасекреченной нумерации и дислокации воинских частей, что предоставляло противнику важный и вполне достоверный источник информации, который требовалось немедленно перекрыть. По этой причине был издан приказ НКО от 6 февраля 1943 года № 0105 “О порядке адресования корреспонденции в Красной Армии и правилах сношения войсковых частей и соединений с гражданскими организациями и частными лицами”. Согласно этому приказу, управления, объединения, соединения, части и учреждения действующей армии и строевые части военных округов получали условное наименование, состоявшее из слов: “Войсковая часть полевая почта” и неповторяющегося пятизначного номера. Аналогичная система была распространена на формирования наркоматов обороны, военно-морского флота, а также внутренних дел, путей сообщения, связи и гражданского воздушного флота, содержащиеся во фронтах вне норм НКО, а также на организованные партизанские отряды. Воинские части и учреждения войск НКВД центрального подчинения сохранили четырехзначные условные обозначения. Всего за период войны использовалось около 90 тысяч пятизначных номеров полевой почты, что в значительной степени затруднило идентификацию воинских частей для разведки противника.

Несмотря на важность роли войск по охране тыла, основным средством борьбы с агентурой противника в войсках и армейском тылу являлся все же агентурно-осведомительный аппарат. А за пределами тыловой зоны он был особо важен, поскольку территориальные органы госбезопасности собственными войсками не располагали. К началу 1942 года контрразведывательной работой на территории страны руководило 2-е управление НКВД СССР, штатная численность которого составляла 227 работников. Оно состояло из руководства, секретариата и оперативно-учетной группы, а также ряда оперативных отделов:

- 1 отдел:
 - 1-е отделение — обеспечение очистки освобожденных городов и районов и организация агентурной работы в них;
 - 2-е отделение — учет и разработка германских разведорганов и осуществление оперативных комбинаций;
 - 3-е отделение — выявление, разработка и ликвидация агентуры противника в Москве;
 - 4-е отделение — обеспечение агентурно-оперативной работы по лагерям военнопленных и интернированных, наблюдение за разработками местных органов НКВД;
 - 5-е отделение — учет и оперативный розыск агентов противника, предателей и пособников оккупантов;
- 2 отдел:
 - 1-е отделение — японская линия;
 - 2-е отделение — китайская и монгольская линии;
 - 3-е отделение — следственное;
- 3 отдел:
 - 1-е отделение — английское;

- 2-е отделение — американское;
- 3-е отделение — Турция, Иран, Афганистан;
- 4 отдел:
 - 1-е отделение — польское, чешское, югославское, греческое, шведское и норвежское посольства и миссии, военные миссии и колонии, атташат;
 - 2-е отделение — организация работы по линии польских нелегальных организаций в генерал-губернаторстве;
 - 3-е отделение — следственное;
 - 4-е отделение — представительство “Свободной Франции” и испанская эмиграция;
 - 5-е отделение — работа по закордону;
- 5 отдел (специальные мероприятия):
 - 1-е отделение;
 - 2-е отделение;
 - группа по обслуживанию Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала;
 - группа наружного наблюдения (НН) и установка;
- 6 отдел (охраны дипломатического корпуса):
 - 1-е отделение — обеспечение охраны иностранных представительств (Англия, Америка, Япония, Швеция);
 - 2-е отделение — обеспечение охраны иностранных представительств (Турция, Болгария, Иран, Афганистан, Китай, Югославия, Польша, Чехословакия, Монголия и Тува);
 - 3-е отделение — обеспечение охраны сотрудников посольств Англии, Америки, Чехословакии, Швеции, Польши;
 - 4-е отделение — обеспечение охраны сотрудников посольств Японии, Турции, Ирана, Китая, Югославии, Монголии, Тувы;
 - 5-е отделение — хозяйственно-финансовое и автотранспортное;
 - аппарат офицеров связи при командовании польской армии;
 - аппарат офицеров связи при командовании 1-й чешской бригады.

Приведенная структура наглядно иллюстрирует сложность и неоднозначность поставленных перед 2-м управлением задач. Следует отметить, что они оказались выполненными. Территориальные органы госбезопасности, без учета транспортных, за период войны задержали 1854 германских агента-парашютиста, в том числе 631 оснащенных рациями³⁴⁵. Значительную роль территориальные органы госбезопасности сыграли в освобождаемых районах страны, где они выполняли ряд новых для них задач под руководством отделения по борьбе с агентурой германской разведки, предателями и пособниками на освобожденной территории, входившего в состав 1-го отдела 2-го управления наркомата. В соответствии с приказом НКВД СССР № 0031 от 9 января 1942 года, на это подразделение возлагались весьма серьезные задачи:

- “а) выявление и ликвидация предателей, провокаторов, лиц, служивших при немцах на административных должностях, в полиции, самоуправлениях, и других немецких пособников;
- б) выявление и ликвидация агентуры германской разведки, выдававшей немцам коммунистов, партизан, советский актив, советских патриотов, а также выполнявшей роль провокаторов среди местного населения;
- в) выявление и ликвидация террористов, диверсантов, разведывательных резидентур, явочных квартир и пунктов, связистов, оставленных немцами, изъятие радиостанций, складов оружия, взрывчатых веществ;
- г) использование выявленных линий связи германской разведки для заброски агентуры НКВД в тыл противника с разведывательными и контрразведывательными заданиями путем агентурных комбинаций и перевербовки отдельных немецких агентов, связистов, держателей явочных квартир и пунктов;
- д) учет и розыск выявленной в результате агентурно-оперативной работы на территории, освобожденной от немцев, германской агентуры, предателей, немецких пособников;
- е) обобщение и обработка материалов местных органов НКВД о чекистской работе в районах и областях, освобожденных от немецких захватчиков”³⁴⁶.

Сразу же после ухода передовых армейских частей в населенные пункты прибывали специальные оперчекистские группы, проводившие зачистку территории, аресты агентов противника, предателей и пособников оккупантов, после чего из них формировались городские или районные отделы и отделения НКВД/НКГБ. Категории оперативного учета ставленников, пособников и прислужников врага, осуществлявшегося территориальными органами внутренних дел и государственной безопасности, практически повторяли перечисленные в приведенном ранее указании НКВД СССР от 18 февраля 1942 года № 64. В дальнейшем в карте оперативного учета появились такие категории, как “грязные антисоветские высказывания”, “буржуазные националисты”, “участники контрреволюционных восстаний”, “бывшие кулаки, помещики”, “судимые за контрреволюционные преступления”, “лица, въехавшие в СССР в массовом порядке”, “исключенные из ВКП(б) по политическим мотивам”, “переводчики”, “женщины, сожительствовавшие с оккупантами” и даже “лица, работавшие в лесничестве”³⁴⁷. Для решения поставленных задач в первую очередь широко использовался агентурно-осведомительный аппарат, а также такие средства как оперативный учет, перлюстрация корреспонденции, контроль эфира, наружное наблюдение и установка.

Система оперативного учета являлась излишне громоздкой из-за огромного количества подучетного элемента, не разрабатываемого, но состоящего под агентурным наблюдением по признакам социального происхождения, по непроверенным агентурным донесениям или следственным материалам, хотя своей текущей деятельностью эти люди доказали свою лояльность к режиму. Это тормозило работу, а отсутствие средств механизированной обработки данных предопределяло немало ошибок и промахов. Однако ее реорганизация произошла лишь в феврале 1944 года, в результате которой оперативному учету подлежали исключительно следующие категории лиц:

- ведущие активную антисоветскую работу (шпионы, диверсанты, террористы, вредители, участники антисоветских организаций и групп);
- систематически высказывающие антисоветские взгляды и распространяющие провокационные и клеветнические слухи;
- не проводящие антисоветской деятельности, но в силу своих антисоветских убеждений, политического прошлого и подозрительных связей с лицами из первой категории учета подлежащие наблюдению со стороны органов госбезопасности.

Устанавливались три вида оперативного учета: агентурное дело, дело-формуляр и наблюдательное дело, все они заводились только по проверенным материалам о враждебной деятельности лица или группы лиц. При поступлении первичных непроверенных материалов в течение трех месяцев проводилась предварительная агентурная разработка, по результатам которой принималось решение о взятии на оперативный учет. Для систематизации данных на лиц, в прошлом состоявших на учете, создавались сборники компрометирующих материалов. Дополнительно на самые важные объекты оперативного обслуживания (заводы, порты, электростанции и т. п.) заводились литерные дела. Производилась сплошная проверка архивов, по результатам которой все заведенные без достаточных оснований агентурные дела и дела-формуляры подлежали уничтожению, а лица и группы — снятию с учета.

Несколько иначе строилась единая система оперативного учета военнопленных. Она была связана с общей системой оперчекистского обслуживания этого контингента и началась еще во фронтовых приемно-пересыльных пунктах, где пленных изучали для сортировки по категориям, проводили разведывательный допрос в интересах получения военной разведывательной информации, вербовали агентуру в их среде и выявляли лиц, представляющих оперативный интерес (штабных офицеров, сотрудников и агентуру спецслужб). Затем пленные в сопровождении первичных документов попадали в стационарные лагеря, где в учетно-регистрационном отделении на них составлялись опросные листы с фотографиями. Эти листы передавались в особое отделение лагеря, в котором на основании этого и других документов оформлялись две алфавитные карточки, и заводилось учетное дело. 1 декабря 1944 года в Управлении по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) была утверждена “Инструкция по агентурно-оперативному учету военнопленных”, устанавливающая следующие виды оперативных дел:

- агентурные дела на разрабатываемую группу военнопленных;
- дела-формуляры на военнопленных, представляющих оперативный интерес и требующих активной агентурной разработки;
- дела-формуляры на агентуру из числа военнопленных;

- связи агентуры и подотчетного элемента из военнопленных, представляющих оперативный интерес
- следственные дела;
- литературные дела на объекты (лагеря, спецгоспитали и отдельные рабочие батальоны).

За период Великой Отечественной войны советскими войсками было захвачено в плен почти 5 миллионов 17 тысяч военнослужащих противника, из них в период боевых действий на Западе 4 миллиона 377 тысяч, из числа которых непосредственно из прифронтовой полосы было отправлено к местам проживания почти 745 тысяч человек. Все оставшиеся, а также интернированные 208 тысяч человек, способных носить оружие, и 61,5 тысячи функционеров НСДАП и государственно-партийного аппарата³⁴⁸ подлежали помещению в лагеря. Таковых было развернуто множество: 24 фронтовых приемно-пересыльных лагеря, 72 дивизионных и армейских приемно-пересыльных пункта, свыше 500 стационарных лагерей, 214 спецгоспиталей, 421 рабочий батальон и 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан³⁴⁹. В среде военнопленных оперативная работа велась еще с довоенного периода. Однако с началом Великой Отечественной войны выявилось несовершенство существовавшей системы, и в составе Управления по делам о военнопленных и интернированных НКВД СССР появился оперативно-чекистский отдел. В дальнейшем, после повышения статуса УПВИ до Главного управления (ГУПВИ), в соответствии с приказом № 00100 от 20 мая 1945 года он был преобразован в его 2-е (оперативное) управление. Руководство этим органом было возложено на комиссара госбезопасности 3-го ранга А. З. Кобулова, совмещавшего данный пост с должностью 1-го заместителя начальника главка.

Первоначально в НКВД существенно недооценивались возможности сбора информации в среде военнопленных, в других государствах являвшегося одним из важнейших источников добывания разведывательных сведений. Для этого имелись как объективные, так и субъективные причины, в частности, заметное отставание уровня подготовки личного состава оперативных органов УПВИ/ГУПВИ от коллег из “СМЕРШ” и территориальных органов госбезопасности. Слабая укомплектованность лагерных аппаратов еще более обостряла эту проблему. Руководство госбезопасности убедилось в этом к 1943 году, когда поток пленных стал достаточно стабилен, а его обработка потенциально позволяла получить немало оперативных выгод и полнее изучить противника. Недостаточность использования возможностей этого направления привела к появлению директивы НКВД СССР № 489 от 7 октября 1943 года “Об агентурной работе среди военнопленных”, в которой констатировалось: “Анализ работы оперативно-чекистских отделов (отделений) лагерей НКВД для военнопленных, а также оперативных отделов НКВД — УНКВД показывает, что агентурная работа среди военнопленных организована и проводится крайне неудовлетворительно... Оперативные отделы занимаются главным образом работой, связанной с внутрилагерным обслуживанием военнопленных. В организации и направлении агентурной работы отсутствует целеустремленность. Имеющиеся неограниченные возможности для проведения большой работы по агентурно-политическим организациям и приобретению ценной агентуры на много лет вперед в послевоенное время не используются... Совершенно не учитываются перспективы объектов вербовки и возможность занятия ими в соответствии с положением, специальностью и связям крупного общественно-политического положения в своей стране в послевоенное время”³⁵⁰. Очевидно, что уже к этому времени руководство наркомата смотрело вперед и прилагало серьезные усилия к созданию агентурных позиций за рубежом в послевоенный период, в частности, к насаждению агентов влияния. Появление такого документа привело к серьезной перестройке агентурной, и в первую очередь, вербовочной работы в лагерях военнопленных, а также активизации сбора разведывательной информации. По мере накопления опыта выявились значительные неиспользованные оперативные возможности в данной области, в связи с чем список направлений был значительно расширен:

- выявление и разоблачение военных преступников;
- выявление официальных сотрудников разведорганов противника и их агентов;
- выявление и разоблачение сотрудников карательных органов противника;
- сбор данных об оставленной агентуре для ее дальнейшей разработки органами “СМЕРШ” и территориальными органами НКГБ/НКВД;
- выявление бывших советских граждан — изменников;
- разоблачение деятельности разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника;

- борьба с саботажем, хищениями и диверсиями с участием военнопленных;
- выявление и ликвидация подпольных организаций в лагерях;
- предотвращение побегов;
- вербовка агентов для контрразведывательной работы в лагерях;
- вербовка агентов и подготовка к их использованию за границей;
- контроль за злоупотреблениями личного состава и вольнонаемных работников НКВД;
- военная цензура;
- сбор разведывательных сведений;
- техническая разведка;
- изобличение уголовных преступников из числа военнопленных;
- агентурное выявление и анализ настроений военнопленных и интернированных.
- выявление пресечение деятельности разведывательных служб Великобритании и США в СССР;
- выявление квалифицированных специалистов для их использования.

Как видно из приведенного списка, наиболее важная часть оперативной работы в лагерях относилась к разведке и наступательной контрразведке. В разведотделах фронтов и армий пленные, как правило, допрашивались в спешке, зато их дальнейшая разработка в оперчастях лагерей, спецгоспиталях и отдельных рабочих батальонах проводилась в более спокойной обстановке и давала немало полезных результатов. За весь период войны среди военнопленных было выявлено свыше 2 тысяч штатных работников оперативных органов рейха, среди которых оказались бывшие руководители отделов абвера Пикенброк, Бентивеньи и Бамлер, высокопоставленные сотрудники СД, ряд бывших военных атташе. Их допросы позволили получить сведения о зарубежных разведывательных сетях Германии и формах и методах работы ее спецслужб. Как и в других странах, германские пленные оказались весьма ценным источником военно-технической и научно-технической информации.

К внутрилагерной работе относилась лишь часть из ранее перечисленных направлений. Однако она была весьма важна, и не только для поддержания порядка в лагерях, спецгоспиталях и отдельных рабочих батальонах. Абвер и СД нередко забрасывали своих агентов в лагеря военнопленных для ведения там оперативной работы. Кроме того, в плен хотя и не часто, но все же довольно регулярно попадали сотрудники германских разведывательных и контрразведывательных органов, зачастую использовавшие документы прикрытия обычных военнослужащих. Их стремились выявлять, что нередко удавалось по слишком новым солдатским книжкам, по указанным в них неоправданно длительным периодам пребывания в запасных, военно-строительных, хозяйственных и других тыловых частях и командах, под которые часто маскировались разведорганы, по сделанным одним почерком записям о службе в различных частях и прочим демаскирующим признакам. Однако разведчики и контрразведчики нередко не просто избегали выявления, но и сами внедрялись в ряды противопобеговой и иной внутрилагерной агентуры. Это приводило к весьма серьезным негативным последствиям. Неопытные лагерные контрразведчики зачастую не могли противостоять операциям сотрудников германских спецслужб из числа военнопленных, проводивших собственные оперативные игры. В результате те создавали свои агентурные сети и захватывали инициативу, расшифровывали агентуру и оперативные мероприятия НКВД, выявляли формы и методы работы его сотрудников, компрометировали лояльных военнопленных, выводили из-под удара некоторых лиц, собирали и переправляли через линию фронта разведывательную и контрразведывательную информацию, организовывали акты саботажа и так далее. Ряд подобных случаев повлек достаточно тяжкие для советской стороны последствия. В результате обобщения приобретенного опыта в 1945 году появилась совместная инструкция ГУПВИ и 1-го спецотдела НКВД СССР о порядке отбора, вербовки, учета агентуры и методике работы с агентами. В ней был обобщен опыт нескольких лет войны и поставлены новые задачи в свете приближавшегося ее окончания и перспективы репатриации части пленных. Агентурный аппарат ГУПВИ разделялся на две неравные по численности категории: агентов для внутрилагерного обслуживания с целью вскрытия проводимой в них вражеской деятельности и агентов, предназначенных в дальнейшем для работы за границей. Следует отметить, что некоторые агенты из числа военнопленных сами выражали готовность продолжать нелегальную работу на СССР и после возвращения на родину, однако к таким заявителям относились с осторожностью и, как правило, их предложения

отклонялись. Многие из прошедших отбор и проверку после прибытия в свои страны отказывались сотрудничать с советской разведкой, однако в целом из агентуры оперативных органов УПВИ/ГУПВИ вышел ряд ценных нелегалов КГБ и ГРУ.

В лагерях оперативные органы ГУПВИ вели работу совместно с военной контрразведкой, особенно активной в проверочно-фильтрационных лагерях (ПФА), в частности, в розыске военных преступников. Используемые для этого в лагерях силы и средства включали советские оперативные учеты, захваченные документы противника, группы агентов-опознавателей и агентов внутрикамерной разработки, что позволило выявить сотни участников зверств в отношении советских мирных граждан и военнопленных и передать их дела в судебные органы.

Структура оперативных органов УПВИ/ГУПВИ неоднократно пересматривалась и по состоянию на январь 1945 года включала ряд подразделений:

- 1-й отдел:
 - 1-е отделение — агентурно-следственная разработка военнопленных генералов и военных преступников из числа генералов и старших офицеров;
 - 2-е отделение — агентурно-следственная разработка руководящего состава спецслужб;
 - 3-е отделение — работа с иностранными специалистами и техническая разведка;
 - 4-е отделение — оперативная техника;
- 2-й отдел:
 - 1-е отделение — организация агентурно-оперативной работы и контроль за ее осуществлением среди остальных категорий военнопленных и интернированных;
 - 2-е отделение — те же задачи;
 - 3-е отделение — организация агентурно-оперативной работы среди военнопленных японцев;
 - 4-е отделение — агентурно-оперативное обслуживание личного состава и вольнонаемных сотрудников лагерей, спецгоспиталей и отдельных рабочих батальонов;
 - 5-е отделение — выявление и оперативная разработка участников зверств (военных преступников из числа младших офицеров, унтер-офицеров и рядовых);
 - 6-е отделение — розыск лиц, проходящих по оперативным и следственным материалам;
- бюро переводчиков.

Еще одним важнейшим направлением контрразведывательной работы являлась цензура, или “политический контроль” (ПК), также претерпевшая некоторые изменения по сравнению с предшествовавшим периодом. Прежде всего, в дополнение к негласному контролю, появился гласный, то есть официальная военная цензура (ВЦ), введенная 6 июля 1941 года постановлением ГКО “О мерах по усилению политического контроля почтово-телеграфной корреспонденции”. Оно предписывало прекращение всякого почтово-телеграфного обмена с противниками СССР или странами, порвавшими с ним отношения, вводило стопроцентный просмотр писем и телеграмм, идущих из прифронтовой полосы силами НКГБ СССР, вводило военную цензуру на все входящие и исходящие почтово-телеграфные отправления в объявленных на военном положении областях и предписывало отправителям международной корреспонденции лично сдавать свои письма в почтовые отделения. Устанавливался перечень ограничений, включавший, в частности, запрещение сообщений в письмах и телеграммах сведений военного, экономического и политического характера, оглашение которых могло нанести ущерб государству, запрещение приема и посылки писем со шрифтом для слепых, кроссвордами, шахматными задачами и т. д. и запрещение употребления конвертов с подкладкой. В действующей армии организовывались подвижные военно-почтовые базы, военно-сортировочные пункты и военно-почтовые отделения, на которых оборудовались цензорские пункты и отделы военной цензуры. До октября 1942 года эту работу осуществляли органы военной контрразведки, а позднее она была поручена Отделу военной цензуры ГРУ ГШ КА. Гласному политическому контролю подлежала вся корреспонденция частей армии и флота, в ходе которого по оперативным заданиям военной контрразведки отбирались письма и проводились другие мероприятия, по почеркам выявлялись авторы анонимных антисоветских документов, а также производился выборочный контроль корреспонденции.

Огромный объем корреспонденции заставлял органы военной цензуры работать в крайнем напряжении, что зачастую провоцировало халатное отношение их работников к проверке и технической обработке почтовых отправлений. Наиболее характерные случаи перечислялись в директиве НКВД СССР № 386 от 12 сентября 1942 года: “В работе органов военной цензуры имеют место крупные недостатки. Работники военной цензуры при вскрытии и заделке конвертов часто срезают на адреса номера почтовых полевых станций или забивают их грифелями военной цензуры, в результате чего многие письма бойцам и командирам Красной Армии и Военно-Морского Флота не доставляются вовсе. Известны случаи, когда при проверке письма перепутываются и вкладываются в конверты, не принадлежащие получателю и отправителю. Из корреспонденции теряются пересылаемые фотокарточки, документы, а иногда и сами письма. Нередко адресатам доставляются письма, изрезанные на куски или приклеенные к конвертам так, что прочитать их становится невозможным. Тексты в письмах зачеркиваются или чрезвычайно небрежно и грязно, или настолько слабо, что легко прочитываются. Цензорские штампы с грифом “Просмотрено военной цензурой” часто накладываются нечетко, так что трудно установить, где и кем проверялось письмо. В то же время имеются факты пропуска политически вредных писем и даже фашистских листовок”³⁵¹.

Перечисленные недостатки в военной цензуре являлись, безусловно, прискорбными, но не фатальными, поскольку органы ВЦ действовали на основании правовых актов, и скрывать их существование не имело смысла. Иначе обстояло дело в тыловых областях. Юрисдикция военной цензуры не распространялась на обычную переписку граждан, которая, тем не менее, по-прежнему перлюстрировалась в нарушение закона, гарантировавшего тайну почтовой переписки. 14 апреля 1943 года в НКГБ появилось отдельное ответственное за ПК структурное подразделение (отдел “В”), организованное на базе отделения 2-го спецотдела бывшего НКВД СССР. Практически перлюстрация осуществлялась пунктами, обычно расположенными в зданиях городских почтамтов, в которых все письма проходили сортировку перед отправкой. Они были настолько засекречены, что даже прибытие на работу их сотрудников происходило по графику в различное, строго определенное время. Все цензоры, оперуполномоченные и руководство пунктов ПК относились к негласному штату, имели легендированные места работы и давали строжайшую подписку о неразглашении как самого факта существования политического контроля, так и сохранения в тайне информации, извлекаемой из просмотренных писем. Численность персонала типового пункта в областном центре достигала 80 человек, из которых 50 — 60 являлись цензорами, то есть просматривали корреспонденцию, 7 — 10 работали в группе “Вскрытие” и ведали, как явствует из ее названия, вскрытием конвертов, 3 — 5 занимались техническим исследованием на предмет обнаружения микроточек, следов тайнописи, применения тайнописной копировальной бумаги (ТКБ) и дактилоскопических отпечатков в случае необходимости, а 6 — 8 входили в группу “Списки” и отбирали письма в соответствии с указаниями оперативных работников и общими требованиями. Последняя группа являлась наиболее засекреченной, остальному персоналу было запрещено даже общаться с ними. Технически процесс перлюстрации начинался в общем зале сортировки писем, которые складывались официальными работниками почтамта и передавались через специальное окошко в группу “Списки”. Непосвященные воспринимали это как обычную передачу писем на отправку. При отборе почтовых отправлений сотрудники группы “Списки” руководствовались контрольными (сигнальными) карточками контрразведки, а также определенными принципами: “В первую очередь отбирались анонимные письма, письма без обратного адреса, с адресом, напечатанным на машинке, письма, отправленные на “до востребования”, заказные письма с искаженным почерком или, наоборот, написанные чересчур четко либо печатными буквами, или заклеенные самодельным клеем. Если вместо фамилии отправителя стояла закорючка, это уже считалось подозрительным, и письмо...отправлялось на проверку”³⁵². Попытки обмануть бдительность службы ПК, о существовании которой граждане СССР почти поголовно хотя и не знали, но догадывались, как правило, проваливались. Например, тщательнее других проверялись письма, опущенные в почтовые ящики не в тех городах, где проживали их отправители. Находившиеся в списках контроля авторы писем могли пользоваться вымышленными именами и подставными адресами, но это не изменяло их почерков и только влекло за собой еще более тщательное исследование корреспонденции. Особое внимание цензоров привлекала многопочерковая двусторонняя переписка, при которой на один адрес поступали письма

различных лиц с одного обратного адреса. Кроме работы по перечисленным демаскирующим признакам, по утвержденному графику периодически проводились сплошные выборки писем из одного района, с одного предприятия, от одной социальной группы, и так далее. Контроль их содержания позволял проанализировать настроения конкретного контингента, на основании чего готовились спецсообщения в соответствующие УНКГБ по темам: “Международное положение СССР”, “Внутреннее положение СССР”, “Высказывания, порочащие советский общественный и государственный строй”, “Анонимные письма, листовки, лозунги”, “Религиозная пропаганда” и другие. В международном отделении почтамта почта для вскрытия не отбиралась, а проходила сплошной контроль. Указанной проверке не подлежали только письма в партийные органы и редакции газет, поскольку предполагалось, что их получатели достаточно политически компетентны, чтобы дать им оценку самостоятельно, без помощи службы ПК.

Отобранные почтовые отправления поступали на техническую обработку в группу “Вскрытие”. В распоряжении ее персонала имелись специально изготовленные из нержавеющей стали парогенераторы непрерывного действия, дававшие равномерную тонкую струю пара. Письма, в обиходе ПК именовавшиеся исключительно “документами”, укладывались на решетку и марлеву подкладку, после чего их клапаны отгибались с помощью одной или двух тонких костяных палочек. В случае заклейки конверта не фабричным, а каким-либо иным клеем, существовал риск повреждения письма, которое в этом случае уничтожалось. Непременным правилом ПК являлось недопущение разглашения самого факта его существования, поэтому следовало исключить любые признаки, способные вызвать у получателя подозрения в возможном вскрытии корреспонденции. В особенности это касалось возможных контрольных писем иностранных разведок или подпольных организаций.

Лишь после этого цензоры получали доступ к письмам, к моменту их прихода на службу уже распечатанным и сложенным на рабочих столах. Столам полагалось быть абсолютно пустыми и чистыми, чтобы исключить риск загрязнить “документы” и оставить следы совершенных над ними операций. Проверка каждого письма занимала в среднем от 2 до 4 минут, после чего его полагалось отправить в одну из ячеек с надписями: “для оперативного использования”, “для химической проверки” и “до выяснения”. По каждому из просмотренных писем составлялся краткий меморандум, в котором указывались данные отправителя и получателя, кратко излагались интересные места из его содержания, а затем проставлялся соответствующий литер по принятому решению. “А” означало возврат корреспонденции на почтамт для дальнейшей отправки по назначению, а “К” — конфискацию. В этом случае либо на отправителя или получателя оформлялось наблюдательное дело, либо письмо отправлялось в соответствующий отдел УНКГБ, либо использовалось в спецсообщении. При необходимости с него снималась фотокопия. Окончательное решение по просмотренной корреспонденции всегда зависело не от цензора, а от оперативного работника, однако из этого правила существовало единственное исключение. При просмотре писем на языках народов СССР их содержание было доступно только цензорам-переводчикам, в компетенцию которых входил как контроль, так и дальнейшее использование полученной информации.

Цензура и оперативный учет проводились не только и не столько в интересах 2-го управления и его территориальных подразделений, сколько для обслуживания линий и направлений 3-го управления (секретно-политического, СПО). По состоянию на 20 мая 1942 года его центральный аппарат насчитывал 197 человек и включал руководство, секретариат и следующие подразделения:

- оперативная группа (регистрация, учет агентуры и антисоветского элемента, учет и обработка материалов ПК, наружного наблюдения и других литеров, составление отчетности о движении агентуры и разработок);
- группа по обработке поступающих агентурно-оперативных материалов;
- 1 отдел (борьба с остатками антисоветских политических партий и организаций):
 - 1-е отделение — правотроцкистское подполье;
 - 2-е отделение — разработка исключенных из ВКП(б) по политическим мотивам, семей репрессированного правотроцкистского актива и лиц по особому списку;
 - 3-е отделение — разработка остатков бывших антисоветских политических партий и розыск бывших провокаторов;

- 2 отдел (борьба с антисоветскими формированиями среди интеллигенции, работников искусства и литературы, советского управленческого аппарата, агентурно-оперативная работа среди молодежи):
 - 1-е отделение — разработка антисоветских формирований среди писателей, работников искусств и издательств;
 - 2-е отделение — разработка антисоветских формирований среди академиков, членов-корреспондентов и научных сотрудников НИИ; руководство агентурно-оперативной работой по украинской, белорусской Академиям наук и другим филиалам и базам, подведомственным Академии наук СССР;
 - 3-е отделение — разработка антисоветских формирований среди медицинской интеллигенции и студенчества; агентурно-оперативное обслуживание учреждений и предприятий органов здравоохранения; борьба с бактериологической диверсией;
 - 4-е отделение — разработка антисоветских формирований среди профессорско-преподавательского состава и студенчества вузов, спортивной и учащейся молодежи;
 - 5-е отделение — разработка антисоветских формирований среди интеллигенции советского управленческого аппарата, плановых, торговых, кооперативных, юридических и финансовых учреждений и ВЦСПС;
- 3-й отдел (борьба с националистической контрреволюцией):
 - 1-е отделение — борьба с грузинской, армянской, азербайджанской и горской националистической контрреволюцией и мусульманским духовенством;
 - 2-е отделение — борьба с узбекской, таджикской, туркменской, казахской, киргизской, татаро-монгольской националистической контрреволюцией и мусульманским духовенством;
 - 3-е отделение — борьба с украинской, белорусской, молдавской, литовской, латвийской, эстонской и угро-финской националистической контрреволюцией;
 - 4-е отделение — борьба с еврейской националистической контрреволюцией;
- 4 отдел (борьба с церковно-сектантской белогвардейской контрреволюцией; руководство агентурно-оперативной работой и ведение контрольно-наблюдательных разработок по борьбе с повстанчеством в районах РСФСР, а также по кулацкой ссылке):
 - 1-е отделение — борьба с церковно-сектантской контрреволюцией;
 - 2-е отделение — борьба с белогвардейской и белоказаческой контрреволюцией, разработка антисоветских формирований и руководство агентурно-оперативной работой по трудпоселениям и ссылке;
 - 3-е отделение — разработка антисоветских формирований среди сельскохозяйственной интеллигенции и студентов сельскохозяйственных вузов; разработка антисоветского элемента и руководство агентурно-оперативной работой в деревне на территории РСФСР;
- 5 отдел (розыск авторов контрреволюционных листовок, анонимок антисоветского содержания; расследования по заявлениям граждан; информация директивных органов о политических настроениях населения и результатах агентурно-оперативной работы органов НКВД; учет и анализ работы периферийных аппаратов СПО и разработка ориентировок и методических указаний последним):
 - 1-е отделение — агентурно-оперативная работа по розыску авторов контрреволюционных листовок, надписей и анонимных документов антисоветского содержания; расследования по заявлениям граждан;
 - 2-е отделение — составление информационных документов директивным органам о политических настроениях населения и об итогах агентурно-оперативной работы органов НКВД; учет и анализ работы периферийных органов и разработка ориентировок и выдача методических указаний последним, контроль за информационной работой периферийных органов и составление указаний по ней;
 - 3-е отделение — личностное обслуживание системы военкоматов, всеобуча и Осоавиахима; разработка ориентировок периферийным органам по этой линии работы;
 - 4-е отделение — агентурно-разведывательная работа по выявлению антисоветских элементов и контрреволюционных формирований в системе местной ПВО,

пожарных команд и милиции; разработка ориентировок периферийным органам по этой линии работы;

— Следственная часть.

Как видно из перечисленного, сфера деятельности 3-го управления охватывала практически все аспекты политической жизни общества. Однако она не касалась транспорта и экономики, которые с 31 июля 1941 года при объединении наркоматов государственной безопасности и внутренних дел стали объектами оперативного обслуживания Транспортного и Экономического управлений.

Центральный аппарат Транспортного управления (ТУ) насчитывал 166 человек и состоял из следующих подразделений:

— Секретариат;

— 1-е отделение (вагоны особой нормы и разведка);

— 2-е отделение (оперативный розыск);

— 3-е отделение (специальные перевозки);

— 1-й отдел (железнодорожный транспорт):

— 1-е отделение — воинские перевозки и агентурное обслуживание Центрального управления движения Наркомата путей сообщения (НКПС), военного отдела и отдела планирования перевозок НКПС;

— 2-е отделение — агентурно-оперативное обслуживание оперативных управлений НКПС;

— 3-е отделение — агентурно-оперативное обслуживание хозяйственных, административных и других неоперативных подразделений НКПС;

— 4-е отделение — руководство работой транспортных отделов (ТО) НКВД фронтовых и прифронтовых дорог;

— 5-е отделение — руководство работой ТО НКВД железных дорог;

— 6-е отделение — следственное;

— 7-е отделение — агентурно-оперативное обслуживание Главного управления военно-восстановительных работ НКПС и руководство отделениями ТУ на фронтах;

— 2-й отдел (водный транспорт);

— 1-е отделение — обслуживание центрального аппарата Наркомморфлота и периферии;

— 2-е отделение — обслуживание центрального аппарата Наркомречфлота и периферии;

— 3-е отделение — обслуживание центрального аппарата Главсевморпути;

— 4-е отделение — следственное;

— 3-й отдел (Гражданский воздушный флот (ГВФ), автотранспорт и Гушосдор);

— 1-е отделение — обслуживание ГВФ;

— 2-е отделение — обслуживание Наркомата автотранспорта;

— 3-е отделение — обслуживание Гушосдор;

— 4-е отделение — следственное;

— 5-е отделение — органы Наркомсвязи.

Как видно из перечисленного списка, в военное время работа Транспортного управления была крайне важна для обеспечения устойчивости функционирования транспорта, в особенности железнодорожного. Известно, насколько притягательными являлись его объекты для противника, стремившегося либо собирать информацию о воинских и иных перевозках, либо осуществить на них диверсии. Аналогичная картина наблюдалась и в экономике, без которой, как известно, невозможно успешное ведение вооруженной борьбы. Экономическое управление НКВД СССР насчитывало 165 человек и имело в своем составе следующие подразделения:

— Секретариат;

— Отделение по оперчеккистскому обслуживанию охраны оборонных предприятий;

— Учетная группа;

— 1-й отдел (авиастроение);

— 1-е отделение — самолетостроение;

— 2-е отделение — моторостроение;

— 3-е отделение — производство приборов и агрегатов;

— 4-е отделение — Наркомат авиационной промышленности и смежные предприятия;

- 2-й отдел (производство вооружения, боеприпасов, танкостроение, военное судостроение);
 - 1-е отделение — вооружение;
 - 2-е отделение — боеприпасы;
 - 3-е отделение — танкостроение и военное судостроение;
 - 4-е отделение — военная химия;
- 3-й отдел (станкостроение, машиностроение и металлургия):
 - 1-е отделение — станкостроение;
 - 2-е отделение — машиностроение;
 - 3-е отделение — металлургия;
- 4-й отдел (топливно-энергетическая промышленность):
 - 1-е отделение — электростанции и электропромышленность;
 - 2-е отделение — нефтяная промышленность;
 - 3-е отделение — угольная промышленность;
- 5-й отдел (военные заказы по текстильной, легкой, пищевой, мясомолочной и бумажной промышленности):
 - 1-е отделение — текстильная, резиновая и легкая промышленность;
 - 2-е отделение — пищевая, рыбная и мясомолочная промышленность;
 - 3-е отделение — лесная и бумажная промышленность;
- 6-й отдел:
 - 1-е отделение — центральный аппарат Наркомзема СССР, РСФСР и периферийный аппарат ЭКО;
 - 2-е отделение — центральный аппарат Наркомсовхозов СССР, РСФСР и руководство периферией;
 - 3-е отделение — центральный аппарат Наркомзага, Управление госрезервов;
 - 4-е отделение — обслуживание ВАСХНИЛ;
- Информационное отделение;
- Следственная часть.

Транспортное и Экономическое управления НКВД СССР являлись оперативными и представляли собой необходимые элементы обеспечения безопасности государства в период войны. Их работа обеспечивала защиту объектов от проникновения агентуры противника и противодиверсионное обеспечение, основным элементом которой, помимо технических мероприятий, был тщательный контроль за кадрами. Особенная сложность этого в военное время понятна, поскольку место большинства мобилизованных рабочих и служащих заняли зачастую случайные люди. Это существенно повышало риск инфильтрации агентуры противника, поэтому на особо важных предприятиях кадровая работа была взята под особый контроль. Там были введены должности помощников директоров по найму и увольнению, укомплектованные главным образом офицерами госбезопасности. Они вели работу с агентурно-осведомительным аппаратом на предприятии и по существу являлись там полномочными представителями контрразведки.

Несмотря на значительные достижения в области контрразведки, к концу 1942 года она все еще оставалась по сути оборонительной, более полагавшейся на заградительные мероприятия, а также на плотную сеть агентов и осведомителей в частях армии и флота и на иных объектах. Принципиально изменить такое положение можно было только с помощью наступательной оперативной стратегии и тактики, в первую очередь путем агентурного проникновения в разведывательные органы противника. Одним из основных методов для достижения этой цели являлись радиоигры — агентурно-оперативные мероприятия, заключающиеся в установлении связи с противником от имени захваченных и перевербованных агентов-нелегалов и агентов-радивистов для вскрытия его планов и намерений, перехвата каналов инфильтрации агентов, продвижения дезинформации и выполнения других задач. «Сущность радиоигр заключалась в использовании вражеских агентов с радиостанциями для дезинформации разведорганов и военного командования противника и проведения различных контрразведывательных мероприятий. В частности, радиоигры позволяли органам госбезопасности осуществлять агентурные комбинации по перехвату каналов связи разведывательных органов противника, выявление и ликвидацию их агентов, действовавших на советской территории, на внедрение органов госбезопасности в фашистские разведыватель-

ные органы и школы. С помощью радиоигр вскрывались планы противника, распознавались методы его работы и пресекалась подрывная деятельность вражеских агентов”³⁵³. Радиоигры первоначально задумывались исключительно в контрразведывательных целях, и фактически большинство их этим и ограничивалось. Однако в ряде случаев с их помощью удавалось вскрыть намерения германского командования, становившиеся понятными из направленности заданий перехватываемых агентов, их плотности на тех или иных направлениях и даже из дезинформации, с помощью которой абвер или СД пытались скрыть истинную обстановку. В случае ее разоблачения аналитики могли сделать вывод о том, какие именно действия она маскирует, что являлось существенным элементом уже не контрразведки, а разведки. Некоторые особенно масштабные радиоигры позволили продвинуться еще дальше и осуществить дезинформацию противника на тактическом и оперативном уровнях. За годы войны были проведены сотни подобных оперативных мероприятий длительностью от нескольких дней до нескольких лет. В их проведении участвовали и внедренные агенты, однако основная роль отводилась расшифрованным и проверенным агентам противника. Опыт их использования накопился лишь с течением времени, и в конечном итоге была выработана единая методика работы с двойниками. Агенты провербовывались только при соблюдении пяти обязательных условий, в противном случае после допроса они передавались военным трибуналам для вынесения приговора:

1. Явка с повинной должна быть действительно добровольной, а не вынужденной или запланированной по легенде.
2. Агент дал подробные показания о себе и о других агентах.
3. Показания агента не вызвали сомнений.
4. При допросах других агентов не выявилась его изменническая деятельность в лагерях, разведшколе или на оккупированной территории.
5. Агент переброшен через фронт не ранее, чем за 2 — 3 месяца до явки с повинной и имеет хорошую зрительную память.

Список радиоигр крайне обширен. Следует перечислить наиболее удачные или характерные из них: “Антенна”, “Арийцы”, “Бандура”, “Басмачи”, “Березино”, “Борисов”, “Братья”, “Бумеранг”, “Бурса”, “Вальд”, “Вега”, “Двина”, “Дезертиры”, “Десант”, “Десант-2”, “Диверсанты”, “Друзья”, “Дуэт”, “Загадка”, “Запоздалые”, “Звено”, “Знакомые”, “Казбек”, “Карелия”, “Кафедра”, “Ключ”, “Кобра”, “Коммерсанты”, “Контролеры”, “Корни”, “Костры”, “Курьеры”, “Кустарник”, “Лабиринт”, “Легионеры”, “Ленинградский дуэт”, “Лесники”, “Львов”, “Монастырь”, “Находка”, “Небесные пришельцы”, “Одесса”, “Опыт”, “Организаторы”, “Патриоты”, “Пешеходы”, “Пограничники”, “Подголосок”, “Подрывники”, “Послушники”, “Предатели”, “Приятели”, “Проба”, “Развод”, “Разгром”, “Ревизор”, “Салават”, “Связисты”, “Семен”, “Странники”, “Тайник”, “Танкист”, “Трезуб”, “Тростники”, “Туристы”, “Уголовники”, “Узел”, “Филиал”, “Финал”, “Фисгармония”, “Цепь”, “Шапка-невидимка”, “Школа”, “Штурм”, “Явка”, “Янус”, “Ярость”, “Ястреб” и многие другие. В некоторые периоды одновременно проводилось до 70 радиоигр.

Далеко не все они заканчивались благополучно. Хотя в целом система радиоигр оказалась весьма успешной и позволила перевести контрразведку из оборонительной в наступательную, некоторые из них не состоялись, поскольку противник разгадал их замысел. Другие проходили, на первый взгляд, в соответствии с планом, однако фактически оказывались встречной контригрой абвера или СД, в результате которой поставлялась дезинформация, или двойники гибли после обратной заброски. Бывали и случаи измены, казалось бы, благополучно провербованных агентов противника. Своеобразный итог радиоиграм периода Великой Отечественной войны подводит докладная записка от 13 октября 1945 года наркома госбезопасности В. Н. Меркулова и его заместителей Б. З. Кобулова и В. В. Чернышова на имя Л. П. Берия: “В результате радиоигр с германскими разведывательными органами, проводившимися НКГБ вплоть до окончания войны с Германией, на территорию Советского Союза были заброшены и нами арестованы:

1. 17 агентов-парашютистов, обучавшихся в немецких разведывательных школах и заброшенных в тыл Красной Армии для подрывной работы.
2. 10 немцев-сотрудников особой разведывательной команды “Юго-Восток”, заброшенных германской разведкой на территорию Калмыкии в составе 2-х авиадесантов для диверсионно-разведывательной и повстанческой работы.

3. 7 изменников родины — шпионов (не парашютистов), переброшенных в тыл Красной Армии и по заданию германской разведки проводивших активную вражескую работу.

Из общего количества 34 арестованных: немцев — 20 человек, русских — 10, поляков — 2, литовцев — 2 и армянин — 1³⁵⁴.

Следствие в отношении этих арестованных НКГБ СССР окончено. Учитывая тяжесть совершенных ими преступлений против СССР, а также в целях сохранения секретности проводившихся нами радиоигр с немцами, считаем целесообразным рассмотреть эти дела на Особом Совете с применением к обвиняемым высшей меры наказания.

Предлагаемая мера наказания согласована с зам. Прокурора Союза ССР генерал-лейтенантом юстиции тов. Вавиловым³⁵⁵.

Все перечисленные контрразведывательные мероприятия постепенно начинали давать устойчивые результаты, несмотря на переход противника от массовой заброски наспех подготовленных людей к организации более серьезного специального обучения своей агентуры. Количество задержанных советскими контрразведывательными органами агентов, агенто-диверсантов, распространителей провокационных слухов и пропагандистов постоянно увеличивалось. С начала войны по 31 июля 1942 года за семь месяцев оно достигло 11765 человек, из них за последние семь месяцев — 7755 человек, из них 222 агента-парашютиста.³⁵⁶ Трудно сказать, какую поправку в эти показатели необходимо внести с учетом ошибок и фабрикаций дел. Скорее всего, она будет не слишком значительной для категорий “агент”, “агент-диверсант” и более высокой для категорий “распространитель провокационных слухов” и “пропагандист”, к которой зачастую относили граждан за неосторожные критические высказывания в адрес властей или военного командования.

3. КОНТРРАЗВЕДКА 1943 — 1945

К началу 1943 года оперативная обстановка в стране заметно изменилась. После завершения Сталинградской наступательной операции немалая часть ранее оккупированной территории была освобождена, и это естественным образом заставило перестроить организацию контрразведывательной работы, ранее в основном сосредоточивавшейся на частях действующей армии и в ее тылу. Одновременно, как это ни парадоксально, основная тяжесть работы агентуры противника была перенесена из глубокого в ближний армейский тыл, поскольку только там абвер мог рассчитывать на добывание относительно достоверных данных о перегруппировке и сосредоточении сил Красной Армии, следовательно, и о замыслах ее командования. Кроме того, наступательный характер операций советских войск создал ряд предпосылок для облегчения работы спецслужб противника. В отличие от периода обороны, любое наступление всегда увеличивает проницаемость линии фронта и облегчает заброску в тыл наступающих войск разведывательно-диверсионных групп и отдельных агентов. У абвера и СД появилась возможность внедрения агентов методом оставления их в освобождаемых населенных пунктах. Весьма тревожили контрразведку и войска по охране тыла такие новые факторы, как удлинение коммуникаций, увеличение количества подлежащих охране объектов, появление в тылу групп немецких окруженцев, дезертиров, националистических подпольных организаций, значительное количество брошенного в местах боев оружия и боеприпасов, слабость возрождаемых местных органов власти, оседание не успевших уйти с немцами предателей, пособников оккупантов, карателей и участников зверств.

Такие особенности заставили более четко разграничить сферы ответственности войск по охране тыла и оперативно-розыскных органов, заметно возросший уровень работы которых также явился новым для 1943 года фактором. Как уже указывалось, операции и военных, и территориальных контрразведчиков к этому времени приобрели наступательный характер и в меньшей степени зависели от войск по охране тыла, что, в свою очередь, создало предпосылки для дальнейших структурных изменений. В меньшей степени на принятое решение повлияли разведывательные аспекты работы органов госбезопасности. Подлинные причины реорганизации официально не обнародовались, она мотивировалась лишь коренным изменением военно-политической обстановки в пользу Красной Армии, что, как известно, ничего не объясняет. Тем не менее, решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 апреля 1943 года № П 40/91 “Об образовании НКГБ СССР”, объявленное постановлением СНК от

№ 393-129сс, состоялось. Из Наркомата внутренних дел, как и в феврале 1941 года, выделялся Наркомат госбезопасности во главе с Меркуловым, Берия же оставался во главе НКВД. Положение о новом ведомстве было утверждено Совнаркомом значительно позднее, лишь 2 июня. Одновременно с разделением двух наркоматов военная контрразведка вновь была возвращена в состав НКО. В результате с весны 1943 года в компетенции НКГБ остались: ведение разведывательной работы за границей; борьба со шпионажем, террором, диверсиями и иной подрывной деятельностью, за исключением вооруженных сил и войск НКВД; борьба с деятельностью антисоветских элементов, враждебными проявлениями в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и в учреждениях связи; охрана руководителей партии и правительства. Приведенный список являлся исчерпывающим, от всех остальных задач органы государственной безопасности освобождались. Структурно наркомат состоял из оперативных и неоперативных подразделений, в числе которых были:

- Секретариат;
- 1-е управление (разведка);
- 2-е управление (контрразведка, создана на базе 2-го, 3-го и Экономического управлений и 3-го спецотдела НКВД СССР);
- 3-е управление (транспортное);
- 4-е управление (зафронтовое; организация террора и диверсий на оккупированных территориях);
- 5-е управление (шифровально-дешифровальное и спецсвязи);
- 6-е управление (охрана руководителей партии и правительства, создано на базе 1-го отдела НКВД СССР);
- отдел “А” (учетно-архивный);
- отдел “Б” (оперативно-технический, отвечавший также за радиоразведку и изготовление документов прикрытия);
- отдел “В” (военная цензура и перлюстрация корреспонденции³⁵⁷);
- Следственная часть по особо важным делам;
- отдел кадров;
- Административно-хозяйственное и финансовое управление.

Территориальными органами НКГБ считались наркоматы госбезопасности союзных и автономных республик, УНКГБ краев и областей, городские и районные отделения УНКГБ, а также Третьи отделы НКГБ на железных дорогах и оперативные пункты дорожно-транспортного отдела (ДТО) НКГБ на крупных железнодорожных станциях.

Заслуживает внимания факт, обычно ускользающий от внимания большинства исследователей истории советских органов государственной безопасности, но имевший большое негативное значение. Как известно, одну из основ работы контрразведки составляет система оперативного учета, базирующаяся на длительное время собираемых и систематизируемых архивах. Эти же архивы являются едва ли не основным инструментом руководителей спецслужб, при помощи которых они укрепляют свое положение в иерархической структуре власти и усиливают свое влияние на происходящие в государстве процессы. Это прекрасно знал и Берия, не расставшийся со столь острым оружием в борьбе за власть и сумевший при разделе наркоматов оставить в НКВД архивы секретариата и коллегии ВЧК—ОГПУ—НКВД, личный архив Дзержинского, архивы общего делопроизводства, агентурных и оперативных дел ВЧК—ОГПУ—НКВД, оперативные картотеки по бывшим сотрудникам советских спецслужб, по учету антисоветских и контрреволюционных элементов и особо опасных государственных преступников. Контрразведка для получения требуемых сведений или для проверки по оперативным учетам в каждом отдельном случае должна была направлять соответствующий запрос в НКВД, где его рассматривали и либо удовлетворяли, либо нет. Проверить факт наличия или отсутствия соответствующих материалов для сторонних ведомств было невозможно. Все это крайне усложняло и замедляло проведение оперативных и следственных действий.

Управление особых отделов НКВД СССР преобразовывалось в отдел контрразведки (ОКР) “СМЕРШ”³⁵⁸. Его название представляло собой сокращение словосочетания “Смерть шпионам”, впервые использованного Лениным и Дзержинским в известном воззвании “Берегитесь шпионов!”. Первоначально предлагались варианты “СМЕРИНШ” (“Смерть иностранным шпионам”) и “СМЕРНЕСШ” (“Смерть немецким шпионам”), но Сталин при

обсуждении заметил: “А почему, собственно говоря, речь должна идти только о немецких шпионах? Разве другие разведки не работают против нашей армии?”³⁵⁹. После этого бесспорного аргумента название было сокращено до “СМЕРШ”. Некоторое время отдел оставался в составе НКВД, но согласно постановлению СНК от 19 апреля 1943 года № 415-138сс Управление Особых отделов в полном составе было передано в состав наркомата обороны со статусом Главного управления контрразведки (ГУКР) со следующими задачами:

- “а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной Армии;
- б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной Армии;
- в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность безнаказанного прохода агентуры противника через линию фронта, с тем чтобы сделать линию фронта непроницаемой для шпионских и антисоветских элементов;
- г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной Армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних);
- д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах;
- е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника;
- ж) выполнение специальных заданий Народного комиссара обороны”³⁶⁰.

В наркомате Военно-Морского флота на основании постановления ГКО № 3461сс/ОВ от 31 мая 1943 года на базе бывшего морского отдела УОО НКВД СССР была образована аналогичная структура — Управление контрразведки (УКР) “СМЕРШ”. Все органы “СМЕРШ” в войсках подчинялись не армейскому или флотскому командованию соответствующего уровня, а исключительно по вертикали, своим вышестоящим органам.

В. С. Абакумов

Главное управление контрразведки “СМЕРШ” Наркомата обороны возглавил генерал-лейтенант Виктор Семенович Абакумов. Ранее с 1938 по 1941 годы он работал начальником УНКВД Ростовской области, с 25 февраля 1941 года стал заместителем наркома внутренних дел, а с 19 июля того же года одновременно возглавил и Управление особых отделов. Личность руководителя военной контрразведки оценивается различными историками по-разному, причем эти оценки колеблются в весьма широких пределах. Бесспорно лишь то, что он являлся властным человеком, умевшим, однако, лавировать между могущественными конкурентами — наркомами НКВД и НКГБ. Итоги деятельности органов “СМЕРШ” в период войны и сразу после нее одновременно свидетельствуют как о его успешном руководстве контрразведкой, так и о жестокости и беспринципности в отношении всего обслуживаемого контингента, то есть военнослужащих Красной Армии.

Неоднократно отмечалось, что по рангу Абакумов, безусловно, уступал наркомам НКВД и НКГБ, но в качестве заместителя наркома обороны Сталина в какой-то степени имел перед ними преимущество. Не подлежит сомнению, что все силы он направлял на решение поставленных перед органами “СМЕРШ” задач, включавших борьбу со шпионажем, терроризмом и диверсиями в частях, учреждениях и на кораблях, а также принятие необходимых мер, исключающих возможность безнаказанного прохода агентов противника через линию фронта. По некоторым оценкам, за период войны сотрудиниками “СМЕРШ” были задержаны около 3,5 тысяч диверсантов противника и свыше 6 тысяч парашютистов³⁶¹. Для осуществления этих задач организационная структура военной контрразведки подверглась принципиальному пересмотру. По сравнению со своим предшественником — УОО — ее центральный аппарат стал значительно более ориентирован на наступательную оперативную работу и в меньшей степени — на контроль за благонадежностью военнослужащих. На стадии разработки планировалось иметь в нем следующие подразделения:

- Секретариат;
- Аппарат помощников начальника ГУКР (по числу фронтов);
- 1-й отдел (контрразведывательное обеспечение центральных органов Красной Армии);

- 2-й отдел (работа среди военнопленных, представляющих оперативный интерес, и проверка бывших пленных и окруженцев Красной Армии);
- 3-й отдел (розыск агентуры противника в тылу Красной Армии и ведение радиоигр);
- 4-й отдел (ведение зафронтной контрразведывательной работы);
- 5-й отдел (руководство работой органов “СМЕРШ” военных округов и фронтов);
- 6-й отдел (следственный);
- 7-й отдел (оперативный учет и статистика);
- 8-й отдел (шифрсвязь);
- 9-й отдел (оперативная техника);
- 10-й отдел (обыски, аресты, установки, наружное наблюдение);
- Отдел кадров;
- Административно-финансовый и хозяйственный отдел.

В. Я. Барышников

Однако практически немедленно структура центрального аппарата ГУКР была несколько изменена, число его отделов достигло 14 (вместе с секретариатом). Отдел шифрсвязи получил № 11, отдел оперативной техники — № 8, отдел по обыскам, арестам, установкам и наружному наблюдению — № 9, а новый 10-й отдел “С” отвечал за работу по особым заданиям. Уже 29 апреля руководителями 1 — 6 и 8 — 11 отделов были назначены полковник ГБ И. И. Горгонов, подполковник ГБ С. Н. Карташев, полковник ГБ Г. В. Утехин, полковник ГБ П. П. Тимофеев, полковник ГБ Д. С. Зеничев, подполковник ГБ А. Г. Леонов, подполковник ГБ М. П. Шариков, подполковник ГБ А. Е. Кочетков, майор ГБ А. В. Зераилов, полковник ГБ И. А. Чертов. Вскоре и им, и всем остальным сотрудникам “СМЕРШ” вместо специальных были присвоены общевоинские звания.

Даже простое сравнение организационной структуры ГУКР “СМЕРШ” и УОО наглядно демонстрирует изменившийся подход к работе военной контрразведки, в особенности в действующей армии. Из руководителей ее структурных подразделений следует особо выделить В. Я. Барышникова, руководившего отделом розыска агентуры противника и ведения радиоигр, и П. П. Тимофеева, возглавлявшего направление внедрения в спецслужбы Германии.

Вся система органов “СМЕРШ” от центрального аппарата до фронтов, армий, корпусов, дивизий, бригад, военных округов, гарнизонов укрепрайонов и других соединений и учреждений Красной Армии строилась на строгом вертикальном подчинении. Ни один из командующих фронтами или армиями не мог отдавать приказания начальнику органа контрразведки, обслуживающего его объединение или соединение. Аналогичной была и обстановка на флоте.

Новый подход требовал новых кадров, что было возможно осуществить только при наличии у “СМЕРШ” собственной системы их подготовки и переподготовки. Во вновь открывшихся 1-й и 2-й Московских, Ташкентской и Хабаровской школах “СМЕРШ” одновременно могло обучаться 1350 человек, работали и краткосрочные четырехмесячные курсы в нескольких городах. Вскоре статус курсов в Новосибирске, Свердловске, Ленинграде и Саратове был повышен также до уровня школ.

Штатная численность ГУКР “СМЕРШ” была установлена в количестве 646 человек, штат УКР “СМЕРШ” фронта, в составе которого имелось более пяти армий — 130 человек, менее пяти — 112 человек, ОКР “СМЕРШ” военного округа — от 102 до 193 человек³⁶². Управление контрразведки фронта имело следующую структуру:

- секретариат;
- комендатура;
- отделение учета;
- отдел кадров;
- 1-й отдел (контрразведывательное обслуживание штаба и управления фронта);
- 2-й отдел (контрразведка по тылу фронта, борьба с агентурой противника, работа по военнопленным, фильтрация вышедших из окружения или освобожденных из плена военнослужащих);

- 3-й отдел (руководство работой подчиненных органов, борьба с подрывной деятельностью иностранных разведок, с антисоветскими элементами, с изменой Родине и с воинскими преступлениями);
- 4-й отдел (следственный).

Органы контрразведки в армиях выполняли приблизительно сходные функции. Однако суммарное число корпусов, дивизий и бригад в армии превышало число армий в составе фронта, поэтому задача руководства подчиненными оперативными органами в армейском звене была более трудоемкой. В связи с этим она не могла быть объединена в одном подразделении с выполнением иных задач, что вызвало увеличение количества отделений. Организационная структура отдела “СМЕРШ” армии выглядела следующим образом:

- секретариат;
- комендатура;
- группы учета;
- 1-е отделение (контрразведывательное обслуживание штаба и управления армии);
- 2-е отделение (контрразведывательное обслуживание управления тыла и его объектов);
- 3-е отделение (руководство подчиненными органами в корпусах, дивизиях и бригадах);
- 4-е отделение (борьба с агентурой противника, фильтрация и зафронтовая работа);
- следственное отделение.

Задачи морской контрразведки были приблизительно аналогичными, но ввиду существенного отличия оперативной обстановки на флоте от армейской организационная структура УКР “СМЕРШ” НКВМФ была несколько иной:

- секретариат;
- 1-й отдел (контрразведывательное обеспечение центральных органов — управлений НКВМФ);
- 2-й отдел (руководство работой органов “СМЕРШ” на флотах и флотилиях);
- 3-й отдел (руководство работой органов “СМЕРШ” военно-морских гарнизонов, тыловых частей, соединений и учреждений);
- 4-й отдел (оперативный учет и статистика);
- следственная часть;
- отделение оперативной техники;
- отделение обысков, арестов, установок, наружного наблюдения;
- отделение шифрсвязи;
- отдел кадров;
- административно-финансовый и хозяйственный отдел.

П. А. Гладков

С 1 марта 1944 года управление располагало Высшей школой контрразведки (ВШК). Во главе УКР “СМЕРШ” НКВМФ стоял П. А. Гладков, ОКР Балтийского флота возглавлял В. В. Виноградов, Северного флота — А. М. Кириллов (по ноябрь 1944 года), позднее — И. И. Гончаров, Черноморского флота — Н. Д. Ермолаев, Тихоокеанского флота — Д. П. Мерзленко. Местными органами УКР являлись отделы контрразведки флотов и флотилий, ВВС, эскадр кораблей, оборонительных районов, военно-морских баз, бригад кораблей, укрепленных секторов, военно-морских учебных заведений и других соединений и учреждений ВМФ. В непосредственном подчинении Центра находились ОКР флотов и флотилий, у тех, в свою очередь, — ОКР военно-морских баз, эскадр, частей береговой обороны и учебных заведений. Еще ниже в иерархии стояли уполномоченные “СМЕРШ” на кораблях.

Следует особо остановиться на таком нечасто упоминаемом органе военной контрразведки, как ОКР “СМЕРШ” НКВД СССР, в компетенцию которого входило контрразведывательное обеспечение учреждений наркомата внутренних дел и подчиненных ему войск. НКВД и его войска являлись весьма привлекательными объектами для спецслужб противника и потому требовали принятия особых мер по противодействию им. Кроме того, в задачи ОКР “СМЕРШ” НКВД как и любого другого военного контрразведывательного органа, входила работа по обеспечению боеготовности войск наркомата. Строго говоря, в первую

очередь он выполнял функции службы внутренней безопасности ведомства, и уже затем — собственно контрразведывательные функции. Отдел возглавлял начальник (до мая 1944 года С. П. Юхимович, позднее В. И. Смирнов), подчинявшийся непосредственно наркому внутренних дел. У него в подчинении имелись два заместителя и ряд структурных подразделений:

- Секретариат;
- Спецгруппа;
- Группа оперативного учета;
- 1-е отделение (агентурно-оперативная работа по центральным направлениям войск НКВД);
- 2-е отделение (руководство агентурно-оперативной работой отделов “СМЕРШ” в охране войскового тыла фронтов);
- 3-е отделение (руководство агентурно-оперативной работой отделов “СМЕРШ” в пограничных войсках);
- 4-е отделение (руководство агентурно-оперативной работой отделов “СМЕРШ” во внутренних войсках, железнодорожных, промышленных, конвойных войсках НКВД и МПВО);
- 5-е отделение (следственное);
- 6-е отделение (организационно-мобилизационное).

С. П. Юхимович

Периферийные органы ОКР “СМЕРШ” НКВД имели специфическую структуру. Поскольку наркомат внутренних дел являлся союзно-республиканским, отделы “СМЕРШ” в союзных и автономных республиках подчинялись не московским контрразведчикам, а соответствующим местным наркоматам НКВД. Аналогичной была ситуация с отделениями “СМЕРШ” в краях и областях, находившимися в подчинении начальников УНКВД. Зато войсковые подразделения “СМЕРШ”, фактически представлявшие собой переименованные особые отделы и отделения соответствующих частей, соединений и

В. И. Смирнов

объединений, имели центральное подчинение. В пограничных округах, отрядах, полках и отдельных комендатурах действовали отделы, отделения и группы “СМЕРШ”, а в дивизиях и бригадах остальных войсках НКВД — отделы и отделения. Последние постоянно реорганизовывались и переформировывались ввиду непрекращавшейся реорганизации войсковой структуры армии и наркомата внутренних дел и поэтому, вероятно, были наиболее нестабильными контрразведывательными подразделениями за весь военный период. На момент формирования ОКР “СМЕРШ” НКВД подчинялись 12 ОКР “СМЕРШ” охраны тыла фронтов, 2 ОКР “СМЕРШ” округов внутренних войск. 10 ОКР “СМЕРШ” пограничных округов, самостоятельные отделы ОКР “СМЕРШ” 1-й мотострелковой дивизии НКВД и ОМСБОН, а также 4 ОКР “СМЕРШ” в наиболее важных в военно-промышленном отношении областях (Московской, Куйбышевской, Новосибирской и Свердловской). На момент окончания войны число ОКР “СМЕРШ” округов внутренних войск увеличилось до 7, пограничных округов — до 18, ОКР “СМЕРШ” ОМСБОН в связи с расформированием бригады был ликвидирован. Были созданы ОКР “СМЕРШ” НКВД по охране тыла и коммуникаций на территории Румынии и Венгрии, а также ОКР “СМЕРШ” группы советских войск в Германии, Польше, Венгрии и Австрии. Число ОКР “СМЕРШ” войск по ОТ ДКА постоянно менялось вслед за созданием и ликвидацией фронтов, в том числе и на Дальнем Востоке.

Специфика работы отделов “СМЕРШ” в различных войсках НКВД была неодинаковой. Пограничные войска считались наиболее благополучными ввиду самой жесткой системы отбора направлявшихся в них призывников и военнослужащих, поэтому в них процент дезертиров, преступников и иного ненадежного элемента был относительно низок. Внутренние войска представляли собой уже намного менее спокойный контингент, в котором

нередки были случаи резкого снижения морально-политического уровня, пораженчества, грабежа населения и иных нарушений законности и воинской дисциплины. Еще хуже выглядели железнодорожные и промышленные войска, комплектовавшиеся в основном по остаточному принципу, а уж конвойные войска являли собой весьма неприглядную картину. В них системой стали случаи мародерства, самовольных расстрелов военнопленных и задержанных, отбирания продовольствия и имущества заключенных, сговоры с заключенными с целью организации побегов, убийств гражданского населения и прочих преступных действий. Неблагополучное состояние конвойных войск стало главной проблемой органов “СМЕРШ” НКВД, не нашедшей решения не только в период войны, но и в течение многих лет после ее окончания.

Как уже указывалось, заградительные мероприятия постепенно уступали ведущую роль оперативным, вследствие чего основным средством борьбы с разведывательными службами противника стал агентурно-осведомительный аппарат, а наивысшим достижением в этой области являлись легендированные агентурные разработки и радиоигры. К рассматриваемому периоду структура оперативных органов противника на Востоке устоялась и заметно укрепилась. Уже в 1942 году в разведшколах абвера одновременно проходили подготовку до 10 тысяч курсантов, в основном из числа советских военнопленных. При этом существенно улучшилось качество их подготовки, ставшее ответной мерой на участвовавшие провалы разведывательно-диверсионных групп и одиночных агентов в районах расположения частей Красной Армии и в ее тылу. В период с мая по ноябрь 1943 года открылись 13 новых разведшкол, а всего количество действовавших на Восточном фронте разведорганов Германии по сравнению с предыдущим периодом увеличилось в полтора раза. С начала отступления вермахта отмечается широкое использование в агентурных кадрах, наряду с военнопленными, местных румын, венгров и немцев, оставшихся в населенных пунктах после отхода фронта на Запад. Достаточный запас времени позволял абверу и впоследствии СД тщательно готовить резидентуры, оставлять для них хорошо оборудованные опорные базы и снабжать агентуру прочными легендами.

В описываемый период на территории СССР действовали органы абвера, СД-аусланд, отдела “Иностранные армии Востока” (ФХО), тайной полевой полиции (ГФП) и гестапо. Как уже указывалось, основными единицами абвера являлись абверкоманды и абвергруппы, с лета 1944 года соответственно именовавшиеся фронтовыми разведывательными командами и группами. Тем не менее, в обиходе прежнее название употреблялось до самого окончания войны, в особенности офицерами военной разведки и контрразведки. Фронтовые органы абвера имели трехзначные номера, первая цифра которых соответствовала их специализации. Как и в центральном аппарате военной разведки, единица означала разведку, двойка — диверсионные операции, а тройка — контрразведку. Соответственно номера разведывательных команд начинались от 101, диверсионных — от 201, контрразведывательных — от 301. Всего на советско-германском фронте действовали шесть диверсионных абверкоманд (201 — 206), каждой из которых подчинялось от двух до шести абвергрупп, и пять контрразведывательных (301 — 305), имевших в своем составе от трех до восьми групп. Число разведывательных абверкоманд было намного большим. Одним из наиболее крупных разведывательных органов стала абверкоманда-103, известная также по позывным ее радиоцентра как “Сатурн”. В июле 1941 года она разместилась в Минске, затем передислоцировалась в окрестности Смоленска, потом в окрестности Орши и оттуда снова возвратилась в столицу Белоруссии. После освобождения территории СССР команда перебралась в Восточную Пруссию, а на заключительном этапе войны — в Берлин. Зона ее действия охватывала Западный, Калининский, Брянский, Центральный, Прибалтийские и Белорусские фронты. “Сатурн” располагал рядом разведывательных школ, крупнейшими из которых были Борисовская и Варшавская, а также школа в Нидерзее. Забрасываемая агентура вербовалась из числа эмигрантов, затем военнопленных и перебежчиков, а также личного состава украинских, белорусских и прибалтийских националистических организаций. Члены ОУН привлекались к работе на рейх, как правило, в индивидуальном порядке, без санкции своего руководства. В интересах кригсмарине действовало не подчинявшееся ни одной из групп армий АСТ-Шварцмеер (Черное море). Абверштелле, имевшее наименование прикрытия “Морская наблюдательная команда” (НБО), в свою очередь руководило несколькими “Морскими разведывательными командами”. В 1941 году НБО передислоцировалась из Берлина в Симферополь, где была придана

штабу командования германскими ВМС на Юго-Востоке. Направлениями ее деятельности являлись Черноморский флот, Северо-Кавказский и 3-й Украинский фронты. С 1943 года НБО поочередно размещалась в Херсоне, Николаеве и Одессе, а после 1944 года — в Констанце и Вене. Команда располагала тремя радиоузлами, одновременно работавшими в Керчи, Симферополе и Анапе, а также учебными лагерями для агентуры. Кроме того, по заявкам НБО ее агенты готовились в Варшавской разведшколе. Контрразведывательные абверкоманды появились несколько позже разведывательных, когда массовая заброска через линию фронта советской агентуры вынудила немцев не полагаться исключительно на возможности ГФП. Они занимались выявлением агентов противника, партизан и подпольщиков, а также сбором и обработкой захваченных документов. Подобно “СМЕРШ”, немцы проводили радиоигры и имели постоянных агентов, перемещавшихся с ними по оккупированной территории. Общее количество всех фронтовых и территориальных органов абвера в СССР, включая АСТ-Остланд, АСТ-Украина, АСТ-Зюдукраина и АСТ-Крым, превышало 130, в их распоряжении имелось до 60 разведшкол различной величины.

В некоторых случаях абверу удавалось внедрить агентуру на весьма ответственные посты или на должности с хорошими разведывательными возможностями. В сообщении НКВД СССР № 105/Б в ГКО от 24 января 1942 года указывалось, что за первые шесть месяцев войны “особыми отделами фронтов арестовано завербованных германской разведкой 3813 человек, в том числе агентуры: проникшей в штабы, управленческие органы фронтов и армий, разведотделы, узлы связи, другие важные объекты и находившейся в частях и районах расположения Красной Армии фронтовой полосы — 83 человека”³⁶³. Относительно небольшая величина последнего показателя заставляет предположить, что в данном случае процент фальсификаций или ошибок был крайне невелик. Безусловно, прежде всего в эту категорию попадали провалившиеся и перевербованные немцами зафронтовые агенты, однако в ней оказывались и более серьезные фигуры. Например, в 1942 году были раскрыты работавшие на абвер работник Инженерного управления Юго-Западного фронта М. И. Гольдич, начальник связи 56-го района авиабазирования Н. А. Клеопин, командир 368-го батальона аэродромного обслуживания Н. П. Овсянкин, командир автотранспортной роты 268-го батальона аэродромного обслуживания А. П. Лукашевич. В 1943 году был расшифрован и арестован агент Мословский, под именем майора Прохорова возглавлявший штаб разведывательного батальона одного из мехкорпусов. В том же году был арестован Отто Плонер, с сентября 1942 года работавший чертежником в одном из отделов штаба Черноморского флота. В апреле 1944 года выяснилось, что командир медико-санитарной роты 1314-го полка 17-й стрелковой дивизии Рожков является агентом разведки противника, бывшим начальником полиции Издешского района Смоленской области Капелькиным. В том же году провалился агент абвера Кондратенко (“Дмитриев”), занимавший весьма перспективную в разведывательном отношении должность старшего делопроизводителя штаба 206-го стрелкового полка. Советская агентурная разведка в течение войны аналогичных успехов достичь не смогла. Однако эти эпизоды были, скорее, исключениями. Уже в 1942 году стала очевидной неспособность абвера принципиально переломить агентурную обстановку на Восточном фронте в пользу Германии, после чего в дело вступила СД-аусланд. Ее начальник бригадефюрер Шелленберг обратил внимание на недальновидность восточной политики рейха и разработал масштабный план политического разложения Советского Союза путем использования советских военнопленных в разведывательных, пропагандистских, диверсионных и повстанческих операциях. Особый упор планировалось делать на политическую разведку в советском тылу, активизацию сепаратистских движений, а также подготовку к созданию на территории СССР марионеточных государств, для чего поощрять деятельность Грузинского, Армянского, Волго-Татарского, Азербайджанского, Туркменского, Северо-Кавказского и Калмыцкого национальных комитетов. Деятельность Русского комитета должна была осуществляться под общим руководством генерала Власова. Гиммлер встретил планы Шелленберга без особого восторга, а у фюрера они получили самое активное неприятие и после этого осуществлялись в значительно меньших масштабах и почти на собственный страх и риск начальника разведки. Идея даже не создания национальных государств на территории СССР, а лишь обсуждения таких возможностей полностью противоречила основополагающей концепции политики Гитлера, поэтому в полной мере использовать ее потенциальные возможности так и не удалось. Ставку на раскол советского общества делала не только СД, но также абвер и ФХО. Бывший начальник 12-го отдела ОКХ “Иностранные

армии Востока” генерал-лейтенант Гелен много лет спустя заявлял: “Если бы мы действовали благоразумно, то сумели бы избежать гибельного конца. А благоразумие заключалось, в первую очередь, в том, что следовало бы признать: Россию с ее громадной территорией, богатыми сырьевыми ресурсами и многочисленным населением можно было победить, а лучше сказать — освободить от коммунизма, лишь с помощью самих русских. Народные массы в этой стране относились с антипатией, более того, ненавидели коммунистический строй и сталинскую систему в особенности. Но Гитлер не хотел считаться с этим. Он не только не использовал психологический настрой народов Советского Союза, которые в первой фазе войны проявили готовность понять немцев, но, посадив своих сатрапов, таких, как Кох, Заукель и Кубе, создавших невыносимые условия для местного населения, добился, что русские разочаровались в немцах, а потом стали их ненавидеть. Вот в чем главный просчет диктатора. И эта его ошибка весила значительно больше, чем принятые неверные оперативные решения”³⁶⁴. В мемуарах Шелленберга также содержались обоснованные упреки в адрес руководства рейха в неверном понимании самой сути войны на Востоке. По его мнению, в политическом отношении она должна была вестись не ради порабощения СССР, а для его раскола, вывода из числа противников Германии и использования в качестве ее сырьевого придатка. Поскольку недовольных существовавшим режимом в Советском Союзе хватало, а сдерживавшим фактором зачастую являлся лишь страх перед репрессиями, в случае его устранения возникали перспективные возможности для формирования частей из противников советской системы в количестве, значительно превосходившем известную “Русскую освободительную армию”. Однако такому подходу полностью противоречила вся идеология нацизма, о пересмотре которой Гитлер не желал даже слушать.

В течение длительного времени приведенная точка зрения считалась в СССР кощунственной и якобы опровергнутой самим ходом исторических событий, но теперь она воспринимается иначе. Действительно, советский народ сплотился против иностранных захватчиков, однако это произошло потому, что они вели себя именно как захватчики, а не как освободители. Никакое недовольство политическим режимом не может перевесить гнева и возмущения людей, с которыми обращаются как с рабами и недочеловеками, что и случилось после того как стал ясен захватнический и грабительский характер германского вторжения. А до этого действительно происходили и встречи солдат вермахта с цветами, и добровольные сдачи в плен целых подразделений. Это являлось таким же фактом, как и подлинный массовый героизм советских людей, их самопожертвование и патриотизм. Кроме того, и в Российской империи в последние годы ее существования, и в СССР Германия практически всегда воспринималась как враг, с которым нельзя достичь компромисса. Собственно, так оно и оказалось в действительности. Гелен не учитывал еще один фактор, не менее важный, чем социальный. Советский Союз был многонациональным государством, и далеко не все населявшие его народы устраивало отсутствие собственной государственности, о чем свидетельствует судьба распавшегося в 1991 году Советского Союза. Все перечисленные факторы привели к тому, что СССР оказался единственным участвовавшим во Второй мировой войне государством, граждане которого в массовом порядке образовывали союзные Третьему рейху воинские формирования, а также развернули широкую повстанческую деятельность. По некоторым, возможно, завышенным оценкам, общая численность участвовавших в боевых и вспомогательных частях, разного рода легионах, полиции, организациях добровольных помощников вермахта (“Hilfswillige”, “Хиви”), разведывательных и карательных органах достигла 2 миллионов человек, из которых 500 тысяч непосредственно воевали в составе вермахта и СС. Даже неполный перечень этих боевых и полицейских частей весьма впечатляет: туркестанский легион, восточно-мусульманский полк СС, гренадерская дивизия СС “Новый Туркестан”, 1-я казачья кавалерийская дивизия, казачий полк “Платов”, кавалерийский полк “Юнгшүльц”, батальон “Бергман” (“Горец”), северокавказский и кавказский полки СС, Кавказское соединение войск СС с азербайджанской, армянской и северо-кавказской боевыми группами СС, кавказско-магометанский, грузинский и армянский легионы, азербайджанские батальоны, 30-я гренадерская (1-я белорусская) дивизия СС, 11 белорусских полицейских батальонов, добровольческий батальон СС (впоследствии полк СС “Варяг”), 29-я гренадерская (1-я русская) дивизия СС (она же бригада Каминского и Русская освободительная народная армия), ударная противотанковая бригада “Россия”, 1-я русская национальная дивизия (впоследствии армия), 1-я, 2-я и 3-я дивизии РОА, 1-й авиационный полк РОА, бригада СС “Дружина”, дивизия фон Штумпфеля, батальоны “Роланд” и “Нахти-

галь”, 14-я гренадерская (1-я украинская) дивизия СС “Галичина”, Белорусская краевая оборона (21 тысяча человек), крымско-татарский легион, волжский татарский легион, 20-я гренадерская (1-я эстонская) дивизия СС, 15-я гренадерская (1-я латышская) дивизия СС, 19-я гренадерская (2-я латышская) дивизия СС и множество мелких частей. Кроме того, к концу 1942 года почти каждая из действовавших на Восточном фронте немецких дивизий имела одну-две восточные роты, а корпуса — дополнительные роты или даже батальоны, укомплектованные по преимуществу советскими гражданами нерусских национальностей. С точки зрения разведывательных операций все эти части и подразделения являлись скорее объектами для советской разведки и предметом разложения, поскольку самостоятельных оперативных органов не имели. Однако из этой среды вербовалось значительное количество агентуры абвера и СД, поэтому не учитывать так называемые “восточные батальоны” в общем обзоре оперативной обстановки нельзя. Непосредственное отношение к разведке, кроме прикомандировывавшихся к “Бранденбургу” батальонов “Нахтигаль” и “Бергман” имело лишь одно полностью укомплектованное славянами подразделение — абвергруппа “Шварц Небель” (“Черный туман”). Она активно использовалась в советских армейских тылах, а также для борьбы с партизанами, подчинялась Абт-II и была укомплектована эмигрантами, украинскими, белорусскими и прибалтийскими националистами, перебежчиками и военнопленными. Подразделение насчитывало 180 бойцов и состояло из трех диверсионных взводов, отряда контрразведки, школы и хозяйственного взвода.

Созданный 14 ноября 1944 года Комитет освобождения народов России (КОНР) во главе с генерал-лейтенантом³⁶⁵ А. А. Власовым и подчиненные ему вооруженные силы располагали собственными спецслужбами. Первой из них стал Отдел безопасности, позднее Управление безопасности КОНР, официально отвечавшее за ведение военной и агентурной разведки, контрразведку и охрану Власова и его заместителей. Неофициальным, но важнейшим направлением деятельности этой спецслужбы стало проведение диверсий и террористических актов против Красной Армии и советского руководства. Начальником управления вначале являлся майор, позднее подполковник Н. Ф. Тензеров, а затем бывший начальник особого отдела штаба Северокавказского военного округа подполковник М. А. Калугин. Разведку и контрразведку Комитета освобождения народов России курировали помощник начальника штаба вооруженных сил КОНР бывший бригадный комиссар Г. Н. Жиленков, а также начальник штаба и заместитель главнокомандующего генерал-майор Ф. И. Трухин. Впоследствии на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР последний показал: “В задачу отдела входило выявлять людей, враждебно настроенных к Власову, удалять их и обеспечивать работу учреждений и формирований, а также личная охрана Власова, связь с СД... Затем я у себя в отделе организовал контрразведку... Руководил разведкой лично я сам. В дивизиях были специальные офицеры для этой работы. Моя контрразведка была связана с штабом Кестринга, с представителями СС...”³⁶⁶. Структура Управления безопасности КОНР включала контрразведывательный отдел, следственный отдел, отдел секретной корреспонденции, отдел кадров и некоторые другие подразделения.

Кадры для зафронтовой работы готовились в Мариенбадской и Братиславской разведшколах. В первой из них обучались как разведчики оперативного звена и диверсанты, так и организаторы повстанческого движения на территории СССР, а во второй — преимущественно разведчики тактического звена, диверсанты и в незначительном количестве организаторы повстанческого движения. Ввиду быстрого продвижения советских войск единственный выпуск 11 марта 1945 года успела сделать лишь школа в Мариенбаде, ее выпускники были почти полностью переданы в распоряжение разведоргана СД “Цепелин”. Важным направлением деятельности КОНР являлось ведение контрразведки, в первую очередь выявление не советских агентов, а лиц, настроенных враждебно по отношению к комитету и его вооруженным силам. Серьезное внимание уделялось своевременному выявлению потенциальных перебежчиков и дезертиров.

В начале 1945 года оперативные органы КОНР разделились на военные и гражданские. Отдел безопасности был переименован в Управление безопасности КОНР и сосредоточился на обеспечении охраны высших должностных лиц комитета и гражданской контрразведке, а в штабе Русской освободительной армии (РОА) появился Разведывательный отдел. Его возглавлял майор, впоследствии подполковник И. М. Грачев. Организационная структура

отдела состояла из трех основных оперативных подразделений, иногда именовавшихся отделениями, а иногда — группами:

- 1-е отделение (общевойсковая разведка), начальник — подпоручик А. Ф. Вронский;
- 2-е отделение (агентурная разведка) начальник — поручик Н. Ф. Лапин, затем поручик Б. А. Гай (“Машновский”, “Морозов”);
- 3-е отделение (контрразведка) начальник — майор А. Ф. Чикалов.

Эффективность этого органа была не слишком высокой, в первую очередь по причине того, что всех мало-мальски ценных агентов немедленно забирали к себе германские спецслужбы. По некоторым сведениям, Чикалов являлся советским агентом и после войны до 1952 года работал в Западной Германии, откуда был отозван из-за угрозы разоблачения. Несмотря на это, наличие у разведотдела РОА определенных оперативных возможностей в любом случае выгодно отличало его от формирований, не имевших аналогичных подразделений. Отмечалась достаточно результативная работа 3-го отделения, выражавшаяся, однако, не столько в противодействии советской разведке, сколько в пресечении нелояльности в частях РОА. Наиболее успешными в этом отношении стали оперативные работники в дивизиях, имевшие статус офицеров по особым поручениям.

На оккупированной советской территории действовали и вспомогательные полицейские формирования. Они являлись существенным элементом оперативной обстановки и подчинялись как вермахту, так и СД. В последнем случае они носили название “Полицейских формирований по поддержанию порядка” или сокращенно “Шума” (от “Schutzmannschaft der Ordnungspolizei”) и формировались айнзаттгруппами после обработки захваченной территории. В населенных пунктах формировались городские и районные отдельные подразделения полиции, а в сельской местности — отряды местной самообороны. Полицейские гарнизоны состояли из батальонов численностью от 500 до 700 человек, а также кавалерийских дивизионов. Вспомогательные охранные функции, в том числе в концлагерях, выполняли “Добровольные полицейские формирования”, а в составе самих айнзатткоманд и айнзаттгрупп имелись подразделения вспомогательной полиции безопасности. Существовали также вспомогательные пожарные команды, нередко привлекавшиеся к выполнению иных задач. В вермахте работа с восточными добровольцами велась как командованием частей, так и абверкомандами и абвергруппами, набиравшими курсантов в разведшколы и иногда — в регулярные части (только офицеров).

Все это носило своего рода полулегальный характер и зачастую старательно пряталось от Гитлера и Гиммлера. Военное командование периодически приказывало распустить “восточные батальоны”, но затем формировало их вновь. Справедливости ради следует отметить, что многие из этих частей и подразделений в критические моменты атаковали своих союзников и уходили в партизаны или переходили линию фронта, хотя другие сражались весьма стойко.

Противодействие Гиммлера организации восточных и западных легионов оказалось не столь жестким в оперативной области, что позволило Шелленбергу создать особый разведывательный орган СД под наименованием прикрытия “Предприятие Цеппелин” (Z). Его задачей являлось ведение ширококомасштабной агентурно-оперативной работы с массовым использованием военнопленных и населения оккупированных территорий по линиям разведки, диверсий, пропаганды и повстанческого движения. Z получил достаточно широкое финансирование, только из фондов разведки на него было затрачено 50 миллионов марок. Возглавляли “Предприятие Цеппелин” штурмбанфюрер СС Курек, затем штурмбанфюрер СС Редер, оберштурмбанфюрер СС Грайфе, после его смерти в январе 1944 года — штурмбанфюрер СС доктор Хенгельхаупт, а с декабря 1944 года и до конца войны — оберштурмбанфюрер СС Рапп. К концу 1942 года Z был подчинен ведавшим Советским Союзам рефератам 1, 2 и 3 группы С (разведка в СССР, на Ближнем и Дальнем Востоке). Структура “Цеппелина” выглядела следующим образом:

- отдел Z1 — руководство действиями подчиненных органов, комплектование и снабжение:
 - подотдел Z1A — общее руководство, комплектование личным составом;
 - подотдел Z1B — руководство работой в лагерях, учет агентуры;
 - подотдел Z1C — охрана и переброска агентуры, конвойные команды;
 - подотдел Z1D — материально-техническое снабжение;

- подотдел Z1E — автотранспортный;
- отдел Z2 — обучение агентуры, численность — 16 человек;
 - подотдел Z2A — русские;
 - подотдел Z2B — казаки;
 - подотдел Z2C — кавказцы;
 - подотдел Z2D — среднеазиаты;
- отдел Z3 — обработка материалов о деятельности особых лагерей, фронтовых команд и агентуры, численность — 17 человек;
 - подотдел Z3A — русские;
 - подотдел Z3B — казаки;
 - подотдел Z3C — кавказцы;
 - подотдел Z3D — среднеазиаты.

Практическая деятельность “Предприятия Цеппелин” осуществлялась через зондеркоманды численностью вместе с агентами по 10 — 15 человек, которые не следует смешивать с общими зондеркомандами СД. Весной 1943 года вместо них были сформированы два крупных подразделения — главные команды “Русланд Митте” (впоследствии “Норд”) и “Русланд Зюд” численностью по несколько сотен штатных сотрудников и агентов. Они имели оперативную самостоятельность и согласовывали с вышестоящим руководством только наиболее важные операции и вербовку агентуры. Тем не менее, на каждую из проводимых главными командами операций в Берлине заводилось наблюдательное дело, и руководство “Цеппелина” в любой момент могло вмешаться в них с целью внесения соответствующих корректив. У Шелленберга возник даже нестандартный замысел десантировать вблизи лагерей НКВД русские батальоны под командованием офицеров СС из числа прибалтийских немцев для освобождения заключенных, их вооружения и формирования из них частей для удара по советским тылам. Однако для успешного осуществления этого плана советские граждане должны были воспринимать Германию не как смертельного врага, стремящегося поработить и уничтожить “восточных недочеловеков”, а как освободителя, а это было уже недостижимо. О плане пришлось забыть.

По мере приближения окончания войны все ветви германской разведки окончательно истощили свои людские ресурсы. Ни “Валли”, ни “Цеппелин” не были в состоянии выделить для заброски в советский тыл более нескольких десятков агентов и диверсантов, и тогда командование вермахта решило по мере сил помочь разведке. В марте 1945 года в РСХА была переведена тысяча русскоговорящих немцев, по преимуществу фольксдойче, которых немедленно начали обучать азам разведывательной и диверсионной работы. В начале апреля их подготовка была завершена, однако практически использовать новые кадры СД и Военное управление уже не успели.

Оперативную разведку на Восточном фронте вермахт осуществлял силами абверкоманд и абвергрупп, а также подразделений 12-го отдела ОКХ (ФХО). Возглавивший его в марте 1942 года полковник Райнхард Гелен, как уже указывалось, полностью перестроил работу подчиненного аппарата и превратил отдел в полноценную и успешно работавшую спецслужбу. Непосредственные фронтовые задачи возлагались в нем на сотрудников групп I, II и III. Первые из них готовили ежедневную сводку обстановки для командования, вторые занимались военным потенциалом СССР и более глубокими вопросами обстановки, не входящими в компетенцию их коллег из группы I, а группа III отвечала за допросы пленных, обработку захваченных документов и анализ советской прессы и радиовещания. В дальнейшем в ФХО появились собственные подразделения радиоразведки. К каждой группе армий был прикомандирован радиоразведывательный полк, подчинявшийся службе связи, но оперативно взаимодействовавший с абвером и ФХО. Полк имел два радиобатальона, состоявших из одной роты дальней и двух рот ближней радиоразведки. Роты прикомандировывались к штабам армий, а взводы — к штабам корпусов.

В отделе ежедневно в 10.00 и в 22.00, а иногда в 20.00 проводились оперативные совещания, на которых совместно вырабатывались разведывательные оценки для командования сухопутных войск. Гелен уделял значительное внимание систематической обработке всех доступных материалов, позволявшей получить высокие результаты даже без серьезных оперативных достижений. “Опыт на Востоке показал, что очень хороший процент успеха достигается, когда могут быть использованы 20% донесений агентов, даже если оставшиеся 80% следует отбросить”³⁶⁷.

Офицеры I группы 12-го отдела вели обстановку на фронте на нескольких специальных картах. Основными из них являлись:

1. Карта наблюдений в масштабе 1:300 000, отражавшая общую обстановку на фронте, составленную по данным разведки, и обновлявшаяся каждые 1 – 2 недели.
2. Карта передислокации войск в масштабе 1:1 000 000, отражавшая только зафиксированные перегруппировки советских войск. Она облегчала понимание происшедших процессов и обновлялась, в зависимости от их интенсивности, в период от 2 недель до 1 месяца.
3. Артиллерийская карта в масштабах 1:300 000 и 1:100 000, обновлявшаяся каждые 10 дней.
4. Карта агентуры противника в масштабе 1:100 000. Обновлялась ежемесячно и отражала движение расшифрованной советской агентуры с указаниями направлений, исходной точки и конечных пунктов. Это позволяло судить о стратегических или оперативных намерениях командования Красной Армии, которые оно старалось обеспечить разведывательными средствами.
5. Карта собственной агентуры в масштабе 1:1 000 000 служила вспомогательным документом для облегчения работы с агентами. Она обновлялась ежемесячно и содержала условные обозначения агентурных сообщений, нанесенные разным цветом, в зависимости от степени их надежности.
6. Карта железнодорожных перевозок составлялась по данным аэрофоторазведки и обновлялась ежемесячно, а иногда и ежедневно. На ней отражалось количество прошедших в конкретном направлении воинских поездов и при возможности – характер перевозимого груза. Работа с этой картой осложнялась постоянным изменением советских нормативов потребного количества подвижного состава для перевозки различных воинских частей, поэтому ее общая ценность зачастую оказывалась ниже ожидаемой. Кроме того, при ее составлении по непонятным причинам не учитывались агентурные сообщения, что повышало результативность постоянно применявшейся советской стороной стратегической маскировки перевозок.
7. Карта состояния железных дорог, на которой отображались их разрушения и восстановительные работы. Составлялась по данным аэрофоторазведки, радиоразведки и допросов военнопленных.
8. Карта расположения танковых войск. На ней учитывалась только дислокация бронетанковых частей Красной Армии, позволявшая судить о ее ударной мощи на конкретных участках фронта.

Для ведения ближней разведки германские агенты проникали в прифронтовую полосу в основном наземным путем. Как уже указывалось, с 1943 года в ней задерживалось свыше половины захваченных германских диверсантов и разведчиков, задачей которых чаще всего являлось наблюдение за каким-либо из участков, нередко они проверяли сообщения других агентов. Как правило, заброшенные агенты не снабжались радиостанциями и после недолгого пребывания в советском тылу возвращались для личного доклада. Основным средством борьбы с этой категорией агентов стала заградительная служба, в опознавательных группах которой находились агенты-опознаватели, знавшие в лицо многих своих коллег по разведшколе или иному разведывательному органу. Иногда у захваченных все же имелись рации, и тогда “СМЕРШ” пытался проводить через них короткие радиоигры для поддержания иллюзии продолжения их деятельности. Часто их целью являлось подтверждение ранее переданной по другому каналу дезинформации.

Глубинная разведка велась немцами в полосе от 50 до 300, иногда до 500 километров от линии фронта, и агенты доставлялись туда только по воздуху. Большею частью использовалось парашютирование, однако иногда применялся и посадочный способ. Эти люди экипировались и готовились уже совершенно иначе, а основным средством связи с направившим их разведорганом было радио. Данное обстоятельство предопределяло стратегию контрразведки в борьбе с такой агентурой, стремившейся в первую очередь перехватить каналы связи, то есть захватить радиста с шифрами. В случае успеха это позволяло взять под контроль не только данную группу или резидентуру, но и прибывающих к ней агентов. Таким образом появлялась теоретическая возможность контролировать всю разведывательную сеть противника, что на практике, естественно, было недостижимо даже в отдаленной

степени. Всегда существовала возможность заброски новых агентов с единственной целью контроля за той или иной группой, и предугадать это было невозможно. В отличие от Великобритании, островное положение которой явилось залогом успеха системы дезинформации, простиравшаяся через всю Европу с севера на юг линия фронта не могла быть непроницаемой на всех участках. Поэтому для обеспечения безопасности глубинных районов страны следовало сконцентрироваться, во-первых, на приложении максимальных усилий в прифронтовой полосе, а во-вторых, на наступательных операциях, то есть на внедрении в разведорганы противника.

Проведение с этой целью легендированных агентурных комбинаций и радиоигр как их разновидности вначале не являлось монополией какого-либо одного оперативного органа, однако в 1943 году начальник ГУКР “СМЕРШ” НКО Абакумов решил добиться перевода их всех в свое ведение. Эта ему почти удалось, за исключением игр 4-го управления НКГБ СССР “Монастырь” и “Послушники”. Следует отметить, что “Монастырь” был, пожалуй, самой разветвленной и долгой игрой, развившейся в две другие, и Абакумов болезненно воспринял свою неудачу в этом вопросе. Насчитывавшее 18 томов литературное дело “Монастырь” первоначально не имело отношения к радиоиграм и начиналось Особой группой при наркомне НКВД как легендированная агентурная разработка. Ее ход достаточно подробно описан в справке 10-го отдела КГБ при СМ СССР от 3 июля 1975 года № 10/5-871, а также в воспоминаниях нескольких ее прямых и косвенных участников, в том числе Судоплатова и Скорцени. В источниках имеется немало разночтений и противоречий, что в соответствующих случаях оговаривается.

Операция началась с организации легендированной антисоветской церковно-монархической организации, с помощью которой планировалось выявить лиц, стремящихся установить агентурные отношения с германской разведкой. В качестве первого шага контрразведка обратила внимание на жившего в нищете в Новодевичьем монастыре в Москве полупарализованного Б. А. Садовского, бывшего умеренно популярного поэта-символиста. В мемуарах Судоплатова он выведен под фамилией Глебов, а некоторые другие источники указывают его псевдоним “Седов”, под которым Садовской фигурировал в учебниках по спецдисциплине. Несмотря на более чем скромное существование, он не утратил живости ума и широких знакомств в среде бывшего дворянства, что весьма способствовало развитию будущей оперативной комбинации. Ключевой фигурой “Монастыря” стал агент ОГПУ/НКВД/НКГБ с 1929 года А. П. Демьянов (“Гейне”). Этот хорошо известный в предвоенной Москве сын казачьего есаула и княгини до 14 лет проживал за границей и являлся отдаленным потомком выдающегося атамана украинского казачества Головатого. Вербовка Демьянова была произведена на основе компрометирующего материала. Фактически его обвиняли в ведении антисоветской пропаганды, о чем донес ОГПУ его друг, однако в момент ареста ему подбросили пистолет и таким образом получили возможность инкриминировать вынашивание террористических намерений. Все это закончилось привлечением Демьянова к негласному сотрудничеству с органами государственной безопасности, и в дальнейшем с учетом его контактов агент “Гейне” использовался в разработке связей проживавших в СССР бывших дворян с белой эмиграцией и по линии пресечения террористических актов, что в 1929 году было вполне актуально. В последующие годы работавший на скромной должности в “Мосфильме” Демьянов при помощи НКВД стал широко известен в Москве в среде деятелей искусства

Б. А. Садовской

и особенно кинематографии. Ему также помогли обзавестись собственной лошадкой, которую “Гейне” держал в Манеже и использовал как удобное прикрытие и прекрасный предлог для установления контактов с иностранными журналистами и членами дипломатического корпуса, многие из которых увлекались верховой ездой. Такая личность не могла не вызвать интерес у спецслужб. Первый подход к нему сделал установленный разведчик, сотрудник торгового представительства Герма-

А. П. Демьянов

нии в Москве, однако НКВД не собирался разменивать перспективного агента на мелочи и для укрепления доверия дал “Гейне” указание игнорировать прощупывание. Контрразведчики пожертвовали сиюминутными оперативными выгодами, поскольку были убеждены, что в германской разведке Демьянов числится в числе первоочередных кандидатов на вербовку, и что в случае войны к нему непременно попытаются совершить подход. Такой вариант развития событий сулил немалые перспективы, поскольку “Гейне” являлся не просто всесторонне развитым человеком, но и результативным агентом с оперативным стажем, к 1941 году составлявшим свыше 10 лет. Кроме того, он умел работать на радиии и владел основами подрывного дела.

С началом войны было принято решение подвести “Гейне” к Садовскому через агента “Старого”, для чего он вместе с женой, также агентом НКВД (“Борисова”), посетил церковь Новодевичьего монастыря под предлогом молебна перед отправкой на фронт. Работавшие на НКВД служители монастыря организовали знакомство Демьянова с бывшим поэтом, продолженное благодаря их общему интересу к истории России. Контакт углублялся и развивался, агент ввел в него нескольких доверенных лиц, якобы тоже интересовавшихся российской историей. В плане оперативных мероприятий по агентурному делу “Монастырь”, помимо “Гейне” и “Борисовой”, упоминаются агенты НКВД “Старый” и его жена “Мир”. По данным госбезопасности, Садовской планировал создать в Москве антисоветскую организацию, желательно на религиозной основе, и связать ее с немцами в надежде получить помощь в подпольной деятельности. Учитывая его слабые личные возможности, вряд ли это было реально, однако ценность такого намерения заключалась в его подлинности. Садовской, в частности, написал адресованное немцам стихотворение “Братьям-освободителям”, в котором наивно предлагал им установить в России самодержавие русского царя. Ввиду инвалидности бывший поэт не мог самостоятельно осуществить свой замысел и должен был полагаться на помощь других. Возможно, его заблуждение в намерениях немцев было вызвано советской пропагандой первых дней войны, как известно, утверждавшей, что одной из целей рейха является реставрация монархического строя. Садовской не только писал стихи и предпринимал попытки организовать подпольную группу, но несколько раз направлял через фронт своих единомышленников для установления контакта с германским командованием. Источники не указывают, кого именно и как он посылал к противнику, поэтому такая информация вызывает определенное недоверие. Но о Садовском и его ближайшем друге скульпторе Сидорове немцы все же узнали, хотя пока не предпринимали никаких активных действий в этом направлении, вероятно, по причине сомнения в серьезности их намерений. Для усиления интереса абвера к этому вопросу в Особой группе при нарком НКВД было принято решение активизировать операцию по хорошо отработанной схеме и создать легендированную антисоветскую религиозно-монархическую организацию “Престол”, после чего вся операция получила название “Монастырь”. В Особой группе, к этому времени ставшей 2-м отделом НКВД СССР, планировалось использовать “Престол” для выманивания агентуры противника, то есть провести исключительно контрразведывательную операцию. С течением времени, однако, она переросла первоначальный замысел и приобрела стратегическое значение. В этой обстановке Садовской решил использовать появление в своем кругу Демьянова, достаточно хорошо известного в кругах московской интеллектуальной элиты и не вызывавшего у него подозрений в сотрудничестве с госбезопасностью. В феврале 1942 года (Судоплатов ошибочно датирует это событие декабрем 1941 года) “Седой” направил его через фронт. Согласно легенде, “Гейне” был командирован в Алма-Ату и якобы самовольно появился в прифронтовой полосе. Переход действительно состоялся. Демьянов перешел линию фронта на лыжах прямо по немецкому минному полю, на котором лишь по счастливой случайности сумел избежать подрыва. Командование германской части, в расположение которой он вышел, отправило его в штаб “Валли”, где “Гейне” подвергли длительным и изощренным допросам, а однажды даже имитировали расстрел. Однако твердый характер, десятилетний оперативный стаж и прочная легенда сыграли свою роль. Сотрудники абвера получили у проживавших ранее в Москве эмигрантов и перебежчиков самые благоприятные отзывы о Демьянове, однако, судя по всему, основную роль сыграла его предвоенная линия поведения в вербовочном прощупывании. Немцы были убеждены в том, что ни одна контрразведывательная служба не пренебрегла бы возможностью подставить противнику своего двойника, и уклонение от сотрудничества более всего укрепило их доверие к перебежчику. В результате после непродолжительного обучения основам раз-

ведывательной работы и радиодела Демьянов был возвращен в советский тыл в качестве агента “Макса” с заданием осесть в Москве для сбора информации о наличии войск, работе военных заводов и системе снабжения столицы продовольствием. “Престолу” предстояло развивать отделения на периферии, развернуть пацифистскую пропаганду и организовывать диверсии и акты саботажа. Одновременно согласовывалось использование квартир Садовского и Сидорова в качестве конспиративных. Связь предписывалось поддерживать со смоленским радиоцентром абверкоманды-103 (“Сатурн”). В перспективе Демьянову следовало попытаться внедриться в какой-либо из военных штабов для сбора информации и заняться организацией диверсий, однако не указывалось, как и в какой именно. Вскоре его вместе с двумя другими агентами сбросили на парашютах в районе Рыбинска. “Гейне” связался с контрразведкой и получил снотворное для усыпления своих спутников. Они направлялись в советский тыл для диверсионной деятельности, поэтому специалисты НКВД незаметно привели в негодность их оружие, боеприпасы, яды и средства взрывания.

“Макс” постепенно завоевывал доверие абвера, для чего пришлось имитировать ряд диверсий на Горьковской железной дороге. Вскоре он доложил о том, что смог собрать радию для установления связи с радиоцентром абверкоманды-103, после чего агентурная разработка “Монастырь” превратилась в радиоигру 4-го управления НКВД СССР. Радиотехническим обеспечением игры руководил В. Г. Фишер, в дальнейшем получивший известность в качестве нелегального резидента КГБ СССР в Нью-Йорке Рудольфа Абея. Утверждается, что для закрепления интереса абвера к ее продолжению Демьянова направили на службу в генштаб в должности офицера связи, однако такая информация вызывает значительные сомнения. Как известно, подобные должности занимают, как правило, опытные кадровые офицеры генерального штаба с академическим образованием, а “Гейне” таким критериям не соответствовал. Даже с учетом предположения, что Демьянов все же числился в генштабе по особому согласованию с НКГБ, такой вариант выглядит маловероятным. Столь удачное внедрение неизбежно насторожило бы германскую разведку, не хуже Управления кадров Наркомата обороны осведомленную о квалификационных требованиях к генштабистам. Судоплатов сообщает, что “Гейне” являлся офицером связи в штабе командующего Белорусским фронтом генерала Рокоссовского, однако и это не соответствует действительности хотя бы потому, что в 1941 — 1942 годах тот командовал механизированным корпусом, 16-й армией и войсками Брянского, Донского и Центрального фронтов, а Белорусский фронт был создан лишь в октябре 1943 года. Существует более вероятная версия, согласно которой Демьянов работал на должности, позволявшей ему знакомиться с графиком железнодорожных воинских перевозок, одновременно предоставлявшей прекрасные разведывательные возможности и вполне объяснимой для абвера. После этого “Монастырь” приобрел не столько контрразведывательное, сколько дезинформационное значение, причем передаваемая в абвер дезинформация имела стратегический уровень и специально готовилась в оперативном управлении генерального штаба.

Для укрепления доверия абвера “Гейне” в течение четырех месяцев отклонял предложения немцев о присылке курьеров, мотивируя это опасностью провалиться. Вообще всю операцию “Монастырь” с самого начала отличала крайняя терпеливость в проведении, усыпавшая неизбежные подозрения противника. Однако на этом фоне на второй план отошли контрразведывательные задачи, а это никак не устраивало НКВД. Поэтому в августе 1942 года “Макс” направил радиogramму с жалобой на постепенное ухудшение характеристик его радиации и просьбой прислать новую. Вскоре курьеры “Станков” и “Шалов” доставили ему продукты и 10 тысяч рублей, хотя передатчика у них не было, так как из соображений безопасности они закопали его на месте приземления. Агентов собирались арестовать сразу же после их встречи с Демьяновым, но Судоплатов предложил повременить десять дней, в течение которых абвер мог ожидать от них контрольные сигналы. Лично курировавшие операцию “Монастырь” Берия и Кобулов согласились, при этом нарком предупредил начальника 4-го управления, что в случае совершения агентами в Москве террористического акта или диверсии его ждет суровое наказание. Однако все обошлось без происшествий. “Станков” и “Шалов” были впоследствии арестованы, а “Гейне” сообщил, что контакт прошел благополучно, но радиация при приземлении получила повреждения и пришла в негодность. В октябре два новых курьера “Зюбин” и “Алаев” доставили “Максу” радию, 20 тысяч рублей и свежие документы для своих предшественников. Прибывшие являлись не просто связниками, а были заброшены на оседание и самостоятельную работу. Их арестова-

ли и использовали для поддержания у абвера иллюзии продолжения деятельности, и с этого момента игра “Монастырь” проводилась уже по двум направлениям: “Престол” и “Зюбин” — “Алаев”. Эта вторая часть вскоре выделилась в отдельную радиоигру “Курьеры”, имевшую уже строго контрразведывательную направленность. Ключевой фигурой в ней стал работавший на радию перевербованный “Зюбин”.

Абвер регулярно организовывал проверки безопасности своей сети, чтобы исключить возможность ее работы под контролем НКВД. В ноябре 1942 года с этой целью от “Макса” потребовали предоставить данные о местах работы всех членов “Престола”. Контрразведчики решили отклонить его, мотивируя соображениями безопасности, и лишь проинформировали абвер о том, что организация действует не только в Москве. Кстати, это является лишним подтверждением ошибочности утверждения о работе “Гейне” в данный период в штабе одного из фронтов, поскольку в таком случае его пребывание вне столицы было бы ясно и без особых разъяснений. Тогда из “Сатурна” поступила просьба дать явки и пароли в Ярославле, Муроме и Рязани, однако Демьянов сообщил, что там периферийных органов “Престола” нет, зато таковые имеются в Горьком. В 4-м управлении знали об интересе абвера к этому городу и таким образом решили взять под контроль агентурные сети противника в нем. Замысел увенчался успехом, после чего радиоигра “Курьеры” продолжилась не только в Москве, но и на Волге. Сообщается, что в ее результате были арестованы 23 агента противника (имеются и другие данные), однако главная цель — агентурное проникновение в центральный аппарат абвера — достигнута не была.

В конце 1942 года по линии “Монастыря” Демьянов сообщил о привлечении к работе одного из руководящих сотрудников Наркомата путей сообщения, имеющего доступ к информации о воинских перевозках и готового продавать ее за 500 тысяч рублей. Подобные источники имеют первостепенную важность для любой разведывательной службы, поэтому запрашиваемая сумма была выделена без промедления. Это позволило значительно увеличить поток дезинформационных материалов в абвер, хотя одновременно вызвало у немцев ряд подозрений, описанных в главе о союзниках рейха. Невзирая на них, радиоигра продолжалась.

И. (М.) Б. Маклярский

Летом 1944 года операция “Монастырь” получила новое направление, план которого детально разработал начальник 3-го отдела 4-го управления НКГБ СССР, заместитель Судоплатова полковник И. (М.) Б. Маклярский³⁶⁸. Утверждают, что замысел этой радиоигры под названием “Березино”, проводившейся с августа 1944 по май 1945 года, принадлежал лично Сталину, хотя это и вызывает некоторые сомнения. Несомненно лишь то, что верховный главнокомандующий вместе с Молотовым и Берия санкционировал ее проведение. Операция предусматривала создание в районе Березино легендированной окруженной части вермахта, на роль командира которой был выбран пленный подполковник “ваффен-СС” Герхард Шерхорн. До попадания в советский плен он командовал 36-м охранным полком 286-й охранной дивизии СС и был захвачен при обстоятельствах, позволявших скрыть этот факт. Для осуществления столь масштабного замысла НКВД пришлось организовывать и забрасывать в район Березино опергруппу численностью в 20 человек во главе с майором госбезопасности Борисовым и некоторое количество военнослужащих войск НКВД по охране тыла.

18 августа “Макс” радировал в абвер, что, прибыв в освобожденный Минск, он случайно вступил в контакт с группой попавших в окружение и бродящих по лесам солдат и офицеров вермахта и СС. У них якобы было много раненых, заканчивались продовольствие и боеприпасы. Демьянов сообщил, что группу возглавляет Шерхорн, и для укрепления доверия сообщил некоторые подробности его биографии. Как и ожидалось, в Берлине радиограмма вызвала значительный интерес и желание объединить окруженцев в группу или отряд под единым командованием для выхода в расположение своих войск с одновременным проведением диверсионных действий в тылу Красной Армии. После недели проверки “Макс” получил радиограмму следующего содержания: “Благодарим за сообщение. Мы просим помочь нам связаться с этой немецкой частью. Мы намерены для них сбросить различные грузы и

Герхард Шерхорн

прислать радиста”³⁶⁹. Игра началась. Об этом моменте Отто Скорцени впоследствии вспоминал: “Армейская контрразведка получила странную радиограмму от одного завербованного еще в самом начале войны русского агента. В ней утверждалось, что значительная группировка германских войск не сложила оружие и ведет оборонительные бои в лесах севернее Минска”³⁷⁰. Ввиду отсутствия прямого контакта с окруженными генерал-полковник Йодль вызвал его и дал задание заняться этим вопросом. Скорцени, в подчинении которого имелось немало владевших русским языком прибалтийских немцев, разработал операцию “Фрайшютц” с привлечением истребительного “восточного батальона”. Из его состава были сформированы 4 поисковые группы, состоявшие из двух немцев и трех русских добровольцев в каждой. За несколько дней до заброски в советской униформе и с фальшивыми документами в леса Белоруссии они прекратили бриться и умываться, чтобы, по словам Скорцени, больше походить на красноармейцев. Бойцы поисковых групп должны были обнаружить отряд Шерхорна и немедленно организовать строительство взлетно-посадочной полосы для эвакуации по воздуху. Первая группа высадилась в августе ночью и сразу же вышла на связь с сообщением о жесткой посадке, окружении и ведении боя, после чего замолчала. Вторая группа была выброшена в начале сентября и вышла на связь лишь на шестые сутки. Разведчики доложили об обнаружении отряда Шерхорна, при этом специалисты по связи дали заключение об идентичности почерка радиста. Пароль и сигнал безопасности соответствовали оговоренным, и Скорцени понял, что эта миссия увенчалась успехом. Вечером на связи был сам Шерхорн.

В действительности в это время все силы “СМЕРШ”, НКГБ и войск по охране тыла были направлены на предотвращение любых попыток немцев заслать курьеров в якобы окруженный отряд. В Минской области бойцы опергруппы Борисова оборудовали ложный лагерь и площадку для приема сброшенных грузов и парашютистов. Следует отметить, что информация Скорцени о заброске групп поиска расходится с отчетом НКГБ. По данным госбезопасности, первая направлявшаяся к Шерхорну группа под командованием Курта Киберта высадилась с самолета в ночь с 15 на 16 сентября и насчитывала в своем составе не трех, а пятерых бойцов. На земле их приняли без осложнений, а по дороге к легендарному лагерю инсценировали арест случайным патрулем как прибывших, так и встречавших. На допросе захваченные агенты показали, что являются сотрудниками прикомандированной к штабу группы армий “Центр” абверкоманды-103, то есть либо они дезинформировали советских контрразведчиков, либо это была другая, параллельно заброшенная группа. Следует отметить, что элемент дезинформации присутствовал в любом из этих двух вариантов, поскольку в сентябре 1944 года абверкоманда уже не было. В этот период фронтовые разведывательные команды подчинялись ФХО, а позднее были переданы в состав РСХА. Вне зависимости от этих деталей, все трое парашютистов имели рации и должны были самостоятельно выйти на связь с центром после того, как убедятся, что все прошло благополучно. Два германских разведчика согласились участвовать в радиогре, но третий отказался. Судьба его неизвестна, а напарники сообщили в центр, что он был тяжело ранен при приземлении. Сопоставление обстоятельств заставляет предположить, что группа Киберта не подчинялась Скорцени и действовала по линии армейской разведки. Командир “Фриденшталя” сообщает о заброске третьей и четвертой “пятерок”, одна из которых высадилась через сутки после второй и просто исчезла, а последняя трое суток регулярно выходила на связь и обозначала свое местоположение. На четвертый день ее рация замолчала, так что Скорцени не смог сообщить об обнаружении группы Шерхорна, однако через три недели все разведчики объявились. Они пешим порядком вернулись через линию фронта и сообщили, что тоже нашли окруженный отряд, указали его координаты и доложили, что первый же заброшенный врач при приземлении получил сложный открытый перелом обеих ног и через неделю умер. Это, естественно, являлось дезинформацией, поскольку группа Шерхорна, как известно, не существовала, но разведчики могли и не знать об этом. Часть людей из опергруппы НКГБ выступала под видом немцев, имелись там и настоящие немцы, добровольно или под принуждением сотрудничавшие с советской контрразведкой. Кроме того, по легенде группа Шерхорна в сентябре 1944 года насчитывала 1500 человек, в числе которых было 200

местных полицейских, то есть наличие в отряде говорящих только по-русски людей было объяснимо.

Операция “Березино” продолжалась. После сообщения о гибели первого врача прибыл другой, высаживались также офицеры связи, а всего прибыло и было перехвачено 16 человек (по другим данным, 23). Кроме того, немцы по воздуху доставляли в отряд оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты, 8 раций. “Хе-111” эскадрильи III/КГ-200³⁷¹ вылетали в Белоруссию каждую вторую или третью ночь, при этом их полезная нагрузка никогда не опускалась ниже 500 килограммов, так что общее количество сброшенного и захваченного снаряжения весьма впечатляет.

Полуторатысячная часть, к тому же все время пополняющаяся за счет других окруженных групп, не может долго оставаться незамеченной, поэтому при проведении операции “Березино” приходилось постоянно имитировать боевые столкновения, бомбардировать с воздуха некоторые участки лесов и принимать иные меры. В штабе группы армий “Центр” решили, что все возраставшее количество раненых сдерживает мобильность группы Шерхорна, и предложили вывезти их по воздуху. Это поставило под угрозу продолжение операции, но прямой отказ был невозможен. В расположение отряда вылетел военный инженер для руководства строительством взлетно-посадочной полосы, однако вскоре Скорцени получил радиограмму с сообщением о том, что советские бомбардировщики разрушили уже почти готовую ВПП. Одновременно из Белоруссии стали поступать донесения о постоянных ожесточенных боях с частями Красной Армии, не позволявших задерживаться на одном месте для приема самолетов. Отряд все время якобы находился в боях или на марше, его дислокация постоянно менялась, поэтому Шерхорн требовал от командования присылать возможно больше грузов. Эскадрилья III/КГ-200 уже испытывала острую нехватку горючего, однако заявки окруженной группы подлежали исполнению в первую очередь за счет любых других заданий. Втайне от Шерхорна немцы продолжали заброски групп из бойцов 1-го полка дивизии “Бранденбург” для контроля за истинным состоянием дел. Это был один из критических моментов операции, поскольку информации об их прибытии не было никакой, и полагаться приходилось только на четкую работу заградительной службы. По имеющейся информации, “СМЕРШ” и войска по охране тыла перехватили восемь таких групп. Судя по отсутствию расшифровки операции, незамеченных контролеров не осталось.

Наступила зима, и солдатам и офицерам группы Шерхорна пришлось бы в лесах весьма трудно, если бы они и в самом деле там были. Естественно, бойцы опергруппы майора Борисова не испытывали недостатка в продовольствии и медикаментах, однако постоянное пребывание в зимних лесах тоже создавало для них заметные проблемы. Ввиду секретности операции не могло быть и речи о замене личного состава для отдыха, поэтому все они продолжали оставаться в отряде. Одновременно им неоднократно пришлось вступать в схватки с группами настоящих окруженцев и бывших полицейских. Сложность положения усугублялась тем, что, согласно легенде, из-за нажима со стороны советских войск окруженная часть постоянно меняла дислокацию, а перемещаться следовало реально, поскольку засечка пеленгов немедленно выявила бы обман. Вдобавок один из офицеров штаба группы армий “Центр” усомнился в способности Шерхорна командовать войсками и потребовал личной встречи с якобы пребывавшим в том же отряде подполковником Экардом. К этому времени легендированная часть была разбита на три столь же легендированных подразделения, которыми якобы командовали подполковник Михаэлис, майор Диттман и упоминавшийся подполковник Экард. Естественно, все они пребывали в Москве и не имели понятия о том, что в рейхе их полагают по-прежнему ведущими ожесточенные бои в глубоком тылу советских войск. Проблема состояла в том, что Экард оказался единственным из трех “командиров подразделений”, отказавшимся участвовать в операции, а нужен был именно он, и сломить сопротивление офицера удалось не сразу. В декабре 1944 года желаемая встреча все же произошла, но командование группы осталось прежним. Единственное новшество заключалось в том, что теперь все легендированные подразделения установили собственную магистральную связь со штабом группы армий, и с начала 1945 года радиоигра велась по трем параллельным линиям.

В Германии буквально с замиранием сердца следили за маршем измученных соотечественников по зимней Белоруссии. Легендированный отряд пробивался на север, к замерзающим озерам, способным послужить импровизированными аэродромами. Он был якобы разделен на две части, проходившие в день по 8 — 10 километров и постоянно отражавшие

атаки войск по охране тыла Красной Армии. Скорцени, так и не узнавший о подлинной подоплеке операции, с горечью вспоминал, что с февраля 1945 года люфтваффе перестало получать горючее для полетов в расположение отряда Шерхорна. Однако в глубине души у него иногда возникало явное сомнение в реальности происходящего. В мемуарах он пишет: “После войны, в лагере для военнопленных, я провел немало бессонных ночей в размышлениях о судьбе 2000 немцев, сгинувших в снегах России. Ни один из них не вернулся домой. Может быть, все это время русские вели с нами “игру”? Мы многое знали о методах русской контрразведки, поэтому у каждого радиста был свой пароль и кодовый знак, по которому мы могли определить, работает он под контролем или нет. Но за годы моего заключения я узнал столько хитроумных контрразведывательных методик русских, что начал сомневаться. Их высочайший профессионализм в этой области не может не вызывать уважения. А мне остается только надеяться, что наступит день, когда эта загадка разрешится и прояснится судьба исчезнувшего отряда”³⁷². Этот день действительно пришел, однако Скорцени до него не дожил, поскольку в 1975 году умер в Мадриде.

Легендированная “группа Шерхорна” поддерживала связь с абвером до самого окончания войны, а ее командир даже успел получить очередное звание полковника и награду. Очевидно, что, начав игру, НКГБ был обречен проводить ее до конца во избежание расшифровки параллельных операций “Монастырь” и “Курьеры”. Следует отметить, что операция “Березино”, судя по всему, так и не оправдала надежд, возлагавшихся на нее командованием. Она требовала огромных ресурсов, в частности, постоянного обеспечения функционирования в отрыве от нормальных коммуникаций опергруппы Борисова (20 человек), приданного ей подразделения войск по охране тыла (255 человек), агентов и радистов. Захват доставляемых по воздуху грузов не имел серьезного значения, а арестованные в результате радиоигры несколько десятков (по самым завышенным оценкам) агентов являлись буквально каплей в море по сравнению с сотнями, забрасываемыми абвером и СД через фронт. Вызывает сомнения и часто встречающееся в советских источниках утверждение о том, что в Берлине серьезно рассчитывали дезорганизовать советские тыловые коммуникации с помощью 1,5 — 2 тысяч измученных и полуголодных людей, среди которых было немало раненых. Собственно, даже из воспоминаний Скорцени явствует, что немцы главным образом занимались выводом своих военнослужащих из окружения, а их партизанские действия в тылу Красной Армии рассматривались при этом в качестве сопутствующих. Поэтому остается не вполне понятным, ради чего, собственно, затевалась вся операция. Высказывалась идея вывести “группу Шерхорна” к фронту и в момент его перехода ввести в прорыв одну из частей для нанесения удара в тыл вермахта. Однако такую идею нельзя признать здравой, поскольку среди двух тысяч человек невозможно спрятать дополнительную дивизию или даже полк, а меньшее подразделение неизбежно было бы просто уничтожено фронтовыми частями противника. Так что наиболее масштабная часть тройной легендированной агентурной операции (“Монастырь” — “Курьеры” — “Березино”) оказалась и наименее результативной по критерию “стоимость/эффективность”.

С окончанием войны игра была прекращена. Шерхорн и Михаэлис возвратились в лагерь военнопленных, откуда вышли уже в 1948 году, но большинство других участвовавших в ней немцев были расстреляны. В послевоенный период Демьянова безуспешно пытались использовать в разработке эмиграции, однако интереса к нему никто не проявил. По одним данным, “Макса” не забыл генерал Гелен, пытавшийся передать его на связь разведке Соединенных Штатов, но американцы отказались принять агента. На этот счет имеется и противоположная информация, согласно которой начальник 12-го отдела никогда не доверял Демьянову и после окончания войны даже не пытался возобновить работу с ним. В любом случае, использовать “Гейне” в оперативных целях больше не удалось, и он был исключен из списков действующей агентуры. В 1975 году Демьянов умер в 64-летнем возрасте от инфаркта во время катания на байдарке по Москве-реке. За активное многолетнее участие в легендированной агентурной организации и радиоигре стратегического масштаба он удостоился лишь самого низшего из советских военных орденов — Красной Звезды.

Ни одна из проведенных органами “СМЕРШ” радиоигр не достигла размаха “Монастыря”, но общий эффект от этих комбинаций был весьма значителен. Как уже указывалось, их можно условно разделить на игры в прифронтовой полосе и в глубоком тылу, причем количество первых было значительно больше, зато вторые существенно превосходили их

по размаху. В этом отношении показательна крупномасштабная операция по обеспечению безопасности Москвы “Стальное кольцо”, скорее являвшаяся не операцией, а комплексом агентурных и заградительных мероприятий. Она включала в себя, в частности, многочисленные радиоигры, например, “Загадку”, в ходе которой удалось выманить на советскую территорию специалиста по обучению операторов агентурных передатчиков СД Алоиза Гальфе. Среди успешных игр случались и неудачи, и накладки. Например, трагедией едва не завершилась проводившаяся с февраля 1943 года аппаратом 3-го отдела ГУКР “СМЕРШ” радиоигра “Борисов” по обеспечению безопасности железнодорожных перевозок на узле Голицыно. К перевербованным агентам Антонову и Нилову был сброшен с парашютом преподаватель Борисовской разведшколы Меншиков, захваченный и доставленный в ОКР “СМЕРШ” 11-й армии. Оперативные работники отдела, превысив свои полномочия и нарушив все существовавшие инструкции по действиям в подобных ситуациях, допросили его и решили расстрелять, не запросив согласия ГУКР. На допросе армейские контрразведчики, судя по всему, разбиравшиеся лишь в выявлении измены в обслуживаемых частях и подразделениях, получили информацию о находящихся в одном из домов поселка Томилино двух агентах, на связь с которыми и прибыл Меншиков. Тем временем в нем организовали засаду оперативные работники 3-го отдела ГУКР, как раз ожидавшие прибытия проверяющих и связников из абвера. Появление там не только никогда не участвовавших в подобных операциях, но даже теоретически не подготовленных к таким действиям армейцев неминуемо вызвало бы перестрелку и многочисленные жертвы, однако в ситуацию вмешался счастливый случай. По пути в поселок работники ОКР проезжали через Люберцы и захали посоветоваться в горотдел УНКГБ о порядке действий. Местные чекисты отвечали за безопасность своей территории, поэтому их в общих чертах проинформировали о проводящейся операции. Это спасло и Меншикова, которого не успели расстрелять, и самих армейских контрразведчиков, поскольку “волкодавы”-розыскники 3-го отдела гарантированно расстреляли бы их или же серьезно ранили для захвата с последующим допросом. История получила огласку в пределах “СМЕРШ” и повлекла за собой увольнение из органов и отправку на фронт всего руководства ОКР 11-й армии. Вообще же игра “Борисов” преподносила контрразведчикам и другие сюрпризы. Одним из них стало внезапное исчезновение пользовавшегося определенным доверием перевербованного агента Нилова. После безуспешного поиска контрразведчики решили, что он сбежал, и собирались объявлять его во всесоюзный розыск, однако совершенно случайно выяснилось, что тот был просто сбит автомашиной и лежал в госпитале, откуда позвонить своим руководителям никак не мог.

Периодически радиоигры проводились весьма далеко от линии фронта, поэтому теоретически ими должно было руководить одно из центральных управлений НКГБ или его территориальные органы, а никак не “СМЕРШ”. Однако занималась ими военная контрразведка, начальник которой Абакумов добился у Сталина исключительного права на их проведение. Например, игра “Арийцы”³⁷³ проходила в 1944 году в Калмыцких степях, в этот период находившихся уже в глубоком советском тылу. 23 мая там совершил посадку транспортный “Юнкерс” Ю-290, доставивший на место отряд абвергруппы-103 из 24 человек под командованием капитана Эбергарда фон Шеллера (“Кваст”). При посадке самолет был замечен, обстрелян и сгорел, в завязавшемся бою погибли четверо германских диверсантов и трое летчиков, а остальные были захвачены. Пленные показали, что их группа прибыла для создания базы, на которую планировалось перебросить 36 эскадронов Калмыцкого корпуса под командованием доктора Отто Доля (псевдоним зондерфюрера Рудольфа Вербе, в действительности являвшегося начальником штаба корпуса). Следует отметить, что указанное количество войск явно завышено, в этот период в корпусе имелось не более 25 эскадронов. Второй задачей отряда была подготовка к приему оборудования для создания промежуточного радиоцентра, предназначенного для приема сигналов от агентурных передатчиков, недостаточно мощных для поддержания устойчивой связи через отодвинувшийся слишком далеко на запад фронт. Несмотря на постигшую отряд и самолет катастрофу, его командир успел преждевременно отрапортовать в эфире о благополучной высадке, что явилось редкой и неожиданной удачей. Контрразведчики решили использовать ситуацию и 29 мая начали радиоигру “Арийцы” с участием бортрадиста самолета лейтенанта Ганса Ганзена (“Колонизатор”). Он не был специалистом по агентурной радиосвязи, и это позволяло обоснованно обойти использование пароля, сигналов опасности и других положенных в аналогичных случаях мер контроля. Перевербованный фон Шеллер (“Борода”) 30 мая сообщил о гибели са-

молета, якобы сбитого истребителями сразу же после взлета для возвращения обратно, и об установлении связи с местными антисоветскими группировками. Это было весьма похоже на правду, поскольку коренное население Калмыкии отличалось нетерпимостью к советскому режиму и широко сотрудничало с немцами. В период Сталинградской оборонительной операции местные жители поймали и сдали ГФП и абверу немало советских агентов, за каждого из которых им выплачивалось вознаграждение. Немцы поверили сообщению и 12 июня прислали “Фокке-Вульф” ФВ-200 (встречающееся в некоторых источниках сообщение о том, что это был еще один Ю-290, ошибочно), сбросивший на парашютах 20 тюков груза и 5 человек. Самолет сел, чтобы забрать экипаж предыдущего “Юнкерса”, якобы спасшийся на парашютах и находившийся в отряде, но попал в замаскированную траншею и сломал шасси. Летчики попытались отбиться от группы захвата из бортовых пулеметов, завязался бой, в ходе которого полностью сгорела и эта машина. Потеря двух самолетов являлась весьма чувствительным ударом, после которого в разведцентре усомнились в обстановке и приняли дополнительные проверочные меры. “Квасту” было предписано составить новый шифровальный лозунг из 31 символа с упоминанием мелких деталей из жизни его семьи и эпизодов службы, чего посторонний человек сделать никак не мог. В лояльности же самого капитана его руководство было явно уверено. “Бороде” было предписано отказаться от передачи первого варианта лозунга и запросить второй. Он выполнил требуемое, абвер остался удовлетворенным, и радиоигра продолжилась. Однако немцы не торопились перебрасывать эскадроны, и к лету стало ясно, что они решили отказаться от развития операции. В этих условиях у контрразведчиков не оставалось иного выхода, кроме постепенного сворачивания игры. К концу августа 1944 года радист передал последнее сообщение о неминуемой гибели отряда в предстоящем неравном бою, после чего прекратил выходить на связь.

С июня 1944 года в Навашинском районе Брянской области действовал заброшенный через линию фронта германский диверсионный отряд численностью в 34 человека под руководством очень опытного агента, бывшего лейтенанта Красной Армии Хлудова. Месяц спустя он был разгромлен, а захваченного в плен радиста Борисова использовали для проведения радиоигры “Десант”, имитировавшей продолжение действий диверсантов для захвата возможно большего количества агентов и снабжения. Это вполне удалось. Количество захваченных грузов измерялось тоннами, дважды присылалось пополнение. В первом случае часть из прибывших 10 человек погибли в завязавшемся бою, зато вторую группу из 14 человек удалось принять без осложнений. Диверсантов усыпили с помощью подмешанного в пищу снотворного, после чего их захват не представлял никаких проблем. Радиоигра “Десант” проводилась по январь 1945 года.

Как уже указывалось, количество одновременно проводившихся радиоигр исчислялось десятками, многие из них наталкивались на встречные комбинации немцев, тоже больших мастеров в этой области. Собственно, само понятие “радиоигры” (“функельшпиль”) было введено в оборот именно немцами. Они часто применяли их на Западе, однако там масштаб противодействия спецслужб был все же не сравним с Востоком. Даже с учетом массовой заброски агентов СОВЕ и ОСС советско-германское противостояние в области разведки не имело аналогов. Общее число пересекавших линию фронта агентов и диверсантов с обеих сторон исчислялось десятками тысяч, и эта борьба продолжалась буквально до последних дней войны. Еще в январе 1945 года радиоигры проводились по 6 линиям, в феврале — по 4, в марте — по 5, и даже в апреле — по 4.

Немало успешных операций по захвату агентуры противника осуществили за время войны территориальные органы НКГБ/НКВД. Безусловно, большая часть агентов и диверсантов вылавливалась в действующей армии и прифронтовой полосе, однако все оставшиеся пришлось на долю периферийного аппарата. В числе сорванных операций противника была и такая получившая известность акция как предотвращение покушения на Сталина двумя заброшенными террористами. Существует несколько версий данной истории, в том числе и рассекреченное уголовное дело, которое, впрочем, тоже вызывает немало сомнений в достоверности имеющихся в нем фактов.

Непосредственными исполнителями операции являлись двое советских граждан. Первым из них был 32-летний П. И. Шило, в 1932 году арестовывавшийся за растрату и бежавший из-под стражи. Арест и побег повторялись также в 1934 и 1936 годах, после чего он в 1939 году сменил документы и жил под именем П. И. Таврина. После мобилизации

будущий террорист в течение некоторого времени служил без каких-либо осложнений, но позднее был опознан как находящийся в розыске Шило. После допроса у уполномоченного особого отдела 29 мая 1942 года он не стал дожидаться ареста и в эту же ночь перешел линию фронта. Имеется еще одна версия ухода будущего террориста, гласящая, что в его адрес пришло некое письмо на имя “Таврина-Шило”, что побудило находящегося в розыске бывшего бухгалтера немедленно бежать. В любом случае, он оказался у немцев, где представился сыном полковника царской армии и заявил, что желает бороться с коммунистами по идейным побуждениям. Через некоторое время при помощи занимавшего видное положение в РОА бывшего советского генерал-лейтенанта Г. Н. Жиленкова перебежчик из лагеря попал в разведшколу. Существует, однако, и иная версия, согласно которой террористом был лейтенант Красной Армии Политов, но она не подтверждается документами и потому вряд ли верна. Известно точно лишь то, что у немцев этот человек в дальнейшем использовал оперативный псевдоним “Политов”. Вскоре он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны, и в июле 1943 года вербовщики СД отобрали его для выполнения спланированного Шелленбергом и утвержденного Кальтенбруннером задания особой важности. Утверждалось, что подготовку “Политова” якобы курировал Отто Скорцени, лично убедившийся в высоких оперативных и боевых качествах кандидата. Агент должен был проникнуть в Москву и ликвидировать Сталина, для чего получил соответствующую экипировку. У него имелось 500 различных советских документов и бланков, радиостанция, большая сумма денег, 7 пистолетов, охотничьи ружья, холодное оружие, гранаты, магнитная мина, взрывчатка, детонаторы, а также специально разработанный для данной акции гранатомет “Панцеркнакке”. Это малогабаритное оружие крепилось ремнями на предплечье под одеждой, обладало 45-мм бронепробиваемостью достаточной для поражения автомобиля, в котором верховный главнокомандующий приезжал в Кремль. Для помощи “Политову”, работы на радиии и контроля за его благонадежностью с ним вместе забрасывалась Лидия Бобрик (Адамичева), она же агент СД “Шилова”. По другим и, судя по всему, более достоверным данным, женщину действительно звали Л. Я. Шиловой, но она была лишь радисткой и не получала задания контролировать действия напарника. В материалах уголовного дела утверждается, что женщина не знала о террористическом характере полученного Шило задания, однако обилие специального снаряжения, которое она не могла не видеть, вызывает сомнения в

П. И. Таврин

истинности такого заключения. Настораживает и сходство ее псевдонима с подлинной фамилией главного террориста, неясно также, как звали агентессу на самом деле. Упоминаются имена Лидия и Любовь, а вместо фамилия Адамичева иногда указывается Адамчик. Обращалось внимание и на другое, не менее странное совпадение³⁷⁴. Фамилия Бобрик полностью повторяет название села в Нежинском районе Черниговской области, где, согласно легенде, родился Таврин. В общем, в отношении второй участницы группы в документах имеется еще больше разночтений, чем в отношении ее напарника, а это не может не вызвать дополнительные сомнения в их достоверности.

Л. Я. Шилова

Хотя покушение было хорошо подготовлено в техническом отношении, его оперативная сторона, мягко говоря, не блистала совершенством. Отсутствие выхода на окружение Сталина, его охрану или высшее командование не позволяло надеяться, что террорист сможет проникнуть к объекту покушения на расстояние выстрела или установить взрывное устройство в пределах его радиуса действия. Профессионалы из СД, в частности, Скорцени не могли не понимать, что преодолеть рубежи охраны верховного главнокомандующего более чем сложно, а пронести оружие на какое-либо из торжественных заседаний с участием Сталина, как предписывалось в задании, просто невозможно. “Панцеркнакке” не мог обеспечить точный выстрел на мало-мальски значительные расстояния уже хотя бы ввиду отсутствия у него прицельных приспособлений. Для попадания оружие нужно навести на

цель, а осуществить это предплечьем с закрепленным на нем под рукавом гранатометом было практически возможно на расстоянии не свыше 3 — 5 метров. Оказаться так близко к машине Сталина было совершенно нереально, не говоря уже о том, что кортеж главнокомандующего состоял из нескольких идентичных автомобилей с затемненными стеклами, не позволявшими рассмотреть, в какой именно из них он находится. Все это породило в последние годы немало догадок о том, что, возможно, все обстояло совершенно иначе, и у “Политова” имелся высокопоставленный сообщник или сообщники. В этом случае находится разумное объяснение размерам привезенного террористами арсенала, явно излишнего для двух человек, зато весьма полезного для группы боевиков. Однако подобные соображения ничем иным не подкреплены и подтверждения пока не получили. Имеющиеся в уголовном деле упоминания о данных Шило явках к руководителям подпольного “Союза русских офицеров” генералу Загладину и майору Палкину вызывают весьма обоснованные сомнения в их достоверности. Организация с таким названием не фигурирует в списках ликвидированных или даже разрабатывавшихся групп, равно как и среди легендируемых. Известна небольшая существовавшая в действительности в предвоенные годы организация с таким названием, но она представляла собой крохотное объединение проживавших в Бельгии бывших российских офицеров и к операции СД явно не имела никакого отношения. Непонятно и странное бездействие контрразведки, проигнорировавшей столь тревожную информацию, тогда как даже по значительно менее серьезным поводам упоминавшиеся в подобных контекстах лица без промедления арестовывались. Если бы следователи и члены трибунала не поверили в существование “Союза русских офицеров”, они должны были бы убрать его из материалов дела, однако он упоминается в них как совершенно реальная группа. В таком случае “СМЕРШ” должен был буквально сквозь сито просеять весь штат Наркомата обороны, но этого тоже не произошло. Кроме того, автору не удалось найти в списках генералов Красной Армии человека с фамилией Загладин. Напрашивается вывод о том, что в уголовном деле оказалась просто удобная формулировка, позволяющая, хотя и довольно неуклюже, легализовать какую-то иную агентурную информацию. Поскольку в 1944 году никому из военных судей, прокуроров и следователей даже в страшном сне не могло прийти в голову рассекречивание подобных материалов, логично предположить, что они не слишком заботились об их правдоподобности. Отечественная история знает слишком много примеров фальсификации уголовных дел, чтобы содержащимся в них утверждениям можно было безоговорочно доверять. Как известно, в столь резонансных ситуациях они писались “как нужно”, в отличие от агентурных дел, где подобные явления были просто недопустимы. Все сказанное заставляет предположить, что в процессе “Таврина” прослеживается несколько не слишком хорошо скоординированных дезинформационных операций, проведенных, как часто случалось, топорно. Однако в 1944 году они выполнили свою миссию прикрытия настоящей агентурной информации и ее источника.

В пользу такого предположения свидетельствует изначальная обреченность операции. Советская разведка в августе 1944 года, еще на стадии подготовки “Политова” получила сообщение о готовящейся акции особой важности, после чего была введена в действие операция “Перехват” с привлечением значительных сил и средств. Захваченные в ее ходе агенты дали показания о задании подобрать соответствующую взлетно-посадочную полосу для самолета, что и было сделано. Там расположили засаду, однако вылетевший в этот район транспортный самолет “Арадо” Ар-232³⁷⁵ на подготовленной полосе так и не приземлился. В 1 час 50 минут ночи 5 сентября 1944 года дежурный поста службы воздушного наблюдения, обнаружения и связи (ВНОС) сообщил в Гжатский райотдел УНКВД Смоленской области об обнаружении самолета, летящего курсом на Можайск. Затем в 03.00 пост известил, что обнаруженный самолет получил повреждения от огня замаскированных зенитных батарей на станции Кубинка и попытался вернуться обратно, но с загоревшимся мотором совершил вынужденную посадку в Кармановском районе Смоленской области. Эта точка отстояла на 150 километров от намеченного места посадки. Существует иная версия этого эпизода, согласно которой “Арадо” не был подбит, а кружил в ожидании сигнальных огней с земли, однако не дождался таковых и пошел на посадку вслепую, разбив моторы о деревья. Версия крайне сомнительна, поскольку при выполнении специальных операций ни один здравомыслящий летчик никогда не рискнет садиться без сигналов, а попросту вернуться обратно. Судя по всему, в этом случае мы имеем дело с широко известным явлением искажения реальных событий их очевидцами. Вызывают сомнения и фотоснимки лежащего

на земле разбитого самолета. Вероятно, на них запечатлена другая машина этого же типа³⁷⁶, так как при подобной аварии, а скорее крушении, пассажиры вряд ли могли выбраться из “Арадо” без ссадин и ушибов, выкатить неповрежденный мотоцикл и в целой одежде уехать на нем в направлении Москвы. А события развивались именно таким образом.

С этого момента вновь начинаются неясности. Согласно одной из версий, после вынужденной посадки самолет был обнаружен достаточно быстро, а на мокрой земле четко просматривались следы выехавшего из него мотоцикла. (Кстати, с этой машиной связана очередная, далеко не первая и не последняя путаница в этом непростом деле. Большинство источников утверждают, что террористы использовали немецкий “Цундап”, но некоторые называют его советским М-72. Трудно поверить, чтобы эти два столь различных мотоцикла можно было спутать, равно как маловероятен и промах СД в выборе модели. В Красной Армии трофейные “Цундапы” являлись редкими и своего рода элитными машинами, поэтому агенты явно ехали все же на М-72). По другой информации, факт отъезда от “Арадо” двух человек на мотоцикле в 04.00 зафиксировали члены Запрудковской группы охраны порядка и сразу же доложили об этом начальнику Гжатского РО НКВД старшему лейтенанту милиции Ветрову. Дальнейший ход событий опять-таки изложен в разных документах по-разному. “Таврин” был задержан в 6 часов утра то ли в двух километрах от поселка Карманово, то ли на трассе Москва — Ржев (отстоящей от Карманово, как минимум, на 50 километров), то ли патрулем, то ли опергруппой из шести человек под руководством Ветрова. Все сходятся на том, что подозрительный мотоцикл с мужчиной и женщиной в военной форме остановили для проверки. В документах прикрытия “Политов” именовался Героем Советского Союза майором Тавриным, заместителем начальника отдела контрразведки “СМЕРШ” 39-й армии 1-го Прибалтийского фронта, который вез в Москву пакет особой важности. “Шилова” имела удостоверение младшего лейтенанта административной службы, секретаря ОКР одной из дивизий той же армии. Все документы были изготовлены практически безупречно, имелась даже сфабрикованная вырезка из газеты “Правда” о присвоении Таврину звания Героя Советского Союза, но награды у Шило располагались по старому порядку ношения, совсем недавно измененному по инициативе ГУКР “СМЕРШ”. Не зная этого настоящий заместитель начальника контрразведки армии не мог. Указанный факт сомнений не вызывает, поскольку существует фотография, на котором ордена Александра Невского и Красной Звезды находятся у Шило не на правой стороне груди, а слева. Очередной ошибкой задержанного стало его заявление о том, что он ехал всю ночь. Это окончательно упрочило подозрения проверяющих, поскольку ночью в районе прошел дождь, и ранним утром пассажиры мотоцикла никак не могли оставаться сухими. Приглашенного в здание поста под благовидным предлогом “Политова” тихо обезвредили, после чего захватили и ожидавшую его на улице “Шилу”. Сопротивления агенты не оказали ввиду его бессмысленности. Приведенная версия выглядит достаточно правдоподобной, но она не единственная. Совершенно внезапно на главную роль в задержании террористов стал претендовать и бывший начальник Кармановского РО НКВД К. Ф. Федосеев³⁷⁷. При этом он не упоминает ни об орденах, ни о сухой одежде, а утверждает, что пассажиры остановленного для проверки мотоцикла вызвали у него подозрение, поскольку не могли указать на карте дороги, по которым якобы ехали до Карманово. Кроме того, Федосеев является единственным человеком, сообщившим, что в рукаве у “Таврина” находился гранатомет, остальные же единодушно указывают, что террорист оставил его в самолете вместе с рацией. Кстати, в протоколе обыска “Панцеркнакке” не фигурирует. Бывший начальник Кармановского РО НКВД утверждал также, что за поясом у Шило находились три пистолета. Помимо бессмысленности ношения их в таком количестве и подобным образом, дополнительные и веские сомнения в истинности сообщенных фактов возникают у любого, когда-либо работавшего с короткоствольным оружием. С таким арсеналом, причем не в кобурах, а за поясом, затруднительно не только вести бой в случае необходимости, но и просто передвигаться и управлять любым транспортным средством. Федосеев утверждает также, что у “Таврина” был изъят миллион рублей, тогда как по всем материалам проходят только 428 400, и таким образом обвиняет высокопоставленных контрразведчиков в хищении денег. К сожалению, судя по всему, эта неожиданная версия является фантазией старого чекиста, поскольку содержит слишком много сомнительных утверждений³⁷⁸. Вероятно, подлинные события никогда уже не будут восстановлены в полном объеме, зато домыслы вокруг операции имеют тенденцию к разрастанию даже спустя почти шестьдесят лет после ее завершения.

В дальнейшем разоблаченные террористы использовались в радиоигре с СД “Туман”, продолжавшейся практически до самого конца войны. Последняя и оставшаяся без ответа радиোগрамма ушла в эфир 9 апреля 1945 года. В послевоенный период арестованные широко использовались в качестве агентов-опознавателей, но в 1952 году были все же расстреляны.

Несмотря на активизацию оперативно-розыскных органов, большое значение для обеспечения безопасности армии по-прежнему имели рутинные мероприятия по охране тыла. Стандартной процедурой при этом являлась следующая: в удалении от 5 до 10 километров за боевыми порядками наступающих подразделений следовали передовые подразделения войск по ОТ ДКА, немедленно устанавливавшие на освобожденной или захваченной у противника территории соответствующий режим. Вместе с ними в направлении крупных населенных пунктов или важных узлов для захвата агентуры противника и его ставленников двигались оперативно-чекистские группы. Основные части войск по охране тыла действовали в оперативной глубине (от 50 до 100 километров), ближе находилась зона ответственности некоторых их подразделений. При остановке наступления производилось отселение местного населения из 10-километровой зоны, а в 25-километровой прифронтовой полосе устанавливался особый режим. Он поддерживался с помощью войсковых служебных нарядов, на границе зоны выставлялись заставы. И те, и другие были заняты в основном проверкой документов. Все гражданское население проходило перерегистрацию и получало соответствующие справки о прохождении проверки в органах НКВД или местных советах. После ухода линии фронта на запад и соответственной передислокации войск власть переходила к гражданским органам, и тогда перемещения местных жителей, за исключением доступа в зону расположения воинских частей, уже не ограничивались. Обеспечение безопасности этих районов выходило из сферы ответственности войск по охране тыла и возлагалось на территориальные органы НКВД, включая милицию. Это заметно снижало уровень контроля властей за оперативной обстановкой, особенно в районах действия различного рода уголовных и политических банд. Дополнительным усугубляющим фактором стала необходимость набора младшего и среднего состава правоохранительных органов из местного населения, в большинстве случаев пережившего оккупацию. Таким путем в милицию, пожарную охрану и остальные учреждения аппарата НКВД попадали скрытые бывшие предатели, агенты абвера, ГФП и СД, каратели и пособники оккупантов. Некоторые из них не просто старались скрыть свое прошлое, но и зачастую активно взаимодействовали с различного рода бандформированиями, а также оказывались разложившимися личностями с криминальными наклонностями. Это являлось предметом деятельности отделов и отделений “СМЕРШ” территориальных органов наркомата внутренних дел. Только в период с января по август 1944 года в системе НКВД было арестовано 704 человека, из них 22 — по подозрению в шпионаже, 14 — за измену Родине, 94 — за предательство и пособничество оккупантам, 23 — за службу в немецкой полиции, 102 — за дезертирство, 149 — за антисоветскую деятельность и пропаганду³⁷⁹. Справедливости ради следует отметить, что ни один из арестованных в местном аппарате НКВД агентов германской разведки не вел там активной деятельности и вообще не внедрялся туда целенаправленно. Эти люди, ранее работавшие на спецслужбы противника, просто пытались устроиться в новой жизни, однако были разоблачены по материалам контрразведки об их прошлой деятельности.

На завершающем этапе войны потребность в усилении эффективности и расширении масштаба работы органов госбезопасности существенно увеличилась. Выход советских войск на зарубежную территорию поставил многочисленные новые задачи по обеспечению очистки тылов от вражеского элемента, а также по эффективной фильтрации массового потока репатрируемых советских граждан и освобождаемых из плена советских военнослужащих. Все это требовало действенной координации причастных к этому процессу органов и служб, что могли быть осуществлено только при условии наличия единого главного оперативного начальника. Именно такой институт и был создан в соответствии с приказом Берия № 0016 от 11 января 1945 года, когда на семи фронтах Западного ТВД появились уполномоченные НКВД СССР, одновременно сохранявшие свои основные должности. Ими стали работники самого высокого ранга:

- 1-й Белорусский фронт — заместитель наркома НКВД СССР И. А. Серов;
- 2-й Белорусский фронт — нарком НКГБ БССР Л. Ф. Цанавя;

- 3-й Белорусский фронт — начальник ГУКР “СМЕРШ” НКО СССР В. С. Абакумов;
- 1-й Украинский фронт — заместитель начальника ГУКР “СМЕРШ” НКО СССР П. Я. Мешик;
- 4-й Украинский фронт — заместитель начальника ГУКР “СМЕРШ” НКО СССР Н. Н. Селивановский;
- 1-й Прибалтийский фронт — уполномоченный НКВД и НКГБ СССР по Литовской ССР И. М. Ткаченко;
- 2-й Прибалтийский фронт — начальник УНКГБ по Ленинградской области П. Н. Кубаткин.

Их заместителями стали начальники управлений контрразведки фронтов и начальники войск по охране тыла. Уполномоченные были призваны не только улучшить координацию работы на всех уровнях в зоне своей ответственности, но и поднять ее на более высокий политический уровень. Под их прямым руководством действовали оперативные группы по арестам высшего командного и политического руководства вермахта и рейха, руководящих и ответственных работников спецслужб, тюрем и лагерей, полиции всех видов, бургомистров, депутатов, хозяйственных руководителей, функционеров НСДАП, редакторов нацистской прессы и других лиц, представляющих оперативный или политический интерес, а также военнотружущих союзных с Германией государств и коллаборационистских воинских формирований. Они направлялись в два типа лагерей. Все военнотружущие вермахта, фольксштурма и работники военной администрации попадали в лагеря военнопленных, а гражданские участники враждебных и антисоветских организаций, а также руководители местной администрации помещались в лагеря для интернированных. Для выполнения столь масштабных задач сил, находившихся в распоряжении органов “СМЕРШ” фронтов, было явно недостаточно. Уполномоченным НКВД подчинялись не только все действовавшие в полосе их фронтов войска по охране тыла общей численностью свыше 31 тысячи человек, но и дополнительно направленные 4 дивизии и 4 отдельных полка пограничных и внутренних войск НКВД.

Не менее важной и масштабной являлась также находившаяся под прямым и непосредственным руководством уполномоченных НКВД задача фильтрации репатрируемых советских граждан и освобождаемых военнопленных. Все они первоначально попадали в ведение сборно-пересыльных пунктов (СПП), организованных отделами при репатриации при штабе каждого из фронтов в соответствии с Постановлением СНК СССР № 30-12с от 6 января 1945 года. В них действовали проверочно-фильтрационные комиссии, состоявшие из представителей НКВД, “СМЕРШ” и НКГБ, выносившие суждение о каждом из проверяемых. Кроме того, проверялись и жители приграничных областей Советского Союза, но эта задача решалась в 16 проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП), дислоцировавшихся на территории СССР. В них госпроверку проводили только сотрудники НКВД.

В целом работа уполномоченных НКВД на фронтах явилась удачным решением, позволившим существенно ускорить решение поставленных задач. Высокий служебный ранг позволял им решать многие вопросы без дополнительных санкций и гарантировал не только их выполнение подчиненными работниками, но и исполнительность военного командования.

Борьба спецслужб продолжалась и в восточных районах СССР, правда, с существенно меньшей интенсивностью. Японская разведка действовала на советском Дальнем Востоке и некоторых глубинных областях страны в основном с территории Маньчжурии, где ее организовывали и координировали военные миссии. Главной из них была насчитывавшая до тысячи сотрудников Харбинская ЯВМ под руководством генерал-майора Аникуса. Она являлась региональной и руководила другими подчиненными миссиями, забрасывавшими агентуру по строго определенным направлениям: владивостокскому, хабаровскому, биробиджанскому, благовещенскому, куйбышевскому и борзинскому. Прикрытие агентов разнообразием не отличалось, в основном они выступали под видом эмигрантов, беженцев и партизан, в основном китайских и корейских крестьян. Японцы вели прежде всего военную разведку, но занимались также и политической. Советские спецслужбы располагали неплохой агентурой на входившем тогда в состав Японии Южном Сахалине и получили оттуда информацию об интересе противника к советским гражданам — сотрудникам нефтяных, угольных и рыбных концессий. После этого УНКГБ по Хабаровскому краю смогло подставить под вербовку несколько своих агентов и выявить японские каналы для засылки агентуры в Хабаровск, Ком-

сомольск-на-Амуре, Благовещенск и некоторые другие города региона. Полученная информация позволила работать на опережение. Например, только Хабаровское УНКВД в 1942 году забросило на территорию Маньчжурии 32 агента-вербовщика. Им удалось привлечь к сотрудничеству 20 агентов и 30 связников из местных жителей, в числе которых 5 были направлены в Харбин на оседание³⁸⁰. Расовые различия заставляли использовать в основном агентов из маньчжур, китайцев, удэгейцев и других народностей, у которых, как правило, имелись родственники на сопредельной стороне. Это позволяло успешно легендировать их заброску, однако часто оборачивалось и другой стороной. Попав в знакомую обстановку, многие агенты просто находили укрытие у многочисленной родни и не возвращались.

Помимо разведорганов на сопредельных с СССР территориях, японская разведка активно действовала и с позиции консульств во Владивостоке, на Северном Сахалине и Камчатке. Важным методом сбора разведывательной информации оказалось использование офицеров различных ветвей и звеньев разведки в качестве дипломатических курьеров, регулярно совершавших поездки из Токио в Москву и обратно по Транссибирской магистрали. Несмотря на принимаемые советской стороной меры безопасности, они вели визуальную разведку по пути следования, завязывали знакомства в поездах и занимались подслушиванием. Японцы использовали в качестве вербовочного контингента проживавших на советском Дальнем Востоке многочисленных китайцев и корейцев. Мероприятия по переселению последних в глубинные районы СССР оказались менее результативными, чем ожидалось.

В период 1942 — начала 1943 года японская разведка во многом опережала своих противников, в первую очередь в перевербовках советских агентов и даже кадровых разведчиков. Зафиксированы случаи длительной работы японских “двойников” в разведотделах штабов Дальневосточного и Забайкальского фронтов, причем японцы сумели практически полностью парализовать агентурную работу последнего. Подобное положение дел не ускользнуло от внимания контрразведчиков “СМЕРШ”, резко активизировавших работу по обеспечению безопасности управления фронта с привлечением возможностей закордонной агентуры. В июне 1943 года ими был арестован резидент японской разведки Каймадо. Этот незаурядный разведчик еще в 1923 году был заброшен в Советский Союз под видом беглеца от маньчжурской полиции, прошел все положенные проверки, в 1926 году вступил в комсомол, а в 1929 году — в ВКП(б). Первоначально развернув разведывательную работу на Дальнем Востоке, с 1934 года Каймадо действовал в Москве, Азове, Ростове-на-Дону, Сталинграде, Сальске и Улан-Удэ, работал на ряде советских оборонных предприятий. В 1937 году он создал в Забайкалье агентурную сеть из девяти человек, находившуюся на связи с Харбином и “вслепую” ликвидированную НКВД в ходе чисток 1937 — 1938 годов. Однако сам резидент не только уцелел, но и на волне репрессий сумел внедриться в негласный аппарат госбезопасности, став его секретным сотрудником (“Ситров”). Высокий уровень общей и профессиональной подготовки сразу же выделил Каймадо из общего ряда примитивных агентов, и в 1941 году чекисты рекомендовали его разведывательному отделу штаба Забайкальского фронта. Таким путем они не только помогали военным коллегам, но и рассчитывали внедрить в их ряды своего источника. Военные разведчики тоже обратили внимание на перспективного “корейца Де До Суна” и начали готовить его на закордонную работу. В сентябре 1942 года он был направлен на двенадцать месяцев нелегалом в Цицикар, однако уже в феврале следующего года возвратился и был обычным порядком направлен в УКР “СМЕРШ” фронта для проверки. Эта процедура являлась обязательной для возвращавшихся зафронтовых агентов. Возвращение Каймадо более, чем за полгода до положенного времени обуславливалось тем, что японская разведка не могла эффективно использовать его в Маньчжурии, а позволить столь ценному агенту бездействовать просто не могла. Поэтому резиденту нанесли травмы, чтобы укрепить доверие к его легенде о попадании в маньчжурскую контрразведку на допрос, и возвратили обратно. Преждевременное возвращение Де До Суна, однако, обратило на себя внимание, и допросы резидента продлились до июля. Старший следователь Скворцов обратил внимание на свежий характер ожогов на теле агента в момент его возвращения из-за кордона, вопреки утверждению Каймадо о том, что его якобы жгли сигаретами в сахалинской контрразведке за два месяца до этого. Выявился еще ряд незначительных демаскирующих факторов и нестыковок в легенде, после чего УКР Забайкальского и Дальневосточного фронтов занялись делом резидента всерьез. Оно стало, пожалуй, одним из крупнейших в истории контрразведки на Дальнем Востоке периода Великой Отечественной войны. В его рамках с июля по ноябрь 1943 года контрразведчики

раскрыли 39 японских агентов и 2 резидентов, в числе которых был старший переводчик разведотдела Забайкальского фронта лейтенант Ли Гуй Лен и ряд других лиц из числа кадрового и агентурного аппарата. Дальнейшая разработка выявила, что более половины агентов отдела работало на противника. Кроме того, при проверке закордонной агентуры разведотдела Дальневосточного фронта выяснилось, что 28 агентов были перевербованы японцами, а 10 — подставлены ими под вербовку³⁸¹. Ликвидировать эту сеть удалось с большим трудом.

Разведотдел Тихоокеанского флота (ТОФ) также не избежал значительного проникновения японских спецслужб в свой агентурный аппарат. Среди десятков выявленных, зачастую с большим опозданием, двойников наибольший ущерб нанесли Ли Тын Чун (“Наумов”), Ной Ки Юн (“Петя”), Дю Сон Хан (“Лазарь”), Цой Ди Кен (“Восточный”) и Лян Е Хан (“Коля”).

Крайне засоренными агентурой противника оказались части, сформированные из перебежавших на советскую сторону корейцев и китайцев и включенные в состав Красной Армии. Положение в них было критическим, внутренняя пропаганда приводила к массовому дезертирству и полной потере боеспособности. Более того, поскольку из личного состава именно этих частей советская разведка формировала партизанские группы и отряды для действий в Маньчжурии, японская агентура проникала по этому каналу и в них. Вопросом был вынужден заняться лично Сталин, после вмешательства которого органы “СМЕРШ” заметно активизировались и провели ряд успешных разработок (литерные дела “Братство”, “Предатели”, “Связисты”, “Стрелки” и другие). В результате в корейские и китайские части был внедрен негласный аппарат “СМЕРШ”, агентура противника в подавляющем большинстве ликвидирована, боеспособность частей восстановлена.

Возвращаясь к периоду конца 1941 — первой половины 1942 годов, следует особо отметить реальность опасений относительно возможности внезапного удара японских вооруженных сил по советскому Дальнему Востоку, что могло повлечь потерю значительных приморских территорий и всех баз Тихоокеанского флота. В связи с этим и с использованием опыта, накопленного в Европейской части СССР, Особая группа НКГБ/НКВД СССР приступила к созданию разведывательно-диверсионной сети для ее оставления в случае японской агрессии. Практическое осуществление данной задачи возлагалось на УНКВД по Приморскому краю и Особый отдел ТОФ. Созданные спецрезидентуры находились в готовности вплоть до второй половины 1943 года, когда стало очевидным увязание Японии в войне против Великобритании и США, исключившее возможность ее нападения на Советский Союз.

На Дальнем Востоке особенно активно действовали разведывательные органы погранвойск. В отличие от западной части страны, там они не только сохранились, но даже выросли в количественном отношении, а в штабах всех восточных пограничных комендатур появились разведывательные отделения в составе 2 — 3 офицеров. Эта мера сразу же улучшила контакт с агентурой, ранее затрудненный из-за малочисленности оперативного персонала. Пограничная разведка, разведка УНКГБ и оперативная разведка военных округов в совокупности собрали значительную информацию о предстоящем театре военных действий, частях и учреждениях Квантунской армии и разведывательных органах потенциального противника. Этим процессом руководил из Хабаровска уполномоченный по Дальнему Востоку генерал-полковник С. А. Гоглидзе, координировавший в регионе работу всех оперативных органов, за исключением “СМЕРШ”. Хорошая организация этого процесса позволила обеспечить разведывательную и контрразведывательную подготовку наступательной операции в Маньчжурии, прежде всего по направлениям борьбы с агентурой противника и обеспечения скрытности развертывания войск, войсковой и агентурной разведки ТВД, захвата и уничтожения японских погранполицейских и разведывательных постов. Полнота собранной информации позволила оперативным группам НКГБ, в августе 1945 года вошедшим в Маньчжурию вместе с советскими войсками, захватить архивы японских военных миссий, содержавшие списки агентуры на советской территории. Например, в разведывательном пункте на пограничной станции Маньчжурия (Маньчжоули) были обнаружены материалы, позволившие обезвредить иностранных агентов на нескольких станциях Забайкальской железной дороги. Опергруппы, укомплектованные в основном пограничниками, захватили многих руководящих работников японской разведки, в том числе начальников ЯВМ в Хайларе Акано и в Цицикаре Танако, бывшего начальника Харбинской ЯВМ Янагита и других

высокопоставленных офицеров. Особую роль в этом сыграли сформированные в 1943 году при маневренных группах погранотрядов нештатные парашютные взводы, на базе которых в 1945 году создавались отдельные роты особого назначения.

В июне 1945 года, в самый разгар подготовительных мероприятий по вступлению СССР в войну против Японии, ГУКР “СМЕРШ” решило повторить на Дальнем Востоке практику, применявшуюся на Западном ТВД. Туда прибыла группа контрразведчиков во главе с заместителем начальника ГУКР И. Я. Бабичем для координации деятельности всех органов “СМЕРШ” на ТВД и успешно выполнила поставленную перед контрразведкой задачу. Всего в ходе Маньчжурской наступательной операции был захвачен ряд руководителей японских разведорганов, ряд крупных активных деятелей эмиграции, арестовано 5484 агента и сотрудника разведки противника, 1303 руководителя и активиста антисоветских эмигрантских организаций и 1023 других представлявших оперативный или политический интерес лиц³⁸².

Контрразведывательные операции на Дальнем Востоке нередко проводились с использованием возможностей комплекса объектов, созданного в 1941 году в Хабаровском крае вблизи границы с Маньчжоу-Го. Он включал в себя ложную советскую пограничную заставу, ложный маньчжурский пограничный полицейский пост и ложную уездную японскую военную миссию. В оперативных документах этот комплекс именовался “ЛЗ” (“ложная застава”), или “мельница”. “ЛЗ” создавалась с целью проверок советских граждан, у которых пребывание на объекте создавало иллюзию перехода на сопредельную территорию. По их поведению в таких обстоятельствах контрразведчики могли судить о степени лояльности разрабатываемых людей. Проверке подвергались подозреваемые в шпионаже или иной антисоветской деятельности. Они получали в СССР задание на участие в закордонной операции, иногда добровольное, иногда под принуждением, после чего инсценировалась их заброска на территорию Маньчжоу-Го с пункта ложной советской погранзаставы с последующим задержанием или арестом якобы японскими или маньчжурскими властями. После этого сотрудники госбезопасности, выступавшие под видом японских контрразведчиков или сотрудничающих с ними русских эмигрантов, проводили длившуюся от нескольких дней до нескольких недель серию жестких допросов проверяемого с применением психологического и физического воздействия. Их выдерживали немногие. После этого проверяемые давали показания о своей работе на советские органы безопасности или о некоторых известных им аспектах обстановки в СССР, “перевербовывались”, получали задание и забрасывались обратно на советскую территорию. Перед агентами никогда не раскрывали подлинную суть проведенной проверки, и они действительно полагали, что находились в руках японской контрразведки. В дальнейшем их арестовывали и осуждали как изменников родины. Следует особо отметить, что зачастую такие меры, вплоть до расстрела, применялись также к лицам, стойко державшимся на допросах и не совершавшим предательства, даже ложного. К сожалению, интересный замысел проверки при помощи имитации пересечения границы выродился в обычную, хотя и масштабную провокацию.

Представляют интерес личности ряда сотрудников “ЛЗ”. Игравшие роль белогвардейцев работники УНКВД по Хабаровскому краю А. И. Орьев, Д. А. Антонов и И. А. Слободянюк ранее осуждались соответственно на 8, 7 и 5 лет лишения свободы, но пробывали в лагерях только до 1943 года, после чего были освобождены и направлены на работу на “мельницу”. Начальника ЯВМ изображал Томита, задержанный в 1937 году за незаконный переход советской границы в Читинской области, признавшийся в работе на японскую разведку и осужденный в мае 1940 года к высшей мере наказания. Однако вместо расстрела его направили на “ЛЗ”. Обстановка на объекте была такой, что у не выдержавшего зрелища издевательств над допрашиваемыми повара “мельницы”, советского гражданина китайского происхождения Ян Линпу сдали нервы, он разгромил кухню и был застрелен начальником “ЛЗ” Поповым и негласным сотрудником НКВД Чу Цинлином. Они же убили еще двух человек из обслуживающего персонала объекта, в лояльности которых усомнились.

Работа “мельницы” проходила под личным контролем начальника контрразведывательного управления наркомата П. В. Федотова, персонально санкционировавшего каждую проверочную операцию на объекте. УНКВД по Хабаровскому краю направляло отчеты начальнику контрразведки напрямую, минуя канцелярию наркомата. Генерал-лейтенант был настолько озабочен сохранением в тайне существования “ЛЗ”, что неоднократно ходатайс-

твовал перед руководством о применении высшей меры наказания к догадывавшимся о ее назначении гражданам, независимо от степени их виновности. Впрочем, в этом же ключе действовали и другие посвященные в операцию должностные лица, от начальника местного УНКВД/УНКГБ до наркома госбезопасности СССР Меркулова. В период с 1941 по 1949 годы через “мельницу” было пропущено около 150 человек. Практически все они стали жертвами операции, превратившейся из проверочной контрразведывательной в провокационную и незаконную.

4. ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА

Весьма активно вело зафронттовую работу и Разведывательное управление генерального штаба Красной Армии. После описанных драматических событий первых месяцев войны, когда наспех подготовленные агенты забрасывались в тыл противника фактически на верную гибель, уровень работы военных разведчиков заметно вырос. Этому способствовала не только более тщательная подготовка агентуры, но и объективные обстоятельства. К началу 1942 года значительное количество окруженных групп и подразделений Красной Армии, не сдавшихся в плен, не сумевших пробиться через линию фронта, не разбежавшихся и не уничтоженных противником, перешли на положение партизанских отрядов. Они осели на местности, организовали обеспечение своей жизнедеятельности и постепенно выходили на контакт с командованием армий и фронтов. Некоторые сохранили радиоаппаратуру, и после установления связи и предварительных проверок к ним забрасывались офицеры разведки с шифрами и расписанием радиосеансов. Такие импровизированные партизаны уже вполне успешно управлялись из-за линии фронта и могли, в частности, решать задачи по сбору разведывательной информации в своем районе. Разгром германских войск под Москвой весьма поднял моральный дух как самих участников таких партизанских отрядов, так и местного населения, зачастую уже утратившего веру в возможность победы над оккупантами. Стало намного легче налаживать связь с местными жителями, получать от них снабжение и разведывательные данные. Период эйфории продлился до начала лета 1942 года, когда серия поражений вновь деморализовала население оккупированных территорий вплоть до окончания Сталинградской наступательной операции.

Командование уделяло серьезное внимание войсковой разведке, однако снежная зима 1941/1942 года заметно осложнила ее ведение. Спешно сформированные отряды лыжников перемещались быстро, но не могли скрыть свои следы и легко обнаруживались противником. Лыжные батальоны предназначались для ведения разведки на глубину до 100 километров, а на практике действовали значительно ближе. В этих условиях весьма возросла роль воздушной разведки, хотя из-за превосходства в воздухе люфтваффе над ВВС Красной Армии проводить ее было очень сложно. Однако авиационное командование постепенно научилось более тщательно учитывать интересы наземных войск и выделяло для целей разведки 10% — 13% самолетовылетов. Кроме того, все летчики были обязаны сообщать о замеченных частях противника. При этом радиус действия самолетов-разведчиков был совершенно недостаточен. Тактическая авиационная разведка велась на глубину от 30 до 60 километров, оперативная от 250 до 300 километров, а стратегическая — свыше 500 километров, хотя практически самолеты редко вылетали в районы, отдаленные более чем на 450 километров. Катастрофически не хватало авиационной фотоаппаратуры, в период битвы под Москвой ей были оборудованы лишь 3,2% самолетов, а к концу 1942 года — 10,2%³⁸³. В этих условиях повышалась роль визуальной разведки. Войска оборудовали разветвленную систему наблюдательных пунктов, позволяющую составлять карты обстановки перед своим передним краем. Важное место занимала специальная разведка, в ходе которой группы разведчиков проводили налеты, устраивали засады и захватывали контрольных пленных и документы. Развивалась и система организации диверсий, для осуществления которых формировались отдельные гвардейские батальоны минеров (ОГБМ). После периода некоторой неясности с тактикой их боевого использования был выработан оптимальный вариант применения одновременно на нескольких участках фронта. Слабейшим звеном являлась радиоразведка, практически отсутствовавшая в сколько-нибудь заметных масштабах до конца 1942 года. Формирование летом 1941 года нескольких отдельных радиодивизионов принципиально проблему не решало.

Самым положительным моментом в области войсковой и тактической разведки стало возросшее понимание ее роли командирами всех уровней вплоть до самого высшего. В результате новый Полевой устав 1942 года (ПУ-42) уже вменял организацию разведки в число одной из основных обязанностей штабов всех уровней. Фронты и армии отвечали за оперативную разведку, в том числе с использованием радиосредств, а части и соединения более низкого уровня – за тактическую. Любая разведка должна была проводиться по указаниям командира, а в его отсутствие начальник штаба определял задачи самостоятельно и лично ставил их перед начальником разведки, составлявшим план ее ведения на предстоящие 10 – 15 дней. Устанавливались такие важнейшие принципы как целевая направленность разведки и непрерывность ее ведения. В предвоенный период командующий армией получал разведывательную сводку 2 – 3 раза в день, а командир дивизии – каждые 3 – 4 часа, но опыт войны показал, что этого совершенно недостаточно. С 1942 года командующие армиями получали сводки каждые 2 – 3 часа, а командиры дивизий – каждые 1 – 2 часа.

Для ведения разведки в войсках создавались штатные части и подразделения. В военно-воздушных силах формировались разведывательные и разведывательно-корректировочные полки, в танковых армиях – отдельные мотоциклетные полки, в танковых и механизированных корпусах – отдельные разведывательные батальоны, в стрелковых корпусах – взводы конной и пешей разведки. В ведении фронтов появились отдельные радиодивизионы (ордн) особого (ОСНАЗ) и специального (СПЕЦНАЗ) назначения, соответственно занимавшиеся подслушиванием (перехватом) переговоров противника, пеленгацией и подавлением его станций, а также передачей дезинформационных радиogramм. Фронты и армии располагали также подразделениями инженерной, артиллерийской и химической разведки.

Такое внимание к этим вопросам диктовалось потребностями войны и явилось предметом особого внимания Государственного комитета обороны. В начале 1942 года ГКО рассмотрел вопрос о работе Разведывательного управления генштаба и отметил три наиболее существенных ее недостатка: организационная структура РУ не соответствовала условиям военного времени, генштаб не руководил управлением должным образом, отсутствовали отделы диверсий и войсковой разведки. Постановление ГКО послужило основой для приказа наркома обороны от 16 февраля 1942 года № 0033, согласно которому Разведывательное управление реорганизовывалось и становилось Главным разведывательным управлением генерального штаба Красной Армии (ГРУ ГШ КА). Его возглавил генерал-майор А. П. Панфилов, ранее занимавший должность заместителя начальника РУ, а структура выглядела следующим образом:

- 1-е управление (агентурное):
 - 1-й отдел – германский;
 - 2-й отдел – европейский;
 - 3-й отдел – дальневосточный;
 - 4-й отдел – ближневосточный;
 - 5-й отдел – диверсионный;
 - 6-й отдел – фронтовой, армейской и окружной разведки;
 - 7-й отдел – оперативной техники;
 - 8-й отдел – агентурной связи и радиоразведки;
- 2-е управление (информационное);
 - 1-й отдел – германский
 - 2-й отдел – европейский;
 - 3-й отдел – дальневосточный;
 - 4-й отдел – ближневосточный;
 - 5-й отдел – редакционно-издательский;
 - 6-й отдел – войсковой информации;
 - 7-й отдел – дешифровальный;
- Политотдел;
- отдел внешних сношений;
- отдел специальной связи;
- отдел военной цензуры;
- контрольно-финансовый отдел.
- отдел материально-технического обеспечения;

М. А. Воронцов

Разведку в интересах военно-морского флота до 20 марта 1942 года осуществляло 1-е (разведывательное) управление НКВМФ, предшественниками которого являлись Разведывательный отдел (с января 1938 года) и Разведывательное управление (до октября 1940 года). С мая 1939 по сентябрь 1941 года управление возглавлял контр-адмирал Н. И. Зуйков, а затем бывший начальник военно-гидрографической службы Тихоокеанского флота и военно-морской атташе СССР в Берлине капитан 1-го ранга М. А. Воронцов.

Увы, эта достаточно развитая к весне 1942 года система всех видов разведки не смогла разгадать германский план наступления на Кавказ (“Блау”). Не были приняты во внимание даже документы, захваченные в упавшем 19 июня 1942 года на советскую территорию немецком самолете. В литературе встречаются и иные оценки этого периода, высказываются мнения о том, что разведчики

все же сумели вскрыть намерения командования вермахта, однако это верно лишь в частностях. Как и в ситуации с германским нападением на СССР, никакие отдельные успехи не имеют значения, если общая оценка обстановки произведена неверно. В результате прогноз Ставки ВГК, предсказывавший летнее наступление в направлении Москвы и несколько южнее, оказался ошибочным. В стремлении распылить силы немцев весной 1942 года Красная Армия начала одновременные наступления под Ленинградом, в районе Харькова и в Крыму, что, как известно, закончилось катастрофически. Уже в мае войска Южного фронта были вначале отброшены назад, а затем почти полностью разгромлены. Следует отметить, что главной причиной этого стал провал разведки, не сумевшей правильно определить силы и намерения вермахта, что, в свою очередь, не позволило Ставке принять адекватные решения по управлению войсками. Советское верховное главнокомандование и генеральный штаб ожидали летний удар на центральном участке фронта, однако ОКХ приняло иное решение, которое привело вермахт на рубежи Дона, Волги и предгорий Кавказа. Следует подчеркнуть, что столь плачевная ситуация относилась только к области стратегической разведки, оперативная и тактическая (войсковая) в этот период значительно повысили свою эффективность, в основном благодаря аэрофоторазведке и радиоразведке.

Военное командование осознавало неудовлетворительность работы разведки и пыталось принять соответствующие меры. Для начала в мае 1942 года появился приказ наркома обороны № 147263сс, в котором подводились итоги работы штабов отдельных дивизий, организовавших у себя войсковую агентурную разведку. Они оценивались весьма положительно, в связи с чем таковая отныне вменялась в обязанность всем разведотделам действовавших на фронте дивизий. В качестве агентов рекомендовалось забрасывать в немецкий тыл на глубину от 10 до 30 километров группы от трех до шести бойцов и командиров, переодетых в характерную для данной местности гражданскую одежду. Особо обращалось внимание на недопустимость подмены войсковой разведки действиями агентурных групп. Однако такая практика особый успех не принесла, и несколько месяцев спустя командование предприняло принципиальную и весьма неудачную попытку изменить создавшееся положение. 23 октября 1942 года появился приказ НКО № 00222 о реорганизации Главного разведывательного управления, гласивший:

“В целях упорядочения и улучшения работы военной разведки приказываю:

1. Выделить из состава Генерального штаба Красной Армии Главное разведывательное управление, подчинив его Народному комиссару обороны.
2. На Главное разведывательное управление Красной Армии возложить ведение агентурной разведки иностранных армий как за границей, так и на временно оккупированной противником территории СССР.
3. Войсковую разведку изъять из ведения Главного разведывательного управления.
4. Для руководства и организации работы войсковой разведки создать в составе Генерального штаба Красной Армии Управление войсковой разведки, подчинив ему разведотделы фронтов и армий.

- Установить, что начальник Управления войсковой разведки Генштаба является одновременно заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии.
- Запретить Управлению войсковой разведки Генштаба Красной Армии и разведотделам фронтов и армий ведение агентурной разведки.
5. Дешифровальную службу Главного разведывательного управления передать в ведение НКВД СССР.
 6. Выделить из состава Главного разведывательного управления Отдел центральной военной цензуры, сохранив его в системе Наркомата обороны как самостоятельный отдел.
- <...>
8. Разрешить Главному разведывательному управлению Красной Армии создание на периферии вдали от штабов фронтов трех-четырёх разведывательных групп, используя для прикрытия их представительства Центрального штаба партизанского движения при военных советах фронтов”³⁸⁴.

Приказ был инспирирован начальником политотдела ГРУ И. И. Ильичевым, давно желавшим возглавить разведку и наконец-то добившимся своего. Безусловно, не все положения приказа № 00222 были ошибочными. Вероятно, следует признать разумным разделение разведки за рубежом и непосредственно в зоне боевых действий. Вывод военной цензуры из ведения ГРУ также представляется полностью оправданным. Однако два других его основополагающих положения оказали буквально разрушительное воздействие на организацию сбора сведений о противнике на оперативном уровне. Радиоразведка, с таким трудом возобновленная в войсках, была вновь оторвана от них и наполовину передана в НКВД на формирование частей Специальной службы, где, естественно, ее военные аспекты опять утратили приоритет перед дипломатическими. Не менее фатальным оказался отрыв агентурной разведки от войск. Теперь ГРУ руководило агентурными операциями как за пределами СССР, так и на оккупированной территории, что лишило смысла разделение разведки на войсковую и стратегическую. Такое решение привело к созданию искусственной и нелепой ситуации, при которой собиравшиеся фронтовыми разведчиками данные попадали не к командованию фронтов, более всего нуждавшемуся в них, а в Москву, откуда все же направлялись по адресу, но со значительной задержкой. Кроме того, перевод части офицеров разведки в УВР лишил их возможности руководить своей прежней фронтовой агентурой и поэтому повлек за собой многочисленные сбои в ее работе, вплоть до провалов. Оперативная агентурная разведка должна была теперь вестись с упоминавшихся в приказе баз ГРУ, и процесс передачи на какое-то время вообще приостановил сбор разведывательной информации с помощью агентурных методов. Командование фронтов лишилось оперативной информации из тыла противника, она поступала несвоевременно и далеко не всегда отвечала потребностям войск. Если раньше начальник штаба фронта среди прочих указаний мог ставить начальнику разведки конкретные задачи, то теперь такая возможность оказалась утраченной. Кроме того, подготовка агентов тоже велась теперь на двух базах в Москве, то есть весьма далеко от мест, где им предстояло действовать. В результате, несмотря на все старания качественно организовать учебный процесс, его проводили люди, весьма далекие от конкретных местных условий и не знавшие досконально обстановку на участках фронтов. Следствием такого решения стали опять-таки провалы.

Неудовлетворительной следует признать работу разведки и на первом этапе Сталинградской наступательной операции (19 ноября 1942 — 2 февраля 1943 года). По воспоминаниям К. К. Рокоссовского, “в кольце оказалось гитлеровцев значительно больше, чем мы предполагали. Сейчас трудно определить, кто повинен в этом просчете, т. к. операция по ликвидации окруженной группировки противника вначале проводилась войсками двух фронтов — Донского и Сталинградского. Фигурировала цифра 80 — 85 тысяч человек. Возможно, она относилась к той части войск, которая дислоцировалась против Донского фронта. Сейчас мы вдруг узнали, что после стольких боев наш противник насчитывает около 200 тысяч человек! Эти данные подтверждались всеми видами разведки и показаниями пленных”³⁸⁵. Информацию Рокоссовского, командовавшего под Сталинградом Донским фронтом, подтвердил и бывший начальник генерального штаба Красной Армии А. М. Василевский. Согласно его воспоминаниям, силы группировки вермахта, противостоявшей войскам Юго-Западного, Донского, Сталинградского и южного крыла Воронежского фронтов, накануне начала наступления действительно оценивалась втрое ниже ее фактичес-

кого состава: 85 — 90 тысяч человек вместо 300 тысяч. Разведка недооценила численность танков и артиллерии противника, а также подразделений, прибывших на усиление 6-й полевой и 4-й танковой армий. Остались незамеченными и неучтенными дивизия ПВО, свыше 10 саперных батальонов, медицинские учреждения, многочисленные строительные батальоны и саперные части “Организации Тодта”, полевая жандармерия и многое другое³⁸⁶. По оценкам ряда исследователей, Сталинградская битва вообще была выиграна не благодаря, а вопреки качеству поступавшей разведывательной информации. Однако уже с середины декабря ее качество заметно улучшилось. Одной из главных причин этого явилась наконец-то начавшая работать в заметных масштабах радиоразведка, хотя и в составе не НКО, а НКВД. Серьезное улучшение системы советской военной разведки произошло уже к самому окончанию Сталинградской наступательной операции.

Этап недалековидного отрыва агентурной разведки от потребностей фронтов оказался недолгим. Весной 1943 года командующие фронтами обратились в Ставку с просьбой, а фактически требованием об отмене такого нежелательного положения. В результате в соответствии с приказом Наркома обороны от 19 апреля 1943 года № 0071 Управление войсковой разведки было реорганизовано. Приказ гласил:

- “1. Реорганизовать Управление войсковой разведки Генштаба в Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии, возложив на него руководство войсковой и агентурной разведкой фронтов, регулярную информацию о действиях и намерениях врага и проведение дезинформации противника.
 2. Предоставить право ведения агентурной разведки и диверсионной работы на временно оккупированной территории Союза ССР Разведывательному управлению Генштаба и разведывательным отделам фронтов. Разведывательным отделам армий агентурной разведки не вести.
 3. Упразднить в составе Главного разведывательного управления Красной Армии 2-е управление, ведущее разведку на временно оккупированной территории Союза ССР. Передать Разведывательному управлению Генерального штаба Красной Армии агентурную сеть, материальные средства и кадры этого управления.
 4. Главному разведывательному управлению Красной Армии вести разведку только за рубежом.
 5. При начальнике Генерального штаба Красной Армии создать группу командиров во главе с генерал-полковником т. Голиковым с задачей обобщения и анализа всех поступающих данных о противнике от всех органов разведки и контрразведки (НКО, НКВД, НКВМФ, Главное управление “СМЕРШ” и партизанских штабов).
 6. Для более квалифицированного допроса военнопленных ввести в штаты разведывательных отделов фронтов и армий следственные части.
- В местах заключения органов “СМЕРШ” (контрразведки) выделить специальные помещения с охраной для содержания заключенных военнопленных, находящихся в ведении разведывательных отделов фронтов и армий. <...>
8. Главному управлению “СМЕРШ” по материалам следствия информировать Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии:
 - а) о причинах провала агентов разведывательных органов Красной Армии, перевербованных противником;

А. П. Панфилов

- б) о методах работы разведки противника по вербовке агентуры, ее подготовке, документации, организации радиосвязи и способах заброски.

9. Разведывательному управлению Генерального штаба Красной Армии все получаемые данные об агентуре противника, подготовляемой для заброски в Красную армию, немедленно сообщать органам “СМЕРШ”³⁸⁷.

Генерал-майор А. П. Панфилов переводился с должности начальника РУ в бронетанковые войска, а на его место назначался член военного совета Воронежского фронта генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов, замести-

Ф. Ф. Кузнецов

телями которого стали генерал-майоры Л. В. Онянов и П. Н. Вавилов. Структура РУ представляла практически собой почти прежнее УВР, за исключением введения в его состав бывшего 2-го управления ГРУ и следственной части:

- Первый отдел (войсковая разведка);
- Второй отдел (агентурная разведка):
 - Северо-Западное агентурное направление;
 - Западное агентурное направление;
 - Юго-Западное агентурное направление;
 - диверсионное направление;
- Третий отдел (руководство агентурной разведкой фронтов);
- Четвертый отдел (оперативной информации);
- Пятый отдел (радиоразведка и забивка радиостанций противника);
- Шестой отдел (радиосвязь);
- Седьмой отдел (кадры);
- Восьмой отдел (шифровальный);
- административно-хозяйственный отдел;
- специальное отделение (дезинформация);
- отделение оперативной техники;
- финансовое отделение;
- следственная часть;
- секретариат управления;
- авиаотряд;
- радиоузел связи;
- школа агентурной подготовки.

Одновременно с реорганизацией центрального аппарата разведки изменениям подверглись и ее войсковые органы. В штабах фронтов создавались разведывательные отделы в составе:

- Первое отделение — войсковая разведка;
- Второе отделение — агентурная разведка;
- Третье отделение — диверсионное;
- Четвертое отделение — информационное;
- Пятое отделение — авиационная разведка;
- Шестое отделение — радиоразведка;
- Седьмое отделение — агентурная техника;
- Восьмое отделение — шифровальное;
- следственная часть;
- административно-хозяйственная часть;
- отделение кадров;
- финансовая часть;
- секретная часть;
- радиоузел разведотдела штаба фронта;
- моторизованная разведывательная рота.

В дальнейшем в штабах фронтов вместо разведывательных отделов формировались разведывательные управления, в составе которых имелись собственные отделы:

- 1-й отдел — руководство работой разведывательных отделов армий;
- 2-й отдел — агентурная разведка;
- 3-й отдел — диверсионные действия;
- 4-й отдел — обработка разведывательной информации;
- 5-й отдел — радиоразведка.

Разведотделы штабов армий имели в своем составе отделения войсковой разведки (первые) и информационные отделения (вторые), а также следственную часть и группу по делопроизводству.

Штабы корпусов располагали разведывательными отделами в составе начальника в ранге заместителя начальника штаба по разведке, двух его старших помощников (по войсковой разведке и по информации) и двух переводчиков. Никаких разведывательных подразделений корпуса не имели, зато разведывательные отделения дивизий располагали для этой цели разведротой. Помощник начальника штаба полка по разведке имел в подчинении по взводу конной и пешей разведки.

Одновременно с приказом № 0071 Сталин подписал и приказ № 0072, жестко критиковавший боевую деятельность органов военной разведки за низкий уровень, плохую координацию, слабую обеспеченность кадрами, отсутствие инициативы и изобретательности, неудовлетворительность сбора и обработки разведывательных данных и особенную неудовлетворительность организации допроса военнопленных и процесса обработки трофейных документов. В приказе, в частности, предписывалось к 10 мая 1943 года полностью укомплектовать разведорганы и разведподразделения двенадцати фронтов и 7-й отдельной армии, создать разведывательный факультет в Высшей специальной школе Красной Армии, организовать курсы переподготовки командиров-разведчиков, сформировать при штабах девяти фронтов моторизованные разведывательные роты, подчинить начальникам разведотделов штабов фронтов в оперативном отношении разведывательные авиаполки воздушных армий.

19 апреля 1943 года можно смело назвать днем разведки в НКО, поскольку тогда же Сталин подписал и третий из серии приказов на эту тему (№ 0073), на этот раз об улучшении разведывательной работы партизанских отрядов. Подробнее этот приказ рассматривается далее в контексте партизанской разведки.

Разведывательное обеспечение войск в Курской битве осуществлялось на существенно более высоком уровне. Информация о намерениях противника поступила от лондонской резидентуры НКГБ и от “пятого человека” “кембриджской пятерки” Джона Кэрнкросса, почерпнувшего ее из дешифрованных ПШКШ германских радиogramм, а также отчасти от нелегальной резидентуры ГРУ “Дора”. Весьма ценным источником информации явилась радиоразведка, к середине 1943 года уже достаточно окрепшая для успешной деятельности. Дешифровальной работой занимался 8-й отдел генштаба, три отделения которого ведали соответственно криптографией, криптоанализом и техническими вопросами. Численность его центрального аппарата достигала 400 человек. После решения о децентрализации системы скрытого управления войсками (СУВ) значительно выросли шифровально-дешифровальные подразделения в частях и соединениях. В штабе дивизии работали 5 – 6 шифровальщиков, корпуса – до 10, армии – 20 – 22, фронта – до 65. Исследователи до настоящего времени не могут прийти к единому выводу о том, читали ли криптоаналитики НКГБ и НКВД сообщения, закрытые с помощью “Энигмы”. Такое предположение вызывает значительные сомнения. Безусловно, в СССР о такой машине знали, хотя бы от “кембриджской” группы и из других источников. В окруженной под Сталинградом группировке имелось не менее 26 шифраторов, не все из которых могли быть уничтожены при капитуляции. Летом 1943 года британская военная миссия также передала советской стороне один экземпляр трофейной шифровальной машины. Кроме того, нет оснований полагать, что все возможные источники получения информации или натуральных образцов шифратора “Энигма” известны даже сейчас, поэтому СССР, несомненно, располагал ими. Вряд ли разведка сумела добыть все типы роторов, особенно морских, однако это имело второстепенное значение. Не менее важна была и процедура шифрования, но и она вряд ли она оставалась для советских криптоаналитиков секретом. К лету 1943 года число пленных военнослужащих вермахта исчислялось уже сотнями тысяч, если не миллионами, и среди них было немало шифровальщиков. Известно, какое важное значение советская разведка всегда придавала криптографическим материалам, поэтому маловероятно, чтобы оперативно-чекистский отдел Управления по делам о военнопленных и интернированных НКВД СССР прошел мимо их вербовки и не смог получить сведения о процедуре переписки. Шифровальщики вермахта в основном являлись рядовыми солдатами, изредка унтер-офицерами, поэтому их стойкость на допросах была заведомо невысокой. Однако из перечисленных факторов вовсе не следует, что СССР мог успешно читать закрытую с помощью “Энигмы” переписку. Достоверно известно, что советские дешифровальщики не располагали никакими устройствами, хотя бы отдаленно напоминающими британские “бомбы”, поэтому каждая отдельная радиogramма подавалась прочтению лишь при наличии ключей (установок) машины на данный период, перехвате условной группы сообщения и его полного текста. Соблюсти все перечисленные условия одновременно было практически невозможно, хотя существует мнение, что Кэрнкросс регулярно снабжал резидентуру НКГБ в Лондоне ключами к “Энигме”. Немцы не исключали возможности компрометации своих шифров после массового захвата под Сталинградом шифровальщиков и документации и приняли некоторые меры предосторожности. В част-

ности, управление связи вермахта распорядилось: “В радиogramмах запрещается выделять сообщения от фюрера любым особым образом”³⁸⁸.

По этой причине советская радиоразведка сосредоточилась на анализе перехвата и вскрытии шифров низкого уровня стойкости, позволявшим получать весьма важные сведения о дислокации войск противника. Такой подход не давал доступ к информации о стратегических намерениях, о дипломатических переговорах, о донесениях агентуры, однако был вполне достаточен для обеспечения командования оперативными данными. Именно это сыграло весьма существенную роль в Курской битве и последующих операциях. Кроме радиоразведки в “чистом” виде, 130-й и 132-й радиодивизионы специального назначения и их радиобатальоны применяли и другие формы и методы радиоэлектронной борьбы. Они забивали радиостанции противника помехами, вынуждая их иногда до двухсот раз пытаться передать одно и то же сообщение, зачастую утрачивавшее актуальность и в конечном итоге остававшееся не отправленным, передавали ложные радиogramмы, пытались войти в связь с радиостанциями вермахта и запросами выявить их принадлежность и расположение для последующего артиллерийского или авиационного удара по этому месту. Германские радисты оказались сильными противниками и применяли эффективные меры противодействия. Они постоянно меняли волны, передавали ложные сообщения о переходе на запасные диапазоны, передавали радиogramмы отдельными группами на разных частотах, снижали мощность до минимальной, чтобы сохранить устойчивость связи и одновременно остаться незамеченными в эфире. Следует отметить, что Курская битва стала первым сражением на советско-германском фронте, в котором обе стороны в широких масштабах применили радиоразведку и радиоэлектронную борьбу (РЭБ), в том числе и силами групп ближней разведки средствами связи.

Заметно повлиял на результаты дешифровальной работы ряд принятых в наркоматах обороны и внутренних дел административных решений. В 1942 году в составе 5-го управления НКВД появился Криптографический совет, занятый организацией и координацией проводимых в этой области научных исследований, а на базе криптографической Школы особого назначения этого же управления и 3-го учебного отделения Высшей школы генштаба была создана Специальная школа 5-го управления НКВД СССР. На двух ее отделениях готовили дешифровальщиков военной и дипломатической переписки. И хотя подлинный прорыв в развитии криптографии произошел лишь после открытия в Московском государственном университете специального факультета, принимаемые в ходе войны меры привели к хорошим результатам.

Разведывательное обеспечение последующих операций Красной Армии, как правило, соответствовало потребностям войск, несмотря на значительно сократившееся с осени 1943 года поступление стратегической информации от закордонных резидентур. Как известно, к этому времени крупнейшие агентурные сети НКГБ и ГРУ в Западной Европе оказались разгромленными, продолжала работать устойчиво лишь лондонская точка. Однако сообщения из Великобритании не могли обеспечить поступление всей требующейся информации о вермахте, поэтому основную роль в этом процессе стали играть органы оперативной разведки. Следует особо отметить, что с весны 1944 года Красная Армия проводила главным образом наступательные операции, в которых организация ведения разведки всегда является более сложной задачей, чем в обороне. Опыт показал, что в наступлении деятельность забрасываемых в тыл противника разведывательных групп и резидентур не приносит ожидаемых результатов из-за сложности закрепления на месте, поэтому военной разведке пришлось спешно перестраиваться и создавать в глубоком тылу противника постоянный разведывательный аппарат. Пока наступление проходило по территории СССР, значительную помощь разведке фронтов оказывали связанные с ней партизанские отряды. Прохождение коммуникаций вермахта через районы их действий позволяло достаточно точно установить направления и объемы перебросок живой силы и техники противника на различные участки фронта. В сочетании с возобновлением ведения агентурной разведки штабами фронтов это принесло желаемый и стабильный эффект. Однако после выхода на рубежи государственной границы обстановка принципиально изменилась, не могли ее исправить и разведывательно-диверсионные группы и резидентуры РУ ГШ КА и 4-го управления НКГБ СССР. Ранее описывались сложности с их заброской на территории Польши и Германии, повлекшие бессмысленную гибель почти всех разведчиков. С целью облегчения легализации агентуры РУ перешло к использованию немцев в качестве агентов, но в большинстве случаев после

заброски они не выходили на связь и либо дезертировали, либо являлись с повинной в гестапо или абвер. Смешанные группы также не принесли желаемого результата из-за частых предательств. Кроме того, наличие в группе немцев вынуждало остальных относиться к ним с подозрением и постоянно контролировать их действия, практически не позволяя сосредоточиться на выполнении основных разведывательных задач. Некоторый выход из положения был найден в передислоцировании за линию государственной границы крупных партизанских соединений. Отряды располагали сложившейся структурой, разведывательным аппаратом, средствами связи и служили серьезными базами для ведения разведки. Им не требовалось пересекать фронт, поскольку партизаны и так находились в германском тылу, и простое отступление вместе с вермахтом сразу же выводило их на нужные позиции. Однако все обернулось совершенно иначе. На сопредельной территории местное население, как правило, воспринимало партизан как вражеские войска. В результате любые их замеченные передвижения немедленно становились известными противнику, разрушилась продовольственная база отрядов, иностранные граждане не желали делиться наблюдениями и тем более действовать в качестве агентов, в лучшем случае оставаясь индифферентными к происходившим событиям. Как следствие, передислоцировавшиеся через государственную границу партизаны понесли огромные потери и не выполнили поставленных задач. При этом просто вывести их из зоны боевых действий было невозможно, поскольку от Красной Армии их отделяла линия фронта. Партизанам пришлось отыскивать в ней наиболее слабые участки и с боями прорываться через них, но при этом отряды встречали на своем пути не тыловые охранные части, а явно превосходившие их по боевым качествам фронтовые войска первой линии. По изложенным причинам на последнем этапе войны оперативная агентурная разведка в значительной степени утратила свои позиции, а ее место заняла наполовину разведывательная, наполовину дипломатическая работа по установлению контактов с национальными отрядами Сопrotивления в тех районах, где таковые имелись. Тем не менее, возросшие достижения радиоразведки, выделение значительного количества самолетов в состав разведывательных и разведывательно-корректировочных авиаполков и резко увеличившееся количество пригодных для допросов пленных компенсировали утрату позиций по перечисленным направлениям. В качестве примера можно привести действия 132-го отдельного радиодивизиона в январе — феврале 1945 года в районе Бреслау. Его специалисты обратили внимание на весьма незначительный радиообмен противостоящей германской группировки и начали целенаправленно выяснять причины этого. Вскоре из дешифрованных перехватов было установлено, что такое явление было вызвано массовым использованием подземных кабелей, после чего разведка установила места 45 из них, немедленно уничтоженных саперами. Радиообмен резко возрос и позволил существенно увеличить объем перехватываемой из эфира информации.

К сожалению, даже на завершающем этапе войны разведывательное обеспечение высшего военно-политического руководства существенно уступало по уровню разведывательному обеспечению непосредственных потребностей войск. Составление комплексного представления о военно-экономическом потенциале рейха в целом оказалось задачей намного более сложной, чем определение состава противостоящей группировки или графика подвоза резервов на тот или иной участок фронта. Наиболее наглядно это отставание демонстрируют два объемных информационных документа Группы по обобщению и анализу сведений о противнике: “Доклад о положении Германии, ее возможных и вероятных планах ведения войны” от 30 июня 1944 года и “Доклад о современном положении Германии и ее возможностях на дальнейшее ведение войны от 18 декабря того же года. Их подписали руководитель группы генерал-полковник Голиков, начальник ГРУ КА генерал-лейтенант Ильичев, начальник РУ ГШ КА генерал-лейтенант Кузнецов, начальник 1-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Фитин, начальник РУ ГМШ ВМФ контр-адмирал Воронцов, а первый из них — еще и начальник 4-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Судоплатов. Представленные в Государственный комитет обороны доклады в основном касаются военных, военно-экономических и военно-политических аспектов, поэтому лучше всего они иллюстрируют результаты работы именно военных разведывательных служб НКО и НКВМФ и в существенно меньшей степени — НКВД.

Сразу же отметим, что политическая сторона оценок является наиболее сильной стороной рассматриваемых документов, зато с военной и экономической дело обстояло за-

метно хуже. Первый доклад оценивал положение Германии по состоянию на 1 июня 1944 года, когда она, как известно, достигла высшей точки своего военного производства. Однако в документе указывалось (сохранена орфография первоисточника, добавлена пропущенная круглая скобка — И. Л.): “Состояние экономики Германии характеризуется... б) большим снижением объема производства главных видов военной промышленности в 1944 году по сравнению с 1942 годом:

по танкам — на 27% (1942 г. — 1167 танков в месяц, 1944 г. — 850 танков);

по самолетам — на 27,3% (1942 г. — 1740 самолетов в месяц, 1944 г. — 1270 самолетов);

по подводным лодкам — на 41 — 42% (1942 г. — 26 лодок в месяц, 1944 г. — 15 лодок);

по стрелково-артиллерийскому вооружению и боеприпасам — на 27 — 30%”³⁸⁹.

Между тем, действительные тенденции были совершенно противоположными. Месячное производство бронетанковой техники за указанный период выросло с 775 до 2275 единиц, при этом ее суммарный боевой вес вырос с 11666 до 51833 тонн, то есть в 4,44 раза. Динамика по самолетам (с учетом штурмовых и грузовых планеров) выглядела почти столь же благополучно: 1284 и 3383, то есть наблюдался рост в 2,63 раза. Тоннаж построенных в 1942 и 1944 годах подводных лодок составлял соответственно 193 и 234 тысячи тонн, прирост составил более 22%. Стрелково-артиллерийское вооружение в 1942 году было произведено в количестве 1766 тысяч единиц, боеприпасы — в количестве 1270 тысяч тонн. Аналогичные показатели в 1944 году составили 3765 тысяч единиц и 3350 тысяч тонн, рост производства соответственно составил 213% и 264%³⁹⁰. Как видим, ошибки в документе носили системный характер и не только не соответствовали фактическим абсолютным величинам, но и вводили в заблуждение относительно общей тенденции.

В докладе от 18 декабря приведенные ранее показатели несколько откорректированы. В частности, со ссылкой на агентурные данные ГРУ, выпуск боевых самолетов во второй половине года оценивался в 1800 машин в месяц³⁹¹, но и эти данные оказались весьма далеки от реальности. Среднемесячный выпуск танков и самоходных орудий за этот же период был оценен в 650 — 750 единиц³⁹², то есть занижен по сравнению с реальным в 3,0 — 3,5 раза. Несколько меньшее, но тоже значительное расхождение с действительностью наблюдалось и в оценке выпуска стрелково-артиллерийского вооружения.

Анализировать военное производство Германии, подробно и непротиворечиво учтенное в первоисточниках, достаточно просто. Сложнее с людскими и материальными потерями, по которым в различных источниках приводятся различные, порой весьма отличающиеся друг от друга цифры. Однако по состоянию на 31 декабря 1944 года вопрос об итоговых немецких потерях в войне исследован вполне точно, а весьма спорен он, прежде всего, из-за сбоя в системе документального учета уже после января 1945 года, неясности с числом погибших в плену военнослужащих и неудовлетворительной постановкой учета погибших в тыловых и обслуживающих частях, подразделениях и учреждениях. Поэтому данные за 1944 год сомнений не вызывают. Суммарно по вермахту и СС, по данным Центрального бюро учета потерь личного состава при генеральном штабе ОКВ, исследуемый показатель составляет 1965324 человека убитыми и умершими от ран, 1858404 человека пропавшими без вести или взятыми в плен³⁹³. Очевидно, что, в любом случае, за последние шесть месяцев 1944 года германские безвозвратные потери никак не могли достичь двух миллионов, как утверждается в докладе от 18 декабря. По сухопутным войскам, составлявшим подавляющую часть вермахта по численности и соответственно несшим самые большие в абсолютных величинах потери, безвозвратная убыль с июня по ноябрь 1944 года оценивается в 1234839 человек³⁹⁴ (включая войска СС).

Существенно занижалась в докладах общая численность вооруженных сил Германии, в 1942 году составлявшая якобы 9,2 миллиона человек, а в 1944 — 8,2 миллиона³⁹⁵. По обнародованным после войны данным, в июле 1944 года в действующей армии находилось 4,4 миллиона человек, в армии резерва — 2,5 миллиона, в кригсмарине — 0,8 миллиона, в люфтваффе — 2 миллиона, в войсках СС — около 0,5 миллиона — всего около 10,2 миллионов человек^{396, 397}. Бесспорно, ошибка в оценке численности вооруженных сил противника на целый миллион существенно дезориентировала ГКО.

Весьма сомнительна и достоверность подсчета людских ресурсов Германии. В докладе от 30 июня 1944 года количество военно-пригодных в возрасте от 18 до 55 лет оценивает-

ся в 19400 тысяч человек, из которых призвано в вооруженные силы 15700 тысяч. Общий остаток исчислялся в 3700 тысяч, в том числе для оставления в народном хозяйстве и го-саппарате — 3200 тысяч, следовательно, резерв для мобилизации оценивался в 500 тысяч человек, а в случае мобилизации старших возрастов и фольксдойче он прогнозировался на максимальном уровне 800 тысяч³⁹⁸. Методика подсчета была явно порочной, поскольку не учитывала возможностей пополнения из резерва и за счет выздоравливающих. Только с августа по октябрь 1944 года и только сухопутные войска получили пополнение в количестве 288 тысяч человек³⁹⁹. Средний показатель составил 96 тысяч человек, что вполне соответствовало директиве начальника генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Гудериана от 2 ноября 1944 года, требовавшего ежемесячного пополнения в количестве 90 — 100 тысяч человек. В докладе от 18 декабря ошибки предыдущего документа были существенно откорректированы, применена более прогрессивная методика подсчета, учтены формирования “фольксштурма” (народного ополчения).

Приблизительно соответствовала действительности оценка некомплекта личного состава в германских дивизиях, поскольку в среднем по сухопутным войскам к концу июня 1944 года таковой достигал 67%. Зато абсолютно ошибочным являлось указанное в докладе от 30 июня сокращение парка танков первой линии (6500 по сравнению с 10500 в 1942 году) и боевых самолетов (соответственно 6100 и 6700)⁴⁰⁰. На самом деле парк танков первой линии (без учета типов I, II, танков чехословацкого производства и неполностью бронированных орудий на самоходных лафетах) в июле 1942 года насчитывал 4251 машину, а в июне 1944 года, с учетом исключения из первой линии танков типа III — 9367 машин⁴⁰¹, то есть имела место совершенно обратная тенденция, усиленная существенным повышением качества техники за счет вывода из первой линии устаревших образцов. Оценка численности самолетного парка люфтваффе также не отражала его увеличение, но в данном случае динамика процесса была несколько иной, а сами величины — весьма завышенными. Фактически на 27 июля 1942 года германские ВВС располагали 3500 боеготовыми самолетами, из них на Востоке 1886, на 31 мая 1944 года — 4928, из них на Востоке 1819, и на 10 января 1945 года — 4566, из них на Востоке 1625⁴⁰².

Значительные ошибки содержались в оценке безвозвратных потерь германских вооруженных сил за период с июля по декабрь 1944 года. В докладе от 18 декабря, помимо уже упоминавшейся нереальной двухмиллионной величины людских потерь, приводились данные об уничтоженных 7000 танков и 10000 самолетов (в том числе на советско-германском фронте 6000). В действительности за этот период потери танков и самоходных артиллерийских установок в вермахте составили 4547 машин⁴⁰³, а потери самолетов за 12 месяцев 1944 года — 9768 машин, в том числе на советско-германском фронте — 2408⁴⁰⁴. Нетрудно подсчитать, что первый показатель оказался завышенным более, чем в 1,5 раза, второй (условно принимая потери по 1944 году равномерными) — в 2,05 раза, а для Восточного фронта даже почти в пять раз.

Оцениваемые документы изобилуют цифрами, и их детальное исследование представляет собой отдельную большую тему. Однако, по мнению автора, даже приведенный краткий анализ вполне позволяет сделать обоснованный вывод о том, что оба доклада оказались весьма дезориентирующими в части военного производства Германии, ее потерь и ресурсов. Близкими к истине были оценки политического положения рейха, но таковые буквально лежали на поверхности и не требовали работы ни многотысячного аппарата разведчиков во всех звеньях и уровнях трех наркоматов, ни даже серьезной группы аналитиков. Нам неизвестно, какие выводы были сделаны в высшем руководстве государства после того, как обнаружили реальные цифры. Судя по всему, это произошло достаточно поздно, руководители разведывательных органов и служб давно сменились, так что, скорее всего, никакой реакции так и не последовало.

* * *

К окончанию войны потребность в усиленном внимании к оперативной и войсковой разведке значительно снизилась, и надобность в существовании двух военных разведывательных органов отпала. В июне 1945 года ГРУ и РУ были объединены в единое Главное разведывательное управление генерального штаба под руководством генерал-лейтенанта Ф. Ф. Кузнецова. Это стало последней крупной реорганизацией разведорганов Наркомата обороны в период Великой Отечественной войны.

5. ВНЕШНЯЯ И ЗАФРОНТОВАЯ РАЗВЕДКА 1942 — 1945

Начальный период войны сопровождался попытками поручить 1-му управлению НКВД ведение всех видов агентурной разведки как за пределами СССР, так и на оккупированной противником территории страны. Как известно, очень скоро такая практика продемонстрировала свою нецелесообразность, и после уже описанной неразберихи первых 5 — 6 месяцев войны разведывательно-диверсионная и террористическая деятельность в тылу германских войск стала постепенно упорядочиваться. В связи с произошедшими изменениями руководимое генерал-лейтенантом Фитиным 1-е управление несколько изменило свою структуру. Следует отметить, что даже после организации 4-го управления внешняя разведка не исключила из направлений своей работы страны противника, и по состоянию на 20 мая 1942 года центральный аппарат внешней разведки имел численность 135 человек и следующую структуру:

- Секретариат;
- 1 отдел:
 - 1-е, 2-е, 3-е отделения – Германия, Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния, Югославия, Греция;
- 2 отдел:
 - 1-е отделение – Франция, Италия, Швейцария, Бельгия, Испания, Португалия;
 - 2-е отделение – Дания, Финляндия, Швеция, Норвегия, Голландия;
- 3 отдел:
 - 1-е отделение – Англия;
 - 2-е отделение – США, Канада, Южная Америка;
 - 3-е отделение – научно-техническая разведка;
- 4 отдел:
 - 1-е отделение – Япония, Маньчжурия, Корея;
 - 2-е отделение – Китай;
 - 3-е отделение – Синьцзян, Монголия, Тува;
- 5 отдел:
 - 1-е отделение – Турция;
 - 2-е отделение – Ирак, Афганистан, Индия, арабские страны;
 - 3-е отделение – Кавказ, эмиграция;
- 6 отдел:
 - 1-е отделение – совколонии;
 - 2-е отделение – оперучет;
 - 3-е отделение – въезд и выезд;
- отделение связи;
- группа “А”;
- отделение Школы особого назначения (ШОН).

На направлении научно-технической разведки (НТР) следует остановиться особо. Оно являлось важнейшим и ориентировалось на добывание информации прежде всего в США и Великобритании, а с 1941 года специализировалось на тематике ядерного оружия (литерное дело “Энормоз”). Основными направлениями НТР в течение войны стали:

- уран как источник энергии, ядерные реакторы;
- радиолокационная аппаратура сухопутных войск, авиации и флота, миллиметровый диапазон, портативная радиоаппаратура;
- гидроакустическая аппаратура;
- средства ведения бактериологической и химической войны и защита от них;
- синтетический каучук и продукция основной химии;
- переработка нефти, получение высокооктановых бензинов и смазочных материалов;
- теоретические исследования в фундаментальных областях.

Как уже неоднократно отмечалось, отсутствие в штате внешней разведки информационно-аналитического подразделения самым негативным образом сказывалось на качестве ее работы и неоднократно приводило к неверным выводам. В конечном итоге эта проблема все же решилась, и в соответствии с приказом НКГБ от 7 декабря 1942 года № 00360 в составе 1-го управления был образован Информационный отдел (ИНФО) во главе с М. А. Аллах-

вердовым. В его составе имелось 4 региональных и 1 справочное отделение, а также группа спецсообщений. В момент возникновения в ИНФО работало 42 офицера, к концу войны число сотрудников выросло до 126, а направлений — до 9. Задачами отдела являлись:

- аналитическая обработка и реализация агентурных материалов по политическим и экономическим вопросам;
- определение достоверности и оценка разведывательных материалов на основе систематического изучения, сопоставления и сравнительного анализа сообщений различных источников;
- содействие улучшению качества информации из резидентур;
- глубокое изучение внутренней и внешней политики иностранных государств;
- подготовка и выпуск документов о деятельности, структуре и методах иностранных разведок.

К работе внешней разведки вплотную примыкает дешифровальная деятельность, которую в описываемый период осуществлял 5-й спецотдел НКВД. При штатной численности 683 человека он значительно превосходил центральные управления и отвечал не только за вскрытие переписки противника, но и за защиту собственных документов и секретов. Его структура выглядела следующим образом:

- 1-е отделение — дешифровально-разведывательная работа по Германии;
- 2-е отделение — дешифровально-разведывательная работа по Японии и Маньчжоу-го;
- 3-е отделение — дешифровально-разведывательная работа по Англии и США;
- 4-е отделение — дешифровально-разведывательная работа по Италии и Испании;
- 5-е отделение — дешифровально-разведывательная работа по Франции и Бельгии;
- 6-е отделение — дешифровально-разведывательная работа по Балканским и Скандинавским странам и Финляндии;
- 7-е отделение — дешифровально-разведывательная работа по Турции, Ирану, Ираку и Афганистану;
- 8-е отделение — дешифровально-разведывательная работа по Китаю;
- 9-е отделение — составление, исследование и издание кодов для НКВД, НКВТ, НКВД, НКО и НКВМФ;
- 10-е отделение — составление и издание шифровальных блокнотов для НКВД, НКВТ, НКВД, НКО и НКВМФ;
- 11-е отделение — осуществление шифросвязи оперативных управлений и отделов НКВД;
- 12-е отделение — шифровальная работа лагерей НКВД, пограничных, внутренних и оперативных войск НКВД, прокуратуры СССР, военной коллегии Верховного суда;
- 13-е отделение — осуществление шифросвязи закордонных резидентур 1-го управления НКВД;
- 14-е отделение — оперчекистское обслуживание шифрорганов наркоматов и других учреждений;
- 15-е отделение — проверка и допуск лиц, работающих с секретными, мобилизационными и шифровальными работами в учреждениях и на предприятиях, спецпроверка личного состава сотрудников особо режимных предприятий;
- 16-е отделение — агентурно-оперативное.

О размахе операций внешней разведки можно судить по докладной записке Берия № 1186 от 4 ноября 1944 года на имя Сталина: «Работники 1-го (Разведывательного) Управления НКВД/НКГБ проделали значительную работу по организации разведывательной сети за границей... За это время (с начала войны — И. Л.) выведено за кордон на нелегальную работу 566 человек, завербовано 1240 агентов-осведомителей, добыто агентурным путем 41718 различных разведывательных материалов, в том числе большое количество документальных. Из полученных по линии технической разведки 1167 документов, реализовано отечественной промышленностью 616»⁴⁰⁵.

Зафронтовые операции представляли собой отдельное направление в деятельности органов государственной безопасности СССР, которое, однако, тесно увязывалось как с партизанским движением, так и с боевыми действиями фронтовых частей, а также с контрразведывательной работой на советской территории. Организованный 3 октября 1941 года 2-й отдел НКВД СССР просуществовал до 18 января 1942 года, после чего был преобразован в

4-е управление (террор и диверсии на занятых противником территориях). Возглавлял его по-прежнему П. А. Судоплатов. Задачи управления были весьма широки и включали:

- формирование в крупных населенных пунктах нелегальных резидентур и обеспечение связи с ними;
- восстановление контакта с ценными и проверенными агентами госбезопасности на оккупированной территории;
- внедрение их в антисоветские организации и создаваемые противником разведывательные и административные органы;
- подбор и переброска квалифицированных агентов на оккупированные территории для их дальнейшего продвижения в Германию и оккупированные страны Европы;
- направление маршрутных агентов в оккупированные районы с разведывательными и специальными заданиями;
- подготовка и переброска в тыл разведывательно-диверсионных групп и обеспечение связи с ними;
- организация резидентур в угрожаемых районах;
- обеспечение их оружием, боеприпасами, средствами взрывания и связи.

Позднее, по мере изменения оперативной обстановки и, в частности, перехода советских войск к наступательным операциям, разведывательные задачи 4-го управления несколько изменились. Согласно директиве НКВД СССР от 10 февраля 1943 года № 48, агентурную работу на оккупированной территории следовало «вести для разрешения следующих задач:

- а) сбор сведений об агентуре, забрасываемой противником для шпионско-диверсионной работы в нашем тылу или намеченной для оставления после отхода германских войск;
- б) изучение режимных, политических и хозяйственных мероприятий немецко-фашистских оккупантов, внедрение нашей проверенной и квалифицированной агентуры в разведывательные, административные и хозяйственные органы противника, а также в различные антисоветские организации, создаваемые немцами;
- в) получение применяемых немцами всех видов действующих пропусков, удостоверений личности, железнодорожных билетов, справок и других документов, необходимых для снабжения нашей агентуры, направляемой в тыл противника;
- г) вербовка агентуры на оккупированной территории главным образом из числа лиц, работающих в административных, политических, хозяйственных и разведывательных органах противника, а также восстановление связи... с наиболее ценной агентурой НКВД, оставшейся на оккупированной территории»⁴⁰⁶.

Следует понимать, что приведенный перечень далеко не исчерпывал задач 4-го управления, особенно боевых. Управление и его органы отвечали также за допрос пленных, перебежчиков, членов экипажей самолетов и танков, парашютистов и диверсантов, захваченных органами государственной безопасности и войсками, при этом полученные данные о подготовке и заброске на советскую территорию агентов и действиях изменников подлежали передаче во 2-е (контрразведывательное) и 3-е (секретно-политическое) управления НКВД. На практике 4-е управление также руководило ОМСБОН и некоторыми партизанскими отрядами, возникшими на базе направленных в тыл противника групп и резидентур, а также формированием и боевыми действиями местных истребительных отрядов. Несмотря на столь широкий круг задач, численность его центрального аппарата была наименьшей из всех оперативных управлений НКВД СССР и по состоянию на май 1942 года составляла 113 человек с учетом руководства, секретариата, финансовой группы и информационно-учетного отделения. Структура управления выглядела следующим образом:

- 1-й отдел (зарубежный):
 - 1-е отделение — европейское;
 - 2-е отделение — Америка, Дальний Восток;
 - 3-е отделение — ближневосточное: Турция, Иран, Афганистан, арабские страны, Средняя Азия, Закавказье;
 - 4-е отделение — по работе с военнопленными и интернированными;
- 2-й отдел (территории СССР, оккупированные и угрожаемые противником⁴⁰⁷):
 - 1-е отделение — Москва и Московская область;
 - 2-е отделение — Украина, Молдавия, Крым;
 - 3-е отделение — Белоруссия;

- 4-е отделение — области РСФСР, Карело-Финская ССР;
- 5-е отделение — литовское;
- 6-е отделение — латвийское;
- 7-е отделение — эстонское;
- 8-е отделение — вербовка спецслужбы из числа заключенных лагерей;
- 9-е отделение — учетное;
- 3-й отдел:
 - 1-е отделение — технической подготовки;
 - 2-е отделение — оперативное;
 - 3-е отделение — материально-технического снабжения;
 - 1-й и 2-й отряды взрывников;
- 4-й отдел:
 - 1-е отделение — “Д” (диверсионной техники);
 - 2-е отделение — “ТН” (оперативной техники);
 - 3-е отделение — подготовки;
 - 4-е отделение — материально-техническое;
- отдельная саперная рота;
- Штаб истребительных батальонов и партизанских отрядов:
 - Руководство;
 - Секретариат;
 - 1-е отделение — истребительные батальоны;
 - 2-е отделение — партизанские отряды.

В территориальных органах имелись 4-е отделы, ведавшие аналогичными направлениями деятельности хотя и в местных масштабах, но со значительным размахом. Их суммарный вклад в организацию зафронтной работы был весьма велик. Из общего числа 2222 оперативных групп, заброшенных в тыл противника органами государственной безопасности, 244 направило 4-е управление НКВД/НКГБ СССР, а остальные — 4-е управление НКВД/НКГБ УССР и 4-е отделы УНКВД/УНКГБ. За весь период войны от них поступило 4418 разведывательных сообщений, из которых 1358 были переданы военным разведчикам для обработки, 619 — командующему авиацией дальнего действия, а 420 — командующим войсками фронтов⁴⁰⁸. Общая численность переброшенных через линию фронта работников 4-го управления достигла 15 тысяч человек, из которых 8 тысяч были награждены орденами и медалями, а 23 человека стали Героями Советского Союза⁴⁰⁹. По линии 4-го управления НКВД/НКГБ УССР только в период отхода на Восток в 1941 — 1942 годах на оседание были оставлены 12716 агентов, в том числе 43 резидентуры (43 резидента и 644 агента), 41 диверсионная группа (41 руководитель и 461 участник групп), 1367 одиночных агентов-разведчиков, 101 содержатель конспиративных квартир, 77 связников и 9541 агент с разными заданиями⁴¹⁰, а в течение 1943 года это же управление перебросило 2030 агентов-одиночек, 595 диверсионно-разведывательных групп (1892 человека) и 29 резидентур (89 человек). Таким образом, всего на первом этапе войны по линии диверсионного управления НКВД УССР было заброшено и оставлено 16737 человек, из которых погибли 489 и пропали без вести 271⁴¹¹. Особое внимание уделялось заброске радистов. За весь период войны НКВД/НКГБ УССР направило в тыл противника 153 радиста, из которых погибли 42⁴¹². Общий объем переданной ими информации составил 7718 радиограмм (562826 групп)⁴¹³. Потери зафронтных разведчиков и диверсантов зачастую были довольно высоки. Например, в течение 1942 года 4-й отдел НКВД Карело-Финской ССР забросил в тыл противника 20 агентов-одиночек и 36 агентурных и разведывательно-диверсионных групп общей численностью 157 человек. По состоянию на 12 января 1943 года из них возвратились 2 агента-одиночки и 61 агент и боец в составе групп, продолжали выполнять задания 43 человека. Провалились 4 агента-одиночки и 1 агентурная группа из 2 человек, погибли 2 и пропали без вести 63 человека⁴¹⁴. Общие потери составили более 40%.

Помимо НКВД/НКГБ, 20 опергрупп перебросил через линию фронта 4-й отдел ГУКР “СМЕРШ” НКО, однако их главной задачей являлась наступательная контрразведка. Характер операций таких подразделений был примерно одинаков. Например, итоги деятельности в тылу вермахта типичной зафронтной группы “Штурм” УКР “СМЕРШ” 1-го Прибалтийского фронта в период с 1 мая по 1 июня 1944 года изложены в докладной записке УКР:

“Группой добыты данные:

- а) о деятельности диверсионно-разведывательной школы, дислоцирующейся в дер. Курганы Смолевичского района Минской области;
- б) о пунктах (пяти лагерях военнопленных на территории БССР), в которых активно проводится вербовка слушателей в так называемую дабendorфскую школу пропагандистов РОА, ряде вербовщиков этой школы, руководящем и обслуживающем ее составе;
- в) о дислокации и деятельности в г. Минске трех отделений СД и шести отделений полиции, выявлен ряд агентов противника, установлено несколько резидентур СД, действующих в г. Минске и Борисове, а также собраны данные на провокаторов, активных пособников немцев, проживающих на территории БССР...

Группа имеет от нас указание о сосредоточении в дальнейшем всей работы против разведоргана, возглавляемого Фурманом, и других разведывательных и контрразведывательных органов, находящихся в Минске”⁴¹⁵.

Остальные 19 групп действовали подобным же образом. По этой линии лишь с 1 октября 1943 по 1 мая 1944 года военная контрразведка перебросила через фронт 345 агентов, 57 из которых внедрились в разведывательные органы и школы германской разведки⁴¹⁶. Летом 1944 года в одном из докладов абвера указывалось, что контрразведка сумела идентифицировать 20 тысяч советских агентов, а численность их пополнения оценивалась в 10 тысяч каждые три месяца. При этом самокритично отмечалось, что все армейские органы безопасности способны обезвредить не более трети забрасываемых агентов⁴¹⁷.

Среди зафронтовых резидентур 4-го управления наиболее известны “Форт” (Одесса, резидент — капитан ГБ В. А. Молодцов, он же “Бадаев” и “Кир”), “Максим” (Киев, названа по оперативному псевдониму резидента — лейтенанта ГБ И. Д. Кудри) и “Корнев” (Николаев, названа по оперативному псевдониму резидента — майора ГБ В. А. Лягина). История всех этих точек достаточно широко и подробно описана в литературе, поэтому в данной главе их деятельность не рассматривается. Отметим лишь, что все они занимались как ведением разведки, так и диверсионными операциями, все были разгромлены германской и румынской контрразведками благодаря использованию внедренных агентов, и все их руководители погибли.

К началу 1942 года активная зафронтовая работа всех ветвей советской разведки и резкое усиление контрпартизанских операций немцев потребовали организационно упорядочить партизанское движение. Этот вопрос не относится к теме данной книги и рассматривается лишь в самых общих чертах, чтобы обозначить его место в разведывательных операциях 1941 — 1945 годов.

Спустя полгода после начала войны стало ясно, что партизанское движение нуждается в централизованном руководстве. Отряды партизан отнюдь не были однородной массой и весьма мало напоминали изображаемых советской пропагандой стихийных народных мстителей. Безусловно, часть мирных жителей действительно ушла в леса (в тех местностях, где они росли) и воевала против оккупантов по собственной инициативе, из патриотических побуждений или же спасая свои села от карателей. Однако такие спонтанно возникшие отряды, скорее похожие на силы местной самообороны, представляли собой лишь незначительную часть действовавших в германском тылу групп. К этой же категории примыкали и организованные районными и областными партийными организациями отряды, в которых уже наблюдалось некоторое подобие дисциплины и субординации. Все они испытывали крайнюю нехватку вооружения и боеприпасов, а также подготовленных кадров с опытом если не боевых действий, то хотя бы военной службы. О специалистах “малой”, или партизанской войны речь уже не шла, поскольку все они были уничтожены в предвоенных репрессиях, а оборудованные базы снабжения разукomплектованы и ликвидированы. Совершенно ясно, что отряды двух указанных категорий, или “местные”, как их называли офицеры спецслужб, были лишены возможности квалифицированно вести разведку, а также не представляли серьезную угрозу для оккупационных войск. И именно на их долю пришлось наибольшие боевые потери, поскольку, не владея обстановкой и не зная стратегии и тактики специальных операций, эти люди бесстрашно вступали в бой с гарнизоном противника и практически поголовно гибли, не в силах противостоять регулярным войскам. Стратегическое направление этому было задано в выступлении Председателя ГКО

И. В. Сталина от 3 июля 1941 года, в котором он предписывал: “В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия”⁴¹⁸. Такая установка толкала партизан на самоубийственные действия и отвлекала от главных задач, которые они могли бы выполнять в целях содействия Красной Армии, нуждавшейся в нарушении коммуникаций противника и ведении разведки. Установка же на поджог лесов вообще была на пользу только оккупантам, поскольку это наносило удар по единственному преимуществу партизан — скрытности. Совершенно ясно и то, что взрывы мостов и дорог (вероятно, имелись в виду железные, поскольку иначе это лишено всякого смысла) могут осуществлять лишь люди с хотя бы минимальной минно-взрывной подготовкой, в противном случае взрывчатка будет истрачена зря без ущерба для подрываемых объектов. В условиях отсутствия снабжения партизан боеприпасами партийные органы могли лишь издавать директивы, которые иначе как преступно безграмотными назвать нельзя. Например, директива № 2 ЦК КП(б) Белоруссии партийным и комсомольским организациям по развертыванию партизанской борьбы в тылу врага от 1 июля 1941 года в разделе “Задачи партизан” содержала следующие инструкции: “Уничтожать врагов, не давая им покоя ни днем ни ночью. Убивать их всюду, где застигнешь, убивать, чем попало, — топором, косой, ломом, вилами, ножом. Объединить несколько партизанских отрядов, нападать неожиданно на отряды противника и уничтожать. Особенно важно нападать ночью на аэродромы, жечь самолеты, перебить летчиков”⁴¹⁹. Трудно подсчитать, сколько отважных патриотов бессмысленно погибло в подобных акциях, и сколько местных жителей уничтожили карательные отряды в отместку за их деятельность. Отдача же от них в основном была лишь политической и пропагандистской, тогда как для победы требовалось совершенно иное.

К счастью, существовали и другие категории партизан, действовавшие по совершенно иным инструкциям. Кроме “местных”, партизанские отряды формировались прежде всего из перешедших на положение партизан истребительных отрядов, в меньшей степени из окруженных и не сдавшихся бойцов Красной Армии, часто во главе с командирами, из бежавших пленных, из заброшенных в тыл противника разведчиков и диверсантов 4-го управления и территориальных органов НКВД, бойцов ОМСБОН, агентурно-боевых групп (АБГ) погранвойск, оперативных диверсионных пунктов РУ, в марте 1942 года преобразованных в 6-е (диверсионные) отделения разведывательных отделов штабов фронтов. Именно эти отряды, в дальнейшем вобравшие в себя местных жителей и организовавшие их, стали действительной силой партизанского движения. Однако в начальный период и они не могли претендовать на существенный вклад в борьбу с противником, поскольку хотя и исчислялись десятками, но не имели ни баз, ни иной организованной системы снабжения, зачастую были лишены радиосвязи, а их автономность по продовольствию и боеприпасам составляла 2 — 3 недели. В результате даже такие полупрофессиональные группы оказались достаточно уязвимыми и зачастую быстро уничтожались охранными частями противника.

Первые попытки организовать централизованное руководство партизанским движением относятся к концу 1941 года. По предложению заместителя наркома обороны Н. Н. Воронова был подготовлен проект создания Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), подобран его личный состав, однако на данном этапе в процесс вмешался нарком внутренних дел Берия. Он сфабриковал дело по обвинению будущих работников штаба и репрессировал почти всех из них, после чего вопрос о ЦШПД на время отпал. Тем не менее, весной следующего года насущная необходимость в объединенном органе для координации действий, централизованного снабжения партизан и разработки методического руководства ими стала уже очевидной. ГКО своим постановлением от 30 мая 1942 года № 1837сс распорядился создать при Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) Центральный штаб партизанского движения под руководством П. К. Пономаренко. В нем имелся разведывательный (2-й) отдел, позднее преобразованный в информационно-разведывательный, а впоследствии в управление. К оперативным органам ЦШПД примыкали отдел связи с радиоузлом, отдел диверсионной техники и тактики, секретный и шифровальный отделы. Утвержденное 23 декабря 1942 года Положение о Центральном Штабе партизанского движения устанавливало следующие задачи начальника его разведывательного отдела:

- “1) разработка конкретных планов насаждения агентурной сети и планов расстановки агентурных сил в тылу противника;
- 2) руководство проведением организационных мероприятий по созданию агентурного аппарата в целях разведывательной работы на временно оккупированной территории;
- 3) организация всех видов разведки (оперативной, тактической, боевой и агентурной) в тылу противника в интересах Красной Армии и партизанского движения;
- 4) непрерывное совершенствование методов конспирации, связи и руководства агентурной сетью;
- 5) обеспечение наиболее полной, достоверной и непрерывной разведывательной информацией о войсках, тылах, ресурсах, замыслах противника;
- 6) руководство работой по выявлению и разоблачению агентуры противника, засылаемой в партизанские отряды;
- 7) выявление разведкой новых, еще неизвестных партизанских формирований, обеспечение информацией по этому вопросу оперативного отдела Центрального Штаба;
- 8) содействие оперативному и политическому отделам в выполнении ими задач повсеместного развития партизанской борьбы в тылу противника;
- 9) наблюдение за учебным процессом центральной школы № 105 подготовки разведывательных кадров партизанского движения;
- 10) обеспечение руководящими разведывательными кадрами партизанских отрядов;
- 11) руководство и направление работы разведывательных отделов и отделений штабов партизанского движения и представителей Центрального Штаба на фронтах;
- 12) обеспечение материалами разведки начальников оперативного и политического отделов по вопросам, относящимся к компетенции этих отделов;
- 13) персональный и количественный учет руководящих разведывательных кадров партизанского движения и агентуры;
- 14) руководство техникой изготовления документов для оперативно-разведывательных целей;
- 15) руководство секретным делопроизводством отдела, обеспечение учета и хранения разведывательных документов”⁴²⁰.

Членом коллегии Центрального штаба партизанского движения от НКВД являлся В. Т. Сергиенко, а от ГРУ — Г. Ф. Корниенко. Одновременно с созданием ЦШПД ГКО распорядился организовать при штабах всех фронтов штабы партизанского движения для связи с действовавшими в зоне их ответственности партизанами. 6-е (диверсионные) отделения разведывательных отделов штабов фронтов были ликвидированы, их кадры переведены в ЦШПД, за исключением ряда офицеров с иной специализацией. Эти работники теперь подчинялись напрямую ГРУ. Наиболее крупными были Украинский и Белорусский штабы партизанского движения (УШПД и БШПД) Первый из них во главе с Т. А. Строкачем был организован 20 июня 1942 года, с 14 июля в нем существовала должность заместителя командира по агентурной и войсковой разведке. Белорусский штаб партизанского движения во главе с П. З. Калининым существовал с 9 сентября 1942 года, но заместитель командира по агентурной и войсковой разведке появился в нем только в апреле 1943 года. Кроме двух указанных, в подчинении у ЦШПД имелся еще ряд образованных в разное время штабов: Западный, Калининский, Брянский, Ленинградский, Карело-Финский, Южный (Краснодарский), Эстонский, Литовский, Латвийский, Крымский, Воронежский и Ставропольский (позднее они стали областными ШПД), а также Молдавский отдел.

Приказы Верховного главнокомандующего № 00189 от 5 сентября 1942 года “О задачах партизанского движения” и № 0073 от 19 апреля 1943 года “Об улучшении разведывательной работы партизанских отрядов” конкретизировали направления и методы разведывательной деятельности партизан и стали основополагающими документами в этой области. Отныне руководство ей концентрировалось в Центральном, республиканских, фронтовых и областных штабах партизанского движения, где для этой цели создавались разведывательные отделы. В соответствии с приказом № 0073, уточнялись принципы комплектации кадров партизанской разведки:

- “1. Назначить заместителями начальников разведывательных отделов республиканских и фронтовых штабов партизанского движения командиров Разведывательного Управления Генерального Штаба Красной Армии.

2. В партизанские отряды, действующие в районах, интересующих Разведывательное Управление Генерального Штаба, назначить командиров Разведывательного Управления Генерального Штаба Красной Армии на должности заместителей командиров партизанских отрядов и командиров соединений по разведке.
3. Установить, что разведывательные донесения от партизанских отрядов подписываются командиром и комиссаром отряда и заместителем командира отряда по разведке.
4. Обязать Центральный, республиканские и фронтовые штабы партизанского движения оказывать полное содействие разведывательным органам Красной Армии в насаждении специальной агентуры, изолированной и законспирированной от партизанских отрядов⁴²¹.

Руководители партизанской разведки отвечали за ведение агентурно-оперативной работы, сбор, обработку и первичный анализ разведанных, их представление по назначению, а также за контрразведку. Последнее направление понималось широко и включало в себя не только борьбу с проникновением в отряды агентуры противника, но и выявление намечавшихся забросок ее в советский тыл. Заместители командиров по разведке руководили также и подпольными организациями, находившимися на связи с данным отрядом. Пункт 9 приказа № 00189 предписывал «Партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам вести непрерывную разведывательную работу в интересах Красной Армии:

- а) особо отбирать людей, способных вести непрерывную разведывательную работу, и внедрять их на службу в местные управления и учреждения, созданные немцами, на заводы, депо, станции, пристани, телеграф, телефон, аэродромы, базы и склады, в охрану немецких должностных лиц, в гестапо и его школы, а также во все другие учреждения и органы, обслуживающие армию или местную администрацию немецких властей;
- б) непрерывно следить за местом расположения и за передвижением войск и грузов противника по железным и грунтовым дорогам; выяснять численность, род войск и нумерацию частей, количество и характер боевой техники, направление движения и время следования; устанавливать порядок и силу охраны воинских эшелонов и транспортов;
- в) устанавливать точное месторасположения войск и штабов, их наименование и нумерацию, учреждений и органов оккупационных властей;
- г) разведывать аэродромы противника, устанавливать место их расположения, количество и типы самолетов, постоянно или временно базирующихся на данный аэродром, аэродромное оборудование, вспомогательные и специальные автомашины, запасы горючего и масел, а также охрану аэродромов на земле и с воздуха;
- д) организовывать разведку городов и крупных населенных пунктов в целях установления количества войск в гарнизонах (численность по родам войск, наименование, нумерация, командование); противовоздушной обороны; воинских складов и мастерских; военной промышленности; высшей военной и гражданской администрации;
- е) выяснять, где и какие оборонительные рубежи уже построены, их оборудование в инженерном отношении, вооружение, устройство связи, имеются ли там гарнизоны;
- ж) следить и точно фиксировать результаты бомбардировок нашей авиацией;
- з) при всех возможностях захватывать приказы, донесения, оперативные карты и прочие документы противника.

Данные агентурной и боевой разведки незамедлительно сообщать Центральному Штабу партизанского движения⁴²².

Кроме перечисленных направлений, от партизан требовалось:

- устанавливать расположение крупных складов боеприпасов, горючего, продовольствия и определять ориентиры, по которым авиация могла бы их обнаружить, несмотря на маскировку;
- устанавливать и захватывать образцы новых видов вооружения;
- вести наблюдение за складами отравляющих веществ, за подготовительными мероприятиями врага к газовой войне, захватывать образцы отравляющих веществ, противогазов и других защитных средств;
- передавать метеорологические сводки.

До середины 1942 года около 90% зафронтной разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работы проводил НКВД и подчиненные ему группы и отряды. Руководство партизанским движением со стороны партийных и комсомольских организаций на практике приносило больше вреда, чем пользы, поэтому с весны 1942 года они осуществляли его в основном номинально, за исключением вопросов пропаганды. Аналогичная ситуация наблюдалась и в подпольном движении в городах. Действовавшие по дореволюционным принципам партийные организации и группы не выдерживали соперничества с гестапо, СД, ГФП и абвером и вскоре были почти полностью уничтожены. Продолжали работу главным образом профессиональные резидентуры и разведывательные сети РУ и НКВД, руководители которых из соображений безопасности старались как можно меньше контактировать с партийным подпольем. Сфера деятельности ЦШПД отчасти затрагивала компетенцию Наркомата внутренних дел, поэтому Берия утверждал, что такой штаб вообще не нужен, поскольку с оперативными задачами его ведомство способно справиться самостоятельно. Однако, несмотря на ведущую роль НКВД в партизанском движении, в 1942 году после образования ЦШПД опасения наркома относительно возможной утраты руководства его боевой деятельностью вполне оправдались. Вероятно, причиной такого решения стали постоянные (и, заметим, вполне справедливые) заявления НКВД о том, что основная задача партизан заключается не в боевых операциях, которые должны носить вспомогательный характер, а в разведке и диверсиях. Возможно, это не являлось его принципиальной концепцией, а просто отражало желание упрочить свою сферу влияния. Однако такой подход в принципе противоречил взглядам Сталина на этот счет и был признан ошибочным. В результате этой сомнительной победы партийных структур Наркомат внутренних дел, даже его 4-е управление, постепенно отводило от руководства боевой деятельностью партизан, что весьма отрицательно сказалось на результатах партизанской войны. Берия тоже оказался в проигрыше, но лишь частично. Оперативную работу у НКВД отбирать никто не собирався, и тогда по указанию наркома все разведчики и их агентура, ранее работавшие по линии партизанских отрядов, были оттуда отозваны. Это, естественно, не распространялось на так называемые разведывательные партизанские отряды, укомплектованные работниками 4-го управления НКВД/НКГБ и 4-х отделов территориальных органов. Они фактически представляли собой операционные базы для действий разведгрупп, отныне избавленных от опасной необходимости переходить линию фронта для отдыха, обмена информацией, снабжения, доукомплектования и прочих насущных потребностей зафронтной работы. Все это они могли осуществить на базе отряда, где имелся также радиоузел для магистральной связи с «Большой землей». За период войны от разведывательно-диверсионных партизанских групп поступило 8418 сообщений, из которых 2111 были доложены руководству государства и НКВД/НКГБ, 1358 — ГРУ ГШ КА, 429 — командующим и военным советам фронтов, а 629 — командующему авиацией дальнего действия⁴²³. Базы разведывательных партизанских отрядов обычно располагались на периферии контролируемых партизанами районов («партизанский край» или «партизанская зона»). Однако обычные отряды теперь остались фактически без разведки. Такое решение Берия, полностью логичное с точки зрения межведомственного соперничества, негативно сказалось на поступлении от партизан разведывательной информации. Известно, что сбор разведанных представляет собой достаточно сложный процесс, досконально овладеть которым без специальной подготовки сложно. После отзыва разведчиков из отрядов их место заняли дилетанты, далеко не всегда справлявшиеся с поставленными задачами.

Другим проявлением борьбы за влияние на партизанское движение явилась история с постом его главнокомандующего. После учреждения этой должности 6 сентября 1942 года главкомом стал маршал Советского Союза Ворошилов, который, несмотря на все имевшиеся у него недостатки как военачальника, все же являлся профессиональным военным и мог квалифицированно осуществлять руководство боевой деятельностью партизан. Однако уже 19 ноября в результате его трений с партийным руководством пост главкома упразднили, и теперь в отсутствие военных во главе партизанского движения окончательно остался начальник ЦШПД Пономаренко, тот самый, который в июле 1941 года советовал жителям Белоруссии вооружаться косами и ломами и нападать на аэродромы противника.

Однако и не это оказалось самым слабым местом в организации партизанской борьбы в период до 1943 года. Кроме неудачного выбора общей стратегии, весьма негативную роль играл отрыв отрядов от потребностей командования фронтов, в операционной зоне кото-

рых они действовали. Именно это стало причиной расформирования ЦШПД в марте 1943 года как выполнившего поставленные задачи, что явилось еще одной серьезной ошибкой. К счастью, ее достаточно быстро осознали. Уже 17 апреля Центральный штаб партизанского движения был восстановлен, правда, в несколько ином качестве. Теперь УШПД с Молдавским отделом подчинялись напрямую Ставке ВГК. Практически одновременно все штабы партизанского движения получили идентичные директивы об улучшении разведывательной работы, выполнение которые оказалось для многих проблематичным. Лишь разведывательные партизанские отряды по-прежнему выполняли эту задачу достаточно качественно, но они справлялись с ней и до апрельских приказов и постановлений.

Д. Н. Медведев

Деятельность одного из партизанских разведывательно-диверсионных отрядов “Победители” во главе с Д. Н. Медведевым достаточно широко освещена в отечественных источниках, но на отдельных ее аспектах все же следует остановиться подробнее.

Отряд “Победители” формировался с учетом опыта, накопленного Медведевым во время командования предыдущим отрядом “Митя”, официально считавшимся разведывательно-диверсионной резидентурой (РДР) № 4/70. Новое подразделение предназначалось для действий на Волыни в окрестностях

Н. И. Кузнецов в мундире офицера люфтваффе

Ровно, выбранного оккупантами в качестве административного центра рейхскомиссариата “Украина” (РКУ). В этом городе располагалось его управление, многочисленные военные учреждения, АСТ-Украина, штабы полицейских служб и другие объекты устремлений советской разведки. Вместе с отрядом в тыл противника был заброшен опытный негласный сотрудник контрразведывательного управления НКВД Н. И. Кузнецов (“Колонист”, “Пух”), активно использовавшийся в разработке иностранных посольств и в совершенстве владевший немецким языком. Он по-прежнему числился не за 4-м, а за 2-м управлением и не входил в состав отряда, а был лишь прикомандирован к нему. В списках личного состава он значился под фамилией Грачев.

Отряд “Победители” стал базой для организации разведывательных сетей в городе, хотя его бойцам приходилось неоднократно вступать и в боевые соприкосновения с карателями. Эта задачу полковник Медведев и его сотрудники решали достаточно успешно. К осени 1942 года отряд-резидентура уже руководил агентурной сетью в Ровно, определил местонахождение ставки Гитлера под Винницей, захватил немало представляющих разведывательный интерес документов. Вскоре его операционная зона распространилась и на Луцк. Кузнецов в это время действовал в Ровно под видом чрезвычайного уполномоченного хозяйственного командования вермахта по использованию ресурсов оккупированных областей обер-лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта. Совершенное владение немецким языком и значительный довоенный оперативный стаж позволили ему успешно собирать имевшую немалое значение информацию в среде германских офицеров и чиновников. Утверждается, что именно Кузнецов первым получил данные о подготовке покушения на лидеров союзных держав на Тегеранской конференции 1943 года, хотя у многих историков эти сведения вызывают определенное сомнение. Независимо от этого, работа “Колониста” представляла собой образец прекрасного выполнения поставленных задач в весьма сложных условиях и даже без прочной легенды. Кузнецов более известен не достижениями в области сбора информации, а громкими террористическими актами, совершенными им в Ровно и затем во Львове. Он уничтожил немало высокопоставленных чиновников германской администрации и старших офицеров, похитил генерала Макса Ильгена и даже предпринял попытку покушения на гауляйтера Эриха Коха, хотя жесткие меры безопасности не позволили ему выполнить намеченное. Следует подчеркнуть, однако, что охрана не изъяла у “обер-лейтенанта Зиберта” два пистолета (в кобуре и в кармане), а это вызывает серьезные сомнения в ее профессионализме. Автоматчики и собаки не позволили террористу произвести выстрел, но

при наличии у посетителя взрывного устройства Кох был бы обречен. По мере приближения фронта администрация рейхскомиссариата эвакуировалась из Ровно, после чего находжение отряда “Победители” в окрестностях города утратило разведывательное значение. В начале 1944 года он перебазировался в окрестности Львова, в рассматриваемый период ставшего центром округа “Галиция” генерал-губернаторства. Там Кузнецов совершил свои последние террористические акты, после чего скрылся из города и на маршруте исчез. Наиболее вероятно предположение о его захвате либо убийстве боевиками УПА, о чем свидетельствуют попавшие в их руки документы разведчика. Факт гибели Кузнецова, посмертно удостоенного звания Героя Советского Союза, не вызывает сомнений, однако ее обстоятельства не ясны и до сих пор.

Проведение диверсий (“Д”) и террористических актов (“Т”) на находящихся на оккупированной территории железнодорожных коммуникациях, промышленных и военных объектах не являлось прерогативой одних только партизанских отрядов. С лета 1943 года органы 4-го управления занялись подбором, вербовкой и специальной подготовкой агентов-одиночек и групп с их последующей переброской через линию фронта, а также подготовкой на оккупированной территории агентов-вербовщиков со связями среди железнодорожников и работников промышленных предприятий. Ранее заброшенные со специальными заданиями по “Д” и “Т” группы и агенты-одиночки включались в единый план оперативных мероприятий, их деятельность подлежала активизации при помощи специально направляемых во вражеский тыл курьеров. Если террористические акты не приобрели широкого размаха и все же оставались единичными, то диверсии вскоре стали распространенным явлением. Основными их объектами были железнодорожные коммуникации, мосты, воинские эшелоны и склады, базы горючего, автотранспорт и промышленные предприятия, работающие на вооруженные силы и экономику противника.

Зафронтальная разведка использовала различные силы и средства, одним из которых являлись агенты иностранного происхождения, преимущественно граждане оккупированных Германией государств. В данном случае имеется в виду не партнерство государственных разведывательных служб, а прямое использование иностранцев в агентурно-боевой работе советских оперативных органов, для чего в июле 1941 года около Москвы военная разведка создала “политическо-десантную” школу под руководством майора Беднарва. Единновременно в ней обучалось до 3 тысяч слушателей, иностранцев и жителей некоторых республик из состава СССР. Для организации учебного процесса они были разбиты на чешскую, польскую, украинскую, белорусскую, французскую, германскую, румынскую, венгерскую, литовскую и эстонскую группы. Преподавание вели офицеры Академии генерального штаба, обучавшие слушателей радиосвязи, парашютному делу, пользованию картой и компасом, фотографированию, применению телефонной подслушивающей аппаратуры, вождению транспортных средств, методам простейшей подделки документов, самостоятельному изготовлению взрывчатых веществ и средств взрыва и методам проведения диверсий на железной дороге. Проводилась также политическая подготовка. Группы были различными по численности, например, польская насчитывала 140 слушателей. Средний срок обучения составлял две недели, после чего выпускники направлялись в распоряжение фронтов в полном составе, из них комплектовались соответствующие диверсионно-разведывательные подразделения. Например, литовская группа после ускоренного выпуска в середине сентября 1941 года была преобразована в подразделение под командованием полковника Хузче, его заместителя майора Матулакиса и комиссара Федоренко. Личный состав был разделен на 6 отрядов, каждый из которых имел собственную задачу:

- 1-й отряд (220 человек, 4 взвода) — десантно-боевой;
- 2-й отряд (12 человек) — уничтожение немецкого транспорта;
- 3-й отряд (27 человек) — разведывательный;
- 4-й отряд — приведение в исполнение высшей меры наказания предателям и пособникам оккупантов;
- 5-й отряд — диверсии на военных и промышленных объектах;
- 6-й отряд (20 человек) — санитарный.

Кроме централизованно комплектовавшихся национальных подразделений, отмечались и иные случаи. После нападения Германии на Советский Союз несколько молодых польских

офицеров, входивших в радикальную группу “Левые демократы”, добровольно предложили свои услуги советской разведке. Для начала их направили с агитационной миссией в лагерь, где содержались интернированные и военнопленные поляки, и вскоре группа пополнилась почти 150 младшими офицерами Войска польского. В середине июля 1941 года 54 человека из них прошли интенсивный курс диверсионной подготовки и 16 августа были заброшены в тыл вермахта. Вскоре они установили радиосвязь с Центром по двум линиям и постепенно рассредоточились по заданным точкам. Подвижные группы и нелегальные резидентуры начали работу в нескольких районах генерал-губернаторства и на прилегающих территориях. Агентурные сети были развернуты в районах Гдыни, Гданьска, Познани, Варшавы, Люблина, Радома, Кельце, Перемышля, Кракова, Бреста, Львова, Жешува и некоторых других. Их главным резидентом являлся капитан М. Арцишевский (“Михал”). Как уже указывалось в главе о Польше, деятельность этих сетей оказалась результативной, но недолгой. В период с лета 1942 по весну 1943 года они были разгромлены, а “Михал” арестован и казнен.

Временами зафронтовая разведка занималась решением не вполне типичных для нее задач. В начале 1943 года НКВД начал формирование оперативно-чекистских групп для работы на оккупированной противником территории Литвы, Белоруссии и Украины по сбору информации с целью последующего упорядочения обработки трофейных документов вермахта, концентрировавшихся в Свердловске в 1-м (учетно-статистическом) спецотделе НКВД СССР. Однако ограничивать задачи зафронтовых групп такой своего рода составной частью информационно-аналитической работы было бы неразумно, поэтому на них же возложили обязанности по созданию нового агентурного аппарата в своих зонах ответственности. В его задачи, в отличие от обычной агентуры, входила подготовка к работе после освобождения, в первую очередь сбор и накопление сведений о карателях, ставленниках и пособниках оккупантов и совершенных ими преступлениях. В конце 1943 года активность подобных зафронтовых групп госбезопасности особенно повысилась.

Заканчивая тему зафронтовой разведки, следует отметить, что в период неуверенности советского руководства в позиции Японии допускалась возможность ее нападения на Дальний Восток. С учетом опыта первых месяцев 1941 года, в этом регионе, в основном в Хабаровском крае и Приморье заблаговременно закладывались базы и формировались кадры для развертывания партизанской войны в случае вероятной их оккупации японской армией. Организовывались основные и резервные резидентуры и агентурные сети, оборудовались тайники с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, средствами связи, продовольствием и медикаментами — в общем, создавалась, хотя и в крайней спешке, система, аналогичная разрушенной в предвоенный период в процессе уничтожения системы “малой войны”.

По мере появления уверенности в том, что войны на Дальнем Востоке удастся избежать, советское руководство смогло заглянуть несколько дальше вперед. Оно было озабочено послевоенным обустройством Китая и Маньчжурии и с этой целью распорядилось о создании в 1941 — 1942 годах под эгидой разведотдела штаба Дальневосточного фронта совершенно особого, своего рода уникального разведывательно-диверсионного формирования — 88-й отдельной стрелковой бригады особого назначения. Она была образована на базе ранее упоминавшихся лагерей “А” и “Б” для перешедших в СССР китайских и корейских партизан путем доукомплектования советскими гражданами. Общая численность бригады, командиром которой являлся китаец подполковник Чжоу Баочжун, превысила 12 тысяч человек. Ее боевое применение было в значительной степени аналогично ОМСБОН, с той существенной разницей, что до августа 1945 года СССР на Востоке ни с кем не воевал. В связи с этим артиллерийский дивизион и некоторые другие подразделения 88-й бригады бездействовали, а основная боевая работа ложилась на действовавших в японском тылу небольшими группами разведчиков, диверсантов и связников. Но и после вступления Советского Союза в войну против Японии эту часть не отправили в бой, а в соответствии с приказом командующего войсками Дальневосточного военного округа расформировали. Китайцы из ее личного состава были использованы для создания органов военного и гражданского управления в освобожденной и возвращенной Китаю Маньчжурии, а корейский батальон во главе с капитаном Ким Ир Сенем в полном составе был введен в Корею.

6. СЕПАРАТИСТСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Весьма существенно влияли на оперативную обстановку на территории СССР сотни тысяч людей, ушедших в подпольные националистические организации и сопротивлявшиеся как германским оккупантам, так и советскому режиму. Это явление приобрело слишком широкие масштабы, чтобы считать его порождением каких-либо случайных факторов или же относить противников советского строя исключительно к уголовным элементам и остаткам бывших эксплуататорских классов. Сепаратистское движение породили созданная коммунистическим правлением социальная напряженность, особенно характерная для сельской местности, и стремление многих наций выйти из состава СССР для создания собственного государства. Собственно, именно в этом и таился ключ к сокрушению Советского Союза, которым руководство рейха пренебрегло в угоду собственным порочным теоретическим построениям и утратило свой единственный шанс на победу. Как уже указывалось, история повстанческого движения не относится к теме данной книги, однако в период 1941 — 1945 годов оно являлось существенным элементом оперативной обстановки, игнорировать который невозможно.

Наиболее мощным и организованным движением стало украинское национальное, представленное двумя ветвями Организации украинских националистов (ОУН-Б и ОУН-М) и некоторыми другими структурами. В настоящее мнение его оценки в период 1941 — 1944 годов колеблется в весьма широком диапазоне. Одни исследователи полагают националистов бандитами или продажными агентами германской разведки, а другие — чистыми и пламенными борцами за национальное освобождение. Существует мнение о том, что они боролись только с советскими войсками, организациями и учреждениями и поляками, другие же полагают, что в числе основных противников боевых подразделений националистов значились также немцы и румыны. Их обвиняют в терроре против мирного населения Украины и объявляют его единственными защитниками, сообщают об ужасающих еврейских погромах и о фактах спасения повстанцами сотен евреев. Как всегда, истина находится где-то посередине между полярными точками зрения. Известно, что весной 1941 года руководители ОУН-Б и ОУН-М рассчитывали на падение советского режима на Украине под ударами германских войск и относительно легкое заполнение образовавшегося политического вакуума. В преддверии предстоящего скорого освобождения своей родины они действительно оказывали всяческую помощь Германии, в том числе и ее разведывательным службам, воздерживаясь при этом от боевых операций и одновременно создавая собственную подпольную сеть. Установлено, что наибольшее число заброшенных в СССР в предвоенный период агентов являлись членами ОУН. В марте 1941 года в Кракове был сформирован украинский батальон “Нахтигаль” численностью в 330 человек, украинским командиром которого был будущий главнокомандующий Украинской повстанческой армией (УПА) Роман Шухевич. В следующем месяце на территории Австрии 350 украинцев были сведены в батальон “Роланд” под командой Е. Побигущего. Оба этих подразделения просуществовали недолго и вскоре были распущены немцами ввиду утраты доверия к их офицерам и солдатам. Следует отметить, что личный состав “Роланда” и “Нахтигала” формировался в основном из этнических украинцев, никогда не находившихся в советском гражданстве, так что именовать их изменниками родины, имея в виду СССР, совершенно некорректно. Кроме упомянутых батальонов, ОУН-Б и ОУН-М создали по три “походные группы” для содействия вермахту (официально) и для создания административных органов власти на территориях и перехвата инициативы у немцев. Стремительное продвижение германских войск по территории Украины вызвало эйфорию как у националистов, так и у значительного числа населения, в основном жителей западных районов. Совершенно непонятно, почему они столь наивно полагали, что немцы желают принести им свободу, что они не выступают еще худшими поработителями, чем коммунисты, и что украинцам наконец-то позволят создать на германских штыках собственное независимое государство. Руководители ОУН-Б и ОУН-М оказались весьма слабыми политиками и не сразу поняли, что Гитлеру нужны не украинские союзники, а украинские рабы.

Но немцы достаточно быстро и вразумительно объяснили им действительную суть вещей. Первоначально все шло прекрасно, украинские подразделения помогали вермахту и

СС защищать территорию от остатков советского аппарата, а в Луцке сумели даже захватить архивы местного УНКГБ. Впоследствии Служба безопасности (СБ) ОУН широко использовала их при обучении своих работников. Однако после роспуска германскими властями правительства Ярослава Стецько, 30 июня 1941 года издавшего во Львове Акт провозглашения Украинского государства⁴²⁴, ко многим националистам стало приходить прозрение. Впоследствии организаторы этой акции из ОУН-Б признавались, что хотели поставить немцев перед свершившимся фактом и солгали относительно полной поддержки их действий германской властью. Мельниковцы, судя по всему, справедливо упрекают их в стремлении захватить монопольные позиции в новой Украине. В самом деле, данный документ был составлен группой никем не уполномоченных людей, был провозглашен «за плечами чужой армии без согласия политической власти и государства этой армии»⁴²⁵ и вступал в противоречие с рядом иных политических реалий. Прежде всего, он наносил ущерб самому националистическому движению тем, что игнорировал существование правительства УНР в эмиграции, возглавлявшегося президентом и главным атаманом Андреем Левицким, а также представил всему миру стремление ОУН провозгласить Украину как государство-сателлит Третьего рейха. В самом деле, в основополагающем, по замыслу его авторов, документе содержались слова: «Слава Героической Немецкой Армии и ее Фюреру Адольфу Гитлеру!»⁴²⁶, что абсолютно недопустимо для акта суверенного государства. Дальнейший ход событий представил ОУН-Б в еще более невыгодном свете, так как оказалось, что авторы Акта провозглашения Украинского государства не озаботились согласовать его с оккупантами. Никто не учел, что в Берлине может существовать совершенно иная точка зрения на эту проблему, что и стало ясно почти сразу же. Практически весь руководящий состав ОУН-Б во главе с Бандерой и Стецько был арестован и после недолгого домашнего ареста отправлен до конца 1944 года в концлагерь Заксенхаузен. Сумел ускользнуть лишь планировавшийся на пост министра государственной безопасности в украинском правительстве М. Лебедь. В свете этого факта трудно признать справедливым утверждения о том, что Бандера являлся германским агентом, особенно с учетом того, что в лагерях погибли его ближайшие родственники, а множество соратников были негласно казнены. Наивная и безответственная попытка поставить немцев перед свершившимся фактом провозглашения украинского государства провалилась, они совершенно не собирались считаться с нежелательными для себя явлениями. Руководитель полиции безопасности и СД в служебной записке на имя министра иностранных дел рейха указывал: «Я считаю невозможным терпеть действия украинских политических групп и их сторонников в существующем виде, в особенности при становящихся очевидными тенденциях, не имеющих ничего общего с интересами рейха»⁴²⁷. Следующим шокирующим фактом стало осознание того, что немцы вовсе не планируют сохранять Украину в ее этнических границах. После присоединения Галиции к генерал-губернаторству со статусом территориального округа жившие там украинцы внезапно вновь оказались в окружении традиционно резко враждебного к ним польского населения. Вообще же оставшаяся после отделения Галиции часть Украины, за исключением отошедших к Румынии территорий Буковины и Бессарабии и земель между Днестром и Бугом («Транснистрия»), административно представляла собой рейхскомиссариат «Украина» (РКУ) с административным центром в Ровно, который возглавлял гауляйтер Эрих Кох. В состав РКУ были включены также южные районы Брестской, Гомельской, Полесской и Пинской областей БССР. Сводка СД за 24 июля 1941 года уже фиксирует разочарование и отчаяние в среде ведущих украинцев, а также попытку бургомистра Львова совершить самоубийство по этой причине. С середины июля ОУН начала пока еще устную пропаганду, обвинявшую немцев в предательстве украинских интересов. Следует отметить, что никакого предательства, собственно, не было, поскольку никто из руководящих деятелей рейха никогда и ничего украинцам не обещал. К концу лета 1941 года СБ уже вела оперативную работу по приобретению агентурных позиций в германских учреждениях. Для этого использовалась сформированная и вооруженная немцами украинская милиция, вскоре почти в полном составе ушедшая с оружием в леса. На общем фоне значительно более лояльный к немцам руководитель ОУН-М А. Мельник постарался набрать политические очки у населения и у оккупантов, которых пока еще считал освободителями, и заявил, что во всех германских репрессиях виноват неправильно ведущий себя Бандера. Его оппоненты вели себя иначе и осенью 1941 года начали распространять листовки, типичным примером которых являлся лозунг: «Да здравствует независимая Украина без евреев, поляков и немцев! Поляков — за Сан, немцев — в Берлин, евреев — на мясные крючья»⁴²⁸.

ОУН провела ряд жесточайших еврейских погромов, хотя отмечались и противоположные факты спасения ее членами десятков еврейских семей. Судя по всему, дело было в личных убеждениях конкретных людей, поскольку общая доктрина ОУН не содержала антисемитских положений. С начала 1942 года погромы почти повсеместно прекратились, теперь их устраивали только украинские полицейские⁴²⁹. Одновременно ОУН начала попытки завоевания позиций в восточной части Украины, где они до сих пор были довольно слабы. Лебедь направлял на восток группы организаторов по шесть человек, в частности, в Крым отправилось шесть таких групп.

К началу 1942 года германские источники уже отмечают сложившуюся систему агентурно-оперативной работы СБ и хорошую конспирацию, повсеместное использование паролей, псевдонимов и фальшивых документов. Однако боевых подразделений ОУН пока еще не образовала, в это время существовали лишь многочисленные местные отряды самообороны. Они боролись как против значительно усиливавшегося в начале 1942 года террора оккупантов, так и против немногочисленных в западной части Украины советских партизан, а в основном просто прятались в лесах. Вооруженная сила ОУН-Б, ставшей к этому времени именоваться ОУНСД (Організація українських націоналістів — самостійників-державників) в виде Украинской повстанческой армии (УПА) возникла лишь в октябре 1942 года, причем она перехватила чужое название. Дело в том, что задолго до организации этой структуры существовали и активно действовала иная Украинская повстанческая армия — “Полесская Сечь”, возглавлявшаяся генерал-хорунжим Тарасом Боровцом (“Бульба”). Она являлась действительно активным формированием и подчинялась не ОУН в любой ее форме, а эмигрантскому правительству УНР. Предпринятая в апреле 1943 года попытка Лебеда подмять под себя УПА — “Полесскую сечь” не удалась. “Бульба” отверг стремление ввести в его войсках институт политических комиссаров и распространить на них юрисдикцию Службы безопасности ОУН, заявив, что в его частях эти задачи возложены на военную жандармерию. Однако во избежании путаницы он все же был вынужден 20 июля 1943 года переименовать свои войска в Украинскую народную революционную армию (УНРА) и “немедленно перейти в глубокое подполье от немцев, москалей и своих недорослых национал-фанатиков”⁴³⁰. Так бывшие члены РП ОУН перехватили у соперников наименование не только организации, но и армии.

Главным командиром новой УПА, формально независимой от ОУН, стал генерал-хорунжий Роман Шухевич (“Тарас Чупринка”). Ускользнувший от ареста Лебедь (“Максим Рубан”) сложил с себя полномочия по руководству СБ и начал исполнять обязанности председателя ОУНСД вместо находившегося в концлагере Бандеры. Новым начальником (референтом) СБ стал его заместитель Николай Арсенич (“Михайло”). УПА образовала генеральные военные округа (ГВО), а в них — группы:

- УПА-Север (Волынь и Полесье), включавшая военные округа (ВО) “Туров”, “Заграва” и “Волынь-Юг”. Командиры — полковник Д. Клячковский (“Клим Савур”), после его гибели 12 февраля 1945 года — полковник М. Медведь (“Капович-Кременецкий”), после его гибели 4 июня 1945 года — майор Дубовой;
- УПА-Запад (Галичина, Буковина, Закарпатье, Закерзонье⁴³¹), включавшая ВО “Лисоня”, “Говерла”, “Черный Лес”, “Маковка”, “Бук”, “Сан”. Командир — полковник В. Сидор (“Шелест-Вышитый”);
- УПА-Юг (Каменеу-Подольская, Житомирская, Винницкая и часть Киевской областей), включавшая ВО “Холодный Яр”, “Умань”, “Винница”. Командир — полковник О. Грабец (“Батько”). 10 июня 1945 года после гибели командира и понесенных тяжелых боевых потерь группа расформирована;
- УПА-Восток (юг Житомирской и Киевской, часть Черниговской областей) — фактически не организовывалась.

Военным округам подчинялись тактические секторы (ТВ), курени и сотни.

Оперативными органами и подразделениями УПА являлись СБ, органы и подразделения агентурной и полевой разведки, оперативно-боевые отряды особого назначения и Военно-полевая жандармерия (ВПЖ).

Служба безопасности ОУН, одновременно считавшаяся и Службой безопасности УПА, опиралась на такой важный аппарат как подполье, обеспечивавшее не только разведку, но и продовольственное снабжение боевых подразделений и привлечение новых бойцов. Основой подполья стала расширенная сеть ОУН-Б, организовывавшаяся по иному, по сравнению с

УПА, принципу: административно ОУН разделяла территорию Украины следующим образом: Родные Земли (вся Украина), края, округа, надрайоны (повиты), районы, подрайоны, кусты и станицы. “Провода” СБ (название административного аппарата), начиная с района (иногда с подрайона), располагали референтурами с сетью агентов и боевым подразделением (боевкой), а также отрядами особого назначения (ВОП), своего рода полицией безопасности. Боевки СБ (БСБ) насчитывали по 2 — 3 или 6 — 8 боевиков. В низовых организациях ОУН имелись штатные информаторы СБ. Численность референтур не была постоянной и колебалась в зависимости от военной и оперативной обстановки. Типовая референтура СБ надрайонного уровня состояла из 22 гласных сотрудников и 10 жандармов. Структура аппарата референтуры СБ округа “Север” выглядела следующим образом:

- разведывательный отдел;
- контрразведывательный отдел;
- следственный отдел;
- полицейско-исполнительный отдел;
- специальное подразделение по борьбе с НКВД;
- специальное подразделение по борьбе с гестапо;
- специальное подразделение по борьбе с польским подпольем;
- специальное подразделение по борьбе с ОУН-М.

Референтуры СБ до районного уровня также имели в своем составе разведывательные и контрразведывательные отделы, а в низовых существовали разведывательно-информационные и полицейско-исполнительные отделы.

Основными направлениями оперативной работы Службы безопасности ОУН в описываемый период стали следующие:

- выявление агентуры советской разведки, оставленной на оккупированной вермахтом территории;
- контрразведывательное противодействие мероприятиям оккупационных властей против подполья;
- работа по нейтрализации и разложению ОУН-М;
- разработка польского националистического подполья;
- контроль за обстановкой в ОУН-Б.

Оперативная работа проводилась в СБ на высоком уровне. Ее контрразведывательное направление достаточно надежно защищало подпольные структуры от проникновения германских и советских агентов, а также контролировало лояльность бойцов УПА. Любые сомнительные действия беспощадно карались, и вынесение смертных приговоров было довольно обычным явлением. Основным методом работы СБ в среде УПА являлся агентурно-оперативный. Ее осведомители пронизывали подразделения и учреждения УПА и ОУН, причем принципы построения негласных сетей были полностью заимствованы у советских органов безопасности. Категорически запрещались как горизонтальные связи, так и их переплетение. На районном уровне рекомендовалось иметь 3 — 4 резидентов (с 1944 года — “спеуразведчиков”), работающих с соответствующей агентурой. Она, в свою очередь, делилась на внешнюю (разведывательную) и внутреннюю (контрразведывательную). Получила развитие система оперативного учета добытых данных. Работники разведки и контрразведки регулярно проходили учебные сборы для повышения квалификации, на которых изучались общие и специальные дисциплины, материалы захваченных архивов, протоколы допроса расшифрованных агентов противника и другие источники. СБ крайне редко и неохотно использовала двойников, поскольку не располагала ни опытом их применения, ни соответствующим вспомогательным и справочным аппаратом для осуществления контроля за ходом легендированных агентурных комбинаций. Разведывательные отделы СБ работали по линиям военной и политической разведки, а также вели наступательную контрразведку. Они отвечали и за ликвидацию расшифрованной агентуры противника на его территории в тех случаях, когда это признавалось целесообразным. Подобные эпизоды, как правило, афишировались с целью терроризировать потенциальный вербовочный контингент спецслужб противника и предостеречь собственный личный состав от возможного предательства. При этом карательные меры нередко превышали всякие разумные пределы. Следователи и руководители подразделений СБ практиковали пытки, изощренные казни, в том числе медленное удушение, сжигание живьем, отрубание головы. За предательство уничтожали всю семью, в том числе ее малолетних членов. Неоднократно СБ практиковала “чистки” дейс-

твительного или воображаемого вражеского элемента в рядах УПА, при этом число жертв исчислялось десятками, а во многих случаях — сотнями. Зачастую такая практика вызывала обратную реакцию. Зафиксированы неоднократные случаи явного и тайного перехода членов националистического подполья или партизанских отрядов на сторону советской власти по мотивам мести СБ за казни или издевательства над их родными и близкими. Случались и иные ситуации, например, бои между доведенными до отчаяния бесконтрольным террором контрразведчиков подразделениями УПА и боевиками СБ. В случае победы все пленные работники БСБ, как правило, уничтожались.

СБ применяла различные методы подготовки и заброски нелегалов, но все их легенды отличались одной общей особенностью. Никому из них не приходилось выдавать себя за лицо иной национальности (кроме близких в языковом и этническом отношении русских, белорусов и иногда поляков), поэтому легализация агентов, как правило, проблем не составляла. Внедрение агентуры СБ в германские и советские спецслужбы имело свои особенности. Как правило, Служба безопасности направляла агента в разведшколу абвера или СД с заданием пройти полный курс обучения, изучить методы подготовки и запомнить в лицо возможно большее число курсантов. Это было сравнительно просто и не грозило провалом, поскольку расшифровать такого нелегала весьма проблематично. Он не совершает никаких активных действий по сбору информации или вербовкам, не поддерживает конспиративную связь с помощью курьеров, не проводит тайниковые операции, не имеет ни передатчика, ни шифров, и практически неуязвим. Значительно более сложной задачей являлось внедрение в органы НКГБ. Вербовки украинской агентуры проводились советскими органами госбезопасности либо среди лиц, делом доказавших свою лояльность к режиму, либо среди завербованных на основании имеющихся компрометирующих материалов, то есть в категории, заведомо не внушающей доверия и подлежащей постоянным проверкам.

Следует отметить, что Служба безопасности не обладала в националистическом подполье монополией на ведение закордонной разведки. Она была обязана осуществлять ее во взаимодействии с Дипломатической референтурой Центрального провода и разведывательным отделом Военной референтуры ОУН. Позднее, в ноябре 1943 года, в составе главного командования УПА были сформированы отделы разведки (РВ) и безопасности. Разведывательные отделы создавались также при штабе каждой группы УПА. Они отвечали за ведение агентурно-оперативной и диверсионной работы в своей зоне ответственности, за сбор и обработку данных и материалов, поступающих от подчиненных подразделений а также за разведывательные допросы пленных. В оперативном подчинении у РВ групп находились “агентурные станицы” при штабах отрядов и разведывательно-диверсионные группы. Основными направлениями разведывательной работы УПА являлись:

- изучение войск противника (численность, вооружение, дислокация, боеготовность, моральный дух, состояние дисциплины);
- изучение правоохранительных и контрразведывательных органов противника;
- изучение ТВД;
- изучение населения.

Контрразведывательное обеспечение УПА возлагалось на Отдел СБ главного штаба, однако контрразведывательная агентура (КРА) подчинялась РВ и “агентурным станицам”.

Военно-полевая жандармерия (ВПЖ) УПА была создана в июне 1943 года и выполняла как военно-полицейские, так и контрразведывательные задачи. Она боролась со шпионажем, дезертирством, предательством, злостными нарушениями дисциплины и уголовными преступлениями, располагая при этом правом ведения агентурной разработки личного состава до взводных командиров включительно. ВПЖ первоначально подчинялась отделу СБ в УПА, с марта 1944 года — главному командованию Украинской повстанческой армии а с марта 1945 года — СБ ОУН. Подразделения жандармерии при штабах групп УПА возглавлялись комендантом, их центральные аппараты имели от 50 до 60 сотрудников, а аппараты при штабах военных округов — от 30 до 35 жандармов и следственную группу.

В течение 1943 года ОУН укреплялась и расширялась, поглощая мелкие и крупные националистические партизанские отряды иной направленности, зачастую преследовавшие цели уголовного бандитизма или мародерства. К таким проявлениям руководство УПА было нетерпимо, хотя полностью изжить их не удалось. Было бы наивно представлять ее бойцов исключительно вдохновленными борьбой за националистическую идею людьми. Безусловно,

таковых было множество, но другие шли туда от безысходности, третьи намеревались просто пограбить с оружием в руках, четвертых вовлекли в отряды насильно, по объявленной УПА мобилизации украинского населения. Кстати, совершенно аналогичная картина наблюдалась и у “местных” советских партизан, тогда как в подразделениях, созданных НКГБ или РУ, подобных явлений, естественно, не бывало никогда.

К апрелю 1943 года Украинская повстанческая армия насчитывала около 20 тысяч человек, а к концу года выросла уже как минимум вдвое и приобрела достаточные силы для борьбы с традиционными врагами — поляками. После ухода почти всего личного состава украинской полиции в УПА немцы использовали их для поддержания порядка в Галиции. В регионе дислоцировались три польских полицейских батальона и множество полицейских станций, терроризировавших население и отличавшихся по отношению к нему крайней жестокостью. Вскоре они ввязались в кровопролитные бои с УПА. Ее подразделения в данном случае выступали в качестве сил местной самообороны, поскольку поляки стремились искоренить все украинское влияние на территории до Львова включительно и не только воевали с украинскими партизанами, но и уничтожали села, зачастую вместе с мирным населением. В результате буквально смертельных боев польская полиция понесла потери почти в 30 тысяч человек и была отведена обратно в генерал-губернаторство. Количество погибших при этом украинцев подсчету не поддается. В дальнейшем поддержанием порядка в Галиции занимались только германские тыловые части. События на Волыни разворачивались совершенно иначе. Там УПА пришлось противостоять организованному в июле 1943 года штабу по борьбе с бандитизмом под руководством штурмбанфюрера СС Плятте, имевшего в подчинении 15 войсковых формирований и 5 баз. В этом регионе весьма важную роль сыграла СБ. Ей удалось осуществить агентурное проникновение во многие полицейские подразделения, благодаря чему командиры сотен и куреней вовремя получали предупреждения о намечавшихся карательных операциях и часто успевали выводить свои подразделения из-под удара. В упоминавшихся районах практически отсутствовали советские партизанские отряды, поэтому УПА занималась там исключительно борьбой с германскими оккупантами. Иной была ситуация в Карпатах. После недолгого периода попыток установления взаимодействия с советскими партизанами с января 1943 года УПА вступила с ними в ожесточенную борьбу. Известный рейд соединения под командованием С. А. Ковпака на Карпаты в первую очередь преследовал цель очистки этого региона от националистических партизанских отрядов. Двойственное и сложное положение националистов в данный период хорошо иллюстрирует высказывание руководителя Украинской повстанческой армии — Полесской Сечи (УПА-ПС) Тараса Боровца (“Бульба”) в газете “Оборона Украины” за 1 августа 1943 года: “Если эту войну выиграет Германия — на Украине воцарится бесноватое гестапо, а украинцы будут миллионами умирать от голода, на каторгах и виселицах. Если же войну выиграет СССР или какая-нибудь новая Россия — на Украине опять-таки воцарятся oprичники и чекисты. Поэтому перед нами открыт лишь один путь — путь борьбы за наше государство. Эту борьбу мы выиграем тогда, когда мобилизуем весь украинский народ под знаменем объединения и вооруженной борьбы”⁴³². Список врагов украинских националистов включал три государства. Первое место в нем занимал СССР, за ним шла Польша, а с лета 1941 года “врагом № 3” стала Германия и оставалась таковой вплоть до перехода к ограниченному сотрудничеству с ней в конце 1944 года. СБ активно осуществляла разведывательное обеспечение боевых действий УПА и насаждала на оккупированных территориях свои агентурные сети. Известно, что резидентуры националистов действовали в Киеве, Одессе, Николаеве, Полтаве, Миргороде и в Крыму. Одна из агентурных сетей численностью в 130 человек под руководством В. Безхлибныка (“Беркут”) до февраля 1943 года работала даже в Германии и состояла из угнанных на принудительный труд украинцев. Результативным разведчиком СБ являлся бывший студент Берлинского университета Иван Билык (“Кость”, “Антон”), устроившийся на должность переводчика в штабе дивизии СС “Адольф Гитлер”. В середине 1942 года в Донбассе он сумел возобновить связь с УПА и передавал информацию о планировавшихся акциях гестапо и СД. В феврале 1943 года Билык был расшифрован, но сумел ускользнуть от ареста и в дальнейшем воевал в должности командира одной из сотен УПА, а в декабре 1944 года погиб в бою. Агентура СБ имела также и в упоминавшемся волынском штабе по борьбе с бандитизмом.

В это время многие дальновидные представители германского командования, гражданской администрации и спецслужб пытались изменить характер отношений между рейхом и

УПА и опереться на нее в борьбе против СССР. Задача эта была весьма трудной, поскольку Украина и ее население сильно пострадали от германской оккупации, и националисты уже давно рассматривали немцев не как возможных союзников, а как врагов. Однако угроза прихода с востока другого врага в лице советского режима заставила командование УПА и руководство ОУН задуматься. В этот период немцы совершают несколько шагов навстречу националистам. В частности, 18 августа 1944 года появилась инструкция армейского командования “Северная Украина” “О поведении в отношении УПА”, предписывавшая прекратить именовать ее отряды бандами и остановить террор против населения. В этом же документе предлагалось установить контакты с местным командованием УПА. Ведение любых переговоров на политические темы, равно как и помощь оружием или обучение бойцов националистических отрядов, категорически воспрещалось. Указывалось, что этим могут заниматься только специально подготовленные офицеры разведки. Изданный тем же командованием в тот же день другой документ под названием “Переговоры с УПА” информировал о состоявшихся контактах с “группой связи” УПА и о переданном ей вооружении. Однако здесь же содержалось предостережение от преждевременных иллюзий: “УПА действует сейчас, как и раньше, исключительно в собственных, а не в германских интересах”⁴³³. Тем не менее, после окончания кампании 1943 года стороны фактически заключили некое подобие неофициального перемирия, периодически нарушавшегося, впрочем, действиями отдельных командиров. Следует отметить, что германские спецслужбы в этот период значительно завышали численность отрядов УПА. Выпущенные почти одновременно информационные документы ФХО “Движение украинского национального сопротивления — УПА” от 1 ноября 1944 года и военной контрразведки “ОУН—УПА” от 3 ноября оценивали их в 40 — 80 тысяч человек, но допускали также совершенно нереальную оценку от 400 тысяч до 2 миллионов бойцов. Контрразведка отмечала также весьма разветвленную и эффективную агентурную сеть СБ и ее активизацию в освобожденных Красной Армией районах. От внимания немцев не ускользнул факт объявленной УПА амнистии агентам германской разведки из числа украинцев и русских, которых она призывала негласно устанавливать связь для работы в качестве двойников. Пожалуй, это был единственный эпизод в истории разведывательной службы украинских националистов, когда она отважилась на подобные действия. Именно тогда немцы, признанные мастера встречных комбинаций в наступательной контрразведке, смогли внедрить в СБ множество двойных агентов. На данном этапе войны украинские националисты действительно собирались установить конструктивное сотрудничество с рейхом, в том числе его разведывательными органами, имея при этом свой расчет. К концу 1944 года было уже совершенно ясно, что Германия не в состоянии оккупировать Украину, поэтому речь могла идти о соглашении не с обычным работодателем, а с доживающим последние месяцы в этом качестве, после чего все обязательства в его отношении автоматически утратят силу. Во-вторых, условия УПА более походили на ультиматум и включали требования освободить из тюрем и концлагерей Бандеру и всех членов ОУН, гарантировать создание самостоятельного украинского государства, организовать снабжение отрядов УПА оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, средствами радиосвязи и медикаментами, обучать ее бойцов диверсионной технике, тактике и радиосвязи в специально созданных для этой цели разведшколах. В обмен предлагалось участие украинцев в проведении диверсионных операций в интересах германских войск. Диверсионные команды УПА должны были оставаться в ее организационном и административном подчинении, немцы же допускались только к оперативному руководству их работой. Германское командование отклонило эти вызывающие условия как неприемлемые, но новых не дождалось.

После освобождения Украины, которое ОУН рассматривала как повторную оккупацию, главным противником УПА стали советские войска, гражданская администрация и НКГБ. После тяжелых потерь в первых стычках с частями Красной Армии командование приказало в столкновениях с фронтовыми войсками не вступать, а переждать их уход на Запад, после чего наносить удары по тыловым частям и войскам НКВД. Однако в Москве к националистической опасности отнеслись вполне серьезно и не позволили УПА отсидеться. В СССР развернулось широкое контрпартизанское движение с использованием органами госбезопасности как войсковых, так и оперативных методов. Для начала государственная граница была вновь закрыта и принята под охрану пограничными войсками с собственной разведкой. Полоса войскового тыла между границей СССР и действующей армией контро-

лировалась специально сформированными для этой цели шестью стрелковыми дивизиями внутренних войск НКВД численностью по 5 тысяч человек. Это немедленно раскололо УПА, подразделения которой находились на территориях Украины, Чехословакии и Польши, и позволило успешнее пресекать каналы связи с закордоном. Распыление сил вынудило националистов активизировать обмен курьерами, но их постоянно перехватывали пограничники и контрразведчики. По этому каналу НКГБ зачастую получал сведения о передвижениях групп УПА на соединение друг с другом, после чего в точку randevу заблаговременно направлялся ложный отряд, чаще всего состоявший из бывших партизан. При приближении подразделения противника он внезапно атаковал его и уничтожал. Кроме того, госбезопасность использовала для борьбы с УПА испытанные методы: легендированные агентурные группы и агентов-боевиков, из которых составлялись агентурно-боевые группы (АБГ) численностью от 2 до 7 человек. Они через пособников националистов устанавливали контакт с отрядом УПА, иногда даже объединялись и некоторое время действовали совместно, а в выбранный удобный момент наносили удар. Уничтожались обычно командиры и референты СБ, после чего справиться с обезглавленной группой было значительно проще.

Основной формой борьбы с националистическими партизанскими отрядами и подпольем являлась чекистско-войсковая операция, чаще всего начинавшаяся на рассвете, чтобы завершиться засветло. Район ее проведения заранее оцеплялся и разбивался на участки, которые затем тщательно прочесывались. Широко использовались засады. Однако все эти действия оказывали должный эффект лишь при обеспечении их достоверной агентурной информацией, в противном случае удар зачастую наносился по пустому месту. При проведении зачисток районов формировались оперативные чекистско-войсковые группы (ОЧВГ) из военнослужащих войск госбезопасности и оперативных сотрудников органов НКГБ и НКВД. Иногда их усиливали обычными армейскими подразделениями, но, как правило, это оказывалось неэффективным и иногда приводило к расшифровке негласного аппарата. Более существенную помощь оказывали восстановленные истребительные батальоны и группы содействия, хотя в них нередко внедрялись агенты СБ.

Ведение боевых действий на собственной, причем уже освобожденной территории не прибавляло режиму авторитет и компрометировало его. Поэтому контрпартизанские операции дополнялись мероприятиями по разложению УПА и выводу ее членов из подполья, для чего использовались гласные и негласные мероприятия. К первым из них относилось обнародование амнистирующих указов и опубликование заявлений вышедших из подполья или лесов бывших боевиков. Эту категорию людей приходилось тщательно охранять, поскольку в их отношении СБ нередко осуществляла террористические акты и распространяла информацию о свершившемся над перебежчиками возмездии. Для негласных мероприятий использовалась агентура, чаще всего явившиеся с повинной боевики. Им объявляли, что прощение можно заслужить лишь путем помощи органам НКВД или НКГБ, а для этого следует возвратиться в свой отряд, но уже с полученным заданием, чаще всего пропагандистского характера. Среди этой категории агентов потери от расшифровки СБ были наибольшими. Как уже указывалось, ее работники обычно не проводили контригру, а расправлялись с изменниками быстро и жестоко. Для разложения УПА органы госбезопасности также вербовали членов семей и родственников ее бойцов, подбрасывали в отряды письма от них с призывами сдать власть и гарантиями прощения.

Ближе к окончанию войны УПА отказалась от ставки на боевые операции и перешла к диверсионно-террористической тактике. С конца 1944 года ее боевики совершили ряд громких террористических актов, в том числе 29 февраля 1945 года у села Милятин Ровенской области тяжело ранили командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н. Ф. Ватутина, впоследствии умершего. Изменившаяся тактика оставалась для националистов единственно возможной на насыщенной правительственными войсками Украине, но одновременно она активизировала НКВД и выбила почву из-под их ног. Даже в случаях симпатий местного населения к УПА нахождение в окрестностях сел ее групп вскоре стало для крестьян тяжким бременем. Они жили в постоянном страхе перед возможностью попасть под внезапный обстрел, боевики требовали от местных жителей продукты и часто отнимали их, солдат тоже надо было кормить и размещать на постой, категорически запрещалось ходить в лес для сбора хвороста или грибов, во многих местах устанавливались проволочные заграждения и минные поля. За помощь УПА крестьян репрессировали власти, а за отказ в оказании такой помощи могли убить националисты. В итоге доведенное до отчаяние мест-

ное население с облегчением или вынужденно прекратило помощь партизанам, а войсковые заслоны и засады чекистов окончательно отрезали их от источников снабжения. Фактически это стало концом Украинской повстанческой армии. По официальным оценкам, ее вооруженная борьба продолжалась до 1951 года, но некоторые немногочисленные группы были ликвидированы лишь в середине 1950-х годов. Последним боестолкновением с УПА явилась ликвидация группы Петра Пасичного 14 апреля 1960 года.

Вооруженное украинское подполье представляло собой хотя и самое значительное, но далеко не единственное сепаратистское движение на территории Советского Союза. Его специфика заключалась в размахе и высокой организации, а также в участии УПА в борьбе с германскими оккупантами, в остальном же оно мало отличалось от подполья в Прибалтике, Белоруссии и на Северном Кавказе. Среди аналогичных организаций следует упомянуть “Армию освобождения Литвы” (АЛА, иногда переводится как “Литовская освободительная армия”), “Латышское национальное партизанское объединение”, “Эстонский национальный комитет”, ряд белорусских подпольных групп, польскую Национальную армию (Армия Крайова, АК) и некоторые польские группы меньшего масштаба, а также северокавказское движение. За исключением польских подпольных организаций, никто из них не боролся с нацистскими оккупантами, наоборот, они числились среди их самых активных помощников. Поляки же, подобно украинским националистам, считали своими врагами и Германию, и СССР, и поэтому боролись против обоих. АК и эмигрантское правительство Польши в Лондоне отказывались признавать отторжение Советским Союзом бывших польских территорий осенью 1939 года и потому рассматривали свое подпольное движение на этих землях как освободительное. В отличие от не имевшей собственного государства УПА, задача поляков состояла в восстановлении довоенных границ своей страны. Разгром в 1940 и 1941 годах ЗВЗ и иных подпольных организаций, а также опора на Польскую рабочую партию (ППР) и ее военные формирования (ГЛ/АЛ) дали органам государственной безопасности СССР немало информации о противнике, с которым им предстояло столкнуться после освобождения Западной Украины, Западной Белоруссии и части Литвы. 25 января 1944 года заместитель наркома НКГБ СССР Кобулов совместно с начальником ГУКР “СМЕРШ” НКО Абакумовым издали приказ о начале операции “Сейм” под непосредственным руководством НКГБ БССР, УССР, ЛитССР и органов “СМЕРШ”. Территориальным и армейским контрразведывательным и разведывательным органам предписывались следующие задачи:

1. На освобождаемых территориях вскрывать и документировать всю подпольную деятельность поляков и передавать полученные данные для дальнейшей агентурной разработки. Завести дела-формуляры на всех руководителей таких организаций, их эмиссаров и связников, а также на окружение, составляющее базу подпольного движения (католическое духовенство, офицеров, членов бывших политических партий, ближайших родственников репрессированных и прочих).
2. Арестовывать в первую очередь их руководство и лиц, активно вовлеченных в борьбу с партизанами; готовящихся к активной антисоветской, в том числе вооруженной борьбе. Захватывать и перевербовывать (при наличии гарантий) эмиссаров и связников.
3. При обнаружении приготовлений польских групп к вооруженному выступлению немедленно и всеми мерами пресекать их.
4. При выявлении подпольных организаций в первую очередь устанавливать их руководящие центры и каналы связи с Лондоном. Обращать внимание на обнаружение нелегальных радиостанций, складов оружия, типографий, установление связников и конспиративных квартир. При захвате радистов стараться начинать радиоигры.
5. Вербовки агентуры производить с целью установления в первую очередь руководства, связников, содержателей конспиративных квартир. Выявлять в подпольных организациях немецкую и английскую агентуру, перехватывать ее каналы связи и внедрять в их руководство свою агентуру на освобождаемых территориях, в Польше и особенно в Варшаве.
6. Установить связь с закордонной разведкой в плане использования ее возможностей для проникновения в подполье.
7. Учитывать предстоящий призыв способных носить оружие поляков в состав польской армии в СССР, поэтому принимать меры к исключению проникновения в ряды мобилизованных эмиссаров лондонского правительства и участников националистического подполья.

Специально с целью борьбы с АК в тылы вермахта направлялся ряд оперативно-чекистских групп и партизанских отрядов. Комплекс принятых мер и отсутствие базы для подпольного движения вскоре после очистки территорий Западной Белоруссии, Западной Украины и Литвы от германских войск привели к быстрому вытеснению польских подпольных организаций на запад от новой границы СССР, где в борьбу с ними включились коммунистические органы безопасности Польши.

Немало проблем вызывало у советского руководства литовское сепаратистское движение, возглавлявшееся Президиумом Союза борьбы за освобождение Литвы. ЛЛА считалась его вооруженным формированием, а во главе и политической, и военизированной структуры стоял один и тот же человек, Йонас Жемайтис (“Витаутас”). В период пика своей численности ЛЛА насчитывала до 30 тысяч бойцов, весьма немало для небольшой Литвы. Борьбу с ними до середины 1945 года вели части и подразделения 3-го Украинского фронта, позднее существенно укрепленные двумя дивизиями внутренних войск. В рамках оперативной работы ЛЛА разрабатывали примерно на тех же принципах, что и УПА. НКВД также создавал в Литве легендированные подпольные агентурные спецгруппы и ложные партизанские отряды, фактически представлявшие собой агентурно-боевые группы. Борьба с литовскими вооруженными сепаратистами велась до 1950-х годов, а последнее боестолкновение с подпольщиками произошло 17 марта 1965 года.

Весьма специфичной была обстановка на Северном Кавказе. Здесь сказывалась официальная политика рейха, поддерживавшего местные сепаратистские движения и не препятствовавшего им планировать завоевание независимости. В регионе активно действовали довольно многочисленные вооруженные отряды сепаратистов, установившие тесную связь со спецслужбами Германии. Специфика Северного Кавказа, по сравнению, например, с Белоруссией, заключалась в том, что немцы здесь совершенно не стремились поработить местное население, а лишь побуждали его к повстанческим действиям в советском тылу для обеспечения наступления своего южного фланга. Однако достигнутые при этом результаты следует отнести скорее не столько к заслугам абвера, сколько к следствию общей этнической и религиозной напряженности в регионе. Вооруженные выступления, пропаганда и подпольная деятельность среди северокавказских народов имела глубокие, уходившие в девятнадцатый век корни. После установления в регионе советской власти антигосударственные волнения не прекращались практически никогда, они лишь то слегка затихали в результате репрессивных операций армии и органов госбезопасности, то обострялись с новой силой. В наиболее беспокойной Чечено-Ингушской (ЧИ) АССР десятки восстаний различной интенсивности и масштаба происходили в 1920 — 1921, 1925, 1929, 1932 годах, затем продолжались вплоть до 1936, а в отдельных местах и до 1938 года. Только с 1 января по 22 июня 1941 года был зафиксирован 31 случай проявления политического бандитизма⁴³⁴. Обстановка усугублялась, с одной стороны, ошибками советской власти и ее непродуманной политикой в области культуры, религии и социальных отношений, и с другой стороны — обилием гор, прекрасно подходивших для ведения там партизанской войны. Давние традиции борьбы с Россией и высокий авторитет, которым пользовались в народе мятежники, постоянно провоцировали многих на вооруженную борьбу и подпольную деятельность. Оружия в регионе тоже хватало. Помимо добывавшегося в разгромленных отделениях милиции, а также извлекавшегося из хранившихся еще с 1920-х годов тайных складов, часть его поступила на Северный Кавказ контрабандным путем из Турции и Персии, причем, по некоторым данным, отдельные партии оплачивала британская СИС. Таким образом, германские спецслужбы никоим образом не моделировали ситуацию на Северном Кавказе, а просто отчасти использовали в своих интересах давно существовавшую тенденцию борьбы с центральной властью. Тем не менее, результат оказался одним и тем же: на территориях Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и части Грузии в тылу Красной Армии возник серьезный очаг напряженности. Кроме того, небывалого размаха достигли такие явления как дезертирство и уклонение от призыва. По данным, приведенным в записке заместителя наркома НКГБ СССР Кобулова на имя Берия, датированной 9 ноября 1943 года, “при первой мобилизации в августе 1941 г. из 8000 человек, подлежащих призыву, дезертировало 719 человек. В октябре 1941 года из 4733 человек уклонились от призыва 362. В январе 1942 года при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь 50 процентов личного состава. В марте 1942 года из

14576 человек дезертировало и уклонилось от службы 13560 человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 году из 3000 добровольцев число дезертиров составило 1870 человек⁴⁵⁵. В целом за период войны на службу попала лишь 1/8 общего призывного контингента региона, остальные либо уклонились от призыва, либо дезертировали, преимущественно с оружием, добывание которое и являлось главной целью чеченских и ингушских “добровольцев”. В итоге приказ НКО в апреле 1942 года отменил призыв призывников этих национальностей. Перечисленные явления происходили далеко не стихийно, за ними стояли авторитетные местные лидеры, опиравшиеся на авторитет имамов и со временем создавшие подпольные политические структуры. Наиболее влиятельными из них стали Особая партия кавказских братьев (ОПКБ), позднее, по мере развития контактов с Германией, переименованная в Национал-социалистическую партию кавказских братьев (НСПКБ), и Чеченско-горская национал-социалистическая подпольная организация (ЧГНСПО).

Первую из них организовал 28 января 1942 года в Орджоникидзе (Владикавказе) Хасан Исраилов, еще в июне 1941 года перешедший на нелегальное положение и принявший псевдоним “Терлоев” по названию своего тейпа. Задачей насчитывавшей до 5000 активных членов НСПКБ являлось создание федеративной республики государств народов Кавказа по мандату Германии и фактически под ее протекторатом. Еще до образования партии “Терлоев” спланировал на осень 1941 года всеобщее вооруженное восстание в тылу Красной Армии с целью свержения советской власти в регионе и соединения с наступающими частями вермахта. Из-за задержек в подготовке было решено перенести его начало на 1 января 1942 года, но плохая связь между подпольными организациями и прятавшимися в горах отрядами не позволила предупредить об этом всех. В результате часть мятежников выступила преждевременно и была подавлена, после чего начавшееся весной 1942 года основное восстание оказалось значительно слабее, чем предполагалось, и было ликвидировано.

Чеченско-горская национал-социалистическая подпольная организация возникла в ноябре 1941 года по инициативе бывшего председателя Леспромсовета ЧИ АССР Майрбека Шерипова, также перешедшего на нелегальное положение. Эта организация сменила несколько названий (“Общество спасения горцев”, “Союз освобожденных горцев”, “Чечено-ингушский союз горских националистов”), пока Шерипов не остановился на наиболее приемлемом для немцев, с которыми он стремился установить рабочие контакты. В августе 1942 года ЧГНСПО подняла вооруженное восстание в Итум-Калинском районе, после чего ее отряды захватили Химо в Шатоевском районе. Это стало возможным благодаря предательству находившегося на связи с Шериповым начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЧИ АССР Идриса Алиева, который накануне отозвал охранявшее это селение подразделение. Попытка захвата Итум-Кале провалилась из-за сопротивления гарнизона, и мятежники бежали. Позже они попытались соединиться с силами “Терлоева”, но 7 ноября 1942 года попали в засаду, в которой Шерипов погиб.

Следует отметить, что Алиев был не единственным и даже не самым высокопоставленным предателем в кадрах НКВД Чечен-Ингушской АССР. Помимо изменников — начальников Старо-Юртовского (Эльмурзаев), Шароевского (Пашаев), Итумкалинского (Меджиев) и Шатоевского (Исаев) РО НКВД, Итум-Калинского (Хасаев) и Чеберлоевского (Исаев) РО милиции и массы работников более низкого ранга, на связи с лидером ЧГНСПО “Терлоевым” находился сам нарком внутренних дел автономной республики капитан ГБ Султан Албогачиев. Не лучшей оказалась ситуация и с партийными, советскими и комсомольскими функционерами. Достаточно отметить, что к сентябрю 1942 года из 24 первых секретарей райкомов ВКП(б) дезертировали 16. Из-за полной ненадежности национальных кадров боевую и оперативную работу пришлось организовывать с помощью командированных работников, зачастую совершенно не знавших местных условий. Несмотря на это, в активе госбезопасности числятся не только чекистско-войсковые, но и удачные агентурные операции, одной из которых явилась, например, попытка компрометации Шерипова. Нескольким участникам его организации внушили мысль о том, что он выдал их НКВД, после чего двое из них, Байсаев и Хамзатов, сообщили об этом своим женам на специально организованном свидании. Слух об этом распространился и привел к частичной изоляции Шерипова, хотя полностью ожидаемых результатов достигнуть не удалось.

Вполне естественно, что обстановка в регионе благоприятствовала проникновению в него германской агентуры. Северный Кавказ в 1941 и 1942 годах стал важнейшим опера-

тивным направлением абвера и СД, поскольку, помимо располагавшихся там нефтепромыслов и предприятий нефтяной и нефтехимической промышленности, представлял собой кратчайший путь на Средний Восток и в Индию. Стратегической линией абвера здесь являлась заброска диверсантов и агентов не только для выполнения непосредственных боевых задач, но и для установления связи с местным повстанческим движением и организация руководства им. Имеются сведения о заброске на Северный Кавказ 8 групп диверсионного полка “Бранденбург”. Его II батальон предназначался для обеспечения германского наступления путем захвата стратегических мостов, установления связи с местными антиправительственными группировками для дестабилизации тыла Красной Армии и взятия под охрану объектов нефтепромыслов и нефтеперерабатывающих заводов Майкопа и Грозного с целью сохранения их для захвата германскими войсками. Все без исключения немецкие группы установили связь с местным подпольем или отрядами в горах, однако особых успехов, за исключением высадки в Майкопе, не добились.

Нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы Майкопа и Грозного являлись самыми притягательными объектами, поэтому операции по их захвату (“Шамиль”) силами полка “Бранденбург” уделялось самое серьезное внимание. Операцию спланировали в Абт-II абвера после установления контакта с прибывшим в Берлин эмиссаром чеченских сепаратистов, а ее руководителем был назначен офицер с опытом проведения диверсионных операций — лейтенант, впоследствии обер-лейтенант Эрхард Ланге, бывший командир одной из “К-групп” (боевых групп) отряда специального назначения “Эббингхауз”. Он отобрал в свою группу 21 представителя горских народов Кавказа из числа находившихся в лагерях советских военнопленных и провел их обучение, в том числе парашютную подготовку. В процессе подготовки операции “Шамиль” впервые в истории было принято решение об использовании оружия с приборами бесшумной стрельбы (ПБС). Объекты захвата располагались в Майкопе и Грозном, поэтому диверсанты общей численностью 30 человек вылетели двумя самолетами, сам Ланге возглавил грозненскую группу. В результате удачно проведенной акции в Майкопе нефтеочистительные заводы были захвачены и переданы под охрану подошедшим частям вермахта, но на этом успех и закончился. Немецкие военные не отнеслись к охране этих важнейших объектов серьезно, в результате чего советские подрывники-диверсанты сумели скрытно проникнуть на них и вывести из строя оборудование. Вылетевшая 25 августа 1942 года в направлении Грозного группа из-за навигационной ошибки была выброшена на территории Атагинского района и частично расстреляна в воздухе. При высадке диверсанты утратили контейнер с рацией и лишились связи, а также смогли извлечь из контейнеров с оружием лишь 4 винтовки и некоторое количество патронов. После приземления обнаружилось, что в живых осталось всего 11 бойцов, 4 из которых имели ранения. Ланге разделил их на две подгруппы и приказал установить контакты с чеченскими отрядами, однако сделать это было крайне сложно. Войска НКВД загнали диверсантов в незнакомый район, в котором одна из подгрупп исчезла бесследно. Вторая подгруппа во главе с Ланге все же смогла связаться с Исраиловым-“Терлоевым” и через него с начальником Старо-Юртовского РО НКВД Эльмурзаевым, но в результате этого получила лишь чеченских проводников для прохода к линии фронта. По пути “бранденбуржцы” все же постарались выполнить вторую часть своей задачи и организовали несколько подпольных боевых групп из местного населения.

Одновременно с группой Ланге была высажена и другая, совершенно независимая от нее группа из пяти человек во главе с аварцем Османом Сайднуровым. Этот бывший командир эскадрона в Добровольческой армии Деникина после гражданской войны эмигрировал в Турцию, где принял фамилию Губе, а затем попал в поле зрения абвера и был им завербован. Немцы возлагали на него серьезные надежды и планировали на пост заместителя рейха на Северном Кавказе. Встречающиеся в источниках упоминания о том, что Губе имел звание полковника вермахта, объясняются его договоренностью с абвером, разрешившим ему использовать эту легенду для поднятия авторитета своего эмиссара у местного населения. В ночь с 11 на 12 января 1943 года около села Акки-Юрт Сайднуров был арестован органами НКВД, а его диверсионно-разведывательная группа разгромлена.

На территории Веденского и Чеберлоевского районов действовала ДРГ из 12 человек во главе с унтер-офицером полка “Бранденбург” Реккертом, вокруг которой постепенно организовалось повстанческое формирование численностью около 400 человек. Доставленное по воздуху немецкое оружие позволило им в октябре 1942 года поднять восстание в двух упомянутых районах. Вскоре оно было подавлено, а сам Реккерт погиб в бою.

Помимо перечисленных, установлена заброска на Северный Кавказ еще пяти диверсионно-разведывательных групп абвера, возглавлявшихся местными уроженцами и устанавливавшими связь с сепаратистскими отрядами и подпольем. Их руководителями являлись осетины Дзугаев и Зосиев (по 5 человек), ингуши Хамяиев и Хаутиев (соответственно 8 и 6 человек) и чеченец Селимов (6 человек).

В целом, можно заключить, что, за исключением Украины, ни в одном из регионов СССР повстанческое движение не приобрело столь серьезного размаха и не оказало такого влияния на оперативную обстановку, как на Северном Кавказе.

7. СОЮЗНИКИ

Немедленно после нападения Германии на Советский Союз Лондон и Москва установили между собой союзнические отношения. К ним присоединилось и польское эмигрантское правительство, как впоследствии оказалось, ненадолго. Соединенные Штаты Америки пока не входили в антигитлеровскую коалицию и числились нейтральными, однако на деле примыкали к ней, и даже не слишком сведущим в политике людям было ясно, что очень скоро к войне присоединится и Вашингтон. В связи с этим разведывательные службы СССР, Великобритании и США уже в самом начале войны выработали систему взаимодействия и обмена информацией о противнике и собственных вооруженных силах. Контакты вначале осуществлялись через военных и военно-морских атташе (ВАТ и ВМАТ), а позднее в союзных столицах были аккредитованы военные миссии, основной задачей которых являлась выработка всех вопросов военного сотрудничества. Существенным его элементом было партнерство в области разведки, прежде всего военной.

Разведывательное партнерство советской стороны с поляками продлилось полтора года. 30 июля 1941 года был подписан союзный договор между СССР и эмигрантским правительством Польши, создавший основу для сотрудничества в области военной разведки генштаба РККА и штаба главного командования Союза вооруженной борьбы (ЗВЗ). Руководство РУ с уважением относилось к польскому подполью и понимало его агентурные возможности. Они стали еще привлекательнее после получения советской военной миссией в Лондоне ряда предоставленных британцами материалов со ссылкой на источник. 14 августа в Москве заместитель начальника генштаба РККА генерал-полковник А. М. Василевский и бригадный генерал Зигмунт Шишко-Богуш подписали договор об обмене военными миссиями при главных командованиях. Польская сторона направила в Советский Союз майора Леона Бортновского, офицером связи в Лондоне стал майор А. Ф. Сизов, занявший пост военного атташе СССР при эмигрантских правительствах Югославии, Чехословакии и Польши. 25 сентября 1941 года премьер-министр и главнокомандующий армией генерал Владислав Сикорский передал через Бортновского ряд предложений по разведывательному сотрудничеству определявших, в частности, следующие основы для взаимодействия:

1. Обмен разведывательной информацией об обстановке в Германии должен происходить в Лондоне.
2. Польская военная миссия в Москве устанавливает радиосвязь со своим разведцентром, находящимся на территории Польши.
3. Штаб польской разведывательной организации организует агентурные сети в германском тылу и ведет разведку, в частности, на территории к востоку от границы по Бугу вплоть до линии Рига — Минск — Мозырь — Житомир — Винница.
4. Красная Армия организует доставку по воздуху и техническое снабжение польских агентов, забрасываемых с советской территории.

Нетрудно увидеть, что предложения генерала Сикорского были направлены на то, чтобы явочным порядком закрепить доминирование поляков на ранее принадлежавшей им территории и обязательно учесть это на дипломатических переговорах после победы. Летом 1941 года до разгрома вермахта было еще очень далеко, но польский премьер смотрел вперед и стремился заложить фундамент возвращения Польшей утраченных в 1939 году территорий. Примечательно, что против предложений Сикорского возражал даже полковник Йозеф Смоленский, начальник отвечавшего за разведывательное взаимодействие с Великобританией VI отдела собственного штаба генерала. Однако его протест имел совершенно иную природу, полковник требовал вести всю разведку исключительно через подпольные

структуры ЗВЗ. Построение связи агентурных сетей с центром планировалось исключительно по вертикальному принципу, причем только с Лондоном. После нескольких раундов переговоров компромисс был достигнут на следующей основе:

1. Предоставление информации советской стороне должно осуществляться через миссию в Лондоне.
2. В исключительных случаях возможна прямая связь Варшава — Москва.
3. Передача заданий-ориентировок польской стороне должна осуществляться через майора Бортновского.
4. Агентурная сеть ЗВЗ “Вахлаж” может действовать на востоке, но не далее ближних тылов германских войск.
5. Советская сторона оказывает польским агентам содействие в пересечении линии фронта.
6. Возможно использование в разведывательной работе польских и советских военнослужащих.

В соответствии с этими основополагающими принципами в середине сентября 1941 года было официально начато сотрудничество СССР с эмигрантским польским правительством в области разведки. 20 сентября комиссар госбезопасности Г. С. Жуков передал бригадному генералу Шишко-Богушу первый запрос относительно состава сил группировки вермахта на Восточном фронте. Главными областями заинтересованности советской стороны являлись:

- дислокация, организация и руководство германских войск;
- их моральный дух;
- потери и пополнения;
- люфтваффе;
- транспортный флот, железнодорожный транспорт и размещение запасов снабжения, в первую очередь складов ГСМ;

Вторую группу менее насущных вопросов составили:

- военное производство в Германии и оккупированных странах;
- настроения населения рейха;
- обстановка в руководстве НСДАП и аппарате безопасности;
- сведения об организации администрации на оккупированных советских территориях.

Сотрудничество несколько активизировалось после назначения на должность начальника польской разведки полковника Станислава Гано. В результате потепления отношений в начале 1942 года в Серебряном Бору под Москвой был открыт польский радиопузел под кодовым обозначением “Висла”, однако из-за технических проблем его первый сеанс связи состоялся только 11 апреля. Так была установлена двусторонняя связь с разведцентром главного командования АК “Ада” на занятой вермахтом территории. В течение 1942 года запросы РУ/ГРУ ГШ КА касались:

- группировки вермахта на Востоке;
- воинских перевозок к фронту и обратно;
- перегруппировки германских сил и подготовки к наступлению;
- снабжения войск;
- специальных приготовлений (фортификация, газовая война и т. п.);
- морального духа германских военнослужащих.

28 апреля 1942 года польская сторона предоставила данные о 90 воинских частях вермахта, 29 апреля — о расположении воинских складов на различных участках фронта от Риги до Аккермана. В период с 6 по 17 июня в контактах наступил перерыв из-за разгрома германской контрразведкой радиопузла 1-й пехотной дивизии АК в Варшаве. Перебой в предоставлении информации был в незначительной степени восполнен через Лондон. Однако советская сторона в течение всего лета 1942 года неоднократно указывала союзникам на снижение уровня получаемой информации и на то, что точка “Висла” в связи с этим не в полной мере выполняет задачи, которые ставились перед ней при ее создании. Особое неудовольствие руководства генштаба СССР вызвало то обстоятельство, что разведка АК не смогла вскрыть приготовления немцев к наступлению на Северный Кавказ. 29 июля Г. С. Жуков уведомил Бортновского, что в связи с эвакуацией из СССР армии Андерса радиопузел “Висла” будет закрыт. Следует отметить, что на данном этапе контакты между

двумя разведывательными службами продолжали поддерживаться. Всего за 1942 год поляки передали советской стороне 170 разведывательных отчетов, а до марта 1943 года — еще 35⁴³⁶. И лишь после полного разрыва дипломатических отношений СССР с лондонским правительством Польши сотрудничество в этой области было полностью свернуто.

Зато в ходе этого недолгого партнерства советская контрразведка вплотную столкнулась с активной работой польской разведки против СССР. Помимо общих пропагандистских акций среди этнических поляков, офицеры разведки из армии Андерса, работая с позиций курсов по подготовке польских офицеров разведки в Туркмении, пытались вербовать на территории СССР агентуру и изучали приемы и методы оперативной работы советских спецслужб. Проведенные оперативные разработки позволили контрразведывательному отделу НКВД Узбекской ССР разгромить резидентуры польской разведки в Ташкенте, Янги-Юле, Кзыл-Орде и некоторых других населенных пунктах Средней Азии и Казахстана.

Намного более существенными являлись взаимоотношения Москвы с Лондоном и Вашингтоном, однако их постоянно омрачал дух антисоветизма, а до 1943 года — и неверие в способность СССР одержать победу над Германией. Советская сторона также не доверяла искренности новых союзников, причем зачастую обоснованно, и вела себя соответствующим образом. Неприязнь и недоверие накладывались друг на друга, усиливались и постепенно возрастали, поэтому взаимодействие участников антигитлеровской коалиции в разведывательной области трудно назвать безоблачным.

Военный атташе Соединенных Штатов Америки в Москве Айвен Йитон носил скромное звание майора и являлся убежденным антикоммунистом, как и его помощник майор Дж. Мичела. Оба они были настолько уверены в скором и неминуемом падении СССР под ударами вермахта, что уже в первой половине июля 1941 года сожгли все свои папки с документами, во избежание их захвата немцами. Вследствие этого поступавшие из Вашингтона указания о необходимости предоставлять всю информацию советским коллегам (кроме криптографической) оставались невыполненными, однако атташе и его помощника это несколько не тревожило. Взаимодействие ВАТ с Красной Армией осуществлялось через Разведывательное управление генштаба, занявшее в его отношении абсолютно аналогичную позицию. Создался своего рода тупик, в котором в ответ на нежелание Йитона делиться информацией РУ ограничивало предоставление ему собственных материалов и отказывало в допуске на фронт, хотя американец энергично добивался этого. В ответ тот обратился в Отдел военной разведки (МИД) армии США с просьбой наложить ограничения на передвижения советского ВАТ в Соединенных Штатах, чтобы таким образом повлиять на Москву и попытаться получить разрешение посетить район боевых действий. Положение советского руководства в начальный период войны не позволяло сохранять жесткую принципиальную позицию по отношению к возможному союзнику, поэтому очень скоро Йитону продемонстрировали военные объекты различной степени секретности, в том числе заводы, производившие самолеты нового поколения. Однако в своей ослепленности атташе и его помощник не желали замечать жесты доброй воли. В донесениях в Вашингтон они утверждали, что это не имеет никакого значения, поскольку ничего существенного им все равно никогда не предъядят. Еще одним постоянным мотивом в донесениях атташе являлись сообщения о слабости режима, неизбежном возникновении мощной и многочисленной “пятой колонны” и близком падении Советского Союза. Лучше ощущавшее ситуацию руководство военного министерства пыталось воздействовать на позицию Йитона и сделать ее более конструктивной, однако безуспешно. Когда ВАТ безосновательно доложил о желании советской стороны давать информацию только в обмен на сведения о Квантунской армии, ему немедленно направили список японских частей в Маньчжурии со сведениями о 6 пехотных и 2 танковых дивизиях, 2 кавалерийских бригадах и 350 боевых самолетах на пяти авиабазах. В архивах отсутствуют какие-либо свидетельства даже попытки Йитона обменять эти данные на информацию о вермахте, она так и осталась в папках атташата. Но терпение Вашингтона имело свои пределы. После заявления ВАТ о невозможности осуществлять поставки снабжения Советскому Союзу через Архангельск он исчерпал кредит и был отозван на родину.

Представители британских вооруженных сил официально начали сотрудничество с советскими коллегами 11 июля 1941 года. В этот день начальник ДМИ генерал Ф. Дэвидсон прибыл в Москву и предложил установить взаимодействие по линиям оказания военной

помощи и сбора разведывательной информации. Однако еще до этого, в июне 1941 года в советскую столицу прибыла военная миссия Великобритании (“Миссия 30”) под руководством генерала Д. Джонсона, вскоре передавшего дела генералу Н. Макфарлену. Ее задачи не исчерпывались взаимодействием с СССР, британцы поддерживали также контакты с представителями Польши генералом Андерсом и Чехословакии полковником Пикой. 29 июля начальник генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков пообещал Макфарлену организовать ежедневный обмен разведывательной информацией, после чего тот обратился в Лондон с просьбой направлять ему требуемые данные. На этом этапе полезная информация из Лондона почти не поступала, и британцы занимались главным образом попытками создания у союзника впечатления своей значимости в войне. Не дожидаясь официального решения на этот счет, Объединенный комитет по разведке (ОКР) дал Адмиралтейству и военному министерству указания о предоставлении разведывательной информации в московскую миссию. Ее передавали по линиям проводной телетайпной связи с шифровальной аппаратурой, стоявшей в помещениях ВАМ и ВМАТ Великобритании. Представители британской разведки отнюдь не были убеждены в надежности сохранения секретов московскими коллегами и постоянно беспокоились на этот счет. В результате сообщения готовились с учетом неизбежности утечки информации к противнику, то есть в обезличенном виде. Как уже указывалось, это практически полностью исключало предоставление материалов сообщений, дешифрованных по программе “Ультра”. С полученной в Москве информацией британцы поступали иначе. Они рассматривали ее в качестве имеющей высшую степень секретности, шифровали с помощью блокнотов разовых ключей и направляли в СИС дипломатической почтой в специальных двойных конвертах с пометкой: “Полковнику Х. С. Хэттон-Холлу”. Самые секретные материалы не посылались даже таким образом, для них была установлена еще более серьезная процедура доставки и использования, включавшая в каждом отдельном случае не обезличивание, а легендирование источника информации. Постепенное увеличение объема материалов вскоре потребовало доставки в Москву шифровальной машины. С ее помощью закрывались различные сообщения, а наиболее секретные, предназначавшиеся лично для генерал-майора Макфарлена, проходили особую процедуру шифрования, обозначавшуюся литером “А”.

Советская сторона в июле 1941 года предложила организовать сотрудничество таким образом, чтобы оно помогло не только совместно использовать получаемую информацию, но и делать определенные выводы в отношении ее источников. В случае попадания к СССР данных об обстановке на Западе, а к Великобритании — на Восточном фронте, их следовало предоставлять в малейших деталях, позволяющих каждой из сторон сравнить их со своими. Процесс обмена организовывал заместитель начальника военной разведки генерал-майор Панфилов. В этот же период от НКВМФ СССР к британцам стала поступать важная и ценная информация, по значимости далеко превосходящая получаемую от сухопутных войск и авиации. К этому же времени относятся попытки Макфарлена организовать обмен данными анализа перехвата (“У” по британской системе обозначений). Советскому Союзу нечего было предложить взамен, поскольку в тот период перехваты не осуществлялись систематически, хотя в порядке любезности британцы все же передали Панфилову германский трехбуквенный код низкой степени секретности. Стороны согласовали возможность подобных обменов в дальнейшем, однако фактически сотрудничали по этому направлению лишь время от времени. Еще одним источником используемой для обмена информации служила почтовая цензура. 31 июля 1941 года послу Великобритании в Москве Стаффорду Крипсу были вручены два задержанных письма, содержавших существенную информацию об антибританской деятельности немцев в Афганистане.

Москва стала главным пунктом обмена разведывательной информацией между Великобританией и СССР, поскольку отбывшая в Лондон советская миссия занималась в основном вопросами снабжения. Безусловно, масштабы этого обмена далеко отставали от желаемых, но он хотя бы не прекращался, тогда как в отношении США все обстояло намного хуже. После отстранения Йитона, лейтмотивом сообщений которого в Вашингтон были исключительно рекомендации не предоставлять СССР вообще никакой информации и жалобы на отсутствие таковой с советской стороны, его преемником на посту военного атташе стал майор Мичела. Одновременно с аппаратом ВАТ он возглавлял американскую миссию по снабжению и полностью продолжал линию своего предшественника. Обстановку несколько разрядило прибытие в Куйбышев в декабре 1941 года нового военно-морского

атташе Соединенных Штатов капитана 2-го ранга Рональда Аллена, вскоре направившего своему руководству первое сообщение о советских портах и судоходстве по Волге. Однако его деятельность носила все же второстепенный характер из-за слишком далеких друг от друга интересов флотов СССР и США и несопоставимости их масштабов. Мичела же придерживался стиля работы предшественника, формально ссылаясь на нейтралитет своего государства, и вел себя так, что ему никаких материалов не давали даже англичане. Словно в насмешку, главным источником его информации вплоть до атаки на Перл-Харбор являлся военный атташе Японии в Москве. Оценив итоги полугодовой деятельности ВАТ, советская сторона заявила, что не видит смысла в дальнейшем существовании его бюро, если только оно не начнет приносить хоть какую-нибудь пользу.

Советско-британское сотрудничество было намного более продуктивным, однако оно постоянно омрачалось беспокойством Лондона по поводу сохранения секретности. 13 декабря 1941 года “Миссия 30” официально уведомила генерала Панфилова о вскрытии советских военно-морских кодов германской морской дешифровальной “Службой Б”. Плодотворному партнерству помешало также уничтожение британским посольством при октябрьской эвакуации дипломатических представительств из Москвы всех своих архивов, в том числе и относящихся к военному сотрудничеству. Самой ощутимой потерей явилась утрата материалов по боевому составу люфтваффе, не имевших копий. После окончания суматохи с переездом Макфарлен обнаружил полное отсутствие в Куйбышеве органов управления Красной Армией, без взаимодействия с которыми терялся сам смысл работы “Миссии 30”. Настоятельные просьбы генерала о возвращении в Москву результатов не возымели, и в течение шести недель отправлять в Лондон было нечего. Зато весьма успешно работали косвенно подчинявшиеся ему военно-морские миссии на Черном море и на Севере, сумевшие установить конструктивное сотрудничество с советскими моряками. Между коллегами сложились весьма дружественные отношения, позволившие составить и направить в Адмиралтейство трехстраничный отчет “Русские на ужине” с достаточно лестным анализом психологии советских офицеров.

Все это происходило в условиях периодических трений по поводу разведывательной и пропагандистской деятельности британских моряков в СССР. Органы госбезопасности традиционно рассматривали британцев как едва ли не больших врагов, чем немцы, хотя далеко не всегда обоснованно. Уже 20 августа 1941 года появилась директива НКВД СССР № 41/407 за подписью заместителя наркома В. Н. Меркулова об агентурно-оперативных мероприятиях по пресечению деятельности английской разведки на советской территории, гласившая: “Перед контрразведывательным аппаратом органов НКВД как в центре, так и на местах стоит важная и ответственная задача — своевременно установить надежное наблюдение за действиями английских разведчиков и на всем пути их работы подставить им нашу агентуру, добиваясь того, чтобы вся шпионская и диверсионная сеть, которую англичане намереваются насадить в СССР, находилась бы под нашим контролем”⁴³⁷. Вместе с тем, изучение архивов НКВД не дает основания утверждать, что в 1941 году какие-либо британские морские офицеры вели в СССР агентурную разведку, и уж совершенно нелепо выглядят заявления о диверсионной сети. Все донесения агентов и информаторов по этому поводу содержат лишь домыслы или же факты, вполне естественные для поведения сотрудников военной миссии. Например, следует признать нормальным явление ведение ими оперативных карт с особыми обозначениями, сбор информации методами изучения открытых источников и опроса советских граждан без признаков попыток привлечения их к негласному сотрудничеству. Агентурные сообщения по этому вопросу избобляют общими фразами и постоянно обращают внимание на проявленный тем или иным сотрудником миссии большой интерес к чему-либо или же, например, на его заданный лодману вопрос о глубинах на фарватере. Безусловно, освещение обстановки вокруг этих офицеров являлось достаточно важной задачей, но нагнетание шпиономании в данном вопросе следует признать абсолютно неоправданным. Тем не менее, 19 сентября 1941 года Сталин во время встречи с послом Криппсом предъявил ему претензию по поводу ведения антисоветской пропаганды некоторыми морскими офицерами “Миссии 30”. Как известно, в СССР определение пропаганды было понятием весьма растяжимым и удобным для применения, но уже 2 октября упомянутых моряков отозвали. На той же встрече верховный главнокомандующий утверждал, что получаемая от Лондона информация не всегда точна, возможно, по

причине проникновения германских агентов в британскую военную разведку. “Миссия 30” не оставалась в долгу и информировала ОКР о практической неспособности Красной Армии оказывать сопротивление вермахту. В результате подобных поверхностных оценок в Лондон зачастую уходила весьма ненадежная информация о положении дел на Востоке. Например, составленный в самый канун советского контрнаступления под Москвой доклад Объединенного комитета по разведке № ИС(41)452 предсказывал стабилизацию фронта на подступах к советской столице, активизацию наступления вермахта на юге СССР, захват и удержание Ростова. Как известно, уже через четыре дня прогноз был полностью опровергнут по всем пунктам. Возможно, по этой причине с марта по апрель 1942 года в Лондоне обсуждался вопрос о замене руководства “Миссии 30”. 19 мая генерал Макфарлен отбыл из СССР на пост губернатора Гибралтара, а ее временным руководителем стал адмирал Е. Арчер.

Продолжались попытки развития сотрудничества по линии “У”. ГРУ предоставило ответственному за взаимодействие в области радиоперехвата сотруднику “Миссии 30” Эдуарду Крэнкшоу трофейную книгу позывных (издание “Е”). В это время в ПШКШ пришли к ошибочному выводу о готовности их коллег из СССР к чтению закрытой с помощью “Энигмы” переписки. Одновременно искренно стремившийся к сотрудничеству с союзником Крэнкшоу в ответ на запрос Лондона относительно советских успехов во вскрытии японской шифрпереписки поинтересовался возможностью перевода сотрудничества на более высокий уровень. Из ПШКШ немедленно поступил категорический запрет. Позицию криптоаналитиков не вполне разделяло Адмиралтейство, стремившееся разместить на советском Дальнем Востоке пост радиоперехвата японских переговоров. Однако все подобные просьбы, исходившие как из Лондона, так и из Вашингтона, Москва неизменно отклоняла по причине нейтралитета с Японией. Британцы, судя по всему, ожидали подобную реакцию и не стали дискутировать по этому поводу. Более того, они передали представителю ГРУ майору Тулбовичу позывные люфтваффе, облегчающие идентификацию воздушных эскадр. 23 марта 1942 года Крэнкшоу предложил совместно вскрывать шифры и коды полицейских организаций рейха. Это встретило полное понимание, и уже через несколько дней работа начала осуществляться весьма интенсивно. В этой деликатной области взаимодействие двух государств оказалось вполне продуктивным. В качестве знака особого расположения ненадолго отбывавшему в Лондон в мае 1942 года Крэнкшоу в подарок для министерства экономической войны предоставили 15 мешков перехваченной японской почты.

Отношения с американцами развивались иначе. За этим с удовлетворением наблюдали британцы, в любой обстановке старавшиеся не допустить Соединенные Штаты к дипломатическим и разведывательным делам в Европе, а также на Ближнем и Среднем Востоке. В период до начала 1942 года США не воспринимали СССР как партнера по обмену разведывательной информацией и вели себя соответственным образом. Мичела даже просил разрешения МИД (имеется в виду военная разведка) покинуть свой пост и уехать, но не получил согласие руководства. Разведывательное сотрудничество с Вашингтоном начало оживляться лишь весной 1942 года, причем не в Москве или Куйбышеве, а во Владивостоке. Именно там консул Соединенных Штатов А. Уард полуофициальным путем добыл информацию о тренингах в советско-японских взаимоотношениях и о военных приготовлениях Красной Армии в Приморье и Забайкалье. Американцы собирали разведанные и неофициальным путем с использованием совершавших поездки по маршруту Москва — Владивосток дипломатических курьеров. Совершенно очевидно, что такая визуальная разведка примыкавших к железной дороге районов ничего существенного дать не могла. Кроме того, контрразведка отслеживала каждую такую поездку, официально заявлявшуюся в НКВД, и имела полную возможность изменить график следования тех воинских поездов, которые показывать американцам было нежелательно. Но постепенно стало устанавливаться и открытое сотрудничество, причем по инициативе советской стороны. В апреле 1942 года майору Мичела предоставили советскую винтовку образца 1891/30 года, (вряд ли она представляла для армии Соединенных Штатов какой-либо секрет), германский пулемет и шесть сбитых самолетов люфтваффе, в том числе “Хе-111” и “Бф-109” одной из модификаций. В июне все они были отправлены морем в США. В самом конце апреля американцам вручили образец советского противотанкового ружья и начали регулярную передачу крайне важных для военных синоптиков сводок погоды над СССР, а в мае Мичела получил разрешение детально обследовать советские танки. ГРУ сообщало ему много информации по японской армии, детали дислокации ВВС Германии в

Норвегии и другие важные данные. Постепенно атташе начал изменять свой скептический взгляд на Красную Армию. Взаимоотношения флотов СССР и США также несколько улучшились после прибытия в Москву нового ВМАТ капитана 1-го ранга Джека Дункана. Однако главной причиной потепления советско-американских отношений послужило, естественно, не разведывательное сотрудничество, а поставки по ленд-лизу и экономическая мощь Соединенных Штатов, игнорировать которую было невозможно.

В области радиоперехвата сотрудничество СССР и США практически не развивалось. Американцы не располагали в Европе постами перехвата, не работали по германским шифрам, не направили в Москву представителя криптографов и поэтому представляли для Советского Союза крайне незначительный интерес. Несмотря на это, им все же передали 11 ящиков трофейной германской радиоаппаратуры. Британцы же расширяли и углубляли взаимодействие по линии "У". Возвратившийся 4 сентября 1942 года Крэнкшоу предложил разместить в Москве группу британских дешифровальщиков для вскрытия германских армейских шифров прямо на месте. Советская сторона повысила уровень сотрудничества и вместо майора Тулбовича назначила для связи генерала Дубинина (вероятно, обе фамилии являлись псевдонимами). Наконец британцы получили и долго ожидаемое разрешение на открытие в Полярном поста перехвата. Однако уже к 1 декабря 1942 года армия прекратила сотрудничество с ними в этой области, а в феврале 1943 года ее примеру последовал ВМФ. Кроме того, из-за передачи несанкционированных шифрованных радиogramм Крэнкшоу получил предписание убрать оба своих передатчика и оставить только приемники, как, собственно, и положено на посту перехвата. Теперь перехваты передавались из Полярного в Москву по кабелю. НКВД требовал вообще убрать эту точку, но в марте 1943 года Молотов к которому напрямую обратился Форин офис, вмешался в конфликт и разрешил ее дальнейшее функционирование. Неплохое взаимодействие теперь ухудшилось из-за обиды британцев, переставших делиться с советскими коллегами наиболее существенными материалами перехватов. Так продолжалось до зимы 1943 года. У британской стороны накопилось немало претензий, и 10 декабря контр-адмирал Дж. Майлс заявил формальный протест на отношение союзника к сотрудничеству. Он утверждал, что "Миссия 30" регулярно передавала СССР информацию о составе сил вермахта, а советские офицеры даже не брали с собой на встречи тетради, в которых могли бы делать записи. Протест отклонили, но 1 января 1943 года конфликт разгорелся с новой силой. Открытая сводка Совинформбюро среди других окруженных в районе Сталинграда частей вермахта упомянула германские 6-ю танковую и 306-ю пехотную дивизии. Британская разведка безуспешно разыскивала их с ноября 1942 года, о чем в ГРУ прекрасно знали. На этот раз советская сторона заявила без уверток, что Лондон обязан таким отношением к его нуждам своей неконструктивной позицией в отношении открытия второго фронта.

Скрытные англичане не делились с американцами возникшими трудностями, и те не имели представления о существовавших проблемах. Наоборот, они полагали, что партнерство Лондона с Москвой носит настолько дружественный характер, что просили руководителя "Миссии 30" помочь им улучшить взаимодействие с советской стороной. ГРУ, вероятно, с санкции Сталина или Молотова решило сделать очередной ход в этой военно-дипломатическо-разведывательной игре и продемонстрировать, что американцы игнорируют советские интересы. В марте 1943 года НКВД СССР официально запросил посольство Соединенных Штатов Америки в Москве о предоставлении "тактико-технических элементов новейшего американского линкора, крейсера, эскадренного миноносца и подводной лодки, схем и общих видов торпед"⁴³⁸, а также деталей конструкции шифровальных аппаратов. В очень резком ответе военно-морского атташе Дункана эти требования назывались беспрецедентными, обстановка стала накаляться. В это же время в Москву прибыла миссия США по ленд-лизу, во главе которой находился профессиональный разведчик полковник П. Файмонвилл. Во время поездок по СССР он не пренебрегал сбором информации, однако специально этим не занимался и другими разведчиками не руководил. Тем не менее, НКГБ не мог пропустить возможность разработки установленного офицера иностранной спецслужбы и добился в этом успеха. К полковнику подвели агента "Электрика", якобы случайно познакомившегося с американцем около Большого театра. В обязанности главы миссии даже близко не входила вербовочная работа, но Файмонвилл решил вспомнить прошлое. Полковник выдал себя за советского гражданина, а после спектакля пригласил "Электрика" в свою квартиру, где ненавязчиво попытался установить его данные и разведывательные возможности. Как и

следовало ожидать, приманка НКГБ выглядела весьма привлекательно. Агент якобы желал жить широко, но испытывал определенные финансовые сложности, располагая при этом доступом к государственным секретам СССР. Американец решил продолжить контакт и отвез “Электрика” домой на своей машине, причем по дороге проверялся и раскрыл наличие профессиональных навыков выявления наружного наблюдения. Поведение Файмонвилла следует оценить как глубоко дилетантское. Прежде всего, верхом легкомыслия являлось проведение в его статусе даже не вербовки, а только прощупывания незнакомого человека, поскольку это могло скомпрометировать (а фактически и скомпрометировало) миссию Соединенных Штатов по ленд-лизу. Далее, профессионал должен был знать, что наружное наблюдение зачастую и устанавливается только для того, чтобы объект продемонстрировал имеющуюся у него специальную подготовку и выявил тем самым свою принадлежность к разведке. Именно это и произошло в данном случае. Кроме того, полковник раскрыл “Электрику” круг интересовавших его вопросов и позволил выявить некоторые свои связи, а также буквально подставился под дезинформацию контрразведки. В результате не только разведка США понесла определенный урон, о котором в то время еще не подозревала, но и НКГБ убедился, что прибывшие в СССР американцы практически поголовно занимаются шпионажем. Дальнейшие действия контрразведки были совершенно адекватными. Она окружила весь персонал американских дипломатических и военных учреждений плотной сетью своей агентуры, причем работала на опережение и заблаговременно создавала агентурные позиции в местах вероятного появления граждан США. Разработка велась весьма основательно и начиналась еще до прибытия сотрудников посольства и миссий в СССР. Поскольку их списки представлялись в НКВД заблаговременно, НКГБ через резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке успевал выяснять биографические данные этих людей, этапы карьеры, особенности их характера, сильные стороны и возможные уязвимые места, наклонности и иные, даже отрывочные и на первый взгляд малозначительные сведения. В ряде случаев это помогло оказать сильное психологическое воздействие на объекты, когда, например, в Мурманске сотруднику военно-морской секции миссии США сообщали о пристрастиях его друга в Канзасе или о дальнейшей судьбе оставленной им пять лет назад любовницы. Подобные методы создавали у многих ощущение своей незащищенности в любом уголке мира перед всемогущей и всезнающей организацией и в ряде случаев способствовали успешному проведению вербовок. Сотрудники посольства Соединенных Штатов в Москве находились под особым контролем. Сил 2-го управления НКГБ и УНКГБ по Москве и Московской области вполне хватало на то, чтобы завести дела агентурной разработки на весь без исключения дипломатический корпус и технический персонал и обставить их агентурой. При этом не делалось различия между установленными разведчиками и сотрудниками посольства, на которых не имелось никаких компрометирующих материалов. Подобный масштаб разработки был применен впервые и принес по сравнению с затраченными ресурсами весьма скромные результаты, однако позволил получить большой задел информации для послевоенных агентурных операций.

1943 год в советско-американском и советско-британском разведывательном сотрудничестве явился во многих отношениях этапным. К его окончанию бывший майор Мичела стал уже генералом и отбыл в Вашингтон на должность начальника советской секции МИД, а еще больший недоброжелатель СССР Йитон возглавил в армии США секцию по обмену научно-технической информацией с Советским Союзом. Летом 1943 года в Москву прибыл новый постоянный руководитель “Миссии 30” генерал Клиффорд Ле Кесно Мартель, враждебно настроенный к “азиатам, которых мы никогда не понимали”⁴³⁹. Его хорошо принял Сталин, но генерал, тем не менее, ощущал себя буквально в стане врага и сразу же превратил миссию в подобие военного лагеря. Мартель явно собирался продемонстрировать Лондону нежелание СССР сотрудничать, однако ГРУ вовремя успело сделать встречный шаг и выдвинуло предложения, которые британцы не смогли принять из-за ограниченности своих возможностей. Новый руководитель “Миссии 30” являлся признанным авторитетом в теории танковой войны, а одна из его книг до войны даже вышла в Воениздате. Кроме резкого и почти демонстративного неприятия советского режима, он отличался крайней эксцентричностью и везде рассказывал о своих охотах на тигров. В то же время Мартель оказался большим любителем командовать и попытался подмять своего номинального подчиненного контр-адмирала Дугласа Фишера, руководившего военно-морской секцией миссии. Однако здесь его постигла неудача. Равный ему по званию старший офицер другого ведомства Фи-

шер прекрасно знал местную ситуацию, плодотворно сотрудничал с ВМФ СССР и не соби­рался уступать пришелице. 16 июня произошло еще одно неприятное для Мартеля событие. На должность руководителя авиационной секции “Миссии 30” прибыл маршал авиации Джон Баббингтон, превосходивший по званию своего номинального начальника. Кроме того, энергичный маршал был полон решимости защищать свои позиции, и вскоре все три ветви британской военной миссии увязли в ожесточенных кабинетных интригах. От этого выиграл лишь СССР, поскольку желавший утвердить свое превосходство над подчиненными Мартель передал советской стороне секретный британский скоростной бомбардировщик “Москито”. Это буквально взбесило Баббингтона, но в итоге руководитель миссии все же одержал верх над авиатором. В сентябре, через три месяца после своего прибытия в Москву, маршал возвратился в Лондон. Все это время Советский Союз демонстрировал, что все происходящее его не касается, и продолжал давать дозированную информацию по собственным вооружениям и составу сил вермахта. Летом англичане детально изучили средний танк Т-34 и фронтовой истребитель Як-3, получили экземпляр противотанкового ружья и некоторые образцы реактивных снарядов. Обмен происходил на взаимной основе. Руководителю советской военной миссии в Лондоне контр-адмиралу Н. М. Харламову англичане вручили экземпляр “Энигмы”, а два криптографа готовились отправиться на стажировку в Великобританию (без допуска в Блечли-Парк). Однако, как уже указывалось, советская сторона строго соблюдала нейтралитет по отношению к Японии и неизменно отклоняла все исходившие от союзников предложения о сотрудничестве по этому направлению.

В самом конце 1943 года ответственный за контакты с британцами представитель ВМФ СССР по ошибке вручил им вместо отчета секретную инструкцию наркомата на семи страницах, регламентирующую тактику переговоров с союзниками. В документе имелся список тем, действительно интересовавших советский флот, но обычно маскировавшихся второстепенными вопросами. Кроме того, в инструкции содержалось недвусмысленное указание не предоставлять британским и американским офицерам никакую важную информацию, что, в общем, подтверждало существовавшие и раньше подозрения. Документ наглядно демонстрировал истинную позицию СССР в разведывательном партнерстве с Западом и вызвал среди сотрудников “Миссии 30” сенсацию. Встал вопрос, как вести себя дальше. Раздувать скандал явно не стоило, поскольку британцы и сами были далеко не безгрешны, поэтому вначале они собирались с невинным видом вернуть документ и таким способом получить психологическое преимущество над советской стороной в дальнейших взаимоотношениях. Однако Мартель и Фишер решили промолчать и подождать развития ситуации. Судя по отсутствию реакции советской стороны и продолжавшейся работе злополучного офицера, он не только не доложил об инциденте, но и каким-то образом сумел отчитаться за пропажу документа или скрыть ее. Тогда британцы просто приняли случайно доставшуюся им инструкцию к сведению и никогда не упоминали о ней.

В течение зимы 1943 — 1944 года продолжалось сотрудничество в области радиоперехвата. Пост в Полярном работал в нормальном режиме, однако советская сторона запретила установку там новых шифровальных машин и настоятельно потребовала сократить объем передаваемой информации. 13 декабря 1943 года Мартель проинформировал ГРУ о том, что германские криптоаналитики явно читают закрытую советскую переписку и, хотя затруднился назвать скомпрометированные коды или шифры, но указал, что ОКВ имеет полную информацию о боевом составе Красной Армии. Поскольку никакие меры по повышению безопасности переписки после этого приняты не были, это заставляет предположить преднамеренность утечки дезинформационных материалов к противнику. Существует предположение, что описанная ситуация явилась отголоском описанной ранее радиоигры “Монастырь”.

Следует отметить, что роль “Миссии 30” летом 1943 года в информировании СССР о планировавшейся вермахтом наступательной операции в районе Курского выступа (“Цитадель”) равнялась нулю. О намерениях ОКВ ее сотрудники явно даже не догадывались, и последовавшие события стали для них полной неожиданностью. В отличие от британцев, американцы косвенным путем из дешифровки закрытой переписки между Токио и послом Японии в Берлине сумели определить общие намерения немцев и сообщили о них СССР. Почерпнутые из перехватов сведения предоставлялись советской стороне по каналу “Мэграс” (“Mag[ic] + Rus[sia]”). В разведывательном партнерстве с Красной Армией это сразу же вывело американскую военную миссию вперед по полезности, хотя взаимоотно-

шения с ней в 1943 году все же отличались двойственностью. С одной стороны, она практически полностью состояла из офицеров, резкие антисоветские настроения которых были слишком демонстративны, чтобы остаться незамеченным. Большинство из них являлись непримиримыми противниками советского строя, и в НКГБ это прекрасно знали. С другой стороны, межгосударственные отношения СССР и США, а также личные контакты Сталина и Рузвельта предопределяли некоторое преимущество американцев перед британцами в разведывательном партнерстве. Это выражалось прежде всего в отношении к Японии. В соответствии с требованиями международного права, самолеты ВВС США, совершившие вынужденную посадку на территории СССР после бомбардировок объектов на Японских островах, задерживались на аэродромах, а их экипажи интернировались. Однако летчикам неизменно позволяли “бежать”, хотя самолеты все же не возвращались.

На этом фоне директор Бюро стратегических служб (ОСС) США генерал-майор Уильям Донован рассчитывал установить взаимодействие с НКГБ в агентурных и специальных операциях. Он знал о наличии в Москве точек СИС и СОЕ и пожелал разместить там и своих сотрудников. Вначале генерал предполагал направить в СССР группу исследований и анализа (РА), затем собрался поручить обсудить возможные направления сотрудничества одному из руководящих работников ОСС Стенли Вейнбергу, но тот погиб на потопленном около Нордкапа судне, и тогда в декабре 1943 года Донован полетел в Москву сам. В ряде источников утверждается, что это произошло в январе 1944 года, однако подобное утверждение опровергается датой совместного меморандума — 27 декабря 1943 года. Сделанное через начальника разведки Фитина предложение наркомуну НКГБ Меркулову об обмене миссиями немедленно встретило самое жесткое противодействие генерала Мичела и директора ФБР Гувера. Руководитель гражданской контрразведки США не без оснований опасался, что появившиеся в Вашингтоне разведчики менее всего будут заняты совместными с ОСС операциями, а просто оборудуют в столице фактически легальное шпионское гнездо. Идею Донована абсолютно не одобрял и секретарь Объединенного комитета начальников штабов адмирал Уильям Леги, однако он не выдвигал конкретных возражений, а просто был противником сотрудничества в принципе. В результате вопрос дошел до Рузвельта, который в самом начале февраля 1944 года запретил взаимодействие с советской разведкой, но тут же передумал и 19 февраля вернулся к этой идее, но со значительными коррективами. Президент заявил, что сам проект, в сущности, неплох и может быть осуществлен, однако не самим ОСС, а исключительно через руководителя военной миссии в Москве генерала Джона Дина. В течение последующих 18 месяцев советская и американская разведки обменивались специальным снаряжением и некоторой не слишком значительной информацией. В утешение Донован занялся приобретением источников среди выполнявших заказы СССР американских промышленников и таким образом попытался осуществить агентурное проникновение в советские секреты.

Британская разведка открыла в июне 1943 года в Москве свою “станцию” под руководством Джорджа Берри, бывшего резидента в Риге и Вене, сменившего арестованного и позднее выпущенного на свободу Томаса Кендрика. Перед самым началом войны Берри успел эвакуироваться вместе с архивами резидентуры, а позднее работал на административной должности в ПШКШ. Точка СИС открылась после возвращения британского посольства из Куйбышева и стала первой резидентурой МИ-6 в Москве с 1918 года. Помощником резидента являлся Сесил Беркли, сын британского посла в Лиссабоне, ранее работавший в аппарате офицера “контроля” (“G”), а затем в VIII секции СИС. Он был официально расшифрован перед НКГБ как офицер разведки и занимался передачей советской стороне информации из перехватов по каналу “Ультра” в виде сведений от легендированного источника “Бонифация”. Начальник РУ ГШ КА Ф. Ф. Кузнецов передал британцам захваченную кодовую книгу люфтваффе именно через резидентуру МИ-6. Следует отметить, что взаимодействие советских и британских спецслужб в области агентурной разведки осуществлялось в основном в Лондоне, а московская точка СИС практически в нем не участвовала. НКГБ догадывался об истинной роли Берри и подвел к его помощнику своего агента “Элеонору”, сумевшую в постели получить подтверждение того, что интересующий контрразведку объект действительно является разведчиком и возглавляет резидентуру. После этого его плотно обставили наружным наблюдением, взяли под контроль все связи и выявили, как утверждалось, завербованных агентов из числа антисоветски настроенных или морально разложившихся

советских граждан. Их количество не указывается, но сообщается о более чем 2700 зафиксированных связях британских разведчиков среди советских граждан⁴⁴⁰. Это утверждение вызывает серьезные сомнения. Судя по традиционной практике НКГБ, контрразведчики включили в число источников британской разведки практически всех, с кем общались Берри и его сотрудники. Из общего числа арестованных и профилированных можно выделить лишь один случай действительной агентурной связи. Британский разведчик Эддридж установил интимные отношения с работницей Наркомата обороны СССР и уверил ее в своем намерении жениться на ней. Затем последовала старая, как мир, история. Увлеченная женщина всерьез рассчитывала на этот брак, а для закрепления контактов согласилась передать “жениху” некоторые секретные материалы, к которым имела доступ по характеру своей работы. Естественно, никакого замужества не состоялось, вместо него произошла тривиальная вербовка, а вскоре и практически неизбежный арест. Все остальные контакты московской “станции” СИС являлись рутинной деятельностью резидентуры, совершенно не нарушавшей советских законов. Это косвенно признают даже авторы истории советских органов госбезопасности, предназначенной не для пропаганды, а для внутреннего использования в подготовке офицеров контрразведки: “Следует отметить, что союзнические отношения Англии с Советским Союзом вынуждали английскую разведку весьма осторожно действовать на советской территории. Вследствие этого английские разведчики широко практиковали визуальное наблюдение, обработку советской прессы, использование советских граждан втемную и сбор шпионской информации через агентов. Под видом установленных культурных связей с советской интеллигенцией англичане знакомились с учеными, врачами, артистами, писателями, приглашая их на приемы, на которых обычно присутствовали опытные разведчики, владеющие русским языком. В завуалированной форме они опрашивали гостей по интересующим их вопросам”⁴⁴¹. Как видим, речь не идет о нарушающей законы страны пребыванию агентурно-оперативной работе резидентуры. 2-е управление НКГБ полагало свою работу по английскому направлению одной из важнейших и решало следующие задачи:

- установление британских разведчиков и их разработку;
- выявление и разоблачение их агентов из числа советских граждан;
- изучение методов работы СИС, выявление каналов заброски ее агентуры на территорию СССР для их перехвата и дальнейшего оперативного использования;
- ограничение круга советских граждан, которые могли быть использованы британской разведкой втемную;
- ограждение от расшифровки собственных агентов.

Идея о возможности нелегальной заброски агентов МИ-6 в период войны на советскую территорию выглядит более чем странно, однако тогда к этому относились вполне серьезно. НКГБ подставил британцам свыше ста своих агентов, с помощью которых не только освещал их деятельность, но и проводил компрометацию наиболее активных сотрудников миссии и дипломатических представительств в целях их высылки.

Взаимодействие НКВД/НКГБ с СОВЕ, как уже указывалось, было начато по предложению Стаффорда Криппса. После получения предварительного согласия НКВД 14 августа в советской столице начались переговоры представителей спецслужб обеих стран, на которых Лондон представлял подполковник Гиннес. Он скрывал от советской стороны подлинное наименование своего ведомства и упорно именовал его “секретной британской организацией”, однако НКГБ быстро установил, что речь идет о СОВЕ, и в дальнейшем в оперативных документах именовал эту организацию “Сектой”. С советской стороны переговоры проводил выступавший под псевдонимом “генерала Николаева” В. М. Зарубин, помогал ему начальник англо-американского отдела 1-го управления НКГБ И. А. Чичаев.

29 сентября 1941 года стороны подписали соглашение “по вопросу о подрывной работе против Германии и ее союзников”, в котором содержался ряд основных положений взаимодействия двух стран. Было установлено, что британцы не должны проводить нелегальные операции на территории Советского Союза и Прибалтики, за исключением Финляндии. НКГБ обязывался исключить из своей деятельности Британскую империю и ее подмандатные территории, а также Египет, Ирак, Сирию, Трансиорданию, Саудовскую Аравию, Абиссинию и Йемен. В остальных регионах договаривающиеся стороны условились координировать свои специальные операции по конкретным объектам и по времени. Через открытые в столицах обеих стран секции связи предусматривалось проведение обмена информацией и разведывательными данными, в том числе результатами диверсионных акций,

и сведениями о вражеской агентуре. Соглашение допускало возможность взаимной установки радиопередатчиков на территориях каждой из сторон, при наличии такой необходимости. Весьма важным пунктом являлось содействие внедрению агентов в оккупированных странах, предусматривавшее, в частности, изготовление соответствующих документов, организацию прикрытия, снабжение и доставку материалов и радиоаппаратуры. Однако не следовало забывать, что речь шла о спецслужбах, поэтому в документе имелась соответствующая оговорка: “Секретные Советская и Британская организации не будут раскрыты друг перед другом, а равно не будет, как правило, никакого контакта между их оперативными агентами, за исключением тех случаев, когда руководители организаций одной и другой стороны уверены, что такой контакт имел бы свои преимущества”⁴⁴².

Однако процитированный документ представлял собой нечто вроде протокола о намерениях или совместного коммюнике, его требовалось конкретизировать и детализировать. Поэтому появился “Предварительный план общей линии поведения в подрывной работе для руководства советской и британской секций связи”, как именовались разведывательные миссии НКГБ и СОЕ, направленные соответственно в Лондон и Москву. Он устанавливал основные объекты для проведения диверсий и саботажа и конкретизировал задачи по странам. Приведем (с сохранением написания оригинала) один его раздел:

“1. ОБЩИЕ ОБЪЕКТЫ ПОДРЫВНОЙ РАБОТЫ

Соответствующие Советская и Британская организации согласны с тем, что главным объектом их подрывной работы должны быть все виды транспорта. Большое внимание должно также уделяться военной промышленности врага.

Основными объектами по транспорту являются:

Судоходство, включая портовое оборудование, судостроительные верфи и ремонтные доки;

Каналы, в особенности в Германии, Франции, Бельгии и Голландии;

Железные дороги, особенно паровозы и подвижной состав, паровозо- и вагоностроительные заводы, а также склады нефти и угля;

Дорожный транспорт, особенно покрышки, смазочные масла и запасы нефти.

Основными объектами военной промышленности являются:

Оружейные заводы, авиационные заводы и заводы авиационного оборудования, военного снаряжения и склады боеприпасов;

Химические заводы, производящие взрывчатые вещества, отравляющие вещества, синтетический каучук и горючее;

Электро-силовые установки, особенно по обслуживанию железных дорог и ведущих предприятий военной промышленности;

Нефтепромыслы и склады горючего, особенно запасы смазочных масел”⁴⁴³.

Данный документ характерен, с одной стороны, явным уклоном в сторону интересов Британии, а с другой – недооценкой столь важного компонента военного производства как шарикоподшипники. Лишь к концу 1943 – началу 1944 года в Великобритании и в СССР осознали степень уязвимости рейха в этом вопросе, и соответственно скорректировали цели подрывных операций и стратегических бомбардировок. Результаты такого подхода сказались немедленно, однако в 1941 году до этого было еще весьма далеко.

Представителем СОЕ в Москве стал прибывший вместо Гиннеса бригадный генерал Джордж Хилл (“Дейл”), для осуществления контактов с которым был назначен генерал-майор Г. Б. Овакимян (“полковник А. П. Осипов”). Англичанин активно обсуждал планы совместного осуществления диверсий против германских объектов на территории третьих стран и с этой целью вместе с советскими специалистами по этим операциям выезжал в Стамбул и Каир. Однако ни один из замыслов реализован не был, и точка связи СОЕ в Москве не смогла принести никакой осязаемой пользы. Фактически миссия Хилла оказалась беспредельной, за исключением некоторых организационных моментов. “Дейлу” было разрешено съездить в освобожденные Ленинградскую область и Белоруссию, он пользовался более свободным, чем остальные британские офицеры и дипломаты, режимом перемещения по Москве. По убеждению англичанина, наружное наблюдение за его квартирой не устанавливалось, и он мог бесконтрольно проводить встречи с советскими гражданами. Учитывая практику НКГБ/НКВД, данное утверждение представляется по меньшей мере сомнительным. Трудно представить, чтобы контрразведка, не жалевшая ресурсов для сплошного наблюдения за всеми союзными дипломатами и сотрудниками миссий, проявила столь непонятную деликат-

ность в отношении установленного разведчика. Кроме того, Хилл не был в состоянии в одиночку установить факт наличия или отсутствия за собой НК. Вероятнее всего, наблюдение за представителем СОВЕ устанавливалось, и весьма плотное, но достаточно квалифицированное, чтобы работать незаметно. Возможно, его могло бы выявить визуальное контрнаблюдение, однако сил и средств у британской разведки в Москве на это не было. В таком случае иллюзорная свобода Хилла во встречах с советскими гражданами привела лишь к тому, на что и надеялась контрразведка, а именно к “засветке” его негласных контактов.

1944 год не внес в сотрудничество союзников ничего принципиально нового. Из заслуживающих внимания событий следует отметить появление в августе в Лондоне группы связи ОСС и НКГБ, однако особых результатов ее работа не принесла, и она вскоре была расформирована. Американцы получили разрешение разместить в Полтаве группу разведчиков для работы с экипажами своих бомбардировщиков, совершавших челночные боевые вылеты с посадкой на территории СССР. Они установили хорошее взаимодействие с советскими офицерами воздушной разведки. 8 сентября, то есть еще до первого боевого запуска V-2, британский полковник Т. Сандерс и американский подполковник О’Хара получили образцы топлива ракеты, захваченные в освобожденной советскими войсками части Польши около Близны. Вскоре ГРУ передало им дополнительную информацию о ракете, а также чертежи стартовых и испытательных площадок V-1 и V-2, схемы заправки и другие аналогичные сведения. Союзники получили также около тонны обломков ракет, однако из района Близны немцы отступали организованно, добытые детали особенную ценность не представляли. Намного важнее оказались опросы очевидцев запусков и подготовки к ним.

В начале 1944 года ОСС предоставило НКГБ детальную информацию по структуре резидентуры абвера в Турции и много отчетов своих подразделений РА и СИ, однако ожидавшегося принципиального улучшения отношений с советской разведкой это не принесло. Некоторые исследователи относят такую реакцию на счет нежелания начальника 1-го управления Наркомата госбезопасности Фитина сотрудничать, но такой взгляд представляется поверхностным. Трудно представить, чтобы в столь серьезном вопросе, как взаимодействие с американскими коллегами, Фитин действовал самостоятельно и без санкции вышестоящего руководства в лице Меркулова. В свою очередь, тот тоже наверняка подстраховался и выяснил мнение Сталина по этому поводу. Известно внимание, с которым верховный главнокомандующий относился к вопросам разведки, поэтому реакцию СССР на инициативу ОСС, точнее, отсутствие всякой реакции следует отнести именно на его счет. В декабре 1944 года Донован предпринял последнюю попытку установить плодотворное сотрудничество и передал 1-му управлению НКГБ значительный объем информации из Берна. СССР вновь не оценил добрую волю Донована, жест которого остался без ответа. Можно представить, как был впоследствии шокирован патологический антикоммунист, бывший резидент ОСС в швейцарской столице Аллен Даллес, когда на посту директора ЦРУ он изучал архивы своих предшественников и обнаружил, что результаты его работы попали в Москву. В данном случае ход событий доказал справедливость его убежденности в том, что идти СССР навстречу не следует. Руководитель ОСС вообще собирался передать советским коллегам всю имеющуюся в его распоряжении информацию, за исключением относившейся к американской оккупационной зоне Германии, но президент запретил ему это. В результате всех попыток в последний год войны в Москве действовала лишь небольшая группа сотрудников ОСС, изучавшая открытую советскую прессу.

Обстановка разведывательного сотрудничества начала резко изменяться в 1945 году. И Москву, и Лондон, и Вашингтон послевоенное устройство мира заботило значительно больше, чем проблемы борьбы с остатками вермахта. Руководителям трех государств было ясно, что военные проблемы можно оставить на попечение генералов и адмиралов, и что пришло время заняться политическими вопросами. На нижних этажах своей деятельности разведка по-прежнему выясняла секреты противника, проводила специальные операции и боролась с германской агентурой, но все это уже не требовало столь пристального внимания руководства, как раньше. Подлинное значение придавалось теперь секретным переговорам, добыванию информации о союзниках, вербовкам крупных политических фигур в расчете на использование их в качестве агентов влияния в послевоенном мире. Советская разведка уже достаточно давно и успешно занималась Соединенными Штатами и Великобританией,

а они, в свою очередь, также сменили приоритеты. Теперь основной задачей американской и британской военных миссий являлось не получение от СССР информации о Третьем рейхе, а изучение советских военно-экономического потенциала и политической системы. Если до проходившей с 4 по 11 февраля 1945 года Крымской (Ялтинской) конференции разведывательному партнерству в борьбе с Германией еще придавалось какое-то значение, то после нее все изменилось окончательно. По печальной советской традиции, все работавшие с союзниками военнослужащие в дальнейшем оказались под подозрением, а часть из них отправилась в лагеря по обвинению в шпионаже в пользу Великобритании или США. Весьма больно отозвалось хорошее взаимодействие с военно-морской секцией “Миссии 30” даже главнокомандующему ВМФ, наркому Н. Г. Кузнецову. В числе прочего, его обвинили в несанкционированной передаче британцам обнаруженных на трофейной подводной лодке U-250 германских акустических торпед. Объяснения адмирала о полученном на это разрешении не были приняты во внимание, он утратил пост наркома и был понижен в звании.

Как ни странно, предоставление Советскому Союзу информации, получаемой по каналам “Ультра” и “Мэджик”, после Крымской конференции в течение некоторого времени еще продолжалось и даже активизировалось. Меры безопасности при этом были ужесточены настолько, что британцы требовали их передачи только начальнику генерального штаба. Даже специально назначенный для осуществления такого взаимодействия генерал Н. У. Славин фактически исполнял роль обычного, хотя и высокопоставленного почтальона. На вручаемых ему запечатанных пакетах с информацией неизменно имелась несколько унижительная для него надпись: “Для генерала Антонова или его прямого заместителя... НЕ для генерала Славина”⁴⁴⁴. Но уже в апреле эта работа прекратилась, одновременно Черчилль запретил и обмен технической информацией с СССР. Советский Союз занял аналогичную позицию. Схожая ситуация наблюдалась и в советско-американском партнерстве. После смерти Франклина Рузвельта, когда президентом Соединенных Штатов Америки стал негативно настроенный к СССР Гарри Трумэн, взаимное охлаждение во взаимоотношениях наступило почти сразу. Это ощутил генерал Донован, которому в апреле 1945 года было отказано в разрешении посетить Москву для проведения переговоров с руководством НКГБ. Полностью прекратилось и взаимодействие советской разведки с американскими коллегами, несмотря на продолжающиеся боевые действия в Европе и намерение СССР вступить в войну на Дальнем Востоке.

Британская “Миссия 30” в Москве продолжала работать, но уже скорее по инерции. В мае сменился ее руководитель, теперь им стал генерал-лейтенант Дж. Гаммель. Практически сразу же он получил новые указания Объединенного комитета по разведке относительно взаимодействия с СССР, формально продолжавшим оставаться союзником Великобритании. В них отмечалось, что сильно пострадавший в войне Советский Союз вскоре станет менее агрессивным и более покладистым, поскольку попадет в зависимость от иностранной экономической помощи. Предписывалось не давать никакую информацию даром и во взаимоотношениях с советской стороной проявлять твердость и корректность. ОКР прямо указывал, что Западу не нужен мощный СССР, поэтому в дальнейшем принципы сотрудничества с ним будут иными. Американцы действовали несколько иначе. Они приняли во внимание то обстоятельство, что СССР начал передавать им информацию по Японии еще осенью 1944 года, и 23 июля известили британских коллег о своем намерении в любом случае направлять Москве данные по этой тематике. Тогда те также несколько смягчили свою позицию, однако отпущенный партнерству срок уже истекал. Перед самой капитуляцией Японии, 22 августа 1945 года секция ВВС “Миссии 30” начала сортировать свои архивы. Британцы уничтожили все документы по японской авиации, но сохранили 3 папки по люфтваффе и все 28 папок по СССР и его военно-воздушным силам. Вслед за этим аналогичную работу провели и в остальных подразделениях миссии. Еще некоторое время занял период свертывания деятельности и решения хозяйственно-бытовых вопросов, после чего 24 октября 1945 года все сотрудники “Миссии 30” отбыли из СССР. При зачистке помещений перед отъездом они обнаружили установленную в комнате для совещаний аппаратуру подслушивания. Пожалуй, это является лучшим символом окончания разведывательного партнерства союзников в период Второй мировой войны и перехода к послевоенному противостоянию двух систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1— *Колвин Иан*. Двойная игра. М.: Воениздат, 1960. С. 175.
- 2— *Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М.: “Мысль”, 1990. С. 512.
- 3— *Mackenzie, W. J. M.* The Secret History of SOE: The Special Operations Executive. 1940 — 1945. London, St. Ermins Press, 2002, p. 60.
- 4— *Найтли Филлип*. Указ. соч. С. 121.
- 5— Там же. — С. 120.
- 6— *Langley James*. Fight Another Day. London: Collins, 1974, p. 176.
- 7— Должность введена в 1943 году.
- 8— *Mackenzie, W. J. M.* Op. cit., p. 753.
- 9— *Foot, M. R. D.* SOE in France: an Account of the Work of the British Special Operations Executive in France, 1940-1944. London, H.M.S.O., 1966, p. 149.
- 10— *Де Голль Шарль*. Военные мемуары. Призыв. 1940 – 1942. М.: “АСТ”, “Астрель”, 2003. С. 163.
- 11— В действительности это подозрение оказалось совершенно правильным.
- 12— *Foot, M. R. D.* SOE in the Low Countries. London, St Ermin’s Press, 2001, p. 30.
- 13— В их число входят миссии секций “Т” и “F” СОЕ, МИ-9, ОСС и НКВД СССР (1 человек).
- 14— В число погибших включены казненные немцами, погибшие в бою, разбившиеся при приземлении или крушении самолетов, умершие от ран или истощения, совершившие самоубийство и погибшие от налетов союзной авиации, а также один агент, убитый своим напарником.
- 15— *Foot, M. R. D.* SOE in the Low Countries... p. 286.
- 16— При этом не следует забывать, что работники секции “Д” успели провести немало акций в области подрывной пропаганды.
- 17— *Foot, M. R. D.* SOE. An Outline History of the Special Operation Executive. 1940 – 1946. Pimlico, London, 1999, p. 16.
- 18— *Ibid.*, p. 19.
- 19— Это обозначение не являлось чем-то специфическим для СОЕ, а представляло собой входивший в структуру МИ-5, но финансируемый военными институт прикрытия секретных служб.
- 20— Фактически он не оказывал СОЕ никакого содействия, а в июле 1942 года вышел в отставку.
- 21— *Mackenzie, W. J. M.* Op. cit., pp. 754 – 755.
- 22— *Ibid.*, p. 89.
- 23— *Ibid.*, p. 333.
- 24— *Найтли Филлип*. Указ. соч. С. 118.
- 25— Подсчитано по: *Mackenzie, W. J. M.* Op. cit., p. 419.
- 26— *Черчилль Уинстон*. Вторая мировая война. Книга вторая. Тома 3 – 4. М.: Воениздат, 1991. С. 170.
- 27— *Churchill, Winston S.* The Second World War. Volume V. Closing the Ring. Cassel and Co. Ltd, London – Toronto, 1950, p. 705.
- 28— *West, Nigel*. MI5. British Security Service Operations 1909 – 1945. STEIN AND DAY/Publishers, New York, 1982, p. 280.
- 29— *Dorril, Stephen*. MI6. Fifty Years of Special Operations. London, Fourth Estate, 2000, p. 27.
- 30— *Ibid.*, p. 9.
- 31— *West, Nigel*. The SIGINT Secrets... p. 222.
- 32— См., в частности: *West, Nigel*. The SIGINT Secrets...
- 33— *Sale, Tony*. The Lorenz Cipher and how Bletchley Park broke it // Электронная публикация на сайте основателя и куратора музея Блечли-Парка Тони Сэйла “Codes and Ciphers in the Second World War”.
- 34— *Bamford, James*. Op. cit., p. 396.
- 35— *Hinsley, F. H.* British Intelligence in the Second World War, Vol. 1. London, HMSO, 1979, p. 199.
- 36— *Cecil, Robert*. Five of Six at War: Section V of MI6 // Intelligence and National Security, Vol. 9, No. 2, p. 352.
- 37— *West, Nigel*. The SIGINT Secrets..., p.p. 308 – 309.
- 38— *Budiansky, Stephen*. Battle of Wits. The Complete Story of Codebreaking in World War II. The Free Press, New York, London, Toronto, Sidney, Singapore, 2000, p.p. 357 – 358.
- 39— *Bryden, John*. Op. cit, p. 17.
- 40— *Smith, R. Harris*. OSS. The Secret History of America’s First Central Intelligence Agency. University of California Press. Bekerley, Los Angeles, London, 1972, p. 163.
- 41— Очерки истории российской внешней разведки. В шести томах. Том 4. 1941 – 1945 годы. М.: “Международные отношения”, 1999. С. 389.
- 42— The Security Service... p. 213.
- 43— Documents of German Foreign Policy, 1918 – 1945, Series D, Vol. X. London: His Majesty’s Stationery Office, 1957, p. 370.
- 44— *Мадер Юлиус*. Империализм... С. 53 – 55.
- 45— Там же. — С. 57.
- 46— The Security Service... p. 229.
- 47— *Кукридж Е. Х.* Указ. соч. С. 196.
- 48— Там же. — С. 200.
- 49— Вернер Рут. Соня рапортует. Подвиг разведчицы. М.: “Прогресс”, 1980. С. 227.
- 50— *Masterman, J. C.* The Double-Cross System in the War of 1939 to 1945. Yale University Press, New Haven and London, 1972, p. 51.
- 51— *West, Nigel*. MI5... p. 222.
- 52— *Райне Оскар*. Указ. соч. С. 337.
- 53— *Masterman, J. C.* Op. cit., pp. 187 – 188.
- 54— *Ibid.*, p. 188.
- 55— *Блейер Вольфганг, Дрехслер Карл, Ферстер Герхард, Хасс Герхард*. Германия во Второй мировой войне (1939 – 1945). М.: Воениздат, 1971. С. 10.
- 56— *Фараго Л.* Дом на Херрен-стрит... С. 10.
- 57— Цит по: Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939 – 1941: Документы и материалы. М. 1991. С. 149.
- 58— *Z dziejow stosunkow polsko-radzieckich*. Studia I materialy. T. III. Warszawa, 1968, str. 262, 287.
- 59— *Foot, M. R. D.* SOE... p. 265.
- 60— В ряде источников ошибочно утверждается, что Шмальшлегер одновременно руководил и “Валли III”, и всем “Валли” в целом. Происхождение этого заблуждения объясняется использованием информационных документов советской контрразведки военного периода, в которых нередко встречались неверные заключения.
- 61— *Kolakowski, Piotr*. Op. cit., p. 182.
- 62— *Ibid.*, p. 183.
- 63— *Валиховский Т.* У истоков борьбы с реакционным подпольем в Польше. 1944 – 1948. Киев, “Наукова думка”, 1984. С. 45.
- 64— *Suchcitz, Andrzej*. The Home Army Intelligence Service // Электронная публикация на сайте музея истории АК.

- 65— *Dorril, Stephen*. MI6... pp. 252 – 253.
- 66— Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне. Военно-исторический справочник. М.: Воениздат, 1972. С. 172.
- 67— *Валихновский Т.* Ук. соч. С. 155.
- 68— *Kolakowski, Piotr*, Op. cit., p. 281.
- 69— *Валихновский Т.* Ук. соч. С. 150
- 70— *Kolakowski, Piotr*; Op. cit., p. 286.
- 71— РГВА, Ф. 38816. Оп. 1. Д. 36. Л. 144 – 145.
- 72— В своих мемуарах Г. Гискес именует Протце Патцигом. Трудно предположить, что он ошибается, скорее всего, бывший начальник секции III“Ф” имел определенные причины скрывать подлинную фамилию этого ветерана абвера, пережившего войну и поселившегося в одиночестве на северном побережье Германии.
- 73— Электронная публикация на сайте NBI.
- 74— *Фараго Л.* Дом на Херрен-стрит... С. 46.
- 75— Электронная публикация на сайте NBI.
- 76— Учтены также заброшенные по этим каналам агенты МИ-9, ОСС и НКВД СССР (2 человека).
- 77— В число погибших здесь и далее включены казненные немцами, погибшие в бою, разбившиеся при приземлении или крушении самолетов, умершие от ран или истощения, совершившие самоубийство и погибшие от налетов союзной авиации.
- 78— *Schreieder J.* Das war das Englandspiel. Munich: Walter Stutz, 1950, p. 402.
- 79— *Giskes, H. J.* London Calling North Pole. New York: The British Book Centre – London: William Kimber, 1953, p. 49.
- 80— *Giskes, H. J.* Op. cit., p. 28.
- 81— Epilogue by H. M. G. Lawers // *Giskes, H. J.* Op. cit., p. 183.
- 82— Ibid., p. 183.
- 83— Ibid., p. 193.
- 84— *Foot, M. R. D.* SOE... p. 181.
- 85— Epilogue by H. M. G. Lawers // *Giskes, H. J.* Op. cit., p. 196.
- 86— *Marks, Leo.* Between Silk and Cyanide. A Codemaker's War 1941 – 1945. The Free Press, New York, 1998, p. 192.
- 87— *Leverkuhn, Paul.* German Military Intelligence. Weidenfeld and Nicolson, London, 1954, p. 115.
- 88— *M. R. D. Foot.* SOE in the Low Countries..., p. p. 473 – 479.
- 89— Ibid., p. 135.
- 90— Электронная публикация на сайте исторических материалов по операции “Маркет Гарден”.
- 91— *Foot, M. R. D.* SOE in the Low Countries..., p. 244.
- 92— Ibid., p. p. 486 – 489.
- 93— *Mackenzie, W. J. M.* The Secret History of SOE: The Special Operations Executive. 1940 – 1945. London, St. Ermin's Press, 2002, p. 300.
- 94— *Flicke, Wilhelm F.* War Secrets in the Ether. Aegean Park Press, Laguna Hills, CA, 1994, p. 176.
- 95— *Foot, M. R. D.* SOE in the Low Countries..., p. 30.
- 96— Подсчитано по: *Mackenzie, W. J. M.* Op. cit., p. 634.
- 97— Цит. по: *Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М.: “Наука”, 1977. С. 46.
- 98— *Jones, R. V.* Most Secret War. Wordsworth Editions, Hertfordshire, 1998, p. 68.
- 99— Носков А. М. Указ. соч. С. 92.
- 100— *McKay, C. G.* From Information to Intrigue. Studies in Secret Services Based on the Swedish Experience. 1939 – 1945. Frank Cass & Co., Ltd, London, 1993, p. 81.
- 101— По другим данным, организацию возглавлял начальник датской военной разведки полковник Нордентофт.
- 102— *McKay, C. G.* Op. cit., p. 82.
- 103— Британская военная Синяя книга. № 9 (1939 год). Документы, касающиеся германо-польских отношений и начала военных действий между Великобританией и Германией 3 сентября 1939 года // Электронная публикация на сайте Форин офис.
- 104— Там же.
- 105— Там же.
- 106— *Porch, Douglas.* The French Secret Services. From the Dreifus Affair to the Golf War. Farrar, Straus and Giroux, New York, 1995, p. 160.
- 107— Имеющаяся в некоторых источниках информация о полном запрете на существование оперативных органов Виши неверна. Условия перемирия лишь запрещали их работу против немцев и их союзников.
- 108— *Paillole, Paule.* Fighting the Nazis. French Military Intelligence and Counterintelligence. 1935 – 1945. Enigma Books, New York, 2003, p. 164.
- 109— *Stead, Philip John.* Op. cit., p. 49.
- 110— Группу защиты (ГД) не следует путать с подпольной организацией Сопrotивления “Группа самообороны” (ГАД), впоследствии реорганизованную в “Организацию армии Сопrotивления” (ОА).
- 111— *Kozaczuk, Wladyslaw.* ENIGMA: The Key to the Secrets of the Third Reich 1933 – 45 // Interpress, 1 June, 1984.
- 112— *Thomas, Martin.* Signal Intelligence and Vichy France, 1940 – 44: Intelligence in Defeat // Allied and Axis Signal Intelligence in World War II. Edited by: David Alvarez. London – Oregon, Frank Cass Publishers, 1999, p. 184.
- 113— *Thomas, Martin.* Op. cit., p. 180.
- 114— *Paillole, Paule.* Op. cit., p. 468 (все приведенные в данном абзаце цифровые величины).
- 115— В некоторых источниках он ошибочно именуется Роже Лаффоном.
- 116— *Де Голль Шарль.* Военные мемуары. Призыв. 1940 – 1942... С. 274.
- 117— *Porch, Douglas.* Op. cit., p. 208.
- 118— *Райле, Оскар.* Указ.соч. С. 273.
- 119— *Porch, Douglas.* Op. cit., p. 234.
- 120— *Fuller, Jean Overton.* The German Penetration of SOE. France, 1941 – 1944. Bristol, George Mann of Maidstow, 1996, p. 36.
- 121— *Foot, M. R. D.* SOE in France... p. 345.
- 122— *Де Голль Шарль.* Военные мемуары. Призыв... С. 313.
- 123— Там же. – С. 154.
- 124— Там же. – С. 166.
- 125— *Porch, Douglas.* Op. cit., p. 182.
- 126— *Smith, R. Harris.* Op. cit., p. 56.
- 127— *West, Nigel.* MI6... p. 151.
- 128— *Porch, Douglas.* Op. cit., p. 199.
- 129— Ibid., p. 186.
- 130— Ibid., p. 213.

- 131— PRO, FO 371/32070.
 132— Ibid.
 133— *Porch, Douglas*. Op. cit., p. 215.
 134— *Де Голль Шарль*. Военные мемуары. Единство. 1942 – 1944. М.: “АСТ”, “Астрель”, 2003. С. 186.
 135— *Porch, Douglas*. Op. cit., p. 220.
 136— Ibid., p. 220.
 137— Ibid., p. 223.
 138— Ibid., p. 223.
 139— *Stead, Philip John*. Op. cit., p. 163.
 140— Operation “Monika” // Электронная публикация на сайте польской эмиграции во Второй мировой войне.
 141— *Fuller, Jean Overton*. Op. cit., p. 85.
 142— *Foot, M. R. D.* SOE... p. 196.
 143— *Фараго Ладислас*. Игра лисиц... С. 272.
 144— *Foot, M. R. D.* SOE in the Low Countries... p. 30.
 145— *Paillole, Paule*. Op. cit., p. 455.
 146— Электронная публикация на сайте Федерации американских ученых, раздел французских разведывательных органов.
 147— *Moravec, Frantisek*. Op. cit., p. 165.
 148— Естественно, упоминался он под фамилией прикрытия.
 149— *Stevenson, William*. Op. cit., С. 354 – 355.
 150— *Гамшик Душан, Пражак Иржи*. Бомба для Гейдриха. Документальная повесть. М.: Политиздат, 1965. С. 199.
 151— Электронная публикация на сайте Центра Симона Визенталя.
 152— *Гамшик Душан, Пражак Иржи* Указ. соч. С. 203.
 153— *Hinsley, F. H.* British Intelligence in the Second World War, Vol. 1... p. 401.
 154— Цит по: *Уэст Ричард*. Иосип Броз Тито. Смоленск: “Русич”, 1997. С. 107.
 155— Страны Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 283.
 156— *Smith, R. Harris*. Op. cit., p. 127.
 157— Советские данные. Британские источники дают принципиально иную оценку обстановки – 50 отрядов по состоянию на май 1943 года.
 158— *Шелленберг Вальтер*. Указ. соч. С. 272.
 159— *Tarrant, V. E.* The Red Orchestra. John Wiley & Sons, Inc., New York, Chichester, Brisbane, Toronto, Singapore, 1995, p. 11.
 160— Ряд исследователей ошибочно принимает оперативный псевдоним Пипе “Гарри” за его настоящее имя.
 161— *Перро Жиль*. Красная капелла. М.: ДЭМ, 1990. С. 122 – 123.
 162— *Tarrant, V. E.* Op. cit., p. 30.
 163— *Flicke, Wilhelm F.* Op. cit., p. 134.
 164— Указаны высшие звания из достигнутых перечисленными лицами.
 165— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том второй. Начало. Книга I. 22 июня – 31 августа 1941 года. М.: “Русь”, 2000. С. 648.
 166— Там же. – С. 648.
 167— *Шелленберг Вальтер*. Указ. соч. С. 199.
 168— Там же. – С. 22.
 169— Там же. – С. 205.
 170— Там же. – С. 211.
 171— Там же. – С. 210.
 172— Там же. – С. 205.
 173— Цит по: *Судоплатов Андрей*. Указ. соч. С. 419.
 174— Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. Том II. Преступления против мира. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. С. 794.
 175— *Дашичев В. И.* Указ. соч. С. 175.
 176— Там же. – С. 178 – 179.
 177— Там же. – С. 179.
 178— *Lefevre, Eric.* Brandenburg Division. Commandos of the Reich. Histoire & Collections, Paris, 2000, p. 58.
 179— *Мадер Юлиус*. Империализм... С. 99.
 180— *Kahn, David.* Hitler's Spies. German Military Intelligence in World War II. Da Capo Press, 2000, pp. 244 – 245.
 181— Ibid., pp. 246 – 247.
 182— *Фараго Ладислас*. Игра лисиц... С. 164.
 183— *Колвин Иан*. Двойная игра. М.: Воениздат, 1960. С. 328.
 184— *Kahn, David*. Op. cit., p. 269.
 185— *Kurowsky, Franz.* The Brandenburg Commandos: Germany's Elite Warrior Spies in World War II. Stackpole Books, Mechanics, PA, 2005, p. 353.
 186— *Гелен Райнхард*. Служба. М.: “ТЕРРА” – “TERRA”, 1997. С. 95.
 187— *Дашичев В. И.* Указ. соч. С. 173.
 188— NARA. RG 457. SRH-373, pp. 51 – 52, 58, 73.
 189— *Дашичев В. И.* Указ. соч. С. 175.
 190— *Flicke, Wilhelm F.* Op. cit, p. 124.
 191— *Budiansky, Stephen*. Op. cit., p. 290.
 192— *Mackenzie, W. J. M.* Op. cit., p. 694.
 193— *Quibble, Anthony.* Alias George Wood // Studies in Intelligence. Volume X, Issue 1, (Winter 1966), p. 69.
 194— *Wilson, John D.* A Work with Donovan // Studies in Intelligence, 1994, Vol. 37, No. 5, p. 66.
 195— В течение непродолжительного времени он использовал псевдоним “Джордж Уинтер”, вскоре замененный на “Джордж Вуд”.
 196— Электронная публикация на официальном сайте Службы внешней разведки Российской Федерации.
 197— *Берия Серго*. Мой отец – Лаврентий Берия. М.: “Современник”, 1994. С. 129.
 198— Там же. – С. 151.
 199— Некоторые исследователи не признают факт проведения этого матча.
 200— *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии. Исторический очерк. М.: “Наука”, 1980. С. 690.
 201— *Луттиис Джузеппе де*. Указ. соч. С. 39.
 202— *Колвин Иан*. Двойная игра. М.: Воениздат, 1960. С. 324.
 203— *Foot, M. R. D. and Langley, J. M.* MI 9. Escape and Evasion. 1939 – 1945. Little, Brown and Company – Boston – Toronto, 1980, pp. 113 – 114.

- 204— *Hoettl, Wilhelm*. The Secret Front. The Inside Story of Nazi Political Espionage. London, Phoenix Press, 2000, p. 231.
- 205— *Скорцени Оммо*. Указ. соч. С. 63.
- 206— *Corvo, Max*. The O.S.S. in Italy. 1942 – 1945. A Personal Memoir. “PRAEGER”, New York; Westport, Connecticut; London, 1990, pp. 124 – 125.
- 207— *Smith, R. Harris*. Op. cit., p. 102.
- 208— *Flicke, Wilhelm F.* Op. cit., p. 184.
- 209— *Corvo, Max*. Op. cit., p. 217.
- 210— Special Text. Counter Intelligence Corps... p. 33.
- 211— *Corvo, Max*. Op. cit., p. 270.
- 212— Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне... С. 30.
- 213— Там же. – С. 31.
- 214— *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ. Указ. соч. С. 508.
- 215— *Недев Нею*. Тайная война, или Летопись жизни доктора А. Пеева и генерала Н. Никифорова. София: “Свят”, 1988. С. 81.
- 216— Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне... С. 34.
- 217— Там же. – С. 35.
- 218— *Kahn, David*. Hitler’s Spies. German Military Intelligence In World War II. Da Capo Press, 2000, p. 314.
- 219— *Ibid.*, p. 315.
- 220— *Ibid.*, p. 317.
- 221— Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. М.: Госполитиздат, 1946. С. 183.
- 222— Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне... С. 193.
- 223— *Валева Е. Л.* и др. История стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке. М.: Профиздат, 1997. С. 248.
- 224— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том I. Накануне. Книга первая... С. 127.
- 225— “СМЕРШ”. Исторические очерки и архивные документы. М.: Издательство Главархива Москвы; ОАО “Московские учебники и Картолитография”, 2003. С. 139.
- 226— Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне... С. 193 – 194.
- 227— Там же. – С. 195.
- 228— Удилов В. Н. Записки контрразведчика (взгляд изнутри). М.: “Ягуар”, 1994. С. 150.
- 229— Там же. – С. 185.
- 230— *Alvarez, David*. Axis SIGINT Collaboration: A Limited Partnership // Allied and Axis Signal Intelligence in World War II. Edited by: David Alvarez. London – Oregon, Frank Cass Publishers, 1999, p. 3.
- 231— *Kahn, David*. Op. cit., p. 336.
- 232— *Фараго Ладислас*. Игра лисиц... С. 235 – 242.
- 233— Там же. – С. 242.
- 234— *Hoettl Wilhelm*. The Secret Front. The Inside Story of Nazi Political Espionage. London, Phoenix Press, 2000, p. 223.
- 235— League of Nations, Official Journal 1939, p. 506 (Council Resolution).
- 236— *Руге Фридрих*. Война на море. 1939 – 1945. Санкт-Петербург – Москва, “Полигон”, 1999. С. 82 – 83.
- 237— *Носков А. М.* Указ. соч. С. 202.
- 238— *Foot, M. R. D. and Langley, J. M.* Op. cit., p. 313.
- 239— *Ibid.*, p. 244 – 245
- 240— *Kahn, David*. Hitler’s Spies. German Military Intelligence In World War II. Da Capo Press, 2000, p. 177.
- 241— Приведенная в четвертом томе Очерков истории российской внешней разведки информация о его прибытии в Швейцарию в феврале 1943 года ошибочна.
- 242— *Smith, R. Harris*. Op. cit., p. 204.
- 243— *Wilson, John D.* Op. cit., p. 64.
- 244— *Фараго Л.* Дом на Херрен-стрит... С. 142 – 143.
- 245— *Wilson, John D.* Op. cit., p. 65.
- 246— *Read, Anthony and Fisher, David*. Operation Lucy. Most Secret Spy Ring of the Second World War. New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1981, p. 112.
- 247— *Фельфе Хайнц*. Мемуары разведчика. Шпионаж в пользу войны. Разведка в пользу мира. М.: Политиздат, 1988. С. 78.
- 248— Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Том второй. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М.: Госполитиздат, 1957. С. 292
- 249— Генерал-полковник Генрих фон Витингоф-Шеель – главнокомандующий войсками группы армий “Ц”.
- 250— *Даллес Аллен*. Тайная капитуляция. М.: “Центрполиграф”, 2002. С. 174.
- 251— Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Том второй... С. 206.
- 252— Там же. – С. 207.
- 253— Masson, Reorganisation interue, 5 August 1942. Bar E 27/9520.
- 254— BAГ E 27/10095, vol. 2.
- 255— Все данные по: *Braunschweig, Pierre Th.* Secret Channel to Berlin. The Masson – Schellenberg Connection and Swiss Intelligence in World War II. CASEMATE, Philadelphia, 2004, p. 63.
- 256— France pendant l’année 1941. Bar E 27/14852. Агенты совершали в основном краткосрочные (от нескольких часов до трех суток) поездки.
- 257— BAГ E 27/14851.
- 258— *Braunschweig, Pierre Th.* Op. cit., p. 89. Надо полагать, указанная величина относится не к агентам, как таковым, а суммирует все заброски агентов, то есть, если один из них направлялся за кордон 23 раза, то в статистике это учитывается как 23 агента. В противном случае приведенный показатель несоразмерно велик.
- 259— *Steury, Donald P.* The OSS and Project SAFEHAVEN // Studies in Intelligence, Summer 2000, No. 9.
- 260— Электронная публикация на сайте швейцарского Исследовательского центра политики в области безопасности и изучения конфликтов.
- 261— *Steury, Donald P.* Op. cit.
- 262— *Steury, Donald P.* Op. cit.
- 263— *Flicke, Wilhelm F.* Op. cit., p. 190.
- 264— *Радо Шандор*. Указ. соч. С. 61 – 62.
- 265— Там же. – С. 66.
- 266— Там же. – С. 100.
- 267— ЦА МО РФ. Оп. 24121, д. 3, л. 441.
- 268— ЦА МО РФ. Оп. 24121, д. 3, л. 485.

- 269— ЦА МО РФ. Оп. 24121, д. 3, л. 599.
 270— ЦА МО РФ. Оп. 24121, д. 3, л. 616.
 271— ЦА МО РФ. Оп. 24121, д. 3, л. 693.
 272— ЦА МО РФ. Оп. 24121, д. 3, л. 148.
 273— ЦА МО РФ. Оп. 24121, д. 3, л. 730.
 274— ЦА МО РФ. Оп. 24121, д. 3, л. 753.
 275— *Пецкерский Владимир*. “Красная капелла”. Советская разведка против абвера и гестапо. М.: “Центрполиграф”, 2000. С. 235.
 276— *Thomas, Louis. Alexander Rado* // *Studies in Intelligence*. Volume XII, Issue 3, (Summer 1968), p. 59.
 277— *Радó Шандор*. Указ. соч. С. 284.
 278— *Thomas, Louis*. Op. cit., p. 47.
 279— *Read, Anthony and Fisher, David*. Op. cit., p. 132.
 280— *P. Accoce and P. Quet, P.* La Guerre a été Gagnée en Suisse. Librairie Academique Perrin, 1966.
 281— *Радó Шандор*. Указ. соч. С. 3.
 282— *Flicke, Wilhelm F.* Op. cit., p. 153.
 283— *Thomas, Louis*. Op. cit., p. 84.
 284— *Kahn, David*. *The Codebreakers...* p. 481.
 285— Все цифровые и технические данные приведены по: *Ulfving, Lars*. *Geheimschreiber hemlibhet. Arne Beurling och den svenska signalspaningens framgångar* // *I Orkanus Öga*, 1941 – *Osäker neutralitet*. Probus Förlag, Stockholm, 1992. Существовали и некоторые вариации этой техники, упомянутые в главе о Великобритании.
 286— Использовались также и обозначения в форме T-52-A и т. д.
 287— *McKay, C. G.* Op. cit., p. 77.
 288— *Ibid.*, p. 162.
 289— *Шнеер Альберт*. Указ. соч. С. 392.
 290— *Сориа Жорже*. Указ. соч. С. 307.
 291— *Alba, V.* *La Historia de la República Española*. México, 1956, p. 264.
 292— Сохраняя при этом британское подданство.
 293— *Фараго Ладислас*. *Игра лисиц...* С. 163.
 294— Там же. – С. 164 – 165.
 295— *Steury, Donald P.* Op. cit.
 296— *Шелленберг Вальтер*. Указ. соч. С. 119.
 297— Там же. – С. 126.
 298— Там же. – С. 126.
 299— SRS 1075, 2 September, 1943.
 300— *Ibid.*
 301— *Ibid.*
 302— *Ibid.*
 303— *Ibid.*
 304— *Bryden, John*. Op. cit., p. 194.
 305— *Kurowsky, Franz*. Op. cit., pp. 68 – 69.
 306— *Alvarez, David, Graham, Robert A.* *Nothing Sacred: Nazi Espionage Against the Vatican, 1939-1945*. Frank Cass Publishers, London, 1997, p. 151.
 307— “Bericht über die Arbeitstagung der Kirchen-Sachbearbeiter beim Reichssicherheitshauptamt am 22, und 23 September 1941”, Institut für Zeitgeschichte, Munich (Protocol 4920/72/ Fa 218, p. 3).
 308— См., например: *Alvarez, David*. *Spies in the Vatican. Espionage & Intrigue from Napoleon to the Holocaust*. Kansas University Press, Lawrence, 2002.
 309— *Ibid.*, p. 270.
 310— См., например: *Усачев В.* *Разведчики в сутанах* // *Новости разведки и контрразведки*, 1998, № 6 (111). Этот автор утверждает даже, что “секретные агенты Бюро информации под видом благотворительной деятельности...снабжали население оккупированных территорий радиоприемниками, литературой, устраивали побег из лагерей нужным людям и скрывали их, а также добывали информацию любыми доступными им средствами и способами”. Подобный иллюзорный взгляд на деятельность Ватикана был особенно характерен для советской пропаганды в 1970-е – 1980-е годы.
 311— Германское дипломатическое представительство в Дублине имело статус миссии, однако ее главе был присвоен ранг не посланника, а посла.
 312— *Bundesarchiv – Militärarchiv, RWT / v. 497, Abwehr II Kriegstagebuch*, 29 Oct. 1939.
 313— *Bell, J. Bowler*. *The Secret Army – The IRA 1916 – 1979*. Dublin: Poolbeg Press, 1989, pp. 202 – 203.
 314— IMA G 2/3048, Garda report, 9 Sept. 1941.
 315— G2/1722. “Illicit contacts and communications between Spain and Ireland, 1946”.
 316— Цит. по: *Hull, Mark M.* *Irish Secrets. German Espionage in Wartime Ireland. 1939 – 1945*. Irish Academic Press, Dublin, Portland, OR., 2003, p. 233.
 317— *Никольский Виталий*. *Аквариум-2*. М.: “Гея”, 1997. С. 45.
 318— *Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том второй. Начало. Книга I...* С. 136.
 319— *Сталин И.* *О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М.: “Крафт+”, 2002. С. 13.
 320— Однако уже в ближайшие дни войну перестали рассматривать как своего рода военную интервенцию.
 321— *Судоплатов Павел*. *Разные дни тайной войны и дипломатии...* С. 257 – 258.
 322— *История советских органов государственной безопасности...* С. 330.
 323— *Остряков С. З.* *Военные чекисты*. М.: Воениздат, 1979. С. 142.
 324— *Kahn, David*. *Hitler’s Spies...* p. 269.
 325— Данные приведены по: *Мельтохов М. И.* *Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 – 1941 (документы, факты, суждения)*. М.: “Вече”, 2000. С. 477 – 478.
 326— *История советских органов государственной безопасности...* С. 329.
 327— В предшествовавший период в названиях органов военной контрразведки номер указывался прописью (“Третий”), однако после начала войны для этой цели начали использовать цифры.
 328— Прописные буквы употребляются в данной книге только при цитировании первоисточника. В остальных случаях к термину “особые отделы” применяется современное правописание с употреблением строчных букв.
 329— 1941 год. В 2-х книгах. Книга вторая. М.: “Демократия”, 1998. С. 473 – 474.
 330— Использование труда заключенных, имеющих специальные технические знания.
 331— А не постановление ЦК ВКП (б) от 18 июля 1941 года “Об организации борьбы в тылу германских войск”, как об этом иногда ошибочно сообщается, например в кн.: *А. И. Колпакиди, Д. П. Прохоров*. *Внешняя разведка России*. СПб.: “Нева”

- М.: “ОЛМА-ПРЕСС”, 2001. С. 40. В указанном постановлении задачи внешней разведки даже не упоминаются, что, собственно, ясно из самого его названия.
- 332— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том второй. Начало. Книга II (1 сентября – 31 декабря 1941 года). М.: “Русь”, 2000. С. 163.
- 333— *Сталин, И.* О Великой Отечественной войне... С. 36.
- 334— История советских органов государственной безопасности... С. 349.
- 335— Там же. – С. 350.
- 336— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том третий. Книга 1. Крушение “блицкрига”. 1 января – 30 июня 1942 года. М.: “Русь”, 2003. С. 9.
- 337— Там же. – С. 352.
- 338— Военно-исторический журнал, 1968, № 3. С. 67.
- 339— Цит по: *Белозеров Б. П.* Фронт без границ. 1941 – 1945 гг. (Историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада). СПб.: “РДК-принт”, 2001. С. 217.
- 340— Там же. – С. 217.
- 341— Труды Высшей школы КГБ. 1971, № 2. С. 216.
- 342— *Коровин В. В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М.: Русь” 2003. С. 295.
- 343— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том третий. Книга 1... С. 131.
- 344— Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1942 – 1945. Сборник материалов. М.: “Наука”, 1976. С. 76.
- 345— Сборник КГБ, 1965 год, № 1. С. 7.
- 346— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том третий. Книга 1... С. 24 - 25
- 347— Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. 1941 – 1945 гг. Петрозаводск: КНИЦ РАН, 1999. С. 221 – 222.
- 348— “СМЕРШ”. Исторические очерки... С. 213 – 214.
- 349— Там же. – С. 214.
- 350— ГАРФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 686, л. 59 – 64.
- 351— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том третий. Книга 2. От обороны к наступлению. 1 июля – 31 декабря 1942 года. М.: “Русь”, 2003. С. 232.
- 352— *Авзегер Леопольд.* Черный кабинет. Записки тайного цензора МГБ. Тель-Авив: “Хокен”, [1992]. С. 109.
- 353— *Барышников В. Я., Тарасов Д. П.* Радиоигры. М.: Изд. ВШ КГБ, 1964. С. 8. Лексика первоисточника сохранена.
- 354— Речь идет только о радиоиграх НКГБ.
- 355— *Чайковский А. С.* Плен. За чужие и свои грехи. Военнопленные и интернированные в Украине 1939 – 1953. Киев: Парламентское издательство, 2002. С. 290 – 291.
- 356— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том третий. Книга 2... С. 102.
- 357— Название является вводящим в заблуждение, поскольку Отдел “В” НКГБ СССР военной цензурой не руководил. В рассматриваемый период эту деятельность осуществлял 8-й отдел РУ, с февраля по октябрь 1942 года – Отдел военной цензуры ГРУ ГШ КА, затем по сентябрь 1943 года – Отдел центральной военной цензуры НКО, а позднее – Управление военной цензуры генерального штаба Красной Армии.
- 358— В различных источниках, в том числе и официальных, название ГУКР и его периферийных органов обозначалось то полностью заглавными буквами, то, как обычное имя собственное, с первой заглавной буквой. Во избежание путаницы, в данной книге везде принят первый вариант написания, за исключением цитирования нескольких документов, в которых оно приводится по первому варианту.
- 359— *Остряков С. З.* Указ. соч. С. 179.
- 360— Цит по: *Коровин В. В.* История отечественных органов безопасности... С. 169.
- 361— Лубянка, 2... С. 232.
- 362— “СМЕРШ”. Исторические очерки... С. 75.
- 363— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том третий. Книга 1... С. 63.
- 364— *Гелен Райнхард.* Служба. Москва. М.: “ТЕРРА”, 1997. С. 90 – 91.
- 365— Его последнее звание в Красной Армии.
- 366— Цит. по: *Колесник Александр.* РОА – власовская армия. Судебное дело А. А. Власова. Харьков: “Простор”, 1990. С. 51.
- 367— German Military Intelligence, 1939 – 1945. Military Intelligence Dept., U. S. War Office. University Publication of America, Frederick, Maryland, 1984, p. 9.
- 368— Малярский пользовался именами Исидор и Михаил.
- 369— Лубянка, 2... С. 248.
- 370— *Скорцени Отто.* Указ. соч. С. 179.
- 371— Ранее это спецподразделение люфтваффе именовалось Трсп.Ф1.Сп5.
- 372— *Скорцени Отто.* Указ. соч. С. 185 – 186.
- 373— Входила составной частью в операцию “Туман”, имевшую более широкий круг задач.
- 374— См., например: *Соколов Борис.* Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб. М.: “Вече”, 2000. С. 301.
- 375— Практически во всех документах этот тяжелый транспортный самолет ошибочно именуется “Арадо-332”. В действительности машины с таким обозначением не существовало.
- 376— “Арадо-232” был выпущен в количестве 3 опытных и 7 (по другим данным, 8) предсерийных экземпляров.
- 377— *Телицын Вадим.* “СМЕРШ”: операции и исполнители. Смоленск, “Русич”, 2000. С. 257 – 261.
- 378— С этим специфическим явлением автору при написании данной книги пришлось лично столкнуться дважды. В первом случае бывший разведчик из оперативных органов погранвойск на Дальнем Востоке всерьез утверждал, что в 1941 году едва не спас Зорге. По его заявлению, он получил приказание выйти в море на одном из сторожевых кораблей Тихоокеанского флота и подобрать на границе территориальных вод Японии шлюпку с агентом “Рамзаем”. В последний момент операция была якобы отменена. В другом случае бывший младший офицер “СМЕРШ” в подробностях живописал свою воображаемую работу по охране Сталина в трех его поездках на 1-й Белорусский фронт. Как видим, у ветеранов нередко разыгрывается фантазия, и в результате они и сами уже не могут отличить вымысел от действительности.
- 379— “СМЕРШ”. Исторические очерки... С. 307.
- 380— Труды Высшей школы КГБ, 1971 год, № 2. С. 153.
- 381— “СМЕРШ”. Исторические очерки... С. 244.
- 382— Там же. – С. 104.
- 383— *Тимохович И. В.* Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1976. С. 124, 213, 221.
- 384— Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (22 июня 1941 г. – 1942 г.). М.: “Терра”, 1997. С. 348 – 349.

- 385— *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М: Воениздат, 1972. С. 184.
386— *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1973. С. 254.
387— Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943 – 1945 гг.). М: “Тerra”, 1997. С. 124 – 125.
388— *Kahn, David.* The Codebreakers. The Story of Secret Writing. Weidenfeld and Nicolson, London, 1967, p. 649.
389— Цит. по: *Лота Владимир.* Тайные операции Второй мировой. Книга о военной разведке. 1944 год. М.: “Молодая гвардия”, 2006. С. 325 – 326.
390— Подсчитано по: “Совершенно секретно! Только для командования!” Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: “Наука”, 1967. С. 726 – 729.
391— *Лота Владимир.* Тайные операции... С. 367.
392— Там же. – С. 368.
393— *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933 – 1945. Т. 3. М.: Воениздат, 1976. С. 338.
394— Там же. – С. 223.
395— Там же. – С. 329.
396— *Вейдеман Альфред.* Каждый человек на своем посту // Итоги второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.: “Полигон”, М.: АСТ, 1998. С. 295.
397— Существуют и иные оценки (12,07 млн. чел и др.), но ни одна из них не опускается ниже 10,2 миллиона человек.
398— Цит. по: *Лота Владимир.* Тайные операции... С. 326 – 327.
399— “Совершенно секретно!...” С. 699.
400— Цит. по: *Лота Владимир.* Тайные операции... С. 329.
401— *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933 – 1945 гг. М: “Центрополиграф”, 2003. С. 726 – 727.
402— *Prin, Alfred.* The Luftwaffe Data Book. Greenhill Books, 1997, pp. 57 – 73.
403— *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии... С. 728 – 729.
404— *Prin, Alfred.* Op. cit., pp. 92 – 141.
405— ГАРФ. Ф. 9401, оп. 2, д. 67, л. 275.
406— Директива НКВД СССР № 48 о работе органов госбезопасности на оккупированной территории. 10 февраля 1943 года // 3 архивів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 2000, № 1 (12). С. 29.
407— Сохранена формулировка первоисточника.
408— Лубянка, 2... С. 233.
409— *Судоплатов Павел.* Разведка и Кремль... С. 153.
410— Отчетный доклад о боевой и агентурно-оперативной работе 4-го управления НКГБ УССР в 1941 – 1945 гг. // 3 архивів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. 1995, № 1/2 (2/3). С. 20.
411— Там же. – С. 24.
412— Там же. – С. 26 – 27.
413— Там же. – С. 27.
414— *Белозеров Б. П.* Указ. соч. С. 135 – 136.
415— Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК – КГБ 60 лет. М.: Воениздат, 1978. С. 276 – 277.
416— Лубянка, 2... С. 232.
417— Abwehr Leitstelle III Ost. “Vorschlag zur Aktivierung der Irreführung des gegen Ostfront gerichteten Sowjet Auf-Klarungsdienstes”, 8 Jan. 1945, NAM T78/488.
418— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том второй. Начало. Книга I... С. 164.
419— Там же. – С. 138 – 139.
420— РЦХИДНИ. Ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 27 – 42. Цит по: Иван Білас. Репресивно-каральна система в Україні. 1917 – 1953. Київ: “Либідь” – “Військо України”, 1994. С. 320 – 321.
421— Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943 – 1945 гг.)... С. 129.
422— Там же. – С. 294 – 295.
423— Очерки истории российской внешней разведки. Том 4... С. 32.
424— Приверженцы ОУН-Б обычно именуют данный документ Актом о воссоздании независимого Украинского государства, что затушевывает политическую неграмотность его авторов, не подумавших о том, что таким образом они как бы отменяют Четвертый Универсал Украинской Центральной Рады от 22 января 1918 года, которым было провозглашено независимое украинское государство.
425— *Боровець Тарас.* Армія без держави. Слава і трагедія українського повстанського руху. Спогади. Вінніпег: “Волинь”, 1981. С. 113.
426— Там же. – С. 110.
427— Litopys UPA, Volume 21. The UPA in Light of German documents. Book Three: June 1941 – May 1943 // Электронная публикация на сайте украинской диаспоры в Канаде.
428— Ibid.
429— Справедливость требует отметить, что, в частности, трагедия в Бабьем Яре практически полностью исполнена руками не немцев, лишь отдававших общие указания, а украинских полицейских.
430— *Боровець Тарас.* Указ. соч.. С. 254.
431— Термин обозначает бывшие украинские земли, отошедшие к Польше и расположенные за так называемой “линией Керзона” (Холмщина, Подлясье, Надсянье, Лемковщина).
432— РЦХИДНИ, Ф. 69, оп. 1, д. 1033, л. 1 – 2.
433— *Ресурс Интернет.* Litopys UPA, Volume 7. The UPA in Light of German documents. Book Two: June 1944 – April 1945.
434— *Веремеев Ю.* Чечня. 1920 – 41 годы // Электронная публикация на военно-историческом сайте “Анатомия армии”
435— *Пыхалов Игорь.* “Кавказские орлы Третьего рейха” // “Спецназ России”, 2001, № 10 (61).
436— *Kolakowski, Piotr.* Op. cit., p. 164.
437— Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Том второй. Начало. Книга I... С. 493.
438— 17 March 1943, 300 Russ (1), Sec.2, Box 100, Map Room, Roosevelt Library.
439— *Smith, Bradley F.* Sharing Secrets with Stalin. How the Allies Traded Intelligence, 1941 – 1945. University Press of Kansas, 1996, p. 144.
440— Английская разведка. М.: Изд. ВШ КГБ при СМ СССР, 1963. С. 31.
441— История советских органов государственной безопасности... С. 106 – 107.
442— Очерки истории российской внешней разведки. Том 3... С. 664.
443— Там же. – С. 666.
444— *Smith, Bradley F.* Op. cit., p. 237.

Монографія

ЛАНДЕР Ігор Йосипович

НЕГЛАСНІ ВІЙНИ.
Історія спеціальних служб. 1919 – 1945

Російською мовою

Книга у авторській редакції
Науковий редактор – *Шкляєв І. М.*
Верстка – *Остров С.В.*
Коректор – *Неліна Н.А.*
Художник – *Резніков А. В.*
Обкладинка – *Жеревчук В.В.*

Замовлення № 51
Підписано до друку
Формат 204 х 295
Папір офсетний
Гарнітура Lazursky
Фіз. друк. арк.
Ум. друк. арк.
Тираж 500

Видавництво “Друк”
Свідоцтво № 295 від 15.12.2000
Одеса, вул. Канатна, 83, оф. 709
Тел. (048) 728 37 50
e-mail druk@neu.od.ua